LUX
LIBERTAS

ОЧЕРКИ
ИЗЪ
РУССКОЙ ИСТОРІИ

XVIII-го вѣка.

Съ приложеніемъ Очерковъ изъ древне-русской жизни и изъ исторіи до Петровскаго, переходнаго времени.

СОСТАВИЛЪ
В. Водовозовъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Ф. С. Сущинскаго.
Екатерининскій каналъ, 168.
1882.

Посвящаю

въ знакъ дружбы

Василію Ивановичу

Семевскому.

В. Водовозовъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящіе «Очерки» обнимаютъ время отъ царствованія Алексѣя Михайловича до вступленія на престолъ императора Александра I; но въ до-Петровской Руси я ограничиваюсь лишь нѣкоторыми характеристиками (Древняя Русь, Никонъ, Западно-русскіе ученые), имѣющими значеніе лишь для ознакомленія съ общимъ положеніемъ государства и народа въ древней Россіи и съ переходнымъ временемъ, которое подготовило реформу Петра I; главною цѣлью книги было представить въ болѣе или менѣе полномъ и послѣдовательномъ разсказѣ всѣ событія русской исторіи въ XVIII-мъ вѣкѣ. Однако я оставляю за своей книгой названіе «Очерковъ», такъ какъ не стѣснялся излагать нѣкоторыя части русской исторіи XVIII-го вѣка подробнѣе, чѣмъ другія, отчасти потому, что мнѣ представлялось для изложенія ихъ болѣе матеріала, отчасти потому что считалъ ихъ болѣе важными. Читатель, вѣроятно, не попеняетъ на меня, что болѣе половины моей книги занимаетъ царствованіе Екатерины II и въ немъ всего подробнѣе разсказаны такія событія, какъ Комиссія Уложенія, дѣятельность Потемкина, польскія дѣла, Пугачевскій бунтъ. Предметомъ моихъ «Очерковъ» служитъ столько же исторія политическая, сколько описаніе характеровъ и исторія быта: для характеристики общества въ данную эпоху у меня представлены и особыя статьи. Въ настоящей книгѣ, кромѣ сочиненій Соловьева и Костомарова, я по возможности воспользо-

вался всѣми главнѣйшими изслѣдованіями по нашей исторіи XVIII-го вѣка, каковы труды В. И. Семевскаго (Крестьяне въ царствованіе Екатерины II), Бѣляева (Крестьяне на Руси), Соколовскаго (Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія въ юговосточной Россіи), Скальковскаго (Исторія новой Сѣчи), Побѣдоносцева (Историческій очеркъ крѣпостнаго права), Рябинина (Уральское казачье войско), Лазаревскаго (Малороссійскіе посполитые крестьяне, въ запискахъ Черниг. стат. Ком.), Романовича-Славатинскаго (Дворянство въ Россіи), Знаменскаго (Приходское духовенство), Сергѣевича (Земскіе Соборы), Лебедева (Графы Панины), Градовскаго (Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи), Владимірскаго-Буданова (Государство и народное образованіе въ Россіи съ XVII-го вѣка), Воронова (Ѳедоръ Ивановичъ Янковичъ-де-Миріево), Семенова (О россійской внѣшней торговлѣ и промышленности), Михневича (Очеркъ исторіи музыки); также труды Щебальскаго, Мордовцева (особенно по исторіи Пугачевскаго бунта), и другія. Рядомъ съ этими сочиненіями мнѣ служили матеріаломъ и непосредственные источники, какъ то: записки Берхгольца, Екатерины II (также какъ и ея письма), Сегюра, Данилова, Болотова, Порошина, Державина, Щербатова, Грибовскаго, Храповицкаго, Шаховскаго, Бибикова, Энгельгардта, Гарновскаго, Мертваго, Рунича, Рычкова (въ приложеніи къ исторіи Пугачевскаго бунта Пушкина), разнаго рода памятники, помѣщенные въ «Русской Старинѣ», въ «Сборникѣ Историческаго Общества» (томъ IV и VIII, свѣдѣнія о Екатерининскй комиссіи для составленія Новаго Уложенія), и проч. Въ нѣкоторыхъ статьяхъ я ограничивался изложеніемъ предмета уже по разработаннымъ матеріаламъ: такъ въ статьяхъ о польскихъ дѣлахъ при Екатеринѣ II я преимущественно слѣдовалъ прекрасной книгѣ Костомарова: «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой»; въ изложеніи церковныхъ дѣлъ я держался книги Знаменскаго; свѣдѣнія о положеніи крестьянъ при Екатеринѣ II мною заимствованы преимущественно изъ трудовъ В. И. Семевскаго и проч. Другія статьи (какъ, напримѣръ, о Комиссіи Уло-

женія, о Потемкинѣ, о Пугачевскомъ бунтѣ) обработаны мною въ значительной степени по непосредственнымъ источникамъ. Въ заключеніе считаю долгомъ принести благодарность В. И. Семевскому за сдѣланныя имъ въ настоящемъ моемъ трудѣ многія указанія.

В. Водовозовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ДОПЕТРОВСКАЯ РУСЬ.

1) Общественное устройство въ допетровской Руси.

Русское государство устроивалась не такъ, какъ государства въ западной Европѣ. Тамъ завоеватели, германцы, шли съ сѣверовостока на югозападъ, въ болѣе плодоносныя, болѣе роскошныя по климату и по почвѣ и болѣе образованныя римскія провинціи. Они довольно тѣсно садились племенами, сохраняя близкую связь между собою. Подѣливъ между собою земли, они уже крѣпко на нихъ держались; каждый владѣлецъ впослѣдствіи укрѣплялъ свой участокъ каменнымъ замкомъ въ видѣ небольшой крѣпости, обыкновенно стоявшей на неприступной скалѣ: высокія башни, толстыя стѣны, глубокій ровъ съ подъемнымъ мостомъ придавали такому замку еще болѣе грозный видъ. Отсюда владѣлецъ господствовалъ надъ окрестнымъ, покореннымъ народомъ, надъ своими поселянами, которые были у него въ полномъ рабствѣ. Но и самъ онъ, если не имѣлъ довольно земли и людей, долженъ былъ трепетать передъ другимъ, болѣе сильнымъ владѣльцемъ, и потому искалъ его покровительства, становился его вассаломъ, то есть, выговаривая себѣ защиту, обязывался, въ случаѣ нужды, помогать своему покровителю, или сюзерену, войскомъ, деньгами, оказывать ему и другія услуги, оставаясь однако въ своихъ земляхъ полновластнымъ владѣльцемъ. Сильный дѣлалъ то-же самое въ отношеніи другаго, еще болѣе сильнаго, и самъ король былъ только сильнѣйшимъ изъ владѣльцевъ, у котораго остальные служили вассалами, покоряясь ему лишь условно и до тѣхъ поръ, пока имъ заблагоразсудится. Въ этой, такъ называемой *феодальной* системѣ образовалось и окрѣпло въ западной Европѣ могущественное *дворянство*, соединенное въ одно сословіе общими выгодами и дружно стоявшее за свои права. Рядомъ съ нимъ укрѣпилось и *духовенство*, точно также опираясь на владѣніе землею. Папа имѣлъ

не только духовную власть, но и былъ наиболѣе сильнымъ изъ владѣльцевъ. Подчиненные ему архіепископы и епископы точно также жили въ укрѣпленныхъ замкахъ и имѣли свои войска; монастыри тоже походили на крѣпости. Духовенство могло бороться со свѣтскими владѣльцами не только духовною силою, но и оружіемъ, не говоря уже о томъ, что, въ силу своей духовной власти, оно всегда могло поднять одного свѣтскаго владѣльца на другаго. Связь его членовъ между собою была еще крѣпче по причинѣ строгаго и добровольнаго подчиненія уставу, какое, во имя братства, налагали на себя монашескія ордена. Но кромѣ этихъ двухъ сословій, въ средніе вѣка, въ Европѣ возникло еще *третье*, городское. Города разбогатѣли чрезъ промышленность и торговлю; ихъ населеніе, тѣсно сплоченное на одномъ мѣстѣ, все увеличивалось. Между тѣмъ рыцари-дворяне, привыкнувъ жить на чужой счетъ и не зная другаго труда, кромѣ искусства владѣть оружіемъ, должны были бѣднѣть и естественно поддерживали себя однимъ грабежемъ. Города огородились отъ нихъ крѣпкими стѣнами и также составили между собою тѣсный союзъ. Короли, желая возвысить свою власть, стали искать въ нихъ поддержки, и потому давали имъ много правъ: подобно дворянству и духовенству, скоро и третье сословіе, то есть купцы и ремесленники, стали управляться въ своихъ дѣлахъ независимо. Силою труда оно наконецъ пріобрѣло первенство и надъ воинскимъ, дворянскимъ сословіемъ, послѣ того, какъ, вслѣдствіе большей безопасности, исключительное упражненіе въ воинскомъ искусствѣ перестало быть необходимымъ, да и каждый гражданинъ получилъ право носить оружіе и съ одинаковыми преимуществами участвовать въ защитѣ государства. Бѣднѣйшіе изъ дворянъ, конечно, скоро перешли въ третье сословіе; другіе стали мирно заниматься земледѣліемъ на своихъ земляхъ; войскомъ распоряжались уже представители всего государства, а не отдѣльныя лица или сословія. Такимъ образомъ, все усиливаясь, третье сословіе, съ конца прошлаго столѣтія, становится уже во главѣ управленія, такъ какъ къ нему присоединилась и наиболѣе образованная часть общества: адвокаты, ученые, литераторы. Въ нынѣшнихъ европейскихъ парламентахъ, оно, чрезъ своихъ выборныхъ, рѣшаетъ всѣ дѣла, и лишь въ послѣднее время опаснымъ врагомъ ему явилось *четвертое сословіе*, преимущественно рабочіе, которые, находясь покамѣстъ въ рукахъ капиталистовъ-фабрикантовъ, также домогаются своей самостоятельности.

Ничего подобнаго этому не было въ нашей допетровской Руси. Славянскія племена пришли первоначально съ Дуная и все оттѣсняемы были къ сѣверовостоку. Со временъ Олега началось движеніе славянскихъ

дружинъ на югъ, въ болѣе плодородныя приднѣпровскія мѣстности. Тутъ, въ Кіевѣ, утвердился и великокняжескій престолъ. Но нашествія печенѣговъ, половцевъ и другихъ азіатскихъ народовъ, вмѣстѣ съ постоянными распрями князей между собою, сильно ослабили это южное государство. Уже до татаръ, при Андреѣ Боголюбскомъ, опять начинается движеніе народа на сѣверовостокъ, въ дикій и лѣсной, но болѣе безопасный край верхняго Приволжья. Русское государство устроилось не чрезъ завоеваніе одного народа другимъ, ему чуждымъ, какъ это было на западѣ. Варяжскіе князья призваны были добровольно, для устройства порядка; ихъ иноземныя дружины были такъ ничтожны, что скоро совсѣмъ потерялись въ славянскомъ населеніи. Если потомъ Олегъ соединяетъ всѣ славянскія племена, то уже съ помощью славянскихъ дружинъ, и большая часть этихъ племенъ, конечно, покорилась ему добровольно. Такимъ образомъ рабами въ Россіи могли быть лишь люди, захваченные въ плѣнъ во время походовъ на какую нибудь чуждую землю. Мы здѣсь не говоримъ о томъ рабствѣ, когда бѣдный за долги поступалъ въ кабалу заимодавцу, или на службу къ какому нибудь господину, по взаимному съ нимъ соглашенію. Въ Россіи, какъ и на западѣ, было первоначально два класса людей: военный, служилый, *дружина* или *мужи*, и остальной народъ или малые люди, *мужики*, *смерды*. Но изъ дружины не могло образоваться такого сомкнутаго дворянскаго сословія, какъ на западѣ. Дружинники вездѣ слѣдовали за княземъ при его постоянныхъ переходахъ изъ одной земли въ другую, или сами переходили отъ одного князя къ другому. Въ этихъ блужданіяхъ племена перемѣшивались, поддерживалось единство Русской земли, но никто не могъ хорошенько укрѣпиться, прочно усѣсться на мѣстѣ. Дружинники-бояре, если и получали отъ князей земли, то при переходѣ должны были бросать ихъ, болѣе разсчитывая на выгоды службы. Да и земли, по причинѣ ихъ изобилія и по малочисленности населенія, которое доставляло бы работниковъ, почти не имѣли никакой цѣны. Сами князья удѣльнаго періода, вслѣдствіе этой неосѣдлости, не могли достигнуть большой власти. Совсѣмъ иначе поступаютъ восточные князья со временъ Андрея Боголюбскаго. Они уже не зарятся на Кіевъ, а утверждаются въ своихъ владѣніяхъ. Они принимаютъ всѣхъ въ свою область, и сюда стекаются изъ разныхъ мѣстъ люди, по причинѣ большей безопасности. Но пришельцы, хотя бы и изъ бояръ, живя по милости князя, уже становятся совсѣмъ ему подвластными. Послѣ татарскаго нашествія это усиленіе восточныхъ князей становится еще замѣтнѣе. Московскій князь, скупаетъ ли онъ земли, или захватываетъ ихъ оружіемъ, если и оставляетъ на нихъ прежнихъ владѣльцевъ, то все-

таки стремится къ тому, чтобы заставить каждаго принять эти земли изъ его рукъ въ залогъ вѣрной службы. Потомъ, когда раздача земель за службу стала обычною, и малые, и значительные владѣльцы стали одинаково *служилыми людьми*, различаясь только меньшимъ или большимъ приближенiемъ къ престолу. Прежде дружина раздѣляла участь князя и пользовалась нѣкоторыми правами, участвуя въ его совѣтѣ и свободно оставляя его въ случаѣ какого-либо неудовольствiя. Но тѣсной связи между членами дружины не могло быть, потому что она постоянно наполнялась новыми людьми. Самое право перехода лишь избавляло князя отъ безпокойнаго дружинника, и его собратья, вѣроятно, подъ часъ даже содѣйствовали его удаленiю, разсчитывая занять его мѣсто. Престолъ прежняго князя занималъ другой, приходившiй со своею дружиною, и старая дружина теряла всякую силу, если не уходила со своимъ княземъ на новое княженiе; а такъ какъ удѣлы постоянно мѣнялись, то тутъ не могло быть и рѣчи о какомъ-либо усиленiи боярской власти. Теперь, въ московскомъ государствѣ, всѣ усѣлись на мѣстахъ: переходить уже было некуда, потому что царилъ одинъ полновластный государь. Не только потомки бывшихъ бояръ и дружинниковъ, но и самые князья съ ихъ потомками становятся его слугами. Послѣ татарскаго нашествiя всѣ эти князья были раззорены и обѣднѣли: одинъ московскiй князь съумѣлъ воспользоваться самымъ татарскимъ игомъ для своего усиленiя и обогащенiя. Теперь происхожденiе отъ Рюриковой крови уже немного значило, когда въ приближенiи у царя находились и бывшiе татарскiе мурзы, и литовскiе князья, и дьяки или вообще люди незнатнаго происхожденiя. Лишь царская служба могла возвысить и знатнаго, и незнатнаго родомъ. Хотя и было въ обычаѣ давать на службѣ преимущество лицамъ старыхъ, княжескихъ родовъ, но бояре считались между собою лишь *мѣстами*, то есть тѣми преимуществами, какiя имѣлъ тотъ или другой изъ предковъ на государевой службѣ. При этомъ, если отдѣльные фамилiи и возвышались на столько, что захватывали всю власть въ свои руки, то это случалось временно и не надолго. Такъ въ малолѣтство Iоанна IV господствовали Шуйскiе, Бѣльскiе, Глинскiе: потомъ, во время управленiя Сильвестра, власть съ государемъ раздѣляютъ много знатныхъ бояръ, которые, казалось, составляли крѣпкiй союзъ между собою. Но едва Iоаннъ захотѣлъ быть самовластнымъ, и переказнилъ всѣхъ этихъ бояръ безъ малѣйшаго сопротивленiя. О какомъ либо отпорѣ съ ихъ стороны не было и рѣчи. Послѣ этого разгрома, знатные роды еще болѣе пали, служа, во время междуцарствiя, то польскому королю,

то тушинскому вору. Послѣднiе слѣды стараго боярства уничтожены лѣстницею чиновъ, устроенною Петромъ Великимъ, по которой могли возвышаться и самые незнатные люди.

Что касается остальнаго дворянства, то, происходя отъ старой дружины, оно, какъ служилое сословiе, постепенно было закрѣпощено вмѣстѣ съ крестьянами. Оно обязательно несло службу, соединенную нераздѣльно съ правомъ на владѣнiе помѣстьемъ. Помѣщикъ не могъ оставлять данной ему земли, продавать ее или закладывать; да притомъ земля служила ему единственнымъ средствомъ пропитанiя. Но, владѣя землею, онъ долженъ былъ выступать въ походъ по первому требованiю государя. Изъ этого положенiя ему не было никакого выхода, развѣ только государь призывалъ его на службу въ Москву: тогда онъ могъ разсчитывать получить мѣсто дьяка или воеводы, что однако скорѣе удавалось старымъ московскимъ дворянамъ. Со временъ Петра дворянство рѣзче выдѣляется въ особое сословiе, но самая легкость достигнуть этого званiя съ помощью чина все болѣе уменьшаетъ его прежнее значенiе, какъ исключительно служилаго класса людей, который одинъ пользовался и выгодами службы. Теперь, получивъ образованiе, и сынъ купца или мѣщанина могъ попасть въ дворяне. Если не принять во вниманiе власти надъ крестьянами, которою дворянство вполнѣ обладало и которая, при его зависимомъ положенiи, только ослабляла въ немъ всякiй духъ самодѣятельности, то оно собственно лишь со временъ Екатерины II получило нѣкоторыя права; но и эти права не были таковы, чтобы значительно его усилить.

Точно также и духовенство не могло достигнуть у насъ такого преобладанiя въ свѣтскихъ дѣлахъ, какъ въ западной Европѣ. Не говоря о томъ, что это противно было духу греческаго православiя, гдѣ всегда умы были болѣе заняты отвлеченными, чисто духовными предметами, у насъ духовенство служило интересамъ княжеской власти, находясь отъ нея въ полной зависимости. Отдѣленiе московской митрополiи отъ кiевской, униженiе восточныхъ патрiарховъ подъ властiю турокъ, разъединенiе въ самой церкви вслѣдствiе раскола, наконецъ недостатокъ образованiя, вслѣдствiе чего грамотные греки первенствовали въ дѣлахъ, — все это сильно ослабляло его влiянiе. Борисъ Годуновъ не ошибся въ разсчетѣ, когда устроилъ въ Россiи патрiаршество съ цѣлiю имѣть въ патрiархѣ усерднаго пособника при своемъ избранiи на престолъ. И впослѣдствiи патрiархи не думали присвоивать себѣ какихъ либо особыхъ правъ, исключая Никона. Но Никонъ, во первыхъ, былъ совершенно одинокимъ; во вторыхъ, и тою

громкою ролью, которую удалось ему разыграть, онъ въ значительной степени обязанъ добродушію благочестиваго царя Алексѣя Михайловича. Вслѣдъ за тѣмъ Петръ I уничтожаетъ патріаршество безъ малѣйшаго противодѣйствія со стороны духовенства. Благодаря щедрости великихъ князей, у насъ лишь нѣсколько монастырей обладали большими богатствами, имѣя обширныя земли съ крестьянами и разныя угодья и пользуясь многими привилегіями. Подобно крѣпостямъ западныхъ владѣльцевъ, они были огорожены и каменными стѣнами. Но вслѣдствіе самыхъ этихъ привилегій уже до Петра I московскіе государи старались всячески ограничить право монастырей на владѣніе селами. Будучи избавлены, напримѣръ, отъ налоговъ, отъ обязанности выставлять ратниковъ, монастырскія земли причиняли большой ущербъ казнѣ. Всѣ подобныя льготы при Петрѣ I совершенно исчезли, а впослѣдствіи у монастырей отнято и право владѣть селами.

Еще менѣе могли у насъ достигнуть какой нибудь самостоятельности города. Правда, въ дотатарскій періодъ возвышаются Новгородъ и Кіевъ, какъ города, лежавшіе на торговомъ варяжскомъ пути. Обогатившись чрезъ торговлю, они принимаютъ и наиболѣе живое участіе въ дѣлахъ общественныхъ. Великій князь въ Кіевѣ не предпринимаетъ ничего важнаго безъ совѣщанія со старѣйшинами. Кіевское вѣче призываетъ и подъ часъ изгоняетъ князей, рѣшаетъ о войнѣ или о мирѣ съ врагами. Еще значительнѣе власть вѣча въ Новгородѣ, гдѣ князь уже совершенно отъ него зависѣлъ. Господинъ Великій Новгородъ, со своими вѣчевыми порядками, господствовалъ почти надъ всею сѣверною Русью. Но Кіевъ, находясь на границѣ степей, подвергался столь частымъ раззореніямъ отъ кочевниковъ, что наконецъ потерялъ всякую силу; а Новгородъ палъ вслѣдствіе неурядицъ, происходившихъ отъ самовластія лучшихъ, то есть, богатыхъ людей и отъ постоянной борьбы съ ними остальнаго населенія. Въ восточной Руси, въ Московскомъ государствѣ, мы уже не находимъ, кромѣ Москвы, ни одного значительнаго города. Здѣсь города строили и украшали князья, уже обладавшіе большою силой, и принимали жителей отовсюду, заставляя ихъ подчиняться установленнымъ ими порядкамъ. Понятно, что княжеская власть здѣсь была сильнѣе. Притомъ ни одинъ изъ городовъ не могъ здѣсь очень обогатиться торговлею.

Московская Русь была бѣдная, лѣсная страна, гдѣ подъ самою столицей водились дикіе звѣри и на дорогѣ проѣзжающихъ сторожили разбойники. Большую часть года тутъ почти не было никакихъ сообщеній: развѣ только въ очень сухое лѣто, да въ зимніе, снѣжные мѣсяцы можно было проѣхать по этимъ лѣснымъ и болотнымъ трущо-

бамъ. Населеніе, если взять во вниманіе пространство, было самое ничтожное. Къ довершенію всѣхъ невзгодъ, этотъ край, съ его суровымъ климатомъ, дикою природою и мало плодородною почвою, послѣ усиленія враждебной намъ Литвы, былъ, какъ стѣною, отрѣзанъ отъ всякаго сообщенія съ образованнымъ міромъ. Только чрезъ Архангельскъ со временъ Грознаго начались сношенія съ англичанами, но это была лишь англійская торговая компанія, которая, соблюдая свои выгоды, забрала всю московскую торговлю въ свои руки. Отдѣленная отъ всѣхъ другихъ народовъ, заброшенная на востокъ, московская Русь могла сближаться лишь съ азіатскими народами по тому направленію, какое указывало теченіе Волги и приуральскихъ рѣкъ. Распространяясь и на югъ, она постепенно овладѣваетъ и степнымъ пространствомъ, и такимъ образомъ дѣлится на Русь *лѣсную*, земледѣльческую и осѣдлую, и *степную*, по преимуществу казацкую, полукочевую. Казачество на югѣ пополнялось тѣми удалыми головами, которымъ не жилось при московскихъ порядкахъ въ осѣдлой Руси. Составляя воинское братство, казаки всюду ищутъ добычи и простора и то служатъ Москвѣ въ борьбѣ ея съ татарами, то вступаютъ съ нею въ борьбу, желая утвердить свое владычество и на сѣверѣ, что однако имъ не удается. Въ противуположность западной Европѣ, гдѣ все строеніе и въ городахъ, и въ деревняхъ было прочное, каменное, московская Русь отличалась бѣдными, деревянными постройками, часто подверженными пожарамъ. Но едва выгоралъ цѣлый городъ или деревня, какъ жители быстро отстраивали вновь свои дома, или, лучше сказать, незатѣйливые срубы, хижины, гдѣ стекло въ окнахъ, даже у богатыхъ, считалось неслыханной роскошью. Лѣсу было вездѣ вдоволь, а о какихъ либо удобствахъ никто не думалъ. Потому и крестьянинъ легко оставлялъ свой домъ, зная, что вездѣ, куда бы онъ ни пошелъ, у него въ недѣлю, въ двѣ, будетъ такая же хатка; все скопленное добро можно было уложить на телѣгу, а въ случаѣ крайности и взять прямо на плечи. Какая могла быть промышленность въ этой полудикой странѣ, гдѣ человѣкъ еще съ трудомъ осиливалъ свои владѣнія у хищныхъ звѣрей? Если и существовали кое-какія ремесла, то въ самомъ первобытномъ, кустарномъ видѣ. Бѣдность страны отразилась и на казнѣ: для своихъ нуждъ правительство устраивало безчисленные заставы, гдѣ собирались пошлины, налагало на купцевъ и посадскихъ безмѣрныя подати, вводило откупа и проч. Кромѣ того городъ долженъ былъ кормить воеводу со всѣми приказными. Все это въ конецъ убивало и тѣ ничтожные промыслы, какими могла бы подняться та или другая мѣстность. Городскіе жители также были закрѣпощены, чтобы

легче собирать налоги. Никто изъ купцевъ и посадскихъ не могъ оставлять своего мѣста, переселяться въ другой городъ, или какъ нибудь измѣнять образъ жизни: кто разъ былъ записанъ извѣстнымъ плательщикомъ налога, тотъ вѣчно и платилъ съ своего промысла, живя на опредѣленномъ мѣстѣ, хотя бы на томъ мѣстѣ промыселъ его уже не доставлялъ и средствъ на пропитаніе. И такъ, съ одной стороны, по недостатку образованія, по трудности сообщеній, по рѣдкости населенія, по крайней ограниченности его нуждъ, а съ другой по причинѣ безчисленныхъ стѣсненій торговля была въ самомъ жалкомъ положеніи, и города въ Московскомъ государствѣ почти не имѣли никакого значенія. Петръ Великій первый сталъ заботиться объ ихъ благосостояніи, но при немъ, вслѣдствіе усиленныхъ повинностей, какихъ требовали реформы, ихъ положеніе не могло улучшиться. Собственно говоря, накопленіе въ городахъ богатствъ, вмѣстѣ съ большимъ развитіемъ промышленности, начинается лишь со временъ Екатерины II.

Но и въ допетровское время Москва является значительнымъ городомъ. Сюда стекалось много всякихъ товаровъ какъ для потребностей огромнаго, по тогдашнему времени, населенія, такъ и для потребностей казны, которая обыкновенно платила жалованье служащимъ на Москвѣ дворянамъ натурою: хлѣбомъ, сукнами, даже кушаньемъ съ царскаго стола. Въ Москвѣ и купцы были богаче, и принимали нѣкоторое участіе въ дѣлахъ, какъ, напримѣръ, гости суконной и другихъ сотенъ. Москва въ тогдашнее время особенно поражала иноземца. Проѣхавъ многія сотни верстъ такими же пустырями, какъ теперь въ Сибири, онъ встрѣчалъ наконецъ огромный городъ, имѣвшій издали очень красивый видъ. Бѣлыя стѣны Кремля и золотыя маковки его церквей, а около него безчисленное множество строеній, разбросанныхъ, на сколько хватитъ глазъ, посреди садовъ, огородовъ и пустырей, безчисленное множество церковныхъ куполовъ—все это, казалось, свидѣтельствовало о громадности и населенности Москвы. Но на дѣлѣ это была столица чисто земледѣльческаго государства. Какъ въ прочихъ городахъ большинство жителей занималось земледѣліемъ, такъ и въ Москвѣ около своихъ дворовъ хозяева устраивали огороды, сады, небольшія выгоны для своего скота. Такимъ образомъ Москва была скопленіемъ усадебъ. Дворы, особенно боярскіе, занимали много мѣста; на нихъ находилось много всякихъ строеній. Но все это были большею частію клѣтушки, потому что и самые знатные люди жили въ крошечныхъ комнаткахъ. При каждомъ дворѣ находимъ баню, а у зажиточнаго хозяина и церковь. Церквей въ Москвѣ было до 2000, но все большею частію домашнія, маленькія, деревянныя церковки. Въ случаѣ пожара погорали

цѣлыя части города, а иногда и весь городъ. Улицы представляли пустынный видъ; по нимъ тянулись только ряды заборовъ; всѣ строенія, подобно тому какъ въ азіатскихъ городахъ, скрывались внутри дворовъ. Это способствовало грабежамъ, какіе часто производила тутъ же жившая, праздная дворня какого нибудь боярина. И безъ грабежа пѣшій и конный рисковалъ утонуть въ глубокой грязи; лишь въ немногихъ мѣстахъ улицы вымощены были бревнами, на которыхъ лошади ломали себѣ ноги.

Москва болѣе или менѣе олицетворяла собою всю обрядность Россіи въ XVII-мъ вѣкѣ. Въ ней особенно выдавались многочисленные церковные праздники и церемоніи, въ которыхъ участвовало все высшее духовенство и самъ царь со своею многочисленной свитой. Таковы были церемоніи во время празднованія новаго года, 1-го сентября, въ память митрополита Петра 21-го декабря, наканунѣ Рождества, въ іердань, и проч. Тутъ съ большой пышностью царя вели подъ руку стольники и сопровождали прочіе бояре въ золотныхъ одеждахъ, стрѣльцы въ цвѣтныхъ кафтанахъ. Послѣ торжественной службы, онъ заходилъ къ патріарху, гдѣ всѣмъ подносили кубки съ виномъ, и патріархъ отдаривалъ царя шитыми золотомъ парчами, драгоцѣнными сосудами, и проч. Съ своей стороны и царь принималъ у себя и жаловалъ все духовенство, или посѣщалъ тюрьмы, больныхъ, плѣнныхъ, и раздавалъ милостыню. Все это совершалось по старому обычаю, въ извѣстномъ порядкѣ, со многими церемоніями. Въ вербное воскресенье двигался крестный ходъ изъ Успенскаго Собора въ Спасскія ворота. На Лобномъ мѣстѣ освящали и раздавали вайи и вербу. По прочтеніи Евангелія, патріархъ приказывалъ «отрѣшить осля». Приводили коня къ ступенямъ Лобнаго мѣста; патріархъ садился на него; царь бралъ за одинъ поводъ, а царевичъ и бояре за два другіе,—и шествіе направлялось обратно въ Кремль. Впереди на красныхъ саняхъ везли огромную, разубранную вербу; подлѣ царя несли его жезлъ, вербу, свѣчи, полотенце; стрѣльцы разстилали на пути разноцвѣтныя сукна. Подобные же, очень сложные обряды исполнялись по случаю семейныхъ праздниковъ: родинъ, крестинъ, и проч. Еще болѣе времени занимали у царя путешествія по окрестнымъ монастырямъ или въ загородныя села, гдѣ Алексѣй Михайловичъ любилъ тѣшиться охотою на медвѣдей, или соколиною охотою. Тутъ опять царя сопровождали постельничіе, стряпчіе, стрѣльцы, рейтары,—болѣе 1000 человѣкъ. Онъ ѣхалъ въ англійской каретѣ шестернею; лошади были украшены перьями; кучеръ въ бархатномъ кафтанѣ, въ шапкѣ, отороченной соболемъ и перьями. За царемъ слѣдовали въ закрытыхъ каптанахъ царица, царевны, боярыни, верхо-

выя карлицы,—въ сопровожденіи стрѣльцевъ. Вездѣ, во всемъ старались выказать наиболѣе наружнаго блеска и представительности. Во время пріема пословъ дворянамъ на одинъ разъ выдавались изъ казны богатыя, шитыя шелкомъ и золотомъ, платья; въ Грановитой палатѣ устраивали настоящую выставку драгоцѣнностей, хранившихся въ царскихъ кладовыхъ, каковы были: серебрянные часы и шандалы, золотые разсольники, позолоченные или серебрянные, хрустальные, яшмовые сосуды, и проч. Главнымъ занятіемъ московскихъ служилыхъ людей, бояръ и дворянъ и было поддерживать эту представительность двора: всѣ они каждый день, въ числѣ 3000 и болѣе человѣкъ, являлись къ государю. Старые бояре пріѣзжали въ каретахъ, молодые верхомъ; но всѣ, далеко отъ крыльца, сходили на землю и шли ко дворцу пѣшкомъ. Большинство, конечно, оставалось на площади, передъ крыльцемъ. Сюда принадлежали низшіе разряды стольниковъ, стряпчихъ, дѣти дворянскіе, или жильцы; другіе ждали, стоя или сидя на крыльцѣ, пока ихъ не потребуютъ во дворецъ; думные бояре и дьяки (участвовавшіе въ думѣ съ царемъ), окольничіе (которые распоряжались при церемоніяхъ и вообще хозяйствомъ царя, особенно въ дорогѣ) и старѣйшіе изъ бояръ имѣли доступъ въ переднюю. Всѣ приходили ежедневно, хотя государь и очень немногихъ требовалъ къ себѣ «на верхъ»: быть «верховымъ» бояриномъ или «верховою», боярыней считалось уже величайшею почестью. Лишь дѣти этихъ болѣе знатныхъ бояръ могли служить «спальниками», поочередно спать въ покояхъ государя, прислуживая ему при одѣваньи и раздѣваньи; изъ спальниковъ они дѣлались окольничими, или назначались въ другія высшія должности. Окольничему давались очень разнообразныя порученія: онъ могъ быть и въ послахъ, и предводителемъ въ войскѣ. Изъ стольниковъ (разносившихъ или разсылавшихъ кушанье) также болѣе знатные назначались въ послы или воеводы. Царь выходилъ изъ внутреннихъ покоевъ и садился въ кресло, а бояре продолжали стоять передъ нимъ во все время пріема. Царь разспрашивалъ того, другаго о дѣлахъ, призывалъ, кого понадобится, съ крыльца; бояре подавали ему челобитныя; тѣ изъ нихъ, которые были именинниками, подносили калачи сначала ему, а потомъ и царицѣ. Въ случаѣ желанія идти куда нибудь въ гости, или справить какой нибудь домашній праздникъ, или выѣхать за городъ, бояринъ всякій разъ долженъ былъ отпрашиваться у царя, потому что и послѣ обѣда всѣ собирались ко дворцу постоять: кто не приходилъ, тому грозила тюрьма, а подъ часъ и плети. Но и сами бояре и дворяне смотрѣли на этотъ пріѣздъ ко двору, какъ на величайшее право. Стоя безъ всякаго дѣла на крыльцѣ, они отъ скуки заводили ссоры, крупную пере-

бранку, а случалось и драки. Иного уносили съ пробитою кирпичемъ головою. Но во всѣхъ этихъ ссорахъ главное мѣсто занимали счеты о томъ, у кого отецъ или дѣдъ чаще призываемъ былъ на верхъ, или назначался въ ту или другую почетную должность. Эти мѣстническіе счеты доходили до того, что иной не соглашался сидѣть за царскимъ столомъ, если считалъ, что его посадили мѣстомъ ниже другаго. И когда, держа за плечи, его насильно заставляли сидѣть, то онъ ускользалъ изъ рукъ и опускался подъ столъ. Разъ потерявъ старшинство, онъ какъ будто являлся измѣнникомъ передъ всѣмъ своимъ родомъ: его сыну или внуку потомъ припомнили бы, что отецъ или дѣдъ занималъ мѣсто ниже.

Низшій разрядъ служилыхъ людей, дѣти боярскіе, жили въ своихъ помѣстьяхъ и, по первому требованію, выступали въ походъ. Но привыкнувъ къ мирной сельской жизни, они очень неохотно несли службу, поступая подъ начало какого нибудь строптиваго воеводы, который съ ними не церемонился. Каждый думалъ, какъ бы поскорѣе вернуться въ свою деревню, сказавшись больнымъ. Получить бы легкую рану и отпроситься на излеченіе—вотъ что было ихъ завѣтною мечтою. Многіе и убѣгали, и потомъ подкупали сыщиковъ, чтобы на нихъ не доносили. Вооруженіе ихъ было плохое: копья и бердыши. Ружей часто даже заряжать не умѣли. Во время битвы многіе прятались гдѣ нибудь за кусты, и потомъ выходили, какъ будто сражались вмѣстѣ съ другими. Уже Михаилъ Ѳедоровичъ заводилъ рейтарскіе полки съ карабинами и пистолетами: въ нихъ, кромѣ боярскихъ дѣтей, назначались и крестьяне, со 100 дворовъ по человѣку. Начальниками въ нихъ были преимущественно иноземцы. Кромѣ этого существовали городовые казаки, имѣвшіе свои дворы и пашню, и городовые стрѣльцы, которые жили отдѣльными слободами и занимались отчасти торговлею; наконецъ—пограничные военные поселенцы. Но все это составляло лишь зародышъ правильнаго постояннаго войска.

Служилые люди, и не будучи грамотными, могли также кормиться «отъ дѣлъ» въ приказахъ и на воеводствѣ. Старинные приказы замѣняли нынѣшнія правительственныя учрежденія: министерства, палаты, управы, и проч. Въ нихъ не было никакого правильнаго устройства. Случайно накоплялись какія нибудь новыя дѣла,—и учреждался приказъ, а иногда эти дѣла распредѣлялись и по старымъ приказамъ, хотя бы они не имѣли ничего общаго съ дѣлами, которыя уже производились въ старыхъ приказахъ. Такъ, напримѣръ, Посольскій приказъ, завѣдывавшій сношеніями съ иностранными державами, занимался и водочными сборами, потому что въ его управленіи были нѣкоторые пограничные города. Были обширные приказы, въ которыхъ стекалось

множество разнородныхъ дѣлъ, и такіе, какъ, напримѣръ, Конюшенный, завѣдывавшій только лошадями, Панафидный, въ вѣдомствѣ котораго было поминовеніе объ умершихъ, или приказъ Тайныхъ дѣлъ, устроенный Алексѣемъ Михайловичемъ для его личныхъ сношеній съ довѣренными людьми, но гдѣ главнымъ занятіемъ было кормленіе огромнаго количества голубей, предназначавшихся въ пищу царскимъ соколамъ и кречетамъ. Особенно характерны приказы, управлявшіе придворнымъ хозяйствомъ, гдѣ царь является какъ будто богатымъ, хлѣбосольнымъ помѣщикомъ, окруженнымъ обширною дворнею. Такъ приказъ Казеннаго двора вѣдалъ царскую казну: золотые и серебрянные сосуды и всякаго рода мѣха, матеріи, и проч. Изъ нихъ царь жаловалъ на платье: кому соболи и бархатныя, шитыя золотомъ, или атласныя ткани для дорогой шубы, кому и простыя сукна. Вмѣстѣ съ матеріей давался и прикладъ: золотые галуны, пуговицы съ финифтью, даже шелкъ для шитья. Шили платье у боярина на дому, но и царь имѣлъ своихъ портныхъ болѣе 100 человѣкъ; чулки и рукавички вышивали золотомъ особенно монахини Новодѣвичьяго монастыря. Сукна, камки, бархатъ, разную тафту, сафьянъ выдавали не только дворянамъ, а также конюхамъ, сокольникамъ, пѣвчимъ, стрѣльцамъ и казакамъ, наконецъ многочисленному духовенству, приходившему за дарами. Случалось, что до 20000 духовныхъ лицъ перебываетъ въ годъ на казенномъ дворѣ; въ томъ числѣ получали дары и греческіе монахи, пріѣзжавшіе съ востока. Можно себѣ представить, какое огромное количество запасовъ хранилось на этомъ дворѣ. Деньги на все это доставлялъ приказъ Большаго Дворца. Онъ собиралъ подати съ 40 городовъ: съ посадскихъ, съ откуповъ, съ таможенъ, и проч. Подъ его вѣдѣніемъ находились также дворы, гдѣ заготовлялось сотнями ведеръ вино, пиво и медъ (Сытенный дворъ), гдѣ ежедневно готовилось безчисленное множество кушаньевъ (Кормовой), гдѣ лежали громадные запасы всякаго рода хлѣба и пеклись безчисленные калачи (Житный). Все это шло на угощеніе пословъ, бояръ и духовенства. Съ одного Кормоваго двора ежедневно разсылалось болѣе 3000 блюдъ. Дворцовыя волости доставляли, кромѣ хлѣба, куръ, яица, сыры, коровье масло, яблоки, вишни, сливы, виноградъ изъ Астрахани, и проч. Если при всемъ этомъ запасовъ не хватало, то ихъ покупали, разсылая для этого стряпчихъ житнаго двора по разнымъ городамъ. Другіе приказы касались управленія: Помѣстный вѣдалъ дѣла о помѣстьяхъ, Разрядный—о назначеніи того или другаго лица на службу (потомъ рядомъ съ нимъ явились приказы: Стрѣлецкій, Рейтарскій, Пушкарскій, Иноземный); приказъ Большой Казны занимался дѣлами

торговыхъ людей; Большой Приходъ собиралъ доходы съ лавокъ, съ гостиныхъ дворовъ и проч. Разбойный вѣдалъ уголовныя дѣла. Были особые судные приказы для служилаго сословія, особые приказы для управленія одной какой нибудь областью. Всѣхъ приказовъ считалось болѣе 40; въ нихъ засѣдали бояре, но всѣ дѣла въ сущности рѣшались грамотными дьяками и подъячими. Доходу со всего государства въ то время получалось не болѣе 1900000 рублей (на нынѣшнія деньги болѣе 20000000). При такой бѣдности, казна была очень скупа на денежное жалованье и выплачивала за службу натурою, или предоставляла каждому «кормиться отъ дѣлъ». Поэтому *добровольныя* приношенія приказнымъ допускались обычаемъ. Кому изъ дворянъ не удалось засѣсть въ приказъ, тотъ просилъ, чтобы ему дали покормиться въ воеводахъ, и за извѣстную сумму, данную приказнымъ боярамъ и дьякамъ, всегда могъ получить такое мѣсто. Воевода, какъ начальникъ города и уѣзда, наблюдалъ, чтобы не было разбоя, воровства, корчемства, чтобы всѣ казенныя деньги поступали сполна. Ему нужно было и отличиться исправною доставкою денегъ, въ которыхъ казна всегда нуждалась, и посылать значительные подарки своимъ милостивцамъ въ Москву, и самому прокормиться съ семьею, да еще припасти кое что на черный день, потому что мѣсто его было непрочное, и не сегодня — завтра его могли притянуть къ суду по жалобамъ за излишнія вымогательства. Не получая жалованья, онъ разсчитывалъ лишь на доброхотные дары отъ посадскихъ и уѣздныхъ людей: но, разумѣется, при своей значительной власти, могъ всегда устроить дѣло такъ, чтобы дары эти протекали въ наибольшемъ изобиліи. Разныя мірскія власти аккуратно записывали, что приносили воеводѣ, и эти записки дошли до нашего времени. Изъ нихъ видно, что одаривали не только воеводу, но и жену его, и дѣтей, и племянниковъ, — словомъ все его семейство, кромѣ того жившихъ при немъ приказныхъ и всѣхъ людей его. Давали и деньгами, и натурою; деньгами—въ бумажкѣ, смотря по чину: напримѣръ, слугамъ по нѣскольку денежекъ, сыну, дочери, матери воеводы по нѣскольку алтынъ, самому ему и по нѣскольку рублей (на нынѣшнія деньги, нѣсколько десятковъ рублей); да еще натурою, напримѣръ: пироги, щукъ, налимовъ, четверть говяжью, свиную тушу, рѣпы четверикъ, 100 сальныхъ свѣчей, вино, пиво, и проч. Въ именины или вообще въ какой нибудь праздникъ воевода приглашалъ всѣхъ болѣе зажиточныхъ людей къ себѣ на обѣдъ, и за эту честь каждый долженъ былъ отдаривать съ избыткомъ. На это не жаловались; а вотъ, если воевода, пріѣхавъ, разомъ потребуетъ сотню, другую рублей, да нало-

жить на всѣхъ ежегодную дань и деньгами, и яицами, и баранами, и хлѣбомъ, напримѣръ по 100 четвертей на годъ, кромѣ 120 руб. въ годъ на хлѣбъ, — тогда ужъ писали челобитную царю, и если дѣло было близко, подъ Москвою, воевода не рѣдко терялъ мѣсто; изъ дальнихъ же городовъ жалобы не доходили, да и мало было охотниковъ на воеводство въ отдаленномъ краѣ, поэтому дальній воевода не имѣлъ и соперниковъ, которые постарались бы обличить его въ неправдахъ, чтобы сѣсть на его мѣсто.

Изъ предъидущаго видно съ одной стороны, какъ древняя Русь, въ своемъ отчужденіи отъ образованнаго міра, неподвижно была скована старымъ обычаемъ; а съ другой,—какъ въ этомъ обычаѣ выражались еще первобытныя, совершенно патріархальныя понятія объ отношеніяхъ людей другъ къ другу въ обществѣ. Какъ въ семьѣ всѣ дальніе и близкіе родственники постоянно ходили къ старшему на поклонъ, такъ большіе или малые чины окружали государя. Какъ въ семьѣ всѣ честили подарками старшихъ, такъ и къ воеводѣ или къ дьяку никто не могъ приблизиться хоть бы за самою простою справкою, не таща съ собою говяжьей туши и нѣсколько алтынъ въ бумажкѣ. Никакого точнаго раздѣленія властей не было: одно и тоже лицо писало, напримѣръ, наставленія посламъ и распоряжалось, чтобы представить ко двору извѣстное количество вышитыхъ чулковъ или возы орѣховъ. Все дѣлалось безъ затѣй: во всемъ слѣдовали не столько закону, сколько обычаю. Какъ теперь на какомъ нибудь отдаленномъ хуторѣ всякій старается обойтись домашними средствами: самъ печетъ себѣ хлѣбъ, шьетъ платье, дѣлаетъ незатѣйливую мебель, питается тѣмъ, что добудетъ съ своего огорода,—такъ и въ старину каждый зажиточный человѣкъ, если не дѣлалъ все самъ, то держалъ у себя на дому своихъ портныхъ, сапожниковъ, хлѣбниковъ и другихъ мастеровъ. Тоже самое было и при дворѣ. Казна такъ оберегала служившихъ ей мастеровъ, что иноземный лекарь, аптекарь, часовщикъ, слесарь и проч. не смѣли никому оказать малѣйшей услуги безъ особаго разрѣшенія государя. Они работали лишь для казны и, въ видѣ исключенія, для немногихъ бояръ. Такимъ образомъ и отъ выписанныхъ изъ за границы мастеровъ не могло быть никакой пользы для общества. По тогдашнему, еще ребяческому понятію о богатствѣ, казна старалась скопить какъ можно болѣе драгоцѣнностей,—не только золота и серебра, но и мѣховъ, и всякихъ матерій, отбирая у купцевъ лучшій товаръ, удерживала за собою право на продажу болѣе распространенныхъ товаровъ, какъ, напримѣръ, соли, вина, и проч. Такимъ образомъ казна являлась въ тоже время купцомъ, строго обе-

регавшимъ свои привилегіи. Между тѣмъ, на случай войны, съ посадскихъ требовали пятую, десятую деньгу отъ прибыли, и ничего не могли собрать, потому что, вмѣсто того, чтобы развивать промышленность, казна только ее стѣсняла. Думали о скопленіи богатства, и не заботились о людяхъ, чрезъ которыхъ это богатство только и могло быть добыто.

Но если незнаніе, невѣжество было отовсюду помѣхою къ развитію какихъ бы то ни было промысловъ, то еще болѣе оно отражалось на нравахъ общества. Однообразіе жизни, скука, недостатокъ какихъ либо умственныхъ интересовъ прежде всего повели къ страшному распространенію пьянства. Человѣкъ искалъ какого либо возбужденія и самозабвенія среди своей бѣдной и тяжелой, или праздной жизни. Пьянство стало обыкновеннымъ порокомъ и въ духовенствѣ. Архіереи въ своихъ посланіяхъ обличаютъ его въ «злобѣ сатанинскаго, безмѣрнаго упиванія»,—жалуются, что въ монастыряхъ отъ пьянства «многая вражда и мятежъ»; въ царскихъ грамотахъ говорится, что отъ хмѣльнаго питія церкви безъ пѣнія; митрополиты предписываютъ, чтобы священники пьяные не валялись по улицамъ. Молодые и старые, мужчины и женщины, всѣ безъ различія упивались водкою. Игумены пировали съ мірскими людьми, тратили монастырскую казну на своихъ племянниковъ и другихъ родственниковъ, занимались ростовщичествомъ; старцы, гдѣ могли, брали дани съ крестьянъ. Но не лучше было и въ дому патріарха; онъ окруженъ былъ самыми ненасытными взяточниками: болѣе 40 лицъ нужно было задарить, чтобы къ нему достигнуть. Подобно Никону, и его подчиненные отличались безмѣрнымъ самовластіемъ. Коломенскій архіепископъ Іосифъ билъ нагихъ поповъ шелепами и плетьми, сажалъ ихъ на цѣпи, за заутреней знобилъ ихъ холодною водою со снѣгомъ, клалъ имъ снѣгъ за пазуху,—все ради стяжанія, или, какъ выразился о немъ духовный судъ: «уловляше овцы въ снѣдь своего звѣрообразнаго глощенія». Нѣкоторые строители монастырей устраивали у себя разбойничьи притоны. Разбои на Москвѣ въ то время происходили, какъ мы уже объясняли, отъ праздной, боярской дворни. Такъ, напримѣръ, на Дмитровкѣ не было ни проходу, ни проѣзду отъ людей бояръ Стрѣшнева и Голицына. Если не было безопасности въ самой Москвѣ, то уже нечего говорить о большихъ дорогахъ: изъ столицы посылали по 300 человѣкъ стрѣльцовъ, чтобы очищать лѣса отъ разбойниковъ подъ самымъ городомъ; рубили лѣсъ на 100 саженъ отъ дороги, чтобы они не могли дѣлать внезапныхъ нападеній. Разбоемъ промышляли и бѣглые изъ крестьянъ, и помѣщики, и ратные люди, и князья, и даже

нѣкоторые изъ духовенства. Грубость тогдашняго общества выражалась также въ его развлеченіяхъ. Не только у народа, но и въ высшихъ классахъ любимыми потѣхами были представленія скомороховъ съ ихъ харями, домрами, сурнами, гудками и гуслями, грязныя шутки вожаковъ медвѣдей, кулачные бои, игра въ зернь и въ карты, переряживанія, гаданія. Всякія непристойности, развратъ, пьяный разгулъ, убійства, языческія суевѣрія, какими сопровождались эти развлеченія,—все это понудило правительство издавать указы объ ихъ запрещеніи. Подъ вліяніемъ духовныхъ лицъ, проповѣдывавшихъ аскетизмъ, стали наконецъ запрещать всякія увеселенія во время праздниковъ, даже качаніе на качеляхъ, скаканіе на доскахъ. Но эта борьба съ народными обычаями, конечно, была безплодной: и скоморохи, и вожаки медвѣдей, и пѣсенники, и ряженые сами по себѣ ни въ чемъ не были виноваты; они угождали только вкусу толпы, которая и невинныя забавы обращала въ срамную потѣху. Запрещенія этихъ невинныхъ забавъ тѣмъ менѣе могли имѣть силы, что самъ царь забавлялся, слушая игру на сурнахъ, трубахъ, накрахъ и литаврахъ, и подъ часъ упаивалъ своихъ думныхъ дьяковъ.

Положеніе семьи, при тогдашнихъ грубыхъ нравахъ, было самое незавидное. Въ простомъ быту всюду существовалъ обычай, что мужчины и женщины безцеремонно вмѣстѣ мылись въ банѣ, и въ то же время у бояръ находимъ самое строгое затворничество женщинъ. Хозяйка и ея дочери едва на минуту показывались во время пира самымъ близкимъ родственникамъ, чтобы подносить чарку гостямъ. Молодые люди не только не знакомились между собою, но даже женихъ не могъ видѣть невѣсты до самаго брака. Свадьба совершалась по волѣ родителей, по ихъ взаимному уговору между собою, какъ торговая сдѣлка. При этомъ отецъ невѣсты часто обманомъ выдавалъ некрасивую, горбатую, или старую дочь свою, поставляя вмѣсто нея на смотринахъ красивую служанку, или не додавалъ обѣщаннаго приданаго. «Нигдѣ, пишетъ одинъ изъ современниковъ, нѣтъ такого обманства на дѣвушекъ, какъ въ московскомъ государствѣ». Обманутый мужъ тиранилъ жену, чтобы заставить ее идти въ монастырь: безпощадно билъ ее, сажалъ въ подполье на крапиву, впрягалъ въ соху, и проч. Когда жена постригалась то онъ уже былъ свободенъ отъ брачныхъ узъ. Но обыкновенные побои считались даже знакомъ любви: «вѣжливенько постегать жену плетью», было по тогдашнимъ понятіямъ, и разумно, и здорово. Въ такомъ же рабствѣ, какъ жена у мужа, находились дѣти у родителей. «Не улыбайся, глядя на сына, сокруши ему ребра»—вотъ какими средствами обыкновенно думали внушить страхъ Божій,

и, послѣ рабскаго послушанія, сынъ, вырываясь на свободу, переходилъ къ самому разнузданному разгулу. Мало имѣло силы и азіатское затворничество женщинъ: черезъ мамушекъ, нянюшекъ, черезъ разныхъ странницъ онѣ знакомились, съ кѣмъ хотѣли. Рядомъ съ этимъ родовымъ деспотизмомъ, всюду господствовало и крайнее суевѣріе: остатки старыхъ языческихъ обрядовъ, грубое, чисто матеріальное представленіе о божествѣ въ самомъ христіанствѣ, вѣра въ чародѣйство, въ порчу,—вотъ что находимъ и въ народѣ, и въ высшихъ классахъ. Порченыхъ, вмѣсто того чтобъ лечить, пытали и казнили, мнимыхъ чародѣевъ сожигали. Какъ примѣръ крайняго суевѣрія въ соединеніи съ начавшимся тогда шатаніемъ умовъ, можно разсказать слѣдующій случай. Одинъ изъ обвиняемыхъ въ ереси объяснялъ, что напился у иноземца квасу, и съ того стало у него шумѣть въ животѣ, а потомъ начались видѣнія. Показалось ему въ церкви, что крестъ и иконы начинаютъ подпрыгивать; по велѣнію ангела, снялъ онъ икону и сталъ на нее ногою, чтобы она не подпрыгивала. И тутъ пришло ему на мысль, что иконамъ кланяться не слѣдъ, потому что ихъ пишутъ простые мужики и продаютъ вмѣстѣ съ калачами. Образованіе и въ высшемъ сословіи было самое ничтожное: многіе, ставшими окольничими, едва начинали учиться читать по складамъ. Усерднѣе учился грамотѣ лишь тотъ, кто готовился въ приказные. Грамотные дьяки заправляли дѣлами, потому что главные начальники, бояре, едва разбирали часословъ. Кромѣ часослова и псалтыря, немногіе еще изучали «азбуковники», книжки, гдѣ находились отрывочныя свѣдѣнія о разныхъ наукахъ, изложенныя непонятнымъ, высокопарнымъ слогомъ. Изъ подъ суровой отцовской опеки юноша рано вступалъ въ свѣтъ, на службу, безъ всякаго образованія: понятно, что онъ больше думалъ о веселомъ житіи, чѣмъ о службѣ.

Но, какъ мы уже видѣли, къ концу XVII-го вѣка въ московскомъ государствѣ началось сильное броженіе умовъ. Конечно, не одни заѣзжіе люди, какъ Крижаничъ, указывали на окружающее зло: и въ русскихъ людяхъ высказывается горькое недовольство существующимъ порядкомъ вещей. Этому содѣйствовало то обстоятельство, что русскіе видѣли свой полный успѣхъ въ борьбѣ съ азіатскими народами: завоеваны были дальняя Астрахань и Сибирскій край чуть не до Восточнаго океана; и въ тоже время они терпѣли постоянныя неудачи въ-борьбѣ со шведами, съ поляками: западная граница была совершенно не обезпечена. Московскіе государи прежде всего обратили вниманіе на превосходство европейскаго оружія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на превосходство европейцевъ во всѣхъ знаніяхъ и искуствахъ. Лю-

бимымъ развлеченіемъ московскихъ царей и также приближенныхъ къ нимъ бояръ стало бесѣдовать съ людьми, бывавшими за границею въ послахъ, и съ иностранцами, служившими въ Москвѣ. Число этихъ иностранцевъ все болѣе увеличивалось: это былъ народъ, хотя и не очень образованный, но бывалый. Со своимъ неспокойнымъ характеромъ, они не могли ужиться въ европейскомъ обществѣ, искали приключеній, переходили изъ одной страны въ другую, вездѣ пытая счастья преимущественно въ военной службѣ, пока судьба не загоняла ихъ въ Польшу и наконецъ въ Москву. Въ нѣмецкой слободѣ жила вольница, которая уже начинала забирать власть въ свои руки, не слишкомъ кланяясь московскимъ дьякамъ и боярамъ и поступая довольно самовластно съ подчиненными имъ людьми, въ полной увѣренности, что безъ нихъ не обойдутся. Въ постоянныхъ сношеніяхъ ихъ съ царемъ и боярами конечно было для нихъ прямымъ разсчетомъ выставлять всѣ преимущества европейскаго образованія и указывать на невѣжество, на грубость русскихъ. Вслѣдъ за ними Морозовъ, Ордынъ-Нащокинъ, Матвѣевъ и многіе другіе изъ бояръ стали тоже искать образцевъ въ Европѣ: заводили у себя картины, часы, иноземныя кареты; многіе стали брить или подстригать бороду и носить иноземные кафтаны. У самого царя Алексѣя Михайловича въ покояхъ являются иноземные музыканты и комедьянты. Матвѣевъ посылаетъ молодыхъ подъячихъ къ одному изъ иноземцевъ готовиться въ актеры. Такимъ образомъ заведена театральная школа еще прежде открытія Заиконоспасской академіи. Вліяніе иноземцевъ уже стало такъ сильно, что все духовенство вооружилось противъ него, какъ противъ язвы. Патріархъ настаивалъ, что не слѣдуетъ пускать «волковъ въ овечье стадо». Уступая ему, благочестивый царь издалъ указы противъ брадобритія и ношенія иноземной одежды. Но все это было напрасно: любознательность уже сильно пробудилась; бояре и дворяне продолжаютъ тайкомъ сноситься съ людьми изъ нѣмецкой слободы. Само духовенство, отстаивая старину, въ тоже время разрушаетъ ее, осуждая Стоглавъ и прежніе церковные соборы, которыхъ постановленія до того времени считались неприкосновенными, вводитъ въ церкви новизны, и проч. Все было подготовлено къ перемѣнамъ: нуженъ былъ только энергическій человѣкъ, который бы открыто порвалъ всякую связь со стариною.

2. Народная жизнь въ допетровской Руси.

Мы еще ничего не говорили о положеніи народа въ древнемъ русскомъ обществѣ. Здѣсь, конечно, находимъ тѣже неустройства, что

и въ высшихъ, правительственныхъ кругахъ. Но въ народѣ еще сохранялись старинныя коренныя основы русской жизни, которыя при всѣхъ ея искаженіяхъ, заслуживали особеннаго вниманія. Если на долю правительственныхъ классовъ выпало воспринять европейское образованіе и, съ помощью его, возвысить Россію на новую степень могущества, то, казалось, и эти народныя основы должны были очищаться и развиваться въ такой же степени. Къ сожалѣнію, въ концѣ XVII-го столѣтія, въ самой Европѣ на народныя нужды обращали еще слишкомъ мало вниманія, и выгодами образованія, какъ привилегіей, пользовались лишь дворянство да богатое среднее сословіе. У насъ же, какъ это бываетъ у народа, едва начинающаго учиться, всѣ бросились перенимать лишь одну внѣшность европейскихъ обычаевъ: наряды, домашнюю обстановку, свѣтскій лоскъ общежитія. Правительству наука нужна была болѣе для ближайшихъ практическихъ цѣлей: чтобы поднять матеріальную силу государства, устроивъ армію и флотъ, чтобы придать внѣшній порядокъ управленію, образовавъ грамотныхъ чиновниковъ, способныхъ вести дѣло въ разныхъ учрежденіяхъ, созданныхъ по нѣмецкому образцу. Такимъ образомъ, въ вѣкъ исключительнаго подражанія всему иностранному, народная жизнь надолго осталась безъ всякаго развитія, въ тѣхъ грубыхъ формахъ и подъ тѣмъ гнетомъ, какіе на нее наложены были еще въ XVII вѣкѣ.

Обратившись къ глубокой старинѣ, мы видимъ, что уже при Ярославѣ въ Новгородѣ было громадное различіе между боярами, лучшими «мужами», и народомъ или «людьми». Съ бояръ Ярославъ взялъ подмоги по 18 гривенъ, а съ людей по 4 куны, въ 135 разъ менѣе. Дань съ земли платили и богатые, и бѣдные, и владѣли своими участками на одинаковыхъ правахъ. Но понятно, что кто могъ платить дань въ 135 разъ менѣе, былъ уже въ большой зависимости отъ богатыхъ. Дань шла съ обработанной земли. Земель было вдоволь, и каждый могъ свободно занимать любое пространство и владѣть всѣмъ, куда, по старинному выраженію, его «топоръ, коса и соха ходила». На своихъ владѣніяхъ онъ ставилъ межи, и уже никто не могъ ихъ у него отнять: земля была княжескою, то есть государственною, и, по малости населенія, каждый князь употреблялъ всѣ усилія, чтобы въ его области селилось болѣе народу: тогда онъ получалъ и болѣе доходу, то есть даней. Но чтобы устроиться на новой, еще не занятой землѣ, нужно было имѣть скотъ и орудія, для ея обработки, имѣть сѣмена для посѣва и нѣкоторыя средства къ жизни, пока не дождешься перваго урожая. Всего этого бѣднякъ не

имѣлъ, и онъ поневолѣ садился на чужой землѣ. Даже и имѣя нѣкоторые запасы, онъ охотнѣе бралъ землю у какого нибудь сильнаго владѣльца, отъ котораго могъ ждать покровительства. Что земля была чужая, это его не стѣсняло: онъ владѣлъ ею по договору, на извѣстныхъ условіяхъ, могъ сажать и разводить на ней, что ему угодно, могъ даже отдать ее въ наемъ, или и совсѣмъ ее оставить, когда считалъ владѣніе для себя невыгоднымъ. Такъ, оправившись съ помощью какого либо владѣльца, онъ могъ купить себѣ распаханную землю, или распахать въ свою пользу какую нибудь изъ земель свободныхъ. Крестьянинъ пользовался отъ владѣльца или только обработанною землею, и тогда отдавалъ ему половину или другую долю урожая за землю, или бралъ у него и сѣмена, и скотъ, и орудія для обработки земли: въ послѣднемъ случаѣ онъ долженъ былъ уплатить за все, что взялъ, прежде чѣмъ оставитъ владѣльца. Владѣнія были общинныя и частныя. Крестьяне-собственники соединялись въ общины, чтобы владѣть землею сообща: община управлялась независимо чрезъ своихъ выборныхъ, занималась, по своему усмотрѣнію, раскладкою податей, вступала въ договоры съ другими общинами или съ владѣльцами, покупала земли и заселяла ихъ, и проч. Около большихъ селъ группировались мелкія села и деревни, назначая своего выборнаго старосту; большія села въ свою очередь соединялись въ волость, точно также назначая всѣмъ міромъ старосту для цѣлой волости. Для управленія въ городахъ отъ правительства назначались намѣстники (воеводы), въ уѣздахъ волостели. Но старосты, сотскіе и другіе выборные чины отъ народа имѣли съ ними одинаковую власть, учавствовали въ ихъ судѣ, производя и свой судъ даже въ дѣлахъ уголовныхъ, и могли прямо сноситься съ правительствомъ. Владѣльческія земли составляли вотчины: въ нихъ, конечно, власть принадлежала владѣльцу и его управляющему; но эта власть касалась лишь земли, какъ собственности владѣльца, а не крестьянъ, пользовавшихся землею по договору. Крестьяне и здѣсь составляли общину, примыкая къ извѣстной волости, имѣли сношенія съ казною, независимо отъ владѣльца, и вообще ни въ какія ихъ дѣла владѣлецъ не вмѣшивался, наблюдая только за выполненіемъ заключеннаго съ нимъ договора. Владѣлецъ, начиная противъ нихъ иски, жаловался выборному старостѣ, или и намѣстнику; но во всякомъ случаѣ, еслибъ судъ былъ и намѣстничій, или судъ самого владѣльца, на что нѣкоторые изъ нихъ получали привилегію, дѣло не могло быть рѣшено безъ участія выборныхъ сельскихъ властей. Въ большей зависимости отъ владѣльца были кабальные люди (дворовые), которые обязывались лично ему служить за долгъ или за

плату. Но и они еще не были полными холопами: такимъ холопомъ становился тотъ, кто, не имѣя возможности заработать своего долга или въ наказаніе отдавался навсегда въ кабалу владѣльцу, становясь вполнѣ его собственностью. Кабальные люди могли получать отъ владѣльца землю, но не платили податей и не принадлежали къ общинѣ, потому что не считались свободными людьми: помѣщикъ пріобрѣталъ ихъ для своей службы, и государство смотрѣло на нихъ, какъ на его собственность. Тяглыми, то есть плательщиками податей, были только крестьяне, какъ жившіе на общинныхъ земляхъ, такъ и на владѣльческихъ, и посадскіе, приписанные къ какому нибудь городу. Изъ нетяглыхъ людей вольными считались лишь захребетники, то есть сыновья при отцахъ, младшіе братья при старшихъ, уже имѣвшихъ землю, племянники при дядяхъ и другіе, еще не выдѣленные родственники. Такъ какъ дань шла лишь съ земли, то они, еще не будучи посажены на тягло, не имѣли и никакихъ обязанностей въ отношеніи къ общинѣ; не зависѣли они также и отъ владѣльца, потому что не уговаривались съ нимъ о землѣ. Поэтому они могли идти, куда хотѣли: записываться въ кабалу, или садиться на землю какого нибудь владѣльца, или брать общинную землю, или поступать въ посадскіе, въ приказные.

Получивъ землю или устроившись дворомъ въ городѣ, они уже становились тяглыми и, какъ всѣ крестьяне или посадскіе, могли измѣнять родъ жизни и оставлять свое мѣсто, лишь исполнивъ свои обязанности въ отношеніи къ общинѣ, или къ владѣльцу. Они, напримѣръ, могли передать свою землю или дворъ другому съ тѣмъ, чтобы онъ взялся выполнять лежавшія на нихъ повинности, и тогда опять были свободными. Таково, въ общихъ чертахъ, было положеніе крестьянъ до XVI-го вѣка. Но по мѣрѣ того, какъ московское государство утвердилось, владѣльцами земли, все болѣе являются служилые люди, или монастыри, и число общинныхъ земель значительно уменьшается. Общинамъ уже трудно соперничать съ боярами или монастырями, которые не рѣдко получали льготы отъ платежа податей. Подать брали съ сохи, заключавшей отъ 600 до 1800 десятинъ. Ея распредѣленіе по деревнямъ и дворамъ зависѣло отъ крестьянъ. Но случалось, что дворы пустѣли, цѣлыя деревни раззорялись, а дань шла все таже, потому что плательщики уже были занесены въ писцовыя книги, и до новыхъ писцовыхъ книгъ община должна была отвѣчать и за умершихъ и за бѣжавшихъ. Неравномѣрность податей, происходившая отъ различія сохъ, опустѣніе деревень отъ голоду, отъ мору, отъ разбоевъ, или отъ другихъ причинъ, наконецъ вымогатель-

ства посылаемыхъ изъ Москвы сборщиковъ податей и намѣстниковъ, — все это было причиною, что крестьяне все болѣе отдавались подъ покровительство сильныхъ владѣльцевъ и заключали съ ними условія, по которымъ и самую подать должны были вносить за нихъ помѣщики. Въ этомъ случаѣ крестьяне прекращали уже сношенія съ казною. Покамѣстъ существовалъ свободный переходъ, владѣльцы давали имъ всякія льготы, чтобы приманить побольше народу. Правительство запретило наконецъ тяглымъ людямъ переходить на нетяглыя земли, то есть на тѣ, которыя пользовались льготами отъ податей.

Въ XVI-мъ вѣкѣ мы видимъ полное развитіе земской, общинной жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ начинается ея паденіе, вызванное многими неблагопріятными обстоятельствами. По Судебнику 1550-го года, крестьянинъ, проживъ 4 года на чужой землѣ, въ случаѣ отказа, долженъ былъ платить за пожилое 1 рубль и 2 алтына; проживъ половину этого времени, онъ и платилъ половину. Другія повинности сюда не включались, такъ какъ онѣ зависѣли отъ уговора съ владѣльцемъ. Временемъ перехода назначенъ, какъ это уже было въ обычаѣ, Юрьевъ день осенній. Подтверждено, чтобы въ судѣ намѣстниковъ участвовали и выборные старосты и цѣловальники (присяжные). Община имѣла и своего земскаго дьяка для письма. Но крестьяне могли просить, чтобы ихъ совсѣмъ избавили отъ суда намѣстниковъ и дозволили имъ судиться собственнымъ судомъ даже въ дѣлахъ уголовныхъ. Правительство это имъ разрѣшало, и выборные судьи (для уголовныхъ дѣлъ губные прикащики и цѣловальники) могли приговаривать виновныхъ даже къ смертной казни. При Іоаннѣ Грозномъ была мысль даже совсѣмъ отставить намѣстниковъ, и если этого не случилось, то лишь потому, что немногія общины воспользовались правомъ самосуда, находя прямыя сношенія съ московскими боярами и дьяками для себя слишкомъ обременительными и разсчитывая легче поладить съ близкимъ къ нимъ воеводой. Крестьяне по прежнему самостоятельно занимались раскладкою наложенныхъ на нихъ податей, дѣля членовъ общины на лучшихъ, среднихъ и молодшихъ людей, смотря по достатку. Московскіе писцы и дозорщики считали и записывали сохи лишь по совѣщанію съ ихъ выборными властями. Вообще говоря, они имѣли такія же права, какъ и другіе владѣльцы: они начинали иски и на купцевъ, и на бояръ, участвовали, какъ свидѣтели, на судѣ, и проч. Но все-таки крестьяне составляли людей низшаго класса: за оскорбленіе крестьянина платилось пени 1 рубль, тогда какъ за оскорбленіе боярскаго человѣка 5 рублей, а за большаго гостя (купца) — 50 рублей. Главное ихъ отличіе состояло въ томъ, что они несли службу *тягломъ*,

то есть не учавствовали лично въ военной и гражданской службѣ (хотя въ крайнихъ случаяхъ и изъ нихъ набирались отряды), а вмѣсто этого платили въ казну деньги. Служилыми людьми были дворяне, боярскіе дѣти, которые на случай похода вооружались со своими дворовыми. Крестьяне же, лишь отчасти давая людей для войны, главнымъ образомъ поставляли подводы, продовольствіе, исполняли и другія повинности, кромѣ обыкновеннаго платежа податей. Тѣ же обязанности лежали и на посадскихъ. Но при жалкихъ промыслахъ, при дикости края, при разныхъ недостаткахъ въ управленіи, плательщики эти были чрезвычайно бѣдны, и казна получала самые незначительные доходы. Между тѣмъ, во время войнъ, веденныхъ при Іоаннѣ Грозномъ, поставлены были на ноги не одна сотня тысячъ войска. Чѣмъ же содержались эти арміи? Не имѣя денегъ, казна платила служилымъ людямъ землями. Никогда до того времени не было роздано столько земель за службу, какъ при Іоаннѣ Грозномъ. Позднѣе, въ XVII-мъ вѣкѣ, общинныя земли, принадлежавшія крестьянамъ, сохранились почти лишь на сѣверѣ Россіи да въ Сибири. Земля, конечно, давалась не безъ людей, и крестьяне, на ней сидѣвшіе, становились владѣльческими. Земля, принадлежавшая крестьянамъ, называлась *черною*, а владѣльческая *бѣлою*: въ сущности та и другая, за исключеніемъ вотчинъ, составляла собственность казны, и давалась служилому человѣку лишь во временное пользованіе: онъ не могъ ни продать, ни заложить ее. Этимъ помѣстья и отличались отъ вотчинъ, которыми старинные бояре и князья владѣли, какъ полною собственностью. Но на дѣлѣ выходило такъ, что и помѣстья переходили изъ рода въ родъ служилымъ людямъ, потому что имъ надо же было чѣмъ нибудь кормиться, и обращались въ вотчины. Для крестьянина же вначалѣ не было большой разницы, кому принадлежала земля: общинѣ, или служилому человѣку; онъ при этомъ несъ если не одинакія повинности, то тѣже тягости. Будучи черносошнымъ, онъ всю плату вносилъ въ казну; на бѣлой землѣ ему приходилось платить лишь половину податей, а другую половину онъ отдавалъ владѣльцу работою. Такая плата работою или натурою могла казаться ему выгоднѣе, да кромѣ того онъ былъ болѣе обезпеченъ отъ алчности приказныхъ. Въ случаѣ притѣсненія помѣщика, онъ могъ перейти къ другому владѣльцу, а если не имѣлъ средствъ выплатить долга, то всегда находилъ богатаго помѣщика, который выводилъ его изъ земли. Богатые владѣльцы отовсюду сманивали къ себѣ людей; закупая приказныхъ, они укрывали число своихъ дворовъ, чтобы платить въ казну менѣе. Такимъ образомъ, они могли давать такія льготы крестьянину, какихъ онъ не имѣлъ ни

на общинной землѣ, ни въ томъ случаѣ, еслибы самъ былъ собственникомъ. Личныя его права при этомъ не нарушались: онъ могъ самъ покупать земли, держать у себя кабальныхъ людей, и проч. Мы говоримъ о личныхъ правахъ лишь потому, что все это не было запрещено закономъ. Но въ сущности въ древней Руси никакія права еще не были строго опредѣлены и установлены: кто имѣлъ болѣе силы, тотъ захватывалъ себѣ и больше правъ. Служилое сословіе владѣло оружіемъ и вмѣстѣ съ приказными составляло высшій классъ общества, въ которомъ нуждалось государство; крестьяне же представляли лишь платежную силу; если правительство и давало имъ многія льготы, то лишь въ надеждѣ получать полнѣе доходы, расхищаемые намѣстниками. Но народъ былъ бѣденъ; о томъ, что въ немъ, въ его благосостояніи, и заключалось все богатство страны, тогда не имѣли никакого понятія; доходы поступали плохо, и правительство не затруднилось платить служилымъ людямъ землею, то есть крестьянами, безъ которыхъ земля не имѣла никакой цѣны. Плата землею, естественно, привела къ тому, что крестьяне скоро сравнялись съ кабальными людьми. Бѣдные дворяне, теряя людей, которыхъ переманивали богатые, жаловались, что имъ нечѣмъ жить и въ случаѣ похода, не съ чего подняться. Многіе изъ нихъ даже продавали себя въ холопы. Это было имъ запрещено, потому что такимъ образомъ государство теряло служилыхъ людей. Но чтобы помочь дѣлу, правительство не нашло другаго средства, какъ совершенно запретить переходъ крестьянъ, хотя все зло происходило не отъ перехода, а отъ тяжести налоговъ и отъ притѣсненія властей. Въ 1597-мъ году вмѣстѣ съ владѣльческими крестьянами приклѣплены къ землѣ и черносошные. Теперь правительство уже не признавало двора пустымъ. Имѣя въ виду лишь правильное поступленіе доходовъ, оно надѣялось, что и служилые люди будутъ болѣе обезпечены, и богатымъ владѣльцамъ труднѣе будетъ скрывать жилые дворы. На дѣлѣ случилось не такъ. Закрѣпленіе крестьянъ лишь умножило число бѣглыхъ, которые покидали землю безъ всякихъ разсчетовъ съ владѣльцами. Шайки разбойниковъ все увеличивались: къ нимъ во множествѣ приставали всѣ обездоленные люди; крестьяне вмѣстѣ съ помѣщиками укрывали ихъ, воеводы дѣлились съ ними добычей. Сами бояре составляли подобныя шайки изъ своихъ крестьянъ, чтобы грабить сосѣднихъ помѣщиковъ и отнимать у нихъ людей, или встрѣчать отпоромъ команды, посылаемыя къ нимъ властями для отыскиванія бѣглыхъ.

Послѣ смутнаго времени, когда нѣсколько улеглось вообще шатаніе народа и установленъ нѣкоторый порядокъ, уже не было и во-

проса о свободномъ переходѣ крестьянъ. Напротивъ всѣ распоряженія правительства направлены были къ тому, чтобы усилить ихъ прикрѣпленіе къ землѣ. Въ XVII-мъ вѣкѣ прежній срокъ для отыскиванія бѣглыхъ съ 5 лѣтъ увеличенъ до 10, 15 лѣтъ, а потомъ и совсѣмъ уничтоженъ; владѣлецъ, укрывавшій бѣглаго, долженъ былъ не только возвратить его, но и отдать за него еще четверыхъ своихъ крестьянъ, и т. д. Законъ однако не давалъ какой-либо особой власти помѣщику надъ крестьянами. Прикрѣпляя къ землѣ, правительство, казалось, прикрѣпляло и землю къ крестьянамъ. Каждый плательщикъ податей долженъ былъ имѣть землю, и помѣщикъ не имѣлъ права лишить крестьянина земли, взявъ его себѣ во дворъ. Выгоды правительства также заставляли строго смотрѣть за тѣмъ, чтобы крестьяне не были утѣснены: иначе произошелъ бы ущербъ въ сборѣ податей. По прежнему крестьяне принадлежали общинѣ, имѣли свой судъ, вступали во всякіе договоры, въ подряды съ казною, пріобрѣтали земли, и проч. Самое прикрѣпленіе касалось лишь хозяевъ: захребетники, отжившіе свой срокъ кабальные люди, отпущенные на волю холопы,—всѣ они по прежнему были вольными, гулящими людьми и могли распоряжаться собою, какъ хотѣли. Въ голодные годы помѣщикъ обязанъ былъ кормить своего крестьянина или холопа: еслибы послѣдній бѣжалъ, потому что помѣщикъ отказывалъ ему въ пропитаніи, то считался свободнымъ. Все это предполагалось по закону; но не такъ было на дѣлѣ. На дѣлѣ помѣщикъ уже имѣлъ полную власть надъ крестьянами. Въ случаѣ ихъ жалобъ, онъ всегда могъ ссылаться на ихъ своеволіе, на то, что, вслѣдствіе ихъ распущенности, онъ не можетъ нести службы. Да у него никто и не спрашивалъ отчета. Крестьянинъ уже не могъ уйти отъ него: этого было и довольно, чтобы онъ считалъ его своею собственностью. И мы скоро видимъ, что крестьянъ стали продавать безъ земли, какъ можно было продавать только холоповъ. Въ приказахъ утверждали такія сдѣлки, хотя крестьяне по прежнему отличались отъ кабальныхъ людей. Когда помѣщикъ не платилъ долга, то на правежѣ били его крестьянъ, взыскивая долгъ съ имѣнія. За убитаго на его землѣ чужаго человѣка отдавали владѣльцу этого человѣка одного изъ его крестьянъ. Безъ дозволенія помѣщика, крестьянинъ уже ничего не дѣлалъ, не могъ вступать даже въ бракъ. Помѣщикъ уже судилъ и наказывалъ своихъ крестьянъ кнутомъ и плетью. Слѣдовательно, ранѣе Петра I-го крестьяне стали вполнѣ крѣпостными, не смотря на мнимыя ихъ права. Петръ I не думалъ ни утверждать, ни уничтожать крѣпостнаго права, хотя и говорилъ, что зазорно продавать людей, будто скотъ, и на-

казывалъ губернаторамъ смотрѣть, чтобы помѣщики не притѣсняли крестьянъ, а въ случаѣ притѣсненій отнимать у нихъ имѣнія и передавать родственникамъ впредь до ихъ исправленія. Онъ дозволилъ холопамъ безнаказанно оставлять господъ, если они желали поступить въ военную службу; онъ далъ право крестьянамъ записываться въ города и безъ воли помѣщиковъ, съ тѣмъ только, чтобы они платили господамъ опредѣленный оброкъ. Но въ тоже время, заботясь, чтобы никто не уходилъ отъ службы государству, онъ, послѣ переписи 1719-го года, рѣшилъ, чтобы подать шла не съ двора, а съ каждаго человѣка подушно и чтобы за платежъ подати отвѣчалъ тотъ, на чьей землѣ, или въ чьемъ дворѣ этотъ человѣкъ находился. Тутъ разумѣлись кромѣ крестьянъ, и кабальные люди; но помѣщики, пользуясь указомъ, записали за собою и всѣхъ свободныхъ, гулящихъ людей, которые случайно на ихъ землѣ находились. Въ самомъ дѣлѣ скоро вышелъ указъ, чтобы гулящихъ людей не было, чтобы всѣ они приписывались или къ городамъ, или къ владѣльцамъ, или поступали въ солдаты. Петръ I, постоянно нуждаясь въ деньгахъ, желалъ лишь упрочить сборъ податей и внести въ подушный окладъ тѣхъ, которые до сихъ поръ укрывались отъ платежа, считаясь дворовыми, хотя, можетъ быть, принадлежали къ крестьянамъ. Въ тоже время и служба дворянъ стала гораздо строже: они уже должны были служить постоянно и проходить всѣ чины, начиная съ солдата, и не потому, что владѣли землею, а вслѣдствіе самаго своего дворянскаго званія. Но послѣ того, какъ подать была перенесена съ земли на лице, крестьяне уже совершенно уравнивались съ холопами; помѣщикъ, отвѣчая за нихъ въ платежѣ, получилъ надъ ними новую власть и заслонялъ ихъ собою передъ правительствомъ. Онъ могъ хоть бы совсѣмъ отнять у нихъ землю: казнѣ до этого не было дѣла, лишь бы подати вносились имъ аккуратно. Петръ I еще не узаконялъ крѣпостнаго права, но лишь употребилъ уже существовавшее на дѣлѣ крѣпостное право, какъ орудіе для своихъ цѣлей. Послѣ него власть помѣщиковъ надъ крестьянами достигла полнаго развитія. При Аннѣ Іоанновнѣ запрещено крестьянамъ вступать въ подряды, покупать земли и людей въ услуженіе. При Елизаветѣ били плетьми и ссылали на заводы тѣхъ, кто уходилъ отъ помѣщиковъ, желая поступить въ солдаты; дворовые уже совершенно смѣшаны съ крестьянами, и уничтожено всякое различіе между помѣстьемъ и вотчиною. Теперь крѣпостными владѣли лишь дворяне, и велѣно продать свои имѣнія тѣмъ, кто владѣть ими не имѣлъ права. Помѣщикамъ дозволено покупать людей безъ земли и продавать ихъ для отдачи въ ре-

круты, отдѣляя родителей отъ дѣтей, мужа отъ жены, и также ссылать крестьянъ въ Сибирь. Даже отпущенные на волю должны были опять приписываться къ помѣщикамъ, или къ заводамъ, ища кто бы ихъ принялъ, и прося рабства, какъ милости. У самыхъ добрыхъ господъ крестьянинъ не смѣлъ ступить шагу безъ дозволенія. При Екатеринѣ II подтверждены всѣ прежнія привилегіи помѣщиковъ и, кромѣ права ссылать крестьянъ въ Сибирь и отдавать въ рекруты, дано еще право отдавать ихъ въ каторжную работу. Въ 1785-мъ году окончательно объявлена жалованная грамота дворянству, по которой оно могло служить или не служить. Послѣ этого стало уже несомнѣннымъ, что крестьяне не отданы помѣщикамъ только временно за службу. Но послѣ этого, при Павлѣ и при Александрѣ I, начались уже нѣкоторыя ограниченія крѣпостнаго права, пока, 20 лѣтъ тому назадъ, правительство не рѣшилось совершенно отмѣнить его.

Какъ ни тяжко было положеніе крестьянъ передъ реформою въ XVII вѣкѣ, старые земскіе обычаи у нихъ еще сохранялись. Черносошные (государственные) владѣли землею собща, міромъ; но каждый могъ имѣть и свою землю. Они отдавали на оброкъ дачи, или участки земли, покупали или брали въ наемъ земли у монастырей, или у помѣщиковъ отъ лица общины, или отъ лица одного изъ крестьянъ. При отводѣ земли писалась «дерноватая» грамота, потому что, по обычаю, покупщикъ принималъ въ руки отъ продавца кусокъ земли, дерну. Общинныя земли дѣлились на три поля, а каждое поле на участки, и участки разбирались по жребію. Въ иныхъ мѣстахъ раздѣлъ происходилъ ежегодно, въ другихъ чрезъ извѣстное время. Покосы дѣлились ежегодно; но случалось что два, три владѣльца занимали лугъ поочередно. При раздѣлѣ взятый каждымъ жеребій записывался въ особую книгу. Полный участокъ, составляющій тягло, назывался бѣлкой, половинный—полу-бѣлкой. Каждый бралъ, сколько хотѣлъ. Но отъ пустыхъ земель, записанныхъ въ окладъ, нельзя было отказываться: ихъ тоже дѣлили до новой переписи. Отдаленныя земли пахали наѣздомъ, всею общиной, и потомъ оставляли подъ залежъ. Воевода у черносошныхъ крестьянъ имѣлъ лишь административную власть: онъ объявлялъ о сборѣ податей, о доставленіи подводъ, хлѣбныхъ запасовъ, и проч., и смотрѣлъ, чтобы все было доставлено сполна; онъ разбиралъ ссоры между волостями и жалобы крестьянъ на своихъ выборныхъ, когда къ нему обращались съ такими жалобами. Вся судебная и полицейская власть принадлежала міру. Міръ выбиралъ земскаго судейку и его товарищей: старосту и цѣловальниковъ. Въ выборѣ учавствовали всѣ домохозяева, и потомъ выборъ утверждался

въ приказѣ. На мірскихъ сходкахъ земскій судейка не имѣлъ первенствующаго голоса, а учавствовалъ наравнѣ съ прочими; но на судѣ онъ предсѣдательствовалъ. Его товарищи скрѣпляли положенный имъ приговоръ, безъ чего этотъ приговоръ не могъ имѣть силы. Судъ происходилъ словесно, но содержаніе дѣла кратко записывалось грамотнымъ церковнымъ дьячкомъ, котораго и принимали въ деревню на этихъ условіяхъ, такъ какъ и сельскіе попы и весь причтъ избирались прихожанами. На рѣшеніе земскаго судьи жаловались въ Москву въ приказъ. Дѣлами уголовными завѣдывалъ губной староста, выбираемый изъ служилыхъ людей; не рѣдко волостямъ также давалось право оберегать себя отъ лихихъ людей, и тогда земскій судья рѣшалъ и уголовныя дѣла, напримѣръ, судилъ и приговаривалъ къ наказанію разбойниковъ. Онъ же распоряжался сборомъ податей и выполненіемъ повинностей, имѣя по этимъ дѣламъ сношенія съ воеводой. Повинности были очень разнообразны: намѣстничій кормъ, ямскія деньги (для казенныхъ почтъ), кормовыя деньги на жалованье ратнымъ людямъ, деньги на городовое дѣло (на укрѣпленія), на сибирскіе запасы, на тюрьмы, на выкупъ плѣнныхъ, и проч. Самою тяжелою для крестьянъ повинностью была доставка разныхъ запасовъ, на своихъ подводахъ, иногда въ очень отдаленное мѣсто. Тутъ крестьянамъ приходилось уплачивать на дорогѣ разныя пошлины, да еще имѣть дѣло съ воеводами и дьяками. Всѣ занятія крестьянъ ограничивались земледѣліемъ, пчеловодствомъ, рыболовствомъ; даже и въ городахъ рѣдко встрѣчаемъ какія либо ремесла. Денегъ было мало; подать нерѣдко платили натурою: напримѣръ, медомъ, рыбою. Волость самостоятельно распредѣляла повинности, лежавшія на сохахъ, которыя дѣлились на выти, четверти, трети, осьминники, и проч. Выборные цѣловальники, собиравшіе подать, отмѣчали каждаго, кто уплатилъ, въ особой книгѣ (разрубники, книги сошнаго письма). Но подати были очень неравномѣрны уже по причинѣ различія сохъ, а писцы, дозорщики и всякіе приказные, посылаемые изъ Москвы и отъ воеводъ, искали, гдѣ бы только поживиться. Многочисленность и дробность властей совсѣмъ подавляла народъ: всѣ хотѣли отъ него кормиться. Уже тогда являлись кулаки, горланы, дѣйствовавшіе съ приказными за одно: кто былъ безотвѣтнѣе, на того и накидывали больше тяжестей. Крестьянамъ случалось жаловаться и на своихъ выборныхъ людей, что они держатъ руку воеводъ, которые ихъ раззорили. Случалось, что цѣлыя выти пустѣли, цѣлыя деревни выстаивали на правежѣ за недоимки.

Въ городахъ мы находимъ тоже самое: городъ съ его уѣздомъ

имѣлъ одно управленіе, потому что и посадскіе большею частію занимались земледѣліемъ. Въ срединѣ города обыкновенно находилась крѣпость, окруженная валомъ; тутъ помѣщались: соборъ, дворъ архіерея и воеводы, приказная изба, губная изба (для уголовныхъ дѣлъ), казенный погребъ (съ порохомъ и другими военными запасами), тюрьма и дворы помѣщиковъ, которые здѣсь жили временно, особенно при опасности отъ непріятелей. Вокругъ крѣпости лежалъ посадъ съ его базарною площадью, съ земскою избою, съ таможнею, кружечнымъ дворомъ (виннымъ) и незатѣйливыми дворами тяглыхъ людей. Вторымъ лицомъ послѣ воеводы въ городѣ былъ губной староста: его выбирали люди всѣхъ чиновъ изъ дворянъ или боярскихъ дѣтей. Земскому судьѣ соотвѣтствовалъ земскій, всеуѣздный голова, начальствовавшій и надъ городомъ, и надъ уѣздомъ. Какъ выборное лице, онъ завѣдывалъ раскладкою податей, раздѣленіемъ полей и вообще всѣмъ, что касалось городскаго хозяйства и мірскихъ нуждъ. Иногда уѣздные крестьяне посылали особыхъ выборныхъ лицъ въ его совѣтъ. Попы также избирались жителями, при чемъ заключали съ выбраннымъ порядную запись, чтобъ онъ не трогалъ церковной казны, не назначалъ дьячковъ и другихъ церковныхъ лицъ безъ согласія міра, и проч. Въ городахъ повторялось тоже, что въ волостяхъ. Промыслы были не значительны, а посадскіе, прикрѣпленные къ мѣсту, несли всѣ тягости, хотя бы дворы одинъ за другимъ пустѣли. Торговля, кромѣ тяжелыхъ налоговъ и крѣпостной неподвижности жителей, стѣснялась еще множествомъ пошлинъ и привилегіями, данными иноземцамъ. Подъ руководствомъ Ордына Нащокина изданъ былъ торговый уставъ, по которому уничтожены эти привилегіи, и многія мелкія пошлины отмѣнены. Но это мало поправило дѣло. Даже въ такихъ городахъ, какъ Новгородъ, Псковъ, доходовъ не хватало на ихъ собственныя нужды. Чтобы сократить расходъ, прибѣгали къ обыкновенному средству: вмѣсто жалованья приказнымъ давали земли. Самыя московскія сотни богатыхъ купцевъ жаловались, что у нихъ убываетъ людей, и чуть въ какомъ нибудь городѣ являлся купецъ позажиточнѣе, то просили перевести его къ нимъ на подмогу въ несеніи повинностей. Тяглые люди въ городѣ еще болѣе терпѣли отъ насилія воеводъ, чѣмъ волости. Причиною этого были все тѣже тяжкія повинности, выполненія которыхъ онъ обязанъ былъ требовать, хоть бы самъ и не хотѣлъ утѣснять народъ. Выборныя должности служили только къ обремененію жителей. Выбирали, напримѣръ, цѣловальниковъ для надзора за продажею казеннаго вина, къ таможеннымъ и другимъ сборамъ. Но вино дозволялось временно курить для

себя нѣкоторымъ лицамъ; получивъ дозволеніе, они выкуривали его и для тайной продажи. Буйные солдаты приходили толпою на кружечный дворъ и распивали безданно, безпошлинно, да и другихъ поили; многимъ вино отпускалось въ долгъ, а они не платили. Чрезъ это происходилъ недоборъ казенныхъ денегъ, и за все отвѣчалъ цѣловальникъ. Ему приходилось выплачивать изъ своихъ средствъ и выстаивать на правежѣ цѣлыя недѣли. Часто воеводы и незаконно налагали разныя повинности и случалось, что выборныя власти имъ въ этомъ помогали. Такъ разлагалась община; но, какъ видимъ, слѣды ея прежней самостоятельности были еще очень замѣтны въ XVII-мъ вѣкѣ.

Въ Московскомъ государствѣ, въ большей или меньшей степени, сохранялись старые обычаи, закрѣпляясь волею государя. Такъ остатокъ старыхъ общинныхъ порядковъ, которые когда-то существовали въ видѣ различнаго рода вѣча, мы видимъ въ земскихъ соборахъ. Соборы состояли изъ выборныхъ всякаго званія людей, созываемыхъ въ Москву со всей земли, для рѣшенія наиболѣе важныхъ дѣлъ. Впервые такой соборъ созванъ былъ Іоанномъ Грознымъ въ 1548-мъ году, когда, послѣ смутнаго боярскаго правленія, онъ рѣшился привести всѣ дѣла въ порядокъ. Всего съ 1548 до 1653-го года было 15 соборовъ: при Іоаннѣ Грозномъ 2, при Михаилѣ Федоровичѣ 9, при Алексѣѣ Михайловичѣ 4. Потомъ еще созванъ былъ 1 соборъ при Ѳедорѣ, по поводу мѣстничества. Въ соборахъ разныя лица учавствовали безъ выбора и по выбору, какъ представители извѣстнаго сословія въ той ли другой мѣстности: изъ духовенства, изъ служилыхъ людей и изъ тяглыхъ. Все высшее духовенство, митрополиты, архіереи принимали участіе въ соборѣ поголовно: прочіе духовные и лица выбирали своихъ представителей. Изъ служилыхъ людей, высшіе знатные лица въ Москвѣ, члены боярской думы, конечно, имѣли право подавать на соборѣ голосъ безъ всякаго выбора; московскіе дворяне и городовые служилые люди посылали выборныхъ. Изъ тяглыхъ людей всѣ учавствовали лишь по выбору: сюда относились московскія купеческія сотни и посадскіе люди другихъ городовъ, отчасти уѣздные крестьяне. Соборы стали созывать уже въ такое время, когда началось крѣпостное право, и община потеряла прежнее значеніе, потому и можно сказать, что крестьяне на соборѣ почти не учавствовали. На соборахъ не соблюдалось правила, чтобы всѣ мѣстности имѣли своихъ представителей: многіе города и совсѣмъ ихъ не посылали; бывали и такіе соборы, на которыхъ созывались только выборные отъ одного города Москвы, или отъ одного какого-нибудь

сословія: напримѣръ, по ратному дѣлу — выборные отъ служилыхъ людей, по торговымъ дѣламъ—выборные отъ купечества. Число выборныхъ отъ каждаго мѣста было различно: напримѣръ, отъ духовенства 1, отъ дворянъ 2, отъ посадскихъ большихъ городовъ 2, отъ малыхъ 1. Но и это правило не было постояннымъ: мѣстные жители могли посылать и больше представителей, если хотѣли, и правительство требовало отъ посадскихъ то по 1 человѣку, то по 3. Новгородъ избиралъ 5 человѣкъ; Москва отъ посадскихъ иногда давала до 20 человѣкъ, а отъ служилыхъ людей и до 50. На соборѣ 1649-го года 73 города прислали 143 дворянина, а 77 посадовъ — 83 посадскихъ (съ московскими 98). Въ 1613-мъ году однихъ московскихъ дворянъ было 112 человѣкъ. Такимъ образомъ въ рѣшеніяхъ собора главное участіе принимали служилые люди, и преимущественно московскіе, хотя дѣла рѣшались и не по большинству голосовъ. Когда приходилъ указъ о соборѣ, мѣстные жители собирались въ церковь, чтобы выслушать царскую грамоту, и воевода вмѣстѣ съ губнымъ старостой дѣлали распоряженія о выборахъ. Выборы происходили по сословіямъ совершенно свободно: предписывалось только выбирать «добрыхъ и разумныхъ людей, съ которыми можнобы говорить и которымъ государевы и земскія дѣла за обычай». Списокъ выбранныхъ подписывался избирателями. Отъѣзжая въ Москву, выборные брали съ собой необходимые запасы на время своего пребыванія. Соборъ открывался рѣчью государя; потомъ обсуждали какой либо вопросъ по сословіямъ, а давали отвѣтъ, въ видѣ челобитной, и отдѣльно, и вмѣстѣ, безъ различія сословій. Случалось, что всѣ участники собора раздѣлялись на двѣ палаты: высшее духовенство и бояре совѣщевались особо, а выборные лица особо. Дѣло рѣшалось не безъ многихъ споровъ, но не по большинству голосовъ, а всѣ должны были сойтись въ *единогласномъ* рѣшеніи; впрочемъ можно было подавать и отдѣльныя мнѣнія. Предметами совѣщаній были, напримѣръ, такіе вопросы: начинать ли войну съ Ливоніей? принимать ли въ подданство Богдана Хмѣльницкаго? брать ли Азовъ, занятый казаками? Большею частію на соборахъ дѣло шло о томъ, какъ добыть для войны денегъ. Но случалось, ставились и вопросы, «какъ утвердить государевы и земскія дѣла и чтобы судъ и расправа во всѣхъ дѣлахъ была равна». Послѣ собора въ постановленіяхъ государя означалось: «по нашему указу и всей земли приговору». Но земскіе соборы не были у насъ какимъ-нибудь постояннымъ, опредѣленнымъ учрежденіемъ. Отъ доброй воли государя зависѣло собирать или не собирать ихъ. Точно также и рѣшенія

собора государь могъ принять лишь къ свѣдѣнію, или дать имъ и силу закона. Въ послѣдніе 20 лѣтъ своей жизни Алексѣй Михайловичъ уже не созывалъ выборныхъ для совѣщанія, а послѣ его смерти этотъ обычай скоро и совсѣмъ прекратился. Полагаютъ, что соборы не могли особенно нравиться московскимъ боярамъ и высшему духовенству: дѣйствительно, служилые люди и посадскіе въ нихъ подъ часъ указывали на тягости, налагаемыя Москвою, и на раззореніе отъ московской волокиты.

Другіе проблески общинной жизни мы находимъ въ быту казаковъ: у запорожцевъ, въ Малороссіи, на Дону и на Уралѣ. На казаковъ вначалѣ не имѣли вліянія московскіе порядки, и намъ тѣмъ любопытнѣе наблюдать здѣсь самостоятельное развитіе общины. Къ сожалѣнію, объ этомъ мы имѣемъ очень мало свѣдѣній; притомъ казаки составляли военныя братства, и общинная жизнь приняла у нихъ очень одностороннее направленіе. Какова она была, мы лучше всего можемъ видѣть у запорожцевъ. Запорожцы, какъ надо полагать, первоначально жили на одномъ изъ острововъ Днѣпра, при его заворотѣ къ югу, ниже устьевъ рѣки Конскія Воды. Впослѣдствіи мы ихъ находимъ около того же мѣста, но на правомъ, западномъ берегу Днѣпра. Здѣсь Днѣпръ, пройдя пороги, уже ближе къ устью, дѣлится на множество рукавовъ и образуетъ острова, густо заросшіе камышами. Запорожцамъ очень удобно было скрываться на своихъ лодкахъ въ этихъ протокахъ, въ случаѣ нападенія татаръ, или другихъ непріятелей. Дѣлая кругомъ постоянные набѣги, они завладѣли обширнымъ краемъ, составляющимъ нынѣшнюю Новороссію, куда крымскіе татары проникали лишь временно, когда шли грабить Польшу. Чтобы обезопасить Польшу отъ этихъ грабежей, польскій король, Стефанъ Баторій, вступилъ въ союзъ съ запорожцами, обѣщая имъ свое покровительство, и въ 1576-мъ году утвердилъ за за ними всѣ земли, которыя они считали своими. Мѣсто ихъ жительства, такъ сказать, столица Запорожья, называлось *Сѣчью*, а, какъ войсковое сборище, *Кошемъ*, и было огорожено валомъ съ палисадникомъ. Внѣ вала находилось предмѣстье съ лавками, съ базаромъ; внутри самыя жилища казаковъ, плетеныя сараи, обмазанныя глиной, а въ послѣднее время, огромныя деревянныя постройки, шедшія отъ средины звѣздообразно. Каждая заключала одну громадную комнату безъ всякихъ раздѣленій и въ ней жило вмѣстѣ до 600 человѣкъ, составлявшихъ отдѣльный *курень*. За валомъ находились церковь, жилище главнаго кошеваго атамана, и проч. Нѣкоторыя внѣшнія особенности своего быта запорожцы могли занять отъ поля-

ковъ; но во всемъ ихъ устройствѣ самостоятельно высказалась малороссійская народность.

Запорожцы составляли особое военное братство, число членовъ котораго въ прошломъ столѣтіи простиралось до 25000, а въ XVI-мъ и въ XVII-мъ вѣкѣ было гораздо менѣе (вѣроятно, около 10000). Обѣтомъ этого братства или «товариства» были: тѣсный союзъ, основанный на равенствѣ всѣхъ между собою и общности имѣнія, какъ это находимъ въ старинныхъ монастыряхъ, полное безбрачіе и борьба съ невѣрными. Каждый запорожецъ имѣлъ своего развѣ только коня и оружіе. Все прочее принадлежало Кошу, то есть, всему войску. Членами «товариства» могли быть только холостые. Женщинъ въ Сѣчь, гдѣ жили запорожцы, не допускали: даже родная мать не могла посѣтить казака. Кто укрылъ бы въ войскѣ женщину, подвергался смертной казни. Принимали къ себѣ запорожцы всѣхъ вольныхъ людей, и русскихъ, и татаръ, и поляковъ; но кабальныхъ людей, холоповъ, помѣщичьихъ крестьянъ, по крайней мѣрѣ въ послѣднее время, не принимали. Главнымъ условіемъ было, чтобы каждый исповѣдывалъ православную вѣру (или, вступая въ Кошъ, принималъ православіе) и, не жалѣя жизни, боролся со старыми врагами казачества, татарами и турками (а въ послѣдствіи и поляками), такъ какъ запорожцы и соединились между собою для воинскихъ подвиговъ. Воинская доблесть и была главною добродѣтелью; все, что ослабляло ее: сельскій или промышленный трудъ, семейная жизнь, роскошь, накопленіе богатствъ отдѣльными лицами,—все это изгонялось. Были и женатые казаки, но они жили по хуторамъ, на запорожскихъ земляхъ, и не принадлежали къ общинѣ, состоявшей лишь изъ лицъ, жившихъ въ Сѣчи. Принятому въ Кошъ обыкновенно давали какое-нибудь прозваніе: Прислипа, Подкова, Многогрѣшный, Лизогубъ, Головатый, Горбачь, Слизкій, — по наружному признаку, или другому случайному обстоятельству, что видно и изъ самыхъ названій. Большинство казаковъ прославились и стали болѣе извѣстны съ этимъ прозвищемъ, чѣмъ со своимъ настоящимъ именемъ. Въ послѣднее время былъ обычай принимать въ Кошъ знатныхъ лицъ, лишь ради почета. Такъ, слѣдуя модѣ, многіе изъ приближенныхъ императрицы Екатерины II записывались казаками въ какой-нибудь запорожскій курень, хотя часто едва слыхали о Сѣчи. Такъ записаны были: Петръ Панинъ, Браницкій, Остерманъ, Девіеръ, а изъ лицъ, знавшихъ Сѣчь: астрономъ Эйлеръ и Григорій Потемкинъ,— послѣдній съ прозвищемъ: Грицько Нечоса. Одежда запорожцевъ была незатѣйливая: рубаха, куртка и широкіе, цвѣтные шаровары,

въ дорогѣ черкеска съ вылетами, или шерстяная косматая бурка, высокая шапка изъ бараньихъ смушекъ — иногда, ради праздника: штаны съ золотыми галунами, шелковый поясъ съ золотыми кистями, польскій кунтушъ съ откидными рукавами, сафьяные чеботы (сапоги), и проч. Главнымъ оружіемъ служили: обоюду-острая пика съ желѣзными наконечниками и ружье. Всѣ брили голову и бороду, оставляя на головѣ лишь чубъ, иногда такой огромный, что закрывалъ все лице; носили также усы, которые чернили, завивая къ верху. Каждый жилъ вмѣстѣ съ другими въ куренѣ, къ которому былъ приписанъ, и ѣлъ за общимъ столомъ: пища состояла изъ густой похлебки, гречневой, пшеничной, или ячменной, изъ такой же каши, изъ молочныхъ припасовъ, изъ рыбы, паленицъ, коржей (лепешекъ). Ѣли по нѣскольку человѣкъ изъ деревяннаго блюда деревянными ложками; соленые огурцы были особеннымъ лакомствомъ; на столъ ставили и чаши съ водкой, пивомъ или медомъ: изъ нихъ черпали ковшами, и передавали напитокъ другъ другу. Въ походѣ запорожецъ довольствовался толокномъ (изъ пшена) да толчеными сухарями. Вообще, при нуждѣ, онъ могъ терпѣть и холодъ, и голодъ. Принятый въ общину, и не мечталъ о какой либо роскоши; его приводили въ курень, указывали ему мѣстечко въ три аршина и говорили: «Вотъ тебѣ домовина, а умрешь, такъ зробимъ (сдѣлаемъ) еще короче».

Войско собиралось на площадь, и всѣ важныя дѣла рѣшало міромъ, въ «общей войсковой радѣ» (совѣтъ). Оно избирало и начальниковъ для предводительства и веденія дѣлъ. Главнымъ лицомъ былъ кошевой атаманъ, избиравшійся на годъ. Въ походахъ онъ имѣлъ право казнить смертію; отъ лица войска, онъ вступалъ въ сношенія съ иностранными государствами, утверждалъ всѣ выборы, распредѣлялъ земли, доходы, добычу,—все, конечно, съ соизволенія громады. Кромѣ него *старшину* составляли: войсковой судья, войсковой есаулъ (исполнявшій разныя порученія и полицейскія обязанности), кошевой писарь (первый министръ) и куренные атаманы. Въ Сѣчи войско дѣлилось на курени (въ прошломъ столѣтіи ихъ было 38), и каждый курень имѣлъ своего атамана, который завѣдывалъ всѣмъ его достояніемъ. Кромѣ этого къ старшинѣ принадлежали: войсковой пушкарь (начальникъ артиллеріи) и полковники, имѣвшіе при себѣ также писарей, есауловъ, и проч. (полковая старшина). Всѣ эти должности были выборныя. Старшины выбирались обыкновенно изъ заслуженныхъ казаковъ. Разъ выбранные въ какую нибудь должность и впослѣдствіи, когда ея лишались, оставались въ почетномъ званіи старшинъ, если только исполняли ее съ честью. Такимъ обра-

зомъ почти всѣ старые казаки въ войскѣ были старшинами. Особенным довѣріемъ и почетомъ пользовались куренные атаманы: черезъ нихъ и кошевой могъ повелѣвать войскомъ. Казаки собирались для рѣшенія дѣлъ и по куренямъ; старшина также имѣла свои особыя сходки. Въ дѣлахъ, производившихся въ войскѣ, обыкновенно писалось: «Мы, войско, въ общей радѣ съ товариствомъ, рѣшили» или «Мы, кошевой, старшина, старики, куренные атаманы и все войско, рѣшили».

Кошъ, товариство, управлялъ всею страною, посылая отъ себя въ области, или паланки, особыхъ полковниковъ для суда и расправы. Недовольный судомъ старшины въ паланкахъ, могъ жаловаться въ Сѣчь, при чемъ дѣло доходило и до кошеваго. Судъ былъ словесный, но имѣли силу и письменные документы. Кошъ вообще заботился о томъ, чтобы старшина не обижала жителей, и чтобы всѣ пути въ его владѣніяхъ были безопасны отъ воровъ и разбойниковъ. Гайдамаки, гулящіе казаки, подвергались преслѣдованіямъ. За воровство, грабежъ, за развратъ жестоко казнили. Преступника въ Сѣчи запирали въ пушкарню, въ погребъ, приковавъ къ пушкѣ, потомъ выводили его на площадь къ столбу, угощали водкой, пивомъ, калачами и наконецъ сообща забивали толстыми палками, при чемъ каждый давалъ по удару. На походѣ обыкновенно виновнаго вѣшали, иногда за ноги или за ребро, подъѣзжая съ нимъ къ висѣлицѣ на лошади, или сажали на колъ, на высокую двусаженную палю съ двухаршиннымъ, желѣзнымъ шпилемъ: сажали такъ, чтобы остріе на поларшина выходило изъ спины, и оставляли въ полѣ; трупъ весь высыхалъ на остріѣ и при вѣтрѣ вертѣлся, такъ что косточки торохтѣли. У запорожцевъ вся собственность была общая. Земли и скотъ, какъ и добычу, дѣлили по жребію; что оставалось отъ раздачи казакамъ и старшинѣ, отдавали духовенству, купцамъ, поселянамъ. Какъ мы уже сказали, всѣмъ владѣлъ Кошъ; холостые казаки, къ нему приписанные, какъ исключительно служилые люди, не несли никакихъ повинностей: ихъ дѣло было сражаться съ врагами, смотрѣть за порядкомъ, постоянно разъѣзжая въ полѣ, и, какъ господамъ, управлять страною. Всѣ остальныя лица, получавшія участки на запорожскихъ земляхъ, должны были содержать ихъ и на нихъ работать. Сюда относились женатые казаки и поселяне, жившіе въ паланкахъ. Женатые казаки платили дань, выставляли, въ случаѣ нужды, запасы, подводы; а иногда и выступали въ походъ. Но болѣе значительныя повинности лежали на поселянахъ, которые въ походахъ не учавствовали. Впрочемъ все это населеніе на запорожскихъ земляхъ было очень незначительно: даже въ прошломъ столѣтіи оно простира-

лось не болѣе, какъ до 50,000 чел. Получая земли со скотомъ и хуторами (такъ называемые *зимовники*) запорожцы, конечно, сами не имѣли времени заниматься хозяйствомъ, да и не любили этого занятія: они, вѣроятно, отдавали ихъ въ наемъ, и кромѣ того держали у себя хлопцевъ, работниковъ, поденьщиковъ, а сами заѣзжали въ зимовники болѣе случайно, во время зимнихъ походовъ. Хлѣбопашество у нихъ и въ прошломъ столѣтіи было совсѣмъ ничтожное, а такъ какъ они употребляли преимущественно мучную пищу, то хлѣбъ былъ покупной, или жалованный (сначала отъ поляковъ, а въ послѣдствіи отъ русскихъ). Скотоводство получило болѣе значительное развитіе; особенно важны были для запорожцевъ табуны коней, безъ которыхъ они не моглибы господствовать надъ степью. Кромѣ этого виднымъ промысломъ можно назвать рыбную ловлю на Днѣпрѣ. Казаки, занимавшіеся рыболовствомъ, отчасти и гайдамаки, платили въ Сѣчь дань рыбою. Рыба, икра, мѣха, шкуры были предметомъ торговли съ Турціею; взамѣнъ этого запорожцы получали вино, шелкъ, бумажныя ткани, свинецъ, оружіе. Отъ татаръ привозили крымскую соль и сѣрыя овечьи смушки. Кромѣ этого торговали и съ Польшею. Доходами служили указанныя нами подати, налоги съ шинковъ, съ перевозовъ на Днѣпрѣ, съ рыбной и звѣриной ловли и военная добыча. Признавая сначала покровительство поляковъ, а потомъ русскихъ, они получали подарки и жалованье за службу.

Въ своихъ разъѣздахъ по степямъ, безъ всякихъ дорогъ, запорожцы были дѣйствительно неутомимы. Дорогу узнавали днемъ по солнцу, по курганамъ; ночью по звѣздамъ, по вѣтрамъ или балкамъ. По потоптанной травѣ тотчасъ заключали о числѣ непріятеля и его свойствахъ. Взъѣзжали на какой нибудь курганъ и высматривали окрестность. Въ случаѣ нападенія значительныхъ татарскихъ полчищъ, огораживались возами, и успѣшно отражали непріятеля изъ этого табора. На Днѣпрѣ, гдѣ наиболѣе народу занималось промыслами, устроены были правильные казачьи посты. На извѣстномъ разстояніи стояли *фигуры*: бочки, сложенныя пирамидой кверху все уже. Внутри фигуры было пустое мѣсто, куда сверху спускался на блокѣ шнуръ съ привязанной на концѣ его паклею, вываренной въ селитрѣ. Тутъ всегда находились сторожа; въ случаѣ опасности, паклю тотчасъ зажигали и подымали къ самой верхушкѣ за шнуръ: фигура разгоралась на верху, и сторожа, стоявшіе при слѣдующей фигурѣ, замѣчая огонь, дѣлали тоже самое. Такъ вѣсть о непріятелѣ быстро распространялась, и жители могли приготовиться къ оборонѣ. Удалые подвиги запорожцевъ хорошо извѣстны. Изъ всего предъидущаго видно, что запорожская Сѣчь составляла что то въ родѣ первобытной, военной республики. Но какъ

въ древнемъ Новгородѣ власть перешла въ руки сильныхъ бояръ, такъ и здѣсь мы видимъ въ зародышѣ господство одного класса надъ другимъ. Во первыхъ, холостые запорожцы, жившіе въ Сѣчи, представляютъ преобладающій классъ людей, въ родѣ рыцарства, или дворянства, въ сравненіи съ прочими казаками и поселянами, жившими въ паланкахъ. Изъ нихъ и образовалось бы высшее сословіе, еслибы не безбрачіе и не общинные порядки, при которыхъ никто не могъ имѣть личной собственности. Но если это была и община, то всетаки община господствующая, такъ сказать, аристократическая. Во вторыхъ, въ средѣ самыхъ запорожцевъ все болѣе возвышается старшина, не достигая полнаго господства опять только вслѣдствіе постояннаго передѣла земель. Но въ прошломъ столѣтіи старшины уже начали заводить стада въ свою личную собственность. При первобытной простотѣ жизни, при чисто воинскомъ ея строѣ, при свободномъ доступѣ каждаго въ общину, у запорожцевъ, конечно, не могло образоваться такъ называемаго боярства. Но потомъ, когда, съ большею безопасностью, они сталибы болѣе осѣдлыми, и у нихъ, вмѣстѣ съ семейнымъ бытомъ, развилисьбы земледѣліе и промыслы, въ старшинахъ естественно развилосьбы желаніе пріобрѣтать, кромѣ общинныхъ, и свои земли: иначе говоря, имъ захотѣлось бы имѣть, въ видѣ пожалованія за заслуги, часть земель и въ свою личную собственность. Этого не трудно было имъ достигнуть, потому что у запорожцевъ большая часть земель пустовали. Тогда, имѣя уже значительную власть, они постарались бы всѣхъ, селившихся на ихъ земляхъ, да и сосѣднихъ, болѣе бѣдныхъ казаковъ обратить въ своихъ работниковъ. Такому порабощенію слабыхъ сильными могло бы противодѣйствовать лишь новое развитіе казацкой общины, при которомъ въ нее вошли бы, на равныхъ правахъ, и всѣ казаки, не жившіе въ Сѣчи, и самые поселяне и работники. Что такой захватъ власти старшиною могъ случиться и въ Запорожьи, доказываютъ подобныя же казацкія общины въ Малороссіи, на Дону и на Уралѣ. И здѣсь, при первоначальномъ воинскомъ строѣ, когда всю цѣну имѣла не столько земля, сколько воинская добыча, господствовало полное равенство. Но потомъ старшина становится преобладающимъ классомъ и, напримѣръ, когда въ Малороссіи, въ концѣ прошлаго столѣтія, введено было крѣпостное право, то оно застало казацкихъ полковниковъ, есауловъ и прочихъ чиновныхъ людей уже почти полновластными помѣщиками. Но общинные порядки всетаки сильно противодѣйствовали этому самовластію старшины, и тамъ, гдѣ они долѣе сохранялись, получая свою силу въ томъ же воинскомъ казацкомъ строѣ, при которомъ каждый

казакъ съ раннихъ лѣтъ пріучался къ самостоятельной дѣятельности, они впослѣдствіи и на мирной, болѣе осѣдлой жизни казаковъ, оставили замѣтный слѣдъ: подъ ихъ вліяніемъ, въ извѣстной степени, обезпечивалось независимое существованіе и самаго бѣднаго изъ жителей. Для примѣра мы въ краткихъ чертахъ разсмотримъ уральскую общину, какою она является намъ въ нынѣшнее время (Уральское казачье войско, Рябининъ, 1866 г., Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи, Соколовскій, 1878 г.). Мы излагаемъ настоящее состояніе этой общины, потому что существующіе въ ней обычаи прямо возникли изъ тѣхъ древнихъ порядковъ, какіе находимъ уже въ XVI, въ XVII вѣкѣ.

Первоначально уральскіе казаки, которыхъ число въ прошломъ столѣтіи было не болѣе 6000 человѣкъ, жили исключительно по рѣкѣ Уралу, заселяя берега ея отъ города Уральска къ югу, и занимались рыболовствомъ; теперь они живутъ и сѣвернѣе по Общему Сырту, занимаются и земледѣліемъ и составляютъ общину въ 100,000 человѣкъ. Но лишь одна четверть казацкихъ земель годна для хлѣбопашества. Остановимся сначала на рыболовствѣ, какъ одномъ изъ самыхъ древнихъ казацкихъ промысловъ. Въ началѣ XVII-го вѣка устроены были на нижнемъ теченіи Урала остроги, гдѣ поселены астраханскіе стрѣльцы; устье рѣки закрыто учугами, которые отданы промышленнику Гурьеву съ тѣмъ, чтобы онъ построилъ тутъ каменную крѣпость: она и осталась подъ названіемъ Гурьева-городка. Все это стѣсняло уральцевъ, такъ какъ лишь часть рыбы проникала въ ихъ владѣнія черезъ учуги; но въ половинѣ прошлаго столѣтія эти учуги, вмѣстѣ съ Гурьевымъ, отданы на откупъ войску за $5^1/_2$ тысячъ рублей, и уральцы стали полными владѣльцами рѣки. Послѣ Пугачевскаго бунта, конечно, не было и вопроса о сохраненіи какихъ либо обычаевъ ихъ прежняго самоуправленія, совершенно сходнаго съ запорожскимъ, исключая лишь того, что женатые на Уралѣ пользовались одинакими правами съ холостыми; но что касается ихъ промышленныхъ привилегій, то онѣ были подтверждены по ходатайству Потемкина. Въ хозяйственныхъ дѣлахъ остались неприкосновенными и старые общинные порядки. Рыба идетъ съ моря въ Уралъ раннею весною, чтобъ метать икру, и потомъ возвращается въ море; осенью она опять входитъ въ рѣку на зимовку и останавливается въ разныхъ мѣстахъ стадами, или *ятовями*. Такимъ образомъ лѣтомъ рыбы не ловятъ, чтобы не уничтожить народившуюся маленькую рыбку, а ловъ происходитъ весною, осенью и зимою. На морѣ рыболовство также бываетъ весеннее, осеннее и зимнее. Весь этотъ про-

мыселъ устроенъ такъ, чтобы выгоды отъ него по возможности были равномѣрны: рѣка не дѣлится на участки, которые раздавались бы отдѣльнымъ лицамъ, а одинаково принадлежатъ всѣмъ и всѣ ловятъ сообща въ назначенномъ мѣстѣ, причемъ строго опредѣлено одинаковое для всѣхъ число снастей, лодокъ, рабочихъ, количество дней и часовъ для лова. Казаки собираются артелями отъ 7 до 20 человѣкъ и дѣлятъ добычу по ровну. Для каждаго лова назначаются рыболовные атаманы изъ чиновниковъ. Кто запишется въ одну артель, уже не можетъ участвовать въ другомъ ловѣ, на другомъ мѣстѣ, черезъ рабочихъ, или давъ кому нибудь довѣренность. Мѣста для лова въ нѣкоторыхъ случаяхъ разбираютъ по жребію, или рѣшаютъ по жребію, кому прежде закидывать неводъ. Въ весеннемъ севрюжьемъ рыболовствѣ и осеннемъ плавномъ (сѣтями) вовсе не допускается наемъ рабочихъ; въ другихъ ловахъ простому казаку дозволено имѣть 1 рабочаго, оберъ-офицеру—2 рабочихъ, штабъ-офицеру—3 или 4. Ловъ начинается и оканчивается въ данную минуту. При севрюжьемъ ловѣ рѣка дѣлится на рубежи, и вылавливаютъ сначала одинъ рубежъ, потомъ другой и т. д. По пушечному выстрѣлу всѣ (нынѣ до 7000 рыболововъ) бросаются къ лодкамъ и занимаютъ мѣста, гдѣ кто пожелаетъ. Осенью лодки строятся въ ряды и, по знаку атамана, всѣ, выбиваясь изъ силъ, скорѣе выгребаютъ къ ятови; кто раньше пріѣдетъ, тотъ и успѣваетъ больше наловить. Выловивъ одну ятовь, переходятъ къ другой. Зимою, во время багренья, точно также всѣ разомъ бросаются занять мѣсто и торопятся пробить ледъ; испуганная стукомъ и криками рыба подымается, и ее багрятъ, то есть, ловятъ, опуская и подымая багры съ крючьями. Та рыба, которая бросится въ сторону, попадаетъ въ сѣти, отгораживающія одну ятовь отъ другой и принадлежитъ рыболовному атаману. Во время зимняго лова неводами назначаютъ болѣе значительные участки. Невода закидываютъ разомъ и потомъ рыбу складываютъ въ равныя кучи; на каждый неводъ или артель отсчитываютъ, для уравновѣшенія добычи, одинаковое число кучъ. Не смотря на всѣ эти заботы объ уравненіи выгодъ отъ лова, на Уралѣ являются, хотя и не въ очень значительномъ числѣ, болѣе богатые промышленники. Особенно при неводномъ рыболовствѣ артель, не имѣя средствъ завести своего невода (бываютъ невода длиною въ $2^1/_2$ версты, которые стоятъ до 1000 рублей), должна удѣлять хозяину 5, 6 паевъ за каждые 100 саженъ невода, при чемъ на участвующаго въ артели приходится лишь по одному паю. Введеніе неводовъ составляетъ улучшеніе, принадлежащее уже позднѣйшему времени. Точно также морское рыболовство

заведено лишь съ начала нынѣшняго столѣтія и преимущественно въ пользу богатыхъ. Простые казаки сильно противъ него возставали, потому что, совершаясь при устьѣ Урала, оно мѣшаетъ ходу рыбы въ рѣку. Тутъ лучшія мѣста обыкновенно захватываютъ тѣ, кто позажиточнѣе. Притомъ и рыболовные атаманы, назначаемые войсковою канцеляріей какъ бы въ награду за заслуги, нерѣдко допускаютъ въ раздачѣ мѣстъ для лова разныя злоупотребленія; встарину они избирались войскомъ.

Другимъ древнимъ промысломъ казаковъ служитъ скотоводство. Для домашняго скота они косятъ сѣно три раза въ годъ, также сообща и разомъ, чтобы выгоды отъ покоса были равномѣрнѣе. Луга въ общемъ пользованіи. Одни покосы совершаются безъ рабочихъ, на другіе допускаются и рабочіе въ опредѣленномъ числѣ, смотря по чину. Въ назначенное время всѣ отправляются на луга, и каждый хозяинъ занимаетъ мѣсто, гдѣ ему угодно. Все дѣло въ томъ, чтобы рано утромъ, пославъ рабочихъ, или разойдясь со своими домашними во всѣ четыре стороны, обозначить косою межу, за которую уже никто не смѣетъ переступить. Нужно обозначить межею побольше пространство, но сосѣдъ также объ этомъ думаетъ, особенно если былъ неурожай на травы. И вотъ, казаки не спятъ всю ночь, заботясь о назначенной на другой день косьбѣ. Чуть хозяинъ заслышитъ вдали шелестъ косы, какъ уже ночью бросается обводить межу. Сосѣди часто закашиваютъ другъ друга: на другой день трудно и разобрать, гдѣ чья прошла коса, но опытные въ дѣлѣ казаки рѣшаютъ споръ, и всѣ имъ подчиняются. По обведеніи межи, уже каждый коситъ спокойно въ своемъ участкѣ. Каждый казакъ имѣетъ право содержать безпошлинно на общинныхъ лугахъ 500 барановъ и 70 штукъ рогатаго скота, а штабъ-офицеръ — 1500 барановъ и 210 штукъ рогатаго скота. Кто хочетъ держать болѣе, тотъ платитъ акцизу за каждую голову рогатаго скота 10 коп., а за барана 4 коп. Но эта пошлина слишкомъ низкая и льготная для богатыхъ. Богатый, имѣя нѣсколько десятковъ тысячъ скота, охотно уплатитъ и тысячу, другую рублей, чтобы пользоваться войсковыми землями: ему всетаки это будетъ выгоднѣе, чѣмъ нанимать луга на сторонѣ. Притомъ, хотя казакамъ и не дозволено передавать кому либо свое право на общинные луга, но трудно провѣрить, чей скотъ тамъ или тутъ пасется, и промышленники выискиваютъ всякій случай, чтобы поживиться на общественный счетъ. Они обыкновенно захватываютъ и сѣверныя, черноземныя, ковыльныя земли, оставшіяся подъ залежью. Такимъ

образомъ равенство здѣсь менѣе соблюдается, чѣмъ въ другихъ промыслахъ.

Хлѣбопашество, собственно говоря, началось у казаковъ лишь съ тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, когда нѣкоторые изъ чиновниковъ стали пахать земли по Общему Сырту, воспользовавшись рабочими изъ сосѣдней, Самарской губерніи, курскими и тамбовскими переселенцами. Казаки послѣдовали ихъ примѣру, и теперь хлѣбопашество у нихъ все болѣе распространяется. Земля и тутъ находится въ общемъ пользованіи. Каждый простой казакъ имѣетъ право занять любой свободный участокъ въ 25 десятинъ, оберъ-офицеръ въ 35, штабъ-офицеръ въ 50 десятинъ. Если двое пожелаютъ имѣть ту же землю, то дѣлятъ ее по ровну, или получаютъ всю по жребію. Передавать землю другому, или входить въ сдѣлки съ иногородными строго запрещено. Обезпечено также пользованіе землею для вдовъ, сиротъ и малолѣтнихъ. На второй годъ каждый имѣетъ право взять половину земли изъ давней залежи, а другую долженъ оставлять изъ прежде распаханной. Черезъ годъ по прекращеніи распашки, земля опять переходитъ въ общее пользованіе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у казаковъ уже начинается передѣлъ земли на паи и пользованіе этими паями по жребію. Вообще, у уральскихъ казаковъ, если мало видныхъ богачей, то и нищеты не замѣтно: самый бѣдный изъ казаковъ имѣетъ свой домъ, одну или двѣ коровы и нѣсколько овецъ. Но самое главное: онъ имѣетъ возможность, не закабаливая себя богатому, принять участіе въ трудѣ, который болѣе или менѣе его обезпечитъ. Онъ заработываетъ копѣйку и про запасъ, продавая наловленную рыбу или сбывая лишній хлѣбъ и скотъ въ Самару. Конечно, въ общинныхъ порядкахъ казаковъ еще много первобытнаго, неопредѣленнаго, и неизвѣстно, какой видъ примутъ эти порядки при дальнѣйшемъ развитіи образованія и при умноженіи народонаселенія; но казаки до сихъ поръ сильно за нихъ держатся, видя въ нихъ лучшее средство для правильнаго распредѣленія всѣхъ выгодъ, доставляемыхъ землею.

Изъ всего предъидущаго видно, что въ допетровской Руси существовало много и такого, что полезно было для общаго блага сберечь и сохранить, хотя и не въ томъ видѣ, какъ это находимъ въ XVII вѣкѣ. Общинныя начала въ XVII вѣкѣ были уже сильно искажены, какъ крѣпостнымъ правомъ, такъ и безпорядочной опекою приказныхъ. Но ихъ живучесть видна уже изъ того, что, не смотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, они сохранились въ народѣ и до нашего времени. Сами помѣщики и правительство прибѣгали къ

содѣйствію общины, гдѣ это касалось ихъ выгодъ, напримѣръ, при раскладкѣ податей и для болѣе вѣрнаго полученія доходовъ; и мы замѣчаемъ любопытное явленіе, что даже въ XVIII вѣкѣ, когда вовсе не думали объ улучшеніи народнаго быта, община поддерживается и распространяется. Но, конечно, такая поддержка общины съ единственною цѣлію, чтобы удобнѣе взыскивать налоги, не могла содѣйствовать ея правильному развитію.

ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ.

1. Патріархъ Никонъ и Крижаничъ.

Мы здѣсь назвали двѣ личности, которыя не имѣютъ ничего общаго ни по своему происхожденію и состоянію, ни по своей дѣятельности; но они оба, хотя и различнымъ образомъ, живо знакомятъ насъ съ временемъ, которое предшествовало появленію Петра Великаго.

Никонъ (при крещеніи названный Никитою) родился въ 1605 году, въ одной деревнѣ близь Нижняго Новгорода. Отецъ его женился во второй разъ, и мачиха жестоко обращалась съ маленькимъ Никитой: морила его голодомъ, била безъ пощады и однажды чуть не сожгла въ печи, куда мальчикъ заползъ отъ холода. Но въ этихъ гоненіяхъ лишь окрѣпъ суровый нравъ Никиты: онъ научился грамотѣ и, увлекшись священными книгами, ушелъ въ монастырь Макарія Желтоводскаго, подъ начало къ одному ученому старцу, и изучалъ здѣсь священное писаніе. Здѣсь, во-время прогулки, какой-то татаринъ предсказалъ ему, что онъ будетъ «великимъ государемъ». Послѣ смерти мачихи, отецъ призвалъ его къ себѣ и самъ скоро умеръ. Никита сталъ хозяиномъ въ домѣ, женился и, 20-ти лѣтъ, занялъ мѣсто священника въ одномъ селѣ. Отсюда московскіе купцы, дивясь его начитанности, пригласили его въ Москву. Никита прожилъ въ Москвѣ священникомъ до 30-лѣтняго возраста. Онъ имѣлъ троихъ дѣтей, но всѣ они умерли въ малолѣтствѣ. Огорченный Никита уговорилъ жену постричься въ монастырь, а самъ ушелъ на Бѣлое море и постригся въ Анзерскомъ скитѣ, подъ именемъ Никона. Здѣсь онъ велъ очень суровую жизнь, но поссорился съ настоятелемъ скита изъ-за денегъ, которыя оба они собрали въ Москвѣ и которыми настоятель хотѣлъ самовольно распоряжаться. Никонъ оставилъ скитъ и безъ гроша денегъ, съ однѣми книгами, перешелъ въ пустынь, находившуюся на островахъ Кожеозера. Здѣсь онъ жилъ от-

дѣльно, на острову, занимаясь рыбною ловлею. Скоро братія избрала его игуменомъ. Новый игуменъ въ 1646 году отправился въ Москву, на поклонъ молодому царю, Алексѣю Михаиловичу, какъ это было въ обычаѣ. Съ перваго разу онъ успѣлъ понравиться царю, и назначенъ архимандритомъ въ Москвѣ, въ Новоспасскомъ монастырѣ, гдѣ была усыпальница дома Романовыхъ. Часто посѣщая этотъ монастырь, царь очень сблизился съ Никономъ и сильно полюбилъ его. Никонъ каждую недѣлю ѣздилъ во дворецъ, указывалъ на несправедливости судей, просилъ за обиженныхъ. Это очень нравилось Алексѣю Михайловичу, и онъ поручилъ ему разбирать поступавшія на имя царя просьбы. Съ тѣхъ поръ всякій, кто терпѣлъ неправду на судѣ, обращался къ Никону, и ему не было прохода отъ просителей. Онъ прослылъ въ Москвѣ защитникомъ всѣхъ гонимыхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ на него стали коситься многіе дьяки и бояре за его вмѣшательство въ мірскія дѣла.

Скоро, по желанію царя, іерусалимскій патріархъ, бывшій тогда въ Москвѣ, посвятилъ Никона въ санъ новгородскаго митрополита. Тутъ опять, вмѣстѣ съ церковными дѣлами, поручено ему вѣдать и мірскія, и обо всемъ доносить царю. Въ Новгородѣ Никонъ кормилъ бѣдныхъ во время голода, раздавалъ милостыню, устраивалъ богадѣльни и въ тоже время, посѣщая тюрьмы, выслушивалъ жалобы и въ письмахъ высказывалъ царю свое мнѣніе о томъ или другомъ бояринѣ. Люди властные все болѣе его опасались; но и духовенство испытывало его тяжелую руку: онъ завелъ строгій порядокъ въ богослуженіи, которое прежде совершалось такъ, что для скорости одновременно и читали, и пѣли разное; онъ ввелъ кіевское пѣніе и также пѣніе на славянскомъ и на греческомъ языкѣ, чѣмъ еще болѣе удлиннялась служба; онъ жестоко преслѣдовалъ за малѣйшее нарушеніе своихъ распоряженій. Когда, вслѣдъ за псковскими волненіями, и въ Новгородѣ начался мятежъ, Никонъ разомъ наложилъ на весь городъ проклятіе и тѣмъ ожесточилъ всѣхъ: явившись однажды въ толпѣ, онъ чуть не былъ избитъ камнями. Вмѣстѣ съ многими добрыми намѣреніями, уже и тогда высказывался его крутой нравъ и крайнее властолюбіе. Ему снились такіе сны, что царскій золотой вѣнецъ съ образа Спасителя перешелъ на его голову, какъ онъ писалъ объ этомъ Алексѣю Михайловичу. Царь умилялся всѣмъ, что говорилъ и дѣлалъ митрополитъ, считалъ его мученикомъ за правду, называлъ его сіяющимъ солнцемъ, своимъ любимымъ «содружебникомъ». Возвышая духовную власть, Никонъ далъ царю совѣтъ перенести изъ Соловокъ въ Москву мощи митрополита Филиппа,

пострадавшаго при Іоаннѣ Грозномъ. Алексѣй Михайловичъ съ радостью согласился устроить такое торжество. Никонъ отправленъ былъ въ Соловки съ грамотою, гдѣ царь обращался къ «небесному жителю, Христову подражателю», Филиппу, моля его простить грѣхъ прадѣда своего, царя Ивана, и возвратиться съ миромъ въ престольный градъ. Эту грамоту прочли передъ гробомъ Филиппа, и потомъ были подняты его мощи.

Между тѣмъ въ Москвѣ умеръ патріархъ Іосифъ, и царь, убѣждая Никона скорѣе возвратиться, писалъ ему: «Ожидаемъ тебя, великаго святителя, къ выбору новаго патріарха, а кого выбрать, знаемъ я да казанскій митрополитъ, да мой духовный отецъ... говорятъ: святой мужъ!» По возвращеніи изъ Соловецкаго монастыря, Никонъ, по желанію царя, и былъ избранъ въ патріархи, въ 1652 году. Съ этихъ поръ, около 6 лѣтъ, онъ пользовался почти неограниченною властью. Государь вполнѣ довѣрялъ ему и во время похода на Литву, поручилъ ему управлять Москвою. Никонъ посылалъ отъ своего лица грамоты, гдѣ писалъ: «Указалъ государь царь, великій князь всея Руси, Алексѣй Михайловичъ, и *мы, великій государь*»... Къ этому времени относятся и сдѣланныя имъ церковныя преобразованія, давшія начало расколу. Вводя новопечатныя книги и трехперстное знаменіе, онъ вооружилъ противъ себя много народу не только этими нововведеніями, но и строгостью, съ какою примѣнялъ ихъ. Никонъ и въ полезныхъ дѣлахъ искалъ прежде всего однообразнаго порядка, при которомъ сильнѣе высказывалось бы его господство, и не обращалъ вниманія на послѣдствія, какія могла имѣть та или другая мѣра. Управляя церковью, онъ мало вникалъ въ нужды своихъ подчиненныхъ. Онъ налагалъ новыя дани, ссылалъ священниковъ, сажалъ ихъ въ тюрьму и на цѣпь, безпрестанно перемѣщалъ съ мѣста на мѣсто, и тѣмъ раззорялъ ихъ; дьяки патріарха брали страшныя взятки за поставленіе въ попы: священники проживались въ Москвѣ, ожидая мѣста; никто не смѣлъ подступить къ грозному патріарху. Это высокомѣріе ожесточало всѣхъ противъ Никона. Царю подавались такія жалобы: «Инаго ставленника волочатъ недѣль 10 и болѣе въ Москвѣ; ходитъ онъ за отвѣтомъ, ждетъ зимнею порою до глубокой ночи, побредетъ къ себѣ на подворье, да такъ и пропадетъ безъ вѣсти. А на дворъ патріарха никого пускать не велѣно. При прежнихъ патріархахъ ставленники зимнею порою дожидались въ крестовой, а ночевали безденежно въ хлѣбнѣ; а нынѣ и въ сѣняхъ не велятъ стоять, зимою мучатъ на крыльцѣ; устроено у святителя подобно адову подписанію: страшно приблизиться и ко вра-

тамъ, потому что одни ворота, и тѣ постоянно заперты». Попы горько жаловались, что не уничтожены и прежнія злоупотребленія. «Чтобы обогатить своихъ дьяковъ, патріархъ Іосифъ приказалъ перехожія (дозволеніе на переходъ въ другую церковь) давать въ Москвѣ: иной попъ пріѣдетъ изъ за 800 верстъ, потратитъ всѣ деньги на дьяковъ и ихъ женъ, на подъячихъ и сторожей, да такъ ни съ чѣмъ и уѣдетъ; а дѣти и жена по міру ходятъ. Два года назадъ пріѣхалъ протопопъ сдать святительскую казну (подати съ духовенства); раззорился на подарки, пока не приняли, закабалилъ себя, чтобы получить отпускъ; а тутъ дьякъ, испугавшись доноса, и представилъ патріарху данные женѣ его 10 рублей: протопопа посадили на цѣпь, жестоко мучили и сослали въ ссылку. Нынѣ Никонъ запрещаетъ переходить изъ церкви къ церквѣ, а священники не по доброй волѣ переходятъ: рыдая и плача переходятъ, потому что поповъ и дьяконовъ по боярскимъ и дворянскимъ вотчинамъ въ колоды и на цѣпь сажаютъ, бьютъ и отъ церкви гонятъ.»

Но всего опаснѣе были для Никона враги въ боярскомъ сословіи: они понемногу внушили государю, что самовластіе патріарха ведетъ къ ограниченію его собственной власти, и Алексѣй Михайловичъ сталъ охладѣвать къ Никону. Бояре скоро довели дѣло до полнаго разрыва. Въ 1658 году, по случаю пріѣзда грузинскаго царевича, во дворцѣ былъ торжественный обѣдъ. Никона не пригласили. Онъ послалъ своего боярина, будто по церковному дѣлу, но главное — посмотрѣть, что происходило. Окольничій Хитрово, расчищая дорогу въ толпѣ, ударилъ посланнаго палкою по головѣ.— «Постой бить, сказалъ этотъ: я иду за дѣломъ отъ патріарха». — «Не дорожись», молвилъ Хитрово и ударилъ его во второй разъ. Жестоко оскорбленный, Никонъ написалъ жалобу царю. — «Сыщу, отвѣчалъ царь, а по времени самъ съ тобою увижусь». Но розыска не только не послѣдовало, а царь пересталъ являться на патріаршую службу въ наступившіе за тѣмъ большіе праздники, и наконецъ черезъ бояръ далъ знать патріарху, что онъ на него гнѣвается и запрещаетъ ему впередъ называться «великимъ государемъ». — «Не самъ я назвался, отвѣчалъ Никонъ: на то была государева воля». Гордость его болѣе не вынесла.

Однажды, въ Успенскомъ Соборѣ, при большомъ стеченіи народа, онъ, послѣ службы, сказалъ поученіе и прибавилъ: «Лѣнивъ я сталъ, не гожусь болѣе въ патріархи... меня называли иконоборцемъ, когда я отбиралъ и стиралъ латинскія иконы, —еретикомъ за то, что ввелъ новыя книги... я вамъ болѣе не патріархъ.» Сказавъ это, онъ сталъ

разоблачаться. Народъ заплакалъ и отнялъ принесенный патріарху мѣшокъ съ простымъ, монашескимъ платьемъ. Никонъ ушелъ въ ризницу, одѣлъ тамъ мантію и монашескій клобукъ, взялъ вмѣсто посоха простую палку и хотѣлъ выйти изъ собора, но народъ не пустилъ его. Извѣстили царя. «Точно сплю съ открытыми глазами и во снѣ это вижу», сказалъ онъ, и послалъ самаго знатнаго изъ бояръ, Трубецкаго, дать знать Никону, чтобы онъ не оставлялъ патріаршества. Никонъ передалъ посланному письмо къ царю, гдѣ говорилъ, что «бѣжитъ, слѣдуя писанію, отряхая прахъ съ ногъ своихъ и давая мѣсто царскому гнѣву». Между тѣмъ народъ оставался въ церкви и продолжалъ удерживать патріарха. Никонъ сѣлъ на послѣднюю ступеньку амвона и, глядя на него, самъ заплакалъ. Вернулся Трубецкой съ тѣмъ же отвѣтомъ. «Ужъ я слова своего не перемѣню», отвѣчалъ Никонъ и вышелъ изъ церкви. Тутъ народъ отпрягъ лошадь у кареты, въ которую онъ хотѣлъ садиться. Патріархъ пошелъ пѣшкомъ, народъ забѣжалъ впередъ и заперъ передъ нимъ Спасскія ворота. Никонъ сѣлъ въ углубленіи стѣны и ждалъ, пока люди, посланные изъ дворца, не отперли ему ворота; тогда, благословляя народъ, онъ прошелъ пѣшкомъ (что для патріарха было неслыханнымъ дѣломъ) на подворье Воскресенскаго монастыря. Такъ разжалобивъ и возмутивъ народъ, онъ надѣялся что заставитъ самого царя придти къ нему мириться и возвратить ему прежнюю власть. Но прождавъ напрасно два дня въ Москвѣ, онъ уѣхалъ въ построенный имъ Воскресенскій монастырь (Новый Іерусалимъ). Сюда прибылъ къ нему отъ царя князь Трубецкой съ требованіемъ, чтобы онъ далъ благословеніе на избраніе новаго патріарха: Никонъ, отказавшись отъ власти добровольно, все таки, по церковнымъ законамъ, именовался патріархомъ и не могъ быть лишенъ этого сана иначе, какъ судомъ собора. Онъ на все согласился и сталъ мирно проживать въ своей обители: копалъ пруды, разводилъ рыбу, расчищалъ лѣсъ, строилъ каменныя зданія, принимая личное участіе во всѣхъ работахъ. Бояре по прежнему наговаривали на него царю; но Алексѣй Михайловичъ, вспомнивъ прежнюю дружбу, посылалъ ему богатые дары на монастырь, лакомства отъ своего стола, и проч.

Никонъ долго не утерпѣлъ: напоминая о себѣ, онъ толковалъ то съ однимъ, то съ другимъ изъ посѣтителей, какъ хорошо могъ бы устраивать свѣтскія дѣла, и про свою святость, какъ, по его молитвѣ, многіе исцѣлялись отъ болѣзней, — и опять сталъ докучать царю церковными дѣлами: обличалъ, напримѣръ, что унизили санъ патріарха, дозволивъ крутицкому митрополиту совершать въ вербное воскресенье шествіе на ослѣ, —обрядъ, который, по мнѣ-

нію Никона, могъ исполнять лишь настоящій патріархъ. Алексѣй Михайловичъ вновь поддался навѣтамъ враговъ его: запретилъ сноситься съ нимъ и приказалъ взять въ Москвѣ и обыскать его бумаги. Узнавъ объ этомъ, Никонъ разразился рѣзкимъ письмомъ, гдѣ доказываетъ, что никто изъ мірянъ не имѣетъ права вѣдать его тайны и тайны другихъ лицъ, повѣренныя ему, какъ духовнику. «Удивляюсь, писалъ онъ царю, какъ дошелъ ты до такого дерзновенія! ты прежде не рѣшался судить простыхъ причетниковъ, потому что этого не дозволяютъ церковные законы, а теперь захотѣлъ вѣдать грѣхи и тайны бывшаго пастыря, и не только самъ, да еще дозволилъ это мірскимъ людямъ». Это письмо дало только случай подтвердить властолюбіе Никона. Его хотѣли удалить подальше отъ Москвы и предлагали ему для безопасности, по поводу тогдашнихъ смутъ, жить въ крѣпкомъ Калязинскомъ монастырѣ.—«Лучше ужь мнѣ пойти, сказалъ онъ, въ Зачатейскій монастырь, что въ Китай-городѣ, въ углу». Такъ называлъ онъ тюрьму, находившуюся у церкви Зачатія. Ему, наконецъ предоставлено жить въ Крестномъ монастырѣ, построенномъ имъ самимъ у Бѣлаго моря. Когда онъ удалился, созвали соборъ, и духовенство приговорило не только избрать новаго патріарха, но и лишить Никона священства. Алексѣй Михайловичъ не рѣшился утвердить такой приговоръ и хотѣлъ прежде посовѣтоваться съ греческими духовными лицами, пріѣзжавшими въ Москву. Между тѣмъ Никонъ опять вернулся въ Воскресенскій монастырь. Тутъ завязалось дѣло, которое еще болѣе раздражило противъ него государя. Окольничій Бобарыкинъ захватилъ нѣкоторыя угодья, принадлежавшія монастырю Никона. Начались ссоры и драки между крестьянами обоихъ владѣній, и монастырскій приказъ рѣшилъ дѣло въ пользу Бобарыкина. Никонъ былъ внѣ себя. Онъ отправилъ къ Алексѣю Михайловичу крайне запальчивое письмо, гдѣ говоритъ, что, допуская мірянамъ судить духовныхъ лицъ, царь обезчестилъ Св. Духа, святыхъ апостоловъ и вселенскіе соборы: «сами ордынскіе цари, которые не вмѣшивались въ церковныя дѣла, возстанутъ на него въ день судный, а Никону было видѣніе, что нѣкій сѣдой мужъ, указывая на царскій домъ, произнесъ: «здѣсь псы будутъ родить, и будетъ велія радость бѣсамъ отъ погибели многихъ». Вслѣдъ за тѣмъ царь узнаетъ, что Никонъ прочелъ въ церкви жалованную грамоту на монастырь и произнесъ проклятіе словами 108-го псалма: «Да будетъ молитва его грѣхомъ, да будутъ дѣти его сиротами и жена вдовой», и проч. Впослѣдствіи оказалось, что Никонъ такъ проклиналъ Бобарыкина, но сперва многіе отнесли это къ царю. Алексѣй Михайловичъ сказалъ со слезами: «Пусть я грѣшенъ... чѣмъ же виноваты жена моя

и дѣти?» Нарядили судъ. Въ то время проживалъ въ Москвѣ греческій митрополитъ Паисій изъ Палестины: по подозрѣнію въ латынствѣ, іерусалимскій патріархъ лишилъ его мѣста, а Никонъ за ученость вызвалъ въ Москву. Паисій, не смотря на это, принялъ сторону враговъ патріарха. Его-то, вмѣстѣ съ тремя боярами, и отправили въ Воскресенскій монастырь допрашивать Никона. Чуть оба свидѣлись, начались между ними страшныя пререканія. Никонъ называлъ Паисія «воромъ, бродягой, смутникомъ, какъ и всѣ греки».—«Проклиналъ ты царя?» спросилъ Паисій по латыни. Никону перевели.—«Я за царя молюсь, отвѣчалъ онъ, а ты зачѣмъ говоришь со мною на проклятомъ языкѣ?» — «Огненный духъ сходилъ въ видѣ языковъ, отвѣчалъ Паисій, а ты, невѣжда, и греческаго языка не знаешь».—«По какому праву надѣлъ ты красную мантію?» спрашивалъ далѣе Никонъ.—«Потому что я изъ истиннаго Іерусалима, а не изъ твоего, антихристова». Боярамъ Никонъ показалъ тетрадь, изъ которой читалъ проклятіе противъ Бобарыкина.—«Вольно тебѣ показывать и не то, что читалъ», замѣтили бояре. Никонъ пришелъ въ ярость и въ пылу спора кричалъ, стучалъ посохомъ. «Вы пришли на меня, какъ жиды на Христа, говорилъ онъ; буду теперь молить: приложи, Господи, зла сильнымъ земли!»

Паисій предложилъ предоставить дѣло Никона на судъ вселенскихъ патріарховъ: іерусалимскаго, антіохійскаго, александрійскаго и константинопольскаго. Къ нимъ сначала отправили запросъ, не называя именъ, какъ бы слѣдовало поступить въ подобномъ дѣлѣ. Патріархи отвѣчали согласно съ текстомъ «воздайте кесарево кесарю»: духовное лицо, какого-бы ни было сана, если, вмѣшиваясь въ мірскія дѣла, заведетъ въ государствѣ смуту, лишается священства. Но въ то же время явилось въ Москвѣ множество грековъ самозванцевъ, называвшихъ себя то митрополитами, то правителями, то родственниками константинопольскаго патріарха. Они завели между собою споръ. Одни защищали Никона, говоря, что отвѣтъ патріарховъ подложный; другіе были противъ него. Вновь послали спросить константинопольскаго патріарха: онъ отозвался очень дурно о бывшихъ въ Москвѣ грекахъ и о самомъ Паисіи, подтвердилъ по дѣлу Никона прежнее свое мнѣніе, но совѣтовалъ царю, для избѣжанія смуты, помириться съ нимъ. Такой же совѣтъ присланъ іерусалимскимъ патріархомъ. Алексѣй Михайловичъ началъ колебаться; утомлэнный этими дрязгами, онъ однажды выразился, не лучше ли ужъ сойтись съ Никономъ. Это узналъ одинъ изъ немногихъ, доброхотныхъ Никону бояръ, Зюзинъ, и послалъ отъ себя патріарху извѣщеніе, будто бы царь желаетъ, чтобы онъ возвратился на свое патріаршее мѣсто, но чтобы сдѣлалъ это нежданно, безъ зова царя. Од-

нажды, въ Успенскомъ соборѣ, митрополитъ Іона служилъ заутреню, какъ вдругъ является патріархъ, останавливаетъ службу, беретъ посохъ митрополита Петра, прикладывается къ мощамъ, даетъ всѣмъ благословеніе и самому Іонѣ; потомъ посылаетъ митрополита къ царю извѣстить о своемъ возвращеніи. Государь тотчасъ созвалъ бояръ и духовныхъ: всѣ стали хулить поступокъ Никона; Паисій прямо говорилъ: «онъ долженъ былъ ждать суда вселенскихъ патріарховъ, а поступилъ, какъ разбойникъ». Послали къ патріарху спросить, зачѣмъ онъ явился самовольно. «Никто не гналъ меня, когда я ушелъ съ патріаршества, отвѣчалъ онъ, и пришелъ я безъ зова, чтобы окончить смуту. Я пришелъ по видѣнію». Онъ объяснилъ, что видѣлъ во снѣ, какъ въ Успенскомъ Соборѣ святители вставали изъ гробовъ и давали свои подписи для его призванія. «Надо скорѣе удалить этого лжевидца», сказалъ Паисій. Никону приказано ѣхать обратно въ монастырь. «Отрясаю прахъ съ ногъ своихъ», промолвилъ онъ, садясь въ сани. — «Мы этотъ прахъ подметемъ», сказалъ бывшій тутъ стрѣлецкій полковникъ.— «Размететъ васъ вонъ та метла, что на небѣ», отвѣчалъ Никонъ, указывая на видимую тогда комету.

Никонъ однако опасался суда вселенскихъ патріарховъ. Чтобы повернуть дѣло въ свою пользу, онъ послалъ письмо къ константинопольскому патріарху, гдѣ подробно разсказываетъ о своей распрѣ съ царемъ, хулитъ его поступки, обличаетъ его, что приблизилъ къ себѣ приверженца папы, Паисія, называетъ уложеніе, допускающее мірской судъ надъ духовными лицами, проклятою, безбожною книгою. Объ уложеніи Никонъ и прежде отзывался чрезвычайно рѣзко. Такъ, по поводу безчестья, какое должны были платить духовныя лица за оскорбленіе бояръ, онъ говорилъ: «Не дьявольскій ли это законъ? не выдуманъ ли для того, чтобы никто не смѣлъ проповѣдовать правды Божіей? Если судъ одинъ для всѣхъ, значитъ, и казни, какъ для духовныхъ лицъ, такъ и для простыхъ людей, одинаковыя! Хорошо сдѣлалъ бы человѣкъ священнаго чина, еслибы не пошелъ на твое беззаконное судище!» Противъ монастырскаго приказа и суда мірскихъ лицъ надъ духовными онъ толковалъ: «Священническая часть—Божья часть... гдѣ написано, чтобы царямъ, князьямъ, боярамъ и дьякамъ судить духовныхъ?» Письмо Никона къ константинопольскому патріарху было перехвачено и послужило однимъ изъ главныхъ поводовъ къ его обвиненію. Поспѣшили пригласить вселенскихъ патріарховъ какъ для суда надъ нимъ, такъ и для окончательнаго приговора надъ раскольниками, которые тогда сильно возмущали народъ. Пріѣхали лишь два патріарха: александрійскій и антіо-

хійскій; остальные два прислали свои полномочія. Докладчикомъ дѣла оставался Паисій. Въ назначенный день, за Никономъ послали двухъ архимандритовъ и одного архіепископа. Онъ сначала было отказывался ѣхать, требуя, чтобы за нимъ прислали двухъ или трехъ архіереевъ, но на другой день отправился. На дорогѣ его встрѣтили еще два посольства съ вызовомъ и съ приказаніемъ, чтобы онъ прибылъ въ Москву ночью, съ немногими людьми. — «Развѣ одному Богу на васъ жаловаться? говорилъ Никонъ: посылаете, точно я хочу ослушаться и не ѣхать! И зачѣмъ мнѣ въѣзжать ночью? видно, хотите поступить, какъ съ митрополитомъ Филиппомъ». Никонъ прибылъ ночью въ Кремль, и за нимъ тотчасъ же заперли ворота, а къ дому, гдѣ его помѣстили, приставили стражу. Утромъ духовные, бояре и царь собрались въ столовой избѣ. По обычаю, предъ патріархомъ несли крестъ. Никону приказано было идти смиренно, безъ креста, но онъ этому воспротивился. Ему наконецъ дозволили нести предъ собою крестъ: онъ явился въ собраніе съ большой важностью; всѣ встали, потому что передъ нимъ несли распятіе. Никонъ произнесъ молитву, поклонился присутствующимъ. Царь указалъ ему мѣсто между архіереями. Считая для себя унизительнымъ сидѣть съ ними на одной скамейкѣ, онъ сказалъ: «Я не принесъ съ собою мѣста: буду говорить, стоя», — и оперся на посохъ.

Обвиненіе началъ царь жалобою, что Никонъ самовольно бросилъ патріаршество и отъ того произошли многія смуты. — «Я ушелъ отъ царскаго гнѣва», объяснилъ Никонъ патріархамъ, и разсказалъ объ оскорбленіи, какое нанесъ Хитрово его посланному. «Мнѣ тогда некогда было разбирать жалобы Никона, отвѣчалъ царь. Да и его посланному не было никакого дѣла на Красномъ крыльцѣ: Хитрово зашибъ его за невѣжество. Никону тутъ не слѣдовало и вмѣшиваться». Послѣ того стали читать перехваченное письмо къ константинопольскому патріарху и остановились особенно на томъ мѣстѣ, гдѣ Никонъ называлъ беззаконнымъ назначеніе Паисія въ распорядители по его дѣлу: «этимъ, писалъ онъ, мы отложились отъ православія и начинаемъ обращеніе къ латынству».—«Чѣмъ Россія отступила отъ православія»?—спросили патріархи. Никонъ отвѣчалъ, что Паисій, отлученный іерусалимскимъ патріархомъ, не имѣлъ права распоряжаться, какъ митрополитъ: «этакъ всякій мужикъ, сказалъ онъ, надѣнетъ мантію, такъ его и признавай митрополитомъ? я говорилъ о Паисіи, а не о всѣхъ православныхъ». Но бояре и духовенство настаивали на томъ, что Никонъ назвалъ всѣхъ еретиками. Во второмъ и въ третьемъ собраніи подтвердили то же обвиненіе и, кромѣ того, уличали Никона, что

онъ произнесъ хулу на государя, на весь соборъ, на Паисія, что онъ поднялъ смуту, оставляя патріаршій престолъ, и обходился жестоко и самоуправно съ подчиненными, будучи патріархомъ. Стали подбирать законы къ его осужденію. Тутъ бояре о чемъ то нескладно заспорили. «Государь, молвилъ Никонъ, девять лѣтъ ты вразумлялъ и училъ ихъ, и все таки они ничего къ дѣлу сказать не умѣютъ; учи и еще девять лѣтъ—не научишь. Вотъ, вели бросить въ меня каменьями, это они съумѣютъ». Когда антіохійскій и александрійскій патріархи стали указывать на греческіе церковные законы, Никонъ возразилъ, что онъ не признаетъ ихъ, такъ какъ они печатаны еретиками. Греческіе духовные отвѣчали, что на востокѣ нѣтъ типографій и эти законы по неволѣ печатаются въ Венеціи, но всѣ признаютъ ихъ истинными. Наконецъ приговоръ былъ постановленъ: Никонъ лишался архіерейства и священства, и долженъ былъ именоваться простымъ монахомъ. Въ маленькой церкви Чудова монастыря, въ присутствіи восточныхъ патріарховъ, сняли съ него панагію и архіерейскій клобукъ съ жемчужнымъ крестомъ.—«Берите, сказалъ онъ патріархамъ: по горсточкѣ жемчужинокъ все таки на каждаго изъ васъ придется; вѣдь вы, турецкіе невольники, вездѣ выпрашиваете милостыни, чтобы заплатить дань султану». Никона одѣли простымъ монахомъ и, тайкомъ отъ народа, увезли изъ Москвы (въ декабрѣ 1666 года). Садясь въ сани, онъ произнесъ: «Никонъ! Никонъ! все это тебѣ сталось за то: не говори правды, не теряй дружбы! Устраивалъ бы ты богатыя трапезы да вечерялъ съ ними, такъ этого бы съ тобою не случилось».

Его заключили въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ (недалеко отъ Кирилло-Бѣлозерскаго). Здѣсь и архимандритъ, и монахи, и самъ приставъ обходились съ нимъ чрезвычайно почтительно, даже подобострастно. Отовсюду къ нему приходилъ народъ за благословеніемъ. Какъ-то разнеслась молва, что его сдѣлаютъ папою, и всѣ этому вѣрили. Но, по причинѣ нестерпимаго его высокомѣрія, и также по извѣту, что его посѣщали казаки Стеньки Разина, приказано смотрѣть за нимъ строже и никого изъ постороннихъ не допускать къ нему. Какъ въ Москвѣ, такъ и въ монастырь, царь нѣсколько разъ посылалъ къ Никону одежду, деньги и всякіе запасы, прося прощенія и благословенія. Онъ постоянно отсылалъ назадъ царскіе дары и только говорилъ: «Богъ насъ съ нимъ разсудитъ». Но старость и болѣзни сломили его твердость. Онъ наконецъ написалъ Алексѣю Михайловичу жалобное письмо, прося облегченія своей участи. Царь приказалъ предоставить ему полную свободу въ мѣстѣ заключенія и вновь сталъ посылать ему щедрые дары, отъ которыхъ Никонъ уже не отка-

зывался. Онъ производилъ на всѣхъ еще такое обаяніе, что сами приставленные къ нему монахи называли его патріархомъ и принимали отъ него благословеніе; но, слабѣя умомъ, онъ заводилъ дрязги, ссорился съ окружающими. Никонъ умеръ при царѣ Ѳедорѣ, въ 1681 году. Незадолго передъ его смертью, молодой царь выпросилъ у патріарха Іоакима дозволеніе возвратить его въ Воскресенскій монастырь. Никона, уже больнаго, повезли по Шекснѣ въ лодкѣ. Къ берегу приходили толпы народа просить у него благословенія. На переправѣ къ Ярославлю, Никонъ причастился, уже готовясь къ смерти. Народъ хлынулъ изъ города, вошелъ въ воду и потащилъ къ берегу лодку, въ которой лежалъ умирающій; всѣ цѣловали ему руки и ноги. Вотъ заблаговѣстили къ вечернѣ. Никонъ очнулся изъ забытья и сталъ оправлять на себѣ волосы и одежду, какъ будто готовясь въ дорогу,—потомъ потянулся, сложилъ руки на груди и умеръ. Его тѣло привезли въ Воскресенскій монастырь. Царь настоялъ на томъ, чтобы его отпѣвали, какъ патріарха. Вслѣдъ за тѣмъ и отъ вселенскихъ патріарховъ получено разрѣшеніе поминать Никона, какъ патріарха.

Никонъ, своею личностью, живо рисуетъ намъ наиболѣе развитаго русскаго человѣка, какимъ являлся онъ во второй половинѣ XVII-го вѣка, на пути къ преобразованіямъ. Тутъ находимъ мы странную смѣсь: большое стремленіе къ добру и вмѣстѣ съ этимъ жестокость, самовластіе, самоуправство, страшную силу воли съ значительною грубостью нравовъ, уваженіе къ наукѣ и необразованность, живой подвижной умъ и упрямое коснѣніе мысли. Никонъ въ своихъ преобразованіяхъ точно также, какъ и раскольники, стоялъ не столько за смыслъ, за духъ религіи, сколько за букву, за форму. Изъ-за вопроса, сколько разъ произностить «аллилуйя», поднятъ былъ всеобщій раздоръ, гибли въ пламени тысячи народа, совершались пытки и казни. Но у Никона все таки была рѣшимость измѣнить хоть букву. Упорный приверженецъ старины, онъ уже безсознательно становится ея разрушителемъ. Онъ опирается на греческія преданія, которыми держалась и его патріаршая власть, и видитъ въ тѣхъ же грекахъ лишь заводчиковъ смуты, а въ ихъ вліяніи на Русь невыносимое рабство; онъ ревниво охраняетъ свою духовную власть и не затрудняется упорно идти противъ свѣтской власти, на союзѣ съ которою только и было основано это духовное могущество, такъ что самъ разрушаетъ этотъ союзъ, помогая будущему уничтоженію патріаршества; онъ ищетъ мірскаго господства и безъ пощады осуждаетъ законы, на которыхъ тогда это господство основывалось, потому что дьяки у архіереевъ были точно такіе же, какъ и

дьяки въ приказахъ. Но старые порядки въ то время были уже таковы, что самая ихъ защита вела къ ихъ разрушенію.

Причины, почему не могли устоять старые порядки, живо указывалъ Крижаничъ уже въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Этотъ человѣкъ, по своему образованію и по понятіямъ, стоялъ слишкомъ высоко въ сравненіи съ самыми образованными изъ тогдашнихъ русскихъ людей. Онъ былъ родомъ сербъ (собственно хорватъ изъ Загреба), по вѣрѣ католикъ, и учился въ Вѣнѣ, въ Болоньѣ, въ Римѣ. Онъ обладалъ огромной ученостью: зналъ, кромѣ латинскаго и греческаго, языки французскій, нѣмецкій и итальянскій, изучалъ права, но особенно церковную исторію. Занимаясь уніей, онъ обратилъ вниманіе на восточную церковь, и тутъ ознакомился также со славянскимъ и русскимъ языкомъ. Въ 1658 году, онъ явился въ Вѣнѣ къ русскому послу и предложилъ свои услуги Россіи. Но что же заставило его ѣхать въ Московское государство, которое считалось тогда варварскимъ и страшнымъ для образованнаго европейца? Не нужда, не разсчетъ, — потому что онъ имѣлъ хорошее мѣсто и былъ совершенно обезпеченъ. Крижаничъ, какъ горячій славянинъ, съ горестью видѣлъ униженіе славянскихъ народовъ подъ властью турокъ и нѣмцевъ; Россія представлялась ему единственнымъ, сильнымъ и независимымъ славянскимъ государствомъ, и на нее возлагалъ онъ всѣ надежды. Онъ надѣялся, что Россія побѣдитъ турокъ, дастъ опору славянамъ къ освобожденію, какъ отъ турецкаго, такъ и отъ нѣмецкаго ига. Покамѣсть это случится, онъ желалъ подготовить духовное сближеніе Россіи съ прочими славянскими народами. Занятый одной этой мыслью, онъ жертвовалъ для нея всѣмъ, даже своею вѣрою: онъ готовъ былъ принять православіе, не хотѣлъ только перекрещиваться, какъ того требовали въ Москвѣ. Впрочемъ на вѣру онъ имѣлъ свой взглядъ: по его мнѣнію, важна сущность христіанскаго ученія, а не тѣ или другія отличія въ обрядахъ. Съ теченіемъ времени вводятъ новые виды богослуженія, посты, обряды, а вѣра отъ этого не измѣняется. Раздоръ между православными и католиками, по словамъ Крижанича, произошелъ вслѣдствіе властолюбія ихъ первосвященниковъ, патріарха и папы, вслѣдствіе личныхъ и чисто свѣтскихъ разсчетовъ. Какъ папы хотятъ одни властвовать, такъ и греки мутятъ церковь. Побывавши въ Константинополѣ, Крижаничъ близко ознакомился съ греками и сильно возстаетъ противъ нихъ. «Они одинаково услуживаютъ и льстятъ туркамъ и русскимъ, а за глаза бранятъ и тѣхъ, и другихъ; они торгуютъ священными предметами и склонны ко всякому обману». Славянамъ, по его словамъ, не слѣдовало бы вмѣшиваться въ эту религіозную распрю изъ личныхъ выгодъ, а по-

дать другъ другу руку во имя общей христіанской любви. Однако во многихъ сужденіяхъ Крижанича все таки видѣнъ католикъ: онъ допускаетъ жестокія казни еретиковъ, высказываетъ сильную ненависть къ протестантамъ. Къ тогдашнему русскому расколу онъ относится дружелюбнѣе. Онъ уличаетъ раскольниковъ въ невѣжествѣ; указываетъ, что они стоятъ за Максима Грека, тогда какъ Максимъ первый началъ исправлять книги; но въ тоже время не одобряетъ поднятыхъ противъ нихъ преслѣдованій: «Ошибки языка, говоритъ онъ, не могутъ вести къ осужденію, а исправленіе книгъ никого не спасаетъ: спасетъ насъ только сердечное благочестіе. Не стоитъ разрушать духовную любовь изъ-за грамматическихъ ошибокъ».

Принявши во вниманіе эти сужденія, легко догадаться, что Крижаничу нечего было дѣлать въ Москвѣ. Во время тогдашней польской войны, онъ могъ возбудить только подозрѣніе въ тайныхъ сношеніяхъ съ католиками. И дѣйствительно, послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Москвѣ, онъ былъ удаленъ въ Сибирь, въ Тобольскъ, какъ будто на должность, но на самомъ дѣлѣ въ изгнаніе. Въ точности, причины его удаленія не извѣстны: вины за нимъ никакой не было. Крижаничъ лишь казался подозрительнымъ человѣкомъ. Въ Тобольскѣ онъ пробылъ 16 лѣтъ, получая 7 рублей въ мѣсяцъ жалованья, и сильно скучалъ своимъ бездѣйствіемъ: «Никому я не нуженъ, никто отъ меня не требуетъ никакой работы, говорилъ онъ; питаютъ меня по царской милости, какъ скотину въ хлѣву». Послѣ смерти Алексѣя Михайловича, его возвратили въ Москву; неизвѣстно, что потомъ съ нимъ случилось. Живя въ Сибири, Крижаничъ утѣшалъ себя сочиненіями; онъ придумалъ грамматику общаго славянскаго языка и написалъ: «Разговоры о владѣтельствѣ», «О промыслѣ» и проч. Въ «Разговорахъ» онъ касается всѣхъ предметовъ общественной жизни и управленія: торговли, промышленности, земледѣлія, военнаго искусства, воспитанія, образа правленія и проч. Тутъ онъ очень метко разбираетъ всѣ недостатки тогдашней Руси.

Всѣ европейскіе народы, нѣмцы, французы, итальянцы, по его словамъ, во всѣхъ знаніяхъ и въ жизни достигли большаго совершенства; только славяне отъ всѣхъ отстали. Русскій народъ страшно нечистоплотенъ, грубъ, невѣжественъ, преданъ суевѣрію и пьянству; вся его торговля въ рукахъ иноземцевъ, ремесла и земледѣліе въ плохомъ состояніи; между тѣмъ старики, особенно изъ монаховъ, возстаютъ противъ всякаго образованія, видя въ немъ одну ересь. Главный вредъ для общаго блага, говоритъ Крижаничъ, происходитъ отъ незнанія самого себя, когда люди излишне любятъ сами себя, свои обычаи, счи-

таютъ себя сильными, богатыми, мудрыми, не будучи на самомъ дѣлѣ такими. Россія, какъ ни огромна, со всѣхъ сторонъ *заперта для торговли*: нѣтъ въ ней *хорошихъ пристаней*, какъ въ Англіи; нѣтъ никакого умѣнья ни въ торговлѣ, ни въ земледѣліи, ни въ домашнемъ хозяйствѣ. Умы народа тупы и косны. Русскій человѣкъ самъ ничего не выдумаетъ, если ему не укажутъ, и *не захочетъ сдѣлать себѣ добра, если его силою не принудятъ.* Исторіи русскій человѣкъ не знаетъ, никакихъ политическихъ разговоровъ вести не можетъ, и потому иностранцы его презираютъ. *Русское платье не красиво* и *не удобно*; особенно не расчесанные волосы и *борода* дѣлаютъ насъ какими то лѣсовиками. Ѣдимъ мы не чисто, деньги прячемъ въ ротъ. Мужикъ держитъ полную братину, и пальцы въ ней окунулъ: такъ и гостю подаетъ. Датскій король сказалъ о нашихъ послахъ: «Если эти люди еще ко мнѣ придутъ, то долженъ буду построить имъ свиной хлѣвъ, потому что гдѣ они постоятъ, тамъ полгода никто не можетъ жить отъ смрада». Нигдѣ на свѣтѣ, кромѣ Россіи, не видно такого гнуснаго пьянства: по улицамъ въ грязи валяются мужчины и женщины, міряне и духовные, и многіе отъ пьянства умираютъ». Но такое невѣжество продолжится недолго, предсказываетъ Крижаничъ. Теперь, когда Русь поднялась и укрѣпилась, когда и другія славянскія племена ищутъ въ ней покровительства (здѣсь надо разумѣть присоединеніе Малороссіи и Бѣлороссіи и толки о сліяніи Польши и Россіи въ одно государство), настала очередь и славянамъ выйти на путь къ просвѣщенію и успѣху въ жизни. Средствомъ къ этому служитъ распространеніе полезныхъ для народа знаній. Въ Россіи, какъ въ самодержавномъ государствѣ, *царскимъ повелѣніемъ можно все исправить* и *завести все полезное*: возвысить торговлю, устроить школы, призвать для обученія ремесленниковъ изъ-за границы, и проч. Но тутъ мы должны, болѣе всего, бояться нѣмцевъ. Нѣмцы, говоритъ Крижаничъ, если и даютъ науку, то, чтобы стать самимъ господами, а другихъ сдѣлать рабами; чужебѣсіе (преданность иноземцамъ) и сгубило другія славянскія племена. Крижаничъ вѣрно предугадывалъ вредъ, грозившій Россіи отъ рабской подражательности иностранцамъ, но въ своей къ нимъ ненависти онъ доходилъ до крайностей и противорѣчій: такъ, желая русскимъ образованія, онъ совѣтуетъ совсѣмъ запретить имъ ѣздить за границу.

Кромѣ науки, необходимы улучшенія въ порядкѣ управленія и въ законахъ. Крижаничъ тутъ разсматриваетъ русскую исторію и видитъ причину всѣхъ смутъ и безпорядковъ въ томъ, что правители заботились только объ увеличеніи казны распространяя продажу вина, допуская всякіе откупа и монополіи, налагая все новые подати. Между тѣмъ богатство

государства заключается не въ количествѣ собранныхъ казною денегъ и драгоцѣнностей, а въ благосостояніи народа. Другое зло состояло въ томъ, что воеводы, дьяки и подьячіе не получали жалованья или получали самое ничтожное; при этомъ должны были жить прилично и доставлять казнѣ какъ можно болѣе дохода. Отсюда продажность и, какъ выражается Крижаничъ, *людодерство*. «Всѣ народы, говоритъ онъ, считаютъ русскихъ лживыми, невѣрными, жестокосердыми, склонными къ кражѣ и убійству, невѣжливыми, нечистоплотными. А отчего это? Отъ того, что вездѣ кабаки, монополіи, запрещенія, откупа, соглядатаи; вездѣ люди связаны, не могутъ свободно употреблять труда рукъ своихъ; все дѣлается со страхомъ, съ обманомъ, вездѣ нужно укрываться отъ множества соглядатаевъ. Какъ средство противъ этого, Крижаничъ совѣтуетъ дать народу умѣренную свободу, чтобы онъ могъ повѣрять чиновниковъ, не допуская ихъ до злоупотребленій. Извѣстно, что сочиненіе Крижанича, въ числѣ другихъ книгъ, находилось при дворѣ. Мысли, въ немъ высказанныя, отчасти могли быть и отголоскомъ мнѣній такихъ лицъ, какъ Ордынъ-Нащокинъ, Артемонъ Матвѣевъ и другихъ, уже искавшихъ въ европейскомъ образованіи средствъ къ возвышенію Россіи. Разница лишь въ томъ, что Крижаничъ рѣзче и опредѣленнѣе высказалъ эти мнѣнія. Но если его книга читалась при дворѣ, то намъ нѣсколько становятся понятны и тѣ первыя впечатлѣнія, подъ которыми развивался Петръ Великій.

Западнорусскіе ученые и начало раскола.

Извѣстно, что въ западной Руси съ начала XVII-го вѣка, при содѣйствіи іезуитовъ, быстро стали распространяться католичество и унія. Іезуиты и другіе католическіе монахи, съ ними согласные, дѣйствовали очень искустно. Они всюду заводили *коллегіи*, высшія училища, куда старались привлекать дѣтей знатныхъ русскихъ владѣльцевъ. Въ то время всякому образованному человѣку считалось необходимымъ не только понимать латинскій языкъ, но и говорить на немъ. Іезуиты скорѣе другихъ обучали этому языку. Они завлекали юношей потворствомъ ихъ прихотямъ и наружною обстановкой: устраивали въ школахъ праздники и игры, публичныя пренія, гдѣ каждый могъ высказать свою ловкость въ защитѣ какой нибудь темы, и театральныя представленія, гдѣ играли воспитанники. Бѣдныхъ они обучали даромъ, но, хвалясь этимъ великодушіемъ, умѣли выманивать отъ богатыхъ пановъ огромные денежные вклады и цѣлыя имѣнія. Такъ посте-

пенно обратили они многихъ русскихъ владѣльцевъ въ католичество; для тѣхъ же, которые упорнѣе держались православія, и для народа придумали унію, то есть, не измѣняя православныхъ обрядовъ, заставляли признавать главенство папы. Они, какъ будто, никого не принуждали принимать католичество, иныхъ даже отговаривали отъ этого, увѣряя, что русская и римская вѣра одинаковы; но вели дѣло такъ, что ихъ воспитанники сами собою становились ревностными католиками.

Іезуиты однако встрѣтили и противодѣйствіе. Въ западной Руси еще оставались сильные паны-владѣльцы, сохранившіе во всей чистотѣ православіе. Для поддержанія падавшей вѣры свѣтскія и духовныя лица всюду стали составлять союзы или «братства». При братствахъ устраивались монастыри и школы по образцу іезуитскихъ, но уже съ цѣлію вести отчаянную борьбу съ іезуитами. Православные поняли, что со своими врагами они могутъ состязаться только ихъ же оружіемъ, то есть наукою. Изъ этихъ братствъ наиболѣе замѣчательно было кіевское братство при Богоявленской церкви на Подолѣ. Петръ Могила, тогдашній кіевскій митрополитъ, одинъ изъ самыхъ образованныхъ людей своего времени, окончившій образованіе въ Парижѣ, основалъ при этомъ братствѣ монастырь и коллегію и далъ для ихъ содержанія свои земли и деньги. Въ монастырѣ жили только преподаватели коллегіи: игуменъ его былъ въ то же время ректоромъ училища. Въ низшихъ классахъ этой коллегіи учили чтенію, письму и граматикѣ славянскаго, польскаго, латынскаго и греческаго языковъ. На латынскій обращали особенное вниманіе: ученики обязаны были говорить по латыни. Для этого завели листъ, куда вписывалось имя того, кто сказалъ хоть слово не по латыни. Провинившійся долженъ былъ носить этотъ листъ и передать его тому, кого поймаетъ въ той же провинности; послѣдняго же, у котораго листъ оставался вечеромъ, сѣкли. Въ среднихъ классахъ преподавали *піитику*, ученіе о стихотворствѣ, и *риторику*—о томъ, какъ украшать рѣчь и говорить нроповѣди. Высшіе классы назначались для *философіи* и *богословія*. Воспитанники много упражнялись въ сочиненіи виршей или стиховъ на славянскомъ и латынскомъ языкѣ. Кромѣ того они говорили проповѣди, и съ учрежденіемъ школъ въ западной Руси распространился обычай поучать народъ въ церкви, чего тогда совсѣмъ не было въ Московской Руси. Важнымъ упражненіемъ для учащихся были также пренія и публичные споры, гдѣ одинъ защищалъ какую нибудь тему, а другіе его опровергали. Искусство спорить было необходимо для борьбы съ іезуитами и ихъ приверженцами. Въ праздники воспитанники ходили съ вертепами или ящиками, гдѣ движущіяся куклы представляли разныя сцены изъ священнаго писанія,

при чемъ они произносили рѣчи, обыкновенно, виршами. Петръ Могила, отстаивая всѣми силами православіе, понялъ также, что необходимо установить правила и обряды вѣры, постоянно искажаемые въ церквахъ подъ вліяніемъ католичества, и для этого издалъ *Служебникъ*, *Требникъ* и краткій *Катихизисъ*. Книги эти замѣчательны тѣмъ, что въ нихъ не одно голое изложеніе правилъ, а есть наставленія и поясненія, сдѣланныя съ большою ученостью.

Изъ братскихъ училищъ вышли, по тогдашнему времени, ученые люди, которые издавали множество различныхъ сочиненій, большею частію направленныхъ противъ латынства. Въ своихъ поученіяхъ и толкованіяхъ они выказывали очень много начитанности: приводили примѣры и сравненія не только изъ священнаго писанія и изъ отцевъ церкви, но и изъ римской и греческой исторіи, изъ языческихъ писателей (Тацита, Цицерона, Платона) и также изъ наукъ, заключавшихъ знанія о природѣ. Они держались такого мнѣнія: «лишь зная природу, человѣкъ можетъ знать самого себя; лишь зная самого себя, можетъ познавать божественное». Но это знаніе природы у нихъ было очень ограниченное и соединено со многими старыми предразсудками. Такъ они признавали четыре начала, изъ которыхъ произошло все на свѣтѣ: самое тяжелое — *земля*, лежащая внизу, надъ нею *вода*, потомъ болѣе легкое—*воздухъ*, и наконецъ самое легкое—*огонь*. Огонь поэтому находится выше всего въ небѣ; связью между нимъ и водою служитъ воздухъ, а вода связываетъ воздухъ съ землею. Все это одна фантазія, потому что земля очень сложное тѣло, вода и воздухъ также сложены изъ различныхъ газовъ, изъ которыхъ, напримѣръ, водородъ, находящійся въ водѣ, въ 14 разъ легче воздуха, а огонь даже не есть особая вещь: это только извѣстное явленіе теплоты. Въ связи съ такимъ распредѣленіемъ началъ, или элементовъ, западно-русскіе ученые представляли и нравственный міръ: небесный огонь долженъ былъ означать высшее совершенство, отъ него произошла душа человѣка; поэтому человѣкъ, тяготѣя тѣломъ къ землѣ, стремится душою къ небу. Они вѣрили также въ чудотворное дѣйствіе разныхъ драгоцѣнныхъ камней, и вообще свое знаніе о природѣ они почерпали изъ старыхъ книгъ, а не изъ новыхъ наблюденій и изслѣдованій ея явленій. Ихъ краснорѣчіе было также искусственное, напыщенное. Они не столько заботились о томъ, чтобы объяснять сущность дѣла, сколько объ изысканной формѣ, о разныхъ украшеніяхъ рѣчи, состоявшихъ въ сравненіяхъ и иносказаніяхъ. Примѣромъ могутъ служить самыя заглавія ихъ сочиненій: «Мечь душевный», «Садъ Богородицы», «Трубы словесъ», «Ключь разумѣнія» и проч. Одинъ проповѣдникъ сравнива-

етъ Іисуса Христа съ магнитомъ: какъ магнитъ притягиваетъ желѣзо, такъ и Христосъ — грѣшниковъ, которые тверды, какъ желѣзо. Другой, говоря о великомученикѣ Георгіи, который былъ *колесованъ*, находитъ сходство въ колесѣ съ брачнымъ вѣнцемъ и обручальнымъ кольцомъ: Георгій, какъ чистая дѣва, *обрученъ* былъ Христу, и колесо послужило ему вмѣсто *вѣнца*. Колесо еще напоминаетъ небесный звѣздный кругъ: совершая кругъ на колесѣ, Георгій достигалъ неба и проч. Какъ у этихъ проповѣдниковъ мысль и содержаніе нерѣдко происходили и зависѣли отъ случайной, внѣшней формы, видно изъ того, что имена у нихъ служатъ къ изобрѣтенію мыслей: по поводу слова «Владиміръ», они совѣтуютъ распространяться о томъ, что человѣкъ, носившій это имя, «владѣлъ міромъ»; имя «Стефанъ» (греч. слово, по русс. вѣнокъ) напоминаетъ, что онъ «увѣнчанъ» былъ добродѣтелями, «Петръ» (зн. камень)—что былъ твердъ душою, какъ «камень», и проч. Одну и туже проповѣдь, только съ перемѣною имени святаго, они предлагаютъ произносить въ различные праздники. Такое ученіе, гдѣ больше обращали вниманія на форму, чѣмъ на содержаніе, называютъ *схоластическимъ*. Хотя подобная наука и мало приносила пользы, но въ сравненіи съ невѣжествомъ, господствовавшимъ на Руси, она давала всетаки упражненіе для мысли и пріучала къ искусству въ рѣчи.

Кіевскіе ученые замѣчательны тѣмъ, что внесли и въ Москву свои знанія и свое искусство. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, бояринъ Ртищевъ сталъ приглашать ихъ для исправленія церковныхъ книгъ. Боясь европейской науки, какъ грѣховнаго наважденія, московскіе люди однако принимали ее, хотя и въ очень несовершенномъ видѣ, отъ кіевскихъ ученыхъ, потому что они были православные. Эти ученые потомъ много содѣйствовали Петру въ его преобразованіяхъ, но уже до него, подъ ихъ вліяніемъ, открыта была въ Москвѣ, при Заиконоспасскомъ монастырѣ, славяно-греко-латынская школа, по образцу кіевской: въ ней впослѣдствіи учился Ломоносовъ. Изъ западно-русскихъ ученыхъ, дѣйствовавшихъ въ Москвѣ, наиболѣе замѣчательны: Симеонъ Полоцкій и Епифаній Славинецкій. Первый отличался большою начитанностью и свѣтскою ловкостью, съ какою онъ умѣлъ понравиться царю и боярамъ; второй былъ скромный ученый, проведшій всю жизнь за книгами, и, обладая серьезными знаніями, не думалъ ни искать милостей, ни блистать своимъ краснорѣчіемъ.

Симеонъ, родомъ изъ Полоцка, учился въ Кіевѣ и въ заграничныхъ школахъ. Пріѣхавши въ Москву, онъ не занимался исправленіемъ книгъ (чего и не могъ дѣлать, не зная греческаго языка), а писалъ обличенія противъ раскольниковъ, разсужденія о вѣрѣ, про-

повѣди, поздравительные стихи государю и духовныя драмы. Онъ вошелъ въ такую довѣренность у Алексѣя Михайловича, что сдѣланъ былъ воспитателемъ сына его, Ѳедора. Изъ духовныхъ его сочиненій извѣстны: «Жезлъ Православія», гдѣ Симеонъ Полоцкій уличаетъ раскольниковъ въ невѣжествѣ, «Вѣнецъ вѣры каѳолической», изложеніе догматовъ православной вѣры, и «Катихизисъ». Эти книги замѣчательны тѣмъ, что въ нихъ, кромѣ буквальнаго толкованія правилъ вѣры, допущены уже объясненія и разсужденія, которыя, по тогдашнимъ понятіямъ, составляли суетную, свѣтскую мудрость. Но ученость Симеона Полоцкаго мелочная, схоластическая. Такъ въ «Вѣнцѣ вѣры» онъ между прочимъ задаетъ, вопросы: «Зачѣмъ Христосъ родился въ декабрѣ? могъ ли Онъ говорить тотчасъ послѣ своего рожденія? воскреснутъ ли мертвые съ волосами и ногтями? въ какое время дня и года будетъ воскресеніе мертвыхъ? какъ помѣстятся они въ Іосафатовой долинѣ? и проч. Въ своихъ проповѣдяхъ Симеонъ, во первыхъ, горячо стоитъ за образованіе, за учрежденіе школъ. Хотя онъ тутъ разумѣетъ преимущественно образованіе религіозное, но не отвергаетъ и такихъ знаній, какъ грамматика, риторика, философія и проч. Напротивъ, онъ желаетъ, чтобы только люди, испытанные въ наукахъ, толковали о священныхъ предметахъ. «А то теперь,—говоритъ онъ,—разглагольствуютъ о священномъ писаніи всякіе невѣжды: и лѣсные дикари, и торговцы скота на базарахъ, и пьяные въ корчмахъ, и глупыя бабы». Вмѣстѣ съ невѣжествомъ Симеонъ нападаетъ, какъ на его послѣдствіе, на страшное суевѣріе, распространенное въ народѣ. Онъ осуждаетъ людей, что вѣрятъ въ ложныя чудеса, въ заговоры и всякія гаданія, считаютъ дурною примѣтою, если встрѣтятъ криваго человѣка, монаха, или женщину. Случится человѣку кашлянуть, обуваясь, или споткнуться, выходя изъ дому, онъ возвращается, бросаетъ дѣло. Съѣдятъ ли мыши платье, онъ ждетъ великой бѣды, а объ испорченномъ платьѣ не печалится». Но тутъ же проповѣдникъ возстаетъ противъ народныхъ игръ, противъ качелей, видя въ нихъ угожденіе бѣсамъ.

Симеонъ написалъ много стихотвореній, но по образцу польскихъ, размѣромъ, не свойственнымъ русскому языку. Его стихи отличаются тѣмъ, что въ нихъ одинаковое число слоговъ и на концѣ созвучіе, рифма; но на дѣлѣ это лишь тяжелая проза. Вотъ, напримѣръ, его обращеніе къ Алексѣю Михайловичу, слушавшему его драмы:

«Благодаримъ тя о сей благодати,
Яко изволилъ дѣйства послушати;
Свѣтлое око твое созерцаше
Комидійное сіе дѣло наше».

Симеонъ переложилъ въ такіе стихи псалмы Давида, написалъ ими разныя поучительныя и поздравительныя піесы («Гусль доброгласная», поздравленіе Θедору Алексѣевичу, «Орелъ россійскій, въ солнцѣ представленный») и духовныя драмы («О Блудномъ сынѣ», «О царѣ Навуходоносорѣ», «Объ отроцѣхъ въ пещи сожженныхъ»). Въ его драмахъ очень мало изобрѣтательности и нѣтъ никакого живаго, поэтическаго изображенія; но въ тогдашнее время и онѣ были заманчивою новинкой; при ихъ представленіи, большимъ развлеченіемъ служили музыка и пѣсни, какія Симеонъ мѣстами вводитъ между сценами. Приведемъ вкратцѣ содержаніе драмы «О блудномъ сынѣ». Въ началѣ ея «Прологъ», вступленіе, гдѣ извѣщаютъ зрителей о предметѣ представленія. Далѣе, въ первой сценѣ, отецъ говоритъ двумъ своимъ сыновьямъ, что у него много всякаго добра и все это онъ имъ завѣщаетъ: старшій сынъ желаетъ остаться при отцѣ и помогать ему, но младшій рвется на свободу, хочетъ видѣть чужія земли и прославиться.

«Богъ волю далъ есть: се птицы летаютъ,
Звѣріе въ лѣсахъ вольно пребываютъ,
И ты мнѣ, отче, изволь волю дати
Разумну сущу весь міръ посѣщати».

Отецъ награждаетъ сына и отпускаетъ его. Во второй сценѣ блудный сынъ въ чужой землѣ, вмѣсто того, чтобы искать доброй славы и научиться уму-разуму, какъ обѣщалъ отцу, гуляетъ со своими слугами, созываетъ къ себѣ на пиръ много народу, играетъ въ кости, въ шашки, въ карты и безъ счету бросаетъ деньги. Въ третьей сценѣ представлено, какъ онъ съ больной головой просыпается послѣ похмѣлья, слушаетъ музыку и пѣсни; но вотъ, нужно расплатиться со слугами: оказалось, что добро растрачено, и не на что купить хлѣба. Слуги расхищаютъ остатки его имѣнія и бросаютъ его. Въ четвертой сценѣ блудный сынъ отдаетъ купцу свою послѣднюю одежду за кусокъ хлѣба и идетъ въ слуги къ одному господину. Господинъ смотритъ на его руки. «О, нѣсть мозолей, зѣло мягки длани!» — говоритъ онъ, и приказываетъ ему пасти свиней. Ставши свинопасомъ, онъ съ голоду бросается на корыто съ желудями и самъ ѣстъ, отгоняя свиней. Прикащикъ за это жестоко бьетъ его. Въ пятой сценѣ сынъ возвращается домой. Слѣдуютъ радостная встрѣча, музыка и пѣсни; потомъ приходитъ съ упреками старшій братъ,—все, какъ въ евангельской притчѣ. Послѣдняя, шестая сцена и заключеніе (эпилогъ) содержатъ нравоученіе: сынъ кается въ своемъ неразуміи; его поступки должны служить примѣромъ того, какъ опасно, не укрѣпившись разумомъ, пускаться въ дальнія странствованія. Мы видимъ, что все дѣйствіе здѣсь слишкомъ незатѣйливо:

все дѣлается вдругъ, безъ всякихъ причинъ, и сцены служатъ лишь неумѣлымъ распространенiемъ евангельскаго разсказа. Но это были у насъ первые дѣтскiе опыты драматическаго искусства.

Епифанiй Славинецкiй также писалъ проповѣди, гдѣ обличаетъ невѣждъ, гонителей науки, этихъ «мысленныхъ совъ, возлюбившихъ ночной мракъ,»—убѣждаетъ быть милосердыми къ рабамъ, къ бѣднымъ крестьянамъ, къ сиротамъ, къ странникамъ, но не къ нищимъ тунеядцамъ и къ шатающимся монахамъ, которые только обманываютъ народъ: для вспомоществованiя бѣднымъ онъ совѣтуетъ устроить общества милосердiя и кассы, изъ которыхъ давались бы деньги взаймы безъ процентовъ. Но главный трудъ Славинецкаго, за которымъ онъ провелъ въ Москвѣ 26 лѣтъ, было исправленiе церковныхъ книгъ. Вызванный изъ Кiева бояриномъ Ртищевымъ, онъ сталъ извѣстенъ патрiарху Никону, который и поручилъ ему эту работу. Славинецкiй былъ отлично приготовленъ для этого дѣла: онъ хорошо зналъ языки латынскiй, греческiй и даже еврейскiй, былъ близко знакомъ со всею церковною литературою. Подъ его руководствомъ были вновь напечатаны богослужебныя книги въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ и донынѣ употребляются въ церквахъ. Дѣло это, какъ извѣстно, было очень важнымъ событiемъ въ нашей исторiи. У насъ уже издавна хлопотали объ исправленiи церковныхъ книгъ, въ которыхъ вкралось множество ошибокъ отъ невѣжества переписчиковъ. Когда, при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, утвердилось въ Москвѣ книгопечатанiе, патрiархъ Филаретъ приказалъ собрать изъ монастырей и церквей списки богослужебныхъ книгъ, свѣрить ихъ особымъ справщикамъ и потомъ напечатать по исправленному тексту. Для приготовленiя лучшихъ справщиковъ, онъ устроилъ при Чудовомъ монастырѣ греко-славянскую школу, назначивъ въ ней учителемъ грека Арсенiя. Но покамѣстъ исправленiе книгъ поручали полуграмотнымъ справщикамъ, о которыхъ Арсенiй говоритъ, что они едва читать умѣли, а не въ состоянiи были отличать букву гласную отъ согласной. Такъ печатали и послѣ Филарета. Тогда въ справщики избраны были между прочимъ: протопопъ Аввакумъ, попы Лазарь и Никита Пустосвятъ. Но вотъ, восточные патрiархи, прiѣзжавшiе въ Россiю, и ученые греки стали указывать на многiя отступленiя въ русской вѣрѣ отъ стариннаго греческаго православiя. Сюда относились разныя неправильности въ богослужебныхъ книгахъ (напримѣръ, праздники призывали, какъ лица: «молитвами Пресвятой Богородицы и честнаго Ея Успенiя») и издавна господствовавшее на Руси, двуперстное знаменiе. Бывшiй тогда патрiархъ Никонъ съ рѣшительностью принялся за дѣло. Прежнiе справ-

щики были отставлены, и исправленіе книгъ для новаго изданія поручено было Епифанію Славинецкому и греку Арсенію. Для этого вновь собрали рукописи изъ монастырей, и привезли большое число греческихъ книгъ съ Аѳона.

Никонъ нѣсколько разъ созывалъ на соборъ духовенство, и оно утвердило вновь изданныя богослужебныя книги и рѣшило принять трехперстное знаменіе, а тѣхъ, кто будетъ креститься двумя перстами, предать проклятію. Когда Никонъ съ обычною своею суровостью сталъ приводить въ исполненіе это рѣшеніе, то въ народѣ поднялась сильная смута. Приверженцы старины указывали на то, что двумя перстами крестились многіе отцы русской церкви, признанные святыми. Отставленные справщики: Никита Пустосвятъ, Лазарь, Аввакумъ, и другіе волновали толпу, говоря, что новыя книги разрушаютъ древнее православіе. Изъ обличеній Симеона Полоцкаго видно, какъ эти лица, не понимая граматическаго смысла рѣчи, ложно толковали сдѣланныя поправки. Въ молитвѣ «Да не снидетъ со крещающимся, молимся Тебѣ, Господи, духъ лукавый»— Никита относилъ слова «духъ лукавый» къ слову «Господи», тогда какъ «духъ лукавый» здѣсь стоитъ въ именительномъ падежѣ и относится къ слову «снидетъ», а «Господи» въ звательномъ. Лазарь смущался начертаніемъ «Іисусъ» вмѣсто древняго «Исусъ», и въ словахъ «единъ Господь, Іисусъ Христосъ» видитъ двойственность божества, какъ будто было бы напечатано: «единъ Господь и Исусъ Христосъ». Никонъ сталъ преслѣдовать и ссылать наиболѣе безпокойныхъ приверженцевъ старины, а Аввакума, самаго яраго своего противника, онъ отправилъ въ Сибирь, къ истокамъ Амура. Но скоро строптивый патріархъ былъ низложенъ въ борьбѣ съ царемъ, и раскольники подняли голову. Аввакумъ возвращенъ въ Москву и своимъ горячимъ словомъ совратилъ въ расколъ даже многихъ изъ бояръ. Никита Пустосвятъ и Лазарь стали писать сочиненія въ защиту старой вѣры и подавали царю челобитныя. Во многихъ мѣстахъ Россіи открыто проповѣдывали противъ трехперстнаго сложенія и другихъ измѣненій въ обрядахъ. Тогда, опасаясь обличеній со стороны вселенскихъ патріарховъ, опять созвали соборъ духовенства: на немъ рѣшено наказывать противниковъ церкви, давъ однако имъ срокъ покаяться и покориться. Аввакумъ не думалъ уступать: его нѣсколько разъ переводили съ мѣста на мѣсто и наконецъ заключили въ Пустозерскъ. Попъ Лазарь не только не смирился, но и нещадно бранилъ весь соборъ: ему отрѣзали конецъ языка и также сослали въ Пустозерскъ. Никита же отказался отъ своей челобитной за старую

вѣру, и его простили. Однако волненія въ народѣ продолжались. Тамъ и сямъ являлись все новые учители; на сосланныхъ за упорство въ расколѣ смотрѣли, какъ на мучениковъ.

Особенную силу раскольникамъ придало долговременное сопротивленіе царскимъ войскамъ Соловецкой обители. Въ Соловкахъ смута началась съ того, что монахи не приняли присланнаго къ нимъ архимандрита. Они упорно стали противъ новонапечатанныхъ книгъ и послали царю челобитную, чтобы имъ дозволено было служить по старымъ книгамъ. Но имъ приказано было покориться. Тогда, надѣясь на крѣпкія стѣны и пушки, на большіе запасы своего монастыря и его недоступность, они рѣшились сопротивляться. Къ нимъ сошлось до 500 человѣкъ недовольныхъ. Посланные воеводы плохо вели осаду и затянули ее на 10 лѣтъ (съ 1666 по 1676-ой годъ). Соловецкій монастырь находится на одномъ изъ острововъ Бѣлаго моря, далеко отъ берега, а осаждали его съ суши, изъ Сумскаго острога: войско приплывало на короткое лѣтнее время пострѣлять изъ пушекъ и потомъ удалялось на цѣлыхъ восемъ мѣсяцевъ. Наконецъ воевода Мещериновъ укрѣпился съ войскомъ на самомъ Соловецкомъ острову и остался тутъ на зиму. Тогда въ самомъ монастырѣ произошло несогласіе: казначей Геронтій, защищая старыя книги, не хотѣлъ однако сопротивляться царю; архимандритъ Никаноръ напротивъ поддерживалъ сопротивленіе власти и доказывалъ, что, въ случаѣ нужды, можно обойтись и безъ поповъ, чѣмъ и положено начало *безпоповщинѣ*. Приверженцы Никанора взяли верхъ, и Геронтій изгнанъ. Но воевода Мещериновъ, при помощи одного монаха, вошелъ черезъ тайный входъ, заложенный камнями, и стрѣльцы овладѣли монастыремъ. Никаноръ и его сообщники казнены, многихъ изъ раскольниковъ сослали въ Сибирь; въ монастырѣ оставили лишь тѣхъ, которые покорились церкви. Съ этихъ поръ началось болѣе жестокое преслѣдованіе раскольниковъ: ихъ по старому обычаю, стали сожигать, какъ еретиковъ. Такъ подъ конецъ сожжены были въ Пустозерскѣ Аввакумъ и Лазарь. Но и сами раскольники обратили это сожиганіе въ подвигъ мученичества. Между ними распространилось ученіе, что чрезъ всеочищающій огонь легче всего спастись. Многіе изъ нихъ сожигались добровольно; другіе, когда царскія войска окружали ихъ въ какой нибудь лѣсной пустынѣ, предавали себя сожженію цѣлыми сотнями.

При Софьи, во время господства Хованскаго и стрѣльцевъ, раскольники на время пріобрѣли было большую силу въ Москвѣ. Хованскій имъ покровительствовалъ. Многіе изъ стрѣльцевъ

тогда рѣшили подать челобитную о возстановленіи старой вѣры, при чемъ требовали, чтобы дѣло это рѣшено было всенародно на площади, въ присутствіи царей, патріарха Іоакима и всего духовенства. Эту челобитную написалъ одинъ монахъ Сергій, а отвѣчать патріарху и вести споръ взялся Никита Пустосвятъ, который прежде лишь притворно отрекся отъ раскола. Въ назначенный день раскольники изъ стрѣльцевъ двинулись въ Кремль. Никита несъ крестъ, другіе за нимъ шли съ евангеліемъ, съ налоями, съ образами и старыми книгами. Сзади валила толпа народа. Стали передъ Архангельскимъ Соборомъ, разложили на налояхъ образа и книги, зажгли свѣчи въ подсвѣчникахъ. Патріархъ отказался идти на площадь, а звалъ раскольниковъ въ Грановитую Палату, между тѣмъ послалъ къ нимъ со священникомъ бумаги, гдѣ, въ дѣлахъ собора, было изложено, какъ Никита принесъ покаяніе въ своемъ отступничествѣ отъ церкви. Священника чуть не избили. Никита оправдывался передъ народомъ, браня на чемъ свѣтъ православную церковь. Наконецъ въ Грановитой палатѣ собрались патріархъ съ архіепископами и митрополитами, царица Наталья, царевны, бояре. Хованскій всѣми силами уговаривалъ Софью не идти, но она его не послушала и заняла свое мѣсто на тронѣ. Патріархъ впередъ себя отправилъ для обличенія огромное количество греческихъ и славянскихъ книгъ. Когда все было готово, призвали и раскольниковъ. Они явились прежнимъ порядкомъ со своими книгами, образами и налоями. «Чего вы отъ насъ хотите?» спросилъ патріархъ. — «Мы пришли бить челомъ царямъ о старой вѣрѣ,» отвѣчали раскольники. — «Вамъ, простолюдинамъ, не слѣдъ разбирать такія дѣла и судить архіереевъ, сказалъ патріархъ: у насъ книги исправлены по греческимъ и по нашимъ книгамъ, согласно съ граматикою, а вы граматическаго разума не знаете.» — «Мы пришли не о граматикѣ спорить, возразилъ Никита, а о вѣрѣ. Вотъ скажи-ка: почему на литургіи вы берете крестъ въ лѣвую руку, а тройную свѣчу въ правую? развѣ огонь честнѣе креста?» Тутъ одинъ изъ епископовъ началъ было объяснять, почему такъ дѣлается; но Никита ткнулъ въ него рукою и крикнулъ: «Чего ты, нога, ставишься выше головы? я говорю не съ тобою, а со святѣйшимъ патріархомъ». Софья вскочила со своего мѣста. «Что это? онъ бьетъ архіерея!» вскричала она. — «Онъ только отвелъ рукою,» послышалось изъ толпы. Тогда Софья напомнила, что Никита принесъ повинную, подвергая себя проклятію св. отцевъ и вселенскихъ соборовъ, если вновь будетъ бить челомъ о старой вѣрѣ. — «Далъ я повинную за мечемъ и срубомъ,» отвѣчалъ Никита, и сталъ упрекать, что никто изъ архіе-

реевъ тогда не отвѣчалъ ему: одинъ Симеонъ Полоцкій написалъ противъ него «Жезлъ», и онъ готовъ теперь говорить противъ «Жезла». — «Нечего намъ съ тобою говорить, сказала Софья: тебѣ не слѣдовало бы быть и на очахъ нашихъ.»

Стали читать челобитную и дошли до того мѣста, гдѣ было сказано, что еретики Никонъ и Арсеній совратили душу царя Алексѣя Михайловича. Тутъ Софья вновь не вытерпѣла: «Значитъ, и отецъ и братъ нашъ были еретиками! чѣмъ слушать такую хулу, мы лучше откажемся отъ царства.» Бояре стали выражать свою преданность, но изъ толпы послышались и такіе голоса: «Пора бы вамъ, государыня, въ монастырь.... что царствомъ-то мутить? намъ были бы только здоровы наши отцы-государи.» Софья со слезами обратилась къ выборнымъ изъ стрѣльцевъ: «Что? эти мужики на васъ чтоли надѣются? Вы всегда были намъ вѣрными слугами... какъ же дозволяете невѣжамъ шумѣть и кричать въ нашей палатѣ?» Стрѣльцы стали ее успокоивать. Послѣ этого начались пренія. Патріархъ и другія духовныя лица указывали на грубыя ошибки въ книгахъ, изданныхъ при Филаретѣ, объясняли, что трехперстное знаменіе всегда существовало въ греческой церкви, а двуперстное принято было въ Россіи неправильно. Необразованные раскольники ничего не могли возразить противъ ошибокъ, и только кричали, подымая два перста: «вотъ какъ нужно! вотъ какъ!» Когда стемнѣло, раскольниковъ отпустили. Они торжественно вышли и, обращаясь къ народу, продолжали держать кверху два пальца, съ криками: «Побѣдихомъ! побѣдихомъ! вотъ какъ вѣруйте.» Никита и другіе раскольничьи попы поучали толпу на лобномъ мѣстѣ, потомъ отслужили благодарственный молебенъ и разошлись. Между тѣмъ Софья призвала къ себѣ выборныхъ стрѣльцевъ, щедро угощала ихъ и просила ея не выдать. Стрѣльцы отвѣчали, что не стоятъ за старую вѣру, такъ какъ это есть дѣло патріарха и собора. Дѣйствительно, изъ нихъ далеко не всѣ учавствовали въ смутѣ. Тогда Софья приказала преданнымъ себѣ стрѣльцамъ схватить Никиту и пятерыхъ его сообщниковъ. Никитѣ отрубили голову, а прочихъ сослали. Послѣ правленія Софьи, при Петрѣ, раскольники, какъ люди, преданные старинѣ, не могли избѣгнуть преслѣдованій. Между ними все болѣе распространялись мрачные толки о пришествіи антихриста, чего знаменіемъ должны были служить совершавшіяся тогда преобразованія, та новая наука, которую они отвергали, какъ нечестіе, но которая впослѣдствіи, смягчивъ нравы, привела и къ смягченію ихъ участи. Впрочемъ Петръ строго каралъ лишь явное сопротивленіе своей власти; тѣмъ изъ раскольниковъ, которые мирно жили въ своихъ пустыняхъ,

онъ предоставлялъ совершать службу по своему, заставляя ихъ только, въ видѣ откупа, платить двойную подать.

Мы видѣли, что расколъ при Никонѣ первоначально возникъ лишь отъ невѣжества справщиковъ. Но было много различныхъ причинъ, почему онъ такъ распространился. Одни священники, недовольные строгостью Никона, не могли бы придать ему большой силы. Измѣненіе стараго обряда, во первыхъ, встревожило пугливую народную совѣсть, а во вторыхъ, опять дало пищу религіознымъ толкамъ и умозрѣніямъ въ вѣкъ, когда для пытливаго ума и не существовало другихъ вопросовъ, кромѣ религіозныхъ.. Мы знаемъ, что еще со временъ Іоанна III въ народѣ ходили разныя ученія, противныя церкви. Такія ученія не прекращались и въ послѣдствіи. Раскольники временъ Никона, стоявшіе за старый обрядъ, подъ конецъ сходились съ тѣми, которые отвергали всякую обрядность: ихъ соединяло вмѣстѣ общее преслѣдованіе. Скитаясь въ лѣсахъ, гдѣ нельзя было найти священниковъ, они иногда по неволѣ становились безпоповцами. Кромѣ того къ ихъ общинѣ приставали люди, утѣсняемые дьяками и воеводами, вообще недовольные московскими порядками. Тогда какъ одни фанатически отстаивали свои религіозныя вѣрованія, другіе думали освятить религіей лишь свое сопротивленіе власти. Сдѣлать расколъ безвреднымъ только и могли съ одной стороны образованіе, а съ другой уничтоженіе тѣхъ старыхъ злоупотребленій въ управленіи, которыя такъ тягостно ложились на народѣ.

И такъ расколу содѣйствовалъ весь строй жизни, гдѣ мы съ одной стороны находимъ рабскую приверженность къ формѣ, къ буквѣ, съ другой неясныя стремленія къ лучшему, которыя и въ образованномъ кругу и въ народѣ высказывались тѣмъ рѣшительнѣе, чѣмъ нестерпимѣе было окружающее зло. Приверженцы старины, при Алексѣѣ Михайловичѣ, такъ понимали дѣло: «Намъ всѣмъ, православнымъ христіанамъ, подобаетъ умирать за одинъ *азъ*, который окаянный врагъ выбросилъ изъ Символа тамъ, гдѣ говорится о сынѣ Божіи: «рожденна, *а* не сотворенна»; велика зѣло сила въ семъ *азъ* сокровенна» Но первые справщики, къ которымъ принадлежали Аввакумъ, Никита и другіе, до распоряженій Никона, уже допускали нововведенія: напримѣръ, проповѣдь и единогласное пѣніе. Между тѣмъ безусловные поклонники старины толковали: «Заводите вы, ханжи, ересь новую, единогласное пѣніе, да людей въ церкви учить, а мы прежде людей въ церкви не учивали... бѣса вы имате въ себѣ». Никонъ съ его малороссійскими учеными пошли еще дальше: они измѣнили текстъ писанія, но защищали свою новизну съ тою же нетерпимостью и приверженностью

къ буквѣ. Еще нетерпимѣе выступила на борьбу со стариною европейская наука при Петрѣ Великомъ. Это было и естественно: чаша зла переполнилась; въ негодованіи разбивали самый сосудъ. Однако, и при введеніи новой науки, мы въ значительной степени находимъ туже приверженность къ формѣ, къ буквѣ, въ которой обвиняютъ однихъ раскольниковъ. Надо, во-первыхъ, помнить, что просвѣтителями являлись тѣже дьяки, лишь переодѣтые въ нѣмецкій костюмъ: великій геній Петра могъ создавать науку, но не могъ вдругъ передѣлать людей. Во-вторыхъ, насильно вводились новыя формы общежитія безъ всякаго вниманія къ вѣрованіямъ народа, въ которыхъ видѣли только невѣжество и предразсудки. Считали достаточнымъ лишь измѣнить наружность человѣка, чтобы онъ сталъ другимъ и по духу: бритый подбородокъ, форменная одежда, искаженная иноземными названіями рѣчь, иноземная лѣстница чиновъ съ ихъ нѣмецкими названіями ставились выше всего: безъ нихъ не видѣли и новаго духу. Но высшіе классы, вмѣстѣ съ образованіемъ, легко освоивались съ новыми обычаями, хотя и принятыми по принужденію; народъ же не получалъ и образованія, которое облегчило бы ему переходъ къ новымъ обычаямъ. Что касается ремесленныхъ знаній и нѣкоторыхъ другихъ, полезныхъ для жизни, плодовъ европейской науки, то онъ усвоивалъ ихъ легко и въ очень широкихъ размѣрахъ, если принять во вниманіе, на сколько эти знанія до него достигали и помогали ему въ жизни. Въ такихъ же нововведеніяхъ, какъ стриженіе бороды, измѣненіе одежды, онъ видѣлъ лишь нарушеніе стараго обычая и новый предлогъ къ тому, чтобы чиновники могли поживиться на его счетъ. Если неразумное принужденіе и самый способъ вводить улучшенія черезъ полицію и приказныхъ сильно вредили распространенію и дѣйствительно полезныхъ для него мѣръ, бритье подбородка и нѣмецкій кафтанъ уже не представляли никакикъ существенныхъ для него выгодъ. Но за настойчивую приверженность къ старому обычаю люди болѣе всего и подвергались преслѣдованіямъ.

Такимъ образомъ вначалѣ европейская наука лишь усилила отчужденіе раскольниковъ отъ общества. Можетъ быть, тутъ самая энергическая и способная часть народа стала враждебною реформамъ. Но по странному противорѣчію, объясняемому впрочемъ самымъ положеніемъ раскольниковъ, между ними наиболѣе ярые приверженцы старины и буквы и становятся наиболѣе ярыми нововводителями, разумѣется, въ своемъ духѣ. Оторванные отъ всякаго церковнаго общенія съ православными, они изобрѣтаютъ все новыя ученія, толкуя посвоему священное писаніе: по мѣрѣ того, какъ все, за что ихъ преслѣдуютъ, имъ становится особенно дорого, имъ дѣлается чуждымъ и даже ненавистнымъ все, что

они имѣли до сихъ поръ общаго съ православными. Они обходятся безъ священниковъ уже не только по нуждѣ, но и по убѣжденію: у нихъ есть свои духовные наставники, и наставникомъ можетъ быть всякій, кому дано прозрѣніе, то есть, кто на столько углубился въ чтеніе священнаго писанія, что можетъ извлекать изъ него любое ученіе, смотря по своему уму-разуму, а особенно по настроенію своихъ духовныхъ собратій. Церковные обряды или значительно измѣнены, или толкуются по *духу*, какъ иносказаніе (напримѣръ, причащеніе не какъ таинство, гдѣ нисходитъ благодать чрезъ плоть и кровь Христову, а лишь какъ пріобщеніе покаявшагося грѣшника къ обществу вѣрныхъ), или и совсѣмъ отвергаются (въ послѣднемъ случаѣ достаточно, чтобы каждый каялся самъ передъ собою). Рядомъ съ ученіями, сходными отчасти съ протестантскими, появляются и секты, по своей дикости и грубости, прямо враждебныя обществу (напримѣръ, секта скопцовъ). Но вообще у раскольниковъ мы видимъ стремленіе возвратить религію не только къ допетровской старинѣ, но и къ той первобытной простотѣ, какую она могла имѣть до появленія церковныхъ уставовъ, въ первый вѣкъ христіанства. Подобно этому, и противодѣйствіе властямъ принимаетъ совсѣмъ особый характеръ. Какъ въ дѣлахъ церковныхъ безъ священниковъ, такъ и въ дѣлахъ жизни, раскольники стремятся обойтись безъ свѣтскаго начальства. Всѣ распоряженія власти: подушный налогъ, паспорты, народная перепись, воинская повинность—по ихъ мнѣнію, носили на себѣ печать антихриста. Въ этихъ взглядахъ опять было много степеней: одни, напримѣръ, шли на войну, оправдывая себя тѣмъ, что Господь велѣлъ покоряться господствующей власти; другіе, какъ молокане, такъ упорны были въ своемъ нежеланіи проливать чью либо кровь, что само правительство принуждено было помѣщать ихъ въ такія части войскъ, которыя не учавствовали въ битвѣ. Испытавъ не разъ, чего стоила имъ явная непокорность властямъ, раскольники подъ конецъ стали послушно выполнять всѣ ихъ требованія. Но взамѣнъ этого они употребили всѣ свои силы, чтобы устроить свои общины независимо отъ чьего либо вмѣшательства. Кто былъ сильнѣе и богаче, тотъ ограждалъ другихъ, не жалѣя своего достоянія: взаимная помощь стала первымъ правиломъ добродѣтели. Трезвость, тѣлесная чистота, строгій порядокъ въ дѣлахъ, трудолюбіе, честность во взаимныхъ отношеніяхъ—проповѣдывались, какъ въ силу религіознаго одушевленія, такъ и для того, чтобы не дать людямъ, чуждымъ общинѣ, лишняго повода вмѣшиваться въ дѣла ея. Разумѣется, тутъ многое развивалось дико, согласно съ узкими понятіями секты, замкнутой отъ общаго движенія жизни. Тѣмъ не менѣе исторія раскола показываетъ, что страсть

къ измѣненіямъ, къ новому устройству общества, столь сильно пробудившаяся въ концѣ XVII-го столѣтія въ высшихъ классахъ, въ свою очередь охватывала и народъ; только онъ тутъ шелъ своимъ путемъ религіозныхъ мудрованій, чуждаясь европейской науки, которая долгое время была для него недоброю мачихой.

Уже во время Никона, когда борьба шла по видимому лишь за двуперстное знаменіе и за старыя книги, мы замѣчаемъ сильное нравственное возбужденіе: среди религіознаго фанатизма, возстаютъ съ новою силою и павшія нравственныя начала. Это мы особенно видимъ въ жизни перваго расколоучителя Аввакума, какъ онъ самъ описалъ ее. Представимъ здѣсь нѣкоторыя подробности изъ этого описанія.

Аввакумъ былъ родомъ изъ Нижегородской области, сынъ священника. «Отецъ мой, пишетъ онъ, прилежаше питія хмѣльнаго; мати же моя постница и молитвенница бысть, всегда учаше мя страху Божію». Въ дѣтствѣ онъ уже сталъ размышлять о суетѣ жизни, увидѣвъ однажды убитое животное. Послѣ смерти отца, изгнанный изъ дому родственниками, онъ испыталъ много бѣдъ, пока не сдѣланъ былъ сельскимъ дьякономъ, а скоро и священникомъ. Но тутъ началась новая борьба. Строгій къ своимъ обязанностямъ, онъ сталъ уличать разныхъ начальныхъ лицъ въ ихъ неправдахъ. У одного онъ требовалъ, чтобы возвратилъ дѣвицу, похищенную имъ у матери. Начальникъ пришелъ въ церковь съ толпою и избилъ Аввакума до полусмерти. Другой, за такія же обличенія, нагрянулъ къ нему на домъ, билъ, кусалъ его, погнался за нимъ и сталъ стрѣлять изъ пищали; наконецъ отьялъ у него дворъ и, выгнавъ на улицу, не далъ ему даже хлѣба на дорогу. Но Аввакумъ своею проповѣдью уже успѣлъ привлечь къ себѣ прихожанъ. Ему коекто помогъ, и онъ съ женою и малолѣтнимъ, только что родившимся, сыномъ, взявъ клюку, побрелъ пѣшкомъ въ Москву. Здѣсь сошелся онъ съ нѣкоторыми изъ первыхъ справщиковъ, приближенныхъ къ двору. Они защитили его и возвратили на прежнее мѣсто. Тутъ пришлось ему вновь строить свой разоренный домъ и заводиться хозяйствомъ. Но не долго онъ сидѣлъ смирно. Въ село пришли потѣшать народъ скоморохи съ плясовыми медвѣдями, съ бубнами, домрами и харями (масками). Аввакумъ разогналъ ихъ, избилъ одного изъ медвѣдей, а другаго отпустилъ въ поле. Въ это время плылъ Волгою воевода Василій Шереметьевъ. Скоморохи пожаловались ему на Аввакума; бояринъ призвалъ священника на судно и сталъ жестоко распекать его; наконецъ умилостивился и велѣлъ благословить своего сына. Но Аввакумъ отказался это сдѣлать, потому что сынъ Шереметьева уже былъ приверженцемъ иноземныхъ обычаевъ и брилъ бороду. Бояринъ сильно разгнѣвался:

Аввакума чуть не утопили въ Волгѣ, долго томили и наконецъ со срамомъ прогнали съ судна. Но и въ селѣ ему не было житья. Онъ опять идетъ въ Москву. Государь уже знаетъ его и велитъ поставить протопопомъ въ Юрьевецъ Поволжскій. Сюда Аввакумъ является нововводителемъ, ревностнымъ къ церковному благочинію. Этимъ онъ вооружилъ противъ себя поповъ, а попы подняли противъ него народъ. Буйная толпа вытащила его изъ патріаршаго приказа, гдѣ онъ занимался дѣлами, била батогами, топтала, пока не прибѣжалъ воевода съ пушкарями и не выручилъ его, уже полумертваго, изъ ея рукъ. Аввакумъ опять спасается въ Москву.

Здѣсь оставили его справщикомъ: онъ вмѣстѣ съ другими занимался исправленіемъ книгъ, пока не началась борьба его съ Никономъ. За ярые крики противъ двуперстнаго знаменія и противъ новыхъ книгъ, онъ понесъ очень тяжелую кару, не смотря на заступничество царя, Алексѣя Михайловича. «Меня схватили отъ всенощной со стрѣльцами, разсказываетъ онъ, и ночью посадили на цѣпь на дворѣ патріарха. Утромъ, съ зарею, взяли меня на телегу, растянули руки и повезли къ Андроньеву монастырю, и тутъ на цѣпи кинули въ темное подземелье. Тутъ сидѣлъ я три дня, не ѣлъ, не пилъ и молился, кланяясь въ темнотѣ на цѣпи, не знаю, *на востокъ или на западъ*. Никто ко мнѣ не приходилъ; только мыши и тараканы, и сверчки кричатъ, да и блохъ довольно. Утромъ пришли архимандритъ съ братіею, вывели меня и журятъ, что не покорился патріарху, а я его *браню да лаю отъ писанія*. Въ то время послѣ меня взяли Логина, муромскаго протопопа. Никонъ разстригъ его при царѣ, въ соборной церкви, въ обѣдню. Остригши, содрали съ него однорядку и кафтанъ. Логинъ же разжегся ревностью божественнаго огня, сталъ порицать Никона и плевалъ ему въ глаза черезъ порогъ въ алтарь; распоясался, схватилъ съ себя рубашку и бросилъ ее въ алтарь, въ глаза патріарху; и чудно: растопырившись, рубашка *покрыла на престолѣ дискосъ, будто воздухъ*. И меня привезли разстригать въ соборную церковь; но государь, сошедши съ своего мѣста, приступилъ къ Никону и упросилъ его не стричь меня. Меня съ женою и дѣтьми сослали въ Сибирь».

Аввакуму дали мѣсто при церкви въ Тобольскѣ. Воевода Хилковъ былъ къ нему очень добръ и ласковъ. Но и тутъ не долго онъ ужился. Дьякъ архіепископа, Струна, въ отсутствіе своего начальника, сталъ истязать дьякона той церкви, гдѣ служилъ Аввакумъ. Дьяконъ убѣжалъ отъ него въ церковь; но Струна ворвался во время вечерни, съ 20-ю человѣками, и схватилъ дьякона на клиросѣ за бороду. Аввакумъ бросился къ нему на помощь и, вмѣстѣ

съ дьякономъ, онъ вытащилъ Струну на средину церкви, между тѣмъ какъ спутники дьяка разбѣжались, и отстегалъ его ремнемъ «нарочито таки». Съ тѣхъ поръ ему не было покоя. Дьякъ съ попами и монахами подняли весь городъ. Аввакуму на каждомъ шагу грозила опасность; въ полночь подступали къ его дому, ломились въ двери. Онъ спасался то въ церкви, то у воеводы, «просился и въ тюрьму, да не пускаютъ». Между тѣмъ ревность его къ старымъ книгамъ на время затихла; онъ ходилъ въ соборную церковь и привыкъ видѣть «новшества». «Такъ меня, говоритъ онъ, *ужалило было антихристовымъ жаломъ*». Но вотъ снится ему во снѣ, будто Христосъ грозитъ ему карою за такую уступку. Онъ идетъ къ воеводѣ и разсказываетъ ему про свой сонъ. Хилковъ расплакался. Послѣ этого Аввакумъ опять принялся за свою проповѣдь противъ Никона. Донесли на него въ Москву, и онъ отправленъ изъ Тобольска на самый край Сибири, въ Даурію, къ воеводѣ Пашкову, который тогда розыскивалъ новыхъ земель. Этотъ воевода обошелся съ нимъ очень сурово. «На Долгомъ порогѣ, пишетъ Аввакумъ, сталъ онъ выбивать меня изъ дощаника: изъ за тебя-де дощаникъ идетъ плохо, еретикъ-де ты; поди по горамъ, а съ казаками не ходи. О, горе стало! Горы высокія, дебри непроходимыя, утесъ каменный, какъ стѣна стоитъ—и поглядѣть, такъ заломя голову. Въ горахъ большія змѣи, витаютъ гуси, утицы—красное перье, орлы, соколы, кречеты и курята индѣйскія, баба-птица, лебеди и другихъ дикихъ птицъ многое множество. Да на тѣхъ горахъ гуляютъ многіе звѣри: дикія козы, олени, зубры, лоси, кабаны, волки, дикіе бараны—въ нашихъ глазахъ, а взять нельзя. На эти горы выбивалъ меня Пашковъ витать со звѣрями и птицами, а я писаньице ему написалъ, начавъ такъ: «Человѣче! убойся Бога, Его же трепещутъ небесныя силы, а единъ ты презираешь...» и многонько такъ писано. Тутъ прибѣжали 50 человѣкъ и схватили меня къ нему на дощаникъ. Онъ стоитъ со шпагою, дрожитъ, рыкнулъ, какъ дикій звѣрь, и ну бить меня по одной щекѣ, по другой, да въ голову, и сшибъ меня съ ногъ; потомъ схватилъ цѣпь и лежачаго ударилъ три раза по спинѣ; потомъ, раздѣвъ, далъ 72 удара кнутомъ. Да нашелся заступникъ, сынъ Пашкова, Еремѣй, сталъ уговаривать отца, чтобы не грѣшилъ, не билъ протопопа».

Этотъ Еремѣй самъ былъ уже съ сѣдою бородою. Отецъ въ гнѣвѣ чуть не закололъ его шпагою. Но вотъ дощаникъ сѣлъ на мель, и Еремѣй опять уличаетъ отца, что это за его грѣхъ. Старикъ такъ разсвирѣпѣлъ, что прицѣлился изъ пищали въ

сына, но курокъ осѣкся. Тогда онъ сѣлъ на стулъ, задумался и началъ плакать, говоря: «Прости, Еремѣй: правда твоя, согрѣшилъ я». Однако отъ этого положеніе Аввакума не стало лучше. Его привезли въ Братскій острогъ и бросили въ темницу на соломку. «Что собачка на соломкѣ лежу: когда накормятъ, когда нѣтъ. Мышей было много; я билъ ихъ скуфьею, — и батожка не дадутъ дурачки! Хотѣлъ кричать Пашкову: «прости!» но воля Божія возбранила, велѣно терпѣть. Перевелъ меня въ теплую избу. На весну опять поѣхали впередъ. Охъ, трудное время! У меня два маленькихъ сына умерли отъ нужды; съ прочими мучились кое-какъ, скитаясь, наги и босы, по горамъ, по острымъ камнямъ, питаясь травою да кореньемъ. Мнѣ подъ ребятъ и подъ рухлядишко дали двѣ клячки, а самъ и протопопица брели пѣшіе, убиваясь объ ледъ. Страна дикая, иноземцы не мирные: отстать отъ людей не смѣемъ, а и за лошадьми идти не поспѣваемъ. Бѣдная протопопица бредетъ, бредетъ да и повалится: скользко гораздо. Однажды повалилась, а другой усталый человѣкъ набрелъ на нее и тутъ же повалился. Оба кричатъ, а встать не могутъ. Мужикъ кричитъ: «матушка государыня, прости!» а протопопица «что ты, батька, меня задавилъ!» Я пришелъ. На меня бѣдная пѣняетъ, говоря: «долго-ли, протопопъ, терпѣть эту муку?» А я говорю: «Марковна! до самой смерти». Она, вздохнувъ, отвѣчала: «Добро, Петровичъ! побредемъ еще». Десять лѣтъ Пашковъ меня мучилъ, *или я его, не знаю*, Богъ разберетъ».

Но въ Москвѣ дѣла перемѣнились. Никонъ палъ, и многіе изъ его враговъ возвращены изъ ссылки. Государь вспомнилъ и объ Аввакумѣ. Его снова призвали въ Москву. Какъ пріѣхалъ онъ въ Росс!ю, сталъ думать о женѣ и дѣтяхъ: какъ быть съ ними? проповѣдывать ли ему опять, или все бросить? Сидитъ онъ, печальный, и жена спрашиваетъ его, о чемъ онъ горюетъ? — «Жена! отвѣчаетъ Аввакумъ: еретическая зима на дворѣ; говорить мнѣ или молчать? связали вы меня!» — «Господи помилуй! вскричала жена: что ты, Петровичъ, толкуешь? поди, поди въ церковь, обличай!» Мы видимъ, что и протопопица стоила своего мужа. Какъ во всемъ былъ упоренъ и строгъ къ себѣ Аввакумъ, видно еще изъ слѣдующаго случая. Жилъ у него въ дому какой-то бѣшеный, котораго онъ напрасно думалъ излечить крестомъ и молитвами. Разъ Аввакумъ побилъ свою жену за ея ссору съ одною женщиной. Бѣшеный въ это время особенно неистовствовалъ. Аввакумъ счелъ это проклятіемъ за то, что оскорбилъ жену; — вдругъ, при гостяхъ, легъ на полъ и всѣмъ, также какъ женѣ и дѣтямъ, приказалъ стегать себя плетьми. Всѣ плакали, а стегали до тѣхъ поръ, пока бѣшеный не успо-

коился. Въ Москвѣ Аввакуму была оказана великая честь; царь и бояре дивились его твердости и желали всячески привлечь его на свою сторону. Но мы лучше приведемъ объ этомъ его собственный характерный разсказъ:

«Приняли меня, какъ ангела Божія; государь и бояре всѣ мнѣ рады. Зашелъ къ Өедору Ртищеву. Онъ самъ вышелъ ко мнѣ изъ палатки, принялъ у меня благословеніе и сталъ много говорить: три дня и три ночи не отпускалъ меня домой и обо всемъ извѣстилъ царя. Государь велѣлъ тотчасъ меня представить и принялъ милостиво; здорово-ли-де, протопопъ, живешь? Еще-де Богъ велѣлъ видѣться. Я руку его поцѣловалъ и пожалъ, а самъ говорю: «Живъ Богъ, жива и душа моя, царь-государь, а впредь что повелитъ Богъ!» Онъ же, миленькій, вздохнулъ да и пошелъ, куда ему было надобно. И иное коечто тутъ было, да что говорить? прошло ужъ то. Велѣлъ помѣстить меня въ Кремлѣ на монастырскомъ подворьѣ, и, проѣзжая мимо моего двора, часто кланялся со мною, низенько таки, а самъ говоритъ: «благослови-де меня и обо мнѣ помолись», и однажды, какъ ѣхалъ на конѣ, снимая съ головы, уронилъ шапку мурманку. Изъ кареты, бывало, ко мнѣ высунется; послѣ него тоже и всѣ бояре челомъ да челомъ: «протопопъ, благослови и молися за насъ!» Какъ мнѣ царя и тѣхъ бояръ не жалѣть! Жаль видѣть, какъ были ко мнѣ добры: давали мнѣ мѣсто, гдѣ бы я ни захотѣлъ, и въ духовники звали, чтобы я соединился съ ними въ вѣрѣ. Но я, ревнуя о Христѣ, все это вмѣнилъ ни во что. Видятъ, что я съ ними не соединяюсь, приказалъ государь уговаривать меня Стрѣшневу, чтобы я молчалъ. И я его потѣшилъ: царь то есть, отъ Бога учиненъ и ко мнѣ добренекъ. Ожидалъ онъ, что я по маленьку исправлюсь, и вотъ посулили мнѣ мѣсто на печатномъ дворѣ книги править, и я этому радъ: мнѣ еще лучше, чѣмъ духовная должность. Пожаловалъ государь, прислалъ ко мнѣ 10 руб. денегъ, царица 10 руб., Лука духовникъ 10, Стрѣшневъ 10, а дружище наше старое, Өедоръ Ртищевъ, тотъ и 60 руб. велѣлъ своему казначею сунуть мнѣ въ шапку. Про другихъ нечего и сказывать: всякъ тащитъ, да несетъ всячиною. У свѣта моей, Өедосьи Прокофьевны Морозовой, не выходя жилъ при дворѣ, потому что дочь моя духовная, и сестра ея, княгиня Евдокія, дочь моя. У Милославской всегда былъ въ дому, да къ Өедору Ртищеву ходилъ браниться съ отступниками, да такъ-то полгода прожилъ.

Да вижу, что церковное ничтоже успѣваетъ, а паче молва бываетъ, — паки заворчалъ, написалъ царю многонько таки, чтобы онъ взыскалъ старое благочестіе и мать нашу, святую церковь,

оборонилъ отъ ереси. Съ тѣхъ поръ царь сталъ на меня кручиноватъ: не любо имъ, какъ опять сталъ говорить; любо, какъ молчу, да мнѣ такъ не сошлось. Власти, (то есть духовныя) какъ козлы, стали на меня пырскать и задумали опять выслать меня изъ Москвы, потому что многіе приходили ко мнѣ и не стали ходить къ ихъ прелестной службѣ. Былъ мнѣ отъ царя выговоръ: власти-де на тебя жалуются, церкви-де ты запустошилъ... поѣзжай опять въ ссылку. Повезли меня на Мезень; по городамъ опять училъ людей Божіихъ и обличалъ ихъ, пестрообразныхъ звѣрей. Полтора года державъ на Мезени, опять въ Москву взяли и отвезли подъ начало въ Пафнутьевъ монастырь. И туда присылка была, тоже да тоже говорятъ: «полно тебѣ мучить насъ; соединись съ нами, Аввакумушка!» Я отрицался отъ нихъ, какъ отъ бѣсовъ, а они лѣзутъ въ глаза; сказку имъ тутъ съ бранью большою написалъ. Изъ Пафнутьева меня опять взяли въ Москву и тутъ власти спорили со мною въ Крестовой, потомъ повели меня въ соборъ и разстригли, а потомъ проклинали, и я ихъ насупротивъ проклиналъ: зѣло было мнѣ тяжко въ ту обѣдню. Повезли меня ночью на Угрѣшу къ Николѣ въ монастырь, гдѣ держали 17 недѣль въ холодной комнаткѣ. И царь приходилъ въ монастырь, походилъ около моей темницы и, постонавъ, опять пошелъ изъ монастыря. Какъ меня стригли, то въ то время было у нихъ на верху великое нестроеніе съ покойной царицею: она, миленькая, въ то время за насъ стояла и отъ казни меня отпросила.

Послѣ этого меня опять свезли въ Пафнутьевъ монастырь, заперли тамъ въ темную комнатку и скованнаго держали безъ малаго годъ. Потомъ снова призвали въ Москву, помѣстили на подворьѣ и, часто волоча въ Чудовъ, поставили меня передъ вселенскими патріархами. И наши всѣ тутъ, что лисы, сидѣли; много говорилъ я съ патріархами отъ писанія. Наконецъ они мнѣ сказали: «что-де ты упрямъ; вся-де наша Палестина, и сербы, и албанцы, и волохи, и римляне, и ляхи, всѣ-де тремя перстами крестятся; одинъ-де ты стоишь въ своемъ упорствѣ и крестишься двумя перстами, такъ не подобаетъ». Я имъ такъ отвѣчалъ о Христѣ: „Вселенскіе учители! Римъ давно упалъ и лежитъ невозсклонно, и ляхи съ нимъ погибли, были до конца враги христіанамъ, и у васъ православіе пестро; отъ турецкаго насилія вы стали немощны; и впередъ пріѣзжайте къ намъ учиться: у насъ въ Россіи, до отступника Никона, у благочестивыхъ князей и царей, все православіе было чисто и непорочно, и церковь не мятежна“. Я отошелъ къ дверямъ да на бокъ повалился: «посидите вы, а я полежу», говорю имъ. Такъ они смѣются: «дуракъ-де протопопъ и патріарховъ не почитаетъ;» а я говорю: «мы юродивые Христа ради; вы слав-

ны, мы же безчестны; вы сильны, мы же немощны». Послѣ этого въ Москвѣ еще разъ допрашивали насъ о правовѣріи, и царь много разъ присылалъ своихъ приближенныхъ: «Протопопъ, знаю я твою чистую, непорочную и богоподражательную жизнь, прошу твоего благословенія съ царицею и съ чадами; помолись о насъ. Пожалуй, послушай меня: соединись съ тѣми вселенскими хоть небольшимъ чѣмъ». Я отвѣчалъ: «Если бы мнѣ пришлось и умереть, не соединюсь съ отступниками. Ты мой царь, а имъ до тебя какое дѣло? Своего царя они потеряли, и тебя приволоклись сюда поглотить. Тогда собратьевъ моихъ казнили, а меня не казнили, сослали въ Пустозерье».

Любопытно видѣть, какъ Аввакумъ сходится съ ненавистнымъ ему Никономъ въ своихъ выходкахъ противъ вселенскихъ патріарховъ. Онъ, защитникъ стараго обряда, возсталъ именно противъ тѣхъ, кѣмъ болѣе всего и поддерживалась неизмѣнная обрядность церкви. Такимъ образомъ, самъ того не замѣчая, онъ стоитъ противъ общаго единенія греческой церкви въ пользу національныхъ ея особенностей. Ставъ исключительно на эту дорогу, церковь все болѣе удалялась бы отъ старыхъ преданій, отъ соборныхъ постановленій, измѣняясь согласно съ тѣми или другими народными воззрѣніями. Такъ впослѣдствіи это и случилось у раскольниковъ. Но Аввакумъ въ то же время фанатическій приверженецъ буквы, обряда. Обрядъ въ этомъ направленіи уже выходилъ изъ области религіи, а оковывалъ всю жизнь, всѣ свободныя движенія и самыя незначительныя поступки человѣка. Такимъ образомъ у раскольниковъ мы находимъ, рядомъ со свободою вѣрованій, и эту мертвую обрядность. Тутъ однако выступаютъ еще особыя черты. Казалось, широкой натурѣ Аввакума было тѣсно среди этихъ мелкихъ споровъ изъ за буквы писанія. Въ своихъ противникахъ онъ осмѣиваетъ ихъ непомѣрное усердіе въ преслѣдованіи за вѣру. «Дурачки! не дали и батожка, чтобы бить мышей» — такъ не выражался бы прямой изувѣръ. Казалось, Аввакумъ могъ бы отказаться отъ своего упорства и для жены и дѣтей, и для добраго царя, который такъ жалѣлъ его. Но вотъ въ чемъ дѣло. Аввакумъ уже разъ объявилъ себя защитникомъ народной старины, какова бы тамъ ни была она. Конечно, трудно было народу отвыкать отъ двуперстнаго знаменія. О томъ, что толковали вселенскіе патріархи и ученые греки, знали не многіе, а совѣсть была возмущена у всѣхъ. Никонъ, въ своей самоувѣренности, не обратилъ на это вниманія. Аввакумъ же, стоявшій ближе къ народу, лучше зналъ его чувства. Не то важно, что измѣняли старый обычай, а то, что подъ страхомъ жесточайшей кары, заставляли каждаго креститься по новому. Это уже было жестокое насиліе надъ совѣстью.

Съ другой стороны, въ этой приверженности къ буквѣ, къ старому обряду, Аввакумъ ищетъ и нравственной поддержки. Мы знаемъ, что, и помимо всякаго обряда, онъ неутомимо ратуетъ противъ всеобщей распущенности и грубаго насилія, и готовъ потерпѣть всякую муку за правду. Онъ видѣлъ, что съ никоновскими нововведеніями «ничтоже успѣваетъ, но паче молва бываетъ», то есть, церковное устроеніе не стало лучше, а напротивъ въ борьбѣ выступили наружу всѣ грубыя страсти общества, и онъ думаетъ наложить на людей нравственную узду этимъ неизмѣннымъ стояніемъ за старый обрядъ. «До насъ положено, лежи оно такъ во вѣки», — вотъ основаніе всей его мудрости. Трудно обвинять Аввакума, что онъ въ этой обрядной неподвижности находилъ себѣ нравственную опору, когда русская жизнь въ тогдашнее время и не представляла ничего другаго. Но какое это имѣло вліяніе на его послѣдователей, также угадать не трудно: суевѣріе, нетерпимость, упорное коснѣніе въ тѣсномъ кругу своихъ религіозныхъ понятій, замѣчаемыя нами въ Аввакумѣ, впослѣдствіи, при возраставшихъ неблагопріятныхъ условіяхъ жизни, должны были въ нихъ только усиливаться, хотя съ другой стороны въ нихъ выработалась и извѣстная нравственная стойкость.

Замѣчательно въ концѣ XVII вѣка это обиліе сильныхъ характеровъ. Въ каждой общественной средѣ они появлялись въ свою очередь. Казачество выставило Стеньку Разина, который, рядомъ со своимъ казацкимъ разгуломъ, объявлялъ, что стоитъ за обиженныхъ и бездольныхъ, не зналъ удержу своей удали и съ такою же удалью умеръ, не пикнувъ во время пытокъ и только смѣясь надъ ними. Въ духовной средѣ подобнымъ удальцемъ и упрямымъ казакомъ является Аввакумъ въ своемъ стояніи за народъ и за старый обрядъ. Высшее духовенство произвело Никона, непреклоннаго защитника его правъ, чуть не мечтавшаго быть русскимъ папою. Это броженіе умовъ, это сверхъестественное напряженіе силъ произвело наконецъ на царскомъ престолѣ Петра, который долженъ былъ дать бродившимъ силамъ выходъ, вывести русскую жизнь на новую дорогу.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЦАРСТВОВАНІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Петръ Великій родился въ 1672-мъ году, и десяти лѣтъ уже избранъ на царство. Первые годы его царствованія прошли въ страшныхъ смутахъ. Ребенкомъ онъ видѣлъ неистовства стрѣльцевъ, гибель

Матвѣева и своихъ дядей, а потомъ, пятнадцатилѣтнимъ юношей, долженъ былъ рѣшительно выступить на борьбу съ Софіей. Тревоги, испытанныя имъ въ раннемъ возрастѣ, не прошли безъ слѣда и для его здоровья, и для его характера. До конца жизни онъ нерѣдко подвергался нервнымъ припадкамъ; его красивое лице подергивалось судорогами; онъ неожиданно впадалъ въ страшный гнѣвъ, приводившій каждаго въ трепетъ. Вначалѣ его воспитателемъ былъ Никита Зотовъ, человѣкъ малознающій, который едва могъ кое-какъ научить Петра грамотѣ, да передать ему немногія свѣдѣнія изъ лѣтописей о событіяхъ старинной, русской жизни. «Ахъ, еслибы въ моей юности меня учили, какъ должно!» говорилъ онъ съ сожалѣніемъ впослѣдствіи. Но при господствѣ Софіи, онъ не имѣлъ и такого руководителя, какъ Зотовъ. Удаленный отъ двора, въ селѣ Преображенскомъ, онъ велъ праздную жизнь, игралъ въ солдаты со своими сверстниками изъ знатныхъ фамилій, свободно сближался и съ простымъ людомъ и навыкалъ къ буйному разгулу и къ другимъ, грубымъ обычаямъ тогдашней жизни. Но эта свобода, какою пользовался Петръ въ противуположность прежнимъ царевичамъ, которыхъ до юнаго возраста и вовсе не выпускали изъ терема,—эти раннія испытанія, хотя и дурно отозвались на его характерѣ, въ тоже время помогли быстрому развитію его необычайнаго ума и его желѣзной воли. Петръ I принадлежалъ къ тѣмъ рѣдкимъ людямъ, которые горячо и быстро все схватываютъ умомъ своимъ и, тотчасъ вникая въ самую сущность дѣла, умѣютъ угадать великую пользу для всѣхъ людей тамъ, гдѣ другіе ничего не видятъ; а однажды разгорѣвшись мыслію объ общей пользѣ, о добрѣ, о славѣ, уже идутъ впередъ неудержимо и выказываютъ тѣмъ болѣе неутомимой дѣятельности, отваги, чѣмъ болѣе встрѣчаютъ препятствій на пути своемъ. Въ недостаткахъ Петра мы видимъ болѣе слѣды дурнаго воспитанія и грубыхъ, старинныхъ нравовъ; напротивъ все то, что сдѣлано имъ хорошаго, больше принадлежитъ его собственному генію.

Изъ праздной игры со сверстниками у Петра вышло настоящее дѣло. Потѣшные (такъ назывался товарищи его игръ) вначалѣ дѣйствительно только тѣшились борьбою на кулачкахъ; но потомъ Петръ сталъ учить ихъ правильному строю. Съ помощью иноземцевъ, жившихъ тогда въ Москвѣ, между которыми особенно извѣстны были начальникъ иноземныхъ отрядовъ, Гордонъ, и женевецъ Лефортъ, устроены примѣрныя битвы: потѣшные, въ число которыхъ уже принимали людей всякаго званія, упражнялись въ разныхъ военныхъ хитростяхъ, сражаясь со стрѣльцами, брали приступомъ искуственно сдѣланныя крѣпости, дѣлали окопы, траншеи, подводили мины, и проч. Въ такихъ потѣхахъ

не обходилось безъ убитыхъ и раненыхъ: однажды былъ помятъ Гордонъ, въ другой разъ лопнула ручная граната и спалила лице царю. Но Петръ не жалѣлъ и себя, и въ нѣсколько лѣтъ образовалъ два отличныхъ полка: Преображенскій и Семеновскій, названныхъ такъ отъ пригородныхъ, московскихъ селъ, гдѣ шло ихъ обученіе. Это было первое у насъ, настоящее войско, потому что стрѣльцы болѣе буйствовали, чѣмъ приносили пользы. Молодой Петръ во все вникалъ съ величайшею любознательностью. Услышалъ онъ объ астролябіи, о такомъ инструментѣ, съ помощью котораго можно было, не подходя къ мѣсту, мѣрять разстоянія, и тотчасъ распорядился, чтобы привезти этотъ инструментъ изъ за границы; получивъ его, онъ сталъ учиться его употребленію и вмѣстѣ математикѣ у одного изъ иностранцевъ. Въ селѣ Измайловѣ, въ амбарѣ, увидѣлъ онъ старый англійскій ботъ, удивился, когда ему сказали, что на немъ можно лавировать на парусахъ и противъ вѣтра, отыскалъ одного корабельнаго мастера, голландца Брандта, который его исправилъ, и съ наслажденіемъ сталъ кататься на немъ по Яузѣ.

Конечно, Петру помогло то, что въ Москвѣ жили тогда хотя и не очень образованные иностранцы, что и нѣкоторые изъ русскихъ бояръ заводили у себя для забавы заграничныя диковинки, въ родѣ англійскаго бота. Но мало кому тогда приходило въ голову дѣлать то, что дѣлалъ Петръ: такъ горячо отыскивать любопытныя вещи, заглядывая и въ амбары, распрашивать, изучать, до всего самому добиваться. Удовлетворивъ первое любопытство, онъ не ограничился забавой. Брандтъ, до того жившій столярной работой, долженъ былъ строить суда на большомъ Переяславскомъ озерѣ. Самъ царь неутомимо рубилъ, смолилъ, конопатилъ. Года черезъ два уже плавали по озеру до пяти судовъ, и спущенъ былъ военный корабль. При спускѣ присутствовалъ весь дворъ: катались по водѣ, палили изъ пушекъ, пускали потѣшные огни, весело пировали. Петръ отъ ботика уже перешелъ къ мысли основать русскій флотъ. Въ 1693-мъ году онъ ѣдетъ въ Архангельскъ, въ единственный тогда городъ, гдѣ мы сносились моремъ съ иностранцами. Тамъ осматриваетъ онъ иноземные корабли, обо всемъ распрашиваетъ, дружески пируя со шкиперами, заказываетъ въ Голландіи одинъ корабль и два велитъ построить на мѣстѣ, первый разъ въ жизни катается по морю. Матушка его въ тревогѣ пишетъ одно письмо за другимъ, увѣщевая сына: «ты, свѣтъ, говорилъ, что не поѣдешь на море, а ѣдешь.... хочешь еще ждать кораблей,—а ты ужъ видѣлъ, какіе приходили.... зачѣмъ тебѣ еще дожидаться?» Но страсть Петра къ морю еще только начинала разгораться,—и не напрасно. Море въ то время болѣе всего было необходимо Россіи, для ея могущества, для сближенія съ образованною Евро-

пою, для введенія всякой науки. Лѣтомъ слѣдующаго года, съ большою свитою изъ своихъ любимцевъ, Петръ снова отправляется на дощаникахъ по Двинѣ въ Архангельскъ, называетъ въ шутку свои дощаники флотомъ и въ первый разъ распускаетъ на нихъ русскій флагъ изъ цвѣтовъ краснаго, синяго и бѣлаго, а адмираломъ флота назначаетъ Лефорта. Но шутка у Петра быстро обращалась въ дѣло. Въ Архангельскѣ въ тоже лѣто спущены были на Двину два корабля и пришелъ третій, заказанный въ Голландіи. Тутъ пошли шумные пиры съ иностранными мастерами; внѣ себя отъ радости, Петръ далъ полную волю обычному разгулу. Между тѣмъ онъ чуть не погибъ во время своихъ морскихъ поѣздокъ. На небольшой яхтѣ онъ отправился въ Соловецкій монастырь. При возвращеніи поднялась жестокая буря; всѣ отчаялись въ спасеніи и причастились святыхъ тайнъ изъ рукъ архіерея, который сопровождалъ царя. Но искустный кормщикъ, крестьянинъ Антипъ Пановъ безопасно провелъ яхту мимо подводныхъ камней въ тихую Унскую губу. Вышедъ на берегъ, Петръ своими руками срубилъ и поставилъ деревянный крестъ съ голландскою надписью: «Сей крестъ сдѣлалъ шкиперъ Петръ въ лѣто отъ Рож. Христ. 1694-ое». Возвратясь къ осени въ Москву, царь опять устроилъ примѣрныя битвы, извѣстныя подъ именемъ Кожуховскаго похода. Тутъ сражались съ вымышленнымъ польскимъ королемъ, котораго роль долженъ былъ взять на себя Бутурлинъ. «И тотъ бой, писалъ Петръ. былъ равенъ судному дню; ближній стольникъ, князь Иванъ Дмитріевичъ Долгорукій, отъ тяжкой своей раны, паче же изволеніемъ Божіимъ переселился подъ вѣчные кровы, по чину Адамову, идѣже и намъ всѣмъ по времени быти». Но это было приготовленіемъ къ важному дѣлу.

Въ первыхъ трудахъ своихъ, Петръ прибѣгалъ къ помощи иноземцевъ, жившихъ тогда въ нѣмецкой свободѣ, въ Москвѣ. Особенно подружился онъ съ Лефортомъ, который, хотя и не отличался большими способностями и знаньями, всетаки кое-что понималъ въ военномъ дѣлѣ. Лефортъ помогалъ Петру устраивать потѣшные полки и забавлялъ его веселыми пирами на иноземный ладъ: съ фейерверками, съ музыкой, съ танцами. Онъ былъ человѣкъ добродушный, веселый, безъ всякаго лукавства, и отличный собесѣдникъ; проживъ долгое время въ Швейцаріи, въ Голландіи, въ Даніи, прежде чѣмъ пріѣхать въ Россію, онъ многое могъ разсказать объ успѣхахъ жизни въ образованной Европѣ, о кораблестроеніи, о промыслахъ, и его занимательные разсказы, вѣроятно, болѣе всего завлекали Петра. Лефортъ могъ внушить Петру мысль идти подъ Азовъ и впослѣдствіи ѣхать за границу. Царь, сближаясь съ иноземцами, долженъ былъ совсѣмъ отступить отъ обычаевъ старинной, рус-

ской жизни. При отцѣ Петра, высшія лица строго выполняли безчисленные обряды и церемоніи; государь иначе не могъ являться передъ боярами и народомъ, какъ съ пышностью и торжественностью недоступнаго властелина; сами бояре старались во всемъ соблюдать эту наружную пышность и важность, потому что въ ней полагали все достоинство. Между тѣмъ еще немногіе думали объ образованіи, о томъ, чтобы перенять какое нибудь полезное искуство, или науку. Напротивъ образованные иноземцы считались нехристями и подражать имъ значило измѣнять своей вѣрѣ, а подъ вѣрою разумѣли также свои старыя суевѣрія и предразсудки: въ тогдашней одеждѣ, похожей на татарскую, въ бородѣ, въ кушаньяхъ, въ спаньѣ послѣ обѣда,—словомъ, во всѣхъ мелочахъ жизни, видѣли что то святое и неприкосновенное. Такъ патріархъ Адріанъ проповѣдывалъ, что и «брадобритіе естьг нусный, еллинскій (то есть, языческій) обычай, уподобляющій человѣка псамъ и котамъ.» Духовенство, думая радѣть о благочестіи, болѣе всего и защищало эту неподвижную старину.

Вопреки всѣмъ древнимъ обычаямъ, Петръ всюду ходилъ запросто, учавствовалъ наравнѣ съ другими въ воинскихъ потѣхахъ, сближался съ самыми простыми людьми. Такъ взялъ онъ у Лефорта слугою бывшаго пирожника, Алексашку, и постепенно, за его необычайную сметливость и усердіе, сдѣлалъ его своимъ пріятелемъ, участникомъ всѣхъ своихъ дѣлъ и забавъ. Это былъ впослѣдствіи могучій князь, Александръ Даниловичъ Меньшиковъ. Желая до точности узнать всякое дѣло, Петръ самъ плотничалъ, строилъ суда и занимался всякими ремеслами, и хвалился мозолями на рукахъ своихъ. Онъ первый далъ собою примѣръ, чтобы каждый проходилъ службу, начиная съ самыхъ низшихъ чиновъ, и въ войскѣ назывался простымъ бомбандиромъ, Петромъ Алексѣевымъ, а при флотѣ шкиперомъ. Какъ боярское чванство, такъ противны были царю и чинные, боярскіе пиры, гдѣ по нѣскольку часовъ только ѣли да пили, неподвижно сидя за столомъ; въ нѣмецкой слободѣ его развлекали музыка, танцы, веселыя бесѣды, гдѣ развязныя нѣмки умѣли плѣнять живостью ума и любезностью. А на Руси въ то время не только не знали этихъ утонченныхъ развлеченій, но и присутствовать женщинѣ въ одномъ обществѣ съ мужчинами считалось въ высшей степени зазорнымъ. Петръ не довольствовался тѣмъ, что во всемъ нарушалъ чинность и обрядность старинной жизни; онъ и прямо осмѣивалъ эту чинную старину въ своихъ забавахъ. Такъ изъ прежнихъ придворныхъ обрядовъ онъ устроилъ родъ маскарада. Одинъ изъ бояръ, Ѳедоръ Ромодановскій, названъ былъ княземъ кесаремъ, и передъ нимъ выполнялись разныя церемоніи, какъ это дѣлалось при прежнихъ ца-

ряхъ. Бояре и самъ государь шутливо являлись къ нему съ поклономъ, составляли его свиту. Тутъ соблюдали всю важность, одѣвались въ пышные кафтаны, въ горлатныя шапки и въ тоже время въ соломенные кули и сапоги, въ лубочныя шляпы, ѣздили на быкахъ, на козлахъ, и проч. Въ 1692-мъ году, Петръ справлялъ свадьбу шута Тургенева. Главные изъ бояръ шли въ богатыхъ кафтанахъ за каретой новобрачныхъ, а прочіе придворные ѣхали на собакахъ, свиньяхъ, быкахъ и козлахъ, въ мочальныхъ куляхъ, въ шляпахъ изъ лыка, въ крашенинныхъ кафтанахъ, опушенныхъ кошачьими лапами, или бѣличьими хвостами, въ соломенныхъ сапогахъ, въ мышьихъ рукавицахъ. О святкахъ, со своею компаніей, царь отправлялся славить въ дома богатыхъ бояръ и купцовъ и принималъ подарки. Эта компанія составляла также «всешутѣйшій соборъ», котораго уставъ впослѣдствіи написанъ Петромъ въ насмѣшку надъ враждебнымъ ему патріаршествомъ. Цѣль собора была служеніе богу вина, Бахусу. Кто кого перепьетъ, тотъ занималъ и высшій чинъ. Патріархомъ или княземъ-папою назначенъ бывшій воспитатель Петра, Никита Зотовъ, съ титуломъ: «всешутѣйшій отецъ Іоанникитъ, патріархъ Пресбургскій, Кокуйскій и Всеяузскій» (Пресбургъ было укрѣпленіе для потѣшныхъ игръ, гдѣ властвовалъ вымышленный кесарь, Ромодановскій). Прочіе занимали мѣста архижрецовъ, жрецовъ, дьяконовъ, пѣвчихъ, и проч. При избраніи князя-папы возглашали: «пьянство Бахусово да будетъ съ тобою», а папа приносилъ клятву: «виномъ чрево свое, яко бочку, наполняю, такъ что, ядемъ, мимо рта моего носимымъ, отъ дрожанія моей десницы и предстоящей очесехъ моихъ мглѣ не вижу... и тако творити обѣщаюсь до скончанія моей жизни съ помощью отца нашего Бахуса, въ немъ же живемъ, а иногда и съ мѣста не двигаемся, и есть ли мы, или нѣтъ,—не вѣдаемъ»... Въ такихъ потѣхахъ, конечно, выражалась и общая въ то время распущенность нравовъ.

Но забавы не отвлекали царя отъ дѣла. Въ 1695-мъ году онъ уже задумалъ походъ къ устью Дона. «Шутили подъ Кожуховымъ, а теперь подъ Азовъ играть идемъ» — говорилъ онъ. Отъ покрытыхъ льдами, сѣверныхъ морей его тянетъ къ теплому Черному морю, которое почти круглый годъ было судоходнымъ, да необходимо было и обезопасить вполнѣ южную часть Россіи отъ татарскихъ набѣговъ. Въ то время казалось удобнымъ начать войну съ турками, потому что и австрійцы съ ними воевали. Съ 31,000 войска царь выступилъ на Азовъ, находившійся при устьѣ Дона. Главными начальниками были Лефортъ и Гордонъ. Съ трудомъ достигли Азова, взяли два укрѣпленія по обоимъ берегамъ Дона, нѣсколько разъ приступали къ городу, но взять его все-

таки не могли. Хотя осажденныхъ было не болѣе 8,000, но они сидѣли за громаднымъ рвомъ, валомъ и двумя каменными стѣнами, да притомъ легко могли получать помощь съ моря. Царь отступилъ отъ города. Ему тутъ пришлось видѣть все зло стариннаго неустройства: стрѣльцы лѣниво исполняли дѣло; одинъ начальникъ не зналъ, что дѣлалъ другой; мины подводили такъ неискусно, что при взрывѣ побивали своихъ же; на пути подрядчики, взявъ деньги, не доставляли запасовъ, и много войска погибло отъ болѣзней, отъ нужды въ безлюдной степи. Но Петръ не упалъ духомъ. Въ томъ же году зимою онъ поѣхалъ въ Воронежъ, чтобы въ верховьяхъ Дона рубить лѣсъ и строить суда. Призваны были иноземные мастера изъ Архангельска; собрано до 26,000 рабочихъ, особенно изъ украинскихъ городовъ. Самъ царь работалъ наравнѣ съ другими и писалъ въ Москву: «По приказу Божію къ праотцу нашему Адаму, мы въ потѣ лица ѣдимъ хлѣбъ свой».

Къ веснѣ уже были готовы: 2 корабля, 23 галеры (суда около 3 саженъ въ ширину и около 20 саженъ въ длину) и болѣе 1300 мелкихъ судовъ для перевозки войска. Въ началѣ мая 1696 года, до 40000 человѣкъ двинулось внизъ по Дону. Флотомъ начальствовалъ Лефортъ, а сухопутнымъ войскомъ Шеинъ; самъ царь находился при войскѣ подъ именемъ Петра Алексѣева. Теперь уже рѣшительнѣе осадили Азовъ: по совѣту Гордона, около города навалили валъ, выше городскихъ стѣнъ; судами заперли доступъ туркамъ со стороны моря. Послѣ этого казаки пошли на приступъ и овладѣли частью стѣны; осажденные отбили ихъ, но всетаки не нашли возможнымъ долѣе сопротивляться: они сдали городъ, выговоривъ себѣ свободный выходъ. Во время всѣхъ этихъ трудовъ Петръ продолжалъ свои шутки. Въ отвѣтъ Ромодановскому онъ пишетъ: «Письмо вашего превосходительства, государя моего милостиваго, въ стольномъ градѣ Пресбургѣ писанное, мнѣ отдано, за которую вашу государскую милость должны до послѣдней капли крови своей пролить... Изволишь писать про вину мою, что я ваши государскія лица написалъ вмѣстѣ съ иными, и въ томъ прошу прощенія, потому что корабельщики, наши братья, въ чинахъ не искусны». Своей любимой сестрѣ, Натальѣ, онъ отвѣчаетъ: «По письму твоему, къ ядрамъ и пулькамъ близко не хожу, а они ко мнѣ ходятъ. Прикажи, чтобъ не ходили». Петръ вернулся въ Москву съ большимъ торжествомъ. По иноземному образцу, устроены были тріумфальныя ворота съ разными изображеніями и надписями. Впереди въ раззолоченныхъ саняхъ ѣхалъ Лефортъ, а сзади, во главѣ войска, шелъ пѣшкомъ капитанъ Петръ Алексѣевъ. Азовъ спѣшили заселить и поставили въ немъ гарнизонъ; при Азовскомъ морѣ

устроили гавань Таганрогъ; для удобства сообщенія, Петръ думалъ даже прорыть каналъ у Царицына, гдѣ Волга сходится съ Дономъ.

Между тѣмъ для того, чтобы утвердиться на Азовскомъ морѣ и овладѣть Чернымъ моремъ, необходимо было имѣть настоящій флотъ, и какъ можно скорѣе. Петръ придумалъ средство разомъ подвинуть дѣло. Устроены были *кумпанства*, то есть компаніи, общества для постройки кораблей. Всѣ, владѣвшіе какимъ либо имуществомъ: духовные, помѣщики, торговые люди должны были учавствовать въ этомъ дѣлѣ. Къ 1698-му году духовные обязывались поставить одинъ корабль съ 8000 крестьянскихъ дворовъ, свѣтскіе владѣльцы съ 10000 дворовъ, купцы вообще 12 кораблей, и т. д. Для каждаго корабля составлялось такимъ образомъ общество, и всего назначено построить 52 корабля; но такъ какъ сами русскіе люди въ этомъ дѣлѣ ничего не понимали, то обыкновенно, собравъ деньги, поручали постройку одному изъ иноземныхъ мастеровъ, какихъ тогда нарочно выписали изъ Венеціи, Голландіи, и проч. Корабли строили по прежнему въ Воронежѣ и его окрестностяхъ; рабочихъ отправляли по наряду изъ разныхъ мѣстъ Россіи. Дѣло, подъ страхомъ кары, такъ или иначе исполнялось; но царь встрѣтилъ и не мало затрудненій. Надсмотрщики надъ рабочими плохо ихъ кормили и помѣщали, и они разбѣгались еще въ дорогѣ; изъ иностранныхъ мастеровъ многіе пріѣхали, чтобы только зашибить копейку, а мало смыслили въ постройкѣ судовъ, или все дѣлали, спустя рукава. Петръ ясно увидѣлъ, что необходимо приготовить своихъ русскихъ мастеровъ и изъ иностранцевъ выбрать на мѣстѣ такихъ, которые дѣйствительно принесли-бы пользу. Привыкнувъ самъ давать во всемъ примѣръ и лично участвовать во всякомъ предпріятіи, онъ задумалъ небывалое на Руси дѣло: вмѣстѣ съ другими, простымъ ученикомъ, подъ именемъ капитана Петра Михайлова, ѣхать за границу, и тогда же выбилъ для себя печать съ надписью: «Азъ есмь въ чину учимыхъ и учащихъ мя требую» (Я въ званіи ученика, и ищу, кто меня научитъ). Ему страстно хотѣлось узнать, какъ строятъ корабли въ Голландіи, въ Англіи, въ Венеціи, да и вообще разсказы Лефорта и другихъ объ иноземной жизни и наукѣ сильно возбуждали его любознательность. Снаряжено было посольство къ разнымъ иноземнымъ дворамъ, какъ будто для переговоровъ о дѣлахъ,—всего до 250 человѣкъ: 20 дворянъ, 35 волонтеровъ (охотниковъ), ихъ слуги, и проч. Главными послами назначены: Лефортъ, сибирскій намѣстникъ Головинъ и думный дьякъ Возницынъ, а Петръ скрывался въ ихъ свитѣ. Большая часть ѣхавшихъ должны были за-границею учиться кораблестроенію;

кромѣ того цѣлью посольства было подговаривать на службу въ Россію иноземныхъ капитановъ и корабельныхъ мастеровъ, закупать подешевле пушки, блоки, пилы, желтую краску, и проч.

Выѣхали изъ Москвы въ мартѣ 1697-го года. Прежде всего послы прибыли въ Лифляндію, въ городъ Ригу. Шведскій начальникъ города, Дальбергъ встрѣтилъ ихъ съ почетомъ, но не выказалъ особеннаго вниманія. Петръ запретилъ говорить о своемъ путешествіи. Дальбергъ такъ и дѣлалъ, какъ будто не зналъ, что царь находится въ свитѣ, хотя, конечно, это было ему извѣстно. Онъ безъ церемоніи замѣтилъ Лефорту, что люди его свиты много себѣ дозволяютъ, когда царь попытался осмотрѣть въ лорнетъ укрѣпленія Риги. Страшно разсерженный, Петръ поѣхалъ далѣе въ Курляндію и отсюда, оставивъ посольство, отправился моремъ въ Пруссію, лишь съ немногими приближенными, каковъ, напримѣръ, былъ Меньшиковъ. Петру невозможно было скрываться, какъ онъ того желалъ; но, объявляя себя однимъ изъ свиты, онъ имѣлъ ту выгоду, что могъ свободно ѣздить, куда хотѣлъ, и не учавствовать въ торжественныхъ пріемахъ, которые отняли-бы у него много времени. Въ Пруссіи онъ учился артиллерійскому дѣлу, метать бомбы и гранаты, а потомъ, опять обгоняя посольство, поспѣшилъ въ Голландію, о которой давно мечталъ. Но тутъ на пути подстерегли его двѣ нѣмецкія принцессы, Софія и дочь ея Софія Шарлотта, извѣстныя въ то время своею ученостью. Онѣ упросили его посѣтить ихъ. Петръ сначала стѣснялся въ ихъ присутствіи, закрывалъ лице руками, но онѣ своею любезностью и простотою обращенія скоро прогнали эту застѣнчивость: Петръ развеселился, дозволилъ войти и придворнымъ принцессъ, заставлялъ всѣхъ, по своему обычаю, пить изъ большихъ стакановъ и подъ конецъ даже сталъ плясать по русски. Между тѣмъ шли и оживленныя бесѣды. Петръ со свойственной ему бойкостью ума о многомъ распрашивалъ принцессъ, разсказывалъ имъ о своихъ трудахъ, о мастерствахъ, какія знаетъ, и показывалъ свои мозолистыя руки. Когда позвали итальянскихъ пѣвцовъ, онъ объяснилъ, что не любитъ музыки; по его словамъ, отецъ его любилъ охоту, но онъ всему предпочитаетъ катанье по морю и фейерверки. Принцессы удивлялись уму Петра, но въ тоже время были поражены нѣкоторою грубостью и жесткостью въ его привычкахъ, нервнымъ подергиваніемъ его лица, и впослѣдствіи отозвались, что это «очень хорошій человѣкъ и вмѣстѣ дурной».

Въ Голландіи Петръ прежде всего поѣхалъ въ Саардамъ, маленькій городъ близь Амстердама, у морскаго залива. Въ немъ находи-

лись частныя верфи для постройки торговыхъ судовъ. Городокъ наполненъ былъ рабочими, жившими въ маленькихъ домикахъ въ двѣ комнаты. Среди этой толпы явился и Петръ съ немногими спутниками, въ красной курткѣ голландскаго рабочаго, въ бѣлыхъ штанахъ и въ круглой, лакированной шляпѣ. Отыскалъ онъ стараго, московскаго знакомаго, плотника Киста, поселился у него въ комнаткѣ, закупилъ инструменты и тотчасъ принялся работать на верфи. Между дѣломъ онъ заходилъ съ другими въ трактиры закусить и выпить, посѣщалъ маслобойни, лѣсопильни, мельницы, вмѣшивался во всякую работу, всего допытывался. Скоро пошли толки о странномъ работникѣ. Петръ за 450 гульденовъ (около 250 руб.) купилъ большую лодку, буеръ, и сталъ кататься въ ней по взморью. Подобныя издержки, вспыльчивый, повелительный нравъ чужеземца, вниманіе, съ какимъ обращались къ нему его спутники, наконецъ и извѣстія, полученныя голландцами отъ своихъ пріятелей изъ Россіи,—все наводило на мысль, кто былъ этотъ чужеземецъ. Однажды Петръ шелъ по городу, ѣлъ дорогою сливы и дразнилъ ими мальчишекъ: однимъ бросалъ, а другихъ только заманивалъ. Мальчишки разозлились и стали кидать въ него грязью и камнями. Петръ едва укрылся въ трактирѣ и принужденъ былъ обратиться съ жалобой къ начальнику города, бургомистру. Бургомистръ былъ сильно перепуганъ, поставилъ стражу близь дома, гдѣ жилъ царь, и издалъ строгій приказъ, чтобы не смѣли тревожить знатныхъ иностранцевъ, которые желаютъ остаться неизвѣстными. Тогда уже Петру нигдѣ не было проходу: всѣ желали видѣть русскаго царя. Разъ на плотинѣ, когда вышелъ онъ изъ своего буера, ждала его цѣлая толпа, а одинъ, Марсенъ, выступилъ впередъ и уставился прямо на Петра. Царь въ досадѣ далъ ему знатную оплеуху. «Браво, Марсенъ! вскрикнулъ народъ: пожалованъ въ рыцари!» Встарину, точно, былъ обычай, что короли, жалуя въ дворяне, ударяли шпагой пожалованнаго. Петръ увидѣлъ наконецъ, что ему невозможно оставаться въ Саардамѣ и, послѣ восьмидневнаго пребыванія въ этомъ городѣ, уѣхалъ въ Амстердамъ, куда прибыло и посольство. Здѣсь, уже не скрываясь болѣе, онъ опредѣлился работникомъ на Остъ-Индскую верфь, и для него нарочно заложенъ былъ корабль, чтобы отъ самаго начала онъ могъ прослѣдить весь ходъ работы. Онъ усердно сплачивалъ, сколачивалъ, стругалъ, пилилъ, конопатилъ, смолилъ,—и, занимаясь такъ четыре мѣсяца, получилъ аттестатъ на имя мастера Петра, какъ «прилежнаго и разумнаго плотника». Въ тоже время, получая донесенія изъ Россіи, онъ занимался дѣлами государства, распоряжался постройкою кораблей, нанималъ

въ Голландіи мастеровъ и также ѣздилъ въ другіе голландскіе города осматривать фабрики, заводы, посѣщалъ ученыхъ. Съ особеннымъ любопытствомъ наблюдалъ онъ разсѣченіе труповъ и разсматривалъ разные анатомическіе препараты. Одинъ изъ бывшихъ съ нимъ русскихъ такъ описываетъ видѣнное: «Видѣлъ у докторовъ анатомію: кости, жилы, мозгъ человѣческій, тѣлеса младенческія и какъ зачинается во чревѣ; видѣлъ сердце человѣческое, легкое, почки, и какъ въ почкахъ родится камень... видѣлъ тѣло мужское и женское четырехъ лѣтъ возраста нетлѣнно, и кровь знать, глаза бѣлы и тѣла мягки, а лежатъ не въ спиртѣ».

Много узналъ Петръ любопытнаго, но своими успѣхами въ дѣлѣ, для котораго ѣхалъ, онъ не былъ доволенъ. Онъ понялъ, что одинъ навыкъ да снаровка искуснаго плотника еще не составляютъ всей мудрости кораблестроенія. Онъ хотѣлъ бы знать, какъ строить корабли по плану и чертежу, по правиламъ науки, — словомъ, то, что называютъ теоріей корабельнаго искуства. Для этого Петру пришлось ѣхать въ Англію, и здѣсь онъ еще два мѣсяца проработалъ на верфи въ Дептфортѣ. Въ Англіи онъ также неутомимо посѣщалъ всѣ достопримѣчательности: арсеналъ, фабрики, заводы и всякія учрежденія; но болѣе всего радовался тому, что вполнѣ изучилъ науку кораблестроенія, и говорилъ: «Не поучись я у англичанъ, я остался бы только плохимъ работникомъ». Съ этихъ поръ Петръ рѣшился отдавать предпочтеніе англійскимъ мастерамъ и пригласилъ многихъ изъ нихъ на службу. Онъ также заключилъ съ однимъ торговымъ домомъ условіе о ввозѣ табаку въ Россію и, когда ему замѣтили, что русскіе смотрятъ на табакъ, какъ на проклятое зеліе, то отвѣтилъ: «Я ихъ передѣлаю на свой ладъ». Англичане дивились необыкновеннымъ способностямъ Петра и его знаніямъ тѣмъ болѣе, что онъ не получилъ никакого образованія; но замѣчали въ немъ также крайнюю живость характера, вспыльчивость и грубость нрава. Англійскій король, Вильгельмъ III, принималъ Петра съ особеннымъ уваженіемъ, выпросилъ у него дозволеніе снять съ него портретъ, который и донынѣ хранится въ Лондонѣ, и на прощанье подарилъ ему великолѣпную яхту. Изъ Англіи Петръ отправился черезъ Голландію въ Вѣну. Здѣсь долго задерживали его и много выводили изъ терпѣнія разныя церемоніи пріема, какія тогда были въ ходу при чопорномъ австрійскомъ дворѣ. Петръ однако добился частнаго свиданія съ нѣмецкимъ императоромъ, надѣясь уговорить его не заключать мира съ турками; но нѣмецкая имперія была сильно ослаблена войною, и хлопоты Петра не имѣли успѣха. Здѣсь русское посольство давало праздникъ для

австрійской знати, и въ свою очередь императоръ устроилъ блестящій маскарадъ, гдѣ всѣ гости являлись въ одеждахъ, свойственныхъ какому-нибудь народу или занятію: Петръ былъ одѣтъ голландскимъ крестьяниномъ. Изъ Вѣны царь уже собирался въ Венецію, когда вдругъ получилъ изъ Москвы извѣстіе о бунтѣ стрѣльцевъ. Онъ поспѣшилъ въ Россію и прибылъ въ Москву въ августѣ 1698-го года.

Приверженцы старины во всѣхъ дѣлахъ Петра видѣли конечное разрушеніе православія. Его простой образъ жизни, его презрѣніе ко всѣмъ, установленнымъ отъ предковъ обычаямъ, его дружба съ иноземцами, — все казалось имъ ужаснымъ зломъ, напоминавшимъ о скоромъ пришествіи антихриста. Брадобритіе и табакъ, по ихъ понятію, были губительнѣе для души, чѣмъ всякаго рода невѣжество, насилія, обманы, грабительства, какими полна была древняя Русь. Раскольники толковали: «Писано въ книгахъ, что восьмой царь будетъ антихристъ. Это и есть Петръ: онъ и головою запрометываетъ, и ногою запинается—и то его нечистый духъ ломаетъ. Онъ подмѣненный, родился отъ нѣмки... царица родила дочь, а подложили Францова Лефортова сына». Потомъ, когда Петръ отправился за-границу, шли слухи, что его засадили въ бочку въ Стекольномъ государствѣ и пустили въ море. Къ этому присоединялось недовольство помѣщиковъ, обязанныхъ нести новыя тягости, недовольство народа, на котораго падала большая часть труда безъ тѣхъ выгодъ, какія этотъ трудъ могъ доставить. Но народъ или терпѣливо выносилъ свои невзгоды, или бѣжалъ въ раскольничьи скиты и въ придонскія степи. Не таковы были стрѣльцы, избалованные прежними льготами въ правленіе Софіи. Образовавъ новое, лучшее войско, Петръ, конечно, мало цѣнилъ ихъ: стрѣльцевъ посылали на службу въ дальніе города, тогда какъ ихъ семейства не рѣдко оставались въ Москвѣ. По мѣрѣ сближенія царя съ иноземцами, ропотъ между ними все увеличивался, и передъ самымъ его отъѣздомъ за-границу, они даже замышляли на жизнь его. Заговоръ открытъ, и виновники казнены. Уѣзжая, Петръ поручилъ всѣ дѣла князю-кесарю Ромодановскому, который отличался безпощадной свирѣпостью въ розыскахъ. Когда Брюсъ пріѣхалъ къ царю въ Голландію съ ранами отъ ожога, полученными во время пирушки у Ромодановскаго, царь писалъ князю-кесарю: «Звѣрь! долголи тебѣ людей жечь? и сюда раненные отъ васъ пріѣхали, перестань знаться съ Ивашкою *(Хмѣльницкимъ)*: быть отъ него рожѣ драной».—«Некогда мнѣ съ Ивашкою знаться, отвѣчалъ Ромодановскій, всегда въ кровяхъ омываемся».—«Что въ кровяхъ омываетесь,

возражалъ Петръ, отъ того, чаю, больше и пьете изъ страху». Таковъ былъ Ромодановскій.

Допросы, жестокія пытки и казни продолжались. Это лишь ожесточало недовольныхъ. Стрѣльцы, находясь въ походѣ, возмутились противъ своихъ начальниковъ и двинулись къ Москвѣ, какъ будто для свиданія со своими семействами. Но полагаютъ, что, въ случаѣ удачи, цѣлью ихъ было возвести на престолъ заключенную въ монастырѣ Софію. Бояринъ Шеинъ съ Гордономъ встрѣтили ихъ нестройныя толпы подъ Москвою и легко разсѣяли послѣ двухъ, трехъ выстрѣловъ. Зачинщики схвачены, пытаны и казнены; остальные разосланы по разнымъ городамъ. Объ усмиреніи возстанія Петръ узналъ еще дорогой и, уже не спѣша, какъ прежде, останавливался въ Польшѣ для свиданія съ польскимъ королемъ, Августомъ, и замышлялъ съ нимъ новые планы. Вернувшись въ Москву, онъ, на зло приверженцамъ старины, въ первый же разъ, какъ бояре ему представились, встрѣтилъ ихъ съ ножницами, и, разговаривая, стригъ да стригъ имъ бороды, а вскорѣ потомъ и одѣлъ всѣхъ въ иноземные кафтаны. Недовольный розыскомъ Шеина, онъ тутъ же приказалъ свозить въ Москву всѣхъ бунтовавшихъ стрѣльцевъ для новыхъ допросовъ. Начались неслыханныя со временъ Грознаго, пытки и казни. Самъ государь со своими приближенными распоряжался ими и даже учавствовалъ въ ихъ исполненіи. До 2000 стрѣльцевъ частію повѣшено, частію обезглавлено. Длинными вереницами тянулись тѣлеги съ осужденными: они ѣхали на казнь съ зазженными свѣчами, а толпы женъ ихъ и дѣтей, громко рыдая, бѣжали сзади. Долго по улицамъ Москвы торчали висѣлицы съ тѣлами, и тѣла казненныхъ, съ челобитными въ рукахъ, висѣли передъ окнами келіи, гдѣ жила царевна Софья. Петръ былъ безпощаденъ. Мстя своимъ недоброжелателямъ, онъ, въ этихъ жестокостяхъ, какъ будто наглядно хотѣлъ показать, какова была дорогая имъ старина: судъ велся по старому московскому обычаю и порядку. Петръ тутъ держался мнѣнія, что на рабовъ можно дѣйствовать лишь страхомъ. Это прямо было противно началамъ новой жизни, какую хотѣлъ онъ дать народу; для науки, для искуства, для отважнаго дѣла нужны были не страхъ и рабская покорность, а живой разумъ, пониманіе пользы и душевная бодрость. Казни не достигали цѣли. Въ народѣ толковали: «Навѣшалъ государь стрѣльцевъ будто полтей, а теперь будетъ ихъ солить.... Котораго дня царь и Ромодановскій крови не изопьютъ, и того дня имъ хлѣбъ не ѣстся. Какой онъ государь! пустилъ проклятую табаку въ міръ!... Нигдѣ отъ него не уйдешь: всѣхъ выволокъ на службу, всѣ распропали на плотахъ... и самъ

вездѣ ходитъ одинъ, нигдѣ его не убьютъ!» Жены стрѣлецкія жаловались: «осиротилъ насъ съ дѣтьми, заставилъ вѣкъ плакать».

Но Петръ въ настоящемъ случаѣ думалъ лишь о томъ, чтобы показать всю грозу своей неограниченной власти, и тѣмъ сразу смирить людей, которые моглибы вредить ему въ его новыхъ начинаніяхъ. Не надѣясь одной своей силою утвердиться на берегахъ Чернаго моря, онъ уже задумалъ овладѣть прибрежьемъ Балтійскаго моря, по которому лежалъ ближайшій путь въ образованныя страны. Для этого приходилось начать войну со Швеціей, и Петръ вступилъ въ союзъ съ польскимъ королемъ Августомъ, который также думалъ поживиться на щетъ шведовъ. Но прежде еще нужно было покончить дѣло съ турками. Петръ разсчитывалъ понудить ихъ къ миру, явившись съ новымъ флотомъ у самаго входа въ Черное море. Этотъ флотъ строился въ Воронежѣ весь 1698-ой годъ; послѣ московскихъ казней, царь поспѣшилъ къ работамъ. Лѣтомъ слѣдующаго года онъ уже плылъ со своими кораблями по Азовскому морю, провожая до Керчи русскаго посла, отправляемаго на сорокапушечномъ кораблѣ въ Константинополь. Турецкій паша остановилъ флотъ въ Керченскомъ проливѣ и не хотѣлъ пропускать корабля съ посломъ; но Петръ настоялъ на своемъ, и первый военный русскій корабль, въ сопровожденіи турецкихъ судовъ, явился передъ Константинополемъ. И турки, и европейцы дивились такому чудесному появленію русскаго флота. Послѣ многихъ переговоровъ миръ наконецъ заключенъ на 30 лѣтъ. Петръ обязался не заселять устьевъ Днѣпра; турки съ своей стороны уступали Россіи Азовское прибрежье съ Азовомъ и Таганрогомъ.

БОРЬБА ПЕТРА I СО ШВЕДАМИ.

Уже раньше заключенія мира съ турками, Петръ обратилъ вниманіе на Балтійское море. Какъ ни привлекательно было теплое Черное море, приходилось, чтобы овладѣть имъ, еще завоевать Крымъ, устья Днѣпра и все сосѣднее съ нимъ прибрежье; а эти мѣста въ то время отдѣлены были отъ Россіи безлюдными степями. Напротивъ Балтійское море лежало ближе къ крайнимъ русскимъ владѣніямъ на сѣверо-западѣ, Новгороду и Пскову: чрезъ него шелъ и ближайшій путь въ образованныя страны. Бороться одному съ турками Петру было также не подъ силу; напротивъ, прилегавшее къ Россіи балтійское прибрежье находилось во власти шведовъ, у которыхъ въ то время, при вступленіи на престолъ ихъ короля, Карла XII-го, на-

чалась большая неурядица, и тутъ Петръ нашелъ себѣ союзниковъ въ датскомъ королѣ, Христіанѣ V, и въ польскомъ королѣ, Августѣ. Датскій король разсчитывалъ захватить сосѣднюю съ Даніей, Голштинію, гдѣ правилъ одинъ изъ родственниковъ шведскаго короля; Августъ думалъ покорить Ливонію (гдѣ городъ Рига), прежде принадлежавшую Польшѣ; Петръ сначала условился съ польскимъ королемъ взять на свою долю лишь Ингерманландію (прибрежье Финскаго залива, гдѣ нынѣ Петербургъ), которою тоже когда то владѣли новгородцы. Такъ завязалась Сѣверная война, длившаяся 21 годъ; Петръ, видя въ ней продолженіе своей прежней науки, назвалъ ее *трехвременною школой* (въ школѣ обыкновенно учатся 7 лѣтъ, а тутъ пришлось учиться трижды семь, то есть, 21 годъ).

Дѣло началъ датскій король, безъ труда овладѣвъ Голштиніей; за нимъ и польскій король осадилъ Ригу, но безъ всякой удачи. Петръ, до того времени увѣрявшій шведовъ въ своей дружбѣ, теперь вдругъ объявилъ имъ войну, выставивъ предлогомъ будто бы дурной пріемъ, оказанный ему въ Ригѣ во время его путешествія заграницу. До 35000 русскаго войска, подъ главнымъ начальствомъ иностранца Фонъ-Круи, осадили Нарву. Шведскій король Карлъ XII, осьмнадцатилѣтній юноша, прежде велъ пустую, праздную жизнь среди баловъ и маскарадовъ, и всѣхъ дивилъ своими сумасбродными выходками; но тутъ вдругъ измѣнился: бросилъ забавы, сталъ жить, какъ простой солдатъ, поставивъ себѣ за правило строгую умѣренность и честность. Прямой, суровый, Карлъ XII отличался пылкимъ, настойчивымъ характеромъ: не щадилъ себя, и готовъ былъ скорѣе умереть, чѣмъ отступиться отъ разъ начатаго дѣла. Но, кромѣ нѣкоторыхъ воинскихъ способностей, онъ не имѣлъ ни большаго ума, ни особыхъ талантовъ. Совершенно неожиданно для союзниковъ, онъ выказалъ и распорядительность, и доблесть. Собравъ войско, онъ изъ Швеціи переплылъ море, быстро явился передъ столицею Даніи, Копенгагеномъ, и принудилъ датскаго короля къ миру. Послѣ этого онъ пошелъ было на Августа, но, узнавъ, что Петръ началъ войну, быстро, съ 8500 человѣкъ войска, двинулся къ Нарвѣ. Петръ находился тогда подъ Нарвою; когда внезапно пришло извѣстіе о приближеніи шведовъ, онъ, довѣряя болѣе искуству Фонъ-Круи, чѣмъ своему собственному, уѣхалъ въ Новгородъ, чтобы поторопить сборомъ новыхъ отрядовъ. Фонъ-Круи распорядился какъ нельзя хуже: на 7 верстъ растянулъ онъ русскія войска передъ городомъ, въ укрѣпленномъ лагерѣ. Во время сильной мятели, бившей русскихъ въ глаза, Карлъ XII стремительно ударилъ въ средину лагеря. Войско, ко-

торое состояло большею частію изъ новобранцевъ, бѣжало. Лишь полки семеновскій и преображенскій нѣсколько держались; но и они увлечены были въ общей свалкѣ. Русскіе бросились черезъ рѣку Нарову, и тутъ многіе погибли. Другіе метались, крича: «нѣмцы измѣнили». Шведы захватили всѣ пушки, взяли въ плѣнъ самого Фонъ-Круи и всѣхъ, не успѣвшихъ бѣжать, начальниковъ войска, — числомъ до 79 человѣкъ. Изъ русскаго войска въ Новгородъ вернулись кое-какіе остатки: до 6000 умерло на пути отъ голоду. Это случилось въ ноябрѣ 1700-го года. Въ послѣдствіи Петръ говорилъ о нарвскомъ погромѣ: «Эта неудача научила насъ быть осторожнѣе и искуснѣе; мы поневолѣ отбросили свою лѣнь и безпечность. А одержи мы побѣду, Богъ знаетъ, какую бѣду нажили бы послѣ, при нашемъ тогдашнемъ неискуствѣ: у насъ тогда была еще одна дѣтская игра, вмѣсто воинскаго дѣла».

То, что въ настоящемъ случаѣ Карлъ XII такъ легко достигъ успѣха, дѣйствительно, послужило въ пользу русскимъ. Онъ считалъ русскихъ «неумѣлыми мужиками», съ которыми не стоило тратить много времени, и обратилъ все вниманіе на Польшу. Но въ Польшѣ дѣла не могли кончиться скоро. Карлъ XII, преслѣдуя Августа, всюду побивалъ его и наконецъ принудилъ отказаться отъ престола. Нужно было избрать новаго короля, а это зависѣло отъ сейма. Сеймъ, собраніе дворянъ, утверждалъ въ Польшѣ королей, конечно, не безъ многихъ споровъ. По настоянію Карла XII, выбранъ былъ познанскій воевода, Станиславъ Лещинскій. Но нашлись приверженцы Августа, не хотѣвшіе покориться. Содержаніе шведскаго войска, которое подчасъ и грабило, сильно тяготило поляковъ. Карлъ XII проводилъ все время въ томъ, что ходилъ по Польшѣ изъ конца въ конецъ, усмиряя шайки недовольныхъ, которымъ помогало и русское войско, иногда не безъ успѣха. Такимъ образомъ Карлъ XII, по выраженію Петра, «завязъ въ Польшѣ», и прошло добрыхъ семь лѣтъ, прежде чѣмъ онъ собрался вновь обратить оружіе на Россію. А Петръ въ это время успѣлъ многое сдѣлать. Тотчасъ послѣ нарвскаго пораженія онъ не потерялся. Поспѣшно собралъ онъ остатки разбитаго войска, поспѣшно укрѣплялъ Новгородъ и Псковъ, заставляя работать и женщинъ, и монаховъ. Потомъ велѣлъ онъ снять съ церквей часть колоколовъ и перелить ихъ въ пушки: въ годъ было готово уже до 300 пушекъ: «зѣло доброе дѣло и нужно, ибо время, яко смерть», писалъ Петръ. Тѣхъ, кто лѣниво исполнялъ его распоряженія, или пользовался казеннымъ добромъ, онъ приказывалъ бить кнутомъ, казнить безъ всякой пощады.

Скоро съ радостью онъ узналъ, что Карлъ XII ушелъ въ Польшу, оставивъ въ Ливоніи лишь слабые отряды подъ начальствомъ неискустныхъ генераловъ. Онъ этимъ тотчасъ воспользовался. Въ Ливонію посланъ съ войсками бояринъ Шереметьевъ. Этотъ искусный воевода въ 1701-мъ году одержалъ первую побѣду надъ шведами, разбивъ шведскаго генерала Шлиппенбаха (шведовъ было до 8000 чел., русскихъ до 30000 чел.). Тогда была великая радость: въ Москвѣ цѣлый день звонили въ колокола; на Кремлѣ развивались шведскія знамена. Въ слѣдующемъ году Шереметьевъ, уже названный фельдмаршаломъ, прославился новою, еще болѣе замѣчательной побѣдой. «Не мать-земля разступалась, не сине-море колебалось,—говорится въ пѣснѣ,—а со штыками, да съ саблями гнала шведовъ Шереметьева пѣхота». Война и потомъ велась съ такимъ же успѣхомъ. По обычаю времени, началось страшное опустошеніе Ливоніи. Многія сотни деревень выжжены, сравнены съ землею; башкиры и казаки истребляли и хлѣбъ, и скотъ, и всѣ запасы. Изъ жителей, кто не побитъ, захваченъ въ плѣнъ. Русскіе также взяли и разрушили много городовъ; въ одномъ изъ нихъ, Маріенбургѣ, въ числѣ другихъ, взятъ въ плѣнъ ученый пасторъ Глюкъ съ женою, дѣтьми и слугами. Изъ его прислужницъ красивая Марта, послѣ разныхъ испытаній, попала въ домъ Меньшикова, и здѣсь увидѣлъ ее царь. Чудная доля выпала этой плѣнницѣ: она впослѣдствіи стала императрицей Екатериной. Раззоряя Ливонію, русскіе имѣли цѣлію, какъ можно болѣе, повредить непріятелю; но имъ и самимъ пришлось отъ этого плохо: въ опустошенной странѣ они потомъ чуть не умирали съ голоду.

Между тѣмъ Петръ неутомимо ѣздилъ изъ края въ край, не забывая ни Архангельска, ни Воронежа. Въ 1702-мъ году онъ сначала распоряжался въ Архангельскѣ о защитѣ сѣвернаго края. Изъ Бѣлаго моря пробрался онъ съ войскомъ въ Онежское озеро; солдаты тащили за собою суда черезъ лѣса и болота. Въ октябрѣ Петръ является при выходѣ Невы изъ Ладожскаго озера, у маленькой шведской крѣпости, Нотебурга. Эта крѣпость, древній новгородскій Орѣшекъ, находилась на острову: ее защищало около 500 человѣкъ, но въ ней было до 150 пушекъ. Чтобы окружить ее со всѣхъ сторонъ, перетащили часть лодокъ въ Неву; стрѣляли семь дней изъ пушекъ, потомъ Голицынъ пошелъ на приступъ,— и городъ сдался. «Разгрызли мы этотъ *орѣхъ*, писалъ Петръ, какъ ни былъ онъ крѣпокъ». Бывшій Орѣшекъ Петръ назвалъ *Шлиссельбургомъ*, что значитъ по русски «Ключь-городъ». Для Петра это

былъ, дѣйствительно, ключь ко входу въ Неву и въ Финскій заливъ. Отпраздновавъ побѣду торжественнымъ вшествіемъ въ Москву черезъ тріумфальныя арки, Петръ отправился въ Воронежъ смотрѣть за постройкою кораблей для Азовскаго моря; потомъ, уже въ 1703-мъ году, онъ вмѣстѣ съ Шереметьевымъ повелъ войско къ устью Невы. На мѣстѣ нынѣшняго Петербурга тогда были лѣсъ, болото, съ немногими рыбацкими хижинами у берега. Подальше отъ взморья, нѣсколько вверхъ по рѣкѣ, у нынѣшней Охты, стояла крѣпостца *Нiеншанцъ* (по русски, Новый острогъ), или, какъ тогда говорили, *Канцы*. Послѣ немногихъ выстрѣловъ, Петръ безъ труда овладѣлъ этимъ острогомъ. Шведы, еще ничего не знавшіе о его взятіи, выслали съ моря два корабля на помощь. Эти корабли приблизились къ Невѣ, стали въ концѣ Васильевскаго острова и дали знакъ двумя выстрѣлами изъ пушекъ. Петръ велѣлъ тоже отвѣчать двумя выстрѣлами, чтобы обмануть шведовъ. Между тѣмъ, на тридцати лодкахъ, онъ послалъ отрядъ съ Меньшиковымъ къ деревнѣ Калинкиной, а самъ, тоже на лодкахъ, подкрался со своими гвардейцами со стороны Васильевскаго острова и заперъ шведамъ путь къ отступленію. Оба отряда ночью напали на шведскіе корабли разомъ, съ двухъ сторонъ, и овладѣли ими послѣ страшной рѣзни: изъ 80 человѣкъ шведской команды едва 13 осталось въ живыхъ. Эта первая морская побѣда чрезвычайно обрадовала Петра, и онъ ликовалъ безъ мѣры. Въ томъ же 1703-мъ году, въ день Троицы, онъ заложилъ новый городъ на берегу Большой Невы, на островѣ, составляющемъ нынѣ «Петербургскую Сторону». До 20000 рабочихъ стали поспѣшно расчищать лѣсъ, насыпать землю, и возвели валы въ шесть бастіоновъ. Внутри новой крѣпости, болѣе близкой къ морю, чѣмъ прежніе Канцы, поставлена церковь въ память св. Петра и Павла (отсюда названіе Петропавловской крѣпости); за крѣпостью, вверхъ по Невѣ, выстроены церковь св. Троицы и маленькій домикъ для царя, по образцу того, въ какомъ онъ жилъ въ Саардамѣ (и церковь, и домикъ сохранились донынѣ въ своемъ прежнемъ видѣ). За тѣмъ слѣдовали домы Меньшикова и другихъ вельможъ и разные склады. Такъ положено начало Петербургу.

Осенью того же года въ новый городъ прибылъ первый голландскій корабль съ товарами. Петръ щедро одарилъ шкипера и матросовъ и весело пировалъ съ ними. Тогда же ѣздилъ онъ на взморье, къ острову Котлину (гдѣ нынѣ Кронштадтъ), вымѣрилъ глубину воды (форватеръ) и поручилъ Меньшикову строить на Котлинѣ крѣпость. Меньшиковъ, сопутствовавшій Петру, какъ прежде, въ его путешествіи, такъ и нынѣ, во всѣхъ походахъ, назначенъ гу-

бернаторомъ Петербурга и всей вновь завоеванной провинціи. Зимою Петръ снова посѣщалъ Воронежъ, а весною 1704-го года мы находимъ его на берегахъ Свири. Здѣсь, въ Лодейномъ полѣ, уже строили корабли для Балтійскаго моря, срубая вѣковыя сосны окружающихъ лѣсовъ. Спѣшная работа кипѣла, потому что безъ флота нельзя было упрочить владѣніе устьями Невы. Устроивъ въ Олонцѣ желѣзные заводы для литья пушекъ, Петръ отправился въ свой *парадизъ* (*рай*, какъ называлъ онъ Петербургъ), гдѣ продолжалъ начатыя постройки. Послѣ этого онъ продолжаетъ свои завоеванія: подъ его руководствомъ, въ 1704-мъ году заняты Дерптъ и Нарва. Нарву взяли приступомъ и, ворвавшись въ городъ, солдаты припомнили прежнее пораженіе: они яростно избивали жителей, не щадя ни женъ, ни дѣтей. Петръ съ трудомъ остановилъ кровопролитіе, заколовъ собственной рукой одного солдата. Въ слѣдующіе годы завоевана Курляндія съ городомъ Митавою, и Петръ помогалъ Августу, дѣйствуя съ войсками у границъ Польши. Меньшиковъ ходилъ и въ самую Польшу и одержалъ надъ шведами побѣду при Калишѣ.

Когда Карлъ XII удалился въ 1706-году на Волынь, Петръ обратилъ вниманіе на Малороссію, посѣтилъ Кіевъ, и здѣсь распоряжался о укрѣпленіи города. Но чѣмъ далѣе, тѣмъ больше усложнялось дѣло, и тѣмъ болѣе предстояло заботъ. Вслѣдствіе чиновничьихъ злоупотребленій и упорной ненависти къ новизнѣ, поднялся бунтъ въ отдаленной Астрахани, а потомъ началось на Дону страшное Булавинское возстаніе, въ самую опасную для Россіи минуту, когда Карль XII коекакъ справился съ своими дѣлами въ Польшѣ и уже грозилъ Россіи. Послѣ полнаго пораженія Августа, Петръ остался безъ союзниковъ. Онъ обращался и къ европейскимъ государямъ съ просьбою о посредничествѣ, и къ самому Карлу XII съ предложеніемъ мира, желая изъ всѣхъ завоеванныхъ земель удержать только устье Невы. Но эти старанія были напрасны. Шведы не безъ успѣха замышляли новые ковы: возбуждали Турцію къ войнѣ съ Россіею и подымали смуту въ Малороссіи.

Въ 1707-мъ году Карлъ XII захватилъ Гродно. Петръ, дорожа болѣе всего Петербургомъ, отправился туда лично, чтобы присмотрѣть за постройкою укрѣпленій; онъ приказалъ поспѣшно укрѣплять и другіе города: Серпуховъ, Тверь, Москву; велѣно все уничтожать на пути шведовъ, дѣлать въ лѣсахъ засѣки, прятать хлѣбъ въ ямахъ, а скотъ въ лѣсахъ. «Хоть и жили въ раю, а все по сердцу скребло»,—писалъ Петръ изъ Петербурга. Въ 1708-мъ году Карлъ XII занялъ Могилевъ и перешелъ черезъ Днѣпръ. Два, три раза рус-

скіе пытались вступить въ битву, но не могли удержать шведовъ. Петръ, уже пріѣхавшій къ войску, выжидалъ, отступалъ. Но и самъ шведскій король, казалось, почему-то медлилъ. Полагали, что онъ пойдетъ къ Смоленску. Онъ двинулся было на сѣверъ и вновь остановился. Узнали, что изъ Ливоніи идетъ ему на помощь полководецъ Левенгауптъ—съ 16000 войска и съ продовольственными запасами. Левенгауптъ былъ уже близко; но шведскій король не дождался его и вдругъ повернулъ на югъ, въ Малороссію. Это была большая ошибка. Петръ не преслѣдовалъ Карла XII-го, а, вмѣстѣ съ Меньшиковымъ, всѣми силами обрушился на Левенгаупта и, при мѣстечкѣ Лѣсномъ, нанесъ ему страшное пораженіе. До 8000 шведовъ положено на мѣстѣ; пушки, знамена, всѣ запасы и болѣе 2500 плѣнныхъ остались въ рукахъ побѣдителей. Левенгауптъ привелъ къ Карлу XII менѣе 7000 человѣкъ, потерявъ весь обозъ. «Подъ Лѣснымъ, говорилъ Петръ, была первая солдатская проба, и людей, конечно, ободрила. Эта битва мать Полтавской баталіи». Карлъ XII спѣшилъ въ Малороссію не безъ причины, хотя и выказалъ тутъ свою обычную пылкость и неосмотрительность. Уже наступила осень, и зимовать въ бѣдномъ краю, къ югу отъ Смоленска, было не разсчетливо. Кромѣ того малороссійскій гетманъ, Мазепа, обнадежилъ Карла XII-го, что весь югъ Россіи приметъ его сторону.

Малороссія, окруженная сильными сосѣдями, съ давнихъ поръ вступала въ союзъ то съ турками, то съ поляками, то съ русскими. При отцѣ Петра она наконецъ признала надъ собою покровптельство Россіи; но ея гетманы постоянно искали полной независимости. Въ Малороссіи враждовали между собою два сословія: болѣе богатыхъ казаковъ, старшинъ войска, и бѣдныхъ казаковъ, и также хлоповъ. Старшины и ихъ приверженцы, владѣвшіе землями, отстаивали, подобно польской шляхтѣ, свои древнія права и казацкіе вѣчевые обычаи. Простой народъ прежде всего искалъ облегченія податей, защиты отъ насилія, и готовъ былъ принять сторону всякаго, кто дастъ ему такую защиту. Одни запорожцы, жившіе на берегахъ Днѣпра, ниже пороговъ, ревниво оберегали свою казацкую вольность, такъ какъ у нихъ, при полномъ равенствѣ, власть старшинъ не тяготѣла надъ простыми казаками. Мазепа былъ гетманъ, избранный старшиною. Хитрый, изворотливый, онъ съ самаго начала умѣлъ вкрасться въ милость къ Петру, къ Меньшикову и ко всѣмъ окружавшимъ его лицамъ. Царь осыпалъ его почестями, считая въ немъ самаго преданнаго себѣ человѣка. Мазепа постоянно писалъ царю о своей преданности, о буйствѣ грубой черни, которая его не любитъ,

будтобы за его усердіе къ Москвѣ, толковалъ объ опасностяхъ, какимъ онъ подвергался изъ за этого усердія и даже требовалъ московскаго войска для своей охраны. Петру, конечно, не очень нравились порядки, заведенные въ Малороссіи. Требуя одинаково ото всѣхъ службы, онъ наряжалъ казаковъ на работы, или въ походъ, не стѣсняясь ихъ вѣчевыми правами; но явно нарушать казацкую старину казалось опаснымъ. Петръ довольствовался тѣмъ, что выборный гетманъ по видимому готовъ былъ исполнять всѣ его предначертанія и дружилъ съ московскими властями и воеводами, которые довольно самовластно распоряжались въ Малороссіи. Но это самое вооружало противъ Мазепы казацкихъ старшинъ, и гетманъ принужденъ былъ втайнѣ раздѣлять съ ними всѣ неудовольствія противъ московской власти. Ропотъ усилился и сталъ высказываться громче, когда, съ приближеніемъ Карла XII, потребовались отъ казаковъ новыя военныя тягости, а между тѣмъ было очень сомнительно, кто кого одолѣетъ. Честолюбивый Мазепа, мечтая, подъ своей властью, основать независимость Малороссіи, рѣшился войти въ сношенія со шведскимъ королемъ; но по наружности оставался другомъ Россіи. Петръ такъ довѣрялъ ему, что выдалъ ему головою Кочубея, когда этотъ послалъ царю доносъ объ измѣнѣ гетмана. Кочубей, по приговору казаковъ, казненъ. Но Мазепѣ все труднѣе становилось лицемѣрить. Петръ настоятельно требовалъ его къ себѣ съ войскомъ. Мазепа отговаривался то опасеніемъ, что безъ него начнется въ Малороссіи смута, то тяжкою болѣзнію: наконецъ съ отрядомъ казаковъ уѣхалъ къ Карлу XII-му. Это сдѣлано было такъ хитро, что приближенные царя еще жалѣли о бѣдномъ, больномъ старикѣ, когда онъ уже былъ въ шведскомъ лагерѣ. Но и Мазепа, и шведскій король обманулись въ разсчетѣ. Изъ богатыхъ казаковъ лишь немногіе послѣдовали за Мазепой, когда увидѣли малочисленность шведовъ и силу русскаго войска, которое все увеличивалось и, наводнивъ Малороссію, могло раззорить ихъ имѣнія. Простой же народъ не только не откликнулся на призывъ гетмана, но, при первомъ извѣстіи о его измѣнѣ, бросился грабить хутора старшинъ и избивать ихъ. Петру не трудно было удержать на своей сторонѣ Малороссію обѣщаніемъ, что онъ будетъ охранять старинныя казацкія права и сниметъ съ народа прежніе налоги. Этому помогла и необычайная распорядительность Меньшикова. Быстро подступилъ онъ къ Батурину, гдѣ засѣли приверженцы Мазепы съ большими запасами, и взялъ городъ приступомъ почти на глазахъ у Карла XII. Всѣ защитники Батурина или истреблены, или казнены безъ пощады. Это

было новымъ ударомъ для шведскаго короля: крайне нуждаясь въ запасахъ, онъ сильно разсчитывалъ на Батуринъ. Вслѣдъ за тѣмъ созваны на съѣздъ малороссійское духовенство и старшины, оставшіеся вѣрными Россіи, и избранъ новый гетманъ Скоропадскій, а Мазепа преданъ анафемѣ. Изъ всей казацкой вольницы лишь Запорожская Сѣчь не признала власти Москвы. Кошевой запорожцевъ, Костя Гордѣенко, вышелъ со своей ватагою изъ Сѣчи и пошелъ берегомъ Днѣпра, вездѣ истребляя старшинъ и провозглашая господство черни. Онъ успѣлъ пробиться чрезъ русскіе отряды и соединиться съ Карломъ XII. Впослѣдствіи эти запорожцы много помогли шведамъ, особенно во время ихъ бѣгства; но ихъ отряды, оставшіеся въ Малороссіи, истреблены русскими войсками, и самая Сѣчь раззорена. Наступилъ 1709-й годъ, при страшныхъ морозахъ, отъ которыхъ много терпѣли шведы. Дѣло ограничивалось мелкими стычками. Но вотъ, Петръ получаетъ извѣстіе, что шведы возбуждаютъ противъ Россіи Турцію и Карлъ XII можетъ задумать походъ на Воронежъ. Онъ отправляется въ Воронежъ, распоряжается, работаетъ самъ при постройкѣ кораблей, успѣваетъ въ тоже время исправлять календари, вѣдомости, учебныя книги, которыя тогда впервые печатались. Вслѣдъ за тѣмъ онъ ѣдетъ внизъ по Дону въ Азовское море, осматриваетъ флотъ, занимается морскими ученіями и наконецъ, въ началѣ іюня, возвращается къ войску.

Шведы въ это время стояли подъ Полтавою и уже болѣе мѣсяца осаждали городъ, надѣясь захватить въ немъ большіе запасы. Полтавскій коммендантъ, Келинъ, мужественно отражалъ всѣ нападенія. Петръ тотчасъ извѣстилъ его о своемъ пріѣздѣ, бросивши въ городъ письмо въ пустой бомбѣ. Осажденные теперь могли надѣяться на скорое освобожденіе. Однако прошло еще около трехъ недѣль, прежде чѣмъ русскіе войска перешли Ворсклу и укрѣпились на полѣ передъ Полтавою, въ виду шведовъ. Карлъ XII первый рѣшился сдѣлать нападеніе, но главное начальство предоставилъ Реншильду, потому что самъ былъ раненъ. Осматривая ночью русскій лагерь, онъ наткнулся на кучку казаковъ, безпечно сидѣвшихъ около огня, и не утерпѣлъ,— выстрѣлилъ въ одного изъ нихъ. Казаки всполошились, пустили на удачу нѣсколько пуль, и одна изъ нихъ засѣла Карлу въ ногу. Послѣ этого онъ могъ распоряжаться, лишь разъѣзжая въ коляскѣ по полю битвы. Русскимъ войскомъ командовалъ Шереметьевъ; начальникомъ артиллеріи назначенъ Брюсъ, праваго крыла — генералъ Ренне, а лѣваго—Меньшиковъ. 27 іюня часть шведовъ бросилась на окопы противъ праваго крыла, сбила русскую конницу и, преслѣдуя ее,

отошла въ лѣсъ, гдѣ была отрѣзана отъ остальнаго шведскаго войска. Противъ этой части шведовъ выступилъ Меньшиковъ и совершенно разбилъ ее. Между тѣмъ русскіе вышли изъ окоповъ, и началась общая жестокая битва. Петръ поспѣвалъ вездѣ, гдѣ наиболѣе грозила опасность; его шляпа и сѣдло были прострѣлены, а одна пуля ударила ему въ грудь, но лишь попортила крестъ, который носилъ онъ. Передъ тѣмъ онъ говорилъ приближеннымъ: «Вы сражаетесь не за Петра, а за государство, а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россія, ея слава, честь и достояніе». Сраженіе длилось около двухъ часовъ. Вдругъ ядро ударило въ коляску, въ которой разъѣзжалъ шведскій король. Шведы думали, что онъ убитъ, и дрогнули. Карлъ XII велѣлъ поднять себя на скрещенныхъ пикахъ и увидѣлъ общее бѣгство своего войска. «Шведы! шведы!» воскликнулъ онъ; но его не слушали. Русскіе наступали. Реншильдъ успѣлъ только проговорить: «Товарищи! спасайте короля!» и бросился съ немногими вѣрными людьми впередъ, чтобы дать время Карлу спастись. Реншильдъ съ другими генералами и съ тысячью войска взяты въ плѣнъ; до 9000 шведовъ легло на мѣстѣ; остальные бѣжали безъ оглядки. Дѣло въ томъ, что шведы уже давно не имѣли того воинскаго духу, какъ прежде. Постоянные походы и множество лишеній страшно ихъ истомили; число ихъ очень уменьшилось, а между тѣмъ къ русскимъ прибывали все свѣжія силы. Шведы, обманувшись въ своихъ надеждахъ на Малороссію, роптали на своего короля, не охотно исполняли всякую службу и думали только о покоѣ, о возвращеніи на родину. Приближенные Карла XII-го все это нѣсколько разъ ему представляли, убѣждая его временно удалиться въ Польшу, чтобы дать роздыхъ войскамъ. Но упрямый король ничего не хотѣлъ слышать, и всякое отступленіе считалъ постыднымъ бѣгствомъ. Такимъ образомъ побѣда далась русскимъ безъ особыхъ усилій, и лишь первые ихъ ряды учавствовали въ битвѣ. Но надо помнить, что она была подготовлена искустными распоряженіями Петра, его умѣньемъ истомить шведовъ мелкими стычками, лишая ихъ всякихъ запасовъ и постепенно обрѣзывая ихъ силы. Самъ царь не ожидалъ, что дѣло рѣшится такъ скоро и на радости забылъ даже преслѣдовать бѣжавшихъ шведовъ. Тотчасъ на полѣ битвы отслужили молебенъ и разставили шатры для веселаго пира; царь пригласилъ за свой столъ и плѣнныхъ шведскихъ генераловъ и, поднимая кубокъ, вдругъ сказалъ: «За здоровье нашихъ учителей».—Кто эти учителя? спросилъ Реншильдъ—«Вы, господа шведы!»—Хорошо же ученики имъ отплатили! замѣтилъ Реншильдъ! День 27-го іюня 1709 года

остался памятнымъ навсегда: «въ этотъ день, по словамъ Петра, положенъ крѣпкій камень въ основаніе Петербурга». Войско, привѣтствуя царя, убѣдило его за свои труды принять въ сухопутномъ строѣ чинъ генерала, а въ морскомъ,—вице-адмирала. Послѣ этого Петръ писалъ кесарю Ромодановскому: «Съ неслыханною такою побѣдою ваше величество поздравляемъ и нынѣ уже безъ сумленія исполнилось желаніе вашего величества, чтобы имѣть свою резиденцію въ Петербургѣ!»

На другой день Меньшиковъ былъ посланъ въ погоню за ушедшими шведами. Они бѣжали берегомъ Ворсклы до самаго Днѣпра. Здѣсь убѣдили Карла XII оставить войско, потому что перебраться всѣмъ черезъ рѣку не было возможности. Съ трудомъ нашли двѣ лодки, на которыя поставили повозку короля. Переправили въ лодкѣ и Мазепу съ двумя боченками червонцевъ, которые онъ успѣлъ захватить съ собою. Это дѣло устроили запорожцы; они и проводили обоихъ бѣглецовъ въ Турцію. Войско же осталось подъ начальствомъ Левенгаупта, на лѣвомъ берегу. Оно было въ конецъ разстроено: большая часть солдатъ лежала въ полномъ изнуреніи. Вдругъ на окрестныхъ холмахъ загремѣли барабаны, загудѣли трубы. Это прибылъ Меньшиковъ съ 9000 конницы; но испуганные шведы думали, что на нихъ идетъ громадная сила, и всѣ, въ числѣ 16,000 человѣкъ сдались въ плѣнъ безъ сопротивленія. Когда въ Москву дошли вѣсти объ всѣхъ этихъ удачахъ, то тамъ восемь дней звонили въ колокола, угощали народъ и плѣнныхъ шведовъ на улицахъ, пускали потѣшные огни. И во всей Россіи была великая радость: многіе надѣялись, что теперь народъ отдохнетъ отъ воинскихъ трудовъ и царь обратитъ все вниманіе на внутреннее устройство. Но Петръ считалъ дѣло со шведами еще далеко не конченнымъ. Онъ послалъ войска въ Польшу, осадилъ Выборгъ и Ригу. Въ Польшѣ Августъ снова былъ возстановленъ на престолѣ, и съ тѣхъ поръ Россія начала утверждать свое господство въ этой странѣ. Въ 1710-мъ году взяты Выборгъ, Рига и Ревель. Въ покореніи двухъ послѣднихъ городовъ много помогли повальныя болѣзни, тогда въ нихъ господствовавшія. Послѣ этого Петръ уже не думалъ уступать Ливонію Польшѣ. Чтобы закрѣпить за собою край, онъ подтвердилъ всѣ права, какими пользовались въ немъ дворяне и граждане: лютеранская вѣра, нѣмецкій языкъ, судъ и весь порядокъ управленія остались неприкосновенными; лишь туземцы могли владѣть имѣніями и быть избираемы въ должности, и проч. Петръ облегчилъ также нѣкоторые налоги и уничтожилъ невыгодныя для нѣмецкихъ владѣльцевъ поста-

новленія шведовъ, такъ что ливонскіе нѣмцы, послѣ всѣхъ испытанныхъ ими раззореній, могли теперь совершенно успокоиться.

Но за этими успѣхами послѣдовала для русскихъ и неудача. Петръ сталъ настойчиво требовать отъ турокъ, чтобы они удалили Карла XII, который продолжалъ жить въ Турціи, надѣясь склонить султана къ войнѣ съ Россіею. Султанъ колебался, но, послѣ угрозъ царя, заключилъ русскаго посла въ тюрьму и снарядилъ войско. Вь 1711 году Петръ самъ пошелъ къ Дунаю съ арміей безъ малаго въ 40,000 человѣкъ. Онъ разсчитывалъ на содѣйствіе румынъ, сербовъ и другихъ христіанъ, надъ которыми тяготѣла власть турокъ. Русскіе, послѣ утомительнаго похода, достигли рѣки Прута и здѣсь неожиданно были окружены громадной турецкою арміей чуть не въ 200,000 человѣкъ. Они отбили первые приступы, но положеніе ихъ было отчаянное, и самъ царь рисковалъ попасться въ плѣнъ. Къ счастію, богатыми подарками и обѣщаніемъ большихъ денежныхъ суммъ удалось склонить визиря, начальствовавшаго войскомъ, и другихъ турецкихъ сановниковъ къ миру. Петръ спасся отъ бѣды, но принужденъ былъ возвратить туркамъ Азовъ и прибрежье Азовскаго моря. Такимъ образомъ всѣ труды по постройкѣ флота въ Воронежѣ и его окрестностяхъ пропали даромъ.

Карлъ XII всетаки оставался въ Турціи и жилъ съ небольшимъ отрядомъ изъ шведовъ и поляковъ близъ Бендеръ. Наскучилъ онъ туркамъ, и султанъ приказалъ уговорить его, чтобъ онъ уѣхалъ. Но упрямый король встрѣтилъ посланныхъ съ оружіемъ. Тогда султанъ велѣлъ взять его и привезти въ Адріанополь. Карлъ устроилъ изъ своего дома родъ крѣпости и сталъ защищаться; едва съ помощью пушекъ удалось овладѣть имъ. Турки не сдѣлали ему вреда; но онъ самъ наконецъ удалился изъ Турціи, видя, что всѣ его усилія безполезны. Между тѣмъ Петръ, потерявши Азовъ, старался вознаградить себя на берегахъ Балтійскаго моря. Тутъ дѣло шло съ прежнимъ успѣхомъ. Русскіе пріобрѣли себѣ еще союзника въ прусскомъ королѣ, который тоже пожелалъ занять сопредѣльную Пруссіи часть прибрежья. Шведы теряли одно за другимъ свои владѣнія и въ Германіи. Петръ въ это время почти постоянно жилъ за границею, руководя дѣлами союзниковъ; начальствовалъ войсками и на сушѣ, и на морѣ; ѣздилъ въ Голландію, въ Парижъ, гдѣ поразилъ также французовъ своею живостью и любознательностью. Постройка кораблей для Балтійскаго флота шла своимъ чередомъ. Въ 1712 году русскіе уже имѣли до 30 большихъ кораблей и болѣе 150 всякихъ другихъ военныхъ судовъ. Въ два года адмиралъ Апраксинъ и Го-

лицынъ завоевали всю Финляндію; самъ Петръ одержалъ побѣду надъ шведскимъ флотомъ при Гангудѣ, взялъ въ плѣнъ шведскаго адмирала съ фрегатомъ и 10-ю галерами. Карлъ XII уже готовъ былъ мириться, какъ былъ убитъ при осадѣ одного города въ Норвегіи. Война опять затянулась. Чтобы понудить шведовъ къ миру, царь нѣсколько разъ посылалъ свой флотъ къ берегамъ Швеціи, гдѣ русскіе страшно жгли и опустошали города и села. Наконецъ стараніями искустнаго русскаго дипломата Остермана миръ заключенъ въ 1721 году въ Ништадтѣ. Петръ находился у финскаго взморья на Лисьемъ носу, какъ получилъ объ этомъ извѣстіе. Онъ сѣлъ въ большую лодку и поѣхалъ къ Петербургу, безъ умолку стрѣляя изъ трехъ маленькихъ пушекъ. Народъ собрался на Троицкой площади. «Миръ, братцы, миръ!» крикнулъ царь и, послѣ молебна въ Троицкой церкви, поздравлялъ народъ и пилъ за его здоровье. Начались въ Петербургѣ и Москвѣ праздники и маскарады, продолжавшіеся не одну недѣлю. Сенатъ убѣдилъ государя принять титулъ «Отца отечества и Императора». Но въ то время, какъ безъ умолку стрѣляли изъ пушекъ и ружей, устраивали иллюминаціи, пускали потѣшные огни, у Петра въ мысляхъ было другое. Въ отвѣтъ на поздравленія приближенныхъ онъ говорилъ: «Надлежитъ трудиться о пользѣ и прибыткѣ общемъ, какъ внутри, такъ и извнѣ, отчего будетъ облегченъ народъ. Богъ явно кладетъ намъ передъ очами, чего можно этимъ трудомъ достигнуть».

Послѣ заключенія Ништадтскаго мира, при Петрѣ, уже не было значительныхъ войнъ. Лишь въ 1722 году, воспользовавшись смутами въ Персіи, онъ предпринялъ походъ на судахъ внизъ по Волгѣ и по Каспійскому морю къ берегамъ Кавказа. Въ 1724 году заключенъ былъ съ Персіею миръ, по которому русскіе пріобрѣтали Дербентъ и Баку съ сосѣднимъ прибрежьемъ. Такъ положено начало завоеванію Кавказа. Въ началѣ слѣдующаго, 1725 года, Петра уже не стало въ живыхъ. Мы видимъ, что въ какіе нибудь 20 лѣтъ Петръ возвысилъ Россію на высокую степень могущества въ кругу другихъ европейскихъ государствъ, создавши сильный флотъ и войско. Все это онъ могъ сдѣлать лишь съ помощью своей самодержавной власти. Но въ то же время это возвышеніе стоило страшныхъ жертвъ, истощившихъ народныя силы: не одна сотня тысячъ людей или погибла въ работахъ и походахъ, или совершенно обѣднѣла отъ тяжкихъ налоговъ. Пользы для народа отъ завоеваній Петра можно было ждать лишь въ будущемъ.

ГОСУДАРСТВЕННЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

Устройство войска и флота, все новые походы и завоеванія, многочисленныя, вновь предпринятыя работы,—все это требовало большихъ денегъ, а для полученія ихъ и вообще для успѣха своихъ распоряженій, Петръ считалъ необходимымъ устроить большій порядокъ въ управленіи, чѣмъ какой былъ при господствѣ прежнихъ дьяковъ и воеводъ въ боярской думѣ и въ московскихъ приказахъ. Образцемъ для своихъ учрежденій онъ принялъ порядки, заведенные въ Швеціи и отчасти въ Германіи. Совѣтникомъ въ его преобразованіяхъ былъ между прочимъ извѣстный нѣмецкій ученый, Лейбницъ, который предлагалъ такое устройство, гдѣ бы всѣ власти, подобно колесамъ въ часахъ, приводили другъ друга въ движеніе. Вмѣсто боярской думы учрежденъ *сенатъ*, управлявшій всѣми дѣлами въ случаѣ отъѣзда государя. Онъ издавалъ указы, давалъ предписанія губернаторамъ, но особенно долженъ былъ заботиться о правильномъ сборѣ доходовъ. Все государство раздѣлено на 8 губерній, въ которыхъ тогда насчитывалось около 340 городовъ. Губерніи были очень большаго объема. Такъ къ Ингерманландской (С. Петербургской) принадлежали: Выборгъ, Нарва, Ревель, Новгородъ, Псковъ, Тверь, Ярославль, Угличь; къ Московской — Тула, Калуга, Рязань, Кострома; къ Азовской — Воронежъ, Тамбовъ; къ Астраханской— все теченіе Волги отъ Симбирска. Губерніей завѣдывалъ *губернаторъ*, зависѣвшій отъ сената. Эти лица смотрѣли вообще за порядкомъ въ дѣлахъ, не имѣя судебной власти. Наиболѣе тяжелою ихъ обязанностью было своевременное доставленіе податей, присылка рекрутовъ и рабочихъ. Кромѣ сената и губернаторовъ, въ Петербургѣ находился *главный фискалъ* или *оберъ-фискалъ*, а въ провинціи подвѣдомственные ему *провинціалъ-фискалы*. Они тайно надсматривали, не утаилъ ли кто казенныхъ денегъ, не допускалъ ли взятокъ, или другихъ злоупотребленій, не укрывался ли кто отъ службы, и проч. За доносъ фискалъ могъ разсчитывать на половину пени съ осужденнаго, или даже могъ получить все его имѣніе. Вслѣдствіе этого фискалы часто посылали ложные доносы, а случалось, вступая въ стачку, и укрывали настоящихъ преступниковъ. Какъ высшія мѣста для завѣдыванія дѣлами по разнымъ частямъ управленія, Петръ учредилъ *коллегіи*, въ замѣнъ прежнихъ приказовъ. Онѣ подчинялись сенату. Коллегій было 8: коллегія иностранныхъ дѣлъ; камеръ-кол-

легія, которая завѣдывала финансами (доходами и расходами государства); юстицъ-коллегія, смотрѣвшая за судами; бергъ и мануфактуръ-коллегія, въ вѣдѣніи которой были фабрики и заводы; военная коллегія и проч. Въ каждой коллегіи находилось четыре совѣтника, четыре ассесора или ихъ помощника, секретарь, а начальникомъ былъ президентъ коллегіи. Дѣла рѣшались по большинству голосовъ. Какъ здѣсь, такъ и въ другихъ случаяхъ, Петръ имѣлъ въ виду сборное, совѣщательное управленіе, гдѣ бы всѣ рѣшенія зависѣли отъ многихъ лицъ и одинъ могъ повѣрять другаго; но эти иноземныя учрежденія у насъ имѣли мало успѣха: между многими чиновниками, приставленными къ тому же дѣлу, происходили только вражда и рознь, и дѣла лишь путались и задерживались. Запутанность увеличивалась еще отъ того, что на службу было принято много иноземцевъ, особенно шведовъ и нѣмцевъ, которые совсѣмъ не знали русскихъ обычаевъ.

Не менѣе, чѣмъ о свѣтскомъ управленіи, Петръ заботился о духовномъ. Здѣсь особенно приняты были мѣры, чтобы ограничить власть духовныхъ лицъ, бывшихъ противниками нововведеній. Когда въ 1700 году патріархъ Адріанъ умеръ, то царь уже не назначалъ новаго патріарха, а завѣдывать дѣлами церковнаго управленія поручилъ одному изъ кіевскихъ ученыхъ, Стефану Яворскому. Петръ особенно дорожилъ учеными изъ кіевской духовной академіи и вообще изъ Западной Руси, потому что они, будучи образованными, могли понимать пользу его преобразованій. Таковъ былъ, кромѣ Стефана Яворскаго, ростовскій митрополитъ Дмитрій, особенно извѣстный своими обличеніями раскола; таковъ былъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, ближайшій помощникъ Петра при установленіи новыхъ порядковъ въ управленіи церковью. Вмѣсто патріаршей власти учрежденъ былъ *синодъ*, особая коллегія высшихъ духовныхъ лицъ, въ которой дѣла также рѣшались сообща, а не по приговору одного лица. Для этой коллегіи Ѳеофаномъ Прокоповичемъ написанъ и особый уставъ, извѣстный подъ именемъ *Духовнаго Регламента*. Въ немъ помѣщены не только правила управленія, но и многія разсужденія и обличенія противъ невѣжества, суевѣрія и изувѣрства. Такъ регламентъ осуждаетъ вымышленныя житія святыхъ и молитвословія, не признанныя церковью, суевѣрное поклоненіе Пятницѣ, обожаніе иконъ. Встарину думали, что не слѣдуетъ работать по пятницамъ, чтобы пятница не разгнѣвалась; въ церковныхъ ходахъ водили женщину съ распущенными волосами, которая собирала подаяніе на церковь, называясь пятницей. Случалось также, что священники, изъ угожденія народу,

служили молебны передъ дубомъ, а архіереи, чтобы помочь бѣднымъ церквамъ, дозволяли пріискивать явленныя иконы. Петръ строго наказывалъ за такія злоупотребленія. Однажды въ Петербургѣ какой то священникъ объявилъ, что у него на дому оказалась чудотворная икона. Петръ призвалъ его къ себѣ съ иконою и велѣлъ сотворить чудо; когда же никакого чуда не произошло, то священникъ лишенъ былъ сана и наказанъ кнутомъ. Вообще за вымышленное чудо рвали ноздри и ссылали въ каторгу. Синодъ вооружался также противъ того мнѣнія, что страданія пріятны Господу, и объяснялъ, что страданія за вѣру возможны были бы только тогда, когда бы правая вѣра преслѣдовалась. Чтобы дать правильное понятіе о вѣрѣ, въ регламентѣ предположено написать простымъ языкомъ три книжки: первая — объ ученіи вѣры, вторая — объ обязанностяхъ каждаго, и третья — выборъ изъ лучшихъ проповѣдей. Эти книги слѣдовало читать въ церквахъ. Архіереямъ предписано было устроить при своихъ домахъ школы для дѣтей священнослужителей; подавая собою примѣръ подвластнымъ, они должны были избѣгать всякой пышности и роскоши: не держать лишней прислуги, не заводить лишняго облаченія, не дозволять, чтобы ихъ водили подъ руки, или кланялись имъ въ ноги. Пріѣхавши въ какое либо мѣсто для суда, архіерей не долженъ былъ ходить къ кому либо въ гости, или принимать гостей, пока не дастъ управы. Ему предписано строго смотрѣть за своими слугами, чтобы они не «устремлялись на расхищеніе, какъ татары», и особенно слѣдить за поведеніемъ духовенства, преслѣдовать шатающихся монаховъ, кликушъ и тѣхъ, кто разносилъ ложные слухи о чудесахъ, о явленіи иконъ, мощей и проч. Регламентъ возстаетъ еще противъ всякихъ поборовъ духовенства и противъ нищенства. Петръ вообще не терпѣлъ ханжества, запрещая приносить свои иконы въ церкви, обвѣшивать образа монетами и другими вещами и проч. Если о ханжахъ, говорилъ онъ, особенно не говорится въ заповѣдяхъ, то потому, что они грѣшатъ противъ всѣхъ заповѣдей. Предлагая составить книгу, гдѣ бы толковалось, что существенно въ религіи и что сдѣлано только для чину и обряду, Петръ объясняетъ, что о вѣрѣ и любви у насъ мало что знаютъ или не прямо знаютъ, а о *надеждѣ* и не слыхали, потому что «всю надежду кладутъ на пѣніе церковное, на постъ, поклоны, свѣчи и ладонъ».

Въ раскольникахъ Петръ видѣлъ только людей, которые должны платиться за свое невѣжество. Они могли объявлять о себѣ и жить спокойно, платя лишь двойную подать. Въ случаѣ же укрывательства, они подвергались жестокимъ преслѣдованіямъ. Въ это время много ихъ скрывалось въ

скитахъ по сѣвернымъ лѣсамъ: когда команды тамъ отыскивали ихъ и приходили брать, то они нерѣдко запирались и сами себя сожигали. Требуя отъ всѣхъ службы, Петръ вообще каралъ всякаго, кто такъ или иначе отъ нея уклонялся. Замѣтивъ, что многіе, лишь разсчитывая на праздную жизнь, вступали въ духовное званіе, онъ ограничилъ число церквей и монастырей и уничтожилъ многія дарованныя имъ льготы. Рѣшено, напримѣръ, чтобы въ Москвѣ на 200 дворовъ было не болѣе одной церкви. Богатымъ людямъ было запрещено имѣть свои церкви, чтобы они не разнились отъ прочихъ христіанъ. Часть церковныхъ доходовъ шла на больныхъ и неимущихъ. Всѣ непостриженныя лица, жившія при монастыряхъ, исключены изъ нихъ и запрещено заводить новые монастыри и скиты. Военные не могли идти въ монахи безъ дозволенія властей; постригать дозволено не ранѣе 30, 40 лѣтъ. Родители уже не имѣли права, по обѣщанію, отдавать въ монастырь кого-либо изъ дѣтей своихъ; одинъ изъ супруговъ не могъ постригаться при жизни другаго. Обширныя вотчины, какими монастыри владѣли въ старину, отданы въ вѣдѣніе свѣтской власти на томъ основаніи, что инокамъ не слѣдъ заниматься мірскими дѣлами. Доходы съ этихъ вотчинъ теперь шли на богадѣльни, на школы и вообще на государственныя нужды, а монахамъ назначено жалованье по 10 рублей и по 10 четвертей хлѣба въ годъ. При этомъ они всетаки должны были трудиться. По монастырямъ распредѣлены увѣчные, больные и сироты, и монахамъ порученъ уходъ за ними, а монахинямъ—воспитаніе оставленныхъ безъ призрѣнія дѣтей. Въ концѣ своего царствованія Петръ передалъ монастырскія имѣнія въ вѣдѣніе синода. Ими опять стали управлять архіереи и другія духовныя лица. Но сущность дѣла отъ этого мало измѣнилась: на монастыри и духовныя власти по прежнему шло лишь опредѣленное жалованье изъ собираемыхъ доходовъ, а остальныя деньги доставлялись въ казну, и архіереи давали въ нихъ строгій отчетъ.

Изъ другихъ сословій купечество также получило свой особый уставъ. Чтобъ избавить купцовъ и ремесленниковъ отъ притѣсненія разныхъ властей, Петръ дозволилъ имъ имѣть свой судъ и выбирать бурмистровъ, которые завѣдывали ихъ дѣлами. Для управленія этими городскими сословіями служили особыя учрежденія, подъ названіемъ *магистратовъ*. Болѣе всего Петръ, конечно, заботился о войскѣ и флотѣ. При немъ въ первый разъ устроено правильное снабженіе войска припасами и учреждены запасные магазины, чтобы войско не зависѣло отъ подрядчиковъ, которые, въ случаѣ внезапныхъ требованій, возвышали цѣны. Въ этихъ магазинахъ хранились не только хлѣбъ, но и соленое мясо, крупа, вино для флота. Хлѣбъ закупали про запасъ по

дешевымъ цѣнамъ во время урожая. Всѣ должности въ войскѣ и обязанности службы указаны *воинскимъ уставомъ*, который въ главныхъ чертахъ сохранился и въ настоящихъ воинскихъ постановленіяхъ. Всего тогда было войска до 210,000 регулярнаго и около 109,000 иррегулярнаго. По представленію Петра, каждый, всѣми зависящими отъ него средствами, долженъ былъ служить государству, и тутъ не было льготы никому, несмотря ни на званіе, ни на состояніе. Въ этомъ отношеніи тяжелая доля обязанностей пала и на дворянство. Дворянинъ обязанъ былъ учиться, подготовляя себя къ военной или статской службѣ. Въ военной службѣ онъ проходилъ всѣ чины, начиная съ солдата. Чтобъ уменьшить число дворянъ, разсчитывавшихъ на праздную жизнь въ своихъ помѣстьяхъ, Петръ установилъ особый порядокъ наслѣдованія въ этомъ сословіи. Отецъ могъ завѣщать земли лишь одному изъ своихъ сыновей, подъ именемъ *майората*; остальные получали лишь деньги. Это сдѣлано и въ разсчетѣ, что въ богатыхъ помѣстьяхъ меньше будетъ утѣсненія крестьянамъ. Но майораты были чужды нашимъ нравамъ и скоро уничтожены. Вообще Петръ желалъ, чтобы люди пользовались почетомъ не по своему рожденію, а за свои способности и ревностную службу. Поэтому онъ открылъ каждому доступъ къ дворянству: стоило достигнуть извѣстнаго чина, и служащій становился дворяниномъ. Петръ издалъ *табель о рангахъ*, опредѣливъ ту лѣстницу чиновъ, которая существуетъ и до нынѣ. Какъ въ военной, такъ и статской службѣ считалось 14 классовъ, начиная съ прапорщика (фендрика) и регистратора до полнаго генерала и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Въ тогдашнее время подобныя отличія за службу имѣли свое значеніе. Ими Петръ возвышалъ людей болѣе или менѣе образованныхъ и преданныхъ его дѣлу. Особенно, въ виду непріязни русскаго общества къ новымъ людямъ, ему необходимо было поощрить ихъ. Но у насъ встарину уже привыкли смотрѣть на службу, лишь какъ на средство къ прокормленію, привыкли раболѣпствовать передъ всякою силой, не разбирая истиннаго достоинства человѣка. Чиновъ стали достигать разными происками, прислуживаньемъ, помогая сильнымъ людямъ наживаться и прикрывая ихъ плутни: чинъ въ этомъ случаѣ становился только вывѣской благонамѣренности для всякаго невѣжды и взяточника. Съ другой стороны въ необразованномъ обществѣ людей цѣнили только по внѣшнимъ отличіямъ и, съ неизбѣжной для всякаго лѣстницей чиновъ, еще болѣе утвердилась такая оцѣнка; какого ума и таланта ни былъ бы человѣкъ, сколько бы пользы ни приносилъ, онъ не заслуживалъ уваженія, если не имѣлъ извѣстнаго чина. О лицѣ не спрашивали: «что онъ сдѣлалъ хорошаго?» а «какое онъ имѣетъ званіе

и чинъ?» Вслѣдствіе этого каждый, смотря по чину, старался придать себѣ какъ можно болѣе важности и казаться недоступнымъ: и маленькій титулярный, въ своемъ кругу, охранялъ эту важность и недоступность, хотя и сгибался въ три дуги передъ своимъ начальникомъ. Чиновничье сословіе, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе замыкалось и удалялось въ обычаяхъ своей жизни отъ остальнаго народа. Этому содѣйствовалъ и бумажный способъ веденія дѣлъ, состоявшій въ безконечныхъ предписаніяхъ, отношеніяхъ, справкахъ. При такомъ способѣ можно было заводить многолѣтнюю переписку о несуществующихъ предметахъ, напримѣръ, о гибели припасовъ, которыхъ никогда и не было въ складахъ. По обычаю бумажнаго производства, рѣшали всѣ дѣла въ кабинетѣ, не спрашивая о пользахъ той или другой мѣстности, о нуждахъ народа.

Нѣмецкій строй, введенный Петромъ, болѣе касался лишь внѣшняго порядка: подъ названіемъ ландратовъ, коммисаровъ, губернаторовъ, на дѣлѣ оставались тѣже дьяки и воеводы. Людскіе нравы нельзя было измѣнить лишь перестановкою лицъ и перемѣною названій. Выборныхъ властей, за которыми, сохраняя свои выгоды, наблюдало бы все общество, на Руси уже почти не существовало; гдѣ онѣ еще оставались, какъ, напримѣръ, между казаками въ Малороссіи, онѣ служили не народу, а болѣе богатымъ владѣльцамъ, и Петръ стремился ихъ уничтожить. Для его цѣлей ему было необходимо, чтобы какъ можно болѣе власти сосредоточивалось въ рукахъ его. Однако онъ понималъ, что безъ содѣйствія общества онъ ничего не въ силахъ сдѣлать противъ злоупотребленій. Назначая многихъ лицъ смотрѣть за однимъ дѣломъ, онъ надѣялся вывѣдывать правду чрезъ ихъ столкновеніе. Кромѣ того онъ въ широкихъ размѣрахъ воспользовался для этого старымъ средствомъ—доносами. Доносили поставленные съ этою цѣлію фискалы; могъ доносить всякій, не объявляя своего имени, чрезъ *подметныя письма*, которыя отдавалъ первому караульному, или клалъ на видномъ мѣстѣ; въ церквахъ читали печатныя объявленія, чтобы всякій безъ боязни доносилъ, о чемъ знаетъ. Но, какъ мы уже замѣтили, умноженіе властей повело лишь къ замедленію и путаницѣ въ дѣлахъ и къ новымъ злоупотребленіямъ, а доносы лишь увеличили старинную страсть русскаго народа къ ябедамъ и кляузѣ. Самъ царь наконецъ такъ былъ утомленъ этимъ безконечнымъ ябедничествомъ, что сталъ наказывать доносчиковъ и велѣлъ сжигать, не читая, подметныя письма. Что онъ узнавалъ тѣмъ или другимъ способомъ, не могло внушить ему довѣрія къ новымъ властямъ, имъ установленнымъ. Тутъ оправдывалось то, что говорилъ тогдашній писатель Посошковъ, что «царь одинъ тянетъ въ гору, а десять подъ гору». Петръ узнавалъ, что нѣкоторые изъ сена-

торовъ сговаривались съ губернаторами и другими управляющими лицами, какъ въ томъ или другомъ дѣлѣ поживиться изъ казенныхъ доходовъ, — что члены коллегій также радѣли сильнымъ людямъ, — что дворяне и дьяки, посылаемые взимать подати, страшно раззоряли народъ, а бурмистры были «превеликіе воры», такъ какъ избирались одними богачами изъ купцевъ на обремененіе бѣдныхъ промышленниковъ, — что члены магистратовъ забирали всѣ торги въ свои руки, не давая мелкимъ торговцамъ никакого хода, и проч. Кромѣ этого, медленность въ исполненіи предписаній постоянно выводила Петра изъ терпѣнія. Онъ писалъ одному изъ приближенныхъ: «О деньгахъ дай знать сенату, потому что на него все возложено. Пропущеніе времени подобно невозвратной смерти.... Зѣло дивлюсь, что пишете, какъ старые судьи: «послано», а позабыли спросить: «дошло-ли?» Или уже у васъ вышла изъ души та клятва, которую недавно учинили?»

Видя, какъ дѣло его разрушается, Петръ съ тоюже страшной энергіей, съ какою боролся противъ Карла XII, ополчился противъ этихъ внутреннихъ враговъ. Для борьбы съ ними онъ не находилъ другихъ средствъ, кромѣ тѣхъ, какія были завѣщаны грубою стариною. Безпощадныя пытки и казни стали обыденнымъ зрѣлищемъ для толпы. Виновнымъ жгли языкъ, рѣзали уши и носъ, вырывали ноздри, отсѣкали члены. Кромѣ вѣшанія и разстрѣливанія, обыкновенными казнями были колесованіе, четвертованіе и проч. Считалось однимъ изъ слабыхъ наказаній, если публично били кнутомъ на площади и потомъ ссылали въ каторгу, чего не избѣгали и самыя высокопоставленныя лица. Петръ могъ не знать мѣры своему раздраженію, когда и такіе любимцы, какъ Меньшиковъ, оказывались расхитителями казны. Меньшикова Петръ обличалъ: «Ты мнѣ представляешь плутовъ, какъ честныхъ людей, а честныхъ людей плутами. Говорю тебѣ въ послѣдній разъ. Перемѣни свое поведеніе, если не хочешь большой бѣды». Въ другой разъ царь такъ о немъ отзывался: «Меньшиковъ въ беззаконіи зачатъ, во грѣхахъ родила мать его, и въ плутовствѣ скончаетъ животъ свой, и если онъ не исправится, то быть ему безъ головы». Но любимцевъ Петръ обыкновенно наказывалъ по домашнему: запирался съ ними въ своемъ кабинетѣ и училъ ихъ дубинкою. Меньшиковъ, на котораго насчитано до милліона рублей, вслѣдствіе того что онъ не различалъ своихъ денегъ отъ казенныхъ, царь простилъ за его великія заслуги, взыскавъ съ него лишь половину суммы. Другимъ приходилось платиться жизнію. Передъ самыми окнами сената, на Троицкой площади, повѣшенъ былъ сибирскій губернаторъ Гагаринъ. Этотъ

человѣкъ долгое время былъ въ большой милости у Петра за то, что умѣлъ приласкать и приспособить къ отысканію рудъ и къ другимъ полезнымъ трудамъ ссыльныхъ шведовъ, между которыми находилось много отличныхъ ремесленниковъ; но, управляя отдаленнымъ краемъ, онъ какъ то запутался въ нечистыхъ дѣлахъ съ купцами и уличенъ въ присвоеніи казенныхъ денегъ и товаровъ. Казалось, кому Петръ наиболѣе довѣрялъ, тѣ и подвергались наиболѣе жестокой казни въ случаѣ нарушенія довѣрія. Оберъ-фискалъ Нестеровъ усердно служилъ царю, раскрывая, по своей должности, разныя злоупотребленія, и подъ конецъ всетаки ограбилъ казну на 300,000 рублей. Его казнили на той же площади, на Петербургской сторонѣ, вмѣстѣ съ нѣсколькими изъ приближенныхъ ему совѣтниковъ и фискаловъ. Самъ Петръ смотрѣлъ на казни изъ оконъ сената. Для поученія, должны были при этомъ присутствовать всѣ приказные. Нестерову сначала раздробили колесомъ одну руку и ногу, потомъ другую руку и ногу, и наконецъ обезглавили. Онъ при этомъ не крикнулъ и ни въ чемъ не сознался, хотя его уличали собственныя письма. А другіе, въ жестокихъ пыткахъ, оговаривали невинныхъ людей, ложно брали на себя все, въ чемъ ихъ обвиняли. Всѣ эти жестокости Петра остались безплодны. Гдѣ нѣтъ сознанія чести, тамъ и страхъ не исправляетъ людей, а только заставляетъ ихъ быть осторожнѣе и хитрѣе, послѣ чего бороться со зломъ еще труднѣе.

ИЗМѢНЕНІЕ ОБЫЧАЕВЪ И ОБРАЗОВАНІЕ ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

Уже сближеніе съ иностранцами въ нѣмецкой слободѣ, дружба съ Лефортомъ привели Петра къ тому, что онъ привыкъ видѣть образецъ всякаго совершенства въ чужихъ странахъ. Если что и было хорошаго въ старинной русской жизни, то скрывалось подъ толстою корою невѣжества, суевѣрій, искажалось среди азіатской дикости нравовъ. Общество раболѣпныхъ бояръ и ихъ холопей, какимъ Петръ окруженъ былъ съ дѣтства, конечно, не могло указать ему этихъ хорошихъ сторонъ въ обычаяхъ, каковы, напримѣръ, были нѣкоторые изъ старинныхъ земскихъ порядковъ: устройство общины, участіе въ дѣлахъ выборныхъ судей, обычай отпускать на волю рабовъ и вообще примѣненіе нѣкоторыхъ христіанскихъ началъ къ жизни. Вокругъ себя онъ видѣлъ лишь глупое чванство, тупое исполненіе обряда, неподвижность, лѣнь и животную грубость въ развлеченіяхъ. Изъ поѣздки за границу онъ вернулся еще болѣе страстнымъ поклонникомъ всего чужеземнаго, и невѣжество русскаго общества еще рѣзче должно было поражать его. Къ

этому присоединилось и личное раздраженіе противъ приверженцевъ старины, пытавшихся въ его отсутствіе поднять смуту. Петръ со своей обычной горячностью напалъ на эту старину, желая скорѣе, хоть по наружному виду, сравнить Россію съ образованными государствами, и вмѣстѣ карая своихъ противниковъ. Прежде всего вооружился онъ противъ бороды и стариннаго платья. Сначала велѣлъ онъ сбрить бороды и одѣться въ нѣмецкое платье своимъ приближеннымъ и всему войску. Потомъ изданы указы, чтобы всѣ, исключая крестьянъ и духовенства, брились и носили венгерскіе и нѣмецкіе кафтаны и шапки. Женщинамъ тоже предписана иноземная одежда. Для образца выставлены были чучелы на видномъ мѣстѣ. По обычаю, ослушниковъ постигала жестокая кара. Впослѣдствіи и это обращено въ источникъ дохода: бороду дозволили носить съ уплатою большой пошлины. Брадобривцы, по понятію стариковъ, должны были идти въ геенну огненную; въ нѣмецкихъ кафтанахъ встарину у насъ изображали бѣсовъ. Понятно, какой ужасъ въ русскихъ людяхъ должны были возбуждать эти нововведенія. Уничтоженъ и другой, освященный стариною, обычай. Въ концѣ 17-го столѣтія Петръ приказалъ перенести празднованіе новаго года съ 1-го сентября на 1-ое января. Новый, 1700-ый годъ праздновали 1-го января, по иноземному: стрѣляли изъ пушекъ и пищалей, украшали дома елками, зажигали смоляныя бочки, и проч. Тогда же предписано не употреблять въ просьбахъ къ царю унизительныхъ названій, какъ это было прежде, что и бояре писали: «холопъ твой Ѳедька, Васька и проч.» Запрещено также падать, при встрѣчѣ съ царемъ, на колѣни, снимать передъ дворцемъ шапки. Петръ разсуждалъ такъ: «чѣмъ меньше униженія, тѣмъ больше усердія къ службѣ и вѣрности къ государству: въ этомъ для царя лучшая почесть». Встарину женщину у насъ держали взаперти; свадьба устраивалась по волѣ родителей, была обыкновеннымъ торгомъ между двумя семьями, по пословицѣ: «у васъ товаръ, у насъ купецъ.» Женихъ до самаго вѣнца не видѣлъ невѣсты: лишь его родители допускались на *смотрины*. Родители невѣсты часто сбывали свою дочь обманомъ. Обманывали также и на приданомъ. Отсюда происходили постоянныя ссоры и тяжбы въ старинныхъ семьяхъ. Петръ строго запретилъ браки по принужденію. Женихъ и невѣста должны были напередъ знакомиться; за шесть недѣль до свадьбы назначалось обрученіе, и послѣ этого свадьба могла еще разстроиться. Чтобы молодые люди обоихъ половъ сходились и знакомились, а также и пожилые могли бесѣдовать о дѣлахъ, Петръ установилъ особыя собранія, или *ассамблеи*. На асамблеяхъ, какъ и на свадьбахъ, всѣ должны были являться съ женами и дочерьми.

Въ одной изъ комнатъ танцовали, въ другой играли въ карты и шахматы, въ третьей устраивались фанты, въ четвертой курили и пили. Хозяинъ не смѣлъ ни встрѣчать, ни провожать, ни угощать посѣтителей: онъ только приготовлялъ для нихъ трубки, шахматы да чай и закуску на случай, если кто чего потребуетъ. Каждый уходилъ, когда хотѣлъ, не прощаясь. Собраніе продолжалось отъ 4 часовъ до 10. Изгоняя старинныя тяжелыя церемоніи, Петръ самъ написалъ уставъ для подобныхъ собраній и, часто посѣщая ихъ, слѣдилъ, чтобы все исполнялось по его приказу. Ослушный долженъ былъ выпить кубокъ Большаго Орла (огромный кубокъ): отъ этого наказанія не избавлялись и дамы. Женщины сначала дичились на ассамблеяхъ въ обществѣ мужчинъ, но вскорѣ очень ихъ полюбили. Вначалѣ тутъ еще рѣзко выступала старинная грубость нравовъ: гости напивались, кричали, бранились, лѣзли въ драку. Русскіе долго еще не могли научиться общежитію. Когда случалось иноземцу изъ учтивости посѣтить боярина, то этотъ его спрашивалъ: «Чего тебѣ надо? я отъ тебя ничего не требую».

Кромѣ этого принято было множество мѣръ для здоровья и безопасности, для порядка и благоустройства. По всѣмъ губерніямъ въ городахъ велѣно устроить госпитали для увѣчныхъ и престарѣлыхъ и дома, гдѣ бы принимали незаконнорожденныхъ дѣтей, поручая уходъ за ними опытнымъ женщинамъ. Заведены правильныя аптеки и, подъ угрозой смертной казни, запрещено незнающимъ людямъ лечить всякими снадобьями. За лекарями надзирало особое управленіе, подъ начальствомъ доктора Блументроста; но заведеній для приготовленія медиковъ у насъ еще не было, и лечили большею частію иностранцы, изъ которыхъ немногіе знали, какъ слѣдуетъ, свое дѣло. Встарину у насъ народъ тысячами погибалъ отъ моровой язвы и разныхъ заразительныхъ болѣзней. Петръ распорядился, чтобы губернаторы разъузнавали, гдѣ появится такая язва. То мѣсто огораживали заставами, задерживая каждаго проѣзжаго на шесть недѣль; письма на заставѣ переписывали и посылали въ копіи; дома, гдѣ были больные, сожигали, и т. д. На случай голода, отбирали хлѣбъ отъ помѣщиковъ и купцевъ и продавали его отъ казны, дозволяли также безпошлинный привозъ иноземнаго хлѣба. При Петрѣ устроены правильныя почты для сообщенія между городами и введена новая монета. До того времени былъ такой недостатокъ въ монетѣ, что старыя серебряныя деньги разламывали на двое, на трое, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вмѣсто мелкой монеты, пускали въ ходъ обрѣзки кожи. Петръ приказалъ чеканить золотые червонцы, серебрянные рубли, полтинники, чет-

вертаки, гривенники и мелкія мѣдныя деньги. Лишь съ этого времени началась у насъ хорошая, красивая чеканка монеты. Чтобы въ золотыхъ и серебрянныхъ вещахъ не было подмѣси и поддѣлки, установлена проба. Особыя лица изъ мастеровъ осматривали такія вещи и клеймили ихъ въ удостовѣреніе того, что въ нихъ дѣйствительно находится извѣстное количество серебра или золота. Петръ принялъ также особую заботу объ устройствѣ городовъ и селъ. Для безопасности отъ пожара, въ городахъ, особенно въ Москвѣ, приказано строить, по мѣрѣ силъ, каменные дома, съ фасадами на улицу, а кто не можетъ, то мазанки; вмѣсто деревянной мостовой, мостить улицы камнемъ; наблюдать, чтобы онѣ были достаточно широки и выведены по плану; въ деревняхъ дворамъ быть на разстояніи не менѣе пяти саженъ одинъ отъ другаго. Запрещено валить всякія нечистоты на улицы, или въ рѣку, продавать попорченное мясо и т. д. Мертвыхъ не дозволено хоронить въ городѣ при церквахъ, какъ это было прежде. Похороны должны были происходить не ранѣе трехъ дней послѣ смерти. Изданы законы противъ нищихъ, которыхъ кормила наша благочестивая старина. Они ходили такими толпами, что въ Москвѣ и солдаты подъ часъ не смѣли къ нимъ приступиться: ихъ велѣно хватать и молодыхъ отдавать на службу, а старыхъ и больныхъ въ богадѣльни; запрещено подавать милостыню, а кто хотѣлъ помогать, могъ жертвовать на богадѣльни. Петръ обращалъ вниманіе на всѣ мелочи: училъ, какъ опрятно содержать въ лавкахъ съѣстное, какъ снимать хлѣбъ косами вмѣсто серповъ, какъ приготовлять юфть, и проч.

Всѣми мѣрами онъ поощрялъ промыслы, открытіе новыхъ заводовъ и фабрикъ. Заботясь о флотѣ, онъ издавалъ много законовъ о сохраненіи лѣсовъ. Никто не смѣлъ рубить и въ своихъ имѣніяхъ заповѣдныя деревья: большія мачтовыя сосны, дубъ, кленъ, вязъ, липу. Такія распоряженія сдѣланы были для лѣсовъ С. Петербургской, Нижегородской и Казанской губерній; въ С. Петербургской рубили лѣсъ лишь въ случаѣ недостатка дровъ въ Петербургѣ. Петръ думалъ о разведеніи садовъ и виноградниковъ въ Астрахани и другихъ теплыхъ мѣстахъ: для улучшенія винодѣлія выписывались французскія лозы. Въ кавказскихъ областяхъ, вновь пріобрѣтенныхъ отъ Персіи, дѣлали опытъ и разведенія шелковицы. Каждому дозволено устраивать винокуренные заводы съ платежемъ извѣстной пошлины въ казну. Начато устройство и сахарныхъ заводовъ, для которыхъ сахаръ-сырецъ дозволено выписывать безпошлинно изъ за границы. Въ южныхъ губерніяхъ заведены конскіе заводы, для которыхъ выписаны жеребцы изъ Пруссіи и Силезіи, и также вызваны изъ за границы опытные

овцеводы: всѣ значительные землевладѣльцы, хотѣли или не хотѣли, обязывались разводить овецъ, которыхъ шерсть шла лишь на русскія фабрики и не допускалась къ вывозу за границу. Особенное вниманіе царь обратилъ на добываніе руды. Губернаторамъ предписано вездѣ разыскивать руду; помѣщикъ, на чьей землѣ она встрѣчалась, если самъ ея не разработывалъ, обязанъ былъ уступить право на ея разработку всякому, кто бы принялся за это дѣло, и могъ только пользоваться частью дохода. Тогда устроились олонецкіе, тульскіе, уральскіе заводы, къ которымъ приписывались и земли съ крестьянами. Изъ металловъ золото, серебро, мѣдь должны были продаваться только въ казну. Кузнечному и горному дѣлу учили преимущественно плѣнные шведы. Тульскіе заводы уже доставляли ружей, пистолетовъ, копій на 30,000 рублей въ годъ. Изъ тульскихъ крестьянъ особенно отличился своимъ искуствомъ Никита Демидовъ. Онъ взялъ въ свое распоряженіе уральскіе заводы и очень разбогатѣлъ, доставляя желѣзо въ казну и продавая его частнымъ лицамъ. При Петрѣ открывались еще фабрики для добыванія красокъ, купороснаго масла, писчебумажная (на Дудеровой горѣ, близь Петербурга), зеркальная (въ Кіевѣ); сдѣланы большія улучшенія въ кожевенномъ производствѣ. Чтобы научиться выдѣлкѣ юфти по новому способу, съ ворваннымъ саломъ, вмѣсто дегтю, приказано было посылать мастеровъ въ Москву. Назначенъ былъ срокъ, послѣ котораго грозила каторга тому, кто станетъ выдѣлывать юфть по старому способу. Но главною заботою царя, послѣ руднаго дѣла, было устройство полотняныхъ и суконныхъ фабрикъ. Между полотняными фабриками, открытыми въ Москвѣ, особенно извѣстна фабрика иностранца Тиммермана, у котораго работало и много русскихъ, отданныхъ для обученія мастерству. Суконныя фабрики, заведенныя въ Москвѣ и Казани, доставляли прежде всего сукно для войскъ, но всетаки не въ такомъ количествѣ, чтобы его не приходилось выписывать изъ за границы. Подъ руководствомъ французскихъ мастеровъ, въ Москвѣ открыты и фабрики шелковыхъ матерій: парчей, лентъ, штофныхъ тканей, и проч. Вообще при Петрѣ открыто до 200 заводовъ и фабрикъ. Всѣ эти заводы и фабрики пользовались большими преимуществами. Если это было нужно, они выписывали изъ за границы безпошлинно матеріалъ для обработки: шерсть, шелкъ-сырецъ, и проч. Напротивъ былъ совсѣмъ запрещенъ ввозъ предметовъ, которые могли бы соперничать съ ихъ издѣліями: такъ запрещался ввозъ суконъ, шелковыхъ матерій, полотенъ, кромѣ самыхъ дорогихъ и тонкихъ; эти товары допускались въ Россію лишь въ томъ случаѣ, когда русскія фабрики совсѣмъ не могли доставить

ихъ въ нужномъ количествѣ. Кромѣ того, при заведенiи фабрикъ, предпринимателямъ давалась помощь отъ правительства: такъ устроители суконной фабрики въ Москвѣ получили впередъ 30000 рублей и могли уплачивать въ казну товаромъ. Они получали дворы во владѣнiе, избавлялись отъ общественныхъ должностей, могли прiобрѣтать земли, людей, что дозволялось только дворянамъ. Имъ давали привилегiи лѣтъ на 30, на 50, по которымъ казна обезпечивала сбытъ ихъ товаровъ, при чемъ они были обязаны доставлять товаръ въ казну, прежде чѣмъ продавать на сторону. Извѣстное число лѣтъ имъ также дозволено было торговать безпошлинно. Наконецъ они держали у себя учениковъ изъ русскихъ, которымъ, конечно, ничего не платили.

Что касается торговли, то съ чужими землями она происходила водою черезъ Архангельскiй и С. Петербургскiй порты и сухимъ путемъ черезъ Польшу и Малороссiю. Болѣе всего Петръ желалъ возвысить Петербургъ, и думалъ устроить такъ, чтобы чрезъ него шли всѣ главные товары за границу. Но по настоянiю купцовъ рѣшено отправлять въ каждый портъ товары изъ ближайшихъ мѣстностей. Въ 1724 году Петербургъ посѣтило уже 240 иностранныхъ кораблей, а Ригу—303 кор. Мы уже знаемъ, какимъ ограниченiямъ подвергалась внѣшняя торговля вслѣдствiе заботы царя возвысить наши фабрики. Хлѣбъ отпускали за границу лишь въ случаѣ урожая. Во внутренней торговлѣ еще далеко не были уничтожены прежнiя стѣсненiя. Каждый могъ торговать, объявляя свое имя, и строго было запрещено вести торговлю подъ чужимъ именемъ. Но по прежнему купечество обложено было значительными пошлинами. По прежнему многiе товары продавались отъ казны. Сюда относятся: смола, поташъ, пенька, табакъ, соль, селитра, мѣха и другiе сибирскiе товары. Многiе предметы торговли, какъ и сборъ пошлинъ, отдавались на откупъ. Чтобы облегчить торговыя сношенiя Петербурга съ другими частями имперiи, царь задумалъ прорыть Ладожскiй каналъ. Къ концу его царствованiя эта работа значительно подвинулась, благодаря особенно распорядительности иностранца Миниха. Какъ для торговли, такъ и для устройства фабрикъ, Петръ много заботился о союзѣ между купцами и вообще денежными людьми, о составленiи такъ называемыхъ компанствъ, или компанiй. Случалось, что и насильно тянули въ компанiю нежелающихъ. Петръ разсуждалъ такъ: «Нашъ народъ, какъ дѣти, никогда за азбуку не примутся, если мастеръ ихъ не приневолитъ: это сперва, можетъ, и досадно покажется, а послѣ поблагодарятъ.» Такими принужденiями Петръ, конечно, достигалъ своей цѣли;

но съ другой стороны они надолго пріучили русскихъ людей всего ожидать отъ правительства и ничего не дѣлать для общей пользы по собственному начинанію. Многія изъ преобразованій, касавшіяся болѣе внѣшности, какъ, напримѣръ, измѣненіе одежды и другихъ обычаевъ, могли бы, на сколько они были полезны, постепенно привиться и безъ принудительныхъ мѣръ. Тутъ больше дѣйствовали примѣръ, сознаніе пользы, осмѣяніе невѣжественнаго упорства. Но разомъ одѣвшись въ нѣмецкіе кафтаны и устроивши всю жизнь по иноземному, русскіе уже думали, что сдѣлались образованными европейцами, между тѣмъ въ нихъ оставалась прежняя грубость нравовъ. Глупое пристрастіе къ модѣ, къ внѣшнему блеску долгое время было главнымъ отличіемъ нашего полуобразованнаго общества. Однако Петръ сдѣлалъ многое, чтобы противодѣйствовать и этому злу невѣжества, хотя въ своихъ заботахъ объ образованіи онъ имѣлъ преимущественно практическія цѣли.

До Петра у насъ печатались лишь книги священнаго писанія, да и то въ маломъ числѣ, а при немъ явились свѣтскія сочиненія, особенно руководства по разнымъ наукамъ. Для этихъ сочиненій царь придумалъ и особую азбуку *гражданской печати* въ отличіе отъ той, какою печатались церковныя книги. Въ этой гражданской азбукѣ тѣ же греческія начертанія буквъ получили болѣе округленный видъ, по образцу латынскаго шрифта. Такимъ образомъ свѣтское знаніе въ печати отдѣлилось отъ духовнаго; а прежде дѣло науки смѣшивали съ дѣломъ религіи, и если, напримѣръ, узнавали что нибудь о теченіи звѣздъ на небѣ, то сейчасъ спрашивали, такъ ли объ этомъ говорится въ священныхъ книгахъ. Петръ самъ выбиралъ книги для перевода съ иноземныхъ языковъ и часто самъ исправлялъ ихъ, требуя чтобы писали просто, какъ говорятъ, безъ славянскаго витійства. «Позаботиться о томъ, наставлялъ онъ, чтобы внятнѣе перевести, а особливо тѣ мѣста, которыя учатъ, какъ дѣлать, и не слѣдуетъ отъ рѣчи хранить въ переводѣ, но, только выразумѣвъ ея смыслъ, уже на своемъ языкѣ писать такъ, какъ внятнѣе». Въ нѣмецкомъ приказывалъ онъ опускать пустыя распространенія, которыми наполняютъ книгу лишь для того, «чтобы она казалась толстою». Онъ также хотѣлъ, чтобы русскіе люди знали, что дѣлается въ чужихъ земляхъ и что самъ онъ дѣлаетъ и даже замышляетъ. Для этого стали издавать первую у насъ газету: «Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ знанія и памяти». Тутъ извѣщали о томъ, что предпринимаютъ иноземныя державы, о побѣдахъ русскаго войска, о постройкахъ и праздникахъ въ Петербургѣ, и проч. Заботясь объ изданіи книгъ, Петръ

сначала учредилъ русскую типографію въ Голландіи, гдѣ печатались свѣтскія книги на славянскомъ и греческомъ языкахъ и потомъ отсылались для продажи въ Россію. Дѣломъ этимъ заправлялъ нѣкто Копіевскій. Онъ издалъ «Грамматику русскаго и латынскаго языка, Разговоры на трехъ языкахъ: русскомъ, латынскомъ и нѣмецкомъ; Книгу, учащую морскаго плаванія; Руководеніе въ ариѳметику» и проч. Въ Россіи занимались переводами иностранныхъ сочиненій преимущественно ученые изъ кіевской академіи. Такъ Гавріилъ Бужинскій перевелъ съ латынскаго «Введеніе во всеобщую исторію Пуффендорфа.» Царь предпринялъ еще «Описаніе шведской войны», причемъ или самъ записывалъ изъ года въ годъ всѣ событія, или поручалъ это дѣло приближеннымъ. Издавались тогда и календари, въ которыхъ, по обычаю времени, помѣщались предсказанія о погодѣ, о счастливыхъ и несчастныхъ дняхъ, и проч. Учить обращенію съ людьми должна была книга: «Юности честное зерцало, или показаніе житейскаго хожденія.» Много печаталось также привѣтственныхъ и поздравительныхъ рѣчей, гдѣ восхвалялись дѣла Петра Великаго: такими рѣчами прославился особенно Ѳеофанъ Прокоповичъ. По совѣту нѣмецкаго ученаго, Лейбница, царь приказалъ присылать изъ монастырей старинныя лѣтописи и другія рукописи, чтобы ихъ переписывать и сохранять отъ порчи. Онъ посылалъ также ученыхъ собирать рѣдкости, изучать и описывать отдаленныя края Россіи. Ученики основанной имъ Морской Академіи дѣлали по всей Россіи съемки мѣстностей, и по этимъ съемкамъ, уже послѣ смерти царя, составлена карта Россіи. Изъ ученыхъ, посланныхъ Петромъ, нѣкоторые изслѣдовали и описали Сибирь, а знаменитый Берингъ проѣхалъ чрезъ проливъ, который и названъ по его имени *Беринговымъ*.

Не менѣе занимало Петра устройство школъ. Изъ нихъ въ Москвѣ были замѣчательны *Математическая и Навигаціонная* школа. Въ Математической учили вообще наукамъ, которыя подготовляли къ морской и военной службѣ, въ Навигаціонной—преимущественно мореплаванію. Кончившіе курсъ въ этихъ заведеніяхъ переходили въ *Морскую Академію* въ Петербургѣ. Здѣсь преподавали геометрію (землемѣріе), фортификацію (какъ дѣлать укрѣпленія), навигацію (мореплаваніе), артиллерію, географію, рисованіе, и проч. Кромѣ того въ Петербургѣ открыта *Инженерная школа.* Для обученія дворянъ, въ каждомъ губернскомъ городѣ устроена школа при архіерейскомъ домѣ. Въ эти школы посылали учителями кончившихъ образованіе въ Математической школѣ. Всѣ дворяне обязаны были отдавать имъ дѣтей своихъ для обученія грамотѣ, цыфири и геометріи. Кто на эк-

заменѣ не получалъ свидѣтельства о знаніи этихъ предметовъ, тому не давали разрѣшенія жениться. Петръ пытался и при церковныхъ домахъ устроить школы для подъячихъ и людей всякаго званія; но его приказанія плохо исполнялись. Духовенство имѣло свои школы. Для него открыты *семинаріи* по образцу тѣхъ, какія были въ Малороссіи и Западной Руси. Учащіеся постоянно жили въ семинаріи; но предписано было устраивать для нихъ нѣкоторыя развлеченія: прогулки, музыку, диспуты, или пренія, театральныя представленія (изъ духовныхъ драмъ) и разныя чтенія. Высшими заведеніями служили *Духовныя Академіи.* Въ одну изъ поѣздокъ своихъ за границу, Петръ познакомился съ нѣмецкимъ ученымъ, знаменитымъ въ то время, Лейбницемъ. Онъ часто съ нимъ бесѣдовалъ, дивясь его уму, и впослѣдствіи постоянно съ нимъ переписывался. Лейбницъ, не оставляя Германіи, всетаки считался на службѣ въ Россіи и получалъ отъ царя до 1000 талеровъ жалованья. Онъ постоянно посылалъ Петру или кому нибудь изъ его приближенныхъ проэкты и предположенія о разныхъ новыхъ учрежденіяхъ въ Россіи. Такъ полагаютъ, что, по его совѣту, устроены коллегіи, введена табель о рангахъ, предприняты съемки и ученыя путешествія, и проч. По его же мысли, Петръ задумалъ устроить высшее заведеніе для приготовленія ученыхъ людей, *Академію наукъ.* Въ Академіи слѣдовало обучать тѣхъ, которые уже кончили курсъ въ другихъ заведеніяхъ; изъ наукъ предположено ввести: математику, астрономію, географію, механику, навигацію, анатомію, физику, химію, ботанику, элоквенцію (краснорѣчіе), права, политику, и проч. Мы видимъ, что и здѣсь Петръ болѣе всего имѣлъ въ виду науки, пригодныя въ самой жизни: для войска, для флота, для фабрикъ, и проч. Академія наукъ открыта уже послѣ его смерти; но Петръ собралъ для нея отличную библіотеку и кунсткамеру, или кабинетъ рѣдкостей. Тутъ собраны были всякія звѣри, птицы, рыбы, человѣческіе зародыши въ банкахъ со спиртомъ, всякіе уроды, и проч. Не одинъ десятокъ тысячъ потраченъ на покупку этихъ вещей за границею. Особымъ указомъ было также предписано посылать со всей Россіи различныя диковинки въ Петербургъ: необыкновенныя каменья, окаменѣлости, древнюю отрытую посуду, птичьихъ, звѣриныхъ и человѣческихъ уродовъ. Объ уродахъ сказано: «Невѣжды таятъ ихъ, думая, что такіе уроды родятся отъ дѣйствія дьявольскаго, чему быть невозможно, ибо одинъ творецъ всея твари Богъ, а не дьяволъ; но отъ поврежденія внутренняго бываетъ.»

Эти заботы объ образованіи народа, вмѣстѣ съ устройствомъ флота и войска, составляютъ лучшую сторону дѣятельности Петра. Онъ

имѣлъ основаніе говорить, какъ высказался въ одной рѣчи при спускѣ корабля: «Никому изъ васъ, братцы, лѣтъ 30 назадъ и во снѣ не снилось, что мы будемъ здѣсь плотничать, носить нѣмецкую одежду, построимъ городъ на завоеванной нами землѣ, доживемъ до того, что увидимъ и русскихъ храбрыхъ солдатъ, и матросовъ, и множество иноземныхъ художниковъ и своихъ сыновей, воротившихся смышлеными изъ чужихъ краевъ,—доживемъ до того, что меня и васъ станутъ уважать иноземные государи. По исторіи, науки начались въ Греціи, а оттуда перешли въ Италію, а потомъ распространились и по всей Европѣ. А теперь очередь до насъ; науки перейдутъ къ намъ, чтобы опять вернуться въ Грецію. Будемъ надѣяться, что еще на нашемъ вѣку мы пристыдимъ другія образованныя страны и высоко прославимъ русское имя.» И лучшіе изъ птенцовъ Петра понимали эти слова и гордились этою славой. Одинъ изъ болѣе честныхъ и дѣятельныхъ людей того времени, Неплюевъ назначенъ былъ резидентомъ въ Константинополь. Когда онъ благодарилъ царя за отличіе, Петръ сказалъ ему: «Не кланяйся, братецъ; я вамъ отъ Бога приставникъ, а должность моя смотрѣть, чтобы недостойному не дать, а у достойнаго не отнять. Если будешь хорошъ, не мнѣ, а болѣе себѣ и отечеству добро сдѣлаешь, а будешь худъ, такъ я истецъ, потому что Богъ за всѣхъ васъ отъ меня потребуетъ, чтобы злому и глупому не дать мѣста вредъ дѣлать». Узнавши въ Константинополѣ о смерти Петра, Неплюевъ былъ безъ памяти отъ горести и потомъ такъ отзывался объ этомъ государѣ: «Сей монархъ наше отечество привелъ въ сравненіе съ прочими государствами, научилъ узнавать, что и мы люди; на что въ Россіи ни взгляни, все началомъ его имѣетъ, и чтобы впередъ ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ». Слова Неплюева, конечно, могутъ быть приняты лишь со многими ограниченіями; но энергія и послѣдовательность въ преобразованіяхъ, какъ они могли быть поняты въ тогдашнее время, высокій идеалъ не военной только силы, а и нравственнаго могущества народа, могущества науки, составляютъ, помимо генія, такія черты въ характерѣ Петра, которыя всегда будутъ достойны подражанія.

ПОЛОЖЕНІЕ НАРОДА ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.—ПОСОШКОВЪ.

Преобразованія, начатыя Петромъ, стоили большихъ жертвъ народу. Эти жертвы ложились на всѣ сословія, но всего болѣе на кре-

стьянъ. Отъ сельскихъ общинъ, во первыхъ, постоянно требовали рабочихъ, которые нужны были при постройкѣ многочисленныхъ укрѣпленій на границѣ, и въ Петербургѣ, въ губерніяхъ Азовской, Кіевской, Воронежской,—при постоянномъ, усиленномъ судостроеніи близъ Воронежа, въ Московской губерніи, гдѣ приготовляли суда для сплава казенныхъ запасовъ, въ Архангельскѣ, въ Олонцѣ, въ Петербургѣ. Въ Казанской губерніи поселяли плотниковъ и пильщиковъ, чтобы готовить запасы для флота. Многочисленные плотники, каменьщики и всякіе другіе ремесленники были собираемы со всей Россіи для поселенія въ Петербургѣ. Въ продолженіи многихъ лѣтъ въ Петербургъ высылали до 40000 рабочихъ ежегодно; при этомъ взыскивали съ народа деньги и на ихъ содержаніе. Обыкновенно брали по одному рабочему съ извѣстнаго числа дворовъ; но отъ дурнаго содержанія, отъ различныхъ притѣсненій, отъ непривычки къ новымъ, труднымъ работамъ, многіе изъ нихъ разбѣгались или умирали, и общины должны были постоянно возобновлять недостающее число. Число бѣглыхъ наконецъ такъ увеличилось, что царь нашелъ болѣе удобнымъ, вмѣсто обязательной высылки рабочихъ, обложить общины извѣстною податью, а работы производить по найму, черезъ подрядчиковъ. Другою повинностью была рекрутчина. По причинѣ постоянныхъ войнъ и трудныхъ походовъ, при Петрѣ особенно часто происходили рекрутскіе наборы. Брали съ 50 и даже съ 20 дворовъ по рекруту; на ихъ содержаніе собирали деньги съ помѣщиковъ, общинъ и торговыхъ людей. При громадномъ количествѣ бѣглыхъ и умирающихъ, и здѣсь приходилось пополнять постоянный недочетъ въ арміи. Царь изобрѣталъ все новые способы для увеличенія войска. Бѣжавшіе отъ помѣщиковъ не выдавались, если шли въ солдаты; принимали воровъ и бездомныхъ бродягъ; брали въ рекруты изъ дворовыхъ и работниковъ, служившихъ у купцовъ, изъ дѣтей духовенства, изъ ямщиковъ, изъ приказныхъ и подъячихъ. Для флота выбирали матросовъ изъ людей, которые въ сѣверномъ краѣ занимались промыслами на морѣ и на озерахъ. Громадныя издержки на флотъ и сухопутное войско требовали все новыхъ налоговъ. Царь особенно награждалъ людей, умѣвшихъ увеличить казенные доходы. Придумывали для этого всевозможные способы. Для просьбъ, для всякихъ дѣлъ съ казною, стали продавать клейменую (гербовую) бумагу; обложили пошлинами и всякія записи, договоры, условія, сдѣлки. Казна получала значительныя деньги, продавая отъ себя вино, соль, табакъ. Многіе предметы промысловъ и торговли отдавались на откупъ. Такъ отдавались съ торговъ рыбныя ловли, постоялые дворы, торговыя пристани, мельницы, мосты,

перевозы, пчельники, бани. Если же и дозволяли этимъ дѣломъ промышлять каждому, то не иначе, какъ съ уплатою пошлинъ. Въ Москвѣ устроены были заставы, гдѣ брали со всякаго воза небольшую пошлину. Мастеровые, плотники, каменьщики, хлѣбники платили по 2 гривны. Налогъ на бороды состоялъ въ слѣдующемъ: со служилыхъ, торговыхъ и посадскихъ брали по 60 руб. въ годъ, съ богатыхъ купцовъ—по 100 руб., съ боярскихъ людей и ямщиковъ—30 руб., съ крестьянъ—по 2 деньги лишь при каждомъ въѣздѣ и выѣздѣ изъ города. Царь придумалъ и подать на дубовые гробы, которые продавались вчетверо дороже противъ обыкновенной цѣны. Были и разныя мелкія повинности. Такъ каждый пріѣзжавшій въ Москву крестьянинъ долженъ былъ привезти съ собою и сложить у заставы три камня для мостовыхъ и построекъ. На болѣе богатыхъ купцахъ и помѣщикахъ лежала особая повинность—строиться въ Петербургѣ. Сначала они обязаны были строить себѣ дома на Петербургской и по лѣвому берегу Невы (по нынѣшней Милліонной), а потомъ на Васильевскомъ островѣ. Строившіе должны были заготовлять и извѣстное количество кирпичей. Кромѣ всего этого своимъ чередомъ шла съ дворовъ обыкновенная подать на содержаніе войска и другія государственныя нужды. Эту подать взимали по старымъ переписнымъ книгамъ, въ которыхъ значились дворы, уже давно не существовавшіе. Помѣщикъ долженъ былъ иногда платить за 100 дворовъ, когда у него было не болѣе 50. Взыскивая деньги съ крестьянъ, онъ доводилъ ихъ до совершеннаго раззоренія, и они у него разбѣгались. Послѣ этого и самъ онъ спасался бѣгствомъ, боясь отвѣтственности за невысланныя деньги. Напротивъ богатые помѣщики укрывали настоящее число дворовъ и платили меньше. Тогда Петръ приказалъ сдѣлать новую перепись народа и завести метрическія книги. Къ концу царствованія послѣ сдѣланной ревизіи, онъ приказалъ брать, вмѣсто прежней подворной, *подушную подать*: съ каждой ревизской души по 80 копѣекъ. Купцы, не учавствуя въ рекрутской повинности, вносили, кромѣ другихъ податей, по 100 рублей за каждаго рекрута, котораго, по разсчету, пришлось бы имъ поставить. Новые порядки не поправили дѣла: помѣщики укрывали число людей, какъ прежде дворы; изъ того, что чиновники собирали съ народа, и третьей части не попадало въ казну. Недоимки все болѣе возрастали: обыкновенно казна получала не болѣе половины того, что предполагала получить по росписи доходовъ. Кто не могъ заплатить, отработывалъ свой долгъ въ Петербургѣ или въ другомъ мѣстѣ. Все это давало поводъ враждебнымъ Петру людямъ толковать: «Съ тѣхъ поръ, какъ Богъ напустилъ этого

царя на царство, мы и свѣтлыхъ дней не видали: все рубли да полтины, да подводы. Это міроѣдъ—весь міръ переѣлъ, переводитъ добрыя головы, а на него кутилку и переводу нѣтъ.» А одинъ попъ, искажая новый титулъ государя, объяснялъ: «Имперетеръ, потому что людей перетеръ.»

Но какъ ни тягостны были всѣ указанныя нами повинности, большая часть изъ нихъ устанавливалась временно и при томъ для возвышенія государства, для распространенія науки. Гдѣ возможно, Петръ облегчалъ эти тягости, прощая недоимки за многіе годы. Конечно, нѣкоторыя изъ придуманныхъ имъ податей и повинностей могли быть очень стѣснительными и вредными для промышленности и торговли; но надо помнить, что въ то время еще не знали другихъ средствъ получать деньги, какъ, напримѣръ, нынѣ, путемъ кредита. Надо удивлятся, какъ могъ Петръ сдѣлать такъ много, имѣя съ государства доходу около 3 милл. рублей, а въ послѣдній годъ царствованія лишь 10 милліоновъ рублей на тогдашнія деньги. Важнѣе то обстоятельство, что исполнители воли Петра страшно злоупотребляли своею властію, и съ этимъ стариннымъ зломъ царю было трудно бороться. Раскрывались такія дѣла. Рабочихъ и рекрутовъ, при пересылкѣ, держали въ кандалахъ, по острогамъ, часто безъ обуви и безъ пищи. Присвоивали себѣ назначенныя на нихъ кормовыя и пересылочныя деньги, и, гдѣ нужно было везти ихъ на подводахъ, гнали ихъ пѣшими. Тоже видимъ при сборѣ податей, при воинскихъ постояхъ. Различныя власти имѣли свой судъ, свои канцеляріи, своихъ служителей, и всѣ думали о наживѣ, укрывая грабителей, вымогая, что можно было взять, всякимъ обманомъ. Петру не разъ приходилось издавать такіе указы: «Извѣстно учинилось, что возрастаютъ на всенародную тягость великія неправды и грабительства, и тѣмъ многихъ чиновъ люди, а особенно крестьяне, приходятъ въ раззореніе и бѣдность... то чтобы не дерзали никакихъ казенныхъ посуловъ и съ народа сбираемыхъ денегъ брать торгомъ, подрядомъ и прочими вымыслами. Кто это сдѣлаетъ, будетъ весьма жестоко на тѣлѣ наказанъ, всего имѣнія лишенъ, шельмованъ и смертью казненъ.»

Понятно, что при всѣхъ этихъ обстоятельствахъ число бѣглыхъ должно было увеличиваться, хотя многіе бѣжали въ скиты и отъ грѣха, какой видѣли во всякой новизнѣ, многіе скрывались и отъ обычной русскому человѣку лѣни. Такъ однажды изъ Москвы и изъ другихъ мѣстъ бѣжало до 20000 человѣкъ рекрутъ и рабочихъ. Кромѣ раскольниковъ, бѣглые находили пріютъ въ Польшѣ, или у малороссійскихъ и донскихъ казаковъ; но нерѣдко они собирались въ большія

разбойничьи шайки въ 200 и болѣе человѣкъ и свирѣпствовали около Москвы, въ Петербургской губерніи (гдѣ однажды собралась шайка въ 9000 человѣкъ), на псковской границѣ и на всемъ пространствѣ отъ Пскова до Ярославля. Они нападали на усадьбы, жгли и грабили безъ пощады. Такъ въ названныхъ нами мѣстахъ раззорено около 100,000 дворовъ. Бѣглыхъ жестоко наказывали, ссылали на каторгу, обѣщали имъ прощеніе, если возвратятся: все это мало помогало. Однако внутри Россіи дѣло ограничивалось разбоями: здѣсь хотя и недостаточно было войскъ, чтобы изловить всѣхъ разбойниковъ, но довольно, чтобы не допустить народъ до возмущенія. Не то происходило на окраинахъ, въ Астрахани и на Дону. Въ Астрахани началась смута въ 1705-мъ году вслѣдствіе толковъ заѣзжихъ купцовъ и стрѣльцовъ. Говорили, что въ Казани по дворамъ безчинствуютъ нѣмцы, оскорбляя женщинъ, что этихъ нѣмцевъ нашлютъ и въ Астрахань, и выдадутъ за нихъ всѣхъ астраханскихъ дѣвицъ. Въ испугѣ астраханцы въ одинъ день сыграли сто свадебъ. Они пугались также *кумірскихъ боговъ*, какіе заводятъ нѣмцы и подражавшіе имъ русскіе. Велѣно розыскать, что это за кумірскіе боги, и оказалось, что это болваны, на которыхъ расправляютъ и сохраняютъ парики для сбереженія. Но главнымъ виновникомъ зла былъ воевода Ржевскій. Вводя новые обычаи, онъ жестоко притѣснялъ и оскорблялъ народъ. Обрѣзывали полы платья тѣмъ, кто входилъ въ церковь въ старинной одеждѣ; вырывали щипцами бороды съ мясомъ. Астраханцы жаловались: «Съ насъ берутъ по рублю банныя деньги, съ погребовъ со всякой сажени по гривнѣ, завели причальныя и отвальныя пошлины. Привези хворосту въ лодкѣ хоть на шесть денегъ, а привальнаго заплати гривну.» Народъ наконецъ не вынесъ: ночью ворвался въ кремль и убилъ Ржевскаго вмѣстѣ съ нѣсколькими нѣмцами. Подъ руководствомъ ярославскаго купца Носова, астраханцы устроили у себя казацкое управленіе; къ нимъ присоединились жители Чернаго и Краснаго Яра на Волгѣ. Петръ послалъ противъ нихъ Шереметьева съ войскомъ. Этотъ осадилъ Астрахань и вступилъ въ переговоры съ мятежниками, обѣщая имъ прощеніе, если покорятся. Одинъ изъ приближенныхъ царя писалъ по этому случаю: «Довольно я съ ними толковалъ; всѣ кажутся вѣрны и мужики добрые; а намъ лучшіе воры немного вѣрятъ, только и въ насъ не безъ воровъ бывало». Астраханцы упорствовали, пока Шереметьевъ не началъ стрѣлять въ городъ ядрами. Тутъ они покорились, и болѣе 350 человѣкъ изъ нихъ казнены или погибли въ тюрьмахъ. Другое возмущеніе, на Дону, произошло въ 1707-мъ году. Уже давно въ сѣверной части Дон-

ской области, по рѣкамъ Медвѣдицѣ, Хопру, Донцу, селились бѣглые изъ московскаго государства. При Петрѣ эти поселки стали особенно людными. Жители ихъ называли себя казаками, подчинялись казацкому управленію въ Черкасахъ, но отличались отъ болѣе зажиточныхъ и знатныхъ казаковъ тѣмъ, что всегда готовы были враждовать съ Москвою. Въ 1707-мъ году Петръ отправилъ на Донъ Юрія Долгорукаго разыскивать въ этихъ городкахъ бѣглыхъ. Казацкіе старшины приняли его съ честью и дали ему провожатыхъ; но когда Долгорукій началъ свое дѣло, атаманъ изъ одной станицы на Донцѣ, Кондратій Булавинъ, напалъ на него и убилъ его, истребивши весь его отрядъ. Булавинъ сталъ возмущать населенные бѣглыми городки и задумалъ, привлекши на свою сторону все казацкое войско, взять Азовъ и Таганрогъ, идти на Воронежъ, а потомъ и на Москву. Дѣло началось для него неудачно. Войсковой атаманъ Максимовъ разбилъ его шайку и перевѣшалъ его сообщниковъ. Булавинъ бѣжалъ въ Запорожье, и на слѣдующій годъ явился съ новою дружиной. Теперь удалось ему поднять все населеніе мелкихъ городовъ; повсюду разсылалъ онъ грамоты, призывая народъ идти за вѣру противъ князей, бояръ и нѣмцевъ. Скоро собрались огромныя шайки подъ начальствомъ разныхъ сообщниковъ Булавина, каковы были: Хохлачъ, Голый, Рваный. Они распространяли и въ сосѣднихъ мѣстахъ Россіи такія воззванія: «Вы, голутьба, идите со всѣхъ городковъ, конные пѣшіе, босые и нагіе! Будутъ вамъ кони и оружіе, и платье, и денежное жалованье. Мы стоимъ за правую вѣру.» Булавинъ скоро одолѣлъ Максимова и взялъ Черкасы. Собравшіеся казаки теперь избрали его своимъ атаманомъ, а Максимовъ, по приговору ихъ, былъ обезглавленъ. Но успѣхи новаго атамана продолжались недолго. Царь выслалъ противъ него Василія Долгорукаго, брата убитаго Юрія, и велѣлъ безъ пощады жечь и истреблять всѣ поселенія булавинцевъ, а ихъ самихъ вѣшать, колесовать, четвертовать, и проч. Царскія войска вездѣ безъ труда разбивали нестройныя казачьи толпы; попытка Булавина взять Азовъ тоже не удалась. Видя, что дѣла идутъ плохо, казаки скоро отъ него отступились и уже рѣшили выдать его Долгорукому. Булавинъ встрѣтилъ съ оружіемъ посланыхъ противъ него людей, но не въ силахъ былъ имъ противиться и застрѣлился изъ пистолета. Волненіе еще продолжалось въ сѣверныхъ частяхъ Донской области, такъ какъ жители тутъ не ждали себѣ никакой пощады. Долѣе другихъ сопротивляется Голый, но и его шайка наконецъ совершенно истреблена. Одинъ изъ атамановъ Некрасовъ, съ 2000 казаковъ, бѣжалъ на Кубань, подъ покровительство крымскаго хана. Къ

нему спасались и другіе казаки. Число *некрасовцевъ* впослѣдствіи очень увеличилось. Они жили на Кубани, пока, въ царствованіе Екатерины II, не былъ завоеванъ Крымъ и все прибрежье Чернаго Моря. Тогда они переселились въ Турцію.

Рядомъ съ этими неустройствами, мы встрѣчаемъ и примѣры, что наука, которую вводилъ Петръ, была разумно принята и усвоена людьми изъ народа. Чтобы она принесла для народа свои плоды, приходилось ждать еще долго, тѣмъ болѣе, что объ образованіи низшихъ классовъ и вовсе не думали. Но постройка судовъ, распространеніе фабрикъ, сближеніе съ иноземцами,—все это не могло не возбуждать народный умъ, и болѣе смышленные люди уже во время Петра выступаютъ замѣчательными самоучками. Таковъ былъ Посошковъ, «убогій мірянинъ села Покровскаго». Научившись грамотѣ, онъ своимъ находчивымъ, изобрѣтательнымъ умомъ сталъ извѣстенъ сначала нѣкоторымъ изъ знатныхъ лицъ, а потомъ и царю, который поручилъ ему дѣлать «огнестрѣльныя рогатки», на которыхъ класть бы ружья, чтобы стрѣлять залпомъ. Посошковъ пускался въ разные промыслы, имѣлъ подъ конецъ жизни свой винный заводъ, земли близъ Новгорода и могъ уже давать до 1000 рублей на образованіе сына, котораго отправилъ за границу. Онъ писалъ разныя сочиненія; но особенно извѣстенъ своею книгою: «О скудости и богатствѣ», которую представилъ царю не за долго передъ его смертью. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ смерти Петра, Посошкова, неизвѣстно за что, заключили въ Петропавловскую крѣпость. Здѣсь онъ и умеръ въ 1726-мъ году. Посошковъ не учился никакимъ наукамъ, но съ необыкновенной сметливостью перенималъ все, что видѣлъ. Онъ становится послѣдователемъ, ревностнымъ ученикомъ Петра. Въ своей книгѣ «О скудости и богатствѣ» онъ повторяетъ многое, что мы находимъ въ царскихъ распоряженіяхъ и указахъ. Онъ предлагаетъ улучшенія, подаетъ совѣты, какъ это дѣлалось, по вызову Петра, и другими. Самое названіе книги показываетъ, что Посошковъ имѣлъ въ виду заботы царя о томъ, чтобы увеличить богатство, а съ нимъ и доходы государства. Онъ мѣстами и объясняетъ, какъ лучше и вѣрнѣе собирать доходы, какъ въ томъ или другомъ случаѣ уменьшить издержки. Во многомъ, что онъ предлагаетъ, видны и неудачныя измышленія совѣтника—самоучки; по грубости вѣка, въ который онъ жилъ, онъ стоитъ за жестокія истязанія, за пытки и казни, за преслѣдованіе раскольниковъ.

Но все это не мѣшаетъ Посошкову высказать и свой самобытный умъ, свой взглядъ на вещи: онъ смотритъ на преобразованія

такъ, какъ могъ бы смотрѣть на нихъ смышленный человѣкъ изъ народа и обращаетъ особенное вниманіе на тѣ стороны, которыя касались *внутреннихъ улучшеній*, установленія *правды*, какой напрасно искалъ царь въ окружавшихъ его людяхъ. Въ искренности Посошкова нельзя сомнѣваться. «Я уже съ юности былъ такимъ, говоритъ онъ, что лучше мнѣ на себѣ понести какую пакость, чѣмъ умолчать, видя что нибудь неполезное». Смыслъ книги Посошкова заключается въ объясненіи самаго слова: «богатство.» «Не то царственное богатство, говоритъ онъ, что въ казнѣ собрано много добра; и не то, что приближенные царя ходятъ въ златотканной одеждѣ, а то царственное богатство, чтобы весь народъ, по мѣрѣ возможности, былъ богатъ, да чтобы позаботиться о невещественномъ богатствѣ, объ истинной правдѣ.» Такъ онъ и выискиваетъ средства утвердить правду, разбирая, въ какомъ положеніи находятся всѣ сословія. Отъ духовенства онъ требуетъ, чтобы оно училось. «Грамота, говоритъ Посошковъ, дѣло великое и прочное.» Надо позаботиться о бѣдныхъ сельскихъ попахъ, которые часто служатъ въ лаптяхъ, въ бѣлой или сѣрой, сермяжной одеждѣ: питаться бы имъ десятиною, отъ церкви, а не отъ работы, или рукодѣлія. Войско тоже живетъ въ нуждѣ; солдату идетъ 30 алтынъ въ мѣсяцъ, а за вычетами онъ не получаетъ и 10 алтынъ. Отъ того побѣги и воровство. На квартирахъ солдаты и офицеры чинятъ обиды, такъ что многіе и домамъ своимъ не рады. Войско бы уменьшить, а лучше позаботиться о хорошихъ стрѣлкахъ, назначивъ за искустную стрѣльбу награду. Вотъ, у насъ вѣра и правая, а въ судахъ хуже, чѣмъ у бусурманъ. Приказные люди только свою тягость исчисляютъ, а людская ни во что: волочитъ со всякою отповѣдью въ городъ, а прямаго дѣла и на алтынъ нѣтъ; посадятъ въ тюрьму, такъ держатъ лѣтъ по пяти, по шести, и больше, не вершая дѣла: правый подчасъ такъ и умираетъ безъ суда, а разбойники убѣгаютъ. Подтвердить бы судьямъ подъ страхомъ жестокой кары, чтобы берегли людей отъ убытку, вершили дѣло въ извѣстный срокъ, да слушали его умомъ, а не ушами только, да нужно бы постановить и новые законы. Чтобы составить новое уложеніе, избрать всякихъ чиновъ людей, которые не высокоумны, а разумны и правдолюбивы, и изъ крестьянъ, что въ сотскихъ и старостахъ бывали. «Я видѣлъ и въ Мордвѣ разумныхъ людей, говоритъ Посошковъ, то какъ не быть имъ въ крестьянствѣ.» Новосочиненный уставъ освидѣтельствовать всѣмъ народомъ, самымъ вольнымъ голосомъ, «написать его совершеннымъ народосовѣтіемъ, чтобы каждый самъ себя выстерегъ». Царю не такъ полезны постъ и молитва, какъ право-

судіе. А у насъ неправда сильно вкоренилась и застарѣла, и намъ то весьма зазорно, что бусурмане чинятъ судъ праведный.

Въ дворянствѣ не выполняютъ законъ о недоросляхъ, не идутъ на службу: наложитъ на себя юродство или тяжкую болѣзнь, его отпустятъ, а онъ пріѣдетъ домой и «рыкаетъ какъ левъ», разоряетъ своихъ сосѣдей! Убогіе изъ дворянъ по 30 лѣтъ служатъ, а богатый 5, 6 лѣтъ послужитъ, да и помышляетъ, какъ бы занять спокойное мѣстечко. Пособниковъ у великаго монарха, по его желанію, немного: онъ на гору если самъ десятъ и тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ,—то какъ его дѣло споро будетъ. Лежебоковъ щадить нечего. Собирать бы на службу и здоровыхъ нищихъ: такихъ наберется на Руси тысячъ 20, 30, и больше, съѣдятъ даромъ тысячъ 50, 60 четвертей хлѣба: если положить на человѣка рублей по 6 въ годъ, то вотъ уже 200,000 руб. пропадаетъ. А сколько отъ нерадѣнія судейскаго сидятъ по тюрьмамъ; ѣдятъ хлѣбъ, ничего не дѣлая! Да у насъ въ поборахъ за гривну душу изъ человѣка хотятъ вытянуть, а гдѣ многія тысячи погибаютъ напрасно, нимало не смотрятъ. Въ купечествѣ надо смотрѣть, чтобы не обмѣривали, не обвѣшивали, не продавали плохіе товары за хорошіе. Нынѣ дворяне и знатные люди вступаютъ въ торги не платя пошлины; если ужъ хотятъ торговать, пусть бы записывались въ купцы. Иноземцы тоже набиваютъ на все тройную цѣну, потому что имъ радѣютъ бояре: сунутъ они сильному человѣку подарокъ въ 100 руб., а выторгуютъ на пол-милліона. Нужно бы намъ заводить свои промыслы, чтобы обходиться безъ иноземныхъ товаровъ. Нашихъ правителей разсужденіе не здравое, когда русскаго человѣка ни во что ставятъ: даютъ ему по 5 коп. на день, а иноземцевъ часто не за дѣло награждаютъ.

Житье крестьянъ у насъ скудное отъ лѣности, отъ неразсмотрѣнія властей, отъ помѣщичьяго насилія. Помѣщики налагаютъ страшное бремя: въ рабочую пору не дадутъ и единаго дня на себя поработать—стригутъ, какъ овцу, до гола. Отъ того многіе бѣгутъ въ Низовые города и на Украйну. Помѣщики не берегутъ крестьянъ, потому что не вѣковые имъ владѣльцы; прямой ихъ владѣтель Россійскій самодержецъ, а они владѣютъ временно. Посошковъ писалъ это, конечно, слыша что-нибудь о намѣреніи Петра ослабить власть помѣщиковъ. Желая свободы крестьянамъ, онъ говоритъ и противъ подушнаго исчисленія: «Отъ счисленія душевнаго не чаю быть проку, понеже душа вещь неосязаемая и цѣны не имущая: надлежитъ цѣнить вещи грунтованныя»—и онъ даетъ совѣтъ, какъ расчислять крестьянскіе дворы. Крестьянскому двору положить разсмотрѣніе не

по дымамъ избнымъ, а по владѣнію земли и по засѣву хлѣба; на цѣлый дворъ высѣять въ годъ ржи четыре четверти. Вообще о крестьянскихъ тягостяхъ Посошковъ замѣчаетъ: «Въ сборѣ царскаго интереса покушаются съ одного вола двѣ шкуры содрать, а не могутъ и одной цѣлой кожи снять, и, сколько ни силятся, только лоскутье сдираютъ.» Наконецъ онъ желаетъ, чтобы крестьянскія дѣти также учились грамотѣ. Вотъ главныя мысли, изложенныя въ сочиненіи Посошкова.

ПОСТРОЕНІЕ ПЕТЕРБУРГА. — ДОМАШНЯЯ ЖИЗНЬ ПЕТРА.

Петербургъ, какъ мы знаемъ, былъ любимымъ дѣтищемъ Петра. Понятно, почему онъ такъ цѣнилъ этотъ городъ. Въ его построеніи болѣе всего выражалась завѣтная мысль царя: связать Россію съ образованными странами, сдѣлать ее морскою державой, поднять ея могущество, промышленность и торговлю. Изъ за Петербурга ведена была и отчаянная борьба со Швеціей; самая его постройка и заселеніе стоили Россіи громадныхъ жертвъ въ деньгахъ и въ людяхъ. Но какъ, при началѣ Россіи, *Варяжскій* путь повелъ къ основанію государства, такъ и теперь *Невскимъ* путемъ началось его обновленіе. На мѣстѣ Петербурга стояло глухое, заросшее лѣсомъ и кустарникомъ, болото, куда и пробраться сухимъ путемъ можно было лишь по одной вязкой дорогѣ отъ нынѣшней Лиговки. На берегу виднѣлось нѣсколько финскихъ домиковъ: жители сколачивали ихъ на скорую руку, чтобы въ случаѣ наводненія живо разобрать ихъ, связать въ плоты и спасаться на Дудерову гору. Этотъ то уголокъ, холодный, сырой, вѣчно покрытый туманомъ, Петръ называлъ своимъ раемъ, но для другихъ, особенно вначалѣ, въ приневскомъ раю показалось солоно. Петръ, когда въ 1703 году занялъ это мѣсто, торопился укрѣпить его: шведы грозили съ моря; царю нужно было спѣшить и въ другія мѣста, гдѣ готовилась борьба съ Карломъ XII. И вотъ рабочіе, съ ранней зари до поздней ночи, издалека таскаютъ землю въ рогожныхъ кулькахъ, или просто въ полахъ одежды, насыпая валы Петропавловской крѣпости: еще не успѣли достать тачекъ, заступовъ и другихъ необходимыхъ орудій. Такъ начались петербургскія работы. Каждый годъ со всѣхъ концовъ Россіи, даже изъ Сибири, высылали сюда до 40,000 работниковъ; толпы ихъ все скоплялись, а хлѣба подвозить не успѣвали. Случалось, что суда съ

припасами разбивало бурею на Ладожскомъ озерѣ. Тогда Петербургъ голодалъ. Народъ питался кореньями да капустою и умиралъ десятками тысячъ отъ истощенья, отъ холода и ненастья. Кто заболѣвалъ, ложился на голую землю и предавалъ себя волѣ Божіей; умершаго завертывали въ рогожу и, продернувъ черезъ нее палку, сносили на погостъ. Но потомъ дѣло пошло лучше: городъ заселился, торговля оживилась, и припасовъ свозилось съ избыткомъ изъ за моря и изнутри Россіи. Впослѣдствіи уже не сгоняли рабочихъ въ Петербургъ, а производили работы по подряду. Лишь плѣнные шведы, казенные должники да преступники, для которыхъ Петербургъ былъ мѣстомъ каторги, должны были работать здѣсь по неволѣ.

Въ тоже время городъ заселялся дворянами и богатыми купцами, на которыхъ возложена была повинность строить здѣсь дома, смотря по количеству дворовъ и капиталу. Имѣвшіе болѣе 300 дворовъ обязаны были строить по берегамъ Невы каменные дома, съ хорошими печами, съ кровлями, крытыми черепицею. Прочіе селились дальше отъ Невы, гдѣ могли ставить мазанки и деревянные дома, окрашенные подъ кирпичъ. Каждый предъ своимъ домомъ обязанъ былъ мостить улицу и садить липки. На Васильевскомъ острову дѣлались выходящія на Неву пристани. Постройки шли такъ живо, что, уже черезъ 10 лѣтъ послѣ основанія, въ 1714 году Петербургъ имѣлъ около 35000 домовъ. Петръ очень заботился о чистотѣ города и о внутреннемъ его порядкѣ. Строго запрещено выкидывать всякую дрянь на улицу или въ каналы; бойни отведены въ дальнія части города; пріѣзжимъ торговцамъ съ возами назначены особыя мѣста, а не дозволено останавливаться, гдѣ угодно, или загораживать своими шалашами улицы. Введено освѣщеніе фонарями; запрещена быстрая ѣзда. На случай пожара заведены четыре пожарныхъ трубы и приказано осматривать печи и бани; въ лѣтнее время избы и бани дозволено топить разъ въ недѣлю. Съ особою строгостью полиція преслѣдовала бродягъ и нищихъ. Бродягъ забирали на работу; за каждую подачу милостынки нищему брали штрафу 5 рубл. Когда въ новомъ городѣ усилились разбои, то заведены на улицахъ въ разныхъ мѣстахъ шлагбаумы съ караулами, которые съ 11 часовъ ночи никого не пропускали, кромѣ священника, доктора или повивальной бабки. Знатныя лица могли ходить и по ночамъ съ фонарями. Петръ пожелалъ и освятить Петербургъ въ глазахъ народа: сюда съ торжествомъ привезены были изъ Владиміра мощи св. Александра Невскаго и положены въ золоченой ракѣ во вновь устроенномъ на берегу Невы монастырѣ. При Петрѣ Петербургъ вообще имѣлъ такой видъ.

На Петербургской сторонѣ самое видное мѣсто занимала Троицкая площадь, вокругъ которой стояли: длинное зданіе сената, большой мазанковый гостинный дворъ и трактиры, а посреди церковь Св. Троицы. Противъ крѣпости находился Сытный рынокъ, въ родѣ толкучаго двора, гдѣ всегда сновало множество народа и нужно было крѣпко беречь свои карманы. На башнѣ Петропавловской церкви въ полдень искустный мастеръ, по нѣмецкому обычаю, вызванивалъ молоточками на 35 колоколахъ часы и разную музыку; въ большіе праздники на ней выкидывали знамя, гдѣ изображенъ былъ орелъ, держащій въ когтяхъ четыре моря. На другомъ берегу Невы уже существовалъ Лѣтній садъ и подлѣ него большой лугъ, гдѣ Петръ давалъ смотры своей гвардіи и въ праздники угощалъ ее водкой. Въ Лѣтнемъ саду находимъ лѣтній дворецъ Петра, галлереи для царскихъ пировъ, богатыя аллеи съ фонтанами, со статуями, птичники, звѣринецъ, оранжерею.

По нынѣшней Милліонной жили преимущественно иноземцы, но встрѣчались и дома нѣкоторыхъ вельможъ, а ближе къ нынѣшней Дворцовой площади стоялъ дворецъ Петра, двухэтажный домикъ у канавки изъ Мойки въ Неву. Невскій проспектъ былъ широкой аллеей, усаженной въ нѣсколько рядовъ деревьями; его вымостили камнемъ шведскіе плѣнные. Проходилъ онъ черезъ дебри и болота, и лишь отъ Полицейскаго моста къ площади былъ нѣсколько застроенъ. У площади на углу красовался кабакъ, гдѣ вѣчно толпился народъ, слышался крикъ, гамъ, затѣвались кулачные бои. На самой площади раскинуты были шалаши крестьянъ, стояли возы съ сѣномъ и дровами. Тутъ ужъ начались слободы. Адмиралтейство, какъ и нынѣ, было огромное четырехъугольное зданіе, съ башнею надъ воротами, украшенною, по голландскому образцу, высокимъ шпицемъ. Тутъ неутомимо строились корабли и хранились громадные запасы для флота: къ концу царствованія Петра Балтійскій флотъ состоялъ изъ 30 кораблей, но корабельнаго лѣсу, канатовъ, якорей и прочихъ матеріяловъ въ адмиралтействѣ и вокругъ него было собрано такъ много, что можно бы построить еще такой флотъ. Далѣе, по нынѣшней Галерной улицѣ, тянулись на цѣлыя полверсты рядомъ три мазанковыхъ зданія, гдѣ приготовляли канаты. На Фонтанкѣ, недалеко отъ Невскаго, среди лѣсовъ, находимъ дачи нѣкоторыхъ вельможъ: Апраксина, Чернышева, о которыхъ память донынѣ сохранилась въ названіяхъ Апраксина двора, Чернышева переулка и проч. На Васильевскомъ острову, между нынѣшнимъ университетомъ и Кадетской линіей, находился дворецъ Меншикова съ большимъ садомъ позади,—самое великолѣпное

зданіе въ цѣломъ Петербургѣ: тутъ задавалъ онъ пиры роскошнѣе царскихъ. По берегу Невы тянулся рядъ зданій, выстроенныхъ по приказанію Петра вельможами, дворянами и купцами, которые уже имѣли дома въ другихъ частяхъ города. Царь, сначала заселивши Петербургскую сторону, потомъ задумалъ сдѣлать главною частью города Васильевскій островъ и хотѣлъ даже прорыть его каналами по образцу Амстердама. Планъ этотъ не былъ выполненъ: Васильевскій островъ при Петрѣ остался пустынею, гдѣ еще водились олени и несмѣтное множество волковъ, которые впрочемъ гуляли стаями и по обѣ стороны Невскаго проспекта.

Не особенно роскошенъ былъ Петербургъ при Петрѣ: даже въ домахъ вельможъ случалось, что, при сильномъ дождѣ, вода вдругъ начинала капать съ потолка на гостей; но о немъ уже прошла молва: «царь-де Петербургъ нарядилъ въ сапоги и вызолотилъ, а Москву обулъ въ лапти.» Пусть такъ; царь не даромъ золотилъ свою новую, полунѣмецкую столицу. Тутъ опять, какъ, нѣкогда около Москвы, собралась Русь, чтобы идти на встрѣчу европейской наукѣ. Какая была радость, когда приплылъ первый иноземный корабль! Меншиковъ запоилъ шкипера, подарилъ ему 500 червонцевъ; и потомъ иноземные шкипера были всегда первыми гостями за царскимъ столомъ. Въ лицѣ Петра, какъ перваго русскаго человѣка, мы гостепріимно привѣтствовали образованіе, раскрывая ему настежъ ворота. Да, Петръ былъ русскимъ по своему удалому, широкому взгляду на жизнь, по смѣлости, съ какою онъ начиналъ и доводилъ до конца каждое дѣло, не останавливаясь трусливо на полпути, по простотѣ и живой переимчивости ума, по необычайной снаровкѣ и смёткѣ, съ какою онъ во всякомъ дѣлѣ бралъ самое нужное и полезное, самое близкое къ жизни. При этомъ недостатками, происшедшими отъ времени, въ какое онъ жилъ, отъ воспитанія, отъ крайней пылкости характера, служили: излишнее увлеченіе иноземными порядками, нетерпимость, жестокость нрава, болѣзненная вспыльчивость, неумѣренность какъ въ добрыхъ, такъ и дурныхъ привычкахъ. Но невольно забываешь всѣ самыя непривлекательныя стороны въ характерѣ Петра, вспоминая его безконечную преданность одной высокой мысли. Правиломъ его было: работать для пользы государства, не жалѣя ни силъ, ни здоровья. Тутъ равны для него были и первый бояринъ, и послѣдній мужикъ: кто больше принесетъ пользы, тому и почетъ, и награда. Самъ онъ, на службѣ государству, проходилъ всѣ чины, начиная съ самыхъ низшихъ, и до конца жизни имѣлъ надъ собою начальниковъ, которымъ оказывалъ всякое вниманіе, испрашивая, напримѣръ, позволеніе у ге-

нерала Апраксина, когда хотѣлъ отлучаться отъ флота, жилъ очень умѣренно и даже бѣдно, въ маленькихъ домикахъ, построенныхъ по голландскому образцу, ѣлъ деревянными ложками; по чину получая жалованье, тратилъ его на свои нужды и прихоти, а государственныя деньги строго берегъ, даже до скупости, не жалѣлъ лишь тратъ на общественные праздники, какими прославлялось его царствованіе. Въ своихъ неутомимыхъ трудахъ Петръ входилъ во всякую мелочь: самъ лазилъ на мачты, если было нужно, самъ пробовалъ работать на фабрикахъ, и проч. Чтобы уяснить себѣ окончательно личность Петра, мы теперь еще коснемся подробнѣе его домашней жизни. Тутъ намъ представятся еще ярче всѣ рѣзко выдающіяся черты этой личности.

Первая жена Петра, Евдокія Лопухина, которую выдали за него, когда онъ былъ еще семнадцатилѣтнимъ юношей, пришлась ему не по нраву: воспитанная по старинному въ теремѣ, она со своими родственниками держалась старыхъ обычаевъ. Царь, по возвращеніи изъ за границы, велѣлъ постричь ее въ монастырь. Во время шведской войны онъ нашелъ себѣ женщину по характеру. Шереметьевымъ взята въ плѣнъ прислужница одного пастора, Глюка, изъ лифляндскихъ крестьянъ. Живая, красивая собою, очень умная, хотя и совершенно необразованная, она всѣмъ умѣла нравиться. Меншиковъ взялъ ее къ себѣ въ домъ, и тутъ познакомился съ нею Петръ. Она крещена въ русскую вѣру подъ именемъ Екатерины Алексѣевны и скоро стала неразлучною спутницею Петра во всѣхъ походахъ. Бракъ ихъ, сначала тайный, потомъ былъ объявленъ; Екатерина стала царицею. Она умѣла приноровиться ко всѣмъ привычкамъ царя, не утомлялась всюду ѣздить за нимъ по самымъ труднымъ дорогамъ, ухаживала за нимъ во время тяжелыхъ болѣзненныхъ припадковъ, какіе часто съ нимъ случались, и Петръ называлъ ее не иначе, какъ «Екатеринушкой, другомъ сердечненькимъ.» Въ письмахъ его къ ней мы нерѣдко встрѣчаемъ такія выраженія: «А что пишешь, что грустно гулять одной, хотя и хорошъ садъ, такъ вѣрю тому, ибо тѣже вѣсти и за мною». Подъ конецъ жизни онъ съ великимъ торжествомъ и необычайной роскошью вѣнчалъ ее на царство, хотя и не назначалъ своей наслѣдницею. Чтобы наслѣдовать престолъ, царь искалъ достойнѣйшаго, кто продолжалъ бы его дѣло; но въ этомъ ему была неудача. Алексѣй, его старшій сынъ отъ первой жены, вышелъ нравомъ совсѣмъ не въ отца. Наклонный болѣе къ мирной, сидячей жизни, онъ утомлялся походами и вѣчнымъ, неустаннымъ трудомъ, какого требовалъ отъ него царь, не понималъ, не одобрялъ его горячихъ заботъ о Петербургѣ, о флотѣ и дружился все съ духовными лицами, да изъ бояръ съ

преданными старинѣ. Петръ всячески увѣщевалъ его, даже билъ, и, когда это не помогло, потребовалъ, чтобъ онъ шелъ въ монастырь. Но Алексѣю, несмотря на его любовь къ религіознымъ бесѣдамъ, не хотѣлось сдѣлаться монахомъ: онъ бѣжалъ за границу, гдѣ надѣялся найти себѣ убѣжище въ Австріи. Толстой, посланный царемъ, умѣлъ уговорить его вернуться въ Россію; тутъ начался розыскъ, и открылось, что Алексѣй разсчитывалъ и на смерть Петра, собирая себѣ сторонниковъ. Многіе изъ нихъ были жестоко казнены, причемъ опять высказался суровый, мстительный характеръ Петра. Особенно онъ былъ ожесточенъ тѣмъ, что эти сторонники думали забросить Петербургъ и уничтожить все дѣло рукъ его.—«Ой, бородачи» восклицалъ онъ: «отецъ мой имѣлъ дѣло только съ однимъ (Никономъ), а я съ тысячами.» Алексѣя посадили въ Петропавловскую крѣпость и нѣсколько разъ пытали; наконецъ соборъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ присудилъ его къ смертной казни, но, прежде ея совершенія, Алексѣй умеръ послѣ пытокъ. Такъ не задумался царь пожертвовать и сыномъ, заботясь о сохраненіи устроеннаго имъ дѣла, хотя эта жертва и совершена съ обычною жестокостью тогдашняго вѣка.

Но если царь былъ такъ неумолимо грозенъ, гдѣ являлась какая-нибудь помѣха его дѣлу, то въ другихъ случаяхъ выражалась только неугомонная живость его характера, его дѣловой умъ и общительность, съ какою онъ совершенно забывалъ о своей власти. Въ Петербургѣ Петръ вставалъ вмѣстѣ съ зарею, отправлялся въ адмиралтейство смотрѣть за работами, или къ Меншикову, обѣдалъ обыкновенно въ полдень, иногда у себя, а чаще, гдѣ случалось, у приближенныхъ, или у купцовъ и какихъ-нибудь мастеровъ, послѣ обѣда всегда отдыхалъ часъ, другой, а потомъ опять принимался за работу. Въ праздничные дни, отдохнувъ и занявшись дѣломъ послѣ обѣда, онъ возвращался къ гостямъ, которые въ этомъ случаѣ не смѣли расходиться, и пировалъ иногда далеко за полночь, выпивая не одну бутылку венгерскаго, а потомъ вдругъ встанетъ и тотчасъ же ѣдетъ въ Кронштадтъ или въ Шлиссельбургъ, или и куда-нибудь подальше. Одѣвался онъ очень просто. Когда, ради праздника, ему случалось надѣвать свой кафтанъ на собольемъ мѣху, то замѣчали, что спинка и рукава этого кафтана подбиты простымъ мѣхомъ. Однажды, къ удивленію всѣхъ, онъ явился на свадьбу въ богатомъ экипажѣ шестернею, но оказалось, что экипажъ этотъ, для пущаго торжества, занялъ онъ у Ягужинскаго. Обыкновенно ѣздилъ онъ въ самомъ простомъ кабріолетѣ въ одну лошадь. На водѣ его всегда видѣли въ открытой шлюпкѣ, какое бы ни было ненастье, тогда какъ вельможи

катались обыкновенно въ закрытыхъ баркахъ. Царь не любилъ ни картъ, ни охоты: любимымъ его развлеченіемъ было кататься по Невѣ, да фейерверки. Петръ устроилъ въ Петербургѣ особую верфь для постройки мелкихъ судовъ. Суда эти раздавались приближеннымъ, или раскупались жителями, и каждое воскресенье, по данному сигналу, всѣ должны были ѣхать на нихъ къ Троицкой площади, чтобы отсюда начать правильныя катанья. Петръ имѣлъ цѣлью этимъ заохотить жителей къ водѣ и научить искусству въ плаваніи. Надъ этимъ невскимъ флотомъ начальствовалъ особый адмиралъ: онъ ѣхалъ впереди и никто не смѣлъ обгонять его. На всѣхъ лодкахъ слѣдили за его движеніями: поворачивалъ онъ—и всѣ поворачивали, распускалъ паруса—и всѣ распускали. Эта ѣзда, напоминавшая морскія упражненія, была очень красива. До сотни и болѣе лодокъ, на всѣхъ парусахъ, какъ лебеди, стройно носились по Невѣ, пестрѣли разноцвѣтными флагами; съ нѣкоторыхъ стрѣляли изъ маленькихъ пушекъ, съ другихъ раздавались трубы и волторны. Царь съ приближенными заѣзжалъ иногда къ князю-кесарю испить его крѣпкой перцовки, которая потомъ цѣлый день жгла горло; но отъ нея не могли отказываться и дамы. Иногда весь маленькій флотъ отправлялся къ Екатерингофу, а то царь пускался со всѣми и въ Кронштадтъ, и тутъ гуляющихъ порою разбрасывало бурею по взморью, и сидѣли они цѣлую ночь подъ дождемъ гдѣ нибудь на болотѣ: забава выходила не очень пріятною. Петръ такъ любилъ кататься, что, когда оставалась какая-нибудь полынья передъ Лѣтнимъ садомъ, онъ и по ней разъѣзжалъ въ своей шлюпкѣ; катался даже зимою, на большомъ расчищенномъ каткѣ, по льду, поставивъ лодку на полозья, причемъ очень ловко управлялъ парусами, лавируя, какъ на водѣ, по вѣтру и противъ вѣтра, который гналъ эти необычайныя сани. Фейерверки были другою, любимою потѣхою царя: онъ самъ придумывалъ для нихъ разные храмы, пирамиды изъ разноцвѣтныхъ огней, девизы, фигуры съ горящими надписями, и проч., самъ все устраивалъ и даже зажигалъ эти фигуры своею рукою; тутъ иной разъ дѣйствовали очень затѣйливыя машины: напримѣръ, какой-нибудь огненный мальчикъ съ крыльями и съ горящимъ факеломъ въ рукахъ подлетитъ къ храму, и вдругъ все вспыхивало голубымъ свѣтомъ.

Дѣятельный умъ Петра высказывался и въ мелочахъ. Онъ искустно точилъ разные предметы изъ слоновой кости, довольно искустно выдергивалъ зубы и дѣлалъ нѣкоторыя операціи: въ этомъ каждому онъ предлагалъ свои услуги, будь то лакей или прачка. Такихъ услугъ, конечно, многіе избѣгали; но разъ ему удалось уговорить жену

одного нѣмецкаго купца, которая вся распухла отъ водяной, выпустить изъ нея воду. Петръ дѣйствительно сдѣлалъ операцію и выпустилъ воды чуть ли не съ ведро. Женщина все таки умерла: такъ онъ смотрѣлъ, какъ ее анатомировали, чтобы узнать не было ли воды внутри желудка. Иной разъ соберется народъ на площадь о масляной,—глядь: царь качается со своими пріятелями на качеляхъ. Однажды осенью, въ большомъ собраніи, всѣ стали жаловаться на духоту; царь велѣлъ принести топоръ и началъ усердно выламывать оконную раму: рама была крѣпко заколочена снаружи; царь выходилъ на дворъ, со всѣхъ сторонъ ее осматривалъ, работалъ съ полчаса, страшно вспотѣлъ и все таки выставилъ раму. Въ дѣлахъ болѣе серьезныхъ, какъ, напримѣръ, при постройкѣ кораблей, не довѣряя никому, онъ пробовалъ каждый болтъ, осматривалъ каждый гвоздикъ. По складу своего живаго ума, Петръ любилъ во всемъ странное, необычайное. Умеръ придворный поваръ, такъ онъ устроилъ особое шествіе, гдѣ всѣ провожали умершаго въ бѣлыхъ колпакахъ и фартукахъ. Точно также на похоронахъ его любимаго карлика маленькій гробъ везли маленькія лошадки, позади шелъ самый маленькій попъ, какого можно было найти въ Петербургѣ, а потомъ по парно всѣ карлики, какихъ тогда можно было найти при дворѣ и у вельможъ,—и по бокамъ выступали самые рослые гайдуки. Князь кесарь попрежнему игралъ у него роль высшаго владыки; когда Ромодановскій умеръ, это мѣсто занялъ сынъ его, и Петръ, мѣшая дѣло съ шуткой, ѣздилъ къ нему съ докладами о побѣдахъ, или принималъ изъ рукъ его чины и ордена. Когда выходила замужъ дочь кесаря за Головина, царь на свадьбѣ то и дѣло налагалъ штрафные бокалы за неуваженіе къ высокой особѣ, напримѣръ, за то, что подъѣзжали прямо ко крыльцу кесаря. Многіе, не желая пить, оправдывались, что на дворѣ у кесаря страшная грязь.—«А какъ же я прошелъ?»—возражалъ царь. Онъ дѣйствительно велѣлъ положить доски и прошелъ по нимъ, оставивъ экипажъ на улицѣ, какъ это водилось на пріѣздѣ къ прежнимъ русскимъ царямъ. Другое шутливое учрежденіе, всепьянѣйшій соборъ князя папы, также осталось въ своей силѣ. Съ веселой, удалою братіей, въ кардинальскихъ мантіяхъ, царь попрежнему ѣздилъ славить о святкахъ. По ночамъ вдругъ раздавались свистъ, гамъ, пѣсни: на извощичьихъ лошадяхъ, въ саняхъ съ длинными скамейками, катила неспокойная братія изъ дома въ домъ; тутъ были и знатныя лица, и простые матросы. Послѣ какой-нибудь побѣды, послѣ удачно оконченнаго дѣла, Петръ особенно предавался разгулу: тогда его удалая веселость равнялась прежде поднятымъ трудамъ. Когда за-

ключенъ нейштадтскій миръ, на одномъ изъ праздниковъ, у герцога Голштинскаго, бывшаго женихомъ его старшей дочери, Петръ, внѣ себя отъ радости, безпрестанно цѣловался, пѣлъ русскія пѣсни, плясалъ по столамъ. Особенно шумны были угощенія при спускѣ кораблей. Первый тостъ, какъ и на всѣхъ пирахъ, возглашали во славу Божію, потомъ за семейство Ивана Михайловича. Иванъ Михайловичъ Головинъ надсматривалъ за постройкой кораблей и его семействомъ называли ничто иное, какъ весь русскій флотъ. Царь далъ слово своему шуту, что подаритъ ему 10,000 руб., если когда-нибудь забудетъ этотъ тостъ; но этого не могло случиться, потому что приближенные всегда напомнили бы о тостѣ. Когда корабль счастливо спускался въ воду, всѣ на немъ пировали, и тутъ каждый обязанъ былъ пить крѣпкое венгерское, какимъ потчивалъ царь. Герцогъ голштинскій думалъ отдѣлаться тѣмъ, что ставилъ передъ собою бутылку съ красною водою. Царь однажды попробовалъ изъ его стакана.—«Нѣтъ, твое вино не здорово, сказалъ онъ; вотъ выпейка отсюда»—и налилъ ему изъ своей бутылки, гдѣ къ венгерскому подчасъ подмѣшивали и водку. Если не самъ царь, то его деньщики или князь-папа поили до безчувствія, никого не выпуская изъ комнаты. Апраксинъ наконецъ начиналъ рыдать, какъ ребенокъ; Меншиковъ лежалъ за мертво, и его вспрыскивали водою. Другіе кричали и пѣли во все горло. Какой-нибудь нѣмецкій генералъ лѣзъ ко всѣмъ, хвастался и вызывалъ каждаго на дуэль: вотъ, онъ безъ разбора началъ всѣхъ колотить шпагою; его схватили и крѣпко держали, но чуть онъ вырвался, какъ ужъ далъ кому то пощечину. Петръ нисколько не стѣснялся этою суматохой.

Въ этомъ крайнемъ разгулѣ, конечно, надо винить нравы вѣка: не лучше было и за границею; но у русскихъ сохранялся еще обычай—безъ мѣры напиваться въ знакъ радости, или изъ уваженія къ хозяину. Такая невоздержность, вмѣстѣ съ непомѣрными трудами, рано разстроили здоровье Петра. Въ 1724 году онъ хворалъ чаще прежняго, но не думалъ отдыхать. Посѣтивъ Шлиссельбургъ, онъ отправился на Олонецкіе заводы, гдѣ выковалъ полосу желѣза въ 3 пуда. Оттуда поѣхалъ въ Новгородъ, въ Старую Руссу и къ Ладожскому каналу, гдѣ осматривалъ работы Миниха и былъ очень доволенъ, что Минихъ сдѣлалъ втрое больше прежнихъ строителей и втрое дешевле. Больной, возвратился Петръ въ Петербургъ, въ концѣ октября. Едва успѣвъ немного поправиться, онъ поѣхалъ въ Дубки (на Лахту); при возвращеніи, на взморьѣ, его застигла буря. Одинъ ботъ погибъ; царь самъ спасалъ утопавшихъ, цѣлую ночь проработ-

талъ, стоя по поясъ въ водѣ и жестоко простудился. Послѣ того были у него нѣкоторыя домашнія непріятности: размолвки съ Екатериной, съ Меншиковымъ. Но, сохраняя прежнюю бодрость духа, Петръ еще тѣшился выборомъ новаго князя папы. На тронѣ поставлена была бочка, а на ней сидѣлъ Бахусъ. Кардиналы были заперты въ особой комнатѣ, и дверь запечатана. Каждую четверть часа они должны были хлебать по большой ложкѣ водки, пока не выберутъ. Потомъ слѣдовало угощеніе изъ волчьяго, лисьяго, медвѣжьяго, кошачьяго и мышинаго мяса. Въ то же время царь усердно занимался дѣлами. Въ январѣ слѣдующаго года опять не поберегся онъ на обрядѣ водоосвященія, и уже слегъ совершенно въ постель. Къ другимъ недугамъ присоединилась еще жестокая каменная болѣзнь; ему дѣлали операцію, но безъ успѣха. Петръ умеръ 28 января 1725 года, на 53 году отъ рожденія.

Чтобы дополнить этотъ разсказъ, упомянемъ еще о нѣкоторыхъ праздникахъ, бывшихъ при Петрѣ. День полтавской побѣды справляли всегда съ большимъ торжествомъ. На Троицкой площади, въ большой палаткѣ, духовенство соборомъ служило обѣдню и молебенъ; царь тутъ стоялъ въ той самой одеждѣ, въ какой былъ на полѣ битвы: въ зеленомъ кафтанѣ съ небольшими красными отворотами, съ простой, кожаной портупеею, въ зеленыхъ чулкахъ и старыхъ, изношенныхъ башмакахъ; въ рукахъ у него была пика, какъ у полковника гвардіи,—подъ мышкою старая шляпа, прострѣленная пулею. Послѣ молебна начиналась жестокая пальба изо всѣхъ крѣпостныхъ пушекъ; стрѣляла бѣглымъ огнемъ гвардія, стрѣляли и съ судовъ, стоявшихъ на Невѣ, разукрашенныхъ разноцвѣтными флагами. Вечеромъ пировали въ Лѣтнемъ саду. Тутъ многихъ пугали шесть гренадеръ, несшихъ огромную чашу съ простою водкою. Они всѣхъ приглашали выпить за здоровье своего полковника, т. е. государя, и никто, даже дамы, не могли отказываться. Такъ было заведено въ угоду гвардіи. Многіе, чтобы спастись отъ бѣды, тутъ нарочно отплевывались, зажимали ротъ, прикидывались пьяными. Въ галлереяхъ танцовали, и пиръ заключался блестящимъ фейерверкомъ. Такъ праздновали и другіе торжественные дни. Въ честь Ништадтскаго мира устроено было много праздниковъ. Тутъ особенно замѣчателенъ задуманный Петромъ маскарадъ, причемъ приближенные царя въ костюмахъ и въ маскахъ ходили чуть не два мѣсяца, являлись наряженными даже въ церковь, только закрываясь плащами; въ маскахъ присутствовали и въ Сенатѣ. Въ первый день маскарада до 1000 масокъ въ плащахъ собралось на Троицкой площади. Явился царь въ одеждѣ гол-

ландскаго матроса, корабельнаго барабанщика, и усердно началъ барабанить. Вмигъ всѣ сбросили плащи, и площадь запестрѣла нарядами. Всѣ въ порядкѣ двинулись за царемъ. Сперва шелъ князь-кесарь въ одеждѣ древнихъ русскихъ царей, въ бархатной мантіи, подбитой горностаемъ, въ золотой коронѣ, со скипетромъ въ рукахъ. Онъ окруженъ былъ толпою слугъ въ старой русской одеждѣ. Затѣмъ слѣдовала царица Екатерина въ одеждѣ голландской крестьянки, въ простомъ полотняномъ чепцѣ, съ корзиною подъ рукою, а за нею княжна-кесарша, жена Ромодановскаго, одѣтая, какъ древнія царицы, въ коронѣ изъ драгоцѣнныхъ камней. Далѣе шли въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ: тутъ были турки, индѣйцы, жиды, римскіе воины въ каскахъ, капуцины, разные иноземные монахи и проч. Князь-папа былъ въ своемъ полномъ облаченіи, со всѣми кардиналами и слугами. Въ свитѣ его, какъ обыкновенно, многіе изъ знати ѣхали на волахъ, ослахъ, или въ саняхъ, въ которыхъ запряжены были свиньи, козлы, медвѣди. Очень смѣшны еще были два огромныхъ гайдука въ дѣтской одеждѣ, которыхъ вели на помочахъ два маленькихъ карлика съ длинными сѣдыми бородами. Многіе въ старой боярской одеждѣ, въ высокихъ собольихъ шапкахъ и парчевыхъ кафтанахъ подъ шелковыми охабнями, ѣхали верхомъ на ручныхъ медвѣдяхъ. Такъ гуляли по Троицкой площади, а на другой день переѣхали черезъ Неву на Царскій лугъ. Особенно необычаенъ былъ переѣздъ князя-папы. Каждый кардиналъ изъ его свиты, крѣпко привязанный, сидѣлъ верхомъ на бочкѣ, которая стояла на плоту, устроенномъ на двухъ бочкахъ. Такіе плоты съ кардиналами плыли одинъ за другимъ, всѣ пристегнутые къ одному плоту, который также держался на бочкахъ. На немъ укрѣпленъ былъ огромный котелъ съ пивомъ; въ котлѣ, въ большой деревянной чашкѣ, плавалъ князь-папа, такъ что только голова его виднѣлась. Впереди котла, на морскомъ чудовищѣ, сидѣлъ морской богъ съ трезубцемъ, въ родѣ вилъ, которыми отъ времени до времени повертывалъ князя-папу въ его чашкѣ, а сзади опухшій толстякъ, представлявшій бога вина, Бахуса, сидя на бочкѣ, прикрѣпленной съ краю, безпрестанно черпалъ ковшемъ пиво. Князь-папа крѣпко сердился на своихъ обоихъ сосѣдей. Всю машину черезъ Неву тянули лодками, при чемъ кардиналы трубили въ коровьи рога. Когда князь-папа выходилъ на берегъ, люди, посланные паремъ, будто помогая ему выйти, окунули его съ чашкою въ пиво. Такъ на радостяхъ Петръ тѣшился самъ и тѣшилъ народъ, который тысячами глядѣлъ на это небывалое зрѣлище.

Въ другіе дни катались по Невѣ въ лодкахъ, на которыхъ по-

ставлены были качели, тянули опять машину съ княземъ-папою, ходили въ процессіи по всему городу, ѣздили за городъ и даже въ Кронштадтъ. Въ слѣдующемъ 1722 году такой же маскарадъ устроенъ въ Москвѣ, но тутъ ѣздили по улицамъ въ лодкахъ, поставленныхъ на полозьяхъ. Петръ смастерилъ себѣ судно въ 30 футовъ длиною, которое съ трудомъ тянули 15 лошадей. Оно было оснащено точь въ точь какъ настоящій корабль, съ тремя мачтами и парусами, съ лодочкою позади. При этомъ царь исполнялъ до тонкости всѣ морскія движенія: когда ѣхали по вѣтру, онъ распускалъ паруса; при поворотахъ паруса мѣнялись, какъ въ морѣ; его юнги ловко лазили по мачтамъ и канатамъ; при наступленіи темноты, онъ съ генералами билъ зорю. Царь и тутъ желалъ, чтобы народъ чему-нибудь научился въ его любимой наукѣ. Эта морская наука и была великимъ дѣломъ, на которое онъ положилъ всю свою душу. Повторяемъ, что въ этой горячей страсти къ мореплаванію болѣе всего высказалось величіе Петра: люди высокаго ума страстно любятъ, какъ свое собственное дѣло, именно то, что въ данную минуту болѣе всего полезно ихъ родинѣ. Зная обо всемъ, что лучшаго сдѣлано Петромъ, мы теперь поймемъ, какой смыслъ имѣлъ послѣдній изъ наиболѣе замѣчательныхъ праздниковъ, который справилъ онъ подъ конецъ жизни. Петръ вспомнилъ о ботикѣ, на которомъ плавалъ въ первый разъ по Яузѣ, и пожелалъ устроить ему торжественную встрѣчу. Ботикъ привезли въ Петербургъ: отъ Невскаго монастыря съ честью провожалъ его весь маленькій Невскій флотъ. Пальба изъ крѣпости, съ адмиралтейства, съ фрегатовъ, угощеніе гвардіи, пиръ до трехъ часовъ ночи съ неизбѣжными тостами,—слѣдовали по обычаю. Но главное торжество составилось въ Кронштадтѣ. Весь русскій флотъ, побѣдоносные дѣтки и внуки ботика, выстроился для его встрѣчи. На немъ сидѣлъ и гребъ самъ царь съ Меншиковымъ. Едва ботикъ показался, всѣ корабли, въ знакъ уваженія, спустили до самаго низу вымпела и флаги. Но вотъ ботикъ празднично разукрасился флагами, и разноцвѣтные флаги мгновенно запестрѣли на всѣхъ корабляхъ; ударилъ оглушительный залпъ изъ 1500 пушекъ: ботикъ по мѣрѣ силъ, отвѣчалъ на привѣтъ изъ трехъ своихъ маленькихъ орудій. Вечеромъ опять разгульный пиръ; пили, какъ никогда: не было пощады и дамамъ: Многіе вернулись домой безъ париковъ; Петръ безпрестанно со всѣми цѣловался; другіе тоже или цѣловались или ссорились; нѣмцы и здѣсь болѣе всего выказали буйства: адмиралъ Крейцъ далъ затрещину контръ-адмиралу Зандеру и свалилъ его съ ногъ.

Ботику отдавали честь около 30 лѣтъ спустя послѣ того, какъ

голландецъ Брантъ исправлялъ его для Петра. Въ эти 30 лѣтъ сдѣлано много: построено два большихъ флота, Россія овладѣла новымъ морскимъ путемъ, создано сильное войско, появилось множество новыхъ промысловъ; вмѣстѣ съ новой полезною для жизни наукой начало устраиваться болѣе свободное отъ предразсудковъ и суевѣрій, болѣе образованное общество. Большой флотъ въ сравненіи съ маленькимъ ботикомъ показалъ, что въ состояніи сдѣлать русскій народъ, если силы его направлены къ полезному дѣлу.

ОТЪ ПЕТРА I ДО ПЕТРА III.

Царствованіе Екатерины I, Петра II и Анны Іоанновны.

Послѣ смерти Петра I остались въ живыхъ слѣдующія лица изъ царскаго семейства, близкія къ престолу: супруга царя, Екатерина Алексѣевна, съ двумя дочерями, Анной Петровной, помолвленной за герцога Голштинскаго и дѣвицей Елизаветой Петровной, десятилѣтній внукъ Петра, сынъ несчастнаго Алексѣя, Петръ Алексѣевичь, и племянница Петра, дочь брата его Іоанна, Анна Іоанновна, бывшая за герцогомъ Курляндскимъ и теперь вдовою проживавшая въ Курляндіи. Петръ не назначилъ себѣ наслѣдника. Разувѣрившись въ своемъ сынѣ, онъ только высказалъ мысль, что государь вправѣ передать престолъ и не по наслѣдству, а кому захочетъ, достойнѣйшему, по той причинѣ, что «лучше чужой добрый, чѣмъ свой непотребный.» Но найти *достойнѣйшаго* царь не успѣлъ, да и врядъ ли могъ среди лицъ, его окружавшихъ. При дворѣ, рядомъ съ его приверженцами и сотрудниками, Меншиковымъ, Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, Остерманомъ и другими, теперь опять подняли голову бывшіе явные или тайные сторонники царевича Алексѣя, родственники царицы Евдокіи, Лопухины, Салтыковы, и также представители старой знати, Долгорукіе, Голицыны, и проч., враждебные къ Меншикову и людямъ, ему подобнымъ, уже по причинѣ ихъ низкаго происхожденія. На ихъ сторонѣ, казалось, была вся выгода, потому что, по старому обычаю, ближайшее право на престолъ имѣлъ сынъ Алексѣя. Оставалось рѣшить, кто будетъ править до его совершеннолѣтія. Царь умиралъ, Екатерина плакала у его постели, а между тѣмъ гонцы усердно скакали изъ дома въ домъ, сторожили на лѣстницахъ дворца; знатные люди двухъ противныхъ сторонъ съѣзжались между собою и совѣщевались, что дѣлать. Но Меншиковъ былъ всѣхъ расторопнѣе: онъ

заранѣе перевезъ государственную казну въ крѣпость, комендантъ которой держалъ его сторону, и распорядился, чтобы двинуть гвардію ко дворцу. Подготовивъ Екатерину чрезъ Анну Петровну и своихъ голштинскихъ друзей, онъ, при первомъ извѣстіи о смерти государя, собралъ во дворцѣ главнѣйшихъ лицъ своей партіи, и они тотчасъ присягнули Екатеринѣ, какъ императрицѣ. Но и противники не дремали: въ огромномъ числѣ они также собрались во дворецъ и напередъ радовались, видя свое превосходство, какъ вдругъ разнеслась молва, что Екатерина уже объявлена государыней, и, какъ будто въ подтвержденіе этого, по данному знаку, подъ окнами загремѣли барабаны. Всѣ остолбенѣли. Вотъ, вышла императрица и объявила, что, по малолѣтству великаго князя Петра, она принимаетъ правленіе. Тутъ Меншиковъ сказалъ, что это дѣло еще надо обсудить и сталъ просить государыню о дозволеніи устроить совѣщаніе. Но совѣщаніе устраивалось только для виду. Сторонники Алексѣя и его сына требовали, чтобы Екатерина по крайней мѣрѣ была назначена только правительницей до совершеннолѣтія великаго князя. Меншиковъ и его друзья, особенно Ѳеофанъ Прокоповичъ, доказывали, что прямая воля Петра была назначить Екатерину себѣ преемницей, что для этого онъ и вѣнчалъ ее на царство, и приводили свидѣтелей, будтобы слышавшихъ отъ государя объ этомъ его рѣшеніи. Противная сторона не безъ основаній это оспаривала; но наконецъ всѣ принуждены были присягнуть Екатеринѣ, такъ какъ войска, окружавшія дворецъ, находились въ распоряженіи Меншикова. Помогая воцаренію Екатерины I, Меншиковъ, конечно, разсчитывалъ захватить всю власть въ свои руки. Императрица и прежде была съ нимъ въ самой тѣсной дружбѣ: черезъ него она возвысилась изъ простаго званія; наравнѣ съ нимъ, болѣе всѣхъ умѣла снискать любовь Петра. Привязанность къ нимъ царя естественно связывала обоихъ: но Екатерина съ самого начала привыкла смотрѣть на Меншикова, какъ на своего руководителя. Петръ не могъ завѣщать ей престола, потому что она была совершенно необразована и не учавствовала ни въ какихъ дѣлахъ управленія. Отличаясь мягкостью характера, она за всѣхъ ходатайствовала, умѣла войти въ интересы Петра, толкуя въ письмахъ къ нему о корабляхъ, обо всемъ, что его тѣшило, не утомлялась всюду ѣздить съ нимъ въ походахъ, умѣла смягчать его въ минуты раздраженія—словомъ, была не больше, какъ доброю супругой. Точно также и въ свое короткое царствованіе она мало занималась дѣлами. Прогулки въ Лѣтнемъ саду, поѣздки въ любимый Екатерингофъ или Петергофъ, семейные праздники, роскошные наряды изъ алмазовъ и гор-

настаевъ, бывшіе тогда новинкой,—вотъ чѣмъ развлекалась Екатерина. 1-го апрѣля 1725-го года она велѣла въ шутку бить въ набатъ, чтобы по обычаю обмануть народъ. Всѣ заботы объ управленіи лежали на Меншиковѣ. Онъ прежде всего сталъ думать о томъ, какъ бы устроить свои дѣла. Щедро были осыпаны наградами всѣ его приверженцы и помогавшая ему гвардія. Не забылъ онъ и себя: благосклонная государыня скоро увеличила число принадлежавшихъ ему крестьянъ до 100000. Но нужно было задобрить и противниковъ. Голицыны получили важныя должности; Алексѣй Долгорукій сдѣланъ сенаторомъ, а сынъ его, Иванъ, приставленъ гофъ-юнкеромъ при великомъ князѣ. Для того чтобы ослабить власть сенаторовъ, между которыми были и противники Меншикова, онъ составилъ изъ главнѣйшихъ сановниковъ Верховный или Тайный совѣтъ, первенствовавшій надъ сенатомъ. Въ Совѣтѣ обдумывали, какъ бы уничтожить лихоимство чиновниковъ и неправду въ судахъ, какъ уменьшить число властей, слишкомъ обременительное и для казны, и для народа, какъ облегчить народныя тягости. Къ концу царствованія Петра недоимки все увеличивались; воеводы опять забрали силу; отъ притѣсненій при сборѣ податей, отъ неурожаевъ и болѣзней, по прежнему гибло много народу, умножалось число бѣглыхъ и разбойниковъ. Въ одномъ полку изъ 13000 человѣкъ 8000 умерло отъ болѣзней, а 3000 бѣжало. Въ Тайномъ Совѣтѣ кое что и было сдѣлано для общей пользы; но скоро этимъ заботамъ о дѣлахъ положенъ конецъ личными счетами и взаимной враждою совѣтниковъ. Голицыны уже ковали ковы и мечтали вернуться къ старинѣ, возстановивши на первый разъ патріаршество. Герцогъ Голштинскій, супругъ Анны Петровны, хлопоталъ лишь о томъ, чтобы съ помощью Россіи ему возвращена была отнятая датчанами Голштинія, хотя бы изъ за этого пришлось бороться съ Франціей, Англіей и Швеціей, поддерживавшими датчанъ. Всѣ недовольны были Меншиковымъ, потому что онъ одинъ хотѣлъ властвовать. Чтобы найти себѣ опору, онъ сблизился съ вѣнскимъ двородо такой степени, что австрійскій посланникъ въ Петербургѣ сталъ распоряжаться чуть ли не всѣми дѣлами. Въ Курляндіи умершій супругъ Анны Іоанновны былъ послѣднимъ изъ стариннаго рода герцоговъ, правившихъ страною, и дѣло шло объ ибраніи новаго герцога. Меншиковъ задумалъ пристроиться и тутъ, и уѣхалъ въ Митаву, чтобы хлопотать о своемъ избраніи. Но нѣмецкіе бароны не хотѣли и слышать объ этомъ. Начались интриги, смуты и волненія въ Польшѣ, имѣвшей свои права на Курляндію. По жалобамъ Анны Іоанновны, Екатерина принуждена была отозвать Меншикова въ Пе-

тербургъ. Здѣсь враги его не дремали и пытались даже призвать его къ суду. Между тѣмъ государыня все слабѣла. Опасаясь ея смерти, старые приверженцы Меншикова составили планъ, чтобы, помимо Петра Алексѣевича, возвести на престолъ одну или даже обѣихъ дочерей ея. Казалось, и Меншиковъ долженъ былъ ихъ поддерживать; но вышло на оборотъ. Упрочивая свое положеніе, онъ предпочелъ видѣть на престолѣ сына Алексѣя, съ тѣмъ, чтобы великій князь былъ обрученъ съ его дочерью, княжною Меншиковою. Въ этомъ смыслѣ и было составлено Екатериною духовное завѣщаніе. Въ немъ великимъ княгинямъ назначены только большія суммы на содержаніе, а герцогу голштинскому обѣщано завоеваніе Голштиніи. Приверженцы Меншикова, узнавъ объ этомъ, были крайне недовольны и стали рѣзко отзываться о самой государынѣ. Меншиковъ не задумался ими пожертвовать и многіе изъ нихъ сосланы въ ссылку.

Екатерина I скончалась въ маѣ 1727-го года, царствовавъ лишь два года съ небольшимъ. Послѣ нея вступилъ на престолъ 12-ти лѣтній Петръ II подъ опекой Верховнаго Совѣта, гдѣ господствовалъ Меншиковъ. Власть его, какъ будущаго тестя государя, еще болѣе усилилась. Чтобы не имѣть ни въ комъ себѣ помѣхи, онъ принудилъ и герцога голштинскаго уѣхать изъ Россіи. Теперь онъ сталъ заботиться объ образованіи Петра по плану, составленному Остерманомъ, и, для лучшаго присмотра, переселилъ молодаго государя изъ дворца въ свой домъ. Но Меншиковъ напрасно думалъ удовлетворить своихъ противниковъ, дѣлая имъ большія уступки. Главною ошибкою его было, что онъ оставилъ при Петрѣ товарищемъ забавъ молодаго Ивана Долгорукаго. Этотъ не злой отъ природы, но въ высшей степени легкомысленный и испорченный юноша страстно предавался однимъ увеселеніямъ. Въ кругъ занятій государя по плану входили верховая ѣзда и охота. Долгорукіе этимъ воспользовались, чтобы по немногу удалять его отъ Меншикова. Главнымъ совѣтникомъ тутъ былъ отецъ Ивана, Алексѣй, а самъ Иванъ лишь слѣдовалъ его внушеніямъ. Петръ все чаще отрывался отъ наукъ для веселыхъ поѣздокъ по окрестностямъ Петербурга; въ нихъ учавствовали Иванъ Долгорукій, любимая сестра государя, Наталья, и великая княжна Елизавета Петровна, въ то время плѣнявшая всѣхъ своей цвѣтущей молодостью, красотою и живостью характера. Хитрый и угодливый Остерманъ содѣйствовалъ этимъ прогулкамъ. Самъ Меншиковъ частію по болѣзни, частію по множеству дѣлъ не помѣшалъ имъ во время, да, вѣроятно, и смотрѣлъ на нихъ, какъ на безвредныя игры молодежи. Но случилось не такъ. Наученный своими родственниками, Иванъ Долгорукій, въ отсутствіе Меншикова, высказывалъ со

слезами на глазахъ свою преданность государю, намекалъ, что правитель слишкомъ ужъ стѣсняетъ его свободу, тогда какъ онъ могъ бы быть полновластнымъ владыкой, и все больше заманивалъ его къ различнымъ потѣхамъ. Петръ уже замѣтно тяготился опекою Меншикова, и Долгорукіе ждали только случая къ разрыву. Однажды купечество, по какому то случаю, поднесло государю нѣсколько тысячъ червонныхъ. Наталія Алексѣевна выпросила эти деньги на свои нужды, и Петръ велѣлъ отнести ихъ къ ней. Но посланныхъ съ деньгами встрѣтилъ Меншиковъ и, узнавши, въ чемъ дѣло, сильно разгнѣвался, отослалъ деньги назадъ и пошелъ упрекать государя за его расточительность. Петръ принужденъ былъ скрыть свою досаду, но не простилъ этого Меншикову. Другой случай также далъ поводъ врагамъ правителя разъяснять государю, какъ мала его власть. Меншиковъ, возвратясь однажды изъ Ораніенбаума, гдѣ имѣлъ свой великолѣпный загородный домъ, не нашелъ государя: онъ ускакалъ съ своими любимцами на охоту, а погода была самая ненастная. По его возвращеніи, Меншиковъ сталъ рѣзко ему выговаривать, что онъ совсѣмъ не бережетъ своего здоровья. Тутъ совѣтники Петра уже окончательно надоумили его, что дѣлать.

Меншиковъ уѣхалъ въ Ораніенбаумъ для освященія построенной имъ церкви и ждалъ на эту церемонію самого государя. Вдругъ получаетъ онъ изъ Петербурга извѣстіе, что Петръ не только не пріѣдетъ, но перебрался изъ его дома во дворецъ со всей своей свитой. Меншиковъ поспѣшно поскакалъ въ Петербургъ, явился ко дворцу, но его не впустили. Тогда, потерявъ всю свою гордость, онъ сталъ смиренно выпрашивать черезъ Наталію Алексѣевну и черезъ другихъ о свиданіи съ государемъ. Все было напрасно. Вышло рѣшеніе, чтобъ онъ удалился изъ Петербурга въ свое отдаленное имѣніе Раненбургъ, въ нынѣшней Рязанской губерніи, на границѣ со степями. Съ большимъ шумомъ и блескомъ сталъ онъ перевозиться. Множество каретъ повозокъ, конныхъ тянулись черезъ весь Петербургъ къ заставѣ. Народъ видѣлъ, что выѣзжалъ владѣтельный князь со своими несмѣтными богатствами. Это лишь разлакомило его враговъ. Они поспѣшили устроить дѣло такъ, чтобы воспользоваться его имѣніями, отобравъ ихъ въ казну. Послѣ удаленія Меншикова, уже не трудно было обвинить его. Нарядили судъ, уличившій его въ мздоимствѣ, въ томъ между прочимъ, что онъ принималъ отъ шведовъ деньги, обѣщаясь отклонить Екатерину отъ войны съ ними. У Меншикова отнято все его состояніе и богатство, и самъ онъ съ семействомъ сосланъ въ Сибирь, на дальній сѣверъ, въ Березовъ. Здѣсь какъ бы чудомъ обра-

тился онъ въ прежняго труженика и работника, какимъ былъ въ юности, въ началѣ царствованія Петра I. Онъ ходилъ въ простой крестьянской одеждѣ, отпустилъ себѣ бороду, своими руками построилъ себѣ хату и церковь. Онъ умеръ въ ссылкѣ, въ 1729-мъ году; въ Березовѣ умерла и дочь его, бывшая невѣста Петра II: прочіе члены его семьи впослѣдствіи возвращены изъ ссылки.

Крайнее корыстолюбіе и жажда власти составляютъ темныя стороны въ характерѣ Меншикова. Но всетаки это былъ самый умный и дѣятельный изъ сотрудниковъ Петра I: съ его паденіемъ, казалось, и все, начатое Петромъ, должно было придти въ совершенный упадокъ. Долгорукіе и ихъ сторонники, теперь взявши всю власть надъ Петромъ II, торопили его объявить себя совершеннолѣтнимъ, и онъ отправился для коронованія въ Москву. Здѣсь жила родовитая знать на своихъ обширныхъ дворахъ, а въ окрестностяхъ славились ея роскошныя, богатѣйшія помѣстья и усадьбы. Здѣсь приверженцы старины и основали свое мѣстопребываніе. Дворъ болѣе не возвращался въ Петербургъ. Любимая столица Петра I-го, съ ея постройками и флотомъ, забыты и заброшены. Казалось всѣ преобразованія должны были рухнуть. Но толчекъ, данный великимъ государемъ, былъ слишкомъ силенъ. Въ числѣ самыхъ приверженцевъ старины встрѣчались люди, уже получившіе европейское образованіе и волею неволею помогавшіе Петру I въ его дѣлѣ. Кромѣ того Остерманъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ умѣли хитростью сохранить свою власть. Правда, всѣ эти лица теперь думали лишь о томъ, какъ бы себя обезопасить, какъ бы угодить двору, и должность какого нибудь конюха у любимца лошадей и собакъ, Ивана Долгорукаго, казалась привлекательнѣе высшей государственной должности. Застой въ дѣлахъ былъ всеобщій; но повернуть назадъ, къ старинѣ, было невозможно уже потому, что сами правители занимались не какими либо преобразованіями, а только забавами. Одинъ лишь старинный обычай вошелъ въ силу: царская охота съ собаками и соколами, кулачные бои, медвѣжья травля,—забавы, которыхъ Петръ I вовсе не любилъ. Иванъ Долгорукій, осыпанный чинами и почестями, теперь сталъ такимъ любимцемъ государя, что спалъ съ нимъ на одной постелѣ. Дни, недѣли, мѣсяцы проходили въ разъѣздахъ и пирахъ. Со всей Россіи съѣзжались въ Москву наиболѣе извѣстные охотники изъ помѣщиковъ. Безчисленные своры собакъ наполняли лаемъ столицу и ея окрестности; всѣ сосѣднія поля были вытоптаны лошадями. Въ сентябрѣ 1729-го года Петръ II выѣхалъ изъ Москвы съ 620 собаками. Отецъ Ивана имѣлъ близъ Москвы богатое помѣстье. Послѣ скачки

по полямъ и лѣсамъ съ утра до поздней ночи, сюда пріѣзжалъ отрокъ государь съ безчисленною свитой. Его встрѣчали толпы молодыхъ дѣвицъ и между ними бойкая, семнадцатилѣтняя сестра Ивана Долгорукаго. Начиналась шумная пирушка съ танцами, съ попойками. Такъ Долгорукіе губили Петра II, еще не достигшаго и юношескаго возраста. Но они этого не предчувствовали. Въ чаду веселья, они устроили его обрученье съ сестрою Ивана, чтобы окончательно утвердить свое мѣсто у трона. Петру однако невѣста не нравилась: онъ особенно привязанъ былъ къ Елизаветѣ Петровнѣ, которую Долгорукіе сильно не жаловали. Самъ любимецъ уже не довольствовался пирами, какіе устраивали его родственники. Онъ вернулся въ Москву и здѣсь предался самому дикому разгулу: хмѣльной, врывался въ дома, ломалъ, билъ кого попало; однажды чуть не выбросилъ въ окно князя Трубецкаго, у котораго отнялъ жену. Когда настало зимнее ненастье, государь пріѣхалъ въ столицу; но прожилъ не долго. Въ январѣ 1730-го года онъ сильно простудился, заболѣлъ оспою, которая тогда свирѣпствовала въ Москвѣ, и умеръ, едва 14 лѣтъ отъ роду.

Въ то время, какъ Петръ II лежалъ на смертномъ одрѣ, Долгорукіе собрались въ одинъ изъ дворцовъ на совѣщаніе. Собраніемъ руководилъ умнѣйшій изъ нихъ, Василій Лукичъ. Онъ сталъ толковать, нельзя ли возвести на престолъ сестру Ивана, обрученную съ государемъ. Раздались голоса, что страшно и заикнуться объ этомъ: гвардія ни въ какомъ случаѣ не одобрила бы подобный выборъ. Василій Лукичь намекнулъ, что можно бы отъ лица государя составить духовное завѣщаніе объ избраніи въ наслѣдницы его невѣсты. Князь Иванъ тутъ же показалъ свое искуство и написалъ слово «Петръ» совершенно подъ почеркъ государя. Тогда Василій Лукичъ продиктовалъ завѣщаніе, а Иванъ сдѣлалъ на немъ фальшивую подпись. Но написали и другой экземпляръ, чтобы, если возможно, представить его къ подписи умирающему государю. Этого однако не удалось исполнить: государь лежалъ при послѣднемъ издыханіи, и скоро умеръ. Тотчасъ собрался Верховный Совѣтъ, гдѣ первенствующимъ лицомъ уже является Дмитрій Голицынъ. При первой подачѣ голосовъ, кого избрать, Долгорукіе припрятали подальше свое завѣщаніе: Голицынъ предложилъ другой планъ дѣйствій. По его словамъ, «нужно было полегчить, прибавить воли», чтобы дворянство не терпѣло такихъ тягостей, какъ при Петрѣ I. Взявъ за образецъ Швецію и другія европейскія государства, онъ задумалъ сосредоточить всю власть въ рукахъ немногихъ, избранныхъ изъ дворянства лицъ. Но такія лица

уже находились въ Верховномъ Совѣтѣ, и Дмитрій Голицынъ убѣдилъ товарищей предложить престолъ курляндской принцессѣ, Аннѣ Іоанновнѣ, на такихъ условіяхъ, чтобы она безъ согласія Верховнаго Совѣта не могла ни начинать войны или заключать мира, ни налагать податей или распоряжаться казною, ни возвышать или награждать кого либо. Такъ рѣшили всего шесть лицъ: двое Голицыныхъ и четверо Долгорукихъ; изъ двухъ, еще бывшихъ въ Совѣтѣ, Головкинъ только молчалъ, втайнѣ не сочувствуя товарищамъ, а Остерманъ сказался больнымъ и скрытно дѣйствовалъ по своему. Василій Лукичъ взялся отвезти условія въ Курляндію. Совѣтники все это старательно скрывали, объявивъ собравшемуся въ Москвѣ дворянству только объ избраніи Анны Іоанновны, чему никто не противорѣчилъ. Но замыслы ихъ скоро стали извѣстны. Дворяне, служившіе въ гвардіи, духовенство въ лицѣ Ѳеофана Прокоповича и всѣ знатныя лица, обойденныя Голицынымъ, были сильно возмущены. Начались тайныя совѣщанія, которыми руководили: врагъ Долгорукихъ, князь Трубецкой, богатый князь Черкаскій, молодой ученый Татищевъ и извѣстный впослѣдствіи писатель Кантемиръ, бѣдный, но наиболѣе образованный изъ тогдашняго дворянства. Тутъ одни высказывались за прежнюю, неограниченную власть; другіе напротивъ желали, увеличивъ число членовъ Верховнаго Совѣта, рядомъ съ нимъ устроить еще родъ думы изъ дворянъ, которая рѣшала бы всѣ дѣла, по предложенію государыни. Дмитрій Голицынъ готовъ уже былъ идти на сдѣлки, но онъ никакъ не соглашался уступать власть большому числу дворянъ, а имѣлъ въ виду лишь избранную знать. По его мнѣнію, число верховниковъ могло быть около 20 и чтобы выбирались они 100 знатнѣйшими фамиліями. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ дѣло шло о возобновленіи старинной, ненавистной народу, боярщины. Правленіе, подобное польскому, никогда не имѣло-бы успѣха въ Россіи, и затѣи дворянъ врядъ ли могли исполниться, и при ихъ согласія между собою. Но согласія этого не было. Противники Голицына (въ томъ числѣ Ѳеофанъ Прокоповичъ) успѣли предъупредить Анну Іоанновну, чтобы она согласилась на всѣ условія, а по ея пріѣздѣ въ Москву, дѣло измѣнится. Анна Іоанновна вовсе не разсчитывала быть избранной на царство, и, когда пріѣхалъ въ Курляндію Василій Лукичъ, охотно подписала актъ избранія, которымъ отказывалась отъ самодержавной власти. Послѣ этого она съ Василіемъ Лукичемъ отправилась въ Москву. Здѣсь Долгорукіе не отступали отъ нея ни на шагъ и зорко смотрѣли, чтобы кто нибудь не подалъ ей какой записки. По ихъ распоряженію, даже подходящіе къ рукѣ государыни должны были держать руки позади. Но Анна

Іоанновна знала обо всемъ, имѣя сношенія съ Остерманомъ и Черкасскимъ черезъ Салтыкову и другихъ придворныхъ дамъ. Разсказываютъ, что нерѣдко записочки клали въ пеленки малютки, котораго ей всякій день приносили: это былъ сынъ ея курляндскаго камергера и любимца Бирона. Такъ ее предъувѣдомили и въ рѣшительную минуту. Спустя мѣсяцъ послѣ ея воцаренія, около 800 гвардейскихъ чиновъ и служащихъ изъ мелкихъ дворянъ, подъ предводительствомъ Черкасскаго, явились во дворецъ и стали просить аудіенціи. Государыня вышла, и Трубецкой подалъ ей челобитную, со 150 подписями, гдѣ дворянство и другія сословія просили ее о дозволеніи пересмотрѣть актъ, въ силу котораго она приняла власть. Анна Іоанновна согласилась. Тутъ-же устроено совѣщаніе. Въ многочисленномъ собраніи невозможны были долгія пренія; притомъ и Голицыны съ Долгорукими еще не потеряли своей силы. Послѣ нѣсколькихъ поданныхъ голосовъ, всѣ пришли къ рѣшенію признать за государынею неограниченную власть, какую имѣли ея предки. Выслушавъ это рѣшеніе, Анна Іоанновна сказала Василію Лукичу: «Такъ ты обманулъ меня, и народъ вовсе не желалъ, чтобъ я подписывала условія?» Потомъ она велѣла принести актъ избранія и изорвала его.

Объявивъ себя самодержавной, она, конечно, приблизила къ себѣ людей, поддерживавшихъ ея власть; Долгорукіе подверглись преслѣдованіямъ. Но сначала ихъ только удалили отъ двора: имъ или даны должности въ отдаленныхъ областяхъ, или приказано жить въ дальнихъ помѣстьяхъ. Скоро однако, съ возвышеніемъ Бирона, ихъ стали обвинять все въ новыхъ преступленіяхъ. Василій Лукичъ былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь, а Алексѣй Долгорукій, съ сыномъ Иваномъ и другими дѣтьми, въ тотъ самый Березовъ, куда они когда то запрятали Меншикова. Здѣсь ихъ также не оставляли въ покоѣ. Въ 1739-мъ году разнеслась молва о какомъ-то заговорѣ въ пользу Елизаветы Петровны. Долгорукихъ стали жестоко пытать. Князь Иванъ, бывшій любимецъ Петра II, не вынесши мукъ, разсказалъ о совѣщаніи, на которомъ когда-то Долгорукіе думали предоставить престолъ сестрѣ его, невѣстѣ государя. Этого было довольно для смертнаго надъ ними приговора. Иванъ съ двумя его дядями (отецъ его уже умеръ) и Василій Лукичъ привезены изъ ссылки, осуждены на казнь, и въ Новгородѣ обезглавлены. Но память о князѣ Иванѣ осталась еще въ запискахъ жены его, Натальи Борисовны, дочери знаменитаго фельдмаршала Шереметьева. Тутъ, въ своемъ изгнаніи, онъ представляется намъ добрымъ, но безхарактернымъ человѣкомъ. Наталья, послѣ смерти отца, жила сиротою въ совершенномъ уедине-

нія, не зная людей и свѣта. Она была обручена съ Долгорукимъ передъ самымъ его паденіемъ. Она только изрѣдка видѣла своего знатнаго жениха, слышала, въ какомъ онъ почетѣ, и сильно его полюбила. Она мечтала о блескѣ, о славѣ, какъ вдругъ узнаетъ, что Долгорукіе впали въ немилость. Тогда ея родные перестали и думать о свадьбѣ, но на зло имъ Наталья захотѣла раздѣлить участь Ивана. Если, во время его силы, она имъ плѣнялась, то теперь ей казалось низкимъ отъ него отступиться. Съ дѣтства привыкши къ нѣгѣ и къ почестямъ, Наталья съ твердостью перенесла всякое униженіе, холодность родныхъ, всѣ трудности постоянныхъ переѣздовъ по глухимъ мѣстамъ, наконецъ ссылку въ Сибирь, тяжкія гоненія, крайнюю нужду и утѣшалась только тѣмъ, что служитъ поддержкою своему любимому мужу. Послѣ его казни, она возвратилась съ дѣтьми изъ ссылки, и, устроивъ ихъ, пошла въ Кіевъ въ монастырь. Въ ея воспоминаніяхъ, исполненныхъ любви, мы нѣсколько миримся съ несчастнымъ Долгорукимъ. Что касается Голицыныхъ, то они только удалены отъ двора. Дмитрій Голицынъ былъ осужденъ, за два года до казни Долгорукихъ, по частному дѣлу, вслѣдствіе тяжбы съ Антіохомъ Кантемиромъ, и умеръ въ Шлиссельбургской крѣпости. Онъ самъ предчувствовалъ свою участь. Когда дворянство подало Аннѣ просьбу, онъ сказалъ: «Трапеза была уготована, но приглашенные оказались недостойными. Знаю, что пострадаю за неудачу этого дѣла. Такъ и быть, я пострадаю за отечество, и тѣ, которые заставили меня плакать, будутъ плакать долѣе моего: мнѣ ужъ немного остается жить».

При новомъ дворѣ главную силу пріобрѣли нѣмцы изъ Курляндіи съ ихъ покровителемъ, Бирономъ, во главѣ. Биронъ былъ курляндецъ незнатнаго рода, сначала берейторъ, а потомъ камергеръ Анны Іоанновны. Отличный ѣздокъ, страстный до коней, мужественнаго вида, хотя и съ жесткимъ выраженіемъ лица, съ рѣзкими, ястребиными глазами, онъ не отличался ни особеннымъ умомъ, ни образованіемъ. Единственными его достоинствами можно считать любовь къ порядку и распорядительность, впрочемъ больше въ мелочахъ, чѣмъ въ чемъ либо важномъ. Въ немъ не было особой наклонности къ роскоши, къ буйнымъ, развратнымъ потѣхамъ, или другихъ страстишекъ, кромѣ упомянутой выше страсти къ лошадямъ. Но все это съ избыткомъ замѣнялось корыстолюбіемъ, грубымъ высокомѣріемъ, вспыльчивостью, въ которой онъ ничѣмъ себя не обуздывалъ, крайней мстительностью и жестокостью. Тому, кто ему не нравился, или казался противникомъ, не было ни малѣйшей пощады. За одно неосторожное слово тогда самые

знатные люди подвергались жестокой пыткѣ и казни. Въ своемъ гнѣвѣ Биронъ не разбиралъ лицъ, и даже льстить ему опасались. Однажды, недовольный дурными дорогами, онъ сказалъ сенаторамъ, что ихъ самихъ уложитъ вмѣсто мостовинъ для исправленія дороги. Австрійскій посланникъ такъ отзывался о Биронѣ: «когда онъ говоритъ о лошадяхъ или съ лошадьми, то говоритъ, какъ человѣкъ; а когда о людяхъ или съ людьми, то какъ лошадь.» Анна Іоанновна видѣла въ Биронѣ лишь усерднаго слугу и, выросши сама въ грубой обстановкѣ, не могла замѣчать его невѣжества. Она имѣла довольно рѣшительный характеръ; но отличалась жестокостью нрава и страстью къ удовольствіямъ. Роскошные балы, маскарады не прекращались при дворѣ при самомъ крайнемъ безденежьи: не послѣднею забавой были шуты и разнаго рода болтуны. Въ одномъ изъ писемъ Анна Іоанновна именно приказываетъ разыскать себѣ «дѣвку» между дворянскими или посадскими дѣвицами, которая говорила бы безъ умолку. Она очень тѣшилась, когда во время одного фейерверка пустили нѣсколько шутихъ въ народъ, и произошла изрядная суматоха. Не смотря на эту простоту, Анна Іоанновна отлично понимала безсиліе тогдашней знати, происходившее отъ праздности и розни. Въ Курляндіи она натерпѣлась отъ происковъ русскихъ вельможъ, особенно Меншикова, боялась ихъ козней и привыкла ни кому не довѣрять изъ нихъ. Ставши царицей, она для поддержанія власти рѣшилась опираться на гвардію и на иностранцевъ. Такъ во вновь учрежденномъ Измайловскомъ полку всѣ офицеры были изъ курляндцевъ. Биронъ еще раньше сопровождалъ ее во время поѣздокъ въ Россію. Долгорукіе, боясь его вліянія, поставили Аннѣ Іоанновнѣ условіемъ, чтобы она не брала его съ собою, при избраніи на царство, но когда государыня утвердилась на престолѣ, Биронъ тотчасъ явился въ Москвѣ. Во время пребыванія въ Курляндіи все его честолюбіе заключалось въ томъ, чтобы сдѣлаться курляндскимъ дворяниномъ; но гордые курляндскіе владѣльцы, потомки древнихъ рыцарей, отказались избрать его; теперь-же онъ безъ затрудненія включенъ ими въ число дворянъ. Накупивъ въ Курляндіи земель, Биронъ щедро сыпалъ имъ деньгами и составилъ себѣ между ними огромную толпу приверженцевъ, такъ что, нѣсколько времени спустя, онъ избранъ ими курляндскимъ герцогомъ. По обстоятельствамъ, этому не противорѣчила и Польша, отъ которой Курляндія зависѣла, но этимъ также подготовлено присоединеніе курляндскаго герцогства къ Россіи, потому что Биронъ правилъ этой страною, оставаясь при русскомъ дворѣ.

Теперь, руководимый нѣмцами, дворъ опять переселился въ Пе-

тербургъ, подальше отъ приверженцевъ старины. Изъ русскихъ людей немногіе сохранили какую нибудь власть. Верховный Совѣтъ уничтоженъ, а вмѣсто него устроенъ *Кабинетъ* изъ трехъ лицъ, которые назывались *кабинетъ-министрами.* Такими вначалѣ были Головкинъ, Черкаскій и Остерманъ. Изъ нихъ лишь Остерманъ, какъ нѣмецъ, имѣлъ наибольшую силу. Биронъ, не свѣдущій въ управленіи, нуждался въ его тонкомъ умѣ и опытности, особенно при сношеніяхъ съ иностранными державами. Остерманъ, какъ только Голицынъ и Долгорукіе потерпѣли неудачу, тотчасъ выздоровѣлъ и энергически принялся за дѣла. Въ военномъ управленіи главнымъ лицомъ является фельдмаршалъ Минихъ, тоже нѣмецъ, принятый еще Петромъ I на службу и снискавшій его расположеніе работами по Ладожскому каналу. Минихъ былъ самый способный изъ лицъ, окружавшихъ Бирона, и, вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ Ласси, прославилъ царствованіе Анны Іоанновны многими побѣдами. Во главѣ духовенства сталъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Этотъ усердный сотрудникъ Петра I не любимъ былъ духовными лицами за его нападки на лживыя чудеса, на суевѣрное поклоненіе иконамъ, на гордыню епископовъ, и проч. Приверженцы старины пытались низвергнуть его, обвинивъ въ сочувствіи къ протестантской вѣрѣ. Особенно шатко было его положеніе при Петрѣ II. Тогда однимъ изъ членовъ синода, Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ, издана была въ свѣтъ и книга «Камень Вѣры», написанная еще при Петрѣ I Стефаномъ Яворскимъ противъ протестантовъ. Стефанъ Яворскій, скрытно сочувствовавшій католикамъ, какъ будто возставалъ въ ней противъ шведовъ, тогдашнихъ враговъ Россіи; но на дѣлѣ имѣлъ въ виду людей, подобныхъ Ѳеофану, съ ихъ преобразовательными замыслами. При Биронѣ эта книга, столь непріятная нѣмцамъ протестантамъ, сожжена, и имѣть ее строжайше запрещено, какъ самое опасное сочиненіе. Издатель ея, Лопатинскій, заключенъ въ крѣпость. Въ этихъ преслѣдованіяхъ принималъ большое участіе и Ѳеофанъ Прокоповичъ, который, губя враговъ своихъ, не пренебрегалъ никакими коварными происками. Мы здѣсь назвали лицъ, наиболѣе видныхъ въ управленіи государствомъ. Но въ сущности все зависѣло отъ Бирона и его курляндскихъ друзей, которымъ и эти лица должны были угождать и прислуживать. О русскихъ Биронъ вообще отзывался съ презрѣніемъ: кто изъ нихъ не умѣлъ поставить себя сколько нибудь независимо, или стать необходимымъ своими знаніями и талантами, занималъ самыя низкія должности. Такъ одинъ изъ князей Волконскихъ присматривалъ за комнатной собачкой Анны Іоанновны, а одинъ изъ Голицыныхъ былъ придворнымъ шутомъ.

При новомъ правленіи дѣла рѣшались безъ задержки и во всемъ соблюдался внѣшній порядокъ. Но этотъ чиновничій порядокъ, при которомъ Биронъ не обращалъ никакого вниманія на нужды народа, былъ для всѣхъ чрезвычайно тягостенъ. Народъ въ то время не былъ обремененъ податями, но вслѣдствіе обѣдненія крестьянъ при многихъ, лежавшихъ на нихъ повинностяхъ (рекрутской, постойной, подводной, и проч.), при злоупотребленіяхъ властей, при плохомъ состояніи промысловъ, стѣсненныхъ пошлинами, и эти подати взыскивались туго. Весь доходъ казны отъ налоговъ составлялъ едва 16 милл. рублей, а недоимокъ, еще со временъ Петра I, насчитывали до 7 милл. руб. Теперь Биронъ задумалъ взыскать разомъ эти недоимки, предполагая, что помѣщики и чиновники утаиваютъ деньги, сбираемыя съ крестьянъ, и сами крестьяне не представляютъ ихъ по лѣни и нерадѣнію. Для сбора этихъ суммъ устроенъ особый *Доимочный приказъ.* Сюда входили деньги отдѣльно отъ общей казны, и неизвѣстно было, на что онѣ тратились. Полагаютъ, что большею частью ихъ воспользовался Биронъ. Такъ какъ уплата недоимокъ вела за собой, при слѣдующемъ взносѣ податей, новые недоимки, то суммы изъ этого источника не истощались, хотя казна все бѣднѣла. Тѣмъ настойчивѣе онѣ взыскивались. Всѣмъ властямъ сдѣланы были на этотъ счетъ самыя строгія предписанія: всѣ, не исключая и губернаторовъ, отвѣчали своимъ имѣніемъ въ случаѣ невзноса денегъ. Понятно, съ какимъ усердіемъ стали они распоряжаться. Поднялся всеобщій вопль. Военныя команды забирали у крестьянъ хлѣбъ, скотъ и всякую рухлядь; болѣе зажиточныхъ каждый день ставили босыми ногами въ снѣгъ, били палками по щиколкамъ и пятамъ, пока не выплатятъ. Помѣщиковъ и старостъ отвозили въ городъ, гдѣ многіе мѣсяцы морили въ тюрьмѣ. При всѣхъ этихъ вымогательствахъ, въ первый годъ собрано до половины, но множество народа было въ конецъ раззорено. Цѣлыя деревни, вмѣстѣ съ своими помѣщиками, бросали землю и бѣжали не вѣдомо куда. Другіе ударились въ разбой; на дорогѣ между Москвой и Петербургомъ и около обѣихъ столицъ не было проѣзду. Въ продолженіи 10 лѣтъ оказалось около полумилліона бѣглыхъ, при тогдашнемъ ничтожномъ населеніи Россіи. Вмѣстѣ съ этимъ, вслѣдствіе незасѣянныхъ полей, распространился голодъ, а войны еще болѣе истощали государство. Начался сильный ропотъ; стали раздаваться голоса противъ господства нѣмцевъ. Духовенство, вмѣстѣ съ другими сословіями, было также не довольно за невниманіе къ церкви, за то, что и изъ его среды брали людей въ рекруты. Служба дворянъ ограничена 25 годами; но это была не такая

льгота, чтобы помирила съ Бирономъ дворянство, тѣмъ болѣе, что видныхъ должностей достигали одни нѣмцы. Когда до правительства все чаще стали достигать слухи о неудовольствіяхъ, начались страшныя жестокости. Заключеніе въ крѣпость, пытки, казни стали обычнымъ дѣломъ. Одинъ изъ современниковъ такъ разсказываетъ объ этомъ. «Въ столицахъ на углахъ никто не смѣлъ поговорить, сошедшись съ пріятелемъ, опасаясь, чтобы не сочли разговоръ подозрительнымъ и не взяли обоихъ подъ караулъ. Мужъ съ женою, отецъ съ сыномъ боялись сказать слово о своемъ печальномъ положеніи, чтобы кто изъ домашнихъ не подслушалъ и не донесъ. Пріятели и родственники, прощаясь между собою, не иначе другъ о другѣ думали, что прощаются на вѣки. Рѣдкая ночь проходила, чтобы кто нибудь изъ живущихъ въ городѣ не пропалъ безвѣстно; да не смѣли и спрашивать, куда онъ дѣвался. На всѣхъ лицахъ изображенъ былъ страхъ, уныніе, отчаяніе». (Болтинъ, Прим., Томъ II, стр. 470). Наконецъ и въ кругу лицъ, приближенныхъ къ Бирону, явился человѣкъ, который осмѣлился поднять голосъ противъ тогдашнихъ порядковъ. Это былъ кабинетъ-министръ Волынскій.

При Петрѣ I, Волынскій занималъ должность губернатора въ Астрахани, а потомъ назначенъ губернаторомъ въ Казани. Тутъ онъ прославился взятками и хищничествомъ. Но Волынскій былъ человѣкъ чрезвычайно умный и распорядительный. При тогдашнихъ нравахъ, онъ былъ рѣзокъ, грубъ и даже иногда жестокъ; но хорошо зналъ Россію, имѣлъ большую наблюдательность, любилъ читать книги, разсуждалъ со своими пріятелями о заграничныхъ порядкахъ и составлялъ проэкты по разнымъ предметамъ управленія. Бирону онъ успѣлъ угодить своимъ великимъ усердіемъ въ доставкѣ лошадей для его конюшенъ, своими заботами объ этихъ конюшняхъ и о царскихъ охотахъ. Еще будучи неизвѣстнымъ, онъ докладывалъ Бирону, сколько людей заморено на Украйнѣ, давая тѣмъ оружіе противъ Миниха, и между прочимъ писалъ: «Всякаго приращенія и благополучія Вашей Свѣтлости и всему вашему дому желалъ и желать буду, и елико возможность и слабость ума моего достигнетъ, долженъ всегда по истинной совѣсти служить вамъ даже до изъятія живота моего.» Биронъ и надѣялся видѣть въ немъ покорнаго слугу. Какъ прежде тяготился онъ Минихомъ, противъ котораго интриговалъ Остерманъ, такъ теперь казалась ему опасною и власть Остермана. Тогда о бывшихъ въ кабинетѣ лицахъ говорили, что «Остерманъ душа, а Черкасскій-тѣло.» Въ противодѣйствіе этой душѣ, и возвышенъ Волынскій. Сдѣланный кабинетъ-министромъ на мѣсто умершаго Головкина, онъ сталъ дѣйствовать

смѣлѣе. Честолюбивый Волынскій не любилъ нѣмцевъ, стоявшихъ ему на дорогѣ, и все болѣе сближался съ русскими людьми; считая себя необходимымъ и довольно сильнымъ, особенно при тогдашнихъ затрудненіяхъ правительства, онъ предлагалъ разные планы къ улучшенію дѣлъ, хитро разсчитывая такъ или иначе ограничить власть Бирона. Онъ толковалъ, что вся бѣда въ сосредоточеніи власти въ немногихъ рукахъ: два, три человѣка распоряжаются всѣмъ до мелочей, какъ будто бы они были всезнающи и всемогущи. Необходимо было, по его словамъ, поднять значеніе сената, сдѣлать его болѣе независимымъ, при чемъ сенаторы объѣзжали бы Россію для узнаванія народныхъ нуждъ; необходимо было возвысить дворянство и сдѣлать его участникомъ въ управленіи мѣстными дѣлами; да и среднему сословію слѣдовало имѣть своихъ представителей въ магистратахъ, которые тогда были уничтожены. Волынскій желалъ почти того, что было впослѣдствіи исполнено при Екатеринѣ Великой. Онъ открыто смѣялся надъ невѣжествомъ и неспособностью нѣмцевъ, занимавшихъ тогда многія важныя мѣста, и, гдѣ отъ него зависѣло, исключалъ ихъ изъ службы. Одинъ изъ такихъ нѣмцевъ подалъ на него жалобу: отъ Волынскаго потребовали объясненій. Онъ вспылилъ и написалъ рѣзкій отвѣтъ. «Есть люди, писалъ онъ императрицѣ, что нарочно приводятъ государя въ сомнѣніе и подозрѣніе, выдавая всякую мелочь за важное и опасное дѣло; возбуждаютъ безпокойство своимъ печальнымъ видомъ, ужасными минами, ничего не объясняя, какъ будто бы въ томъ дѣлѣ были нивѣсть какія трудности, — все для того, чтобы показать, что имъ однимъ можно довѣриться, что только они и могутъ все исправить». Тутъ Волынскій намекалъ на Остермана, а отчасти и на Бирона, которые уже стали внушать Аннѣ Іоанновнѣ, не слѣдуетъ-ли опасаться самоуправства кабинетъ-министра, не затѣваетъ ли онъ чего недобраго со своими приверженцами изъ русскихъ. Объясненіе Волынскаго сильно не понравилось государынѣ, но покамѣстъ его оставили въ покоѣ: стали только за нимъ присматривать, разузнавать, что онъ говоритъ, съ кѣмъ водится у себя дома. Волынскій вообще дѣйствовалъ неосторожно, слишкомъ надѣясь на вниманіе къ нему Анны Іоанновны. Любя вообще говоруновъ, она охотно по цѣлымъ часамъ выслушивала его предположенія и проекты. Между тѣмъ онъ совсѣмъ забылъ появляться безъ дѣла въ передней Бирона, что уже одно считалось великою дерзостью. Когда Биронъ этому удивлялся, приближенные замѣчали: «У него дѣла много; все проекты пишетъ, всѣхъ бранитъ, все, по его мнѣнію, не такъ». Однажды Волынскій представилъ Бирону какое то дѣло для доклада. «Ступай, докладывай самъ, сказалъ этотъ съ досадою: ты можешь говорить и по часу безъ умолку». Друзья преду-

преждали Волынскаго, указывая на подозрительность Анны Іоанновны, на ея крайнюю недовѣрчивость къ русскимъ: «Берегись, когда женщина являетъ веселое лице, тутъ-то и надо бояться скрытаго гнѣва». Анна Іоанновна шутя передавала окружающимъ лицамъ всѣ замѣчанія Волынскаго на ихъ счетъ; но на его записку объ ихъ недостоинствѣ она уже серьезно ему сказала: «Ты подаешь мнѣ письмо съ совѣтами, какъ будто неопытному государю».

Все нами описанное происходило уже въ самомъ концѣ царствованія Анны Іоанновны. Придворные всячески старались разсѣять больную государыню и затѣяли шутовскую свадьбу вмѣстѣ съ большимъ маскарадомъ, — потѣху, подобную тѣмъ, какія устраивались при Петрѣ I. Все устройство праздника поручено Волынскому. Для этого собраны со всѣхъ концовъ Россіи по мужчинѣ и по женщинѣ изо всѣхъ народностей: изъ малороссіянъ, изъ самоѣдовъ, татаръ и проч. Они должны были участвовать въ маскарадѣ въ своихъ національныхъ костюмахъ. Придумали вѣнчать стараго шута Голицына съ придворною калмычкой Бужениновой. Для нихъ на Невѣ близь дворца выстроенъ *Ледяной домъ.* Дѣло было зимою: постройка удалась при сильной бывшей тогда стужѣ. Домъ былъ сложенъ изъ большихъ прозрачныхъ льдинъ, съ ледяными окнами, дверями и крышею. Внутри стояли искустно сдѣланные изо льда столы, стулья, брачная постель и прочая мебель. У подъѣзда колонны и другія украшенія, рядомъ съ домомъ огромный слонъ, съ другой стороны ворота, баня, передъ воротами дельфины и пушки, — все было ледяное. Къ свадьбѣ нужно было приготовить привѣтствіе въ стихахъ, и Волынскій послалъ за Тредьяковскимъ, бывшимъ тогда при академіи профессоромъ элоквенціи (краснорѣчія), прилежнымъ ученымъ и тружеником, но плохимъ стихотворцемъ. Тредьяковскій замедлилъ явиться. Разсерженный Волынскій при встрѣчѣ надавалъ ему оплеухъ. Этотъ пошелъ жаловаться Бирону во дворецъ. Волынскій тутъ замѣтилъ его между просителями, снова избилъ его, велѣлъ наказать батогами и отправилъ подъ караулъ писать стихи. Наступилъ и праздникъ. Послѣ свадьбы, по всѣмъ улицамъ потянулся длинный поѣздъ: впереди на слонѣ ѣхали въ клѣткѣ молодые; за ними парами представители разныхъ племенъ въ ихъ костюмахъ, камчадалы, якуты, остяки, армяне, татары и русскіе: кто на лошадяхъ, кто на быкахъ, на оленяхъ, кто на козлахъ, собакахъ и свиньяхъ. Веселыя толпы народа любовались зрѣлищемъ. Поѣздъ остановился у двора Бирона, и здѣсь, въ манежѣ, приготовленъ торжественный столъ. На пиру Тредьяковскій говорилъ свое привѣтствіе:

Здравствуйте, дуракъ и дура
Еще... то-та и фигура!
Теперь-то прямое время вамъ повеселиться,
Теперь-то всячески поѣзжанамъ должно бѣситься, и т. д.

Послѣ обѣда поѣздъ отправился къ Ледяному дому. При встрѣчѣ новобрачныхъ, домъ изнутри запылалъ огнями: горѣли ледяныя свѣчи, обмазанныя нефтью; въ ледяныхъ окнахъ, освѣщенныхъ изнутри, красовались смѣшныя картины. Слонъ пускалъ изъ хобота фонтанъ, дельфины выбрасывали горящую нефть, палили изъ ледяныхъ пушекъ. Молодыхъ на сутки оставили въ домѣ: тѣмъ и кончилась потѣха. Государыня присутствовала на праздникѣ и была имъ очень довольна. Волынскій получилъ награду; но скоро одно рѣзкое слово совсѣмъ его погубило. Тогда былъ заключенъ миръ съ турками. Польша требовала вознагражденія за вредъ, нанесенный помѣщикамъ, при проходѣ русскихъ войскъ чрезъ ея южные предѣлы. Когда объ этомъ разсуждали въ кабинетѣ, Волынскій сказалъ: «Мнѣ не зачѣмъ давать согласія: я не помѣщикъ и не вассалъ Польши». Биронъ сносилъ нападки на Остермана, но не вытерпѣлъ, когда уже прямо его затронули, намекнувъ на его подданство Польшѣ, какъ герцога Курляндскаго. Волынскій преданъ суду. Видя, что дѣло идетъ не на шутку, онъ забылъ всю свою гордость, сталъ унижаться, плакать, вымаливать прощеніе. Все напрасно. Ему поставили въ вину и старыя злоупотребленія, и то, какъ онъ обошелся съ Тредьяковскимъ, на что прежде вовсе не обратили вниманія; но главною виною послужили его невинные разговоры о тогдашнихъ порядкахъ, веденные съ пріятелями у себя на дому. Волынскій, съ нѣкоторыми изъ этихъ пріятелей, былъ пытанъ и обезглавленъ; другихъ били кнутомъ и сослали въ ссылку. Въ послѣдствіи Екатерина Великая писала о дѣлѣ Волынскаго: «Совѣтую моему сыну и всѣмъ моимъ потомкамъ читать это дѣло отъ начала до конца, чтобы они видѣли и предостерегали себя отъ такого беззаконнаго производства дѣлъ».

Въ дѣлахъ внѣшнихъ, Россія при Аннѣ Іоанновнѣ, сохранила прежнее вліяніе, какое пріобрѣла со временъ Петра I, хотя и не воспользовалась этимъ вліяніемъ для своихъ выгодъ. Войско, благодаря стараніямъ Миниха, было хорошо устроено. Кромѣ двухъ гвардейскихъ полковъ, Семеновскаго и Преображенскаго, сформировало еще два: Измайловскій и Конногвардейскій. Офицерамъ увеличено жалованье. Минихъ былъ чрезвычайно суровъ и взыскателенъ: онъ не задумался бы казнить любаго начальника войскъ за малѣйшую оплошность. Во время войны онъ не щадилъ людей. Но онъ умѣлъ также ободрять и словомъ, и примѣромъ; служившіе подъ его начальствомъ были въ восторгѣ отъ его

неутомимой, неугомонной дѣятельности, отъ его блестящихъ побѣдъ. Въ высшей степени честолюбивый, Минихъ не могъ ладить съ Бирономъ, но хитро скрывалъ эту непріязнь и соглашался на всякое порученіе, какое ему ни давали, хотя бы видѣлъ тутъ скрытную цѣль удалить его отъ двора. Разумѣется, порученія эти были трудныя и почетныя, въ которыхъ нужно было выказать всю силу таланта. Тогда начались обычныя волненія въ Польшѣ, по случаю смерти короля Августа II. Въ то время еще жилъ во Франціи извѣстный союзникъ Карла XII-го, Станиславъ Лещинскій, мирно занимаясь науками. Казалось теперь ничто ему не препятствовало сдѣлаться королемъ. Поляки любили его за его честность, умъ и доброту характера. Франція также его поддерживала, думая изъ Польши, Турціи и Швеціи составить на востокѣ союзъ противъ враждебной ей Германіи. Но все зависѣло отъ того, чью сторону приметъ Россія. Тогда Пруссія едва начинала усиливаться; главную же власть имѣлъ австрійскій императоръ, которому болѣе или менѣе подчинялись всѣ другіе германскіе владѣтели. Австрія не могла терпѣть на польскомъ престолѣ Станислава, союзника Франціи, и выставила ему соперникомъ саксонскаго принца, сына Августа II, Августа III-го. По старому съ ней союзу, и Россія стала ее поддерживать. За союзъ съ Австріей Биронъ получилъ дипломъ на графство имперіи, портретъ императора, осыпанный брильянтами, и 200.000 талеровъ. Тутъ былъ чистый его разсчетъ, такъ какъ онъ хлопоталъ тогда о курляндскомъ герцогствѣ. Австрійскій императоръ могъ содѣйствовать его избранію, да и Августъ III принялъ отъ Россіи помощь на этомъ условіи. Курляндскіе бароны управляли своею страною, какъ хотѣли; но, признавая покровительство Польши, въ важныхъ дѣлахъ они всетаки не могли обойтись безъ ея согласія. Австрія и Россія стали сыпать деньгами, чтобы подкупить польскихъ пановъ въ пользу Августа III-го. Россія выдвинула и войско подъ начальствомъ Ласси. Но огромное большинство на сеймѣ, собравшемся подъ Варшавою для избранія новаго короля, держало сторону Станислава. Приверженцы Августа подымали на немъ смуту, все еще надѣясь его разстроить, какъ вдругъ самъ Станиславъ, тайкомъ пріѣхавъ изъ Франціи, переодѣтый, явился въ Варшаву. Едва узнали объ этомъ на сеймѣ, какъ всѣ, съ великимъ крикомъ, провозгласили его королемъ: противная партія не смѣла сказать и слова. Тогда Ласси двинулся съ русскимъ войскомъ и безъ сопротивленія занялъ Варшаву. Подъ его давленіемъ, составленъ новый сеймъ, на которомъ избранъ Августъ III. Станиславъ, съ толпою своихъ приверженцевъ, бѣжалъ на устье Вислы, въ укрѣпленный городъ Данцигъ или Гданскъ,

гдѣ сталъ ожидать помощи отъ французовъ. Ласси теперь медлилъ, не зная что дѣлать. Онъ имѣлъ всего 20000 войска, а непріятель былъ многочисленный. Захваченные въ расплохъ, поляки не противились; но легко могли собраться съ силами. О взятіи Данцига, казалось, нечего было думать. Ласси долго не рѣшался, ждалъ помощи отъ саксонцевъ и наконецъ двинулся къ Данцигу. Но въ Петербургѣ были недовольны его распоряженіями и на смѣну ему послали Миниха, котораго Биронъ радъ былъ поставить въ опасное положеніе. Минихъ съ обычной горячностью осадилъ Данцигъ, строилъ траншеи, дѣлалъ приступы, не давая покоя осажденнымъ. При этомъ не мало погибло русскаго войска. Вотъ съ моря пришли и французы на помощь Станиславу; но это былъ небольшой отрядъ въ 1500 человѣкъ. Едва они высадились, Минихъ напалъ на нихъ, разбилъ и взялъ въ плѣнъ. Плѣнные французскіе офицера отправлены въ Петербургъ: здѣсь ихъ приняли съ почетомъ и потомъ отпустили на родину. Биронъ хотѣлъ показать предъ Европой, что и онъ цѣнитъ французскую образованность. Между тѣмъ къ Данцигу подоспѣло войско Августа III-го, съ осадными орудіями. Скоро городъ запылалъ отъ пускаемыхъ въ него бомбъ. Жители его, богатые купцы, не вынесли этого раззоренія и сдали городъ; но Минихъ, къ величайшей досадѣ, уже не нашелъ въ немъ Станислава. Король заранѣе, переодѣвшись крестьяниномъ, вышелъ изъ крѣпости, пять дней блуждалъ, преодолѣвая величайшія опасности, скрывался въ трясинахъ и лѣсахъ и наконецъ пробрался въ Пруссію. Онъ послѣ этого отказался отъ польскаго престола и остальные дни провелъ во Франціи въ мирныхъ занятіяхъ науками. Поляки еще боролись нѣсколько времени, но принуждены были признать королемъ Августа III-го. Подвигъ Миниха, совершенный въ угоду Австріи, которая вовсе не участвовала въ войнѣ, не принесъ намъ никакой пользы. Россія даже не выговорила, чтобы облегчить участь *диссидентовъ*, то есть польскихъ подданныхъ греческой вѣры, которые подвергались всякимъ униженіямъ и преслѣдованіямъ отъ католиковъ. Тогдаже для Австріи было предпринято еще одно безполезное дѣло. Посланъ былъ Ласси съ вспомогательнымъ войскомъ на помощь австрійскому императору Карлу IV, который затѣвалъ войну съ Франціей, не хотѣвшей признать наслѣдницей его дочь, Марію Терезію, чего онъ домогался. Русское войско однако вернулось, не сдѣлавъ выстрѣла, такъ какъ до войны не дошло.

По окончаніи польской войны, началась война съ Турціей. Минихъ давно настаивалъ на томъ, чтобы укрѣпиться на берегахъ Чер-

наго моря и тѣмъ обезопасить отъ татаръ южные границы Россіи. Турція тогда вела войну съ Персіей, и очень неудачно. Чтобы утвердить союзъ съ персами, Россія уступила имъ завоеванныя Петромъ прикаспійскія провинціи, которыя удерживать за отдаленностью было очень трудно. На южной границѣ все было приготовлено къ трудному походу на Крымъ. Минихъ отправилъ Ласси съ войскомъ внизъ по Дону, а самъ съ главными силами спустился по Днѣпру и потомъ отправился черезъ степи къ Перекопу, взявши съ собою на лошадяхъ и волахъ огромные запасы хлѣба. Перекопскій перешеекъ, на протяженіи 7 верстъ, татары укрѣпили землянымъ валомъ, со рвомъ и каменными бойницами. Но это была лишь жалкая преграда для вождя, бравшаго Гданскъ. Минихъ легко одолѣлъ ее, вступилъ въ Крымъ, опустошая все на пути, взялъ Евпаторію, Симферополь и столицу хана, Бахчисарай. Но утвердиться въ Крыму ему не удалось. Болѣзни въ непривычномъ для русскихъ климатѣ сильно истощили его войско, и Минихъ вернулся. На слѣдующій годъ въ Крымъ отправленъ Ласси: дѣло и на этотъ разъ кончилось лишь жестокимъ опустошеніемъ татарскихъ городовъ и селъ. Самъ Минихъ подступилъ къ Очакову. Русскіе бросились на городъ, даже не зная, что онъ окруженъ глубокимъ рвомъ. Все войско погибло бы, если бы одному отряду не удалось ворваться въ крѣпость со стороны моря, гдѣ не ожидали нападенія. Очаковъ сдался, и потомъ, въ рукахъ русскихъ, удачно отбивался отъ турокъ; но Минихъ принужденъ былъ его бросить, такъ какъ почти весь оставленный въ немъ гарнизонъ вымеръ отъ болѣзней. Въ тоже время и Австрія приняла участіе въ войнѣ по старому договору, надѣясь много выгадать. По ея требованію, Минихъ, еще не укрѣпившись въ завоеванныхъ мѣстахъ, долженъ былъ перевести войну ближе къ ея предѣламъ, въ самую Турцію. Черезъ польскія владѣнія онъ перешелъ за Прутъ, одержалъ знатную побѣду надъ турками при Ставучанахъ (близь Хотина) и взялъ крѣпость Хотинъ. Но Австрійцы вели дѣло не съ такимъ успѣхомъ. Потерпѣвъ нѣсколько пораженій, они торопились заключить миръ. Остерманъ тогда сблизился съ французскимъ посломъ, и французскій уполномоченный въ Константинополѣ взялся быть посредникомъ, чему помогала и Австрія. Такимъ образомъ Австрія отдавала насъ на милость Франціи, съ которою мы изъ за нея и ссорились. Миръ заключенъ былъ далеко не въ нашу пользу: мы возвратили Очаковъ и другія завоеванія, удержавши одинъ Азовъ. Въ этой войнѣ погибло до 100.000 войска; на перевозку тяжестей пошли многія сотни тысячъ воловъ и лошадей; особенно истощена была Малороссія, выстав-

лявшая и работниковъ, и воловъ, и громадные запасы хлѣба. Волы и лошади тысячами гибли отъ безкормицы; люди умирали отъ зною и дурной степной воды. Больныхъ кучами валили на маленькія телеги и кое какъ, безъ призору, везли въ отдаленныя мѣста. Между тѣмъ войско едва могло двигаться отъ громаднаго обоза, такъ какъ каждый начальникъ тащилъ за собою на сотняхъ телегъ всевозможные запасы. Такъ у брата Бирона было 300 быковъ и лошадей, 7 ословъ, 3 верблюда. Единственнымъ вознагражденіемъ за всѣ громадныя жертвы была слава русскаго оружія. Минихъ, не смотря на множество полученныхъ наградъ, былъ въ отчаяніи. Но продолжать войну намъ не было возможности, потому что тогда вновь начались волненія въ Польшѣ, а возбужденная ею Швеція также грозила намъ разрывомъ. При этихъ обстоятельствахъ умерла Анна Іоанновна въ 1740 году.

Правленіе Анны Леопольдовны и царствованіе Елизаветы Петровны.

Послѣ смерти Анны Іоанновны, казалось, ближайшей наслѣдницей престола оставалась Елизавета Петровна. При воцареніи Анны ей былъ всего 21 годъ, и тогда толковали, что, по своей молодости, она не можетъ быть правительницей: она и не думала о престолѣ, предпочитая веселую, разсѣянную жизнь всякимъ заботамъ. Но теперь на нее невольно обращено было вниманіе. При господствѣ нѣмцевъ, русскіе обращались къ ней съ особенною любовью. Елизавета, по прежнему склонная къ забавамъ, въ тоже время стала очень набожною, строго исполняла всѣ обряды религіи, и въ самыхъ развлеченіяхъ сближалась съ народомъ: устраивала въ своихъ загородныхъ дачахъ хороводы, слушала народныя пѣсни, бесѣдовала со странниками и странницами. Отъ того, чуть она показывалась, народъ бѣгалъ за ея санями. Солдаты толковали, вспоминая о Петрѣ I: «Орелъ леталъ, соблюдая своимъ дѣтямъ, а теперь дочь его оставлена». И въ самомъ дѣлѣ, Елизавета была оставлена: Анна Іоанновна, радѣя о своемъ родѣ, вызвала изъ Германіи свою племянницу, Анну Леопольдовну, дочь умершей сестры своей, Екатерины Іоанновны, бывшей замужемъ за герцогомъ Мекленбургскимъ. Она выдала ее замужъ за Антона-Ульриха, герцога Брауншвейгскаго, бывшаго родственникомъ австрійскаго императора. Отъ этого брака родился сынъ, Іоаннъ Антоновичъ, который и назначенъ наслѣдникомъ русскаго пре-

стола. Здѣсь опять все дѣлалось въ угоду Австріи. Анна Леопольдовна, молодая, красивая собою, отличалась мягкимъ, но вялымъ и безпечнымъ характеромъ. Ей стоило большаго труда даже одѣться, вставъ утромъ съ постели, и иногда цѣлый день она оставалась въ своихъ комнатахъ нечесанной. Ея мужъ, Антонъ Ульрихъ, чопорный, некрасивый собою, нѣмецъ, не выдавался никакими способностями, и она его не любила. Сынъ ихъ былъ еще младенцемъ. Когда Анна Іоанновна сильно занемогла, то начали толковать, кто будетъ управлять до его совершеннолѣтія. Биронъ то находился у постели больной, то выходилъ переговаривать съ собиравшимися во дворецъ вельможами. Эти вельможи, подъ руководствомъ Миниха, Черкасскаго, Бестужева, замѣнившаго въ кабинетѣ мѣсто Волынскаго и другихъ, конечно, зная его намѣренія, упрашивали его принять управленіе государствомъ. Всѣмъ дѣломъ заправлялъ собственно Бестужевъ, обязанный Бирону своимъ недавнимъ возвышеніемъ. Биронъ для виду отказывался, пока не набрали значительное число просившихъ. Послѣ этого Минихъ и Бестужевъ допущены къ государынѣ, чтобы объявить о желаніи вельможъ. Анна Іоанновна взяла ихъ просьбу, спрятала ее подъ подушку и сказала: «посмотрю». Такъ прошло десять дней. Биронъ торопился. Составленъ и поданъ государынѣ новый адресъ за подписью всѣхъ сенаторовъ, членовъ синода, и проч. Тогда Анна Іоанновна печально сказала своему любимцу: «Жаль мнѣ тебя, герцогъ... ты самъ идешь къ своей погибели». Но за нѣсколько часовъ до смерти она подписала просьбу. Биронъ съ торжествомъ вышелъ къ собранію вельможъ и сказалъ: «Господа! вы поступили, какъ истинные римляне».

Но не всѣ оказались римлянами: офицеры гвардіи узнали съ изумленіемъ и неудовольствіемъ о назначеніи Бирона правителемъ и стали собираться въ кружки; самъ принцъ Антонъ открыто хулилъ его. По обычаю, Биронъ многихъ пыталъ и заключилъ въ крѣпость, а принца такъ запугалъ, что этотъ готовъ былъ отказаться отъ всѣхъ почестей и уѣхать изъ Россіи. Но у него явился и другой, болѣе опасный врагъ. Минихъ втайнѣ всегда былъ его соперникомъ. Помогая его возвышенію, онъ только боялся, что возьмутъ верхъ приверженцы Елизаветы Петровны, ненавидѣвшіе нѣмцевъ. Какъ вдругъ, къ удивленію всѣхъ, Биронъ сталъ именно сближаться съ Елизаветой. Хитрый правитель чуялъ, гдѣ сила, и видѣлъ, какъ непрочна власть младенца-императора. Онъ уже задумалъ женить своего сына на дочери Петра I, чтобы оставаться у трона и въ случаѣ ея избранія на престолъ. Тогда Минихъ рѣшился дѣйствовать. Сынъ его былъ женатъ на сестрѣ Юліи Менгденъ, любимицы Анны Леопольдовны, жившей съ нею во дворцѣ. Чрезъ эту

Менгденъ онъ вошелъ въ сношенія съ матерью Іоанна и сталъ уговаривать ее принять власть въ свои руки. Анна Леопольдовна жаловалась на притѣсненія Бирона, но пугалась всякаго рѣшительнаго шагу. Наконецъ Минихъ убѣдилъ ее хоть объявить свое желаніе избавиться отъ опеки офицерамъ гвардіи, которыхъ къ ней приведутъ. Это случилось спустя мѣсяцъ послѣ смерти Анны Іоанновны. Однажды вечеромъ Минихъ долго просидѣлъ въ гостяхъ у Бирона и разстался съ нимъ очень дружески, а на другой день сановники рано утромъ, къ удивленію, узнали, что Биронъ арестованъ, и Анна Леопольдовна объявлена правительницей. Всѣ бросились во дворецъ присягать ей. Тамъ уже тѣснилась страшная толпа. Отъ сбѣжавшагося народа не было ни проходу, ни проѣзду. По комнатамъ дворца разгуливали офицеры гвардіи, вмѣстѣ съ солдатами, и весело болтали, никому не уступая дороги. Дверь придворной церкви просто осаждалась лицами, которые желали поскорѣе подписаться на присяжномъ листѣ и заявить свою преданность. Но какъ ни было велико усердіе вчерашнихъ услужниковъ Бирона, они съ горестью замѣчали, что новые придворные отъ нихъ сторонятся или зло перешептываются, на нихъ указывая. Переворотъ совершился слишкомъ неожиданно. Минихъ все выполнилъ, такъ сказать, шутя, съ небольшимъ отрядомъ. Ночью онъ явился къ Юліи Менгденъ и просилъ ее разбудить Анну Леопольдовну. Потомъ онъ призвалъ офицеровъ стоявшаго во дворцѣ караула, и принцесса, трепеща отъ волненія, сказала имъ, что отдаетъ себя подъ ихъ защиту, поручая арестовать Бирона. За услугу обѣщаны и большія награды. Офицера были поражены, но поклялись слѣдовать за Минихомъ. Фельдмаршалъ тотчасъ повелъ небольшой отрядъ къ другому, Лѣтнему дворцу, гдѣ жилъ Биронъ. Не доходя до него, Минихъ послалъ за офицерами караула, бывшаго и въ этомъ дворцѣ, переговорилъ съ ними и взялъ съ нихъ обѣщаніе не препятствовать аресту. Тогда адъютантъ Миниха, Манштейнъ, отъ котораго сохранились любопытныя записки обо всѣхъ этихъ событіяхъ, пробрался съ нѣсколькими гренадерами къ спальнѣ Бирона, при чемъ ни одинъ караульный не остановилъ его. Оставивъ спутниковъ, онъ одинъ вошелъ въ спальню и сталъ будить Бирона, какъ будто по важному дѣлу. Этотъ въ испугѣ вскочилъ и думалъ спрятаться подъ кровать; но Манштейнъ крѣпко схватилъ его. Биронъ бился и метался, пока подоспѣвшіе гренадеры не усмирили его прикладами и не связали ему руки шарфомъ. Ему не дали даже одѣться, а, какъ есть, завернули въ одѣяло, заткнули ему ротъ платкомъ и понесли къ Миниху. Фельдмаршалъ велѣлъ накинуть на него солдатскую шинель и отвезти его въ Зимній дворецъ, гдѣ и сдать караульнымъ. Вечеромъ на слѣдующій день Би-

ронъ съ женою и дѣтьми, а также Бестужевъ, отправлены въ Шлиссельбургскую крѣпость. Надъ бывшимъ правителемъ наряженъ былъ судъ. Обвинить его во всякихъ злоупотребленіяхъ, конечно, было не трудно. Бирона, съ его семействомъ, сослали въ Сибирь, въ городокъ Пелымъ въ Тобольской губерніи; Бестужевъ только удаленъ отъ дѣлъ; многіе лишились мѣстъ, или потеряли прежнее вліяніе. Но Минихъ не рѣшился лишить власти ни Остермана, ни главнѣйшихъ изъ курляндцевъ, окружавшихъ Бирона. Себѣ онъ присвоилъ только званіе перваго министра; принцу Антону назначенъ почетный титулъ генералиссимуса; Остерманъ сдѣланъ великимъ адмираломъ, и этимъ удаленъ отъ всѣхъ важныхъ дѣлъ.

Правленіе Анны Леопольдовны продолжалось около года. Она по прежнему не занималась дѣлами и боялась малѣйшей докуки. По прежнему большую часть времени она проводила съ фрейлиной Менгденъ, которая самодовольно говорила: «Теперь мы попали въ правительство.» Она подарила ей мундиры, оставшіеся послѣ Бирона; Менгденъ отдала позументы отъ нихъ на выжигу, чтобы сдѣлать нѣсколько шандаловъ и тарелокъ. Черезъ Менгденъ Анна Леопольдовна сносилась со своимъ любимцемъ, саксонскимъ министромъ Линаромъ, удаленнымъ изъ Россіи Анной Іоанновной. Теперь снова ждали его пріѣзда и толковали, что онъ замѣнитъ Бирона. При этихъ обстоятельствахъ, господство Миниха было непрочно. Онъ пугалъ Анну Леопольдовну своей горячностью и рѣшительностью. Подъ конецъ ей, вмѣстѣ съ супругомъ, постоянно грезилось, что и ихъ онъ можетъ арестовать, какъ арестовалъ Бирона, и оба каждую ночь мѣняли комнату, гдѣ спали. Принцъ Антонъ теперь также сталъ мѣшаться въ дѣла, особенно по военному управленію, и у него начались ссоры съ Минихомъ. Но главное дѣло въ томъ, что Остерманъ, недовольный ограниченіемъ своей власти, сталъ подкапываться подъ перваго министра. Въ то время умеръ австрійскій императоръ, Карлъ VI, и на престолъ вступила дочь его, Марія Терезія. Этимъ воспользовался новый прусскій король, знаменитый Фридрихъ II, и захватилъ у Австріи Силезію. Оба враждебныя государства стали искать союза Россіи. Минихъ совѣтовалъ совсѣмъ не вмѣшиваться въ это дѣло, Остерманъ же держалъ сторону Австріи. Мнѣніе Остермана взяло перевѣсъ, такъ какъ его одобрила и правительница. Вообще дѣла иностранныя опять перешли къ Остерману; въ дѣлахъ военныхъ Анна Леопольдовна также не хотѣла ничего утверждать безъ согласія своего супруга. Минихъ наконецъ не вытерпѣлъ и подалъ въ отставку, увѣренный, что его никакъ не рѣшатся отставить. Но просьба его, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, принята, и Минихъ вдругъ лишился власти.

Анна Леопольдовна была теперь довольна, что все управленіе приметъ на себя Остерманъ. Но скоро начались новыя тревоги. Швеція, побуждаемая Франціей, объявила Россіи войну, утверждая, что идетъ только противъ нѣмцевъ, господствовавшихъ въ Россіи. Гвардія стала готовиться въ походъ и заволновалась; солдаты стали толковать: «какъ мы оставимъ нашу матушку, Елизавету Петровну, въ рукахъ враговъ!» Но Елизавета была уже подготовлена. Французскій посланникъ, Шетарди, прямо получилъ приказаніе отъ своего двора устроить переворотъ въ ея пользу. Онъ нашелъ себѣ дѣятельнаго и ловкаго помощника въ докторѣ Елизаветы, французѣ Лестокѣ. Лестокъ и сносился съ гвардіей, и уговаривалъ цесаревну начать рѣшительное дѣло. Шведскій посланникъ, пока жилъ въ Петербургѣ, также учавствовалъ въ этомъ заговорѣ. Елизавета до того мирно занималась хозяйствомъ, хлопоча только, какъ бы избавиться отъ огромныхъ надѣланныхъ ею долговъ. Ея приближенными были Алексѣй Разумовскій, Александръ и Петръ Шуваловы, Михаилъ Воронцовъ. Во время власти Миниха дѣйствовать ей было трудно. Минихъ усердно стерегъ ее, окруживъ караулами. Съ его паденіемъ, ей открылась возможность сближаться съ гвардіей, такъ что толковали, что у нея преображенскія ассамблеи. Но изъ русскихъ не было энергическаго человѣка, который двинулъ бы дѣло. Переворотъ произведенъ съ помощью французовъ. Слушая представленія Лестока, Елизавета опасалась, медлила. Но вотъ, объ ея тайныхъ переговорахъ съ французскимъ посланникомъ узнали при дворѣ. Остерманъ и всѣ приближенные стали убѣждать правительницу заключить ее въ монастырь. Но добрая Анна Леопольдовна не согласилась на это, и сама, на придворномъ балу, призвавъ въ свою спальню, предупредила Елизавету о грозившей ей опасности. Цесаревна, въ страшной тревогѣ, сообщила объ этомъ Лестоку. «Нельзя болѣе медлить, сказалъ онъ, выбирайте одно изъ двухъ: или монастырь и казнь всѣхъ вамъ близкихъ, или императорскую корону»,—и для наглядности тутъ же сдѣлалъ рисунокъ, гдѣ съ одной стороны представилъ Елизавету въ коронѣ, а съ другой въ монашеской рясѣ, окруженную висѣлицами. Елизавета согласилась приступить къ дѣлу въ слѣдующую ночь (съ 24 на 25 ноября 1741-го года.)

Въ эту ночь она, внѣ себя, готова была отъ всего отказаться, плакала, молилась на колѣняхъ передъ образомъ; наконецъ, давши клятву не казнить ни одного человѣка, когда станетъ императрицей, вышла съ крестомъ къ собравшимся къ ней гренадерамъ, чтобы привести ихъ къ присягѣ, сѣла съ Лестокомъ и съ Воронцовымъ въ сани и поѣхала къ Преображенскому полку. Тутъ тотчасъ окружили

ее солдаты; Елизавета сказала имъ: «Ребята! вы знаете, чья я дочь ....ступайте за мною».—«Матушка, мы готовы—мы всѣхъ ихъ перебьемъ», воскликнули солдаты. Елизавета испугалась. «Если такъ будете дѣлать, сказала она, то я съ вами не пойду». Всѣ дали клятву никого не трогать. Вынесли крестъ. Елизавета стала на колѣни, а за нею и войско. «Клянусь умереть за васъ», воскликнула она, «клянетесь ли умереть за меня»?—«Клянемся!» отвѣчали солдаты. Окруженная гренадерами, Елизавета поѣхала ко дворцу. По дорогѣ отдѣляли партіи солдатъ, чтобы арестовать главнѣйшихъ лицъ, бывшихъ въ силѣ. При этихъ арестахъ, всѣ остались живы, однако многихъ поколотили, какъ, напримѣръ, Миниха, Остермана, брата Менгденъ съ женою, и проч. Подъѣзжая ко дворцу, гренадеры совѣтовали цесаревнѣ выйти изъ саней и слѣдовать за ними пѣшкомъ, чтобы не было шуму. Но Елизавета, увязая въ снѣгу, не могла поспѣвать за ними. «Матушка! такъ не скоро дойдемъ!» сказали они,—и понесли ее на рукахъ. Пришли ко дворцу, и она бросилась къ караулу: «Хотите ли мнѣ служить? Весь народъ терпитъ отъ нѣмцевъ... освободимся отъ нашихъ мучителей».—«Давно мы этого ждали!» отвѣчали караульные. Четыре офицера возражали противъ нарушенія присяги. Ихъ арестовали. Елизавета поспѣшила въ спальню правительницы. «Сестрица, пора вставать!» стала она будить ее. Анна Леопольдовна, узнавши въ чемъ дѣло, со слезами просила о милости. Елизавета ее успокоила и отвезла, вмѣстѣ съ дѣтьми, въ свой дворецъ, куда стали свозить и другихъ арестованныхъ. Еще не разсвѣло, какъ опять поднялась тревога въ Петербургѣ. Служащіе опять, съ трепетомъ за свою судьбу, спѣшили ко дворцу. Въ числѣ первыхъ явились Ласси, Черкасскій, Куракинъ. Кругомъ далеко тянулись ряды войскъ, которые, грѣясь около костровъ и распивая вино, кричали: «Здравствуй, наша матушка, Елизавета Петровна!» Около дворца гудѣлъ радостный народъ. Всѣ ликовали, что господство нѣмцевъ окончилось. Эту перемѣну съ особенной радостью встрѣтило духовенство. «Нынѣ бысть, восклицали проповѣдники, спасеніе и сила, и царство Бога, и область Христа, яко низложенъ бысть сатана и всѣ ангелы его съ нимъ»—и прямо называли чужестранцевъ порожденіемъ ехидны, расхитителями, ругателями правовѣрія. Амвросій такъ отзывался о временахъ Бирона: «За то, что ученикъ Петра Великаго, морили, пытали, потоками проливали кровь; любили грабителей; иностранцевъ, хотя бы и трехъ не умѣлъ пересчитать, производили въ президенты, въ совѣтники и жаловали многія тысячи. Въ турецкую войну сколько солдатъ умертвили гладомъ, поморили

въ степяхъ жаждою. Сколько тысячъ церковныхъ и другихъ рекрутъ перебрали! Казны за море выслали въ банки на многіе милліоны!» Съ воцареніемъ Елизаветы, дѣйствительно, всѣ лица, стоявшія прежде во главѣ правительства, лишились власти. Елизавета сначала думала отпустить Анну Леопольдовну съ мужемъ и дѣтьми за границу. Они уже доѣхали до Риги и остановились здѣсь лишь по болѣзни одного изъ дѣтей, какъ вдругъ ихъ вернули. Лестокъ представилъ императрицѣ, что непріязненныя державы могутъ воспользоваться пребываніемъ младенца Іоанна за границею и отъ его имени строить противъ нея козни. Императрица была напугана. Семейство Антона-Ульриха тайно отправили сначала въ Раненбургъ, а потомъ въ Холмогоры. Здѣсь содержали ихъ подъ величайшимъ секретомъ: домъ ихъ огороженъ былъ высокимъ заборомъ, и даже близко къ нему никого не подпускали; заключенные не могли никуда выходить изъ своего помѣщенія, не могли никого видѣть, кромѣ немногихъ служителей, которые никогда не смѣнялись; стража при этой тюрьмѣ была тоже несмѣняемая и не смѣла произносить имени кого либо изъ узниковъ. Даже въ секретныхъ о нихъ бумагахъ ихъ осторожно называли «извѣстныя персоны». Запрещено, подъ страхомъ жестокой кары, хранить у себя монеты или книги съ именемъ Іоанна. Казалось, хотѣли заставить совсѣмъ забыть это имя; но достигли только того, что Іоаннъ сталъ привлекать всѣхъ своей таинственностью. Переведенный впослѣдствіи въ Шлиссельбургскую крѣпость, онъ совсѣмъ одичалъ въ вѣчномъ заключеніи, едва могъ произносить безсвязныя рѣчи и, уже при Екатеринѣ II, 23 лѣтъ отъ роду, былъ убитъ во время попытки Мировича освободить его. Въ Холмогорахъ, у Анны Леопольдовны еще рождались дѣти, слабые и тѣлеснымъ сложеніемъ, и разсудкомъ; нѣсколько изъ нихъ, оставшихся въ живыхъ, подъ конецъ отпущены въ Германію. Напротивъ участь Бирона была облегчена. Помня его расположеніе, Елизавета перевела его съ семействомъ изъ Сибири въ Ярославль. Одна изъ его дочерей принята даже ко двору, какъ любимица государыни. Минихъ, Остерманъ и другіе изъ знати присуждены къ смертной казни; но, вѣрная своему обѣщанію никого не казнить, Елизавета отправила ихъ въ ссылку, въ Сибирь. Ихъ только выводили къ плахѣ на Васильевскомъ острову, передъ зданіемъ коллегій. Когда собравшійся народъ увидѣлъ, что казни не было, то сталъ волноваться, и его принуждены были усмирять войсками. Всѣ осужденные упали духомъ и униженно просили о помилованіи: одинъ Минихъ остался твердъ и стоекъ по прежнему. Когда Трубецкой,

бывшій когда-то комиссаромъ подъ его командой, на судѣ сталъ упрекать его, что онъ подъ Очаковымъ сгубилъ много народу, Минихъ сказалъ: «Въ одномъ я каюсь, что тебя, уличеннаго тогда въ плутовствѣ, я не повѣсилъ». Сосланный въ Пелымь, онъ прожилъ тамъ до царствованія Петра III, занимаясь огородничествомъ и разными проэктами объ изгнаніи турокъ изъ Европы. При Петрѣ III и Екатеринѣ II, онъ опять явился при дворѣ, уже старикомъ 80-ти лѣтъ, бодрымъ и дѣятельнымъ, и сохранилъ эту бодрость до самой смерти въ 1766-мъ году. Остерманъ умеръ въ Березовѣ, шесть лѣтъ спустя послѣ ссылки.

Съ другой стороны возвращены изъ Сибири, какъ полагаютъ, до 20000 человѣкъ, сосланныхъ во время бироновщины. Многихъ не могли совсѣмъ отыскать, такъ какъ они были поселены подъ чужими именами. При новомъ правленіи, казней уже не существовало; но страшныя пытки, наказанія плетьми и ссылки, хоть и не столь частыя, встрѣчаемъ по прежнему. Во внутреннихъ дѣлахъ Елизавета старалась поддержать мысль, что ея царствованіе будетъ продолженіемъ царствованія Петра Великаго. Всѣ узаконенія этого государя, отмѣненныя при его наслѣдникахъ, были возстановлены. Верховный совѣтъ уничтоженъ, а вмѣсто его учреждена *конференція*; сенатъ имѣлъ теперь болѣе прежняго власти, хотя и зависѣлъ отъ лицъ, приближенныхъ къ государынѣ. Сама она строго требовала, чтобы всѣ дѣла проходили чрезъ ея руки, но часто ихъ задерживала. Случалось, что по цѣлымъ мѣсяцамъ нужнѣйшія бумаги лежали неподписанныя: Елизавета все откладывала рѣшеніе, затрудняясь выставить на нихъ свое имя. Это происходило какъ отъ безпечности, такъ и отъ крайней ея мнительности. Въ ней соединялись самыя противоположныя черты: чувствительность, мягкость характера и вспыльчивость или холодное безсердечіе,—свободный, здравый смыслъ и мелочность, узкость понятій. Разсердившись на кого нибудь, она имѣла обычай выговаривать не за то, за что гнѣвалась, а нападала, на что случится, и лишь мимоходомъ высказывала причину гнѣва. Добродушная отъ природы, Елизавета была плохо образована и потому крайне суевѣрна, и въ тоже время подражала европейскимъ обычаямъ; въ ней странно смѣшивались русская прадѣдовская старина съ пристрастіемъ къ иноземнымъ модамъ. Проведши всю юность въ веселыхъ забавахъ, она и теперь любила наряжаться, устраивала великолѣпные маскарады, балы, театральныя зрѣлища. Всякій день, а иногда и по два, по три раза въ день, она надѣвала новое платье, и послѣ нея, говорятъ, осталось болѣе

15000 платьевъ. На маскарадахъ она чаще всего являлась въ мужскомъ костюмѣ, и всѣ любовались ея высокимъ, стройнымъ станомъ, ея ловкостью въ танцахъ, свѣжестью лица, какую она сохранила до поздняго возраста. Елизавета была очень ревнива и къ своей красотѣ, и къ власти. Если съ этими обычаями при дворѣ завелась непомѣрная роскошь, то съ другой стороны любовь къ пѣснямъ, къ музыкѣ, къ театральнымъ представленіямъ и вообще къ словесному искуству содѣйствовали смягченію нравовъ въ высшемъ обществѣ. При Елизаветѣ являются не только искустные дѣльцы-дипломаты или военачальники, но и покровители искуствъ, радѣтели науки. Съ ея царствованія начались у насъ европейская литература и наука. Въ тоже время Елизавета усердно держалась обычаевъ старины: подобно стариннымъ помѣщицамъ, входила въ домашнія дѣла приближенныхъ, устраивала свадьбы, не могла заснуть безъ того, чтобы какая нибудь изъ прислужницъ не разсказывала ей сказокъ. Рядомъ съ залитыми въ брилльянты вельможами и придворными дамами, утонченными французами и итальянцами, мы находимъ въ ея комнатахъ странниковъ и странницъ съ ладонками и другими снадобьями. Она строго соблюдаетъ церковные обычаи, ходитъ пѣшкомъ на богомолье, напримѣръ изъ Москвы въ Троицкую Лавру. Хотя эти хожденія совершались обыкновенно по верстѣ въ день, съ безпрестанными остановками, во время которыхъ устраивали обычныя увеселенія, тѣмъ не менѣе духовенство и народъ были очень довольны, видя вниманіе государыни къ древнимъ обычаямъ.

Понятно, что при Елизаветѣ возвысились все русскіе люди: то были или родственники ея отца и матери, или изъ лицъ, уже прежде къ ней приближенныхъ: Нарышкины, Воронцовы, Шуваловы, Разумовскіе, и проч. Огромную силу пріобрѣлъ и Бестужевъ, прежде служившій Бирону. Преображенцы, помогшіе Елизаветѣ взойти на престолъ, осыпаны наградами: имъ роздано до 14000 крестьянъ. Гренадерская рота Преображенскаго полка получила почетное названіе лейбъ-компанцевъ: капитанъ ея считался полнымъ генераломъ, а поручики генералъ-лейтенантами. Рядовые, въ числѣ 258 человѣкъ, возведены въ дворянство. Но въ началѣ царствованія и французы, съ Шетарди и Лестокомъ во главѣ, ворочали дѣлами. Лестокъ достигъ высшихъ почестей, и за нимъ ухаживали всѣ знатныя лица, искавшія милостей. Австрійскій посланникъ всячески старался повредить ему, но не имѣлъ успѣха и принужденъ былъ уѣхать изъ Россіи. Онъ однако продолжалъ интриговать, замышляя возвратить власть Аннѣ Леопольдовнѣ. Нашлось нѣсколько ея привержен-

цевъ; въ Петербургѣ пошли слухи о заговорѣ. Жена Лопухина, уволеннаго въ отставку, тайкомъ болтала о прежнихъ временахъ со своей пріятельницей Бестужевой, невѣсткою извѣстнаго намъ Бестужева, и хулила Елизавету. Она особенно недовольна была ссылкою одного, любезнаго ей, курляндца. Чрезъ офицера, ѣхавшаго тогда въ Сибирь, она передала ему поклонъ, сообщала, что помнитъ его и чтобы онъ надѣялся на все лучшее. Офицеръ, желая остаться въ Петербургѣ и выслужиться, донесъ объ этомъ Лестоку. Лестокъ ухватился за дѣло, чтобы выказать свое усердіе императрицѣ. Но нужны были доказательства. Въ трактирѣ подпоили сына Лопухиной, глупаго и безпутнаго юношу, и онъ, при свидѣтеляхъ, наболталъ, что скоро будетъ перемѣна, что австрійскій посланникъ говорилъ его матери о своемъ намѣреніи всѣми силами поддерживать принцессу Анну. Тотчасъ Лопухину, ея сына и мужа, Бестужеву и многихъ другихъ подвергли жестокимъ пыткамъ; но, кромѣ пустыхъ разговоровъ, ни о чемъ не узнали. Тѣмъ не менѣе судъ приговорилъ колесовать обвиняемыхъ. Елизавета измѣнила это рѣшеніе: Лопухиной, ея сыну и мужу, и Бестужевой урѣзали языки, публично били ихъ кнутомъ и сослали. Лестокъ надѣялся замѣшать въ это дѣло и ставшаго ему поперегъ дороги, Бестужева; но это ему не удалось.

Бестужевъ былъ ловкій дѣлецъ и человѣкъ, въ высшей степени пронырливый. Еще при Петрѣ I онъ предлагалъ свои услуги царевичу Алексѣю; потомъ вкрался въ милость Бирону и былъ усерднымъ его помощникомъ; когда же Биронъ палъ, онъ показывалъ на судѣ противъ него, и тѣмъ спасся. Теперь ему поручили управленіе иностранными дѣлами,—должность, на которую послѣ Остермана некого было назначить. Бестужевъ употребилъ всю свою хитрость на борьбу съ Шетарди и Лестокомъ и наконецъ одолѣлъ ихъ. Сначала оба эти иностранца, какъ мы знаемъ, пользовались огромной довѣренностью у императрицы. Стараніями Лестока осуждена на заточеніе Брауншвейгская фамилія, поднято дѣло Лопухиной; по его совѣту, избрана невѣстой великаго князя Петра, племянника Елизаветы, Ангальтъ-Цербстская принцесса, будущая Екатерина Великая. Это избраніе собственно принадлежитъ прусскому королю, Фридриху II-му, врагу Австріи, съ которымъ тогда Франція находилась въ союзѣ; но его нельзя не вмѣнить въ заслугу и французской партіи, также какъ и то, что она удерживала насъ отъ безполезнаго союза съ Австріей. Скоро однако дѣла измѣнились. Бестужевъ нашелъ средство вооружить Елизавету противъ Шетарди. Онъ сталъ коварно распечатывать письма, отправляемыя французскимъ посланникомъ къ своему двору, и нѣкоторыя

мѣста изъ нихъ показывалъ императрицѣ. Тутъ встрѣчались и неблагопріятныя отзывы о Россіи, и насмѣшки надъ самой Елизаветой. Шетарди писалъ о козняхъ противъ него Бестужева и другихъ придворныхъ, о наклонности Елизаветы къ удовольствіямъ,—о томъ, что она по пяти разъ въ день мѣняетъ туалетъ, что мысль о малѣйшемъ занятіи ее пугаетъ и сердитъ, и проч. Когда ему показали эти мѣста изъ его депешъ, онъ поблѣднѣлъ, не сказалъ ни слова въ оправданіе и, ожидая великой бѣды, радъ былъ, когда ему приказали въ 24 часа выѣхать изъ Россіи. Послѣ этого трудно было удержаться и Лестоку. Постепенно Бестужевъ умѣлъ внушить государынѣ, что онъ врагъ всѣхъ русскихъ. Надъ нимъ нарядили судъ и обвинили его въ желаніи захватить всю власть, въ интригахъ, въ полученіи подарковъ отъ иностранныхъ дворовъ, и проч. Лестока пытали, били кнутомъ и сослали въ Устюгъ, откуда онъ возвращенъ при Петрѣ III, когда ко двору также вернулись Минихъ и Биронъ. Бестужевъ взялъ верхъ надъ иноземцами преимущественно чрезъ поддержку Алексѣя Разумовскаго, любимца Елизаветы. Разумовскій, родомъ малороссіянинъ, былъ сынъ простаго казака Черниговской губерніи и сначала пасъ стада въ своей деревнѣ. Чернобровый, румяный, статный, онъ еще обладалъ чудеснымъ голосомъ. Когда въ Малороссіи собирали голоса для придворныхъ пѣвчихъ, то и на него обратили вниманіе. Такъ явился онъ въ Петербургѣ. Елизавета, плѣнившись его голосомъ, выпросила его въ свою свиту. Онъ скоро сдѣлался первымъ ея фаворитомъ и, при вступленіи ея на престолъ, осыпанъ милостями: получилъ важные чины, деревни и наконецъ сталъ графомъ германской имперіи. Среди этого блеска и довольства, онъ не измѣнилъ своего характера. Онъ не имѣлъ ни большаго ума, ни образованія; но былъ смышленъ, добродушенъ, со всѣми ласковъ, всегда готовъ былъ всякому помочь и никому не вредилъ, такъ какъ не искалъ ни первенства, ни отличій, и мало вмѣшивался въ дѣла управленія. Однимъ его недостаткомъ ставятъ нѣкоторую наклонность къ разгулу. Хмѣльной, онъ нерѣдко сильно буйствовалъ, и жены вельможъ дрожали за своихъ мужей, бывшихъ у него въ гостяхъ. Домъ его былъ полною чашей и безъ чиновъ открытъ для всѣхъ. Особенно любилъ онъ бесѣдовать за бокаломъ венгерскаго со своими земляками, малороссіянами. Для нихъ онъ выхлопоталъ у императрицы и нѣкоторыя льготы. У Алексѣя былъ младшій братъ, Кириллъ, котораго онъ вызвалъ въ Петербургъ и окружилъ учителями и гувернерами. Послѣ домашней подготовки, онъ отправилъ его за границу, откуда Кириллъ вернулся молодымъ человѣкомъ, усвоившимъ весь лоскъ, хотя и поверхностнаго,

французскаго образованія. Это было рѣдкостью въ то время, и Кириллъ въ 22 года уже занялъ высокое мѣсто малороссійскаго гетмана. Въ Малороссіи давно не избиралось гетмановъ; всѣмъ управляла особая коллегія, состоявшая преимущественно изъ военныхъ. Страна эта въ прежнее царствованіе была сильно раззорена и обременена налогами. Теперь, по ходатайству Алексѣя Разумовскаго, ея положеніе нѣсколько улучшилось; вмѣсто военнаго, введено выборное городовое управленіе, и малороссіянамъ вновь дозволено избрать гетмана. Но должность эта уже напередъ назначена была для Кирилла. Съ огромною свитою, подъ которую шло до 15000 лошадей, съ царскимъ великолѣпіемъ, пріѣхалъ онъ въ Глуховъ и началъ устраивать пиры на широкую ногу, съ польскими и малороссійскими танцами и пѣснями, съ театральными представленіями. Всѣ избиратели знали, на какихъ условіяхъ они могутъ имѣть гетмана, да и избирали только лица, преданныя Разумовскимъ. Такъ Кириллъ сдѣлался гетманомъ и вмѣстѣ первымъ богачемъ и помѣщикомъ Малороссіи. Собственно говоря, все это дѣло Алексѣй устроилъ для своего брата, и новое гетманство не дало малороссіянамъ никакихъ особыхъ правъ. Тутъ выиграли только казаки-помѣщики, избавленные отъ прежнихъ тягостей: военнаго постоя и управленія; народъ же мало воспользовался этими льготами. Самъ Кириллъ большею частью жилъ въ Петербургѣ и занимался лишь мимоходомъ малороссійскими дѣлами.

Изъ другихъ лицъ, имѣвшихъ силу при дворѣ, наиболѣе видными были братья Шуваловы, отчасти соперники Разумовскихъ. Александръ и Петръ Шуваловы вошли въ довѣренность Елизаветы, еще когда она была великою княгинею. При вступленіи ея на престолъ, они достигли большой власти и господствовали особенно во вторую половину ея царствованія. Изъ нихъ Александръ Шуваловъ не отличался ни умомъ, ни красивой наружностью. Онъ только наводилъ на всѣхъ страхъ, какъ начальникъ Тайной Канцеляріи, гдѣ пытали людей, часто безъ всякой вины, по одному доносу. При малѣйшемъ волненіи, онъ судорожно моргалъ правымъ глазомъ, и у него передергивало всю половину лица: причиною такихъ нервныхъ движеній, какъ полагали, были самыя его занятія. Братъ его, Петръ, напротивъ первенствовалъ надъ всѣми своимъ быстрымъ умомъ, хитростью, краснорѣчіемъ; но, подъ видомъ общей пользы, хлопоталъ больше о своемъ обогащеніи и возвышеніи своей власти. На своихъ противниковъ онъ умѣлъ дѣйствовать и ласкою, и угрозой. Его подвижное лицо безпрестанно мѣнялось: убѣждая кого нибудь, онъ то говорилъ тихо, съ умильно-вкрадчивой улыбкой, то вдругъ принималъ гордую осанку и суровый

видъ, пугая своимъ могуществомъ, то хладнокровно приводилъ разные доводы, то горячился, хватался за голову, чуть не плакалъ, говоря, какъ онъ измученъ отъ ежеминутно возлагаемыхъ на него государынею порученій, отъ множества лежащихъ на немъ дѣлъ,—и вдругъ смѣялся, игриво шутилъ на счетъ милыхъ дамъ, у которыхъ онъ пользовался успѣхомъ. Если все это не помогало, то въ дѣло пускались интрига, тайные наговоры чрезъ придворныхъ женщинъ. Въ сенатѣ и въ конференціи, гдѣ собирались министры, Шуваловъ распоряжался самовластно; онъ давалъ приказы, большею частью опираясь на изустныя повелѣнія государыни: въ послѣдніе годы Елизавета, будучи часто больна, мало кого къ себѣ допускала; но у Петра Шувалова былъ усерднымъ ходатаемъ его двоюродный братъ, Иванъ Шуваловъ, любимецъ государыни, жившій постоянно во дворцѣ.

Честолюбивый Петръ Шуваловъ желалъ прославить себя новыми узаконеніями. Сенатъ былъ заваленъ его проэктами. Нѣкоторые носили громкое названіе, напримѣръ: «о сохраненіи народа». Народъ въ предначертаніяхъ Шувалова играетъ довольно видную роль. Но на дѣлѣ все ограничивалось совѣтами, какъ задерживать и возвращать бѣглыхъ, какъ назначить комиссаровъ по дворянскому выбору, которые смотрѣли бы за хлѣбными магазинами, за выполненіемъ законовъ,—все ограничивалось обычною перетасовкою должностей. Шуваловъ составилъ и проэктъ, какъ приступить къ сочиненію ясныхъ и понятныхъ законовъ. Тутъ предполагалось также собрать законы, изданные со временъ Петра Великаго. Въ комиссію для этого назначены лица изъ разныхъ департаментовъ и коллегій. Но это дѣло не было приведено къ окончанію, потому что лица, выбранныя для его выполненія, не отличались ни особыми знаніями, ни искуствомъ, да и самъ Шуваловъ постоянно отвлекался отъ него различными предпріятіями. Другою, столь же необходимою мѣрою было всеобщее межеваніе земель въ Россіи. До того времени границы владѣній совсѣмъ не были опредѣлены. Случалось, что нѣсколько лицъ въ разныхъ мѣстахъ запахивали одну и туже землю, каждый считая ее своею. Происходили ссоры и драки. Но и межеваніе, тогда предпринятое, не повело къ согласію. Клевреты Шувалова тутъ только наживались. Кто былъ побогаче и посильнѣе, закупалъ чиновниковъ, и они отмѣряли ему лучшія доли; кто же не давалъ взятокъ, рисковалъ потерять и то, чѣмъ владѣлъ издавна. Но особенное вниманіе Шуваловъ обратилъ на денежныя дѣла и на промышленность, чуя себѣ тутъ наиболѣе выгоды. Чтобы увеличить казну, онъ предложилъ дѣлать изъ пуда мѣди, сначала по 8 рублей денегъ, потомъ по 16 рублей, а наконецъ и по 32 рубля. Первыя два предложенія осуществились, послѣднее отвергнуто,

потому что мѣдныя деньги и безъ того упали въ цѣнѣ, и пятакъ шелъ за грошъ. Болѣе полезнымъ дѣломъ Шувалова было учрежденіе заемныхъ банковъ, гдѣ за 6% въ годъ давали ссуды дворянамъ и купцамъ. Впрочемъ тутъ попользовался онъ и самъ, отпуская громадныя суммы своимъ пріятелямъ. Изъ своихъ разсчетовъ, онъ также увеличилъ пошлины на заграничные товары и уничтожилъ —на товары внутренняго производства, какими самъ промышлялъ въ обширныхъ размѣрахъ. Эта мѣра была всетаки очень полезною. Уничтожено до 17 мелкихъ сборовъ, стѣснявшихъ внутреннюю торговлю. Вмѣсто этого пошлина въ заграничной торговлѣ увеличена отъ 5 до 13 к. съ рубля. За освобожденіе отъ внутреннихъ таможенъ купцы поднесли Елизаветѣ алмазъ въ 50000 руб., 10000 червонныхъ, да рублевою монетою 50000 руб. Деньги пришлись кстати. Издержки двора все увеличивались, а война съ Пруссіей требовала милліоновъ. Забирали капиталы изо всѣхъ мѣстъ, гдѣ ихъ можно было найти, и все не хватало. При этихъ обстоятельствахъ Шуваловъ придумывалъ все новые способы увеличить доходы казны. Онъ составилъ проэктъ уравненія цѣнъ на соль и вино. Этотъ проэктъ собственно состоялъ въ томъ, что и на соль, и на вино пошлина увеличена, но на вино въ болѣе значительной степени. Вообще нововведенія Шувалова свидѣтельствуютъ о его умѣ и изобрѣтательности; но современники упрекали его въ страсти къ наживѣ, въ безцеремонномъ обращеніи съ казною и въ крайней расточительности. Онъ раздавалъ монополіи и привилегіи, участвовалъ въ винномъ откупѣ и сослалъ въ Сибирь до 15000 человѣкъ за корчемство. Онъ взялъ себѣ на откупъ продажу табаку, тюленьи промыслы на Каспійскомъ и Бѣломъ морѣ, прибралъ къ своимъ рукамъ лучшіе заводы на Уралѣ. Гороблагодатскіе заводы, дававшіе многія сотни тысячъ дохода, уступлены ему казною вмѣстѣ съ 20000 крестьянъ, за 186629 рубл., которые онъ долженъ былъ уплатить въ теченіи 20 лѣтъ; онъ уплатилъ всего только 6940 руб., когда, уже послѣ его смерти, эти заводы взяты въ казну въ уплату всего его долга, составлявшаго 600.000 рублей. Кромѣ разныхъ случайныхъ пріобрѣтеній, получая ежегодно болѣе 400.000 дохода, Шуваловъ жилъ такъ расточительно, что оставилъ послѣ себя множество долговъ. Уже совсѣмъ разслабшій отъ неумѣренныхъ наслажденій, онъ еще надѣялся играть видную роль при воцареніи Петра III-го; но скоро умеръ. Двоюродный братъ Петра, Иванъ Шуваловъ, былъ совсѣмъ противуположнаго характера. Добродушный, миролюбивый, онъ съ ранней молодости любилъ читать книги, заниматься науками и охотно сводилъ дружбу съ людьми учеными и художниками. Онъ возвысился собственно во вторую половину царствованія Елизаветы, чему много помогли его скромность, молодость и красивая

наружность. Петръ Шуваловъ сблизилъ его съ государыней, противодѣйствуя вліянію Алексѣя Разумовскаго, и надѣялся черезъ него упрочить свой успѣхъ при дворѣ. Разсчетъ оказался вѣрнымъ: Иванъ Шуваловъ, хоть и мало учавствовалъ въ корыстныхъ затѣяхъ брата, но, по слабости характера и отчасти изъ благодарности, во всемъ потакалъ ему. Впрочемъ, погруженный въ искуства и науки, онъ врядъ ли и понималъ всѣ его тонкіе разсчеты. Большою его заслугою было то, что онъ усердно покровительствовалъ Ломоносову и другимъ русскимъ ученымъ, въ чемъ ему содѣйствовалъ вицеканцлеръ Воронцовъ, помощникъ канцлера Бестужева. Оба во всемъ подражали французамъ, обожали французскую литературу и считали за высочайшую честь переписываться съ такими писателями, какъ Вольтеръ. Стараніемъ Ивана Шувалова открыты Московскій университетъ и двѣ гимназіи въ Москвѣ: одна для дворянъ, другая для разночинцевъ, а въ Петербургѣ—Академія художествъ.

Внѣшнія дѣла въ царствованіе Елизаветы велись съ прежнимъ успѣхомъ. Мы знаемъ, что передъ ея вступленіемъ на престолъ, Швеція, побуждаемая Франціей, объявила Россіи войну. Теперь, когда у насъ началась дружба съ Франціей, казалось, къ этой войнѣ болѣе не было повода. Но шведы разсчитывали возвратить хоть часть петровскихъ завоеваній, считали Россію слабою и не думали мириться. Однако они плохо приготовились къ войнѣ: ихъ предводитель Левенгауптъ не успѣлъ еще войти въ Финляндію, какъ Ласси съ небольшимъ русскимъ войскомъ разбилъ шведскій отрядъ и завладѣлъ городкомъ Вильманстрандомъ. На слѣдующій годъ Левенгауптъ уже является въ Финляндію, но стоитъ неподвижно у Фридрихсгама, гдѣ хранились его хлѣбные запасы. Русское войско, по труднымъ дорогамъ, черезъ дебри, черезъ скалы, обходя множество озеръ, пробралось къ нему на встрѣчу. Левенгауптъ и тутъ не принялъ сраженія, а сжегъ хлѣбъ, взорвалъ пороховые запасы и оставилъ русскимъ Фридрихсгамъ со множествомъ пушекъ. Ласси пустился его преслѣдовать, занялъ Нейшлотъ, Тавастгусъ и наконецъ окружилъ шведскаго предводителя подъ Гельзингфорсомъ. Левенгауптъ предпочелъ сложить оружіе, выговоривъ, чтобы его войско отпущено было въ Швецію. Но и тутъ шведовъ постигли новыя бѣдствія: ихъ пѣхота, отправясь на корабляхъ, сильно пострадала отъ бури, а конница, которая отправилась вокругъ Ботническаго залива, погибла отъ трудностей пути, отъ ненастья, отъ болѣзней. Въ Швеціи всѣ негодовали на распоряженія стараго Левенгаупта, обвинили его въ измѣнѣ и казнили. Но силы шведовъ истощились, и они принуждены заключить въ Або миръ, по которому уступили Россіи всѣ земли къ сѣ-

веру до Нейшлота, а къ западу до Кюмени и Фридрихсгама, вмѣстѣ съ этими городами. Такимъ образомъ, по Абовскому миру, шведская граница далеко отодвинулась отъ Петербурга.

Въ началѣ правленія Елизаветы, въ Европѣ были двѣ противныхъ стороны: Пруссія и Франція враждовали съ Австріей изъ за такъ называемой *прагматической санкціи*, по которой вступила на австрійскій престолъ Марія Терезія; Англія поддерживала Австрію. Эта война за *Австрійское наслѣдство* кончилась въ 1748-мъ году миромъ въ Ахенѣ. Въ ней мы не принимали участія, вслѣдствіе вражды Лестока съ Бестужевымъ. Обѣ воюющія стороны искали нашего союза; но Лестокъ стоялъ за Францію, а Бестужевъ—за Австрію, хотя и тотъ, и другой брали деньги отъ обѣихъ сторонъ, обнадеживая каждую въ союзѣ. Послѣ паденія Лестока нужно было ожидать, что Россія приметъ сторону Австріи; но друзьями Франціи у насъ еще были вицеканцлеръ Воронцовъ и отчасти Шуваловы. Могло бы опять начаться соперничество, которое снова отклонило бы Россію отъ необдуманнаго участія въ дѣлахъ Европы. Этого однако не случилось, потому что, послѣ Ахенскаго мира, Франція неожиданно вступила въ союзъ съ Австріей противъ Пруссіи. Пруссіей тогда управлялъ знаменитый Фридрихъ II. Скупой отецъ его строго берегъ и собиралъ казну и оставилъ сыну и деньги, и отличное войско. До того времени Пруссія, какъ и другія германскія государства, все еще была въ нѣкоторой зависимости отъ австрійскаго императора, который раздавалъ чины и титулы, утверждалъ королей и вообще считался главою всего германскаго племени. Фридрихъ II сталъ дѣйствовать, какъ совершенно самостоятельный государь. Принявъ участіе въ войнѣ за *Австрійское наслѣдство*, онъ даже отнялъ у Австріи Силезію и удержалъ ее за собою. Марія Терезія не могла забыть этой потери и искала случая отомстить отважному врагу. Фридрихъ II былъ государь въ высшей степени умный и обладалъ множествомъ талантовъ: отличный военачальникъ, онъ умѣлъ искустно вести и гражданскія дѣла, и дѣла съ иностранными державами, былъ искустнымъ артистомъ, отлично играя на флейтѣ, и въ тоже время литераторомъ. Онъ высоко почиталъ новую французскую литературу, дружилъ съ Вольтеромъ и другими французскими писателями, самъ писалъ по французски, и его французская живость характера, общительность и остроуміе привлекали всѣхъ умныхъ людей къ его двору. Среди веселыхъ бесѣдъ, онъ никого не щадилъ своими насмѣшками. Такъ онъ часто острилъ надъ маркизою Помпадуръ, фавориткой французскаго короля, Людовика XV-го, имѣвшей огромную силу при дворѣ. Этимъ воспользовалась Марія Терезія и, забывъ свою австрійскую гордость, написала Помпадуръ

ласкательное письмо, гдѣ называла ее кузиной. Вотъ какимъ образомъ Франція отступила отъ прежняго союза и сошлась съ Австріей, имѣя цѣлію ограничить честолюбіе Фридриха II. Причиною этого сближенія Франціи съ Австріей могло быть и то, что Англія, оберегая Ганноверъ, стала поддерживать Пруссію. Къ Франціи и Австріи присоединились Швеція, желавшая овладѣть сѣверной, прибрежной частію Пруссіи, Помераніей, а наконецъ и Россія. Елизавета, сначала очень дружелюбная къ Фридриху II, узнавъ, что онъ касался и ее въ своихъ насмѣшкахъ, сильно его возненавидѣла. Притомъ до нея дошли слухи о вольномысліи прусскаго короля, о его шуткахъ надъ религіей, и Елизавета рѣшила прекратить съ нимъ всякія сношенія. Бестужевъ представлялъ необходимость ослабить Фридриха II, какъ опаснаго для Россіи сосѣда; но собственно говоря, Фридрихъ II, окруженный со всѣхъ сторонъ врагами, не могъ въ то время грозить Россіи, и союзъ съ Австріей не представлялъ намъ никакихъ существенныхъ выгодъ, какъ это было въ послѣдствіи, при Екатеринѣ II, когда австрійцы помогали намъ въ войнѣ съ турками. Такъ подъ вліяніемъ Бестужева, Елизавета приняла участіе въ *семилѣтней войнѣ.* Противъ Фридриха II поднялась вся Европа, выставивъ до полумилліона войска; только Англія была на его сторонѣ. Англія, продолжая свою старую вражду съ Франціей, могла помогать Пруссіи болѣе деньгами, чѣмъ войскомъ. Фридрихъ II всетаки не робѣлъ: онъ шутилъ, что долженъ сражаться съ тремя женщинами. Предупреждая союзниковъ, онъ, въ 1756-мъ году, напалъ на Саксонію, принадлежавшую тогдашнему польскому королю, Августу III, союзнику Австріи, и, не смотря на помощь, оказанную Августу австрійцами, овладѣлъ ею. На слѣдующій годъ со всѣхъ сторонъ непріятели стали наступать на Пруссію. Съ запада двинулись французы, съ сѣвера шведы; австрійцы тоже готовы были къ походу, русскія войска стягивались къ Ригѣ. Фридрихъ II надѣялся взять быстротою. Ранней весною со всѣмъ почти войскомъ онъ устремился на главнаго своего врага австрійцевъ, быстро прошелъ Саксонію, вступилъ въ Богемію; послѣ страшно-кровопролитной битвы разбилъ австрійское войско подъ Прагою и осадилъ эту крѣпость. На помощь ей поспѣшилъ искустный фельдмаршалъ Даунъ съ 60000 войска. Нетерпѣливый прусскій король, не разсчитавъ силъ, бросился на него съ частью своей арміи и потерпѣлъ полное пораженіе. Послѣ этого онъ принужденъ былъ отступить въ Саксонію. Пока все это происходило, русское войско, медленно подвигаясь черезъ польскія владѣнія, вступило наконецъ въ восточную Пруссію. Елизавета была очень недовольна медленностью похода и недостаткомъ извѣстій изъ арміи; въ Петербургѣ острили, что надо сдѣлать объяв-

леніе съ обѣщаніемъ награды тому, кто отыщетъ пропавшее русское войско. Имъ начальствовалъ Апраксинъ, извѣстный только своей толстотою, неуклюжей любезностью съ дамами и необычайною роскошью. Въ походѣ онъ везъ съ собою всякіе запасы, какіе можно было имѣть, только живя въ многолюдномъ городѣ. Подъ его обозъ шло болѣе 500 лошадей; его ставка съ многочисленными палатками походила на порядочный городокъ. Для спальни ему служила обширная, теплая, богато разукрашенная коврами, калмыцкая кибитка; для гостиной, столовой, и проч. особыя палатки, съ такими же пышными украшеніями. Между тѣмъ офицерамъ, для ихъ вещей, не позволяли имѣть и одной повозки, чтобы быть легче въ походѣ. Русскаго войска считалось до 100000 человѣкъ; противъ этой арміи Фридрихъ II едва могъ выставить 30000 подъ начальствомъ Левальда. Левальдъ отступалъ, безпокоя русскихъ лишь мелкими стычками. Онъ разсчитывалъ защитить одинъ главный городъ восточной Пруссіи, Кенигсбергъ.

Между тѣмъ Ферморъ, посланный Апраксинымъ, взялъ безъ труда пограничный прусскій городъ Мемель. Самъ Апраксинъ, на пути къ Кенигсбергу, также занималъ незначительные городки, а посылаемые въ объѣзчики калмыки и казаки опустошали окрестныя деревни. Эти опустошенія совершались безъ всякой нужды и съ ужасною жестокостью. Топтали и жгли хлѣбъ на поляхъ, въ деревняхъ забирали весь мелкій скотъ и всякую рухлядь, ломали мебель и окна, избивали всѣхъ безъ разбора, и дѣтей, и женщинъ. Когда послѣ казаковъ случалось посѣщать деревню, то представлялось такое зрѣлище: все кругомъ было чисто и пусто, валялись только всякіе обломки да повсюду пухъ и перья отъ перинъ и тюфяковъ, съ которыхъ забрали наволочки. Народъ съ болѣе крупнымъ скотомъ укрывался въ лѣсахъ; кое какой скарбъ пряталъ онъ въ ямы, заваливая навозомъ; но объѣзчики и до него добирались. Впрочемъ въ городахъ, изъявлявшихъ покорность, соблюдалось болѣе порядку. Въ войскѣ толковали, что сказанныя жестокости допущены были потому, что крестьяне мѣстами вооружались и изъ засады нападали на наши отряды; другіе напротивъ увѣряли, что и эти нападенія начались вслѣдствіе жестокостей. Во всякомъ случаѣ народъ былъ сильно ожесточенъ противъ русскихъ, и болѣе образованные люди въ самомъ русскомъ войскѣ сильно негодовали на нашихъ фуражировъ, что однако не мѣшало этимъ послѣднимъ въ изобиліи продавать въ лагерѣ за безцѣнокъ гусей, утокъ, барановъ, медъ и тысячи награбленныхъ вещей. Впрочемъ, что касается грабежа, то не лучше дѣйствовали и французы, и австрійцы, и сами пруссаки. Фридрихъ II, рядомъ съ своимъ образованіемъ и вольномысліемъ, былъ великій деспотъ. Теряя въ

битвахъ множество народу, онъ разсылалъ вербовщиковъ, которые и силою и обманомъ, всюду забирали людей всякой націи, и бѣглыхъ, и преступниковъ, и мирныхъ жителей. Войско, такъ составленное, плохо кормили и принуждали къ повиновенію только палками. Солдаты живились, гдѣ возможно, и, разбѣгаясь, грабили и своихъ, и непріятелей.

Между тѣмъ Апраксинъ безъ сопротивленія приблизился къ Кенигсбергу и сталъ лагеремъ у одной рѣки, на высокомъ мѣстѣ, окруженномъ густыми лѣсами и буераками. Изъ этой трущобы было лишь два выхода: съ одной стороны узкая прогалина черезъ лѣсъ, съ другой тѣсный проходъ мимо глубокаго оврага на сосѣднее, находившееся за лѣсомъ, Эгерсдорфское поле. Это поле, названное такъ отъ лежавшей на немъ деревни Гроссъ-Эгерсдорфъ, было очень обширно и съ другой стороны также окаймлялось лѣсомъ, за которымъ скрывался прусскій лагерь. Апраксинъ, не торопясь, устраивалъ свой лагерь, потомъ сталъ выводить и строить войска на Эгерсдорфскомъ полѣ, въ ожиданіи, что пруссаки сдѣлаютъ нападеніе; но пруссаки не нападали, и войска, постоявъ безполезно, возвращались съ поля въ лагерь, въ свою тѣсную лощину. Наконецъ эти упражненія всѣмъ наскучили. Рѣшено идти на пруссаковъ, но не прямо черезъ поле, а въ обходъ. Раннимъ утромъ стали выѣзжать артиллерія и обозы въ тѣснину, прилегавшую къ полю. Начались обыкновенныя при этомъ суматоха, давка, ломка, какъ вдругъ раздались крики: «пруссаки, пруссаки!» Все пришло въ ужасное смятеніе; начальники скакали взадъ, впередъ, не зная, что дѣлать, а прусскія ядра уже все ломали въ обозѣ. Никто и не замѣтилъ, какъ черезъ Эгерсдорфское поле приблизился непріятель. Спѣшили выводить войска, но это очень трудно было сдѣлать: солдаты въ безпорядкѣ пролѣзали черезъ возы, бѣжали на поле и строились, какъ прежде, у лѣса. Такъ не успѣли вывести и четверть арміи изъ лагеря: остальные должны были оставаться въ бездѣйствіи. Пруссаки, подходя все ближе, дали уже три залпа изъ ружей, прежде чѣмъ русскіе имъ отвѣчали. Но вотъ, началась битва, и наши стояли крѣпко; непріятель потомъ говорилъ, что русскаго скорѣе можно убить, чѣмъ принудить къ отступленію. Однако силы были неравныя: ряды русскихъ сильно рѣдѣли; мѣстами одинъ боролся съ нѣсколькими врагами, падалъ израненный и все еще пытался защищаться. Прусская конница прогнала казаковъ, ворвалась въ строй и лишь тутъ ее съ трудомъ остановили картечью. Казалось, дѣло было совсѣмъ потеряно. Но узнавъ о конечной гибели своихъ, солдаты, бывшіе въ лагерѣ, стали продираться прямо черезъ лѣсъ, такъ какъ выходъ былъ совершенно загроможденъ; они ломали сучья, ползли подъ вѣтвями и наконецъ

явились у опушки, гдѣ пруссаки добивали войско, выведенное въ поле. Эта неожиданная помощь ободрила солдатъ: они съ новыми силами наступили на непріятеля, заставили его податься назадъ и наконецъ обратили въ бѣгство. Такъ, сверхъ всякаго чаянія, выиграна была битва. Самъ Апраксинъ, по всѣмъ извѣстіямъ, не сдѣлалъ ничего для этой побѣды; но отличились Румянцевъ, какъ полагаютъ, выведшій свѣжія войска черезъ лѣсъ, Петръ Панинъ и нѣкоторые другіе генералы. Пруссаки потеряли тутъ болѣе 40 пушекъ и тысячи двѣ, три народу; но и русскихъ пало не многимъ менѣе. Апраксинъ и не думалъ преслѣдовать непріятеля. Нѣсколько времени спустя онъ выступилъ изъ своей засады, какъ будто для того, чтобы идти за нимъ слѣдомъ, подвигался, по обыкновенію, чрезвычайно медленно и вдругъ повернулъ назадъ къ границамъ Россіи, объясняя причину своего отступленія недостаткомъ припасовъ. Тогда прусское войско стало преслѣдовать русскихъ. Чтобы задержать его, Апраксинъ по пути жегъ всѣ деревни, истреблялъ запасы. Начались осенніе дожди; русскіе солдаты утопали въ болотахъ; имъ случалось спать на мокрой землѣ, подъ открытымъ небомъ, голодными, такъ какъ обозы съ палатками и припасами не поспѣвали къ войску, вязли и гибли на пути. Но Апраксинъ торопился вернуться въ Россію. Здѣсь, преданный суду, онъ вскорѣ умеръ.

Его отступленіе, возмутившее тогда все войско, объясняютъ тайными его сношеніями съ канцлеромъ Бестужевымъ, съ которымъ онъ былъ друженъ. Императрица въ то лѣто была отчаянно больна и всѣ ждали ея смерти. На престолъ долженъ былъ вступить Петръ III, великій почитатель Фридриха II-го. Его супруга, Екатерина, уже тогда умѣвшая составить себѣ кругъ преданныхъ людей, хотя и не стояла за прусскаго короля, но тоже не одобряла безцѣльной съ нимъ войны. Хитрый канцлеръ, всегда пускавшій свою ладью по вѣтру, сталъ что-то замышлять въ ея пользу, угождая въ тоже время и великому князю. Но Елизавета выздоровѣла. Бестужевъ лишился власти и сосланъ въ одну изъ своихъ деревень. Война продолжалась съ новымъ рвеніемъ. Фридрихъ II, послѣ Гроссъ-Эгерсдорфской битвы, былъ въ незавидномъ положеніи, и не зналъ, куда кинуться. Русскіе грозили Кенигсбергу; австрійцы сильно тѣснили его съ юга, а между тѣмъ французы, послѣ нѣсколькихъ побѣдъ, уже дошли до Саксоніи. Въ отчаяніи онъ готовъ былъ лишить себя жизни, какъ вдругъ узнаетъ объ отступленіи Апраксина. Это его ободрило. Онъ пошелъ на французовъ и при Розбахѣ нанесъ имъ жесточайшее пораженіе. Французы въ безпорядкѣ отступили, а скоро и совсѣмъ вытѣснены за Рейнъ.

Фридрихъ II тогда обратился на австрійцевъ, уже успѣвшихъ захватить Силезію и даже взять окупъ съ Берлина, и также совершенно разбилъ ихъ. Къ величайшему удивленію всей Европы, король, котораго считали погибшимъ, остался побѣдителемъ и сохранилъ всѣ свои владѣнія. Союзники были сильно раздражены своей неудачею, рѣшили не уступать, и Россія начала новый походъ еще зимою на 1758-ой годъ. Ферморъ, назначенный послѣ Апраксина главнокомандующимъ, вступилъ въ восточную, приморскую часть Пруссіи и безъ сопротивленія завладѣлъ Кенигсбергомъ. Здѣсь въ русскомъ войскѣ сохранялось болѣе порядку, и сношенія его съ жителями были довольно мирныя. Всѣ они, избѣгая бѣдствій, безпрекословно присягнули на подданство Елизаветѣ; въ Кенигсбергѣ установлено управленіе на половину изъ русскихъ, на половину изъ нѣмцевъ, и назначенный правителемъ Корфъ старался даже привлечь жителей богатыми праздниками и балами. Русскіе офицеры дружили съ нѣмцами, усердно плясали на нѣмецкихъ свадьбахъ. Любопытно, что дружественная намъ Австрія требовала, чтобы Пруссію русскіе занимали именемъ Маріи Терезіи; но Елизавета имѣла свой разсчетъ овладѣть этою страною, чтобы потомъ вымѣнять ее на Курляндію.

Съ весною 1758-го года Ферморъ двинулся далѣе во внутрь страны. Тутъ, по тогдашнимъ обычаямъ войны, опять начались опустошенія. Русскіе осадили крѣпость Кюстринъ и бомбами до тла сожгли городъ, не повредивъ укрѣпленій. Жители въ отчаяніи бѣжали, много народу погибло въ пламени, но крѣпость всетаки не сдалась. Фридрихъ II въ это время воевалъ въ Моравіи и Богеміи, угрожая самой Вѣнѣ; австрійскій фельдмаршалъ Даунъ, не давая рѣшительной битвы, искустными движеніями остановилъ его успѣхи. Узнавъ о раззореніи Кюстрина, Фридрихъ II съ нѣсколькими полками быстро двинулся назадъ и неожиданно явился передъ русскими. Битва произошла близь Кюстрина, при деревнѣ *Цорндорфѣ*. Ферморъ построилъ войско четыреугольникомъ, помѣстивши въ срединѣ весь обозъ. Съ самаго начала прусскія ядра произвели въ нашемъ лагерѣ смятеніе: Повозки ломало, лошади бѣсились и бросались въ ряды солдатъ, въ густомъ строѣ выхватывало по 40 человѣкъ разомъ. При первомъ нападеніи пруссаки были отражены; но при второмъ началась такая свалка, что оба непріятельскихъ войска совершенно перемѣшались. Въ своемъ ожесточеніи, пруссаки били всѣхъ, не давая пощады. Однако русскіе отчаянно дрались, пока ночь не прекратила битвы. Тогда только Ферморъ отступилъ. Съ обѣихъ сторонъ было много убитыхъ, но русскіе пострадали гораздо болѣе (русскіе потеряли до 20000

человѣкъ и болѣе 100 пушекъ, пруссаки до 12000 человѣкъ и 26 пушекъ), и Фридрихъ II могъ считать побѣду за собою. Многіе изъ русскихъ генераловъ попались въ плѣнъ. Прусскій король велѣлъ посадить ихъ въ казематы Кюстрина, и когда они замѣтили, что такъ съ военноплѣнными не обходятся, то онъ отвѣчалъ: «Господа! вы сами виноваты: вы въ Кюстринѣ не оставили цѣлымъ ни одного дома, гдѣ я могъ бы помѣстить васъ». Однако они скоро выпущены. Фридрихъ II не преслѣдовалъ Фермора, а опять обратился противъ австрійцевъ. Тутъ Даунъ долго утомлялъ его переходами, постоянно уклоняясь отъ битвы, и вдругъ неожиданно напалъ. Король, не приготовленный къ этому нападенію, былъ разбитъ совершенно. Такъ кончился 1758-й годъ.

Слѣдующій 1759-ый годъ былъ особенно несчастливъ для Фридриха II. Во первыхъ, французы, снова напавши съ запада, произвели нѣсколько опустошеній; во вторыхъ, русскіе стали дѣйствовать уже не отдѣльно, а вмѣстѣ съ австрійцами, чтобы совершенно отнять у Фридриха II-го Силезію. Ферморомъ были не совсѣмъ довольны: онъ оставленъ при войскѣ, но главнымъ начальникомъ назначенъ Салтыковъ, добренькій, простенькій старичокъ, довольно распорядительный, но упрямаго характера. Онъ повелъ армію на соединеніе съ австрійцами, разбилъ значительный прусскій отрядъ у самой прусской границы и двинулся къ Франкфурту на Одерѣ вмѣстѣ съ австрійскими полками подъ начальствомъ Лаудона. Русско-австрійское войско, въ числѣ болѣе 60000 человѣкъ, расположилось у деревни *Кунерсдорфѣ* на высокомъ берегу рѣки. Правымъ флангомъ оно примыкало къ рѣкѣ, лѣвымъ къ крутому оврагу, спереди и сзади оно защищено было болотами и укрѣпленіями. Фридрихъ II прискакалъ изъ Силезіи и съ 40000 двинулся на Салтыкова. Положеніе русскихъ и австрійцевъ казалось неприступнымъ; но съ лѣваго фланга, на тѣсныхъ высотахъ, стояла лишь незначительная часть войска. Пруссаки, подъ градомъ ядеръ и пуль, перешли оврагъ, захватили пушки и овладѣли этимъ мѣстомъ, куда, за тѣснотою, можно было посылать помощь лишь небольшими отрядами. Такъ они разъединили непріятеля и совершенно стѣснили его движенія на правомъ флангѣ. Деревня Кунерсдорфъ, бывшая въ срединѣ нашего лагеря, очутилась въ тылу пруссаковъ. Союзники пришли въ отчаяніе; Салтыковъ только молился, стоя на колѣняхъ и воздѣвая руки къ небу. Но Фридрихъ II своею пылкостью испортилъ все дѣло. Вмѣсто того, чтобы спокойно выждать или хоть дать роздыхъ утомленнымъ войскамъ, онъ повелъ ихъ на отчаянный приступъ къ другимъ высотамъ, гдѣ столпились глав-

ныя силы нашей арміи. Тутъ всѣ нападенія пруссаковъ были отражены. Замѣтивъ крайнее ихъ утомленіе, Лаудонъ вдругъ ударилъ на нихъ съ австрійскою конницей и обратилъ ихъ въ совершенное бѣгство. Самъ король едва не попался въ плѣнъ; въ первую минуту и 5000 съ нимъ не осталось. Изъ русскихъ генераловъ здѣсь опять отличились Румянцевъ и Петръ Панинъ. Побѣда русскимъ досталась очень дорого: они потеряли убитыми и ранеными до 15000. Салтыковъ писалъ въ Петербургъ, что если ему еще удастся одержать такую побѣду, то онъ долженъ будетъ отправиться въ Петербургъ одинъ, съ посошкомъ, чтобы принести о ней извѣстіе. Онъ не преслѣдовалъ Фридриха II-го, а напротивъ отступилъ, нуждаясь въ продовольствіи. Тутъ начались перекоры между русскими и австрійцами. Вѣнскій дворъ безпрестанно посылалъ жалобы и обвиненія на русскихъ генераловъ, и они, конечно, не очень радѣли дѣлу австрійцевъ. При этихъ несогласіяхъ, не удалось завоевать и Силезіи: Фридрихъ II опять собрался съ силами и отстоялъ ее. Слѣдующій 1760-ый годъ прошелъ въ однихъ утомительныхъ переходахъ съ мѣста на мѣсто, безъ всякаго рѣшительнаго дѣла. Русскіе съ австрійцами предприняли только безцѣльный походъ на Берлинъ; заняли его нѣсколькими отрядами и тотчасъ удалились, едва явился самъ король. При этомъ русскіе заслужили даже благодарность жителей своею умѣренностью и порядкомъ, какой соблюдали въ войскѣ.

Война продолжалась до смерти Елизаветы; со вступленіемъ на престолъ Петра III-го русскія войска наоборотъ уже стали помогать Фридриху II, и всѣ завоеванныя нами земли безвозмездно возвращены ему. Вскорѣ потомъ Екатерина II отказалась отъ всякаго участія въ войнѣ и приказала русскимъ войскамъ возвратиться въ Россію. Семилѣтняя война кончилась миромъ, по которому Фридрихъ II сохранилъ всѣ свои владѣнія. Такимъ образомъ эта война, стоившая русскимъ до 300000 человѣкъ и до 30 милліоновъ рублей, не принесла имъ никакой пользы. Современники сильно роптали на Петра III, что онъ такъ безрасчетно возвратилъ пруссакамъ Кенигсбергъ и Мемель съ окружающими ихъ землями, за которыя столько было пролито русской крови. Но при тогдашнемъ полномъ раззореніи Фридриха II-го врядъ-ли и можно было ожидать отъ него какого-либо существеннаго вознагражденія, кромѣ союза съ нами на случай войны, какой обѣщалъ онъ. Удерживать-же завоеванныя нами земли было очень трудно, потому что онѣ были отдѣлены отъ границъ Россіи польскими владѣніями и слишкомъ далеко врѣзывались по Балтійскому

прибрежью на западъ. Припомнимъ, что Польша была тогда независимой и владѣла всѣмъ краемъ, чуть не до Пскова и Смоленска.

Елизавета умерла въ концѣ декабря 1761-го года, 52 лѣтъ отъ роду. Въ ея царствованіе народъ не терпѣлъ тѣхъ притѣсненій, какъ при Биронѣ; но его положеніе вообще мало улучшилось. Крѣпостное право тогда господствовало во всей силѣ: помѣщики продавали своихъ крѣпостныхъ, подъ конецъ даже получили право ссылать ихъ въ Сибирь; мастеровые, церковники, оставшіеся безъ занятій, обращались въ крѣпостныхъ. Злоупотребленія чиновниковъ продолжались по прежнему, война истощала народъ. Къ этому присоединилось жестокое преслѣдованіе раскольниковъ, отъ которыхъ Елизавета требовала строгаго подчиненія обрядамъ церкви. Вслѣдствіе всего этого и въ правленіе Елизаветы число бѣглыхъ не уменьшалось; отъ разбоевъ по прежнему не было никакой безопасности мирнымъ жителямъ. Тѣмъ не менѣе, со времени Петра I населеніе Россіи къ концу царствованія Елизаветы увеличилось съ 16 до 20 милліоновъ.

ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНІЕ РОССІИ ПОСЛѢ ПЕТРА I.

1. Общественный бытъ въ первой половинѣ XVIII-го вѣка.

О внутреннемъ состояніи Россіи послѣ Петра I мы уже отчасти имѣемъ понятіе изъ предъидущихъ нашихъ разсказовъ. Тяжелыя работы, какими обремененъ былъ народъ при Петрѣ Великомъ, послѣ его смерти большею частію прекратились. Дворянство также вздохнуло свободнѣе и подняло голову. Но съ другой стороны, при отсутствіи прочной власти, усилились безпорядки въ управленіи. Частыя и безплодныя войны, жестокое взиманіе недоимокъ и самовластіе нѣмцевъ при Биронѣ; непостоянство и стоившіе много денегъ проэкты Петра Шувалова (напримѣръ, введенныя имъ въ войскѣ гаубицы, оказавшіяся потомъ безполезными), съ его корыстолюбіемъ, при Елизаветѣ, гоненіе раскольниковъ, усиленіе крѣпостнаго права,—все это не могло вести къ улучшенію народнаго быта, хотя образованіе, особенно при Елизаветѣ, и стало замѣтно распространяться въ высшемъ классѣ общества. При Аннѣ стихотворцы уже восклицали: «Прочь, уступай прочь, печальная ночь! солнце Анна возсіяла, свѣтлый день намъ даровала!» Но подобные возгласы мало оправдывались въ дѣйствительности. Ино-

странцы сравнивали тогдашнюю Россію съ ребенкомъ, который пытаетъ свои силы и не знаетъ, какъ ступить на ноги.

По прежнему управленіе сосредоточивалось въ сенатѣ, синодѣ и коллегіяхъ. Власть сената послѣ Петра I нѣсколько разъ была ограничиваема; но при Елизаветѣ онъ опять получилъ свою силу. Но и на сенатъ были постоянныя нареканія въ медленномъ рѣшеніи дѣлъ. Сенаторы особенно приходили въ замѣшательство, когда требовалось найти средства для веденія войны. Случалось, что никакихъ отчетовъ о доходахъ и расходахъ они не могли добиться. Самые сенатскіе указы шли, напримѣръ изъ Петербурга въ Саратовъ, два мѣсяца. Дѣла въ сенатѣ смѣшивались и запутывались еще потому, что онъ не былъ раздѣленъ на департаменты, да и сенаторы очень лѣниво съѣзжались для ихъ рѣшенія. Тоже можно сказать о коллегіяхъ: наконецъ принуждены были членовъ коллегій брать подъ арестъ и штрафовать, чтобы они ходили въ присутствіе; одинъ изъ членовъ оправдывался тѣмъ, что онъ не могъ придти, такъ какъ у него потолокъ провалился въ комнатѣ. Въ синодѣ находимъ такіе же безпорядки. Когда при Елизаветѣ Шаховской поступилъ въ него оберъ-прокуроромъ, то вмѣсто отчетовъ о доходахъ съ монастырскихъ имѣній и о другихъ дѣлахъ нашелъ на своемъ столѣ только чернила и бѣлую бумагу. Вообще монастырское управленіе было самое плохое и чаще всего подавало поводъ къ крестьянскимъ бунтамъ. Елизавета заботилась объ иконостасахъ, объ церковныхъ книгахъ, объ изданіи исправленной библіи, о томъ, чтобы вывезти изъ Москвы въ Петербургъ лучшихъ дьяконовъ, и не охотно слушала многія изъ представленій Шаховскаго. Съ переѣздами ея въ Москву, обыкновенно и сенатъ, и коллегіи, со всѣми канцеляріями, тянулись за нею; для этого требовалось такое множество подводъ, что всякая пересылка товаровъ между Петербургомъ и Москвою прекращалась на мѣсяцъ и болѣе. Это также не мало задерживало дѣла. Второстепенныя власти допускали всякій произволъ и безпрестанно ссорились между собою. Ссоры архіерея съ воеводою, или воеводы съ полицмейстеромъ иногда доходили до дракъ. Главный магистратъ часто отдавалъ магистраты въ городахъ подъ власть какого нибудь богатаго купца или фабриканта, отчего начинались безконечныя пререканія съ купцами, державшими сторону другаго, излюбленнаго ими лица. Съ другой стороны магистраты враждовали съ полиціей, съ мелкими ремесленниками и купцами. Происходили цѣлыя войны посадскихъ съ помѣщиками, или помѣщиковъ между собою.

Въ уголовныхъ дѣлахъ по прежнему видную роль играли доносы

и пытки. При Петрѣ I доносчики освобождались отъ наказанія, хотя бы и донесли ложно; но Петръ I имѣлъ въ виду преимущественно доносы на расхитителей казны и на дворянъ, уклонявшихся отъ службы. Послѣ него канцелярія тайныхъ и розыскныхъ дѣлъ болѣе всего занималась дѣлами, касавшимися оскорбленія власти. Большею частію преслѣдовали за какую нибудь пустую болтовню; отъ доносовъ порою страдали и тѣ, которые не хотѣли напиваться до безпамятства въ высокоторжественный день на обѣдѣ какого нибудь начальника. Пытка считалась главнымъ средствомъ къ дознанію истины; при чемъ нѣкоторыя лица, какъ, напримѣръ, Ушаковъ, Александръ Шуваловъ, отличились особеннымъ искуствомъ въ истязаніи подсудимыхъ. При Елизаветѣ прямо не было издано закона объ уничтоженіи смертной казни, а только приказано осужденныхъ на смертную казнь бить кнутомъ, держать въ кандалахъ и, вырвавъ ноздри, ссылать на каторгу. Вѣшанье за ребра, колесованіе, четвертованіе, рваніе тѣла клещами,—все это прекратилось; но кнутъ и плети въ полной силѣ господствовали по прежнему. Наказаніе кнутомъ или шпицрутенами во многихъ случаяхъ было той же смертною казнью, лишь болѣе мучительною, чѣмъ обыкновенное вѣшанье или отсѣченіе головы. Плетьми наказывали даже и монахинь въ монастыряхъ.

Что касается вообще до судебныхъ дѣлъ, то напрасно издавались указы противъ страшной въ нихъ волокиты. Самое простое дѣло обыкновенно рѣшалось лѣтъ въ 15, а иногда затягивалось и на 50 лѣтъ. Ходъ дѣлъ былъ чисто бумажный. Присутственное мѣсто получало бумагу, помѣчало ее и откладывало въ ящикъ. Послѣ многихъ просьбъ и челобитенъ, чаще всего по приказу какого нибудь сильнаго лица, дѣло получало *движеніе*, то есть, его вынимали изъ ящика и при отношеніи пересылали въ другое присутственное мѣсто, гдѣ оно точно также продолжало лежать. Или посылались запросы, на которые отвѣты приходилось ждать неопредѣленное время. При такихъ обстоятельствахъ, напримѣръ, какому нибудь грабителю изъ дворянъ, захватившему чужой участокъ и побившему при этомъ до смерти чужихъ людей, ничего лучшаго не представлялось, какъ всякій разъ, когда дѣло подходило къ концу, начинать новое дѣло. Онъ выгонялъ присылаемыхъ къ нему должностныхъ лицъ, или и команду: тогда опять шла новая переписка бумагъ, а грабитель жилъ себѣ спокойно и подъ часъ умиралъ прежде, чѣмъ дѣло о немъ было кончено. Съ простыми людьми такъ не церемонились: ихъ прямо брали въ острогъ; но въ острогѣ они просиживали многіе года, пока болѣе ловкимъ не удавалось бѣжать чрезъ какой нибудь подкопъ, или прямо въ ворота по

недосмотру сторожа. За то для тѣхъ, кто могъ давать взятки, и бумажное судопроизводство, по возможности, сокращалось. Многое дѣлалось и безъ всякаго соображенія съ закономъ. Что касается взятокъ, то существовалъ еще старый обычай кормленія. Одинъ изъ самыхъ образованныхъ людей того времени, Татищевъ, говорилъ: «Отъ того, кому сдѣлалъ добро, могу принять безъ зазрѣнія совѣсти. Я беру то, что принесутъ, и въ этомъ ни передъ Богомъ, ни передъ государемъ не погрѣшаю.» Даниловъ, оставившій намъ записки о своей жизни, разсказываетъ, что, когда онъ еще ребенкомъ жилъ у одного воеводы, то этотъ воевода посылалъ его вмѣстѣ съ своимъ сыномъ въ уѣздъ Христа славить. Съ ними отправлялось до 5 подводъ, которыя потомъ возвращались съ хлѣбомъ, курами, и проч. При этомъ люди воеводы вели себя очень нахально, собирая дань птицами и другою живностью и съ тѣхъ дворовъ, куда славильщики не заѣзжали. Одинъ изъ родственниковъ Данилова, подаривъ въ вотчинной коллегіи секретарю 50 душъ, получилъ наслѣдство въ 900 душъ, которое впрочемъ ему и слѣдовало. Тогда онъ уже сталъ увертываться отъ службы и каждый годъ ѣздилъ гулять въ деревню. Каждый разъ онъ дарилъ за отпускъ полковому секретарю 12 *душекъ* съ женами и дѣтьми, при чемъ полковой писарь бралъ по одной *душкѣ* за пашпортъ (тогда говорили: «что земля! вотъ-бы *душекъ!*»). При самомъ его отъѣздѣ полковые и ротные писаря вытаскивали у него изъ кибитки одѣяла и подушки, какъ свою собственность. Взятки съ крестьянъ далеко превосходили платимыя ими подати. Крестьянъ притѣсняли и разнаго рода чиновники, и проходившія мимо команды, и попы, гдѣ они имѣли надъ ними власть: такъ попы Муромскаго собора отнимали земли, хватали работниковъ и женокъ. Постоянно слышались жалобы на прижимки ямщиковъ, на поборы съ промышленниковъ, на ложныя мѣры, какими много выгадывали у крестьянъ покупщики хлѣба.

Какъ измѣнилось состояніе высшаго общества послѣ Петра Великаго довольно живо рисуетъ намъ Щербатовъ (въ своей запискѣ: «О поврежденіи нравовъ въ Россіи.») У древнихъ царей было три, четыре небольшихъ комнатки. Стѣны, украшенныя иконописнымъ письмомъ или цвѣтами, скамьи, покрытыя кармазиннымъ сукномъ, — вотъ и всѣ украшенія. Комнату освѣщали много, много четыре сальныхъ (а не восковыхъ) свѣчи. На обѣдъ рыбу доставляли соленую, или мерзлую, а живую добывали изъ прудовъ; лакомствомъ служили изюмъ, ягоды, медовая пастила, виноградъ въ патокѣ. Изъ напитковъ были извѣстны только меды да водка и, какъ рѣдкость, фряжское или сладкое греческое вино-романея. Лишь при выѣздахъ находимъ болѣе роскоши:

на сбруяхъ драгоцѣнныя каменья, серебро, золото, и проч. У бояръ были кафтаны, шитые золотомъ, съ жемчугомъ и драгоцѣнными каменями, но тогда не знали модъ, и эти кафтаны переходили изъ рода въ родъ по наслѣдству. Парчи, драгоцѣнные мѣха были большею частію не купленные, а даренные царемъ. Слугъ имѣли отъ 20 до 50, но они ходили въ сермягахъ и лишь для выѣзда надѣвали кафтаны. У дворянъ находимъ тѣсную связь между родами: стояли горой за честь рода; молодые люди каждый праздникъ пріѣзжали на поклонъ къ старшимъ родственникамъ. Съ Петра I стали входить европейскіе обычаи. Женщины сначала дичились на ассамблеяхъ, но скоро имъ очень понравилось свободное сближеніе съ мужчинами; имъ также пріятно было, что ихъ женихи и мужья не покрыты болѣе колючими бородами. Онѣ скоро стали щеголять модами. Въ Москвѣ тогда была лишь одна уборщица волосъ; такъ многія убирались у нея за три дня до выѣзда на вечеръ и спали сидя, боясь испортить прическу. Тогда и мужчины стали заводить многіе кафтаны съ галунами по швамъ. Явились сначала, какъ рѣдкость, кареты, коляски, ливреи съ гербами. Нѣкоторые уже и раззорялись на роскошь: такъ у Одоевскаго остались только крѣпостные музыканты, которые его кормили; Шереметьевъ также забиралъ впередъ жалованье и оставилъ много долговъ. Нуждаясь все болѣе въ средствахъ, знатные люди стали искать милостей у двора: явилось раболѣпство, котораго не терпѣлъ Петръ Великій. Разсказываютъ, что одинъ офицеръ на пиру расхвастался, что пожертвуетъ для него жизнью; Петръ взялъ его за палецъ и сталъ этотъ палецъ жечь на огнѣ. Офицеръ отдернулъ руку съ крикомъ. «Вотъ, не хвались, сказалъ Петръ, когда не хочешь пожертвовать для меня и пальцемъ.» Теперь искали чиновъ, старались выслужиться; а уваженіе къ старымъ родамъ уже пало. «Холопъ, достигнувъ офицерскаго чина, говоритъ въ своемъ дворянскомъ горѣ Щербатовъ, могъ бить своего бывшаго господина, еще солдата, палкою». Съ насмѣшкою надъ суевѣріемъ и ложными чудесами, исчезали и многіе старинные, благочестивые обычаи: такъ многіе въ посты стали ѣсть мясо. Въ тоже время и супружескія связи стали не такими неразрывными, какъ прежде. Екатерина I уже запрещала убирать голову брильянтами съ двухъ сторонъ и носить горностаевые мѣха съ хвостиками: эту привилегію она оставила только себѣ. При ней роскошь уже начала усиливаться: стали выписывать изъ за границы драгоцѣнныя одежды и вина. Потомъ, среди распутства Долгорукихъ, высшее общество совсѣмъ пало; занимались лишь ѣздою съ собаками, медвѣжьей травлей, кулачными боями. Это паденіе кончилось совер-

женнымъ его униженіемъ при Биронѣ, когда многіе изъ знати стали играть роль шутовъ. Тѣ, что еще занимали видныя мѣста, другъ передъ другомъ старались угождать Бирону лошадями. Тогда учреждены придворные чины; конная гвардія одѣта была въ синіе мундиры съ красными обшлагами и золотыми галунами. При дворѣ уже находимъ много блеску: золото и серебро, блестящіе экипажи, итальянскую оперу, богатыя собранія и масќерады. У Бирона, Миниха, Остермана и у другихъ были открытые столы въ обширныхъ покояхъ со штофными обоями, съ зеркалами, съ англійскою мебелью изъ краснаго дерева, позолоченныя кареты съ точеными стеклами, дорогія лошади и ливреи. Вмѣстѣ съ пышностью все болѣе усиливались сребролюбіе, лесть, раболѣпство. При Елизаветѣ поднялась новая знать: Разумовскіе, Шуваловы, а старые роды больше отошли на второй планъ. При ней роскошь уже вошла въ обычай. Имѣть большіе погреба съ дорогими винами (въ томъ числѣ, и съ шампанскимъ), множество лошадей, одежды, тяжелыя отъ золота и серебра, дорогіе экипажи изъ Парижа, великолѣпный столъ—все это считалось необходимостью въ виду роскоши, господствовавшей при дворѣ. Многіе изъ дворянъ путешествовали за границей и вывозили оттуда новыя моды, выписывали по 12 кафтановъ разомъ, убирали пажей въ шитыя серебромъ ливреи. Въ Москвѣ стали продавать лимоны и апельсины. Петръ Шуваловъ завелъ ананасовую оранжерею и приготовлялъ дома ананасовое вино. Онъ первый имѣлъ цугъ англійскихъ лошадей; пуговицы, ордена, эполеты—все у него блистало брильянтами; и у другихъ гардеробъ часто стоилъ всего остальнаго имѣнія. Завелись: англійское пиво, бѣлыя восковыя свѣчи (вмѣсто прежнихъ желтыхъ, или сальныхъ), и отчасти серебрянные сервизы. Въ то время уже много дворянъ родилось отъ метрессъ и холопокъ.

Такъ описываетъ Щербатовъ положеніе высшаго общества. Но остальное дворянство еще большею частію жило, держась прадѣдовскихъ обычаевъ. Еще жили старики, которые любили толковать о Чигиринскомъ походѣ. Такіе походы, въ концѣ XVII-го вѣка, предпринимались противъ татаръ къ мѣстечку Чигиринъ, находившемуся въ тогдашней Новой Сербіи, въ 200 верстахъ отъ Елизаветграда. Одинъ изъ дѣдовъ Данилова держалъ у себя въ деревянной флягѣ вино изъ Чигиринскаго похода, которое у него никогда не изсякало. Пріѣдетъ гость; дѣдъ развеселится, вспоминая старину, и когда уже велитъ подать завѣтную флягу съ Чигиринскимъ виномъ, то это означало полное удовольствіе. Другіе старики развлекались тѣмъ, что служили сами у себя всю церковную службу, причемъ господинъ читалъ

вмѣсто священника, а остальной причтъ изображали дворовые. Въ разговорѣ у нихъ былъ обычай употреблять разныя присловья, напримѣръ: «во истинву положи меня.» Жили они въ высокихъ хоромахъ съ двумя комнатами: одну для зимы, а другую для лѣта. Моложе ихъ были отставные военные временъ Петра I. Они вспоминали о походахъ царя. Отецъ Данилова, напримѣръ, разсказывалъ, какъ, при взятіи Нарвы, ему картечью оторвало три пальца, такъ что они висѣли только на жилахъ, какъ царь, осматривая раненныхъ, отрѣзалъ ему эти пальцы и потомъ милостиво спрашивалъ: «трудно тебѣ было». Новая молодежь уже стремилась къ образованію, хотя и не легко ей было этого достигнуть; она уже толковала: «кто хвалится знатностью рода безъ своихъ заслугъ, тотъ хвалится чужимъ.» Но о тогдашнемъ образованіи мы еще скажемъ впослѣдствіи. Большинство дворянъ было обязательно занято службой, хотя молодые люди старались всячески отъ нея отдѣлаться, даже записывались въ купечество. Дворяне должны были служить отъ 20 до 45 лѣтъ: недоросли являлись на смотръ сперва 7 и 12 лѣтъ; третій смотръ былъ въ 16 лѣтъ, и наконецъ, 20 лѣтъ, послѣдняя явка въ герольдію. Необученные, по закону Петра I, отдавались безъ выслуги въ матросы или солдаты. Служба обезпечивала очень немногихъ, и большинство выходило въ отставку, едва дослужившись до прапорщика. Вотъ почему каждый дорожилъ своею долею въ имѣніи, и майораты, введенные Петромъ, отмѣнены при Аннѣ, вслѣдствіе общихъ жалобъ дворянъ. Однако младшему брату порою приходилось жить у матери, на ея вдовьей части имѣнія. Старшіе братья старались какъ нибудь обдѣлить младшихъ, подсовывали имъ бѣглыхъ крестьянъ, обрѣзывали всячески ихъ долю въ имѣніи. При всемъ томъ родственники возмущались, когда кто нибудь изъ ихъ круга, не имѣя чѣмъ жить, принялся бы за какое нибудь недворянское дѣло. Такъ, когда одинъ изъ родственниковъ Данилова опредѣлился управляющимъ въ имѣніяхъ Троицко-Сергіевской Лавры, то всѣ они сочли это безчестьемъ для рода и взялись содержать его съ тѣмъ, чтобы только онъ отказался отъ принятой имъ должности. Однако они исполняли не долго принятое на себя обязательство, и родственнику опять пришлось искать мѣста. Точно также выживали сестру изъ имѣнія, полученнаго ею въ наслѣдство, грабили на дорогѣ припасы, которые она вывозила себѣ въ городъ, и проч. Вообще между родственниками происходили вѣчныя ссоры изъ за имѣнія: случалось, что два брата жили въ одной избѣ, имѣя всего 4 души, и были заклятыми врагами, стараясь всячески вредить другъ другу. Бѣднѣйшіе

изъ дворянъ обыкновенно старались пристроить дѣтей своихъ къ какому нибудь богатому родственнику. Эти дѣти большею частію скитались съ мѣста на мѣсто, какъ и ихъ родители, живя гдѣ нибудь изъ за куска хлѣба. Ихъ держали не лучше слугъ. Какой нибудь баринъ ѣдетъ въ лютый морозъ въ кибиткѣ, укутанный перинами и шубами; съ нимъ и лягавая собака, которую онъ, когда не спитъ, пріучаетъ къ огню, стрѣляя ей подъ самымъ ухомъ; а бѣдный мальчикъ родственникъ сидитъ въ плохой шубенкѣ на запяткахъ и, чтобы онъ совсѣмъ не окоченѣлъ отъ мороза, слуги берутъ его подъ руки и заставляютъ бѣжать за кибиткой. Подъ конецъ милостивецъ женилъ родственника на какой нибудь бѣдной изъ жившихъ у него дворянскихъ дѣвушекъ, и этимъ ограничивались всѣ благодѣянія. Въ деревняхъ дворяне отъ бездѣлья часто затѣвали пиры или драки съ сосѣдями, предавались пьянству и всякому распутству.

Если дворяне постоянно тягались и даже дрались между собою изъ за каждаго клочка земли и особенно изъ за крестьянъ, которыхъ нерѣдко силою отнимали у сосѣдей, то въ среднемъ сословіи, у купцевъ и фабрикантовъ, мы видимъ не менѣе заботы о землѣ и людяхъ. Хотя законъ отдавалъ землю и крестьянъ въ полное владѣніе дворянамъ, но купцы и фабриканты изыскивали всевозможные способы обойти его, то пользуясь разными привилегіями, которыя давались преимущественно казеннымъ поставщикамъ, то держась стараго обычая, пока его еще не успѣли отмѣнить. Такъ на сѣверѣ Россіи купцы издавна владѣли землями, которыя были населены крестьянами—половниками. Другіе пріобрѣтали людей на чужое имя. Фабрикантамъ изъ недворянъ, по закону Петра I, дозволялось просить о покупкѣ крестьянъ для ихъ фабрикъ,—право, которое сильно оспаривали у нихъ помѣщики. Въ случаѣ нужды приписывали къ фабрикамъ и дѣтей гарнизонныхъ солдатъ. Вообще всякіе гулящіе люди, если только не были бѣглыми, принимались на фабрики; но въ отдаленныхъ мѣстахъ, конечно, принимали и бѣглыхъ, и если помѣщикъ ихъ разыскивалъ, то обыкновенно дѣло оканчивалось тѣмъ, что хозяинъ вносилъ за нихъ извѣстную плату. Въ то время, по малости населенія, еще очень рѣдко прибѣгали къ вольнонаемному труду; на отдаленныхъ заводахъ, на Уралѣ, въ Башкиріи, по неволѣ принуждены были поселять крестьянъ, потому что мѣстныхъ работниковъ не было. Положеніе такихъ поселенцевъ было, конечно, незавидное, такъ какъ заводчики, а особенно ихъ прикащики наваливали на нихъ всякія работы не по закону. Обязанность фабрикантовъ поставлять товаръ въ казну съ одной стороны служила къ ихъ выгодѣ, обезпечивая сбытъ товара, съ другой и сильно стѣсняло производство, по-

тому что цѣны въ казнѣ были напередъ установлены. Фабрикантъ уже не могъ сбывать товаръ на сторону, гдѣ представлялось сбыть выгоднѣе, и не могъ также возвышать заработную плату, чтобы привлечь къ себѣ лучшихъ работниковъ. Въ то время еще порою запрещали вывозъ за границу сырыхъ произведеній, напримѣръ, шерсти, по причинѣ недостатка ихъ для русскихъ фабрикъ. У шелковыхъ фабрикантовъ спрашивали, сколько они могутъ приготовить шелковыхъ матерій, и если спросъ превосходилъ назначенное ими количество, то на излишекъ дозволяли привозъ такихъ матерій изъ за границы. Случалось, что сами фабриканты просили о дозволеніи привоза, будучи не въ силахъ удовлетворить какъ требованіямъ казны, такъ и публики.

По тарифу 1724-го года съ иностранныхъ товаровъ брали пошлины отъ 10 до $37^1/_2$ проц. со стоимости товара, по тарифу 1731-го года уже только отъ 5 до 10 проц. Въ 1726-мъ году привозъ простирался до $1^1/_2$ слишкомъ милліона рублей, отпускъ составлялъ болѣе 4 милл. рублей. Послѣ новаго тарифа привозъ увеличился въ 3 раза, а отпускъ лишь $1^1/_4$ раза; при этомъ отпускъ всетаки превышалъ привозъ. Отпускались же преимущественно парусныя и фламандскія полотна, юфть, пенька, а не хлѣбъ, котораго вывозъ большею частію запрещали. Внутренняя наша торговля вообще вдвое превышала заграничную. Съ уничтоженіемъ внутреннихъ таможенъ при Елизаветѣ ей было сдѣлано значительное облегченіе; но откупа и всякія монополіи продолжались по прежнему. Казенныя фабрики и заводы теперь стали переходить въ частныя руки. Фабрикантамъ отъ казны давались въ заемъ деньги безъ процентовъ и право однимъ промышлять какимъ нибудь товаромъ. Больше всего вниманія было обращено на суконныя, шелковыя, полотняныя фабрики. Шелковыя фабрики, кромѣ Москвы, заведены и въ Астрахани, гдѣ посажено до 500 тутовыхъ деревьевъ. Всего шелку шло на фабрики при Елизаветѣ до 1,400 пудовъ въ годъ. Но вообще промышленность до Екатерины II развивалась еще слабо. Только Москва становилась замѣтнымъ фабричнымъ городомъ по причинѣ большой дешевизны содержанія, при обильномъ подвозѣ какъ сырыхъ продуктовъ, такъ и хлѣбныхъ запасовъ. Тогда стали обращать вниманіе на разведеніе скота и на посѣвъ хлѣба и въ Сибири. Во время Бирона въ Россіи процвѣтали лишь конскіе заводы. Стараніями Волынскаго они устраивались на удобныхъ мѣстахъ въ Казанской, Нижегородской губерніи и въ Малороссіи. Желѣзное производство развивалось на Уралѣ. При Петрѣ I заводами управлялъ дѣятельный и честный Генингъ, который болѣе всего радѣлъ о выгодахъ казны. Послѣ него Татищевъ уже долженъ былъ бороться со множествомъ злоупотребленій. Сильные люди,

подобные Демидову и Строганову, захватывали все въ свои руки. При Биронѣ клевретъ его, саксонецъ Шембергъ, въ два года ограбилъ казну въ пользу своего милостивца на 400000 рублей. Со времени Елизаветы стали давать фабрикантамъ чины, для ихъ поощренія. Акинфій Демидовъ сдѣланъ былъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ; одинъ изъ башкирскихъ заводчиковъ произведенъ прямо изъ податнаго состоянія въ коллежскіе ассесоры; даны чины также многимъ изъ бумажныхъ фабрикантовъ. Но никакія выгоды не могли заставить Елизавету дать льготы евреямъ: «отъ враговъ христовыхъ, говорила она, не хочу корыстной прибыли».

О городахъ мы лучше всего можемъ судить по тогдашнему положенію Петербурга и Москвы. Петербургъ въ то время сильно страдалъ отъ наводненій и пожаровъ. Но правительство заботилось о лучшемъ устройствѣ трубъ и печей, отдавъ печниковъ и трубочистовъ въ вѣдѣніе полиціи. Въ городѣ появились герберги (трактиры) съ постнымъ и скоромнымъ столомъ, кофе, чаемъ, «чекулатомъ», билліардами, курительнымъ табакомъ, винами и водками. Развлеченіемъ для жителей служили балаганы съ кукольными представленіями. Но болѣе всего развлекали придворные праздники, когда, по случаю какого либо торжества, устраивали фейерверки, иллюминаціи, фонтаны съ краснымъ виномъ для народа, и проч. Для фейерверковъ при Елизаветѣ устроена была огромная мастерская на Васильевскомъ острову, противъ Зимняго дворца: тутъ жило до 1000 рабочихъ и множество мастеровъ, которые исключительно занимались изобрѣтеніемъ фейерверковъ. Простой народъ, купцы, да и многіе изъ знати потѣшались кулачными боями. Эти бои совершались съ дозволенія полиціи, подъ присмотромъ сотскихъ и пятидесятниковъ: предписано было не сыпать въ глаза песку, не прятать въ рукавицы камней и ядеръ, и проч. Въ числѣ другихъ обычаевъ вѣка характерно было то, что закономъ предписывалось не мыться женщинамъ въ баняхъ вмѣстѣ съ мущинами. Вообще благоустройство столицы было еще незавидное. Отъ продажи дурнаго мяса распространялись болѣзни. Докторовъ съ трудомъ можно было найти, да и то самыхъ плохихъ: Даниловъ разсказываетъ, что лекарь чуть его не уморилъ, леча слабительными отъ боли въ колѣнкѣ. Отъ кладбищъ расходился дурной запахъ, такъ какъ могилы рыли очень мелкія. На улицахъ валялась падаль, которую очищали лишь одичалыя собаки. При Аннѣ опять дозволено было подавать милостыню, и нищіе осаждали прохожихъ на улицѣ. Въ богадѣльни попадали не настоящіе бѣдняки, а большею частію тунеядцы. Отъ грабежей во многихъ мѣстахъ ночью не было ни проходу, ни проѣзду. Кромѣ того вошла въ обычай бѣшеная ѣзда на улицахъ;

однажды чуть не задавили Миниха, и полиціи постоянно давались предписанія останавливать и ловить такихъ отчаянныхъ скакуновъ. Но и въ Петербургѣ, какъ въ другихъ городахъ, въ полиціи былъ крайній недостатокъ. Еще худшій видъ представляла Москва. Одинъ изъ начальниковъ, посланный туда вскорѣ послѣ смерти Петра, писалъ въ Петербургъ: «Извольте вывесть меня изъ этого пропастнаго мѣста. Два дня, какъ началась оттепель, но отъ здѣшней, столь извѣстной вамъ чистоты такой бальзамическій духъ и такая мгла, что изъ избы нельзя выйти. Здѣсь болѣе 1000 колодниковъ; сюда въ лѣто приводятъ до 45000 быковъ да 50000 барановъ.» Этихъ колодниковъ водили по улицамъ для испрашиванія милостыни. Нищенство и разбои здѣсь были распространены еще въ большей степени, чѣмъ въ Петербургѣ. Ежедневныя драки на улицахъ; буйство гвардейскихъ солдатъ, къ которымъ не смѣла и приступиться полиція; частые пожары; по ночамъ, кромѣ нападенія воровъ, опасность быть растерзанному собаками: вотъ чѣмъ отличалась Москва. Погорѣвшіе каменные дома на главныхъ улицахъ оставались недостроенными; за ихъ стѣны валили навозъ и всякую дрянь, и мимо такихъ развалинъ нельзя было проходить, не зажавъ носа. Ветхія стѣны города подчасъ падали и зашибали прохожихъ; въ больницахъ отъ ветхости опасно было топить печки; всякіе лотки и лавчонки громоздились чуть не на срединѣ улицъ и на мостахъ; въ самыхъ дворцахъ нельзя было жить отъ множества насѣкомыхъ. Въ 1737-мъ году вся Москва, не исключая и Кремля, выгорѣла, какъ говорятъ, отъ восковой свѣчки: одна женщина поставила зажженную свѣчку у образа и ушла къ обѣднѣ; пожаръ не успѣли захватить въ началѣ, такъ какъ весь народъ былъ въ церкви. При Аннѣ въ первый разъ поставлены были на улицахъ фонари: въ нихъ горѣли фитили, опущенные въ конопляное масло. Нѣсколько очищена была Москва съ пріѣздомъ въ этотъ городъ Елизаветы: тогда стали разбирать развалины, служившія складомъ нечистотъ, или пріютомъ для воровъ, вывозили всякій соръ, ломали ветхіе заборы и лавки, стали строить новый дворецъ, и проч. Другіе города находились въ подобномъ же запущеніи. Между тѣмъ на дальнемъ востокѣ возникъ новый городъ, Оренбургъ, и въ короткое время достигъ значительнаго процвѣтанія. Начальникъ Оренбургскаго края, Неплюевъ, устраивая оборонительную линію противъ киргизовъ положилъ основаніе и этому городу, самъ смотрѣлъ за постройкой домовъ и жилъ съ другими въ землянкѣ, пока всѣ не перебрались въ новыя жилища. Разными льготами онъ привлекъ съ одной стороны русскихъ купцевъ, а съ другой азіатцевъ; въ 1749 хивинцы и бухарцы

уже привезли въ Оренбургъ 418 пудовъ серебра для покупки товаровъ. Въ послѣдующіе года торговля здѣсь еще болѣе возвысилась.

Сравнительно съ нынѣшнимъ временемъ, насъ должна поражать необыкновенная дешевизна припасовъ, какую находимъ въ половинѣ прошедшаго столѣтія. Такъ въ 1752-мъ году въ Москвѣ пудъ печенаго ржанаго хлѣба стоилъ 26 коп., пшеничнаго—64 коп., пудъ коровьяго масла—2 р. 14 коп., пудъ говядины 12 коп., сажень трехаршинныхъ дровъ 1 р. 60 коп. При этомъ работницѣ въ годъ платили по 3 рубля. Въ этой дешевизнѣ, конечно, видное мѣсто занимаетъ дороговизна денегъ въ тогдашнее время. Какъ ни дешево стоили припасы въ городахъ, крестьяне тѣмъ не менѣе нерѣдко страдали отъ голода, и правительство указами напоминало помѣщикамъ, что они обязаны кормить своихъ подданныхъ. Но многіе изъ помѣщиковъ сами кое какъ перебивались; другіе, обязательно находясь на службѣ, предоставили полную власть прикащикамъ, настойчиво требуя только присылки денегъ. Трудно было ожидать вниманія къ народнымъ нуждамъ, напримѣръ, отъ помѣщицы, которая всякій день, когда ѣла щи съ бараниной, тутъ же при себѣ приказывала сѣчь свою кухарку для аппетиту. Были, конечно, примѣры, что крестьяне, и живя подъ господскимъ страхомъ, пользовались извѣстнымъ довольствомъ. Но оскудѣніе народа происходило не отъ одной помѣщичьей власти. Причиною этого было, при крайнемъ недостаткѣ промысловъ, страшное истощеніе народныхъ силъ отъ войнъ, отъ самовластія такихъ временщиковъ, какъ Биронъ. Съ 1727 по 1736-ой годъ взято было въ рекруты до 150000 человѣкъ (при мужскомъ населеніи въ пять съ небольшимъ милліоновъ.) Большинство изъ нихъ погибло отъ плохаго содержанія, отъ болѣзней. Въ войскѣ мало было лекарей, да и тѣ, подобно солдатамъ, находились въ услуженіи у начальниковъ, замѣняя лакеевъ. Въ больницахъ даже въ Москвѣ умирали отъ тѣсноты и смрада. Когда при Елизаветѣ Шаховской, ужаснувшись при видѣ такой больницы, велѣлъ часть больныхъ солдатъ перевести въ пустое строеніе при казенномъ пивоваренномъ дворѣ, то было приказано принять ему этихъ больныхъ въ собственные покои. Понятно, что при такомъ попеченіи солдаты часто разбѣгались: бывало въ году и по 20000 бѣглыхъ. Про время Бирона Татищевъ говорилъ: «Собирая съ бѣднаго подданства слезныя и кровныя подати, употребляютъ на объяденіе и пьянство.» Къ злоупотребленіямъ властей присоединялись пожары и повальныя болѣзни, какъ слѣдствіе дурной пищи. Преслѣдованіе раскольниковъ повело къ новому между ними изувѣрству: появились новыя секты, гдѣ вертѣлись и били себя обухами и ядрами, ожидая сошествія св. Духа; не исчезъ и обычай самосожиганія: однажды,

при приближеніи команды, сожгли себя, загородившись заборомъ, 172 человѣка. Все это вело къ уменьшенію населенія, и оставшіеся въ живыхъ должны были нести на себѣ все бремя повинностей. Не вынося ихъ, народъ бѣгалъ толпами въ Польшу, на Донъ, къ устьямъ Волги, или пускался въ разбой. Многіе, спасаясь отъ притѣсненій, думали поступать въ военную службу, какъ это было при Петрѣ I; но теперь, такихъ, наказывая кнутомъ, возвращали помѣщикамъ и на заводы.

При Елизаветѣ уже начались постоянныя крестьянскія возмущенія. Возставали помѣщичьи крестьяне, а еще чаще приписанные къ заводамъ и монастырскіе, преимущественно въ восточной Россіи. Собирались толпы въ 500, 800 человѣкъ и болѣе, и отчаянно бились съ высылаемыми командами. Въ битвахъ участвовали и женщины; при одномъ возстаніи, солдатъ обучалъ замужнихъ женщинъ и дѣвушекъ ружейнымъ пріемамъ, одѣвъ ихъ въ мужское платье. Гдѣ считали невозможнымъ сопротивляться, тамъ, при появленіи командъ, разбѣгались по лѣсамъ. Такъ бунтовали крестьяне противъ Евдокима Демидова и другихъ заводчиковъ. Но случалось, что, при исполненіи какихъ либо повинностей, и помѣщики брали сторону крестьянъ: такъ одна помѣщица со своими людьми отбила солдатъ, присланныхъ за подводами. Не менѣе значительныя возстанія происходили въ монастырскихъ имѣніяхъ. Въ Вятской губерніи 11500 крестьянъ отложились отъ монастырей, объявляя себя черносошными; и здѣсь случалось по нѣскольку разъ посылать команды, которыя не всегда возвращались съ успѣхомъ. Однажды, избивъ солдатъ, крестьяне взяли въ плѣнъ капитана, приковали его къ ногѣ убитаго мужика и такъ подвергали долгимъ истязаніямъ. Бѣглые, если не уходили за границу, то обыкновенно собирались въ разбойничьи шайки. Но изъ за польской границы также постоянно появлялись толпы разбойниковъ, грабившихъ пограничныя помѣщичьи усадьбы. Болѣе значительные грабежи мы находимъ на сѣверѣ и востокѣ Россіи, въ лѣсныхъ селахъ и въ приволжскихъ мѣстахъ. Разбойники раззоряли усадьбы, монастыри, казенные склады, заводы и даже брали города, для защиты которыхъ служила какая нибудь сотня дряхлыхъ инвалидовъ, безъ пушекъ. При этомъ освобождали колодниковъ, забирали деньги и товары. Одна шайка ограбила таможню, кабакъ, соляной дворъ, нѣсколько усадебъ, захватила до 5000 денегъ, и, послѣ такой удачи, атаманъ, приставъ по рѣкѣ къ одному селу, вызвалъ священника, велѣлъ служить благодарственный молебенъ и пожертвовалъ значительную сумму на колоколъ. Болѣе всего доставалось помѣщикамъ. Такъ отецъ Данилова былъ избитъ и ограбленъ, когда въ саняхъ ѣхалъ домой съ женой и младенцемъ сыномъ. Онъ узналъ въ одномъ изъ шайки

сосѣдняго крестьянина. Тогда разбойники крикнули: «Атаманъ, подчивай! онъ насъ знаетъ.» Несчастнаго схватили, потащили къ рѣкѣ топить; а другіе кричали, что надо вѣшать. Однако пожалѣли ребенка, завезли всю семью далеко въ лѣсъ и бросили, оставивъ для возвращенія плохую лошадежку и кое-какое рубище. У одной помѣщицы, сѣкшей крестьянъ, выбили зубы, убили любимую комнатную собачку и забрали всѣ пожитки, между прочимъ вино въ боченкахъ. Но помѣщица опомнилась и успѣла послать погоню. Какъ посланные только настигали разбойниковъ, такъ эти бросали имъ по боченку, и такимъ образомъ избавились отъ погони. Посланные на скаку останавливались, разбивали боченокъ и пили вино,—какъ оправдывались, для большей смѣлости. Разбойники тогда произвели на свѣтъ и своего героя, извѣстнаго Ваньку Каина. Сначала онъ воровалъ въ Москвѣ, имѣя притонъ у Каменнаго моста, грабилъ и на Макарьевской ярмаркѣ; потомъ поступилъ въ сыскную полицію и въ два года изловилъ до 300 воровъ. Но ловя однихъ воровъ, онъ самъ воровалъ съ другими, промышлялъ карточною игрою и фальшивыми деньгами, увозилъ дѣвицъ и кончилъ плетьми и каторгой. Въ дѣлѣ Ваньки Каина замѣшано было много секретарей и другихъ чиновниковъ.

Скажемъ здѣсь кстати нѣсколько словъ и о положеніи народа въ Малороссіи, гдѣ еще не существовало крѣпостнаго права. Послѣ освобожденія отъ польскаго ига при Хмѣльницкомъ, землею завладѣли служилые люди, казаки. Они несли тягости службы, и остальное населеніе, то есть, крестьяне и мѣщане, или посполъство, должны были кормить ихъ, выполняя извѣстныя повинности. Но свободныхъ земель было еще очень много; бездомный народъ селился, гдѣ хотѣлъ, обрабатывалъ земли, сколько могъ, и, конечно, считалъ землю, имъ обработанную, своею собственностью. Казаки вначалѣ лишь въ нынѣшней Черниговской губерніи утвердились, какъ землевладѣльцы. Земля безъ людей не имѣла никакой цѣны, и гетманъ раздавалъ за службу старшинѣ и простымъ казакамъ, а также монастырямъ, уже населенныя земли. Больше всего земель получали казацкіе начальники: сотники, есаулы, полковники, и проч. Старшина, захватывая все болѣе силы, могла увеличивать свои владѣнія черезъ покупку, чрезъ поселеніе на пустыхъ земляхъ разныхъ гулящихъ людей, и т. д. Простые казаки, хотя и не въ силахъ были съ нею бороться, всетаки сохраняли свои права на землю; что касается мѣщанъ въ городахъ и крестьянъ, то они, какъ тяглый классъ, были въ своихъ владѣніяхъ нѣсколько ограничены, находясь въ нѣкоторой зависимости отъ господствующаго класса, составлявшаго, такъ сказать, казацкое рыцарство, или дворянство. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе

это господство распространялось и на земли, прежде бывшія совсѣмъ свободными; власть казаковъ, а особенно казацкой старшины возростала. Однако вначалѣ права и обязанности тяглаго и нетяглаго сословія были довольно равномѣрны, и переходъ изъ одного въ другое былъ совершенно свободнымъ. Казакъ часто находилъ для себя выгоднымъ перейти въ крестьянское сословіе, чтобы не нести военной службы, и наоборотъ крестьянинъ переходилъ въ казаки, чтобы не нести повинностей въ пользу какого нибудь владѣльца. Но въ началѣ XVIII-го вѣка эти отношенія уже совершенно измѣнились. Старшина пріобрѣтала свою власть не только по выбору, но и сохраняла ее наслѣдственно изъ рода въ родъ, вмѣстѣ съ почетнымъ званіемъ. Когда число такихъ почетныхъ родовъ размножилось, то среди казаковъ все болѣе сталъ выдѣляться особый высшій классъ дворянства. Въ началѣ XVIII-го столѣтія старшина уже господствовала почти самовластно. Отъ нея зависѣлъ и гетманъ, какъ это мы видимъ въ исторіи Мазепы. Старшина стала притѣснять и простыхъ казаковъ, отнимая у нихъ всякими неправдами земли, такъ что при Петрѣ I русское правительство должно было за нихъ вступиться, и по ревизіи 1723-го года возвращены были въ казаки тѣ, которыхъ владѣльцы насильно обратили въ своихъ крестьянъ.

Крестьяне въ началѣ исполняли лишь извѣстныя повинности: напримѣръ, строили гати, косили сѣно, возили дрова для своего пана. Въ жалованныхъ, гетманскихъ грамотахъ говорилось неопредѣленно, что они должны быть у пана въ послушаніи. Сначала, по обычаю, назначалось два, много три дня барщины. Но съ теченіемъ времени произволъ владѣльцевъ все увеличивался. Они налагали оброки и дани, какія хотѣли. Крестьянинъ носилъ своему пану орѣхи, ягоды, красильныя вещества (марену и червецъ), сработанную имъ посуду, нитки, холстъ, сало и всякую живность, давалъ ему воловъ, платилъ куничныя деньги (при свадьбѣ), десятину съ пчельника и табачнаго поля, и т. д. Случалось, что панъ отниметъ вола, а когда мужикъ станетъ вымаливать, то пообѣщаетъ отдать ему вола, если онъ принесетъ, напримѣръ, куль овса. Принесетъ мужикъ овесъ, панъ прогонитъ его кіями, забравъ и овесъ, и вола. Или онъ сгонитъ его съ земли, какъ дозрѣетъ хлѣбъ; потомъ дозволитъ возвратиться, чтобы сжать хлѣбъ, какъ будто въ свою пользу. Сожнетъ мужикъ хлѣбъ, онъ отниметъ хлѣбъ и опять прогонитъ. Жаловаться приходилось той же старшинѣ, которая, конечно, стояла за своихъ; да едва мужикъ замышлялъ жаловаться, какъ у него отбивали къ этому охоту палками. Крестьянину, въ случаѣ крайнихъ притѣсненій, было три выхода: идти въ казаки, бѣжать въ слободы, или въ подсусѣдки. Переходъ въ казаки теперь сталъ очень труденъ,

почти невозможенъ: лишь болѣе зажиточные крестьяне могли достигнуть этого черезъ подкупъ властей. Поселиться въ какой нибудь слободѣ было легче. Помѣщики устраивали такія слободы на пустыхъ земляхъ, приманивая на нихъ всякими льготами бездомныхъ людей; они обыкновенно ставили крестъ у дороги, на которомъ означали, на сколько лѣтъ, напримѣръ, поселенецъ будетъ избавленъ отъ повинностей. Этимъ они приманивали къ себѣ сосѣднихъ крестьянъ. Кромѣ того въ Малороссіи всегда скиталось много бѣглаго народа изъ Литвы, изъ Россіи и изъ другихъ странъ. Такъ какъ коренные жители селъ, крестьяне, крѣпко отстаивали свои права на землю, которою издавна владѣли, то помѣщики предпочитали заселять свои земли выходцами, которые уже вполнѣ отъ нихъ зависѣли, и съ этою цѣлью даже прогоняли силою крестьянъ. Слободы даже продавались съ людьми, и такимъ образомъ положено начало продажѣ людей. Но здѣсь, послѣ льготныхъ лѣтъ, а иногда и ранѣе, крестьянинъ испытывалъ тѣже тягости, какъ и на покинутой имъ землѣ, и ему приходилось бѣжать снова. Подсусѣдки были въ родѣ батраковъ, которымъ казаки давали подлѣ себя помѣщеніе и какой нибудь клочекъ земли съ тѣмъ, чтобы они исполняли для нихъ разныя работы. Они не несли государственныхъ повинностей, но при Аннѣ также обложены были податями. Въ своемъ жалкомъ положеніи, крестьяне часто возмущались противъ пановъ: раззоряли усадьбы, мстили пану, кладя ему въ голенища горячія уголья, и проч. Эти хлопскія возстанія усмирялись силою, и послѣ того власть помѣщиковъ только увеличивалась. Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивались и переходы крестьянъ. Въ 1763-мъ году они были наконецъ запрещены безъ дозволенія начальства. Румянцевъ, ставши малороссійскимъ губернаторомъ, старался всѣми силами сдѣлать осѣдлымъ бродячее населеніе края. Для этого онъ предпринялъ опись всѣхъ земель и всего крестьянскаго имущества, чтобы точнѣе установить налоги и дани и сколько возможно ограничить произволъ помѣщиковъ. Но его старанія не имѣли успѣха: переходы продолжались, пока въ 1783-мъ году крестьяне не были окончательно прикрѣплены къ землѣ. Установленію въ Малороссіи крѣпостнаго права много содѣйствовало и то, что уже до Екатерины II русскіе чиновники стали пріобрѣтать въ Малороссіи земли, которыми владѣли по великорусскому обычаю.

Въ числѣ другихъ сословій, которыя мы разсматривали, насъ не можетъ не занимать и бѣлое духовенство, котораго судьба во многомъ была сходна съ судьбою крестьянъ. Въ древней Руси священники какъ мы знаемъ, избирались прихожанами не только изъ дѣтей духовенства, но и изъ дворянъ, изъ посадскихъ, и изъ грамот-

ныхъ крестьянъ. Точно также по выбору служили дьяконы и дьячки. Въ дьяконахъ цѣнили болѣе всего громкій басъ; но число ихъ было незначительно: ихъ находимъ почти въ однихъ соборныхъ церквахъ. Въ дьячки выбирали грамотѣевъ, которые въ тоже время могли служить писцами при земской избѣ. Этотъ обычай выборовъ перешелъ и въ XVIII-ый вѣкъ и подтвержденъ регламентомъ Петра I. Но теперь выборы уже стали одною формальностью. Священникъ по прежнему представлялъ поручную запись отъ прихожанъ, но его званіе уже стало совершенно наслѣдственнымъ. Дьячковъ иногда нанималъ священникъ изъ лицъ и совершенно неизвѣстныхъ приходу. Лишь мѣстами помѣщики да богатые купцы въ городахъ имѣли нѣкоторое вліяніе на выборы. Но въ первой половинѣ XVIII-го вѣка выборы еще сохранились въ Сибири и въ Югозападной Россіи. Въ Малороссіи они были особенно характерны. Попы одинъ передъ другимъ заискивали въ избирателяхъ, угощали ихъ, сулили всякія услуги, всячески старались очернить противника. Нерѣдко это были бродячіе, такъ называемые «дикіе» попы, которые всюду искали мѣстъ со своими ставленными грамотами, купленными за дешевую цѣну у такихъ же бродячихъ архіереевъ изъ Молдавіи. Въ день выбора, когда собиралась громада, начинались невообразимый шумъ и суета. Соперники бѣгали отъ одной кучки къ другой, выкрикивали о своихъ достоинствахъ, нерѣдко вступали и въ драку между собою. Произносились рѣчи, слышались жаркіе споры, пока большинство не рѣшало выбора. Въ Россіи еще до Петра I на обычай выборовъ недружелюбно смотрѣли и правительство, и высшее духовенство. Правительство не желало, чтобы кто-нибудь уходилъ изъ службы или изъ податнаго сословія; архіереи видѣли въ выборахъ ограниченіе своей власти и достигли того, что прихожане стали выбирать почти исключительно изъ дѣтей духовенства. Впрочемъ и безъ этого утверждался обычай, чтобы духовное званіе было наслѣдственнымъ.

Церковное мѣсто переходило изъ рода въ родъ, и члены рода считали его до такой степени своей собственностью, что продавали его, уступали другимъ по договору или отдавали въ приданое. Особенно строитель церкви сохранялъ на него право собственности. Тоже было и въ Малороссіи: тамъ даже отдавали церкви въ аренду евреямъ. Послѣ Петра I, когда сословія рѣзко раздѣлились, духовенство уже становится совершенно замкнутымъ въ своемъ тѣсномъ кружку. Наслѣдственность взяла въ немъ верхъ надъ выборнымъ началомъ. Священникъ устраиваетъ при себѣ дѣтей своихъ: одного въ дьяконы, другаго въ дьячки, чтобы они послѣ его смерти заняли всѣ мѣста

при церкви. Малолѣтніе тоже сохраняютъ право на мѣста; когда отецъ умиралъ, то до ихъ совершеннолѣтія служилъ какой нибудь наемный попъ, называемый викаріемъ. Въ священники посвящали лишь 30 лѣтъ, въ дьяконы не ранѣе 25 лѣтъ. Въ случаѣ обильнаго семейства, да если еще присоединить къ этому семейства причетниковъ, легко себѣ представить, какое огромное число лицъ праздно жило при церкви въ ожиданіи какого либо мѣста. Если у священника была дочь, то церковное мѣсто переходило за нею въ приданое. При этомъ, конечно, не завидно было положеніе безмѣстныхъ дочерей; отъ нихъ и пошло присловье: «невѣста безъ мѣста». Бездѣтная и безсемейная вдова, получивъ церковное мѣсто по праву наслѣдства, продавала его чужимъ людямъ. Случалось, что и самъ священникъ продавалъ свое мѣсто (иногда за 700 рублей), находя болѣе выгоднымъ служить по найму, или просто ради разгула. Наслѣдники вообще крѣпко охраняли свои права и сильно торговались, если имъ волею-неволею приходилось уступать чужимъ свое достояніе. Духовныя власти терпѣли эти обычаи, не находя никакихъ средствъ обезпечить семейства духовныхъ лицъ, которымъ изъ своего сословія не было никакого выхода.

Замкнутость духовенства еще болѣе увеличилась чрезъ заведеніе особыхъ для него школъ, хотя эти школы, по крайней мѣрѣ въ первое время, явились сильными врагами наслѣдственности въ замѣщеніи церковныхъ мѣстъ. Со временъ Петра I каждый, желавшій получить мѣсто священника или дьякона, долженъ былъ учиться если не въ семинаріи, то въ архіерейской школѣ. Но пока школъ было еще мало, допускалось, конечно, и домашнее образованіе. Въ семинаріи уже распредѣляли мѣста учащимся: часть доходовъ съ этихъ мѣстъ и шла на ихъ содержаніе. Учащійся за прилежаніе съ мѣста причетника повышался на мѣсто дьякона и священника и наоборотъ; но покамѣстъ эти мѣста занимали наемные церковники или родственники бывшаго прежде при церкви священника. Понятно, какъ встрѣчали эти родственники ученаго ставленника, по выходѣ его изъ семинаріи: ему и житья не было на мѣстѣ, ему назначенномъ. Наслѣдники не давали ему ни жилища, ни земли для огорода, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что церковные дома или сами они построили, или передѣлали, а церковную землю обработали. Купить же у нихъ эти дома не было возможности, потому что они назначали за нихъ непомѣрныя цѣны. Тогда синодъ предпринялъ оцѣнку домовъ, распорядился объ ихъ выкупѣ и издалъ указъ, чтобы впередъ и земля, и дома были церковнымъ достояніемъ. Однако наслѣдственность церков-

ныхъ мѣстъ осталась въ своей силѣ и мирилась со школьными требованіями послѣ того, когда и священники, и причетники стали отдавать своихъ дѣтей въ духовныя школы. Духовное начальство иногда заботилось не только о пріисканіи мѣстъ, но и невѣстъ выходящимъ семинаристамъ. Само собою, что если при церкви, въ которую назначался ставленникъ, жила какая нибудь дѣвица изъ духовныхъ, то онъ долженъ былъ на ней жениться. Случалось, что дочери священниковъ, особенно сироты, подавали и просьбы архіереямъ о пріисканіи имъ жениха. Въ Малороссіи въ этомъ случаѣ дѣло дѣлалось очень просто. Архіерей посылалъ невѣсту въ ближайшую семинарію: тамъ она становилась у дверей старшаго класса, чтобы семинаристы могли ее осматривать—на случай, не понравится ли она кому нибудь изъ нихъ. Изъ другаго званія ставленникъ брать жены не могъ; старались устроить даже такъ, чтобы готовившійся въ священники бралъ дочь священника, въ дьяконы — дочь дьякона. Эта замкнутость духовенства продолжалась до послѣдняго времени: она ограничена лишь закономъ 1867-го года, по которому дѣти духовенства объявлены не принадлежащими къ духовному сословію.

Многочисленность лицъ, праздно жившихъ при церкви и причислявшихъ себя къ духовному званію, еще до Петра I сильно озабочивала правительство. Нужно было имъ куда нибудь пріютиться. Приходы раздробились до того, что въ иномъ мѣстѣ состояли всего изъ шести человѣкъ прихожанъ на одну церковь; часто приходилось на 200 дворовъ 5 священниковъ и болѣе 50 причетниковъ. Всюду скиталось множество безмѣстныхъ, крестцовыхъ и заштатныхъ поповъ, которые нанимались за дешевую цѣну служить то тамъ, то здѣсь, благодаря обилію домашнихъ церквей. Праздный церковный людъ порою пускался въ разгулъ, а нѣкоторые промышляли и грабежемъ на большихъ дорогахъ. Со времени Петра I началось прикрѣпленіе всѣхъ гулящихъ людей къ податному или военному сословію. По штатамъ 1722-го года, ограничено число церквей и приходовъ: на 100, на 150 дворовъ назначено не болѣе одного священника. Только служащіе священники съ ихъ дѣтьми освобождались отъ подушнаго оклада. Всѣ духовныя лица, оставшіяся за штатомъ, должны били или приписаться къ какой нибудь вотчинѣ, какъ крѣпостные, или идти въ солдаты. Но и служащіе священники не избавлены были отъ нѣкоторыхъ повинностей; у нихъ, напримѣръ, брали лошадей для драгунскихъ полковъ; они несли дань съ пчельниковъ, съ бань, и проч. Они вмѣстѣ съ причтомъ ходили въ караулы къ рогаткамъ и на пожары. Послѣ перваго разбора духовныхъ лицъ при Петрѣ I, уничтожены домашнія церкви, и бродя-

щихъ поповъ приказано ловить, приводить съ солдатами и сѣчь плетьми. Не менѣе строги были наказанія за суевѣрія, за ложныя чудеса: обвиненныхъ въ этомъ разстригали, били кнутомъ и ссылали на галеры. Духовныя власти были такъ напуганы, что, при молвѣ о появленіи какого нибудь нетлѣннаго тѣла, приказывали безъ изслѣдованія скорѣе зарывать его, чтобы не попасть въ отвѣтственность. Одинъ архіерей притянутъ былъ къ суду за то, что, назначивъ моленіе «о ведрѣ», пропустилъ слова молитвы «о плавающихъ», полагая, что одно уже замѣняетъ другое. Его обвинили въ томъ, что онъ съ намѣреніемъ пропустилъ молитву о плавающихъ, будучи враждебенъ устроенію флота. Когда умножились доносы, страшное «слово и дѣло» чаще всего обрушивалось на духовное сословіе, потому что оно болѣе другихъ сословій было заподозрѣно во враждѣ къ иностранцамъ. Но при Петрѣ I эти преслѣдованія еще имѣли свое основаніе, и самый разборъ церковниковъ въ подушный окладъ и въ солдаты производился не слишкомъ строго: отъ него ускользнули очень многіе. Не то было при Аннѣ. При началѣ турецкой войны стали забирать церковниковъ въ солдаты такъ усердно, что, не смотря на ихъ многочисленность, въ одной, напримѣръ, Новгородской епархіи 638 церковныхъ мѣстъ остались пустыми. Къ этому присоединился жестокій розыскъ по поводу присяги. Тутъ сначала пострадали архіереи, архимандриты и вообще монашествующіе. Синодъ серьезно опасался, что монастыри закроются вслѣдствіе разстриженія и ссылки множества монаховъ. Потомъ пришлось поплатиться и бѣлому духовенству. Послѣ первой присяги въ 1730-мъ году назначено было въ 1731-мъ году вторая. По нераспорядительности властей, оказалось до 5000 человѣкъ изъ духовенства не присягавшихъ. Сюда, напримѣръ, вошли и 12 лѣтнія дѣти; но о дѣтяхъ не сдѣлано было точнаго предписанія. За нихъ всетаки расплачивались отцы. Не присягавшихъ, не смотря ни на какія оправданія, били плетьми и брали въ солдаты. При Елизаветѣ бѣлое духовенство избавлено отъ карауловъ при рогаткахъ; но милостями осыпаны были, собственно говоря, лишь высшія духовныя лица и преимущественно приближенныя къ государынѣ. Положеніе низшаго, бѣлаго духовенства нисколько не улучшилось. Въ 1743-мъ году назначена вторая ревизія, и послѣ нея послѣдовалъ новый разборъ церковниковъ. Тогда между ними опять оказалось, по крайней мѣрѣ въ ближнихъ къ столицамъ епархіяхъ, много лишнихъ людей, — въ числѣ ихъ и ушедшіе отъ подушнаго оклада. Синодъ предлагалъ замѣстить ими праздныя мѣста въ отдаленныхъ епархіяхъ. Но, взявъ это дѣло на себя, духовныя власти вошли въ столкновеніе со свѣтскими: начались ссоры, въ которыхъ особенно

сельскому причту приходилось много терпѣть отъ свѣтскихъ властей. Воеводы и секретари самовольно хватали причетниковъ и продавали ихъ въ солдаты; ревизоры, не сносясь съ духовною властью, какъ это было предписано, раздавали ихъ знакомымъ помѣщикамъ. Впрочемъ они дѣйствовали въ духѣ тогдашняго времени: тогда и отставные солдаты должны были идти въ крѣпостные. «Слово и дѣло» также не переставало дѣйствовать и при Елизаветѣ: священники подвергались обвиненію особенно за то, что путали царскіе дни и пропускали или служили не во время торжественные молебны и панихиды. Намѣреннаго противодѣйствія властямъ тутъ не могло быть. Въ то время священники такъ неукоснительно исполняли приказанія, что когда однажды, во время сильной засухи, Синодъ приказалъ служить молебны о дождѣ, то ихъ служили и на другой, и на третій годъ, когда уже дождь лилъ ливмя, пока не послѣдовало распоряженіе о прекращеніи этихъ молебновъ.

Бѣлое духовенство, избавленное при Елизаветѣ отъ государственныхъ повинностей, оставалось однако по прежнему тяглымъ въ отношеніи высшей духовной власти, которая находилась въ рукахъ монашествующихъ, изъ которыхъ избирались архіереи, архимандриты, и проч. Древніе архіерейскіе приказы замѣнились коллегіальнымъ учрежденіемъ, консисторіей; но здѣсь засѣдали исключительно архимандриты: лица изъ бѣлаго духовенства допущены были въ консисторію лишь при Екатеринѣ II-й. Въ округахъ находились духовныя правленія; кромѣ того назначались поповскіе старосты для сбора податей и благочинные для надзора за священниками. Поступающему на мѣсто священника приходилось долго жить въ архіерейскомъ городѣ, гдѣ была консисторія, пока онъ не получалъ ставленную грамоту. Съ челобитною онъ представлялъ свидѣтельство отъ духовнаго правленія о величинѣ и средствахъ прихода; потомъ его подробно допрашивали обо всѣхъ обстоятельствахъ его жизни и повѣряли его показанія, потомъ его отдавали подъ начало какому нибудь монаху, у котораго онъ долженъ былъ протвердить катехизисъ и всю церковную службу. Далѣе слѣдовалъ практическій курсъ: будущій священникъ исполнялъ всѣ свои обязанности при какой нибудь церкви или монастырѣ. Въ тоже время онъ служилъ у архіерея на послушаніи, таская бревна при постройкахъ въ его домѣ, копая для него канавы, расчищая гряды, рубя дрова, и проч. За ставленную грамоту священнику обязательно приходилось заплатить около 2-хъ рублей; но чуть не каждый членъ консисторіи требовалъ подачки, такъ что все ставленье стоило ему 30 и даже 100 рублей на тогдашнія деньги. На это

тратилъ онъ приданое своей невѣсты или бралъ деньги въ долгъ, въ счетъ будущихъ доходовъ. При переходѣ на другое мѣсто съ таками же тратами выдавались перехожія грамоты. Вдовые попы точно также должны были добывать особыя грамоты, которыя возобновлялись черезъ годъ, черезъ два, три года. Наконецъ архіереи часто совсѣмъ не выдавали имъ грамотъ, понуждая ихъ поступать въ монахи.

Получивъ мѣсто, священникъ платилъ ежегодно дань архіерею. Такъ, напримѣръ, въ Смоленскѣ со 130 церквей архіерей получалъ 401 рубль. Часть этой дани шла въ казну. Кромѣ этого съ церквей шли сборы на содержаніе духовной администраціи, на духовное правленіе, сборы на доставку сборовъ, на разъѣзды духовныхъ властей, и проч. Священники, подобно крѣпостнымъ, платили и вѣнечную дань при своей женитьбѣ. Дорого также обходился имъ подъѣздъ архіерея и содержаніе всей его свиты. Обыкновенныхъ сборовъ съ церкви со 100 дворами прихожанъ могло быть до 6 рублей и болѣе въ годъ. Но архіереи устанавливали и произвольныя дани, напримѣръ, на пѣвчихъ, на колокола, и проч. Уже не въ счетъ шли гостинцы, добровольно даваемые при каждомъ случаѣ тому или другому изъ духовныхъ властей. Обычай стариннаго кормленія тутъ господствовалъ во всей силѣ; такіе гостинцы и сами архіереи посылали членамъ синода. Что касается служащихъ при консисторіи, то въ ней послѣдній канцеляристъ, получая самое ничтожное жалованье, имѣлъ дома, лошадей, деревни. Послѣ этого понятно, почему попы бросали бѣдные приходы и шли въ Петербургъ или въ Москву, гдѣ, подъ страхомъ плетей, нанимались служить въ частныхъ домахъ молебны.

При множествѣ даней, которыхъ и исчислить невозможно, на церквахъ накоплялись недоимки. Эти недоимки взыскивались подчасъ съ неменьшею суровостью, какую выказалъ Биронъ. Такъ, напримѣръ, духовная доимочная комиссія во Владимірѣ заключала священниковъ въ кандалы, сажала въ тюрьмы. Архіерейскій судъ былъ, можетъ быть, еще болѣе жестокимъ, чѣмъ свѣтскій, потому что къ нему примѣшивалась идея о смиреніи и покаяніи, объ истязаніи плоти за грѣхи. При малѣйшей винѣ священника въ кандалахъ доставляли въ консисторію и бросали въ ужасную колодничью избу. Тутъ въ тѣснотѣ и въ смрадѣ, безъ разбора валялись мужчины и женщины, иногда скованные по парно. Былъ случай, что одного попа сковали за ноги съ чужою женою, и такъ продержали двѣ недѣли. Слѣдовали допросы *съ пристрастіемъ*, то есть, виновныхъ, допрашивая, били палками и плетью. Наказаніемъ обыкновнино служили батоги,

шелепа, плети, которыми стегали виновныхъ, безъ различія сана и пола, въ присутствіи всѣхъ членовъ консисторіи и даже канцелярскихъ служителей. Случалось, что за какую нибудь домашнюю ссору отстегаютъ публично сначала попа, а потомъ и попадью, да и отпустятъ. Цѣпи, батоги, шелепа, плети входили, какъ особая статья расхода, въ консисторскіе отчеты. Но самымъ ужаснымъ наказаніемъ была отдача виновныхъ подъ монастырское начало, то есть, въ монастырскую тюрьму, откуда выводили въ цѣпяхъ только на тяжелыя работы. Было также въ обычаѣ присуждать извѣстное число поклоновъ, какіе должны были совершать виновные въ церкви, во время обѣдни, на виду у всѣхъ прихожанъ. Такъ въ Петербургѣ троицкій протоіерей долженъ былъ положить 1200 поклоновъ за то, что, причащая ребенка, пролилъ нѣсколько капель даровъ.

Для содержанія духовенства служили руга, извѣстная дача хлѣбомъ и другими припасами отъ помѣщика или прихожанъ, и церковная земля. Платы за требы установлялись обычаемъ. Такъ въ Москвѣ за поминальную литургію священники получали отъ 12 до 25 коп., за свадьбу до 50 коп., за молебны на дому отъ 2 до 20 коп. Дешевле всего брали крестцовые, безмѣстные попы, которые предлагали свои услуги прохожимъ, стоя на крестцѣ у Спасскихъ воротъ. Другими доходами служили сборы при чтеніи евангелія, при кажденіи (выкадка), славленье, поминовенья (памятцы), приношенія въ церковь. Былъ обычай въ извѣстные дни приносить въ церковь пироги, говяжьи и свиныя туши, яица, молоко — словомъ, всякіе съѣстные припасы. Все это шло въ пользу священника и причта. Извѣстная часть сборовъ назначалась причетникамъ. У нихъ были частыя ссоры со священниками изъ за подозрѣнія, что священникъ утаивалъ слѣдуемую имъ часть.

2. Образованіе въ первой половинѣ XVIII вѣка.

Не смотря на общественныя безпорядки и на грубость нравовъ, образованіе въ первой половинѣ XVIII вѣка уже замѣтно стало распространяться. Скажемъ сначала о развитіи изящнаго вкуса въ тогдашнемъ обществѣ. Мы знаемъ, что при Петрѣ I общественныя увеселенія были еще довольно грубы. Театра еще не существовало: нѣмецкіе комедьянты, или фокусники, и коегдѣ представленія мистерій доставляли лишь немногимъ случайное развлеченіе. Страсть къ зрѣлищамъ гораздо болѣе удовлетворялась частыми уличными маскарадами,

торжественными встрѣчами, фейерверками при праздновании побѣдъ, и проч. Въ маскарадахъ при Петрѣ I участвовали до 1000 человѣкъ и болѣе: вся знать, дворянство и самъ царь. Тутъ болѣе всего разсчитано было на смѣшную обстановку и разнообразіе костюмовъ, на оглушительный стукъ и трескъ, означавшій веселье. Во время шутовской свадьбы Зотова, или по случаю Полтавской побѣды, долгое время ежедневно ходили по улицамъ маскарадныя процессіи по 5 въ рядъ, каждый въ особыхъ нарядахъ и съ особыми инструментами. Вотъ каковы были эти инструменты: барабаны, дудки всевозможныхъ родовъ, большіе рога, пастушьи и почтовые рожки, собачьи свистки, свирѣли, лиры, цитры, балалайки, флейты, гудки, трещетки, мѣдныя тарелки, скрипки, колокольчики, пузыри съ горохомъ, хивинскіе горшки, волынки, литавры, волторны. Однако при дворѣ уже существовалъ порядочный оркестръ: ни одинъ праздникъ не обходился безъ музыки; во время частыхъ катаній по Невѣ, съ лодокъ также гремѣла музыка. Послы и другіе знатные иностранцы, жившіе при дворѣ, щеголяли искустными, вывезенными изъ за границы, музыкантами. Вслѣдъ за ними и русская знать: Меншиковъ, Апраксинъ, извѣстная красавица княгиня Черкасская и другіе завели у себя домашнюю музыку. Было въ обычаѣ давать серенады не только дамамъ, но и знатнымъ лицамъ. Трубы, литавры, барабаны преобладали въ военной музыкѣ; но въ домашней, на концертахъ, любимыми инструментами были: волторны и гобои. Для соло на первой планъ выступала не скрипка, а флейта. Въ тоже время, по старинному обычаю, большимъ развлеченіемъ служило церковное пѣніе; но хоры пѣвчихъ участвовали и въ маскарадахъ, и на обѣдахъ и, конечно, тутъ пѣли пѣсни уже свѣтскаго содержанія. Слѣдуя обычаю царя, всѣ эти музыканты и пѣвчіе ходили въ праздники по богатымъ домамъ славить, разумѣется, разсчитывая на обильную подачку, и ихъ прихода боялись, какъ нашествія непріятелей. Музыка занимала видное мѣсто и послѣ смерти Петра, напримѣръ, на разгульныхъ пирахъ Долгорукихъ. Анна Іоанновна любила хорошіе голоса и подбирала себѣ голосистыхъ фрейлинъ. Эти фрейлины, сидя въ сосѣдней съ императрицею комнатѣ, по первому приказу: «ну, дѣвки, пойте!» должны были, не останавливаясь, пѣть пѣсни, пока не послѣдуетъ приказаніе: «довольно». Случалось имъ пѣть по нѣскольку часовъ безъ отдыха; въ изнеможеніи онѣ сами останавливались, и тогда начиналась расправа. Придворный хоръ пѣвчихъ также пополнялся лучшими голосами: сюда попалъ, какъ мы знаемъ, и счастливый теноръ Алексѣй Разумовскій. Но роскошь и мода требовали новыхъ развлеченій, и съ

большими издержками при дворѣ заведена была итальянская опера, выписаны были и извѣстные композиторы, и хорошіе артисты; представляли преимущественно легкія, веселыя оперетки и пастушьи драмы: пасторали, съ хорами и танцами. Для хоровъ служили придворные пѣвчіе; балетную часть часть выполняли кадеты открытаго Минихомъ шляхетнаго корпуса: многіе изъ нихъ, подъ руководствомъ своего танцмейстера, Ланде, впослѣдствіи вышли въ люди. Но Анну Іоанновну мало увлекала любовь къ искуству: ея больше занимали шуты и потѣшники разнаго рода. Такъ и среди оперныхъ музыкантовъ нашелся ловкій итальянецъ Пьетро, извѣстный подъ именемъ Педрилло, умѣвшій забавлять всѣхъ своею шутовскою игрою на скрипкѣ. Онъ скоро сталъ придворнымъ любимцемъ. Биронъ однажды въ шутку спросилъ его: «Правдали, что ты женишься на козѣ?» — «Не только правда, отвѣчалъ Педрилло, но моя жена коза скоро разрѣшится, и я попрошу Ваше Высочество дать мнѣ на зубокъ.» Эта шутка такъ понравилась Аннѣ Іоанновнѣ, что она велѣла Педрилло лечь съ козою на постель и всѣмъ придворнымъ давать ему на зубокъ. Такъ разомъ набралъ онъ до 10000 рублей. Но Педрилло былъ и знатокъ своего дѣла и, посланный за границу, привезъ съ собою хорошую труппу. Рядомъ съ итальянскою опереткой при дворѣ процвѣталъ и нѣмецкій театръ, какъ и надо было ожидать во время господства нѣмцевъ. При Елизаветѣ итальянскіе пѣвцы пользовались еще большимъ успѣхомъ. При дворѣ служило уже до 80 отличныхъ музыкантовъ. Итальянскіе композиторы чуть не къ каждому придворному празднику приготовляли новую оперу, съ участіемъ пѣвчихъ и кадетовъ. Иногда давались и значительныя оперы съ великолѣпною обстановкой, какъ, напримѣръ, «Милость Тита»: герой ея Титъ, прощая заговорщиковъ, долженъ былъ прославлять милосердіе Елизаветы. Предпріимчивый Локателли открылъ въ Петербургѣ и частный оперный театръ съ двумя итальянскими танцовщицами, красавицами, возбуждавшими шумные восторги въ тогдашней молодежи и даже ревность самой Елизаветы. Но слушать хорошую музыку и итальянскихъ пѣвцовъ было тогда лишь модою, а не потребностью, и Локателли подъ конецъ раззорился.

Нѣмцы при Елизаветѣ тоже заводили частные театры, но они теперь были въ загонѣ: вмѣсто нихъ явились при дворѣ французскій театръ и французская драма. Въ тоже время, подъ вліяніемъ Разумовскаго, вошли въ моду малороссійскіе бандуристы и русскіе пѣсенники. Сама Елизавета любила смотрѣть хороводы и слушать народныя пѣсни. Тогда и итальянскіе композиторы бросились передѣлывать свои оперетки на русскіе мотивы, составляли контродансы изъ рус-

скихъ мелодій, и такъ появилась въ первыхъ начаткахъ русская музыка. Французскія драмы въ свою очередь содѣйствовали появленію русской драмы. Талантливый кадетъ шляхетнаго корпуса Сумароковъ сначала, въ подражаніе французамъ, сталъ сочинять любовныя пѣсенки. Эти пѣсенки съ жадностью переписывались и вошли въ моду даже при дворѣ. Вышедъ изъ корпуса, Сумароковъ поступилъ адъютантомъ къ Разумовскому и въ 1747-мъ году написалъ въ подражаніе Вольтеру драму «Хоревъ». Эту драму стали разыгрывать въ корпусѣ кадеты. За нею слѣдовали и другія драмы и комедіи. Въ тоже время неожиданно появился русскій театръ въ Ярославлѣ. Сынъ купца, Ѳедоръ Волковъ, случайно видѣвъ въ Петербургѣ придворныя итальянскія представленія, горячо увлекся ими; онъ свелъ дружбу и съ директоромъ нѣмецкой труппы, актеромъ Аккерманомъ, и, по его указаніямъ, по возвращеніи въ Ярославль, составилъ изъ своихъ пріятелей труппу актеровъ и устроилъ, съ помощью дворянскаго общества, театръ на 1000 зрителей. Елизавета, узнавъ объ этомъ, приказала привезти актеровъ въ Петербургъ. Изъ нихъ Волковъ, да консисторскій подъячій, Иванъ Дмитревскій, и канцеляристъ Алексѣй Поповъ оставлены въ Петербургѣ для обученія наукамъ. Они сначала играли въ корпусѣ, а потомъ въ 1757-мъ году открытъ и публичный театръ, гдѣ уже Волкову и талантливому Дмитревскому открылось широкое поприще. Директоромъ театра назначенъ Сумароковъ, котораго драмы и разыгрывались. Эти драмы составлены въ ложноклассическомъ вкусѣ, полны напыщенной декламаціи и не всегда удачно скроены изъ отрывковъ французскихъ писателей, Корнеля, Расина, Вольтера. Содержаніемъ ихъ всегда служитъ борьба между страстью и долгомъ. Такъ Хоревъ любитъ Оснельду, дочь своего врага, и долженъ противъ воли съ нимъ бороться; является соперникъ злодѣй, который строитъ противъ него ковы и губитъ Оснельду; Хоревъ въ отчаяніи закалывается. Но драмы Сумарокова возбуждали всетаки добрыя чувства и для своего времени писаны довольно легкими стихами. Вотъ примѣры:

„Подъ видомъ мужества мы звѣрство защищаемъ!
Какое имя ты лесть груба злу дала:
Убійство и грабежъ геройствомъ назвала!“ или:
„Гдѣ должность говоритъ, или любовь къ народу,
Тамъ нѣтъ любовника, тамъ нѣтъ отца ни роду.“

Въ комедіяхъ Сумарокова отчасти личная сатира противъ Тредьяковскаго и Ломоносова, которые у него выставлены педантами; но кромѣ этого есть нападки на подъячихъ и на петиметровъ, или мод-

никовъ, думающихъ только о томъ, какъ одѣться, носить шляпу или открыть табатерку.

Въ 1694-мъ году привели въ стрѣлецкій приказъ мужика, который объявилъ, что сдѣлаетъ слюдяныя крылья и будетъ съ помощью ихъ летать по воздуху. Бояринъ Троекуровъ далъ ему денегъ для выполненія этого предпріятія. Мужику не удалось полетѣть, и съ него взыскали 18 рублей казеннаго убытку. При Елизаветѣ крестьянинъ уже изобрѣтаетъ самобѣглую коляску съ часовымъ механизмомъ на задней оси: эти часы стрѣлкою на кругу могли показывать до 1000 пройденныхъ верстъ, и при каждой верстѣ билъ колокольчикъ. Такъ появилось стремленіе къ наукѣ, хотя для образованія народа еще ничего не было сдѣлано. Но и образованіе дворянъ средней руки было очень не завидное. Въ дѣтствѣ имъ часто приходилось учиться у какого нибудь пономаря, едва умѣвшаго разбирать часословъ. Образецъ такого учителя представляетъ намъ Даниловъ въ своемъ Брудастомъ. Это былъ широкоплечій дѣтина малаго роста, съ короткою шеею, съ длинною бородою и съ густыми, всклокоченными волосами на головѣ. Къ нему дѣти приходили съ зарею; каждый долженъ былъ произнести при входѣ молитву и войти не прежде, пока онъ не скажетъ «аминь.» Сидѣли у него неподвижно, цѣлый день, выкрикивая склады, въ тѣсной избенкѣ. Это было особенно невыносимо въ лѣтнюю духоту. Самъ Брудастый часто отлучался, и тогда жена его заставляла дѣтей кричать какъ можно громче, безъ разбора, что бы то ни было. Отъ духоты, отъ неподвижнаго сидѣнья и отъ крику дѣти подъ вечеръ такъ изнемогали и дурѣли, что забывали все выученное утромъ, и тогда передъ уходомъ домой начиналось сѣченіе. Болѣе живые всячески старались насолить учителю. Одинъ изъ товарищей Данилова поймалъ любимаго кота Брудастаго, связалъ за заднія ноги, повѣсилъ и началъ сѣчь. На громкое мяуканье кота прибѣжалъ Брудастый съ метлою въ рукахъ. Шалунъ бросился къ скамьѣ и прикорнулъ за книгою. Брудастый налетѣлъ на него и давай колотить метлою по головѣ мальчика и по книгѣ съ такимъ остервененіемъ, что всѣ листы разлетѣлись. Впрочемъ многіе изъ сердобольныхъ дворянъ не дозволяли трогать своихъ дѣтей, а когда нужно было наказать сына за какую нибудь дурную шалость, то для примѣра сѣкли въ ихъ присутствіи кого нибудь изъ дворовыхъ мальчиковъ. Тѣмъ, кто жилъ въ столицѣ, представлялось болѣе средствъ къ образованію. Въ Петербургѣ были и частные пансіоны, гдѣ обучали «языкамъ, ариѳметикѣ, *экономіи* и *чтенію вѣдомостей*, и также предлагали для желающихъ сочинять письма». Впрочемъ въ такихъ заведеніяхъ

врядъ ли можно было научиться многому. Болотовъ разсказываетъ, что, живя у дяди въ Петербургѣ, онъ изъ французскаго твердилъ только на память отрывки да списывалъ съ печатнаго Телемака. Знатныя лица отправляли сыновей своихъ для обученія за границу. Воронцовъ выписалъ для дѣтей своего брата, Романа, француженку гувернантку, изъ Берлина; сынъ Романа Воронцова пользовался порядочной библіотекой, вывезенной изъ Голландіи и состоявшей изъ лучшихъ тогдашнихъ французскихъ авторовъ; да кромѣ того имѣлъ возможность два раза въ недѣлю видѣть при дворѣ французскія комедіи.

Чему учились въ казенныхъ заведеніяхъ, мы еще скажемъ, а здѣсь замѣтимъ, что большинство образованныхъ дворянъ обязаны были лишь себѣ своимъ образованіемъ. Такъ Болотовъ нашелъ у дяди только Четьи-Минеи да Камень Вѣры. Но онъ страстно искалъ книгъ и добылъ въ переводѣ Жилблаза, Жизнь Александра Македонскаго Квинта Курція, Аргениду, старый романъ XVII-го вѣка, гдѣ въ аллегоріи изображенъ былъ французскій дворъ, и другія книги. Потомъ, въ Семилѣтнюю войну, попавъ (офицеромъ) въ полкъ, назначенный въ Кенигсбергъ, онъ усердно занимался физикой и другими науками, слушалъ лекціи философіи, покупалъ книги и составилъ себѣ маленькую библіотеку, тогда какъ другіе русскіе офицера въ Кенигсбергѣ только бражничали да проигрывались въ карты или волочились. При Екатеринѣ II, уже живя въ деревнѣ, Болотовъ, какъ одинъ изъ самыхъ образованныхъ помѣщиковъ, изучалъ сельское хозяйство, особенно садоводство, посылалъ статьи въ Вольно-экономическое Общество, дѣлалъ переводы, выписывалъ книги и журналы, среди досуга забавлялся физическими опытами и велъ подробныя записки о своей жизни. Но Болотовъ лишь свое воспитаніе получилъ при Елизаветѣ и въ наукѣ былъ не болѣе, какъ любитель: Другіе, уже ранѣе его, посвящали себя очень серьезнымъ трудамъ, научнымъ изслѣдованіямъ, имѣвшимъ особую важность для Россіи. Здѣсь мы упомянемъ лишь о Татищевѣ, который развился при Петрѣ I и былъ однимъ изъ его любимцевъ. Онъ при Петрѣ изучалъ горное дѣло въ Швеціи, былъ потомъ начальникомъ заводовъ на Уралѣ, а при Елизаветѣ астраханскимъ губернаторомъ. Во время своей службы, онъ постоянно хлопоталъ объ устройствѣ школъ, особенно техническихъ, гдѣ, вмѣстѣ съ иностранными языками, обучали бы ремесламъ и механикѣ. Въ своихъ странствованіяхъ по Россіи онъ усердно собиралъ матеріалы для русской географіи, а потомъ отъ географіи обратился къ исторіи и съ большимъ трудомъ собралъ и разработалъ источники русской исторіи до царствованія Михаила Ѳеодоровича, однако окончилъ свой трудъ

лишь нашествіемъ татаръ. Его исторія, собственно говоря, сборникъ критически провѣренныхъ матеріаловъ. Татищевъ имѣлъ подъ рукою до 1000 книгъ, между прочимъ и иностранные источники, изъ которыхъ одни читалъ онъ самъ, а другіе для него переводили. Онъ первый указалъ на значеніе лѣтописи Нестора, свелъ въ одно цѣлое лѣтописныя извѣстія о древнѣйшихъ временахъ русской исторіи и снабдилъ свой трудъ множествомъ географическихъ, этнографическихъ и хронологическихъ объясненій. Въ 1732-мъ году онъ привезъ свою исторію въ Петербургъ, но, не найдя одобренія въ лицахъ, которымъ читалъ ее, не рѣшился ее напечатать: она была издана уже при Екатеринѣ II. Въ числѣ другихъ историческихъ трудовъ онъ приготовилъ также къ печатанію Судебникъ и Русскую Правду. Послѣ громкихъ дѣлъ Петра Великаго и пробужденія русскихъ къ новой жизни, очень было естественно, что лучшіе умы обратились къ изученію родной старины. Въ этомъ изученіи сказался въ Татищевѣ ученикъ Петра I-го, такъ безпощадно гнавшаго суевѣрія. Подвергая преданія строгой критикѣ, онъ во всемъ отдаетъ предпочтеніе уму и слишкомъ рѣшительно отвергаетъ все, что создано чувствомъ: по его представленію, умъ и чувство никогда не могутъ ладить между собою. Поэтому все зло нашей древней жизни онъ объясняетъ господствомъ духовенства.

По своимъ политическимъ убѣжденіямъ, онъ держится самодержавія и возстаетъ на верховниковъ, думавшихъ захватить всю власть при Аннѣ, но придаетъ много значенія сенату и предлагаетъ для экономическихъ дѣлъ устроить нѣчто въ родѣ дворянскаго совѣта, изъ 100 членовъ и во всѣ высшія должности назначать лицъ по баллотировкѣ. Въ старости Татищевъ написалъ любопытное завѣщаніе сыну. Здѣсь онъ жалуется, что много потерпѣлъ отъ фарисеевъ, обвинявшихъ его «въ преданности уставамъ человѣческимъ»; совѣтуетъ сыну искать въ женѣ друга, но не давать ей власти надъ собою: «Нынѣшнія жены, по его словамъ, негодницы и пустельги; отъ нихъ услышишь лишь пустую болтовню, подлыя пересмѣшки; бредятъ, какъ попугаи, что взбредетъ на умъ: подобно соннымъ, или больнымъ горячкою, толкуютъ, о чемъ сами не знаютъ, и тѣмъ много вредятъ мужьямъ.» Татищевъ возстаетъ также противъ новыхъ придворныхъ, какихъ при Петрѣ не было: Петръ I ихъ вмѣнялъ ни во что, а нынѣ пошли въ ходъ лицемѣріе, коварство, лесть, зависть и ненависть; добиваются почестей наушничествомъ и губятъ невинныхъ.» Но чѣмъ жить? Дворянамъ, какъ бы велико ни было жалованье, болѣе 100 душъ скопить трудно; остаются, какъ средства, мо-

паршія награды, наслѣдство, супружество и незаконные поступки. У купца больше средствъ, да вредятъ безграмотность, незнаніе коммерческихъ дѣлъ, откупа и подряды, раззоряющіе потребителей, и плохой кредитъ вслѣдствіе обмановъ. Татищевъ и въ завѣщаніи нападаетъ на архіереевъ и на высшее духовенство; но стоитъ за бѣдныхъ сельскихъ поповъ: они должны удерживать народъ отъ пороковъ, и потому, чтобы имѣли время научать его, надо избавить ихъ отъ необходимости заниматься сельскими работами, давши достаточное содержаніе, «а голодный, хотя бы и патріархъ былъ, возьметъ кусокъ хлѣба.» Въ другомъ сочиненіи, касающемся сельскаго хозяйства, Татищевъ поучаетъ, какъ обходиться съ народомъ: нужно болѣе всего смотрѣть, чтобы крестьянинъ не лѣнился, уменьшить число праздниковъ, и главное—обучать народъ грамотѣ. Въ лѣтнюю жару пусть работаютъ не днемъ, а ночью и поутру; пусть сначала исполняютъ помѣщичью работу, а потомъ смотрѣть, чтобы и свою хорошенько исполнили, не оставляя ничего на волю мужика. По окончаніи всѣхъ работъ дать на нѣкоторое время отдыхъ и, избравъ свободный день, накормить и напоить на свой счетъ. Хворыхъ и старыхъ не пускать по міру, а устроить для нихъ богадѣльню; въ имѣніи должны быть также лекарь, аптека и баня. Вотъ все, что могли придумать для крестьянъ лучшіе люди тогдашняго времени.

Сходенъ по направленію съ Татищевымъ былъ и другой дѣятель времени Анны Іоановны, сатирикъ Антіохъ Кантемиръ, который вмѣстѣ съ нимъ возсталъ противъ верховниковъ и, будучи страстнымъ поклонникомъ Петровской реформы, точно также нападалъ на духовныхъ лицъ, какъ на главныхъ ея противниковъ. Сынъ молдавскаго господаря, нашедшаго пріютъ въ Россіи послѣ того, какъ отложился отъ турокъ, Антіохъ получилъ дома отличное образованіе; но послѣ смерти отца лишился всякихъ средствъ къ жизни, такъ какъ отцовское имѣніе, въ силу майората, досталось его старшему брату, Константину, женатому на дочери Дмитрія Голицына. Это случилось уже во время господства Долгорукихъ, и Кантемиръ, вмѣстѣ съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, сѣтуютъ въ стихахъ, что остались пастушками безъ стада: Антіохъ предсказываетъ Ѳеофану, что «придетъ съ весною Діана (Анна Іоанновна), затравитъ дикихъ звѣрей, раздѣлитъ добычу и охранитъ стадо сѣдаго пастушка». Мы знаемъ, какъ пастушокъ, ставши снова властнымъ, затравилъ всѣхъ своихъ враговъ. Но и Кантемиру, съ воцареніемъ Анны, настало лучшее время: онъ отправленъ былъ посланникомъ сначала въ Лондонъ, а потомъ въ Парижъ, гдѣ и умеръ всего 35 лѣтъ отъ роду. Подражая французскому сатирику, Буало, и латынскому, Го-

рацію, Кантемиръ въ своихъ сатирахъ выводитъ вымышленныхъ лицъ подъ именами Критона (лицемѣра), Сильвана (дикаря), Менандра, и проч. Но, рисуя эти лица, онъ беретъ черты изъ современной ему русской жизни. Такъ онъ осмѣиваетъ ханжу, у котораго «на каждое слово страшное имя Христа на устахъ готово», но который думаетъ лишь о своемъ карманѣ, — епископа, что, раздувшись, лежитъ въ каретѣ и всѣхъ благословляетъ правою и лѣвою рукою, когда «сердце трещитъ отъ гнѣва», — празднаго дворянина, вынесшаго изъ долгаго странствованія въ чужихъ краяхъ только знаніе, какіе фалды должны быть у кафтана,—высокомѣрнаго барина, что идетъ въ палату, всѣхъ расталкивая, какъ плывущій корабль, и на твой низкій поклонъ едва отвѣтитъ кивкомъ,—подлипалу, который готовъ льстить и мухамъ, летающимъ около ушей временщика, и проч. Чаще всего, кромѣ нападокъ на духовенство, у Кантемира находимъ изображеніе безпутнаго мотовства, тщеславія, дворянской спѣси, ласкательства, — наиболѣе видныхъ пороковъ тогдашней знати. Кантемиръ писалъ тяжелымъ силлабическимъ стихомъ, но въ лучшихъ мѣстахъ языкъ его довольно выразителенъ. Вотъ, напримѣръ, какъ онъ описываетъ Ксенона, въ лицѣ котораго явно представленъ Иванъ Долгорукій.

„Сей новый Менандровъ другъ Ксенонъ назывался,
Коему и власть, и чинъ высокій достался
Въ двадцать лѣтъ, юность когда и въ уздѣ ретива.
Сего уже разуздавъ, богиня плѣшива (когда его разнуздало счастіе),—
Ты самъ суди, какъ съ одной рыскалъ на другую
Пропасть, потерявъ совсѣмъ дорогу прямую...
Не умѣренъ въ похоти, самолюбивъ, тщетной
Славы рабъ, невѣжествомъ наипаче примѣтный;
На ловлѣ съ младенчества воспитанъ съ псарями,
Вѣкъ ничему не учась, смѣлыми словами
И съ дерзкимъ лицомъ обо всѣхъ хотѣлъ разсуждати“.

Обратимся къ тогдашнимъ учебнымъ заведеніямъ. При Петрѣ I, какъ мы знаемъ, были открыты цыфирныя школы, гдѣ, кромѣ грамоты, обучали ариѳметикѣ и геометріи. При устройствѣ этихъ школъ, царь имѣлъ въ виду подготовить людей отчасти къ приказной службѣ, отчасти къ поступленію въ морскія академіи, и слѣдовательно къ морской службѣ. Но эти школы совсѣмъ опустѣли, потому что для каждаго сословія открыты были особыя заведенія. Дѣти духовныхъ поступали въ архіерейскія школы, или въ семинаріи; дѣти военныхъ и дворянъ въ гарнизонныя школы, или въ морскія академіи, въ инженерное и артиллерійское училища; дѣти подъячихъ и посадскихъ боль-

шею частію воспитывались дома, а для занятія высшихъ гражданскихъ должностей существовали особые классы при коллегіяхъ. Объ общемъ образованіи тогда еще не имѣли понятія; юношество воспитывалось спеціально для разныхъ родовъ службы; а кто не служилъ, тотъ поступалъ въ податное сословіе: *тотъ не имѣлъ права и, вмѣстѣ обязанности, учиться въ школѣ.* Такимъ образомъ школъ для крестьянъ не существовало; крестьянамъ не дозволено было поступать и въ существующія школы, потому что онѣ назначались для того или другаго сословія служащихъ. Со временъ Петра сословія рѣзко раздѣлились, и этому много содѣйствовало обязательное ученіе. Поступавшій въ школу уже закабаливалъ себя со всѣмъ потомствомъ въ извѣстнаго рода службу, и на оборотъ, кто либо изъ другаго сословія не могъ поступать въ школу, не назначенную для его сословія, потому что каждое сословіе пріурочено было къ опредѣленной службѣ. Такъ, напримѣръ, дѣти служащихъ при медицинской канцеляріи обязаны были идти въ медицинскую школу, и уже непремѣнно готовиться во врачи, въ аптекаря, и проч. Солдатскія и офицерскія дѣти шли въ гарнизонныя школы, а если иногда имъ и дозволялось, за неимѣніемъ такой школы, учиться въ архіерейскомъ училищѣ, то все равно правительство ихъ не теряло изъ виду и съ теченіемъ времени возвращало въ гарнизонную школу. Часть дворянъ отправлена была учиться въ школу при горныхъ заводахъ на Уралѣ; они уже такъ и остались служащими при заводахъ, и дѣти ихъ должны были поступать въ туже заводскую школу, чтобы также потомъ служить при заводахъ. Такъ дробились и замыкались сословія съ ихъ занятіями: доходило, напримѣръ, до того, что солдаты, работавшіе при Ладожскомъ каналѣ, и дѣтей своихъ готовили къ той же службѣ. Дѣти причетниковъ и готовились въ причетники въ архіерейскихъ школахъ; дѣти священниковъ—въ священники въ семинаріяхъ. Дворяне назначались для военной службы и для службы въ коллегіяхъ. Они поступали, какъ мы сказали, въ московскую или петербургскую морскую академію (московская, происшедшая изъ навигацкой школы, была, собственно говоря, подготовительнымъ заведеніемъ), въ инженерное и артиллерійское училища. Но при этихъ заведеніяхъ находились и низшіе классы, назначенные преимущество для разночинцевъ, гдѣ обучали грамотѣ, ариѳметикѣ и нѣкоторымъ ремесламъ: сюда поступали, напримѣръ, дѣти пушкарей и разныхъ служащихъ по морскому и военному вѣдомству, чтобы потомъ занять низшія должности, каждый по своей спеціальности. Для высшаго дворянства основанъ былъ въ Петербургѣ еще сухопутный шляхетный корпусъ; но такъ какъ дворяне нужны были и

для гражданской службы, то 24 человѣка изъ кадетъ были избавлены отъ военныхъ экзерцицій и занимались юриспруденціей. Къ концу царствованія Елизаветы и петербургская морская академія преобразована въ морской корпусъ, по образцу сухопутнаго, какъ высшее дворянскоо заведеніе.

Такимъ образомъ все образованіе было подчинено требованіямъ службы, и каждый приготовлялся къ занятіямъ своего отца. Дворяне съ 7 до 12 лѣтъ получали элементарное образованіе, съ 12 до 16 лѣтъ продолжалось подготовительное образованіе, съ 16 до 20 лѣтъ—спеціальное. 12 и 16 лѣтъ они подвергались смотрамъ и экзаменамъ, когда обучались дома. Если родитель брался воспитывать сына дома и не подготовлялъ его къ сроку, то сынъ безъ выслуги назначался въ матросы или солдаты. Говоря объ элементарномъ и подготовительномъ обученіи, мы какъ будто уже выдѣлили общее образованіе, но дѣло въ томъ, что о развитіи ума и характера тогда мало заботились. Общія основанія науки играли тутъ невидную роль: все дѣло шло лишь о дрессировкѣ для извѣстной служебной практики. Такъ, напримѣръ, ремесленныхъ или техническихъ школъ не было, а чиновники въ канцеляріяхъ при мануфактуръ-коллегіи или при другихъ подобныхъ учрежденіяхъ упражнялись въ сплавкѣ и распознаваніи металловъ, въ товаровѣдѣніи, и проч., и эта наука носила названіе экономіи. Грамотѣ, ариѳметикѣ, языкамъ учили на столько, на сколько это было нужно для того же служебнаго обихода. Въ духовныхъ академіяхъ были введены и латинскій языкъ, и логика, и риторика, и философія, но все это въ примѣненіи лишь къ богословію, для богословскихъ преній и для чтенія проповѣдей. Въ другихъ заведеніяхъ эти науки уже считались ненужными; для военныхъ и приказныхъ назначались ариѳметика и геометрія. Въ гарнизонныхъ школахъ, кромѣ грамоты, учили инженерному, артиллерійскому дѣлу и фортификаціи. Юриспруденція въ шляхетномъ корпусѣ состояла въ изученіи указовъ и дѣлопроизводства. Впрочемъ, по книгѣ Пуффендорфа, излагалось и натуральное право (нѣчто изъ философіи права и международнаго права); но уже какъ роскошь. Когда дворянство сплотилось въ отдѣльное сословіе, оно уже не довольствовалось одними служебными знаніями; оно желало «облагородить» себя и наукою, и въ Сухопутный, также какъ и въ Морской корпусъ введены исторія, геральдика, генеалогія, политика, новѣйшіе языки, риторика; но все это были лишь «шляхетныя науки» и преподавались въ этомъ направленіи. Такое же значеніе имѣло обученіе танцамъ, фехтованію, и проч. Это время очень характерно тѣмъ, что для женщинъ и для крестьянъ не было от-

крыто ни одной школы. Согласно со служебнымъ характеромъ науки, и учащіеся разсматривались, какъ служащіе люди: 7 лѣтъ они уже приносили присягу, и послѣ того ихъ подвергали одинакимъ наказаніямъ со взрослыми. Въ духовныхъ заведеніяхъ ихъ наказывали шелепами, тюремнымъ заключеніемъ, заключали въ кандалы, и проч. Въ морской академіи порядокъ поддерживался плетьми. Здѣсь, какъ и въ корпусѣ, ученики дѣлились на роты подъ присмотромъ солдатъ. Малые со взрослыми и даже женатыми,—всѣ подчинялись одной дисциплинѣ. Новое направленіе въ образованіи началось лишь съ открытіемъ московскаго университета и гимназій. Разсмотримъ теперь въ частности нѣкоторыя школы.

Въ Артиллерійской школѣ въ Москвѣ учащихся было до 700 человѣкъ; но большинство изъ нихъ разошлось отъ плохаго ученья и присмотра. Между прочимъ ариѳметикѣ тутъ училъ по Магницкому пьяный и вздорный штыкъ-юнкеръ, третій разъ судившійся за убійство. Однажды, найдя у одного изъ учениковъ рисунокъ, онъ схватилъ его, повалилъ на полъ, положилъ ему рисунокъ на голую спину и билъ до тѣхъ поръ, пока не расхлесталъ весь рисунокъ. Другой изъ наставниковъ, Гринковъ, былъ безъ лѣвой руки, заика, копошливый; при всемъ томъ онъ умѣлъ завести кой-какой порядокъ и пріохотить къ ученію. Такъ разсказываетъ Даниловъ, вышедшій изъ школы въ 1743-мъ году. Любопытно, какъ тогда ловили учителей. Даниловъ, еще будучи ученикомъ, засмотрѣлся однажды на улицѣ на крашенаго, деревяннаго попугая, замѣченнаго имъ въ окнѣ одного дома. Вдругъ въ окно его подзываетъ барыня, и, узнавъ, что онъ ученикъ артиллерійской школы, упросила его заняться съ мужемъ своей сестры, чтобы приготовить его въ школу. Но наука этому питомцу Данилова не далась, и онъ поступилъ въ армію. При лечебницѣ въ Москвѣ существовала и медицинская школа; но, по недостатку учащихся, тутъ мало было занятій. Приготовляли между прочимъ и повивальныхъ бабокъ, которыя тогда назывались «профессорами бабьяго дѣла». Медицина вообще находилась въ плохомъ состояніи; лечилъ, кто чѣмъ могъ: напримѣръ, одинъ купецъ керосиномъ, которымъ торговалъ. Когда въ Москву привезли слона изъ Персіи, то всѣ толковали, что свирѣпствовавшая тогда горячка произошла именно отъ этого слона. Для образованія духовенства служила въ Москвѣ Славяно-русская Академія. Но это образованіе было вообще незавидное. Ученые попы должны были обучать ставленниковъ, но ихъ и въ Москвѣ считалось не болѣе 40 человѣкъ. Архіереи, раззоренные при Биронѣ взысканіемъ недоимокъ, не имѣли средствъ заводить школы. Что касается

Славяно-русской Академіи, то въ ней по прежнему учили грамматикѣ, риторикѣ, философіи. Ректоръ Флоринскій читалъ физику, метафизику, психологію и метеорологію. Но направленіе всего ученія по прежнему было чисто схоластическое. Такъ на диспутахъ рѣшали вопросы: какъ заключаются договоры съ дьяволомъ? какъ велико по объему мѣсто, которое можетъ занимать ангелъ? отчего у женщинъ не ростетъ борода? росла-ли въ раю роза безъ шиповъ? и проч. И при этомъ печальномъ положеніи школъ вдругъ въ 1755-мъ году въ Москвѣ открывается университетъ. Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, при содѣйствіи Ломоносова, составилъ его проэктъ и назначенъ былъ его кураторомъ. Поводомъ къ его открытію представлено и то, чтобы дворянскія дѣти не учились у иностранныхъ лакеевъ и парикмахеровъ. На университетъ ассигновано 10000 р. ежегодно; при этомъ еще 5000 дано на библіотеку. Университетъ имѣлъ свой судъ и зависѣлъ только отъ сената; онъ былъ также свободенъ отъ постоевъ и повинностей. Кромѣ куратора, при немъ находился директоръ или ректоръ, завѣдывавшій также двумя университетскими гимназіями, ученики которыхъ и поступали въ студенты. Въ гимназіяхъ преподавали русскій, латынскій и новѣйшіе языки, также ариѳметиву, геометрію, логику. Кромѣ Москвы открыта еще гимназія въ Казани. Въ университетъ назначено 10 профессоровъ: 3 для юридическихъ наукъ (общей и русской юриспруденціи и политики), 3 для медицинскихъ (химіи, натуральной исторіи и анатоміи), 4 для философскихъ (философіи, физики, краснорѣчія и исторіи). Изъ первыхъ профессоровъ русскими были Поповскій, Барсовъ и Савичъ; остальные все были иностранцы. Поповскій, профессоръ философіи и краснорѣчія, извѣстенъ своимъ переводомъ книги Попе о человѣкѣ и книги Локка о воспитаніи. Любопытно, что книга Попе подверглась цензурѣ Синода, и многіе стихи въ ней были передѣланы духовными цензорами; въ отличіе отъ остальнаго текста они при изданіи были напечатаны крупнымъ шрифтомъ. Профессора, особенно изъ иностранцевъ, читали и публичныя (приватныя) лекціи, по 12 рублей за курсъ. Студенты оставались въ университетѣ до 20 лѣтъ, числясь на службѣ. При университетѣ находилась библіотека, типографія и книжная лавка, въ которой продавались и физическіе инструменты. Изъ книгъ въ первое время преобладали иностранные романы, по свидѣтельству Фонъ-Визина, довольно скандалёзнаго седержанія. Съ 1756-го года при университетѣ стали издаваться «Московскія вѣдомости». Первая гимназія въ Москвѣ была довольно плохимъ заведеніемъ: только ректоръ ея, Шаденъ, читалъ очень хорошо логику; остальные учителя, по раз-

сказу Фонъ-Визина, пили мертвую чашу. На экзаменѣ географіи ученики не могли отвѣтить, куда течетъ Волга; латынскій учитель пришилъ себѣ на камзолъ 4 пуговицы, а на кафтанъ 5, означая первыми латынскія спряженія, а вторыми склоненія: ученикъ, чтобъ отвѣтить, какого склоненія или спряженія слово, долженъ былъ смотрѣть, за какую пуговицу брался учитель. Тѣмъ не менѣе Фонъ-Визинъ научился въ гимназіи, а потомъ въ университетѣ латынскому и нѣмецкому языку, послѣ чего занялся и французскимъ, и такъ успѣшно, что перевелъ стихами Альзиру Вольтера.

Въ Петербургѣ вначалѣ учебныя заведенія находились также въ большомъ упадкѣ. Морская Академія опустѣла: учащіеся разбѣжались отъ босоты и голода. Но потомъ назначены были для нея новые штаты и новое, лучшее помѣщеніе. При Академіи Наукъ студенты также скитались безъ хлѣба и пріюта. Изъ всѣхъ заведеній при Аннѣ наиболѣе процвѣталъ Шляхетный кадетскій корпусъ, устроенный Минихомъ, чтобы дворяне «не проходили унизительную для нихъ солдатскую службу». Ему дано помѣщеніе въ бывшемъ домѣ Меншикова на Васильевскомъ островѣ, и правительство употребило все стараніе, чтобы поставить это заведеніе, какъ можно лучше. Въ корпусѣ сначала училось 150 человѣкъ русскихъ и 50 остзейцевъ; потомъ онъ составлялъ 3 роты, по 120 человѣкъ въ каждой. Здѣсь приготовлялись не только въ военную, но и въ статскую службу. Обязательныхъ предметовъ, собственно говоря, было 3: законъ Божій, ариѳметика и военныя экзерциціи, происходившія всего одинъ разъ въ недѣлю. Другимъ предметамъ учились по желанію; въ курсъ входили: французскій и нѣмецкій, русскій и латынскій языки, геометрія, географія исторія, юриспруденція; наконецъ искуства: танцы, верховая ѣзда, фехтованіе. Наибольшее число сначала училось нѣмецкому и танцамъ. Другіе предметы имѣли меньшее число слушателей: напримѣръ, географіи вначалѣ училось 17 челов., верховой ѣздѣ—20, исторіи — 28, геометріи—30, фехтованію—47. Два раза въ году были смотры и экзамены въ присутствіи одного сенатора и одного профессора изъ Академіи. Объ учащихся дѣлались отмѣтки, напримѣръ: «выучилъ вокабулы, дошелъ до короля Магнуса, окончилъ 5 картъ европейскихъ государствъ, въ математической географіи начало доброе имѣетъ», и проч. Вначалѣ въ корпусѣ происходили и безпорядки: нѣсколько человѣкъ бѣжало, нѣкоторыхъ уличеннныхъ въ воровствѣ били публично кошками. Въ то время и при правительственныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ были классы ариѳметики, геометріи, географіи, грамматики, геодезіи—для приготовленія копіистовъ въ гражданскую службу. Учили

секретари; учащимся копiистамъ предписывалось не ходить въ вольные дома и не пьянствовать, носить чистое платье и бѣлье, всякій день пудрить волосы. Послѣ учрежденія Московскаго университета эти классы уничтожены.

Первое мѣсто въ Петербургѣ должна была занимать Академія Наукъ, совмѣщавшая, по плану Петра Великаго, и собраніе ученыхъ, и университетъ, и гимназію, и школу искуствъ или ремеслъ. Но вслѣдствіе господства нѣмцевъ и постоянныхъ интригъ между профессорами, особенно вслѣдствіе безграничной власти начальника академической канцеляріи, Шумахера, дѣла Академіи были въ страшномъ разстройствѣ. Шумахеръ, еще при Петрѣ, умѣлъ прислужиться Арескину, завѣдывавшему врачебною частью, а потомъ Блументросту, который сдѣланъ былъ президентомъ Академіи при ея открытіи. Дѣйствуя отъ имени президента, Шумахеръ распоряжался всѣми деньгами, которыя шли на Академію. Послѣ Блументроста президентами были Кейзерлингъ, Корфъ, наконецъ при Елизаветѣ Кирилла Разумовскій,—Шумахеръ до конца умѣлъ удержаться. При Елизаветѣ Нартовъ, бывшій токарь Петра Великаго, завѣдывавшій при Академіи школою искуствъ, поднялъ было противъ него грозу, уличая его во множествѣ злоупотребленій; но сторону Шумахера держалъ Тепловъ, правая рука Разумовскаго. Обвиняемый легко могъ оправдаться тѣмъ, что все дѣлалъ по приказанію президентовъ, и Нартовъ принужденъ былъ оставить Академію. Это господство канцеляріи надъ учеными, вызванными изъ Германіи, уже само по себѣ могло нравиться очень не многимъ, развѣ только клевретамъ Шумахера, которые всячески ему угождали, пользуясь его протекціей. Но кромѣ того многимъ задерживали жалованье; на ученыя пособія деньги шли очень туго, а тратились невѣдомо на что, безъ всякой отчетности. Противъ тѣхъ, кто не хотѣлъ мириться съ этими канцелярскими порядками, начинались интриги; профессора дѣлились на партіи, ссорились между собою, и дѣло доходило чуть не до дракъ. Придворный рифмоплетъ Юнкеръ, писавшій на нѣмецкомъ языкѣ похвальныя оды, прибилъ палкою одного профессора и разбилъ въ Академіи зеркало, и это сошло ему съ рукъ. Кончилось тѣмъ, что большая часть иностранныхъ ученыхъ, поживъ не долго въ Россіи, одинъ за другимъ уѣзжали въ Германію, иногда по нѣскольку человѣкъ разомъ. Лекціи до 1738-го года совсѣмъ не читались, и потомъ ихъ читали случайно, кому что вздумается. При гимназіи, которая должна была подготовлять къ слушанію лекцій, находилось всего 12 человѣкъ, да и то не постоянно. Многіе, голодая, уходили въ подъячіе; нѣсколько человѣкъ, не доучившись, отправлены

были въ Камчатскую экспедицію: изъ нихъ вышелъ дѣльнымъ только одинъ Крашенинниковъ, извѣстный впослѣдствіи своимъ описаніемъ Камчатки. Ломоносовъ съ однимъ изъ товарищей посланъ былъ въ 1736-мъ году за границу. Нѣсколько человѣкъ, лучше другихъ научившихся языкамъ, опредѣлены въ переводчики. Вначалѣ единственными профессорами были нѣмцы и немногіе французы. Они читали лекціи по физикѣ, математикѣ, астрономіи, исторіи, работали надъ географіей Россіи, надъ изданіемъ календарей, и проч. Самымъ знаменитымъ изъ нихъ былъ математикъ Эйлеръ, не долго остававшійся въ Россіи. Байеръ, профессоръ древностей, читалъ между прочимъ исторію царствованія Алексѣя Михайловича, не зная ни слова по русски. Онъ сталъ извѣстенъ только тѣмъ, что первый доказывалъ скандинавское происхожденіе варяговъ.

Болѣе всего пользы для Россіи изъ иностранцевъ принесъ Миллеръ. Онъ пріѣхалъ въ Россію въ 1725-мъ году лейпцигскимъ студентомъ 20-ти лѣтъ и назначенъ адъюнктомъ историческихъ наукъ. Онъ училъ студентовъ латынскому языку, издалъ латынскій словарь, собиралъ матеріалы по русской исторіи и напечаталъ на нѣмецкомъ языкѣ сборникъ статей для ознакомленія съ первыми временами русской исторіи, съ калмыками и другими азіатскими народами. Онъ издавалъ также С. Петербургскія Вѣдомости. Въ 1733-мъ году, разсорившись съ Шумахеромъ, Миллеръ уѣхалъ въ Камчатскую экспедицію и 10 лѣтъ пробылъ въ Сибири, осмотрѣвъ всю страну отъ Чердыни до Якутска. Тутъ собралъ онъ богатѣйшій матеріалъ, состоявшій изъ многихъ фоліантовъ различныхъ историческихъ, географическихъ и статистическихъ свѣдѣній, при чемъ списалъ много драгоцѣнныхъ актовъ, лѣтописей, и проч. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ сталъ печатать свое описаніе Сибири. Это было изданіе Академіи, которая обыкновенно печатала труды своихъ членовъ; но Шумахеръ воспротивился тому, чтобы Миллеръ прилагалъ къ изданію подлинные документы, а лѣтописи прямо объявилъ не стоющими печатанія, какъ простыя сказки. Тогда же Миллеръ занялся вопросомъ о происхожденіи варяговъ и написалъ объ этомъ диссертацію, слѣдуя мнѣнію Байера. Это подняло противъ него цѣлую бурю въ Академіи. Между прочимъ вооружился и Ломоносовъ на то, что Миллеръ производитъ русскихъ, по его словамъ, отъ чухонцевъ. Диссертація не была допущена къ печатанію. Испытавъ много разныхъ непріятностей, Миллеръ окончилъ свою дѣятельность уже при Екатеринѣ II, будучи въ Москвѣ главнымъ надзирателемъ воспитательнаго дома. При Академіи онъ еще издавалъ журналъ «Ежемѣсячныя Сочиненія», гдѣ, соединяя полезное съ прі-

ятнымъ, помѣщалъ стихотворенія, отрывки изъ лѣтописей, общедоступныя статьи по разнымъ наукамъ и также статьи о мануфактурахъ. Въ свое время имѣлъ значеніе также его «Опытъ новой русской исторіи», гдѣ довольно живо имъ описано время Годунова и Самозванцевъ.

Въ 1747 Академіи Наукъ данъ былъ новый регламентъ, гдѣ указано съ точностью, какія науки должно въ ней читать (между прочимъ помѣщены: генелаогія, геральдика, натуральное право), и число студентовъ опредѣлено въ 30 человѣкъ; но прежніе канцелярскіе порядки остались во всей силѣ. Академія испытывала все новыя бѣдствія: въ кунсткамерѣ рабочіе затопили уже давно нетопленныя печи, и произошелъ пожаръ, въ которомъ сгорѣли громадный Готторпскій глобусъ, обсерваторія съ инструментами, галлереи съ сибирскими и китайскими вещами и множество книгъ. Послѣ смерти Шумахера всю власть захватилъ зять его, Таубертъ. Но съ Таубертомъ на борьбу уже выступилъ Ломоносовъ и, имѣя сильныхъ покровителей, добился чтобы университетъ и гимназія были отданы въ его вѣдѣніе. Впрочемъ многаго онъ не могъ сдѣлать: онъ настоялъ только, чтобы число студентовъ было постоянно 30 человѣкъ, а учащихся въ гимназіи 60 человѣкъ. Заботы его о томъ, чтобы основать въ Петербургѣ настоящій университетъ, не имѣли успѣха. Но искуства уже вышли изъ вѣдѣнія Академіи: для этого открыта была въ концѣ царствованія Елизаветы Академія Художествъ. Академія Наукъ издавала и продавала книги, большею частью переводныя: переводами занимались какъ сами профессора, такъ и назначенные для этого переводчики. Такъ изданы: Аргенида, книга Марка Аврелія, Похожденія Телемака, Юности Честное Зерцало, Троянская исторія, Древняя исторія Роллена въ переводѣ Тредьяковскаго, и проч. Академія избирала и почетныхъ членовъ; въ 1746-мъ году избранъ былъ Вольтеръ, и ему поручено писать исторію Петра Великаго, для чего доставлялись ему въ переводѣ необходимые матеріалы.

Изъ первыхъ русскихъ ученыхъ въ Академіи былъ Ададуровъ, адьюнктъ-профессоръ физики. Онъ перевелъ на русскій языкъ краткую механику и математику Эйлера; кромѣ того исправлялъ переводы другихъ, учавствуя въ Россійскомъ Собраніи. Это собраніе, тоже по предположенію Петра Великаго, устроилось при Академіи для исправленія русскаго языка, который тогда испещренъ былъ множествомъ славянскихъ, малороссійскихъ и всякихъ иноземныхъ словъ и оборотовъ. Послѣ Ададурова русскими профессорами при Академіи являются сначала Тредьяковскій, а потомъ Ломоносовъ. Василій Тредья-

ковскій былъ сынъ астраханскаго священника. На немъ выразилось, какъ горячее стремленіе къ наукѣ стало охватывать и людей, не особенно даровитыхъ, но съ большою энергіею въ характерѣ. Онъ еще на родинѣ нашелъ случай научиться латынскому языку у католическихъ монаховъ. Онъ сперва ушелъ отъ родителей въ Москву, гдѣ и учился въ Заиконоспаской Академіи, а потомъ какъ-то пробрался въ Голландію. Здѣсь, живя въ большой нуждѣ, онъ выучился французскому языку и потомъ отправился пѣшкомъ въ Парижъ. Въ Парижѣ Тредьяковскій нашелъ себѣ благодѣтеля, въ лицѣ князя Куракина, и сталъ слушать въ Сорбоннѣ лекціи математическихъ, философскихъ и богословскихъ наукъ. По окончаніи курса, Куракинъ привезъ его въ Петербургъ, и тутъ, въ 1735-мъ году, онъ уже служитъ при Академіи Наукъ переводчикомъ и членомъ Россійскаго Собранія. Постепенно онъ дослужился до степени профессора элоквенціи или краснорѣчія. При Аннѣ положеніе Тредьяковскаго было очень не завидное: онъ, какъ самъ говоритъ, «много пролилъ поту» въ переводѣ нѣмецкихъ одъ Юнкера и Штелина, придворныхъ стихотворцевъ; онъ за свои труды удостаивался оплеухъ, а однажды и совсѣмъ былъ изувѣченъ Волынскимъ, какъ надо полагать, за пѣсенки, сочиненныя въ угоду Куракину, который былъ смертнымъ врагомъ Волынскаго. При Елизаветѣ его положеніе было болѣе обезпечено; но велъ онъ жизнь такую же неспокойную, втянувшись въ интриги нѣмецкихъ профессоровъ и вступивъ изъ соперничества во вражду съ Ломоносовымъ. Тѣмъ не менѣе его ученые труды въ свое время принесли значительную пользу. Онъ заботился о томъ, чтобы уничтожить старую славянщину и внести въ литературу чистый русскій языкъ; онъ первый объяснилъ сущность свойственнаго русскому языку тоническаго размѣра и написалъ нѣсколько дѣльныхъ разсужденій по части грамматики, стихосложенія, словесности. Кромѣ того онъ перевелъ исторію Роллена въ 13 томахъ и много другихъ иностранныхъ сочиненій. Трудолюбіе Тредьяковскаго было не обычайное; къ сожалѣнію, и по своему званію профессора элоквенціи, и по природной страсти къ стихамъ, и изъ желанія дать образцы на всѣ роды тоническаго размѣра и на всѣ роды поэзіи, онъ писалъ оды, пѣсенки, поэмы, не имѣя на то никакого дара. Его стихотворенія, и особенно передѣлка въ стихахъ Телемака Фенелона, извѣстная подъ именемъ «Телемахиды», уже въ его время сдѣлали его посмѣшищемъ въ кругу образованнаго общества.

О другомъ, уже геніальномъ профессорѣ Академіи, Ломоносовѣ мы здѣсь много распространяться не будемъ. Его жизнь и труды

всѣмъ извѣстны; коснемся только его дѣятельности въ Академіи. Ломоносовъ вернулся изъ за границы въ 1741-мъ году и въ 1742-мъ году сдѣланъ адьюнктомъ физики, а въ 1745-мъ году профессоромъ химіи, и скоро жалованье его увеличено до 660 рублей въ годъ. При Екатеринѣ II онъ дослужился до чина статскаго совѣтника, и жалованья ему назначено 1875 рублей. Кромѣ того недалеко отъ Петербурга онъ имѣлъ небольшой клочекъ земли, гдѣ, съ помощью правительства, устроилъ фабрику для приготовленія разноцвѣтныхъ стеколъ по изобрѣтенному имъ способу и для мозаичныхъ работъ. Онъ умеръ 4-го апрѣля 1765-го года, 54-хъ лѣтъ отъ роду. Ломоносовъ вначалѣ пользовался покровительствомъ Шумахера, который, возвышая его, думалъ найти покорнаго слугу въ молодомъ ученомъ изъ русскихъ, еще не имѣвшемъ покровителей. Но по мѣрѣ того, какъ извѣстность Ломоносова росла и онъ уже могъ опираться на такихъ сильныхъ людей, какъ Воронцовъ и И. Шуваловъ, онъ все энергичнѣе вооружался противъ господства нѣмцевъ и противъ канцелярскаго произвола въ Академіи. Его заботою было возвысить значеніе Академіи, создать русскую науку, пробить дорогу русскимъ людямъ. Въ этой непріязни къ нѣмцамъ, по обычаю вѣка, онъ доходилъ до грубыхъ крайностей. Однажды на пиру у академическаго садовника Штурма онъ, схвативъ болванъ для париковъ, сталъ колотить имъ и хозяина, и жену его за то, что они заподозрили гостей въ кражѣ епанчи. Въ другой разъ онъ вошелъ въ собраніе Академіи въ шляпѣ, назвалъ нѣмецкихъ профессоровъ плутами и, показавъ имъ кукишъ, сказалъ: «вотъ, я вамъ поправлю зубы!» За это попалъ онъ подъ судъ, и только хвалебныя оды Елизаветѣ выручали его изъ напасти. Онъ не затруднился также обвинять Миллера въ презрѣніи къ Россіи и во враждѣ къ православію. Если въ этихъ грубыхъ выходкахъ, также какъ въ нѣкоторой наклонности къ разгулу, пріобрѣтенной отъ нѣмцевъ же, во время его пребыванія въ Германіи, и видны слабыя стороны въ характерѣ Ломоносова, то онѣ совершенно исчезаютъ передъ его заслугами на поприщѣ науки и образованія. Его изобрѣтательному уму, его научнымъ изслѣдованіямъ удивлялись такіе современные ученые, какъ Бернулли и Эйлеръ. Но кромѣ того всѣ труды его направлены были къ тому, чтобы удовлетворить насущнымъ требованіямъ времени, чтобы послужить на пользу русскаго учащагося юношества. Такъ онъ составляетъ планъ, какъ собирать матеріалы для географіи Россіи, пишетъ руководства почти по всѣмъ предметамъ преподаванія. Когда Шуваловъ настаивалъ, чтобы онъ въ свободное время занялся русской исторіей, то онъ отвѣчалъ, что и

такъ заваленъ съ утра до ночи трудами по академіи и просилъ, въ краткое время досуга, дозволить ему, вмѣсто игры на билліардѣ, развлечься физическими и химическими опытами. При всемъ томъ онъ написалъ краткій учебникъ русской исторіи и подробное ея изложеніе до Ярослава, видя въ томъ крайнюю потребность. Точно также онъ принялся за грамматику, видя, по его словамъ, что «никто не подумалъ положить тому хоть начало». Любимыми его предметами все-таки были физика, химія и металлургія. По физикѣ и химіи онъ читалъ и публичныя лекціи, привлекавшія всю знать. Ломоносовъ умѣлъ увлекать на кафедрѣ, обладая виднымъ ростомъ, громкимъ, звучнымъ голосомъ и большимъ краснорѣчіемъ. Онъ, больше слѣдуя обычаю, писалъ оды и Аннѣ Іоановнѣ, и младенцу Іоанну, и Елизаветѣ, и Петру III-му и Екатеринѣ II, переводилъ по временамъ и оды Штелина. Въ то время писать стихи считалось обычнымъ препровожденіемъ времени, «какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ», по выраженію Державина. И Шуваловъ, и сама Елизавета упражнялись въ стихахъ; Ломоносовъ училъ Шувалова стихотворству. Но въ своихъ одахъ онъ выражалъ и задушевныя мысли о просвѣщеніи Россіи, и давалъ образцы новаго чисто русскаго языка, какого не найдешь ни у одного изъ его современниковъ. Приведемъ одинъ примѣръ изъ оды на день восшествія на престолъ Елизаветы:

«О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ,
О ваши дни благословенны!
Дерзайте нынѣ, ободренны,
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать!»

ПЕТРЪ III И ЕКАТЕРИНА II. ПРАВЛЕНІЕ ПЕТРА III И ВСТУПЛЕНІЕ НА ПРЕСТОЛЪ ЕКАТЕРИНЫ II.

Видѣвъ много смутъ отъ неопредѣленности въ наслѣдованіи престола, Елизавета, еще въ началѣ своего царствованія, позаботилась назначить себѣ наслѣдника. Она вызвала изъ Голштиніи 14 лѣтняго юношу, сына умершей сестры своей, Анны Петровны, бывшей за гер-

цогомъ Голштинскимъ. Выросши протестантомъ, въ Россіи онъ былъ крещенъ въ греческую вѣру и принялъ имя Петра. Вслѣдъ за тѣмъ выбрана ему и невѣста, двоюродная его сестра, ангальтъ-цербстская принцесса, которой отецъ находился на службѣ у Фридриха II-го. Елизавета, какъ Петра по своему отцу, такъ и ее по своей матери назвала Екатериной. Оба жили нѣкоторое время при дворѣ, обучаясь русскому языку и закону, и въ 1745-мъ году совершено ихъ бракосочетаніе: Петру было тогда не болѣе 18-ти лѣтъ, а Екатерина лишь годомъ была его моложе. Когда, нѣсколько лѣтъ спустя, Екатерина родила сына, Павла, то наслѣдство престола было вполнѣ обезпечено.

Наслѣдникъ престола, Петръ III, отличался мягкостью, добротою сердца и вмѣстѣ большимъ легкомысліемъ. Рано лишившись отца и матери, онъ попалъ въ руки плохихъ воспитателей. Они только мучили его, заставляя выполнять многосложныя, стѣснительныя церемоніи тогдашняго нѣмецкаго двора, но почти не заботились о развитіи его ума. Главнымъ его воспитателемъ былъ нѣкто Брюммеръ, о которомъ говорили, что онъ способенъ воспитывать лошадей, а не людей. Онъ сѣкъ молодаго принца розгами и плетью, приговаривая: «я васъ такъ буду сѣчь, что собаки будутъ кровь лизать,» — держалъ его голыми колѣнями на горохѣ, привязывалъ къ столу и къ печи, надѣвалъ своему воспитаннику на шею нарисованнаго осла, морилъ его голодомъ, заставляя смотрѣть изъ спальни, какъ обѣдали придворные кавалеры, и проч. При Аннѣ Петръ готовился быть наслѣдникомъ шведскаго престола и обучался лютеранскому закону и шведскому языку; потомъ, когда оказалось, что его призываютъ на русскій престолъ, онъ сталъ заниматься русскимъ языкомъ. Брюммеръ при этомъ толковалъ принцу: «этотъ подлый языкъ годенъ только собакамъ и рабамъ.» Обладая чрезвычайно живымъ характеромъ, Петръ III рано возненавидѣлъ всѣ придворныя стѣсненія. Всякой торжественности предпочиталъ онъ веселую бесѣду за трубкою крѣпкаго кнастера и кружкою англійскаго пива хотя бы съ самымъ послѣднимъ изъ придворныхъ. По пріѣздѣ въ Россію также не нашлось руководителей, которые могли-бы имѣть на него доброе вліяніе; а отъ природы онъ мало имѣлъ охоты къ самообразованію. При дворѣ онъ и великая княгиня жили подъ тяжелымъ надзоромъ. Оба не имѣли права безъ позволенія не только выѣзжать изъ города, но и выходить изъ дому, не могли писать къ кому-нибудь, принимать, кого желали, и проч. Запрещенія простирались до крайнихъ мелочей: напримѣръ, не носить извѣстнаго платья, не разговаривать

вполголоса, не ложиться поздно спать. Елизавета все это дѣлала частію вслѣдствіе наговоровъ, но больше по своей заботливости о великомъ князѣ и его супругѣ, которыхъ искренно любила.

Петръ III, не зная, на что кинуться отъ скуки, поневолѣ сближался съ приставленными къ нему придворными, особенно изъ голштинцевъ, и тайкомъ устраивалъ съ ними всякія развлеченія: то рядилъ своихъ слугъ въ мундиры и заставлялъ ихъ маршировать въ своей комнатѣ, то затѣвалъ маленькій маскарадъ, на которомъ они плясали съ двумя, тремя дамами, а самъ онъ игралъ на скрипкѣ. Въ тѣсныхъ комнатахъ, гдѣ жили супруги, Екатерину оглушали или эта отчаянная игра, или лай и визгъ собакъ, которыхъ Петръ дрессировалъ. Ища новыхъ развлеченій, онъ пристрастился къ кукламъ: забавлялся кукольной комедіей, наставилъ у себя длинныхъ и узкихъ столовъ, а на нихъ размѣстилъ свинцовыхъ, восковыхъ и деревянныхъ солдатиковъ; къ каждому столу придѣлана была мѣдная рѣшетка, по ней дергали снуркомъ и происходившій отъ этого звукъ долженъ былъ означать залпы выстрѣловъ; куколокъ выставляли и на караулъ у картонной крѣпости, при чемъ самъ Петръ являлся въ голштинскомъ мундирѣ и при шпагѣ. Этому мундиру онъ придавалъ особое значеніе. Однажды онъ пришелъ въ немъ къ своей супругѣ, которая тогда ждала отъ него лишь непріязни, и сказалъ: «этотъ мундиръ означаетъ, что я, какъ голштинскій офицеръ, стою за честь и, не помня зла, рыцарски защищаю.» Но Екатерина умоляла его поскорѣе уйти, боясь, что императрица, обѣщавшая посѣтить ее, застанетъ его въ такомъ видѣ. Елизавета, конечно, знала о затѣяхъ великаго князя и очень была недовольна его поведеніемъ. Бестужевъ предписывалъ строго смотрѣть, чтобы Петръ оказывалъ почтеніе духовенству (онъ, при встрѣчѣ съ духовными, порою высовывалъ языкъ), чтобы не таскалъ къ себѣ въ комнаты игрушекъ, мундировъ, барабановъ, не заводилъ дружбы съ пажами, лакеями, егерями, не шутилъ со слугами при столѣ, брызгая имъ въ лицо водою, не игралъ на скрипкѣ, чтобы въ собраніи не говорилъ много, а больше слушалъ, и проч.

Впослѣдствіи, когда Шуваловы стали заискивать въ великомъ князѣ, онъ пользовался большею свободою: онъ по цѣлымъ днямъ охотился въ имѣніи Разумовскихъ и запросто пировалъ съ егерями; въ Ораніенбаумѣ, гдѣ былъ его дворецъ, онъ имѣлъ уже цѣлый голштинскій отрядъ, нарочно для него выписанный. Занимаясь военными упражненіями, онъ съ тѣхъ поръ не разставался съ своими голштинцами: послѣ ученія, призывалъ къ себѣ всѣхъ офицеровъ, и тутъ

начинались дружескія попойки среди облаковъ табачнаго дыма, музыка, танцы, для которыхъ изъ Петербурга привозили дамъ, какихъ случится.

Совершенно иначе жила великая княгиня. Съ самаго начала она серьезно готовилась быть императрицею и думала лишь объ этомъ. Пятнадцатилѣтней дѣвушкой, она усердно принялась учиться русскому языку, занималась даже по ночамъ на постели, такъ что, вставая неодѣтою, схватила сильную горячку. Она читала дѣльныя книги, всего допытывалась, обо всемъ разсуждала, и одинъ пріѣзжій иностранецъ назвалъ ее «философомъ въ 15 лѣтъ». Страшно скучая въ своемъ одиночествѣ, она болѣе всего утѣшалась книгами. Она читала историческія и философскія книги, особенно сочиненія древнихъ греческихъ и римскихъ авторовъ и тогдашнихъ знаменитыхъ французскихъ писателей, которые открывали новый путь къ развитію человѣка, освобождая его отъ всѣхъ старыхъ предразсудковъ, отъ дикаго изувѣрства и того грубаго понятія о власти, по которому слабый былъ только безмолвнымъ рабомъ сильнаго. Таковы были: «Жизнеописанія» Плутарха, сочиненія греческаго философа Платона, римскаго историка Тацита, сочиненія Вольтера, «Духъ Законовъ» Монтескье, Энциклопедія Бейля, и проч. Чрезъ подобное чтеніе Екатерина высоко стала надъ всѣми окружающими ее людьми; Тацитъ, по ея словамъ, заставилъ ее глубже вникать въ причины людскихъ поступковъ и глубже подмѣчать темныя стороны тогдашняго общества, которыя и безъ того слишкомъ ярко бросались въ глаза. Съ другой стороны она всячески старалась примѣниться къ русскимъ обычаямъ и угодить Елизаветѣ. Императрица требовала строгаго выполненія обрядовъ религіи. Съ этимъ требованіемъ сообразовались и придворные: такъ одинъ изъ клевретовъ Петра Шувалова, Яковлевъ, у котораго въ передней можно было найти, рядомъ съ самыми знатными лицами, толпы бѣдныхъ просителей, искавшихъ мѣста, заставлялъ ихъ по цѣлымъ мѣсяцамъ ежедневно ходить въ посѣщаемую имъ церковь и давалъ мѣсто тому, кто, какъ ему казалось, усерднѣе молился. Екатерина была усердна къ греческой вѣрѣ и потому, что хотѣла казаться русскою: она терпѣливо выстаивала долгіе часы на колѣняхъ, постилась, говѣла съ величайшей набожностью; посланные отъ Елизаветы подъ часъ находили ее съ молитвенникомъ въ рукахъ. Елизавета очень любила ее, постоянно посѣщала ее во время болѣзни; плакала, стоя у дверей, когда ей вырывали зубъ, посылала ей богатые подарки. Тѣмъ не менѣе жизнь ея была очень печальная; стѣсненія, какія испытывалъ великій князь, еще болѣе надъ ней тя-

хотѣли. Лица, приставленныя къ ней, враждебно слѣдили за каждымъ ея шагомъ; того, кто изъ служащихъ оказывалъ ей любовь и и преданность, тотчасъ удаляли отъ двора: одна изъ фрейлинъ лишилась мѣста лишь за то, что, желая развлечь великую княгиню въ ея скукѣ, стала кроить бѣлье въ ея комнатѣ.

Когда у Екатерины родился сынъ, его тотчасъ унесли въ покои императрицы, и она могла видѣть его лишь по особому разрѣшенію. Елизавета по своему заботилась о немъ, держала его въ жарко натопленной комнатѣ, кутала во множество одѣялъ, окружала мамушками. Такое же попеченіе видимъ и въ распоряженіяхъ касательно великой княгини; но тутъ присоединялись придворныя обстоятельства. Вначалѣ властный Бестужевъ, безъ участія котораго Екатерина была вызвана въ Россію, опасался, чтобы она не сблизилась съ его врагами, и окружилъ ее своими соглядатаями; потомъ, когда она съумѣла привлечь Бестужева на свою сторону, ея недругами являются Шуваловы, и къ ней даже приставленъ ненавистный всѣмъ Александръ Шуваловъ. Такимъ образомъ ей предстояла ежедневная борьба. Среди тысячи затрудненій она всегда брала верхъ своимъ умомъ; но въ то же время нельзя сказать, чтобы такая мелкая трата силъ не отразилась на ея характерѣ, въ которомъ, рядомъ съ возвышенными ст ремленіями находимъ раздражительность, тщеславіе, эгоистическое равнодушіе. Екатерина по немногу умѣла устроить дѣло такъ, что самые непреклонные надсмотрщики становились къ ней благосклонными, дозволяли ей дѣлать, что она хотѣла, и даже помогали ей. Не обладая красотою, она была необыкновенно привлекательна. Стоило поговорить съ ней полчаса, и каждый уже готовъ былъ открыть ей всю душу, какъ будто старому знакомому. Всегда ласковая, веселая, остроумная, она имѣла необычайную способность нравиться. Она ничего не жалѣла, чтобы найти друзей, тратила всѣ свои деньги на подарки, угождала всякому, чѣмъ могла. Гдѣ нельзя было взять лаской, тамъ брала она твердостью, упорствомъ, угрозой. Иностранные посланники искали ея бесѣды, совѣтовались съ ней о дѣлахъ, и въ тоже время послѣдній лакей довѣрчиво передавалъ ей всѣ придворные слухи. Она многое узнавала прежде тѣхъ, кому объ дѣлѣ знать слѣдовало. Бестужевъ тайкомъ пересылалъ ей иностранныя депеши, и вообще, когда отъ нея скрывали и самыя обыденныя вещи, для нея не было тайнъ и наиболѣе важныхъ.

Елизавета, узнавая о ея вмѣшательствѣ въ дѣла, была очень недовольна, упрекала ее въ гордости, въ томъ, что она много о себѣ воображаетъ, и особенно въ неумѣренной тратѣ денегъ; тѣмъ не менѣе

она не могла не признать превосходства ея ума надъ умомъ великаго князя. Касательно траты денегъ Екатерина оправдывалась, что тратитъ ихъ не для себя, что приставленныя къ ней лица слишкомъ корыстолюбивы, что ей дорого стоитъ игра въ фараонъ, бывшая тогда въ модѣ при дворѣ, и придворные балы или куртаги. Елизавета дѣйствительно требовала, чтобы на этихъ куртагахъ всѣ являлись въ самыхъ великолѣпныхъ костюмахъ. Обычай рядиться въ мужское платье тутъ много содѣйствовалъ свободѣ обращенія. Пользуясь имъ, Екатерина часто носила такое платье и вдали отъ двора, въ Ораніенбаумѣ, усердно упражняясь въ верховой ѣздѣ и ходя на охоту. Такъ, помимо всякихъ стѣсненій, она сводила свои знакомства. Ея любимцами были сначала красавецъ Сергѣй Салтыковъ, а потомъ молодой графъ Понятовскій, уполномоченный въ дѣлахъ Польши, бывшій впослѣдствіи польскимъ королемъ. Съ Понятовскимъ она познакомилась черезъ Льва Нарышкина, остроумнаго придворнаго шутника, безъ котораго не обходилась ни одна забава. Вотъ, Екатерина запирается у себя въ комнатѣ, объявляя, что она нездорова или хочетъ спать; Нарышкинъ крадется, мяукаетъ у ея дверей, давая о себѣ знать, и оба отправляются въ гости къ Разумовскому, къ невѣсткѣ Нарышкина, или къ другому изъ преданныхъ лицъ. Никто и не догадывался объ этихъ посѣщеніяхъ. Точно также, во время болѣзни, чтобы видѣть своихъ друзей, Екатерина отгородила часть комнаты у своей постели ширмами и сдѣлала занавѣсъ. Когда приходилъ кто нибудь посторонній, то занавѣсъ задергивалась и казалось, что она одна въ комнатѣ. Въ этихъ интимныхъ отношеніяхъ была не одна цѣль развлечься, убить время. Черезъ Салтыкова Екатерина сблизилась съ Бестужевымъ, Понятовскій былъ впослѣдствіи исполнителемъ ея плановъ, какъ король польскій. Когда началось дѣло Апраксина и за тѣмъ слѣдовало паденіе Бестужева, Екатерина, сильно тутъ замѣшанная, ожидала для себя всякой невзгоды; но никто ея не выдалъ. Одинъ изъ друзей Апраксина такъ отозвался, указывая на нее въ собраніи: «Вотъ женщина, за которую честный человѣкъ охотно вынесетъ нѣсколько ударовъ кнута.»

Съ великимъ княземъ, своимъ супругомъ, вначалѣ Екатерина жила довольно дружно. Петръ, безпрестанно попадаясь въ просакъ, обращался къ ней за совѣтомъ, и она постоянно его выручала, такъ что онъ называлъ ее не иначе, какъ Madame la Ressource (г-жа Находчивость). Но скоро рѣзкая разница въ характерахъ повела къ разладу. Екатерина не находила ни малѣйшей пріятности въ развлеченіяхъ Петра; ему же не нравились всѣ ея поступки: онъ сердился

на нее за ея набожность, называя это лицемѣріемъ; въ ея занятіяхъ наукою онъ видѣлъ скучныя притязанія на ученость, въ гордомъ обхожденіи съ непріязненными ей лицами—злое высокомѣріе. Было довольно людей и изъ голштинцевъ, и изъ русскихъ, которые находили для себя выгоду ссорить супруговъ. Друзья Петра наговаривали ему на Екатерину, а онъ наивно сообщалъ ей объ этомъ и потомъ сильно гнѣвался, когда она всѣми мѣрами преслѣдовала этихъ людей. Съ теченіемъ времени разладъ дошелъ до того, что супруги почти не видѣлись. Скучая въ обществѣ Екатерины, Петръ искалъ развлеченія въ кругу фрейлинъ, при чемъ сближался далеко не съ тѣми, кто блестѣлъ умомъ или красотою, а съ тѣми, кто болѣе соотвѣтствовалъ его мирному характеру. Простодушный, не въ мѣру откровенный, онъ слѣдовалъ своимъ влеченіямъ, нисколько не думая примѣняться къ обстоятельствамъ. Въ Ораніенбаумѣ и придворные изъ русскихъ, и находившійся тамъ отрядъ гвардіи должны были прислуживать голштинцамъ, стоявшимъ въ сторонѣ отъ дворца въ особомъ лагерѣ. Предпочтеніе, оказываемое нѣмцамъ, которые тогда безъ различія считались врагами, возбуждало во всѣхъ сильное неудовольствіе. Пиры великаго князя съ голштинскими офицерами очень не нравились самой Елизаветѣ. Петръ открыто восхищался подвигами Фридриха II, съ которымъ мы были въ войнѣ, и радовался его побѣдамъ. Положимъ, что самые враги въ то время удивлялись геройству прусскаго короля, и между русскими были лица, не одобрявшія съ нимъ войны, но, конечно, было очень необдуманно высказывать тогда подобныя мнѣнія.

Замѣтивъ неразсчетливость великаго князя, Екатерина рѣшилась соблюдать свои интересы. Она старалась и не подходить къ голштинскому лагерю, всегда отправлялась гулять въ противную сторону; она, по возможности, избѣгала баловъ, даваемыхъ великимъ княземъ, являясь на нихъ изрѣдка и въ самой простой одеждѣ, и напротивъ устраивала у себя праздники въ честь побѣдъ русскаго войска, хотя и считала безполезнымъ для Россіи участіе въ Семилѣтней войнѣ. Когда Апраксинъ отступилъ, она тайно писала ему о неудовольствіи, какое возбудилъ онъ въ обществѣ, и совѣтовала опять двинуться впередъ. Въ тоже время она хотѣла показать, что нисколько не виновна въ гнѣвѣ на нее великаго князя и устроила для него богатый праздникъ. На этотъ праздникъ приглашено были множество народа безъ различія чиновъ и состояній, и всѣмъ Екатериною розданы подарки. Всѣ были въ восторгѣ и говорили: «Она необыкновенно добра, ога всѣхъ одарила. Какъ она мила! какъ ласково она

на меня глядѣла, какъ прекрасно улыбалась! Она сама заставляла насъ танцевать, гуляла съ нами, сама все показывала, отводила мѣста тѣмъ, у кого не было мѣста, и проч.» Послѣ паденія Бестужева, Екатерина нѣкоторое время была въ большой немилости у Елизаветы. Шуваловы уже прямо дѣйствовали противъ нея въ пользу великаго князя. Они помогали сближенію его съ Елизаветой Воронцовой, племянницей канцлера Воронцова, принявшаго это званіе послѣ Бестужева. Елизавета Воронцова была полная, широколицая, некрасивая собою женщина; тѣмъ не менѣе Петръ искренно полюбилъ ее и мечталъ даже вступить съ нею въ бракъ, разойдясь съ Екатериной. Великая княгиня поступила рѣшительно: она заперлась въ своей комнатѣ, сказавшись больною, и отправила къ императрицѣ письмо, въ которомъ описывала свое печальное положеніе и умоляла отпустить ее обратно въ Германію. Елизавета назначила ей свиданіе, послѣ котораго опять стала обходиться съ ней очень ласково. Объ отпускѣ заграницу больше не было и рѣчи. Екатерина своими нападками и насмѣшками такъ запугала Шуваловыхъ, что они уже раздумали вредить ей. Сама императрица, все болѣе недовольная великимъ княземъ, уже колебалась, не назначить ли наслѣдникомъ Павла подъ опекою Екатерины. При этихъ обстоятельствахъ, она умерла и на престолъ вступилъ Петръ III.

Новый государь, согласно своему характеру, выказалъ великую доброту и вмѣстѣ совершенную неспособность примѣняться къ обстоятельствамъ. Все таки, въ короткое время своего царствованія, онъ сдѣлалъ нѣсколько чрезвычайно важныхъ преобразованій. Во первыхъ, онъ уничтожилъ Тайную Канцелярію, съ ея жестокими розысками и пытками, изгнавъ изъ употребленія страшное «слово и дѣло». Произносившій эти слова уже не могъ разсчитывать, что, по его указанію, будутъ хватать и мучить въ тюрьмѣ, кого случится. Напротивъ доносителя сажали на два дня въ тюрьму безъ хлѣба и воды, и если послѣ этого онъ упорствовалъ въ доносѣ, то отправляли въ сенатъ. Того, на кого сдѣланъ доносъ, не приказано трогать до рѣшенія дѣла. Преступленія противъ власти теперь рѣшались въ обыкновенныхъ судахъ, и прибѣгать къ пыткѣ приказано, какъ можно рѣже. Далѣе изданъ указъ «О вольности дворянской». Дворянамъ предоставлена полная свобода служить или не служить, ѣхать за границу, или оставаться дома. Такимъ образомъ это сословіе въ первый разъ получило возможность избирать образъ жизни по своимъ наклонностямъ. За эту льготу сенатъ рѣшилъ поставить Петру III золотую статую. Царь отказался отъ такой почести. Кое что было сдѣлано и для народа. Петръ приказалъ совершенно прекратить преслѣдованіе

раскольниковъ и даже назначилъ особыхъ попечителей, которые заботились бы объ ихъ безопасности. Вслѣдствіе этого тысячи народа, бѣжавшаго въ Польшу въ прежнее время, возвратились въ Россію. Кромѣ того онъ освободилъ крестьянъ, приписанныхъ къ церквамъ и монастырямъ. Извѣстно, что еще Петръ I отобралъ было отъ монастырей села; но потомъ, по учрежденіи синода, отдалъ ихъ опять въ вѣдѣніе духовенства. Теперь Петръ III задумалъ обратить всѣхъ монастырскихъ крестьянъ въ государственныхъ съ тѣмъ, чтобы подати, ими платимыя, шли на содержаніе монастырей, на богадѣльни, и проч. Эта мѣра сильно вооружила противъ него духовенство, среди котораго пошли слухи, что государь хочетъ измѣнить и одежду священниковъ, заставивъ ихъ носить обыкновенное платье, какъ у протестантовъ, велитъ вынести изъ церквей всѣ иконы, кромѣ иконъ Спасителя и Божіей матери. Архіепископъ Дмитрій Сѣченовъ прямо сталъ говорить противъ новаго закона, за что лишился сана. Но встревожились и помѣщики, опасаясь, чтобы ихъ крестьяне также не стали разсчитывать на освобожденіе. Однако ограничивать власть помѣщиковъ не было и въ мысляхъ Петра III-го.

Государь не обращалъ вниманія на эти тревоги, вполнѣ увѣренный во всеобщей къ нему преданности. Къ Пасхѣ 1762-го года онъ перешелъ въ нынѣшній Зимній дворецъ, тогда только что отстроенный. Вокругъ этого дворца простиралась громадная площадь чуть не до Полицейскаго моста. Вся она заставлена была бараками для рабочихъ, завалена всякимъ хламомъ: камнями, кирпичами, бревнами и проч. Нужно было очистить ее въ однѣ сутки, чтобы свободно подъѣзжать ко дворцу, а исполнить этого не находили никакой возможности. Тогда, съ согласія государя, придумали такую мѣру. Оповѣстили чрезъ полицію всѣмъ жителямъ Петербурга, что каждый можетъ идти на площадь и забирать тамъ, что ему угодно. Тотчасъ нахлынули толпы народа; началась ломка, свалка; всякій старался утащить, сколько хватало силъ, — и скоро на площади не осталось ни щепки, ни камешка. Государь стоялъ у окна и все время хохоталъ, любуясь этою сценою. По прежнему онъ нисколько не заботился о томъ, чтобы соблюдать принятые при дворѣ обычаи. Онъ любилъ тѣже шумные пиры и бесѣды за кружкой англійскаго пива, среди табачнаго дыму, смѣха и незатѣйливыхъ солдатскихъ шутокъ. Въ домъ, куда онъ отправлялся въ гости, везли обыкновенно цѣлые ящики кнастера и глиняныхъ голландскихъ трубокъ. На пирахъ не умолкалъ его крикливый голосъ; онъ смѣшилъ гримасами, передразнивалъ дамъ, которыя тогда, вмѣсто поклоновъ, стали присѣдать.

Въ чаду хмѣльнаго веселья, Петръ, не стѣсняясь, высказывалъ все, что было на душѣ, хотябы дѣло шло о какой нибудь важной государственной тайнѣ. Современники возмущались также тѣмъ, что Елизавета Воронцова участвовала во всѣхъ придворныхъ выходахъ и пользовалась почетомъ наравнѣ съ императрицей.

Но все это еще не могло окончательно поколебать власть Петра III. Важнѣе то, что вся гвардія была сильно противъ него раздражена и не скрывала своего раздраженія. Петръ III уничтожилъ лейбъ-компанію, распустивъ тѣхъ гвардейцевъ, которые выслужились при прежнихъ придворныхъ переворотахъ, и замѣнилъ ихъ своими голштинцами. Гвардейцевъ вообще онъ называлъ янычарами и строго преслѣдовалъ бывшую тогда въ гвардіи распущенность и безпорядки. Онъ вызвалъ изъ Голштиніи своихъ родственниковъ съ ихъ семействами и далъ имъ наиболѣе важныя должности, съ большими окладами жалованья. Тотчасъ по вступленіи на престолъ, онъ прекратилъ войну съ Пруссіей и возвратилъ Фридриху II-му всѣ завоеванія, такъ что войска, одержавшія столько побѣдъ, вдругъ увидѣли всѣ труды свои и лишенія безплодными. Была ли для насъ польза усиливать могущество Австріи— другой вопросъ, но въ то время объ этомъ не разсуждали. Еще болѣе того, Петръ III передъ всѣми высказывалъ къ недавнему нашему врагу, Фридриху II, любовь, доходившую до обожанія: носилъ прусскій мундиръ, прусскій орденъ и перстень съ портретомъ прусскаго короля, и задумалъ передѣлать все русское войско по прусскому образцу. Фридрихъ II для этого прислалъ въ Россію цѣлый полкъ, и началось ученье. Во первыхъ, все русское войско переодѣто въ узкіе прусскіе, разноцвѣтные мундиры, которые офицерамъ стоили очень дорого и причинили не мало затрудненій. Во вторыхъ, введена суровая нѣмецкая дисциплина. Фридрихъ II набиралъ свои войска всякими правдами и неправдами, откуда попало. Чтобы заставить такое войско слушаться и идти въ огонь, его муштровали безъ пощады: палки и фухтеля то и дѣло разгуливали по спинамъ. Не трудно вообразить, какое впечатлѣніе должны были производить подобные учителя на солдатъ, которые еще недавно ихъ били! Весь Петербургъ находился въ страшной тревогѣ, какъ будто наканунѣ осады: скакали курьеры съ донесеніями, гремѣли барабаны; взадъ и впередъ сновали отряды войскъ, сопровождаемые толпами народа, а впереди ихъ порою плелись старички, разбитые подагрой, тайные совѣтники, потому что Петръ III и статскимъ лицамъ изъ высшаго круга назначалъ, въ видѣ отличія, военныя должности. Государь торопился дать новую выправку войскамъ, чтобы въ достойномъ видѣ представить ихъ своему другу, Фридриху II. Онъ съ восторгомъ

мечталъ объ этомъ свиданіи и мечталъ еще отличиться передъ прусскимъ королемъ военнымъ подвигомъ. Подобно своему отцу, онъ думалъ все о своей милой Голштиніи, до которой русскимъ, конечно, не было никакого дѣла. Вопреки увѣщаній Фридриха II, который совѣтовалъ ему прежде короноваться и боялся, что онъ втянетъ его, какъ союзника, въ новыя военныя издержки, онъ уже рѣшилъ начать войну съ Даніей, которая когда-то отняла у Голштиніи часть земель, и собирался вести гвардію въ походъ. Выступленіе войскъ изъ Петербурга назначено на другой день послѣ дня его тезоименитства, бывшаго 29-го іюня, но 28-го іюня Петра III-го уже не было на престолѣ.

Въ то время, какъ неудовольствіе въ гвардіи все усиливалось, Екатерина не оставалась праздною или безпечною. Она внимательно слѣдила за всѣмъ, что происходило, и собирала около себя кружокъ людей, готовыхъ дѣйствовать по одному ея слову. Ея сторону держали: гетманъ Кирилла Разумовскій, князь Голицынъ и нѣкоторые другіе начальники войска, Никита Панинъ, воспитатель наслѣдника престола, малолѣтняго Павла, мечтавшій, съ перемѣною правленія, возвысить власть сената, какъ то было у шведовъ. Нѣкоторыя изъ лицъ, занимавшихъ высшія должности, пользуясь особымъ довѣріемъ Петра III, въ тайнѣ дружили Екатеринѣ и сообщали ея приверженцамъ нужныя свѣдѣнія. Таковы были: генералъ-прокуроръ Глѣбовъ, директоръ полиціи Корфъ, и др. Горячее участіе въ заговорѣ принимала также сестра Елизаветы Воронцовой, по мужу княгиня Дашкова. Ни въ чемъ не сходная съ Елизаветой, девятнадцатилѣтняя Дашкова уже успѣла образовать свой умъ, знала языки, читала лучшихъ тогдашнихъ французскихъ писателей, занималась политикой и горѣла честолюбіемъ, мечтая занять видное мѣсто въ государствѣ. Екатерина ласкала ее за ея пылкую къ себѣ преданность, пользовалась ею для сношеній со своими приверженцами; но никакихъ важныхъ своихъ рѣшеній ей не довѣряла, какъ по причинѣ молодости ея лѣтъ, такъ и излишней стремительности нрава. Мечтательная Дашкова считала Екатерину безпечной, равнодушной къ окружающимъ ее опасностямъ и думала, что своими мелкими хлопотами ее спасаетъ. Главными довѣренными лицами Екатерины въ дѣлѣ замышляемаго переворота были братья Орловы, Барятинскій, Пассекъ и нѣкоторые другіе изъ молодыхъ гвардейскихъ офицеровъ. Всѣхъ усерднѣе и рѣшительнѣе дѣйствовали Орловы. Изъ нихъ Григорій, высокій, статный, считавшійся первымъ красавцемъ въ гвардіи, отличался и необычайною ловкостью, и силою. Фаворитъ Екатерины, онъ съ большимъ искуствомъ, съ неутомимостью и отвагой всюду

подбиралъ людей въ ея пользу. Братъ его Алексѣй, первый силачъ и рубака, славился также умѣньемъ вести интригу, своей распорядительностью и рѣшимостью: онъ не задумался бы, какъ и Григорій, выполнить самое отважное и отчаянное дѣло. Оба они не обладали обширнымъ умомъ или солиднымъ образованіемъ; но были всеобщими любимцами за свое простодушіе, ласковость, щедрость и чисто русскую удаль, какъ среди веселыхъ пировъ, такъ и въ каждомъ смѣломъ предпріятіи. Подъ вліяніемъ такихъ людей, солдаты съ нѣмымъ обожаніемъ смотрѣли на Екатерину: довольно было одного ея грустнаго взгляда, легкой задумчивости, чтобы всѣ толковали, какія она терпитъ притѣсненія, какъ унижена и какъ нужно скорѣе спасти ее отъ опасности. Петръ III по прежнему не обращалъ никакого вниманія на свою супругу, предоставляя ей дѣлать, что угодно. Въ минуты разгула можетъ быть у него и прорывались противъ нея рѣзкія слова, такъ какъ онъ считалъ ее хитрою и злою, способною приласкать человѣка, чтобы, по его словамъ, выжать его и бросить какъ лимонъ. Но врядъ ли было у него рѣшительное намѣреніе заключить ее въ монастырь, какъ о томъ тогда толковали.

Впрочемъ считать себя безопасной Екатерина не могла: у Петра много зависѣло отъ минутной вспышки. На лѣто 1762-го года онъ уѣхалъ въ Ораніенбаумъ, гдѣ веселился съ своими голштинцами и готовился къ походу. Онъ отложилъ и свое коронованіе до возвращенія изъ этого похода, на который смотрѣлъ, какъ на геройскій подвигъ.

Екатерина уединенно жила въ Монплезирѣ, въ Петергофѣ, и казалось, занята была только чтеніемъ, прогулками, да домашними дѣлами. Но она постоянно сносилась съ Орловыми и имѣла всѣ свѣдѣнія о томъ, что происходило въ Петербургѣ. За двѣ недѣли до переворота тамъ уже все было подготовлено. До 40 офицеровъ и до 10000 солдатъ знали о заговорѣ и никто не выдалъ тайны. Однако носилась смутная молва о грозившемъ возстаніи. Служащіе завидовали тѣмъ, кто поспѣлъ выйти въ отставку; многіе спѣшили убраться изъ города или сказывались больными, чтобы не ѣхать, по должности, въ Ораніенбаумъ. Другіе, не зная, куда кинуться, но чуя, кто входитъ въ силу, и увивались около Орловыхъ, и ѣздили на поклонъ къ голштинцамъ. Всѣ были въ смятеніи; но Петръ III ничего не зналъ или, если и получалъ извѣстія о какихъ то, враждебныхъ ему, толкахъ, то не придавалъ имъ никакого значенія. Когда гвардія услышала о скоромъ выступленіи въ походъ, то волненіе дошло до крайней степени. Солдаты говорили: «Какъ оставимъ мы матушку

царицу во власти нѣмцевъ». Но Екатерина медлила: ея планъ былъ захватить Петра III, когда онъ пріѣдетъ въ Петербургъ. Однако случилось не такъ. Въ Петербургѣ между войскомъ разнеслась молва, что Екатерина арестована. Одинъ изъ солдатъ въ безпокойствѣ пришелъ къ Пассеку и сталъ объ этомъ распрашивать. Пассекъ сказалъ ему, чтобы онъ не болталъ пустяковъ, что царица въ безопасности. Но солдатъ не угомонился и обратился съ тѣми же распросами къ другому офицеру, не бывшему въ заговорѣ. Испуганный офицеръ сообщилъ обо всемъ маіору. Этотъ былъ пораженъ особенно тѣмъ, что Пассекъ не задержалъ солдата, чтобы подвергнуть допросу, приказалъ арестовать самого Пассека и послалъ обо всемъ донесеніе въ Ораніенбаумъ. Въ тотъ же день Алексѣй Орловъ поскакалъ въ Петергофъ и явился къ Екатеринѣ около полуночи (съ 27 на 28-ое іюня). Ее разбудили и на вопросъ, что случилось, Орловъ спокойно сказалъ ей: «Пассекъ арестованъ». Екатерина поспѣшно одѣлась, сѣла въ карету съ Орловымъ, и они помчались въ Петербургъ. За пять верстъ отъ города, ихъ встрѣтили Григорій Орловъ и князь Барятинскій. Екатерина пересѣла къ нимъ въ карету, такъ какъ лошади, на которыхъ она ѣхала, были крайне истомлены, и скоро прибыла въ казармы Измайловскаго полка.

Тотчасъ барабанщикъ забилъ сборъ; солдаты съ громкими криками «ура!» окружили царицу, стали цѣловать ей руки, платье, привели подъ руки священника и тутъ же всѣ ей присягнули. Послѣ этого Екатерина сѣла въ карету и поѣхала въ Семеновскій полкъ; солдаты двинулись за нею, впереди шелъ священникъ съ крестомъ. Семеновцы вышли ей на встрѣчу и также всѣ тотчасъ присягнули. Тутъ услышала она, что и Преображенскій полкъ, взявъ подъ стражу офицеровъ, оставшихся вѣрными Петру III, выступилъ изъ казармъ. Она велѣла всѣмъ отправляться къ Казанскому собору и сама поѣхала туда же. Здѣсь встрѣтилъ ее съ крестомъ Дмитрій Сѣченовъ. Собрались на площади передъ соборомъ всѣ полки; ликуя, прискакала и конная гвардія; воздухъ стоналъ отъ всеобщихъ, неумолкаемыхъ кликовъ войска и народа. Отслужили молебенъ о здравіи, на которомъ Сѣченовъ провозгласилъ Екатерину самодержавною государыней; принята присяга отъ чиновъ, бывшихъ въ церкви, и Екатерина отправилась въ Зимній дворецъ. Въ шесть часовъ утра уже весь Петербургъ зналъ о ея восшествіи на престолъ. Площади и улицы были полны ликующими войсками и народомъ. Къ Зимнему дворцу почти не было приступу. Екатерина поспѣшно написала манифестъ о своемъ воцареніи, сдѣлала необходимыя распоряженія о присягѣ народа и

объ охранѣ столицы, послала въ Кронштадтъ Талызина, чтобы привести и эту крѣпость себѣ въ подданство, и послѣ обѣда одѣлась по мужски въ гвардейскій полковничій мундиръ, такъ какъ, по обычаю, съ великимъ торжествомъ была провозглашена полковникомъ гвардіи, и верхомъ выѣхала къ войску, которое собралось въ числѣ 15000 чел. На ней былъ шлемъ, украшенный дубовыми вѣтвями; изъ подъ него развивались длинные волоса. Мундиръ ея былъ старинный, зеленый, на отмѣну котораго войско не мало негодовало. Рядомъ съ нею ѣхала въ той же одеждѣ Дашкова. Сошедши съ коня, Екатерина пѣшкомъ обошла ряды солдатъ, и около 10 часовъ вечера, во главѣ полковъ, двинулась въ Петергофъ, куда къ 29-му числу ждали Петра III. Она ѣхала верхомъ всю ночь; на пути лишь на нѣсколько часовъ данъ былъ отдыхъ солдатамъ, при чемъ Екатерина, не раздѣваясь, отдыхала въ избушкѣ на одной постели съ Дашковой. Къ утру она приблизилась съ войсками къ Петергофу.

Между тѣмъ Петръ III, 28 іюня, сдѣлавъ парадъ своимъ голштинцамъ, въ 10 часовъ утра, поѣхалъ со свитою изъ Ораніенбаума въ Петергофъ. Гудовичъ, отправившись впередъ, извѣстилъ его, что Екатерина исчезла. Петръ съ приближенными пошелъ пѣшкомъ въ Монплезиръ черезъ весь садъ. Не найдя супруги, онъ обратился къ свитѣ со словами: «Не говорилъ ли я, что она на все способна.» Пустились искать по всему саду. Наконецъ одинъ фабрикантъ прислалъ къ Петру записку съ извѣстіемъ о томъ, что произошло въ Петербургѣ. Нѣсколько лицъ, канцлеръ Воронцовъ, Трубецкой, Александръ Шуваловъ, одинъ за другимъ вызвались ѣхать въ столицу, чтобы возстановить его власть. Уѣхали—и присягнули Екатеринѣ. Но у Петра III еще оставался вѣрный слуга фельдмаршалъ Минихъ, освобожденный имъ изъ ссылки, да отрядъ въ 1500 голштинцевъ. Минихъ совѣтовалъ смѣло идти впередъ и драться или, если на это не рѣшатся, то спасаться въ Кронштадтъ, гдѣ и укрѣпиться, или отправиться въ Ревель, а оттуда на военномъ кораблѣ плыть въ Померанію, гдѣ еще находились войска, которыми начальствовалъ Румянцевъ. Врядъ ли бы удался этотъ послѣдній планъ. Екатерина уже распорядилась, чтобы поспѣшно отправить къ войскамъ курьера съ извѣстіемъ о своемъ восшествіи на престолъ и о передачѣ главнаго начальства Петру Панину. Петръ III медлилъ. Придворныя дамы, его окружавшія, плакали, ломали руки и отговаривали его отъ всякаго рѣшительнаго шага. Наконецъ рѣшили ѣхать въ Кронштадтъ. Но было уже поздно. Галера, на которой отправился Петръ, не была допущена близко; приверженцы Екатерины, уже овладѣвшіе Кронштад-

томъ, грозили пушечными выстрѣлами. Петръ III въ отчаяніи вернулся въ Ораніенбаумъ и сталъ отсюда посылать Екатеринѣ письма, прося о примиреніи. Послѣднее письмо привезъ ей одинъ изъ довѣренныхъ лицъ Петра, Измайловъ; онъ упалъ передъ нею на колѣни и сказалъ: «Вѣрите ли мнѣ, государыня, какъ честному человѣку?» — «Да,» отвѣчала Екатерина. — «Хорошо имѣть дѣло съ умными людьми», сказалъ Иамайловъ и объяснилъ, что Петръ III склоненъ къ отреченію отъ престола и что его можно уговорить, во избѣжаніе смутъ, подчиниться волѣ государыни. Екатерина охотно дала Измайлову это порученіе. Все было кончено мигомъ. Петръ III подписалъ отреченіе, и въ полдень 29-го іюня пріѣхалъ въ Петергофъ съ Елизаветой Воронцовой, со своимъ адъютантомъ Гудовичемъ, до конца ему не измѣнившимъ, и съ Измайловымъ. Подъ надзоромъ Алексѣя Орлова и нѣсколькихъ офицеровъ, его въ тотъ же день отправили въ Ропшу, имѣніе, находившееся въ 27 верстахъ отъ Петергофа, а между тѣмъ распорядились заготовить для него помѣщеніе въ Шлиссельбургѣ. Фридрихъ II отозвался о своемъ другѣ, что онъ свергнутъ съ престола, какъ ребенокъ, котораго отсылаютъ спать. Екатерина едва успѣла отдохнуть два часа. Войска, ея окружавшія, постоянно волновались объ ея безопасности и желали ее видѣть. Въ 10 часовъ вечера назначенъ обратный походъ въ Петербургъ. Екатерина опять ѣхала верхомъ всю ночь. Утромъ, 30-го іюня, послѣдовалъ торжественный въѣздъ въ Петербургъ; затѣмъ императрица присутствовала на обѣднѣ и молебствіи въ Казанскомъ соборѣ, дѣлала распоряженія, и почти не спавши и не ѣвши два дня, лишь на третью ночь надѣялась успокоиться, какъ вдругъ въ полночь ее опять разбудили. Подгулявшіе солдаты толковали, что пруссаки идутъ отнять у нихъ государыню, что они уже три часа ея не видѣли и не знаютъ, что съ нею. Ни начальники, ни сами Орловы не могли ихъ успокоить. Екатерина принуждена была ѣхать къ нимъ въ каретѣ и уговаривать ихъ, чтобы они дали ей наконецъ отдохнуть и слушались своихъ офицеровъ. Послѣ этого они смирно разошлись, оглядываясь на карету. Такъ Екатерина II утвердилась на престолѣ, безъ всякой смуты; разбито было лишь нѣсколько винныхъ погребовъ, да растащено вина на 35000 руб.: солдатки носили венгерское, пиво, медъ ушатами и безъ разбора лили все вмѣстѣ. Впрочемъ противъ безпорядковъ тотчасъ приняты были мѣры. Всѣ помощники Екатерины осыпаны были наградами, Орловы получили подъ конецъ графское достоинство; изъ лицъ же, бывшихъ на сторонѣ Петра, никто не подвергся преслѣдованіямъ. Минихъ даже пользовался п отомъ особенной почестью при

дворѣ. Гудовичъ спокойно дожилъ вѣкъ въ своей деревнѣ. Елизаветѣ Воронцовой купленъ домъ въ Москвѣ. Государыня просила только дать знать близкимъ къ ней людямъ, чтобы она «какъ нибудь не размахнулась во дворецъ.» Екатеринѣ уже не было опасеній, чтобы составился заговоръ въ пользу бывшаго государя: Петръ III едва семь дней прожилъ въ Ропшѣ, какъ получено извѣстіе о его смерти.

ХАРАКТЕРЪ ЕКАТЕРИНЫ II И ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЕЯ ЦАРСТВОВАНІЯ.

(Наказъ Уложенія).

При вступленіи на престолъ, Екатеринѣ предстояло много заботъ: въ казнѣ не доставало денегъ даже на уплату жалованья войску; въ сенатѣ и по всѣмъ частямъ управленія дѣла шли медленно и безпорядочно. Екатерина быстро двинула въ ходъ сильно разстроенную послѣ Петра I государственную машину, обновила все своимъ умомъ и неутомимой дѣятельностью. «У меня горячая голова», любила она говорить о себѣ. Когда однажды въ ея присутствіи толковали, чѣмъ она стала бы, еслибъ родилась мужчиной и въ простомъ званіи, то кто-то замѣтилъ, что она достигла бы чина фельдмаршала.—«Ошибаетесь,» отвѣчала Екатерина: «я сложила бы голову въ первой отчаянной схваткѣ, не достигнувъ и чина капитана». Эту горячность мы дѣйствительно видимъ въ ея широкихъ замыслахъ, въ энергіи и отвагѣ, съ какою она нхъ осуществляла, въ самомъ ея сочувствіи къ извѣстнымъ лицамъ. Умѣя выбирать людей, она цѣнила особенно «горячія головы.» Такими, по ея мнѣнію, были: Григорій Орловъ, Потемкинъ. Но горячность Екатерины была очень обдуманная: она сама хвалилась, что всегда умѣетъ представить двѣ стороны дѣла. Какъ ни увлекали ее славолюбіе, гордость, тщеславіе, она всегда сдерживала себя, если это было нужно, выжидала, холодно разсчитывала и порой казалась очень смиренной. При всѣхъ порывахъ пылкаго ума и многихъ слабостяхъ характера, Екатерина гордилась тѣмъ, что имѣла твердыя правила, которымъ постоянно слѣдовала. Французскій посланникъ Сегюръ однажды высказалъ ей свое удивленіе, какимъ чудомъ, будучи иностранкой и женщиной, она съумѣла многіе годы спокойно сохранить власть въ странѣ, гдѣ были такъ обычны при-

дворныя смуты. — «Очень просто, отвѣчала Екатерина: я создала себѣ правила, составила извѣстный, неизмѣнный планъ управленія. Здѣсь все постоянно; какъ было вчера, такъ будетъ и сегодня. Я не мѣняю своей воли; поэтому каждый знаетъ, чего держаться, и не безпокоится. Кому я дала мѣсто, тотъ увѣренъ, что сохранитъ его, если только не совершитъ преступленія. Такъ дѣлаю я безполезными доносы, ссоры и интриги. Конечно, и я могу ошибаться въ выборѣ людей; но если я замѣчаю кого не способнымъ, то, не лишая мѣста, дѣйствую чрезъ второстепенныхъ чиновниковъ. Избранный же остается въ своемъ званіи, потому что ужъ была моя вина, что я избрала его». И такъ, самая любовь къ власти заставляла Екатерину быть сдержанной и осторожной, не рѣдко въ ущербъ собственнымъ убѣжденіямъ; но въ тоже время она хотѣла окружить эту власть полнымъ величіемъ, основаннымъ не только на внѣшнемъ блескѣ и силѣ, но и на внутреннемъ достоинствѣ. Поэтому, часто осыпая милостями людей по своимъ личнымъ влеченіямъ, она для управленія избирала лишь тѣхъ, которые были способны выполнить ея обширные замыслы.

Въ сущности она сама во все входила и всѣмъ распоряжалась. Когда однажды разсуждали о петербургскомъ кабинетѣ, то есть, о дипломатахъ, завѣдывавшихъ сношеніями Россіи съ иностранными державами, принцъ де Линь, извѣстный остроумецъ своего времени, сказалъ: «Этотъ кабинетъ чрезвычайно маленькій: онъ простирается только отъ одного виска до другаго и отъ темени до переносицы.» Какъ въ своихъ учрежденіяхъ, такъ въ сношеніяхъ съ людьми и въ самыхъ забавахъ, Екатерина старалась показать, что она сочувствуетъ всѣмъ лучшимъ стремленіямъ своего времени, что высоко цѣнитъ умъ, талантъ, образованіе. Тогдашніе великіе французскіе писатели: Вольтеръ, Дидеро, д'Аламбертъ находились въ постоянной, дружеской съ нею перепискѣ: она приглашала ихъ въ Россію, обѣщая имъ свободу и безопасность, когда они подвергались гоненіямъ во Франціи. Иностранцы всѣхъ націй, замѣчательные по своему уму, вкусу и тонкому обращенію, придавали не мало блеска ея двору. Точно также и всѣ талантливые люди изъ русскихъ пользовались ея покровительствомъ. По складу своего практическаго ума, Екатерина не любила хитрыхъ мудрованій или туманныхъ фантазій, смѣялась надъ учеными, которые думали все объяснить, никогда не имѣя духу сказать двухъ словъ: «не знаю»,—надъ духовидцами и другими мечтателями, или фанатиками. Она искала во всемъ ясности, здраваго смысла и логики. По прежнему любимымъ чтеніемъ ея были серьезныя

книги политическаго или философскаго содержанія. Она развлекалась литературой, сама сочиняя легкія комедіи и оперы, которыя давались на придворномъ театрѣ. Обыденный образъ ея жизни былъ очень простъ. Она вставала рано, въ 7 или 6 часовъ, и, чтобъ не безпокоить прислуги, иногда сама затопляла печку; до 9 она писала какой нибудь изъ своихъ трактатовъ, или уставовъ, потомъ до 12 принимала министровъ и слушала доклады; кончивъ въ полчаса свой туалетъ, она принималась за чтеніе книгъ. Въ 2 часа она обѣдала: обѣдъ былъ очень скромный и состоялъ изъ трехъ, много четырехъ блюдъ; послѣ того она слушала иностранную почту, опять читала или развлекалась лѣпкою камеевъ. Въ 6 часовъ собирались гости, и начиналось представленіе на придворномъ театрѣ, или какое нибудь другое развлеченіе. Когда требовали обстоятельства, Екатерина, конечно, не разбирая времени, занималась дѣлами: сама, не довѣряя никому, писала указы, письма и даже опроверженія на разныя статьи иностранныхъ газетъ. Не ужинавъ, въ 10 часовъ, она обыкновенно уже ложилась спать. Мы здѣсь представили извѣстія изъ послѣднихъ годовъ ея царствованія; но и вообще таковъ былъ образъ ея жизни, который она не измѣняла, по возможности, даже въ дорогѣ. Когда многіе удивлялись этому постоянству, то она обыкновенно говорила: «Надо же мнѣ соблюдать какой нибудь порядокъ въ своемъ маленькомъ хозяйствѣ.» Подъ этимъ хозяйствомъ она разумѣла управленіе всею Россіей, и въ особенно счастливые дни своего царствованія любила повторять: «Мое маленькое хозяйство идетъ, кажется, не дурно.»

Современниковъ особенно поражала противоположность между славою ея громкихъ дѣлъ и ея простымъ обращеніемъ въ дружескомъ кругу, гдѣ она казалась веселою, любезной женщиной, внимательной ко всякому въ разговорѣ, добродушно смѣявшейся всякой невинной шуткѣ. Сегюръ удивлялся, какъ въ дорогѣ послѣ утомительныхъ встрѣчъ, слушанія долгихъ рѣчей, послѣ множества заботъ и дѣлъ, она находила еще довольно бодрости, чтобы, и въ минуты отдыха, расточать улыбки, пріятныя слова сообразно характеру каждаго, съ кѣмъ она говорила. Во время торжественныхъ пріемовъ она принимала театральную, величественную позу, съ какою ее обыкновенно и рисовали на портретахъ, говорила протяжно и вообще сохраняла важность сана; но въ обыкновенныхъ случаяхъ первою ея заботою было привлечь къ себѣ людей довѣрчивымъ, дружескимъ обхожденіемъ. Черкасову, посланному въ Ревель встрѣчать ѣхавшихъ ко двору нѣмецкихъ принцессъ, она между прочимъ писала: «И такъ вы угощаете на мой счетъ ревельскихъ дамъ шоколатомъ, кофеемъ и чаемъ:

каковъ любезникъ, который раззоряетъ своихъ друзей, чтобы понравиться хорошенькимъ нѣмочкамъ! Прощайте, будьте здоровы, а я купаться пойду за ваше здоровье... Bonjour, mon coeur... (прощайте, мое сердце). Что скажетъ исторія, если увидитъ это письмо? Она будетъ дѣлать предположенія,—и, увы,—ошибется». Туже задушевность мы находимъ и въ письмахъ къ ней ея приближенныхъ: Алексѣй Орловъ называлъ ее «добрымъ молодцемъ», Потемкинъ писалъ: «Матушка моя родная! прошу тебя и проч.» Кромѣ ласкъ и въ высшей степени утонченнаго вниманія, Екатерина не жалѣла наградъ для тѣхъ, кто чѣмъ нибудь отличился. Придворные слуги испытывали на себѣ туже ласку и любезность. Нѣкоторые и таскали, что попало, изъ дворца, пользуясь ея добродушіемъ. Одинъ изъ нихъ набралъ порядочную корзину всякихъ припасовъ, чтобы рано утромъ тихонько вынести изъ дворца, какъ вдругъ встрѣтился съ Екатериной. Онъ онѣмѣлъ отъ страха; но государыня шопотомъ сказала ему: «смотри, чтобъ не замѣтилъ гофмаршалъ» и сама провела его къ безопасному выходу. Разсказываютъ множество анекдотовъ о ея вниманіи къ бѣднымъ и сиротамъ, о нечаянныхъ встрѣчахъ съ нею, послѣ которыхъ сыпались милости. Ея шутливая веселость порою прорывалась и во время оффиціальныхъ пріемовъ. Однажды представлялся ей какой-то старый генералъ временъ Елизаветы. Желая сказать ему какую нибудь любезность, Екатерина замѣтила: «Я очень рада, я васъ совсѣмъ не знала». — «И я васъ до сихъ поръ не зналъ!» отвѣчалъ неудачно генералъ.—«Ну, да и гдѣже знать меня, бѣдную вдову!» возразила съ усмѣшкой Екатерина.

Она хотѣла также показать, что лишь съ отвращеніемъ и въ самыхъ крайнихъ случаяхъ прибѣгаетъ къ ссылкамъ и казнямъ. За рѣзкіе и недружелюбные о себѣ отзывы она обыкновенно не преслѣдовала, довольствуясь называть такихъ людей «вралями». Иногда она карала виновныхъ однимъ стыдомъ, который былъ тяжелѣе пытки. Отецъ Дашковой, Воронцовъ, бывши губернаторомъ во Владимірѣ, запятналъ себя лихоимствомъ. Во время одного торжества, когда онъ ожидалъ обычной награды, онъ получаетъ отъ государыни пакетъ, распечатываетъ его при всемъ собраніи и находитъ громадный кошелекъ. Это такъ поразило старика, что онъ слегъ въ постель и вскорѣ умеръ. Но здѣсь причиной нѣкоторой суровости, можетъ, было и то, что дѣло шло объ отцѣ нелюбимой ею Дашковой; на нѣкоторую безпутность любимцевъ, подобныхъ Потемкину, она смотрѣла сквозь пальцы. Екатерина особенно радовалась довѣрію, какое умѣла возбуждать къ себѣ въ людяхъ, и никогда не выдавала повѣренной ей

тайны. Во время последней войны съ Турціей, государынѣ наговорили, что Франція, какъ и прежде, интригуетъ противъ Россіи въ Константинополѣ. Она стала гнѣваться на французскаго посланника, говоря: «Сегюръ меня все обманываетъ, представляя не то, что въ получаемыхъ имъ депешахъ». Сегюръ въ это время какъ разъ получилъ депешу отъ французскаго уполномоченнаго по дѣламъ Турціи, гдѣ напротивъ говорилось о стараніи Франціи побудить султана къ миру и объ интригахъ противъ Россіи англичанъ и пруссаковъ. Чтобы убѣдить императрицу, онъ рѣшился представить ей самую депешу съ шифромъ, которымъ она была писана, и съ подстрочнымъ его переводомъ. Открыть шифръ считалось преступленіемъ, равнымъ государственной измѣнѣ, но Сегюръ разсчитывалъ на Екатерину. Онъ запечаталъ пакетъ съ надписью: «не императрицѣ, а Екатеринѣ» и поручилъ принцу Нассаускому передать его въ секретной аудіенціи. Государыня, узнавъ, что пакетъ отъ Сегюра, нахмурилась; но, пробѣжавъ надпись, быстро распечатала и стала читать депешу. Принцъ отступилъ, дѣлая видъ, что хочетъ уйти; но Екатерина бросилась, схватила его за руку и удержала. Прочитавъ переводъ депеши въ его присутствіи, она ему возвратила ее, не взглянувъ болѣе на шифръ, и сказала: «Поблагодарите г-на Сегюра, что онъ меня понялъ; я этого никогда не забуду». На другой день всѣ удивлялись, отчего государыня вдругъ стала такъ милостива и любезна съ французскимъ посланникомъ, но никто никогда не узналъ этому причины, и только ужъ много лѣтъ спустя послѣ смерти Екатерины Сегюръ разсказалъ объ этомъ въ своихъ Запискахъ. Екатерина глубоко изучила людей и потому умѣла привязать ихъ такъ, что, по одному ея слову, каждый готовъ былъ идти въ огонь и въ воду. Своимъ генераламъ она писала не иначе, какъ «ступайте туда-то, разбейте непріятеля тамъ-то»—и все исполнялось по ея волѣ.

Указавъ эти блестящія стороны въ характерѣ Екатерины, мы должны упомянуть и о ея недостаткахъ. Она была порою не въ мѣру вспыльчива и не выслушивала, какъ слѣдуетъ, представляемыхъ ей доводовъ, хотя потомъ обыкновенно каялась и извинялась; привыкнувъ къ поклоненію и къ вѣчнымъ похваламъ, она слишкомъ поддавалась лести и негодовала на тѣхъ, кто раскрывалъ непріятную для нея правду, хотя-бы это дѣлалось изъ усердія къ общей пользѣ: эта раздражительность и нетерпимость особенно усилилась въ послѣдніе годы ея царствованія. Давая слишкомъ много власти своимъ любимцамъ, она часто прощала имъ и явныя злоупотребленія. Еще большимъ упрекомъ ей служитъ то, что, желая прославиться своей щед-

ростью, она очень неумѣренно тратила государственную казну на награды отдѣльнымъ лицамъ. Много было сдѣлано ею полезнаго, но много пожертвовано и для одного внѣшняго блеска. Вообще, что касается внѣшняго величія и могущества Россіи, Екатерина совершила не менѣе Петра Великаго; въ дѣлахъ-же внутренняго благоустройства ея попытки не были такъ успѣшны, какъ это можно было ожидать при высказанныхъ ею добрыхъ намѣреніяхъ и желаніяхъ.

Вступивъ на престолъ, Екатерина прежде всего должна была позаботиться объ утвержденіи своей власти. Ея избраніе съ восторгомъ встрѣчено въ Петербургѣ, но въ Москвѣ и въ остальной Россіи ее еще мало знали, между тѣмъ переворотъ казался насильственнымъ, потому что, не говоря уже о низложеніи Петра III-го, наслѣдовать умершему государю долженъ-бы сынъ его Павелъ. Екатерина, не откладывая дѣла, поѣхала въ Москву короноваться, и здѣсь прожила всю зиму. Всѣ ея первыя дѣйствія клонились къ тому, чтобы успокоить умы и показать, какъ ревнуетъ она къ выгодамъ Россіи. Войска, помогавшія Фридриху II-му, возвращены на родину, и Екатерина объявила, что будетъ воевать только тогда, когда найдетъ въ этомъ пользу. Впрочемъ союзный договоръ съ прусскимъ королемъ сохранилъ свою силу. Желая облегчить народъ, она велѣла сбавить пошлину съ соли и вооружилась противъ взяточничества, противъ монополій и привилегій. Она сильно была возмущена, когда узнала, что брали взятки даже за приведеніе къ присягѣ: увеличивъ оклады, она надѣялась найти лучшихъ чиновниковъ. Уничтожены тюленій, рыбный и табачный откупа: лишь смольчугъ и поташъ, ради сохраненія лѣсовъ, на время остались въ вѣдѣніи казны. Запрещенъ вывозъ хлѣба за границу только въ случаѣ дороговизны его въ Россіи. Законъ Петра III объ отобраніи въ казну монастырскихъ имѣній былъ вновь пересмотрѣнъ: Екатерина не рѣшилась его отмѣнить; но назначила изъ духовныхъ лицъ комиссію, чтобы точнѣе опредѣлить, какія предоставить доходы и содержаніе духовенству взамѣнъ утраченныхъ имъ доходовъ съ крестьянъ. Съ другой стороны, выставляя себя ревнительницей вѣры, она, послѣ коронаціи, благосклонно выслушала рѣчь пріѣхавшаго въ Москву могилевскаго епископа, Георгія Конисскаго, о притѣсненіяхъ, какія терпѣли отъ поляковъ христіане греческой вѣры въ западно-русскомъ краѣ. Этимъ она показала, что приметъ ихъ подъ свою защиту, вмѣшавшись въ дѣла Польши, и, какъ увидимъ потомъ, она исполнила свое намѣреніе. Обращая вниманіе на окраины Россіи, она настояла, чтобы герцогомъ Курляндіи опять былъ избранъ возвращенный изъ ссылки, старикъ Биронъ, и сама посѣтила Ригу и Митаву.

здѣсь уже встрѣчали ее, какъ государыню: Биронъ и его семейство прислуживали ей за столомъ: въ городахъ устраивались ей торжественные пріемы; дѣвицы, одѣтыя въ бѣлое платье, сыпали ей на пути цвѣты, и проч. Но посреди этихъ заботъ приходилось усмирять и нѣкоторыя волненія. Были смуты и между крестьянами, были и придворныя козни. Когда государыня еще жила въ Москвѣ, возвращенный изъ ссылки Бестужевъ сталъ, по своему обыкновенію, услуживать Григорію Орлову и задумалъ устроить бракъ его съ государыней, подобно тому какъ прежде Елизавета находилась въ скрытомъ бракѣ съ Разумовскимъ. Екатеринѣ не былъ противенъ такой союзъ; но противъ него возстали канцлеръ Воронцовъ, Кирилла Разумовскій и Панинъ. Происшедшіе при этомъ толки и дрязги въ высшемъ обществѣ сильно возмутили государыню; особенно самолюбивая Дашкова, разувѣрившись въ своей надеждѣ играть видную роль при дворѣ, во всѣхъ домахъ открыто хулила Екатерину. Государыня успокоила всѣхъ, объявивъ, что не думаетъ о бракѣ; но Дашкова утратила все ея расположеніе и на долгое время принуждена была уѣхать за границу. Другіе также удалены отъ двора; всю власть сохранилъ только Никита Панинъ, искусно завѣдывавшій иностранными дѣлами: онъ тогда уже оставилъ свою мысль поставить сенатъ чуть не наравнѣ съ царской властью; подобная мысль не могла понравиться Екатеринѣ.

Въ 1764-мъ году, произошло другое, болѣе непріятное для Екатерины происшествіе. Нѣкто изъ малороссіянъ, поручикъ Василій Мировичъ, тщетно домогаясь помочь своимъ сестрамъ возвращеніемъ родовыхъ имѣній, отнятыхъ у дѣда его Петромъ I за участіе въ дѣлѣ Мазепы, задумалъ выдти въ люди, составивъ отчаянный планъ освободить заключеннаго въ Шлиссельбургѣ Іоанна Антоновича. Какъ ни сумасброднымъ казался подобный замыселъ, но примѣръ Лестока, Миниха и Орловыхъ сильно соблазнялъ его. Мировичъ, держа въ Шлиссельбургѣ караулъ отъ Смоленскаго пѣхотнаго полка, привлекъ часть солдатъ на свою сторону, а другихъ убѣдилъ, показавъ вымышленный манифестъ, которымъ будто-бы государыня повелѣвала освободить Іоанна. Солдаты могли этому вѣрить, потому что еще Петръ III посѣщалъ несчастнаго узника и даже, какъ носились слухи, думалъ помѣстить его у себя во дворцѣ. Екатерина также имѣла съ нимъ свиданіе. Іоаннъ въ то время былъ совсѣмъ помѣшаннымъ: ѣлъ съ жадностью все безъ разбора; то на всѣхъ кидался, то по цѣлымъ часамъ молча сидѣлъ или ходилъ въ своей комнатѣ; толковалъ, что лишь тѣло его, Іоанна, а самъ онъ небесный духъ, хотѣлъ быть митрополитомъ, и проч. Въ два часа ночи Мировичъ кинулся на

стражу, охранявшую Іоанна, безъ большаго труда одолѣлъ ее, вломился въ комнату, гдѣ былъ заключенъ Іоаннъ, и—нашелъ его уже мертвымъ. Офицера, державшіе стражу, закололи несчастнаго, исполняя предписаніе, данное еще при Елизаветѣ, на случай попытки къ освобожденію. Мировичъ такъ былъ пораженъ этой развязкой, что безъ сопротивленія отдался въ руки стражи. «Тутъ я одинъ виноватъ»—сказалъ онъ. Его предали суду и казнили. Но такое неожиданное событіе сильно смутило Екатерину, которая въ то время путешествовала въ прибалтійскомъ краѣ. Ей было тѣмъ болѣе прискорбно, что иностранцы разнесли клевету, будто она сама подстрекнула Мировича, чтобы избавиться отъ Іоанна. Желая заглушить всѣ толки, она назначила на 1766-ой годъ великолѣпный праздникъ, каррусель. Тутъ всѣ придворные, кавалеры и дамы, явились въ великолѣпныхъ, римскихъ, турецкихъ, индѣйскихъ и славянскихъ костюмахъ. Упражнялись въ скачкѣ на коняхъ, въ метаніи копій, въ примѣрныхъ битвахъ. Многія изъ дамъ выказали необыкновенную ловкость и получили призы. Предсѣдательствовалъ на праздникѣ и раздавалъ награды старый фельдмаршалъ, 83-лѣтній Минихъ. Вслѣдъ за тѣмъ, въ концѣ 1766-го года является знаменитый манифестъ о созваніи депутатовъ изъ всѣхъ сословій для составленія новаго уложенія. Весною слѣдующаго года начались во всей Россіи выборы въ депутаты, и императрица предприняла путешествіе по Волгѣ въ богаторазубранной галерѣ. Ее сопровождали Орловы и другіе вельможи, также какъ иностранные послы. Слава о ея распоряженіяхъ уже разнеслась повсюду. Въ городахъ купечество и въ деревняхъ помѣщики устраивали ей блестящія встрѣчи; народъ толпами бѣжалъ по берегу отъ села къ селу вслѣдъ за галерой. Екатерина ласково толковала со всѣми, начиная отъ властей и дворянъ до послѣдняго рыбака; посѣщала на пути церкви и монастыри, останавливалась въ усадьбахъ у извѣстныхъ ей дворянъ. Это путешествіе произвело на государыню сильное впечатлѣніе. Тутъ узнала она, по ея словамъ, какъ многоразлична Россія, какъ необходимо знать нужды края, чтобы дать дѣльные законы и вообще «набрала мыслей на цѣлыхъ 10 лѣтъ». Екатерина проѣхала по Волгѣ отъ Твери до Симбирска и отсюда отправилась сухимъ путемъ въ Москву, куда уже собрались избранные депутаты.

Мы знаемъ, что Екатерина прилежно изучала современныхъ ей французскихъ писателей. Большая часть изъ нихъ были извѣстны подъ именемъ «энциклопедистовъ». Съ 1751 по 1777-ой годъ Дидеро и Д'Аламберъ издавали сначала во Франціи, а потомъ въ Голландіи «энциклопедію», громадный трудъ въ 28-ми томахъ, гдѣ, въ алфавит-

номъ порядкѣ словъ, помѣщены объясненія по всѣмъ отраслямъ знанія, по всѣмъ наукамъ, искуствамъ и ремесламъ. Тутъ участвовали своими статьями, кромѣ названныхъ нами двухъ писателей, Вольтеръ, Руссо, Гриммъ, Гольбахъ, и проч. Рядомъ съ научными толкованіями, мы находимъ въ этомъ энциклопедическомъ лексиконѣ и новые взгляды, какіе эти писатели вообще выражали въ своихъ сочиненіяхъ. Желая обновить тогдашнее французское общество, гдѣ духовенство и дворянство, захвативши всю власть, истощали народъ тяжкими налогами, держали его въ рабствѣ и невѣжествѣ, они проповѣдывали человѣколюбіе и равенство всѣхъ передъ закономъ, нападали на всѣ старинныя суевѣрія, мѣшавшія свободному развитію ума, и требовали законовъ, которые соотвѣтствовали бы разумной природѣ человѣка. Но они вообще мало обращали вниманія на нравы и обычаи народа, на его требованія и привычки, а думали прямо разрушить старое и пересоздать людей, чтобы внести въ жизнь новые, лучшіе порядки. Нѣсколько иначе смотрѣлъ на тоже дѣло французскій писатель Монтескьё, жившій немного ранѣе (умеръ въ 1755-мъ году). Въ своей книгѣ «Духъ Законовъ» онъ именно объясняетъ, какъ законы у каждаго народа рождались изъ его нравовъ и обычаевъ и, слѣдовательно, улучшенія возможны не по составленному произвольно образцу, а согласно съ духомъ и характеромъ каждаго народа. Монтескьё впрочемъ былъ приверженцемъ англійскаго образа правленія, гдѣ о томъ, какіе установить законы, рѣшали представители, избранные изъ достаточныхъ классовъ общества. Подобно энциклопедистамъ, онъ также направлялъ свои стрѣлы противъ произвола, безправія и безпутства, господствовавшихъ тогда во Франціи. Подъ конецъ энциклопедистами стали называть не только участниковъ знаменитой энциклопедіи, но и вообще людей, державшихся въ прошломъ столѣтіи тѣхъ новыхъ воззрѣній, какія были высказаны энциклопедистами. Къ такимъ особенно относится Беккарія (род. въ Миланѣ въ 1735-мъ году, умеръ въ 1793-мъ), итальянскій писатель, прославившійся своимъ сочиненіемъ «О преступленіяхъ и наказаніяхъ», въ которомъ не столько съ ученостью, сколько съ необыкновеннымъ краснорѣчіемъ возстаетъ противъ жестокаго обхожденія съ преступниками, обычнаго въ тогдашнее время, и противъ смертной казни. Вліяніе этихъ писателей у насъ началось еще при Елизаветѣ. По ходатайству Ивана Шувалова, Вольтеръ избранъ былъ членомъ русской академіи наукъ, и ему поручено писать исторію Петра Великаго, для чего были сообщены и матеріалы. Но Екатерина, воспитанная на сочиненіяхъ энциклопедистовъ, особенно гордилась сближеніемъ съ ними. Вольтеръ называлъ ее: «моя дорогая императрица, Семирамида, ко-

торой предназначено взять Константинополь и возстановить отечество Перикла и Алкивіада (то есть, Грецію)». И Екатерина знала, чѣмъ понравиться французскому философу. Намекая на русскую вѣротерпимость, она писала: «Я думаю, вамъ пріятно было бы сидѣть за столомъ, гдѣ вмѣстѣ сидятъ православный, еретикъ и мусульманинъ и спокойно слушаютъ идолопоклонника, совѣщаясь о томъ, какъ бы найти мнѣніе, которое могло-бы быть принято всѣми». Екатерина постоянно имѣла подъ руками французскую энциклопедію и пользовалась ею для справокъ при рѣшеніи какого нибудь общаго вопроса по управленію; кромѣ Вольтера она дружески переписывалась съ Дидеро, съ Гриммомъ. Дидеро посѣщалъ даже Петербургъ по ея приглашенію; когда, будучи въ крайней нуждѣ, онъ рѣшился продать свою библіотеку, то Екатерина купила ее за огромную сумму и оставила въ его пользованіи до самой смерти, назначивъ еще ему жалованье, какъ библіотекарю. «Правители, говорила она, обязаны поощрять таланты: иначе подумаютъ, что у нихъ самихъ нѣтъ талантовъ». Подъ вліяніемъ любимыхъ авторовъ, Екатерина высказывала такія мнѣнія: «Свобода—душа всѣхъ вещей. Когда правда и разумъ на нашей сторонѣ, то должно выставлять ихъ передъ всѣми. Власть безъ народнаго довѣрія ничего не значитъ. Я желаю, чтобы изъ лести мнѣ говорили истину. Кто не старается отыскать заслуги и не открываетъ ее, тотъ не достоинъ и не способенъ царствовать. Мы нуждаемся въ населеніи, а не въ опустошеніяхъ: наполните жителями наши обширныя пустыни».

Но при этомъ увлеченіи идеями великихъ писателей, она далеко имъ не сочувствовала, когда они думали по своему примѣнять ихъ въ Россіи, считая необходимымъ, по ея выраженію, сдѣлать русскихъ изъ четвероногихъ двуногими. Дидеро, славнаго своимъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ, она слушала много и охотно, но чуть пожелалъ онъ видѣть уничтоженіе въ Россіи всѣхъ старыхъ порядковъ, она ему сказала: «Я съ величайшимъ удовольствіемъ слушаю все, что внушаетъ вамъ вашъ блестящій вашъ умъ; но съ вашими великими началами, которыя я очень хорошо понимаю, можно писать прекрасныя книги и устроить плохое дѣло. Въ вашихъ преобразовательныхъ планахъ вы упускаете изъ виду разницу между моимъ и вашимъ положеніемъ: ваша работа на бумагѣ, которая гладка, ровна, все терпитъ, не представляя препятствій ни воображенію, ни перу; а я, бѣдная императрица, должна работать на человѣческой кожѣ, которая не въ примѣръ чувствительнѣе». Мы увидимъ далѣе, что Екатерина, опасаясь смутъ, которыя могли-бы поколебать ея власть, порою отказы-

валась и отъ самыхъ необходимыхъ и умѣренныхъ улучшеній, вначалѣ ею задуманныхъ; но многое было и сдѣлано по мысли преобразователей, подобныхъ Дидеро. Такъ и мысль о созваніи комиссіи для составленія новаго уложенія отчасти внушена энциклопедистами. Для этой комиссіи государыня сочинила «Наказъ», въ которомъ многія мѣста почти цѣликомъ взяты изъ Монтескьё и Беккаріи. Познакомимся нѣсколько съ этимъ замѣчательнымъ сочиненіемъ.

Въ началѣ Екатерина говоритъ, что наиболѣе естественны тѣ законы, которые сообразны съ расположеніемъ народа, для котораго писаны. Объясняя далѣе, что, по самой обширности государства, въ Россіи необходима самодержавная власть, она прибавляетъ: «Предметъ и цѣль монархическаго правленія есть слава гражданъ, государства и самого государя». Равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подчинены были тѣмъ-же законамъ; вольность состоитъ въ возможности дѣлать то, чего слѣдуетъ желать, и въ томъ, чтобъ не быть принужденнымъ дѣлать то, чего желать не слѣдуетъ. Для этого законъ долженъ быть таковъ, чтобы одинъ гражданинъ не могъ бояться другаго, а всѣ боялись бы однихъ законовъ. Приводя далѣе примѣры разнообразія народныхъ нравовъ и обычаевъ, Екатерина объясняетъ по Монтескьё: «Законодательство должно примѣняться къ народному духу; мы ничего такъ хорошо не дѣлаемъ, какъ то, что дѣлаемъ вольно, безъ принужденія, слѣдуя нашей природной наклонности». Для введенія лучшихъ законовъ нужно приготовить умы, но чтобы это не служило отговоркою при выполненіи полезнаго дѣла. Законами исправляется лишь то, что установлено законами; обычаи-же должно исправлять не законами, а обычаями. Послѣ этого Екатерина разсуждаетъ о наказаніяхъ за преступленія. Каждое наказаніе должно быть назначаемо не по прихоти законодателя, а проистекать изъ сущности преступленія. Важнѣе всего, чтобы преступленіе было открыто: стыдъ уличеннаго уже есть тяжелая кара, и въ правленіи умѣренномъ больше стараются предупреждать преступленія, чѣмъ ихъ наказывать. «Слѣдуетъ болѣе стараться, чтобы узаконеніями внушить добрые нравы въ гражданахъ, чѣмъ приводить духъ ихъ въ уныніе казнями». Екатерина не отвергаетъ казни, но называетъ ее лекарствомъ больнаго общества. По ея мнѣнію кроткими наказаніями можно достигнуть той же цѣли, какъ и жестокими, лишь бы стыдъ слѣдовалъ за наказаніемъ, а гдѣ этого стыда нѣтъ, тамъ причиною такого зла «тиранство, налагающее одинаковыя наказанія на беззаконныхъ и добродѣтельныхъ». Нѣтъ такой жестокой кары, которая наконецъ не перестала-бы дѣйствовать на людей, когда они къ ней

привыкнутъ. Часто законодатель, врачуя зло, думаетъ только о его уврачеваніи, а не обращаетъ вниманія на послѣдствія самаго врачеванія. «Когда зло пресѣклось, то мы не видимъ болѣе ничего, кромѣ суровости законодателя; но въ народѣ остается зло, происшедшее отъ этой жестокости: умы людей испортились; они привыкли къ насилію». «Всѣ наказанія, которыя уродуютъ человѣческое тѣло, должно отмѣнить». Далѣе Екатерина входитъ въ подробности касательно устройства суда, при чемъ повторяетъ многое, сказанное прежде. Указавъ на обязанности судьи, она замѣчаетъ, какъ необходимо по возможности устранить тѣ противорѣчія, которыя вкрадываются въ законы отъ ихъ многосложности, отъ различнаго ихъ толкованія, отъ злоупотребленій. Въ правленіи умѣренномъ принимаютъ въ уваженіе жизнь, имѣніе, честь и самаго малаго изъ гражданъ, и не отнимаютъ ни у кого чести или имѣнія, прежде чѣмъ не будетъ сдѣлано долгое и строгое изысканіе истины. Отвѣтчикъ долженъ или самъ себя защищать, или выбрать для себя защитника. Для улики необходимо не менѣе двухъ свидѣтелей. Противъ пытки вопіетъ само человѣчество. Въ случаѣ важныхъ обвиненій, подсудимымъ слѣдуетъ дать право избирать себѣ судей или устранять изъ нихъ тѣхъ, кого не желаютъ. По возможности равный судится равнымъ, а не такъ, чтобы судья предпочитался по чину. Нельзя задерживать гражданина, могущаго дать за себя поруку, исключая развѣ преступленій государственныхъ.

Разсуждая далѣе о порядкѣ уголовнаго суда, Екатерина замѣчаетъ: «всякое наказаніе несправедливо, если оно не было необходимо для общественной безопасности». Наказывать можетъ лишь законъ, а не отдѣльное лице по своему произволу, и самые судьи не имѣютъ права толковать по своему законъ, а слѣдуютъ его буквѣ. Поэтому законы должны быть написаны точно, ясно и языкомъ простымъ, понятнымъ каждому. Они должны составлять дешевую, общеупотребительную книгу, на подобіе букваря, чтобы каждый зналъ о своихъ правахъ и обязанностяхъ. Такую книгу полезно бы читать и въ школахъ, обучающихъ грамотѣ. Жестокость наказанія несправедлива уже потому, что она безполезна. Быть взятымъ подъ стражу уже составляетъ наказаніе, и законъ долженъ съ точностью опредѣлить случаи, когда это необходимо. Заключенный, прежде рѣшенія суда, еще не считается преступникомъ, и его слѣдуетъ содержать со всякимъ вниманіемъ и не въ одномъ мѣстѣ съ преступниками. Такое заключеніе должно быть, какъ можно, кратковременнѣе. Несовершенныхъ доказательствъ виновности необходимо имѣть очень много, чтобы соста-

вить одно совершенное доказательство. Приговоры судей, также какъ и доказательства преступленій, должны быть вѣдомы всему народу. «Пытка, объясняетъ Екатерина уже въ третій или четвертый разъ, нарушаетъ всякую справедливость». Нельзя мучить того, кто еще не осужденъ судомъ; если же онъ осужденъ, то наказывается по закону. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ пытка не имѣетъ смысла. «Можно-ли больше вѣрить человѣку, когда онъ бредитъ въ горячкѣ, чѣмъ когда онъ въ здравомъ разсудкѣ и добромъ здоровьи?» Наказаніе соразмѣряется съ преступленіемъ; но достаточно, чтобы зло, имъ причиняемое, превосходило выгоды, ожидаемыя отъ преступленія, взявши въ разсчетъ и извѣстность наказанія. Гдѣ законы были слишкомъ суровы, тамъ они большею частію не исполнялись. Смертная казнь можетъ быть необходима лишь въ одномъ случаѣ, когда преступникъ, будучи лишенъ свободы, имѣетъ еще средства возмущать народное спокойствіе. Но такихъ случаевъ не можетъ быть въ обыкновенномъ состояніи государства, твердаго своей внутренней силою, то есть, мнѣніемъ гражданъ. Смерть производитъ сильное впечатлѣніе, но, какъ всѣ сильныя впечатлѣнія, оно скоро исчезаетъ: отъ беззаконій лучше воздержитъ примѣръ долговременнаго лишенія свободы. Кто нарушаетъ общественный порядокъ, тотъ удаляется изъ общества; но слѣдуетъ имѣть болѣе важныя причины къ осужденію гражданина, чѣмъ иностранца. Для лжесвятошъ и притворно вдохновенныхъ нѣтъ другаго наказанія, кромѣ безчестія и посмѣянія; напротивъ всякая тѣлесная кара лишь возвышаетъ ихъ гордыню, и бывали примѣры, что многіе изъ такихъ сами приходили въ бывшую Тайную канцелярію, прося о наказаніи. Важна не суровость наказанія, а то, чтобы оно какъ можно скорѣе слѣдовало за преступленіемъ и чтобы никто не могъ избѣжать его. Вслѣдъ затѣмъ Екатерина устанавливаетъ нѣкоторыя степени преступленій, начиная отъ самыхъ важныхъ до наименѣе значительныхъ. Для предупрежденія преступленій лучшимъ средствомъ она находитъ распространеніе просвѣщенія, хорошее воспитаніе.

Далѣе идетъ рѣчь о томъ, какъ обходиться съ подвластными, какъ избѣгать случаевъ, чтобы «не приводить людей въ неволю», какъ предотвратить злоупотребленія рабства. Екатерина желаетъ поддержать узаконеніе Петра I, по которому имѣнія помѣщиковъ, мучившихъ своихъ крестьянъ, отдавались въ опеку, и полагаетъ возможнымъ сдѣлать «нѣчто полезное для собственнаго имущества рабовъ», приводитъ примѣры изъ Монтескье объ обхожденіи съ рабами у спартанцевъ и аѳинянъ, но считаетъ опаснымъ освобождать разомъ боль-

шое число народа. Далѣе, въ главѣ о размноженіи населенія, Екатерина сильно скорбитъ, что между крестьянами выживаетъ едва четвертая часть рождающихся, что многія земли опустѣли, и угнетеніе народа, послѣ многихъ вѣковъ рабства, какъ бы вошло въ обычай. Причиной зла, по ея мнѣнію, непомѣрныя подати, какими обременяютъ крестьянъ многіе помѣщики: крестьяне, не имѣя ничего своего, видятъ въ земляхъ, которыми владѣютъ, лишь предлогъ къ своему утѣсненію, живутъ въ горькой нищетѣ, все болѣе хирѣютъ изъ поколѣнія въ поколѣніе и вымираютъ отъ нужды, отъ болѣзней. «Родившись въ уныніи и въ бѣдности, въ насиліи, или въ принятыхъ правительствомъ лживыхъ разсужденіяхъ, видѣли они свое истребленіе, часто не примѣтивъ и причинъ его.» Далѣе, въ главѣ «о рукодѣліи и торговлѣ», Екатерина опять говоритъ: «Не можетъ земледѣліе процвѣтать тамъ, гдѣ никто не имѣетъ ничего собственнаго». Изъ всего этого явно, что Екатерина вначалѣ имѣла мысль о постепенномъ освобожденіи крестьянъ, но высказывала ее не прямо. Представляя, какъ важны для страны земледѣліе и промыслы, она много распространяется о лѣнивыхъ людяхъ, которые всегда надмѣнны и воображаютъ себя властелинами надъ трудящимися именно потому, что ничего не дѣлаютъ. Въ разсужденіи о торговлѣ кратко говорится о томъ, что надо понимать подъ свободою торговли, о таможняхъ, о банкахъ, о пробѣ, и проч. Екатерина тутъ мало высказываетъ своихъ мнѣній, а все больше приводитъ примѣры изъ древне-греческой жизни и изъ англійскихъ узаконеній.

Слѣдуетъ глава о воспитаніи, состоящая лишь изъ общихъ замѣчаній. «Всякій родитель, сказано здѣсь, долженъ воздерживаться при своихъ дѣтяхъ не только отъ дѣлъ, но и отъ словъ, клонящихся къ неправосудію и насилію, какъ-то: брани, клятвы, дракъ, всякой жестокости и тому подобныхъ поступковъ и не дозволять людямъ, окружающимъ дѣтей, давать такіе дурные примѣры. Онъ запрещаетъ дѣтямъ и тѣмъ, кто за ними ходятъ, лгать, даже въ шутку, ибо ложь есть вреднѣйшій изъ пороковъ». Вообще должно внушать дѣтямъ трудолюбіе, приличіе, состраданіе къ бѣднымъ, наклонность къ домостроительству, къ опрятности и чистотѣ. Послѣ этого въ Наказѣ разсматриваются отдѣльныя сословія. Объяснивъ значеніе дворянства, Екатерина замѣчаетъ, что «пріобрѣтать это достоинство можно не только военными, но и гражданскими заслугами». Къ среднему сословію причислены тѣ, которые, не будучи дворянами или земледѣльцами, занимаются художествами, науками, торговлею, ремеслами, и также всѣ, окончившіе курсъ въ учрежденныхъ тогда училищахъ. Послѣ

краткаго разсужденія о городахъ идетъ рѣчь о наслѣдствѣ, при чемъ приведены въ примѣръ законы аѳинскіе, римскіе, германскіе. Екатерина по этому предмету между прочимъ говоритъ: «Я болѣе стою за раздѣленіе имѣнія: земледѣліе тутъ болѣе выигрываетъ, да и государству болѣе пользы имѣть нѣсколько тысячъ поддавныхъ съ умѣреннымъ достаткомъ, чѣмъ нѣсколько сотъ великихъ богачей». Далѣе, въ главѣ «о составленіи и слогѣ законовъ» различены постоянные, неизмѣнные законы и временныя установленія вмѣстѣ съ указами. Пиша законы, надо избѣгать лишнихъ толкованій, затемняющихъ ихъ смыслъ, и другихъ подробностей, въ родѣ исключеній, ограниченій, и проч. Въ слогѣ ихъ слѣдуетъ разсчитывать на людей посредственнаго разума, и потому остерегаться всякихъ громкихъ фразъ и фигурныхъ выраженій. Примѣромъ можетъ служить Уложеніе Алексѣя Михайловича. Если законы придаютъ важность дѣйствіямъ, не имѣющимъ отношенія ни къ пороку, ни къ добродѣтели, то слѣдствіемъ этого бываетъ, что важное дѣло станетъ считаться незначительнымъ. Особенной точности и ясности Екатерина требуетъ въ законахъ, касающихся оскорбленія Величества. «Называть оскорбленіемъ Величества дѣйствіе, которое, по своей сущности, не заключаетъ этого, есть самое насильственное злоупотребленіе,» и Екатерина приводитъ примѣры такихъ злоупотребленій изъ исторіи Рима, изъ обычаевъ Китая. По ея мнѣнію, въ этомъ случаѣ разговоры и даже письма не могутъ служить признакомъ преступленія, если не соединены съ преступнымъ дѣйствіемъ: въ словахъ столько шаткаго и неопредѣленнаго, что ихъ всегда можно перетолковать въ другую сторону; иногда молчаніе выражаетъ болѣе, чѣмъ всякіе разговоры. «Язвительныя сочиненія, не составляя преступленія, подлежатъ лишь разсмотрѣнію городскаго начальства; но необходимо весьма остерегаться, чтобы не простирать изысканій объ этомъ слишкомъ далеко, представляя себѣ ту опасность, что умы почувствуютъ притѣсненіе и угнетеніе, а это ничего другаго не произведетъ, какъ невѣжество, уничтожитъ дарованія и охоту писать». Наряжать для нѣкоторыхъ случаевъ особыхъ судей, кромѣ суда обыкновеннаго, Екатерина считаетъ безполезнымъ: мало надежды, чтобы такіе судьи въ своихъ пристрастныхъ рѣшеніяхъ не оправдывались какою-то государственною пользою, данными имъ повелѣніями и собственнымъ страхомъ. Весьма также вредны преслѣдованія за вѣру, и слѣдуетъ быть весьма осторожнымъ въ изслѣдованіи дѣлъ о волшебствѣ и о еретикахъ, чтобы не нарушить тишину, вольность и благосостояніе гражданъ. Обвиненія здѣсь больше падаютъ не на поступки, а на воображаемый характеръ гражданина, и

человѣкъ самаго безукоризненнаго поведенія въ этомъ случаѣ можетъ быть заподозрѣнъ въ преступленіи. На все это также приведены историческіе примѣры. Въ слѣдующей главѣ говорится о признакахъ, по которымъ можно узнать паденіе государства; сюда относятся: неуваженіе къ законамъ и ихъ представителямъ, когда законы не исполняются, или такъ плохи, что зло рождается отъ самаго лекарства,— поврежденіе нравовъ, умноженіе казней, ослабленіе любви къ отечеству, когда частныя лица, думая лишь о наживѣ, захватываютъ то, что прежде было народнымъ достояніемъ, и проч. Правитель не можетъ, выказывая свою власть, измѣнять порядокъ вещей по своимъ фантазіямъ: есть случаи, когда онъ можетъ дать своей власти полное теченіе, и есть такіе, когда онъ долженъ дѣйствовать въ предѣлахъ, имъ же установленныхъ. Знать, какую часть власти употребить въ томъ или другомъ обстоятельствѣ, есть высшая мудрость правленія: въ монархіяхъ кротость правительства уже составляетъ въ извѣстной мѣрѣ его счастіе. Пусть законы угрожаютъ, а государь ободряетъ; очень не искусенъ министръ, который безпрестанно твердитъ, что государь гнѣвается, что онъ употребитъ свою власть. Великимъ было-бы несчастіемъ въ государствѣ, еслибы никто не смѣлъ представлять своихъ опасеній на щетъ будущаго, высказывать своего мнѣнія. Сила государства умножается не только отъ молвы о славѣ и могуществѣ государя, но и отъ доброй молвы о его правосудіи. «Все это, заключаетъ Екатерина, можетъ не понравиться ласкателямъ, которые ежечасно говорятъ всѣмъ земнымъ владыкамъ, что народы для нихъ созданы: мы же думаемъ и за славу вмѣняемъ себѣ сказать, что мы созданы для нашего народа, и потому обязаны представлять вещи такъ, какъ онѣ должны быть. Боже сохрани, чтобы, по окончаніи этого законодательства, какой народъ былъ болѣе справедливъ и, слѣдовательно, болѣе процвѣталъ! цѣль нашихъ законовъ тогда была бы не достигнута,—несчастіе, до котораго я не желаю дожить».

Этимъ собственно оканчивается Наказъ. Впослѣдствіи къ нему прибавлены еще двѣ главы: о полиціи и о расходахъ и доходахъ государства. Здѣсь Екатерина разсматриваетъ происхожденіе, обязанности и предѣлы полицейской власти, объясняетъ, на какія государственныя нужды собираются подати и какъ установить ихъ. «Менѣе отяготительными, по ее словамъ, признаютъ тѣ подати, которыя платятся добровольно, безъ понужденія, которые распространены на всѣхъ жителей государства и увеличиваются по мѣрѣ накопленія богатства. Чтобы подати были не столь чувствительны, надо постоянно избѣгать монополій, то есть, не давать права одному, за исключеніемъ про-

чихъ, пользоваться какимъ-нибудь промысломъ». Далѣе указаны правила, какъ разыскивать, отчего происходятъ недоимки, какъ увеличивать богатство страны и открывать новые его источники, при чемъ особенно обращено вниманіе на поощреніе земледѣлія. Подати должны быть соразмѣрны со средствами плательщиковъ; увеличивать ихъ слѣдуетъ очень осторожно и взыскивать съ умѣренностью и человѣколюбіемъ. Новые источники доходовъ приберегаются для будущаго такъ, какъ будто-бы впослѣдствіи ихъ болѣе со всѣмъ не открывалось.

Вотъ въ главныхъ чертахъ содержаніе Наказа Екатерины. По собственному ея извѣстію, она писала его два года. Но вначалѣ 1767-го года она въ немъ вычеркнула и помарала болѣе половины; остальное вычеркивали и передѣлывали ея приближенные, которымъ она показывала Наказъ передъ самымъ его изданіемъ, и всетаки онъ вышелъ въ свѣтъ въ іюлѣ 1767-го года, къ самому времени собранія Комиссіи. Слѣдовательно, работа была спѣшная. Екатерина шутливо писала Д'Аламберу, что въ трудѣ своемъ «обобрала г-на Монтескьё». Дѣйствительно, въ Наказѣ, на 526 статей, около 100 взято изъ Беккаріи и до 250 передѣлано изъ Монтескьё. Такимъ образомъ, его нельзя считать ученымъ трудомъ, плодомъ долгихъ изслѣдованій о законахъ. Да императрица, при своихъ многочисленныхъ заботахъ, и не имѣла возможности заняться подобными изслѣдованіями. Но она все таки назначаетъ Наказъ въ руководство выборнымъ людямъ при составленіи новыхъ законовъ. Предписывалось прямо не стѣсняться старыми законами, а слѣдовать положеніямъ Наказа; съ этою цѣлію его ежемѣсячно читали въ собраніи депутатовъ. Взявъ это во вниманіе, мы съ одной стороны найдемъ много недостатковъ въ трудѣ Екатерины. Онъ не могъ служить руководствомъ, потому что не касается очень многихъ сторонъ законодательства, а другія изложены въ немъ большею частію кратко и неопредѣленно (исключая развѣ статей о наказаніяхъ). Притомъ, приводя въ примѣръ обычаи и законы древнихъ спартанцевъ, афинянъ и даже китайцевъ, Екатерина вовсе не упоминаетъ о русскихъ обычаяхъ и законахъ, хотя и не разъ высказано мнѣніе Монтескьё, что законы должны сообразоваться съ духомъ народа, для котораго пишутся. Такъ, напримѣръ, говорится о раздѣленіи имѣнія по наслѣдству, объ опекѣ, какъ будто-бы этихъ установленій въ Россіи вовсе не существовало. Уже годъ спустя, слыша пренія депутатовъ, императрица даетъ новыя предписанія, чтобы имѣть въ виду существующіе законы и лишь заботиться объ ихъ улучшеніи. Съ другой стороны книга Екатерины

указывала новыя, болѣе человѣчныя начала въ законодательствѣ, выясняла, каковы должны быть законы по мнѣнію наиболѣе образованныхъ людей вѣка. Въ этомъ отношеніи она должна была принести великую пользу, давая извѣстное *направленіе* умамъ, смягчая грубость старыхъ обычаевъ. Къ сожалѣнію, послѣ Комиссіи Уложенія, Наказъ доступенъ былъ только знатнымъ лицамъ. Его скрывали даже отъ второстепенныхъ чиновниковъ, опасаясь неправильнаго толкованія законовъ. Въ этомъ мы уже соперничали съ тогдашней Франціей, гдѣ Наказъ Екатерины былъ совершенно запрещенъ.

КОМИССІЯ УЛОЖЕНІЯ И ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ЕКАТЕРИНЫ II.

Къ концу XVIII-го столѣтія Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, также какъ и законы Петра I, значительно устарѣли, въ особенности что касается уголовнаго судопроизводства; законы, послѣ того изданные, не исправляли старыхъ злоупотребленій, да и не были приведены въ порядокъ. Необходимость обновить законодательство особенно сильно чувствовалась послѣ того, какъ новыя понятія проникли къ намъ съ запада. Но это былъ трудъ многосложный, требовавшій много знанія и подготовительной работы. Между тѣмъ тогда думали, что въ 4 года все можетъ быть выполнено. Для этой цѣли, также какъ и для того, чтобы узнать народныя нужды, Екатерина и созвала Комиссію изъ депутатовъ отъ всѣхъ сословій. Послѣ указа, объявленнаго въ концѣ 1766-го года, черезъ полгода депутаты должны были съѣхаться въ Москву, и тогда во всей Россіи начались выборы. Избирали на съѣздъ своихъ представителей всѣ, исключая крѣпостныхъ крестьянъ и кочующихъ инородцевъ, а именно: 1) дворянство по депутату отъ каждаго уѣзда, 2) купцы и ремесленники по депутату отъ каждаго города, 3) черносошные (государственные) крестьяне, осѣдлые инородцы (татары, башкиры, и проч.), однодворцы вмѣстѣ съ пахатными солдатами (которые мало чѣмъ отличались отъ однодворцевъ) и казаки, жившіе на окраинахъ Россіи; свободные крестьяне и однодворцы выбирали по депутату отъ каждой провинціи, заключавшей въ себѣ нѣсколько уѣздовъ. Выборы совершались совершенно свободно. Губернаторъ съ извѣстною торжественностью созывалъ дворянство отъ каждаго уѣзда съ тѣмъ, чтобы оно избрало себѣ предводителя,

и послѣ того уже не вмѣшивался въ дѣло. Подъ руководствомъ предводителя, дворяне сходились на совѣщаніе, гдѣ избирали *депутата* въ Комиссію Уложенія и также нѣсколькихъ изъ своихъ членовъ для составленія *наказа*, въ которомъ излагались ихъ нужды и мнѣнія. Такой наказъ, прочитанный и одобренный въ собраніи, вручался каждому, отправлявшемуся въ Москву депутату. Наказъ Екатерины, въ отличіе отъ этихъ депутатскихъ наказовъ, назывался «Большимъ Наказомъ». Въ городахъ точно также мѣстная власть созывала всѣхъ домовладѣльцевъ изъ купцевъ и ремесленниковъ, чтобы они выбрали себѣ голову, а голова уже руководилъ выборомъ депутата и составленіемъ наказа, по вольному рѣшенію всѣхъ гражданъ. Крестьяне собирались волостью для выбора отъ себя повѣреннаго. Эти повѣренные отъ волостей избирали уѣздныхъ повѣренныхъ, а уже уѣздные избирали депутата отъ провинціи. Въ Петербургѣ и Москвѣ въ выборѣ депутата участвовали всѣ сословія: городъ раздѣленъ былъ на округи; въ каждомъ округѣ выбирался домовладѣльцами повѣренный, а эти повѣренные уже собирались для выбора депутата. Тутъ въ собраніи, рядомъ съ самыми знатными лицами, сидѣли и простые торговцы и мѣщане; важныя лица пріѣзжали за просто, безъ орденовъ и другихъ отличій. Вообще при выборахъ не соблюдалось чиновъ, а было правиломъ, чтобы кто прежде являлся, тотъ и занималъ первыя мѣста. Тѣмъ не менѣе въ Петербургѣ и Москвѣ были избраны въ повѣренные почти все сановники изъ дворянъ; поэтому интересы купечества въ этихъ важнѣйшихъ торговыхъ городахъ совсѣмъ не были приняты во вниманіе. Депутатомъ отъ Петербурга назначенъ графъ Алексѣй Орловъ, а отъ Москвы князь Александръ Голицынъ. Кромѣ этого назначались депутаты отъ сената, синода, коллегій и другихъ правительственныхъ мѣстъ—все также чиновные люди. Это было уже совершенно излишнимъ, такъ какъ и безъ того предполагалось отдавать на разсмотрѣніе подлежащаго присутственнаго мѣста каждый законъ, выработанный въ Комиссіи. Депутаты отъ сената, коллегій, и проч., занятые своими дѣлами, почти не участвовали въ собраніяхъ. Не смотря на нѣкоторые недостатки выборовъ, они вообще были сдѣланы такъ, что императрица могла узнать народныя нужды. Всѣ сословія приняли въ нихъ участіе съ большимъ одушевленіемъ, съ сознаніемъ всей важности предстоящаго дѣла и съ величайшей благодарностью государынѣ. Во многихъ мѣстахъ собирали подписку, чтобы поставить памятникъ въ честь этого событія. И Екатерина вначалѣ искренно была увлечена этимъ дѣломъ. Депутатамъ она предоставила многія преимущества; они навсегда были избавлены отъ смерт-

ной казни, пытки и тѣлеснаго наказанія, какое бы ни совершили преступленіе; имѣніе ихъ можно было конфисковать только за долги; за обиду, нанесенную депутату, назначалось двойное наказаніе; въ знакъ своего избранія, они носили золотую медаль съ вензелемъ императрицы и съ надписью: «блаженство каждаго и всѣхъ.»

Всего собралось въ Москвѣ 559 депутатовъ: 160 отъ дворянъ (большею частію военныя и чиновныя лица), 207 отъ городовъ (большинство—купцы), 164 отъ крестьянъ, казаковъ и инородцевъ (большинсво — люди простаго званія) и 28 отъ правительственныхъ мѣстъ. Здѣсь, какъ видимъ, преобладали представители отъ городовъ; но наиболѣе вліянія, конечно, имѣли дворянскіе депутаты. Крестьяне, избиравшіе отъ цѣлыхъ провинцій, прислали лишь 78 депутатовъ; но за то нѣкоторые изъ этихъ депутатовъ привезли съ собою громадное число наказовъ: такъ три депутата Архангельской губерніи представили 436 наказовъ. Въ день открытія собранія, 30 іюля, Екатерина, торжественнымъ поѣздомъ, съ блестящею свитой, отправилась въ Успенскій Соборъ. Затѣмъ попарно, изъ Чудова монастыря, двинулись депутаты, подъ предводительствомъ генералъ - прокурора Вяземскаго. Отслушавъ обѣдню въ соборѣ, они дали присягу «приложить чистосердечное стараніе въ великомъ дѣлѣ составленія проэкта новаго уложенія, согласно возложенной на нихъ отъ согражданъ довѣренности, отвращая сердце и помышленіе отъ слѣпоты, какая рождается чрезъ пристрастіе къ собственной корысти, чрезъ дружбу, вражду, или ненавистную зависть, могущихъ возбудить *суровость* въ мысляхъ и *жестокость* въ совѣтахъ.» Подписавшись на присяжномъ листѣ, депутаты отправились въ залу дворца, гдѣ Екатерина уже сидѣла на тронѣ, окруженная придворными лицами и иностранными министрами. Тутъ вице-канцлеръ Голицынъ говорилъ имъ рѣчь, которую заключилъ такими словами: «Начинайте это великое дѣло и помните при каждой строкѣ его, что вы имѣете случай показать себѣ, вашему ближнему и вашимъ потомкамъ, какъ велико было ваше радѣніе объ общемъ благѣ... Вы имѣете случай прославить себя и вашъ вѣкъ, и пріобрѣсть себѣ почтеніе и благодарность будущихъ вѣковъ. Отъ васъ ожидаютъ примѣра всѣ народы: взоры ихъ обращены на васъ. Слава ваша въ вашихъ рукахъ, и путь къ ней вамъ открытъ: отъ согласія вашего во всѣхъ этихъ полезныхъ отечеству дѣлахъ будетъ зависѣть и совершенство ихъ.» Тутъ императрица вручила генералъ-прокурору, для передачи депутатамъ, свой Наказъ и написанный ею Обрядъ управленія Комиссіей; депутаты

были допущены къ рукѣ, и на другой день назначено собраніе для выбора ихъ маршала или предсѣдателя.

По обряду управленія, собраніе депутатовъ (или «Большая Комиссія,» какъ ее называли) должно было выбрать, кромѣ маршала, изъ своей среды еще двѣ частныя комиссіи, по пяти человѣкъ въ каждой: *дирекціонную*, для завѣдыванія дѣлами собранія, и комиссію *для разбора депутатскихъ наказовъ*; кромѣ того ему предстояло ознакомиться съ Наказомъ императрицы. Въ этихъ занятіяхъ и прошли первыя семь засѣданій. Выборы происходили чинно и безъ всякаго шума: депутатъ подавалъ записку съ именемъ выбираемаго имъ лица, а потомъ шарами балотировали тѣхъ, у которыхъ оказывалось большинство голосовъ. Императрица невидимо при этомъ присутствовала, скрываясь на хорахъ Грановитой Палаты, въ которой засѣдала Большая Комиссія. Кандидатами въ маршалы выбраны Григорій и Иванъ Орловы; генералъ-прокуроръ съ своей стороны предложилъ, съ согласія собранія, Бибикова. Два первые отказались, и Екатерина утвердила маршаломъ Бибикова, который, какъ видно, уже предназначался къ этой должности. Въ комиссію для разбора депутатскихъ наказовъ собраніе выбрало трехъ дворянскихъ (между ними графовъ Строгонова и Воронцова) и двухъ городскихъ депутатовъ. Въ дирекціонную же комиссію выбрано 48 лицъ, а уже изъ нихъ сама Екатерина назначила пятерыхъ: это все были высокопоставленныя, должностныя лица (митрополитъ Дмитрій Сѣченовъ, Иванъ Орловъ, Захаръ Чернышевъ). Чтеніе Большаго Наказа заняло два засѣданія и произвело въ слушателяхъ неподдѣльный восторгъ: нѣкоторые даже плакали. Всѣ выразили маршалу желаніе благодарить государыню и поднести ей титулъ «Великой, Премудрой Матери Отечества.» Объ этомъ титулѣ нѣкоторое время происходили споры: предлагали то и другое къ нему добавить. Екатеринѣ видимо не понравились такія пренія, и она писала Бибикову на счетъ депутатовъ: «я созвала ихъ разсматривать законы, а они разбираютъ мои качества». Въ назначенный день депутаты все-таки были приняты для поднесенія титула. Въ отвѣтъ на рѣчь Бабикова, Голицынъ сказалъ отъ имени государыни, что она принимаетъ благодарность депутатовъ, какъ доказательство того усердія, какое они покажутъ потомъ, приводя законы къ началамъ человѣколюбія и добронравія. Къ этому Екатерина, сидя на тронѣ, добавила: «О званіяхъ же, кои вы желаете, чтобъ я приняла, на сіе отвѣтствую: 1, на *Великая* — о моихъ дѣлахъ оставляю безпристрастно судить времени и потомству; 2, *Премудрая*—никакъ себя такою назвать не могу, ибо премудръ одинъ

Богъ; 3, *Матери Отечества*—любить Богомъ врученныхъ мнѣ подданныхъ я почитаю за долгъ моего званія, быть ими любимою есть мое желаніе.»

Послѣ 7-го засѣданія начались работы Комиссіи, которыхъ съ такимъ нетерпѣніемъ ждала Екатерина. Успѣхъ этихъ работъ могъ зависѣть отъ двухъ обстоятельствъ: 1, отъ откровенности депутатовъ и полноты свѣдѣній, какія они могли дать о тогдашнихъ общественныхъ нуждахъ и о состояніи Россіи, 2, отъ умѣнья, съ какимъ они воспользуются этими свѣдѣніями и также началами, выраженными въ Большомъ Наказѣ, чтобы переработать существующее законодательство, для чего нужно было и уяснить начала, и ознакомиться съ самыми законами, да полезно было взять во вниманіе и законодательство другихъ странъ. Трудъ былъ безмѣрный. Однихъ депутатскихъ наказовъ считалось до 1264, а каждый изъ нихъ наполненъ былъ самыми разнообразными предметами; указовъ, начиная съ уложенія царя Алексѣя Михайловича, накопилось болѣе 12000. Все это приходилось разобрать и привести въ порядокъ. Что касается свѣдѣній, доставленныхъ депутатами, то, не смотря на неполноту выборовъ (такъ мѣщане, ремесленники, да и болѣе бѣдные изъ дворянъ мало участвовали въ Комиссіи; депутаты крестьянъ выбирались лишь отъ цѣлыхъ провинцій; депутатовъ отъ духовенства и крѣпостныхъ крестьянъ вовсе не было), эти свѣдѣнія представляютъ богатѣйшій матеріалъ для ознакомленія съ нуждами каждаго сословія. Пренія депутатовъ также показали, что большинство изъ нихъ хорошо понимаютъ не только выгоды своего сословія, но и дѣло общей пользы. Да и самое столкновеніе сословныхъ интересовъ могло привести къ взаимнымъ уступкамъ. Оставалось, сдѣлавъ предварительныя работы (разборъ наказовъ, и проч.), лишь искустно руководить этими преніями, чтобы придти къ какимъ нибудь общимъ положеніямъ. Мы видѣли, что Наказъ Екатерины далеко не могъ служить полнымъ руководствомъ въ отношеніи того, какихъ держаться положеній по каждому предмету законодательства; но она предоставила Комиссіи право дополнять его, сколько необходимо, и сама дѣлала такія дополненія. Слѣдовательно, все зависѣло отъ лицъ, поставленныхъ во главѣ собранія и руководившихъ его дѣлами, то есть, отъ маршала и дирекціонной комиссіи. Маршалъ одинъ могъ предлагать предметы для обсужденія, управлялъ преніями, собиралъ голоса, и проч. Дирекціонная комиссія наблюдала за частными комиссіями. По обряду управленія, Большая Комиссія, кромѣ выясненія общихъ началъ, должна была разсматривать уже готовые проэкты законовъ и под-

вергать обсужденію лишь то, что требовало улучшеній и о чемъ избиратели просили въ депутатскихъ наказахъ. Слѣдовательно, предметы обсужденій для нея должны были подготовить частныя комиссіи. Эти комиссіи учреждались дирекціонною, также чрезъ выборъ пяти членовъ для каждой въ большомъ собраніи.

Что же сдѣлала дирекціонная комиссія? Едва два мѣсяца спустя, она учредила три комиссіи: вотчинную, юстицкую (о судопроизводствѣ) и о родахъ государственныхъ жителей (о сословіяхъ и ихъ правахъ), и этимъ ограничилась. Никакого плана для ихъ занятій она не дала; никакихъ общихъ вопросовъ для внесенія въ Большую Комиссію она не подготовила. Императрица должна была одна за всѣхъ работать, и въ апрѣлѣ 1768-го года она пишетъ цѣлый планъ законодательства, гдѣ раздѣляетъ законы: на *общіе*, касающіеся всего государства (объ управленіи, о правосудіи, о полиціи, объ училищахъ, о размноженіи народа, земледѣліи и ремеслахъ, о сборѣ налоговъ, и проч.)— и *частные*, касающіеся правъ отдѣльныхъ лицъ (о сословіяхъ, объ имѣніяхъ и проч.). Все это изложено въ большомъ порядкѣ, и на основаніи этого плана открыты, уже семь мѣсяцевъ спустя послѣ съѣзда депутатовъ, новыя частныя комиссіи—всего числомъ 19 вмѣстѣ съ прежде устроенными. Дирекціонная комиссія не только не помогла рѣшенію дѣлъ въ Большой Комиссіи, но и нисколько не позаботилась о томъ, чтобы устроить какую нибудь *связь* между нею и частными комиссіями. Дѣла, правда, пересылались изъ Большой Комиссіи въ частныя и обратно; но это совершалось обыкновеннымъ чиновничьимъ порядкомъ. Большая Комиссія занималась преніями сама по себѣ, а частныя толковали сами по себѣ иногда о томъ же предметѣ. Такъ, напримѣръ, и тамъ и тутъ, одновременно читались законы о правахъ благородныхъ и происходили объ нихъ точно такія же пренія; или въ Большой Комиссіи толковали о томъ, чего еще совсѣмъ не разбиралось въ частныхъ комиссіяхъ, и на оборотъ. Какъ видно, генералъ-прокуроръ, одинъ изъ главныхъ распорядителей въ устройствѣ комиссій, и члены дирекціонной комиссіи имѣли очень мало понятія о законодательствѣ; еще менѣе о законахъ имѣлъ понятія маршалъ Бибиковъ. Хорошій генералъ, заявившій свою храбрость въ семилѣтнюю войну, онъ и потомъ отличался распорядительностью, съ какою исполнялъ даваемыя ему Екатериною порученія: онъ ѣздилъ въ Холмогоры разузнавать о состояніи Петра - Ульриха и его семейства, жившихъ тамъ въ ссылкѣ, усмирялъ возмутившихся горнозаводскихъ крестьянъ, осматривалъ съ военною цѣлію границы Польши. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ Бибиковъ выказалъ и умѣнье, и свой неподкупный ха-

рактеръ; но вовсе не видно, чтобы онъ когда нибудь занимался изученіемъ правъ, и Екатерина могла назначить его маршаломъ въ Коммиссію, разсчитывая лишь на его безпристрастіе. Есть извѣстіе, что онъ сильно боялся этого назначенія: ему могло казаться, что, предлагая Комиссіи общіе вопросы для рѣшенія, онъ чѣмъ нибудь не понравится императрицѣ и особенно знатнымъ людямъ, такъ какъ большинство голосовъ въ собраніи депутатовъ было далеко не на сторонѣ дворянства. Притомъ онъ зависѣлъ и отъ дирекціонной коммиссіи: дѣйствовать же самостоятельно, какъ указывалъ ему Обрядъ Управленія, онъ не рѣшался по своей совершенной неопытности въ дѣлѣ, для котораго былъ призванъ. И такъ Бибиковъ предпочелъ соблюдать только внѣшній порядокъ въ собраніи, вовсе не высказывая своего участія въ томъ или другомъ вопросѣ.

Съ 8-го засѣданія начались занятія Большой Комиссіи чтеніемъ отдѣльныхъ крестьянскихъ наказовъ. Можно думать, что сама Екатерина желала поскорѣе слышать пренія по этому предмету. Все происходило чинно: читали отдѣльный наказъ и потомъ маршалъ предлагалъ высказывать мнѣнія; голоса подавались изустно и письменно, и за крестьянъ, и противъ крестьянскихъ требованій. Когда одинъ дворянскій депутатъ, въ своемъ письменномъ заявленіи, назвалъ каргопольскихъ крестьянъ «лѣнивыми и отягощенными, уторопленными и упорными,» то Григорій Орловъ возразилъ, что тутъ только противорѣчія, что подобныхъ порицаній противъ всѣхъ крестьянъ допускать нельзя и пусть депутатъ сознается, что указанныя слова вошли не по его волѣ, а по ошибкѣ писца. Другой дворянскій депутатъ. Глазовъ наполнилъ свое заявленіе дикими выходками противъ крестьянскихъ депутатовъ, предлагалъ сжечь ихъ наказы, выключить ихъ изъ собранія. Такіе отзывы возбудили въ собраніи смѣхъ и негодованіе: треть депутатовъ требовала исключенія Глазова; но дѣло кончилось тѣмъ, что ему съ порицаніемъ возвратили его заявленіе, заставили его публично извиниться предъ оскорбленными и внести пеню. Это былъ единственный случай невоздержности въ преніяхъ. Къ сожалѣнію, эти пренія не привели ни къ чему. Наказы читались, прежде чѣмъ сдѣлана была какая нибудь ихъ сводка: въ нихъ часто выражались одни и тѣже требованія, и депутаты, по поводу разныхъ наказовъ принуждены были повторять тѣже замѣчанія. Бибиковъ не соглашалъ мнѣній, не ставилъ никакихъ вопросовъ, не выяснялъ, чего желаетъ большинство депутатовъ; да и разобрано было въ 15 засѣданій всего 12 крестьянскихъ наказовъ изъ числа 1066, представленныхъ въ Комиссію, и при томъ разобрано такъ, что, не кончивъ преній по

одному наказу, Бибиковъ переходилъ къ другому. Въ сентябрѣ онъ вдругъ прекратилъ чтеніе наказовъ и началъ читать законы о правахъ благородныхъ. Разборъ наказовъ, конечно, не могъ быть дѣломъ большаго собранія; если онъ предпринятъ временно, чтобы чѣмъ нибудь занять Комиссію (хотя естественнѣе было бы, послѣ чтенія Наказа Екатерины, разсмотрѣть общія его положенія, рѣшить, что необходимо въ немъ дополнить), то мы увидимъ, что и далѣе дѣло нисколько не было поправлено. Законы о дворянствѣ читались также безпорядочно, безъ выбора и системы, что попало, и пренія о нихъ представили точно также сборъ отдѣльныхъ, не согласованныхъ между собою мнѣній. Это продолжалось 11 засѣданій. Почитавъ кое что изъ законовъ о дворянствѣ, Бибиковъ перешелъ къ такому же точно чтенію законовъ о купечествѣ, что продолжалось 46 засѣданій. Потомъ читались лифляндскія и эстляндскія привилегіи. Послѣ этого въ декабрѣ собранія въ Москвѣ прекращены и съ 1768-го года вновь открылись въ Петербургѣ чтеніемъ законовъ о юстиціи (о судопроизводствѣ), которое продолжалось 70 засѣданій. Тутъ подано до 200 мнѣній, и опять эти мнѣнія не были сведены къ какому нибудь рѣшенію, не сдѣлано ни одного голосованія, по которому можно было бы узнать, какъ думаетъ большинство депутатовъ. Въ іюлѣ 1768-года наконецъ представленъ въ общее собраніе проэктъ законовъ о правахъ благородныхъ, выработанныхъ въ частной комиссіи о сословіяхъ, безъ всякаго участія Большой Комиссіи. Объ этомъ проэктѣ пренія возобновлялись три раза, и все-таки Бибиковъ даже съ помощью Екатерины, не могъ дойти до какого либо рѣшенія. Къ концу 1768-го года Большая Комиссія собиралась все рѣже; въ ней еще читались законы о помѣстьяхъ и вотчинахъ, и наконецъ въ декабрѣ 1768 года она была распущена по случаю войны съ турками.

Комиссія не уничтожена, а засѣданія ея только отложены, что было и необходимо, такъ какъ большинство дворянскихъ депутатовъ, также какъ и лица, завѣдывавшія письменною частью, были военные и еще раньше закрытія собранія стали разъѣзжаться по своимъ полкамъ. Но Екатерина, не уничтожая Комиссіи, уже больше ея не созывала, хотя частныя комиссіи продолжали работать еще много лѣтъ. Это обстоятельство нѣкоторые объясняютъ тѣмъ, что Екатерина увидѣла безплодность преній въ большомъ собраніи, какъ о томъ не разъ докладывалъ и Бибиковъ, и также опасалась вредныхъ для ея власти заявленій со стороны депутатовъ. Ничего подобнаго не было: депутаты до конца выказывали ей полную преданность; объ мнѣніяхъ,

ими поданныхъ, она такъ потомъ говорила: «Комиссія Уложенія, бывъ въ собраніи, подала мнѣ *свѣтъ и свѣдѣніе о всей имперіи,* съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ должно заботиться... многіе стали судить о цвѣтахъ по цвѣтамъ, а не какъ слѣпые». Очень вѣроятно, что она чувствовала безплодность преній въ томъ видѣ, какъ они были устроены; но не могла также не понимать, что не депутаты тому виною. Обязанная много дворянству, возведшему ее на престолъ, она не рѣшалась дѣйствовать слишкомъ рѣшительно; но изъ ея указаній Бибикову и различныхъ отзывовъ видно, что она желала иначе поставить дѣло. Дворянство же, и особенно лица, занимающія высшія должности, не сочувствовали большому собранію; послѣдніе даже избѣгали посѣщать его и очень рѣдко принимали участіе въ преніяхъ: понятно, что какому-нибудь важному сановнику непріятно было выслушивать вѣскія замѣчанія на свое мнѣніе отъ простаго крестьянина или какого-нибудь военнаго писаря и рисковать, что вслѣдствіе этихъ замѣчаній его мнѣніе будетъ заболотировано. Но между сановниками и вообще въ средѣ дворянъ были, конечно, лица, искренно одушевленныя желаніемъ общей пользы и очень образованныя: Екатерина и разсчитывала на нихъ, призывая ихъ въ частныя комиссіи. Такихъ лицъ было однако немного. Доказательствомъ тому служитъ, что въ комиссіяхъ наиболѣе дѣятельное участіе принимали лифляндскіе депутаты, нѣмецкіе дворяне съ основательнымъ образованіемъ, съ знаніемъ правъ и очень трудолюбивые, но мало знакомые съ нуждами Россіи и притомъ надутые своими дворянскими привилегіями. Что касается Бибикова, то онъ былъ лицомъ второстепеннымъ, слишкомъ зависѣвшимъ отъ дворянской знати. Нельзя сказать, чтобы онъ дѣйствовалъ преднамѣренно во вредъ собранію: онъ виноватъ лишь въ томъ, что не отказался отъ дѣла, съ которымъ не могъ справиться и которому самъ не сочувствовалъ. Екатерина же, по своимъ правиламъ, разъ назначивъ, не могла смѣнить его. Какъ, можетъ быть, ни измѣнились впослѣдствіи ея мнѣнія, но нѣтъ сомнѣнія, что, въ минуту закрытія собранія, она очень скорбѣла о неудачѣ дѣла и еще надѣялась его поправить. Во всякомъ случаѣ депутатскіе наказы, пренія Большой Комиссіи и работы частныхъ комиссій послужили основаніемъ для многихъ дальнѣйшихъ ея узаконеній, въ особенности что касается дворянства.

Что Екатерина имѣла основаніе дорожить Комиссіей, любимымъ дѣтищемъ первыхъ лѣтъ ея царствованія, мы можемъ видѣть и изъ самаго бѣглаго очерка депутатскихъ наказовъ и преній въ большомъ собраніи. Такъ въ наказахъ крестьянъ были изложены просьбы объ устрой-

ствѣ для нихъ словеснаго суда изъ выборныхъ, потому что обыкновенный судъ былъ для нихъ совершенно раззорителенъ, объ измѣненiяхъ въ законахъ о подушной подати, при которой и дряхлые, и неспособные къ работѣ клались въ окладъ (отмѣну подушной подати предлагали и нѣкоторые изъ дворянъ), объ облегченiи отъ натуральныхъ повинностей (каковы подводы, починка дорогъ, и проч.) или болѣе равномѣрномъ ихъ распредѣленiи, о правѣ пользоваться казеннымъ лѣсомъ, не идущимъ на кораблестроенiе, о правѣ вести торгъ въ городахъ и селахъ сельскими произведенiями, о правѣ переселяться на болѣе удобныя мѣста, объ защитѣ крестьянъ отъ насилiя, какое они терпѣли отъ разнаго рода людей, селившихся на ихъ земляхъ, отъ помѣщичьихъ крестьянъ, отъ заводчиковъ, и проч.

Если крестьянскiе наказы большею частью заключали просьбы о нѣкоторыхъ облегченiяхъ отъ повинностей и о защитѣ отъ притѣсненiй, то дворяне просили уже о расширенiи своихъ правъ: о правѣ съѣздовъ и выборѣ предсѣдателя, который-бы завѣдывалъ ихъ дѣлами, о своемъ дворянскомъ выборномъ судѣ, о правѣ имѣть въ городахъ ходатаевъ по своимъ дѣламъ, чтобы избѣгать раззорительныхъ поѣздокъ по судебнымъ вызовамъ. Они просили объ освобожденiи дворянъ отъ тѣлеснаго наказанiя, пытокъ и смертной казни, о заведенiи повсемѣстно школъ для бѣдныхъ дворянскихъ дѣтей и для дворянскихъ дѣвицъ, объ учрежденiи аптекъ и лекарей въ уѣздахъ. Тамъ, гдѣ ихъ интересы сходились съ крестьянскими, они много говорили въ пользу крестьянъ: противъ обремененiя крестьянъ подводами и другими повинностями, противъ подушной подати, которую предлагали замѣнить поземельною,—противъ запрещенiя крестьянамъ промышлять въ городахъ, не записываясь въ цехи и гильдiи,—противъ дороговизны соли, противъ продажи крестьянъ безъ земли и продажи ихъ въ рекруты, отчего многiе помѣщики совершенно раззорялись, противъ черезполосицы владѣнiй, противъ права купцовъ закупать по деревнямъ хлѣбъ, при чемъ происходили всякiя прижимки,—противъ приписки крестьянъ къ фабрикамъ, при чемъ краснорѣчиво представляли, какое отягощенiе терпятъ крѣпостные на фабрикахъ, и въ тоже время требовали, чтобы имъ однимъ дозволено было заводить фабрики на крѣпостныхъ началахъ. Нѣкоторые простирали заботу о своихъ выгодахъ до того, что предлагали дать право однимъ дворянамъ обрабатывать ленъ и пеньку, заниматься виннымъ откупомъ, на томъ основанiи что все, произрастающее на землѣ, принадлежитъ тому, кто ею владѣетъ. Особенно строгихъ законовъ дворяне требовали противъ бѣглыхъ, не пропуская случая и въ другихъ

отношеніяхъ утвердить свою помѣщичью власть; но предлагали и многія общеполезныя мѣры, разсуждая о сохраненіи лѣсовъ, объ устройствѣ запасныхъ магазиновъ, объ новой оцѣнкѣ земель, объ уравненіи вѣсовъ и мѣръ, объ ученіи крестьянскихъ дѣтей, объ учрежденіи мировыхъ судей по примѣру Англіи, и проч.

Купечество, конечно, имѣло въ виду свои выгоды: оно домогалось запрещенія торговать и имѣть фабрики кому-бы то ни было, кромѣ записавшихся въ торговое сословіе, домогалось права владѣть крѣпостными для фабрикъ и заводовъ, основываясь на томъ, что, особенно въ отдаленныхъ мѣстахъ, трудно достать людей по найму. Противъ этихъ домогательствъ одинаково возставали какъ дворяне, такъ и крестьяне. Съ другой стороны купцы легко могли-бы сойтись съ крестьянами, еслибы поднятъ былъ вопросъ о совершенномъ освобожденіи крестьянъ отъ власти помѣщиковъ, потому что купцы и желали имѣть крѣпостныхъ лишь по недостатку работниковъ. По этой причинѣ желали владѣть крѣпостными и духовные, и казаки. Отъ имени купечества поданы были и заявленія о томъ, какъ облегчить и расширить внутреннюю и внѣшнюю торговлю: о заведеніи въ городахъ нотаріусовъ для сдѣлокъ, объ заграничныхъ агентахъ и консулахъ, о выдачѣ ссудъ изъ банковъ, и проч. Между прочимъ выражено было предположеніе объ устройствѣ порта при Черномъ морѣ и о важности этого торговаго пути, въ то время какъ южная часть Россіи еще не была завоевана.

Пренія большаго собранія могли казаться безплодными лишь потому, что не приводили ни къ какому результату. Сами по себѣ, даже въ томъ видѣ, какъ они происходили, они драгоцѣнны и по важности содержанія, и по множеству здравыхъ сужденій, въ нихъ высказанныхъ. Даже тамъ, гдѣ тѣмъ или другимъ депутатомъ явно руководилъ корыстный разсчетъ, мы находимъ многія полезныя указанія, потому что депутатъ долженъ же былъ основать свое пристрастное мнѣніе на какихъ-нибудь доказательствахъ. Особые взгляды каждаго сословія на дѣло прямо указывали на то, «съ кѣмъ имѣешь дѣло», какъ выразилась Екатерина, и борьба сословій должна была сглаживать ихъ рѣзкія отличія, уничтожать многіе изъ сословныхъ предразсудковъ, или по крайней мѣрѣ указывать на необходимость сгладить эти отличія. Помимо этого, мы не мало встрѣчаемъ мнѣній, въ которыхъ депутаты руководились только человѣколюбивыми взглядами Большаго Наказа. При спорахъ о правахъ благородныхъ, между прочимъ дѣло коснулось закона Петра I, по которому получалъ дворянство всякій, дослужившійся до оберъ-офицерскаго чина. Нѣкото-

рые дворяне, и особенно князь Щербатовъ, стали доказывать, что этотъ законъ, давая слишкомъ легкій доступъ къ дворянству, ведетъ къ униженію дворянскаго званія, которое можно пріобрѣтать лишь рожденіемъ, за заслуги предковъ, проливавшихъ много вѣковъ кровь свою за отечество, или если и за личныя заслуги, то не иначе, какъ по особому пожалованію государя. Наибольшею горячностью тутъ отличился Щербатовъ, человѣкъ очень образованный и въ другихъ отношеніяхъ самый доброжелательный, но уже слишкомъ ревнивый къ своимъ дворянскимъ привилегіямъ. «Вы будьте мнѣ свидѣтели,» восклицалъ онъ въ собраніи, «самыя тѣ мѣста, гдѣ мы, по волѣ нашей монархини, матери отечества, для нашего благополучія собраны (т. е., московскій Кремль)! Не вы-ли были во власти хищныхъ рукъ? Вы, божественные храмы, не были-ли посрамлены отъ иновѣрцевъ? Кто-же въ гибели твоей, Россія, подалъ тебѣ руку помощи? То вѣрные твои чада—древніе россійскіе дворяне!» Вслѣдствіе этого нѣкоторые дворяне требовали, чтобы не соединять съ чиномъ оберъ-офицера дворянскаго званія, такъ какъ этотъ чинъ уже самъ по себѣ служитъ достаточной наградой, еще болѣе: производить въ чинъ офицера и даже унтеръ-офицера только природныхъ дворянъ, потому что неприлично, если дворянинъ будетъ подъ командою не дворянина. Противъ этихъ мнѣній значительное число депутатовъ сдѣлало очень вѣскія возраженія. Дворяне, которые вновь выслужились, и депутаты отъ казачьихъ войскъ говорили: «Нельзя утверждать, чтобы уже всѣ дворянскіе роды отличались такой древностью: многіе изъ нихъ недавняго и очень низкаго происхожденія. Дворянское званіе рождается не отъ природы, а дается за добродѣтели и заслуги отечеству. Въ войнѣ проливали кровь свою не одни дворяне, а всѣ граждане, и еще болѣе дворянъ. Простые люди всю свою жизнь проводятъ въ походахъ, а дворянинъ часто послужитъ немного, да и выйдетъ въ отставку. На Терекѣ казаки и нынѣ борются съ горцами, ни днемъ ни ночью не зная покоя. Какъ-же отнять у этихъ людей надежду на отличіе, поддерживающую ихъ ревность къ службѣ? Да и не одни воинскіе подвиги заслуживаютъ чести. Гражданскія заслуги, отправленіе правосудія не менѣе должны быть награждаемы. Желаніе дворянъ никого не допускать въ свое званіе было бы только знакомъ ихъ высокомѣрія». Большинство голосовъ въ собраніи, конечно, стояло за законъ Петра I, хотя мы и не знаемъ этого въ точности, такъ какъ Бибиковъ не дѣлалъ никакого голосованія. При разсужденіи о лифляндскихъ и эстляндскихъ привилегіяхъ точно также многіе депутаты подали голоса противъ этихъ привилегій, которыми собственно оберегались не права на-

родныя, а личныя выгоды остзейскаго дворянства. Между тѣмъ многіе изъ нашихъ сановниковъ тогда очень сочувственно смотрѣли на остзейскіе законы и ставили ихъ даже въ образецъ для русскаго дворянства. Поѣздка Екатерины въ Лифляндію имѣла отчасти цѣлію ознакомиться съ положеніемъ крестьянъ въ этомъ краѣ и попытать, нельзя-ли что-нибудь сдѣлать для его улучшенія. Она понудила лифляндскихъ дворянъ издать постановленія, которыми нѣсколько ограничивался полный произволъ помѣщиковъ. Готовя и для Россіи подобныя улучшенія, она никакъ не могла сочувствовать тому, что сама видѣла въ Лифляндіи. Что-же касается правъ нѣмецкаго дворянства, то она надѣялась, что и ея законы не менѣе сдѣлаютъ въ этомъ отношеніи. Такимъ образомъ мнѣнія депутатовъ совершенно сходились съ ея мыслями.

Вопросъ, если не объ освобожденіи крестьянъ, то объ ограниченіи власти помѣщиковъ, затронутъ былъ, какъ мы видѣли, въ Наказѣ Екатерины. При его изданіи, она многое измѣнила и смягчила, конечно, по настоянію лицъ, ее окружавшихъ. Каковы могли быть сужденія этихъ лицъ, мы узнаемъ между прочимъ изъ замѣчаній на Наказъ извѣстнаго въ то время стихотворца Сумарокова. Приведемъ его слова по поводу освобожденія крестьянъ вмѣстѣ съ приписанными тутъ же возраженіями Екатерины. «Между крѣпостнымъ и невольникомъ разность, пишетъ Сумароковъ, — одинъ привязанъ къ землѣ, а другой къ помѣщику. («Какъ это сказать можно, отверзите очи!» замѣтила Екатерина)... Добрые господа всѣ судьи своимъ слугамъ, и отдать это (судъ) лучше на совѣсть господамъ, чѣмъ на совѣсть слугамъ («Богъ знаетъ, развѣ по чинамъ считать качества!» возражаетъ Екатерина)... Сдѣлать русскихъ крѣпостныхъ людей вольными нельзя: скудные люди ни повара, ни кучера, ни лакея имѣть не будутъ... и будетъ ужасное несогласіе между помѣщиками и крестьянами, для усмиренія которыхъ потребны многіе полки... Теперь-же помѣщики живутъ покойно въ своихъ вотчинахъ. («И отчасти бываютъ зарѣзаны отъ своихъ», добавляетъ государыня)... Теперь помѣщики крестьянъ и крестьяне помѣщиковъ очень любятъ, а нашъ низкій народъ никакихъ благородныхъ чувствій еще не имѣетъ («И имѣть не можетъ въ нынѣшнемъ состояніи», объясняетъ Екатерина)». Вообще о сужденіяхъ Сумарокова государыня говорила: «Г-нъ Сумароковъ, чтобы быть законодателемъ, довольной связи въ мысляхъ не имѣетъ.» Но подобныя мнѣнія ей, вѣроятно, приходилось слышать и отъ другихъ. Какъ бы то ни было, она всетаки надѣялась вызвать русское дворянство хоть къ обсужденію этого важнаго вопроса.

Въ 1765-мъ году въ Петербургѣ было основано, по образцу иноземныхъ, русское «Вольное Экономическое Общество», съ цѣлію изслѣдовать, каково въ Россіи положеніе земледѣлія, и всячески стараться объ его улучшеніи. Въ немъ участвовали нѣкоторые ученые люди изъ Академіи наукъ (Эйлеръ, Миллеръ) и также многія высокопоставленныя лица (Григорій Орловъ, Чернышевъ, Воронцовъ, и проч.). Общество печатало отчеты о своихъ засѣданіяхъ и также посылаемые къ нему труды по земледѣлію, и вызывало всѣхъ землевладѣльцевъ сообщать свои наблюденія или усовершенствованія по части сельскаго хозяйства. Для этого оно разослало по всей Россіи 65 вопросовъ о способахъ обработки полей, о скотоводствѣ въ каждой мѣстности, объ ея природныхъ богатствахъ и промыслахъ. Многіе изъ образованныхъ помѣщиковъ, напримѣръ, Болотовъ, принимали довольно дѣятельное участіе въ трудахъ Общества. За лучшія сочиненія оно награждало медалями. Вотъ, въ это-то Общество, вскорѣ послѣ его открытія, отъ неизвѣстнаго лица, подписавшагося буквами И. Е., прислано было письмо, гдѣ поставленъ такой вопросъ: «Такъ какъ для успѣховъ земледѣлія необходимо, чтобы крестьяне владѣли какою-нибудь собственностью, то не угодно-ли Обществу предложить для разрѣшенія задачу, какого рода можетъ быть эта собственность (имѣніе и наслѣдіе хлѣбопашца)?» На это письмо Общество совсѣмъ не обратило вниманія; но въ 1766-мъ году получено новое письмо съ подобнымъ же предложеніемъ и съ подаркомъ въ 1000 червонцевъ на нужды Общества. Оно также подписано было буквами И. Е. Тогда Общество догадалось, что эта подпись означаетъ «Императрица Екатерина», и не замедлило объявить во всеобщее свѣдѣніе тему: «Что полезнѣе для общества, — чтобы крестьянинъ имѣлъ въ собственности землю или только движимое имущество, и какъ далеко его права на то или другое имѣніе должны простираться?» За лучшее сочиненіе по этому вопросу обѣщаны 100 червонцевъ и медаль въ 25 червонцевъ. Участіе въ рѣшеніи его принимали и иностранцы, и въ западной Европѣ тема, заданная русскимъ Обществомъ, произвела нѣкоторое движеніе, такъ какъ и тамъ крестьянскій бытъ былъ еще не устроенъ: въ разныхъ журналахъ стали появляться статьи, и не назначенныя для соисканія преміи.

Общество получило всего 162 сочиненія (больше всего нѣмецкихъ, русскихъ только 7), и послѣ разсмотрѣнія ихъ уже въ 1768-мъ году, оно присудило премію доктору правъ въ Ахенѣ, Беарде-де-Лабею за его французское сочиненіе. Второй награды, вмѣстѣ съ нѣсколькими иностранными, удостоился отвѣтъ русскаго законовѣда, Полѣ-

нова, въ то время только что возвратившагося изъ заграницы послѣ нѣсколькихъ лѣтъ обученія въ Страсбургѣ и Геттингенѣ. Совсѣмъ невинное сочиненіе Беарде члены Общества рѣшились напечатать въ переводѣ лишь по настоянію Григорія Орлова, Строганова, Воронцова, Сиверса и нѣкоторыхъ другихъ знатныхъ лицъ. Трудъ Полѣнова вовсе не былъ напечатанъ, — онъ принятъ Обществомъ лишь послѣ того, какъ авторъ уничтожилъ въ немъ почти всѣ мѣста, гдѣ говорилось о положеніи русскихъ крестьянъ. Такъ опасались члены Общества поднятаго ими вопроса, хотя дѣйствовали подъ покровительствомъ самой государыни. Сочиненіе Полѣнова во всѣхъ отношеніяхъ дѣльнѣе труда Беарде-де-Лабея. Беарде предлагаетъ постепенно давать крѣпостнымъ какой нибудь клочекъ земли въ видѣ награды за хорошее поведеніе и особенно тогда, когда крестьянинъ своимъ прилежаніемъ значительно умножитъ доходъ помѣщика.

Остальную землю они могутъ арендовать у помѣщика: клочекъ собственной земли долженъ былъ служить только порукою, что они останутся у него по прежнему усердными работниками. Такимъ освобожденнымъ (потому что рабы не владѣютъ собственностью) въ знакъ отличія дать особую одежду. Да и этихъ благъ крестьяне должны ожидать, пока не будутъ къ тому подготовлены воспитаніемъ. Воспитателями же остаются помѣщики, то есть, сохраняютъ свою прежнюю власть на неопредѣленное время. Въ настоящемъ положеніи, Беарде представляетъ русскаго мужика не иначе, какъ медвѣдемъ, котораго должно держать на цѣпи. Получивъ же воспитаніе и землю, они будутъ укрощены какъ собачки, по доброй волѣ бѣгающія за своимъ господиномъ (собственное сравненіе Беарде). Но, толкуя о воспитаніи, можно бы спросить, многіе ли и изъ помѣщиковъ были тогда сколько нибудь образованы? На какомъ же основаніи они владѣли землею? Однако тамъ, гдѣ Беарде вообще разсуждаетъ о важности земледѣлія, о пользѣ свободнаго владѣнія собственностью, слова его очень краснорѣчивы. Приведемъ образчикъ: «Какая власть царя, владѣющаго только многочисленными стадами скотовъ? Должно плакать, дѣлая сравненіе, столь оскорбительное для человѣчества; однако презрѣнный рабъ не болѣе какъ скотъ подъ тяжелымъ ярмомъ. Нѣтъ отъ него другой услуги, кромѣ той, какая происходитъ отъ его тѣлесныхъ силъ. Рабъ, не умѣя и не дерзая мыслить, не можетъ и самое повиновеніе приписать себѣ въ заслугу. Какое же наслажденіе разрѣшить его оковы!»

Полѣновъ, въ своемъ трудѣ, начинаетъ съ того, что объясняетъ значеніе собственности. «Владѣніе движимымъ и недвижимымъ имѣ-

ніемъ, по его словамъ, есть лучшій способъ къ ободренію и поправленію крестьянъ, лишенныхъ всѣхъ выгодъ и преимуществъ, какія соединены съ правами общества». Владѣя землей, они позаботятся о лучшей обработкѣ полей, о скопленіи прибытка, объ улучшеніи своего быта. Отъ этого будетъ польза всѣмъ сословіямъ, а слѣдовательно и государству. «Лѣность, нерадѣніе, недовѣріе, боязнь—все отъ рабства. Какая польза трудиться тому, кто за свой трудъ ничего не видитъ, кромѣ опасности, истязанія и насилія? Праздность считаетъ онъ облегченіемъ своей бѣдности. Такъ нравы растлѣваются, умноженіе семьи становится въ тягость, населеніе уменьшается. Общество не только ничего не можетъ получить отъ этихъ людей, но еще само должно безпрестанно помогать имъ. Угнетеніе не только вредно, но и опасно: примѣромъ могутъ служить недавнія казацкія возстанія въ Польшѣ». Объясняя далѣе, что рабство произошло отъ насилія и завоеванія, Полѣновъ переходитъ къ положенію нашихъ крестьянъ. Они дошли до такого состоянія, что, лишившись почти всѣхъ, свойственныхъ человѣку, качествъ, какъ будто отягчены вѣчнымъ сномъ. Не имѣя никакой защиты отъ закона, они претерпѣваютъ всякія наглости, истязанія и насильства. Между тѣмъ они, по всей справедливости, заслуживали бы нашего попеченія, потому что проливаютъ свою кровь за отечество и преизобильно питаютъ насъ, сами ничѣмъ не пользуясь. Но мы больше жалѣемъ нашъ скотъ, нежели людей. Поэтому, лишенные человѣческихъ правъ, наши крестьяне живутъ въ недовѣріи и боязни, которыя мѣшаютъ имъ проникнуть сквозь густыя облака невѣжества». Что касается улучшенія крестьянскаго быта, то Полѣновъ предлагаетъ прежде всего позаботиться о воспитаніи крестьянъ, устроивъ во всѣхъ большихъ деревняхъ школы, и также завести лекарей и аптеки. Далѣе каждый крестьянинъ долженъ имѣть довольно земли для сѣянія хлѣба и пастьбы скота, и пользоваться ею наслѣдственно. Этой земли крестьянинъ можетъ быть лишенъ не иначе, какъ по суду. Однако онъ не имѣетъ права продавать ее, закладывать, или раздѣлять между многими дѣтьми. Въ случаѣ недостатка земли, при размноженіи населенія, необходимо заранѣе выводить нѣсколько семей на пустопорожнія мѣста, давая имъ все необходимое на обзаведеніе и облегчая ихъ повинности. Безземельныхъ можно отпускать и въ города учиться какому нибудь ремеслу; но вообще крестьянамъ слѣдуетъ какъ можно менѣе жить въ городахъ, гдѣ они не выполняютъ своего назначенія. Все движимое имѣніе, какъ-то скотъ и плоды крестьянскихъ трудовъ, остается въ полномъ распоряженіи крестьянина. Если тутъ что и было первоначально дано помѣщикомъ на

обзаведеніе, то крестьянинъ уже за все съ лихвою отплатилъ своимъ трудомъ. Онъ могъ-бы также въ извѣстные дни, разъ въ недѣлю, возить въ городъ на продажу сельскія произведенія: хлѣбъ, пеньку, ленъ, масло, холстъ, и проч. За эти льготы крестьянинъ платитъ подати въ казну и помѣщику. Лучшая подать та, которая берется съ произведеній земли и увеличивается по мѣрѣ накопленія богатства. Оброки и работы въ пользу помѣщика должны быть строго опредѣлены, чтобы онъ не имѣлъ никакой возможности притѣснять крестьянъ. Въ малыхъ дѣлахъ судъ можно предоставить выбраннымъ крестьянами людямъ. Для большихъ дѣлъ устроить высшіе суды подъ надзоромъ опытнаго законовѣда. Въ заключеніе, все это авторъ предлагаетъ произвести постепенно и не принуждая къ тому помѣщиковъ. Вотъ мысли Полѣнова. Мы не видимъ здѣсь полнаго освобожденія крестьянъ. Помѣщики всетаки остаются владѣльцами уступленной крестьянамъ земли, получая за нее извѣстную плату, и не выяснено, всегда или временно такъ должны платить крестьяне. Въ устройствѣ школъ (подъ руководствомъ священниковъ и дьячковъ), въ запрещеніи крестьянамъ жить въ городахъ, въ установленіи суда (по одобренію или при участіи помѣщиковъ), въ способахъ, какими предполагалось совершить преобразованіе, также много неопредѣленнаго и сомнительнаго. Всетаки предложенія Полѣнова ближе подходятъ къ дѣлу, чѣмъ фантазіи Беарде-де-Лабея.

Но въ то время, какъ Вольное Экономическое Общество предлагало вопросъ о крестьянской собственности, тотъ-же вопросъ неожиданно возникъ и въ Комиссіи для составленія новаго уложенія, засѣдавшей тогда въ Петербургѣ. Когда въ собраніи читали законы о юстиціи, дѣло дошло до постановленій о бѣглыхъ, и депутатъ отъ Козловскаго дворянства, Коробьинъ высказалъ мнѣніе, что причиною бѣгства крестьянъ очень часто бываютъ притѣсненія помѣщиковъ. «Они берутъ съ крестьянъ чрезмѣрныя подати, отдаютъ ихъ въ работу своимъ кредиторамъ зарабатывать проценты, отбираютъ ихъ имущество». Поэтому необходимо, объяснялъ Коробьинъ, установить закономъ, чего помѣщикъ вправѣ требовать отъ крестьянъ. Да полезно-бы, для успѣховъ земледѣлія, дать крестьянамъ извѣстную собственность въ полное владѣніе. Впрочемъ, имѣя свою землю, крестьяне останутся во власти помѣщиковъ, которые по прежнему будутъ ими управлять. Противъ этого предложенія Коробьина возстали многіе депутаты отъ дворянства, въ томъ числѣ и князь Щербатовъ. Ихъ возраженія состояли въ слѣдующемъ. «Россія поднялась и окрѣпла, не чувствуя вреда отъ власти помѣщиковъ. Добрые помѣ-

щики всегда были отцами своимъ крестьянамъ: они ихъ кормятъ во время голода, снабжаютъ скотомъ; а злыхъ и само дворянство не одобряетъ. Побѣги происходятъ отъ развращенія нравовъ, отъ самой обширности государства, отъ рекрутской повинности: бѣгаютъ не только крѣпостные, но и государственные, и дворцовые крестьяне. Коробьинъ предлагаетъ невозможныя вещи: дать крестьянамъ право владѣть землею и въ тоже время оставить ихъ во власти помѣщиковъ. Какое-же это будетъ владѣніе? Изъ этого вышли-бы только раздоры. Ужъ если давать крестьянамъ землю, то пришлось бы совсѣмъ освободить ихъ отъ власти помѣщиковъ. Но Богъ знаетъ, лучше-ли имъ было-бы тогда подъ властью чиновниковъ? Помѣщики по крайней мѣрѣ радѣютъ о крестьянахъ для своей же пользы. Да и откуда взять для крестьянъ землю? Отнять развѣ у помѣщиковъ? Значитъ, лишить ихъ того, что они пріобрѣли своею кровью. Если назначить за землю извѣстныя повинности, то какъ опредѣлить, что должны платить крестьяне? Каждая мѣстность тутъ представитъ особыя условія. Да и можно ли дать крестьянину землю въ полную собственность? При первой нуждѣ въ деньгахъ, онъ ее продастъ. Такъ размножатся беземельные и нищіе, которые уже не могутъ разсчитывать на помощь отъ помѣщиковъ. Среди крестьянской земли появятся новые владѣльцы: увеличится черезполосность, ссоры, тяжбы. Давая крестьянамъ право жаловаться на помѣщиковъ, мы обременимъ суды великимъ множествомъ жалобъ: духъ повиновенія ослабнетъ и водворится вредное «умственное равенство»!

Эти возраженія были отчасти вызваны ошибками Коробьина: конечно, было нелѣпостью толковать о какомъ нибудь владѣніи при полной зависимости отъ помѣщиковъ; Коробьинъ также не объяснилъ, что земля могла отдаваться не отдѣльнымъ лицамъ изъ крестьянъ, а общинѣ, при чемъ нельзя было опасаться обезземеленія. Депутаты, отвѣчавшіе на вышеприведенныя возраженія дворянъ, въ пользу мнѣній Коробьина требовали только, чтобы отдѣлить крестьянскую землю отъ помѣщичьей и узаконить для крестьянъ пользованіе ею, при чемъ полагали, хотя и труднымъ, но возможныхъ дѣломъ, по оцѣнкѣ земель, установить и повинности. Они желали также установить какихъ нибудь посредниковъ между крестьянами и помѣщиками, которые ограничивали бы чрезмѣрныя требованія помѣщиковъ. По ихъ словамъ, число лицъ, угнетавшихъ своихъ крестьянъ, все увеличивалось; еще болѣе терпѣли крестьяне отъ алчныхъ управляющихъ и прикащиковъ; неповинные, они должны были отвѣчать и на судѣ, когда ихъ насильно заставляли пахать чужую землю, рубить чужой

лѣсъ. А что есть помѣщики, помогающіе своимъ крестьянамъ, такъ вѣдь это они дѣлаютъ для своей-же пользы и изъ добра, добытаго крестьянскимъ трудомъ. На притязанія дворянъ особенно краснорѣчиво отвѣчали депутатъ отъ дворянства Козельскій и крестьянскій депутатъ Чупровъ. Козельскій, дѣлая сравненіе съ пчелою, которая жалитъ, чтобъ защитить пріобрѣтенное своимъ трудомъ, замѣтилъ, что крестьянинъ знаетъ лишь одно: все, что только ни есть у него, принадлежитъ не ему, а помѣщику. «Каковъ-же долженъ быть человѣкъ, чтобы и при такихъ обстоятельствахъ еще заслужить хвалу? возможно-ли требовать отъ него добродѣтели, когда для этого у него нѣтъ никакого средства? Понятно, что онъ становится врагомъ самому себѣ, впадаетъ въ уныніе, пьянствуетъ. Помѣщики, желая безпредѣльной власти надъ крестьянами, требуютъ большаго, чѣмъ сама самодержавная власть, которая ограничиваетъ свои требованія закономъ, предѣлами назначенной каждому службы. По этому нужно опредѣлить предѣлы и помѣщичьей власти, назначить барщину по два дня въ недѣлю; оставить въ потомственное владѣніе крестьянъ ихъ движимое и недвижимое имущество съ тѣмъ только, чтобы безъ дозволенія помѣщика они не могли продавать его и закладывать, и проч. Депутатъ Чупровъ, признавая большія заслуги дворянства, объяснялъ, что вѣдь и недворяне работаютъ по мѣрѣ силъ своихъ, каждый на своей службѣ. «Но г-да депутаты не за тѣмъ созваны, чтобы себя восхвалять и приписывать себѣ честь, а чтобы никакой вещи не оставить безъ узаконенія. Надо, значитъ, положить законъ и о помѣщичьей власти. О добрыхъ помѣщикахъ что говорить? Ихъ всякій знаетъ и уважаетъ. А много есть и такихъ, что берутъ съ крестьянъ и денежную подать, и изъ домашняго ихъ произращенія, да и самихъ берутъ въ работу. Вотъ такихъ-то и надо ограничить. Нужно заботиться о бѣдныхъ, а о тѣхъ, что живутъ въ милости и счастіи и представлять не слѣдуетъ, какъ г-да депутаты многословятъ». Всего въ этихъ преніяхъ участвовали до 16 депутатовъ: изъ нихъ 6 были за ограниченіе помѣщичьей власти, а 10 противъ. Но мы знаемъ, что изъ лицъ, которыя совсѣмъ не участвовали въ преніяхъ, были еще многіе сторонники Коробьина, даже изъ высокопоставленныхъ лицъ, напримѣръ, Сиверсъ, Никита Панинъ, Строгановъ. Большинство дворянъ всетаки, вѣроятно, подали-бы голосъ противъ предложенія Коробьина, но городскіе и крестьянскіе депутаты (а ихъ въ комиссіи было втрое болѣе) могли стоять за него, еслибы это предложеніе было пущено на голоса. Купцы именно жаловались, что, пользуясь крѣпостнымъ трудомъ, помѣщики

имѣютъ много преимуществъ въ каждомъ промышленномъ дѣлѣ, и съ ними невозможно соперничать. Въ проэктѣ частной комиссіи о правахъ благородныхъ признано необходимымъ дать крестьянамъ полное право хотя на движимое имущество и также право жаловаться на обиды помѣщиковъ. Къ сожалѣнію, всѣ эти труды комиссіи и большаго собранія, что касается крѣпостныхъ крестьянъ, не имѣли никакихъ послѣдствій. Въ царствованіе Екатерины II крѣпостное право еще значительно усилилось. Помѣщики остались полновластными господами надъ трудомъ и личностью своихъ крестьянъ; даже обычай продавать людей въ одиночку, отрывая отъ семьи, нисколько не ослабѣлъ, хотя противъ него возставали и дворянскіе депутаты въ Комиссіи. Не только ничего не сдѣлано, чтобы хоть подготовить освобожденіе крестьянъ; но крѣпостное право утвердилось и тамъ, гдѣ его прежде не было. Все это покажется невѣроятнымъ, если припомнить настойчивыя предложенія Екатерины объ улучшеніи быта крестьянъ. Но дѣло въ томъ, что во всѣхъ начинаніяхъ она опиралась преимущественно на дворянство: тутъ же она не ожидала для себя довольно поддержки, не надѣялась на успѣхъ, если пойдетъ по пути улучшеній. Въ скоромъ времени страшный Пугачевскій бунтъ, а потомъ народныя волненія во Франціи послужили новымъ доводомъ для тѣхъ, которые опасались давать какіе либо права крестьянамъ. Эти событія на дѣлѣ оправдывали лишь слова Полѣнова объ опасности рабства и могли бы послужить лишь новымъ доводомъ въ необходимости такихъ собраній, какъ Комиссія Уложенія съ ея преніями. Тѣмъ не менѣе, посреди тревогъ и заботъ, ими причиненныхъ, Екатерина значительно охладѣла къ ученіямъ энциклопедистовъ. Къ сожалѣнію, лишь слѣдуя Монтескье, она созывала Комиссію, между тѣмъ какъ собранія выборныхъ людей, для изъясненія правительству народныхъ нуждъ, для исправленія законовъ, были самымъ обычнымъ дѣломъ въ древней Россіи до Петра Великаго.

Екатерина ждала отъ дворянъ, участвовавшихъ въ Комиссіи, рѣшенія крестьянскаго вопроса. Въ этихъ видахъ, въ 1767-мъ году изданъ указъ, по которому запрещены всякія жалобы крестьянъ на помѣщиковъ подъ страхомъ наказанія кнутомъ и ссылки въ вѣчную каторжную работу. Но рѣшенія не послѣдовало, а указъ остался. Новыми законами подтверждены исключительныя права дворянъ на владѣніе землею и людьми. Эти законы, общіе для всей Россіи, распространялись и на западныя области, присоединенныя отъ Польши, гдѣ крѣпостное право уже существовало, и на Малороссію и весь

югъ Россіи, гдѣ его вовсе не было. Крестьяне въ этихъ провинціяхъ терпѣли отъ землевладѣльцевъ и прежде всякія притѣсненія, и при русскомъ крѣпостномъ правѣ ихъ положеніе не ухудшилось, но, конечно, и не улучшилось. Дѣлая это, Екатерина только желала объединить всѣ части имперіи подъ одними законами. Въ Малороссіи гетманское достоинство совсѣмъ уничтожено; въ Донской области власть атамана сильно ограничена. Наконецъ рѣшена участь и Запорожья. Мы уже говорили о бытѣ запорожцевъ. Блестящимъ для нихъ временемъ былъ XVII-ый вѣкъ, когда въ борьбѣ съ поляками ими предводительствовали: Нечай, Сагайдачный, Богданъ Хмѣльницкій. При Богданѣ и они признали покровительство Россіи; но при Петрѣ I ихъ кошевой Гордѣенко держалъ сторону Мазепы. Вслѣдствіе этого Сѣчь раззорена. Запорожцы отдались въ подданство Турціи и основали свой кошъ близь устьевъ Днѣпра при Алешкахъ. Но здѣсь имъ жилось плохо, и при Аннѣ Іоанновнѣ они выпросили позволеніе возвратиться на свое старое пепелище. Старыя вины имъ прощены, и земли, которыми они владѣли, имъ были отданы. При Екатеринѣ II, когда правительство болѣе всего стало заботиться объ однообразіи въ управленіи и введено новое раздѣленіе на губерніи, запорожцы уже напрасно отстаивали свои владѣнія, ссорясь то съ донскими казаками изъ за рыбныхъ лововъ на Азовскомъ морѣ, то съ сосѣдними изюмскими помѣщиками изъ за нивъ и пастбищъ, то съ поселенцами въ Новой Сербіи. Они также не хотѣли допускать землемѣровъ въ свою землю, прогоняли карантинныхъ офицеровъ, вырубавшихъ у нихъ лѣсъ и плодовыя деревья. Со всѣхъ сторонъ сыпались на нихъ жалобы. Они посылали довѣренныхъ въ Москву, надѣясь на покровительство Потемкина; но Потемкинъ, назначенный Новороссійскимъ губернаторомъ, уже не могъ поддерживать запорожской вольницы. Послѣ Кучукъ - Кайнарджійскаго мира, отрядъ, возвращавшійся изъ Турціи, внезапно окружилъ Запорожскую Сѣчь: видя направленныя на нихъ со всѣхъ сторонъ пушки, казаки покорились. Атаманъ ихъ и другія выборныя власти отвезены въ Москву. Сѣчь раззорена такъ, что и балки не осталось. Половина запорожцевъ, скрывъ лодки въ тростникахъ, ушла въ Турцію; другіе остались мирными хлѣбопашцами или поступили въ пикинерные полки. Запорожскія земли вошли въ составъ Азовской и Новороссійской губерніи. Ихъ щедро раздавали разнымъ придворнымъ лицамъ: такъ, напримѣръ, Вяземскій получилъ 100.000 десятинъ на самыхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ была Сѣчь. Впрочемъ въ Южной Россіи земли тогда давали кому угодно изъ дворянъ и сколько угодно, но съ обязан-

ностью заселить ихъ. Память о Запорожьи осталась только въ пѣсняхъ, гдѣ говорится: «Эй, батьки-атаманы! гдѣ дѣли нашу старшину? беретъ жалость сердце, какъ вспомнишь славную старину!» Но ставши полнымъ господиномъ въ Южной Россіи, Потемкинъ опять свелъ дружбу съ запорожцами, ласкалъ ихъ, отовсюду собиралъ около себя и составилъ изъ нихъ казачій полкъ, который много помогъ ему при завоеваніи Очакова. Чрезъ его ходатайство, запорожцы впослѣдствіи получили земли на Кубани и вошли въ составъ Черноморскаго войска. Совсѣмъ иначе поступала Екатерина, гдѣ дѣло не затрогивало дворянства. Мы уже говорили объ освобожденіи монастырскихъ крестьянъ, начатомъ еще Петромъ III. Тутъ избавлены отъ крѣпостной зависимости около милліона народу. Послѣ Пугачевскаго бунта, справедливо находя одну изъ главныхъ причинъ его въ жалкомъ положеніи заводскихъ крестьянъ и раскольниковъ, она позаботилась издать въ пользу тѣхъ и другихъ нѣкоторые законы. Было опредѣлено съ точностью, чего могутъ заводчики требовать отъ своихъ крѣпостныхъ рабочихъ и какую плату въ томъ или другомъ случаѣ могутъ получать эти работники. Съ раскольниковъ сняты тяготѣвшія на нихъ еще со временъ Петра Великаго двойныя подати. Они избавлены отъ обязанности носить особую одежду; имъ дано право свидѣтельствовать передъ судомъ, служить по выборамъ, и проч. Наконецъ старообрядцамъ, отличавшимся только тѣмъ, что слѣдовали старопечатнымъ книгамъ и нѣкоторымъ стариннымъ обрядамъ, дозволено, по ходатайству Потемкина, имѣть свои храмы и священниковъ, поставленныхъ православными епископами. Съ тѣхъ поръ они стали извѣстны подъ именемъ *единовѣрцевъ*.

Свободнымъ сословіямъ, въ 1785-мъ году, были дарованы права, о какихъ они отчасти просили въ своихъ наказахъ депутатамъ Комиссіи. Въ этомъ году изданы: «Жалованная Грамота» и «Городовое Положеніе». Особенно много льготъ получило дворянство, какъ первенствующее сословіе. Екатерина явно желала возвысить его надъ другими. «Жалованной Грамотой» подтверждены всѣ прежнія его преимущества: оно одно владѣло крестьянами, могло служить или не служить, лично было избавлено отъ податей (внося подати лишь за своихъ крестьянъ) и отъ тѣлесныхъ наказаній. Ни одинъ дворянинъ не могъ быть лишенъ дворянства безъ разсмотрѣнія дѣла въ сенатѣ и безъ высочайшаго о немъ опредѣленія. Кромѣ того дворянамъ дано право съѣзжаться для выбора себѣ предводителя и разныхъ лицъ на судебныя мѣста (предсѣдателя судебной палаты, уѣздныхъ судей, исправниковъ, и проч.). О своихъ нуждахъ они могли

ходатайствовать не только у намѣстника и въ сенатѣ, но и обращаясь прямо къ верховной власти. Они могли также заниматься промыслами и производствами. По «Городовому Положенію», получили свое окончательное устройство общества купцевъ, мѣщанъ и цеховыхъ, уже платившихъ подати. Они также собирались, составляя городскую думу, и избирали изъ своей среды городскаго голову и шесть членовъ для управленія дѣлами города (доходы, расходы, постройки, и проч.). Эта «шестигласная» дума имѣла постоянное засѣданіе. Городскія сословія могли ходатайствовать о своихъ нуждахъ лишь у губернатора. Они имѣли мало самостоятельности: главное назначеніе этихъ выборныхъ властей состояло въ томъ, чтобы позаботиться о раскладкѣ и сборѣ податей, о исполненіи разныхъ казенныхъ повинностей, за что отвѣчало все общество. Вообще рѣзкое дѣленіе на сословія не могло принести пользу государству. Чрезъ это лишь усиливалось между ними отчужденіе и каждое въ своемъ кругу заботилось лишь о своихъ мелкихъ интересахъ, а не объ общей пользѣ. Да и свои интересы сословія не могли обсуждать основательно, потому что и дворяне, и горожане собирались всего одинъ разъ въ три года.

Въ 1775-мъ году издано было «Учрежденіе о губерніяхъ,» которое придало большую противъ прежняго правильность внѣшнему устройству государства. Дѣятельными помощниками Екатерины въ этихъ постановленіяхъ былъ генералъ-прокуроръ Вяземскій, вмѣстѣ съ нѣкоторыми образованными лицами изъ лифляндскаго дворянства. Вяземскій, при Екатеринѣ, до 30 лѣтъ служилъ генералъ-прокуроромъ. Онъ, такъ сказать, представлялъ собою въ сенатѣ, куда сходились всѣ дѣла, власть государыни и былъ при ней главнымъ докладчикомъ и министромъ. Кромѣ него еще только Никита Панинъ завѣдывалъ иностранными дѣлами, да военною частью заправлялъ сначала Чернышевъ, а потомъ Потемкинъ. Всѣ остальныя дѣла: по финансамъ, по судопроизводству, по внутреннимъ распоряженіямъ, были въ рукахъ Вяземскаго, такъ что онъ исполнялъ должность трехъ министровъ. Екатерина гордилась имъ, говоря, что сама его образовала. Другіе не находили въ немъ такихъ способностей и даже считали его глуповатымъ. Вяземскій былъ себѣ на умѣ и, не отличаясь большими способностями, или знаніями, выказывалъ во всемъ большую распорядительность, ловкость и сноровку: Екатеринѣ онъ былъ особенно дорогъ своимъ умѣньемъ сберечь и добыть деньги на разные экстренные расходы. Въ «Учрежденіи о губерніяхъ» установленъ порядокъ управленія во всемъ государствѣ. Предположено

для каждой губерніи отдѣлять область различнаго пространства, но всегда заключающую отъ 300 до 400 тысячъ жителей. Ничего другаго при этомъ дѣленіи не было принято въ разсчетъ: ни промыслы жителей, ни народныя ихъ особенности, ни особенности природы. Каждой губерніей управлялъ губернаторъ; нѣсколько губерній соединялись подъ властью намѣстника. На обязанности губернаторовъ и намѣстниковъ лежало не только наблюденіе за ходомъ дѣлъ въ присутственныхъ мѣстахъ; но они заботились также о проведеніи дорогъ и устройствѣ каналовъ, о развитіи промышленности и земледѣлія, о народномъ здравіи, о безопасности отъ пожаровъ, о возведеніи, гдѣ только возможно, каменныхъ построекъ, и также о сближеніи людей, о распространеніи общежитія и свѣтскости, для чего устраивали балы, публичныя собранія, праздники. Губернаторами и намѣстниками избраны Екатериною все болѣе способные изъ приближенныхъ къ ней лицъ, каковы были: Чернышевъ, Румянцевъ, Волконскій, Сиверсъ. Сиверсъ, новгородскій намѣстникъ, родомъ лифляндецъ, выказалъ особенную дѣятельность въ управленіи обширнымъ краемъ, обнимавшимъ нѣсколько нынѣшнихъ губерній отъ Ильменя и верховьевъ Волги до Бѣлаго моря. Со всѣми ласковый и обходительный, хотя и скупой на слова, онъ неторопливо вникалъ во всякое дѣло, поступалъ всегда обдуманно, но шелъ къ своей цѣли съ величайшей настойчивостью. По непроходимымъ дорогамъ, а мѣстами и вовсе безъ дорогъ, онъ объѣздилъ весь ввѣренный ему край, и въ своихъ письмахъ постоянно сообщалъ Екатеринѣ о разныхъ улучшеніяхъ, необходимыхъ по мѣстнымъ потребностямъ, онъ предлагалъ выписать картофель изъ Ирландіи, устроить казармы для облегченія жителей отъ постоевъ, соединить Бѣлое море съ Балтійскимъ, обучать крестьянъ грамотѣ, и проч. По его совѣту, открыто Вольное Экономическое общество, начато вновь съ большимъ противъ прежняго успѣхомъ межеваніе земель; онъ ходатайствовалъ также о томъ, чтобы облегчить помѣщичьимъ крестьянамъ выходъ на волю. Екатерина постоянно переписывалась со своими губернаторами и давала имъ совѣты и порученія. Нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно старались о введеніи порядка, о поднятіи земледѣлія и промышленности; но было не мало и такихъ, которые уже слишкомъ увлекались наружнымъ блескомъ: подражая двору, устраивали пышные пріемы и выходы, окружали себя неслыханной роскошью, тратили громадныя деньги на безполезныя каменныя постройки, на разведеніе англійскихъ садовъ, и проч. Ихъ мѣтко осмѣивалъ Державинъ, говоря:

„На пышныхъ, карточныхъ престолахъ
Сидятъ мишурные цари“.

Всего при Екатеринѣ устроено 50 губерній. Каждая губернія дѣлилась на уѣзды; такъ какъ по новому дѣленію не доставало центральныхъ мѣстъ для уѣзднаго управленія, то около 200 селъ обращены были въ уѣздные города. Города эти однако тѣмъ лишь и отличались отъ деревень, что въ нихъ были присутственныя мѣста: ни промышленность, ни торговля, ни другія выгоды жителей тутъ почти не принимались во вниманіе. Въ уѣздныхъ городахъ находились: уѣздный судья для дворянъ, городовой магистратъ для купцевъ и мѣщанъ, нижняя расправа для однодворцевъ, казначейство для сбора податей, и проч. Въ губернскихъ городахъ учреждены высшія инстанціи: верхній земскій судъ, губернскій магистратъ, верхняя расправа; кромѣ того уголовная и гражданская палата, казенная палата (для государственныхъ сборовъ), губернское правленіе, имѣвшее высшую распорядительную и полицейскую власть, и проч. Въ общихъ чертахъ это устройство сохранялось до новѣйшаго времени, когда введены: земскія учрежденія и гласные суды.

Въ числѣ другихъ улучшеній, Екатерина обратила вниманіе на то, чтобы правильнѣе установить цѣнность монеты. Петръ Великій, нуждаясь въ деньгахъ, прибѣгалъ къ очень обманчивому средству, чтобы обогатить казну. Онъ приказывалъ чеканить мѣдную монету цѣнностью въ нѣсколько разъ выше той, какую имѣла мѣдь въ продажѣ. Дошло до того, что изъ пуда мѣди, стоившаго 5 рублей, стали чеканить монеты рублей на 40; то есть, на деньгахъ объявлялась цѣна въ 8 разъ выше настоящей: получая 8 пятаковъ, вы должны были считать 40 коп., тогда какъ на дѣлѣ вамъ давали только 5 коп. Не имѣя возможности принимать монету не по той цѣнѣ, какая была объявлена, купцы естественно набавили цѣну на товары: они знали, что новыми деньгами получатъ въ 8 разъ меньше прежняго, и стали требовать 40 коп. тамъ, гдѣ прежде брали 5 коп. И сама казна принуждена была платить за все дороже, такъ что ничего не выигрывала. Чтобы уничтожить дороговизну, происходившую отъ малоцѣнности денегъ (при чемъ болѣе всего страдалъ бѣдный народъ, которому плата за трудъ далеко не возвышалась въ той мѣрѣ, какъ падала цѣна денегъ), послѣ Петра I стали чеканить монету лучшаго достоинства; но при Елизаветѣ опять произвольно возвысили ея цѣну. Цѣна эта нѣсколько разъ мѣнялась, и въ народѣ ходили деньги разнаго достоинства. Тогда промышленные люди стали собирать и припрятывать монету лучшаго достоинства,

находя болѣе выгоднымъ обращать ее въ товаръ, такъ какъ, продавая ее какъ товаръ, на разныя подѣлки, они получали гораздо болѣе, чѣмъ еслибы пустили ее въ уплату наравнѣ съ малоцѣнною монетой: покупая какую нибудь вещь въ 6 разъ дороже настоящей цѣны, я уже заплатилъ бы не въ 6 разъ, а въ 12 разъ дороже, еслибы сталъ платить монетою, которой цѣнность лишь въ 3 раза ниже настоящей; продавая же эту монету, какъ простой металлъ, я получаю вдвое болѣе той цѣны, какая на ней объявлена. Екатерина уничтожила всѣ эти злоупотребленія, уравнявъ объявленную на монетѣ цѣну съ ея дѣйствительной стоимостью и изъявъ изъ обращенія малоцѣнную монету.

Въ послѣдніе годы царствованія Елизаветы государственный доходъ простирался лишь до 20 милл. рублей, а расходъ превышалъ его на 5 милл. Вслѣдствіе этого не уплачено было много долговъ по подрядамъ и поставкамъ. Екатерина, вступивъ на престолъ, быстро исправила дѣло: въ нѣсколько лѣтъ она достигла того, что, уплативъ всѣ долги, имѣла еще болѣе 5 милл. руб. въ запасѣ. Но начались турецкія войны, пугачевщина, польскія смуты, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе требовалось денегъ. Въ то время во Франціи придумали пускать въ ходъ ассигнаціи, то есть, замѣнявшія деньги, печатныя росписки, по которымъ казна обязывалась уплачивать звонкою монетою всякій разъ, по желанію предъявителя. Казалось, такимъ образомъ очень легко было добыть денегъ, сколько угодно: стоило лишь наготовить бумажекъ и пустить ихъ въ обращеніе. Но ассигнаціи могли сохранять свою цѣну лишь тогда, когда ихъ количество не превышало тѣхъ средствъ, какія казна имѣла для полученія настоящихъ денегъ. Это былъ государственный долгъ, который, какъ и всякій частный долгъ, обезпечивается всѣмъ богатствомъ лица и его способностью производить это богатство. Франція, въ концѣ прошедшаго столѣтія, выпуская ассигнаціи чрезъ мѣру, довела дѣло до того, что подъ конецъ ихъ никто не сталъ брать, и всѣ ихъ владѣльцы въ конецъ раззорились. Нуждаясь въ деньгахъ, Екатерина также рѣшилась выпустить ассигнаціи; но поступала въ этомъ дѣлѣ гораздо осторожнѣе. Въ 1769 году она учредила въ Петербургѣ и Москвѣ ассигнаціонные банки съ ихъ конторами во всѣхъ главныхъ городахъ: въ нихъ положено до 1 милліона рублей звонкою монетою для размѣна бумажекъ, и выпущено на милліонъ самыхъ бумажекъ. Эти ассигнаціи отлично пошли въ ходъ, потому что всякій довѣрялъ казнѣ, а держать ихъ было гораздо удобнѣе, чѣмъ звонкую монету. Въ то время было очень недостаточно денегъ въ обращеніи и до-

ставать ихъ приходилось за большіе проценты: выпускъ ассигнацій помогъ и въ этомъ отношеніи. Рядомъ съ ассигнаціонными устроенъ и заемный банкъ (вмѣсто прежняго дворянскаго и купеческаго), который ссужалъ дворянамъ и горожанамъ деньги за 5 процент. Но нужды государства росли, и Екатерина все увеличивала выпускъ ассигнацій, такъ что къ концу ея царствованія ихъ выпущено уже на 150 милл. рублей. Тогда онѣ пали въ цѣнѣ, что выразилось вздорожаніемъ товаровъ: такъ, напримѣръ, рожь стала почти втрое дороже прежняго. Въ нынѣшнемъ столѣтіи цѣна ассигнацій такъ понизилась, что предписано было считать въ рублѣ серебромъ $3^1/_2$ рубля ассигнаціонныхъ; наконецъ онѣ замѣнены кредитными билетами, и тогда стали считать на серебро. Кромѣ многихъ расходовъ, войны при Екатеринѣ требовали и много народу: такъ послѣ 1769 года было въ теченіи четырехъ лѣтъ восемь рекрутскихъ наборовъ: чума, пугачевщина также истребили массу жителей. Но хотя тутъ погибли многія сотни тысячь, населеніе Россіи при Екатеринѣ почти удвоилось (съ 20 милл. до 38 милл.). Этому въ значительной мѣрѣ содѣйствовали обширныя завоеванія, при ней сдѣланныя. Вмѣстѣ съ тѣмъ и государственный доходъ возросъ съ 20 до 65 милл. рублей. При этомъ уровень благосостоянія могъ подняться лишь въ помѣщичьемъ классѣ (крѣпостной, прежде продававшійся за 30 рублей, теперь стоилъ до 100 рублей), да нѣсколько отдѣльныхъ лицъ составили громадныя состоянія, особенно чрезъ винный откупъ, утвердившійся при Екатеринѣ.

Гораздо важнѣе были предпринятыя Екатериною мѣры къ распространенію образованія. Еще во время перваго своего пребыванія въ Москвѣ, Екатерина издала указъ объ основаніи «воспитательныхъ домовъ» въ Москвѣ и Петербургѣ. Сюда принимались оставленныя безъ призрѣнія, незаконно-рожденныя дѣти: ихъ содержали, воспитывали по деревнямъ и потомъ поселяли въ разныхъ мѣстахъ, какъ государственныхъ крестьянъ или ремесленниковъ. Екатерина, имѣя въ виду спасеніе погибавшихъ во множествѣ дѣтей, и сама давала примѣръ того, что нужно дѣлать. Въ то время англичанинъ Димсдаль придумалъ прививать искусственно оспу и чрезъ это ослабилъ дѣйствіе болѣзни, страшно опустошавшей народъ. Но прививка оспы была новымъ, неслыханнымъ дѣломъ, и немногіе на нее рѣшались, зная о смертельномъ исходѣ настоящей оспы. Екатерина привила оспу себѣ и наслѣднику престола, чтобы убѣдить всѣхъ въ безвредности такого опыта. Это очень поразило приближенныхъ: сенатъ принесъ благодарность государынѣ и постановилъ ежегодно праздновать

такое событіе. Въ 1764 году открытъ «Смольный институтъ» съ двумя отдѣленіями для дворянскихъ и для мѣщанскихъ дѣвицъ, а потомъ преобразованы кадетскіе корпуса. При учрежденіи этихъ закрытыхъ женскихъ и мужскихъ заведеній, Екатерина имѣла въ виду не только образованіе ума, но и воспитаніе,—или, какъ тогда говорили: «создать новую породу людей». Объ этихъ воспитательныхъ цѣляхъ государыни мы знаемъ и изъ ея Наказа. Главнымъ ея помощникомъ тутъ былъ Бецкій, человѣкъ, получившій заграничное образованіе и усвоившій идеи о воспитаніи, какія тогда господствовали во Франціи. Въ 1782 г. открыта «Комиссія для учрежденія народныхъ училищъ». Тутъ главнымъ дѣятелемъ былъ сербъ, рекомендованный австрійскимъ императоромъ Іосифомъ II, Янковичь-де-Миріево. Комиссія выработала обширный планъ, по которому слѣдовало учредить «малыя народныя училища» въ каждомъ уѣздномъ городѣ и «большія» въ каждомъ губернскомъ. Составлены также очень порядочныя для того времени учебники, гдѣ между прочимъ шла рѣчь о правахъ и обязанностяхъ гражданина, о правилахъ хорошаго поведенія. Но училищъ, за недостаткомъ преподавателей, открыто очень мало, и дворяне часто довольствовались при воспитаніи дѣтей дьячками, грамотными изъ крѣпостныхъ людей и заѣзжими иностранцами изъ цирюльниковъ, лакеевъ и проч. Что касается литературы, то она очень много сдѣлала при Екатеринѣ и для научнаго ознакомленія съ Россіей и для распространенія въ обществѣ лучшихъ понятій *).

ВНѢШНІЯ ДѢЛА ПРИ ЕКАТЕРИНѢ II.

Отъ первой турецкой войны до присоединенія Крыма.

(Дѣла Румянцева.—Чума.—Возвышеніе Потемкина.)

Мы знаемъ, что собраніе депутатовъ было закрыто по случаю войны съ турками. Эта война, при обширныхъ замыслахъ Екатерины, была неизбѣжною. Стоитъ только вспомнить, въ какомъ положеніи находилась тогдашняя южная граница Россіи. Кавказъ еще не былъ

*) Объ учебныхъ заведеніяхъ и литературѣ подробнѣе изложено въ статьѣ: „Образованіе въ вѣкъ Екатерины II“.

въ нашихъ рукахъ: на сѣверныхъ его склонахъ жили независимые кабардинцы, съ которыми мы боролись на Кубани. Далѣе Крымъ и весь берегъ Чернаго моря находились въ рукахъ подвластныхъ туркамъ татаръ; сами турки имѣли близь устьевъ Днѣпра крѣпость Очаковъ и западнѣе на Днѣстрѣ крѣпость Бендеры. Сѣвернѣе, на томъ же Днѣстрѣ, лежала еще турецкая крѣпость Хотинъ (близь Каменецъ-Подольска), уже далеко отъ русскихъ владѣній, на границахъ Польши. Вообще собственная Турція больше граничила съ Польшею чѣмъ съ Россіею: наша граница отъ Азова шла къ нынѣшнему Никополю на Днѣпрѣ, спускалась къ Бериславу, а отсюда тянулась на западъ къ Ольвіополю на Бугѣ, гдѣ начинались уже польскія владѣнія. Отсюда, возвращаясь къ сѣверовостоку, къ городу Кременчугу на Днѣпрѣ, шла пограничная черта, отдѣлявшая насъ отъ Польши. Такимъ образомъ русская земля здѣсь выдавалась клиномъ отъ Днѣпра, къ западу, къ Ольвіополю. Эти мѣста часто подвергались набѣгамъ татаръ, и вначалѣ единственными ихъ защитниками были жившіе здѣсь вольные запорожцы, которые хотя и считались русскими подданными, но подъ часъ грабили и русскихъ. При Елизаветѣ, какъ противъ нихъ, такъ и противъ татаръ, здѣсь построена крѣпость подъ названіемъ Елизаветграда и поселены сербскіе выходцы, отчего эта мѣстность и стала называться Новой Сербіей (впослѣдствіи Новороссія). Изъ этого видно, что Росссія въ началѣ царствованія Екатерины имѣла на югѣ очень неопредѣленныя степныя границы. Но уже къ 1770-му году Екатерина успѣла утвердить свое вліяніе въ Польшѣ на столько, что могла, по договору, держать свои войска въ польской Украйнѣ, пограничной съ Турціею. Это и подняло Турцію противъ Россіи.

Разрыву съ Турціей помогло и подстрекательство Франціи. Подчиняя Польшу, Екатерина принудила польскій сеймъ дать права диссидентамъ, то есть польскимъ подданнымъ греческой вѣры и протестантамъ. Франція, управляемая въ то время іезуитами, стала употреблять всѣ усилія, чтобы поддержать католическую Польшу, и не нашла лучшаго средства, какъ возбудить турокъ для ея защиты. Это и удалось ей. Такимъ образомъ сочувствіе Екатерины къ энциклопедистамъ, врагамъ іезуитовъ, объясняется и ея политическими разсчетами. Могло казаться, что, съ ослабленіемъ католицизма во Франціи, эта страна уже не стала бы поддерживать Польшу. Туркамъ же не трудно было объяснить, какъ опасно для нихъ господство русскихъ въ Польшѣ. Дѣйствительно, только властвуя въ этой странѣ, мы могли безопасно направить свои силы изъ Новой Сербіи къ Ду-

наю: иначе позади остался бы опасный соперникъ, и Екатерина, устраивая свои дѣла въ Польшѣ, конечно, уже обращала взоры и на югъ Россiи. Поводъ къ войнѣ найти было не трудно. Въ то время въ польской Украйнѣ началось, по обычаю, возмущенiе крестьянъ противъ пановъ. Запорожцы, главные его руководители, напали на пограничный городокъ Балту, перерѣзали въ немъ жидовъ и поляковъ, а за одно и жившихъ тамъ турокъ. Порта тотчасъ поставила это въ вину Россiи, хотя русское войско въ то время, по договору съ Польшею, усмиряло крестьянъ и запорожцевъ. Осторожный Панинъ спѣшилъ предложить удовлетворенiе туркамъ; но въ Константинополѣ уже посадили русскаго посланника въ Семибашенный Замокъ, и война стала неизбѣжной. Дѣйствiя начались съ того, что старый фельдмаршалъ Голицынъ, сынъ извѣстнаго при Петрѣ I полководца, приступилъ къ Хотину; но распоряжался неискустно, не взявъ съ собою ни довольно провiанта, ни осадныхъ орудiй. Къ счастiю, онъ имѣлъ противъ себя еще болѣе плохаго противника. Турецкiй военачальникъ, визирь, пришедши съ громаднымъ войскомъ, почти совсѣмъ окружилъ его. Голицынъ нѣсколько разъ отражалъ его и потомъ отступалъ за Днѣстръ, не взявъ Хотина. Наконецъ турецкiя войска бросились его преслѣдовать, напали и были вновь разбиты. Тогда они возмутились противъ визиря и самовольно вернулись къ Дунаю. Хотинъ послѣ этого сдался русскимъ безъ боя. Екатерина, недовольная Голицынымъ, назначила начальникомъ дѣйствующей армiи Румянцева, а для обереганiя южной границы отъ татаръ выставлены войска подъ начальствомъ Петра Панина, брата извѣстнаго Никиты Панина.

Петръ Панинъ былъ опытный генералъ, изучившiй во время семилѣтней войны новое военное искуство, образцы котораго далъ Фридрихъ II; но онъ не отличался быстрымъ соображенiемъ, а болѣе рабски слѣдовалъ однажды принятымъ правиламъ. Напротивъ Румянцевъ обладалъ дѣйствительными воинскими способностями. Во время Семилѣтней войны, будучи еще 30 лѣтъ, онъ выказалъ и храбрость, и распорядительность. Возвышенный Петромъ III, онъ подалъ въ отставку при вступленiи на престолъ Екатерины; но императрица его удержала, сказавъ: «я смотрю не на лица, а на заслуги». Зная о его искуствѣ въ управленiи дѣлами, она назначила его губернаторомъ Малороссiи. Въ этомъ званiи, онъ старался о строгомъ исполненiи предписанiй правительства, о соблюденiи порядка, былъ нелицепрiятенъ; но, кромѣ обыкновенной дѣловитости хорошаго правителя, ничѣмъ особеннымъ себя не выказалъ, мало участвуя въ общихъ тогда стремленiяхъ къ улучшенiямъ, отчасти, можетъ быть, и потому, что Екатерина мало давала ему для этого средствъ. Его чи-

новничья роль состояла въ томъ, чтобы уравнять Малороссію съ другими русскими областями; по этому онъ энергически дѣйствовалъ противъ происковъ казацкой старшины, представлялъ объ отобраніи городовъ у частныхъ владѣльцевъ, о запрещеніи торговать тѣмъ, кто не записанъ въ городское общество, и проч. Румянцевъ не блисталъ ни краснорѣчіемъ, ни обширными замыслами; ему были чужды свѣтская общительность, умѣнье нравиться и угождать: ничѣмъ не стѣсняясь, онъ открыто высказывалъ свое неудовольствіе по поводу разныхъ помѣхъ и задержекъ въ дѣлахъ, жалуясь на лицъ, имѣвшихъ силу при дворѣ,—и Екатерина его не любила. Это однако не мѣшало ей цѣнить его таланты и щедро награждать его за заслуги. Настоящее его поприще было военное. Тутъ онъ рѣшительнѣе опирался на свой талантъ, говоря что никакіе примѣры другихъ полководцевъ не могутъ служить руководствомъ, потому что обстоятельства постоянно мѣняются и нужно умѣть съ ними сообразоваться. Впрочемъ надо и то замѣтить, что Румянцеву приходилось вѣдаться лишь съ такимъ непріятелемъ, гдѣ десяткомъ тысячъ можно было одолѣвать сотню тысячъ.

Прибывши въ польскую Украйну къ арміи, онъ прежде всего устроилъ въ ней порядокъ: остановилъ грабежи, какіе терпѣли отъ солдатъ мѣстные жители, устроилъ правильное продовольствіе и наконецъ двинулся въ Молдавію. У него было до 30000 войска, но это число значительно уменьшилось отъ болѣзней, которыя усиливала ненастная, дождливая погода; въ русской арміи между прочимъ открылась чума, занесенная турками. Дожди помѣшали и визирю во время двинуться на встрѣчу Румянцева изъ за Дуная: онъ предоставилъ крымскому хану зедерживать движеніе русскихъ по берегу Прута. Ханъ имѣлъ до 80000 войска, съ которымъ окопался на высокомъ берегу рѣчки Ларги, впадающей въ Прутъ. Румянцевъ смѣло напалъ на него (7-го іюля 1770-го года). Бой длился отъ ранняго утра до полудня, и наконецъ русскіе взяли окопы, весь непріятельскій обозъ и до 30 пушекъ. Татары разсѣялись, но число ихъ все еще было громадное. Румянцевъ поспѣшилъ къ Дунаю, чтобы предупредить ихъ соединеніе съ турками. Устья Дуная состоятъ изъ многихъ протоковъ; съ сѣвера въ нихъ впадаютъ еще много рѣчекъ, которыя къ своему устью разливаются продолговатыми озерами или лиманами. Турки, переправясь черезъ Дунай, стали между лиманомъ рѣки Кагула и лежащимъ къ востоку отъ него лиманомъ рѣки Ялпуха, но ближе къ Кагулу; татары же находились еще за Ялпухомъ. Выставивъ часть войска противъ татаръ, Румянцевъ всего съ 17000

двинулся на огромную армію турецкаго визиря, въ 150000 человѣкъ. Русскіе шли тѣсно пятью карре (колоннами въ четыреугольникахъ), съ артиллеріей на углахъ, пробиваясь сквозь многочисленную конницу, которая нападала на нихъ со всѣхъ сторонъ. Вотъ, они съ трудомъ приблизились къ турецкому лагерю, сражаясь съ самаго разсвѣта до 9 часовъ утра. Тутъ непріятель сталъ осыпать ихъ ядрами; ряды ихъ рѣдѣли, но они все шли впередъ. Вдругъ на правое крыло русской арміи ударила скрытая въ лощинѣ турецкая пѣхота изъ янычаръ. Ударъ былъ такъ стремителенъ, что ряды русскихъ смѣшались и отступили. Румянцевъ поскакалъ къ отступавшимъ, быстро двинулъ имъ на помощь другія войска, и порядокъ былъ возстановленъ. Янычары въ свою очередь принуждены отступить. Русскіе быстрымъ натискомъ вогнали ихъ въ лагерь и ворвались вслѣдъ за ними. Между тѣмъ Репнинъ съ лѣвымъ карре обошелъ слѣва турецкій лагерь и сталъ метать въ него ядра съ тыла, со стороны Дуная. Турки, въ страхѣ, чтобы имъ совсѣмъ не было заперто отступленіе за Дунай, оставили лагерь; въ безпорядкѣ бѣжали къ Дунаю, стали бросаться въ рѣку и тысячами погибали. Русскіе больше утомились, избивая ихъ, чѣмъ прежде въ сраженіи. Весь лагерь съ многочисленными запасами и 130 пушекъ достались побѣдителямъ. Эта знаменитая битва при Кагулѣ происходила 21-го іюля 1770-го года. Екатерина была въ неописанномъ восторгѣ при извѣстіи о двухъ великихъ побѣдахъ. Она щедро наградила всѣхъ участниковъ боя. Румянцевъ получилъ георгіевскую ленту, званіе фельдмаршала и много деревень въ Малороссіи. Послѣ Кагульской побѣды весь лѣвый берегъ Дуная очищенъ отъ турокъ; русскіе заняли кромѣ Молдавіи, и Валахію съ Бухарестомъ. Въ тоже время Петру Панину удалось, послѣ долговременной осады, овладѣть Бендерами. Такимъ образомъ татары были совершенно отдѣлены отъ турокъ, и уже не могли оказывать имъ никакой помощи.

Одновременно съ этими побѣдами надъ турками совершенъ былъ еще замѣчательный подвигъ. Екатерина задумала смѣлый планъ: отправить русскій флотъ въ Средиземное море, чтобы поднять единовѣрныхъ съ нами христіанъ-грековъ противъ турокъ. Сама она увѣряла, что этотъ замыселъ ей былъ внушенъ Григоріемъ Орловымъ. Но еще Петръ I думалъ объ освобожденіи христіанъ, страдавшихъ подъ властью турокъ. Григорій Орловъ могъ только войти въ подробности этого дѣла, согласно съ представлявшимися обстоятельствами. На славянъ, жившихъ въ Турціи, тогда никто не разсчитывалъ: больше вниманія на себя умѣли обратить греки, изъ кото-

рыхъ многіе, живя въ Константинополѣ, успѣли обогатиться черезъ торговлю. Они переселялись въ Италію, въ Россію, и вездѣ толковали объ угнетеніи своихъ братьевъ на полуостровѣ Мореѣ, на островахъ Архипелага, и вообще въ нынѣшней Греціи. Такъ пробудилось стремленіе грековъ къ независимости, которой они достигли лишь 50 лѣтъ спустя, въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Григорій Орловъ, еще задолго до турецкой войны, былъ въ сношеніяхъ съ греками, пріѣзжавшими въ Петербургъ. Отъ нихъ онъ, можетъ быть, и заимствовалъ мысль о посылкѣ флота. Со временъ Петра I нашъ кронштадскій флотъ былъ въ совершенномъ небреженіи; но Екатерина поправила дѣло, на сколько было возможно: она велѣла передѣлать прежніе корабли, еще годные къ плаванію, построила новые, призвала искусныхъ начальниковъ изъ Даніи и Англіи. Лѣтомъ 1769-го года уже 9 кораблей и 2 фрегата могли отплыть изъ Кронштадта и Архангельска подъ начальствомъ Спиридова и англичанина Эльфинстона, взявъ съ собою 5000 войска. Это предпріятіе многимъ казалось безумствомъ; но корабли благополучно достигли Средиземнаго моря. Здѣсь начались распри между начальниками, и съ общаго согласія рѣшено было предоставить главное начальство Алексѣю Орлову, хотя онъ совсѣмъ ничего не смыслилъ въ морскомъ дѣлѣ. Алексѣй Орловъ тогда проживалъ въ Италіи, тоже совѣщаясь съ греками. Принявъ начальство, онъ, конечно, распоряжался лишь на столько, чтобы согласовать мнѣнія и своею властью давать перевѣсъ тому или другому. Въ 1770-мъ году нашъ флотъ сдѣлалъ нѣсколько высадокъ въ Мореѣ и на островахъ, и успѣлъ возбудить всю Грецію къ возстанію. Но это возстаніе ограничилось тѣмъ, что греческія шайки грабили турокъ и разбѣгались при первомъ появленіи турецкихъ вооруженныхъ отрядовъ. Даже тамъ, гдѣ русскіе помогали своими войсками, греки всячески уклонялись отъ боя. Такимъ образомъ, не видя никакой помощи отъ грековъ, русскіе принуждены были оставить Спарту, Наваринъ и другіе города, занятые въ Мореѣ. Между тѣмъ турецкій флотъ, въ числѣ 16 кораблей и 6 фрегатовъ вышелъ въ архипелагъ и сталъ на якорь въ проливѣ между островомъ Хіосомъ и берегомъ Малой Азіи. Здѣсь настигъ его Орловъ съ русскимъ флотомъ. Рѣшено тотчасъ сдѣлать нападеніе.

Впередъ выступилъ Спиридовъ и, бросая бомбы, успѣлъ зажечь турецкій адмиральскій корабль; но и на его кораблѣ всѣ снасти были перебиты. Не могши имъ управлять, онъ натолкнулся на горѣвшее турецкое судно: пылающая мачта упала съ него на русскій адмиральскій корабль, гдѣ лежалъ приготовленный для стрѣльбы по-

рохъ. Оба адмиральскихъ корабля мгновенно взлетѣли на воздухъ. Спиридовъ однако спасся. Его отыскали, по словамъ Юрія Долгорукова, оставившаго намъ описаніе битвы, «съ превеликимъ образомъ на груди, а въ рукѣ превеликая рюмка водки *).» Турки, испуганные взрывомъ, поспѣшно обрубили канаты якорей и отошли къ азіатскому берегу, гдѣ укрылись въ тѣсной бухтѣ подъ защитою небольшой крѣпости Чесме. Тогда капитанъ Грейгъ, впослѣдствіи извѣстный адмиралъ, подалъ мысль воспользоваться тѣснотою, въ какой стоялъ турецкій флотъ, и сжечь его съ помощью брандеровъ, то есть судовъ съ зажигательными снарядами. Онъ взялся и исполнить это дѣло. Четыре греческихъ судна начинены были бомбами и гранатами. Подъ руководствомъ Грейга, въ ночь на 26 іюня 1770-го года ихъ подвели къ непріятельскому флоту. Съ разсвѣтомъ началась стрѣльба, произведшая пожаръ въ турецкомъ флотѣ; тогда пущены были и брандеры въ самую его средину. Разбрасывая огонь, треская бомбами и гранатами, они произвели страшное опустошеніе. Вся Чесменская бухта обратилась въ огненное море. Когда пламя стихло, вода помутнѣла отъ крови, отъ золы, отъ обугленныхъ корабельныхъ обломковъ. Въ ней плавали обгорѣлые трупы въ такомъ количествѣ, что трудно было разъѣзжать на лодкѣ. Спасся лишь одинъ турецкій корабль, который и отдался въ плѣнъ русскимъ. За эту побѣду Алексѣй Орловъ прозванъ *Чесменскимъ*; но его заслуга больше въ томъ, что онъ не мѣшалъ другимъ дѣлать дѣло. Чесменскій бой, кромѣ громкой славы, не имѣлъ другихъ послѣдствій. Съ незначительными войсками, Орлову трудно было предпринимать что либо рѣшительное, да онъ и не оставался долго при флотѣ, спѣша уѣхать въ Петербургъ, гдѣ его ожидали всякія почести. Но сила Орловыхъ уже колебалась. Никита Панинъ и Чернышевъ старались всячески ослабить ихъ вліяніе. Въ 1771-мъ году Григорій Орловъ еще почтенъ былъ особымъ довѣріемъ государыни: она отправила его въ Москву для успокоенія народа, который волновался по случаю чумы. На слѣдующій годъ онъ посланъ въ Молдавію, гдѣ тогда собрались уполномоченные для переговоровъ о мирѣ съ турками; но, не кончивъ дѣла, вдругъ вернулся въ Петербургъ. Причиною этого было, что онъ заслышалъ о новомъ

---

*) Екатерина разсказывала, что передъ отправленіемъ въ походъ Спиридовъ просилъ у нея какихъ-то *узелковъ* для предохраненія отъ опасности. Екатерина не поняла, но отправила къ нему образъ Іоанна Воинственника. Этотъ образъ онъ и носилъ на голубой лентѣ во время битвы.

любимцѣ Екатерины, Васильчиковѣ. Его однако не допустили во дворецъ. Екатерина осыпала его милостями, наградила домами, деревнями, большими суммами денегъ; но онъ долженъ былъ удалиться за границу, гдѣ жилъ открыто, поражая всѣхъ своей роскошью. Вернувшись впослѣдствіи въ Россію, онъ женился и умеръ въ умопомѣшательствѣ. Еще нѣсколько лѣтъ спустя послѣ его смерти, Екатерина съ любовью о немъ вспоминала, говоря: «Онъ былъ силенъ, храбръ, рѣшителенъ, но съ сердцемъ, мягкимъ, какъ у овцы, какъ у цыпленка». Въ другихъ отзывахъ она его называла храбрымъ, красивымъ, но лѣнивымъ. Панинъ былъ недоволенъ его горячностью и говорилъ, что у него бѣшеный характеръ. На военномъ совѣтѣ Орловъ, дѣйствительно, постоянно предлагалъ идти прямо на Константинополь.

Турки не вдругъ могли опомниться послѣ нанесенныхъ имъ ударовъ; они не продолжали войны на Дунаѣ, но и не закончили мира, оттягивая дѣло въ переговорахъ. Франція еще усерднѣе прежняго возбуждала ихъ противъ Россіи, помогая имъ деньгами и людьми. Нашъ союзникъ, прусскій король, и Австрія приняли на себя посредничество въ переговорахъ о мирѣ, но плохо насъ поддерживали. Прусскій король даже совѣтовалъ Екатеринѣ лучше вознаградить себя на счетъ Польши. Онъ однако былъ полезенъ тѣмъ, что сдерживалъ непомѣрное корыстолюбіе Австріи, которая хлопотала, какъ бы что нибудь выгодать отъ Россіи и въ тоже время брала деньги у турокъ, обѣщая имъ выгодный миръ. Англія, послѣ неожиданной побѣды при Чесме, стала смотрѣть непріязненно на замыслы Россіи. Въ тоже время на шведскій престолъ вступилъ новый король, Густавъ III, который явно искалъ союза съ нашими непріятелями. При этихъ обстоятельствахъ, турки не могли быть уступчивы. Но Екатерина продолжала свое дѣло.

Въ 1771-мъ году рѣшено покончить округленіе южныхъ границъ завоеваніемъ Крыма. Это дѣло поручено Василію Долгорукову, племяннику Долгорукова, принимавшаго участіе въ избраніи императрицы Анны. Съ русскими войсками онъ спустился по Днѣпру къ Кременчугу и отсюда направился черезъ степь къ Перекопу. Перекопскій перешеекъ по прежнему защищенъ былъ рвомъ и валомъ; ближе къ Сивашу, влѣво, стоялъ замокъ: тутъ находились и главныя силы татаръ и турокъ, которыхъ общее число простиралось до 70000 чел. Долгорукій замѣтилъ, что лѣвое крыло непріятеля слабѣе, и, сдѣлавъ ложное нападеніе на замокъ, съ главнымъ войскомъ ударилъ вправо, овладѣлъ частью вала и такимъ образомъ открылъ сво-

бодный входъ въ Крымъ. Въ тоже время, часть русскаго войска обошла непріятеля по Сивашу. Тогда татары, охваченные съ двухъ сторонъ, отступили. Долгорукій овладѣлъ на западномъ берегу Евпаторіей, на юго-востокѣ городами Ѳеодосіей и Еникале, а въ срединѣ частью южнаго Крымскаго хребта. Тогда татары, не чая помощи отъ турокъ, низложили прежняго своего хана и избрали новаго, Сагибъ-Гирея, преданнаго Россіи. Скоро Крымъ и совсѣмъ отложился отъ Турціи, объявивъ свою независимость. Конечно, эта независимость была мнимая, потому что татары во всемъ подчинялись требованію русскихъ. Между тѣмъ на Дунаѣ не было военныхъ дѣлъ. Переговоры о мирѣ, начатыя въ 1771-мъ году, продолжались и весь 1772-ой годъ. Турки собирались съ силами; русскія войска, ослабленныя болѣзнями, также крайне нуждались въ подкрѣпленіяхъ. Но у Екатерины были и другія заботы: чума, походъ въ Крымъ, польскія дѣла, а потомъ начавшійся въ 1773-мъ году Пугачевскій бунтъ совсѣмъ отвлекали ея вниманіе. О Румянцевѣ какъ будто забыли. Екатерина только сердилась на его медленность и охотно слушала тѣхъ, кто толковалъ объ упадкѣ въ немъ прежней энергіи. Больной, раздраженный, фельдмаршалъ горько жаловался, что вѣрятъ его врагамъ, требуютъ отъ него какихъ-то чудесъ, тогда какъ у него осталось не болѣе 15000 войска. Дѣйствительно, съ такимъ войскомъ трудно было что либо предпринять за Дунаемъ, гдѣ находились сильныя крѣпости. Екатерина вновь успокоила его и ободрила въ письмѣ. Угождая ей, онъ въ 1773-мъ году два раза сдѣлалъ попытку перейти Дунай, но возвратился безъ большаго успѣха. Наконецъ въ 1774-мъ, послѣ вновь сдѣланнаго набора, войско его доведено до 46000 человѣкъ. Къ нему присланъ былъ и Суворовъ, уже прославившійся своими подвигами въ Польшѣ; но Суворовъ находился подъ начальствомъ Каменскаго, и весь успѣхъ въ новомъ походѣ приписываютъ послѣднему. Каменскій былъ, по своему времени, довольно образованъ, и въ обществѣ, въ столицѣ среди знати, казался даже очень милымъ и любезнымъ человѣкомъ; но со своими подчиненными онъ обращался совершенно деспотически: грубая брань, палки — вотъ что всего скорѣе можно было ожидать отъ него. Рѣзкій, вспыльчивый, высокомѣрный и мстительный, онъ порой доходилъ до совершеннаго безумія въ порывѣ гнѣва. Екатерина сначала довѣряла ему, но впослѣдствіи, ближе узнавъ, считала его самымъ скучнымъ человѣкомъ, а, по многимъ дѣламъ, прямымъ сумасбродомъ. Когда, вслѣдствіе воинскихъ отличій, Потемкинъ счелъ нужнымъ дать ему мѣсто въ своемъ войскѣ, то, на замѣчаніе Екатерины о его неспособности, сказалъ: «Не без-

покойтесь; я употреблю его такъ, что онъ самъ сломитъ себѣ голову». При всей дикости характера, Каменскій однако занимался науками, даже писалъ стихи. Въ военномъ дѣлѣ онъ безспорно имѣлъ свѣдѣнія. Обучаясь этому дѣлу за границей, онъ былъ страстнымъ поклонникомъ Фридриха II. По представленію Румянцева, онъ назначенъ командиромъ въ турецкую войну и отличился при взятіи Хотина и Бендеръ. Но болѣе всего прославилъ его походъ 1774 года. Румянцевъ съ главнымъ войскомъ перешелъ Дунай и приступилъ къ осадѣ Силистріи, а 14,000 человѣкъ, подъ начальствомъ Каменскаго и Суворова, отправилъ противъ визиря къ Балканамъ. Близъ Шумлы они встрѣтили 25,000 турокъ, разбили ихъ и прогнали въ крѣпость. Каменскій послѣ этого очень смѣло обошелъ Шумлу и сталъ на дорогѣ изъ этой крѣпости въ Константинополь. Положеніе его было опасное, но онъ разсчитывалъ на неспособность визиря. Въ самомъ дѣлѣ, турецкіе солдаты, страшась, что имъ будетъ отрѣзанъ путь къ спасенію, стали толпами уходить изъ своего лагеря, пробираясь за Балканы. Передъ тѣмъ вступилъ на турецкій престолъ Абдулъ-Гамидъ, болѣе прежняго султана склонный къ миру. Видя новыя неудачи, онъ послалъ уполномоченныхъ въ лагерь Румянцева, и снова открылись переговоры. Давно желанный миръ подписанъ въ селеніи *Кучукъ-Кайнарджи*, близъ Силистріи. Вотъ заслуга или удача Каменскаго: другихъ замѣчательныхъ дѣлъ мы въ его жизни не находимъ. Что касается успѣха переговоровъ, то тутъ все было достигнуто твердостью и настойчивостью Румянцева. По Кучукъ-Кайнарджійскому миру, Крымъ и Кабарда признаны независимыми отъ Турціи. Россія, кромѣ Азова, пріобрѣтала Керчь и Еникале, открывавшія свободный путь изъ Азовскаго моря въ Черное. Очаковъ, лежавшій при выходѣ изъ днѣпровскаго лимана, остался въ рукахъ турокъ, но лежавшій противъ него Кинбурнъ уступленъ Россіи, и сюда проведена русская граница отъ Ольвіополя, такъ что Россія пріобрѣтала земли между Днѣпромъ и Бугомъ. Прочія завоеванія возвращены Турціи. Россія также выговорила себѣ право ходатайствовать о христіанахъ греческой вѣры, жившихъ въ Турціи, право имѣть консуловъ въ турецкихъ городахъ и посылать торговыя суда въ моря, принадлежавшія Турціи, и проч.

Лѣтомъ 1775 года въ Москвѣ былъ великій праздникъ по случаю заключенія этого мира. Румянцеву готовили пышную встрѣчу: на протяженіи нѣсколько верстъ по дорогѣ въ Москву поставлены были пирамиды съ прозрачными картинами, изображавшими всѣ подвиги и сраженія турецкой войны, а при въѣздѣ въ городъ устроены

были пестрыя, тріумфальныя ворота. Но Румянцевъ отказался отъ торжественной встрѣчи, можетъ быть, сохраняя еще остатокъ неудовольствія за прежнія на него нареканія. Не было ни войскъ, ни привѣтственныхъ рѣчей: въ дорожной каретѣ быстро проскакалъ онъ въ Москву, даже объѣхавъ построенныя для него тріумфальныя ворота. Тѣмъ не менѣе онъ былъ щедро награжденъ государыней: кромѣ имѣній и денежныхъ подарковъ, онъ получилъ сдѣланные изъ золота и украшенные брильянтами: шпагу, лавровый вѣнокъ и оливковую вѣтвь за заключеніе мира, вмѣстѣ съ названіемъ *Задунайскаго*. Каменскій и прочіе также осыпаны милостями. Утромъ въ день торжества былъ обыкновенный выходъ государыни изъ Грановитой Палаты въ Успенскій Соборъ и обратно. Она шла съ необычайной пышностью по мосткамъ, покрытымъ краснымъ сукномъ, въ коронѣ и подъ балдахиномъ, въ сопровожденіи всѣхъ вельможъ, залитыхъ золотомъ и драгоцѣнными камнями, при громѣ пушекъ, при звонѣ колоколовъ. Главный праздникъ устроенъ былъ на Ходынскомъ полѣ. Дорога къ нему вся заставлена была съ одной стороны декораціями сельскихъ видовъ, избушекъ, картинъ, и проч., а съ другой—громадными лѣсами для фейерверка. Посрединѣ поля на возвышеніи стоялъ обширный павильонъ, гдѣ почти все время праздника находилась императрица, окруженная тѣсной толпою сановниковъ и дворанъ, пріѣхавшихъ изъ самыхъ дальнихъ мѣстъ Россіи. Такія же толпы привлекалъ къ себѣ Румянцевъ. Въ сторонѣ отъ павильона находилось круглое, пестро раскрашенное зданіе въ видѣ крѣпости, гдѣ императрица обѣдала со своими приближенными, а противъ него еще полукруглое зданіе съ лавками внутри, гдѣ разложены были всякіе товары. Эти лавки особенно заинтересовали гостей: многіе изъ дворянъ все время просидѣли на ступенькахъ передъ ними, пропустивъ другія увеселенія, въ ожиданіи, что императрица будетъ раздавать подарки. Но ничего такого не было. Всѣ зданія имѣли особое значеніе: павильонъ означалъ городъ Керчь, лужайка передъ нимъ — Черное море, обѣденное зданіе должно было представлять собою крѣпость Еникале, а полукруглое, съ лавками — Таганрогъ, при чемъ лавки только изображали будущую его цвѣтущую торговлю. Дальше въ полѣ устроены были обыкновенныя увеселенія для народа и шесты для лазанья, райки, качели, и проч. Вблизи павильона находился еще театръ и мѣста для смотрѣнія фейерверка, сдѣланныя въ видѣ вполнѣ оснащенныхъ кораблей. Блестящимъ фейерверкомъ и окончился праздникъ: было много и другихъ торжествъ, какъ въ домахъ вельможъ, такъ и у императрицы. Правительство могло праздновать

не одинъ миръ съ турками, а побѣду и надъ многими другими затрудненіями: волненія въ Польшѣ были усмирены и къ Россіи присоединено нѣсколько польскихъ областей; чума давно миновала; Пугачевскій бунтъ былъ подавленъ, и самъ Пугачевъ незадолго передъ тѣмъ казненъ въ 1775 году. Изъ этихъ событій мы въ настоящее время остановимся лишь на чумѣ, какъ на одномъ изъ слѣдствій турецкой войны.

Чума появилась въ русской арміи еще въ 1769 году. Распространившись по Валахіи и Молдавіи, она проникла въ польскую Украйну, а потомъ въ Кіевъ и въ Черниговъ. Тогда по всѣмъ городамъ около Москвы устроены были карантины, — заставы, на которыхъ задерживали проѣзжающихъ, заставляя ихъ, подъ строгимъ присмотромъ, жить въ особыхъ домахъ, пока доктора не убѣдятся, что они здоровы. Но народъ тогда не понималъ, какъ это необходимо: всякій думалъ лишь о томъ, какъ бы урваться поскорѣе по своимъ дѣламъ, или уйти подальше отъ заразы. Оберегали Москву, а въ ней уже въ 1770 году появилась чума, сначала въ Маломъ госпиталѣ, на Введенскихъ горахъ, вверху Яузы, откуда всѣ нечистоты стекали въ городъ. Директоръ госпиталя съ мѣсяцъ и не извѣщалъ о заразѣ. Наконецъ медицинская контора взялась за дѣло. Госпиталь сначала оцѣпили, а потомъ и совсѣмъ сожгли, переведя больныхъ въ другое мѣсто. Доктора стали толковать о мѣрахъ противъ болѣзни, при чемъ многіе вѣрили, что никакой чумы нѣтъ, а просто горячка; но никто изъ нихъ и не заглядывалъ въ зачумленный госпиталь: бывшій при немъ докторъ не имѣлъ ни съ кѣмъ никакихъ сношеній. Главнокомандующій въ Москвѣ, старикъ Салтыковъ, извѣстный своей удачею въ Семилѣтнюю войну, не хотѣлъ знать никакихъ карантиновъ, считая ихъ невозможными для Москвы, а предлагалъ размѣщать больныхъ по окрестнымъ монастырямъ. Къ зимѣ чума нѣсколько утихла, но съ весною 1771 года она стала свирѣпствовать съ новою силою. Въ мартѣ она появилась въ срединѣ Москвы, на Суконномъ дворѣ, близь Каменнаго моста. Тутъ было до 2000 рабочихъ. Пока власти разсуждали, какія принять мѣры, эти рабочіе разбѣжались и разнесли заразу по всему городу. Стали вымирать цѣлыя семьи; погибали: кто ходилъ за больнымъ, кто былъ съ нимъ въ какихъ-либо сношеніяхъ, кто носилъ одежду послѣ умершаго. Даже деньги, передаваемыя другъ другу, заражали. Больной чувствовалъ головную боль, сильный жаръ въ тѣлѣ, слабѣлъ, впадалъ въ безпамятство; на тѣлѣ появлялись темныя пятна, въ пахахъ нарывы, и онъ скоро умиралъ: выживалъ развѣ одинъ изъ сотни. Тогда всѣхъ охва-

тилъ ужасъ. Кто могъ — уѣзжалъ изъ города; другіе оставляли свои дома, или выволакивали больныхъ и бросали безъ призора на улицѣ.

Наконецъ московскія власти рѣшились донести обо всемъ въ Петербургъ, и Екатерина тотчасъ поручила сенатору Еропкину, отставному генералу, принять мѣры противъ чумы. Устроены, хотя и поздно, строгіе карантины; приказано сжигать платье и другія вещи умершихъ отъ заразы; заведены больницы; избраны особые десятскіе для осмотра домовъ; запрещено, какъ это было прежде, погребать мертвыхъ при церквахъ въ городѣ, а для этого отведены особыя кладбища. Колодники и фабричные, одѣтые съ головою въ черную, просмоленную одежду, такъ что оставались только отверстія для глазъ, носа и рта, занимались погребаніемъ: они ѣздили по улицамъ; крючьями, надѣтыми на длинныя палки, таскали съ дороги и изъ домовъ трупы, валили ихъ на телегу и везли на кладбище, гдѣ хоронили въ глубокихъ ямахъ. Видъ этихъ мортусовъ, какъ ихъ называли, сильно пугалъ народъ; въ ихъ страшныхъ телегахъ порой слышались и стоны. Всякій до послѣдней возможности скрывалъ болѣзнь, боясь попасть въ больницу; простой народъ продолжалъ припрятывать разный скарбъ послѣ умершихъ, полагаясь на волю Божію; когда на рынкѣ запечатывали лари со старымъ платьемъ, чернь проломила голову солдату; корыстные попы все хоронили тайкомъ богатыхъ при церквахъ; многіе находили средства обмануть карантинъ, скрытно уйти изъ города, пріѣзжали въ отдаленныя деревни и умирали, занося чуму. Не смотря на опустѣніе Москвы, въ іюлѣ умирало въ ней по 60 человѣкъ въ день, въ августѣ по 300, въ сентябрѣ по 700. Отъ 14-го сентября, Салтыковъ въ отчаяніи писалъ Екатеринѣ: «Мретъ въ Москвѣ до 835 человѣкъ въ день, исключая тѣхъ, которыхъ тайно хоронятъ; на улицахъ подымаютъ до 60-ти тѣлъ и болѣе. Всѣ торговцы припасами разбѣжались. У Еропкина человѣкъ заразился; у меня въ канцеляріи тоже одинъ заболѣлъ и кругомъ всѣ мрутъ. Комиссія Еропкина лишняя; смотрители только развозятъ заразу. Всѣ дѣла остановились, потому что приказные заражаются». Въ заключеніе Салтыковъ просилъ, чтобы до наступленія холодовъ его отпустили изъ Москвы въ деревню и, не дождавшись отвѣта, уѣхалъ на два дня отдохнуть въ свою подмосковную. На его горе, въ это время, а именно 15 сентября, начался въ Москвѣ бунтъ.

Войска были выведены изъ города: остался лишь Еропкинъ съ небольшою командою. Между тѣмъ народъ дошелъ до крайняго отчаянія и ожесточенія: одни искали спасенія въ чудѣ, другіе думали

затопить горе въ попойкахъ и грабежѣ. Этими обстоятельствами воспользовались одинъ фабричный съ солдатомъ; полагаютъ, что тутъ участвовали и нѣкоторые изъ священниковъ. Они разнесли молву, будто фабричный видѣлъ во снѣ Боголюбскую Богородицу, которой образъ находился на Варварскихъ воротахъ въ Китай-городѣ. Богородица будто объявила ему, что моръ посланъ за то, что уже тридцать лѣтъ ей не пѣли молебновъ передъ Варварскими воротами. Разомъ нахлынула къ воротамъ несмѣтная толпа не только простаго народа, но и купцевъ: къ образу приставили лѣстницу, чтобы зажигать свѣчи. Фабричный, сидя у воротъ, кричалъ: «Православные! порадѣйте на всемірную свѣчу Богоматери!» Явились попы съ налоями и стали служить молебны; сундуки, стоявшіе тутъ же, быстро наполнялись всякимъ добромъ. Одинъ на перерывъ съ другимъ торговались, предлагая свои молитвенныя услуги. Въ воротахъ не было ни проходу, ни проѣзду. Это случилось при наибольшемъ усиленіи язвы. Полиція донесла тогдашнему архіепископу Амвросію, какъ легко распространяется зараза при такихъ скопищахъ народа. Амвросій велѣлъ позвать къ отвѣту поповъ, служившихъ молебны, но никто не явился. Это были такъ называемые крестцовые попы, которые не состояли при церквахъ, а нанимались на улицахъ служить кому нибудь обѣдни, молебны, и проч. Они обыкновенно стояли у Спасскихъ воротъ съ калачами, говоря нанимателямъ: «Не торгуйся, а то закушу». Попъ грозилъ, что откуситъ калача, послѣ чего уже не могъ служить обѣдни. Этотъ народъ шатался безъ пристанища, подчасъ проводя ночи въ кабакахъ и валяясь пьяный, гдѣ попало. Вообще священники тогда жили въ крайней бѣдности и вслѣдствіе этого предавались многимъ порокамъ. Амвросій, не обративъ на это вниманія, задумалъ искоренить зло. Онъ подвергалъ поповъ штрафамъ, приказывалъ вычитать изъ ихъ жалованья, заковывалъ ихъ въ цѣпи. Ихъ лишали мѣстъ, запрещали вступать въ бракъ, не выдержавъ экзамена, мѣняться домами, переходить изъ одной церкви въ другую, и проч. Понятно ихъ ожесточеніе противъ архіепископа. Теперь, чувствуя свою силу, крестцовые попы прямо грозили побить палками всякаго приказнаго изъ консисторіи. Амвросій рѣшилъ перенести Боголюбскую икону въ сосѣднюю церковь, а покамѣстъ приложить консисторскую печать къ собраннымъ у воротъ деньгамъ, будто бы за тѣмъ, чтобы ихъ не расхитили фабричные. Для этого онъ послалъ къ иконѣ приказныхъ, выпросивъ имъ на помощь у Еропкина команду изъ 6 солдатъ и одного унтеръ-офицера. Но у ящиковъ уже стояли караульные отъ московскаго гарнизона. Они не допустили печатать

ящики, говоря, что на это нѣтъ приказанія отъ ихъ плацъ-маіора. Пока отыскивали плацъ-маіора, раздался стукъ трещотокъ, бой набата по всему городу. Толпы народа, предводительствуемые какимъ нибудь мужикомъ въ балахонѣ, съ дубинами, съ топорами, бѣжали по дорогѣ къ Кремлю, крича: «грабятъ икону Богородицы!» Подъячіе давно были избиты и прогнаны; но Москва все волновалась. Тысячи вооруженныхъ людей, женщины, дѣти спѣшили въ Китай-городъ, всѣ съ крикомъ: «грабятъ Богородицу». Архіепископъ жилъ, по обыкновенію, въ Кремлѣ, въ Чудовомъ монастырѣ. Онъ понялъ, какая ему грозила опасность, и въ чужой каретѣ тайкомъ уѣхалъ въ Донской монастырь. Отсюда послалъ онъ къ Еропкину письмо съ просьбою о билетѣ на выѣздъ изъ города. Еропкинъ тотчасъ отправилъ къ нему офицера, чтобы проводить его въ безопасное мѣсто. Пока это происходило, неистовая толпа ворвалась въ Кремль, напала на Чудовъ монастырь, ища митрополита, и въ конецъ разграбила его покои. Окна, двери, печи и вся мебель были изломаны; иконы, портреты, книги, даже покровы въ домовой церкви архіерея—все разорвано, истоптано подъ ногами. Вся площадь засыпана была пухомъ. Въ то время жилъ въ Чудовѣ архимандритъ Никонъ, братъ митрополита, пріѣхавшій къ нему въ гости; его приняли было за митрополита: ограбили, избили и напугали такъ, что онъ скоро умеръ въ умопомѣшательствѣ. Подъ Чудовымъ находились погреба, отдаваемые въ наемъ купцамъ, съ французской водкой, съ разными винами; толпа разбила ихъ и тутъ начался циръ: даже женщины приходили угощаться. Дѣло шло къ утру. Въ Донскомъ монастырѣ Амвросій уже совсѣмъ собрался выѣхать по указанію ждавшаго его офицера, и садился въ кибитку, какъ послышались дикіе крики за монастырскою стѣною, выстрѣлы и раздался страшный стукъ въ ворота. Амвросій укрылся въ церковь, гдѣ тогда служили обѣдню; всѣ монахи попрятались, кто куда могъ. Дикая, вооруженная толпа скоро ворвалась въ ворота, разсыпалась по монастырю и вошла въ церковь. Архіепископъ, предчувствуя послѣдній конецъ, причастился въ алтарѣ святыхъ тайнъ и потомъ ушелъ на хоры, позади иконостаса. Убійцы на время остановились, какъ бы ожидая конца обѣдни. Но скоро ждать имъ наскучило: они бросились въ алтарь и стали тамъ искать Амвросія. Кто-то указалъ имъ, гдѣ онъ спрятался. Его стащили съ хоръ, выволокли изъ церкви и изъ монастыря и близь ограды, у заднихъ воротъ, избили до смерти. Его «били въ восемъ кольевъ два часа, такъ что ни виду, ни подобія не осталось!» Бросивъ тутъ его окровавленное тѣло, толпа

побѣжала грабить и избивать другихъ ненавистныхъ ей лицъ. Мятежъ не утихалъ; собирались идти на докторовъ и начальниковъ, какіе еще оставались въ Москвѣ, замышляли ограбить ряды и Успенскій соборъ, гдѣ хранились большія сокровища.

На другой день народъ чуть не со всей Москвы стекался на площадь передъ Кремлемъ; но тутъ положенъ конецъ бунту. Мы знаемъ, что Еропкинъ назначенъ былъ, чтобы содѣйствовать уничтоженію язвы. Усмирять какія либо народныя волненія было не его дѣло; но видя, что въ Москвѣ безнаказанно совершаются всякія безчинства, онъ рѣшился присвоить власть, какую впрочемъ всѣ охотно ему предоставили. Ему предстояло трудное дѣло. Великолуцкій полкъ изъ 300 человѣкъ стоялъ въ 30 верстахъ отъ города. Ни въ Москвѣ, ни около Москвы другихъ войскъ не было. Собравъ кое какія команды, Еропкинъ со 130 человѣками и 2 пушками двинулся на Кремль, еще переполненный народомъ, и хотѣлъ войти въ Боровскія ворота. Толпа встрѣтила его дубьемъ и кирпичами. Еропкинъ выѣхалъ къ народу на конѣ и сталъ убѣждать его расходиться. «Убирайся, старикъ, крикнула толпа: не мѣшайся не въ свое дѣло, а то и тебя стянемъ съ лошади». Еропкинъ пригрозилъ, что будетъ стрѣлять изъ пушекъ. Толпа съ яростью кинулась на отрядъ. Тогда засвистѣли ядра. Цѣлыя полосы людей полегли съ искалѣченными членами. Послышались крики, стоны. Народъ оцепѣнѣлъ и бросился въ разсыпную. 100 человѣкъ легло на мѣстѣ, да 250 взято подъ караулъ. Кремль очищенъ; но Еропкинъ, раненый коломъ и камнемъ, слегъ въ постель. 17 числа новыя толпы стали ломиться въ Кремль чрезъ Спасскія ворота. Но Салтыковъ уже вернулся, взявъ съ собою и Великолуцкій полкъ. При одномъ видѣ солдатъ, народъ разбѣжался по домамъ, и тѣмъ волненіе кончилось. Еропкину даны Андреевскій орденъ и 20000 деньгами; Салтыковъ смѣненъ Волконскимъ.

Услышавъ о бунтѣ и объ убіеніи Амвросія, Екатерина сильно смутилась; но Григорій Орловъ вызвался ѣхать въ Москву, для возстановленія порядка. Прибытіе въ зачумленный городъ такого важнаго лица успокоило мирныхъ жителей. Орловъ особенно позаботился о томъ, чтобы облегчить положеніе народа. Устроенъ пріютъ для сиротъ, рѣшено увеличить валъ, окружающій Москву, чтобы дать работу бѣднымъ людямъ; стали скупать въ казну ремесленныя произведенія, такъ какъ другихъ покупателей не было. Орловъ предлагалъ также вывести изъ Москвы большія фабрики, сдѣлать побольше приходы, ограничивъ число церквей, и вообще выбрать въ Москвѣ священниковъ получше и также удалить отставныя гвардейскія ко-

манды, которыя, содержа караулъ въ Москвѣ, сильно участвовали въ грабежѣ. Что касается чумы, то Орловъ усилилъ только мѣры, принятыя Еропкинымъ, ввелъ въ городъ войска и началъ розыскъ. Виновники смуты были схвачены и наказаны; трое изъ убійцъ архіепископа, предводители шайки, повѣшены на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ совершилось убійство: это были одинъ дворовый, одинъ купецъ и одинъ крестьянинъ. Впрочемъ наказывали, болѣе для острастки, кого удалось захватить: «дѣло, по выраженію Орлова, было безъ головы и безъ хвоста». При болѣе строгихъ карантинныхъ мѣрахъ и съ наступающими холодами, чума, еще довольно сильная въ октябрѣ, къ декабрю совсѣмъ прекратилась. Всего умерло въ Москвѣ до 50000 человѣкъ. Изъ 12538 домовъ, бывшихъ тогда въ Москвѣ, въ 6000 были больные чумою, а въ 3000 всѣ перемерли. Григорій Орловъ, по возвращеніи въ Петербургъ, былъ объявленъ спасителемъ погибавшей столицы: въ честь его въ Царскомъ селѣ построены тріумфальныя ворота, хотя трудъ его былъ сравнительно довольно легкій. Чума не доходила до Петербурга; но во многихъ селеніяхъ Московской и сосѣднихъ губерній она свирѣпствовала довольно сильно. У народа явилась суевѣрная примѣта, что можно избавиться отъ заразы, бросивъ какую нибудь зачумленную вещь на дорогѣ; кто поднималъ эту вещь, тотъ переносилъ чуму въ другое селеніе, а деревня, изъ которой она подкинута, чрезъ это будтобы отъ чумы избавлялась. Вообще невѣжество много помогло распространенію заразы. Но скоро, понявъ пользу предохранительныхъ мѣръ, народъ нерѣдко доходилъ въ нихъ до крайностей: перваго подозрительнаго больнаго высылали за околицу—и ступай себѣ, куда знаешь; караульные съ дубинами совершенно никого не пропускали черезъ деревню и даже не допускали близко, а тѣхъ, кого гнать не смѣли, пугали, что въ деревнѣ чума, когда ея совсѣмъ не было. Въ 1772 мъ году это бѣдствіе уже окончилось во всей Россіи.

Послѣ первой войны съ турками миръ продолжался около 10 лѣтъ. Этому содѣйствовало тогдашнее положеніе Европы. Сѣвероамериканскія владѣнія Англіи отложились отъ нея и начали съ ней войну. Франція приняла ихъ сторону. Эта война рѣшительно отвлекла вниманіе двухъ главныхъ западныхъ государствъ отъ восточныхъ дѣлъ. Пруссія и Австрія также непріязненно смотрѣли другъ на друга и искали посредничества въ Россіи, чтобы уладить свои распри. Бывшій нашъ союзникъ, Фридрихъ II, подъ конецъ жизни уклонялся отъ всякихъ войнъ, обративши всѣ заботы на устройство государства. Россія въ это время также заботилась о дѣлахъ мира и торговли.

По тогдашнему обычаю, воюющія державы овладѣвали не только казеннымъ имуществомъ соперника, но грабили и частную собственность мирныхъ гражданъ. Когда началась американская война, то англичане нерѣдко захватывали торговыя суда націй, не участвовавшихъ въ войнѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что въ нихъ могли быть товары, назначенные для соперника. Екатеринѣ тогда пришла мысль предложить всѣмъ европейскимъ государствамъ союзъ для охраны торговли. Предположено, чтобы, по взаимному договору, торговыя суда могли свободно ходить во всѣ порты, не подверженные блокадѣ, то есть, не запертые непріятельскими кораблями. Свободная торговля не прекращалась и между воюющими сторонами. Судно могло быть захвачено въ единственномъ случаѣ, когда на немъ открывали военные припасы для непріятеля: оружіе, порохъ, аммуницію, и проч. Для выполненія подобнаго договора предположено содержать особую вооруженную силу. Такимъ образомъ торговое судно становилось *нейтральнымъ*, то есть, не принимающимъ никакого участія въ распряхъ которой либо изъ воюющихъ державъ, и самый союзъ названъ *вооруженнымъ нейтралитетомъ*. Онъ предложенъ въ 1780-мъ году, и почти всѣ европейскія государства, исключая Англіи, къ нему присоединились. Мысль о вооруженномъ нейтралитетѣ приписываютъ Никитѣ Панину, но Екатерина свидѣтельствуетъ, что она сама его придумала. Панинъ только содѣйствовалъ его выполненію. Этотъ искустный, осторожный и неподкупный министръ вскорѣ послѣ того умеръ, около 18 лѣтъ управлявши иностранными дѣлами. Мѣсто его отчасти заступилъ Безбородко. Безбородко былъ изъ малороссовъ, кончилъ курсъ въ кіевской духовной Академіи и рекомендованъ Екатеринѣ Румянцевымъ, у котораго онъ управлялъ канцеляріей. Толстый, на видъ тяжелый, онъ былъ чрезвычайно живъ и подвиженъ. Онъ обладалъ краснорѣчіемъ, умѣлъ искустно составлять бумаги, былъ находчивъ въ дѣлахъ, хотя порою лѣнивъ и небреженъ. Однажды Екатерина поручила ему составить какой-то проэктъ. Онъ совсѣмъ объ этомъ забылъ, но когда на слѣдующій разъ явился къ докладу, государыня вдругъ спрашиваетъ о проэктѣ. Безбородко нисколько не смутился, вынулъ изъ портфеля бѣлый листъ бумаги и сталъ читать какъ по писанному. Екатерина была довольна и одобрила его сочиненіе, не догадываясь, что оно сказано экспромтомъ.

Кромѣ Безбородко, теперь на сцену выступили и другія лица. Мы знаемъ, что въ 1772 году Григорій Орловъ былъ удаленъ отъ двора. Братъ его, Алексѣй, также скоро вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ, въ этой столицѣ, гдѣ издавна жили, блестя рос-

кошью, со своими маленькими дворами, какъ восточные владыки, всѣ опальные сановники. Но Орловъ не походилъ на другихъ. Имѣя свой богатый домъ и роскошный садъ, онъ ничуть не важничалъ, ласково принималъ у себя безъ различія всѣхъ, и бѣдныхъ и богатыхъ. Онъ охотно сближался съ простымъ народомъ, любилъ скачки, охоту, пѣсни, пляски и другія народныя забавы: не было въ окрестностяхъ силача, съ которымъ бы онъ не пытался выйти на кулачки, и щедро награждалъ тѣхъ, кто его лучше поколотитъ. Изъ дальнихъ мѣстъ къ нему съѣзжались люди всякаго званія, и онъ часто дружилъ съ какимъ нибудь мелкимъ дворяниномъ, однодворцемъ и тому подобными лицами. Страстный до коней, онъ принесъ пользу и тѣмъ, что развелъ отличную породу жеребцовъ, извѣстныхъ и въ послѣдствіи подъ именемъ *орловскихъ*. Екатерина до конца была къ нему чрезвычайно ласкова, переписывалась съ нимъ, всегда принимала его, когда онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, приглашала его не разъ вновь на службу; но отъ всякаго мѣста онъ отказывался и явился съ услугами только, когда, во время шведской войны, Петербургъ находился въ крайней опасности. Онъ умеръ уже въ 1807-мъ году. Изъ другихъ лицъ Захаръ Чернышевъ, управлявшій военною коллегіей, назначенъ былъ начальникомъ Бѣлоруссіи. Объ этой коллегіи Румянцевъ говорилъ, что еслибы сдѣланъ былъ ея предсѣдателемъ, то первый голосъ подалъ бы объ ея уничтоженіи. Въ самомъ дѣлѣ управленіе Чернышева военными дѣлами не было особенно искустнымъ: то тамъ, то здѣсь постоянно не доставало или войска, или провіанта. Мѣсто его занялъ Потемкинъ, который сдѣлалъ въ войскахъ разныя улучшенія: уничтожилъ прежнія косы и пудру, далъ болѣе легкую и удобную одежду войскамъ (напримѣръ, легкія каски вмѣсто прежнихъ треугольныхъ шляпъ), нашелъ новыя средства къ снабженію войскъ, и проч. Но не въ этомъ одномъ заключалась дѣятельность Потемкина: онъ, можно сказать, заправлялъ чуть не всѣми важными дѣлами страны со времени своего возвышенія до самой смерти.

Григорій Александровичъ Потемкинъ родился въ 1739-мъ году и былъ сынъ небогатаго, смоленскаго дворянина, отставнаго, гарнизоннаго маіора. Онъ воспитывался сначала въ одномъ пансіонѣ въ Москвѣ, а потомъ въ московскомъ университетѣ; получивъ сперва золотую медаль, онъ подъ конецъ былъ исключенъ изъ него за лѣность. Потемкинъ въ это время любилъ бесѣдовать съ монахами и мечталъ поступить въ духовное званіе, чтобы сдѣлаться архіереемъ; но въ тоже время велъ довольно разсѣянную жизнь. Кончилось тѣмъ, что, записанный въ конную гвардію, онъ поѣхалъ въ Петербургъ,

при чемъ Крутицкій архіепископъ Амвросій далъ ему 500 р. на дорогу. Въ Петербургѣ онъ подружился съ Орловыми и учавствовалъ въ составленномъ ими заговорѣ въ пользу Екатерины. Тогда онъ былъ еще простымъ сержантомъ. О своемъ первомъ сближеніи съ государыней онъ самъ разсказывалъ Сегюру такъ. Когда въ день восшествія на престолъ Екатерина выѣхала къ полкамъ и подняла шпагу, то замѣтила, что на ней нѣтъ темляка. Молодой сержантъ тотчасъ подскакалъ на конѣ и подалъ ей темлякъ. Но лошадь его, привыкшая къ строю, не хотѣла, сколько онъ ее ни пришпоривалъ, отойти отъ коня императрицы и стала биться. Екатерина улыбнулась и вступила въ разговоръ со статнымъ, красивымъ юношей. Впрочемъ она, конечно, знала его и прежде. Уже благочестивая Елизавета обратила вниманіе на Потемкина по причинѣ его необыкновеннаго рвенія къ дѣламъ церковнымъ. По вступленіи на престолъ, Екатерина сдѣлала его камеръ-юнкеромъ и вскорѣ поручила ему докладывать ей по дѣламъ духовнаго вѣдомства. Такъ на первый разъ она испытывала его въ томъ, что, какъ ей казалось, онъ лучше всего знаетъ. Однако честолюбивый Потемкинъ не довольствовался такимъ отличіемъ. Открывшаяся турецкая война увлекла его въ станъ Румянцева. Участвуя въ походахъ, онъ имѣлъ случай выказать и свою храбрость, и распорядительность, а главное—хорошо ознакомился съ положеніемъ Турціи и подвластныхъ ей христіанскихъ народовъ, со способами, какія необходимы, чтобы вести съ нею войну и одолѣть ее. Румянцевъ всегда, въ донесеніяхъ Екатеринѣ, отзывался о немъ съ похвалою. Григорій Орловъ, опасавшійся его вліянія на государыню, однако, съ привычнымъ простосердечіемъ, говорилъ ей, что Потемкинъ «уменъ, какъ чортъ.» Послѣ паденія Орловыхъ въ 1772-мъ году, Потемкинъ былъ призванъ ко двору, скоро сталъ фаворитомъ государыни, сдѣланъ президентомъ военной коллегіи, а впослѣдствіи графомъ и фельдмаршаломъ. Австрійскій императоръ далъ ему еще титулъ свѣтлѣйшаго князя. Съ начала своего возвышенія до самой смерти онъ нераздѣльно сохранилъ первую власть въ государствѣ, какъ «другъ» Екатерины (такъ она сама называла его въ письмахъ); нѣсколько любимцевъ одинъ за другимъ замѣняли его во дворцѣ, но ни одинъ изъ нихъ не пользовался тою довѣренностью, какую внушалъ ей Потемкинъ, хотя его власть изрѣдка и колебалась.

Французскій посолъ, Сегюръ, такъ описываетъ этого замѣчательнаго человѣка. «Можетъ быть, еще не бывало придворнаго болѣе пышнаго, чѣмъ онъ, и болѣе грубаго,—министра болѣе предпріимчиваго и менѣе трудолюбиваго, генерала болѣе смѣлаго и вмѣстѣ не-

рѣшительнаго: въ немъ была странная смѣсь величія и пустоты, лѣни и дѣятельности, смѣлости и робости, честолюбія и безпечности. Потемкинъ имѣлъ отличную память, умъ по природѣ живой, быстрый, подвижный; но въ тоже время какую-то необычайную флегму и наклонность къ покою. Онъ не терпѣлъ ни малѣйшаго принужденія, и въ тоже время ненасытно искалъ наслажденій, власти, роскоши, хотѣлъ присвоить себѣ всякаго рода славу. Такъ успѣхъ увлекалъ его и вмѣстѣ утомлялъ, будучи помѣхой его лѣни, и всетаки никакой быстрый и блистательный успѣхъ не могъ удовлетворить его нетерпѣливыхъ желаній. Можно было сдѣлать его богатымъ и могучимъ, но невозможно было сдѣлать счастливымъ. Съ добрымъ сердцемъ, съ тонкимъ умомъ, онъ былъ вмѣстѣ скупъ и расточителенъ, сыпалъ милостями и не платилъ своихъ долговъ. Скучая обществомъ, онъ казался въ немъ самъ не свой, и всетаки считалъ необходимымъ держать около себя своего рода дворъ. Ласковый въ тѣсномъ кругу близкихъ, онъ въ людяхъ казался высокомѣрнымъ и почти недоступнымъ; но на дѣлѣ онъ стѣснялъ другихъ, потому что самъ стѣснялся. У него была какая-то робость, которую онъ хотѣлъ скрыть, или побѣдить, принимая горделивый и холодный видъ. Чтобы снискать его расположеніе, всего лучше было не бояться его, прямо и откровенно начать съ нимъ разговоръ и такимъ образомъ избавить его отъ замѣшательства, разомъ поставивъ себя съ нимъ за просто.»

Другой иностранецъ, принцъ Де-Линь, не менѣе пораженъ былъ характеромъ Потемкина и во время Очаковской осады такъ изображалъ его. «Я вижу главнокомандующаго, который кажется лѣнивцемъ и между тѣмъ постоянно работаетъ; у него нѣтъ другаго стола, кромѣ собственныхъ колѣней,—нѣтъ другаго гребня, кромѣ пяти пальцевъ. Онъ вѣчно лежитъ и никогда не спитъ въ своемъ усердіи къ обожаемой имъ государынѣ; каждый, слышанный издалека, пушечный выстрѣлъ заставляетъ его дрожать отъ мысли, что кого нибудь убило, а самъ, подъ сильнѣйшимъ огнемъ баттарей, безпечно даетъ приказанія; онъ смущенъ передъ опасностью и веселъ, когда она наступитъ. Онъ печаленъ во время наслажденья, несчастенъ, потому что слишкомъ счастливъ, скучаетъ всѣмъ, все ему надоѣдаетъ; онъ брюзгливъ, непостояненъ; онъ искустный министръ, великій политикъ и десятилѣтнее дитя. Нисколько не мстительный, онъ проситъ прощенія у тѣхъ, кого чѣмъ нибудь опечалилъ, и быстро исправляетъ несправедливость; чтитъ Бога и боится дьявола, котораго считаетъ еще болѣе важнымъ княземъ, чѣмъ онъ самъ; одной рукой дѣлаетъ знакъ милой дамѣ, а другою крестится. Получая множество наградъ отъ

государыни, онъ тотчасъ раздаетъ ихъ, беретъ отъ нея земли и, не говоря ей, платитъ вмѣсто нея; покупаетъ громадныя имѣнія, чтобы построить коллонаду и англійскій садъ, и потомъ все бросаетъ; то вѣчно играетъ въ карты, то совсѣмъ не играетъ; любитъ болѣе давать, чѣмъ платить свои долги; страшно богатъ и не имѣетъ копейки. Онъ то недовѣрчивъ, то добродушенъ, то не въ духѣ, то безпечно-веселъ, въ минуту чѣмъ нибудь увлеченъ и въ минуту разочарованъ, онъ толкуетъ о богословіи со своими генералами и о войнѣ съ епископами; ничего не читаетъ, но у всякаго обо всемъ допытывается и со всякимъ споритъ, чтобы больше узнать. То кажется онъ совсѣмъ дикаремъ, то въ высшей степени любезенъ; то онъ гордый восточный сатрапъ, то утонченный придворный временъ Людовика XIV-го; но подъ жесткою наружностью, у него очень доброе сердце. Онъ ни въ чемъ не хочетъ быть сходенъ съ другими; какъ ребенокъ хватается за все, и также можетъ безо всего обойтись; онъ въ перемежку ворчитъ, смѣется, проклинаетъ, шалитъ, молится, поетъ или задумывается; двадцать разъ призоветъ, отошлетъ и опять призоветъ своего адьютанта,—и ничего ему не скажетъ. То ему ни почемъ какой угодно холодъ, то не можетъ обойтись безъ шубы въ комнатѣ; то ходитъ въ туфляхъ на босую ногу, безъ всякой одежды, кромѣ рубашки и сквернаго халатишка, то является въ тончайшемъ бѣльѣ, въ роскошномъ мундирѣ, весь въ орденахъ и лентахъ, весь залитый брильянтами. Какимъ же волшебствомъ онъ такъ къ себѣ привлекаетъ? Умомъ, болѣе всего умомъ, а также добротою: у него необычайная память, возвышенная душа, лукавство безъ злости, хитрость безъ коварства, счастливое смѣшеніе причудъ, которыми въ добрую минуту онъ становится истинно привлекателенъ; въ немъ есть великодушіе, любезность, справедливость, много такту, талантъ угадывать то, чего не знаетъ, и великое знаніе людей.» Любопытно, что съ своей стороны Потемкинъ писалъ Екатеринѣ о принцѣ Де-Линѣ: «Принцъ вѣтряная мельница: я у него то великій человѣкъ, то жалкая ничтожность.»

Дѣйствительно, иностранцы изображали рѣзкія противорѣчія въ характерѣ Потемкина, не выясняя ихъ причинъ, такъ что у нихъ выходило, вмѣсто одного, два человѣка. Характеръ Потемкина конечно, не былъ такъ простъ: многія изъ его странностей объясняются тѣмъ тонкимъ разсчетомъ, какой даетъ поводъ сказать и о самомъ простодушномъ русскомъ человѣкѣ, что онъ «себѣ на умѣ;» но какъ эти, такъ и другія свойства, происходили въ немъ отъ природы, отъ впечатлѣній окружающей жизни, отъ общества, среди котораго

онъ вращался. Потемкинъ вполнѣ представляетъ собою даровитаго русскаго человѣка, какимъ онъ могъ быть во второй половинѣ прошлаго столѣтія, когда старая азіатская грубость нравовъ въ немъ дико смѣшивалась съ европейскимъ лоскомъ и европейскими идеями. Предки его были польскаго происхожденія, и отъ нихъ отчасти онъ могъ наслѣдовать польскую живость, впечатлительность и неустойчивость характера; но еще болѣе находимъ въ немъ свойственныя намъ черты: широту взгляда, способность много охватить умомъ безъ привычки слишкомъ углубляться въ подробности; великую сметку въ каждомъ данномъ случаѣ безъ строгаго, систематическаго изученія средствъ, съ помощью которыхъ идти бы шагъ за шагомъ къ цѣли; проявленіе громадныхъ силъ въ отдѣльныхъ порывахъ и слѣдующее за тѣмъ полное истощеніе и изнеможеніе до новаго блистательнаго дѣла; упрямство болѣе выжидательное, чѣмъ дѣятельное; наклонность довольствоваться одною красивою внѣшностью, когда дѣло требуетъ слишкомъ долгихъ усилій; задушевную доброту безъ особеннаго вниманія къ людямъ. Съ этими свойствами, составляющими нашу русскую удаль, въ лучшемъ смыслѣ слова, еще очень много можно сдѣлать; но при этомъ не всегда созидаемое бываетъ прочно, а если и бываетъ, то помимо насъ и нашихъ усилій: наши слѣды остаются тутъ, какъ отъ семиверстныхъ шаговъ въ сказкѣ о великанѣ.

Свою первую юность Потемкинъ проводилъ въ Москвѣ. Неутомимыя бесѣды съ монахами удовлетворяютъ пробудившуюся въ немъ любознательность, какъ она удовлетворялась еще до Петра Великаго; но надо помнить, что это было еще во время Елизаветы, когда такимъ способомъ можно было всего скорѣе обратить на себя вниманіе и отличиться. Честолюбіе уже грызло Потемкина; но пытливый умъ его всегда шелъ дальше, чѣмъ того требовало одно честолюбіе. Современники удивлялись его знаніямъ въ церковной исторіи, особенно что касается соборовъ и пререканій между восточною и западною церковью. И впослѣдствіи это было одною изъ любимѣйшихъ темъ его разговора. На высотѣ своей силы, онъ держалъ у себя какого нибудь извѣстнаго раскольника, православнаго священника, лютеранскаго пастора или католическаго ксендза и заставлялъ ихъ спорить о вѣрѣ, чтобы изъ ихъ искуства въ преніяхъ самому научиться. Но этимъ онъ не ограничивался: всякій новый предметъ возбуждалъ его горячее любопытство. Читать книги онъ не имѣлъ ни терпѣнія, ни охоты: все, что ни зналъ, онъ заимствовалъ изъ бесѣдъ. Будь это французскій ученый, толкующій о новомъ устройствѣ общества, или полудикій запорожецъ, разсказывающій о своемъ житьѣ-бытьѣ, шла

ли рѣчь о разведеніи скота, о предметахъ торговли, объ иностранныхъ орденахъ, или объ американской войнѣ, Потемкинъ одинаково готовъ былъ бесѣдовать цѣлые часы съ кѣмъ угодно, если только могъ набрать новыхъ свѣдѣній. При этомъ изученіе лицъ, съ которыми онъ разговаривалъ, занимало его еще, можетъ быть, болѣе, чѣмъ предметъ разговора. Никто такъ не любилъ обо всемъ распрашивать, и все слышанное сохраняла его громадная память. Такими знаніями онъ при случаѣ умѣлъ отлично пользоваться; но они всетаки не могли образовать въ немъ какихъ либо опредѣленныхъ убѣжденій, потому что безсистемно лежали въ его головѣ: они даже не могли избавить его отъ старыхъ предразсудковъ, какъ напримѣръ, вѣра въ разныя примѣты. Можетъ быть, эта умственная тяжесть была одною изъ причинъ его головныхъ болей и хандры; притомъ мучительное безвыходное броженіе мыслей, при сильной наклонности къ умозрѣнію, свойственно было почти всѣмъ образованнымъ людямъ прошлаго вѣка.

Другія причины недовольства собою заключались въ рѣзкомъ противорѣчіи между грубыми привычками стараго, избалованнаго барства и нравственными требованіями, какія чувствовалъ всякій, кто былъ европейски образованнымъ человѣкомъ, или хотѣлъ такимъ казаться,— заключались въ самомъ этомъ европейскомъ образованіи, которое соединялось, какъ это бываетъ вначалѣ, со страшной распущенностью нравовъ. Наконецъ сюда надо присоединить пресыщеніе при легкомъ достиженіи всевозможныхъ благъ и болѣзнь честолюбія, свойственную вѣку. Многія слабыя стороны въ характерѣ Потемкина не развились бы такъ сильно, еслибъ онъ не жилъ въ той обстановкѣ, какая окружала его по пріѣздѣ въ Петербургъ, но тогда, конечно, не было бы случая и вполнѣ развиться его блистательнымъ способностямъ. Потемкинъ часто ставилъ ни во что людской трудъ и даже довольно легкомысленно смотрѣлъ на чужую собственность, и въ то же время онъ плакалъ о людскихъ страданіяхъ, благодѣтельствовалъ безъ разсчета. Екатерина говорила о немъ: «Потемкинъ смотритъ волкомъ, но имѣетъ хорошую душу: онъ самъ первый готовъ просить за своего недруга». Такъ онъ всегда выказывалъ уваженіе къ Румянцеву, хотя этотъ впослѣдствіи не очень дружелюбно о немъ отзывался. Извѣстна непріязнь къ нему Чернышева. Во время проѣзда Екатерины черезъ Могилевъ, Чернышевъ напомнилъ Потемкину, что нужно бы дать панагію архіерею Конисскому. Желая угодить своему сопернику, Потемкинъ тотчасъ же выпросилъ у государыни панагію, принесъ ее къ Чернышеву и любезно сказалъ: «Вотъ, передайте сами». Но Черны-

шевъ вдругъ надулся и отвѣчалъ: «У васъ есть адьютанты, а я уже старъ для разсылокъ». Извѣстны и многіе другіе случаи, когда Потемкинъ выказалъ безпристрастіе, прямодушіе, незлобливость. Образованіе, конечно, нѣсколько развило въ немъ чувства благородства и чести, какъ возбудило въ немъ и неусыпную дѣятельность мысли. Но съ французскими обычаями пришло къ намъ и много соблазновъ: чудовищная страсть къ роскоши, крайняя неумѣренность во всѣхъ чувственныхъ наслажденіяхъ. Потемкинъ, которому такъ легко было удовлетворять каждую страсть, конечно, не избѣгъ этихъ соблазновъ: отъ азартныхъ игръ онъ бросался къ ухаживанію за женщинами. Особенно, при мягкости его природы, связи съ милыми дамами должны были сильно разслаблять его нервы. Забавляясь внѣшностью, онъ одновременно разбиралъ ордена для служащихъ, митры для архіереевъ и наряды для своихъ племянницъ. Желаніе выказать свой вкусъ въ устройствѣ пировъ и блестящей обстановки доходило у него до поэтическаго одушевленія. Онъ, какъ и всѣ въ то время, увлекался наружнымъ блескомъ, но временно: безумная роскошь, на которую онъ тратилъ иногда деньги, служила болѣе къ тому, чтобы заслѣпить другимъ глаза или кому нибудь понравиться. Самъ же онъ могъ довольствоваться малымъ: утопая въ золотѣ и брильянтахъ, часто велъ смиренную жизнь отшельника; среди роскошныхъ обѣдовъ предпочиталъ самую простую пищу: соленые огурцы, капусту и проч. Большихъ собраній онъ не любилъ, а когда къ нему съѣзжались на поклонъ, то обыкновенно сидѣлъ въ отдѣльной комнатѣ, съ немногими приближенными, и гости совсѣмъ не видѣли хозяина. Брильянты свои онъ надѣвалъ больше по необходимости, а чаще отъ скуки чертилъ ими узоры по столу.

Потемкинъ былъ врагъ всякаго, кто предъ нимъ грубо унижался, и топталъ въ грязь ласкателей. Такъ онъ выдалъ Каменскаго головою Румянцеву, когда тотъ изъ подслуги хотѣлъ очернить передъ нимъ стараго фельдмаршала. Но въ то же время онъ не стѣснялся пользоваться услугами людей, которые умѣли чѣмъ нибудь его позабавить. По привычкамъ барства, усиленнымъ властью, онъ способенъ былъ къ дикимъ вспышкамъ, которыхъ самъ стыдился; онъ заставлялъ людей скакать за тысячи верстъ иногда ради пустяковъ, для удовлетворенія минутной прихоти. Всѣхъ этихъ противуположныхъ влеченій уже было достаточно, чтобы произвести совершенный разладъ въ душѣ человѣка чрезвычайно умнаго и впечатлительнаго. Но главною болѣзнью, снѣдавшею Потемкина, была всетаки язва честолюбія. Всѣ, и способные, и неспособные, искатели счастья въ то время не-

вольно заражались ею, видя въ продолженіи полустолѣтія, какъ быстро возвышались люди, часто безъ всякихъ съ ихъ стороны усилій (напримѣръ, лишь за пріятный голосъ или потому, что былъ родственникомъ, пріятелемъ этого человѣка съ хорошимъ голосомъ). Но Екатерина искала умныхъ людей, и тѣмъ болѣе на вниманіе съ ея стороны могъ разсчитывать Потемкинъ. Власть и почести его ослѣпляли, но, разъ достигнувъ ихъ, онъ скоро утомлялся нести сопряженное съ ними бремя. Онъ даже чувствовалъ какъ будто презрѣніе къ отличіямъ, особенно когда предстояла скучная борьба съ тысячью мелкихъ интригъ, съ тысячью оскорбленныхъ самолюбій. И при всемъ томъ малѣйшее ослабленіе этой власти было бы для него смертнымъ приговоромъ. Не даромъ Екатерина причисляла его къ горячимъ головамъ. Вотъ, около него, не смѣя подступить, увиваются первые сановники, полномочные послы, даже заѣзжіе принцы; а онъ молча лежитъ въ халатѣ, нечесаный, босоногій, и задумчиво грызетъ ногти, или занимается съ купцемъ, котораго откуда то выписалъ, какъ отличнаго игрока въ шахматы.

Едва кивнетъ онъ на вашъ поклонъ, а чаще и совсѣмъ его не замѣтитъ. Но не думайте, чтобы онъ этимъ хотѣлъ оскорбить васъ; кто прямо ему заявитъ свое неудовольствіе, для того онъ, пожалуй, одѣнется въ мундиръ, выскажетъ всевозможную любезность; но онъ такъ усталъ, такъ обремененъ заботами, такъ боленъ... вы, вѣрно, не взыщете съ больнаго, если онъ не исполнитъ всѣхъ приличій. Сегюръ разсказываетъ, что въ отвѣтъ на пріемъ Потемкина, онъ принялъ его тоже въ халатѣ. Потемкинъ нисколько не обидѣлся, но всетаки довелъ Сегюра до того, что и Сегюръ не затруднялся посѣщать его, когда, въ кругу знати, онъ оставался въ своемъ неглиже. Можетъ быть, онъ думалъ: «Къ чему мнѣ стѣсняться, когда эти посѣтители готовы предо мной преклоняться, что-бы я ни дѣлалъ и какимъ бы ни былъ... вѣдь они разлетятся, какъ дымъ, чуть вѣтерокъ повѣетъ въ другую сторону.» Тутъ было все вмѣстѣ: и пренебреженіе къ окружающимъ людямъ, и остатокъ старыхъ затѣй барства съ его спѣсью, лѣнью и халатностью, и желаніе показать, какъ прочна и могуча его власть, когда онъ объ ней не думаетъ, и, можетъ быть, иногда разсчетъ, чтобы съ большимъ удобствомъ наблюдать людей, не пугая ихъ своей представительностью, чтобы, подъ предлогомъ болѣзни избавиться отъ скучныхъ церемоній,—и наконецъ припадки настоящей болѣзни или хандры, когда все кажется противнымъ.

За то тѣмъ поразительнѣе, тѣмъ болѣе блестящимъ казался этотъ человѣкъ, когда, сбросивъ хандру, онъ являлся въ придворномъ кругу

разодѣтый, любезный, привѣтливый, со своимъ живымъ остроуміемъ и краснорѣчіемъ. Потемкинъ любилъ поражать неожиданностью, но дѣлалъ это естественнѣе, чѣмъ Каменскій, Суворовъ и другіе хитрецы того вѣка. Когда онъ запирался ото всѣхъ и бросалъ всѣ дѣла, дѣйствительно, трудно было разобрать, опротивѣла ли ему власть, или онъ въ отчаяніи, что эта власть все еще не довольно велика для достиженія всѣхъ его замысловъ. Очень вѣроятно, что тутъ заключалось и то, и другое. Потемкину постоянно приписывали желаніе сдѣлаться то королемъ польскимъ, то герцогомъ курляндскимъ, то господаремъ молдавскимъ, то малороссійскимъ гетманомъ. По его словамъ, онъ считалъ все это ниже того, что имѣлъ и чего могъ желать. И своей силы при дворѣ достигалъ онъ не тѣми средствами, какъ другіе. Суворовъ чудесилъ и кланялся въ ноги; Потемкинъ, въ первыя минуты возвышенія, когда его придворные успѣхи шли еще не такъ быстро, какъ бы онъ хотѣлъ, вдругъ бросаетъ дворъ, идетъ въ Александро-Невскую лавру: тамъ одѣлъ онъ монашеское платье, отростилъ себѣ бороду, высказывая рѣшительное намѣреніе отказаться отъ свѣта. Екатерина жалѣетъ о немъ, утѣшаетъ его, вызываетъ изъ монастыря; по немногу онъ нераздѣльно сталъ ея любимцемъ; потомъ, когда другіе любимцы заняли его мѣсто при дворѣ, онъ всетаки остался первымъ совѣтникомъ, другомъ государыни. Одинъ изъ приближенныхъ, Ермоловъ, успѣлъ внушить Екатеринѣ, что Потемкинъ неправильно распоряжается суммами, порученными ему отъ казны. Черезъ руки его, какъ извѣстно, проходили десятки милліоновъ рублей, и онъ, подобно Меншикову при Петрѣ, не различалъ своихъ денегъ отъ казенныхъ, платя изъ своихъ денегъ по обязательствамъ казны, и на оборотъ употребляя казенныя деньги на свои нужды. Но его нельзя было обвинить, какъ Меншикова, въ корыстолюбіи; онъ скорѣе могъ допустить злоупотребленія по безпечности, по небрежности къ людямъ, имѣвшимъ къ нему денежныя отношенія. Какъ бы то ни было, Екатерина стала къ нему холоднѣе. Всѣ придворные его бросили; немногіе друзья стали его уговаривать, чтобы онъ объяснился и оправдался, или просилъ милости. Вмѣсто этого, Потемкинъ равнодушно оставляетъ дворъ, а потомъ и совсѣмъ уѣзжаетъ изъ Петербурга. Кончилось тѣмъ, что Ермоловъ удаленъ, а въ приближенные избранъ Мамоновъ, во всемъ послушный Потемкину, и опальный князь опять окруженъ ласкателями, опять то запирается въ своей кельѣ, то блеститъ въ придворныхъ собраніяхъ изысканной свѣтскостью. Екатерина не могла обойтись безъ Потемкина. По ея словамъ, «умъ его былъ превосходный, и онъ всегда могъ помочь со-

вѣтомъ; онъ былъ до безконечности вѣренъ и никогда не продавалъ ея». Когда о Вяземскомъ и другихъ способныхъ людяхъ, она любила отзываться, какъ о своихъ ученикахъ, къ одному Потемкину она иногда обращалась со словами: «мой учитель».

Дѣйствительно, какъ въ домашнихъ дѣлахъ, такъ и въ общественныхъ, шла ли рѣчь о планѣ военныхъ дѣйствій, о снабженіи арміи, о построеніи городовъ, или о новомъ союзѣ съ какою нибудь изъ иностранныхъ державъ, совѣты Потемкина имѣли для Екатерины особенную цѣну. Но болѣе всего онъ увлекалъ ее такъ называемой «восточной системой» или «греческимъ проектомъ». Это былъ громадный планъ, какъ освободить всѣ христіанскіе народы, находившіеся подъ властію турокъ, образовать изъ нихъ греческую монархію, сдѣлавъ Константинополь ея столицею, и такимъ образомъ уничтожить Турцію. По частямъ сюда входили: завоеваніе Крыма и сѣверныхъ береговъ Чернаго моря, постепенное покореніе Кавказа, Персіи, а съ другой стороны освобожденіе Молдавіи и Валахіи, заведеніе флота на Черномъ морѣ, освобожденіе съ помощью русскихъ силъ греческихъ земель: Мореи и островов Архипелага, и наконецъ завоеваніе Цареграда. Для будущей греческой монархіи готовили и царя въ лицѣ внука Екатерины, Константина Павловича, тогда еще отрока, котораго самое имя напоминало о «градѣ Константина» или о Константинополѣ. Разумѣется, публично, особенно передъ иностранными министрами, этого не высказывали, но въ дружескихъ бесѣдахъ Екатерина иногда такъ выражалась: «Грековъ можно оживить: они могли-бы составить монархію для Константина Павловича... хоть черезъ 30 лѣтъ. Мы теперь рога ломаемъ, а тогда уже будутъ сломлены. Да и чего опасаться Европѣ? Лучше же имѣть по сосѣдству христіанскую державу. Константинополь могъ-бы и не быть столицею, а свободнымъ торговымъ городомъ.» Послѣ взятія Очакова и Измаила, готовя торжественный пріемъ Потемкину, она велѣла украсить мраморныя ворота въ Царскомъ селѣ и сдѣлать надъ ними надпись изъ стиховъ тогдашняго поэта Петрова: «Ты внидешь въ плескахъ въ храмъ Софіи.» — «Никто не можетъ ничего сказать, потому что Софійская церковь есть и въ Царскомъ селѣ», — прибавила она, подразумѣвая въ душѣ обращенный въ мечеть, древній Софійскій соборъ въ Константинополѣ, — «я знаю: онъ будетъ въ нынѣшнемъ году въ Царьградѣ... только не вдругъ мнѣ объ этомъ скажите!» Этому громадному плану, конечно, не суждено было исполниться: вся Европа, не смотря на тогдашнее смутное ея положеніе, воспротивилась бы его выполненію; да и помимо Европы, уже

истощенной Россіи это стоило бы такихъ жертвъ, которыя не окупились бы никакими завоеваніями. Шведская война, когда Петербургъ чуть не попалъ въ руки непріятеля, показала, какъ еще недостаточны были военныя силы Россіи, а онѣ и безъ того постоянно умножались свыше всякой мѣры и возможности. Екатерина, высказывая свои мечты, на дѣлѣ всегда умѣла себя сдерживать и ограничивать. Со своимъ болѣе логичнымъ, нѣмецкимъ умомъ, она стала охладѣвать и къ «восточному проэкту», чуть увидѣла его несбыточность. Но Потемкинъ не могъ такъ легко отказаться отъ своихъ честолюбивыхъ надеждъ; убѣждаясь, сколько нужно крови и денегъ, чтобы ихъ выполнить, онъ все болѣе падалъ духомъ: помимо какой-либо немилости двора, о которой есть лишь смутныя свѣдѣнія, его убило разрушеніе собственныхъ великолѣпныхъ плановъ.

Потемкинъ иногда допускалъ очень рѣзкія о себѣ сужденія. Въ этомъ отношеніи умный шутъ его, Моссъ, пользовался большою свободой. Однажды онъ кинулъ въ глаза своему патрону, въ присутствіи знатныхъ гостей, такую тираду: «Россія раззорена, истекаетъ кровью... къ чему все это? къ чему хотятъ вооружить противъ насъ цѣлую Европу? Все, все только для того, чтобы позабавить вотъ этого важнаго господина, который здѣсь сидитъ и скучаетъ, чтобы прибавить еще Георгія 1-й степени къ сорока побрякушкамъ, которыми онъ владѣетъ и которыхъ ему все еще не довольно!» Подобныя сужденія о Потемкинѣ, хотя не такъ рѣзко, высказывали и другіе; но во многихъ отношеніяхъ несправедливо. Когда Моссъ говорилъ это, дѣло шло объ утвержденіи нашихъ южныхъ границъ. Изо всего восточнаго проэкта только это удалось выполнить; но это и было наиболѣе важнымъ, полезнымъ для народа и наиболѣе практическимъ дѣломъ въ тогдашнее время. Тутъ и дѣятельность Потемкина заслуживала всякой награды. Конечно, тутъ было потрачено много денегъ и народныхъ силъ также для одного лишь внѣшняго блеску; но надо взять во вниманіе обычаи вѣка, когда объ экономіи не имѣли никакого понятія, и самыя условія, при какихъ дѣйствовалъ Потемкинъ. Сдѣланный правителемъ всей южной части Россіи, вмѣстѣ съ Крымомъ, онъ сосредоточилъ весь свой умъ, всѣ свои заботы на этомъ обширномъ краѣ. Хотя и въ немногихъ крупныхъ чертахъ, какъ на это былъ способенъ его умъ, онъ положилъ начало его будущему процвѣтанію. Едва заходила рѣчь о Новороссіи, о Крымѣ, Потемкинъ, какая-бы ни томила его хандра, вдругъ оживлялся, готовъ былъ толковать часы безъ умолку. Тутъ мы видимъ въ немъ не только честолюбиваго мечтателя, или любителя изящнаго, ищу-

щаго во всемъ красивой обстановки, но и настоящаго дѣятеля. Въ горячемъ стремленіи устроить, заселить, обогатить ввѣренный ему край, онъ не знаетъ покою, работаетъ дни и ночи, ѣздитъ по степямъ, самъ смотритъ за всѣмъ, охотно перенося всякія неудобства и лишенія. Екатерина цѣнила въ немъ эту преданность дѣлу, это одушевленіе одною мыслію, и когда онъ умеръ, она долго не могла опомниться. «Какъ можно мнѣ замѣнить Потемкина, говорила она: все будетъ не то! Кто бы могъ думать, что его переживутъ Чернышевъ и другіе старики? Да и всѣ теперь, какъ улитки, станутъ высовывать головы.» Слезы показывались у ней всякій разъ, при воспоминаніи о немъ,. и она уходила и запиралась въ своемъ кабинетѣ.

ДѢЛА ПОТЕМКИНА. — ПУТЕШЕСТВІЕ ЕКАТЕРИНЫ ВЪ КРЫМЪ. — ВТОРАЯ ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА.

Взявши въ свои руки дѣла, Потемкинъ прежде всего позаботился о полномъ присоединеніи Крыма къ Россіи. Крымскій ханъ, Шагинъ-Гирей, преданный Россіи, вооружилъ противъ себя татаръ, вздумавъ завести при своемъ дворѣ европейскіе обычаи. Подстрекаемые турками, татары сбирались убить его, но онъ бѣжалъ въ Россію. Потемкинъ послалъ въ Крымъ войско, какъ будто ему на помощь; но устроилъ дѣло такъ, что Шагинъ-Гирей добровольно отказался отъ престола и отправленъ на житье въ Воронежъ, а татары согласились признать власть Екатерины. Крымъ обращенъ въ особую губернію подъ названіемъ Таврической. Въ тоже время и нѣкоторыя закавказскія земли, составлявшія часть древней Грузіи, признали покровительство Россіи. Турція однако не переставала тѣснить закавказскихъ христіанъ, грузинъ и армянъ, привлекая все болѣе на свою сторону горцевъ, между которыми распространяла мусульманскую вѣру. Чтобы постепенно утвердиться на Кавказѣ, Потемкинъ усилилъ такъ называемую Кубанскую линію. Онъ поселилъ на Кубани много казаковъ, въ томъ числѣ запорожцевъ, устроилъ военныя станицы, и съ тѣхъ поръ началась безпрестанная война съ горцами, которая окончилась лишь въ недавнее время. Такъ сдѣланъ былъ первый шагъ къ исполненію восточнаго проэкта. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ дѣйствій Потемкина, очень скоро могъ-бы произойти разрывъ съ Турціей; но турки удержались отъ войны, испугавшись союза Россіи съ Австріей. До того времени

Россія была въ наиболѣе тѣсныхъ отношеніяхъ съ Пруссіей и, сообща съ нею, рѣшала дѣла польскія; теперь же Потемкинъ убѣдилъ Екатерину сблизиться съ австрійскимъ императоромъ Іосифомъ II. Румянцевъ и другіе старые приверженцы Пруссіи сильно не одобряли такого союза; но Потемкину онъ былъ нуженъ для его замысловъ противъ турокъ. Іосифъ II, подобно Фридриху Великому и Екатеринѣ, былъ усердный почитатель французскихъ философовъ, энциклопедистовъ, и держался ихъ человѣколюбивыхъ взглядовъ: простой и обходительный со всѣми, онъ любилъ скрывать свой царскій санъ, ходя, какъ частный человѣкъ, между народомъ, чтобы узнать его нужды, заботился объ образованіи, объ улучшеніи быта крестьянъ, объ ограниченіи разныхъ вредныхъ привилегій дворянства и духовенства; но пе имѣлъ ни особаго ума, ни военныхъ талантовъ. Увлекаясь, какъ и всѣ въ его время, честолюбіемъ, онъ задумалъ увеличить свои владѣнія на счетъ турокъ, распространивъ южныя границы Австріи до Бѣлграда и Адріатическаго моря. Вотъ причина, почему онъ искалъ союза съ Екатериною. Когда Екатерина предприняла поѣздку въ западныя губерніи, вновь присоединенныя отъ Польши, Іосифъ II пріѣхалъ на свиданіе съ нею въ Могилевъ, потомъ посѣтилъ Москву и отсюда отправился въ Петербургъ, гдѣ прожилъ нѣкоторое время посреди безпрерывныхъ праздниковъ. Союзъ съ Австріей удержалъ турокъ, хотя Потемкинъ дѣлалъ такія распоряженія, которыя были прямо противъ нихъ направлены.

Полный господинъ всего южнаго края, онъ задумалъ разомъ укрѣпить его и возвысить, для чего и Екатерина не отказывала ему ни въ какихъ денежныхъ средствахъ. Онъ неутомимо всюду разъѣзжалъ, быстро все устраивалъ, умѣя выбирать себѣ и расторопныхъ помощниковъ. Близъ устьевъ Буга, у тогдашней турецкой границы, онъ увидѣлъ красивую, холмистую мѣстность и началъ тутъ строить городъ Николаевъ съ крѣпостью и верфью. Точно также близъ устьевъ Днѣпра быстро возникъ Херсонъ съ казармами для войскъ, съ магазинами, съ верфью. Въ Крыму замѣтилъ онъ громадный, превосходный заливъ между скалъ для цѣлаго флота, и тутъ, на мѣстѣ татарскаго городка, положилъ основаніе Севастополю. Назвавъ Крымъ Тавридою, онъ повсюду возобновилъ эти старинныя греческія названія: Херсонъ, Севастополь, Евпаторія, Ѳеодосія, и проч. еще до сихъ поръ свидѣтельствуютъ о замыслахъ Потемкина основать новое, греческое царство. Съ такою же поспѣшностью и неутомимостью, какъ нѣкогда Петръ Великій, принялся онъ за постройку кораблей на всѣхъ основанныхъ имъ верфяхъ, и не прошло нѣскольких лѣтъ, какъ на Черномъ морѣ плавалъ уже сильный флотъ, готовый каждую минуту

явиться предъ Константинополемъ. Но нынѣшняя Екатеринославская, Херсонская и Таврическая губерніи были тогда еще совершенною пустыней. Потемкинъ употребилъ всѣ средства, чтобы заселить этотъ плодородный край. Во первыхъ, по его совѣту, Екатерина раздавала тутъ земли многимъ вельможамъ: чтобы эти земли приносили доходъ, они естественно переселяли своихъ крестьянъ. Много было здѣсь поселено и изъ государственныхъ крестьянъ; кромѣ того вызваны для поселенія нѣмцы, греки, армяне. Потемкинъ открылъ сюда свободный доступъ раскольникамъ, съ которыми обходился очень дружелюбно, и, какъ полагаютъ, даже бѣглымъ. Татаръ, присоединившихся къ Россіи, онъ также ласкалъ и выказывалъ полное уваженіе къ ихъ обычаямъ. Словомъ, гдѣ не было и сотни тысячъ народа, тамъ чрезъ какіе-нибудь восемь лѣтъ считалось болѣе полумилліона жителей. Хлѣбопашество и скотоводство усилились такъ, что во вторую турецкую войну Новороссійскій край могъ содержать уже цѣлую армію, тогда какъ прежде изъ него ничего не получалось. Потемкинъ много также содѣйствовалъ въ немъ разведенію овецъ, винодѣлію, шелководству. Главнымъ городомъ для всей страны онъ готовилъ еще не существовавшій тогда Екатеринославъ: здѣсь думалъ онъ открыть университетъ, построить богатый соборъ въ родѣ знаменитаго храма Петра и Павла въ Римѣ, украсить городъ коллонадами, какъ древнія Аѳины, и проч. Въ замыслахъ Потемкина было много фантастическаго, а въ дѣлахъ и не все хорошо обдумано. Такъ для Херсона выбрано неудобное мѣсто посреди болотъ, гдѣ на первыхъ же порахъ гибло много народа отъ лихорадокъ. Постройки Потемкина, созидаемыя съ крайней поспѣшностью, не могли быть особенно прочны. Многое дѣлалось и для одного показу. Деньги часто тратились безъ разсчета; людскимъ трудомъ пользовались также безъ особаго вниманія и бережливости; земли раздавались, кому попало. Во всякомъ случаѣ въ этомъ устройствѣ южнаго края Потемкинъ положилъ много ума и энергіи.

Въ 1787 году Екатерина пожелала видѣть новый край, оживленный Потемкинымъ, и предприняла громадное путешествіе черезъ всю Россію. Зимою, 7-го января, она выѣхала изъ Царскаго Села со своею свитой, огромнымъ поѣздомъ изъ 14 каретъ и болѣе 200 открытыхъ саней, для которыхъ на каждой станціи нужно было до 500 лошадей. Въ каретѣ государыни сидѣли, кромѣ ея тогдашняго любимца Мамонова и неизмѣнной спутницы Протасовой, кто нибудь изъ приближенныхъ, какъ, напримѣръ, весельчакъ Нарышкинъ, неизмѣнно забавлявшій всѣхъ своими шутками, или иностранные посланники, особенно

остроумный французскій посланникъ Сегюръ и англійскій—Фитц-Гербертъ. И въ дорогѣ Екатерина вела правильную жизнь: вставала въ 6 часовъ утра, до 9 работала, завтракала, принимала приближенныхъ, потомъ съ 9 до 2-хъ ѣхала съ необыкновенной быстротой по гладкой зимней дорогѣ; въ 2 останавливались для обѣда, потомъ опять отправлялись въ путь и въ 7 часовъ уже останавливались на ночлегъ. Такъ какъ дни были еще короткіе, то вечеромъ весь путь освѣщался горѣвшими съ обѣихъ сторонъ громадными кострами. При каждой остановкѣ государыню ожидали временно устроенные дома или дворцы, гдѣ было всего въ изобиліи; но спутники ея, въ деревняхъ, должны были довольствоваться обыкновенными, жарко натопленными избами. Когда приближались къ какой нибудь деревнѣ или къ городу, народъ, собравшійся изъ дальнихъ мѣстъ, уже встрѣчалъ государыню, терпѣливо стоя, не смотря на морозъ, сплошной стѣною у дороги. Въ городахъ были обыкновенные пріемы, привѣтственныя рѣчи, иллюминаціи, балы. Такъ въ Смоленскѣ государыня дала великолѣпный балъ, на который собралось до 300 дамъ въ самыхъ модныхъ и роскошныхъ костюмахъ; но, не смотря на наружную чинность и французскіе наряды, въ гостяхъ еще сквозила старинная дикость нравовъ. Эти торжества сильно утомляли Екатерину: она говорила приближеннымъ о пустомъ блескѣ, на который тратится столько денегъ, а о встрѣчахъ отзывалась, что «и медвѣдя смотрѣть собираются». Тѣмъ не менѣе, простая въ своихъ обычаяхъ и въ ежедневной жизни, она считала этотъ наружный блескъ необходимымъ для обаянія своей власти. Государыня и въ дорогѣ занималась дѣлами: разсматривала рапорты и вѣдомости губернаторовъ и иностранныя почты, распрашивала дворянство и купечество о нуждахъ края, разсматривала жалобы, писала письма, и проч. Въ свободное время развлеченіемъ ея были иногда карты, иногда игра въ шарады, въ загадки, въ составленіе стиховъ на заданныя рифмы, и проч. Дорогою она расточала любезности сидѣвшимъ съ нею посланникамъ, толковала о невѣжествѣ и варварствѣ турокъ, о громадномъ пространствѣ Россіи и о томъ, какъ трудно дать образованіе разнороднымъ племенамъ, въ ней живущимъ; вспоминала о своемъ путешествіи по Волгѣ и о богатствѣ тамошняго края, и проч. За Смоленскомъ тѣ-же встрѣчи, привѣтствія, при чемъ щедро сыпались награды служащимъ. Въ Мстиславѣ могилевскій архіепископъ, Георгій Конисскій, извѣстный своимъ ходатайствомъ за православныхъ, страдавшихъ подъ властію Польши, сказалъ Екатеринѣ рѣчь, которая осталась въ памяти потомства: «Оставимъ астрономамъ доказы-

вать, что земля вокругъ солнца вращается: наше солнце вокругъ васъ ходитъ, чтобы мы благополучно почивали... Теки наше солнце успѣшно, исполинскими стопами, во всѣхъ твоихъ благихъ намѣреніяхъ; только къ западу твоей жизни не спѣши; въ этомъ случаѣ, какъ Іисусъ Навинъ, и руки, и сердца наши воздѣвая къ небу, воскликнемъ: «Стой, солнце, и не движись!»

Въ Малороссіи встрѣтилъ государыню и угощалъ у себя фельдмаршалъ Румянцевъ. Онъ сопровождалъ ее и до Кіева, куда она пріѣхала 29-го января. Здѣсь, среди блестящей свиты, Румянцевъ казался совсѣмъ затеряннымъ. Онъ разсыпался только въ жалобахъ на предпочтеніе, оказываемое Потемкину. Войска его, въ старыхъ мундирахъ, дѣйствительно имѣли печальный видъ въ сравненіи съ блестящими полками любимца. Румянцевъ не могъ разсчитывать ни на особую щедрость въ отпускаемыхъ ему суммахъ, ни на особыя отличія служащимъ подъ его начальствомъ. Екатерина, занятая новыми планами, которыхъ исполнителемъ былъ Потемкинъ, мало обращала вниманія на стараго, ворчливаго фельдмаршала. Кіевъ былъ въ то время жалкимъ городомъ, замѣчательнымъ только по своимъ развалинамъ. По выраженію Сегюра, онъ представлялъ лишь «воспоминаніе прошедшаго и надежду будущаго». Но къ пріѣзду Екатерины онъ какъ будто обновился: построены новые дворцы; праздники слѣдовали за праздниками: разсказываютъ, что одинъ изъ нихъ стоилъ до 40,000 рублей. Екатерина могла вполнѣ наслаждаться своимъ могуществомъ: иностранные принцы, первые остроумцы того времени, отовсюду съѣзжались къ ней на поклонъ. Они и въ стихахъ, и въ прозѣ величаютъ ее, не зная, къ кому изъ великихъ героинь и героевъ ее приравнять. Принцъ де-Линь называетъ ее не «Великая», а «Великій» Екатерина. Наиболѣе знаменитый изъ тогдашнихъ борцевъ за свободу, Лафайэтъ, изъявляетъ ей свое сожалѣніе, что не можетъ пріѣхать по причинѣ своего выбора въ палату депутатовъ, которая тогда только что открылась во Франціи. Екатерина поздравляетъ французовъ съ новыми, свободными учрежденіями, вспоминаетъ объ учрежденной ею Коммиссіи Уложенія и, въ числѣ немногихъ книгъ, беретъ свой Наказъ съ собою въ дорогу. Она вновь перечитываетъ энциклопедистовъ, выбирая изъ нихъ статьи для узаконеній о дуэли. Вмѣстѣ съ иностранцами, польскіе магнаты, не смотря на униженіе, какимъ тогда подвергалось ихъ отечество, окружаютъ дворъ Екатерины. Ихъ щегольскіе наряды, ихъ сабли, сіявшія золотомъ и драгоцѣнными камнями, ихъ блестящая свита улановъ ярко выдаются въ толпѣ. Не менѣе роскошно одѣтыя поль-

скія дамы усердно посѣщаютъ дворъ, разсчитывая украсить свой туалетъ орденомъ св. Екатерины. Въ дальнѣйшемъ пути ждутъ прибытія польскаго короля, а за нимъ долженъ явиться и новый союзникъ Екатерины, австрійскій императоръ Іосифъ II. Нужно было, такъ сказать, сдѣлать выставку Россіи предъ этимъ собраніемъ знатныхъ иностранцевъ, и на такое дѣло способенъ былъ только Потемкинъ. Конечно вся знать: генералы, министры, архіепископы прибыли въ Кіевъ. Но Потемкинъ, вмѣстѣ съ отборными отрядами изъ своихъ войскъ, одѣтыми по праздничному, призвалъ сюда и представителей разныхъ народовъ, особенно изъ вновь покоренныхъ Россіею. Тутъ были и кавказскіе горцы въ ихъ живописныхъ костюмахъ, и грузинскіе принцы, и татары, и киргизы, и калмыки. Пестрая смѣсь одеждъ и лицъ поражала иностранцевъ, какъ въ великолѣпномъ маскарадѣ. Они удивлялись могуществу Россіи и вмѣстѣ умилялись предъ величіемъ Екатерины, какъ просвѣтительницы востока. «Какой блескъ и шумъ!—восклицаетъ принцъ де-Линь.—Сколько золота, брильянтовъ, орденовъ, лентъ, тюрбановъ, красныхъ шапокъ, почтенныхъ бородъ, и проч.!»—«Мое маленькое хозяйство»—шутливо замѣчала Екатерина въ отвѣтъ тѣмъ, которые за границею разносили молву объ истощеніи и безсиліи Россіи. Но самый распорядитель и главный повѣренный, Потемкинъ, рѣдко являлся въ блестящихъ собраніяхъ. Какъ будто наперекоръ всей этой пышности, онъ пребывалъ въ самой глуши, въ кельяхъ Печерскаго монастыря, гдѣ, по своему обычаю, босоногій, нечесаный, въ халатѣ, лѣниво лежалъ на диванѣ, и такимъ образомъ принималъ и генералитетъ, и всѣхъ сановныхъ гостей, не исключая и европейскія знаменитости.

Съ наступленіемъ весны, 22-го апрѣля, Екатерина наконецъ отправилась изъ Кіева, внизъ по Днѣпру, въ дальнѣйшій путь, хотя Потемкинъ и уговаривалъ ее еще повременить для окончанія всѣхъ приготовленій. Выѣздъ былъ торжественный: раздавались хоры музыки, грохотъ выстрѣловъ. По рѣкѣ стройно двигались 80 разукрашенныхъ галеръ: императорская галера шла впередъ, вся блистая золотомъ; обширныя каюты, какъ на ней, такъ и на слѣдующихъ шести, назначенныхъ для ближайшей свиты, были обращены въ роскошные залы съ обширными диванами, со штофными обоями, съ золотыми украшеніями; остальныя галеры назначались для второстепенныхъ лицъ, для багажа, и проч. На каждой былъ хоръ музыкантовъ. Всѣ издержки пути отъ самаго Петербурга дворъ принималъ на себя, и приглашенные имѣли все готовое: роскошный столъ, богатое помѣщеніе, толпу слугъ, и проч. Галеры составляли порядоч-

ный флотъ, вмѣщавшій до 3000 народа. За Кіевомъ начинались области, бывшія въ распоряженіи Потемкина, и всѣ съ любопытствомъ ожидали, что могъ онъ сдѣлать съ прежними пустынными мѣстами. Одинъ изъ современниковъ, знавшихъ Потемкина, такъ объ этомъ разсказывалъ Гарновскому, завѣдывавшему дѣлами князя въ Петербургѣ: «Я былъ съ его свѣтлостью въ Тавридѣ, въ Херсонѣ и Кременчугѣ мѣсяца за два до пріѣзда туда Ея Величества. Я удивлялся его св—ти и не понималъ, что то было такое, что онъ тамъ хотѣлъ показать. Нигдѣ тамъ не видно было ничего особеннаго; словомъ, я сожалѣлъ, что его св—сть позвалъ туда Ея И. В. Когда же пріѣхалъ съ государынею, Богъ знаетъ, что тамъ за чудеса явились. Чортъ знаетъ, откуда взялись строенія, войска, народъ, прекрасно одѣтые татары, казаки, корабли... Ну, ну, Богъ знаетъ, что... Какое изобиліе въ яствахъ, въ напиткахъ, словомъ во всемъ,—ну, знаешь такъ, что придумать нельзя, чтобы пересказать порядочно. Я тогда ходилъ какъ во снѣ, право какъ сонный. Самъ себѣ ни въ чемъ не вѣрилъ, щупалъ себя, я ли? гдѣ я? не мечту ли, или не привидѣніе ли вижу? Н-ну! надобно правду сказать, что ему только одному можно такія дѣла дѣлать, и когда онъ успѣлъ все это сдѣлать! Кажется не видно, чтобъ онъ и въ Кіевѣ занимался слишкомъ дѣлами... ну, знаешь, все какъ здѣсь... Удивилъ! ну, подлинно удивилъ! Не духи ли какіе нибудь ему прислуживаются». Потемкинъ имѣлъ ловкихъ помощниковъ; но, конечно, не все же было сдѣлано тогда разомъ: современникъ указываетъ лишь на ту сторону дѣла, которая касалась искустной выставки всего заготовленнаго прежде.

Время благопріятствовало поѣздкѣ; съ наступившей весной все цвѣло и ярко зеленѣло; погода установилась совершенно ясная. Потемкинъ собралъ все, чѣмъ можно произвести удивленіе. Деревушки обратилъ онъ въ города, хижины въ дворцы. Такъ искустно все было украшено тріумфальными арками и другими декораціями, разубрано гирляндами живыхъ цвѣтовъ. Поспѣшно настроены новые живописные домики, церкви, даже цѣлыя деревни, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ горы, сады, или вода представляли наиболѣе красивый видъ. Все было полно народомъ въ праздничныхъ одеждахъ. Жители изъ дальнихъ и ближнихъ мѣстъ и сами собрались на невиданное зрѣлище; но кромѣ того Потемкинъ призвалъ со всѣхъ концевъ Россіи представителей разныхъ народностей съ ихъ мѣстными произведеніями, такъ что тутъ можно было знакомиться съ племенами, населявшими Россію. Всѣ были въ ихъ національныхъ костюмахъ. На плоскихъ мѣстахъ виднѣлись обширныя стада, гарцевали казаки на лихихъ коняхъ. По близости къ какому нибудь городу

появлялись стоявшія строемъ войска въ блестящихъ мундирахъ. Солнце сіяло. Музыка играла на галерахъ. Около нихъ, то и дѣло, сновали лодки съ малороссійскими парнями и дѣвицами, пѣвшими народныя пѣсни. Для остановокъ искустно выбирались самыя живописныя мѣстности. Было уже въ обычаяхъ вѣка устраивать для каждаго торжества подобныя декораціи; но и безъ этого край значительно заселился. Иностранные поселенцы разсказывали, что безпрестанно встрѣчались новыя деревни тамъ, гдѣ прежде была совершенная пустыня. Въ часъ на галеру императрицы собирались къ обѣду немногіе приближенные, обыкновенно не болѣе 10 человѣкъ; для всей свиты она давала обѣдъ лишь разъ въ недѣлю. Въ тѣсномъ кружку императрицы по прежнему играли въ загадки, говорили стихи, или разсуждали о племенахъ, которыхъ представителей видѣли на пути; Екатерина разсказывала о разныхъ случаяхъ изъ жизни Петра I и Елизаветы, о тяжелыхъ временахъ Бирона, когда, по ея словамъ, до 70000 человѣкъ было сослано или казнено; любуясь видами, она жалѣла, зачѣмъ Петербургъ не построенъ въ лучшемъ климатѣ. Она удивляла своихъ собесѣдниковъ знаніемъ законовъ Греціи, Рима, азіатскихъ и аравійскихъ, и шутила надъ учеными, которые часто не знаютъ самыхъ простыхъ вещей; ее занималъ также вопросъ, что толкуютъ въ Европѣ объ ея путешествіи. Такъ доѣхали до Канева, гдѣ остановились для встрѣчи польскаго короля.

Станиславъ, нѣкогда любимецъ Екатерины, возведенный ею на престолъ, теперь игралъ печальную роль среди неурядицъ раззоренной Польши. Послѣ перваго раздѣла, когда Пруссія, Австрія и Россія обрѣзали у нея всѣ пограничныя земли, въ ней нисколько не угомонилась вражда партій. Не надѣясь на свою силу, поляки бросались искать помощи то у Франціи, то у Пруссіи, а многіе возлагали болѣе надежды на Австрію и Россію. Несчастный король не зналъ, кого держаться, и склонялся то къ одной, то къ другой партіи. Передъ тѣмъ какъ будто Пруссія взяла перевѣсъ въ дѣлахъ Польши; но, устрашенный союзомъ Екатерины съ Іосифомъ II, Станиславъ спѣшитъ къ нимъ на поклонъ, надѣясь отклонить ихъ отъ новаго раздробленія его родины. При такихъ обстоятельствахъ, встрѣча польскаго короля съ Екатериною не могла быть особенно дружелюбна. Екатерина ея не желала: всетаки она приняла его съ почетомъ. Парадная шлюпка привезла Станислава отъ берега на галеру императрицы. Оба полчаса о чемъ то толковали наединѣ: Екатерина послѣ бесѣды вышла утомленная и недовольная, Станиславъ — съ оттѣнкомъ грусти. Сѣли за парадный обѣдъ; при звукахъ музыки, при громѣ выстрѣловъ, пили за здоровье польскаго короля, но разговоръ не клеился. Екатерина замѣ-

чала потомъ по этому поводу: «Потемкинъ все молчалъ, я одна должна была говорить... языкъ совсѣмъ засохъ. Король все торговался, чтобъ осталась на 3, на 2 дня, или хоть для обѣда на слѣдующій день: почти разсердили». Послѣ обѣда король уѣхалъ въ Каневъ. При прощаньи, онъ не могъ найти своей шляпы; Екатерина на нее указала. «Вотъ, сказалъ онъ: Ваше В-во второй разъ меня накрыли... много милости!» Этимъ намекалъ онъ на дарованную корону и, вѣроятно, на вновь обѣщанный, на извѣстныхъ условіяхъ, союзъ, изъ котораго, какъ Екатерина предчувствовала, ничего не выйдетъ. Вечеромъ Станиславъ давалъ въ Каневѣ великолѣпный балъ, на которомъ пировала вся свита государыни, но сама она не присутствовала. Балъ кончился громаднымъ фейерверкомъ. Вся гора, на которой стоитъ Каневъ, должна была изображать Везувій: по ея отлогостямъ извивались канавы, наполненныя горючимъ веществомъ; зажженныя, онѣ представляли текущую лаву, а на верху горы пущено до 100000 ракетъ, представлявшихъ самое изверженіе. Въ тоже время всѣ галеры на Днѣпрѣ были иллюминованы. На другой день утромъ государыня отправилась далѣе. Принцъ де Линь говоритъ, что Станиславъ потратилъ три мѣсяца и три милліона рублей, чтобы видѣть Екатерину впродолженіи трехъ часовъ. Станиславъ изъ Канева ѣздилъ еще въ Херсонъ на свиданіе съ Іосифомъ II: этотъ успокоилъ его обѣщаніями, которыя потомъ не были исполнены. Въ дальнѣйшемъ пути Екатерина долѣе останавливалась у Кременчуга, служившаго тогда главнымъ городомъ всей Новороссіи. Здѣсь Потемкинъ устроилъ для нея великолѣпный загородный дворецъ съ англійскимъ садомъ; деревья для этого сада свезены были изъ разныхъ дальнихъ мѣстъ съ большими издержками; подѣланы были гроты, каскады, бесѣдки съ красивыми видами, и проч. Подъ Кременчугомъ государыня смотрѣла маневры, устроенныя войсками Потемкина; онѣ изображали предполагаемое нападеніе на турокъ: войска шли колоннами, дѣлились на карре съ артиллеріею на углахъ; начиналась стрѣльба, аттака, потомъ конница бросалась впередъ, какъ будто преслѣдуя непріятеля. Екатерина была такъ довольна блестящимъ видомъ и отличною выправкою войскъ, что сказала Потемкину: «Ѣхавъ изъ Петербурга до Кіева, я думала, что пружины моей имперіи уже ослабли и готовы остановиться, но здѣсь я вижу, что онѣ въ полномъ дѣйствіи». За Кременчугомъ, по пути къ днѣпровскимъ порогамъ, начались противные вѣтры, и нѣсколько галеръ сѣло на мель. Услыхавъ, что императоръ Іосифъ уже въ Херсонѣ, Екатерина торопилась ѣхать, и у Кайдака оставила галеры; но скоро получила

извѣстіе, что онъ самъ ѣдетъ къ ней на встрѣчу. Тогда съ немногими лицами она отправилась въ каретѣ, встрѣтила Іосифа у одного бѣднаго хутора и привезла его въ лагерь, гдѣ уже устроилась вся свита. Тутъ на красивомъ, высокомъ берегу Днѣпра Екатерина и австрійскій императоръ положили первые камни въ основаніе большой церкви и будущаго города *Екатеринослава.* Послѣ того государыня обѣдала со своимъ гостемъ въ красивомъ домѣ у главнаго изъ пороговъ, Неясытца. Для образца, чрезъ него были пущены съ искустными лоцманами большая барка и маленькая лодка. Потемкинъ самъ непремѣнно хотѣлъ отправиться въ этой лодкѣ съ Сегюромъ; но Екатерина рѣшительно запретила имъ подвергать себя такой опасности.

Отсюда ѣхали далѣе сухимъ путемъ черезъ пустынную, зеленую степь, гдѣ лишь изрѣдка виднѣлись то красивый хуторокъ, то полоска обработанной земли. Потемкинъ какъ будто съ намѣреніемъ ничѣмъ особенно не украсилъ эту дорогу, чтобы тѣмъ сильнѣе поразить созданнымъ имъ Херсономъ. Здѣсь, дѣйствительно, было на что посмотрѣть. Въ два, три года Херсонъ отстроился на славу: выросли укрѣпленія, обширныя казармы для 80000 человѣкъ, адмиралтейство съ магазинами, многія общественныя зданія, церкви, цѣлый городъ въ 2000 домовъ. Потемкинъ успѣлъ привлечь сюда до 200 купеческихъ судовъ съ товарами изъ Турціи, Франціи, и проч. Въ городѣ красовался обширный гостиный дворъ, полный товаровъ, которые впрочемъ нарочно, для пріѣзда государыни, были выписаны изъ Москвы. Но главною новинкою служили готовые къ спуску два военныхъ корабля и одинъ фрегатъ: ихъ спустили на воду съ большимъ торжествомъ, въ присутствіи государыни и ея высокаго гостя, при чемъ одинъ изъ кораблей названъ Іосифомъ II. Екатерина была чрезвычайно довольна распорядительностью Потемкина, сравнивала быстрое построеніе Херсона съ шестилѣтнимъ строеніемъ Петербурга при Петрѣ, говорила о важности вновь заселеннаго края для Россіи, и между прочимъ велѣла для опыта засѣять въ степи 1000 десятинъ лѣсомъ. Императоръ Іосифъ II, путешествуя подъ именемъ графа Фалькенштейна, усердно осматривалъ всѣ сооруженія, всюду гулялъ безъ свиты, за просто, требуя, чтобы никто не обращалъ вниманія на его санъ, и даже всякій день являлся какъ простой придворный, въ пріемную государыни ожидать ея выхода. По поводу его подвижности, Екатерина замѣчала: «Я не бѣгаю, какъ императоръ, а все вижу». Іосифъ, какъ и другіе, дивился необыкновенной дѣятельности Потемкина, но въ откровенной бесѣдѣ говорилъ Сегюру:

«Во всемъ этомъ всетаки больше блеску, чѣмъ настоящаго дѣла. Потемкинъ непостояненъ: онъ, не кончивъ одного, также горячо принимается за другое. Вотъ, мы уѣдемъ; занавѣсъ будетъ опущенъ,—и все здѣсь приметъ прежній будничный видъ. Конечно, если не жалѣть денегъ и людей, все можно сдѣлать: здѣсь только приказывай— и явится сколько угодно работниковъ, которыхъ содержаніе стоитъ очень мало. Но во Франціи или у насъ въ Германіи такія предпріятія были-бы невозможны». Однако, отзываясь такъ о Потемкинѣ, Іосифъ не затруднялся подчиняться всѣмъ его капризамъ и иногда по долгу ждалъ у него въ пріемной, когда гордый вельможа почему либо былъ не расположенъ принять своего гостя.

Изъ Херсона Екатерина со свитою отправилась въ Бериславъ, а отсюда въ Тавриду, къ Перекопу, по дорогѣ, устроенной «по царски» Потемкинымъ. Здѣсь, какъ и въ Крыму, сопровождалъ и охранялъ ее отрядъ татаръ изъ болѣе знатныхъ фамилій. Иностраннымъ гостямъ казалось очень замѣчательнымъ, что императрица ввѣрила себя татарскимъ наѣздникамъ. Степь, по которой ѣхали, оставалась степью: ея населеніе даже значительно уменьшилось вслѣдствіе того, что множество татаръ, не желая подчиняться русской власти, удалилось въ Турцію. Но, въ проѣздъ Екатерины, она вдругъ оживилась: по ней гарцовали цѣлые полки донскихъ казаковъ, выказывая свою ловкость и воинское искуство; ѣхали караваны верблюдовъ; кочевали калмыки со стадами, удивляя иностранцевъ своими движущимися шатрами, или кибитками: эти кибитки, какъ извѣстно, сложены изъ поставленныхъ въ кружокъ рѣшетокъ, въ которыя вдѣты наклонныя жерди, связанныя на верху у кольца, служащаго отверстіемъ для дыма; весь этотъ остовъ прикрытъ войлоками, или кошмами. Когда нужно передвинуть шатеръ недалеко, калмыки не разбираютъ его, а становятся внутри, берутся за рѣшетки и, приподнявъ немного кибитку, такъ ее двигаютъ; снаружи же кажется, будто она сама собою движется по степи. За Перекопомъ лишь мѣстами, какъ для образчика, встрѣчались клочки обработанной земли, пока не пріѣхали въ Бахчисарай, лежащій въ котловинѣ между горъ и амфитеатромъ на горахъ. Здѣсь уже начинались роскошные крымскіе сады съ гранатами, оливами, пальмами, виноградомъ. При въѣздѣ въ городъ, нужно было спуститься съ довольно крутой горы; лошади понесли, и императрицѣ грозила опасность разбиться о скалы. Тутъ татарскіе наѣздники выказали свою преданность. Вначалѣ они напрасно силились удержать карету; но, въѣхавъ въ улицу, скачущіе лошади вдругъ остановились съ такою быстротой, что попадали, и карета въѣхала на ихъ спины. Въ это мгновеніе та-

тары и удержали съ обѣихъ сторонъ карету, такъ что императрица могла спокойно въ ней оставаться. Она остановилась въ бывшемъ ханскомъ дворцѣ, въ красивыхъ покояхъ, убранныхъ по восточному, съ разрисованными стеклами въ окнахъ, съ широкими диванами, бассейнами и фонтанами. Кругомъ цвѣлъ прекрасный садъ. Былъ уже май мѣсяцъ, и воздухъ благоухалъ розами, жасминами, померанцами; съ сосѣдней мечети мулла протяжно призывалъ къ молитвѣ. Екатерина такъ одушевилась, что, никогда не писавши стиховъ, задумала выразить свои чувства риѳмованными строками:

„О Божьи чудеса! изъ предковъ кто моихъ
Спокойно почивалъ отъ ордъ и хановъ ихъ".

И въ заключеніе она обращается къ Потемкину:

„Хвала тебѣ, мой другъ! занявши здѣшній край,
Ты бдѣніемъ своимъ все больше укрѣпляй".

Касательно завоеванія Крыма она такъ выражалась: «Это пріобрѣтеніе чрезвычайно важно; предки мои дорого-бы за него дали; но есть люди противнаго мнѣнія, жалѣющіе о старинныхъ бородахъ». Изъ Бахчисарая поѣхали къ Инкерману, къ восточному краю того залива, усѣяннаго бухтами среди скалъ, на южной сторонѣ котораго нынѣ находится Севастополь. Остановились во дворцѣ, откуда виденъ былъ весь заливъ; но, не любуясь видами, сѣли обѣдать. Вдругъ, во время стола, заиграла музыка, раскрылись широкіе двери балкона, выходящаго на заливъ; стоявшая подъ балкономъ татарская конница разъѣхалась, и открылся чудесный видъ: заливъ до самого моря уставленъ былъ рядами кораблей. Это былъ весь флотъ, построенный Потемкинымъ въ немногіе годы въ числѣ 25 судовъ. Гости онѣмѣли отъ удивленія. Раздались привѣтственные выстрѣлы съ кораблей; грозный звукъ ихъ, казалось, возвѣщалъ, что Черное море въ рукахъ Россіи. Послѣ обѣда Екатерина поѣхала со свитою въ шлюпкахъ осматривать корабли и посѣтила также начавшій тогда строиться Севастополь, гдѣ были уже возведены укрѣпленія, адмиралтейство, казармы, два госпиталя, магазины и до 400 домовъ. Изъ Севастополя императрица отправилась обратно въ Бахчисарай и далѣе черезъ Симферополь на южный берегъ Крыма. По дорогѣ къ Судаку она останавливалась въ построенномъ для нея Потемкинымъ дворцѣ съ обширнымъ, англійскимъ садомъ. Мѣстность была красивая, окруженная большими и малыми горами. Вечеромъ всѣ эти возвышенности засверкали огнями, а во всю высоту большой горы, на боку ея, обращенномъ ко дворцу, запылалъ громадный вензель Екатерины. Около Судака императрица любовалась обшир-

ными виноградными садами. Въ заключеніе она посѣтила еще древнюю Кафу или Ѳеодосію, но не нашла тамъ ничего, кромѣ бѣдныхъ хижинъ и печальной груды развалинъ. Потемкинъ оставилъ городъ, какъ онъ былъ, какъ будто желая показать, что сталось со знаменитыми въ древности городами подъ владычествомъ татаръ. Отсюда, уже безъ долгихъ остановокъ, императрица поѣхала въ обратный путь. 31 мая она достигла Перекопа, въ Береславѣ разсталась съ Іосифомъ II и 8-го іюня прибыла въ Полтаву.

Здѣсь уже собралось до 50000 отборнаго войска. Оно раздѣлилось на двѣ части, и на томъ самомъ полѣ, гдѣ происходило полтавское сраженіе при Петрѣ Великомъ, произведены маневры, съ точностью повторившія эту знаменитую битву. Екатерина вновь осыпала наградами Потемкина и дала ему названіе «Таврическаго». Все путешествіе было какъ будто чудеснымъ сномъ, но далѣе началась горькая дѣйствительность. Уже въ Орлѣ государыня узнала, что рожь съ 2-хъ рублей за куль поднялась до 7-ми. Начался голодъ. Москву осаждали толпы нищихъ. Разсказываютъ, что, къ пріѣзду Екатерины, ихъ всѣхъ удалили изъ города, и стали устраивать праздники. Особенно великолѣпенъ былъ обѣдъ, данный графомъ Шереметьевымъ въ его загородномъ домѣ. Тутъ столы ломились отъ серебра и золота; самые стаканы блистали драгоцѣнными камнями. Были опера, балетъ, музыка и другія представленія, и все это отлично исполняли крѣпостные графа. Но говорятъ, что Алексѣй Орловъ представилъ государынѣ о настоящемъ положеніи дѣлъ. Увеселенія тотчасъ прекратились. Разгнѣванная Екатерина призвала къ себѣ губернаторовъ, не исполнившихъ ея распоряженій въ предупрежденіе голода, и сдѣлала имъ строгій выговоръ. Давъ новыя приказанія по снабженію хлѣбомъ наиболѣе нуждавшихся мѣстностей, она возвратилась въ Петербургъ. Но здѣсь ожидали ее новыя заботы. Война съ турками, которой она уже перестала желать, внезапно вновь открылась.

Основаніе флота на Черномъ морѣ, постройка укрѣпленій на его берегахъ, путешествіе Екатерины въ Крымъ,—все это встревожило не только Турцію, но и Англію, которая стала опасаться за участь самого Константинополя. Съ другой стороны Пруссія небласклонно смотрѣла на союзъ нашъ съ враждебною ей Австріей. Фридрихъ Великій въ то время уже умеръ и наслѣдовавшій ему Фридрихъ Вильгельмъ II началъ тайно возбуждать поляковъ противъ Россіи, обѣщая имъ свою поддержку, если Польша уступитъ ему нѣкоторыя земли. Предпріимчивый шведскій король, Густавъ III, также задумалъ воспользоваться непріязнью Англіи и Пруссіи къ Россіи, чтобы возвратить отнятую у

шведовъ часть Финляндіи. При этихъ обстоятельствахъ, уже не трудно было подстрекнуть турокъ къ объявленію войны. Они могли разсчитывать на явное или скрытное содѣйствіе Англіи, Пруссіи, Швеціи и Польши. Одна Франція не участвовала въ этомъ союзѣ, — и даже склонялась болѣе на сторону Россіи, но, вслѣдствіе внутреннихъ смутъ, она тогда почти не принимала участія въ дѣлахъ внѣшнихъ. Побуждаемые особенно Англіей, турки, не долго думая, заключили русскаго посланника Булгакова въ Семибашенный замокъ и стали требовать, чтобы русскіе вывели войска изъ Крыма. Въ сентябрѣ 1787-го года Екатерина принуждена была объявить о войнѣ съ Турціей. У насъ снаряжены были флотъ и двѣ арміи: одна украинская, подъ начальствомъ Румянцева, въ числѣ 37000 ч., наблюдала за Польшею и дѣйствовала между Бугомъ и Прутомъ, сближаясь съ австрійцами; другая, екатеринославская, подъ начальствомъ Потемкина, въ числѣ 80000 чел., охраняла все прибрежье Чернаго моря и преимущественно назначалась для наступательныхъ дѣйствій противъ турокъ. На первыхъ порахъ турки болѣе всего могли грозить новымъ сооруженіямъ въ Николаевѣ и Херсонѣ: у нихъ, при самомъ выходѣ изъ днѣпровскаго лимана, находилась крѣпость Очаковъ; подъ охраной этой крѣпости, стояли въ морѣ ихъ корабли, заграждая устье Днѣпра. Но какъ разъ противъ Очакова, съ другой стороны лимана, на длинной косѣ, Потемкинъ выстроилъ укрѣпленіе Кинбурнъ и поручилъ его защищать Суворову. Понятно, что этотъ Кинбурнъ мѣшалъ всѣмъ дѣйствіямъ турецкаго флота подъ Очаковымъ, и турки тотчасъ напали бы на него, еслибы не опасались севастопольскаго флота. Съ другой стороны, казалось, и русскимъ необходимо было прежде всего овладѣть Очаковымъ, который тогда хорошо былъ укрѣпленъ иностранными инженерами изъ французовъ и англичанъ, но заключалъ еще не болѣе 4000 ч. гарнизона. Однако Потемкинъ не рѣшился на такой смѣлый шагъ и не подготовилъ войскъ къ штурму крѣпости. Онъ боялся кровопролитія, боялся неудачи, если турецкій флотъ подастъ помощь осажденнымъ со стороны моря. Онъ составилъ другой планъ: прежде всего пустить въ дѣло севастопольскій флотъ и истребить морскія силы Турціи. Но тутъ постигла русскихъ неудача; въ сентябрѣ наши корабли, едва отправились изъ Севастополя къ берегамъ Турціи, были застигнуты жестокою бурею. Ихъ разнесло въ морѣ; многіе затонули; одинъ большой корабль, съ разбитыми снастями и безъ мачтъ, попалъ въ руки турокъ. Въ Севастополь собрались лишь жалкіе остатки великолѣпнаго флота.

Потемкинъ пришелъ въ совершенное отчаяніе. «Богъ бьетъ, а не

турки, писалъ онъ Екатеринѣ: я, при моей болѣзни, пораженъ до крайности; нѣтъ ни ума, ни духу. Я прошу о порученіи начальства другому. Вѣрьте, что я себя чувствую; не дайте чрезъ это терпѣть дѣламъ. Всѣ милости и имѣнія, которыя получилъ отъ щедротъ вашихъ, повергаю къ стопамъ вашимъ, и хочу въ уединеніи и неизвѣстности кончить жизнь, которая, думаю, и не продлится. Я все съ себя слагаю и остаюсь простымъ человѣкомъ; но что я былъ вамъ преданъ,— свидѣтель Богъ». Екатерина отвѣчала ему: «Прошу ободриться и помнить, что бодрый духъ и неудачу поправить можетъ. Все это пишу къ тебѣ, какъ къ лучшему другу, моему воспитаннику и ученику, который иногда и болѣе меня имѣетъ соображенія; но на этотъ разъ я бодрѣе тебя, потому что ты боленъ, а я здорова». По поводу опасеній Потемкина на счетъ Кинбурна, она писала: «Всякая потеря непріятна, но положимъ, что и потеряемъ Кинбурнъ; такъ изъ за этого надо не унывать, а стараться, какъ ни на есть, отомстить. Имперія и безъ Кинбурна останется имперіей: то ли мы брали и теряли! Всего лучше, что Богъ вливаетъ бодрость въ нашихъ солдатъ тамъ, да и здѣсь не унываютъ; публика лжетъ въ свою пользу: и города беретъ, и морскія битвы сочиняетъ, и Царьградъ бомбардируетъ! Я молча все это слышу и думаю себѣ: былъ бы здоровъ мой князь, и все будетъ благополучно». Но помимо утѣшеній Екатерины, Потемкина скоро ободрило удачное дѣло Суворова. Турки, дѣйствительно, не замедлили напасть на Кинбурнъ, послѣ несчастія съ русскимъ флотомъ. Поддержанные своей флотиліей, они высадились въ числѣ 5000 человѣкъ и укрѣпились противъ самого русскаго укрѣпленія. Суворовъ, подпустивъ ихъ близко, ударилъ на нихъ, но долго не могъ одолѣть. Битва тянулась чуть не цѣлый день. Суворовъ былъ слегка раненъ картечью въ бокъ и пулей въ плечо; лошадь подъ нимъ убита. Казацкій старшина отвелъ его, истекающаго кровью, къ берегу, омылъ ему рану на плечѣ морскою водой и перевязалъ своимъ платкомъ. Послѣ того онъ опять бодро вскочилъ на лошадь и сталъ распоряжаться. Турки все получали подкрѣпленія съ кораблей. Нѣсколько разъ ихъ выбивали изъ окоповъ. Наконецъ небольшой отрядъ, присланный на помощь русскимъ, рѣшилъ битву. Въ 10 часовъ вечера турки были совсѣмъ загнаны въ море, потоплены; немногіе спаслись на своихъ лодкахъ. За эту побѣду Суворову пожалованъ андреевскій орденъ. Въ данную минуту она болѣе обрадовала Екатерину и Потемкина, чѣмъ послѣдующіе, самые громкіе подвиги этого полководца. Суворовъ писалъ своей дочери въ Смольный институтъ: «У насъ были драки сильнѣе, нежели вы деретесь за волосы; а какъ вправду по-

танцевали: въ бокъ пушечная картечь, въ лѣвой рукѣ отъ пули дырочка, да подо мной лошади мордочку отстрѣлили... насилу часовъ черезъ восемь отпустили съ театра въ камеру (намекъ на театральныя представленія, обычныя тогда въ Смольномъ)... Ай да охъ! какъ же мы подчивались! Играли, бросали свинцовымъ большимъ горохомъ, да желѣзными кеглями величиной въ твою голову; у насъ были такія длинныя булавки, да ножницы, кривыя и прямыя: рука не попадайся,—тотчасъ отрѣжутъ, хоть и голову.» Мы видимъ, какъ легко могъ шутить Суворовъ и надъ своими ранами, и надъ страшнымъ кровопролитіемъ битвы: тутъ рѣзкая противуположность съ Потемкинымъ, который далеко не имѣлъ того *воинскаго духу*, хотя и отличался личною храбростью.

Послѣ отраженія турокъ отъ Канбурна, Потемкинъ горячо принялся за работу, чтобы къ веснѣ слѣдующаго года возстановить флотъ. На Бугѣ, на Дону и всюду, гдѣ только были верфи, строились новые суда; въ Севастополѣ исправляли корабли, которые еще можно было исправить. Въ Кременчугѣ и Херсонѣ князь усердно заготовлялъ большія лодки для гребной флотиліи и размѣщалъ на нихъ опытныхъ моряковъ изъ запорожцевъ. Эта флотилія потомъ наиболѣе принесла пользы при взятіи Очакова и Измаила. Въ тоже время Потемкинъ неутомимо устраивалъ, формировалъ и обучалъ полки, частію состоявшіе изъ новобранцевъ, вводилъ болѣе легкіе карабины вмѣсто ружей, сабли и ножи вмѣсто штыковъ, много заботился о здоровьи войска, заказывалъ для него калмыцкіе шатры-кибитки, объясняя, какъ внизу обкладывать ихъ дерномъ, чтобы не поддувало, предписывалъ поить солдатъ квасомъ вмѣсто воды, которая была очень дурна, и давать имъ лишь хорошо просоленную рыбу и проч. Назначивъ свою главную квартиру въ Елизаветградѣ, онъ постоянно ѣздилъ то на Бугъ, то къ Перекопу, то въ Херсонъ, плуталъ въ степи, вязъ въ болотахъ, схватывая судороги въ ногахъ,—словомъ, выказалъ самую кипучую дѣятельность. Охранять устье Днѣпра онъ поручилъ Суворову, къ которому обращался не иначе, какъ со словами: «другъ мой сердечный». Къ веснѣ парусный флотъ былъ готовъ и снова выступилъ въ море; въ тоже время гребная флотилія подъ начальствомъ вступившаго въ русскую службу, принца Нассау, готовилась напасть на турецкій флотъ, стоявшій у Очакова. Въ іюнѣ 1788-го года Нассау нѣсколько разъ съ успѣхомъ выступалъ противъ турокъ, пока не нанесъ имъ полнаго пораженія. Турецкіе корабли, тѣснимые его лодками, подъ управленіемъ удалыхъ запорожцевъ, и севастопольскимъ флотомъ, стали ночью уходить въ море, но

въ темнотѣ взяли путь близко къ Кинбурну. Отсюда посыпались на нихъ каленыя ядра; нѣсколько кораблей загорѣлось и взлетѣло на воздухъ. Сторонясь отъ своихъ горѣвшихъ судовъ, турки пустились въ разбродъ. Въ это время Нассау и атаковалъ ихъ. Шесть турецкихъ кораблей было сожжено или потоплено; два взято въ плѣнъ; остальные поспѣшили уйти подальше отъ Очакова. За эту славную побѣду Нассау получилъ 3200 душъ крестьянъ въ Могилевской губерніи. Тогда и Потемкинъ, уже въ іюлѣ, приступилъ съ войсками къ Очакову; но медлилъ, ожидая осадной артиллеріи. Прямо идти на крѣпость онъ не рѣшался, такъ какъ турки успѣли уже усилить гарнизонъ ея до 16,000 чел.; ихъ безпрестанныя вылазки доказывали, что они способны смѣло и отчаянно драться за укрѣпленіями. Суворовъ смотрѣлъ съ досадою на эту отвагу турокъ и, ничего не говоря фельдмаршалу, задумалъ попытать счастья съ одними своими полками. Преслѣдуя турокъ послѣ одной вылазки, онъ кинулся на укрѣпленія, вѣроятно, въ надеждѣ, что вовлечетъ фельдмаршала въ битву, и этотъ дастъ повелѣніе напасть на крѣпость съ другой стороны. Но Потемкинъ только плакалъ, видя, какъ толпами гибли отряды, пошедшіе на приступъ. Суворовъ, раненный, принужденъ былъ поспѣшно отступить, потерявъ до 300 человѣкъ. Потемкинъ строго ему за это выговаривалъ. «Солдаты не такъ дешевы, писалъ онъ, чтобы жертвовать ими по пустякамъ: ни за что потеряно столько безцѣнныхъ людей, что ихъ довольно бы для всего Очакова».

Потемкинъ все надѣялся взять Очаковъ безъ большой потери людей, и такъ началась изнурительная осада. Строили батареи, не выказывая особеннаго искуства; отражали вылазки, въ которыхъ турки становились все смѣлѣе. Началось осеннее ненастье. Солдаты жили въ землянкахъ, утопая въ грязи, дрожа отъ холоду. Дровъ въ степи достать было негдѣ; корму лошадямъ не доставало; вода въ колодцахъ была такая отвратительная, что многіе предпочитали даже морскую воду. Болѣзни въ войскѣ все усиливались; кони падали. Потемкинъ поручаетъ Суворову смотрѣть за лазаретами, уже давно забывъ прежній на него гнѣвъ, и пишетъ: «Другъ мой сердечный! Ты своей персоной стоишь болѣе 10000 чел. Разными хлопотами душа моя такъ стѣснена, сердце такъ угнетено: что только можете придумать къ утѣшенію больныхъ, все сдѣлайте; я никакихъ расходовъ не пожалѣю». Фельдмаршала опять мучитъ хандра; особенно докучаютъ ему съѣхавшіеся иностранцы: Нассау, принцъ Де-Линь, военный агентъ отъ Австріи, извѣстный болѣе своимъ придворнымъ остроуміемъ, чѣмъ воинскими талантами, и другіе; они настойчиво требуютъ приступа,

даютъ совѣты, какъ дѣйствовать, и въ своихъ письмахъ въ Петербургъ изображаютъ въ самомъ непривлекательномъ видѣ всѣ подробности осады. Потемкинъ то равнодушно слушаетъ ихъ упреки и наставленія, то вдругъ отправляется съ ними подъ самые выстрѣлы осматривать какое нибудь мѣсто для баттареи, какъ будто щеголяя своей храбростью, или желая дать почувствовать, каково идти на приступъ. Наконецъ всѣ иностранцы, истомленные долгимъ ожиданіемъ и неприглядною жизнью въ голой степи, подъ снѣжными буранами, разъѣхались въ разныя стороны, и тогда Потемкинъ вдругъ ожилъ. Въ ноябрѣ черноморскіе казаки овладѣли Березанью, укрѣпленнымъ предмѣстьемъ Очакова со стороны лимана, а 6 декабря, при сильномъ морозѣ, взятъ приступомъ и Очаковъ, когда этого менѣе всего ожидали. Битва продолжалась съ ранняго утра до полудня. Солдаты, потерявши всякое терпѣніе во время долгой осады, дрались съ ожесточеніемъ, и когда овладѣли укрѣпленіями, то уже ничто не могло остановить отчаяннаго грабежа и убійства. Болѣе 8000 турокъ было убито и до 5000 взято въ плѣнъ вмѣстѣ съ 309-ю пушками и множествомъ всякихъ припасовъ. Русскихъ пало около 3000 ч.; но это число было еще незначительно въ сравненіи съ тѣмъ, сколько погибло отъ болѣзней. Потемкинъ не избѣгъ ни кровопролитія, ни потерь, которыхъ такъ опасался. По общему сужденію современниковъ, онъ былъ плохимъ полководцемъ: онъ умѣлъ выбирать людей, соображать всѣ обстоятельства дѣла, искустно подготовлять его успѣхъ; но передъ битвой совсѣмъ терялся: видъ крови производилъ на него какое-то оцепенѣніе. На приступъ къ Очакову онъ рѣшился, можно сказать, съ отчаянія. Въ слѣдующемъ, 1789-мъ году, въ февралѣ, Потемкинъ отправился въ Петербургъ. Здѣсь онъ, разумѣется, осыпанъ былъ наградами и почестями. Екатерина, очень недовольная пятимѣсячной осадой Очакова, забыла всѣ свои огорченія, когда городъ былъ взятъ. Теперь уже можно было дѣйствовать рѣшительнѣе противъ турокъ.

Во время несчастной осады Очакова, Румянцевъ исполнилъ возложенное на него порученіе оберегать границы Россіи со стороны Турціи и Польши. Подвигаясь впередъ и сохраняя строгій порядокъ въ войскѣ, онъ, почти безъ всякихъ препятствій со стороны непріятеля, занялъ городъ Яссы и здѣсь занялся обыкновенной своей дѣятельностью, какъ правитель края. Вставъ въ 5 часовъ утра, онъ въ 6 уже выслушивалъ рапорты генераловъ; потомъ до обѣда принималъ своихъ секретарей и просителей, какъ военныхъ, такъ и всякій народъ, молдаванъ, евреевъ, и проч. На изустныя просьбы онъ давалъ тутъ же рѣшеніе, а письменныя бралъ съ собою. Обѣдалъ онъ всегда

въ половинѣ перваго, а потомъ, не долго отдохнувъ, прочитывалъ просьбы, надписывалъ рѣшенія и передавалъ ихъ секретарямъ, всегда аккуратно отмѣчая у себя въ книгѣ, по какой просьбѣ послѣдовало исполненіе. Съ 7 до 9 часовъ онъ обыкновенно принималъ гостей и игралъ въ карты, а въ 9 уже уходилъ спать. Въ походѣ и среди войска, Румянцевъ всегда ѣздилъ въ одномъ мундирѣ, какая бы ни была погода, и неутомимо, иногда большую часть дня, осматривалъ мѣста для лагерей, передовые посты, и проч. Близь Яссъ не было никакихъ столкновеній съ непріятелемъ, исключая небольшихъ стычекъ; турки заняты были борьбою съ австрійцами и нерѣдко ихъ одолѣвали. Австрійцы убѣдительно просили Румянцева соединиться съ ними для общихъ дѣйствій въ Молдавіи; Екатерина также писала ему, чтобы онъ по возможности двигался впередъ; Потемкинъ совѣтовалъ ему тоже самое. Но Румянцевъ, отчасти изъ непріязни къ австрійцамъ, отчасти, можетъ быть, по причинѣ оскорбленнаго самолюбія, что ему не выпало первенствующее мѣсто въ арміи, отчасти по болѣзни и старческой осторожности, не думалъ исполнять обращенныхъ къ нему просьбъ и желаній и оставался въ Яссахъ. Екатерина, не довольная его медленностью, не предвидѣла ничего хорошаго изъ этого соперничества двухъ фельдмаршаловъ и рѣшила начальство въ войнѣ съ турками предоставить одному Потемкину, а Румянцева призвать въ Петербургъ на случай ожидаемой тогда войны съ Пруссіей. Какъ бы оправдываясь въ этомъ рѣшеніи, она говорила: «Онъ и безъ того можетъ быть нуженъ—но дождешься ли? заляжетъ въ какой нибудь деревнѣ». Румянцевъ, узнавъ объ этомъ рѣшеніи, тотчасъ подалъ въ отставку, сдалъ начальство бывшему при войскѣ Репнину и удалился въ сосѣднюю деревню, къ одному молдаванскому боярину, гдѣ и оставался почти до самого заключенія мира. Екатерина послѣ этого долго сохраняла непріязненное чувство къ Румянцеву, говоря: «я не могла выжить его изъ Молдавіи». Давая отставку, она однако послала ему милостивый рескриптъ, сохранила всѣ его прежнія почести и все содержаніе по званію фельдмаршала, и потомъ всегда ласково отвѣчала на его поздравленія. Такимъ образомъ въ 1789-мъ году Потемкинъ остался одинъ распорядителемъ соединенныхъ армій, украинской и екатеринославской. Узнавъ на опытѣ, какъ мало былъ онъ способенъ къ боевымъ дѣламъ, онъ предоставилъ всю воинскую славу Суворову, а самъ завѣдывалъ лишь общимъ планомъ компаніи и занимался общими распоряженіями по войску. Онъ сталъ дѣйствовать вмѣстѣ съ австрійцами, и русскія войска одержали много побѣдъ въ Молдавіи и близь устьевъ Дуная, а флотъ господствовалъ на Черномъ морѣ, опустошая турецкіе берега,

и наша гребная флотилія успѣшно помогала сухопутнымъ войскамъ по берегамъ отъ днѣпровскаго лимана до самаго Дуная.

Вообще кампанія 1789-го года была чрезвычайно блистательная. Самъ Потемкинъ имѣлъ главную квартиру сначала въ Яссахъ, а потомъ близь Бендеръ. Здѣсь, по его прихоти, устроена была обширная, великолѣпная землянка съ бархатными диванами, съ колоннами, со всею роскошью, и также съ пышными будуарами для его племянницъ и другихъ знатныхъ красавицъ, пріѣзжавшихъ къ нему въ гости изъ Петербурга, Москвы и изъ Варшавы. Таковы были извѣстныя тогда своей красотою жена его родственника, Потемкина, Долгорукая, Самойлова, Головина, Гагарина, де Виттъ и другія. Своимъ дамамъ Потемкинъ угождалъ, чѣмъ только могъ. Такъ изъ кавказской арміи выписалъ онъ двухъ братьевъ, офицеровъ, узнавъ, что они отлично танцовали цыганскую пляску. Одинъ изъ нихъ наряженъ былъ цыганомъ, а другой цыганкою. Проплясавъ такъ нѣсколько времени, оба они обратно были отправлены на мѣсто службы. Въ ставкѣ фельдмаршала давались концерты, балы, балеты, театральныя представленія. Знаменитый въ то время композиторъ Сарти сопровождалъ его повсюду съ 300 музыкантами. Между прочимъ къ побѣдной пѣснѣ «Тебе, Бога, хвалимъ» прибрана была батарея изъ 10 пушекъ, которая стрѣляла въ тактъ съ голосами. Иногда Потемкинъ выходилъ съ кубкомъ изъ землянки, провозглашалъ тостъ, и стоявшія кругомъ войска салютовали бѣглымъ огнемъ. Онъ являлся то въ щегольскомъ, придуманномъ имъ самимъ, гетманскомъ мундирѣ, то въ простой одеждѣ изъ толстаго солдатскаго сукна. Послѣднюю онъ надѣвалъ для примѣра другимъ, такъ какъ тонкое сукно было очень дорого и многіе офицеры были не въ состояніи покупать его. Подражая фельдмаршалу, и генералы дѣлали себѣ куртки изъ толстаго сукна, а послѣ этого и офицерамъ не стыдно было носить ихъ. Въ одно время съ распоряженіями по арміи, съ реляціями о битвахъ, Потемкинъ писалъ такія письма: «Нѣтъ минуты, чтобы ты, небесная красота, выходила у меня изъ мыслей; сердце мое чувствуетъ, какъ ты въ немъ присутствуешь. Разсматривая тебя, я нашелъ въ тебѣ ангела, изображающаго мою душу. И такъ ты—я, ты нераздѣльна со мною. Я веселъ, когда ты весела, и сытъ, когда сыта ты». Призвавъ живописца, чтобы изобразить свою красавицу въ кирасирской шапкѣ, онъ пишетъ: «Знаешь ли, прекрасная голубушка, что ты кирасиромъ у меня въ полку! куда какъ шапка къ тебѣ пристала! и я, право, думаю, что къ тебѣ все пристанетъ: сегодня надѣну на тебя архіерейскую шапку».

Не таковъ былъ Суворовъ. Получивъ хорошее образованіе подъ

руководствомъ своего отца, заслуженнаго генерала, онъ зналъ языки: французскій, нѣмецкій, отчасти латынскій, греческій и турецкій, и обладалъ большимъ умомъ; но весь преданъ былъ одному воинскому искуству. Походы, лагерная жизнь, пылъ битвы—вотъ единственные предметы, которые его увлекали. Честолюбіе мучило его, можетъ быть, не менѣе, чѣмъ Потемкина, и не менѣе другихъ онъ былъ придворнымъ и дипломатомъ; но чтобъ заставить о себѣ говорить и вмѣстѣ не возбуждать зависти враговъ къ тѣмъ отличіямъ, какихъ онъ достигалъ, онъ прикидывался простачкомъ, даже шутомъ. Это было очень хитро: видя дурачества Суворова, всѣ считали его ничтожнымъ и для себя безвреднымъ, и тѣмъ блистательнѣе казалось каждое его удачное дѣло. Разсказываютъ, что, бесѣдуя съ кѣмъ нибудь наединѣ, Суворовъ выказывалъ умъ, основательность, велъ дѣльный разговоръ, какъ всѣ образованные люди; но чуть являлся третій, посторонній человѣкъ, онъ уже по привычкѣ начиналъ блажить и дурачиться. Онъ любилъ особенно поражать рѣзкими, неожиданными вопросами: «ваше имя? откуда? чинъ?» или говорилъ загадками и прибаутками: «я на камешкѣ сижу, на Очаковъ гляжу», и проч. Онъ не выносилъ людей говорившихъ: «не могу знать», и называлъ ихъ «немогузнайками». Еслибы онъ спросилъ: «что дѣлаетъ въ эту минуту султанъ?»—все равно, нужно было отвѣчать ему. Съ подчиненными онъ обходился часто очень деспотически, не жалѣлъ людей во время битвъ и походовъ, но солдаты его любили, потому что онъ дѣлилъ съ ними всѣ труды, и водилъ ихъ всегда къ побѣдамъ. Передъ высшими онъ принималъ то шутливый, то важный тонъ, говоря сентенціями, взятыми изъ древнихъ авторовъ, и такъ какъ все греческое было тогда въ модѣ, то поражалъ также краткими, лаконическими изреченіями. О взятіи Варшавы онъ донесъ Екатеринѣ тремя словами: «Ура! Варшава наша». Екатерина отвѣчала ему еще короче: «Ура, *фельдмаршалъ*». Этими словами императрица производила его въ фельдмаршалы, объясняя, что у ней обычай всегда производить по старшинству, но что онъ самъ сдѣлалъ себя фельдмаршаломъ. Суворовъ, дѣйствительно, обошелъ 9 генераловъ старѣе его по службѣ. Тогда, при торжественномъ пріемѣ, онъ велѣлъ поставить 9 стульевъ, и сначала сталъ очень серьезно прыгать черезъ каждый изъ этихъ стульевъ, а потомъ уже приказалъ служить благодарственный молебенъ и принималъ поздравленія. Подъ видомъ простоты, въ немъ было очень много лукавства. Однажды, во время пріѣзда въ Петербургъ, Екатерина подарила ему и Каменскому по 5000 р. золотомъ. Оба считали слишкомъ ничтожнымъ такой подарокъ; но Каменскій, выказывая свое неудовольствіе, растратилъ эти деньги, угощая всякій день

въ Лѣтнемъ саду, кого попало. Суворовъ же сказалъ посланному съ деньгами: «Доложи государынѣ, что Суворовъ и такъ богатъ по ея милости... ну, къ чему мнѣ такая груда золота? Вотъ, осмѣлюсь вынуть только одинъ имперьялъ, чтобы дать тебѣ». Такъ, не взявъ ничего, онъ и поѣхалъ изъ Петербурга. Императрица велѣла нагнать его и вручить ему 30000 руб. Этотъ подарокъ онъ принялъ уже безъ противорѣчія. Въ войскѣ онъ всегда былъ бодръ и дѣятеленъ: спалъ на сѣнѣ, покрытомъ простынею; вставалъ до зари и, чтобы не проспать, держалъ у себя въ палаткѣ очень крикливаго и аккуратнаго пѣтуха; разсказываютъ, что, когда нужно было будить народъ, самъ иногда выскакивалъ изъ палатки въ рубашкѣ и кричалъ пѣтухомъ. Вставши, всегда обливался онъ холодною водою; обѣдалъ уже въ 8 ч. утра и не позже 11 часовъ; передъ обѣдомъ пилъ большую чарку водки, да за столомъ рюмки двѣ вина; столъ у него былъ очень простой, хотя и сытный. Когда у него обѣдали другіе, то водку разносили по чину и по старшинству службы, и этотъ порядокъ такъ строго соблюдался, что поступившихъ на службу одновременно спрашивали о днѣ и часѣ поступленія. Въ походѣ Суворовъ всегда скакалъ на казацкомъ конѣ и казацкомъ сѣдлѣ. Его храбрость достаточно доказывали полученныя имъ раны; но онъ имѣлъ обычай и для виду показывать, что рвется въ самый пылъ сраженія. Приближенные, зная этотъ обычай, отчаянно его удерживали, между тѣмъ какъ онъ бранился и грозилъ имъ. Если же некому было его удерживать, то онъ останавливался, слѣзалъ съ лошади и, поправляя полотно, которымъ, вмѣсто чулокъ, обмотаны были его ноги, говорилъ: «Охъ, онуча жметъ ногу».

Солдатъ умѣлъ возбудить онъ къ неимовѣрнымъ трудамъ своимъ примѣромъ, однимъ удачнымъ словцомъ, прибауткой или удалою шуткой въ минуту величайшей опасности. Побѣждать помогала ему необыкновенная быстрота соображенія, какъ и гдѣ лучше встрѣтить непріятеля. Къ этому присоединялась и удивительная быстрота движеній. Онъ проходилъ по сту, даже по двѣсти верстъ въ сутки, и всегда являлся, какъ снѣгъ на голову. Въ походѣ у него всегда было множество отставшихъ, которые иногда на третій, на четвертый день присоединялись къ лагерю; но за то непріятель никогда не зналъ, гдѣ находится Суворовъ, и уступалъ ему поле битвы, часто пораженный лишь неожиданностью его появленія. Онъ не признавалъ какихъ либо тонкостей и хитростей военнаго искуства, не терпѣлъ многосложныхъ маневровъ. Выбравъ удачную минуту, идти грудью впередъ, на проломъ, одолѣвать однимъ ударомъ, силой натиска, брать крѣпости приступомъ, сколько бы тутъ ни пало войска,—вотъ какова была его

тактика. «Пуля дура — штыкъ молодецъ», толковалъ онъ, конечно, не зная еще нынѣшнихъ пуль, которыя могутъ и не допустить до дѣйствія штыкомъ. Вотъ образчикъ приказовъ, какіе давалъ онъ во время итальянскаго похода противъ французовъ: «Не употреблять команды: «стой!» Это хорошо на ученьи, а въ сраженіи команда: «атака, руби, коли, ура, барабаны, музыка!» Казакамъ кричать «балезармъ, пардонъ» (bas les armes, бросать оружіе), и, пользуясь симъ, кавалеріи жестоко рубить и на батареи быстро пускаться. При ударахъ дѣлать большой крикъ, крѣпко бить въ барабаны. Музыкѣ играть особенно въ погонѣ, когда кавалерія будетъ колоть и рубить, чтобы слышно было своимъ.» Кромѣ этого въ Суворовѣ было и необыкновенное упрямство. Отбитый, онъ по нѣскольку разъ возобновлялъ нападеніе, пока не утомлялъ и не одолѣвалъ врага. Извѣстенъ все тотъ же анекдотъ, различно разсказываемый про разные случаи его жизни, что въ минуту крайняго изнуренія, когда солдаты рѣшительно отказывались идти впередъ, онъ приказалъ вырыть яму, легъ въ нее и требовалъ, чтобы его зарыли, и этимъ заставилъ солдатъ опять двинуться. Касательно его военнаго искуства нужно замѣтить, что онъ придумалъ способъ дѣйствія, наиболѣе подходившій къ характеру тогдашняго русскаго войска. Онъ понялъ, что хитрою нѣмецкой тактикой, тогда господствовавшей, лишь напрасно мучили мало способнаго къ ней русскаго солдата. Онъ обратилъ вниманіе лишь на то, чтобы солдатъ всегда былъ готовъ къ дѣлу и не останавливался ни передъ какими препятствіями. Не отвергая пользы въ старательномъ обученіи стрѣльбѣ, онъ однако больше полагался на штыкъ (такъ какъ стрѣльбѣ у насъ тогда еще плохо обучали), на постоянное упражненіе въ преодолѣніи разныхъ трудностей похода, каковы: лѣса, болота, горы. Его тактика была въ сущности очень проста, но этою простотою онъ и разрушалъ всѣ мудрыя соображенія непріятеля. Отвергая правила тогдашняго военнаго искуства, онъ образовалъ войско по своему, но это стоило ему многолѣтнихъ, упорныхъ трудовъ, и врядъ ли кто другой могъ съ успѣхомъ подражать ему въ его способѣ веденія войны.

Въ 1789-мъ году Суворовъ командовалъ частью арміи, расположенною ближе къ австрійцамъ, и дѣйствовалъ вмѣстѣ съ ихъ военачальникомъ, принцемъ Кобургскимъ, храбрымъ и рѣшительнымъ генераломъ. Въ Валахіи, по дорогѣ изъ города Яссы въ Бухарестъ, находятся два мѣстечка: *Фокшаны* и далѣе *Рымникъ*. Суворовъ вмѣстѣ съ принцемъ Кобургскимъ въ іюлѣ разбили значительный турецкій отрядъ при Фокшанахъ. Мѣсяцъ спустя послѣ этого изъ за Дуная

вступилъ въ Валахію визирь съ 90000 турецкаго войска и почти половину его послалъ противъ принца Кобургскаго, зная, что Суворовъ стоитъ далеко, верстъ за сто. Но едва турки приготовились напасть на австрійцевъ, какъ неожиданно налетѣлъ на нихъ Суворовъ съ 7000 войска, и завязалась битва. Къ русскимъ присоединились австрійцы, и турки были въ прахъ разбиты. Оба предводителя, русскій и нѣмецкій, имѣли не болѣе 25000 чел. Въ тотъ же день, не думая отдыхать, они устремились на визиря, стоявшаго не вдалекѣ, у рѣчки *Рымника.* Принцъ Кобургскій напалъ на выстроенныхъ передъ лагеремъ турокъ, а Суворовъ пошелъ въ обходъ на самый укрѣпленный лагерь и тотчасъ ворвался въ него. Турки скоро обращены въ бѣгство; пушки и весь лагерь достались побѣдителямъ; но утомленныя войска уже не въ силахъ были преслѣдовать непріятеля. За эту побѣду при Рымникѣ Суворовъ получилъ титулъ графа Рымникскаго. Осенью того же года сдалась безъ кровопролитія крѣпость *Бендеры,* лежащая на Днѣпрѣ. Потемкинъ былъ особенно радъ этому случаю и писалъ Екатеринѣ: «Не могу похвастать, чтобы при взятіи Бендеръ кровопролитія не было: у меня ранено четыре казака». Тогда же русскіе взяли еще *Аккерманъ,* лежащій при устьѣ Днѣстра, а адмиралъ Де-Рибасъ, одинъ изъ иностранцевъ, поступившихъ въ русскую службу, овладѣлъ *Гаджибеемъ,* мѣстечкомъ, лежавшимъ на берегу Чернаго моря между Аккерманомъ и Очаковымъ, и положилъ здѣсь основаніе городу *Одессѣ.* Въ этомъ же году австрійцы овладѣли Хотиномъ на Днѣстрѣ и Бѣлградомъ на Дунаѣ.

Въ мартѣ слѣдующаго, 1790-го года, умеръ союзникъ нашъ Іосифъ II. Вступившій послѣ него на австрійскій престолъ Леопольдъ поспѣшилъ заключить съ турками миръ; у насъ тоже шли переговоры о мирѣ, но безуспѣшно, и мы должны были одни продолжать войну. Въ этомъ году дѣла тянулись очень медленно; только адмиралъ Ушаковъ прославилъ Черноморскій флотъ, совершивъ два похода: сначала къ берегамъ Кавказа и Малой Азіи, отъ Анапы до Синопа, а потомъ къ сѣверозападнымъ берегамъ, и вездѣ разбивалъ турецкія эскадры. Сухопутное войско съ большими потерями заняло въ устьяхъ Дуная маленькую крѣпость *Килію,* и уже въ концѣ ноября Суворовъ посланъ былъ съ 40000 войска къ *Измаилу,* сильной крѣпости при устьяхъ Дуная, имѣвшей до 35000 гарнизону и до 300 пушекъ. Только что прибывъ съ войскомъ, Суворовъ тотчасъ принялся за приготовленія къ приступу, и не прошло двухъ недѣль, какъ крѣпость была взята. 16-го декабря, въ 5 часовъ утра, при сильномъ туманѣ, наши войска двинулись съ сухаго пути на стѣны пятью колоннами;

въ тоже время съ моря напала на Измаилъ гребная флотилія: сначала она громила крѣпость выстрѣлами, а потомъ войска съ нея высадились и также пошли на приступъ. Державинъ, въ своей одѣ «На взятіе Измаила» такъ описываетъ неукротимую храбрость русскихъ:

,,Какъ воды, съ горъ весной въ долину,
Низвержась пѣнятся, ревутъ,
Волнами, льдомъ трясутъ плотину:
Къ твердынямъ россы такъ текутъ.
Ничто имъ путь не воспящаетъ:
Смертей-ли блѣдныхъ полкъ встрѣчаетъ,
Иль адъ скрежещетъ зѣвомъ къ нимъ,
Идутъ—какъ въ тучахъ скрыты громы,
Какъ двигнуты безмолвны холмы;
Подъ ними стонъ, за ними дымъ.“

Въ 9 часовъ утра стѣны Измаила были заняты: въ числѣ первыхъ взошелъ на нихъ съ крестомъ одинъ полковой священникъ. Но и турки выказали не менѣе храбрости: женщины, дѣти, — всѣ участвовали въ битвѣ; осаждающихъ обливали варомъ, осыпали камнями. Послѣ взятія стѣнъ, внутри города приходилось еще брать чуть не каждый домъ. Общая рѣзня продолжалась до 4 часовъ по полудни; да потомъ городъ отданъ былъ на три дня на разграбленіе. Чуть не весь гарнизонъ и населеніе Измаила избиты; русскихъ погибло тоже не менѣе 10000 человѣкъ; по словамъ того-же Державина:

,,И се уже, шумя, стремится
Кровавой пѣны полнъ Дунай;
Пучина черная багрится,
Спершись отъ труповъ, съ края въ край.“

Все-таки для русскихъ взятіе Измаила стоило меньше, чѣмъ взятіе Очакова, когда столько народу погибло отъ болѣзней, и Потемкинъ въ настоящемъ случаѣ утѣшалъ себя тѣмъ, что много истреблено турокъ. Въ февралѣ слѣдующаго года онъ отправился въ Петербургъ и въ апрѣлѣ торжествовалъ побѣды надъ турками великолѣпнымъ праздникомъ, какой устроилъ въ своемъ Таврическомъ дворцѣ для Екатерины. Этотъ дворецъ представлялъ въ то время одно изъ чудесъ роскоши: въ немъ собраны были всевозможныя рѣдкости, частію купленныя за дорогую цѣну за границею: вышитые, шелковые обои, дорогія картины, роскошные ковры, мраморныя вазы, яшмовыя колонны, статуи, громадныя зеркала, хрусталь, золото,—все тутъ ярко блестѣло, играло на солнцѣ радужными красками. При входѣ находились круг-

лая ротонда; за нею громадная зала съ колоннами, а далѣе виднѣлся обширный зимній садъ съ лаврами, съ миртами, со множествомъ цвѣтовъ, съ гнѣздами соловьевъ и другихъ пѣвчихъ птицъ. Тутъ-же на возвышеніи красовался родъ храма, въ которомъ стояла статуя Екатерины, какъ богини, а передъ нею жертвенникъ. Противъ храма возвышалась еще пирамида изъ граненаго хрусталя съ именемъ Екатерины въ лучахъ на верху. Потемкинъ имѣлъ собственную зеркальную фабрику на берегу Невы, за Смольнымъ: отсюда и изобиліе во дворцѣ хрустальныхъ и зеркальныхъ украшеній. Въ день праздника, по пріѣздѣ Екатерины, сначала устроены были танцы изъ 24-хъ паръ, въ которыхъ участвовали самыя знатныя особы, въ томъ числѣ и великіе князья. Эти танцы походили болѣе на хороводъ, въ подражаніе древнихъ греческихъ хоровъ, и, кромѣ музыки, сопровождались пѣніемъ стиховъ, сочиненныхъ Державинымъ, въ которыхъ восхвалялись слава русскаго оружія и императрица. Подъ голосъ одной изъ такихъ пѣсней у насъ долгое время танцовали польскій. Она начиналась извѣстными стихами:

„Громъ побѣды раздавайся,
Веселися храбрый россъ;
Звучной славой украшайся:
Магомета ты потресъ!
Славься симъ, Екатерина,
Славься, нѣжная къ намъ мать!“

За танцами слѣдовали представленія въ театрѣ: опять хоры съ музыкой и пѣніемъ, комедія и балетъ; триста музыкантовъ, вмѣстѣ со скрытыми на хорахъ пѣвцами и пѣвицами попеременно развлекали гостей, которыхъ числомъ было болѣе 3000 чел. Между тѣмъ приготовлена была блистательная иллюминація: горѣло около полутораста тысячъ фонарей и лампадъ, сдѣланныхъ въ видѣ арбузовъ, дынь, яблокъ, виноградныхъ кистей и другихъ плодовъ. Особенно ярко сіяли храмъ съ жертвенникомъ въ саду и освѣщенная изнутри хрустальная пирамида, изображавшая славу Екатерины. Потемкинъ привелъ государыню къ этому храму и упалъ ницъ передъ ея изображеніемъ: Екатерина въ слезахъ подняла его и поцаловала въ лобъ. Въ тоже время вокругъ дворца устроенъ былъ праздникъ для народа также съ иллюминаціей и обычными при этомъ увеселеніями. Вообще этотъ разъ, въ бытность свою въ Петербургѣ, Потемкинъ выказывалъ особую роскошь, ѣздилъ по городу, окруженный самою блестящею свитой, какъ будто въ послѣдній разъ упиваясь властію и желая оставить громкую память о своемъ могуществѣ. На дѣлѣ онъ

никогда такъ не хандрилъ, какъ въ это время. Въ придворныхъ кружкахъ ходили слухи, что Потемкинъ страдаетъ отъ предпочтенія, оказываемаго Екатериной новому любимцу, Зубову, и что будто онъ говорилъ, что ему надо вырвать *зубъ*, прежде чѣмъ уѣдетъ изъ Петербурга. Ни изъ чего однако не видно, чтобы расположеніе государыни къ Потемкину въ это время сколько-нибудь уменьшилось. Екатерина часто хворала, была очень раздражительной, съ трудомъ выносила всякія возраженія; Потемкинъ уговаривалъ ее снова сблизиться съ Пруссіей (что потомъ и исполнилось) и также слишкомъ не раздражать англичанъ, грозившихъ войною, и это иногда ее сердило. Утомленная долгой войной съ турками, она торопила князя начать военныя дѣйствія, чтобы скорѣе принудить турокъ къ миру. Но если отъ этого и происходили временныя размолвки, то поводъ къ нимъ скоро исчезъ. Въ арміи, за отсутствіемъ фельдмаршала, распоряжался осторожный Репнинъ. Онъ безпрестанно присылалъ курьеровъ въ Петербургъ съ запросами, что дѣлать. Наконецъ онъ рѣшился напасть на турокъ при Мачинѣ и съ помощью Кутузова одержалъ надъ ними побѣду. Въ тоже время взята на Кавказѣ крѣпость Анапа. Тогда турки предложили перемиріе, и Репнинъ поторопился принять его. Потемкинъ, узнавъ о предложеніяхъ турокъ, выѣхалъ изъ Петербурга, будто-бы не охотно, понуждаемый къ тому Екатериною. Но мы видѣли, что онъ оставался въ городѣ во время военныхъ дѣйствій; извѣстія о побѣдахъ и о предложеніи перемирія совершенно успокоили Екатерину. Не ѣхать же для заключенія мира Потемкинъ не могъ: онъ самъ никому не уступилъ бы этой чести. Слѣдовательно, всѣ разсказы о томъ, что Екатерина чуть не насильно выслала изъ Петербурга Потемкина, принадлежатъ къ придворнымъ сплетнямъ. Дѣло въ томъ, что князь уже чувствовалъ крайнее истощеніе силъ. Въ 52 года его здоровье совсѣмъ разстроилось, какъ отъ непомѣрныхъ трудовъ, такъ и отъ неумѣренныхъ наслажденій; нервы его были въ постоянномъ возбужденіи: оставляя свои планы и заботы по управленію дѣлами, онъ всетаки не зналъ отдыха. Его могло также мучить, какъ, послѣ столькихъ народныхъ жертвъ и усилій, онъ еще былъ далекъ отъ достиженія своихъ цѣлей, и желалъ добиться отъ турокъ хоть освобожденія Молдавіи и Валахіи. Силы наконецъ надломились, и онъ, казалось, предвидѣлъ, что ему осталось не долго жить.

Больной, отправился онъ къ арміи. Въ Яссахъ онъ получилъ извѣстіе, что Ушаковъ одержалъ новую блистательную побѣду надъ турецкимъ флотомъ въ 10 миляхъ отъ Константинопольскаго про-

лива, такъ что нѣсколько избитыхъ турецкихъ кораблей, унесенные теченіемъ, появились подъ самыми окнами султана и привели въ ужасъ весь Константинополь. Между тѣмъ Репнинъ, чрезвычайно медленный въ другихъ случаяхъ, уже согласился на перемиріе до пріѣзда Потемкина, желая, какъ думали нѣкоторые, оставить за собою честь заключенія мира. Потемкинъ сильно на это досадовалъ, справедливо полагая, что послѣ побѣды Ушакова можно бы постановить болѣе выгодныя предварительныя условія для мира. Но переговоры уже начались, и дѣлать было нечего. Въ это время въ Яссахъ Потемкинъ схватилъ жестокую лихорадку. Въ концѣ іюля онъ выѣхалъ изъ Петербурга, а въ концѣ августа Екатерина получила уже извѣстіе о его опасной болѣзни. Она плакала и ѣздила молиться въ Александро-Невскую Лавру, куда дала богатые вклады. Прошелъ еще мѣсяцъ. Потемкину становилось все хуже. 4 октября онъ написалъ уже рукою своего секретаря, Попова, письмо Екатеринѣ: «Матушка, всемилостивѣйшая государыня! Нѣтъ силъ болѣе переносить мнѣ мученія. Одно спасеніе остается оставить сей городъ, и я велѣлъ везти себя къ Николаеву. Не знаю, что будетъ со мною». Рано утромъ вынесли его въ креслахъ и съ трудомъ уложили въ коляску. Онъ отправился, сопровождаемый своей племянницей, Браницкой, Фалѣевымъ, главнымъ своимъ помощникомъ въ постройкахъ, начатыхъ въ южномъ краѣ, и нѣкоторыми другими. До первой станціи, за 25 верстъ отъ Яссъ, доѣхали благополучно. Здѣсь Потемкинъ на три часа спокойно уснулъ, послѣ чего очень бодро и долго бесѣдовалъ съ Браницкою и Фалѣевымъ. Ночью онъ жаловался на боль въ костяхъ, и велѣлъ рано выѣхать. Дорогою онъ разъ или два останавливался, чувствуя себя очень дурно; наконецъ спросилъ: нѣтъ ли по близости деревни? Поѣхали въ деревню; но за 7 верстъ отъ станціи, при спускѣ съ горы, Потемкинъ вновь велѣлъ остановиться и сказалъ: «Будетъ теперь, некуда ѣхать, я умираю; выньте меня изъ коляски: я хочу умереть на полѣ». Его подняли на матрацѣ и положили въ полѣ. Помочивъ себѣ голову спиртомъ, онъ такъ полежалъ около часу; потомъ раза три зѣвнулъ и тихо скончался, 5-го октября 1791-го года. Въ тотъ же день тѣло Потемкина привезли обратно въ Яссы, бальзамировали и потомъ выставили въ роскошно убранномъ траурномъ покоѣ. Сюда приходили къ нему на поклоненіе и жители, и солдаты. Многіе плакали; ближайшіе подчиненные отзывались о немъ, что онъ никого не сдѣлалъ несчастнымъ; солдаты толковали, что Потемкинъ былъ имъ отцомъ, облегчилъ ихъ службу, баловалъ ихъ. Дѣйствительно, личная доброта Потемкина не подлежитъ сомнѣнію: если люди и тер-

пѣли много, то не лично отъ него, а отъ его честолюбивыхъ замысловъ. Послѣ обычныхъ обрядовъ и церемоній, тѣло Потемкина отвезено въ Херсонъ и погребено въ тамошнемъ соборѣ. Когда извѣстіе о его смерти пришло въ Петербургъ, Екатерина была въ совершенномъ отчаяніи, и ей пускали кровь, въ опасеніи удара. «Не на кого болѣе опереться»—говорила она. Державинъ, въ своей одѣ «Водопадъ», такъ изображаетъ Потемкина и впечатлѣніе, произведенное его смертью.

„Чей одръ—земля; кровъ—воздухъ синь;
Чертоги вкругъ пустынны виды?
Не ты ли счастья, славы сынъ,
Великолѣпный князь Тавриды?
Не ты ли съ высоты честей
Незапно палъ среди степей?
. . . .
Не ты-ль, который взвѣсить смѣлъ
Мощь росса, духъ Екатерины,
И, опершись на нихъ, хотѣлъ
Вознесть твой громъ на тѣ стремнины,
На коихъ древній Римъ стоялъ
И всей вселенной колебалъ.
. . . .
Потухъ лавровый твой вѣнокъ,
Гранена булава упала,
Мечъ въ полножны войти чуть могъ...
Екатерина возрыдала!
Полсвѣта потряслось за ней
Незапной смертію твоей!“

Между тѣмъ переговоры съ турками продолжались, и для ихъ окончанія посланъ былъ Безбородко. Въ концѣ того же 1791-го года заключенъ миръ, по которому подтверждены прежніе договоры съ турками и кромѣ того присоединены къ Россіи земли по Днѣстръ, ставшій теперь границею съ Турціей.

Въ 1788-мъ году, когда только разгорѣлась турецкая война, Петербургу грозила великая опасность. Всѣ войска были стянуты къ югу, потому что никто не ожидалъ нападенія на сѣверѣ, какъ вдругъ шведскій король, Густавъ III, выслалъ противъ Россіи флотъ и самъ высадился съ войсками въ Финляндіи. Онъ уже хвасталъ, что будетъ скоро пировать въ Петербургѣ, и это могло-бы исполниться, еслибы шведы быстро двинулись противъ столицы. Въ Петербургѣ всѣ пришли въ величайшее смятеніе; во дворцѣ стали укладываться: ждали, что Екатерина оставитъ городъ. Но императрица скоро ободрилась и объявила, что если и выѣдетъ изъ столицы, то лишь для того,

чтобы лично вести войско противъ шведовъ. Сдѣлавъ быстро необходимыя распоряженія, она успѣла собрать кое-какіе отряды; при этомъ дворянство, въ Москвѣ и другихъ городахъ, выказало свое усердіе постановкою не въ зачетъ подводъ и рекрутъ, и такъ составилось до 15000 войска. Оно было послано на финляндскую границу, и здѣсь начались стычки съ перемѣннымъ успѣхомъ. Но пока это происходило, Густавъ III могъ бы уже давно явиться подъ Петербургомъ, еслибы не вздумалъ заняться осадою Фридрихсгама. Здѣсь неожиданно войско его возмутилось, объявивъ, что готово защищать границу, но не пойдетъ противъ русскихъ, если они не сдѣлаютъ нападенія. Дѣло въ томъ, что Густавъ III началъ войну безъ согласія дворянства, котораго приверженцы и подняли противъ него солдатъ. Король шведскій долженъ былъ вернуться ни съ чѣмъ, и Екатерина осмѣяла его, написавъ шутовскую оперетку, гдѣ на сценѣ является Горе-богатырь Косометовичъ въ шлемѣ великана, закрывавшемъ ему голову и грудь, и въ сапожищахъ до самого желудка: онъ бросается на жалкую крѣпость, отъ которой прогоняетъ его инвалидъ своимъ костылемъ. Между тѣмъ шведскій флотъ встрѣченъ былъ Грейгомъ у Гохланда и, послѣ жаркой, нерѣшительной битвы, удалился въ Свеаборгъ, почему русскіе и приписывали себѣ побѣду. Однако Густавъ III оказался не совсѣмъ горе-богатыремъ. Въ Швеціи онъ успѣлъ привлечь на свою сторону народъ, одолѣлъ съ его помощью дворянскую партію, и въ 1790-мъ году явился съ новымъ флотомъ и новыми войсками къ берегамъ Финляндіи. На сушѣ тогда происходило нѣсколько незначительныхъ битвъ, въ которыхъ русскіе, не смотря на многія неудачи, успѣли охранить границу. Важнѣе были дѣла съ шведскимъ флотомъ. Въ числѣ 25 кораблей этотъ флотъ выступилъ сначала противъ Ревеля; но здѣсь адмиралъ Чичаговъ успѣлъ отразить его. Тогда шведскіе корабли поплыли къ Кронштадту. Противъ нихъ вышелъ Крузе съ кронштадтской эскадрой. Битва произошла въ какихъ-нибудь 50 верстахъ отъ Кронштадта, и въ Петербургѣ цѣлый день слышенъ былъ грохотъ выстрѣловъ. Наконецъ Екатерина съ облегченнымъ сердцемъ узнала, что шведы отражены и удалились въ Выборгскую бухту. Тогда Чичаговъ соединился съ Крузе, и оба они заперли своими кораблями шведскій флотъ подъ Выборгомъ. Шведы однако, воспользовавшись попутнымъ вѣтромъ, вырвались изъ засады, но при этомъ потеряли нѣсколько кораблей. Принцъ Нассау, пріѣхавшій изъ подъ Очакова, гдѣ не поладилъ съ Потемкинымъ, управлялъ и здѣсь гребною флотиліей и дѣйствовалъ сначала не безъ успѣха, но подъ конецъ потерпѣлъ со-

вершенное пораженіе. Ни шведское войско, ни флотъ, собственно говоря, не были окончательно разбиты; но Густавъ III самъ пожелалъ мира. Екатерина съ радостью на него согласилась. По этому миру, границы Россіи съ Швеціей остались прежнія: Густавъ III только выговорилъ себѣ небольшое вознагражденіе за военныя издержки. Для Екатерины это было трудное время: она говорила, что «сойдетъ съ ума отъ множества дѣлъ». Тѣмъ сильнѣе чувствовала она и необходимость мира съ Турціей, съ чѣмъ не могъ не согласиться, какъ это ему ни было больно, самъ Потемкинъ.

ПОЛЬСКІЯ ДѢЛА.

Первый раздѣлъ Польши и конституція 1791-го года.

Польша, какъ извѣстно, издавно отличалась отъ Московскаго государства по своему устройству. Въ ней всю власть захватили бояре, знатные роды, а съ ними и мелкое дворянство, служилые люди, или *шляхта*. Король совершенно зависѣлъ отъ шляхты; такъ называемое среднее, городское сословіе (купцы и ремесленники) имѣло своихъ выборныхъ судей и начальниковъ, но главная власть и надъ нимъ принадлежала дворянству; простой народъ, сельскіе жители, какъ крѣпостные, не имѣли никакихъ правъ, не могли даже жаловаться на господъ въ случаѣ притѣсненій. Словомъ, въ Польшѣ всѣмъ управляли дворяне. Въ каждомъ округѣ они сходились на *сеймики* для рѣшенія своихъ дѣлъ и также для выбора пословъ или депутатовъ на общій *сеймъ*, который собирался въ Варшавѣ. Сеймъ выбиралъ короля и главныхъ правительственныхъ лицъ; безъ его одобренія нельзя было ни начать войны, ни заключать мира, ни ввести какой нибудь налогъ, или употребить государственную казну на какое либо дѣло. Король, правда, имѣлъ свои владѣнія, и тутъ онъ былъ полновластнымъ; съ нанятыми на свой счетъ солдатами, онъ могъ, пожалуй, и сражаться, съ кѣмъ хотѣлъ; но сеймъ всетаки не дозволилъ бы ему что либо предпринять противъ выгодъ шляхты. Сеймъ собирался временно, и для принятія какого либо закона требовалось, чтобы дѣло на немъ было рѣшено *единогласно*; каждый, самый незначительный шляхтичъ изъ пословъ могъ крикнуть: «не позволяю», и однимъ этимъ словомъ уничтожить всѣ рѣшенія сейма, или, какъ говорили, сорвать сеймъ, что и случалось не рѣдко. Шляхта, недовольная королемъ, или желая измѣнить какія либо рѣшенія сейма,

или вообще задумывая что либо новое, составляла особые сеймики, на которыхъ избирались послы для особаго собранія, извѣстнаго подъ именемъ *конфедераціи*. Въ конфедераціи участвовали дворяне, которые сговорились между собою чего либо требовать. Случалось, что въ Польшѣ собиралось нѣсколько враждебныхъ другъ другу конфедерацій. Тутъ дѣла рѣшались *по большинству голосовъ*. Конфедерація временно замѣняла сеймъ, управляя всею страною; но все-таки ея рѣшенія считались закономъ, лишь когда были утверждены на сеймѣ единогласно. Такое государственное устройство было не хуже другихъ, какія въ XVII-мъ, въ началѣ XVIII вѣка находимъ въ Европѣ. Дворянство вездѣ было тогда преобладающимъ классомъ, а народъ находился въ крѣпостномъ рабствѣ. Разница лишь въ томъ, что въ Европѣ успѣла значительно усилиться королевская власть, опираясь на богатое среднее сословіе, которое могло оспаривать права и у дворянства. За то въ Польшѣ образовалась многочисленная шляхта съ такими преимуществами, какихъ въ Европѣ не имѣли ни дворянство, ни городское сословіе. Владѣя всею землею и держа всю власть въ рукахъ, она, казалось, могла воспитать въ себѣ гордый духъ независимости, чувство собственнаго достоинства, не дозволявшее унижаться до постыдныхъ дѣлъ, отвагу и стойкость во всякомъ предпріятіи, горячую любовь къ родинѣ, къ какой только способенъ свободный гражданинъ, и особенно то пониманіе общественныхъ нуждъ, какое неразлучно съ привычкою къ общественнымъ дѣламъ. Эти качества безспорно и находимъ въ отдѣльныхъ личностяхъ въ лучшія времена Польши; но рядомъ съ этимъ шло страшное растлѣніе нравовъ, при которомъ даже то, что было хорошаго въ польскомъ устройствѣ, повело лишь къ распаденію государства.

Польша съ самаго начала окружена была многими воинственными народами и не имѣла естественныхъ границъ, каковы: пустынныя степи, горы, море, на которыя она могла бы безопасно опереться. Полякамъ было труднѣе, чѣмъ другимъ народамъ, отстаивать свою самостоятельность. Тѣмъ не менѣе они успѣли образовать громадное государство, въ которое входила значительная часть нынѣшней Пруссіи, Австріи и Европейской Россіи. Понятно, что военное, служилое сословіе должно было пріобрѣсти въ Польшѣ особенную силу. Изъ него и вышли господа земли, паны, свободная польская шляхта. Въ этомъ сословіи главными добродѣтелями естественно считались широкая удаль, отчаянная храбрость, воинская честь, гордая увѣренность въ своемъ превосходствѣ и съ нею умѣнье выказать себя внѣшнимъ блескомъ: гостепріимствомъ, щедростью, роскошною обстановкой. Болѣе

благородныя стремленія души, о которыхъ мы отчасти упоминали, тутъ не могли преобладать; при томъ они развиваются вмѣстѣ съ образованіемъ: образованіе же мало содѣйствовало къ развитію въ полякахъ ихъ добрыхъ качествъ. Они гораздо раньше русскихъ усвоили европейскую науку; но это была старая наука, состоявшая лишь въ изученіи латынскаго языка да въ упражненіяхъ слога, которыя вели къ напыщенному краснобайству, безъ всякихъ точныхъ знаній. Воспитателями у поляковъ были католическіе монахи, особенно іезуиты, вездѣ пріучавшіе людей дѣйствовать безъ разсужденій, по предписаннымъ ими правиламъ. Отъ европейцевъ поляки болѣе переняли внѣшній лоскъ, со страстью къ мотовству и роскоши. Трудовая жизнь, какъ въ Европѣ, также не могла служить къ воспитанію шляхты. Она считала униженіемъ заниматься ремеслами и торговлею, и всѣ промыслы захватили въ свои руки нѣмцы и евреи, которымъ поляки открыли свободный доступъ во всѣ города, такъ что Польша стала для евреевъ вторымъ отечествомъ. Вмѣстѣ съ этимъ большинство шляхты должно было сильно обѣднѣть и отдаться подъ покровительство немногимъ сильнымъ и богатымъ владѣльцамъ, магнатамъ. Шляхтичи сохранили всѣ свои права, но уже пользовались ими лишь въ угоду какому нибудь вельможному пану, который кормилъ ихъ. Магнаты подъ конецъ содержали ихъ при своемъ дворѣ и возили на сеймики, какъ свою челядь. Такимъ образомъ шляхта стала продажною: на сеймахъ она подавала голосъ по приказанію своего господина, и вся власть сосредоточилась въ рукахъ немногихъ знатныхъ фамилій. Съ своей стороны эта знать, при страшной расточительности, вѣчно нуждалась въ деньгахъ, и легко продавала себя тому или другому изъ иностранныхъ государей, которые прочили на польскій престолъ каждый своего принца, такъ какъ короли въ Польшѣ избирались. Вѣчно воевать было не возможно; но шляхта, не зная другаго дѣла, кромѣ воинскихъ потѣхъ, во время мира, дѣлала наѣзды другъ противъ друга. Довольно было малѣйшей ссоры между панами, и они всегда находили толпу охотниковъ, которые шли съ ними раззорять владѣнія сосѣда. То, что въ военное время считалось доблестью, въ мирное становилось грабежемъ и насиліемъ. Бывали стычки и на сеймѣ между враждебными партіями. Въ послѣдствіи военный пылъ угасъ: остались лишь прежнее буйство и задоръ, которые выражались болѣе въ дикихъ крикахъ и угрозахъ, чѣмъ въ кровопролитіи. Такъ стала призрачною и свобода, которою гордилась шляхта.

Поляки болѣе другихъ славянскихъ племенъ обладали свойствен-

ною славянамъ впечатлительностью, способностью быстро увлекаться и быстро охладѣвать въ своемъ увлеченіи. Въ ихъ характерѣ всегда было много добродушія, задушевности и много непостоянства. Сегодня упрямый и непреклонный въ какомъ либо рѣшеніи, завтра полякъ уже сдавался подъ наитіемъ новыхъ впечатлѣній. Съ этой чуткостью сердца, развились и въ польской женщинѣ живой, дѣятельный умъ, общительность, глубокое религіозное чувство и горячая любовь къ родинѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, отдаваясь своему сердечному влеченію, она легко становилась орудіемъ іезуитовъ: имѣя всегда вліяніе на дѣла, она поддерживала и въ окружающихъ ее людяхъ нетерпимость въ вѣрѣ. Въ XVI-мъ вѣкѣ, когда въ Польшу проникло протестантское ученіе, многіе поляки, отказываясь отъ старыхъ преданій, впадали въ безвѣріе; точно также въ концѣ XVIII-го вѣка они увлекались новыми французскими ученіями, и у нихъ вошло въ моду крайнее вольнодумство. Но холодная разсудительность была не въ ихъ характерѣ, и католическая вѣра, дѣйствуя на чувство, всегда брала верхъ надъ этими минутными увлеченіями. Сила іезуитовъ особенно возросла въ Польшѣ въ XVII-мъ вѣкѣ, а съ нею распространился и религіозный фанатизмъ. Это самое, вмѣстѣ съ эгоизмомъ шляхты, и погубило Польшу. Если бы любовь шляхты къ родинѣ не означала исключительно любви къ своимъ привилегіямъ, то она позаботилась бы съ одной стороны укрѣпить расшатанную власть, сдѣлавши королевское достоинство наслѣдственнымъ и самого короля независимымъ отъ сильныхъ магнатовъ: безъ этого лучше было бы, если бы королевской власти вовсе не существовало. Съ другой стороны она должна была дать человѣческія права народу, освободивъ его отъ крѣпостныхъ цѣпей и допустивъ отъ него депутатовъ на сеймъ. Но для шляхты это значило бы совсѣмъ отказаться отъ своего преобладанія: тогда представителями власти были бы и дворяне, и не дворяне,— словомъ, весь народъ, а не одно какое нибудь сословіе. Дворянство стало бы только почетнымъ титуломъ безъ всякихъ другихъ преимуществъ. Хотя власть шляхты, какъ мы видѣли, была только мнимая, но ея привилегіи всетаки давали ей возможность кормиться на счетъ богатыхъ магнатовъ, а къ труду она была не способна, и потому никогда не могла отказаться отъ этихъ привилегій.

Между тѣмъ положеніе народа было самое незавидное: истощенный податями, онъ жилъ въ страшной бѣдности, подъ тяжелымъ помѣщичьимъ гнетомъ. Сегюръ, посѣтившій Польшу во второй половинѣ прошлаго столѣтія, такъ ее описываетъ: «Огромная страна почти вся покрыта печальными соснами; лишь на большомъ растояніи одну

отъ другой встрѣтите немногія обработанныя нивы, подобно островамъ на океанѣ. Населеніе бѣдное, живетъ въ рабствѣ; въ деревняхъ грязь, хижины мало чѣмъ отличаются отъ шатровъ дикарей,— такъ что, когда пріѣдете сюда изъ Германіи, вамъ покажется, что вы возвратились на десять вѣковъ назадъ, къ временамъ кочующихъ гунновъ. Но посреди этихъ лѣсовъ и пустырей найдете вы и нѣсколько богатыхъ, населенныхъ городовъ, а около нихъ на большихъ разстояніяхъ раскинуты палаты свободныхъ и горделивыхъ дворянъ. Тамъ, какъ въ средніе вѣка, слышатся воззванія за честь, за свободу; тамъ, въ обширныхъ залахъ, со стариннымъ гостепріимствомъ, встрѣтятъ васъ учтивые и воинственные, подобно рыцарямъ, паны и миловидныя дамы, которыя съ красотою соединяютъ какой то романическій, геройскій пылъ, какъ будто бы онѣ шли сейчасъ предсѣдать на турнирѣ, возбуждая къ подвигамъ своихъ мужей и возлюбленныхъ». Но Сегюръ тутъ же объясняетъ, что въ городахъ, если и была какая торговля, то въ рукахъ предпріимчивыхъ евреевъ, а магнаты жили въ своихъ замкахъ, обремененные долгами, ожидая съ минуты на минуту полнаго раззоренія; съ восточною роскошью у нихъ господствовалъ во всемъ безпорядокъ: множество слугъ, лошадей, роскошный, открытый для всѣхъ столъ,—и никакихъ удобствъ жизни, не было даже постелей для гостей. И это говорится о богатыхъ панахъ; мелкая же шляхта, по грубости нравовъ и по всей обстановкѣ жизни, мало чѣмъ отличалась отъ крестьянъ. Положеніе народа было особенно тяжело въ восточныхъ и южныхъ частяхъ Польши, населенныхъ русскими православнаго исповѣданія. Здѣсь къ помѣщичьему гнету присоединялись еще жестокія преслѣдованія за вѣру. Терпѣли и протестанты, жившіе разсѣянно въ Польшѣ, но не въ такой степени. Утверждая господство папы, іезуиты съ особенной яростью налегли на болѣе многочисленное православное населеніе. Слѣдствіемъ этихъ гоненій было поголовное возстаніе казаковъ, служившихъ прежде вѣрными охранителями Польши отъ татарскихъ набѣговъ. Такъ Польша сама создала себѣ внутри государства непримиримаго врага и дала случай иностраннымъ державамъ вмѣшаться во внутреннія дѣла ея.

Еще Алексѣй Михайловичъ велъ съ Польшей долгую войну за христіанъ греческой вѣры. Петръ Великій также требовалъ отъ Августа II, чтобы православные, въ отправленіи своей религіи, пользовались одинакими правами съ католиками. При государыняхъ Аннѣ и Елизаветѣ опять объ этомъ шли переговоры. Сеймъ давалъ обѣщанія не стѣснять ни чьей совѣсти; но эти обѣщанія не исполня-

лись. Церкви православныхъ закрывались; ихъ всякими неправдами заставляли вступать въ *унію*, то есть, признавать главенство папы, и на такомъ условіи дозволяли имъ отправлять богослуженіе по обрядамъ еретической вѣры. Но и *уніатамъ* было немногимъ легче при фанатической ревности іезуитовъ, желавшихъ полнаго господства надъ людскою совѣстью. Такъ дѣла продолжались до Екатерины II. Эта государыня, составляя уже при самомъ началѣ своего правленія обширные планы, прежде всего обратила вниманіе на Польшу. Обстоятельства ей благопріятствовали. Тогда умеръ Августъ III, король польскій, и Чарторыжскіе, одна изъ наиболѣе знатныхъ польскихъ фамилій, стали домогаться власти. Екатерина вступила съ ними въ союзъ, объявивъ себя въ пользу ихъ родственника, Станислава Понятовскаго, съ которымъ коротко сблизилась въ Петербургѣ, еще бывши великой княгиней. Съ помощью русскаго войска, посланнаго въ Польшу, Чарторыскіе составили конфедерацію и въ 1764 году провозгласили польскимъ королемъ Станислава; ихъ противники, богатѣйшій литовскій панъ Радзивиллъ и другіе принуждены были бѣжать за границу, и никто не смѣлъ противиться избранію новаго короля, хотя оно не было единогласнымъ по обычаямъ сейма.

Екатерина знала, кому лучше вручить польскій престолъ для своихъ видовъ. Станиславъ по внѣшности, по образованію, по мягкости характера, былъ одинъ изъ самыхъ привлекательныхъ людей въ Польшѣ. Путешествуя долго за границею и живя въ Парижѣ, онъ усвоилъ въ совершенствѣ европейскіе обычаи: зналъ нѣсколько языковъ, любилъ искусства; при своей начитанности умѣлъ краснорѣчиво обо всемъ говорить, плѣнялъ каждаго своей любезностью и предупредительностью. Крайне добродушный, онъ легко прощалъ оскорбленія, не терпѣлъ ссоръ и, угождая всѣмъ, старался примирять враждующихъ. Такой человѣкъ могъ бы быть желаннымъ королемъ, если бы Польша не находилась тогда въ совершенномъ разстройствѣ. Но у Станислава не было твердаго, глубокаго ума, твердой воли, чтобы бороться съ препятствіями. Онъ жилъ болѣе въ свое удовольствіе. Увлекаясь женщинами, онъ тратилъ на нихъ огромныя суммы; въ любви къ людямъ, онъ болѣе всего искалъ для себя спокойной и пріятной жизни. Нельзя сказать, чтобы его не одушевляло желаніе помочь своей несчастной родинѣ; но передъ всякой силою онъ пугался и отступалъ: кто забиралъ въ руки власть, тотъ и могъ увлекать его за собою, и его считали двуличнымъ, тогда какъ онъ былъ только безхарактернымъ. Чарторыскіе, поддерживая его, надѣялись сами господствовать, и они успѣли нѣсколько огра-

ничить власть магнатовъ, устроивъ особыя коммиссіи для завѣдыванія казною, войскомъ, судами, и проч. Ихъ цѣлью было поднять королевское достоинство, усилить доходы государства, увеличить войско. Прусскій король Фридрихъ II тогда представилъ Екатеринѣ, что съ измѣненіемъ старыхъ порядковъ Польша можетъ стать опасною для сосѣдей. Онъ уже разсчитывалъ воспользоваться смутою въ Польшѣ для расширенія своихъ владѣній. Екатерина съ своей стороны не думала препятствовать преобразованіямъ въ Польшѣ; но въ виду замысловъ прусскаго короля объявила, что согласна на увеличеніе польскаго войска до 50,000 человѣкъ, если только Польша вступитъ въ союзъ съ Россіей. Въ Польшѣ тогда было не болѣе 8000 войска; увеличить его—значило бы ввести новые налоги, а на это шляхта согласилась бы развѣ въ самой крайности. Слѣдовательно, и толковать было не о чемъ. Но предложенный Екатериною союзъ испугалъ Чарторыскихъ: они тутъ видѣли замыслы противъ независимости Польши.

Еще большая тревога между поляками произошла, когда Репнинъ, русскій посланникъ въ Варшавѣ, потребовалъ гражданскихъ правъ диссидентамъ, то есть, некатоликамъ. Это требованіе поддержали прусскій король и даже Англія. Императрица желала, чтобы православные, наравнѣ съ католиками, могли быть выбираемы въ сеймовые послы и на высшія судебныя мѣста и чтобы православный архіепископъ присутствовалъ въ сенатѣ. Какъ ни мало заботилась шляхта о выгодахъ отечества, но, возбуждаемая ксендзами, горячо встала за религію: она видѣла оскорбленіе католической вѣры въ томъ, что люди другихъ исповѣданій будутъ пользоваться законными правами; греческую вѣру она прямо называла *собачьей*. Поднялись отовсюду крики негодованія. Чтобы слабодушный король не испугался этихъ криковъ, введены были нѣсколько русскихъ войскъ въ его владѣнія. Но Станиславъ уже колебался. Дрожа за свою власть и желая показать полякамъ, что онъ дѣйствуетъ независимо, онъ сталъ выражать негодованіе на вступленіе въ Польшу русскихъ войскъ, хотя прежде ими пользовался при своемъ избраніи на престолъ. Онъ разсорился съ Чарторыскими и, ища союзниковъ противъ Россіи, вошелъ въ тайныя сношенія съ турками. Екатерина узнала объ этихъ сношеніяхъ и съумѣла все обратить въ свою пользу. Противъ короля у ней въ рукахъ было сильное орудіе: его избрала конфедерація по большинству голосовъ; но это избраніе еще не было утверждено сеймомъ. Когда въ 1766 году собрался въ Варшавѣ сеймъ, то послы прежде всего возстали противъ всѣхъ преобразо-

ваній, сдѣланныхъ Чарторыскими. Признать, чтобы дѣла на сеймѣ рѣшались большинствомъ голосовъ, никто не соглашался, да это и не послужило бы въ пользу. Шляхта со своимъ «не позволяю» разстраивала дѣла, но при большинствѣ голосовъ сильный панъ могъ еще легче вертѣть сеймомъ по своему. Послы также рѣшительно объявили, что они противъ увеличенія войска и новыхъ налоговъ, такъ что король горько обманулся въ своихъ мечтахъ возродить Польшу чрезъ усиленіе своей власти. Но главнымъ дѣломъ на сеймѣ было предложеніе Репнина дать права некатоликамъ. Въ случаѣ его непринятія русскій посланникъ грозилъ ввести въ Польшу 40,000 войска. Такая угроза возмутила пословъ; всѣ единогласно отвергли предложеніе, хотя сами ничего не соглашались дѣлать, чтобы поддержать это горделивое рѣшеніе. Репнинъ за одно съ послами могъ объявить, что онъ не потерпитъ ни увеличенія польскаго войска, ни какого либо измѣненія въ старыхъ законахъ. Сеймомъ 1766 года конфедерація, избравшая Станислава, уничтожена; но ея постановленія покамѣстъ остались въ силѣ, такъ какъ послы еще не были уполномочены дѣйствовать противъ власти короля и Чарторыскихъ.

Когда рѣшеніе сейма сдѣлалось извѣстнымъ, Екатерина предписала Репнину устроить изъ некатоликовъ конфедерацію, которая должна была просить у русскихъ покровительства. Репнинъ не стѣснялся ничѣмъ, когда дѣло шло объ исполненіи приказаній; рѣзкій и грубый, онъ ужасалъ образованныхъ поляковъ своей солдатскою откровенностью и рѣшимостью. Но въ сущности онъ былъ горделивымъ бариномъ, всегда готовымъ ходатайствовать за привилегіи шляхты; онъ также не понималъ, какъ давать права некатоликамъ, изъ которыхъ большинство были крестьяне. Получивъ предписаніе Екатерины, Репнинъ не зналъ, что дѣлать; но знатные паны сами пришли къ нему на помощь. Между ними много было недовольныхъ королемъ и Чарторыскими. Одни увивались около русскаго посла, ища себѣ выгодъ; другіе видѣли единственное средство призвать на помощь русскихъ, чтобы установить въ Польшѣ какой нибудь порядокъ. Они предложили Репнину составить конфедерацію противъ короля за старыя привилегіи шляхты, а дарованіе правъ некатоликамъ должно было тутъ войти лишь какъ условіе, по которому Россія соглашалась поддерживать эти привилегіи. Въ 1767-мъ году быстро устроены были повсюду сеймики для выбора членовъ въ конфедерацію; на нихъ до 80,000 человѣкъ подали голоса противъ короля. О дарованіи правъ некатоликамъ шляхта и не думала: она знала только, что Россія ей покровительствуетъ. Да и вообще шляхтичи,

послѣ обильнаго угощенія, обыкновенно пьяные подписывали, что имъ прикажутъ. Приманили и Радзивилла изъ за границы. Отъ него только требовали, чтобы онъ не допускалъ притѣснять православныхъ, и на этомъ условіи онъ согласился быть вождемъ конфедератовъ. Необычайная щедрость его привлекла къ нему всю литовскую шляхту; въ Вильнѣ онъ встрѣченъ былъ съ необычайнымъ почетомъ. Между тѣмъ 30,000 русскаго войска вступили въ Польшу. Полковнику Карру предписано было сопровождать Радзивилла, какъ будто для большей торжественности, и русскіе пушки усердно гремѣли въ честь знатнаго пана. Карръ отправился съ Радзивилломъ и въ Радомъ, гдѣ собралась конфедерація. Тутъ на собраніи внезапно было объявлено требованіе принять покровительство Россіи и дать права некатоликамъ. Депутаты взволновались, но дѣлать было нечего: подъ угрозою русскихъ штыковъ они принуждены были на все согласиться, надѣясь при лучшихъ обстоятельствахъ измѣнить постановленное рѣшеніе. «Насъ подманили, говорили они, словно пташекъ на клей, обольстили, ослѣпили надеждами на избраніе новаго короля. Хотѣли мы защищать свою вольность, а стали невольниками; хотѣли охранять вѣру, а нарушаемъ ее. Такая у насъ подлость: хоть и видимъ, что всѣ наши поступки пагубны, однако не стыдимся дѣйствовать, какъ самые гнусные рабы».

Послѣ Радомскаго рѣшенія Станиславъ сталъ усерднымъ слугою Репнина, и о его низложеніи больше не было рѣчи. Между тѣмъ въ Польшѣ начались выборы пословъ для сейма. На этихъ выборахъ мѣстами принимали участіе и русскіе отряды: гдѣ шляхта много кричала противъ Радомской конфедераціи, тамъ усмиряли ее силою. Однако между послами, прибывшими на сеймъ, явились и ярые ненавистники Россіи. Епископы разсылали посланія, убѣждая шляхту стоять за вѣру и за независимость. На сеймѣ начались было горячіе споры изъ за предложеній Репнина; но всякій разъ, когда кто либо говорилъ противъ нихъ, король, пользуясь своимъ правомъ, закрывалъ собраніе. Наиболѣе упорныхъ Репнинъ бралъ подъ стражу, или посылалъ въ ихъ имѣнія русскіе отряды, которые тамъ все истребляли и раззоряли. Чтобы скорѣе покончить дѣло, онъ приказалъ посламъ выбрать небольшое число лицъ, которые бы подтвердили все, постановленное въ Радомѣ. Въ собраніи этихъ лицъ и внесено въ законъ, что некатолики получаютъ права участвовать на сеймѣ и быть избираемыми въ разныя должности и что Россія беретъ на себя охрану старыхъ польскихъ учрежденій и цѣлости Польши. Впрочемъ явныхъ противниковъ этихъ рѣшеній на сеймѣ было не много: большинство или были

закуплены Репнинымъ, или дѣйствительно надѣялись съ помощью Россіи достигнуть въ Польшѣ улучшеній, или держались іезуитскаго правила притворяться и уступать, строя ковы въ тихомолку. Сеймъ слѣдующаго 1768 года подтвердилъ, уже безъ возраженій, законъ о некатоликахъ и о русской гарантіи. На немъ допущено, чтобы дѣла, не касавшіяся всего государства, рѣшались большинствомъ голосовъ; на немъ постановлено избавить крестьянъ отъ самовластнаго панскаго суда и подчинить ихъ общимъ судамъ, также строго запрещены наѣзды пановъ другъ противъ друга, и проч. Оказалось, что нѣкоторыя улучшенія въ Польшѣ только и возможны были подъ гнетомъ русской власти.

Противъ сейма 1768 года каменецкій епископъ Красинскій, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими лицами, составили конфедерацію въ *Баръ*. Они отправили пословъ въ Турцію, въ Парижъ, прося вездѣ помощи противъ Россіи. Конфедерація быстро усиливалась; въ Литвѣ Радзиииллъ принялъ ея сторону. Начались стычки съ русскими войсками и вмѣстѣ раззореніе края. Конфедераты стали на Украйнѣ жестоко мстить православнымъ: били ихъ нещадно плетьми, заставляя вступать въ унію; священниковъ запрягали въ плуги, забивали въ колоды, сыпали имъ въ голенища горячія уголья. Тогда народъ вспомнилъ старыя времена и возсталъ чуть не поголовно. Запорожецъ Зализнякъ придумалъ, будто бы онъ получилъ грамоту отъ Екатерины, съ приказаніемъ бить пановъ, и отовсюду созывалъ къ себѣ крестьянъ, разсылая воззванія: «Богъ намъ дастъ побѣду, писалъ онъ, и станете вы всѣ вольными панами, когда выгубите змѣиное отродье пановъ своихъ, которые до сихъ поръ сосутъ вашу кровь». Тогда и служившіе польскимъ панамъ казаки приняли сторону Зализняка; изъ нихъ своею удалью особенно прославился сотникъ Гонта. Помощники Зализняка всюду собирали многочисленныя толпы, брали укрѣпленныя мѣстечки и кололи, рѣзали, рубили поляковъ и жидовъ, не щадя ни женщинъ, ни дѣтей. Надъ дверями одного костела повѣсили ксендза, жида и собаку и подписали: «ляхъ, жидъ та собака, усе віра однака». Потѣшались особенно надъ ксендзами и надъ католическою святынею, оскверняли церкви, представляли въ шутовскомъ видѣ католическое богослуженіе, и проч. Такъ погибли многія тысячи поляковъ на Украйнѣ. Но русское правительство не могло сносить, чтобы отъ его имени совершались всѣ эти жестокости; обязавшись охранять Польшу, оно дало приказаніе русскимъ войскамъ прекратить возстаніе. Дѣло это было выполнено легко и скоро. Посланный съ отрядомъ офицеръ прибылъ къ Зализняку, какъ будто приглашая его сражаться вмѣстѣ противъ конфедератовъ. Устроенъ братскій пиръ; когда казаки перепились, русскіе связали ихъ. За-

лизнякъ отвезенъ былъ въ Россію и сосланъ въ Сибирь. Захватили и Гонту. Выданный польскому правительству, онъ окончилъ жизнь въ страшныхъ пыткахъ. Началась жестокая расправа. Судъ, назначенный королемъ, приговаривалъ наименѣе виновныхъ къ отсѣченію рукъ или ногъ, и такъ пускали ихъ на свободу.

Возстаніе на Украйнѣ, какъ мы знаемъ, подало поводъ туркамъ объявить Россіи войну. Тогда конфедераты оживились; изгнанные изъ Польши, они нашли себѣ пріютъ въ Австріи, которая скорбѣла о притѣсненіяхъ, какія терпѣли поляки, готовясь въ то же время захватить у Польши лучшія области. Изъ Австріи конфедераты дѣлали набѣги отдѣльными шайками. Нѣкоторые изъ ихъ предводителей, быстро налетая на русскіе отряды, тамъ и сямъ брали верхъ; но эти успѣхи кончались всетаки тѣмъ, что ихъ разбивали и брали въ плѣнъ. Многихъ русскіе отпускали, взявъ клятву отстать отъ конфедераціи; но ксендзы разрѣшали ихъ отъ данной клятвы, и они снова собирали шайки. Такихъ начальники русскихъ отрядовъ не щадили: случалось, что по польскому обычаю имъ отсѣкали руки или ноги; множество было выслано въ Россію. Вообще отчаянная храбрость и искусство конфедератовъ не привели ни къ чему, потому что ихъ предводители постоянно ссорились между собою и дѣйствовали въ разбродъ. Турки, видя ихъ безсиліе, мало имъ помогали; только Франція, бывшая тогда во власти іезуитовъ, прислала имъ генерала Дюмурье и нѣсколько искустныхъ офицеровъ. Дюмурье удалось устроить между ними нѣкоторый порядокъ. Съ помощью французовъ конфедераты захватили нѣсколько укрѣпленныхъ мѣстечекъ около Кракова, одержали нѣсколько побѣдъ въ мелкихъ стычкахъ. Самый Краковъ взятъ ими очень хитро. Начальникъ бывшаго въ немъ русскаго отряда поддался внушеніямъ какой то польки, которая отводила ему глаза, и не принялъ мѣръ предосторожности; французы ночью пролѣзли чрезъ трубу, устроенную для стока нечистотъ и напали въ расплохъ. Но рядомъ съ этими успѣхами опять начались для конфедератовъ неудачи, когда въ 1771 году прибылъ въ Польшу Суворовъ, бывшій тогда генералъ-майоромъ. Съ обычною ему быстротою переходя съ мѣста на мѣсто, онъ вездѣ настигалъ конфедератовъ, когда его не ожидали. Онъ разбилъ и Дюмурье. Французскій генералъ послѣ этого скоро разувѣрился въ полякахъ и съ досадой уѣхалъ во Францію. Въ Литвѣ еще ранѣе Радзивиллъ принужденъ былъ бѣжать изъ своихъ раззоренныхъ имѣній и теперь конфедератовъ поднялъ гетманъ Огинскій. Суворовъ просилъ у главнокомандующаго Веймарна позволенія идти противъ Огинскаго, но Веймарнъ на отрѣзъ отказалъ ему. Тогда онъ послалъ главнокомандующему донесеніе: «пуш-

ки впередъ, и Суворовъ за ними», и самовольно, съ тысячью человѣкъ, пустился въ походъ. Онъ напалъ на Огинскаго ночью, когда этотъ проводилъ время съ какой-то француженкой. Застигнутый врасплохъ, гетманъ едва успѣлъ ускакать на конѣ, бросивъ и булаву свою, и все имущество. За нарушеніе дисциплины Суворовъ всетаки подпалъ военному суду, но Екатерина оправдала его, сказавъ: «побѣдителя не судятъ». Въ 1772-мъ году Суворовъ одержалъ новыя побѣды надъ конфедератами и взялъ приступомъ Краковъ. Это и положило конецъ Барской канфедераціи.

Съ начала турецкой войны въ Варшавѣ Репнина уже не было. Его замѣнили другіе посланники. Русское правительство, въ виду многихъ затрудненій, какія въ это время оно испытывало, сперва готово было идти на уступки: соглашалось нѣсколько ограничить права, дорованныя некатоликамъ, приглашало поляковъ воевать вмѣстѣ съ русскими противъ турокъ, обѣщая даже присоединить къ польшѣ Молдавію и Бессарабію. Тогда паны возгордились; и тѣ изъ нихъ, что были на жалованьи у Россіи, стали тайкомъ ковать противъ нея ковы. Король дѣйствовалъ двулично; замышляя уничтожить постановленія сейма 1768-го года, онъ искалъ помощи у иностранныхъ державъ. Видя это, русскіе посланники измѣнили образъ дѣйствій: изъ нихъ Сальдернъ отличался большею суровостью, чѣмъ самъ Репнинъ. Противъ короля опять было задумано поднять шляхту Тотчасъ явилось множество охотниковъ лишить его престола съ цѣлью избрать иностраннаго принца. Но это не было въ разсчетахъ Екатерины. Скоро Станиславъ убѣдился, что ему не отъ кого болѣе ждать защиты, кромѣ русскихъ. Барскіе конфедераты объявили его лишеннымъ престола; мало этого: они чуть не похитили его изъ Варшавы. Шайка ихъ, переодѣвшись хлопами, напала на его карету; вытащили его и увлекли за городъ. Но случайно они заблудились и заѣхали въ болото. Тутъ имъ показалось, что за ними гонятся русскіе; всѣ разбѣжались, а король остался съ однимъ изъ шайки котораго своимъ краснорѣчіемъ убѣдилъ спасти его. Послѣ этого онъ сталъ усердно держаться Россіи, хотя и не совсѣмъ искренно. Попытка конфедератовъ похитить короля возбудила противъ нихъ всеобщее негодованіе. Этимъ воспользовались Пруссія и Австрія, чтобы выполнить давно задуманный планъ поживиться на счетъ Польши. Обѣ державы смотрѣли съ опасеніемъ на преобладаніе Россіи въ Польшѣ и, какъ будто для водворенія порядка, заняли сосѣднія польскія области: Фридрихъ II—часть нынѣшней Пруссіи, къ западу отъ нижняго теченія Вислы, а Австрія—Галицію. Еще въ 1769-мъ году прусскій король предлагалъ Екатеринѣ обрѣзать польскія земли, имѣя въ

виду, что если ужъ владѣть Польшею, то владѣть сообща, а не такъ, чтобы предоставить въ ней власть одной Россіи. Екатерина долго уклонялась отъ раздѣла, не видя въ этомъ для себя никакой выгоды. Тогда Фридрихъ II условился съ Австріей, какъ дѣйствовать. Представляясь преданнымъ Россіи, онъ постоянно извѣщалъ Екатерину, какая противъ нея готовилась гроза. Австрія дѣйствительно заключила съ Турціей союзъ, по которому обѣщалась хлопотать о возвращеніи туркамъ завоеванныхъ Россіею земель, а Турція вознаграждала ее за это уступкою нѣкоторыхъ пограничныхъ мѣстъ и извѣстною суммою денегъ. Поэтому, при заключеніи мира, Австрія вмѣстѣ съ Пруссіей и предлагала Россіи вознаградить себя на счетъ Польши. Въ тоже время Франція продолжала свои непріязненныя дѣйствія. Въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ Россія принуждена была согласиться на дѣлежъ и взяла себѣ Бѣлоруссію, съ городами Полоцкомъ, Витебскомъ, Могилевымъ и проч.,—наименѣе плодородную часть Польши, тогда какъ за Пруссіею и Австріею остались занятыя ими земли. Болѣе всѣхъ при этомъ выиграла Австрія, завладѣвъ безъ всякаго съ своей стороны труда самымъ промышленнымъ и многолюднымъ краемъ.

Этотъ *первый раздѣлъ* Польши нужно было еще утвердить на сеймѣ, какъ будто бы онъ былъ сдѣланъ по добровольному согласію поляковъ. Бывшій тогда русскимъ посланникомъ, Штакельбергъ легко это устроилъ. Большая часть пословъ была на жалованьи у державъ, задумавшихъ раздѣлъ, и получали по 300 и болѣе червонцевъ въ мѣсяцъ, а распорядителю сейма, или маршалку, Адаму Понинскому, назначено 3000 червонцевъ въ мѣсяцъ. Сеймъ открылся въ 1773-мъ году въ видѣ конфедераціи и, подъ угрозою русскихъ штыковъ, подписалъ всѣ условія раздѣла. Пруссія выговаривала себѣ еще города Данцигъ и Торнъ, но Россія не согласилась уступить ихъ, представляя, что чрезъ это Польша лишится единственныхъ городовъ, чрезъ которые вела морскую торговлю. Сеймъ не расходился еще два года, устраивая въ Польшѣ порядокъ. Избранный изъ пословъ совѣтъ, или делегація, которой поручено было рѣшеніе дѣлъ, собственно говоря, состояла изъ продажныхъ лицъ, думавшихъ только о своемъ обогащеніи. Въ это время папа уничтожилъ орденъ іезуитовъ, и делегаты, отбирая его земли, захватывали себѣ, сколько могли, награждали сами себя пенсіями, имѣніями, и проч.; а чтобы король имъ не препятствовалъ, они значительно увеличили и его доходы. Все, что сдѣлано тогда хорошаго, надо приписывать Штакельбергу, который съ этихъ поръ былъ настоящимъ правителемъ Польши.

Пруссія и Австрія взяли на себя только ручательство въ цѣлости Польши, предоставивъ Россіи неблагодарный трудъ ее устраивать. Штакельбергу помогалъ и король, искренно стремившійся къ улучшеніямъ. На сеймѣ подтверждены были прежнія права шляхты и прежніе законы объ избавленіи крестьянъ отъ суда пановъ; рѣшено, что отнынѣ королемъ Польши можетъ быть лишь природный полякъ, и при немъ назначенъ постоянный совѣтъ изъ пословъ, гдѣ король предсѣдательствовалъ. Но самое главное: издано было много законовъ о развитіи и распространеніи мануфактуръ, промышленности и торговли, о покровительствѣ промышленнымъ обществамъ, о векселяхъ и долговыхъ обязательствахъ; предположено усилить доходы государства и увеличить число войска до 30000 человѣкъ; устроена особая воспитательная комиссія, чрезъ что воспитаніе изъ рукъ монаховъ переходило подъ надзоръ правительства.

Какъ только утвердился нѣкоторый порядокъ и начались преобразованія, въ Польшѣ, явились замѣчательные люди, безкорыстно радѣвшіе объ общемъ благѣ. Злоупотребленія делегатовъ были ограничены; школамъ дано новое устройство. Виленская и Краковская академія были преобразованы: въ нихъ введены математика, естественныя науки, исторія, въ профессора выбраны молодые люди, знакомые съ новыми успѣхами науки. Академіи надзирали за остальными школами, въ которыхъ мѣсто безцвѣтной латыни и фразерства заняли отечественный языкъ, естествознаніе и сельское хозяйство. Въ Варшавѣ Хребтовичъ занялся изданіемъ новыхъ учебниковъ, согласно съ современными требованіями науки. Адамъ Чарторыскій устроилъ кадетскій корпусъ, гдѣ усердно занимались новыми языками, математикой, и юношамъ старались внушить безкорыстіе, самоотверженіе въ служеніи отечеству. Изъ этого корпуса вышли извѣстные патріоты: Костюшко, Нѣмцевичъ и другіе. Въ Варшавѣ открыты публичный театръ и академія художествъ: скоро и тамъ, и тутъ выказали себя замѣчательные таланты. Литература также оживилась; прославились особенно: Красинскій—своими драмами и Нарушевичъ—своей «Исторіей польскаго народа». Нѣкоторые изъ пановъ, увлеченные новыми французскими идеями, задумывали даже объ улучшеніи быта своихъ крестьянъ: заводили у себя выборные суды, облегчали барщину, или замѣняли ее легкимъ оброкомъ. Адамъ Чарторыскій составилъ даже проектъ постепеннаго освобожденія крестьянъ по мѣрѣ того, какъ имъ будутъ давать образованіе: этотъ проэктъ однако остался безъ послѣдствій. Замѣчательнѣе другихъ былъ Щенсный Потоцкій, имѣвшій громадныя имѣнія на Украйнѣ. Онъ принадле-

жалъ къ старой шляхтѣ, стоявшей за старыя привилегіи, но отличался необычайной добротою и противъ воли поддавался новымъ ученіямъ о народномъ благѣ: онъ болѣе другихъ облегчилъ участь своихъ крестьянъ, назначивъ самую легкую барщину, разводилъ въ своихъ селахъ сады и огороды, лучшія породы хлѣба, скота и мериносовъ. Къ сожалѣнію, все это ограничилось болѣе отдѣльными стремленіями и попытками. Въ образованіи совсѣмъ не было обращено вниманія на женщинъ, которыя по прежнему оставались подъ вліяніемъ монаховъ, или усваивали одинъ внѣшній лоскъ французской образованности. Нововводители, увлекаясь французскими идеями о свободѣ, примѣняли ихъ лишь къ одной цѣли: къ освобожденію отечества (то есть шляхты) изъ подъ чужеземнаго гнета, а мало думали о томъ, какими средствами этого достигнуть. Они полагали, что довольно лишь негодующихъ криковъ противъ москалей, пламенныхъ рѣчей о свободѣ. Между тѣмъ, еслибы Россія и не вмѣшивалась въ дѣла Польши, при тогдашней ея неурядицѣ, Пруссія и Австрія все равно наложили бы на нее руку. Унизительно было положеніе сейма, дѣлавшаго, что прикажетъ русскій посланникъ; но сами послы продавали себя, если не русскимъ, то нѣмцамъ, видя въ этомъ свою привилегію.

Штакельбергъ, послѣ сейма 1773—1775-го года, держалъ себя въ сторонѣ, предоставляя полякамъ устраиваться, какъ угодно. Вѣроятно, ему было предписано не выказывать своей власти, исключая тѣхъ случаевъ, когда нарушались основные законы, установленные на сеймѣ. Но это мало помогло дѣлу: все, что было хорошаго въ преобразованіяхъ, плохо прививалось. Шляхта бражничила и дралась на сеймахъ по прежнему. Она не хотѣла и слышать о новыхъ налогахъ, объ увеличеніи войска. На новыя школы она смотрѣла большею частію съ презрѣніемъ, находя нивѣсть какую мудрость въ іезуитской латыни. Большинство пановъ продолжало поручать свои имѣнія управляющимъ, которые сдирали съ крестьянъ все, что только возможно, и, разъѣзжая съ ногайкой, заставляли работать на пана по семи дней въ недѣлю. Освобожденіе отъ помѣщичьяго суда мало облегчило народъ: на общихъ судахъ засѣдали тѣже паны. Въ высшемъ обществѣ господствовалъ неслыханный развратъ: безграничное мотовство, интриги, всякіе обманы и подлоги. Лучшіе изъ поляковъ съ отчаяніемъ смотрѣли на это безнадежное состояніе родины. Мы видѣли, что, послѣ нанесенныхъ ударовъ, Польша какъ будто искала обновленія. Но что же дѣлали ея магнаты? Прежде всего, по старому обычаю, они задумали поднять шляхту противъ безотвѣтнаго короля,

какъ будто въ немъ была вся причина зла. Между ними наиболѣе силы имѣли: Игнатій и Станиславъ Потоцкіе. Побывавъ въ Парижѣ, они набрались новыхъ просвѣтительныхъ идей, мечтали о дарованіи гражданскихъ правъ народу, о самостоятельности Польши, но все это болѣе служило имъ темой для блистательнаго краснорѣчія, какимъ оба они отличались. Выбирать лучшія средства, искустно и настойчиво дѣйствовать они не умѣли; они только сорили деньгами, подкупая шляхту. Къ нимъ присоединился старый врагъ короля, Браницкій, сильный тѣмъ, что женатъ былъ на племянницѣ Потемкина. Высокомѣрный и распутный, онъ могъ продаться, кому угодно. Русское правительство ласкало его только на всякій случай изъ своихъ видовъ. Вмѣстѣ съ другими панами эти лица совѣщевались о переворотѣ въ государствѣ, собираясь въ Варшавѣ у разныхъ дамъ, блиставшихъ своими роскошными вечерами. Таковы были княгиня Огинская и нѣкоторыя изъ бывшихъ возлюбленныхъ короля, мстившихъ ему за измѣну. На сеймахъ, происходившихъ передъ второй турецкой войною, королю приходилось плохо. Подъ часъ дѣло чуть не доходило до саблей: у короля, конечно, были и свои приверженцы, но лишь заступничество Штакельберга его спасало. Впрочемъ какъ приверженцы, такъ и противники короля одинаково ѣздили въ Петербургъ къ нашему двору, выпрашивая себѣ милостей. Они всѣ собрались и въ Кіевъ, когда Екатерина предприняла свое путешествіе по Днѣпру. Опасаясь козней Потоцкихъ и Браницкаго, и король поспѣшилъ въ Каневъ на свиданіе съ Екатериной. Онъ предлагалъ ей союзъ на случай войны съ Турціею. Но опасенія Станислава-Августа были напрасны. Екатерина приняла Потоцкихъ очень сухо; изъ поляковъ, ей представлявшихся, она особенно обласкала только Щенснаго-Потоцкаго и историка Нарушевича. Касательно союза съ Польшею данъ отвѣтъ, что объ этомъ еще надо подумать.

Началась война съ турками, и Россія въ первый годъ этой войны была въ довольно затруднительномъ положеніи. Дѣла союзника ея, австрійскаго императора, шли не совсѣмъ удачно. На югѣ затянулась надолго осада Очакова. Между тѣмъ Пруссія, изъ вражды къ Австріи, стала выказывать явную непріязнь къ Россіи; съ нею за одно дѣйствовала Англія; шведскій король готовился къ походу въ Финляндію. При такихъ обстоятельствахъ, Екатерина согласилась на предложенный Станиславомъ-Августомъ союзъ съ Польшею: объ немъ должна была идти рѣчь на ближайшемъ сеймѣ. Екатерина приказала Штакельбергу торопить поляковъ, чтобы они устраивали войско, и обѣщала 300000 червонцевъ на ихъ вооруженіе. Къ сейму 1788-го года,

между другими партіями, поднялась и партія, искавшая преобразованій и улучшеній, въ подражаніе французамъ. Появились книжки въ защиту новыхъ порядковъ; замѣчательнѣе другихъ были: брошюра Сташица «О жизни Яна Замойскаго» и «Письма къ маршалу сейма» Коллонтая. Сташицъ, подъ видомъ жизнеописанія Замойскаго, указываетъ всѣ тогдашнія злоупотребленія въ Польшѣ; онъ стоитъ за наслѣдственное правленіе, требуетъ правъ мѣщанамъ, яркими красками изображаетъ жалкое положеніе крестьянъ подъ властью помѣщиковъ и предлагаетъ освободить ихъ отъ этой власти. Коллонтай не идетъ такъ далеко. Представляя крестьянъ, какъ вещь, какъ скотъ, которымъ помѣщики распоряжались по произволу, онъ говоритъ, какъ жалка польская свобода при этомъ рабствѣ многихъ милліоновъ и требуетъ для крестьянъ особыхъ защитниковъ, или трибуновъ изъ шляхты, которые охраняли бы ихъ отъ насилія. Что касается мѣщанъ, то онъ предлагаетъ выбирать изъ нихъ уполномоченныхъ на сеймы, но чтобы эти выборы совершались шляхтою на ея сеймахъ. Для уничтоженія безпорядковъ и подкуповъ онъ желаетъ, чтобы на сеймахъ участвовали лишь дворяне, имѣющіе около 150 десятинъ земли. Сеймъ долженъ быть постоянный, съ послами, избираемыми на 2 года; дѣла на немъ рѣшаютъ по большинству голосовъ; королевскую власть необходимо сдѣлать наслѣдственной. Коллонтай предлагаетъ также продать такъ называемыя «королевскія» или казенныя имѣнія, которыя раздавались въ пользованіе знатнымъ панамъ; въ его книгѣ говорится и о судахъ, и вообще обо всѣхъ отрасляхъ управленія; войско онъ желаетъ увеличить до 60000 чел. Настаивая, чтобы скорѣе приступить къ преобразованіямъ, онъ особенно совѣтуетъ избѣгать на сеймахъ пустой болтовни и многословія.

Но, не смотря на всѣ стремленія къ улучшеніямъ, сеймики и на этотъ разъ происходили по старому обычаю. Многочисленная шляхта, раскинувъ шатры, пировала гдѣ-нибудь въ полѣ; жарились цѣлые быки, быстро опустошались бочки съ виномъ на счетъ какого-нибудь богатаго пана. Подхмѣлѣвшіе рубились между собою саблями, безобразной толпой шли въ городъ, разбивали лавки, потѣшались надъ жителями. Сами знатные паны туго настегивали себѣ ваты въ шапки на случай сабельныхъ ударовъ отъ противниковъ. Наконецъ открылся и сеймъ. Съ самаго начала стало яснымъ, что о союзѣ съ Россіей не могло быть и рѣчи. За него, кромѣ короля, тогда стояли Щенсный Потоцкій, Браницкій, Ржевускій. Прочіе и самъ маршалъ сейма, Малаховскій, на котораго Штакельбергъ сильно разсчитывалъ, оказались приверженцами Пруссіи. Но наиболѣе ревностнымъ ходатаемъ

за прусскаго короля былъ Игнатій Потоцкій. Прусскій посланникъ представилъ на сеймъ ноту, въ которой объяснялъ, что Польшѣ слѣдуетъ остерегаться вредныхъ для ея сосѣдей союзовъ. Пруссія съ своей стороны тоже предлагала союзъ и 40000 войска въ случаѣ нападенія со стороны Россіи и побуждала Польшу къ преобразованіямъ, которыя уничтожили бы законы 1773-го года, охраняемые Россіей. Полякамъ казалось, что вся Европа будетъ противъ нихъ, если они примутъ русскія предложенія, и они отвѣчали прусскому послу, что сеймъ собрался не для переговоровъ о какихъ-нибудь союзахъ. Ненависть къ москалямъ тогда вспыхнула съ новою силою. Но нужно было имѣть достаточно войска, чтобы дѣйствовать самостоятельно и поддержать свою независимость. Рѣшено, что сеймъ не разойдется, пока не устроитъ все, что могло бы служить къ обновленію и усиленію Польши. На устройство войска со всѣхъ сторонъ посыпались пожертвованія. Щенсный Потоцкій далъ 12 пушекъ и обѣщалъ снарядить цѣлый полкъ; жена его принесла разныхъ драгоцѣнностей на покупку 10000 ружей; самъ король пожертвовалъ дорогихъ вещей на полмилліона злотыхъ (пятиалтынныхъ). Многія знатныя дамы отдавали брилліанты, золотыя цѣпочки и другія свои украшенія. Но всѣ понимали, что нельзя содержать войска на вещи изъ дамскаго туалета; нужно было установить опредѣленную подать. Рѣшили на одинъ разъ наложить двойную подать на дворы (подымное) и потомъ, въ видѣ вѣчнаго пожертвованія, собирать по 10 проц. съ доходовъ каждаго имѣнія; духовные же платили 20 проц. Установили еще налогъ шкурами, которыя продавались бы отъ казны. Сначала полагали увеличить войско до 100,000 чел., но потомъ увидѣли, что и половины содержать едва-ли будутъ въ состояніи. Высчитали, что на 45000 чел. нужно около 50 милл. злотыхъ, а доходу всего было не болѣе 25 милл.

Между тѣмъ, среди горячихъ споровъ, затѣвая все новые планы, послы уже готовы были думать, что всѣ ихъ желанія осуществились и подняли болѣе рѣшительный голосъ противъ Россіи. Ихъ особенно тревожило, чтобы на Украйнѣ снова не поднялись хлопы. Тамъ мѣстами еще стояли немногія русскія войска, охраняя продовольственные магазины, по сосѣдству съ мѣстами военныхъ дѣйствій. По старому обычаю, среди населенія ходили мирные офени, которые продавали всякую мелочь и между прочимъ ножи для хозяйства. Разнеслась молва, что русскіе провозятъ цѣлыя телеги этихъ ножей, чтобы вооружить населеніе. Такимъ сказкамъ повѣрили всѣ паны, исключая Щенснаго Потоцкаго. Опять начались доносы и жестокія пре-

слѣдованія. Доносили, напримѣръ, что хлопы въ молитвахъ поминаютъ *царицу*: оказалось, что то была не русская императрица, а царица небесная. Русскіе томились въ тюрьмахъ и съ радостью встрѣчали казнь, какъ избавленіе отъ мукъ. Но возстанія никакого не было, потому что украинцы уже не разсчитывали на поддержку Россіи. На Литвѣ также подвергся преслѣдованіямъ поставленный Кіевскимъ митрополитомъ архіерей Садковскій. Онъ постоянно убѣждалъ свою паству сохранять покорность власти; но его обвинили въ томъ, что онъ составлялъ тайныя собранія для присяги русской императрицѣ. Его схватили, привезли въ Варшаву и заключили въ тюрьму. Въ виду этихъ мнимыхъ волненій поляки уже стали требовать, чтобы русскіе отряды были выведены изъ Польши и самые магазины переведены за-границу. Къ этому особенно подстрекалъ поляковъ прусскій посолъ Люккезини, хитрый итальянецъ, способный лгать каждому для своей цѣли и всегда умѣвшій вывернуться, когда его уличали во лжи. Прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ, наслѣдникъ Фридриха II-го, тогда уже выказалъ, почему онъ питаетъ такое сочувствіе къ Польшѣ. Ему нужны были польскіе города Данцигъ и Торнъ съ ихъ округами, которые непріятно раздѣляли земли, доставшіяся Пруссіи по первому раздѣлу. Чтобы принудить поляковъ къ уступкѣ этихъ городовъ, онъ наложилъ огромныя пошлины въ 12 проц. на суда, проходившія по Вислѣ, такъ что для поляковъ почти невозможна была заграничная торговля. Теперь онъ обѣщалъ сбавить эти пошлины, если ему уступятъ Данцигъ и Торнъ, и предлагалъ полякамъ политическій и вмѣстѣ торговый союзъ. Люккезини бился изо всѣхъ силъ, хлопоча объ этомъ. За уступку городовъ были и Игнатій Потоцкій, и король, уже склонившійся на сторону Пруссіи. Но большинство сейма противилось этому: отложили въ сторону торговый договоръ, основаніемъ котораго была уступка городовъ, и соглашались только на политическій союзъ для взаимной защиты. Но прусскій король совсѣмъ не нуждался въ такомъ союзѣ: онъ и придумалъ его, чтобы легче понудить поляковъ къ торговому договору. Онъ однако согласился на союзъ, которому не придавалъ никакого значенія, такъ какъ надѣялся, что поляки наконецъ склонятся къ уступкѣ городовъ. «Еслибы Данцигъ и Торнъ были прикованы къ небу, говорилъ онъ, то и тогда добуду ихъ». Онъ вошелъ даже въ сношенія съ Австріей, предлагая ей, вознаградивъ себя въ другомъ мѣстѣ, уступить Польшѣ Галицію, съ тѣмъ чтобы ему были отданы Торнъ и Данцигъ. Такія предложенія, конечно, не имѣли успѣха. Между тѣмъ на сеймѣ въ Варшавѣ издано постановленіе, чтобы никто не смѣлъ и заикаться объ уступкѣ городовъ.

Тогда прусскій король затаилъ въ душѣ непріязнь противъ поляковъ и сталъ подумывать, какъ бы сблизиться съ Россіей. Поляки же по прежнему легкомысленно вѣрили въ его безкорыстную дружбу: ихъ посланникъ въ Константинополѣ заключилъ отъ имени Польши и Пруссіи, и не спрашивая согласія у послѣдней, тайный союзъ съ турками противъ русскихъ, въ то самое время, когда Люккезини, пріѣхавши въ столицу султана, уже хлопоталъ о примиреніи русскихъ съ турками, потому что лишь съ окончаніемъ турецкой войны можно было налечь на Польшу. Екатерина узнала о договорѣ поляковъ съ турками, и это было для нея новымъ оскорбленіемъ. Не совсѣмъ довольная Штакельбергомъ, она вызвала его изъ Польши и назначила въ Варшаву Булгакова, бывшаго прежде посланникомъ въ Турціи. Булгакову поручено было выжидать, высматривать и по немногу составлять партію: на жалованье преданнымъ Россіи панамъ онъ имѣлъ до 70000 червонцевъ. Уступчивость Екатерины тогда простиралась до того, что она согласилась вывести изъ Польши еще бывшіе тамъ русскіе отряды.

Между тѣмъ, по случаю съѣзда сеймовыхъ пословъ, Варшава весело пировала. Въ своемъ патріотизмѣ, большинство пановъ стали носить старинную польскую одежду: атласные жупаны, богатые кунтуши съ разрѣзными рукавами и четыреугольныя шапки-конфедератки. Щеголяя своей посадкою и кровными жеребцами, скакали они по невылазной грязи варшавскихъ улицъ съ блестящею свитой, и бѣдный, чуть не голый народъ въ разноцвѣтныхъ лохмотьяхъ смотрѣлъ съ завистью на эту роскошь. Рядомъ съ жалкими лачугами возвышались ихъ великолѣпные палаццы, гдѣ все блестѣло серебромъ и золотомъ: роскошная мебель, картины, экипажи, лучшія вина — все выписывалось изъ-за-границы и все стоило чрезвычайно дорого, особенно вслѣдствіе прусскихъ пошлинъ. Паны раззорялись еще на ордена, на многочисленную дворню изъ шляхты, на содержаніе любовницъ, на пріемъ замѣчательныхъ почему либо иностранцевъ, на картежную игру, на обильные обѣды и балы. Радзивиллъ однажды далъ обѣдъ, на которомъ было до 4000 приглашенныхъ. Тотчасъ послѣ стола, въ четыре часа, начинались танцы, продолжавшіеся до полночи: тутъ особенно восхищала иностранцевъ польская мазурка, и имена лучшихъ тогдашнихъ танцоровъ и танцовщицъ сохранились для потомства. Вмѣстѣ съ этимъ шли отчаянныя попойки, и посламъ послѣ нихъ трудно было заниматься дѣлами на сеймѣ. Въ 1791-мъ году къ прежнимъ посламъ выбраны были еще новые, такъ что сеймъ состоялъ болѣе чѣмъ изъ 600 человѣкъ, а посѣщали собранія обыкновенно около 100 лицъ. Патріоты все думали о преобразованіяхъ, горячо говорили: «сбросимъ

оковы, забудемъ несогласія»; но большинство пословъ тянули дѣла, особенно когда приходилось поступиться какою-нибудь изъ привилегій шляхты. Ораторы на сеймѣ старались болѣе блеснуть своимъ красноречіемъ, сравнивали себя и своихъ пріятелей съ римлянами, сами восхваляли свое безкорыстіе. Въ преніяхъ по разнымъ вопросамъ безпрестанно отклонялись отъ дѣла, занимаясь посторонними предметами и большею частью мелочами. Такъ споръ о налогѣ шкурами продолжался цѣлыхъ двѣ недѣли. Но этотъ налогъ оказался совершенно неудачнымъ. Казна могла продавать собранныя шкуры лишь гуртомъ; но бѣдные ремесленники не въ состояніи были покупать много. Шкуры гнили и портились. Скупщики-евреи возвышали имъ цѣну, такъ что сапожный товаръ страшно вздорожалъ и вмѣстѣ сталъ плохимъ, между тѣмъ обувь нужна была и для войска. Другія постановленія сейма также не удавались. Вмѣсто 10 проц. со своихъ имѣній помѣщики не давали и 3-хъ, показывая свой доходъ вчетверо и впятеро меньшимъ. Рекрутъ собрали съ трудомъ, ловя ихъ обыкновенно на дорогѣ, и плохо содержали: они разбѣгались и грабили. Все, что требовалось лично отъ помѣщиковъ на содержаніе войска, они налагали на крестьянъ. Тогда множество народа бѣжало за-границу, особенно въ Галицію. Не даромъ одинъ посолъ сказалъ на сеймѣ: «Ахъ, еслибы раскрылись наши сердца, какими чудовищами показались бы мы другъ другу!»

Однако патріоты продолжали свое дѣло. Выборъ новыхъ пословъ собственно назначенъ былъ для того, чтобы провести на сеймѣ мысль о наслѣдственномъ правленіи, которая тогда сильно занимала патріотовъ. Но на сеймикахъ не рѣшились прямо объявить, зачѣмъ выбираются послы, а предложили только наслѣдникомъ королю Станиславу саксонскаго князя, Фридриха-Августа. Шляхта стала бы крѣпко стоять за свое право избирать королей; но, чтобы отклонить вмѣшательство иностранныхъ державъ, всѣ были согласны назначить наслѣдника Станиславу. Однако до 5 сеймиковъ высказались и за наслѣдственное правленіе. По пріѣздѣ въ Варшаву новыхъ пословъ начались болѣе рѣшительныя преобразованія. Предложили даже казнить смертію того, кто будетъ уличенъ въ подкупѣ, въ полученіи жалованья отъ иностранныхъ державъ. Особенный восторгъ произвела представленная на театрѣ драма Нѣмцевича: «Возвращеніе посла». Тутъ выведена была борьба между приверженцами старины и новыхъ порядковъ; одно изъ дѣйствующихъ лицъ, защитникъ старыхъ шляхетныхъ вольностей, такъ высказывается противъ наслѣдственнаго правленія: «Кому отъ этого польза? Король сегодня умеръ, а завтра сынъ его вступилъ на пре-

столъ,—и все спокойно! При выборѣ же каждый стоитъ за своего, всѣ садятся на коней и составляютъ партіи. Одинъ богатый панъ тянетъ меня къ себѣ, другой къ себѣ, и каждый даетъ или имѣніе, или деньги. Вотъ, человѣкъ и разживается. Правда, доходитъ и до драки, выжгутъ не одно село... да что за бѣда! придетъ иностранное войско, и все усмиритъ; а потомъ всѣмъ прощеніе, и раздаютъ должности, награды». Такъ патріоты и насмѣшками, и убѣжденіями старались привлечь пословъ на свою сторону. Поданъ былъ голосъ о томъ, чтобы даровать права мѣщанамъ. Подстрекнули одного изъ ярыхъ приверженцевъ старины, Сухоржевскаго, выступить на сеймѣ съ проэктомъ о такихъ правахъ. Это имѣло успѣхъ: уполномоченнымъ отъ городовъ разрѣшено участвовать на сеймѣ; мѣщане теперь избавлены были отъ суда пановъ, могли покупать земли съ крестьянами и черезъ то становиться шляхтичами. Когда состоялось это рѣшеніе, послы прямо изъ собранія отправились въ ратушу и записались въ мѣщанскія книги; короля и маршала Малаховскаго вся Варшава встрѣчала съ восторженными привѣтствіями. Начались пиры, гдѣ купцы и ремесленники, въ знакъ общенія, сидѣли рядомъ съ дворянами.

Послѣ всѣхъ этихъ частныхъ преобразованій, патріоты затѣяли объявить новую конституцію,—устройство, совершенно уничтожавшее всѣ рѣшенія сейма 1773—1775 гг. Оно состояло въ слѣдующемъ. Господствующей вѣрой признавалась по прежнему римскокатолическая; права шляхты и права городовъ подтверждались, какъ это было объявлено на прежнихъ собраніяхъ, но на сеймикахъ участвовали лишь лица, владѣвшія извѣстною поземельною собственностью. Власть магнатовъ ограничена и въ другихъ отношеніяхъ: сеймъ покровительствовалъ условіямъ, заключеннымъ панами съ крестьянами, и такія условія считались ненарушимыми; конфедераціи уничтожались; сеймъ объявленъ постояннымъ съ выборомъ пословъ на 2 года, и дѣла рѣшались на немъ большинствомъ голосовъ; королевская власть объявлена наслѣдственной. Основнымъ закономъ служили также цѣлость и неприкосновенность польскихъ границъ. Сеймъ дѣлился на 2 избы: сенаторскую и посольскую. Вся законодательная власть сосредоточивалась въ избѣ посольской; сенаторская могла останавливать ея рѣшенія лишь до слѣдующаго сейма. Исполнительная власть находилась въ рукахъ короля и стражи, состоявшей изъ министровъ. Король не былъ отвѣтственнымъ, но безъ стражи онъ не могъ ничего рѣшать, а стража отвѣчала передъ сеймомъ. Верховный судъ также принадлежалъ сейму. Главнымъ составителемъ этой конституціи былъ Коллонтай, но его мнѣнія раздѣляли: маршалъ Малаховскій, Нѣмцевичъ, Хребтовичъ, Игна-

тій и Станиславъ Потоцкіе, Сапѣга, Солтыкъ и другіе. Король также объявилъ себя за новую конституцію. Его плѣняли теперь возглашаемыя патріотами слова: «Король съ народомъ, народъ съ королемъ». Кромѣ того, запутанный въ долгахъ, онъ надѣялся своей уступчивостью пріобрѣсти отъ сейма необходимыя суммы и пристроить своихъ родственниковъ. Ко многому, что находилось въ новомъ устройствѣ, послы были уже подготовлены; но принять все разомъ, и особенно безъ долгихъ споровъ, они никакъ бы не согласились. Поэтому патріоты, составивъ заговоръ изъ 60 человѣкъ, рѣшились однимъ ударомъ покончить дѣло. Они воспользовались разъѣздомъ пословъ по случаю пасхи и, удержавъ въ Варшавѣ своихъ приверженцевъ, внесли проэктъ конституціи на сеймъ 3-го мая 1791-го года, когда послы еще не успѣли вернуться и собралось ихъ всего лишь 157 человѣкъ. Тутъ все было устроено напередъ. У замка, гдѣ происходило собраніе, разставлены войска; толпы народа наполняли сосѣднюю площадь и улицы. Въ залу засѣданія напущено было множество арбитровъ, постороннихъ посѣтителей, особенно изъ мѣщанъ, которые, конечно, стояли за преобразованія. Началось съ чтенія депешъ, нарочно подготовленныхъ отъ польскихъ посланниковъ при разныхъ дворахъ. Во всѣхъ ихъ извѣщалось о заговорахъ противъ Польши, о тайныхъ намѣреніяхъ приступить къ новому ея раздѣлу, хотя въ то время ничего подобнаго еще не было. Цѣль патріотовъ была запугать пословъ, чтобы они тотчасъ согласились на новое устройство. Кицинскій съ особенной яркостью представилъ картину русскаго вмѣшательства, уже испытаннаго поляками. Другіе болѣе щеголяли своимъ краснорѣчіемъ, своимъ гражданскимъ чувствомъ, сравнивая себя съ сынами Рима. Противъ конституціи говорили Ожаровскій, Четвертинскій, Сухоржевскій; но арбитры кричали, прерывая ихъ рѣчь на каждомъ словѣ. Особенной запальчивостью отличался Сухоржевскій: онъ привелъ въ собраніе своего шестилѣтняго сына и сказалъ, что предъ лицемъ пословъ убьетъ малютку, чтобы сынъ его не видѣлъ паденія шляхетской свободы. Присутствующіе вырвали изъ его рукъ ребенка. Когда ему не давали говорить, онъ бросился на полъ и, барахтаясь руками и ногами, сталъ ползти къ трону, умоляя короля даровать ему слово. Болѣе умѣренные замѣчали только, что они не уполномочены утверждать наслѣдственность престола, такъ какъ на сеймикахъ объ этомъ не было и рѣчи. Какъ бы то ни было, при всеобщихъ крикахъ: виватъ конституція!—новое устройство принято. Король присягнулъ ему и отправился съ послами въ костелъ. На улицѣ также привѣтствовали ихъ восторженные крики, хотя никто хорошенько не зналъ, въ чемъ дѣло. Изъ 157 пословъ до 69 были про-

тивниками конституціи 3-го мая, но дали на нее свое согласіе, видя всеобщее увлеченіе. Браницкій за нее распинался, хотя первый ковалъ противъ нея ковы. Изъ пословъ, пріѣхавшихъ потомъ, большинство тоже ее признали; недовольные же удалились въ свои имѣнія.

Тогда опять начались праздники, пиры. Устраивали иллюминаціи, пѣли пѣсни, украшались цвѣтами. «Это такое дѣло, восклицали поляки, котораго цѣлые вѣка дожидались». Всюду слышались, читались даже на дамскихъ лентахъ, все тѣже слова: «Король съ народомъ, народъ съ королемъ». Въ провинціи переворотъ принятъ былъ благопріятно. Патріоты дѣйствовали всѣми средствами: усердно раздавали деньги, ордена, пугали иностраннымъ нашествіемъ, увѣряли, что саксонскій князь согласился принять польскій престолъ послѣ Станислава, чѣмъ, казалось, обезпечивалась поддержка Германіи, возбуждали польскую гордость блескомъ совершеннаго дѣла. Много содѣйствовало успѣху конституціи 3-го мая, что въ Англіи, Франціи, Италіи и другихъ странахъ она заслужила одобреніе. Во всѣхъ городахъ Польши произносились праздничныя рѣчи, учреждались пиры, подобные варшавскимъ. Между тѣмъ на дѣлѣ все совершалось не такъ, какъ объ этомъ объявляли въ патріотическихъ возгласахъ. Скоро во всей Польшѣ начались смуты. Шляхта все не поступалась своими привилегіями и не думала исполнять договоровъ съ крестьянами, или и вовсе не хотѣла вступить съ ними въ какія либо сдѣлки. Крестьяне бѣгали отъ помѣщиковъ цѣлыми толпами. Мѣщанамъ даны на сеймѣ самосудъ и право голоса въ своихъ дѣлахъ; но многіе города и мѣстечки управлялись богатыми панами, и эти паны не признавали ни какихъ постановленій сейма, ограничивающихъ ихъ власть. Мѣщане ссылались на вновь изданный законъ, протестовали, приносили жалобы, но дѣло кончалось тѣмъ, что, по просьбѣ пановъ, начальники военныхъ командъ расправлялись съ ними, какъ съ бунтовщиками. Многочисленныя жалобы и всеобщія смуты напугали сеймъ, и онъ издалъ приказаніе, чтобы горожане и крестьяне оставались покорными прежней власти. Такимъ образомъ на первыхъ же порахъ уничтожались столь восторженно принятые законы. Потомъ сеймъ началъ всячески ограничивать права короля, и иностранцы только дивились непостоянству поляковъ. Но скоро поднялась гроза, предъ которой Польша не могла устоять при всѣхъ своихъ патріотическихъ стремленіяхъ, столь поздно и неудачно примѣнявшихся къ дѣлу.

Второй раздѣлъ Польши и возстаніе патріотовъ.

Во время переворота 1791-го года Булгаковъ еще щедрѣе другихъ угощалъ польскихъ пановъ и ничѣмъ не высказывалъ своего неудовольствія, какъ совсѣмъ посторонній зритель. Но вотъ въ концѣ 1791-го года, заключенъ былъ миръ Россіи съ турками, и поляки поспѣшили, уже черезъ восемь мѣсяцевъ, представить Булгакову оффиціальное сообщеніе о совершившемся переворотѣ, выражая надежду, что русская императрица одобритъ его, какъ такое дѣло, которое обезпечиваетъ порядокъ въ Польшѣ. Булгаковъ едва замѣтилъ, что сообщеніе подано нѣсколько поздно, но объявилъ, что ничего не можетъ сказать, пока не получитъ отвѣта изъ Петербурга. Прошелъ мѣсяцъ, другой—отвѣта не было, и поляки уже начинали тревожиться. Все еще питая надежду на прусскаго короля, они не разъ обращались къ Люккезини, который опять прибылъ посломъ въ Варшаву. Этотъ вилялъ по обычаю: то говорилъ, что нельзя надѣяться на союзы, и прусскій король не обязанъ поддерживать конституціи 3-го мая; то совѣтывалъ полякамъ во всемъ положиться на прусскаго короля и продолжалъ возбуждать ихъ противъ Россіи. Между тѣмъ уже заключенъ былъ союзъ между Россіей, Пруссіей и Австріей о новомъ раздѣлѣ Польши. Дѣло произошло такимъ образомъ. Когда во Франціи революція шла все дальше въ ограниченіи власти короля, Людовика XVI-го, и наконецъ стала грозить его престолу, Пруссія съ Австріей рѣшились защищать его и объявить Франціи войну: какъ ни враждовали эти государства между собою, опасенія, какія возбуждала Франція, ихъ сблизили. Въ Австріи послѣ Іосифа II императоромъ былъ Леопольдъ, наклонный къ миру и очень дружелюбный къ полякамъ; но послѣ него вступилъ на престолъ Францъ II, который искалъ новыхъ завоеваній. Не имѣя видовъ на Польшу, онъ хотѣлъ пріобрѣсти Баварію и другія земли на западѣ. Но Пруссія не могла иначе вознаградить себя, какъ на счетъ Польши. И вотъ Австрія, разсчитывая на помощь Пруссіи, поневолѣ должна была согласиться на такое вознагражденіе. Но этого невозможно было сдѣлать безъ согласія Россіи. Екатерина, имѣя свои виды на Польшу, всячески старалась побудить Пруссію и Австрію къ тому, чтобы онѣ оружіемъ утвердили власть французскаго короля. Она одобряла переворотъ, происшедшій во Франціи, пока эту власть съ королемъ раздѣляло дворянство; когда же средній классъ, а потомъ и народъ сталъ требовать себѣ равнаго съ дворянами права на участіе въ дѣлахъ, и начались безпорядки,

слѣдствіемъ которыхъ было изгнаніе изъ Франціи многихъ дворянскихъ фамилій, то Екатерина горячо возстала противъ новыхъ французскихъ учрежденій. Однако въ сущности ей мало было заботы о томъ, что дѣлалось во Франціи, какъ странѣ, слишкомъ отдаленной отъ Россіи. Она гораздо больше боялась Австріи и Пруссіи, и всѣми средствами старалась втянуть ихъ въ войну съ Франціей, чтобы такимъ образомъ онѣ развязали ей руки.

Обстоятельства сложились такъ, что обѣ державы сами стали искать союза съ Россіей. Едва Екатерина выразила свое неодобреніе конституціи 3-го мая, какъ Пруссія приступила къ мысли о новомъ раздѣлѣ Польши. Она тутъ имѣла двѣ выгоды: пріобрѣтала новыя земли и вмѣстѣ помощь отъ Россіи въ войнѣ съ французами, хотя съ другой стороны не могла воспрепятствовать расширенію русскихъ границъ. Австрія же охотно соглашалась на раздѣлъ Польши между Пруссіей и Россіей, надѣясь съ помощью этихъ державъ пріобрѣсти другія, лучшія земли. Притомъ она также предпочитала ослабить Польшу, ограничить ее въ тѣсныхъ предѣлахъ, чѣмъ видѣть ее сильною подъ вліяніемъ Пруссіи или Россіи. Но раздѣлъ былъ еще впереди: покамѣстъ дѣло шло объ уничтоженіи конституціи 3-го мая. Екатерина опять приняла на себя трудъ устроить все дѣло, и, какъ было прежде, сами поляки помогли ей. Уже послѣ конституціи 3-го мая Щенсный Потоцкій, Ржевускій и нѣкоторые другіе изъ магнатовъ удалились въ Вѣну и тамъ стали замышлять противъ новыхъ польскихъ порядковъ. Щенсный Потоцкій былъ человѣкъ добрый, но недальняго ума. Если онъ что и дѣлалъ для народа, для польской независимости, то всетаки не забывалъ своего панскаго величія и горячо отстаивалъ старинныя права шляхты. Во время свиданія въ Кіевѣ, Екатерина навсегда умѣла привлечь его къ себѣ, сказавъ, что лишь отъ него одного можно ждать Польшѣ спасенія. Ржевускій былъ образчикъ поляка, способнаго увлекаться, чѣмъ угодно, и въ своемъ увлеченіи ничего не видѣть. Онъ сначала слылъ отчаяннымъ противникомъ Россіи, и больше всѣхъ кричалъ о московскомъ насиліи; но послѣ конституціи 3-го мая сталъ искать спасенія Польши только отъ русскихъ. Эти лица въ 1792-мъ году являются въ Петербургѣ, замышляя съ помощью русскаго войска составить конфедерацію для возстановленія старыхъ польскихъ порядковъ, но, конечно, ничего не зная о предполагаемомъ раздѣлѣ, о которомъ державы тогда еще и не условились окончательно. Къ нимъ присоединился и Браницкій, который, будтобы по случаю смерти Потемкина, выпросился въ отпускъ изъ Варшавы, давъ королю клятву сохранять вѣрность конституціи 3-го мая. Въ тоже время Булгаковъ

извѣщалъ изъ Варшавы, что въ числѣ самыхъ сеймовыхъ пословъ найдется до 90 лицъ, преданныхъ Россіи. Изъ предъидущаго видно, что новая смута въ Польшѣ началась бы, еслибы Россія и не вмѣшивалась въ дѣла ея, но тогда всѣми выгодами воспользовались бы лишь Пруссія и Австрія.

До Варшавы скоро достигли слухи о заговорѣ, замышляемомъ въ Петербургѣ. Но поляки безпечно пировали, въ надеждѣ на прусскаго короля. Надежды эти не сбывались. Въ Берлинѣ польскому послу уже прямо объявили, что прусскій король не обязанъ защищать конституцію 3-го мая. Между тѣмъ саксонскій князь далъ сейму знать, что онъ не можетъ принять польскаго престола безъ согласія сосѣднихъ державъ, и, въ случаѣ принятія, требовалъ измѣненій въ конституціи: такъ онъ хотѣлъ, чтобы войско вполнѣ отъ него одного зависѣло. Патріоты были поражены: они уже распространили на сеймикахъ извѣстіе о согласіи князя принять польскій престолъ, не взявъ во вниманіе, что саксонскій князь не имѣлъ наслѣдниковъ, кромѣ одной дочери; польскій престолъ достался бы тому, кто будетъ выбранъ ей мужемъ; а при этомъ выборѣ началась бы прежняя борьба партій. Въ этихъ печальныхъ обстоятельствахъ годовщину 3-го мая всетаки отпраздновали съ большимъ торжествомъ и очень весело. Прошло еще двѣ недѣли, и Булгаковъ наконецъ подалъ сейму декларацію, то есть объявленіе въ отвѣтъ на бумагу, въ которой сеймъ извѣщалъ о конституціи 3-го мая. Въ деклараціи говорилось, что новый сеймъ во зло употребилъ довѣріе шляхты, устроивъ монархическое правленіе ко вреду старой польской свободы. Далѣе исчислялись вины противъ Россіи: нарушеніе прежней гарантіи, притѣсненія православныхъ, оскорбительныя выраженія, какія произносились противъ русскихъ на сеймѣ, тайный союзъ съ Турціей, и проч. Въ заключеніе было сказано, что императрица склонилась на просьбу многихъ благомыслящихъ поляковъ и рѣшилась подать имъ помощь для возстановленія старинныхъ польскихъ учрежденій; поэтому и надѣется, что всѣ, кому дорого спокойствіе отечества, присоединятся къ ихъ партіи. Послѣ такого объявленія полякамъ больше ничего не оставалось, какъ вооружаться. Король вмѣстѣ съ патріотами опять обратились съ просьбою о помощи къ Пруссіи, къ Саксоніи, къ Австріи. Всѣ эти державы не дозволили даже провозить въ Польшу оружіе изъ ихъ предѣловъ. Многіе изъ патріотовъ не жалѣли пожертвованій; болѣе бѣдные изъ нихъ жертвовали, кто что могъ: оружіе, скотину, домашнее серебро. Собирали охотниковъ и воинскія команды, бывшія у разныхъ пановъ. Но все это, какъ и прежде, далеко не доказывало общаго

одушевленія: народу да и безземельной шляхтѣ было все равно, отъ кого бы ни зависѣть. Остальная же шляхта еще могла разсчитывать на льготы отъ новой конфедераціи. Охотниковъ не успѣли обучить; они не имѣли порою даже обуви. Вообще все войско было плохо одѣто и вооружено. Мѣстами не доставало даже пороху, не говоря про другіе военные запасы. Въ литовскомъ войскѣ, хоторое должно было оберегать Польшу со стороны русской границы, считалось всего 10000 человѣкъ съ десятью пушками. Уже послѣ декларации надумали строить въ Вильнѣ новый литейный заводъ и выписывать пушки изъ Англіи. Исключая Костюшки, у поляковъ не было ни одного порядочнаго военачальника. При такихъ обстоятельствахъ русскія войска вступили въ Польшу.

Изъ Бессарабіи двинулось въ южныя предѣлы Польши до 64000 человѣкъ подъ начальствомъ Каховскато и въ тоже время въ Литву до 32000 подъ начальствомъ Кречетникова. По мѣрѣ движенія впередъ русскіе должны были устраивать въ разныхъ городахъ частныя конфедераціи, которыя потомъ слились бы въ одну подъ начальствомъ главной или генеральной конфедераціи. Эта главная конфедерація, подъ управленіемъ Щенснаго Потоцкаго, находилась при войскѣ Каховскаго и въ первый разъ устроилась въ мѣстечкѣ *Торговицѣ*, въ нынѣшней Подольской губерніи, отъ того и извѣстна подъ именемъ *Торговицкой* конфедераціи. Рядомъ со Щенснымъ Потоцкимъ, какъ начальники будущихъ польскихъ войскъ конфедераціи, находились при ней Браницкій и Ржевускій. Двигаясь за русскими войсками внутрь страны и устраивая частныя конфедераціи въ главныхъ городахъ, торговичане въ тоже время разсылали по всей Польшѣ постановленія: чтобы всѣ прежніе суды и присутственныя мѣста уничтожались, признавая лишь судъ конфедераціи и властей, отъ нея постановленныхъ, чтобы всѣ подати и пожертвованія отнынѣ вносились въ ея казну, чтобы всѣ лица, не желавшія потерять своего имѣнія въ двухмѣсячный срокъ, присягали ей на вѣрность, и проч. Шляхту конфедерація привлекала тѣмъ, что возстановила старинныя, болѣе легкія подати и уничтожила законъ о продажѣ королевщинъ, какъ и другія постановленія конституціи 3-го мая.

Польская армія, выставленная противъ Каховскаго, въ числѣ около 40000 чел., находилась подъ главнымъ начальствомъ племянника короля, Іосифа Понятовскаго. Изъ второстепенныхъ ея начальниковъ видное мѣсто занималъ только Костюшко. Сынъ небогатаго шляхтича, онъ въ числѣ первыхъ кончилъ курсъ наукъ въ корпусѣ Чарторыскаго въ Варшавѣ и, для довершенія образованія, отправленъ былъ

на казенный счетъ во Францію, гдѣ и усвоилъ себѣ новые взгляды энциклопедистовъ. Ему тѣмъ легче было проникнуться сочувствіемъ къ народу, что въ юности онъ самъ видѣлъ жестокости пановъ, страшное украинское возмущеніе и послѣдовавшія за тѣмъ казни. Возвратившись въ Польшу, онъ долженъ былъ вести жалкую жизнь при дворѣ одного богатаго пана, полюбилъ его дочь и тутъ испыталъ на себѣ всю панскую гордыню. Когда любившая его дѣвушка предпочла ему знатнаго жениха, огорченный Костюшко оставилъ Польшу и отправился въ Америку сражаться противъ англичанъ за независимость сѣвероамериканскихъ штатовъ. Отличившись въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, онъ получилъ славный въ то время орденъ Цинцината и вернулся въ Польшу, чтобы защищать ея свободу. Товарищи Костюшки по оружію были ничтожные люди, которые только ссорились между собою и съ Понятовскимъ, помогая непріятелю. Самъ Іосифъ Понятовскій принималъ на себя видъ строгаго, взыскательнаго военачальника, но не умѣлъ толково распоряжаться. По польскому обычаю, въ его лагерѣ шли шумные пиры съ картежной игрою, съ пѣснями. Къ войску ждали и короля, которому сеймъ поручилъ всѣ распоряженія; но Станиславъ не только не пріѣзжалъ, а напротивъ безпрестанно посылалъ совѣты Понятовскому избѣгать сраженій съ русскими. Но поляки и безъ того не могли утвердиться ни въ одномъ укрѣпленномъ мѣстѣ, благодаря нераспорядительности своихъ начальниковъ. Русскія войска окружили бы ихъ и совсѣмъ истребили, если бы Костюшко своими искусными движеніями не удерживалъ непріятеля. Всетаки въ нѣсколькихъ мѣстахъ задніе отряды были настигнуты и въ прахъ разбиты. Поляки бросили Полонное (въ Волынской губерніи), гдѣ у нихъ были огромные запасы, оставили укрѣпленный Острогъ. Каховскій скоро достигъ Дубна и Владиміра Волынскаго. Русскимъ войскамъ много помогало православное населеніе края. Наконецъ они перешли Бугъ и тутъ произошла битва съ Костюшкою. Поляковъ было до 10000 чел., русскихъ 19000. Русскіе одновременно выставили батареи противъ средины польскаго войска и напали на его фланги. На флангахъ, потерявъ начальниковъ, они были помяты непріятелемъ; но артиллерія, какой у поляковъ почти не было, ихъ выручила. Сраженіе кончилось тѣмъ, что поляки въ безпорядкѣ отступили въ лѣсъ; но побѣда досталась намъ дорого. Послѣ этого Каховскій безъ сопротивленія занялъ Люблинъ и наконецъ соединился съ Кречетниковымъ въ Брестѣ, гдѣ утвердилась и конфедерація. Русское войско, дѣйствовавшее со стороны Литвы, кончило дѣло еще быстрѣе. Вильно, Минскъ, Несвижъ, Гродно, Брестъ заняты почти безъ сопротивленія. Православное населеніе и здѣсь сочувствовало

русскимъ; паны въ страхѣ тысячами присоединились къ конфедераціи, утѣшая себя тѣмъ, что они дѣйствуютъ по принужденію и слѣдовательно оправданы въ глазахъ отечества. Въ Варшавѣ король волновался, метался, не зная, что дѣлать. Іосифъ Понятовскій предлагалъ ему продолжать войну, и если онъ боится гнѣва Екатерины, то пусть дастъ себя похитить: его будутъ держать въ войскѣ, какъ будто по принужденію. Патріоты предлагали ему въ крайности уѣхать изъ Польши. Онъ ни на что не рѣшался. Онъ по прежнему весь зависѣлъ отъ женщинъ, съ которыми сближался. До сихъ поръ его возлюбленная, Грабовская, возбуждала въ немъ патріотическія чувства: не требуя отъ него денегъ, она сама жертвовала, что имѣла, на общее дѣло. Теперь онъ ее бросилъ, плѣнившись француженкой, дѣвицей Люлли, для которой нужны были и брильянты, и роскошная обстановка. Онъ раззорялся на нее, тратя деньги, которыя были ему ввѣрены отъ казны на войско. Патріоты въ крайности уже соглашались на союзъ съ Россіей, готовы были принять отъ Екатерины всякое правленіе, только бы она не отдавала ихъ на жертву конфедератамъ. Обманувшись въ прусскомъ королѣ, они теперь пылали къ нему крайнимъ негодованіемъ и уже мечтали отомстить ему съ помощью русскихъ. Король писалъ Екатеринѣ письма, оправдывая себя всѣми способами и дѣлая предложенія о союзѣ, о томъ, чтобы наслѣдникомъ польскаго престола былъ великій князь Константинъ Павловичъ. Екатерина отвѣчала, что требуетъ прежде всего подчиненія конфедераціи. Нечего было дѣлать: король собралъ совѣтъ, и большинствомъ осьми голосовъ противъ пяти рѣшено покориться. Польское войско распущено; всѣ генералы должны были выйти въ отставку. Конфедераты образовали новое, преданное имъ, войско, уменьшивъ число его. Маршалъ Малаховскій, Сапѣга, Игнатій Потоцкій прощались съ Варшавою. Толпа носила ихъ на рукахъ, грозя смертью королю, который сидѣлъ, запершись, въ своемъ замкѣ. Они уѣхали въ Дрезденъ. Вслѣдъ за ними тудаже скоро отправились Коллонтай и Костюшко.

Теперь конфедераты забрали всю власть въ свои руки. Большинство пановъ спокойно ждали, на чьей сторонѣ будетъ сила; другіе спѣшили пристать къ конфедераціи, присвоивъ себѣ собранныя подати: этимъ они надѣялись избѣжать отвѣтственности. Надо знать, что тогда выплыло на свѣтъ много темныхъ личностей: всякіе шулера, казнокрады, выгнанные изъ службы подъячіе. Всѣ наперерывъ старались снискать милость конфедератовъ доносами. Сиверсъ, бывшій послѣ Булгакова посломъ въ Польшѣ, говоритъ, что конфедерація

вначалѣ принесла пользу Россіи, но потомъ много ей повредила жестокими насиліями и неправдами, которыя приписывали русскимъ. Ея предводители, исключая Щенснаго Потоцкаго, думали только о личныхъ выгодахъ. Между тѣмъ это, безъ сомнѣнія, была партія, которой сочувствовало большинство шляхты. Конституцію 3-го мая признавали отчасти по увлеченію, довѣрившись патріотамъ, что они однимъ этимъ дѣломъ уже спасли Польшу, отчасти изъ ненависти къ русскимъ. Но мы уже видѣли, какъ исполнялись ея рѣшенія. Сами патріоты больше говорили, чѣмъ дѣлали; они точно также возлагали всю надежду на прусское войско, а своего не устроили. Отъ того, при первомъ ударѣ, все ихъ зданіе разлетѣлось прахомъ.

По своему мягкосердечію, король уже мирился съ конфедератами. Узнавъ, что они устроились въ Брестъ-Литовскѣ, онъ сказалъ: «Жаль, тамъ мѣсто такое нездоровое». Но ему пришлось вынести отъ нихъ не мало униженій. Щенсный Потоцкій обращался съ нимъ высокомѣрно, дѣлалъ ему нотаціи, какъ школьнику, за прежнюю преданность патріотамъ. Отъ него требовали, чтобы, приставая къ конфедераціи, онъ осуждалъ, какъ измѣнниковъ, прежнихъ друзей своихъ. Король только плакалъ, доходя чуть не до помѣшательства. Всячески черня своихъ противниковъ, конфедераты объявили, что патріоты посѣяли въ Польшѣ вредныя, разрушительныя ученія, отъ которыхъ гибнетъ государство; возстановляя старое благочестіе, конфедераты теперь предписывали строгое исполненіе религіозныхъ обрядовъ, запрещали музыку въ постъ, и проч. Этимъ обвиненіемъ они однако дали отличное орудіе сосѣднимъ державамъ, чтобы оправдать раздѣлъ Польши; прусскій король, когда вводилъ въ нее войска свои, объявлялъ, что ему нужно позаботиться о безопасности своихъ владѣній, «такъ какъ вся Польша отравлена якобинскимъ ядомъ» (якобинцы во Франціи были республиканцы, противники королевской власти). Между тѣмъ русскія войска заняли Варшаву, и въ ней опять начались пиры и праздники.

Въ это время Пруссія уже совершила походъ противъ Франціи; ея войска вторглись во французскіе предѣлы и вернулись съ величайшимъ стыдомъ, частію разбитыя, частію страдая жестокимъ поносомъ. Предпринять новый походъ Пруссія соглашалась не иначе, какъ получивъ достаточное вознагражденіе на счетъ Польши, и чѣмъ больше она выставитъ войска для войны съ французами, тѣмъ больше должна была получить земель. Объ этомъ начались переговоры, и въ январѣ 1793-го года состоялось соглашеніе, по которому Пруссія могла ввести войска свои въ Польшу. Дѣлежъ долженъ былъ произойти такимъ

образомъ. Пруссія пріобрѣтала Данцигъ и Торнъ, Познань и такъ называемую Великую Польшу съ городами Калишемъ, Ченстоховымъ, Петрковымъ, Плоцкомъ. Къ Россіи присоединялись нынѣшнія Подольская, Волынская и Минская губерніи, по границѣ къ югу отъ Динабурга почти прямою линіею мимо Пинска и далѣе до Каменецъ-Подольска. Это рѣшеніе до поры до времени сохранялось въ величайшей тайнѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Польшу назначены были новыя лица. Каховскій удаленъ, и оба войска соединились подъ властію Кречетникова; въ Варшаву же опредѣленъ военачальникомъ Игельстромъ, которому Екатерина поручила незамѣтно, подъ благовиднымъ предлогомъ, распредѣлить войска въ земляхъ, отходящихъ къ Россіи. Въ Варшавѣ и ея окрестностяхъ также помѣщались войска. Во все время пребыванія русскихъ войскъ въ Польшѣ, за ихъ продовольствіе русскіе платили не деньгами, а квитанціями, откладывая уплату по этимъ квитанціямъ на будущее время. Конфедераты жаловались также на буйства казаковъ, на то, что начальники берутъ фуражъ, тогда какъ русскіе солдаты и безъ того кормятся по квартирамъ, и проч. Теперь дѣло шло о созваніи сейма, который бы утвердилъ раздѣлъ. Для этого Екатерина замѣнила Булгакова Сиверсомъ, который своею твердостью, спокойствіемъ, дальновиднымъ умомъ при кажущемся простодушіи, былъ наиболѣе способнымъ къ этому дѣлу. Екатерина объяснила ему, почему необходимъ раздѣлъ. Во первыхъ, вожди конфедераціи, какъ она ихъ узнала, столь же мало способны устроить въ Польшѣ какой нибудь порядокъ, какъ и прежніе патріоты, а между тѣмъ въ Варшавѣ, по образцу Франціи, заводятся якобинскія собранія (такія собранія, если и существовали, то были совсѣмъ ничтожны; напротивъ вся Варшава, послѣ конституціи 3-го мая выказывала полное сочувствіе королю). Поэтому нѣтъ надежды имѣть въ Польшѣ спокойнаго и безопаснаго сосѣда. Во вторыхъ, нельзя больше удерживать прусскаго короля, который, во чтобы то ни стало, хочетъ захватить часть Польши: если ему отказать, онъ все равно сдѣлаетъ нападеніе, и тогда придется вести съ нимъ счеты. Сиверсъ пріѣхалъ въ Варшаву, когда прусскій король уже объявилъ о вступленіи своихъ войскъ въ предѣлы Польши. Варшава встрѣтила русскаго посланника со страхомъ и печальнымъ предчувствіемъ. Тогда же всѣхъ поразила вѣсть о казни Людовика XVI-го въ Парижѣ. Казалось, уже теперь не пощадятъ Польши, которую обвиняли въ якобинствѣ. Скоро Сиверсъ показалъ, что не думаетъ церемониться съ конфедератами. Когда, по случаю вступленія прусскихъ войскъ, они объявили о всеобщемъ вооруженіи поляковъ, то русскій посланникъ далъ имъ строгій выговоръ и

прямо приказалъ, чтобы они не начинали смуты и не дозволяли польскимъ войскамъ передвигаться. Конфедераты принуждены были покориться какъ этимъ, такъ и другимъ его требованіямъ. Сеймъ назначенъ былъ въ Гродно, потому что считали неудобнымъ открыть его въ Варшавѣ, гдѣ народъ слишкомъ горячо стоялъ за конституцію 3-го мая. Сиверсъ сталъ приглашать короля ѣхать въ Гродно. Станиславъ упирался всѣми силами. Онъ оправдывался, что всѣ перемѣны въ Польшѣ произошли отъ интригъ Браницкаго, жаловался на свое униженіе, говорилъ, что теперь не имѣетъ никакой власти и безполезенъ на сеймѣ, что у него нѣтъ и денегъ, съ чѣмъ бы подняться. Дѣйствительно, долги короля были громадные: одному только банкиру, который отчасти изъ за него раззорился, онъ долженъ былъ болѣе полутора милліона червонцевъ. Сиверсъ всѣми средствами понуждалъ его ѣхать. Онъ старался устроить такъ, чтобы кредиторы налегли на короля, и въ тоже время обѣщалъ ему, что вопросъ о его долгахъ будетъ поднятъ на сеймѣ. Король опасался обидъ отъ конфедератовъ, намекалъ и о позорѣ, какой ему готовился, если его принудятъ утвердить раздѣлъ Польши. Сиверсъ успокаивалъ его, что его личности будетъ оказано полное уваженіе, что насильно его ни къ чему не принудятъ и что сеймъ собирается лишь для необходимыхъ въ государствѣ улучшеній. Екатерина написала ему также нѣсколько писемъ и требовала, чтобы онъ ѣхалъ на сеймъ. Король плакалъ, отговаривался дурной погодой, потомъ тѣмъ, что говѣетъ. Наконецъ онъ выѣхалъ изъ Варшавы, получивъ 20000 червонцевъ отъ русскаго посланника; но безпрестанно останавливался на пути въ помѣстьяхъ у разныхъ пановъ, пока наконецъ не прибылъ въ Бѣлостокъ, гдѣ и зажилъ на долго. Сиверсъ уже давно былъ въ Гродно и здѣсь угощалъ конфедератовъ, раздавалъ деньги, обѣщалъ земли въ награду, собирая себѣ приверженцевъ. Между тѣмъ уже никто не сомнѣвался въ предстоящемъ раздѣлѣ Польши. Щенсный Потоцкій поѣхалъ хлопотать въ Петербургъ, надѣясь отклонить грозящую бѣду; Ржевусскій вновь сталъ горячимъ противникомъ Россіи. Въ концѣ марта все объяснилось. На Волыни, въ Полонномъ, Кречетниковъ объявилъ манифестъ о подданствѣ Россіи земель, назначенныхъ ей по раздѣлу. Въ этомъ, разосланномъ повсюду объявленіи, причинами раздѣла выставлены притѣсненія православныхъ и мятежный духъ, занесенный въ Польшу изъ Франціи; жителямъ, которыхъ Кречетниковъ уже называетъ соотчичами, обезпечены имущество, безопасность и права русскихъ подданныхъ; кто не захотѣлъ бы дать присяги на подданство, можетъ, въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ, продавъ свое имѣніе, выѣхать изъ края. Въ тоже

время въ частяхъ, отходившихъ къ Пруссіи, опубликовано отъ имени прусскаго короля подобное же объявленіе. Въ немъ сказано, что ограничить предѣлы Польши необходимо вслѣдствіе зловредныхъ замысловъ поляковъ, духа несогласій и смутъ, господствующаго между ними, ихъ страсти къ безпорядкамъ, и проч.,—что прусскій король радѣетъ лишь о спасеніи Польши и приглашаетъ жителей съ охотою подчиниться его власти. Въ то время Данцигъ и Торнъ уже были взяты пруссаками, и войска ихъ заняли всю Великую Польшу.

Съ своей стороны Сиверсъ представилъ конфедераціи ноту, въ которой объяснялъ, что самое присоединеніе къ конфедераціи доказывало неискренность поляковъ: ненависть къ Россіи, упорное сопротивленіе русскимъ войскамъ, мѣстами дурное съ ними обхожденіе обольщенной черни, а особенно «противуестественное сумасбродство народа, стоящаго на краю гибели, которое выразилось въ адскомъ ученіи якобинцевъ, извергающихъ ядъ,»—все это вынуждаетъ дать Польшѣ предѣлы приличныя государству средняго размѣра, и такимъ образомъ облегчить способы устроить въ ней мудрое правленіе. Сиверсъ глубоко презиралъ конфедератовъ и не пропустилъ случая бросить имъ въ глаза ихъ же доводы. Конфедераты протестовали, увѣряя, что вся Польша признала ихъ власть и безпорядковъ болѣе нѣтъ, а еслибы и случились, то они всегда съумѣютъ водворить спокойствіе, что сама императрица, призывая ихъ, ручалась за цѣлость Польши, безъ чего они никогда не вступили бы въ союзъ съ Россіей. Особенно горячился Ржевусскій. Екатерина приказала Сиверсу не насиловать ни чьихъ чувствъ, а продолжать свое дѣло съ помощью приверженцевъ, какихъ онъ найдетъ. И дѣйствительно, ему не трудно было набрать усердныхъ себѣ помощниковъ, какъ, напримѣръ, епископъ Коссаковскій съ братьями, Ожаровскій, начальникъ польскихъ войскъ, Пулавскій, епископъ Масальскій, Забѣлло, Анквичъ, Билинскій и многіе другіе. Эти люди для денегъ и выгодъ готовы были на все, что угодно, и получали огромное жалованье отъ русскаго посланника. Другіе служили ему, желая сохранить свои имѣнія, находившіяся въ частяхъ Польши, которыя отходили къ Россіи или Пруссіи; но были и такіе, что въ подданствѣ Россіи видѣли одно спасеніе для Польши. Что касается выбора, кому принадлежать, еслибы пришлось потерять свою самостоятельность, то почти всѣ безъ исключенія предпочитали лучше зависѣть отъ Россіи, чѣмъ отъ Пруссіи.

Однако нужно было подписать объявленіе о выборахъ на сеймъ, а это долженъ былъ сдѣлать король, отъ имени котораго сеймъ

собирался. Станиславъ продолжалъ жить въ Бѣлостокѣ: онъ переговаривался съ шведскимъ посланникомъ, ожидалъ помощи отъ Австріи, которая уже съ завистью начинала смотрѣть на пріобрѣтенія Пруссіи. Сиверсъ послалъ ему ноту, врученную имъ конфедератамъ. Король отвѣчалъ ему: «Я ничего не могу вамъ выразить, кромѣ глубокаго чувства страданія, какое испытываю въ эту минуту». — «Пріѣзжайте, писалъ Сиверсъ, вылейте эти страданія на сочувственную вамъ грудь». Король еще долго мѣшкалъ; наконецъ пріѣхалъ въ Гродно въ концѣ апрѣля. Онъ уже на все соглашался. «Еслибы уплатили мои долги, говорилъ онъ Сиверсу, и дали немного на содержаніе, я готовъ бы сложить корону». Сиверсъ сказалъ ему, какую сумму онъ могъ бы получить на уплату долговъ и на жизнь. Король тотчасъ высчиталъ, сколько ему можетъ остаться. «Это 80000 червонцевъ! радостно вскричалъ онъ: да это болѣе чѣмъ достаточно, чтобы прожить въ Римѣ... право, поѣдемте въ Италію, тамъ будемъ счастливы». Сиверсъ довольно сухо принялъ такое чувствительное заявленіе. Дѣло въ томъ, что въ видахъ Екатерины еще вовсе не было, чтобы король отказывался отъ престола. Конфедерація рѣшила о созваніи сейма и потомъ представила королю о необходимости устроить выборы. Она, послѣ многихъ протестовъ, покорилась требованію Сиверса, оправдываясь тѣмъ, что иначе не будутъ уплачены деньги по квитанціямъ за содержаніе русскаго войска. Король съ великою горестью подписалъ это рѣшеніе. Сеймики устраивались, какъ и прежде, знатными панами и выбирались послами тѣ, кого они желали. Разница лишь въ томъ, что теперь эти паны были на жалованьи Россіи, и всѣ издержки выборовъ русскій посланникъ взялъ на себя, напередъ составивъ списокъ пословъ, которыхъ должно было выбрать.

Однако не все устроилось такъ, какъ предполагалъ Сиверсъ. Въ число пословъ проскользнуло нѣсколько патріотовъ, приверженцевъ конституціи 3-го мая. Что касается Ржевусскаго, то онъ совсѣмъ устранилъ себя отъ дѣла и не принялъ никакихъ лестныхъ предложеній Сиверса. Послы наконецъ собрались въ Гродно. Русскій посланникъ угощалъ ихъ, взялъ на себя все ихъ содержаніе, платя кромѣ того каждому жалованье. На сеймъ должно было представить русскую и прусскую ноты о раздѣлѣ Польши. Послѣ того послы выбирали изъ своей среды повѣренныхъ, или делегацію, для переговоровъ съ посланниками Россіи и Пруссіи на основаніи поданныхъ нотъ. Что делегація рѣшала, то сеймъ утверждалъ. Такой

назначенъ былъ порядокъ дѣла. Само собой разумѣется, что съ большинствомъ уже напередъ все было условлено, и Сиверсъ надѣялся, что въ какую нибудь недѣлю—двѣ ноты будутъ приняты и утверждены сеймомъ. Не то случилось. Началась отчаянная борьба, въ которой Сиверсъ, даже помимо наставленія Екатерины, нашелъ нужнымъ прибѣгнуть къ очень крутымъ мѣрамъ. Напрасно маршалъ сейма, Билинскій, помня о взятыхъ и еще обѣщанныхъ ему червонцахъ, всячески хитрилъ, чтобы подвинуть дѣло: послы, хоть и сами продались, желали всетаки прихвастнуть патріотизмомъ и показать передъ глазами всей Европы, что дѣйствуютъ лишь по принужденію. Притомъ немногіе неподкупные патріоты, попавшіе на сеймъ, горячо возставали противъ раздѣла, а послѣ ихъ пламенныхъ рѣчей каждый начиналъ опасаться ненависти своихъ соотечественниковъ и старался себя выгородить. Въ первыя же засѣданія начались крики и споры о томъ, что сеймъ не обязанъ покоряться конфедераціи. Сиверсъ временно арестовалъ самыхъ отчаянныхъ крикуновъ, и посланники подали свои ноты о раздѣлѣ. Тутъ король произнесъ патріотическую рѣчь, въ которой объявлялъ, что никогда не подпишетъ акта о раздѣлѣ Польши. Послы приняли ее съ шумнымъ восторгомъ и кричали, что никакой сеймъ не имѣетъ права этого дѣлать. Литовскій маршалъ Тышкевичъ впустилъ арбитровъ, то есть, постороннихъ, и шумъ все усиливался. Сиверсъ тотчасъ наложилъ запрещеніе на имѣніе короля и Тышкевича. Послѣ этого самъ Тышкевичъ устранилъ арбитровъ, а король предложилъ рѣшить о требуемой делегаціи. Одни изъ пословъ стали толковать, что нужно обратиться къ Англіи, Швеціи, Австріи съ просьбою о защитѣ; сторонники же Россіи замѣчали, что, спасая отечество отъ раззоренія, нужно назначить делегацію: только назвать ее депутаціей, чтобы она не напоминала о первомъ раздѣлѣ. «Это насъ ёще ни къ чему не обязываетъ, говорили они: пусть только депутація ничего не рѣшаетъ безъ нашей воли». Епископъ Косаковскій предлагалъ и то, и другое. Послѣ многихъ споровъ и криковъ рѣшили принять во вниманіе лишь ноту русскаго посла и назначить депутацію для переговоровъ съ одной Россіею. Стали говорить за союзъ съ Россіей. Нарбутъ объяснялъ: «Россія еще въ правѣ быть на насъ въ гнѣвѣ: мы нарушили договоръ съ нею, мы ее не разъ оскорбляли. Но Пруссія сама побудила насъ къ перевороту 3-го мая и заключила съ нами союзъ; теперь она объявляетъ, что этотъ переворотъ сдѣланъ якобинцами, и ввела въ наши предѣлы свои войска. Кажется, она теперь могла убѣдиться, что никакого якобинства въ Польшѣ нѣтъ: что же она

ихъ не выводитъ?» Предложеніе пущено на голоса, и изъ 131-го голоса только 4 оказалось за Пруссію. Сеймъ рѣшилъ назначить депутацію, но переговаривать о союзѣ съ Россіею лишь на основаніи перваго объявленія Екатерины, при началѣ конфедераціи, когда императрица ручалась за цѣлость Польши. Такое рѣшеніе совсѣмъ противорѣчило инструкціямъ, даннымъ Сиверсу. Раздѣлъ былъ рѣшенъ; Пруссія становилась все нетерпѣливѣе и ввела свои войска уже въ Краковское и Сандомирское воеводства. Сиверсъ однако согласился до поры отложить исполненіе требованія Пруссіи, но настаивалъ, чтобы депутаціи дали полномочіе все рѣшить окончательно и выбрали въ нее пословъ, по составленному имъ списку. Новые жаркіе споры и крики на сеймѣ. Сиверсъ арестовалъ 16 пословъ, требовавшихъ закрытія сейма. Сеймъ отказался продолжать свои засѣданія, пока пословъ не выпустятъ. По настоянію сейма, ихъ выпустили. Послѣ долгихъ пререканій, рѣшено дать депутатамъ полномочіе, но выборы начались не такъ, какъ желалъ Сиверсъ, и даже поданъ голосъ, чтобы предавать суду, кто будетъ уличенъ въ подкупѣ. Сиверсъ опять пугнулъ пословъ ихъ якобинствомъ. Тогда сеймъ предоставилъ выборъ депутатовъ королю. Король назначилъ не всѣхъ тѣхъ, кто означенъ былъ въ спискѣ, и русскій посланникъ потребовалъ, чтобы въ дополненіе къ выбраннымъ назначить и опущенныхъ. Не смотря на ярые крики негодованія, король исполнилъ это требованіе. Начались совѣщанія съ депутаціей, и оказалось, что она всетаки не была уполномочена утвердить трактатъ о раздѣлѣ. Уже прошло четыре мѣсяца, а ничего еще не было сдѣлано. Сеймъ явно тянулъ дѣло, надѣясь на какой нибудь необычайный поворотъ обстоятельствъ; самымъ предложеніемъ союза послы отчасти желали поссорить Россію съ Пруссіей. Сиверсъ наконецъ прямо потребовалъ отъ сейма утвержденія трактата съ Россіей. Онъ представлялъ, что польскому народу надо наконецъ дать миръ, что въ случаѣ упорства подвергнутся раззоренію имѣнія короля и всѣхъ, кто противится раздѣлу, будутъ задержаны всѣ платежи за продовольствіе войска и государственные доходы, и Польша потеряетъ всякую надежду на выгодный союзъ съ Россіей. Въ частной бесѣдѣ, онъ жестоко распекалъ Коссаковскихъ за ихъ двуличность. Опять начались на сеймѣ горячія рѣчи. Патріотъ Шидловскій говорилъ: «Народъ мы, или нѣтъ? Пусть всѣ знаютъ, что поляки могутъ быть несчастны, но не будутъ подлецами. Я готовъ все претерпѣть, но не откажусь отъ имени поляка, вольнаго и честнаго гражданина: иначе жизнь стала бы мнѣ невыносимою пыткою». «Наступила великая минута! восклицали другіе: она рѣшитъ, какого

приговора мы заслуживаемъ. Граждане будутъ гнушаться вашею памятью, если вы продадите отечество. Прежде пусть эта святыня заплыветъ кровью, чѣмъ подпишемъ трактатъ!» Коссаковскіе съ братьей восхищались этими рѣчами, восхваляли патріотовъ и вмѣстѣ замѣчали: «Все это напрасно; мы всѣ готовы бы умереть, еслибы отъ этого была польза; но мы терпимъ насиліе, и надо послушать голоса человѣколюбія». Король также совѣтовалъ покориться, чтобы избѣгнуть раззоренія. Нѣсколько разъ начинали читать проэктъ трактата; но всякій разъ крики заглушали чтеніе. Наступали жаркія преніи, и собраніе кончалось ничѣмъ. Наконецъ проэктъ прочитанъ; стали собирать голоса, и оказалось 64 голоса за проэктъ и только 20 противныхъ. Изъ этого видно, что лишь 20 человѣкъ въ цѣломъ собраніи стояли за неприкосновенность польскихъ границъ, а остальные поднимали шумъ только для виду. Принимая трактатъ, послы всетаки заявили, что они принуждены были принять его силою. Но объ этомъ такъ говорилъ одинъ изъ польскихъ патріотовъ, Краснодембскій, другъ Костюшки: «Можно уважать и врага. Таковъ, по моему мнѣнію, Сиверсъ. Съ какою настойчивостью и неуклонностью онъ привелъ къ концу порученное ему дѣло! Онъ насъ и ласкалъ, и грозилъ намъ, и поставилъ таки на своемъ. Ахъ, еслибы наши послы также понимали свой долгъ и отличались такой-же твердостью!» По трактату, польская Украйна и часть Литвы присоединялись къ Россіи, «чтобы установить счастливую систему мира на прочныхъ основаніяхъ»; польское государство и король навсегда отказывались отъ присоединенныхъ областей; съ своей стороны Екатерина ручалась въ томъ, что Россія никогда не будетъ имѣть притязаній на остальную Польшу и не будетъ препятствовать въ ней никакимъ перемѣнамъ правленія; предположено также о заключеніи выгоднаго для Польши торговаго трактата.

Послѣ заключенія трактата съ Россіею, Сиверсъ уже сталъ совершенно дружески обходиться съ поляками, радѣя, сколько могъ, объ ихъ пользѣ. Запрещеніе со всѣхъ имѣній было тотчасъ снято; квитанціи приняты къ уплатѣ. Сиверсъ сталъ заботиться объ уничтоженіи зла, причиненнаго конфедератами, которыхъ отъ души презиралъ. Онъ усердно составлялъ съ поляками разныя предположенія о проведеніи каналовъ и путей сообщенія въ Польшѣ (любимый его конекъ) и о другихъ улучшеніяхъ, между прочимъ о новой конституціи. Наконецъ въ предстоявшемъ дѣлѣ съ Пруссіей онъ явился усерднымъ ходатаемъ за интересы Польши. Прусскій король очень недоволенъ былъ медленностью, съ какою шло заключеніе трактата

съ Пруссіей. Онъ все замышлялъ двинуть войска впередъ, чтобы захватить поболѣе земель отъ Польши. Теперь посланникомъ его былъ Бухгольцъ, уже давно замѣнившій Люккезини, который, еще прощаясь съ поляками, толковалъ, чтобы они только не уступали Россіи, полагаясь во всемъ на Пруссію. Положеніе Сиверса было очень трудное. Съ одной стороны поляки, заключивъ трактатъ съ Россіей, не хотѣли и слышать объ уступкѣ земель Пруссіи; съ другой Пруссія выражала все болѣе настойчивыя требованія. У Сиверса шли постоянныя пререканія съ Бухгольцемъ. Русскій посланникъ употребилъ всю энергію, чтобы удержать прусскаго военачальника Меллендорфа, который грозилъ новымъ нашествіемъ. Онъ представлялъ также Бухгольцу необходимость сдѣлать нѣкоторыя уступки на счетъ границъ и дать полякамъ торговыя льготы, сбавивъ пошлины на товары, и проч. На сеймѣ толковали, что Пруссія сама бы еще должна поплатиться, что безъ всякого повода нарушила договоръ. Краснодембскій говорилъ: «Москва происходитъ съ нами отъ одного племени и мало разнится по обычаямъ; но съ Пруссіей мы не сойдемся никогда: пока свѣтъ стоитъ свѣтомъ (по польски: «святемъ»), нѣмецъ не будетъ поляку братомъ». Подумывали о закрытіи сейма, но этого не случилось; рѣшили дать депутаціи нраво вести переговоры съ прусскимъ посланникомъ лишь на основаніи торговаго союза. Бухгольцъ отвѣчалъ, что имѣетъ полномочіе договариваться только объ уступкѣ земель и требовалъ такихъ же полномочій для депутаціи. Сиверсъ посылалъ на сеймъ ноту за нотой, все напоминая полякамъ о бѣдныхъ поселянахъ, которыхъ ждетъ раззореніе. Въ виду упорства пословъ, онъ уже убѣдилъ Бухгольца смягчить тяжелыя условія трактата обѣщаніемъ торговыхъ льготъ. Отчаянные крики патріотовъ продолжались на сеймѣ; никто не рѣшался предложить проэкта о раздѣлѣ. Наконецъ съ такимъ проэктомъ явился одинъ изъ купленныхъ Пруссіею пословъ, Подгорскій. При первомъ его заявленіи въ пользу Пруссіи, патріоты дошли чуть не до бѣшенства. Его нѣсколько разъ выгоняли изъ собранія. Едва онъ входилъ, всѣ кричали: «измѣнникъ, негодяй, мерзавецъ!» Но Подгорскій спокойно садился на мѣсто. Тогда начиналась настоящая свалка. Напрасны были и всѣ ноты Сиверса. Нѣкоторые даже грозили смертью маршалу. Въ городѣ разнесся слухъ о заговорѣ противъ короля. Тогда Сиверсъ приступилъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Онъ окружилъ сеймовую избу отрядомъ войскъ, поставивъ для устрашенія пушки съ зажженными фитилями. Входъ въ собраніе также охранялся солдатами; въ самой залѣ засѣданій помѣстились 12 офицеровъ съ генераломъ Раутенфельдомъ.

Когда пришли послы и увидѣли все это, то рѣшили не открывать засѣданія, пока изъ залы не будетъ выведена стража. Послали депутацію къ Сиверсу, между тѣмъ стали заявлять свое уваженіе къ королю. По очереди всѣ подходили цѣловать его руку, потомъ сѣли на свои мѣста, и сидѣли неподвижно, не говоря ни слова. Офицеры также сидѣли молча, какъ истуканы. Это всеобщее молчаніе продолжалось, пока посланные не возвратились отъ Сиверса. Онъ приказалъ уйти офицерамъ изъ залы, оставивъ для охраненія маршала одного Раутенфельда, но объявилъ, что не выпуститъ пословъ, пока не подпишутъ проэкта. Открылось засѣданіе. Послѣ долгихъ споровъ, послѣ напоминаній Сиверса о якобинствѣ, предложеніе Подгорскаго наконецъ прочитано и принято большинствомъ 61 голоса противъ 23-хъ, съ добавленіемъ о торговомъ договорѣ. Давая полномочіе депутаціи, послы объявляли о насиліи и о томъ, что не признаютъ причинъ, которыми прусскій король оправдывалъ это насиліе. Засѣданіе окончилось уже далеко за полночь. Сиверсъ писалъ своей дочери: «Ахъ, наше собачье житье! что я только перечувствовалъ, когда цѣлыхъ 12 часовъ держалъ короля и пословъ взаперти, чтобы они подписали свое бѣдствіе».

Но огорченія Сиверса еще не кончились. Прусскій король уже давно гнѣвался на то, что затянули дѣло, что русскій трактатъ былъ принятъ прежде, а не одновременно съ прусскимъ. Теперь онъ объявилъ, что не хочетъ и слышать о торговомъ договорѣ, пока сеймомъ не будетъ подписанъ отдѣльно трактатъ о раздѣлѣ. Онъ даже грозилъ разорвать союзъ съ Россіей. Екатерина, конечно, не разсчитывала начать новую войну изъ за Польши и предписала Сиверсу какъ можно скорѣе покончить дѣло. Оба посланника, русскій и прусскій, отправили на сеймъ новыя ноты, гдѣ извѣщали, что торговый трактатъ долженъ быть отложенъ, а принятъ лишь трактатъ о раздѣлѣ. Сиверсъ только обѣщалъ, что впослѣдствіи употребитъ всѣ свои усилія для заключенія выгоднаго для Польши торговаго договора. Можно себѣ представить, какая буря поднялась на сеймѣ при этомъ извѣстіи. Послы рѣшительно отвѣчали, что прекращаютъ переговоры. Сиверсъ распорядился, чтобы арестовать наиболѣе шумливыхъ ораторовъ: Краснодембскаго, Шидловскаго, Скаржинскаго и Микорскаго и отправить ихъ въ ихъ имѣнія. Сеймъ опять окруженъ войскомъ съ пушками; опять Раутенфельдъ возсѣлъ рядомъ съ маршаломъ въ залѣ засѣданія. Напрасны были протесты пословъ. Казалось, Сиверсъ ожесточился: онъ грозилъ заставить пословъ спать въ залѣ на соломѣ, не выпуская ихъ хоть-бы въ продолженіи нѣсколькихъ дней. Послы

не хотѣли открывать засѣданія. Другіе предлагали прочесть новый проэктъ какъ-бы не въ засѣданіи, говорили о нездоровьи короля, о невозможности сопротивляться. Стали читать проэктъ: чтеніе ежеминутно прерывалось. Одни кричали «засѣданіе открыто», другіе: «нѣтъ, не открыто»! Наконецъ открыли засѣданіе, чтобы составить объявленіе о насиліи. Оно принято единогласно. Между тѣмъ время тянулось. Наконецъ одинъ изъ пословъ предложилъ такой выходъ: «примемъ проэктъ полнымъ молчаніемъ, и пусть маршалъ рѣшаетъ, какъ хочетъ». Всѣ сѣли на свои мѣста и погрузились въ молчаніе. Молчали и король, и маршалъ; молчалъ и Раутенфельдъ, сидя на своемъ креслѣ. Казалось все засѣданіе окаменѣло. Такъ продолжалось до 4-хъ часовъ утра. Наконецъ Раутенфельдъ сказалъ маршалу: «Когда же проэктъ будетъ пущенъ на голоса? Иначе я принужденъ буду принять дальнѣйшія мѣры». Маршалъ Билинскій очнулся и тотчасъ обратился къ собранію: «Согласенъ-ли сеймъ, чтобы депутаты подписали трактатъ съ Пруссіей?» Всѣ молчали. Маршалъ по обычаю, второй и третій разъ спросилъ о согласіи сейма. Все тоже молчаніе. «Молчаніе знакъ согласія, сказалъ Билинскій: прусскій проэктъ трактата принятъ единогласно». Тогда всѣ со слезами стали расходиться. Посылая Екатеринѣ утвержденный сеймомъ прусскій трактатъ вмѣстѣ съ объявленіемъ о насиліи, Сиверсъ писалъ: «Объявленіе нѣсколько рѣзко, но надо-же несчастнымъ дать и поплакать».

Безмолвное засѣданіе было уже въ концѣ сентября. Послѣ того сеймъ еще не долго занимался внутренними дѣлами. Опредѣленъ государственный долгъ Польши въ 34 мил. злотыхъ: изъ него 300000 червонцевъ Екатерина взяла на себя; съ уничтоженіемъ прежней конфедераціи, приняты болѣе рѣшительныя мѣры къ искорененію злоупотребленій, ею допущенныхъ. Наконецъ, по представленію сейма, Екатерина согласилась заключить союзъ съ Польшею. Въ силу этого союза, она взяла на себя защиту еще оставшихся у Польши областей, но почти съ полнымъ подчиненіемъ русской власти: Польша сохраняла лишь тѣнь самостоятельности. Когда сеймъ уничтожалъ постановленія конфедераціи, Коссаковскій подсунулъ и законъ, уничтожавшій орденъ въ честь конституціи 3-го мая. Такимъ образомъ этотъ орденъ какъ будто возобновлялся. Сиверсъ надъ этимъ только посмѣялся; но Екатерина увидѣла тутъ явное неуваженіе къ ея власти и со стороны посланника большое невниманіе. Поэтому, послѣ возвращенія короля въ Варшаву, она отозвала Сиверса изъ Польши, а всѣ дѣла поручила Игельстрому.

Во время Гродненскаго сейма патріоты оказывали сопротивленіе

его рѣшеніямъ не въ однихъ только преніяхъ. Они готовились къ болѣе серьезной борьбѣ. Въ Саксоніи, Костюшко съ Коллонтаемъ, Малаховскимъ, Игнатіемъ Потоцкимъ, Нѣмцевичемъ составляли заговоръ противъ Россіи и Пруссіи. Разсказываютъ, что Костюшко, переодѣтый, ѣздилъ даже въ Гродно, гдѣ останавливался у Краснодембскаго и совѣщевался съ патріотами, какъ приступить къ дѣлу. Рѣшено отправить офицеровъ въ разныя мѣста Польши отъ имени болѣе знатныхъ пановъ: Огинскаго, Сапѣги, Чарторыскаго, и проч. Эти посланные должны были волновать шляхту, употребляя свой особый, условный языкъ: они какъ будто пріѣзжали по порученію пана хлопотать о *раззоренномъ* имѣніи, захваченномъ врагами, и панъ посылая ихъ, обѣщалъ вѣчную благодарность своего потомства тому, кто поможетъ въ справедливомъ дѣлѣ. Они осторожно разузнавали на мѣстѣ мнѣнія каждаго, сыпали деньги, обѣщали награды, пугали иноземною властью, возбуждали шляхетскую гордость, — смотря по обстоятельствамъ, съ однимъ шумно пировали, съ другимъ вели тихую бесѣду о возрожденіи Польши. Гдѣ жилъ какой нибудь вліятельный шляхтичъ, они прежде всего старались завлечь его въ заговоръ и составить около него кружокъ. Много имъ помогали женщины: повѣренный имѣлъ у нихъ большой успѣхъ, особенно если былъ молодъ и красивъ собою. Молодыя дамы возбуждали своихъ поклонниковъ къ возстанію и усердно собирали на него пожертвованія. Но главную помощь всетаки оказывали ксендзы, ненавидѣвшіе какъ православныхъ, такъ и протестантовъ. Они и на исповѣди, и въ церковныхъ проповѣдяхъ для болѣе подготовленныхъ, и въ домашнихъ бесѣдахъ умѣли внушить полякамъ, что открытая борьба съ иноземною властью, если не принесетъ имъ земныхъ благъ, то ужъ навѣрное даруетъ спасеніе души. Между тѣмъ Костюшко путешествовалъ по Европѣ, ища помощи; во Франціи ему выражали сочувствіе, но далѣе этого дѣло не пошло. Такъ началось возстаніе. Въ Варшавѣ устраивали тайныя сходки Дзялынскій и банкиръ Капостасъ, въ Вильнѣ Ясинскій. Союзниками ихъ были лица изъ шляхты, разсчитывавшія на какія либо выгоды и обольщенные надеждой, что за Польшу вступятся: Австрія, Турція, Швеція,—мѣщане, приверженцы конституціи 3-го мая, всякаго рода бездомный народъ, которому терять было нечего, но особенно горячая молодежь, все еще не покинувшая своихъ мечтаній о самостоятельности Польши. Тогда, подъ гнетомъ иноземнаго владычества, стали устраиваться въ Варшавѣ и якобинскія собранія или клубы. Но въ Польшѣ они были совсѣмъ не то, что во Франціи. Во Франціи якобинцы возставали противъ

короля, противъ дворянства и духовенства. Въ Польшѣ же и шляхта, и ксендзы сохраняли вполнѣ свою власть; а король не имѣлъ никакой власти, слѣдовательно, и возставать противъ него было нечего. Если варшавскіе рабочіе и ремесленники, собираясь на сходки, иногда и кричали противъ короля, противъ продажныхъ пановъ, то цѣль этихъ сходокъ всетаки была исключительно патріотическая, то есть, возстаніе противъ иноземнаго владычества.

Игельстрому удалось накрыть одну изъ патріотическихъ сходокъ. Нѣсколько лицъ было арестовано; Дзялынскій отправленъ въ Кіевъ. Узнали объ участіи нѣсколькихъ знатныхъ пановъ въ заговорѣ, но далѣе ничего не было разыскано. Подозрѣніе пало между прочимъ на Заіончека, посланнаго Костюшкою изъ Саксоніи, чтобы разузнать, какъ идутъ дѣла. Заіончекъ самъ явился къ Игельстрому. Этотъ, по своему обычаю, накричалъ на него, называлъ его бунтовщикомъ, грозилъ крѣпостью, но кончилъ тѣмъ, что велѣлъ ему тотчасъ выѣхать изъ Варшавы. Заіончекъ и безъ того собирался обратно къ Костюшкѣ. Вообще Игельстромъ распоряжался неискустно. Онъ раздражалъ польскую знать своею солдатскою рѣзкостью, обходился со всѣми, какъ съ подчиненными ему офицерами, бранился, горячился до того, что высказывалъ всѣ свои подозрѣнія и даже открывалъ сдѣланные ему доносы и тѣмъ предупреждалъ заговорщиковъ. По обычаю большинства лицъ, начальствовавшихъ въ Польшѣ, онъ подчинился вліянію одной пани, графини Залусской, которая не рѣдко руководила имъ, какъ хотѣла. Между тѣмъ, по рѣшенію сейма, нужно было распустить большую часть польскаго войска. Приняты мѣры, чтобы поспѣшить окончаніемъ этого дѣла. Это ускорило революцію. Мадалинскій, стоявшій у Остроленки, отказался исполнить посланное къ нему предписаніе о распущеніи войска. Онъ двинулся въ польскія области, отошедшія къ Пруссіи, ограбилъ въ одномъ городкѣ прусскую военную казну и благополучно прошелъ въ Сандомирское воеводство, гдѣ къ нему присоединились также сандомирскія войска. Это было по сосѣдству съ краковскимъ воеводствомъ. Здѣсь также началось возстаніе, и Костюшко поспѣшилъ пріѣхать въ Краковъ. Прежде всего онъ сталъ разсылать воззванія къ обывателямъ, гдѣ указывалъ, что въ Польшѣ болѣе не существуетъ свободы, что польское слово въ оковахъ, и иноземныя войска покровительствуютъ измѣнникамъ, грабящимъ отечество. «Помогайте, писалъ онъ, спѣшите подъ знамя отчизны; жертвуйте, кто что можетъ, доставляя войскамъ все необходимое: весь народъ будетъ вамъ благодаренъ». Въ Краковѣ устроенъ высочайшій совѣтъ для управленія возстаніемъ, и начались обыкновенныя въ такихъ случаяхъ преслѣдованія; одинъ другаго подозрѣ-

валъ въ измѣнѣ, въ недостаткѣ патріотизма; дѣлались доносы; оговоренныхъ заключали въ тюрьму, подвергали взысканію, и проч. Всякій жертвовалъ по мѣрѣ силъ; но мѣщане жаловались, что съ нихъ брали безъ всякой милости; сами же патріоты не очень раскошеливались: полной преданностью дѣлу и безкорыстіемъ отличался только Костюшко. Съ своей стороны и Игельстромъ издалъ объявленіе, что «чудовищные замыслы патріотовъ съ ихъ наглыми покушеніями на права собственности будутъ наказаны, что не могутъ быть терпимы злодѣянія дерзкихъ людей, возстающихъ противъ законной власти, и правительство явится во всей грозѣ для преступниковъ». Бухгольцъ также объявилъ о введеніи прусскихъ войскъ, чтобы уничтожить «адскій духъ безначалія». Австрійскій посланникъ высказалъ только, что Австрія не сочувствуетъ возстанію. Короля побудили написать увѣщаніе къ полякамъ, въ которомъ онъ совѣтовалъ не поддаваться внушеніямъ патріотовъ: «Польша и такъ раззорена; начинать теперь возстаніе—значило бы отнимать послѣднее у народа и давать новый предлогъ тѣмъ, кто желалъ бы истребить самое польское имя». Русскимъ и прусскимъ властямъ не понравилось, что король осуждалъ возстаніе, какъ будто только потому, что оно несвоевременно.

Игельстромъ послалъ противъ Костюшки генерала Денисова. Этотъ, приблизившись къ Кракову, выслалъ впередъ для развѣдокъ Тормасова съ незначительными силами. Костюшко быстро напалъ на него при деревнѣ Рацлавицы. Польская кавалерія, состоявшая изъ шляхты, не выдержала битвы, но 2000 хлоповъ, вооруженныхъ косами, дрались такъ храбро, что скоро поляки взяли перевѣсъ, и русскіе бѣжали, оставивъ пушки и до 450 человѣкъ убитыми. Костюшко всетаки отступилъ въ болѣе укрѣпленное мѣсто. Онъ теперь особенно ласкалъ крестьянъ, уже замышляя ихъ освобожденіе; онъ самъ носилъ деревенскую одежду, всячески братался съ крестьянами, будучи увѣренъ, что только при ихъ участіи и возможенъ успѣхъ возстанія. Извѣстіе о побѣдѣ Костюшки разошлось по всей Польшѣ въ страшно преувеличенномъ видѣ и много помогло дѣлу патріотовъ. Игельстромъ сталъ подумывать о защитѣ Варшавы; но Залусская уговорила слишкомъ не обременять городъ постоемъ. Въ Варшавѣ было не болѣе 8000 русскаго войска, и до 4000 польскаго, подъ начальствомъ преданнаго Россіи Ожаровскаго. Пришли и пруссаки, но они остановились у одной изъ заставъ, не входя въ городъ. Игельстромъ очень неудачно размѣстилъ свое войско. Оно расположено было частями въ отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстахъ города, и

ему поручено наблюденіе за порядкомъ наравнѣ съ польскимъ войскомъ.

Варшава лежитъ на возвышенномъ берегу Вислы; противъ нея, на другомъ, низменномъ берегу, находится предмѣстье Прага. Изъ Праги, переѣхавъ мостъ, подымаешься въ гору и направо видишь королевскій замокъ, а около него, черезъ площадь, Старое Мѣсто, наиболѣе тѣсная часть города, съ ратушей. Влѣво, наравнѣ съ Вислою, идетъ широкая улица, Краковское предмѣстье; она оканчивается костеломъ Св. Креста (Свентокшижскій костелъ), отъ котораго, какъ ея продолженіе, начинается улица Новый Свѣтъ. Къ Краковскому предмѣстью, со стороны противной Вислѣ, примыкаетъ Саксонская площадь, а за нею Саксонскій садъ. Далѣе же, ближе къ Старому Мѣсту, идутъ внутри города улицы Долгая и Сенаторская, соединенныя между собою Медовой улицей. На Медовой, въ самой срединѣ города, находилась главная квартира, гдѣ жилъ Игельстромъ. Другія части войскъ стояли за Саксонскимъ садомъ, у костела Св. Креста, на Новомъ Свѣтѣ и вправо отъ Новаго Свѣта, если идти съ Краковскаго Предмѣстья. Поляки взяли себѣ для охраненія самыя важныя мѣста: у замка, у арсенала и у пороховыхъ складовъ. Самъ Ожаровскій, 80-лѣтній старикъ, мало смыслилъ: всѣмъ распоряжался у него Циховскій, одинъ изъ первыхъ приставшій къ возстанію. Впрочемъ большинство главныхъ польскихъ начальниковъ ничего напередъ не знали о возстаніи; войска увлекли за собою офицеровъ противъ ихъ воли. Въ возстаніи значительно участвовали также мѣщане съ ихъ вождемъ, башмачникомъ Яномъ Килинскимъ. Этотъ Килинскій имѣлъ однако вліяніе, какъ выбранный членъ городскаго управленія, или магистрата: онъ самъ хвасталъ, что его выбрали 30000 ремесленниковъ. Съ ксендзомъ Мейеромъ онъ уговаривалъ къ возстанію польскихъ офицеровъ въ одной кофейнѣ. Объ этой сходкѣ донесли Игельстрому. Услышавъ объ этомъ, Килинскій самъ явился къ грозному генералу. Игельстромъ встрѣтилъ его словами: «Мерзавецъ! негодяй! повѣшу!» Килинскій спокойно выслушалъ крики и брань, и потомъ началъ: «Чѣмъ же я виноватъ? Значитъ, насъ обманулъ президентъ города: онъ сказалъ, что вы поручили ему сообщить членамъ, чтобы они наблюдали за духомъ и расположеніемъ умовъ обывателей. Вотъ, я и исполнялъ его предписаніе... да, я говорилъ за возстаніе; но еслибы я говорилъ иначе, кто же бы пошелъ со мною на откровенность, какъ же бы я узналъ, кто что думаетъ?...» — «Да, я давалъ такое порученіе», сказалъ успокоенный Игельстромъ, и кончилось тѣмъ, что онъ потрепалъ Килинскаго по плечу и шутливо

промолвилъ: «Охъ, какой вы опасный человѣкъ, г-нъ Килинскій! Ну, хорошо... старайтесь, не останетесь безъ награды!» Послѣ этого Килинскій уже совершенно безопасно переговаривался съ заговорщиками.

Приближалась пасха: въ этомъ году поляки и русскіе праздновали ее одновременно. Ожаровскій и епископъ Коссаковскій предписали, опасаясь большихъ уличныхъ собраній ночью, чтобы служба на Свѣтлое Воскресенье совершалась во всѣхъ польскихъ церквахъ непремѣнно въ 8 часовъ вечера. Этимъ воспользовался Килинскій. На сходкѣ ремесленниковъ онъ объявилъ, что въ великую субботу русскіе запрутъ весь народъ въ костелахъ, для чего и приставлены къ костеламъ пушки, захватятъ арсеналъ, а если это имъ не удастся, то зажгутъ городъ и будутъ всѣхъ рѣзать». Нѣсколько посланныхъ офицеровъ дали знать, что, дѣйствительно, у главныхъ костеловъ стоятъ пушки. Вѣроятно, Игельстромъ, съ согласія польскихъ начальниковъ, думалъ воспользоваться случаемъ, когда всѣ поляки будутъ въ церкви, чтобы овладѣть арсеналомъ; но всеобщая рѣзня и сожженіе цѣлаго города, конечно, были сказкой. Въ случаѣ нападенія Костюшки, преполагалось зажечь только Старое Мѣсто, почему тамъ и не было поставлено войскъ. Однако всему, что говорилъ Килинскій, придавали вѣроятіе ходившіе толки. Русскіе солдаты не рѣдко ссорились съ поляками и въ раздраженіи говорили: «Смотрите, если будете бунтовать, чтобы изъ васъ не сдѣлали ветчины на пасху». Напуганные Килинскимъ, заговорщики рѣшили поспѣшить возстаніемъ. Оно назначено въ четвергъ въ три часа: и офицеры, и ремесленники, участвовавшіе въ сходкахъ, должны были приступить къ дѣлу по звону церковнаго набата и по выстрѣламъ изъ арсенала. Но возстаніе случайно произошло ранѣе, въ ночь на четвергъ. Цѣлый день въ среду Килинскій ѣздилъ въ каретѣ по городу, распоряжался, гдѣ кому стоять, назначалъ унтеръ-офицеровъ начальниками у той или другой стражи, гдѣ офицеры не были въ заговорѣ, тайно провозилъ изъ арсенала заряды для заговорщиковъ, и проч. Воротившись уже ночью домой, онъ послалъ слугъ на колокольни костеловъ, какъ вдругъ его извѣстили, что вахмистръ въ ратушѣ, которому онъ довѣрился, пошелъ доносить о возстаніи. Тогда онъ тотчасъ велѣлъ ударить въ набатъ. Собравшаяся передъ его домомъ толпа уже вооружилась. Вотъ, къ ней спѣшитъ какой-то русскій офицеръ; изъ сосѣдняго дома выбѣгаетъ на шумъ капитанъ съ казакомъ: ихъ тутъ же положили на мѣстѣ. Беременная жена Килинскаго въ отчаяніи стала его удерживать; онъ заперъ ее въ комнату на замокъ

и отправился со своими мѣщанами противъ главной квартиры. Между тѣмъ, по звуку набата, отрядъ польскаго войска напалъ на небольшой русскій пикетъ, стоявшій при пушкахъ у воротъ Саксонскаго сада, прогналъ его и заклепалъ пушки. Другіе польскіе отряды приступили къ арсеналу: начальство заперло передъ ними ворота. Но заговорщики пробрались боковыми входами, выбили ворота и овладѣли арсеналомъ. Тогда раздались сигнальные выстрѣлы изъ пушекъ, и народъ бросился къ арсеналу за оружіемъ. У ратуши тоже собирались толпы, хватали въ оружейныхъ лавкахъ, какое попадалось, оружіе и разсыпались по городу бить русскихъ. Звонъ набата не умолкалъ. Раздавались крики: «До брони! до брони! (къ оружію) бей москаля!» Русскіе, ничего не зная, выскакивали изъ домовъ: каждаго тотчасъ убивали. Пули сыпались на проходившихъ солдатъ изъ за каждаго угла, съ заборовъ, съ крышъ, изъ оконъ. Врывались въ дома и рѣзали безоружныхъ людей хотя бы и не военнаго званія; не щадили и поляковъ, почему либо подозрѣваемыхъ въ сочувствіи русскимъ. Всеобщая свалка, вопли умиравшихъ, грохотъ выстрѣловъ, неистовые крики,—все это наводило ужасъ на мирныхъ гражданъ, запиравшихся въ своихъ домахъ.

Нападеніе Килинскаго на Игельстрома не удалось: около главной квартиры сосредоточилось довольно войска; но положеніе русскихъ было очень затруднительно: со всѣхъ сторонъ и особенно со стороны Стараго мѣста врывались толпы вооруженныхъ мѣщанъ, пробирались задами черезъ дворы, нападали изъ за угловъ, изъ каждаго дома. Скоро войска принуждены были очистить Сенаторскую улицу. Между тѣмъ король, проснувшись въ 5 часовъ утра и увидѣвъ, что его собственная гвардія ушла помогать возстанію, послалъ къ Игельстрому двухъ польскихъ генераловъ просить его, чтобы онъ удалился изъ города. Игельстромъ обратно отправилъ съ ними къ королю для переговоровъ своего племянника. Но, не смотря на охрану польскихъ начальниковъ, чернь на дорогѣ схватила и растерзала посланнаго. Отъ Игельстрома требовали, чтобы онъ удалился не иначе, какъ сложивъ оружіе; онъ, конечно, не могъ на это согласиться. Нападенія черезъ дворы на главную квартиру продолжались по прежнему. Игельстромъ ждалъ къ себѣ войскъ изъ другихъ, отдаленныхъ мѣстъ города; посылалъ къ нимъ приказанія, но каждаго изъ посланныхъ офицеровъ народъ перехватывалъ на дорогѣ, и приказанія не получались. Начальники отдѣльныхъ частей оставались съ войсками неподвижно на своихъ мѣстахъ, не зная что дѣлать. Посланные, ѣздившіе отъ нихъ за приказаніями къ Игельстрому, также не возвраща-

лись. Между тѣмъ польскія войска свободно передвигались по городу. Русскіе отряды пропускали ихъ, даже, по обычаю, отдавая имъ честь, тогда какъ они проходили для нападенія на другіе русскіе отряды. Но таковы были распоряженія Игельстрома, что никто не смѣлъ дѣйствовать на свой страхъ. Начальники не вѣрили и изустнымъ приказаніямъ, а требовали письменныхъ предписаній. Одинъ лишь польскій полкъ Дзялынскаго, подозрѣваемый въ измѣнѣ, встрѣтилъ препятствіе на пути. Онъ пробирался изъ своихъ казармъ къ Краковскому предмѣстью. Русскій отрядъ, вначалѣ имъ встрѣченный, пропустилъ его; но у костела Св. Креста остановилъ его Милашевичъ съ полкомъ изъ 800 человѣкъ, потребовавъ для пропуска разрѣшенія отъ Игельстрома. Такимъ образомъ полкъ Дзялынскаго очутился въ опасномъ положеніи между двумя русскими отрядами. Но начальникъ перваго отряда, не получая посылаемыхъ къ нему приказаній, продолжалъ стоять на мѣстѣ; а Милашевичь, хотя, послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ, успѣлъ добыть отъ Игельстрома предписаніе не пропускать польскій полкъ, началъ съ нимъ перестрѣлку, но не могъ ничего сдѣлать. Со стороны Саксонскаго сада на него напали 3000 мѣщанъ. Русскіе, поражаемые съ двухъ сторонъ и кромѣ того изо всѣхъ окрестныхъ домовъ, съ башенъ костела, отчаянно бились и гибли сотнями. Самъ Милашевичъ, раненный, взятъ былъ въ плѣнъ. Остатки его отряда съ трудомъ прорвались сквозь толпы непріятелей и наконецъ ушли изъ города. Начальники другихъ русскихъ отрядовъ, видя невозможность долѣе держаться, также уводили свои войска изъ города. Нѣкоторые пытались пробиваться къ Игельстрому, но безуспѣшно. Не было никакой возможности сражаться съ невидимымъ непріятелемъ, который сыпалъ пулями изъ каждаго закоулка.

Но Игельстромъ, не смотря на всѣ нападенія, продолжалъ упорно стоять на мѣстѣ. Наступила ночь. Напрасно приближенные уговаривали своего военачальника оставить городъ: онъ все ждалъ войскъ, все спрашивалъ: гдѣ войска? — и дивился, что войска его, какъ будто волшебствомъ, куда-то исчезли. Бывшіе съ нимъ отряды истомились въ постоянной безплодной борьбѣ. Солдаты два дня ничего не ѣли, отправлялись партіями грабить дома въ сосѣднихъ улицахъ, и здѣсь ихъ большею частію избивали. Наконецъ на слѣдующій день Игельстромъ рѣшился двинуться къ тому мѣсту, гдѣ у рогатокъ стояли прусскія войска, не входя въ городъ. Онъ оставилъ 400 человѣкъ для охраны главной квартиры, а съ остальными пошелъ черезъ Долгую улицу. Тутъ на каждомъ шагу русскихъ ожидали за-

сады. Солдаты безъ строя бѣжали подъ выстрѣлами и встрѣчали польскія баттареи. Рѣшено проламывать ворота, пробираться черезъ дворы, разбирая на пути заборы, чтобы выходить на смежныя улицы; но поляки успѣвали забѣгать и вновь осыпали русскихъ залпами изъ ружей. Въ одномъ мѣстѣ, при выходѣ изъ двора, русскіе увидѣли въ воротахъ направленныя противъ нихъ пушки и улицу, полную народомъ. Нѣсколько десятковъ солдатъ поспѣшно взобрались на домъ и съ крыши перебили польскихъ канонировъ. Въ то же время войско двинулось въ ворота, захватило пушки и направило ихъ противъ поляковъ. Мигомъ выстрѣлами была очищена улица, и русскіе, бросивъ пушки, побѣжали далѣе. Наконецъ, уже передъ выходомъ изъ города, навстрѣчу имъ двинулись пруссаки, и поляки принуждены были оставить дальнѣйшее преслѣдованіе. Подъ Игельстромомъ убито двѣ лошади; самъ онъ былъ раненъ въ лицо и удалился въ Ловичь, гдѣ наконецъ собралъ свои разсѣянные отряды. 400 человѣкъ, которымъ поручилъ онъ защищать главную квартиру, отданы имъ на закланіе. Начальникъ отряда, Парфентьевъ, защищался до послѣдней крайности; когда вышли пули, солдаты стрѣляли пуговицами и монетками. Но поляки зажгли домъ, осадили всѣ лѣстницы, били и захватывали въ плѣнъ защитниковъ. Въ квартирѣ Игельстрома взято много золота, серебрянный сервизъ, подаренный ему Екатериною, и другія драгоцѣнности. Между прочимъ найденъ архивъ съ бумагами, изъ которыхъ заговорщики узнали, кому изъ поляковъ русское правительство платило жалованье. Всего во время возстанія русскихъ убито до 2300 человѣкъ и взято въ плѣнъ около 1700 (въ томъ числѣ болѣе 160 офицеровъ). Болѣе богатые изъ варшавскихъ жителей мало участвовали въ возстаніи; всего, кромѣ польскихъ войскъ, сражалось на улицахъ не болѣе 20,000 человѣкъ. 6-го апрѣля, послѣ ухода Игельстрома, въ Варшавѣ Костюшко объявленъ былъ главнымъ начальникомъ возстанія и устроенъ временной распорядительный совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ Закржевскаго: въ него вошли Зайончекъ, Килинскій, Шидловскій и другіе.

Въ Вильно произошло подобное же возстаніе. Тамъ распоряжался генералъ Арсеньевъ, безпечный, довѣрчивый и точно также находившійся подъ властію одной польки. Русскаго войска было въ городѣ менѣе 3000 человѣкъ; артиллерія изъ 19 орудій стояла въ полѣ подъ командою Тучкова. Замокъ, арсеналъ и другія важныя мѣста находились въ рукахъ поляковъ. Арсеньевъ до послѣдней минуты не хотѣлъ и слышать объ опасности и запретилъ Тучкову держать на готовѣ зажженные фитили у пушекъ: Тучковъ долженъ былъ

скрывать ихъ въ латунныхъ фонаряхъ. Гораздо дѣятельнѣе Арсеньева былъ гетманъ Коссаковскій. Онъ усердно хлопоталъ, чтобы какъ можно скорѣе распустить польское войско, и поляки отъ души его ненавидѣли. На хуторѣ у брата, гдѣ думалъ онъ провести праздникъ пасхи, на него вдругъ напали патріоты. Коссаковскій едва могъ спастись черезъ калитку и ускакать въ Вильно. Здѣсь онъ настойчиво говорилъ, что нужно скорѣе вывести войско, но Арсеньевъ только смѣялся надъ его трусостью. Между тѣмъ возстаніе уже было назначено въ первый день пасхи. Глава патріотовъ, Ясинскій, приказалъ въ часъ ночи всѣмъ собираться къ замку. Городъ Вильно вдругъ поднялся по звуку набата и по пушечному выстрѣлу. Русскіе были застигнуты врасплохъ. Арсеньева тотчасъ захватили въ его квартирѣ, но не сдѣлали ему никакого вреда за его крайнюю снисходительность къ полякамъ. Его и другихъ русскихъ, взятыхъ въ плѣнъ, отправили подъ стражу въ арсеналъ. Гетманъ Коссаковскій думалъ бѣжать, но это ему не удалось: онъ запрятался на чердакѣ за трубою. Его отыскали и повели подъ стражу на веревкѣ, съ пинками и плевками.

Одинъ Тучковъ подготовился заранѣе. При первомъ звукѣ набата, онъ вскочилъ на осѣдланную лошадь и поскакалъ съ казакомъ за городъ къ своей батареѣ. У заставы ихъ остановили: они бросились въ глухой переулокъ, разломали заборъ, осторожно перевели лошадей и огородами выбрались въ поле. Изъ солдатъ большинство разными проулками также спаслись изъ города, успѣвъ захватить съ собою даже куличи и разное польское печенье: въ числѣ 2200 человѣкъ, они собрались къ Тучкову. Тогда Тучковъ началъ бомбардировать городъ и произвелъ нѣсколько пожаровъ. Поляки приступили къ Арсеньеву, и онъ послалъ къ Тучкову предписаніе, чтобы онъ прекратилъ кровопролитіе и положилъ оружіе, не подвергая опасности русскихъ плѣнныхъ. Но Тучковъ собралъ подписи всѣхъ офицеровъ и грамотныхъ солдатъ и отправилъ ихъ къ Арсеньеву съ объявленіемъ, что всѣ, до послѣдней крайности, будутъ защищаться. Вслѣдъ за тѣмъ онъ еще усилилъ бомбардировку. Поляки нѣсколько разъ нападали на него, но были разогнаны. Однако онъ понималъ, что его положеніе посреди непріятелей было опасное. Въ слѣдующую ночь онъ зажегъ костры и снялся съ лагеря. По труднымъ, глинистымъ дорогамъ онъ двинулся къ Гродно, выдержалъ битву съ настигшими его польскими войсками и подъ Гродно соединился съ Ціановымъ. Между тѣмъ въ Вильно Ясинскій избранъ начальникомъ края и назначенъ уголовный судъ. Тотчасъ близь ратуши стали

строить у фонаря висѣлицу, чтобы казнить Коссаковскаго. Его повезли изъ арсенала съ большой церемоніей. Сначала шли солдаты съ барабанами, потомъ въ каретѣ везли гетмана въ желтомъ халатѣ, какъ онъ былъ взятъ; по бокамъ кареты ѣхали конные, а сзади трубачи играли маршъ. Казнь совершилась въ безмолвіи: всѣ трепетали Ясинскаго, не смѣя даже высказать одобренія. Гетманъ долго мучался, потому что палачъ дурно затянулъ его толстую шею.

Въ Варшавѣ и другихъ мѣстахъ Польши патріоты были внѣ себя отъ восторга послѣ этихъ успѣховъ: ихъ увлеченіе сообщалось и людямъ, до того времени равнодушнымъ. Поляки, по обычаю, вообразили, что успѣхъ возстанія обезпеченъ: между ними всюду ходили преувеличенные слухи о небывалыхъ побѣдахъ. Стали однако укрѣплять Варшаву. Всѣ жители участвовали въ этихъ работахъ; дамы изъ знатнаго общества одѣвали простыя соломенныя шляпки, кафтанчики поверхъ сѣрой юбки и черный передникъ, брали съ собой холщевый мѣшокъ съ провизіей и шли съ лопаточками, чтобы немного покопать землю. При этомъ играла музыка, пили вино, пѣли патріотическія пѣсни. Больше всѣхъ тутъ работали русскіе плѣнные. Между тѣмъ Костюшко усердно хлопоталъ о вооруженіи и о сборѣ пожертвованій. Сначала объявлено было всеобщее ополченіе: всякій отъ 18 до 40 лѣтъ долженъ былъ вооружаться. Но ополченіе шло туго и рѣшили назначить обыкновенный рекрутскій наборъ. Мечтали набрать войска до 400000 человѣкъ, и едва набрали до 40000, да и эти силы состояли большею частью изъ плохо вооруженныхъ и обученныхъ новичковъ и были разбросаны по всей Польшѣ. У самого Костюшки находилось не болѣе 16000 регулярнаго войска да 10000 вооруженныхъ косами крестьянъ. Запасовъ обыватели по прежнему доставляли мало; наложенныхъ для содержанія войска податей не вносили; множество помѣщиковъ, избѣгая повинностей, удалялись въ Галицію. Впослѣдствіи, когда наступило холодное время, Костюшко нѣсколько разъ долженъ былъ умолять, чтобы, если не могутъ доставить войску шинелей, то присылали бы хоть сермяги или войлочныя одѣяла. Видя себялюбіе шляхты, онъ еще болѣе прежняго сталъ возлагать надежду на однихъ хлоповъ. Въ маѣ онъ издалъ знаменитый универсалъ объ освобожденіи крестьянъ отъ власти помѣщиковъ. Хлопамъ обѣщано покровительство властей; они объявлены лично свободными и могли, уплативъ долги, селиться, гдѣ хотѣли; число рабочихъ дней уменьшено на треть, а шедшіе въ ополченіе совсѣмъ избавлялись отъ барщины. Но помѣщики поступали совсѣмъ на оборотъ: отпуская хлопа на войну и давая пожертво-

ваніе, они болѣе прежняго обременяли работами и его семейство, и другихъ своихъ крестьянъ. Постановленіе Костюшки вовсе не было приведено въ исполненіе: оно только раздражило шляхту. Да и отъ патріотовъ народу было не легче. Особенно начальники войска не церемонились съ простой челядью; народъ говорилъ: «одинъ Костюшко намъ отецъ, а прочіе какъ грабители».

Въ Варшавѣ въ это время начались безпорядки. Ремесленники, собираясь толпами, стали требовать казни тѣхъ поляковъ, которые продавались русскимъ. Напрасно временный совѣтъ обѣщалъ назначить судъ. Толпа самовольно настроила висѣлицъ и осадила тюрьмы. Принуждены были выдать ей Ожаровскаго, Анквича, Забѣлло и епископа Коссаковскаго. Всѣ они безъ дальнихъ объясненій повѣшены. Дряхлаго старика Ожаровскаго принесли на казнь въ креслѣ: онъ былъ уже совсѣмъ безъ памяти. Забѣлло безпрестанно кланялся народу и хотѣлъ говорить рѣчь; но толпа прервала его криками: «Молчать, измѣнникъ!» Анквичь тоже было обратился къ народу: «Благородный народъ! неужели въ тебѣ нѣтъ состраданія?»... Но толпа не хотѣла его слушать. Тогда онъ спокойно понюхалъ табаку и подарилъ палачу свою золотую табатерку, сказавъ: «Не мучай меня долго». Епископъ Коссаковскій сначала лишенъ былъ сана; онъ хотѣлъ оттянуть дѣло, указывая и на другихъ виновныхъ; но это ему не удалось. Передъ казнью его такъ избили и ободрали, что онъ былъ еле живъ. Казалось, опасность грозила и русскимъ плѣннымъ. Однако вышло наоборотъ: послѣ упомянутыхъ казней съ ними стали обращаться ласковѣе; назначили имъ опредѣленное содержаніе и даже дали священника. Поляки говорили имъ: «Не бойтесь ничего, вы храбрые люди, исполняли свой долгъ, а не такъ, какъ наши измѣнники.» Толпу волновали слухи о приближеніи русскихъ и прусскихъ войскъ, о новыхъ, замышляемыхъ измѣнахъ. Король не смѣлъ отлучаться за городъ или даже на берегъ Вислы: сейчасъ разносилась молва, что онъ хочетъ бѣжать. Но когда онъ являлся въ народѣ, его встрѣчали съ одобреніемъ. Онъ опять сдѣлался патріотомъ и пожертвовалъ 15000 злотыхъ на дѣло возстанія. Всѣ эти волненія и казни безъ суда очень огорчили Костюшку, хотя онъ и требовалъ строгаго взысканія съ лицъ, служившихъ иностраннымъ государствамъ. Въ Варшаву наконецъ пріѣхали Игнатій Потоцкій и Коллонтай и устроили настоящій верховный совѣтъ, по образцу Краковскаго. Замѣчательно, что въ него вообще не были допущены мѣщане: самъ Килинскій занялъ лишь второстепеную должность помощника. Съ новымъ рвеніемъ начались обыски, допросы.

Между тѣмъ дѣло возстанія все болѣе разстраивалось. Костюшко испыталъ первую значительную неудачу у Щекоцинъ. Противъ него выступилъ Денисовъ, которому справа и слѣва помогали еще два русскихъ отряда, а далѣе стояли пруссаки. Костюшко ничего не зналъ о приходѣ пруссаковъ; его войско было окружено: поляки потеряли до 1000 убитыми и 8 пушекъ. Въ тоже время у Холма совершенно разбитъ польскій генералъ Зайончекъ. Онъ отступилъ къ Люблину и сталъ требовать, чтобы городъ приготовился къ осадѣ. «А чтоже будетъ съ нашими домами?» возразили ему въ ратушѣ... «Мы, пожалуй, защищались бы, толковали ему въ глаза люблинцы, да вотъ бѣда: нѣтъ у насъ предводителя.» Собственное войско принудило Зайончека уйти за Вислу. Вскорѣ русскій генералъ Дерфельденъ занялъ Люблинъ и обошелся съ жителями ласково. Его встрѣтили въ Люблинѣ, какъ освободителя. Впрочемъ другіе русскіе военачальники не были такъ милостивы: особенно слышалось много жалобъ на насилія и грабежи казаковъ. Вслѣдъ за тѣмъ повстанцы потеряли Краковъ. Костюшко поручилъ его защиту Винявскому, давъ ему пакетъ, который дозволилъ распечатать въ случаѣ крайней опасности. Вдругъ подошли къ Кракову 3000 пруссаковъ. Винявскій счелъ это уже громаднымъ войскомъ, распечаталъ пакетъ и узналъ, что Костюшко предписываетъ въ случаѣ, если невозможно будетъ сопротивляться, сдать городъ никакъ не пруссакамъ, а австрійцамъ. Винявскій тотчасъ поѣхалъ къ начальнику ближайшаго австрійскаго отряда; но этотъ объявилъ, что безъ приказаній не можетъ принять города. Тогда Винявскій отправился къ пруссакамъ и, послѣ переговоровъ съ ними, вернулся въ Краковъ и сталъ кричать защитникамъ города: «Бѣгите, спасайтесь, идетъ непріятель.» Всѣ бросили стѣны и окопы. Такъ пруссаки съ 3000 чел. овладѣли укрѣпленнымъ городомъ, въ которомъ было до 7000 гарнизона. Винявскій бѣжалъ въ Австрію: поляки объявили его измѣнникомъ, тогда какъ онъ былъ только трусомъ.

Смуты въ Варшавѣ продолжались. Совершено еще нѣсколько казней. Тогда Костюшко обратился съ воззваніемъ къ жителямъ: «Опомнитесь, обыватели! писалъ онъ: вы услуживаете врагамъ нашимъ, которые только того и желаютъ, чтобы у насъ не было никакого правительства. Можетъ быть, вамъ милъ образъ воина, готоваго поднять за васъ всѣ тягости, но я не желаю, чтобы какая-нибудь печаль на лицѣ моемъ отравила минуту свиданія съ вами. Вы, которыхъ горячая отвага увлекаетъ на мелкую дѣятельность, приходите лучше сюда, въ войско, гдѣ вамъ представится настоящее дѣло».

Костюшко скоро дѣйствительно прибылъ въ Варшаву, куда сошлись и другіе предводители съ войсками. Съ одной стороны прусскій король, съ другой русскій генералъ Ферзенъ уже угрожали городу. Въ тоже время австрійцы заняли Люблинъ вмѣсто Дерфельдена, какъ будто для охраненія своихъ границъ. Они не пропускали припасовъ къ Варшавѣ, но избѣгали стычекъ съ польскими войсками и отступали при ихъ появленіи. Скоро началась бомбардировка Варшавы, мало сдѣлавшая вреда городу. Союзники простояли два мѣсяца, ничего не сдѣлавъ, потому что Ферзенъ не ладилъ съ пруссаками. Сама Екатерина была очень недовольна, что прусскій король вздумалъ осаждать Варшаву вмѣсто того, чтобы идти противъ французовъ. Русскіе порою вступали даже въ дружественныя сношенія съ поляками. Костюшко, по просьбѣ генерала Хрущова, отослалъ къ нему его жену и дѣтей, бывшихъ въ плѣну въ Варшавѣ. Мадалинскій мѣнялся подарками съ русскимъ полковникомъ, Волковымъ, съ которымъ былъ прежде знакомъ. Онъ послалъ ему 10 бутылокъ шампанскаго и арбузъ, а Волковъ подарилъ ему карабинъ и, по обычаю, требовалъ за это мѣдную монету. Мадалинскій возражалъ, что у нихъ нѣтъ мѣди, а все желѣзо, и отправилъ Волкову саблю, при чемъ писалъ: «Можетъ быть, эта сабля обратится на самаго меня! Но кого винить? спрошу я у вашего высокаго ума и добраго сердца. Мы вѣдь защищаемъ нашу свободу. Зачѣмъ же тридцать лѣтъ льется наша и ваша кровь? Вѣдь мы и вы происходимъ отъ однихъ славянъ. Отчего эта великая и очевидная истина не предстанетъ вашему разумѣнію? О, когда настанетъ минута, что вашъ народъ пойметъ, что люди созданы любить другъ друга и быть одинъ другому полезными!»

Наступила осень 1794-го года. Поляки были обрадованы отступленіемъ прусскаго короля. Нѣсколько небольшихъ польскихъ отрядовъ успѣли произвести волненіе въ тылу его, въ Великой Польшѣ: заняли нѣсколько мѣстечекъ, захватили прусскій транспортъ съ военными припасами. Прусскій король сталъ бояться, чтобы ему не отрѣзали отступленіе и поспѣшилъ оставить Варшаву. Въ одно время съ нимъ отступилъ отъ Варшавы и Ферзенъ. Но радость поляковъ была непродолжительна. Скоро пришло извѣстіе, что городъ Вильно, послѣ нѣсколькихъ отчаянныхъ приступовъ, сдался русскому генералу Кноррингу. Вслѣдъ за тѣмъ появляется въ Польшѣ Суворовъ, охранявшій нашу границу съ Турціей. Поляки все надѣялись, что съ наступленіемъ осенняго времени война прекратится, а потомъ они успѣютъ собраться съ силами, или въ дѣлахъ Европы произойдетъ какая-нибудь перемѣна въ ихъ пользу. Но Суворовъ не останавливался ни

передъ чѣмъ. Онъ неожиданно явился подъ Брестомъ, и поляки сначала были увѣрены, что это не тотъ Суворовъ, который стоялъ на границахъ Турціи, а его однофамилецъ. Подъ Брестомъ находился Сѣраковскій съ незначительными силами. Переправясь черезъ потоки и болота, русскіе напали на него и въ двухъ битвахъ совершенно разсѣяли его отряды, взявши 28 пушекъ и до 500 человѣкъ плѣнными. Сѣраковскій собралъ остатки своего войска и отступилъ къ Вислѣ. Костюшко пріѣхалъ къ нему, утѣшилъ, ободрилъ упавшихъ духомъ солдатъ, похвалилъ ихъ храбрость, даже многимъ назначилъ награды. Онъ согласился съ Сѣраковскимъ идти противъ Ферзена. Послѣ одержанной побѣды Суворову была открыта дорога къ Вислѣ. Съ своей стороны Ферзенъ двинулся на соединеніе съ нимъ, и послѣ многихъ усилій перешелъ Вислу съ лѣваго берега на правый и остановился у Мацѣйовицъ, менѣе ста верстъ къ юговостоку отъ Варшавы. Костюшко рѣшился предупредить его соединеніе съ Суворовымъ и велѣлъ собраться отрядамъ, какіе были у него на правомъ берегу Вислы. Сошлось не болѣе 11000 человѣкъ, тогда какъ силы Ферзена были чуть-ли не вчетверо значительнѣе. Побывавъ въ Варшавѣ, Костюшко простился съ товарищами, но не сказалъ никому о своемъ рѣшеніи и тайкомъ съ писателемъ Нѣмцевичемъ уѣхалъ къ войску. Оно двинулось къ Мацѣйовицамъ и стало на болѣе возвышенномъ мѣстѣ у замка Замойскихъ, а русскіе находились за болотами у берега Вислы. Ферзенъ распредѣлилъ полки такъ, чтобы со всѣхъ сторонъ окружить поляковъ; нападеніе на нихъ было сдѣлано и съ фронта, и съ боковъ, и съ тылу. Сначала русскіе громили поляковъ пушками, потомъ вступили въ ружейную перестрѣлку, наконецъ бросились въ штыки. Тутъ уже произошла не битва, а настоящая бойня: до 8000 поляковъ положено на мѣстѣ и лишь 2700 взято въ плѣнъ. Когда польская кавалерія бѣжала, Костюшко бросился, чтобы остановить ее, но конь подъ нимъ споткнулся и онъ упалъ. Его настигли два казака и два корнета и оглушили ударами пикъ и сабли. Казаки, по обычаю, тотчасъ принялись грабить: сняли съ него одежду, стали срывать перстни съ его пальцевъ. Костюшко машинально сжалъ палецъ; тутъ одинъ изъ корнетовъ увидѣлъ на перстнѣ изображеніе краковской шапки и воскликнулъ: «да это Костюшко!» Раненый очнулся и сказалъ: «Я Костюшко... воды!» Одинъ казакъ тотчасъ бросился за водою; другіе бережно подняли его, одѣли вновь въ прежнюю одежду и на пикахъ понесли въ замокъ. Здѣсь собрались всѣ русскіе генералы; всѣ оказывали особенное уваженіе Костюшкѣ и заботливо ухаживали за больнымъ. По-

добно Костюшкѣ, взятъ въ плѣнъ и Нѣмцевичъ. Въ его карманѣ нашли вновь написанную имъ драму: «Возвращеніе съ того свѣта.» Русскіе офицеры читали ее вслухъ и расхваливали. Когда пришло въ Варшаву извѣстіе о плѣнѣ Костюшки, поднялся всеобщій вопль. Женщины въ отчаяніи рыдали до истерики. Народъ кричалъ: «Нѣтъ Костюшки! пропало отечество!» Самые дѣти, плача, спрашивали: «гдѣ нашъ дорогой Костюшка?» такъ какъ слышали отъ родителей лишь восторженныя похвалы польскому любимцу. Совѣтъ писалъ Костюшкѣ: «Мы всѣ до единаго человѣка готовы собою для тебя пожертвовать. Мы слышали, что русскіе обращаются съ тобою человѣколюбиво; и мы также будемъ поступать съ русскими плѣнными.» Костюшко отвѣчалъ, чтобъ думали объ отечествѣ, а объ немъ болѣе не заботились. Въ тоже время онъ требовалъ, чтобы розыскали и прислали въ цѣпяхъ въ русскій лагерь 9 бѣжавшихъ польскихъ офицеровъ, которые одни изо 100, взятыхъ въ плѣнъ и оставленныхъ на честное слово, измѣнили этому слову. «Не присоединимъ, писалъ онъ, къ нашимъ потерямъ величайшую изъ потерь—славы и чести! пусть начальство покажетъ, какъ оно гнушается подобною подлостью.» Костюшко отправленъ въ Петербургъ, гдѣ при Екатеринѣ онъ содержался подъ строгою стражею. Но императоръ Павелъ отпустилъ его на честное слово. Послѣ этого онъ уже никогда не сражался болѣе противъ русскихъ, сколько впослѣдствіи Наполеонъ ни дѣлалъ ему лестныхъ предложеній. Онъ умеръ въ 1817-мъ году въ Швейцаріи.

Послѣ Костюшки предводителемъ войска избранъ въ Варшавѣ Вавржецкій, человѣкъ честный, но мало способный. Онъ занялся укрѣпленіемъ Праги и собралъ въ ней около 20000 войска. Суворовъ, соединившись съ Ферзеномъ, быстро двинулся къ Варшавѣ. Подъ Прагой онъ явился 22 октября съ оглушительнымъ барабаннымъ боемъ и шумною музыкой. Поляки всетаки надѣялись, что осада затянется на долго; но въ первую же ночь уже выросла противъ правой стороны Праги сильная батарея и весь слѣдующій день громили изъ пушекъ предмѣстье и укрѣпленія. Суворовъ отвлекъ вниманіе поляковъ на правую сторону, тогда какъ рѣшилъ начать нападеніе съ лѣвой стороны, гдѣ укрѣпленія не были окончены. Онъ раздѣлилъ войско на 7 большихъ колоннъ: 1-я и 7-я должны были пробиваться съ двухъ сторонъ у самыхъ береговъ Вислы, чтобы потомъ соединиться; остальныя дѣлали нападенія между ними по всѣмъ частямъ полукруга, какой занимаетъ Прага у Вислы. Цѣлый день 23-го числа приготовлялись къ осадѣ. Въ 5 часовъ слѣдую-

щаго утра поднялась сигнальная ракета, и всѣ колонны бросились на приступъ; но первыя четыре дѣйствовали преимущественно съ лѣвой стороны. Солдаты, не тратя пороха, прямо пробѣгали подъ выстрѣлами, перелѣзали рвы, валы и бросались въ штыки. Зайончекъ, услышавъ тревогу съ лѣвой стороны, поскакалъ было узнать, что тамъ случилось, но встрѣтилъ русскихъ и убѣжалъ за мостъ въ Варшаву; Вавржецкій скоро послѣдовалъ за нимъ. Къ 8 часамъ утра дѣло было уже кончено. Солдаты, мстя за своихъ убитыхъ въ Варшавѣ, никого не щадили: изрублено до 12000 поляковъ; гибли и женщины, и дѣти; вся Прага завалена была трупами. Самъ Суворовъ ѣздилъ по улицамъ и только кричалъ, чтобы спасались въ лагерь, гдѣ плѣнные были въ безопасности. Жители Варшавы, съ высокаго берега, на которомъ расположенъ городъ противъ Праги, видѣли все это кровопролитіе и трепетали за свою участь. Голосъ патріотовъ уже былъ безсиленъ. Варшава еще могла-бы защищаться, но всѣ думали только о покорности. По первому требованію Суворова, магистратъ отправилъ къ нему избранныхъ людей для переговоровъ о сдачѣ города. Суворовъ принялъ посланныхъ, сидя на обрубкѣ дерева, отбросилъ свою шпагу и крикнулъ: «Миръ и согласіе.» Все оружіе и военные запасы сложили за городъ, Вавржецкій вывелъ еще остававшіяся войска. 29-го октября Суворовъ уже торжественно въѣзжалъ въ Варшаву. Въ рапортѣ фельдмаршалу Румянцеву онъ писалъ: «Виватъ, великая Екатерина! все кончено... Варшава обезоружена». Большинство польскихъ солдатъ, услышавъ о дарованномъ всѣмъ прощеніи, добровольно приходило въ Варшаву, гдѣ всѣхъ распускали по домамъ. Коллонтай, взявъ изъ пожертвованныхъ Костюшкѣ денегъ до 15000 червонцевъ, бѣжалъ за-границу.

По приказанію Екатерины, короля перевезли въ Гродно, гдѣ въ январѣ слѣдующаго, 1795-го года онъ отрекся отъ престола. Остальные годы онъ прожилъ въ Петербургѣ, получая отъ русскаго правительства пенсію. Польша уничтожена, послѣдовалъ послѣдній, третій раздѣлъ ея. По этому раздѣлу Россія получила нынѣшнія Ковенскую, Виленскую и Гродненскую губерніи; новая ея граница шла по теченію Нѣмана черезъ Ковно, Гродно, потомъ къ Бресту и далѣе до границы съ Галиціей. Австрія пріобрѣла Сандомиръ, Люблинъ и всѣ земли, ограниченныя на сѣверѣ и востокѣ Бугомъ, а на западѣ Вислою и Пилицей; остальныя части Польши вмѣстѣ съ городомъ Варшавою присоединены къ Пруссіи. Чтобы ни говорили противъ способовъ, какіе употребляли подѣлившія Польшу государства для пріобрѣтенія этихъ земель (эти способы въ политикѣ всегда были

одни и тѣже, и сама Польша, во время своего могущества, дѣлала тоже самое), Россія болѣе другихъ имѣла право на выпавшую ей долю, какъ по причинѣ вѣковой борьбы, страшной траты денегъ и крови, какія стоили ей пріобрѣтенныя ею земли, такъ и потому, что населеніе въ нихъ было по преимуществу русское, православное, враждебное полякамъ. Въ сущности польская шляхта еще на долго осталась господствующею въ западномъ краѣ, и завоеваніе его при Екатеринѣ еще не было его освобожденіемъ отъ власти пановъ. Что касается границъ, на которыя мы указали, то онѣ впослѣдствіи измѣнились. Въ 1806 году Наполеонъ образовалъ независимое Варшавское Герцогство, большею частію изъ земель, отошедшихъ къ Пруссіи. Послѣ 1814-го года эти земли, подъ названіемъ Царства Польскаго, отошли къ Россіи.

ПУГАЧЕВЩИНА.

Причины Пугачевскаго бунта и жизнь Пугачева до его похода на Оренбургъ.

Чтобы понять, какъ начались смуты, извѣстныя подъ именемъ «пугачевщины», намъ необходимо нѣсколько ознакомиться съ положеніемъ народа въ царствованіе Екатерины.

Крѣпостное право, какъ мы знаемъ, при Екатеринѣ, нисколько не ослабѣло; власть помѣщиковъ надъ крестьянами стала почти безграничною. Крѣпостныхъ, конечно, болѣе всего было въ среднихъ губерніяхъ (отъ 83 до 60 проц.): въ Калужкой, въ Смоленской, Московской, и въ губерніяхъ, окружающихъ Московскую, вмѣстѣ съ Псковской, Костромской и Нижегородской; за ними слѣдовали губерніи: Пензенская, Симбирская, Тамбовская, Саратовская, Воронежская. (отъ 56 до 37 проц.). Въ Казанской находимъ крѣпостныхъ уже 18 проц., вообще къ востоку число ихъ уменьшается: въ Оренбургской ихъ было около 14 проц.; но въ Пермской, Уфимской и Оренбургской въ значительномъ числѣ находились крестьяне, приписанные къ заводамъ. Въ Сибири крѣпостныхъ почти вовсе не было. Половина помѣщиковъ, сами не живя въ деревнѣ, отпускали своихъ крестьянъ на оброкъ, но и при значительномъ оброкѣ крестьяне не избавлялись отъ разныхъ повинностей. Они доставляли помѣщику весь столовый запасъ: сѣно, овесъ, дрова, мясо, курицъ, яйца, огурцы и все съѣстное до брусники и грибовъ включительно; поставляли плотниковъ, для постройки барскихъ домовъ,

рыли канавы, пруды, платили особыя деньги на содержаніе управителя, на содержаніе помѣщика, когда онъ пріѣзжалъ въ имѣніе, или отправлялся на богомолье, брали на себя всѣ издержки при переселеніи кого либо изъ своей общины на другое мѣсто, отвѣчали своимъ имѣніемъ за бѣглыхъ, за недоимочныхъ и проч. Случалось, что эти повинности въ короткій срокъ увеличивались впятеро и болѣе; въ нѣкоторыхъ вотчинахъ натурою съ крестьянъ брали столькоже, сколько деньгами.

И всетаки положеніе оброчныхъ крестьянъ было лучше, чѣмъ барщинныхъ: заплативши все, что съ нихъ требовали, оброчные жили болѣе независимо и отъ помѣщика, и отъ управителя. Общимъ правиломъ было, что крестьяне, при барщинѣ, половину недѣли работали на помѣщика; но когда помѣщики торопились воспользоваться хорошими днямя для сельскихъ работъ, то заставляли работать на себя и 5 дней, и всю недѣлю, даже въ праздники. Вообще крестьяне могли приступить къ своимъ полямъ не прежде, какъ покончатъ съ барскими. Но кромѣ работъ, съ нихъ подъ часъ взыскивались и деньги; ихъ заставляли перевозить въ городъ помѣщичій хлѣбъ, строить барскіе дома, заводы, и проч. Особенно обременительна была работа на фабрикахъ и заводахъ: тутъ одни служили мастеровыми, другіе рубили и возили дрова, руду, и проч. На заводы не рѣдко переселяли изъ очень отдаленныхъ мѣстъ; особенно заселены были Уральскіе заводы, гдѣ, напримѣръ, у Строгановыхъ находилось до 18000 душъ. Всѣ эти повинности подчасъ вели креетьянъ къ совершенному раззоренію. Конечно, встрѣчались помѣщики, не желавшіе обременять своихъ крестьянъ, или по крайней мѣрѣ на столько понимавшіе свою выгоду, что, назначая оброкъ и барщину, соображались съ ихъ средствами. Но важно то, что ни закономъ, ни обычаемъ вовсе не было установлено, чего помѣщикъ могъ требовать отъ крѣпостныхъ, и тутъ господствовалъ полный произволъ. Очень немногіе, подобно Румянцеву, составляли хотя и вовсе нельготныя для крестьянъ, но по крайней мѣрѣ постоянныя правила, по которымъ совершались крестьянскія работы. Но хотя бы помѣщикъ и заботился о крестьянахъ, въ большей части случаевъ, находясь на службѣ, онъ поручалъ все управленіе бурмистрамъ и прикащикамъ, которые думали только о наживѣ.

Власти помѣщиковъ надъ крестьянами не положено было никакихъ предѣловъ. Они могли ссылать своихъ крѣпостныхъ въ Сибирь на поселеніе; сосланнаго правительство засчитывало за рекрута и давало за него помѣщику рекрутскую квитанцію. Этимъ поощрялось заселеніе пустыхъ пространствъ Сибири. Но помѣщики ссылали не за

преступленія, а большею частью калѣкъ, больныхъ, стариковъ, оставляя у себя ихъ женъ и дѣтей, способныхъ къ работѣ, и потомъ торговали рекрутскими квитанціями. Екатерина дозволила помѣщикамъ отдавать крестьянъ и въ каторжныя работы и брать обратно по произволу. Отдача въ рекруты также зависѣла отъ воли помѣщика, и многіе изъ начальниковъ жаловались на необузданность войска, особенно въ непріятельской странѣ, именно потому, что помѣщики сдавали въ рекруты самыхъ негодныхъ и отчаянныхъ людей. Другія наказанія помѣщики налагали также по своей фантазіи: крестьянъ чаще всего сѣкли плетьми, батогами и розгами, взыскивали съ нихъ штрафы, заковывали ихъ въ цѣпи, надѣвали рогатки, обривали имъ бороды и головы, посылали на тяжелую работу, и проч. Самъ Румянцевъ предписывалъ взыскивать мѣсячное жалованье за одинъ пропущенный рабочій день, а за оскорбленіе прикащика 5 рублей, да кромѣ того назначалъ батоги и плети. Одинъ изъ помѣщиковъ установилъ, чтобы получившій болѣе 100 ударовъ плетьми лежалъ никакъ не долѣе недѣли, иначе грозилъ вычетомъ изъ жалованья. Извѣстный богачъ, Никита Демидовъ только и писалъ на заводы своимъ прикащикамъ о плетяхъ, палкахъ и штрафахъ. Но, конечно, и тогда были исключеніемъ лица, подобныя Салтыковой, которая поджигала раскаленными щипцами уши своихъ дворовыхъ, обливала ихъ кипяткомъ, и проч. Салтыкова наконецъ лишена была имѣнія, послѣ того, какъ не одинъ десятокъ изъ своихъ крѣпостныхъ замучила до смерти и дѣло о ней, которое прекращалось и возобновлялось 21 разъ, дошло до императрицы.

Помѣщики свободно торговали своими людьми, продавая ихъ и въ одиночку и цѣлыми деревнями на вывозъ. Цѣны за душу возвысились при Екатеринѣ отъ 30 руб. до 100 руб. и болѣе; женщина стоила половину, и менѣе. Кромѣ продажи часто выводили крестьянъ на новыя мѣста, переселяли на заводы, на земли, купленныя въ Оренбургской губерніи у башкирцевъ, и проч. Правительство щедро раздавало дворянамъ земли на югѣ Россіи, чтобы они ихъ заселяли. При продажѣ крестьянъ, иной помѣщикъ не стѣснялся разлучать членовъ семьи: жену отъ мужа, дѣтей отъ родителей, и проч. Тоже дѣлалось, когда брали крестьянъ во дворъ. Браки совершались по распоряженію помѣщика. Когда являлся женихъ изъ чужой деревни, то долженъ былъ заплатить за невѣсту выводныя деньги, Какъ многіе помѣщики поступали съ болѣе красивыми изъ деревенскихъ дѣвушекъ, хорошо извѣстно: у нѣкоторыхъ господскій дворъ былъ постояннымъ мѣстомъ разгула и разврата.

Все это самовластіе господъ могло смягчаться лишь образованіемъ; но противъ ихъ произвола крестьянамъ не было никакой защиты: не существовало даже закона, карающаго за злоупотребленія помѣщичьей властью. Крестьяне не имѣли права жаловаться на своихъ господъ. Въ началѣ царствованія Екатерины, крѣпостные во множествѣ приносили жалобы государынѣ на многія притѣсненія. Екатерина, созывая Комиссію Уложенія, надѣялась облегчить ихъ участь; но ожидала, что это будетъ сдѣлано самими дворянами. Между тѣмъ, опасаясь волненій, она строго запретила подавать ей жалобы. Тѣхъ, кто нарушалъ это приказаніе, ссылали въ каторгу. И не смотря на это, жалобы не прекращались. Только, когда учреждены были губерніи, генералъ-губернаторамъ вмѣнено въ обязанность между прочимъ обуздывать «тиранство и жестокости». Тогда они стали принимать и жалобы отъ крестьянъ, что дворяне считали великимъ нарушеніемъ своихъ правъ. Но, конечно, волненія и происходили отъ того, что жизнь крѣпостныхъ и ихъ достояніе не были ничѣмъ обезпечены. Въ 1775 году, по окончаніи Пугачевскаго бунта, Сиверсъ писалъ Екатеринѣ: «Я позволю себѣ сказать, что неограниченное рабство погубитъ государство, и мнѣ кажется, что невыносимое рабское иго было главною причиною волненій отъ Оренбурга до Казани и на нижнемъ теченіи Волги. Пусть помѣщики хотя не наказываютъ кнутомъ безъ судебнаго разбирательства, что равняется праву казнить смертью; пусть крѣпостные съ семьею изъ двухъ, трехъ душъ хотябы могли выкупаться за 500 рублей». Слова Сиверса оправдывались самыми событіями. Еще до Пугачевскаго бунта, во внутреннихъ губерніяхъ и также въ Симбирской, въ Воронежской, на Уралѣ были постоянныя возмущенія. Помѣщиковъ нерѣдко убивали, и въ заговорахъ учавствовали дѣвушки, даже дѣти. Крестьяне вооружались, раззоряли помѣщичьи дома и житницы, противъ высланныхъ командъ выходили съ дубьемъ, пиками, топорами и нерѣдко ихъ прогоняли, а въ случаѣ невозможности сопротивляться уходили въ лѣсъ. Волненія поддерживались ложными толками объ освобожденіи отъ власти помѣщиковъ: по обычаю, крестьяне думали что начальство скрываетъ отъ нихъ распоряженія правительства, особенно послѣ того, какъ Петромъ III изданъ былъ манифестъ о вольности дворянства. Крестьяне ждали и себѣ воли; многіе прямо объявляли, что желаютъ быть «дворцовыми».

Но въ срединѣ Россіи волненія не могли распространяться на очень большое пространство, потому что власти, съ помощью войскъ, всегда могли прекратить ихъ въ самомъ началѣ. Дѣло кончалось

тѣмъ, что крестьянъ усмиряли, при чемъ, кромѣ обыкновенныхъ наказаній плетьми и ссылкою, имъ приходилось много терпѣть отъ стоявшихъ въ селѣ командъ, да и издержки усмиренія раскладывались на крестьянское общество. Община платила и за бѣглыхъ, которыхъ число все увеличивалось. Нѣкоторые помѣщики устраивали съ этими бѣглыми выгодное для себя дѣло: они скупали ихъ за безцѣнокъ у владѣльцевъ и потомъ, розыскавъ хотя-бы половину черезъ судъ, продавали ихъ за настоящую цѣну. За всѣми издержками, они всетаки возвращали съ большою лихвою потраченныя деньги.

Положеніе дворцовыхъ, нынѣшнихъ удѣльныхъ и государственныхъ или казенныхъ крестьянъ было несравненно лучше, хотя и они подчасъ терпѣли отъ самовластія чиновниковъ и управителей, и защитники крѣпостнаго права именно представляли, что власть помѣщиковъ выгоднѣе для крестьянъ, такъ какъ помѣщики имѣютъ личный разсчетъ не раззорять ихъ, а чиновникамъ до этого нѣтъ дѣла. Нѣкоторые управители въ дворцовыхъ имѣніяхъ дѣйствительно вымогали у крестьянъ деньги и подводы лично для себя, заставляли на себя работать, раздавали своимъ доброхотамъ мельницы и разныя угодья, нещадно наказывали крестьянъ плетьми, незаконно сдавали ихъ въ рекруты, и проч. Но противъ подобныхъ лицъ была какая нибудь управа. Во время Пугачевскаго бунта управители въ дворцовыхъ имѣніяхъ замѣнены выборными старостами. Что касается власти чиновниковъ, которой крѣпостные могли не знать, то она, конечно, такъ не тяготѣла надъ крестьянами, какъ помѣщичья. Дворцовые и казенные крестьяне при Екатеринѣ платили подушной подати сначала 70 коп., а потомъ 1 рубль; оброкъ-же увеличился при ней отъ 1 рубля до 2-хъ и 3-хъ рублей. Эти суммы кажутся нынѣ очень незначительными; но надо судить о стоимости тогдашняго рубля по стоимости хлѣба. Такъ, напримѣръ, въ Оренбургской губерніи передъ Пугачевскимъ бунтомъ пудъ ржаной муки стоилъ отъ 12 до 15 к.; а пудъ лучшей пшеничной муки отъ 25 до 30 к. Казенные крестьяне жили преимущественно на сѣверѣ Россіи и въ Сибири. Въ Сибири, вмѣсто податей, они доставляли служилымъ людямъ хлѣбъ съ казенной пашни, для которой отмѣрялось извѣстное количество земли. Сосланныя на поселеніе давали соху, лошадь, хлѣбъ для посѣва, и на четыре года избавляли ихъ отъ всякихъ повинностей. На сѣверѣ Россіи, какъ и въ центрѣ ея, находимъ общинное устройство; только здѣсь не существовало передѣловъ пахотной земли до начала нынѣшняго столѣтія, и при томъ нѣкоторые луга и лѣса находились во владѣніи цѣлой волости. Обычай отдавать земли въ залогъ привелъ къ

тому, что многіе купцы и болѣе богатые изъ крестьянъ захватили лучшія угодья. Правительство считало незаконнымъ такое завладѣніе и, заботясь объ уравненіи надѣловъ, возвращало крестьянамъ земли, отнятыя кулаками и купцами. Въ поддержкѣ общины оно въ прошломъ столѣтіи видѣло свою выгоду. Точно также и помѣщики на своихъ земляхъ болѣе содѣйствовали, чѣмъ препятствовали развитію общины. У крѣпостныхъ передѣлы существовали во всей силѣ и при Екатеринѣ. Землю дѣлили на участки по добротѣ и изъ каждаго участка выдѣляли полосы членамъ общины. Точно также и въ платежѣ податей и оброка отвѣчала вся община. Крестьяне села Павлова платили Шереметьеву 15000 рублей; но распредѣляли этотъ оброкъ такъ, что одинъ ничего не платилъ, а другой платилъ и по 200 руб. Общинное устройство кое-какъ и поддерживало крестьянъ при неумѣренныхъ взысканіяхъ и налогахъ. Такъ какъ положеніе дворцовыхъ и государственныхъ крестьянъ вообще было лучше, то понятно, что волненія между крѣпостными поддерживались и сосѣдствомъ крѣпостныхъ съ этими крестьянами, и примѣромъ недавняго освобожденія крестьянъ монастырскихъ.

Также трудно мирились со своею участью крестьяне, приписанные къ фабрикамъ и заводамъ. Это были тѣже казенные крестьяне, но отданные владѣльцамъ заводовъ, чтобы отработывать подушную подать. Въ началѣ царствованія Екатерины II они платили подушной подати и оброчнаго сбора 1 р. 70 к., а за рабочій день конному причиталось 10 коп., пѣшему 5 коп. Но заводчики частію самовольно, частью исходатайствовавъ на то разрѣшеніе, заставляли работать за туже цѣну и сверхъ подушнаго оклада. При этомъ помѣщали крестьянъ на заводы, не давая имъ настоящей пахатной земли, или назначали на заводскія работы жившихъ верстъ за 600 отъ завода. Такимъ крестьянамъ, вмѣстѣ съ проходомъ на заводъ, едва оставалось два мѣсяца для своихъ полевыхъ работъ. Но ихъ нерѣдко въ распутицу переводили съ завода на заводъ, или держали на заводахъ въ рабочую пору, такъ что они находили выгоднѣе платить въ три дорога для найма, вмѣсто себя, рабочихъ. Кромѣ того прикащики и другія власти брали съ крестьянъ, что только возможно было взять, жестоко сѣкли ихъ плетьми, заключали на цѣпь и въ колодки, брили имъ бороды и головы, что считалось особенно жестокимъ наказаніемъ, такъ какъ большинство рабочихъ были раскольники. Челобитчикамъ приходилось плохо: ихъ въ кандалахъ и съ рогатками на шеѣ отправляли въ Оренбургскую тюрьму. Уже съ пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія начались на Ураль-

скихъ заводахъ постоянныя волненія, особенно съ тѣхъ поръ, какъ казенные заводы перешли въ частныя руки: къ Шувалову, Чернышеву и другимъ вельможамъ. Крестьяне, приписанные къ заводамъ Шувалова и Демидова, оказали наиболѣе сопротивленія посланнымъ противъ нихъ войскамъ. Авзяно-Петровскій заводъ Евдокима Демидова въ Башкиріи (въ нынѣшней Оренбургской губерніи) былъ очагомъ бунта уже за долго до того, какъ Пугачевъ нашелъ въ немъ убѣжище послѣ совершеннаго разгрома его шаекъ Голицынымъ. Со вступленіемъ на престолъ Екатерины смуты усилились послѣ тѣхъ льготъ, какія надѣялись получить отъ Петра III. Для усмиренія заводскихъ крестьянъ посланы были сначала Вяземскій, а потомъ Бибиковъ. Они употребили для уничтоженія бунта обыкновенныя въ тогдашнее время мѣры: Вяземскимъ наказано было плетьми до 235 человѣкъ, а Бибиковымъ до 196. Бибиковъ, кромѣ каторги и ссылки, осуждалъ еще виновныхъ къ вѣчнымъ работамъ на заводахъ. Но злоупотребленія были такъ явны, что поплатились и прикащики. Ихъ замѣнили выборными старостами, хотя власть заводской конторы осталась по прежнему. Облегченіе состояло еще въ томъ, что работы на заводахъ опредѣлены точнѣе прежняго; приписные признаны казенными крестьянами, и запрещено налагать на нихъ работы сверхъ податей и также переводить съ завода на заводъ. Предписано также распредѣлять рабочихъ по заводамъ, близкимъ къ мѣсту ихъ жительства. Эти распоряженія могли успокоить заводскихъ крестьянъ лишь на время. Считая себя казенными, они думали только о томъ, какъ-бы совсѣмъ избавиться отъ обязательной работы на заводахъ; крѣпостнымъ же тѣмъ тяжелѣе была ихъ безвыходная доля.

Мы замѣтили, что волненія между крѣпостными крестьянами происходили въ разныхъ мѣстахъ Россіи; но Пугачевскій бунтъ ограничивался юговосточнымъ краемъ, простираясь на огромное пространство: отъ Урала и Киргизскихъ степей, отъ нынѣшней Астраханской губерніи, Земли войска Донскаго и Воронежской губерніи до Казани, Перми и Екатеринбурга, съ юга на сѣверъ, и отъ Владимірской и Рязанской губерніи до окраинъ Сибири, до Шадринска и Троицка, съ запада на востокъ. Тутъ крѣпостные находились въ значительномъ числѣ лишь въ губерніяхъ, лежащихъ къ западу отъ Волги да отчасти въ Казанской; на Уралѣ поддержкою бунта служили заводскіе крестьяне. Но кромѣ этого было много другихъ причинъ, почему возмущеніе возникло именно въ этой части Россіи. У насъ на юго-востокѣ жили кочевыя, азіатскія племена: калмыки, башкирцы, киргизы. Всѣ они въ то время еще далеко не были усмирены, и,

скитаясь на просторѣ степей со своими стадами, промышляли и грабежемъ, опустошали подъ часъ русскія поселенія даже къ западу отъ Волги, за Царицыномъ и Саратовомъ. Однако, ко вступленію на престолъ Екатерины, этотъ ихъ просторъ значительно стѣснили. По всему Уралу устроены были противъ киргизовъ и башкирцевъ укрѣпленія, изъ которыхъ болѣе значительными можно считать Орскъ, Оренбургъ, Яицкъ (Уральскъ). Отъ верховьевъ Урала до Яицка жили оренбургскіе казаки, а отъ Яицка къ устью яицкіе (уральскіе). Земля башкирцевъ (въ нынѣшней Оренбургской и Уфимской губерніи) окружена была крѣпостцами также съ сѣвера и востока. Главнѣйшею тутъ считалась Уфа. Кромѣ того въ землѣ башкирцевъ устроено было много заводовъ съ приписными къ нимъ крестьянами: владѣльцы ихъ имѣли право держать для своей защиты и пушки. На самой Волгѣ отъ Царицына къ Камышину поселены были волжскіе казаки для защиты отъ калмыцкихъ набѣговъ, и внизъ по Волгѣ къ Каспійскому морю существовали крѣпости: Царицынъ, Черноярскъ и главный городъ, гдѣ жилъ губернаторъ, Астрахань. Такъ русскіе своими поселеніями все болѣе стѣсняли инородцевъ, отнимая у нихъ лучшія пастбищныя земли. Къ этому присоединились притѣсненія отъ начальниковъ и чиновниковъ, которые здѣсь, вдали отъ надзора высшей власти, дозволяли себѣ болѣе злоупотребленій, чѣмъ гдѣ либо. Терпя невыносимыя насилія, около 170,000 калмыковъ, передъ Пугачевскимъ бунтомъ, ушли изъ Астраханской губерніи въ предѣлы Китая. Черезъ это край открылся для наѣздовъ болѣе опасныхъ киргизовъ. Яицкіе казаки не всегда могли удержать ихъ на своей линіи, да порою и нарочно пропускали, чтобы нападать на нихъ потомъ, когда они будутъ возвращаться, обремененные награбленною добычею. Что касается башкирцевъ, то они со временъ Петра Великаго постоянно бунтовали, и не мало стоило труда усмирить этотъ воинственный народъ. Точно также, частію по причинѣ религіозной ненависти, частію по причинѣ тѣхъ же притѣсненій, наклонны были къ бунту татары, жившіе мѣстами въ Самарской и Оренбургской губерніи, но болѣе къ сѣверу въ Казанской и Уфимской. Другіе инородцы, чуваши, черемисы, по своей дикости, всегда готовы были грабить, гдѣ представлялся случай.

Въ русскомъ населеніи этого края существовало не менѣе расположенія къ возстанію. За Волгу издавна бѣгали цѣлыя толпы всякихъ бездомныхъ голяковъ, которымъ терять было нечего. Сюда стекались и преступники, спасавшіеся отъ каторги, и бѣглые солдаты, и тѣ, что не выносили помѣщичьяго, или чиновничьяго гнета. Въ ни-

зовьяхъ Волги издавна укрывались удалые разбойники, которые грабили проходившіе купеческіе караваны: разбои не прекращались и при Екатеринѣ. Кромѣ всего этого край заселенъ былъ раскольниками, которые въ прежнее время спасались сюда отъ преслѣдованій, какъ и на сѣверъ Россіи. Къ расколу принадлежали почти всѣ яицкіе казаки и многіе изъ крестьянъ, работавшихъ на заводахъ. Однако, во время Екатерины, прежнія гоненія прекратились. Изданъ былъ даже указъ, по которому раскольниковъ приглашали свободно возвращаться изъ польскихъ предѣловъ и избирать себѣ мѣста для жительства, платя только двойной окладъ. Тогда, еще болѣе прежняго, они особенно заселили рѣку Иргизъ, протекающую по Самарской губерніи и впадающую въ Волгу противъ Вольска. Здѣсь находились ихъ обширные монастыри и скиты. Раскольники хотя и жили мирно, но втайнѣ не прочь были отъ замысловъ, непріязненныхъ тогдашнему правительству: старинное броженіе умовъ въ нихъ не прекращалось. Замѣчательно, что у нихъ сложилось какое то суевѣрное поклоненіе Петру III. Вѣроятно, вслѣдствіе закона Петра III объ освобожденіи монастырскихъ крестьянъ, вслѣдствіе самого его невниманія къ духовенству, они представляли его не иначе, какъ своимъ радѣтелемъ: нѣкоторыя секты (напримѣръ, скопцы) сдѣлали изъ личности Петра III своего раскольничьяго пророка. Но начальниками бунта и главными его заводчиками являются яицкіе казаки.

Рѣка Уралъ (по тогдашнему *Яикъ*) заселена была выходцами съ Дона еще въ XVI-мъ столѣтіи. Впослѣдствіи къ нимъ присоединились разные выходцы изъ Россіи, напримѣръ, стрѣльцы изъ Москвы, разные бѣглые, и проч. Яицкіе казаки жили до Петра Великаго по своей старинѣ, совершенно свободно. У нихъ сохранялись еще обычаи вѣчеваго періода; всѣ дѣла рѣшались въ кругу, или на сходкѣ, безъ всякихъ письменныхъ документовъ; управляли казаками выбранные ими же атаманы и старшины, которыхъ они могли смѣнить, когда хотѣли. Добычу, отнятую у непріятеля, они дѣлили по ровну. За этою добычею они пускались на своихъ ладьяхъ и къ персидскимъ берегамъ и въ степи, доходя даже до Хивы. Но главнымъ источникомъ ихъ пропитанія служили богатыя рыбныя ловли на Уралѣ. Считая себя единственными господами Урала, они у яицкаго городка (Уральскъ) сдѣлали учугъ или заколъ, чтобы рыба не проходила далѣе въ землю башкирцевъ. Въ тѣ времена, ея шло съ моря, вверхъ по Уралу, такое множество, что иногда она своимъ напоромъ ломала этотъ учугъ. Еще до Петра московское правительство стѣснило казаковъ тѣмъ, что поставило другой учугъ, при устьѣ Урала, у Гурьева, чтобы не

допускать всю рыбу въ землю яицкихъ казаковъ, отдавая этотъ промыселъ на откупъ. Въ XVIII вѣкѣ казаки взяли откупъ на себя, обязавшись, за право однимъ пользоваться рыбою, платить въ казну 5600 руб. ежегодно, и учугъ у Гурьева былъ уничтоженъ. Означенную сумму вносили по общей раскладкѣ, и старшины собирали съ каждаго слѣдовавшія въ казну деньги.

Со временъ Петра, прежніе казацкіе порядки были значительно измѣнены. Атамана уже стало назначать правительство, и все управленіе перешло въ руки войсковой канцеляріи. Тогда начались постоянныя распри между войсковой или народной партіей и приверженцами атамана и старшинъ. Атаманъ со старшинами всячески притѣсняли казаковъ, собирали съ нихъ вмѣсто назначенныхъ 5600 руб. за рыбный откупъ до 10000 руб. и болѣе. Жалобы одна за другою приходили въ Петербургъ; назначались комиссары для разбора дѣла. Но прежнія притѣсненія не прекращались. Наконецъ Логиновъ, одинъ изъ старшинъ, державшій сторону войсковой партіи, подговорилъ казаковъ не платить слѣдовавшаго съ нихъ по раскладкѣ налога за право рыбной ловли, пока старшины не возвратятъ незаконно задержанныя деньги. Тогда съ своей стороны войсковая канцелярія распорядилась не выдавать казакамъ назначеннаго имъ отъ правительства за службу жалованья. Такъ продолжалось до Екатерины II. При ней посланная въ Яицкъ комиссія рѣшила дѣло въ пользу казаковъ. Приказано было взыскать со старшинъ задержанное жалованье, всѣхъ ихъ смѣнить и потомъ не выбирать ни въ какія должности. Но лица, которымъ, по отдъѣздѣ комиссіи, поручено было привести въ исполненіе это рѣшеніе, не только ничего не дѣлали, а еще болѣе раздражили казаковъ, отказавшись даже прочитать имъ приговоръ суда. По новымъ ихъ жалобамъ прежній атаманъ смѣненъ и назначенъ Тамбовцевъ; но и Тамбовцевъ принялъ сторону старшинъ. Казаки еще болѣе взволновались, когда правительство потребовало отъ нихъ 325 человѣкъ для московскаго легіона, который въ то время составляли, какъ образцовое войско, изъ всѣхъ родовъ оружія: артиллеріи, гренадерскихъ ротъ, казачьихъ сотенъ, и проч. Ничто уральцевъ такъ не пугало, какъ мысль, что ихъ запишутъ въ регулярные полки и подчинятъ обыкновенной солдатской дисциплинѣ. Принося въ Петербургъ жалобы на прежнія обиды, они просили также, чтобы ихъ не брали въ солдаты, и между прочимъ приводили въ объясненіе, что они по своему закону бороды стричь не могутъ. Тамбовцевъ уже хваталъ, сажалъ подъ караулъ непослушныхъ. Но въ Петербургѣ уважили ходатайство ка-

заковъ и никого изъ нихъ не взяли въ московскій легіонъ. Для окончательнаго разбора ихъ жалобъ, въ Яицкъ посланъ былъ гвардіи капитанъ Дурново съ генераломъ Траубенбергомъ.

Казаки тотчасъ приступили къ прибывшимъ комиссарамъ, требуя удовлетворенія; но комиссары медлили и все откладывали дѣло. Между тѣмъ вернулся одинъ изъ отправленныхъ казаками въ Петербургъ ходатаевъ. Тамбовцевъ послалъ старшину Бородина съ казаками арестовать его. Посланные стали ломиться въ его домъ; собралась толпа и началась крупная перебранка. Бородинъ велѣлъ поймать арканами двухъ наиболѣе шумѣвшихъ казаковъ и ихъ потащили въ войсковую канцелярію. Тогда поднялся весь городъ. Казацкое войско заняло площадь и послало къ Дурново просить, чтобы взятые казаки были отпущены. Дурново и Траубенбергъ приказывали имъ сначала разойтись; но толпа все увеличивалась, не расходясь даже по ночамъ въ жестокую стужу. На ея новыя требованія и мольбы Дурново отвѣчалъ, что рѣшитъ дѣло черезъ недѣлю. Казаки настаивали, чтобы имъ прочтенъ былъ указъ, касавшійся рѣшенія по ихъ жалобамъ, между тѣмъ вооружились дубинами, палками, саблями. Съ своей стороны комиссары выдвинули пушки и вооружили бывшій съ ними отрядъ регулярнаго войска и казаковъ атаманской стороны. Дурново грозилъ, что будетъ стрѣлять. Непокорные выслали священника съ Шигаевымъ, однимъ изъ будущихъ предводителей Пугачева, объявляя, что ничего злаго не мыслятъ, а желаютъ только, чтобы тотчасъ же было дано по закону удовлетвореніе, котораго казаки уже столько лѣтъ напрасно ждали. Между тѣмъ, съ образами впереди, они все подвигались къ войсковой канцеляріи. Тогда противъ нихъ грянулъ выстрѣлъ изъ пушки. Внѣ себя отъ ярости казаки бросились на пушки, помяли солдатъ и стали безъ пощады бить и рубить противниковъ. Траубенбергъ и Тамбовцевъ погибли; израненный Дурново едва спасся; всѣ дворы старшинъ были разграблены. Городъ теперь находился во власти возставшихъ, но они скоро одумались и послали въ Петербургъ депутатовъ съ оправданіемъ. Все это случилось въ январѣ 1772 года. При первомъ извѣстіи о казацкомъ бунтѣ, поспѣшно отправленъ былъ изъ Москвы генералъ Фрейманъ съ гренадерскою ротою. Онъ проѣхалъ съ войскомъ на подводахъ въ Оренбургъ, дождался тамъ, пока разошлись рѣки, и тогда выступилъ противъ Яицка, взявъ нѣсколько отрядовъ и изъ Оренбурга. Казаки, въ числѣ 3000 человѣкъ, вышли ему навстрѣчу. Въ началѣ іюня 1772 года произошло нѣсколько схватокъ. Фрейманъ прочистилъ себѣ дорогу картечью. Казаки бѣжали въ Яицкъ и, забравъ своихъ

женъ и дѣтей, уже думали уйти къ Каспійскому морю; но Фрейманъ, вступивши въ городъ, успѣлъ удержать ихъ: болѣе смирныхъ уговорили воротиться, а непокорные захвачены силою. Началось слѣдствіе въ Оренбургѣ; въ тюрьмахъ не достало мѣста виновнымъ: ихъ разсадили по лавкамъ Гостинаго двора и на Мѣновомъ дворѣ, устроенномъ для азіатской торговли и находившемся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города. По рѣшенію суда, до 140 человѣкъ сослано въ Сибирь послѣ наказанія кнутомъ и плетью; другіе отправлены въ полки, но успѣли бѣжать. Многихъ и не удалось переловить Фрейману: они скрылись въ степи на уметахъ, или казацкихъ хуторахъ. Остатки прежняго казацкаго управленія совершенно уничтожены: вся власть въ Яицкѣ передана коменданту Симонову, а по дѣламъ казаковъ назначено присутствовать въ его канцеляріи старшинѣ Бородину. Такъ казаки были усмирены; но они глухо роптали и съ угрозою толковали между собою: «То ли еще будетъ! такъ ли тряхнемъ Москвою!».

Въ томъ же 1772-мъ году появился въ Яицкихъ степяхъ Пугачевъ. Это былъ донской казакъ изъ Зимовейской станицы. По казацкому обычаю, 19-ти лѣтъ онъ женился, и тотчасъ отправленъ былъ въ армію подъ начальство атамана Денисова. Тогда еще не кончилась Семилѣтняя война, и Пугачевъ сражался противъ Фридриха II. Денисовъ за «отличное проворство» сдѣлалъ его своимъ ординарцемъ; но скоро онъ навлекъ гнѣвъ начальника, упустивъ ночью, во время одной тревоги, его лошадей, и наказанъ плетьми. По окончаніи войны, Пугачевъ вернулся на Донъ и прожилъ здѣсь нѣсколько времени съ женою; тогда у него родились сынъ и дочь. Скоро однако ему опять пришлось отправиться въ Польшу, въ армію Кречетникова. Отсюда ему поручено было отвести на родину партію раскольниковъ. Исполнивъ это, онъ полтора года оставался въ своей станицѣ, послѣ чего, уже въ чинѣ хорунжаго (первый офицерскій чинъ), посланъ былъ на войну съ турками подъ начальство Петра Панина и участвовалъ при взятіи Бендеръ. Этимъ и кончилась его военная служба; во время ея онъ ко многому присмотрѣлся и, будучи необыкновенно сметливымъ, нѣсколько усвоилъ военное искусство. Послѣ взятія Бендеръ, Пугачевъ, по болѣзни, отпущенъ на родину. Съ этихъ поръ начинается его скитальческая жизнь.

Пріѣхавъ домой, онъ отпросился у атамана въ Таганрогъ, гдѣ жила его сестра со своимъ мужемъ, казакомъ Павловымъ. Съ Павловымъ у Пугачева начались разговоры о тяжелой казацкой службѣ, о томъ, что казакамъ уже жить не въ моготу отъ новыхъ поряд-

ковъ, по которымъ ихъ заставляютъ тянуть солдатскую лямку и хотятъ пріучить къ солдатскому строю. Погостивъ недѣли три, Пугачевъ пустился домой и взялъ съ собою сестру для свиданія съ родными, какъ вдругъ, передъ Черкасскомъ, нагоняетъ его Павловъ съ двумя казаками. Всѣ трое объявили, что они бѣжали. Пугачевъ не одобрилъ ихъ поступка, но потомъ сказалъ: «Ужь если такъ, то ступайте на Терекъ: тамъ лѣсу и воды вдоволь и народъ добрый». Бѣглецы почти до Зимовейской станицы ѣхали съ Пугачевымъ, а потомъ удалились въ степь. Однако Павловъ скоро вернулся за женою и сталъ уговаривать Пугачева проводить его на Терекъ. Пугачевъ отказался, опасаясь, чтобы самому не попасть въ отвѣтъ: онъ только тайкомъ перевезъ зятя черезъ Донъ и указалъ ему дорогу. Но Павловъ, поскитавшись нѣсколько времени въ степи, прибылъ въ Зимовейскую станицу, взятъ подъ стражу и на допросѣ указалъ на Пугачева, какъ на пособника къ бѣгству. Тогда Пугачевъ, о которомъ въ войскѣ уже ходила дурная молва, боясь кары, самъ рѣшился бѣжать на Терекъ. Южная наша граница тогда проходила отъ устьевъ Дона къ Тереку и по этой рѣкѣ: Кубань, также какъ и Кавказъ, находились во власти Турціи. Пугачевъ прибылъ въ Моздокъ, вписался въ мѣстное войско и скоро успѣлъ снискать такую довѣренность тамошнихъ казаковъ, что они, вручивъ ему 20 рублей, послали его въ Петербургъ хлопотать о своемъ жалованьи. Но при самомъ выѣздѣ изъ Моздока онъ схваченъ и посаженъ на цѣпь. Это случилось въ февралѣ 1772 года. Не прошло нѣсколькихъ дней, Пугачевъ бѣжалъ, гдѣ то скитался и въ великій постъ пришелъ на хуторъ къ женѣ. Жена проболталась объ этомъ казакамъ, а они извѣстили станичнаго атамана. Пугачева арестовали и отправили на судъ въ Черкасскъ. На дорогѣ его пріятель, Худяковъ, выпросилъ его себѣ на поруки, взявшись доставить на мѣсто. Онъ поручилъ везти Пугачева своему сыну и тайно приказалъ отпустить его на дорогѣ. Парень такъ и сдѣлалъ.

Мы уже здѣсь видимъ, какъ ловко Пугачевъ, въ своей страннической жизни, вездѣ умѣетъ найти себѣ знакомыхъ и помощниковъ. Куда теперь идти? Вѣроятно, по указанію такихъ же бѣглецовъ, какъ онъ, Пугачевъ отправляется въ Малороссію, въ нынѣшнюю Черниговскую губернію, на границы Польши и пристаетъ здѣсь у какого то раскольника, Коровки. Тогда русская граница съ Польшею (до перваго раздѣла) проходила еще по западнымъ границамъ нынѣшней Черниговской и Смоленской губерніи до Западной Двины, такъ что притокъ Днѣпра, Сожа, находился въ предѣлахъ Польши.

Коровка, живя близко границы, какъ надо думать, промышлялъ тѣмъ, что переправлялъ бѣглыхъ изъ Польши и обратно. Онъ посовѣтовалъ Пугачеву перебраться въ Польшу, а оттуда, перемѣнивъ имя, явиться подъ видомъ раскольника, чтобы, по закону о раскольникахъ, получить дозволеніе селиться въ Россіи, гдѣ угодно. Такъ объяснялъ Пугачевъ при допросахъ; но очень можетъ быть, что мысль объявить себя раскольникомъ у него бродила и прежде: иначе зачѣмъ бы ему идти къ Коровкѣ. Такой бывалый человѣкъ, какъ Пугачевъ, не могъ не знать всѣхъ лазеекъ. «Хоть я и не раскольникъ, говорилъ онъ на слѣдствіи, да способъ для свободнаго прожитія цѣлый вѣкъ хорошъ». Коровка далъ ему въ проводники сына. Оба сначала прожили нѣсколько времени въ Стародубскихъ слободахъ, гдѣ былъ великій притонъ бѣглыхъ, а потомъ переправились за границу, въ *Вѣтку,*—громадное раскольничье поселеніе въ тогдашней Польшѣ, на рѣкѣ Сожѣ, въ южной части нынѣшней Могилевской губерніи (къ сѣверу отъ Гомеля). Въ Вѣткѣ Пугачевъ прожилъ около четырехъ мѣсяцевъ, нанимаясь косить сѣно. Тутъ онъ, конечно, успѣлъ пріобрѣсти расположеніе раскольниковъ, выказать себя ревностнымъ ихъ приверженцемъ, такъ что потомъ ему вездѣ готовы были отъ нихъ и помощь и пріютъ. Въ августѣ 1772-го года онъ явился на пограничный Добрянскій форпостъ (Добрянка въ нынѣшней Черниговской губерніи, къ востоку отъ устьевъ Сожи) и объявилъ, что онъ раскольникъ, пензенскій купецъ, Емельянъ Ивановъ, желаетъ возвратиться въ Россію и поселиться на Иргизѣ. Ему безъ труда дали пашпортъ, но, по причинѣ чумы, задержали въ карантинѣ. Это время не прошло у него даромъ. Онъ знакомится съ бѣглымъ гренадеромъ, Семеновымъ, и съ купцомъ Кожевниковымъ. По словамъ Пугачева, Семеновъ сообщаетъ раскольнику, купцу Кожевникову, что находитъ въ Пугачевѣ сходство съ умершимъ императоромъ Петромъ III. Кожевниковъ зоветъ къ себѣ Пугачева, толкуетъ съ нимъ между прочимъ о его замыслахъ бѣжать съ Иргиза на Кубань и даетъ ему такіе совѣты: «Бѣжать одному на Кубань не способно. А вотъ что сдѣлай. Есть люди, которые находятъ въ тебѣ сходство съ государемъ Петромъ Ѳедоровичемъ: прими на себя это званіе и ступай на Яикъ. Я точно вѣдаю, что яицкіе казаки утѣснены: объявись ты государемъ и подговаривай ихъ бѣжать съ собою. Этотъ солдатъ (Семеновъ) будетъ всѣхъ увѣрять, что тебя знаетъ, и народъ ему повѣритъ. Обѣщай яицкимъ казакамъ награжденіе, по 12 рублей на человѣка; деньги же, когда будетъ нужда, я вамъ дамъ, да и прочіе помогутъ съ тѣмъ только, чтобы вы насъ, раскольниковъ, взяли съ собой, по-

тому что намъ здѣсь жить стало трудно, и непрестанно мы терпимъ гоненіе». Съ этими наставленіями Семеновъ и Пугачевъ отправлены къ раскольнику Кузнецову, жившему на Дону, на хуторѣ, близь Усть-Медвѣдицкой станицы. Кузнецовъ подтвердилъ тоже самое, говоря: «Нынѣ и на Иргизѣ стало великое гоненіе старовѣрамъ». Онъ также совѣтовалъ подговорить яицкихъ казаковъ бѣжать на Кубань и отправилъ Пугачева въ Иргизскіе скиты, къ игумену Филарету. Пришедши сюда, Пугачевъ уже имѣлъ свою лошадь и 470 рублей денегъ. На Иргизѣ раскольники приняли его, какъ друга, и обѣщали не жалѣть иждивенія на замышляемое дѣло. Семеновъ тутъ съ нимъ разстался, записавшись за кого-то въ солдаты. Вѣроятно, его содѣйствіе считали не нужнымъ и опаснымъ.

Такъ было дѣло по словамъ Пугачева. Но замѣчательно, что впослѣдствіи Коровка, Кожевниковъ, Кузнецовъ по суду были оправданы, да и вообще раскольники съумѣли себя выгородить. Можетъ быть, на дѣло посмотрѣли такъ, что Пугачевъ все задумалъ самъ и лишь намеками сообщалъ о своихъ замыслахъ этимъ лицамъ: они же не придавали этому никакого значенія, а помогали Пугачеву, только потому, что считали его своимъ. Пугачевъ, конечно, старался ослабить обвиненіе, представляя, что не онъ былъ зачинщикомъ. Какъ бы то ни было, отъ раскольниковъ вездѣ находилъ онъ готовую помощь. Въ ихъ желаніи переселиться на Кубань нѣтъ ничего невѣроятнаго. Хотя при Екатеринѣ имъ даны были нѣкоторыя льготы, но мы знаемъ, какъ чиновники исполняли распоряженія правительства. Преслѣдованія раскольниковъ всегда представляли самую выгодную статью дохода. Вотъ почему раскольники всегда искали мѣстъ, куда бы укрыться подалѣе. Вѣтка въ Польшѣ уже становилась не безопасной, такъ какъ русскія войска почти овладѣли краемъ; на Иргизѣ и совсѣмъ не было возможности укрываться отъ властей. Кубань же, находясь въ предѣлахъ Турціи, могла дать вѣрное убѣжище, но лишь въ томъ случаѣ, еслибы тамъ поселились и раскольники казаки, которые защищали бы бѣглецовъ отъ грабительства горцевъ. Еще памятенъ былъ примѣръ Некрасова, который при Петрѣ Великомъ ушелъ на Кубань съ донскими казаками: некрасовцы, тоже раскольники, потомъ, получивъ земли отъ султана близь устьевъ Дуная, переселились въ Европейскую Турцію, гдѣ и жили совершенно независимо. Иргизскіе раскольники, помогая Пугачеву, конечно, употребили всѣ средства, чтобы скрыть слѣды своего участія въ этомъ дѣлѣ. Что касается мысли объявить себя Петромъ III, то Пугачеву она могла придти въ голову и безъ помощи раскольниковъ. Въ бродячемъ на-

селеніи Россіи самозванство изстари было очень обыкновеннымъ явленіемъ. Самозванцы всегда являлись послѣ какого нибудь насильственнаго переворота или внезапной смерти кого либо изъ царскаго семейства. Такъ послѣ Петра Великаго объявлялись въ разныхъ мѣстахъ Россіи самозванные Алексѣи Петровичи; передъ Пугачевымъ затѣвали дѣло уже три самозванца, принявшіе имя Петра III-го. Изъ нихъ Богомоловъ въ 1772-мъ году началъ было смуту среди Волжскаго войска, въ Дубовкѣ, но скоро пойманъ. Обыкновенно бѣглый солдатъ, попъ-разстрига, или какой нибудь бездомный крестьянинъ, надѣясь весело погулять, таинственно объявляли, что у нихъ есть *царскіе знаки*: отпечатанный слѣдъ креста на груди или какіе нибудь фигурные слѣды ранъ, и выдумывали цѣлую исторію о своемъ спасеніи отъ смерти. Ихъ сообщники разносили молву по кабакамъ. Таинственность, обаяніе царскаго имени, а часто и надежда облегчить свою участь увлекали простодушный народъ. Въ смутныя времена такія попытки имѣли особый успѣхъ. Но Пугачеву болѣе, чѣмъ другимъ, благопріятствовали обстоятельства, хотя сходства съ Петромъ III онъ не имѣлъ никакого. Онъ былъ средняго роста, довольно плечистъ, но тонокъ въ таліи; лицемъ сухощавъ, смуглъ, рябоватъ; на головѣ имѣлъ темнорусые, почти черные волосы и такую же бороду клиномъ съ просѣдью; глаза необыкновенно живые, большіе, каріе, и взглядъ то «страховитый», то плутовато-добродушный. На груди у него были ямки, слѣды какой то золотушной болѣзни, отъ которой онъ и уѣхалъ лечиться изъ подъ Бендеръ. Отъ роду ему было лѣтъ около 35, или 40. Порывистая бойкость въ движеніяхъ, быстрая сообразительность, способность ко всякому примѣняться, доказывали въ немъ въ высшей степени впечатлительную, воспріимчивую натуру.

И такъ, врядъ ли раскольники внушили Пугачеву мысль о самозванствѣ: такой грубый обманъ былъ не въ ихъ характерѣ. Мы видимъ въ самомъ дѣлѣ, что ближайшіе совѣтники самозванца—все удалой, безшабашный народъ, который менѣе всего думаетъ о поддержаніи раскола или о какой нибудь религіи. Но, конечно, нигдѣ такъ не было популярно имя Петра III, какъ между раскольниками, и, въ случаѣ успѣха, Пугачевъ могъ тутъ найти самыхъ искреннихъ приверженцевъ, вполнѣ вѣрившихъ въ его царское происхожденіе. Онъ понималъ это, и въ своихъ возмутительныхъ листахъ между прочимъ жаловалъ народъ «крестомъ и бородою».

Иргизскіе старцы въ ноябрѣ послали Пугачева съ однимъ изъ крестьянъ въ Яицкъ будтобы для закупки рыбы и рекомендовали его Денису Пьянову, у котораго онъ и остановился. Въ Яицкѣ Пу-

гачевъ много бродилъ по базарамъ и наслушался толковъ толпы. Имѣлъ ли онъ тутъ съ кѣмъ нибудь тайныя совѣщанія, дѣлалъ ли кому нибудь намеки о своемъ намѣреніи объявить себя Петромъ III, неизвѣстно. Самъ Пугачевъ увѣрялъ, что такого намѣренія у него тогда еще не было; но въ этомъ можно сомнѣваться, если подобная мысль у него бродила еще въ Добрянкѣ. Мы знаемъ только, что у Дениса Пьянова шли толки о жалкой долѣ казаковъ, и Пугачевъ предлагалъ бѣжать на Кубань, говоря, что Некрасовъ далъ каждому казаку по 12 рублей, а онъ можетъ обѣщать гораздо болѣе. Едва Пугачевъ вернулся на Иргизъ, крестьянинъ, сопровождавшій его, донесъ объ этихъ толкахъ начальству. Возмутителя разыскали и подъ кнутомъ вынудили у него признаніе, что онъ не пензенскій купецъ Ивановъ, а бѣглый казакъ изъ Зимовейской станицы. Тогда дѣло показалось сомнительнымъ, и Пугачева отправили въ Казань для розыска. Въ Казани его держали строго, въ особой тюрьмѣ для болѣе важныхъ преступниковъ. Однако онъ нашелъ случай дать о себѣ извѣстіе купцу Щелокову, раскольнику, пріятелю игумена Филарета. Щелоковъ видѣлся съ Пугачевымъ, убѣдился изъ его словъ и поведенія, что онъ страдаетъ «за бороду и за крестъ» и выпросилъ у начальства дозволеніе перевести его въ обыкновенную городскую тюрьму, гдѣ заключеннымъ было болѣе льготъ, и имъ дозволяли подъ стражею ходить по городу выпрашивать милостыню. Тутъ Пугачевъ выказалъ такое благочестіе, велъ себя такъ строго, солидно, что всѣ удивлялись его смиренію и разуму. Многіе, приносившіе колодникамъ подаяніе, прежде всего спрашивали о немъ, желали его видѣть и говорить съ нимъ. Тюремное начальство имѣло къ нему совершенное довѣріе. Пугачевъ, еще когда былъ взятъ, умѣлъ припрятать въ сапогъ нѣсколько свертковъ съ золотыми, а теперь у него было еще больше денегъ, съ которыми онъ могъ все устроить. Онъ сошелся съ купцомъ Дружининымъ, сидѣвшимъ въ острогѣ за недочетъ казенныхъ денегъ при порученной ему продажѣ соли, и подговорилъ его бѣжать вмѣстѣ. Оба отпросились у офицера къ знакомому попу. Ихъ отпустили съ двумя солдатами, изъ которыхъ одинъ участвовалъ въ заговорѣ. У попа началось угощеніе на деньги, данныя обоими арестантами; старались особенно напоить до безчувствія солдата, не знавшаго о замышляемомъ бѣгствѣ. Попъ также ни о чемъ не догадывался. Между тѣмъ противъ его воротъ ждала уже лошадь, припасенная сыномъ Дружинина. Когда вышли, Пугачевъ крикнулъ: «Эй, извощикъ, подвези ка до острога». Въ телѣгу уложили пьянаго солдата, закрыли рогожами и покатили за городъ. Отъѣхали верстъ де-

сятокъ, и спустили солдата, оставивъ его досыпать на дорогѣ, а сами поскакали далѣе. Пугачевъ бѣжалъ изъ Казани въ концѣ мая 1773-го года, за три дня до того, какъ пришло изъ Петербурга рѣшеніе сослать его на каторгу. Щелоковъ былъ преданъ суду, но успѣлъ оправдаться.

Пугачевъ сначала укрывался въ вятскихъ лѣсахъ, но потомъ, съ помощью друзей-раскольниковъ, опять перебрался къ Иргизу. У него была порядочная сумма денегъ и двѣ лошади, и онъ пріютился на проѣзжемъ пути въ Яицкъ, на Таловскомъ уметѣ (постоялый дворъ) у знакомаго ему раскольника, пѣхотнаго солдата Оболяева, по прозванью «Еремкина курица». Вѣроятно, такое прозваніе дано ему было за его крайнюю простоту и довѣрчивость. Пугачевъ прожилъ у него около двухъ недѣль, и однажды въ банѣ, показавъ слѣды отъ ранъ на груди, сказалъ ему: «Это государевы знаки... я государь Петръ Ѳеодоровичъ». —«Что ты? Да вѣдь толковали, что государь умеръ?»—«Неправда: я спасся и жилъ за моремъ, а теперь вотъ пріѣхалъ сюда, узнавъ, что яицкіе казаки утѣснены... еслибы кто поумнѣе изъ нихъ пріѣхалъ, я бы потолковалъ съ ними». Пугачевъ приказалъ Оболяеву строго хранить тайну и открывать ее только надежнымъ людямъ. Конечно, уже хитрыми намеками, своимъ обращеніемъ, самоувѣреннымъ тономъ, разсказами о своихъ чудныхъ странствованіяхъ, Пугачевъ подготовилъ простака къ такому открытію, Еремкина курица подъ страшнымъ секретомъ все разсказалъ яицкому казаку Закладному, пріѣхавшему къ нему покупать лошадь. Пугачевъ напередъ бесѣдовалъ съ этимъ казакомъ, помогалъ ему въ покупкѣ лошади и, какъ видно, увѣрившись въ его простодушіи и осторожности, дозволилъ открыть ему, какая особа на хуторѣ. Важно было, чтобы тайну прежде всего узнали люди, которые могли-бы передавать ее другимъ съ полнымъ убѣжденіемъ. Закладной сразу повѣрилъ и промолвивъ: «Видно, Господь поискалъ насъ»,—поѣхалъ въ Яицкъ, чтобы обо всемъ передать вѣрнымъ людямъ изъ войсковой партіи. Скоро стали наѣзжать казаки для тайнаго свиданія съ Пугачевымъ. Все смѣлѣе разыгрывая принятую на себя роль, онъ говорилъ, что пришелъ мстить за ихъ обиды и прибавлялъ: «Ну, если я вамъ любъ, то примите меня, какъ государя, а не любъ, такъ я уйду до поры до времени на Узень.» Назначена была первая, болѣе людная сходка въ степи, вдали отъ умета. Тутъ за обѣдомъ Пугачевъ много разсказывалъ о своихъ похожденіяхъ,—что онъ бывалъ и въ Кіевѣ, и въ Польшѣ, и въ Египтѣ, и въ Царьградѣ, и въ Іерусалимѣ; вездѣ укрывался отъ преслѣдованій, вездѣ добрые люди его спасали. Показывая свои «царскіе знаки», онъ объяснялъ, что это раны,

нанесенные ему въ Петербургѣ гвардейцами, когда они противъ него возстали, что вѣрный офицеръ выпустилъ его изъ заключенія, а вмѣсто него похоронили другаго. «Еще не время было мнѣ теперь явиться, сказалъ онъ въ заключеніе, да видно Богъ привелъ.» Одинъ довѣрчивый казакъ, слушая Пугачева, замѣтилъ: «Точно, былъ слухъ, что государь скончался, однако больше толковали, что *онъ живъ.*» Въ этой сходкѣ участвовали Шигаевъ и Чика, бывшіе потомъ въ числѣ самыхъ дѣятельныхъ приверженцевъ Пугачева. Чика пріѣхалъ нѣсколько позднѣе и огорошилъ одного изъ довѣрчивыхъ казаковъ словами: «Что? собрались народъ обманывать? гдѣ-же государь? и я хочу его видѣть.» Чика тотчасъ беретъ Пугачева на свое попеченіе, рѣшая, что его нужно скрыть подальше отъ проѣзжихъ путей, гдѣ было-бы безопаснѣе казакамъ совѣщаться.

Такимъ образомъ дѣло переходитъ въ руки удалыхъ головъ, которымъ Пугачевъ нуженъ былъ только, какъ вывѣска. Собственно говоря, лишь съ такими бывалыми и безшабашными людьми, какъ Чика, онъ и могъ начать предпріятіе. Простаки, подобные Оболяеву и Закладному, служили только для опыта, чтобы узнать, на сколько могла имѣть успѣхъ пущенная молва: все дѣло дѣлали Чика и ему подобные. Пугачевъ былъ въ ихъ рукахъ, не имѣя самъ почти никакой власти. Слова Чики даютъ подозрѣвать, не зналъ-ли онъ Пугачева прежде, когда тотъ ѣздилъ въ Яицкъ за рыбою; не пришелъ ли онъ теперь только посмотрѣть, какъ самозванецъ будетъ разыгрывать свою роль. Шигаевъ сначала не довѣрялъ ему, вѣроятно, потому что Чика, какъ человѣкъ практическій, могъ взяться за дѣло, лишь разсчитывая на успѣхъ. Другой изъ главныхъ сотрудниковъ Пугачева, Перфильевъ, былъ въ это время въ Петербургѣ и присоединился къ самозванцу уже позднѣе подъ Оренбургомъ. Онъ участвовалъ во всѣхъ предъидущихъ возмущеніяхъ казаковъ, сражался противъ Фреймана и потомъ скрывался, какъ другіе, въ степи на уметахъ. Передъ самымъ появленіемъ Пугачева, въ началѣ осени 1773-го года, онъ войсковою стороной отправленъ въ Петербургъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими казаками, будто-бы ходатайствовать о томъ, чтобы сняли съ войска пеню за разграбленіе имѣнія старшинъ и Траубенберга. Онъ являлся къ Алексѣю Орлову и внушилъ къ себѣ такое довѣріе, что, съ разрѣшенія императрицы, писавшей о немъ и въ Москву князю Волконскому, ему поручено было пробраться въ лагерь самозванца съ цѣлію отклонить отъ бунта казаковъ, при чемъ всѣ власти, до самаго Яицка, должны были оказывать ему содѣйствіе. Если яицкіе казаки уже заранѣе что нибудь замышляли, то

имъ, по ихъ же выраженію, нечего было «терять поклоны», и Перфильевъ могъ быть посланъ для развѣдыванія, удобно-ли начать возстаніе. Онъ могъ, напримѣръ, сообщить о разныхъ затрудненіяхъ правительства въ заключеніи мира съ турками, о волненіяхъ въ Польшѣ, о несогласіяхъ со Швеціей, — о всемъ, что можно было узнать въ Петербургѣ. Перфильевъ бродилъ и по кабакамъ, толкался и въ лакейскихъ знатныхъ домовъ. Не даромъ въ приговорѣ суда онъ названъ «главнѣйшимъ содѣйственникомъ во всѣхъ злыхъ намѣреніяхъ, предпріятіи и дѣлѣ изверга.» Не разсчитывалъ-ли Пугачевъ на его пріѣздъ, когда говорилъ: «Еще не время было мнѣ теперь явиться.» Трудно вѣрить Перфильеву, когда на допросѣ онъ объяснялъ, что въ Петербургѣ онъ искренно желалъ помочь правительству, а потомъ, увидѣвъ, что всѣ признаютъ Пугачева государемъ, и самъ усомнился. Это былъ фанатикъ, крѣпко ненавидѣвшій весь существующій порядокъ и безпощадный при совершеніи суда и казней надъ правительственными лицами: со своимъ другомъ Овчинниковымъ, онъ до конца не оставлялъ Пугачева. Когда казаки уже рѣшили выдать самозванца, Перфильевъ сказалъ, что «лучше ему живому быть зарытымъ въ землю, чѣмъ отдаться начальству.» Во всякомъ случаѣ невѣроятно, чтобы казаки, какъ это представлялъ Пугачевъ, вдругъ, послѣ бѣгства его изъ Казани, и не разсуждая, признали его Петромъ III.

Чика скрывалъ Пугачева на разныхъ хуторахъ и наконецъ прибылъ съ нимъ на хуторъ казака Кожевникова, верстъ за 60 отъ Яицка внизъ по Уралу. Между казаками начались совѣщанія. Рѣшено не начинать дѣла до плавни, то есть, до осенняго рыболовства (въ октябрѣ), а тутъ, когда всѣ казаки будутъ въ сборѣ, разомъ поднять ихъ и идти на Яицкъ. Но вѣсть о появленіи важной особы уже такъ распространилась, что дошла и до Симонова: схвачено было нѣсколько лицъ, замѣшанныхъ въ дѣлѣ, между прочимъ одинъ изъ братьевъ Кожевниковыхъ. Они подъ пыткою все разсказали. Тогда Чика и другіе заговорщики укрылись съ Пугачевымъ въ степи и рѣшили, что болѣе медлить невозможно. Тотчасъ самозванца принарядили: вмѣсто верблюжьяго тулупа одѣли на него зеленый кафтанъ и новую шапку; приготовили бѣлое знамя съ раскольничьимъ крестомъ; подъискали писаря, который сочинилъ воззваніе, такъ-какъ самъ Пугачевъ былъ безграмотнымъ. Тотъ же писарь подписалъ на немъ: «Великій государь, Петръ III.» «Мнѣ, объяснялъ Пугачевъ, нельзя подписывать до самой Москвы, потому что нельзя показывать свою руку: есть на то великая причина.» Въ воззваніи говорилось,

что «императоръ, Петръ III, принялъ царство, и кто будетъ ему служить, тѣхъ онъ жалуетъ крестомъ и бородою, и рѣкою, и землею, травами и морями, и денежнымъ жалованьемъ, и хлѣбнымъ провіантомъ, и свинцомъ, и порохомъ и вѣчною вольностью; а противники не избѣгнутъ сильной руки его.» Тутъ обѣщано все то, чѣмъ можно было привлечь раскольниковъ и яицкихъ казаковъ. Воззваніе имѣло успѣхъ: съ сосѣднихъ хуторовъ собралось къ Пугачеву до 40 человѣкъ; развернули знамена и двинулись впередъ. Забирали людей на пути съ форпостовъ, и 18 сентября, въ числѣ 140 человѣкъ, приблизились къ Яицку. Симоновъ выслалъ противъ мятежниковъ 500 казаковъ и три роты регулярныхъ войскъ. «Тогда, говоритъ Пугачевъ, я думалъ, что насъ разберутъ по рукамъ, однако не очень устрашился, надѣясь, что тутъ и мои согласники.» Дѣйствительно, едва къ передовому отряду, бывшему подъ начальствомъ Крылова, отца извѣстнаго нашего баснописца, подскакалъ казакъ изъ шайки Пугачева, держа надъ головою воззваніе, отрядъ заволновался. Яицкіе казаки стали требовать, чтобы бумага была прочтена; Крыловъ воспротивился этому. Тогда половина его отряда передалась самозванцу; схвативъ за уздцы лошадей, казаки повлекли за собою многихъ изъ своихъ товарищей. Остальное войско поспѣшило вернуться въ городъ. Симоновъ былъ въ большомъ затрудненіи: на вѣрность казаковъ онъ не могъ разсчитывать, а ничтожные отряды регулярныхъ войскъ, какія у него были, не рѣшался высылать, боясь возмущенія въ самомъ городѣ. Но и Пугачевъ не имѣлъ довольно силъ, чтобы напасть на городъ. Порыскавъ около Яицка, мятежники двинулись далѣе. Тутъ въ первый разъ повѣшены были ими 11 вѣрныхъ казаковъ. Пугачевъ думалъ было только заставить ихъ присягнуть ему; но приближенные его сказали: «Мы сами знаемъ, кого можно прощать»—и Пугачевъ не смѣлъ имъ противиться. Вообще всѣ совершенныя жестокости можно болѣе приписывать совѣтникамъ Пугачева, чѣмъ ему самому. По своей природѣ онъ не былъ кровожаденъ; въ его лицѣ многіе находили даже какое-то добродушіе. Но какъ человѣкъ, нравственно не развитый, онъ не смущался сценами кроваваго разгула, какія его окружали.

2. Отъ похода Пугачева на Оренбургъ до смерти Бибикова.— (Взятіе уральскихъ укрѣпленій.—Осада Оренбурга и Яицка. — Побѣды Голицына).

Мятежники двинулись отъ Яицка къ Оренбургу, по линіи уральскихъ укрѣпленій. Эти укрѣпленія большею частію были только жалкія деревушки, обнесенныя плетнемъ, или заборомъ. Нѣсколько старыхъ гарнизонныхъ солдатъ, толпа казаковъ, да двѣ, три пушки,— вотъ и всѣ средства защиты, какія въ нихъ существовали. Въ своей повѣсти «Капитанская дочка», Пушкинъ очень вѣрно и живо изображаетъ такую крѣпость и ея обитателей. Надо замѣтить, что весь край былъ значительно обнаженъ отъ войскъ. Почти всѣ регулярные полки отозваны были въ Турцію, или къ предѣламъ Польши: въ случаѣ какихъ либо волненій или киргизскихъ набѣговъ чуть ли не единственными защитниками власти оставались казаки да отряды изъ калмыковъ, татаръ и башкирцевъ. Увеличивъ свою шайку до 500 человѣкъ, Пугачевъ приблизился къ Илецкому городку, находившемуся при впаденіи рѣки Илека въ Уралъ, почти на полпути отъ Яицка къ Оренбургу (не надо смѣшивать съ «Илецкой защитой», что лежитъ въ степи къ югу отъ Оренбурга). Казаки связали своего атамана и вышли къ Пугачеву на встрѣчу съ хлѣбомъ-солью. Самозванецъ спросилъ, хорошъ-ли былъ до нихъ атаманъ? Раздались жалобы, и онъ приказалъ тотчасъ его повѣсить. Вступивъ въ Илецкій городокъ при колокольномъ звонѣ, Пугачевъ отправился въ церковь, и велѣлъ поминать на эктеніи Петра III-го. «А императрицу, говорилъ онъ, какъ удастся попасть въ Петербургъ, заключу въ монастырь: пусть свои грѣхи отмаливаетъ.» Тутъ его толпа увеличилась болѣе, чѣмъ до 700 человѣкъ, и онъ забралъ съ собою много пушекъ, какъ на форпостахъ, такъ и въ городкѣ. Большинство приставшихъ къ самозванцу были увѣрены, что онъ истинный государь; нѣкоторые, бывшіе въ Петербургѣ, съ убѣжденіемъ толковали, что именно его видѣли въ разныхъ торжественныхъ случаяхъ. Такъ легко разыгрывалось воображеніе у народа.

Вслѣдъ за тѣмъ Пугачевъ быстро взялъ одну за другою крѣпости: Разсыпную, Нижне-Озерную, Татищеву, Чернорѣченскую, и къ 1-му октябрю, менѣе чѣмъ черезъ двѣ недѣли послѣ выступленія отъ Яицка, былъ уже подъ Оренбургомъ. При каждой изъ этихъ крѣпостей происходило тоже самое. Мятежники подъѣзжали, держа въ рукахъ воззваніе. Казаки, большею частью уже ожидавшіе Пугачева,

тотчасъ ему передавались. Затѣмъ слѣдовала расправа: коменданта и всѣхъ офицеровъ съ ихъ женами вѣшали безъ пощады; гарнизонныхъ солдатъ обращали въ казаковъ, обстригши имъ въ кружокъ волосы; пушки и другіе запасы Пугачевъ забиралъ съ собою. Въ Нижне-Озерной майоръ Харловъ напрасно старался ободрить свой маленькій гарнизонъ; солдаты, при появленіи самозванца, оцѣпенѣли. Харловъ одинъ, съ фитилемъ въ рукахъ, возился около своихъ двухъ пушекъ, бѣгая отъ одной къ другой. Послѣ перваго выстрѣла, его избили, искололи и потомъ повѣсили. Крѣпость Татищева нѣсколько сопротивлялась: въ нее передъ тѣмъ съ 400 человѣками пѣхоты и конницы прибылъ изъ Оренбурга бригадиръ Биловъ. Пугачевцы подъѣхали, крича, чтобъ не слушались бояръ. Ихъ встрѣтили выстрѣлами; перестрѣлка продолжалась съ полудня до вечера. Тогда они замѣтили неубранные стоги сѣна около деревянныхъ стѣнъ крѣпости и подожгли ихъ. Стѣны загорѣлись; солдаты бросились тушить пожаръ, а мятежники съ другой стороны ворвались въ крѣпость. Казаки тотчасъ передались имъ. Комендантъ Елагинъ и Біловъ отчаянно сопротивлялись; но ихъ подъ конецъ схватили и умертвили со всѣми офицерами. Съ тучнаго Елагина содрали кожу, и жиромъ его казаки мазали себѣ раны. Его дочь, молодая жена убитаго Харлова, которую мужъ для безопасности заранѣе отправилъ къ отцу въ Татищеву, взята Пугачевымъ, за ея красоту, въ наложницы. Онъ держалъ ее у себя въ кибиткѣ вмѣстѣ съ ея малолѣтнимъ братомъ; но, по настоянію казаковъ, принужденъ былъ удалить. Впослѣдствіи она также злосчастно погибла въ Бердѣ: разсказываютъ, что ея тѣло видѣли въ кустахъ, гдѣ она лежала, обнявшись со своимъ мертвымъ братомъ. Въ Татищевой Пугачеву достались: большая денежная казна отъ всякихъ сборовъ, много запасовъ и до 30 пушекъ. Точно также въ Чернорѣченской, бывшей всего въ 18 верстахъ отъ Оренбурга, онъ захватилъ неприбранные запасы хлѣба. Тутъ его войско простиралось уже болѣе, чѣмъ до 3000 чел. Прежде чѣмъ идти на Оренбургъ, Пугачевъ рѣшился взять крѣпости, лежавшія отъ этого города къ сѣверу и сѣверовостоку, на рѣкѣ Сакмарѣ, впадающей въ Уралъ близъ Оренбурга. Безъ всякаго сопротивленія завладѣлъ онъ богатою Каргалинскою станицею, которая населена была татарами, ограбилъ хутора губернатора и другихъ чиновниковъ и двинулся къ Сакмарскому городку (около 30 верстъ къ сѣверовостоку отъ Оренбурга). Жившіе тутъ 300 казаковъ уже давно его ждали. Атаманъ ихъ съ семействомъ и нѣкоторыми приверженцами заранѣе укрылся въ Оренбургъ. Пугачевъ прискакалъ въ Сакмарскъ съ нѣсколькими казаками

У станичной избы постланы были ковры и стоялъ столъ съ хлѣбомъ-солью. Попъ ждалъ съ крестомъ и иконами. Вотъ, зазвонили въ колокола; народъ, увидѣвъ Пугачева, снялъ шапки и бросился на землю. Когда самозванецъ сталъ слѣзать съ лошади, два казака подхватили его подъ руки. Онъ приложился ко кресту, поцаловалъ хлѣбъ-соль, сѣлъ на приготовленный ему стулъ и сказалъ: «Вставайте, дѣтушки!» Потомъ онъ сталъ допускать къ цѣлованію руки и распрашивалъ объ ушедшихъ казакахъ. Изъ тѣхъ, которые остались, 20-ти человѣкъ не было на лицо. Пугачеву донесли, что они скрылись, и онъ строго обратился къ священнику: «Ты попъ, такъ будь и атаманъ; ты и всѣ жители мнѣ за нихъ отвѣчаете». Обѣдалъ онъ у старика, отца атамана, и говорилъ ему: «Еслибы твой сынъ былъ здѣсь, то вашъ обѣдъ былъ-бы высокъ и честенъ; но твоя хлѣбъ-соль помрачилась. Какой онъ атаманъ, коли мѣсто свое покинулъ?» Послѣ обѣда, пьяный, онъ чуть было не казнилъ хозяина, но казаки удержали его. На другой день привели къ нему укрывавшихся казаковъ: онъ обошелся съ ними ласково и взялъ ихъ въ свое войско. Между тѣмъ городокъ окружили высланные оренбургскимъ губернаторомъ башкирцы; всѣ они добровольно сдались Пугачеву. Одинъ изъ его отрядовъ занялъ и Пречистенскую крѣпость; ея офицеры, вмѣстѣ съ гарнизономъ, сами вышли съ покорностью на встрѣчу мятежникамъ, и тѣмъ спасли свою жизнь.

При такихъ успѣхахъ, Пугачевъ уже распоряжался, какъ имѣющій власть. Онъ строилъ обширные планы. «Бояре, говорилъ онъ, у меня не будутъ владѣть землею, а пусть живутъ на жалованьи». Обращая всѣхъ въ казаковъ, онъ казалось, хотѣлъ ввести въ Россіи казацкіе порядки, да ничего другаго не могъ-бы и придумать. Всѣхъ жителей обстригали въ кружокъ и тащили за войскомъ, оставляя на мѣстѣ лишь стариковъ, женщинъ и дѣтей. У нихъ тоже являлись избранные ими, а то и назначенные Пугачевымъ старшины и атаманы. Самъ Пугачевъ между своими былъ лишь избраннымъ атаманомъ, вполнѣ зависящимъ отъ громады. При этомъ объявлена была безпощадная война всѣмъ существующимъ властямъ: военному и гражданскому начальству, судьямъ, помѣщикамъ, прикащикамъ. Изъ нихъ спасались лишь немногіе, за которыхъ просилъ народъ, но и эти должны были служить самозванцу. Всѣ казенныя дѣла и бумаги сожигали. Грабили, раззоряли и жгли казенное добро и дома начальниковъ, или лицъ, приверженныхъ правительству, и по казацки дѣлили добычу. Но при общемъ возстаніи, дикія, пьяныя толпы часто не разбирали, былъ ли кто врагомъ, или объявлялъ

себя другомъ самозванца: развѣ лишь тотъ, кто ничего не имѣлъ, могъ спастись отъ грабежа. Выпущенные изъ тюремъ каторжники и воры тутъ играли видную роль. Самъ Пугачевъ, хоть и проговаривался о томъ, что поставитъ новыхъ правдивыхъ судей, въ своихъ воззваніяхъ къ народу, обѣщая ему небывалыя льготы, только возбуждалъ его убивать и грабить: объ судѣ, о какомъ либо порядкѣ тутъ не было и рѣчи. Льстя народу, онъ лишь думалъ широко пожить, потѣшить свою удаль.

Теперь Оренбургъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, исключая степной, киргизской; но и тутъ разъѣзжали толпы мятежниковъ. Въ началѣ октября Пугачевъ двинулся къ городу, перешелъ по мосту, который не успѣли разобрать, черезъ рѣку Сакмару и расположился лагеремъ за нѣсколько верстъ отъ крѣпости. Въ Оренбургѣ находилось до 3000 войска и до 70 пушекъ. Онъ окруженъ былъ частью валомъ, частью стѣнами. Впослѣдствіи на подкрѣпленіе къ нему пришелъ еще съ крѣпостей, расположенныхъ далѣе къ Орску, бригадиръ Корфъ съ 2400 человѣкъ и съ 20 пушками. При нѣкоторой распорядительности, можно было забрать пушки, гарнизонъ и припасы и съ ближайшихъ крѣпостей, взятыхъ Пугачевымъ. Съ такими силами не только нечего было бояться мятежниковъ, но казалось возможнымъ и значительно задержать ихъ успѣхи. Мы увидимъ далѣе, что Пугачеву удачно сопротивлялись и незначительные отряды, такъ какъ у него почти не было регулярнаго войска. Но оренбургскій губернаторъ, Рейнсдорпъ, былъ человѣкъ совсѣмъ неспособный, и, кажется, сдѣлалъ все возможное для усиленія Пугачева. Если во время шестимѣсячной осады (съ начала октября 1773-го до конца марта 1774-го года) самозванцу не удалось взять города, то это надо приписывать лишь тому, что въ Оренбургѣ нашлось очень мало его приверженцевъ: напротивъ и изъ казаковъ сюда стекались лишь тѣ, которымъ грозила отъ него неминучая гибель. Въ самомъ началѣ крѣпость находилась въ такомъ положеніи, что не промедли Пугачевъ нѣсколько дней на рѣкѣ Сакмарѣ, онъ, пожалуй, взялъ-бы ее: валъ мѣстами такъ осыпался, что можно было прямо въѣхать въ городъ; всѣ потеряли голову и не знали, что дѣлать. Наконецъ Рейнсдорпъ однако одумался: ровъ очистили; валы стали исправлять и укрѣплять рогатками; разставили кругомъ пушки и назначили, кому чѣмъ распоряжаться. По первымъ извѣстіямъ, полученнымъ отъ Симонова и другихъ, Рейнсдорпъ могъ уже догадаться, что Пугачевъ не простой разбойникъ; ему слѣдовало скорѣе стянуть гарнизонъ изъ сосѣднихъ крѣпостей. Напротивъ онъ посылаетъ изъ Оренбурга Би-

лова, и когда этотъ извѣщаетъ его о крайней опасности, онъ настаиваетъ, чтобы Биловъ шелъ на помощь къ Нижне-Озерной крѣпости: Биловъ, какъ и Елагинъ, сдѣлались жертвой его распоряженій. Рейнсдорпъ во всемъ медлилъ и раздумывалъ. Почему-то до послѣдней минуты онъ не извѣщалъ жителей о грозившей бѣдѣ: вслѣдствіе этого никто не сдѣлалъ своевременно запасовъ. Между тѣмъ Пугачевъ, захвативши всѣ запасы, бывшіе въ сосѣднихъ крѣпостяхъ, кромѣ того занялъ Сакмарскую линію, и этимъ лишилъ Оренбургъ всякой возможности получать хлѣбъ съ сѣвера изъ Башкиріи: осажденнымъ былъ доступъ лишь на югъ въ безплодныя степи, да и то подъ страхомъ быть захвачену какой нибудь блуждающей шайкой. Своимъ искустнымъ движеніемъ отрѣзавъ Оренбургъ отъ Башкиріи, Пугачевъ могъ легко не только морить его голодомъ, но и возмущать башкирцевъ, недовольныхъ правительствомъ. Хлѣбъ въ городѣ быстро поднимался въ цѣнѣ: съ 3-хъ копѣекъ за ковригу онъ возвысился до 40 коп. и болѣе. Въ январѣ положеніе жителей стало совсѣмъ отчаяннымъ: ѣли павшихъ лошадей, разваренную бычачью и лошадиную кожу и умирали отъ болѣзней. Точно также Рейнсдорпъ не распорядился, чтобы забрать въ городъ запасенные вокругъ него стоги сѣна. Пугачевцы это замѣтили и сожгли сѣно. Лошадей нечѣмъ было кормить: онѣ тощали и падали. Принуждены были отправлять людей на фуражировку. Тутъ изъ за одного какого нибудь несчастнаго воза иногда гибли десятки народу, потому что мятежники не пропускали случая нападать на фуражировъ. Скоро и съ такими жертвами нельзя было достать сѣна: добывали въ степи хворостъ и кормили лошадей хворостомъ. Вотъ отчасти почему и всѣ вылазки противъ непріятеля не удавались: на своихъ тучныхъ, откормленныхъ коняхъ онъ безпечно скакалъ у самаго города, увертываясь отъ высылаемыхъ командъ, и лишь пушками можно было отогнать его. Подъ конецъ, уже отказавшись отъ вылазокъ, Рейнсдорпъ выслалъ истощенныхъ лошадей на прокормъ въ дальнія мѣста къ востоку: мятежники всѣхъ ихъ перехватали. Такимъ-же образомъ высылали изъ Оренбурга казацкихъ женъ и дѣтей и толпы татаръ. Всѣ они шли въ лагерь самозванца: тутъ ихъ принимали и кормили, хвалясь, что «у нашего государя много хлѣба».

Долго скрывая отъ жителей появленіе самозванца, Рейнсдорпъ издалъ наконецъ объявленіе, гдѣ дикимъ канцелярскимъ слогомъ изъяснялъ: «О злодѣйствующемъ съ яицкой стороны, по легкомыслію нѣкоторыхъ разгласителей, носится слухъ, яко бы онъ другаго состоянія *нежели какъ есть*; но онъ злодѣйствующій въ самомъ дѣлѣ бѣглый казакъ,

Емельянъ Пугачевъ, который за его злодѣйство наказанъ кнутомъ съ *поставленіемъ на лицѣ его знаковъ*; но чтобы онъ въ томъ познанъ не былъ, для того предъ предводительствуемыми имъ никогда шапки не снимаетъ, и проч.» Пугачевъ точно былъ сѣченъ кнутомъ, но ноздрей у него не вырывали и никакихъ на лицѣ знаковъ не ставили, такъ какъ это дѣлалось только по суду. Получивъ объявленіе, мятежники торжествовали. «Смотрите, говорили они, гдѣ же у нашего батюшки рваныя ноздри? Вотъ, и видно, что о государѣ Петрѣ Ѳедоровичѣ они на знаютъ.» Рейндорпъ сдѣлалъ еще лучше. Онъ выпустилъ изъ тюрьмы каторжника Хлопушу и послалъ его въ станъ Пугачева въ надеждѣ, что онъ, тайно раздавая казакамъ врученныя ему увѣщательныя письма, отвратитъ ихъ отъ самозванца. Хлопуша много лѣтъ разбойничалъ въ Оренбургскомъ краѣ, не разъ терпѣлъ плети, съ рваными ноздрями сосланъ былъ въ Сибирь на каторгу, нѣсколько разъ бѣжалъ оттуда, пока не посаженъ былъ на цѣпь въ Оренбургѣ. Столь нежданно получивъ свободу, онъ отправился прямо къ Пугачеву и передалъ ему губернаторскія посланія. Самозванецъ обласкалъ его и сталъ давать ему разныя порученія. Отлично зная край, который онъ исходилъ вдоль и поперегъ, Хлопуша возмутилъ башкирцевъ и заводскихъ крестьянъ въ нынѣшней Оренбургской и Уфимской губерніи, цѣлыя ихъ толпы отправилъ къ Пугачеву, овладѣлъ многими заводами, лилъ на нихъ пушки и ядра, и все это, вмѣстѣ съ хлѣбными запасами, доставлялъ въ станъ мятежниковъ. За эти услуги Пугачевъ сдѣлалъ эго полковникомъ. Видя неудачу всѣхъ своихъ распоряженій, Рейнсдорпъ вздумалъ перебраниваться съ самозванцемъ и отправилъ къ нему посланіе съ надписью: «Пресущему злодѣю и отъ Бога отступившему человѣку, сатанину внуку, Емелькѣ Пугачеву.» Падуровъ, секретарь Пугачева, отвѣчалъ на это посланіе не менѣе краснорѣчиво. Онъ называлъ губернатора «дьявольскимъ сыномъ, всескверныиъ общаго покоя ненавистникомъ» и просто «бестіей и мошенникомъ.» «А на тебя здѣсь, говорится въ отвѣтѣ, хотя веревочныхъ петель не станетъ, а мы у мордвина, хоть гривну дадимъ, мочальныхъ возьмемъ, да на тебя веревку свить можемъ.» Въ заключеніе Падуровъ совѣтуетъ губернатору «придти къ нашему чадолюбивому отцу и всемилостивѣйшему монарху.» Тогда онъ не только проститъ, но и прежняго достоинства не лишитъ, «а здѣсь не безъизвѣстно, что вы и мертвечину въ честь кушаете.» Другая еще болѣе забавная затѣя губернатора была ставить около города противъ мятежниковъ, какъ противъ волковъ, капканы. Никто въ эти капканы не попалъ: большую часть ихъ раскрали сами же жители.

Но мятежники, узнавъ объ этомъ, много тѣшились надъ Рейнсдорпомъ.

При такой неумѣлости, Рейнсдорпу едва едва удалось спасти Оренбургъ. Пугачевъ нѣсколько разъ подходилъ къ городу, искустно ставилъ кругомъ него баттареи и громилъ его изъ пушекъ. Но съ валовъ Оренбурга также усердно отвѣчали выстрѣлами, и мятежники наконецъ отступали. Однажды, подъ предводительствомъ самого Пугачева, они забрались со стороны рѣки Урала подъ самый валъ, укрываясь въ погребахъ выжженнаго предмѣстья. Ихъ долго не могли оттуда выбить, потому что тутъ они скрывались подъ кручею берега. Тогда отрядъ егерей, выступивъ изъ города, перешелъ черезъ Уралъ и принудилъ ихъ бѣжать уже выстрѣлами съ другой стороны. Пугачевъ не рѣшался идти на приступъ; онъ сказалъ, что тратить людей не будетъ, а выморитъ Оренбургъ голодомъ. Вылазки изъ города ограничивались тѣмъ, что значительные отряды съ пушками приближались къ лагерю мятежниковъ; начиналась перестрѣлка, и чуть непріятель выступалъ, чтобы напасть, какъ войска поспѣшно уходили въ городъ. Такія отступленія иногда обращались въ бѣгство. Особенно неудачна была вылазка, произведенная въ январѣ тремя отрядами. Передовой отрядъ, подъ начальствомъ Наумова, уже пробрался было къ лагерю непріятеля и началъ удачно дѣло, но другіе отряды его не поддержали: они промедлили до того, что пугачевцы стали заходить имъ въ тылъ. Тогда все бѣжало: оренбургскія войска потеряли до 400 убитыми и 15 пушекъ. Выстрѣлы съ крѣпости мало вредили разъѣзжавшему близъ самыхъ валовъ непріятелю, потому что онъ обыкновенно скакалъ въ разсыпную. Пугачевцы часто подъѣзжали къ самымъ валамъ и вступали въ разговоры съ солдатами и городскими казаками. «Полно вамъ палить, кричали они, сдавайтесь-ка.,. нашъ батюшка добрый, много будетъ васъ жаловать... у нашего батюшки вина много.» — «Пусть вашъ батюшка самъ сюда пожалуетъ, отвѣчали осажденные: мы вотъ угостимъ его.» — «Довольно вамъ служить женщинѣ, да ѣсть кобылятину... одумайтесь: нашъ государь прямой, Петръ Ѳедоровичъ». — «Государь вашъ — бѣглый казакъ, воръ Емелька.» — «А вотъ подождите, къ нашему государю придетъ наслѣдникъ на помощь, Павелъ Петровичъ, съ 30000 войска... тогда вамъ плохо будетъ.» Не разъ мятежники требовали переговоровъ со старшиною Бородинымъ, пришедшимъ въ Оренбургъ съ отрядомъ казаковъ изъ Яицка, подсылали возмутительныя письма; однажды ночью они оставили у города на шестѣ мѣшечекъ съ письмами, отправленными въ Оренбургъ и изъ Оренбурга, желая этимъ показать,

что перехватываютъ всякую корреспонденцію. Подъ городомъ появлялись и наѣздники въ красныхъ кафтанахъ: этими кафтанами также хотѣли сманить городскихъ казаковъ. Что касается изобилія вина у Пугачева, то мятежники доказывали это и на дѣлѣ. Пьяные, они нерѣдко скакали подъ городомъ безъ всякой осторожности и прямо лѣзли въ руки солдатъ. Однажды самъ Пугачевъ, безъ шапки, шатаясь на сѣдлѣ, подскакалъ къ высланному противъ него отряду. Свои съ трудомъ его оттащили.

Когда начались морозы, Пугачевъ, не переставая тревожить городъ, устроилъ свое пребываніе въ Бердской свободѣ, за 7 верстъ къ сѣверу отъ Оренбурга, на рѣкѣ Сакмарѣ. Здѣсь была его главная ставка; сюда со всѣхъ сторонъ стекались къ нему несмѣтныя толпы крестьянъ, ушедшихъ съ заводовъ, башкирцевъ, калмыковъ, татаръ, всякаго рода бродягъ и каторжниковъ. Эти полчища въ разное время доходили до десяти, до двадцати пяти, а, по словамъ самозванца, и до ста тысячъ. Но правильно вооруженныхъ и сколько нибудь пріученныхъ къ битвѣ было не болѣе 2-хъ, 3-хъ тысячъ. Сюда принадлежали яицкіе и оренбургскіе казаки и обращенные въ казаки солдаты. Они получали и жалованье. Прочая толпа была вооружена, чѣмъ попало: дубинами, саблями, копьями, пистолетами, штыками на палкахъ и проч., и жила грабежемъ. Войско раздѣлялось на полки, сотни и десятки. Бѣгство изъ лагеря наказывалось смертью, десятникъ отвѣчалъ за ввѣренныхъ ему людей. Пугачевъ устроилъ разъѣзды и караулы, и самъ смотрѣлъ за порядкомъ, разъѣзжая нерѣдко и ночью на конѣ. Всякій день происходили ученія, особенно артиллерійскія. Церковную службу отправляли попы съ заводовъ, и на эктеніи поминали царя Петра Ѳедоровича; но Пугачевъ никогда не ходилъ въ церковь. Въ Бердѣ и ея окрестностяхъ было свезено множество всякихъ запасовъ: хлѣбъ и скотъ, изобильно доставляемые изъ Башкиріи, желѣзныя вещи и мѣдныя деньги съ заводовъ, груды всякаго награбленнаго добра, длинные ряды бочекъ съ водкою. Лагерь былъ полонъ несчастныхъ офицерскихъ женъ и дочерей; буйный разгулъ не зналъ предѣловъ. Окрестные овраги завалены были тѣлами убитыхъ и казненныхъ: чуть не всякій день казнили по нѣскольку человѣкъ. Пугачевъ давалъ судъ и расправу на открытомъ воздухѣ. Предъ его хатой ставили кресло, взятое съ губернаторскаго хутора. Онъ выходилъ въ красныхъ штанахъ, въ красной плисовой шубѣ и въ казацкой шапкѣ и садился; по сторонамъ его сидѣли два казака: одинъ съ серебряннымъ топоромъ, другой съ булавою. Народъ, подходя къ нему, кланялся въ ноги и цѣловалъ ему руку.

Пугачевъ имѣлъ обыкновеніе говорить, щуря лѣвый глазъ и постоянно имъ мигая. Чтобы выказать свою щедрость, онъ бросалъ въ народъ мѣдными деньгами, когда ѣздилъ по улицамъ и базарамъ. Приближенные казаки публично оказывали ему всякое уваженіе, кланялись, снимали передъ нимъ шапку, называли его «ваше величество»; но наединѣ сидѣли съ нимъ за-просто въ рубахахъ, вмѣстѣ пьянствовали и пѣли казацкія пѣсни. Пугачевъ сильно отъ нихъ зависѣлъ. Они въ сущности дѣлали, что хотѣли, часто безъ его вѣдома и противъ его воли. «Улица моя тѣсна»—жаловался онъ Денису Пьянову, когда пировалъ на свадьбѣ его сына въ Яицкѣ. Пугачевъ ѣздилъ въ Яицкъ на осаду крѣпости. Здѣсь, собравъ кругъ, онъ говорилъ казакамъ: «Извольте, яицкое войско, выбирать себѣ атамана и старшинъ по прежнему вашему обыкновенію.»—«Довольны, батюшка государь, вашею царскою милостью»—отвѣчали казаки и стали восхвалять Пугачева, что онъ возобновляетъ ихъ старинный обычай. Казаки избрали атаманомъ Каргина, а старшиною между прочимъ Перфильева. Имъ дано право сѣчь плетьми ослушниковъ, но казнить смертью они могли лишь съ разрѣшенія Пугачева. Перфильевъ съ этого времени оставался въ Яицкѣ вмѣстѣ съ Овчинниковымъ, который завѣдывалъ осадою. Чтобы особенно почтить яицкое войско, Пугачевъ избралъ себѣ въ Яицкѣ новую жену, красавицу-казачку, Устинью Кузнецову. Онъ присмотрѣлъ ее на дѣвичникѣ и сначала поручилъ своимъ приближеннымъ наблюдать за нею, а потомъ, съ ихъ одобренія, и посватался. Свадьба была съиграна съ обычнымъ шумомъ и разгуломъ. Молодая оставалась въ Яицкѣ; но Пугачевъ изъ Берды часто наѣзжалъ къ ней.

Изъ лицъ, окружавшихъ тогда самозванца, наиболѣе видными были слѣдующіе. Чика (онъ же Зарубинъ) носилъ титулъ фельдмаршала: скоро, съ частью войскъ самозванца, онъ отправился на сѣверъ возмущать крестьянъ и башкирцевъ и осадилъ самую Уфу. Перфильевъ, пріѣхавшій изъ Петербурга, былъ въ числѣ главныхъ совѣтниковъ и впослѣдствіи исполнителемъ приговоровъ. Овчинниковъ, Шигаевъ, Чумаковъ, Твороговъ и Хлопуша начальствовали войсками. Хлопуша, передъ народомъ, стыдился своего обезображеннаго лица, закрывалъ его сѣткою или рукавомъ, какъ будто отъ мороза. Отставной капралъ Бѣлобородовъ и бывшій депутатъ въ Комиссіи Уложенія, оренбургскій сотникъ Падуровъ завѣдывали письменною частью. Въ шутку они называли другъ друга именами вельможъ, окружавшихъ Екатерину. Чика назывался графомъ Чернышевымъ, Шигаевъ—Воронцовымъ, Овчинниковъ—Панинымъ, Чумаковъ—Орловымъ. Точно также и

мѣстностямъ даны были громкія названія. Берда слыла Москвою, Каргалинская станица—Петербургомъ, Сакмарскій городокъ — Кіевомъ. Пугачевъ и его сподвижники не оставались все время осады подъ Оренбургомъ. Мелкія партіи высылались въ разныя стороны, чтобы грабить еще нетронутые хутора и имѣнія. Чика, какъ мы уже замѣтили, осаждалъ Уфу съ 10000 мятежниковъ, другіе возмущали народъ между Уфою и Казанью и на Уралѣ; Хлопуша посланъ былъ брать крѣпости, находившіяся на рѣкѣ Уралѣ, къ востоку отъ Оренбурга. Хлопуша взялъ Ильинскую крѣпость, но никого не казнилъ и даже не ограбилъ: Пугачевъ уже поручалъ ему беречь казенное добро. Послѣ этого онъ отправился на Верхне-Озерную, но тутъ подполковникъ Демаринъ, имѣя всего 400 человѣкъ гарнизона, выказалъ упорное сопротивленіе. Пугачевъ, узнавъ объ этомъ, самъ поспѣшилъ къ Хлопушѣ на помощь. Цѣлый день продолжалась пальба; мятежники нѣсколько разъ бросались на приступъ и были отбиты. Между тѣмъ отрядъ войскъ, высланный съ Сибирской линіи (отъ Орска до Верхне-Уральска, гдѣ командовали генералы Декалонгъ и Станиславскій), пытаясь подать помощь Верхне-Озерной крѣпости, снова занялъ Ильинскую. Тогда Пугачевъ пошелъ противъ Ильинской и разгромилъ ее. Много было убито; схваченныхъ солдатъ привели къ самозванцу въ сосѣднюю деревню, и поставили противъ заряженной пушки. Пугачевъ сказалъ имъ: «Прощаетъ васъ Богъ и я, вашъ государь, Петръ III» — и приказалъ, обернувъ пушку, выстрѣлить въ степь. Потомъ начали вѣшать начальниковъ. Помилованные солдаты стали просить за одного изъ нихъ, Башарина. «Коли онъ былъ до васъ добръ, сказалъ Пугачевъ, то и я его прощаю». Всѣхъ остригли по казацки и присоединили къ войску мятежниковъ. Взявъ второй разъ Ильинскую, Пугачевъ вновь осадилъ Нижне-Озерную. Снова цѣлый день Демаринъ отвѣчалъ выстрѣлами на выстрѣлы, самъ заряжая пушку, и отбивалъ всѣ приступы. Пугачевъ ушелъ ни съ чѣмъ. Получивъ извѣстіе объ оренбургскихъ вылазкахъ, онъ вернулся въ Берду. Сопротивленіе Демарина показываетъ, какъ легко было устоять противъ самозванца, при нѣкоторой распорядительности.

Въ январѣ 1774 года Пугачевъ отправился къ Яицку. Яицкій городокъ состоялъ изъ крѣпости, обнесенной валомъ, и самаго города, въ которомъ находились лишь обыкновенныя деревянныя избы. Симоновъ страхомъ удерживалъ казаковъ въ повиновеніи, пока вѣсти о громкихъ успѣхахъ Пугачева ихъ совершенно не взволновали. Они стали явно бунтовать: уходили въ лагерь самозванца, освобождали

схваченныхъ вѣрными казаками мятежниковъ, хватали и выдавали Пугачеву старшинъ и съ нетерпѣніемъ ждали, когда придетъ народъ для ихъ освобожденія. Въ концѣ декабря прибылъ Толкачевъ съ людьми, забранными съ укрѣпленій на нижнемъ Уралѣ. Разбивъ высланный противъ него отрядъ казаковъ, онъ безъ сопротивленія занялъ городъ. Казаки, преданные правительству, укрылись въ крѣпость; такъ, вмѣстѣ съ гарнизономъ, составилось у Симонова до 1000 человѣкъ. Крѣпость имѣла достаточно пушекъ, пороху и другихъ боевыхъ запасовъ, но нуждалась въ хлѣбѣ, такъ что ея защитники скоро принуждены были вытерпѣть жесточайшій голодъ: осада Яицкаго городка продолжалась съ 1-го января 1774 года до половины апрѣля. Мятежники заняли высокіе дома у самаго вала и стрѣляли изъ оконъ. Пули сыпались какъ дробь; въ крѣпости никто не смѣлъ даже высунуть головы изъ за вала и стѣнъ. Однако капитанъ Крыловъ, принявшій на себя защиту, успѣлъ выслать нѣсколько солдатъ, которые подожгли сосѣдніе дома. Вспыхнулъ пожаръ; мятежники стали выскакивать изъ горѣвшихъ избъ: по нимъ усердно стрѣляли и многихъ убили. Такъ очищена была площадь передъ крѣпостью. Но осаждающіе выказали немалое искусство: они бревнами завалили площадь, чтобы препятствовать вылазкамъ, сдѣлали двойныя стѣны у домовъ, обращенныхъ къ крѣпости, засыпавъ промежутки между стѣнъ землею, поставили позади ихъ до 16 баттарей и начали рыть подкопы. Осажденные по возможности мѣшали этимъ работамъ, дѣлая ежедневныя и довольно удачныя вылазки. Едва прибылъ Пугачевъ, назначенъ былъ приступъ. Мятежники подкопомъ взорвали часть вала вмѣстѣ съ баттареею и бросились на крѣпость, таща съ собою лѣстницы; имъ помогали женщины и дѣти. Самъ Пугачевъ стоялъ во рву съ копьемъ и сначала уговаривалъ осаждающихъ, а потомъ сталъ и колоть тѣхъ изъ нихъ, которые отступали. Все было напрасно: Симоновъ и Крыловъ опрокинули непріятеля; небольшой отрядъ выступилъ изъ крѣпости и перебилъ во рву до 400 человѣкъ. Пугачевъ принужденъ былъ отступить; но осадныя работы продолжались.

Въ февралѣ осажденные узнали, что непріятель сдѣлалъ подкопъ подъ высокую каменную колокольню, находившуюся на краю крѣпости. Они поспѣшно убрали порохъ, который лежалъ въ нижнемъ этажѣ колокольни, разломали полъ и стали съ своей стороны вести контръ-мину (встрѣчный подкопъ), чтобы уничтожить работы непріятеля, между тѣмъ приготовились отразить нападеніе. Вдругъ шестиэтажная колокольня стала тихо осѣдать и разсыпалась, образовавъ

кучу камней, но такъ счастливо, что часовые, которые находились въ верхнемъ этажѣ при пушкѣ, остались живы и невредимы. Пугачевъ, вѣроятно, разсчитывая на бывшій тутъ складъ пороха, положилъ въ подкопъ всего лишь 20 пудовъ его. При взрывѣ разломало только нижній этажъ, а прочіе осыпались отъ тяжести. Осаждающіе очень удивились, когда увидѣли, что камней не разметало по всей крѣпости; тѣмъ не менѣе они съ громкимъ воплемъ бросились было на приступъ—и вдругъ остановились. Съ груды камней ихъ встрѣтили выстрѣлами: защитники уже успѣли встащить сюда свои пушки. Вскорѣ послѣ этого Пугачевъ ускакалъ къ Оренбургу, заслышавъ о высланныхъ противъ него войскахъ. Мятежники и безъ него продолжали осаду съ прежнею ревностью: всюду дѣлали они подкопы, какъ будто готовясь взорвать всю крѣпость на воздухъ. Осажденные съ трудомъ прорубали мерзлую землю, устраивая во всѣ стороны контръмины. Отчаянная борьба шла и на землѣ, и подъ землею. Одна неудавшаяся вылазка привела осажденныхъ въ сильное уныніе, между тѣмъ голодъ достигъ крайней степени. Яицкая крѣпость находилась въ отчаянномъ положеніи.

Намъ пора узнать, что дѣлало въ это время правительство. Извѣстіе о появленіи Пугачева пришло въ Петербургъ въ октябрѣ, но этому, кажется, тогда не придали особаго значенія. О самозванцѣ даже думали скрыть отъ народа, и манифесты, въ которыхъ государыня раскрывала обманъ Пугачева, убѣждая всѣхъ сохранять вѣрность присягѣ, вначалѣ распространяли только въ мѣстахъ, гдѣ происходило возмущеніе. Поэтому Петербургъ и Москва едва знали о томъ, что случилось. Но въ кабакахъ уже стали толковать о вновь появившемся царѣ. Возмутительные листы самозванца скоро стали достигать и до Петербурга. Въ городахъ, гдѣ ихъ находили, приказано, не читая, жечь ихъ на площади черезъ палача; но этимъ возбуждалось только любопытство. Чуя опасность, правительство не дремало. Поспѣшно собраны были кое какіе отряды въ Новгородѣ, въ Москвѣ и отправлены на подводахъ въ Казань. Начальникомъ войскъ назначили Кара, который до того времени исполнялъ разныя порученія въ Польшѣ, но не выказалъ никакихъ воинскихъ талантовъ. Онъ выступилъ противъ мятежниковъ съ полной увѣренностью, что ему не будетъ другаго труда, какъ ловить ихъ. Отдѣливши впередъ Чернышева съ 2000 войска и съ 12-ю пушками, онъ самъ пошелъ на Хлопушу, который въ это время спѣшилъ къ Пугачеву съ вылитыми на заводахъ пушками, заводскими крестьянами и башкирцами. При первыхъ стычкахъ мятежники разсѣялись, избѣгая

выстрѣловъ; но кавалерія Кара была такъ изнурена, что не могла ихъ преслѣдовать. Вдругъ позади себя онъ услышалъ отдаленные выстрѣлы. Это одинъ изъ отрядовъ Пугачева напалъ на 160 гренадеръ, ѣхавшихъ на подводахъ такъ безпечно, что всѣ они спали и даже ружья у нихъ не были заряжены. Послѣ недолгаго сопротивленія, они всѣ сдались мятежникамъ. Не зная, что случилось, Каръ сталъ бояться, чтобы ему не отрѣзали дорогу на Казань, и рѣшился отступить. Тогда Пугачевъ, соединившись съ Хлопушей, ударили на него всѣми силами. Толпы непріятеля, на своихъ быстрыхъ коняхъ, дѣйствовали въ разсыпную. Стараясь держаться внѣ выстрѣловъ, они удалялись при наступленіи пѣхоты и потомъ вдругъ наскакивали на отдѣльные отряды, быстро перевозили пушки по сосѣднимъ высотамъ, выбирая мѣсто, гдѣ лучше дѣйствовать, и стѣснили Кара со всѣхъ сторонъ, отбили у него обозъ и такъ гнали его цѣлые восемь часовъ. Потерявъ не мало войска, Каръ написалъ въ Петербургъ отчаянное донесеніе, сдалъ команду и уѣхалъ въ Москву. За это онъ былъ исключенъ изъ службы.

Оставленный имъ Чернышевъ прибылъ въ Чернорѣченскую и не зналъ, куда двинуться. Тутъ явился къ нему съ нѣсколькими казаками Падуровъ. Заявивъ себя преданнымъ правительству, Падуровъ показалъ свою депутатскую медаль, такъ что Чернышевъ вполнѣ ему повѣрилъ и, по его убѣжденію, двинулся къ Оренбургу. Бывшій депутатъ взялся провести войско такъ, что мятежники и не замѣтятъ. Онъ повелъ Чернышева дальнею дорогою по горамъ; войско, страшно истомленное переходомъ, прибыло наконецъ къ Сакмарѣ, всего за 5 верстъ отъ Оренбурга. Переправили черезъ рѣку артиллерію, и одинъ офицеръ уже поѣхалъ въ городъ извѣстить Рейнсдорпа о прибытіи Чернышева. Получивъ это извѣстіе, Рейнсдорпъ вдругъ услышалъ выстрѣлы, но черезъ четверть часа все смолкло. Чернышевъ не являлся; скоро въ Оренбургѣ узнали, что со всѣмъ войскомъ онъ захваченъ въ плѣнъ Пугачевымъ. Падуровъ привелъ его прямо въ станъ самозванца. Все было уже приготовлено къ нападенію; мятежники въ одинъ мигъ захватили переправленныя чрезъ Сакмару пушки и со всѣхъ сторонъ стали громить усталое войско. Солдаты сдались и, по обычаю, обращены въ казаки; Чернышевъ и прочіе офицеры, въ числѣ 36 человѣкъ, были повѣшены потому, по словамъ Пугачева, что «обижали чернь». Такъ распоряжались тогдашніе начальники, а, казалось, что ничего не было легче, какъ уговориться Чернышеву съ Рейнсдорпомъ объ общихъ дѣйствіяхъ, такъ какъ оба пересылались еще во время пребыванія Чернышева въ Чернорѣчен-

ской. Извѣстія о всѣхъ этихъ неудачахъ уже сильно встревожили правительство. Въ самомъ дѣлѣ три главныхъ крѣпости на востокѣ находились въ отчаянномъ положеніи: Яицкъ, Оренбургъ и Уфа. Вся земля башкирцевъ возмутилась; поднялись и заводскіе крестьяне. Возмущеніе распространялось до окрестностей Кунгура, проникало въ Казанскую губернію съ одной стороны и съ другой за Уралъ, гдѣ Шадринскъ и Челябинскъ были въ осадѣ. На западѣ же приволжскія мѣстности начинали волноваться, и Самара была взята мятежниками.

Екатерина поняла, что нужно принять рѣшительныя мѣры. 30-го ноября, во время бала, бывшаго при дворѣ, она долго разговаривала съ Бибиковымъ, уже извѣстнымъ и по своей дѣятельности въ Польшѣ, и по усмиренію заводскихъ крестьянъ, и по участію въ Комиссіи Уложенія. Бибиковъ въ то время какъ будто оставался въ тѣни, и вниманіе къ нему государыни всѣхъ удивило. На другой день узнали, что онъ назначенъ главнымъ начальникомъ всего края, охваченнаго бунтомъ. Онъ тотчасъ поспѣшилъ въ Казань; между тѣмъ послѣдовало распоряженіе отовсюду собирать войска и какъ можно скорѣе отправлять ихъ къ Казани. Бибиковъ нашелъ дѣла «столь дурными, что и описать не возможно.» Казанскій губернаторъ Брандтъ, больной, разслабленный старикъ, оставилъ городъ; большая часть помѣщиковъ бѣжали, окрестные жители волновались. Бунтъ, подобно пожару, разомъ разгорался во многихъ мѣстахъ. Бибиковъ писалъ разнымъ лицамъ въ Петербургъ (женѣ, Фонъ-Визину, графу Чернышеву): «Вся самарская и оренбургская сторона представляетъ изъ себя кромѣшный адъ и горе всѣмъ, тамъ живущимъ. Мертвыхъ тѣлъ, по ихъ множеству, еслибы и хотѣли, не возможно предавать погребенію. По цѣлымъ мѣсяцамъ висятъ мертвецы на висѣлицахъ, покрытые снѣгомъ, такъ что не разберешь, человѣкъ то, или комъ снѣгу. Въ селахъ остались только престарѣлые и немощные, а самыя собаки ушли со злодѣями. Всѣ города и крѣпости во власти Пугачева; въ войскахъ непослушаніе... На мѣстныя гарнизонныя команды нѣтъ никакой надежды. Эта негодница, скареды и срамцы, дойдутъ до первой деревни и остановятся, посылая страшные рапорты, что окружены непріятелемъ, и ихъ же приходится выручать: они ободрили и злодѣевъ... Зло велико, ужасно. Не непріятель опасенъ, а народное колебаніе... Важенъ *не Пугачевъ, а всеобщее негодованіе.* А Пугачевъ чучела, которою воры, яицкіе казаки, играютъ... Да и то бѣда: какъ нарочно все противу насъ — и снѣга, и мятель, и бездорожица!» Въ самомъ дѣлѣ, Бибикову предстояла величайшая труд-

ность отправлять войска по глубокимъ снѣгамъ, большею частію на лыжахъ, запасать для нихъ хлѣбъ и даже дрова, которыхъ они не могли найти въ степяхъ, и притомъ дробить ихъ, такъ какъ мятежники дѣйствовали отдѣльными шайками. Краснорѣчивою рѣчью онъ старался убѣдить дворянство, чтобы оно само позаботилось о своей защитѣ. Тогда многіе изъ помѣщиковъ возвратились въ Казань и стали вооружать конные отряды изъ своихъ дворовыхъ и вообще изъ крестьянъ, на вѣрность которыхъ могли положиться. Всѣ жертвовали и людьми, и деньгами. По образцу казанскаго, стали составляться подобныя ополченія, хотя и не совсѣмъ надежныя, и въ другихъ мѣстахъ, сосѣднихъ съ бунтовавшимъ краемъ. Екатерина похвалила ревность казанскихъ дворянъ, и въ письмѣ къ Бибикову сама назвала себя «казанской помѣщицей», по причинѣ дворцовыхъ селъ, находившихся въ этой губерніи. Бибиковъ не зналъ отдыха ни днемъ, ни ночью. Его неутомимая дѣятельность скоро принесла плоды.

Первыя прибывшія войска отправлены были въ походъ подъ начальствомъ его племянника, полковника Бибикова, и разбили въ окрестностяхъ Елабуги большую толпу мятежниковъ, при чемъ приведены были къ покорности до 25 бунтовавшихъ деревень. Около того же времени (въ январѣ) пришло въ Казань извѣстіе, что маіоръ Муфель взялъ съ бою Самару. У Бибикова отлегло отъ сердца: онъ болѣе всего опасался, чтобы и вновь присланныя войска не стали передаваться самозванцу. Между ними точно нашлось нѣсколько солдатъ, толковавшихъ подозрительно о Пугачевѣ. Однако все обошлось благополучно: войска дрались усердно и держались стойко. Главные отряды, въ февралѣ 1774 года, уже шли, подъ начальствомъ князя Голицына, на освобожденіе Оренбурга. Въ тоже время отрядъ, дѣйствовавшій противъ Чики, отданъ былъ въ распоряженіе храбраго подполковника Михельсона. Въ Оренбургской губерніи соединился съ Голицынымъ Мансуровъ, шедшій съ отрядомъ отъ Волги. Пугачевъ, недавно вернувшійся изъ подъ Яицка, узнавъ о приближеніи войскъ, не устрашился. «Сами попадутся къ намъ въ руки»—говорилъ онъ, разсчитывая на измѣну солдатъ. Онъ взялъ съ собою до 10000 отборнаго войска, въ томъ числѣ 2000 яицкихъ, до 3000 оренбургскихъ казаковъ и до 2000 крестьянъ, и двинулся къ верховьямъ Самары. Встрѣтивъ здѣсь сильный отпоръ, онъ укрылся въ Татищеву крѣпость и засѣлъ въ ней. Голицынъ тотчасъ пошелъ вслѣдъ за нимъ и 22 марта приблизился къ Татищевой. При осмотрѣ крѣпости, онъ былъ удивленъ искуству, съ какимъ Пугачевъ исправилъ разрушенныя укрѣпленія, сдѣлавъ валы изъ обледенѣлаго снѣга.

Посланы были лыжники занять близлежащія высоты, поставлены батареи и начали громить крѣпость. Мятежники отвѣчали на выстрѣлы не менѣе усердно. Видя, что пальбою ничего не подѣлаешь, Голицынъ рѣшился на приступъ. Главный отрядъ, подъ начальствомъ Фреймана, долженъ былъ слѣва начать нападеніе, между тѣмъ какъ справа отвлекали непріятеля Мансуровъ съ полковникомъ Бибиковымъ. Войска двинулись и встрѣчены были сильною пальбою съ батареи изъ 7 пушекъ, которую Пугачевъ успѣлъ выставить передъ городомъ. Но она скора была сбита выстрѣлами съ высотъ, и Фрейманъ занялъ это мѣсто. Голицынъ, по колѣни въ снѣгу, самъ возбуждалъ солдатъ, которые было поколебались. Послѣ отчаянной битвы, они взлѣзли на валъ и прогнали съ него непріятеля. Вслѣдъ за ними ворвалась въ крѣпость и конница. Мятежники сопротивлялись до послѣдней крайности: въ самомъ городѣ убито до 1300 человѣкъ. Съ другой стороны били ихъ полковникъ Бибиковъ и Хорватъ, который неутомимо преслѣдовалъ бѣгущихъ на далекое разстояніе. Всего убито до $2^1/_2$ тысячъ, да 3 тысячи взято въ плѣнъ; кромѣ того, кобѣдителямъ досталось 36 пушекъ. Они съ своей стороны потеряли до 500 убитыми и ранеными. Рѣка Уралъ усѣяна была трупами. Когда вскорѣ, съ наступившимъ тепломъ, ледъ понесло, то и тѣла поплыли внизъ по рѣкѣ, и казачки прибрежныхъ станицъ все стояли на берегу и смотрѣли, не принесетъ ли водой умершаго отца, брата, сына. Пугачевъ ускакалъ. Онъ всегда имѣлъ въ запасѣ 30 отборныхъ коней. Еще раньше, въ Бердѣ, онъ назначилъ состязаніе башкирскимъ и казацкимъ конямъ и отобралъ тѣхъ, которые другихъ перегнали, а изъ нихъ опять выбралъ 30 лучшихъ: ихъ и держалъ онъ на хорошемъ корму. Онъ бросился отъ Татищевой въ Берду, забралъ въ ней своихъ главныхъ сообщниковъ и удалился къ верховьямъ Самары.

Едва въ Оренбургъ пришла молва о пораженіи самозванца, торговцы тотчасъ понизили цѣну хлѣба вдесятеро, чтобы поскорѣе распродать запасы, которые они скрывали. Вслѣдъ за Пугачевымъ изъ Берды поспѣшно стали уходить многочисленныя толпы всякаго народа, увозя съ собою, что только возможно было забрать. Тогда и изъ Оренбурга высланъ былъ въ оставленную станицу отрядъ войска, а за нимъ бросились грабить и жители. Осталось еще довольно, чѣмъ поживиться. Изъ Берды, кромѣ другаго добра, вывезено въ Оренбургъ до 60 пушекъ, много всякаго провіанта и 17 бочекъ мѣдныхъ денегъ (на сумму около 1700 рублей). Тогда же изъ Каргалинской станицы привезли захваченнаго въ плѣнъ Хлопушу. Онъ пріѣхалъ

туда для свиданія съ своимъ семействомъ. Болѣе зажиточные изъ татаръ, желая загладить свою вину передъ правительствомъ, взяли его и доставили въ Оренбургъ, гдѣ въ скоромъ времени ему отрубили голову. Теперь въ голодавшій городъ отовсюду свозили запасы, и жители торжествовали, какъ вдругъ разнеслась молва, что Пугачевъ опять появился въ Бердѣ, накрывъ небольшую, находившуюся тамъ команду. Послѣ своего бѣгства изъ подъ Татищевой, Пугачевъ совѣщался со своими приближенными, куда спасаться. Всѣ рѣшили пробраться къ Яицку, а потомъ пуститься внизъ по рѣкѣ и далѣе. Вотъ почему Пугачевъ и сталъ собирать свои шайки въ верховьяхъ Самары. Но Голицынъ выдвинулъ къ Самарѣ всѣ свои отряды, чтобы не пропустить его; по всему пространству отъ Оренбурга устроены были правильные разъѣзды. Еслибы Голицынъ могъ предвидѣть, какая еще готовится отъ Пугачева гроза впереди, то, конечно, далъ бы ему дорогу къ Яицку. Но самозванецъ принужденъ былъ отступить къ востоку въ Сакмарскъ и по дорогѣ посѣтилъ Берду да Каргалинскую станицу, гдѣ перебилъ измѣнившихъ ему татаръ и сжегъ ихъ дворы. Узнавъ объ этомъ, Голицынъ послалъ войска въ Берду, а самъ отправился въ Оренбургъ. Здѣсь встрѣтили его съ неописаннымъ восторгомъ, какъ избавителя. Пообѣдавъ у губернатора, онъ въ тотъ же день поѣхалъ къ войску, которое находилось уже у Каргалинской станицы, гдѣ Пугачевъ, прибывъ изъ Сакмарска, думалъ было укрѣпиться. Увидѣвъ же много войскъ, самозванецъ сталъ отступать вверхъ по Сакмарѣ, между горъ, останавливаясь въ каждомъ узкомъ проходѣ и выстрѣлами искустно задерживая нападавшихъ, чтобы дать время оставленнымъ позади своимъ сооообщникамъ устроиться. Но какъ ни устроивались мятежники, они были въ пухъ разбиты. Полковникъ Хорватъ гнался за ними въ самый Сакмарскъ и взялъ въ плѣнъ болѣе 3000 человѣкъ, да около 500 убито. Съ особымъ ожесточеніемъ преслѣдовали ихъ также вѣрные яицкіе казаки изъ Оренбурга, подъ начальствомъ старшины Бородина, которымъ Голицынъ далъ коней изъ своего войска. Тутъ двое изъ пугачевскихъ начальниковъ, Шигаевъ и Падуровъ, взяты въ плѣнъ и впослѣдствіи казнены. Овчинниковъ, Перфильевъ, Бѣлобородовъ, Чумаковъ, Твороговъ успѣли спастись. Пугачевъ скрылся на заводахъ въ Башкиріи, гдѣ опять стали къ нему собираться толпы: Голицынъ послѣ этого усмирялъ бунтовавшихъ башкирцевъ, однако безъ особеннаго успѣха по причинѣ весенней распутицы.

Между тѣмъ Мансуровъ отправленъ былъ на освобожденіе Яицка. По дорогѣ онъ занялъ крѣпостцы, прежде взятыя Пугачевымъ, раз-

билъ шайку подъ начальствомъ Овчинникова и Перфильева, вышедшую противъ него изъ Яицка, и наконецъ приблизился къ этому городу. Здѣсь Симоновъ и Крыловъ истощали послѣдния силы въ борьбѣ съ непріятелемъ. Отъ страшнаго голода гарнизонъ дошелъ до послѣдняго истощенія. Ни муки, ни крупъ, ни соли болѣе не оставалось: ѣли лошадей, собакъ и кошекъ, потомъ вспомнили о брошенныхъ когда-то на ледъ убитыхъ лошадяхъ и стали глодать ихъ кости, уже обглоданныя собаками; потомъ придумали ѣсть какую-то мягкую глину. Женщинъ и дѣтей высылали изъ крѣпости, но мятежники отправляли ихъ обратно, увѣряя притомъ, что и Оренбургъ, и Казань сдались Пугачеву и что скоро онъ самъ придетъ съ войскомъ. Однако, какъ и въ Оренбургѣ, надежда на освобожденіе поддерживала солдатъ. На страстной недѣлѣ, часовые, стоявшіе на соборной колокольнѣ, замѣтили въ городѣ какое-то смятеніе: казаки поспѣшно выѣзжали, прощаясь со своими женами и дѣтьми. Потомъ все стихло. Вдругъ опять показались ихъ отряды: они вернулись въ городъ, и началась бѣготня, суматоха. Ударили въ колоколъ, собрали кругъ—и всею толпою мятежники двинулись къ крѣпости. Осажденные уже приготовились обороняться, но казаки пришли съ повинною, выдали своихъ предводителей, Каргина и Толмачева, и нанесли всякихъ запасовъ. Голодные солдаты, конечно, прежде всего бросились на съѣстное. 17 апрѣля вошелъ въ Яицкъ и Мансуровъ. Бунтовавшіе казаки молили только о помилованіи; между другими плѣнными взята и вторая жена Пугачева, Устинья Кузнецова, которую въ мятежномъ войскѣ уже поминали на эктеніи, какъ императрицу. Столь же удачно покончено было дѣло и съ Чикою. Михельсонъ въ концѣ марта встрѣтился съ нимъ къ югу отъ Уфы. Онъ съ необыкновенной отвагой бросился на главную толпу мятежниковъ въ 10000 человѣкъ, оставивъ позади себя высланныхъ противъ него 2000 крестьянъ и башкирцевъ. Мятежники сражались отчаянно: часть ихъ на лыжахъ пошла въ обходъ и почти окружила Михельсона, отрѣзавъ отъ него обозъ; спереди ударила на него главная толпа, поддерживаемая пушками. Битва продолжалась четыре часа, когда Михельсонъ увидѣлъ, что на помощь Чикѣ идутъ еще конные люди. Тогда онъ велѣлъ своей конницѣ броситься на непріятеля. Храбрый маіоръ Харинъ прорубилъ палашами дорогу въ толпѣ и совершенно смялъ ее. Всѣ пустились въ бѣгство. Побѣдителямъ достались 3000 плѣнныхъ, 25 пушекъ и много запасовъ. Тысячи крестьянъ, заявивъ о своей покорности, распущены были по деревнямъ. Самъ Чика укрылся на одномъ заводѣ. Прикащикъ этого завода, по

совѣту жены, напоилъ его до пьяна, связалъ и представилъ властямъ. Михельсонъ, подаривъ 500 рублей прикащиковой женѣ, отправилъ Чику въ Уфу, гдѣ онъ долженъ былъ ожидать дальнѣйшей участи. Извѣстіе объ этой побѣдѣ пришло къ Бибикову за нѣсколько дней до его смерти. Изъ Казани онъ еще ранѣе выѣхалъ въ Бугульму, чтобы быть въ самой срединѣ возмутившагося края. Здѣсь захворалъ онъ горячкою и умеръ 9-го апрѣля 1774-го года, всего 45 лѣтъ отъ роду. Его смерть была великою потерею для правительства въ то время: занявшій по старшинству его мѣсто, князь Щербатовъ, далеко не имѣлъ его способностей.

3. ОТЪ СМЕРТИ БИБИКОВА ДО ОТСТУПЛЕНІЯ ПУГАЧЕВА ИЗЪ ПОДЪ ЦАРИЦЫНА.

Дѣйствія Пугачева въ Башкиріи и за Ураломъ.—Нашествіе на Казань.—Побѣды Михельсона.—Переправа Пугачева черезъ Волгу.—Купецъ Долгополовъ.—Возстаніе крестьянъ въ приволжскихъ губерніяхъ.—Походъ Пугачева до Царицына.—Осада Царицина.

Пугачевъ, какъ мы знаемъ, укрылся на башкирскихъ заводахъ съ немногими приверженцами. Башкирское населеніе, едва нѣсколько притихло, стало возмущаться, при появленіи самозванца, съ новою силою. Скоро оно поголовно возстало подъ начальствомъ Салавата, сына Юлая, который еще за 30 лѣтъ тому назадъ былъ предводителемъ возстанія, окончившагося жестокими казнями. По прежнему грабили заводы и хутора различныхъ управителей, крестьяне дѣйствовали за одно съ возмутителями. Около Пугачева опять собралось нѣсколько тысячъ. Возстанію помогла страшная распутица, при которой очень трудно было преслѣдовать мятежниковъ: рѣки широко разлились; дороги стали непроѣздными. Высланный Голицынымъ Фрейманъ стоялъ, не двигаясь, на рѣкѣ Бѣлой. Но Михельсонъ не хотѣлъ знать никакихъ препятствій. Послѣ разбитія Чики, онъ коекакъ на лодкахъ переправился черезъ рѣку Уфу и пошелъ противъ башкирцевъ по пути къ Златоусту. Здѣсь три раза разбилъ онъ толпы башкирцевъ, бывшихъ подъ предводительствомъ Салавата, которому помогалъ Бѣлобородовъ, освободилъ Саткинскій заводъ и, узнавъ, что самозванецъ находится южнѣе, въ верхнихъ частяхъ рѣки Урала, двинулся далѣе въ горы. Пугачевъ перешелъ черезъ Уральскія горы и напалъ на Магнитную крѣпость (къ югу отъ Верхнеуральска). Сначала онъ былъ отбитъ пушками и даже раненъ въ руку картечью,

но при второмъ нападенiи крѣпость сдалась и была разграблена и выжжена. Тутъ присоединился къ нему Бѣлобородовъ съ 4000 набраннаго имъ народу, и Овчинниковъ съ Перфильевымъ и другими яицкими казаками. Пугачевъ съ новою толпою пустился вверхъ по Уралу, забирая на форпостахъ людей и пушки. Въ этихъ мѣстахъ начальствовалъ генералъ Декалонгъ, дѣйствовавшiй чрезвычайно медленно, за что уже не разъ возбуждалъ неудовольствiе Бибикова. Однако, услышавъ о новомъ появленiи Пугачева, онъ двинулся изъ Челябинскаго округа, гдѣ тогда находился, къ Верхнеуральску и далѣе, по теченiю Урала. Пугачевъ скоро получилъ объ этомъ извѣстiе и, уклонившись вправо, продолжалъ свой путь къ сѣверу горами. Декалонгъ миновалъ его, все двигаясь къ югу, такъ что оба теперь шли въ разныя стороны. Сѣвернѣе Верхнеуральска, Пугачевъ ударился на востокъ на рѣку Уй, раззорилъ и выжегъ нѣсколько крѣпостей, бывшихъ по этой линiи, и, съ войскомъ въ 10000 человѣкъ, напалъ на Троицкъ. Крѣпость была взята; комендантъ и офицеры, по обычаю, заколоты или повѣшены; жену коменданта, по жалобѣ ея слугъ на жестокое обращенiе, живую привязали къ хвосту лошади и волочили по улицамъ, пока не убили. Толпы женщинъ и мужчинъ согнаны были въ лагерь самозванца, въ трехъ верстахъ отъ города; сюда же свезены для дѣлежа кучи разныхъ товаровъ, какими Троицкъ изобиловалъ, ведя обширную торговлю съ Азiей. Декалонгъ наконецъ узналъ отъ схваченнаго башкирца, куда дѣвался Пугачевъ, и повернулъ назадъ. Тутъ ужъ онъ спѣшилъ изо всѣхъ силъ, стараясь нагнать его, но вездѣ находилъ лишь дымящiяся развалины крѣпостей, да толпы несчастныхъ офицерскихъ женъ и дѣтей, скитавшихся безъ прiюта. Наконецъ достигъ онъ и Троицкой крѣпости, на другой день послѣ ея взятiя, и напалъ на лагерь самозванца. Пугачевъ лежалъ въ своей палаткѣ, жестоко страдая отъ раны; войскомъ распоряжался Бѣлобородовъ. Сраженiе длилось 4 часа. Увидя, что войска правительства одолѣваютъ, Пугачевъ съ подвязанною рукою вскочилъ на лошадь и самъ бросился въ битву; но все было напрасно: толпы его бѣжали, оставивъ весь лагерь. Съ одною пушкою, онъ поспѣшилъ за ними, кое-какъ вновь ихъ устроилъ и сталъ медленно отступать, увѣренный, что конница Декалонга, по причинѣ крайняго утомленiя, не въ силахъ будетъ его преслѣдовать.

Понятно, что всѣ эти пораженiя еще не могли сломить самозванца, пока во всемъ краѣ продолжалось броженiе. Разбитые мятежники разсыпались, потерявъ иногда изъ нѣсколькихъ тысячъ нѣ-

сколько сотъ человѣкъ, и снова гдѣ нибудь собирались въ толпы, а во всякомъ новомъ мѣстѣ, куда приходилъ Пугачевъ, уже его съ нетерпѣніемъ ждали новыя толпы недовольныхъ крестьянъ и инородцевъ, такъ что, бѣжавъ съ нѣсколькими людьми, онъ, пока за нимъ гнались, опять составлялъ огромное войско. Иногда достаточно было прискакать одному казаку, чтобы поднять многія деревни. Такія толпы, конечно, мало были способны къ сопротивленію и болѣе брали своей многочисленностью; но Пугачевъ умѣлъ устраивать въ нихъ и нѣкоторый порядокъ. Посылаемые имъ казаки обучали ихъ воинскому строю, на сколько сами его понимали и на сколько это было возможно въ короткій срокъ. Отъ Троицкой крѣпости Пугачевъ безопасно пошелъ на сѣверо-западъ къ Златоусту, какъ вдругъ въ первый разъ столкнулся съ Михельсономъ. Михельсонъ все это время, почти не давая отдыха войску, одолѣвалъ ужасныя трудности. Солдаты съ величайшимъ трудомъ тащили пушки по горамъ, вязли на размытыхъ дорогахъ, пускались вплавь черезъ рѣки, причемъ конные брали пѣшихъ къ себѣ на сѣдло, а другіе переплывали, держась за хвосты лошадей. Пушки снимали съ лафетовъ, обвязывали веревками и тянули по дну рѣки, а потомъ на другомъ берегу сушили. На пути изрѣдка встрѣчались лишь опустѣлыя деревни; хлѣба достать было негдѣ, и Михельсону пришлось еще тащить съ собою обозъ. Кромѣ того со всѣхъ сторонъ ему грозили опасности; башкирцы подстерегали его на каждомъ шагу и дрались чрезвычайно упорно: они иногда гибли до послѣдняго, но не сдавались. Михельсонъ пошелъ на перерѣзъ Пугачеву и къ юговостоку отъ Златоуста увидѣлъ отряды самозванца, выступающіе въ строгомъ порядкѣ. Онъ былъ очень удивленъ и сначала принялъ ихъ за войска Декалонга. Пугачевъ ударилъ на его лѣвое крыло, смялъ роту солдатъ и отнялъ двѣ пушки; но Михельсонъ пустилъ въ ходъ всю свою конницу, и мятежники были разбиты *на чисто*, какъ выразился Пугачевъ. Въ преслѣдованіи убито ихъ 500 чел. да столько же взято въ плѣнъ. Пугачевъ безъ пушекъ, съ самымъ малымъ числомъ сообщниковъ бѣжалъ въ горы. Онъ пробрался въ сѣверо-восточную часть нынѣшней Уфимской губерніи, собралъ здѣсь снова толпу и соединился за рѣкою Аемъ съ Салаватомъ, который, въ отсутствіе Михельсона, началъ вновь раззорять и грабить. Михельсонъ, потерявъ самозванца изъ виду, вернулся въ Башкирію къ Саткинскому заводу, потомъ двинулся на рѣку Ай, и на другомъ берегу ея увидѣлъ многочисленное войско Пугачева. Въ виду непріятеля, онъ вплавь переправился черезъ рѣку: пушки перетащили по дну, порохъ перевезли въ рукахъ надъ головою.

Мятежники препятствовали переправѣ, но ихъ отгоняли выстрѣлами съ другой стороны, Михельсонъ напалъ на нихъ, обратилъ въ бѣгство и долго ихъ преслѣдовалъ. Множество ихъ взято въ плѣнъ и убито. Но это пораженіе, казалось, нисколько не обезсилило Пугачева. Собирая все новыя многочисленныя толпы, онъ еще три раза встрѣчался съ Михельсономъ: то самъ дѣлалъ нападеніе, то Михельсонъ его преслѣдовалъ. Оба такимъ образомъ за все это время сдѣлали многія сотни верстъ. Михельсонъ вездѣ остался побѣдителемъ; но эти побѣды такъ его истощили, что онъ долженъ былъ остановиться въ Уфѣ, чтобы сдать больныхъ и раненыхъ, запастись боевыми запасами и также провіантомъ, въ которыхъ онъ давно чувствовалъ крайній недостатокъ.

И такъ Михельсону одному приходилось дѣйствовать. Декалонгъ совсѣмъ не помогалъ ему; другіе медлили, ожидая приказаній отъ Щербатова. Голицынъ по прежнему безполезно стоялъ близь Оренбурга. Вообще видно было, что Щербатовъ не умѣетъ распоряжаться, да и Екатерина сильно ограничила его власть, предоставивъ губернаторамъ въ бунтовавшемъ краѣ дѣйствовать самостоятельно. Кромѣ того она послала въ Казань начальникомъ секретной комиссіи генерала Потемкина, троюроднаго брата извѣстнаго любимца. Между тѣмъ Пугачевъ напалъ было на Кунгуръ, но отраженный двинулся къ Екатеринбургу. Узнавъ, что и тутъ довольно войска (у Пугачева тогда пушекъ не было), онъ вернулся назадъ и направилъ свой путь на Осу. Разсказываютъ, что тутъ яицкіе казаки стали уговаривать его идти на Москву; но Пугачевъ отвѣчалъ: «Еще не время». Врядъ ли у казаковъ тогда могла быть подобная мысль; но, имѣя цѣлью подѣйствовать на крестьянъ, они распускали молву, что «государь Петръ Ѳедоровичъ скоро идетъ вѣнчаться на царство». Имъ теперь больше некуда было идти, какъ на западъ. Прямо на югъ дорога была имъ загорожена войсками; въ движеніи на востокъ и сѣверъ, они также испытали неудачу, да тутъ, въ дикихъ лѣсахъ, и не было никакой корысти: если Пугачевъ пытался пробраться къ Екатеринбургу, то, конечно, съ цѣлью добыть пушекъ и набрать въ свое войско заводскихъ крестьянъ, которые въ этихъ мѣстахъ его ожидали. Но тутъ войска правительства могли совсѣмъ загнать его въ Сибирь и отрѣзать отъ Россіи. У яицкихъ же казаковъ главною заботою было перейти поближе къ родному Яику, чтобы въ случаѣ неудачи, скрыться куда нибудь на Кубань, а при удачѣ поднять донскихъ казаковъ и уже съ Дона начать новое дѣло. Во всякомъ случаѣ приходилось двинуться къ Волгѣ въ губерніи, гдѣ преобладали не инородцы, а крѣпостные крестьяне. Поэтому, въ пугачевскомъ войскѣ и пошли толки, что «батюшку царя зовутъ на Москву, что великій

князь, Павелъ Петровичъ, ждетъ его, не дождется». Тогда, какъ увидимъ, стали появляться и воззванія, гдѣ обѣщаны были всякія льготы крестьянамъ: освобожденіе отъ власти помѣщиковъ, освобожденіе отъ налоговъ, даровая раздача соли, и проч. Неизвѣстно, какъ явилась у Пугачева мысль идти на Казань. Вѣроятно, онъ зналъ, что тамъ въ это время было очень мало войска, такъ какъ всѣ полки ушли въ Башкирію. Кромѣ того и въ татарахъ онъ разсчитывалъ найти себѣ союзниковъ. Передъ тѣмъ онъ распустилъ молву, что замышляетъ взять Уфу, гдѣ и была прямая дорога къ Казани. Это отчасти заставило и Михельсона обратить болѣе вниманія на Уфу; между тѣмъ Пугачевъ направилъ путь гораздо сѣвернѣе, чтобы перейти Каму подъ Осой. Тутъ совсѣмъ его не ожидали. Разбивъ высланную противъ него команду, съ 10000 человѣкъ, но безъ пушекъ, напалъ онъ на городъ Осу и былъ два раза отраженъ. Тогда велѣлъ онъ придвинуть къ деревяннымъ стѣнамъ возы съ сѣномъ, чтобы зажечь ихъ. Осажденные выслали для переговоровъ какого то отставного гвардейца. Этотъ долго смотрѣлъ въ лицо Пугачеву и наконецъ сказалъ: «Такъ точно, это государь Петръ Ѳедоровичъ». Жители и сдались, будто-бы увѣрившись, послѣ свидѣтельства гвардейца, что передъ ними настоящій государь. Коммендантъ Осы принялъ Пугачева на колѣняхъ съ хлѣбомъ-солью. Самозванецъ сначала обласкалъ его, но потомъ повѣсилъ по доносу одного изъ офицеровъ, Минеева, о томъ, что онъ написалъ письмо казанскому губернатору, гдѣ предупреждалъ объ опасности. Письмо, дѣйствительно, найдено, и Минеева Пугачевъ произвелъ въ полковники. Этотъ офицеръ сопровождалъ его въ походѣ на Казань, указывая ему дорогу.

23-го іюня, забравъ пушки, самозванецъ переправился черезъ Каму и по ту сторону рѣки двинулся къ Казани; онъ ограбилъ на пути Ижевскій и Воткинскій заводы и около 9-го іюля показался вблизи города со стороны рѣки Казанки. Казанка приближается къ Казани съ сѣвера и течетъ подъ городомъ на югозападъ, послѣ чего впадаетъ въ Волгу. Городъ тянется на лѣвой, южной сторонѣ ея, но не по берегу, который тутъ изрѣзанъ кручами, а на большомъ возвышеніи, отъ берега къ юговостоку и востоку: сначала у рѣки стоитъ крѣпость, окруженная каменными стѣнами, а потомъ за крѣпостью идетъ городъ, оканчиваясь на востокѣ *Арскимъ полемъ*. Отъ Арскаго поля дорога скоро заворачиваетъ къ сѣверу, наравнѣ съ Казанкою, и тутъ за 7 верстъ лежитъ село *Царицыно*. Въ Казани находилось не болѣе 1500 чел. войска. Крѣпость еще кое-какъ защищали ея старыя стѣны; но городъ открытъ былъ для нападенія. Его окружили рогатками, укрѣпили въ разныхъ мѣстахъ пушками; главная баттарея стояла противъ Арскаго поля, гдѣ

былъ болѣе свободный доступъ къ городу, имѣвшему по бокамъ скаты и овраги. Когда Пугачевъ приблизился, противъ него выслали съ конницею полковника Толстаго. Пугачевъ разбилъ его; самъ Толстой погибъ въ битвѣ. При этой вѣсти, жители обомлѣли отъ ужаса; съ трепетомъ смотрѣли они съ горы, какъ толпы самозванца располагались лагеремъ близь города, какъ самъ Пугачевъ ѣздилъ вокругъ, осматривая мѣстность. Это случилось 11-го іюля; на другой день утромъ мятежники стали подвигаться по Арскому полю, охраняя себя стогами сѣна и соломы, между которыми везли пушки. Они быстро заняли сосѣднюю рощу и кирпичные сараи, и начали здѣсь устраивать баттареи. Скоро однако Пугачевъ увидѣлъ, что прямо, съ Арскаго поля, взять городъ ему будетъ очень трудно. Онъ послалъ отряды вправо и влѣво. Вправо пошелъ большею частью безоружный народъ изъ крестьянъ, подъ начальствомъ Минеева. Яицкіе казаки сзади подгоняли ихъ нагайками. Имъ приходилось перелѣзать изъ лощины въ лощину и взбираться на гору, пока не добрались они до предмѣстья и до рогатокъ. Тутъ защищали городъ гимназисты и другіе охотники изъ жителей, съ одною пушкою. Мятежники прогнали ихъ кулаками и стали стрѣлять вдоль рогатокъ и по улицамъ. Другая толпа, посланная Пугачевымъ влѣво, вступила въ отчаянную схватку съ суконщиками и сломила ихъ, когда самозванецъ сзади пустилъ нѣсколько выстрѣловъ картечью и поджегъ предмѣстье. Мятежники и тутъ разрушили рогатки и ворвались въ улицы. Тогда солдаты на главной батареѣ, увидя позади себя огонь, слыша дикіе крики башкирцевъ и татаръ и вопли убиваемыхъ, оставили пушки и опрометью бросились къ крѣпости. За ними устремились и изъ жителей, кто только успѣлъ бѣжать. Пугачевъ скакалъ по городу и распоряжался; его спутники били всѣхъ, попадавшихся въ нѣмецкой одеждѣ, принимая ихъ за дворянъ и чиновниковъ. Другіе гнали толпы народа, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, за городъ, въ лагерь; третьи ломали тюрьмы и освобождали преступниковъ. Большинство пустилось грабить. Отчаянные вопли женщинъ, неистовые крики грабителей, свистъ пламени, которое все разгоралось при поднявшемся вихрѣ, громъ выстрѣловъ, всеобщая свалка, — вотъ что видѣли и слышали осажденные со стѣнъ крѣпости. Пугачевъ устроилъ баттареи у гостинаго двора и въ другихъ мѣстахъ и сталъ громить стѣны: онѣ дрожали, осыпались камень за камнемъ. Казалось, крѣпость долго не устоитъ. Осаждающіе усердно стрѣляли, хотя и сами терпѣли отъ пожара, и съ завистью смотрѣли на своихъ собратьевъ, расхищавшихъ товары въ лавкахъ гостинаго двора и всѣ драгоцѣнности въ богатыхъ домахъ, въ цер-

квахъ и монастыряхъ. Многіе, уже перепившись, нарядились въ женскія платья и въ стихари, и горланили по улицамъ. Вдругъ Пугачевъ приказалъ всѣмъ отступать въ лагерь, поджегши и остальные дома.

Въ лагерѣ началась обыкновенная церемонія. Пугачевъ сидѣлъ въ креслахъ и принималъ дары отъ пришедшихъ къ нему татаръ, прощалъ и отпускалъ народъ, стоявшій передъ нимъ на колѣняхъ, приказывалъ сѣчь плетьми чиновниковъ. Изъ солдатъ никто не былъ казненъ: имъ остригли косы и записали всѣхъ въ войско самозванца. Объявлено прощеніе также всѣмъ толпившимся въ лагерѣ женщинамъ. Между ними, по странному стеченію обстоятельствъ, появилась и первая жена Пугачева, Софья, съ треми его дѣтьми, одинадцатилѣтнимъ сыномъ и двумя дочерьми. Когда начался бунтъ, то Софья была взята изъ Зимовейской станицы и отправлена въ Казань для допросовъ и для уличенія Пугачева. Ее содержали въ городѣ подъ арестомъ при секретной комиссіи. Началась осада. Во время смятенія, стража бѣжала, колодники были освобождены, и Софья съ другими вышла на улицу. Ее также погнали въ лагерь. Тутъ проѣзжалъ Пугачевъ. Сынъ Софьи узналъ его и говоритъ: «Смотрика, матушка, батюшка ѣдетъ!» Софья взглянула и невольно вскрикнула: «вишь ты, собака!» Пугачевъ, сидя на лошади въ желтомъ бешметѣ, вдругъ оборотился и сказалъ казакамъ: «Подержите вонъ этой бабѣ телѣгу и посадите ее съ ребятами». Съ этихъ поръ Софья ѣздила за Пугачевымъ сначала въ телѣгѣ, а потомъ въ коляскѣ, вмѣстѣ съ осьмью женщинами, частью изъ дворянскихъ дѣвицъ, которыя ему прислуживали. Всѣ онѣ были писаныя красавицы и составляли его гаремъ. Софья, видя нежеланіе Пугачева признавать ее, не говорила, что она его жена. Пугачевъ же объяснялъ своимъ приближеннымъ: «Эта бѣдная женщина жена моего пріятеля, Пугачева, который когда-то пріютилъ меня въ бѣдности и за это принялъ казнь... Вотъ злодѣйство! теперь объявляютъ, будтобы я тотъ самый и есть Пугачевъ!» Впослѣдствіи онъ объяснился съ Софьей и принудилъ ее подтверждать всѣ его разсказы. Между тѣмъ Казань горѣла. Вѣтеръ обратился на крѣпость, и люди, въ ней находившіеся, задыхались отъ дыму. Нѣсколько головней перенесло и на деревянныя крыши въ крѣпости: онѣ вспыхнули; въ тоже время часть стѣны, расшатанная пушками Пугачева, съ громомъ рухнула. Раздались отчаянные вопли женщинъ и дѣтей. Даже люди, бывшіе въ битвахъ, пришли въ уныніе. Всѣмъ казалось, что мятежники уже въ крѣпости. Чтобы ободрить народъ, архіепископъ Веніаминъ пошелъ кругомъ съ крестами и образами.

Однако къ вечеру вѣтеръ перемѣнился; дымъ и пламя отнесло въ сторону и жители вздохнули свободнѣе. Только никто не надѣялся на спасеніе; всю ночь не спали, плакали, прощались другъ съ другомъ, молились. Чуть занялась заря, всѣ бросились на стѣны; ждали: вотъ, вотъ появятся снова толпы самозванца — и вдругъ видятъ: скачутъ гусары Михельсона! Онъ уже разбилъ самозванца и теперь, съ Арскаго поля, послалъ въ крѣпость офицера съ нѣсколькими рядовыми требовать помощи. Всѣ мгновенно воскресли, произнося съ восторгомъ имя Михельсона, какъ своего спасителя.

Михельсонъ, какъ намъ извѣстно, остановился въ Уфѣ, чтобы дать роздыхъ своему войску и нѣсколько обновить его. Промѣшкавъ около недѣли, онъ опять двинулся въ путь; но нагнать Пугачева уже было ему невозможно. Въ то время, какъ самозванецъ бралъ Осу, Михельсонъ находился около Бирска, то есть, за 200 верстъ разстоянія. Лишь недѣлю позднѣе, все двигаясь за Пугачевымъ на Осу и на пути разбивъ два раза башкирцевъ, онъ узналъ, что непріятель уже за Камою и идетъ къ Казани; при этомъ, хотя оба они и шли, такъ сказать, на встрѣчу другъ другу, но, конечно, не сближались болѣе, какъ на 100 верстъ разстоянія. Такимъ образомъ Михельсонъ напрасно двигался къ Осѣ, но едва узналъ, что Пугачевъ повернулъ на юго-западъ, и самъ онъ пошелъ прямо на Казань. Тутъ его нѣсколько задержала еще переправа черезъ Каму: онъ долженъ былъ пустить конницу вплавь, а пѣхоту на плотахъ. Изъ этого ясно, что Михельсонъ никакъ не могъ сблизиться съ Пугачевымъ на столько, чтобы перерѣзать ему дорогу. Надо еще удивляться, какъ, узнавъ лишь 27-го іюня о новомъ движеніи самозванца, онъ 12-го іюля уже былъ подъ Казанью, то есть прошелъ вѣроятно не менѣе 700 верстъ, считая тутъ и переправу черезъ Каму, въ 2 недѣли: и Пугачевъ, при всей своей стремительности, не двигался скорѣе. Мы объясняемъ это потому, что между современниками было на Михельсона нареканіе, будто онъ нарочно медлилъ походомъ, чтобы, давъ Пугачеву ограбить Казань, воспользоваться его добычей. Еслибы онъ хотѣлъ медлить, то, конечно, пришелъ бы позднѣе: трудно было вообразить ему, что Потемкинъ и одного дня не удержится противъ Пугачева.

Приближаясь къ Казани 12-го числа, Михельсонъ еще за 40 верстъ услышалъ пушечную пальбу и увидѣлъ, среди густыхъ клубовъ дыма, зарево пожара. Онъ далъ на часъ роздыхъ войску, истомленному долгимъ переходомъ въ полдневный зной. Послѣ этого онъ разбилъ толпу башкирцевъ, и двинулся далѣе. Пугачевъ, услышавъ о его приближеніи, съ досадою оставилъ осаду крѣпости, по-

бывалъ въ своемъ лагерѣ и въ тотъ же день къ вечеру выступилъ къ Царицыну, въ семи верстахъ отъ города. Михельсонъ тотчасъ напалъ на него. Отрядивъ часть своего войска вправо и влѣво, въ обходъ непріятеля, онъ самъ, подъ жестокимъ огнемъ, пошелъ прямо черезъ болото, на главную баттарею. Взявъ ее, онъ обратился влѣво, помогъ и здѣсь побить враговъ, такъ что скоро все войско Пугачева пустилось въ бѣгство. Сраженіе продолжалось до глубокой ночи и, за темнотою, бѣгущихъ не возможно было преслѣдовать. Убито при этомъ до 800 человѣкъ; въ числѣ плѣнныхъ попался и Минеевъ: его потомъ приговорили загнать сквозь строй до смерти. Михельсонъ переночевалъ на полѣ битвы и передъ зарею двинулся къ Арскому полю. На пути войско его хватало и рубило мятежниковъ, которые возвращались въ лагерь, пропировавши всю ночь на развалинахъ города. Чуть прибылъ онъ къ Арскому полю, какъ вновь показались толпы Пугачева. Михельсонъ поспѣшно послалъ въ крѣпость просить помощи. Потемкинъ выступилъ къ нему съ гарнизономъ. Однако непріятель, кинувшись было съ крикомъ и визгомъ въ аттаку, разсыпался при первыхъ пушечныхъ выстрѣлахъ. Пугачевъ потерялъ надежду помѣшать Михельсону соединиться съ городскимъ войскомъ и удалился за рѣку Казанку, чтобы собирать новыя толпы.

Послѣ битвъ 12-го и 13-го іюля, 14-ое число прошло спокойно. 15-го іюля жители со стѣнъ крѣпости смотрѣли съ нетерпѣніемъ на лагерь Михельсона, ожидая, что онъ вступитъ въ городъ; но онъ оставался на мѣстѣ, а представилась другая картина: за Казанкою поднялись облака пыли, громадныя толпы одна за другою переправлялись черезъ рѣку, подымались на Арскую дорогу. Пугачевъ, собравши въ своемъ лагерѣ до 25000 татаръ, башкирцевъ, и крестьянъ, велѣлъ прочитать передъ ними манифестъ, въ которомъ объявлялъ, что онъ идетъ на Москву и для этого необходимо прежде овладѣть Казанью. Толпы двинулись. Михельсонъ, взявъ изъ крѣпости всего 150 человѣкъ пѣхоты, въ числѣ около 800 человѣкъ регулярнаго войска, выступилъ на прежнее мѣсто къ Царицыну. Мятежники бросились на него съ отчаяннымъ мужествомъ. Битва длилась нѣсколько часовъ. Сначала перестрѣливались изъ пушекъ, изъ ружей, а потомъ пошли въ ходъ штыки, копья, сабли. Михельсонъ наконецъ рѣшилъ битву, ударивши съ послѣдними 40 солдатами, какіе у него оставались, въ болѣе опасное мѣсто. Непріятеля было побито до 2000, да до 5000 взято въ плѣнъ. Военное искуство, правильный строй и здѣсь взяли верхъ надъ безпорядочной отвагой. Харинъ

преслѣдовалъ Пугачева 30 верстъ. Въ бѣгствѣ мятежники пытались удержаться въ двухъ лагеряхъ, какіе находились у нихъ въ разныхъ мѣстахъ; но оба раза ихъ выбивали, и изъ послѣдняго лагеря Пугачевъ едва успѣлъ спастись, скрывшись въ лѣсу. Такимъ образомъ освобождены до 10000 казанскихъ жителей, и все награбленное добро, свезенное въ лагери, досталось побѣдителямъ. Въ крѣпости всѣ трепетали за Михельсона, едва надѣясь, что онъ одолѣетъ такую громадную толпу. За то какой былъ восторгъ, когда онъ вернулся побѣдителемъ! Больной губернаторъ Брандтъ, едва передвигая ноги, со всѣми властями встрѣтилъ его за воротами; всѣ жители, и особенно спасшіеся дворяне, привѣтствовали его безконечными криками, пока онъ шелъ въ соборъ, чтобы отслужить благодарственный молебенъ. Плѣнные и бѣжавшіе казанцы стали возвращаться, разбирая, какъ случилось, свои пожитки, оставленные непріятелемъ. Многое изъ добычи досталось и войску Михельсона. Самъ онъ за казанскую побѣду получилъ чинъ полковника и впослѣдствіи много деревень въ Витебской губерніи съ населеніемъ до 1000 крестьянъ. Онъ покамѣстъ остался въ Казани, чтобы устроить свое войско.

Пугачевъ бѣжалъ къ сѣверозападу. Изъ его приближенныхъ пойманъ былъ только Бѣлобородовъ; прочіе успѣли съ нимъ соединиться, пока онъ метался изъ стороны въ сторону, укрываясь отъ погони. Яицкіе казаки по прежнему руководили походомъ. Вдругъ разнеслась молва, что Пугачевъ съ 500 чел. приверженцевъ переправляется черезъ Волгу. Онъ захватилъ купеческія суда и устроилъ мостъ противъ села Сундыря (верстъ 25 къ востоку отъ Чебоксаръ). 18 іюля онъ былъ уже за Волгой и занялъ Цывильскъ, 20-го приблизился къ Курмышу. Казалось, онъ идетъ на Нижній и на Москву. Все кругомъ взволновалось. Началось всеобщее возстаніе крѣпостныхъ крестьянъ по правой сторонѣ Волги. Но прежде, чѣмъ продолжать разсказъ о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ Пугачева, мы должны сдѣлать отступленіе, чтобы сообщить объ одной характерной сценѣ, разыгранной въ это время въ станѣ самозванца.

Во Ржевѣ жилъ старичекъ, купецъ Долгополовъ. Росту онъ былъ средняго, сухощавъ, рябоватъ, говоря пришамкивалъ; занимался онъ между прочимъ подрядами. Послѣ смерти Петра III явился онъ въ Петербургъ къ начальству, требуя денегъ за овесъ, будто бы поставленный имъ въ Рамбовъ. Ему отказали, сказавъ: «Много вашей братіи ходитъ за деньгами послѣ смерти государя». Когда разнеслась молва о появленіи самозванца, Долгополовъ задумалъ отправиться къ

нему въ надеждѣ что нибудь выиграть, и получить деньги за овесъ, какъ говорилъ онъ на допросѣ.

Въ тоже время въ головѣ его бродили разныя купеческія предпріятія. Такъ онъ отправился въ Казань, откуда бѣжали большинство дворянъ и достаточныхъ жителей, чтобы накупить за безцѣнокъ товаровъ и потомъ съ выгодою перепродать ихъ въ Москвѣ. Но мысль поживиться у самозванца взяла перевѣсъ. Въ Казани купилъ онъ шляпу съ золотымъ позументомъ, сапоги красные, казанкіе, строченые мишурою, перчатки замшевыя, шитыя шелкомъ, да взялъ съ собою два камня: одинъ изъ хрусталя, въ видѣ сердечка, а другой желтоватый, четыреугольвый,—и пустился въ Башкирію отыскивать Пугачева. Тутъ пришлось ему долго пространствовать, потому что самъ Пугачевъ, бѣжавъ отъ Оренбурга, въ это время скитался безъ дорогъ отъ завода къ заводу. Долгополовъ придумывалъ всевозможныя увертки, чтобы не возбудить подозрѣнія въ разныхъ лицахъ. Людямъ, преданнымъ правительству, онъ говорилъ, что ищетъ своего сына, уѣхавшаго на Ирбитскую ярмарку, или даже что замышляетъ подговорить казаковъ выдать самозванца,—мятежникамъ,—что ѣдетъ по нужному дѣлу къ государю. Наконецъ одинъ старшина Мещеряковъ, служившій прежде у Пугачева, взялся доставить его на мѣсто и привезъ къ самозванцу въ Осу. Долгополова сперва обо всемъ распросили и потомъ представили Пугачеву. Этотъ сидѣлъ въ палаткѣ на коврѣ въ желтомъ халатѣ и спросилъ его. «Что за человѣкъ? откуда пріѣхалъ?»—«Я ржевскій купецъ Ивановъ, отвѣчалъ Долгополовъ, пріѣхалъ къ вашему величеству изъ Питера съ подарками отъ великаго князя, Павла Петровича.» При этомъ онъ вручилъ шапку, сапоги и перчатки, передавая поклонъ отъ великаго князя.—«Ну, а все съ нимъ благополучно?» спросилъ Пугачевъ— —«Да, его высочество молодецъ хорошій, да къ тому же онъ уже и обрученъ»—«Съ кѣмъ?—«Съ какой-то нѣмецкой принцессой»— «Какъ ее зовутъ?»—«Натальей Алексѣевной. У меня есть и отъ нея къ вашему величеству подарокъ: два камня.»—«Я чаю, господа меня боятся».—«Какъ же вашего величества не бояться-то? А я вотъ давно васъ знаю, еще въ Рамбовѣ ставилъ овесъ.»—«За него тебѣ и денегъ пока не заплатили? помню, помню, теперь заплачу, мой другъ.»

Такъ сошлись два хитреца. Долгополовъ выдумалъ исторію о великомъ князѣ, зная, что казаки охотно ее примутъ; Пугачевъ же воспользовался явленіемъ Долгополова, чтобы придать себѣ болѣе значенія въ народѣ Онъ тотчасъ велѣлъ сообщить толпѣ о великой радо-

сти, что вотъ пришелъ посолъ отъ великаго князя съ подарками, и приказалъ Долгополову постоянно быть у своей коляски съ Чумаковымъ. Два камня, привезенные обманщикомъ, онъ такъ усердно хранилъ, что потомъ, когда его взяли, ихъ нашли у него въ карманѣ. Однако Пугачевъ былъ хитрѣе Долгополова. Послѣ пріема онъ послалъ его посмотрѣть, какъ «здѣсь вѣшаютъ господъ.» Видъ казней навелъ такой страхъ на Долгополова, что у него пропала всякая охота подговаривать казаковъ къ выдачѣ самозванца, что при случаѣ онъ также не прочь-бы былъ сдѣлать, разсчитывая на большую награду отъ правительства. Денегъ, какія онъ ожидалъ отъ Пугачева, онъ не получилъ, а между тѣмъ его вездѣ таскали на показъ народу. Это ему наскучило. Онъ ужъ думалъ, какъ-бы убраться по добру—по здорову, и разсказывалъ, что ему еще нужно въ Нижній Новгородъ, чтобы доставить отъ Павла Петровича бочку съ порохомъ. Но Пугачевъ отвѣчалъ: «Подожди, я знаю, когда тебя отпустить». Наконецъ казаки посовѣтовали ему ходатайствовать объ отпускѣ чрезъ Перфильева и Творогова, для которыхъ самозванецъ все сдѣлаетъ. Долгополовъ обратился къ Перфильеву: «Пожалуй, Аѳанасій Петровичъ, замолви словечко государю-то, чтобъ меня отпустилъ... вѣдь меня Павелъ Петровичъ дожидается.»—«Полно, дѣдушка, пустое-то болтать, отвѣчалъ Перфильевъ: чаю, ты насъ обманываешь? Скажи ка по правдѣ, ужъ не посланъ-ли ты, какъ и я, отъ Григорія Григорьевича Орлова?» Долгополовъ клялся всѣми святыми, что посланъ отъ великаго князя. Чумаковъ тоже его испытывалъ: «да подлинно-ли это государь, а не Пугачевъ?» — «Подлинно государь, отвѣчалъ Долгополовъ: я самъ его видывалъ.» Когда самозванецъ бѣжалъ отъ Казани, казаки, жалуясь, толковали: «Долго-ли намъ такъ волочиться? Каждый день насъ убавляется: того убьютъ, того казнятъ... этакъ насъ до того переведутъ, что и на Яикѣ никого не останется.» А другіе говорили: «Да вотъ, сулятъ 30000 тому, кто его живаго привезетъ въ Питеръ».—«Ладно, посулятъ-то много, а не дадутъ ничего», возражали третьи. Однажды Пугачевъ заснулъ на дворѣ, и Долгополовъ сѣлъ отмахивать отъ него мухъ. Вдругъ пришла ему мысль: «А чтобы выхватить у него же ножъ, да и зарѣзать!» Долгополовъ такъ испугался этой мысли, что ушелъ поскорѣе прочь. О томъ, чтобы воспользоваться неудовольствіемъ казаковъ и хоть намекнуть имъ о возможности получить отъ правительства прощеніе и награду онъ не смѣлъ и думать. Наконецъ, по переходѣ черезъ Волгу, Пугачевъ рѣшился отпустить его. Сцена прощанія происходила такимъ образомъ. При всемъ народѣ Долгополовъ сказалъ Пугачеву: «Время теперь, батюшка,

надежда-государь, возвратиться мнѣ къ твоему Павлу Петровичу и объявить ему, что ваше величество перешелъ съ арміей за Волгу и чтобы спѣшилъ онъ къ тебѣ скорѣе съ обѣщанною помощью... Какъже велишь пріѣзжать его высочеству: одному или съ великою княгиней?»—«Пусть пріѣзжаютъ вмѣстѣ, отвѣчалъ Пугачевъ, да поскорѣе!» Потомъ онъ пошелъ къ повозкѣ, досталъ оттуда денегъ, сѣлъ на траву и изъ подола рубашки отсчиталъ Долгополову 50 рублей.— «Я, батюшка, своихъ деньжонокъ порядочно растрясъ», замѣтилъ тотъ.—«Не прогнѣвайся. Колибъ меня подъ Казанью не ограбили, такъ далъ-бы тебѣ побольше, а теперь нѣтъ.» Долгополовъ низко поклонился и отправился въ Чебоксары.

Но этимъ не оканчивается его исторія. Обманувшись въ надеждѣ обогатиться у самозванца, онъ выдумалъ слѣдующее: онъ составилъ письмо, какъ будто-бы отъ лица казаковъ, что они, за 100 рублей награжденія каждому, готовы выдать Пугачева, и на этомъ письмѣ на первомъ мѣстѣ смѣло подписалъ «Перфильевъ», а далѣе подобралъ еще нѣсколько подписей, да все разными руками, и въ заключеніе свидѣтельствовалъ, что всѣ 300 Яицкихъ казаковъ находятся въ согласіи съ подписавшимися. Съ этимъ письмомъ онъ отправился въ Петербургъ, разсчитывая получить не болѣе не менѣе, какъ 30000 слишкомъ рублей. Однажды въ 5 часовъ утра, когда Григорій Орловъ еще спалъ, будитъ его камердинеръ съ докладомъ, что явился какой то яицкій казакъ въ зеленомъ, потасканномъ кафтанѣ и хочетъ тотчасъ съ нимъ видѣться по важному дѣлу. Это былъ Долгополовъ: онъ назвался яицкимъ казакомъ Трифоновымъ, чтобы ему легче повѣрили. Допущенный къ Орлову, онъ прямо сказалъ: «Извольте, ваше сіятельство, вставать одѣваться, да прикажите закладывать карету»— и подалъ письмо. Орловъ, увидѣвъ подпись Перфильева, съ которымъ уже былъ прежде знакомъ, ни въ чемъ не усумнился и, дѣйствительно, повезъ Долгополова въ Царское село къ государынѣ. Зная хорошо лицъ, окружавшихъ Пугачева, этотъ обманщикъ могъ разсказать о нихъ и о самомъ самозванцѣ много правдиваго, или похожаго на правду, такъ что и сама императрица полюбопытствовала его видѣть. Она разспрашивала его объ яицкомъ войскѣ и между прочимъ пожелала узнать, какъ онъ пробрался черезъ Москву. (Въ то время, особенно въ Москвѣ, были поставлены крѣпкія заставы и вездѣ требовали паспорта). Долгополовъ отвѣчалъ, что, когда пришелъ къ заставѣ, то указалъ на лѣвый, дырявый карманъ: вотъ, дескать, сейчасъ паспортъ былъ въ карманѣ да провалился. Солдатъ будто-бы сунулъ руку ему въ карманъ и протолкнулъ его въ шею черезъ заставу. Послѣ

пріема, Долгополова провели въ комнаты князя. Тутъ лакей спросилъ его, не хочетъ-ли водочки?—«Не пью, отвѣчалъ онъ, а вотъ кусочикъ бы чернаго хлѣбца съ солью.» Ему принесли кренделей и курицы. Скоро пришелъ Орловъ и сказалъ: «Здравствуй, мой ночной товарищъ!» Онъ вручилъ Долгополову кошелекъ съ 200 червонцами да узелокъ съ вишневымъ бархатомъ, золотымъ глазетомъ и золотыми галунами. «Да государыня приказала сказать, добавилъ Орловъ, чтобы ты денегъ-то не пряталъ въ лѣвый карманъ.» Однако этими подарками и ограничилось все, что получилъ Долгополовъ. Денегъ для казаковъ ему не довѣрили, а тотчасъ наряжена была особая комиссія подъ начальствомъ капитана Галахова, и Долгополовъ отправленъ съ нею въ слѣдъ за Пугачевымъ. Онъ получилъ только отъ Орлова письмо, удостовѣряющее въ выдачѣ денегъ, когда дѣло придетъ къ развязкѣ.

И вотъ опять, какъ прежде съ Пугачевымъ, Долгополова стали всюду таскать по раззоренным мѣстамъ съ этою комиссіей. Много натерпѣлся онъ всякихъ страховъ, а больше всего боялся, какъ-бы не попасть ему на очную ставку съ кѣмъ нибудь изъ пойманныхъ мятежниковъ и, сколько могъ, сбивалъ съ толку комиссію. Наконецъ, послѣ бѣгства Пугачева изъ подъ Чернаго Яра, ему уже невозможно было откладывать дѣла. Онъ сказалъ, чтобы ему дали обѣщанную сумму и отпустили его съ командою: команду-то онъ разставитъ по разнымъ постамъ, а съ послѣдняго поста одинъ отправится къ казакамъ. Галаховъ рѣшился выдать ему только 3000 рублей, а остальные обѣщалъ передать черезъ команду уже по требованію казаковъ, когда они на крайній постъ привезутъ Пугачева. Долгополовъ поѣхалъ въ степь изъ Саратова, конечно, и не думая отыскивать самозванца. Команда, его сопровождавшая, скоро извѣстила, что онъ пропалъ безъ вѣсти. Впослѣдствіи его поймали и осудили на каторгу, наказавъ кнутомъ и вырвавъ ноздри.

Послѣ перехода Пугачева черезъ Волгу правительство находилось въ крайнемъ затрудненіи и нѣтъ ничего удивительнаго, что оно изыскивало всевозможныя средства къ усмиренію бунта. Войскъ и внутри Россіи было недостаточно: Нижній Новгородъ находился не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ Казань; самая Москва начинала волноваться. Носились слухи, что въ ней до 80000 черни съ нетерпѣніемъ ждутъ самозванца; народъ толковалъ, будто Пугачевъ держитъ 40000 войска у Казани, 40000 отправляетъ на Москву и 40000 на Петербургъ. Живо помнили еще недавній московскій бунтъ 1771-го года. Возстаніе крестьянъ распространялось неудержимо и достигало уже предѣловъ московской губерніи. Въ самомъ высшемъ классѣ Мо-

сквы была масса недовольныхъ; въ то время въ ней жили всѣ знатные бояре, жаждавшіе милостей двора и почему либо обойденные этими милостями. Болтуны, не опасные въ спокойное время, они казались вредными въ минуту смуты, потому что осуждали всѣ мѣры правительства. Екатерина называла ихъ вралями, но на дѣлѣ ее очень безпокоили ихъ толки. Къ такимъ принадлежалъ братъ канцлера и воспитателя наслѣдника, Никиты Панина, покоритель Бендеръ, Петръ Панинъ. О немъ еще въ концѣ 1773-го года Екатерина писала главнокомандующему Москвы, князю Волконскому: «Что касается до дерзкаго, вамъ извѣстнаго, болтуна, то я здѣсь кое-кому внушила, чтобы до него дошло, что если онъ не уймется, то я буду принуждена наконецъ его унимать. Но какъ богатствомъ я брата его осыпала выше заслугъ, то, я надѣюсь, что и онъ его уйметъ, а домъ мой очистится отъ каверзы». Никита Панинъ за воспитаніе наслѣдника, дѣйствительно, получилъ въ то время безмѣрныя награды: 9000 крестьянъ, 100,000 р. на обзаведеніе, 50,000 на сервизъ, 30,000 р. ежегоднаго пансіона, и проч. Но Петръ Панинъ, надмѣнный и высокомѣрный, хотя и всегда способный расчувствоваться до слезъ, могъ легко смириться и выказывать безграничную преданность лишь въ томъ случаѣ, еслибы и его самого отличили какой-нибудь высокою должностью.

При такихъ обстоятельствахъ, Екатерина приняла всѣ зависѣвшія отъ нея мѣры. Всѣ свободныя войска двинуты къ Москвѣ; предписано торопиться заключеніемъ мира съ Турціей. Еще въ январѣ Екатерина вызвала изъ арміи Григорія Потемкина, который ей уже былъ извѣстенъ своимъ умомъ и преданностью; также посланъ былъ приказъ Румянцеву немедленно отправить въ Москву Суворова. Между тѣмъ главнымъ начальникомъ войскъ противъ Пугачева, вмѣсто Щербатова, покамѣстъ назначенъ былъ Голицынъ. Румянцевъ, считая, послѣ побѣды подъ Татищевой, бунтъ уже оконченнымъ, не отпустилъ Суворова, потому что его отъѣздъ, показавъ туркамъ, что Россія находилась въ опасности, повредилъ бы происходившимъ тогда переговорамъ о мирѣ. Екатерина не знала теперь, кому поручить дѣло, и объявила, что станетъ сама во главѣ войскъ противъ Пугачева. Никита Панинъ отклонилъ ее отъ этого намѣренія. Сверхъ ожиданія, главнымъ начальникомъ всѣхъ бунтовавшихъ губерній назначенъ именно тотъ, кого она называла своимъ «оскорбителемъ и вралемъ.» Московская знать, какъ ни брюзжала противъ правительства, но чуть дѣло дошло до того, что опасность грозила и ей, и всему государству, стала вооружаться и требовать самыхъ рѣшительныхъ и стро-

тихъ мѣръ для укрощенія бунта. Особенную ревность при этомъ высказалъ Петръ Панинъ: онъ составилъ воинскій отрядъ изъ своихъ дворовыхъ и крестьянъ и объявилъ, что идетъ умереть, присоединившись къ первому отряду, выступающему противъ самозванца. Никита Панинъ представилъ объ этомъ императрицѣ, и она смягчилась. Хотя и не охотно, она отдала Петру Панину всю власть по дѣлу Пугачева. Дѣйствительно, подъ рукою не было болѣе опытнаго военачальника. Притомъ, казалось не возможнымъ допустить, чтобы одинъ изъ главнокомандующихъ въ турецкую войну шелъ противъ шаекъ самозванца простымъ волонтеромъ; Панинъ же не соглашался иначе принять начальство, какъ получивъ полномочіе дѣйствовать вполнѣ самостоятельно, принимать всѣ мѣры, какія сочтетъ необходимыми, и казнить, кого угодно, во ввѣренныхъ ему губерніяхъ. Этимъ назначеніемъ удовлетворялось и московское дворянство, котораго Панинъ былъ самымъ виднымъ представителемъ. Екатерина, какъ и всегда, въ этомъ случаѣ забывала свои личные счеты. Однако Петру Панину не пришлось участвовать въ какомъ либо сраженіи: онъ собиралъ войска, охраняя Москву, и выступилъ изъ столицы лишь 17-го августа, когда дѣло съ Пугачевымъ уже приближалось къ развязкѣ.

Мы оставили Пугачева въ Курмышѣ. Ожидали, что отсюда онъ двинется на Нижній, но онъ обратился на югъ, къ Алатырю. Вѣроятно, его спутникамъ казалось опаснымъ углубляться далѣе внутрь Россіи, при тѣхъ еще незначительныхъ силахъ, которыя они тогда имѣли. Они знали о томъ, что приближались отряды Меллина и Михельсона; они могли слышать и о войскахъ, собираемыхъ въ Москвѣ. Кромѣ того одинъ опытъ возмущенія въ Нижегородской губерніи оказался неудачнымъ. Нѣсколько возмутителей, посланныхъ на одинъ заводъ, схвачены рабочими и представлены правительству. Нижегородскій губернаторъ велѣлъ ихъ повѣсить на висѣлицахъ, устроенныхъ на плоту, и такъ пустить внизъ по Волгѣ. Это могло отчасти удержать отъ возмущенія прибрежныя села. Пугачевъ же шелъ обыкновенно туда, гдѣ уже напередъ посланные имъ успѣвали подготовить народъ къ возстанію. Впрочемъ у него и не было серьезной мысли идти на Москву: это могло-бы случиться развѣ въ томъ только случаѣ, еслибы онъ могъ надѣяться, что всѣ правительственныя войска передадутся на его сторону. Но въ этомъ онъ уже разубѣдился горькимъ опытомъ; оставалось разсчитывать лишь на донское войско, и Пугачевъ пошелъ по пути къ Царицыну чрез города: Алатырь, Саранскъ, Пензу, Петровскъ, Саратовъ, Камышинъ. Всѣ эти города были взяты самозванцемъ въ его стремительномъ походѣ,

и въ этомъ краю собственно и свирѣпствовала пугачевщина во всей ея силѣ. Тутъ мятежники разсылали воззванія совсѣмъ другаго рода. Въ нихъ говорилось: «Чтобы всѣмъ, находившимся прежде въ крестьянствѣ и въ подданствѣ помѣщиковъ быть вѣрноподданными собственно нашей коронѣ, и мы награждаемъ всѣхъ вѣчною вольностью и свободою, не требуя рекрутскихъ наборовъ, подушныхъ и прочихъ денежныхъ податей, награждаемъ во владѣніе землями, лѣсными, сѣнокосными угодьями, рыбными ловлями и соляными озерами, безъ покупки и безъ оброку; освобождаемъ всѣхъ отъ чинимыхъ прежде отъ злодѣевъ дворянъ и градскихъ мздоимцевъ судей крестьянамъ и всему народу налагаемыхъ податей и отягощеній, и желаемъ вамъ спасенія душъ и спокойной въ свѣтѣ жизни; а какъ нынѣ имя наше въ Россіи процвѣтаетъ, того ради повелѣваемъ, симъ нашимъ именнымъ указомъ,—кои прежде они дворяне противники нашей власти, возмутители имперіи и раззорители крестьянъ,—всѣхъ ловить, и казнить и вѣшать, и поступать равнымъ образомъ такъ, какъ они, не имѣя въ себѣ христіанства, чинили со своими крестьянами, и проч.» Легко понять, какое волненіе должны были производить подобные указы вмѣстѣ съ полною вѣрою, что ихъ издавалъ настоящій государь, Петръ Ѳедоровичъ. Въ прежнихъ своихъ указахъ Пугачевъ назначалъ продажу соли по 5 коп. за пудъ, а подушный окладъ по 3 коп. съ души; теперь онъ объявлялъ совершенно безденежную раздачу соли изъ казенныхъ складовъ и совершенное освобожденіе отъ всякихъ повинностей на 5, а мѣстами и на 10 лѣтъ. Такъ, напримѣръ, въ Алатырѣ роздано народу 31000 пудовъ соли и вмѣстѣ расбросано въ толпу до 27000 р. мѣдныхъ денегъ. Всѣ захваченныя сокровища Пугачевъ большею частію отдавалъ или приближеннымъ, или народу. Онъ не былъ корыстолюбивъ: когда его взяли, то съ удивленіемъ нашли при немъ лишь небольшое число червонцевъ, зашитыхъ на черный день въ платье. Точно также онъ всегда обращался къ простому народу съ большою ласкою, называлъ крестьянъ не иначе, какъ «мои дѣтушки», и сколько отъ него зависѣло, строго наказывалъ за каждую обиду, нанесенную крестьянамъ его собственными шайками. Такъ поступали и нѣкоторые изъ его полковниковъ. Но, разумѣется, большинство этихъ шаекъ, которыми нерѣдко предводительствовали выпущенные каторжники, грабили безъ разбору всякаго, отъ кого можно было чѣмъ нибудь поживиться.

Уже, по выходѣ изъ Курмыша, Пугачевъ сталъ разсыпать во всѣ стороны толпы изъ набираемаго вновь народа подъ начальствомъ своихъ полковниковъ. Каждый изъ этихъ полковниковъ вначалѣ на-

зывалъ себя Пугачевымъ, такъ что войска правительства совершенно не знали, гдѣ находился настоящій Пугачевъ. Потомъ, когда нѣкоторые отдѣльные полковники усилились на столько, что образовали у себя цѣлое войско, то уже дѣйствовали, хотя отъ имени Пугачева, совершенно самостоятельно и прибирали себѣ какое-нибудь вымышленное имя, напримѣръ, Иванова; но, разсылая свои шайки, опять давали ихъ начальникамъ свое имя, такъ что являлось нѣсколько Ивановыхъ. Возстаніе распространялось съ необыкновенною быстротою: села поднимались одно за другимъ. Для этого иногда достаточно было пріѣхать нѣсколькимъ казакамъ и объявить, что они отъ батюшки царя, а иногда и безъ этого сами крестьяне составляли ополченіе и посылали выборныхъ къ предводителю ближайшей шайки. Обыкновенно собирался сходъ, передъ нимъ читали воззваніе Пугачева; крестьяне тотчасъ вооружались дубинами, вилами, топорами, — чѣмъ попало, и брали подъ стражу прикащика и другихъ начальниковъ, а если удавалось, и помѣщика съ его семействомъ. Пріѣзжалъ предводитель шайки со своею толпою. Его, какъ и самого Пугачева, встрѣчали колокольнымъ звономъ; впереди шло духовенство съ крестами, хоругвями и иконами; старшины подносили хлѣбъ-соль. Народъ, стоявшій на колѣняхъ, приводили къ присягѣ государю Петру Ѳедоровичу. Затѣмъ слѣдовали гулянка, выборъ новыхъ властей, жестокая расправа съ лицами, взятыми подъ стражу; наконецъ всѣмъ остригали по казацки волосы и всѣхъ, исключая женщинъ, стариковъ и дѣтей, предводитель забиралъ въ свою шайку. Шайки составлялись и самозванными удальцами, не посланными отъ Пугачева, иногда какимъ нибудь канцеляристомъ, бѣглымъ солдатомъ, и проч. Эти люди также присвоивали себѣ имя Петра III-го, а иногда грабили безъ всякихъ дальнихъ затѣй, отъ своего лица, какъ, напримѣръ, разбойникъ Фирска, который чуть не взялъ городъ Симбирскъ. Съ подобными шайками приверженцы Пугачева порою вели ожесточенную войну, потому, дескать, что онѣ портили государево дѣло, обижая простой народъ. Въ городахъ происходило подобное тому, что и въ селахъ. Дѣло начиналось толками и даже драками на площадяхъ. Болѣе смѣлые говорили: «Мы теперь у господъ и чиновныхъ людей не подъ началомъ.» Ихъ хватали, но толпа нерѣдко ихъ выручала; настоящее волненіе подымалось тогда, когда получались указы отъ Пугачева къ воеводамъ и къ народу. Подобные указы съ требованіемъ покорности самозванецъ посылалъ и прежде къ Голицыну, къ Реинсдорпу и къ Брандту. Обыкновенно еще передъ возстаніемъ воеводы и другіе чиновники, если успѣвали, убѣгали изъ города. Рѣдкіе оказывали сопротивленіе, да и трудно было

сопротивляться съ нѣсколькими десятками какой-нибудь инвалидной команды. Мѣстами сами начальники выходили съ покорностью на встрѣчу Пугачеву. Такихъ онъ миловалъ и награждалъ; прочимъ грозила неминучая смерть. Послѣ обыкновеннаго пріема и присяги, прежде всего разбивали кабаки и казенные винные склады; дома богатыхъ и казненныхъ людей подвергались грабежу. Пугачевъ уходилъ, оставляя начальникомъ города кого-нибудь изъ яицкихъ казаковъ, или изъ передавшихся ему офицеровъ, или даже изъ крестьянъ. Пушки, инвалидныя команды онъ бралъ съ собою, а мѣстами эти команды были такъ плохи, что онъ оставлялъ ихъ на мѣстѣ.

Весь походъ Пугачева ознаменовался страшнымъ избіеніемъ всякаго рода начальниковъ, приказныхъ и дворянъ. Вначалѣ погибло много и духовныхъ: такъ въ Курмышѣ и его окрестностяхъ казнено до 77 священниковъ, дьяконовъ и причетниковъ. Этому причиною отчасти инородческое населеніе этихъ мѣстъ (чуваши), которое ненавидѣло русское духовенство, а отчасти можетъ быть, Пугачевъ казнилъ и для устрашенія. Въ самомъ дѣлѣ, потомъ казни духовныхъ лицъ были очень рѣдки, потому что всѣ они встрѣчали Пугачева, какъ настоящаго государя. Болѣе всего, безъ сомнѣнія, погибло дворянъ. Число всѣхъ казненныхъ Пугачевымъ и его шайками полагаютъ до 3000 чел.; изъ нихъ на дворянъ приходится болѣе половины. Помѣщикамъ не было спасенія. Пугачевъ нагрянулъ такъ неожиданно на правую сторону Волги, что многіе не успѣли бѣжать. Бросались въ города, но тутъ также было плохое убѣжище. Такъ, напримѣръ, въ одномъ Саранскѣ повѣшено до 300 человѣкъ дворянъ. Тѣ, кого гроза застигала въ усадьбахъ, со всѣмъ семействомъ укрывались въ лѣса, гдѣ часто вели самую бѣдственную жизнь: больныя дѣти, женщины не имѣли порядочнаго пріюта отъ дождя и ночнаго холода; за хлѣбомъ и другой провизіей посылали въ деревни кого-нибудь изъ дворовыхъ въ ежеминутномъ опасеніи, что посланный ихъ выдастъ. И люди, на которыхъ они вполнѣ разсчитывали, часто выдавали ихъ изъ одного страху. Но крестьяне рыскали и по лѣсамъ, всюду разыскивая укрывшихся помѣщиковъ, согласно съ приказаніемъ Пугачева. Если баринъ былъ особенно ненавистнымъ, то часто тутъже на мѣстѣ истязали его со всею семьею, не щадя ни дѣтей, ни женщинъ. Въ противномъ случаѣ всѣхъ везли къ Пугачеву, или къ какому-нибудь начальнику шайки, и расправа происходила въ лагерѣ. При этомъ случалось, что крестьяне выпрашивали и помилованіе доброму помѣщику, или укрывали его въ безопасномъ мѣстѣ. Бродившихъ безъ пріюта, босыхъ и нагихъ дворянскихъ дѣтей, крестьяне

забирали, проча изъ нихъ работниковъ. Нѣкоторые изъ дворянъ успѣвали составлять изъ преданныхъ имъ дворовыхъ людей вооруженные отряды и съ ними отбивались отъ мятежниковъ. Другіе спасались, одѣвая крестьянское платье и марая себѣ лице и руки сажею и грязью. Это не всегда удавалось. Мятежники узнавали ихъ по рѣчи, отмывали имъ руки и, увидѣвъ нѣжную кожу безъ мозолей, вѣшали ихъ. Разсказываютъ, что одного изъ такихъ заставили для испытанія жать, косить, молотить. Ничего этого онъ не умѣлъ дѣлать. Тогда его стали сѣчь плетьми, приговаривая: «Не коси чужими руками, не живи чужимъ умомъ.» Нѣкоторые избавлялись отъ казни чрезъ покровительство своихъ же братьевъ дворянъ, покорившихся Пугачеву. Такъ въ Алатырѣ прапорщикъ Сердешевъ, котораго Пугачевъ поставилъ начальникомъ города, приказывалъ крестьянамъ приводить къ себѣ всѣхъ дворянъ, платя за мужчину по 10 руб., а за женщину по 5 руб. Для виду онъ держалъ всѣхъ въ заключеніи, пока не пришли правительственныя войска, и тѣмъ спасъ очень многихъ. Но вообще убійства совершались на каждомъ шагу. По уходѣ шайки, проѣзжавшіе, къ ужасу своему, вездѣ видѣли изрубленныя тѣла, безъ рукъ, безъ головы; на деревьяхъ качались покойники, на воротахъ помѣщичьихъ усадебъ висѣли ихъ владѣльцы или управляющіе. Въ извѣстіяхъ того времени безпрестанно встрѣчаемъ: застрѣленъ изъ ружья, убитъ дубьемъ, заколоты копьями, удавлена на поясѣ, посаженъ въ бочку головою, захлебнулся въ болотѣ, живой брошенъ въ пылающую печку, затравлена собаками, раздавлена подъ конскими копытами, и проч. Одну помѣщицу, не дававшую своимъ людямъ соли, сѣкли плетьми, просаливая раны. На Волгѣ плыли плоты съ повѣшенными и съ прибитою надписью. «Собачій родъ дворянъ.» Словомъ, во всемъ высказывалось звѣрское ожесточеніе. Но еще печальнѣе была участь дворянскихъ дѣвушекъ, пощаженныхъ за ихъ красоту: послѣ того, какъ ихъ отецъ, и мать, и братья, были убиты, можетъ быть, на ихъ глазахъ, онѣ должны были быть участницами дикаго разгула и исполнять всѣ требованія своихъ повелителей. Нѣкоторые изъ пугачевцевъ вѣнчались въ церкви съ дворянками, разсчитывая, и въ случаѣ неудачи возстанія, остаться владѣльцами имѣній.

Пугачевъ шелъ очень быстро. Алатырь онъ занялъ 23-го іюля, 27-го числа уже находился въ Саранскѣ, 30-го въ Пензѣ, 5-го августа уже подступилъ къ Саратову; при этомъ въ Алатырѣ онъ пробылъ 2 дня, въ Саранскѣ 3, въ Пензѣ 4 дня. Когда Пугачевъ приближался къ Саратову, у него было до 300 яицкихъ казаковъ, до 150

случайно захваченныхъ въ плѣнъ донскихъ казаковъ и до 10000 калмыковъ, башкиръ, крестьянъ. Изъ этого числа лишь 2000 чел. были вооружены, какъ слѣдуетъ. Пушекъ имѣлъ онъ до 13. Въ Саратовѣ регулярныхъ войскъ находилось болѣе 1000 человѣкъ, да еще собрано было въ нѣсколько тысячъ ополченіе изъ жителей. Но начальники плохо вели дѣло. Комендантъ Бошнякъ, человѣкъ храбрый, но безхарактерный, слѣдовалъ только предписаніямъ губернатора Кречетникова, который распоряжался изъ Астрахани, совсѣмъ не зная положенія дѣлъ. Онъ хотѣлъ охранять весь городъ, тогда какъ Ладыженскій, начальникъ иностранныхъ колоній, вмѣстѣ съ извѣстнымъ поэтомъ Державинымъ, который былъ тогда членомъ секретной комиссіи, предлагали устроить укрѣпленія лишь около провіантскихъ магазиновъ, оставить тутъ часть войска, а съ остальнымъ выйти противъ Пугачева. Началась ссора, продолжавшаяся до тѣхъ поръ, пока Державинъ и Ладыженскій не выѣхали изъ города. Никакихъ новыхъ укрѣпленій сдѣлано не было, а между тѣмъ Пугачевъ подошелъ къ городу. Жители стали волноваться и послали къ самозванцу купца Кобякова для переговоровъ, другіе прятали въ землю сокровища; большинство дворянъ бѣжало. Бошнякъ обучалъ ополченіе, раздавалъ копья, разставлялъ пушки, приготовляясь сопротивляться; но толпа приступила къ нему, требуя, чтобы не начинать пальбы, пока не вернется Кобяковъ. По возвращеніи посланнаго, волненіе усилилось; многіе стали уходить въ лагерь самозванца. Бошнякъ не остался въ городѣ, а выступилъ изъ него, чтобы загородить Пугачеву дорогу. Но Пугачевъ обошелъ его, занялъ гору Соколову и сталъ отсюда стрѣлять по городу и по войску. Разсказываютъ, что при этомъ наконецъ не достало ядеръ. Донесли Пугачеву. «Это еще не бѣда! отвѣчалъ онъ: хуже была бѣда, какъ у васъ не было государя, а теперь есть» и велѣлъ стрѣлять въ Саратовъ мѣдными деньгами. Жители, увидѣвъ это, сказали: «Идемъ къ батюшкѣ съ повинною: онъ милостивый». Что касается снарядовъ, то врядъ-ли у Пугачева могъ быть въ нихъ недостатокъ, такъ какъ онъ захватилъ ихъ довольно въ пройденныхъ имъ городахъ. Но стрѣляніе мѣдными деньгами, для соблазна жителей, очень правдоподобно: передъ тѣмъ въ Пензѣ самозванцемъ было взято 136 бочекъ мѣдныхъ пятаковъ. Впрочемъ пальба ограничилась почти нѣсколькими выстрѣлами. Овчинниковъ ворвался въ городъ и разграбилъ базаръ и гостиный дворъ, съ другой стороны пугачевцы тоже подступили на судахъ и взобрались на крутой берегъ: тутъ, у Волги, городъ и вовсе оставался безъ защиты. Между тѣмъ войско, съ нѣкоторыми изъ офицеровъ, передалось самозванцу. Бошнякъ, среди общаго смятенія, успѣлъ пробраться,

съ 26 офицерами и 34 солдатами, за городъ, сначала берегомъ Волги, а потомъ на судахъ прибылъ въ Царицынъ.

Въ городѣ вспыхнулъ пожаръ. Погорѣвшіе саратовцы укрылись въ лѣсъ и бѣдствовали тамъ, питаясь дикими яблоками и коекакими ягодами. Другіе упрятались въ погребахъ, но до 3000 человѣкъ собралось у думы и рѣшили, съ городскимъ головою, идти на Соколову гору, въ лагерь самозванца. Тамъ у Пугачева была бѣлая, шелковая палатка, съ золотыми узорами; внутри, на возвышеніи, обитомъ алымъ бархатомъ, сидѣлъ самозванецъ въ голубой лентѣ, со звѣздою на правомъ плечѣ и въ казацкой шапкѣ съ золотымъ крестомъ. Въ рукахъ держалъ онъ зрительную трубку и посматривалъ на Саратовъ; его окружала свита, тоже въ крестахъ и медаляхъ. Позади палатки толпились подгулявшіе попы. Къ пришедшимъ жителямъ Пугачевъ обратился съ такою рѣчью: «Я вамъ законный государь; жена моя увлеклась въ сторону дворянъ, а я поклялся всѣхъ ихъ истребить. Они подговорили ее отдать васъ въ рабство, но я этому воспротивился. Они подослали противъ меня убійцъ; я укрылся въ воронежскихъ лѣсахъ и вышелъ оттуда, чтобы освободить васъ отъ враговъ и защитить вашу вольность. Ступайте, живите и наслаждайтесь ею». Послѣ того слѣдовали, по обыкновенію, присяга и стрижка волосъ на казацкій ладъ. Весь лагерь расположенъ былъ на горѣ. По немъ безпрестанно скакали казаки на лихихъ коняхъ, а пѣхота, состоявшая изъ всякаго сброда, толпилась около котловъ съ мясомъ. Многіе курили трубки. Пьяный народъ кричалъ и ругался. У кручи надъ Волгою стояли висѣлицы. Тутъ раздавался отчаянный вопль влекомыхъ на казнь мужчинъ и женщинъ. Приводили помѣщичьи семейства въ крестьянскомъ платьѣ и съ вымазанными лицами. Напрасно они бились, умоляли, рыдали: никому не было пощады. Тѣла послѣ казни обирали и сбрасывали съ горы, а внизу уже ихъ тащили въ Волгу. Между прочимъ приведены были и 60 бурлаковъ, будто-бы ругавшихъ Пугачева. Они заклинались, что выѣхали изъ Астрахани и ничего не знаютъ: не слыхали и какой такой есть государь Петръ III. «А! вотъ, вскричали мятежники, и теперь не признаютъ!» —и всѣхъ, безъ дальняго разбора, повѣсили. Городъ представлялъ самую дикую картину разгула. Солдаты, простой народъ, казаки, и всякій сбродъ неистово бѣгали, орали на улицахъ и грабили, кого попало. Лавки, церкви, кабаки и всѣ богатые дома были до чиста обобраны. «Будетъ намъ маяться, кричала толпа: отслужили мы своимъ гонителямъ... идемъ дѣлить дворянское добро.» Встрѣчались удивительныя сцены. Вотъ, огромный мужикъ въ золотой ризѣ и въ бабьемъ волоснякѣ

опрометью куда-то бѣжалъ въ сопровожденіи буйной черни. Вотъ, пьяный канцеляристъ взобрался на колокольню, вывѣсилъ оттуда конецъ краснаго холста и вопилъ: «Кто за батюшку царя, иди въ церковь приложиться къ честному кресту». Многіе, толкаясь, лѣзли къ нему на колокольню. Тамъ выпущенные колодники съ дубинами разбивали цѣпями окна въ богатомъ домѣ. Склады съ казеннымъ виномъ были совсѣмъ расхищены. Бочки выкатывали на площадь, вышибали у нихъ дно, и каждый, кто хотѣлъ, черпалъ вино цѣлыми ведрами. Одинъ цѣловальникъ воспротивился было грабежу: его раздавили, перекативъ чрезъ него бочку. Мертвыя тѣла всюду валялись по улицамъ.

Пробывши въ Саратовѣ около трехъ дней, Пугачевъ двинулся далѣе. Теперь его толпа, простираясь до 20000 ч., была чрезвычайно пестрая: тутъ были и чуваши, и калмыки, и башкиры, и татары, нѣмецкіе колонисты и разнаго рода казаки, крѣпостные крестьяне и солдаты, лакеи, причетники, бѣглые, колодники, мелкіе подъячіе и плѣнные поляки. Къ этому присоединялся громадный обозъ съ награбленнымъ добромъ, со множествомъ женщинъ и дѣтей; коляски, телѣги, фуры, скотъ—все это напоминало скорѣе переселеніе кагого-то полукочеваго народа, чѣмъ армію. Путь шелъ къ мѣстамъ, гдѣ жило волжское войско. Волжскіе казаки, поселенные на плодородныхъ берегахъ Волги, отъ Камышина до Царицына, могли выставить до 1000 всадниковъ; но въ то время уже не отличались воинственностью и не были въ состояніи сопротивляться даже киргизамъ, которые нерѣдко ихъ грабили. Разбогатѣвъ на своихъ богатыхъ земляхъ, они совсѣмъ отвыкли отъ воинской службы; большаго порядку въ ихъ управленіи тоже не было: всякіе бѣглые легко могли возмущать ихъ, какъ это передъ тѣмъ показалъ явившійся между ними самозванецъ Богомоловъ. Когда приблизился Пугачевъ, атаманъ волжскаго войска, Персидскій, бѣжалъ. Толпы мятежниковъ пріѣхали на судахъ и стали грабить. Казаки не долго думали: «жалѣя своихъ женъ и дѣтей», они послали выборныхъ къ Пугачеву съ изъявленіемъ покорности. Камышинъ сдался безъ сопротивленія. Но, идя далѣе, Пугачевъ встрѣтился съ правительственнымъ войскомъ подъ начальствомъ Дица. Оно состояло изъ 3000 калмыковъ, высланныхъ Кречетниковымъ, изъ 400 человѣкъ легкой команды, пришедшей изъ Царицына, и изъ 350 донскихъ казаковъ съ атаманомъ Кутейниковымъ. Завязалась битва. При первыхъ выстрѣлахъ калмыки бѣжали. Дицъ со своей командою отрѣзанъ отъ казаковъ, взятъ въ плѣнъ и былъ повѣшенъ. Одни донскіе казаки, подъ начальствомъ Кутейникова, выказали стойкость

и храбрость: три раза нападали они на непріятеля, преслѣдуя его до пушекъ, избили до 400 человѣкъ мятежниковъ; но наконецъ принуждены были отступить. Со взятыми при этомъ въ плѣнъ казаками Пугачевъ обошелся необыкновенно ласково и не казнилъ ихъ даже тогда, когда они сопротивлялись принести ему присягу.

Еще передъ Саратовомъ, въ Петровскѣ, взявши въ плѣнъ небольшой отрядъ донцевъ, онъ спрашивалъ ихъ: «Какое вы получаете жалованье?» — «Мы своимъ жалованьемъ довольны», отвѣчали казаки. — «Нѣтъ, возразилъ онъ, этого мало и на сѣдло, не только на лошадь; послужите мнѣ: будете ходить въ золотѣ, а у васъ господа съѣдаютъ жалованье». Онъ раздавалъ казакамъ золотыя медали, и, приближаясь къ Царицыну, не разъ отправлялъ на Донъ манифесты съ лестными обѣщаніями. Но эти манифесты попадали въ руки старшинъ. Они повели лишь къ тому, что донскіе казаки поголовно вооружились и стали бить шайки Пугачева, появившіяся на сѣверныхъ предѣлахъ Донской области, при рѣкахъ Медвѣдицѣ и Хопрѣ. Войсковой атаманъ, Семенъ Сулинъ, распоряжался очень энергически, чтобы закрыть Пугачеву всякій путь въ Донскую область. Донскіе казаки теперь были уже не тѣ, что при Стенькѣ Разинѣ: зажиточный классъ у нихъ взялъ перевѣсъ надъ голытвою. При томъ неспокойная молодежь тогда была большею частью въ турецкомъ походѣ и только начинала возвращаться по заключеніи мира съ турками. На Дону большею частію оставались старики и малолѣтки; тѣмъ не менѣе Сулинъ успѣлъ снарядить довольно отрядовъ, къ которымъ присоединялись и возвращавшіяся съ войны: между ними уже тогда отличались очень извѣстные впослѣдствіи Платовъ и Иловайскій. Такимъ образомъ Пугачеву приходилось все болѣе разувѣряться въ донцахъ, и это отняло у него подъ конецъ не мало энергіи. Взявъ Дубовку, онъ 21 августа подступилъ къ Царицыну.

Въ Царицынѣ комендантомъ былъ Цыплетевъ, человѣкъ очень замѣчательный. Съ ограниченными средствами, при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, онъ все умѣлъ устроить самымъ лучшимъ образомъ. Еще въ концѣ 1773-го года приготовлялся онъ къ нападенію Пугачева; зимою онъ долженъ былъ отбиваться отъ киргизовъ, которые, увѣряя правительство въ своей преданности, въ тоже время входили въ сношенія съ Пугачевымъ и пользовались всякимъ благопріятнымъ случаемъ для грабежа. Кругомъ все было неспокойно; вездѣ господствовалъ безпорядокъ. У проходившихъ мимо командъ, въ волжскомъ войскѣ, не было пороху и свинцу, и за все долженъ былъ отвѣчать Цыплетевъ. Кречетниковъ изъ Астрахани страшно

стѣснялъ его, все путая своими распоряженіями. Такъ по его предписанію Цыплетевъ долженъ былъ выслать лучшую часть своего гарнизона на помощь Дицу, тогда какъ слѣдовало бы самого Дица не оставлять въ открытой мѣстности, среди враждебнаго населенія. Кречетниковъ думалъ, что оказалъ великую помощь присланными имъ калмыками, и потомъ сознавался самъ, что этотъ народъ вовсе не годенъ къ войнѣ и съ него нельзя и взыскивать. Кромѣ этого Цыплетеву поручено было до 900 плѣнныхъ турокъ, о которыхъ онъ тоже долженъ былъ позаботиться. При такихъ обстоятельствахъ, онъ дѣлалъ что могъ: усердно укрѣплялъ городъ, имѣя до 60 пушекъ; разставлялъ команды, назначая каждому свое мѣсто; назначилъ особую команду для тушенія пожаровъ; учреждалъ форпосты и разъѣзды; устроилъ брантвахту на Волгѣ, съ особымъ отрядомъ, чтобы стеречь непріятельскія суда; кромѣ того, имѣя на все про все лишь 1500 человѣкъ гарнизона, онъ призвалъ на помощь донскихъ казаковъ, и скоро къ нему было выслано ихъ около 1000 человѣкъ, да двинулись въ походъ и малороссійскіе казаки, возвратившіеся отъ предѣловъ Польши. Но самое главное, Цыплетевъ умѣлъ возбудить своими увѣщаніями бодрость и стойкость въ жителяхъ и въ гарнизонѣ, уже предававшихся страху и смятенію.

При появленіи Пугачева, калмыки ограбили всѣ окрестности Царицына, отогнали скотъ, сожгли села, сады, загородные дома. Цыплетевъ снялъ поставленные имъ форпосты; пушки велѣлъ, за неимѣніемъ подводъ, заклепать и зарыть въ землю, а боевые припасы бросить въ Волгу. Пугачевъ сталъ передъ городомъ, помѣстивъ направо до 6000 своей конницы, а влѣво многочисленную пѣхоту. Онъ устроилъ до 6 батарей и въ часъ дня началъ громить городъ. Съ крѣпости отвѣчали ему съ большимъ успѣхомъ. Передъ тѣмъ Цыплетевъ потерпѣлъ было значительную неудачу. Выступившіе отъ Царицына донскіе казаки, за 10 верстъ отъ города, съ ожесточеніемъ напали на непріятеля, слишкомъ увлеклись въ битвѣ и окружены были несмѣтными толпами Пугачева. При этомъ храбрый Кутейниковъ захваченъ и осужденъ на разстрѣляніе. Сдѣлавъ въ него нѣсколько выстрѣловъ, мятежники бросили его, считая уже мертвымъ; но онъ очнулся и доползъ до безопаснаго мѣста. Потерявъ лучшаго изъ начальниковъ, казаки стали поспѣшно отступать. Вѣроятно, для прикрытія этого отступленія, послано было нѣсколько выстрѣловъ изъ города и нѣсколько ядеръ упали въ заднія ряды отступавшихъ. Они поколебались, были отрѣзаны мятежниками и въ числѣ 400 человѣкъ забраны въ плѣнъ. Остальные 500 казаковъ ушли подъ прикрытіе крѣпости. Теперь эти казаки ожесточились до послѣдней степени противъ непріятеля и горѣли не-

терпѣніемъ загладить свою неудачу. Обстоятельства имъ благопріятствовали. Выстрѣлами съ крѣпости взорванъ былъ зарядный ящикъ, сбита одна баттарея и разстроенъ по срединѣ фронтъ у непріятеля. Этимъ воспользовался передовой отрядъ малороссійскихъ казаковъ, въ 100 чел., спѣшившій на помощь Царицыну, и пробился къ крѣпости. Его появленіе одушевило донцевъ новою отвагой. Они стали стремительно наѣзжать на непріятельскія шайки, рубили, хватали въ плѣнъ; сами ихъ полковники врѣзывались въ средину враговъ и отнимали значки. Пугачевъ потерялъ тутъ до 2000 убитыми, взятыми въ плѣнъ и бѣжавшими. Часть его войска бросилась было къ Волгѣ, думая, какъ въ Саратовѣ, напасть съ этой стороны на крѣпость; но была отбита пушками. Въ 7 часовъ вечера, Пугачевъ уже отступилъ, потянувшись далѣе къ Сарептѣ, позади города, за горами. На донцевъ теперь онъ потерялъ всякую надежду; почти всѣ изъ нихъ, взятые имъ въ плѣнъ, на другой же день ушли изъ его лагеря: Пугачевъ и не велѣлъ крѣпко сторожить ихъ. Въ тоже время 1000 чел. пугачевцевъ, отправленные сверху на судахъ съ припасами, съ мѣдными деньгами, съ плѣнными, были задержаны у брантвахты. Отрядъ, выставленный Цыплетевымъ, напалъ на нихъ. Ни одно судно не было пропущено внизъ: многія потоплены, или захвачены, другія повернули назадъ. Битва на рѣкѣ продолжалась еще 22-го августа. Въ этотъ день Михельсонъ съ войскомъ вступилъ въ Царицынъ.

4. Отъ удаленія Пугачева изъ подъ Царицына до конца возстанія.

(Дѣйствія правительственныхъ отрядовъ. Разбитіе Пугачева и бѣгство его за Волгу. Выдача Пугачева казаками. Его плѣнъ и казнь. Распоряженіе Панина по усмиренію бунта. Общій взглядъ на пугачевскій бунтъ).

Царицынъ былъ первый городъ, который устоялъ передъ Пугачевымъ въ его движеніи отъ Казани. Изъ городовъ, осаждаемыхъ отдѣльными шайками, чудесно спасся Керенскъ (въ Пензенской губерніи, на границѣ Тамбовской), тогда какъ все кругомъ было въ возстаніи. Около него расположилась громадная шайка въ 10000 чел. Отважный воевода придумалъ такую хитрость. Въ городѣ находилось 30 плѣнныхъ турокъ. Воевода подговорилъ ихъ напасть на мятежниковъ, обѣщая имъ, отъ имени правительства, освобожденіе изъ плѣна; да къ нимъ присоединилъ еще 100 человѣкъ изъ своего отряда, одѣвъ ихъ также турками. Ночью, когда мятежники и не воображали о нападеніи, эти 150 человѣкъ съ крикомъ, съ ги-

комъ, съ турецкими восклицаніями, бросились на спящій лагерь, а самъ воевода, съ 200 чел. пѣхоты и 2 пушками, напалъ съ другой стороны. Мятежники такъ были поражены неожиданнымъ появленіемъ этихъ турокъ, что бросились бѣжать въ разсыпную. Воевода получилъ за это 5000 руб., а каждому турку дано по 100 руб., и всѣ освобождены изъ плѣна. Но вообще въ мѣстахъ, посѣщенныхъ пугачевскими шайками, было полное раззореніе. По старому канцелярскому порядку, губернаторы писали извѣщенія, предписанія, но ничего не исполнялось. Каковы были эти предписанія, мы уже видѣли изъ примѣра Кречетникова. Онъ посылалъ достаточное наставленіе о защитѣ какого либо города, и наставленіе приходило на мѣсто мѣсяцъ спустя послѣ того, какъ городъ былъ взятъ Пугачевымъ. Мѣстныя власти большею частію бѣжали, распоряжаться было некому. Посылаемые курьеры пробирались часто пѣшкомъ, не находя лошадей. Ихъ безпрестанно перехватывали. Дворяне слишкомъ медлили въ своемъ вооруженіи: ихъ отряды стали появляться уже по уходѣ Пугачева. Панинъ все распоряжался въ Москвѣ и выслалъ часть войска, подъ начальствомъ Древица, только въ первой половинѣ августа. Вся надежда оставалась на Михельсона, Меллина, Муфеля и Мансурова, которыхъ отряды, всѣ взятые вмѣстѣ, составляли едва 3000 съ небольшимъ человѣкъ.

Михельсонъ изъ Казани отправился черезъ Чебоксары къ Арзамасу, чтобы пресѣчь Пугачеву дорогу къ Москвѣ: онъ имѣлъ по прежнему не болѣе 800 чел. войска. Когда Пугачевъ повернулъ къ югу, онъ за нимъ погнался. Точно также по слѣдамъ самозванца шли Меллинъ со стороны Свіяжска и Муфель изъ Симбирска. Мансуровъ оставилъ наконецъ Яицкій городокъ и двинулся къ Сызрани. Но Михельсонъ, Меллинъ, Муфель не могли нагнать Пугачева, потому что имъ было много задержекъ на пути. Они вступали въ раззоренные города черезъ нѣсколько дней, а иногда и черезъ день послѣ самозванца; но должны были оставаться, чтобы устроить какой нибудь порядокъ. Спасшіяся отъ гибели дворянскія семейства молили ихъ объ убѣжищѣ и защитѣ. Въ городахъ было пусто: ихъ жители давно разбѣжались, или были уведены Пугачевымъ; кое гдѣ оставшіяся толпы мятежниковъ спасались отъ войскъ; въ городѣ бродилъ лишь кое какой несчастный народъ, которому терять было нечего, да два, три десятка отважныхъ купцевъ уже торговали на площади скудными припасами. Михельсонъ, Меллинъ и Муфель разсылали всюду партіи ловить мятежниковъ. Безъ всякихъ особыхъ полномочій, чтобы устрашить народъ, они вѣшали главныхъ зачинщиковъ, а

остальныхъ сѣкли плетьми и отпускали по деревнямъ. Въ городахъ они водворяли жителей, устраивали милицію изъ болѣе надежныхъ дворянскихъ отрядовъ, назначали новыхъ начальниковъ. Случалось, что воевода, назначенный Пугачевымъ, являлся къ нимъ самъ въ какомъ-нибудь полушубкѣ, опоясанномъ шпаженкой, и доносилъ, что все благополучно. Его, конечно, тотчасъ угощали плетьми. Многіе, серьезно считая Пугачева государемъ, думали, что и войска правительства идутъ за него, или притворялись, что такъ думаютъ. Но въ селахъ простой народъ, дѣйствительно, не зналъ, кому повиноваться. Случалось, что въ одно и то же село по нѣскольку разъ являлись то шайка Пугачева, то правительственный отрядъ, и всякій разъ, послѣ неудачнаго отвѣта на вопросъ «чьи вы? государевы или нѣтъ?» — крестьяне подвергались наказанію плетьми и нагайками. Наконецъ они умудрились при подобныхъ вопросахъ отвѣчать: «мы за того, за кого и вы». Забавный случай былъ въ Алатырѣ. Мы знаемъ, что пугачевскій начальникъ Сердешевъ здѣсь спасалъ дворянъ. Воевода бѣжалъ, но, по уходѣ Пугачева, ему удалось составить отрядъ, и онъ вернулся въ городъ. Разнеслась молва: «воевода идетъ, сѣчетъ и рубитъ!»... Жители покорились; Сердешевъ, не смотря ни на какія объясненія, посаженъ подъ стражу. Воевода утвердился въ Алатырѣ и началъ удачно разбивать и захватывать небольшія окрестныя шайки. Но вотъ прискакалъ съ отрядомъ казачій полковникъ; воевода, на вопросъ «за кого вы?», думая, что это посланный отъ Пугачева, отвѣчалъ: «за батюшку государя», — и его тотчасъ-же наказали плетьми.

Къ Саратову Меллинъ и Муфель подошли прежде Михельсона, разбили нѣсколько непріятельскихъ шаекъ, но рѣшились войти въ городъ не прежде, какъ Пугачевъ его оставилъ. Узнавъ объ этомъ, Панинъ писалъ Михельсону: «Видно, что десница Вышняго, снабдивъ васъ превосходными передъ ними дарованіемъ и мужествомъ, приготовляетъ вашей же прославившейся рукѣ сдѣлать послѣднее пораженіе сему злѣйшему врагу». Панинъ угадалъ, чѣмъ кончится дѣло; но не такъ любезно отнесся онъ къ Цыплетеву, который въ значительной степени участвовалъ въ послѣднемъ пораженіи Пугачева. Любя самъ писать Екатеринѣ высокопарныя реляціи о побѣдахъ, онъ очень разгнѣвался на Цыплетева, когда этотъ, вѣроятно для скорости, отправилъ донесеніе о защитѣ Царицына прямо государынѣ, а Панину послалъ только копію. «Такъ какъ, писалъ Панинъ Цыплетеву, вы отправили увѣдомленіе въ Петербургъ о храброй оборонѣ ввѣренной вамъ крѣпости, ознаменовавъ подробно почти о каждомъ подчиненномъ и особенно о

своемъ толикомъ мужествѣ и неутомимости, то и должны вы ожидать за то воздаянія изъ Петербурга». Цыплетевъ (въ донесеніи котораго, замѣтимъ, было лишь точное изложеніе дѣла, безъ малѣйшаго хвастовства), уже впослѣдствіи награжденъ чиномъ бригадира и многими имѣніями.

Прибывши съ Меллинымъ и Муфелемъ въ Царицынъ 22-го вечеромъ, Михельсонъ послѣ полуночи уже двинулся впередъ, оставивъ больныхъ и взявъ съ собою 500 слишкомъ казаковъ. Запасы онъ велѣлъ отправить по Волгѣ; Меллинъ и Муфель слѣдовали за нимъ сзади. Пугачевъ остановился на ночь въ Сарептѣ, чтобы дать роздыхъ своей ордѣ и погулять въ палаткѣ со своими плѣнницами; на другой день онъ пошелъ къ Черному Яру. Въ ночь съ 24 на 25-е число Михельсонъ настигъ его у Сенниковой или Сальниковой ватаги, около 100 верстъ отъ Царицына. О сраженіи, которое тутъ произошло, нѣтъ опредѣленныхъ извѣстій; но по всей вѣроятности дѣло было такъ. Самъ Пугачевъ ѣхалъ сзади съ Перфильевымъ, Овчинниковымъ и Федуловымъ, а впередъ послалъ, чтобы на ночь устроить станъ, Чумакова и Творогова. Чумаковъ расположилъ его, за 10 верстъ отъ Волги, передъ буеракомъ или рытвиною, черезъ которую былъ мостъ. Онъ это сдѣлалъ для того, чтобы, въ случаѣ нападенія, народъ могъ укрываться въ рытвинѣ. Пугачевъ былъ очень недоволенъ такимъ расположеніемъ, такъ какъ станъ его былъ открытъ для нападенія съ тыла. Онъ велѣлъ поскорѣе переправлять обозъ и артиллерію за рытвину, но въ ночь едва успѣли переправить десятую часть, когда напалъ Михельсонъ. Михельсонъ шелъ берегомъ Волги. Узнавъ о положеніи непріятельскаго стана, онъ ночью тихо обошелъ его сзади и сталъ близь моста. На зарѣ 25-го августа онъ внезапно открылъ по стану пальбу изъ пушекъ. Пугачевъ тотчасъ приготовился къ битвѣ. Въ срединѣ поставилъ онъ конницу, какъ лучшую часть своего войска, а по бокамъ пѣхоту. Михельсонъ напротивъ въ срединѣ помѣстилъ пѣхоту, а по сторонамъ конницу, преимущественно изъ казаковъ. Нападеніе начато было Пугачевымъ. Онъ бросился со своею конницею на Михельсона; но едва эта конница отдѣлилась отъ его пѣхоты, какъ казаки Михельсона съ обѣихъ сторонъ ударили на пѣхоту Пугачева съ такою стремительностью, что разомъ ее смяли. Конница его сопротивлялась долѣе, но также была разбита. Весь громадный обозъ и до 24-хъ пушекъ достались побѣдителю. Мятежниковъ побито до 2000 и болѣе 6000 взято въ плѣнъ. Освобождено около 40 дворянъ и 14 дворянскихъ дѣвицъ. Казаки и солдаты Михельсона подѣлили между собою много всякаго

добра: серебряную посуду (цѣлые пуды), деньги, лисьи мѣха, шелковыя матеріи, лошадей и проч. Меллинъ и Муфель пришли нѣсколькими часами позднѣе. Михельсонъ преслѣдовалъ непріятеля еще 40 верстъ по дорогѣ къ Черному Яру. Изъ приближенныхъ Пугачева Овчинниковъ погибъ въ битвѣ. Съ остальными, съ женою и сыномъ (двѣ его дочери взяты въ плѣнъ), онъ ушелъ отъ преслѣдованія, близь Чернаго Яра переправился на лодкахъ на одинъ островъ, а отсюда на лѣвый степной берегъ Волги, пустился опять вверхъ по рѣкѣ, а потомъ, съ отрядомъ изъ 164 казаковъ, свернулъ въ степь къ Узенямъ. Пугачевъ и не зналъ, кто нанесъ ему пораженіе; на допросѣ онъ говорилъ: «напалъ на меня сзади какой-то начальникъ».

Михельсонъ, утомленный походомъ, медленно возвращался къ Царицыну, между тѣмъ тотчасъ послалъ Меллина преслѣдовать Пугачева. Въ то же время со всѣхъ сторонъ войска выступили въ степь. Съ юга, отъ самаго Гурьева, назначены были легкіе разъѣзды, со стороны Чернаго Яра—Муфель; Цыплетевъ и Мансуровъ отправили казачьи полки; съ сѣвера пришелъ Голицынъ. Словомъ, степь наполнилась войсками. Наконецъ 2-го сентября прискакалъ въ Царицынъ и Суворовъ. Едва, 23-го іюля 1774 года, пришло въ Петербургъ извѣстіе о заключеніи мира съ турками, Екатерина послала къ Румянцеву предписаніе отправить Суворова къ Панину. Получивъ его не ранѣе половины августа, Суворовъ скакалъ безъ малаго по 200 верстъ въ сутки и 25-го августа уже нагналъ Панина, едва выступившаго въ то время изъ Москвы, въ одной деревнѣ, къ югу отъ Рязани. Онъ подскакалъ въ одномъ кафтанѣ, на простой почтовой телѣгѣ. Отправленный Панинымъ къ мѣсту дѣйствія, онъ принялъ начальство надъ всѣми войсками и, взявъ отрядъ у Михельсона, быстро пустился вверхъ по рѣкѣ, по лѣвому ея берегу, до Николаевки (противъ Камышина), а отсюда повернулъ въ степь, по направленію рѣки Еруслана. Свидѣтели разсказываютъ о быстротѣ, съ какою онъ ѣхалъ за войскомъ, отправленнымъ впередъ. Не успѣвали нигдѣ нагонять его. Ночью онъ садился у костра, снималъ рубашку, поджаривалъ себя около огня, поворачиваясь во всѣ стороны, потомъ опять надѣвалъ и рубашку, и мундиръ, клалъ сѣдло подъ голову и засыпалъ. На зарѣ его уже не заставали на мѣстѣ. Вотъ одинъ изъ спутниковъ какъ-то нагналъ его и предложилъ водки. — «Помилуй Богъ, теперь можно выпить и закусить», сказалъ онъ. Вотъ, остановившись въ одной хатѣ, онъ вдругъ выбѣжалъ, свалился съ крыльца и удралъ за ворота. То же самое продѣлалъ слѣдовавшій за нимъ адъютантъ. Все произошло отъ того, что хозяйка накрыла

столъ скатертью, чего онъ не терпѣлъ въ походѣ. 12-го сентября Суворовъ пришелъ на рѣку Малую Узень и двинулся далѣе къ Большой Узени. Онъ находился почти въ 50 верстахъ отъ мѣста, гдѣ передъ тѣмъ укрывался Пугачевъ: оно было южнѣе на Большой Узени, близъ Александровскаго Гая. Тутъ отовсюду стали приходить слухи, что сообщники Пугачева выдаютъ его правительству. И дѣйствительно, 14-го сентября онъ сидѣлъ уже связанный на Бударинскомъ форпостѣ, откуда, ровно годъ тому назадъ, въ этотъ самый день онъ началъ свой походъ. Такимъ образомъ Суворову мало пришлось участвовать въ поимкѣ Пугачева. Болѣе всего этому содѣйствовалъ находившійся въ Яицкѣ членъ секретной комиссіи, Мавринъ. Онъ очень ловко сталъ распускать слухъ, что прощаютъ всѣхъ, явившихся съ повинною, и съ этою цѣлію сталъ, безъ всякаго суда, отпускать мятежниковъ, которые къ нему являлись, и даже снабжать ихъ хлѣбомъ. Это болѣе всего и побудило казаковъ выдать самозванца. Дѣло происходило такимъ образомъ.

Еще при переправѣ черезъ Волгу, приближенные Пугачева совѣщались втайнѣ, что имъ дѣлать. Чумаковъ, Твороговъ, Федуловъ и нѣкоторые другіе предлагали идти на родной Яикъ и тамъ, смотря по обстоятельствамъ, покориться правительству. Перфильевъ не хотѣлъ и слышать о покорности и остался, когда прочіе отъѣхали въ степь. Пугачевъ ничего объ этомъ не зналъ и удивлялся, отчего нѣтъ съ нимъ Перфильева. Въ степи Чумаковъ и прочіе для виду толковали съ Пугачевымъ, куда имъ идти. Онъ составлялъ уже новый планъ двинуться на форпосты и внизъ по Уралу къ Гурьеву, забрать на Каспійскомъ морѣ суда, плыть «въ разныя орды» и, усилившись, снова двинуться на Россію. Но покамѣстъ согласились отправиться на Узень. По дорогѣ многіе хотѣли пристать къ Пугачеву, но приближенные его не допускали этого, говоря, что съ большою толпою трудно укрыться и пропитаться въ степи. Прибывъ на Узень, самозванецъ и его 160 спутниковъ уже стали чувствовать недостатокъ въ хлѣбѣ и обратились къ живущимъ тамъ раскольничьимъ старцамъ съ просьбою доставить имъ продовольствіе. Старцы эти сообщили имъ, что въ Яицкѣ прощаютъ всѣхъ мятежниковъ и даютъ имъ хлѣбъ. Чумаковъ и прочіе начальники прислали одного изъ своихъ въ Яицкъ разузнать, такъ ли это. Увѣрившись въ истинѣ слышаннаго и вмѣстѣ зная, что отовсюду окружены войсками, они рѣшили скорѣе покончить дѣло. Тутъ опять понадобился хлѣбъ. Самозванецъ захотѣлъ самъ ѣхать къ старцамъ. Начальники, въ числѣ 30 человѣкъ, взялись сопровождать его. Отъѣхавъ нѣсколько верстъ, они

объявили его плѣнникомъ. По разсказу Творогова и Чумакова, это случилось во время дороги, по другимъ—во время стоянки, при свиданіи со старцами. Слѣдуя преимущественно первому извѣстію (Русская Старина, іюль, 1876 года), мы лишь немного дополнимъ его изъ втораго. Пугачевъ принималъ пришедшихъ къ нему старцевъ, которые принесли ему нѣсколько арбузовъ. Одинъ изъ этихъ арбузовъ онъ тотчасъ послалъ женѣ, а на другой, очень большой, указалъ Чумакову и, подавая ему ножъ, сказалъ: «Натка, разрѣжь этого великана.» Чумаковъ сталъ рѣзать, между тѣмъ какъ Пугачевъ разговаривалъ со старцами.—«Какъ, батюшка, дальше-то быть? куда намъ ѣхать?» вдругъ спросилъ Чумаковъ самозванца. Удивленный Пугачевъ отвѣчалъ, что объ этомъ у нихъ уже рѣшено. — «Нѣтъ, государь, не прогнѣвайся! возразилъ Чумаковъ: полно намъ кровь проливать... если ты точно царь, то поѣдемъ лучше въ Яицкъ; тамъ и себя, и насъ оправишь.» — «Въ Яицкъ я не поѣду,» отвѣчалъ Пугачевъ.—«Воля твоя, тому не быть. Долго мы за тобою ѣздили, теперь поѣзжай-ка за нами... изволь отдать шашку, мы тебя не упустимъ.» Другіе тоже приступили и стали кричать: «Полно ужъ! поѣзжай за нами!»—и приказали одному изъ казаковъ снять съ него шашку. Пугачевъ помертвѣлъ, но, все еще сохраняя свое достоинство, сказалъ: «Я не дамъ казаку снять съ себя шашки... сіе безчестно,»— и, снявши ее самъ, передалъ одному изъ своихъ полковниковъ, Федулову. Послѣ этого всѣ пустились въ путь и переправились черезъ Узень. Тутъ, видя, что за нимъ мало присматриваютъ, Пугачевъ отозвалъ въ сторону своего любимца, Творогова, какъ будто бы хотѣлъ съ нимъ переговорить, и вдругъ бросился вскачь по степи; но Твороговъ съ казаками его нагнали, свалили съ лошади и скрутили ему руки. «Какъ вы можете вязать государя?» крикнулъ самозванецъ: «за меня еще вступится Павелъ Петровичъ!» Его развязали, но за то посадили на самую плохую лошадь.

Такъ пріѣхали къ стану, гдѣ находились остальные казаки. Всѣ одобрили рѣшеніе начальниковъ, и отправились съ Пугачевымъ въ путь къ Яицку. На дорогѣ остановились для обѣда. Пугачевъ совершенно свободно расхаживалъ по десяткамъ, гдѣ ѣли кашу; вдругъ онъ шепнулъ что-то на ухо одному изъ казаковъ, бывшему съ нимъ въ согласіи, схватилъ казачью саблю закричалъ: «Господа казаки! послужите вы мнѣ вѣрно, свяжите всѣхъ старшинъ»—и бросился на Чумакова. Казаки вскочили и по приказанію Чумакова и Федулова, поваливъ его, тупыми концами копій притиснули въ плечи къ землѣ и связали ему назадъ руки. Казака, думавшаго помочь Пугачеву

убили на мѣстѣ. Въ дальнѣйшемъ пути, приблизясь къ Яицку, Чумаковъ и Твороговъ отправились впередъ, чтобы извѣстить о взятіи самозванца. Пугачевъ тутъ уже увѣщевалъ казаковъ: «Что вздумали вы себя и меня погубить напрасно? Вѣдь, если меня и выдадите, васъ всѣхъ перевѣшаютъ!» Его никто не слушалъ. Между тѣмъ до Симонова въ Яицкъ уже ранѣе дошла вѣсть, что Пугачевъ связанъ: онъ отправилъ на встрѣчу самозванца сотника Харчева съ 50-ю казаками. Ему и сдали Пугачева. Въ тоже самое время привезенъ въ Яицкъ и Перфильевъ. Съ небольшимъ числомъ своихъ приверженцевъ, онъ пробрался было чуть не до Иргиза, вѣроятно, думая уйти въ Башкирію, гдѣ еще продолжались смуты. Тутъ онъ наткнулся на одинъ правительственный отрядъ и, послѣ небольшой схватки, былъ взятъ со всѣми товарищами. О поимкѣ Пугачева скоро узнали повсюду въ степи. Голицынъ прежде другихъ донесъ объ этомъ Панину. Услышалъ объ этомъ и Суворовъ, и поспѣшилъ въ Яицкъ.

Въ Яицкѣ Мавринъ допрашивалъ Пугачева и его сообщниковъ. Самозванецъ прямо объявилъ, что онъ донской казакъ, Емельянъ Пугачевъ, и на вопросъ: «какъ рѣшился онъ объявить себя государемъ?» сказалъ: «Виноватъ передъ Богомъ и государыней... что дѣлать? *наказалъ Богъ Россію чрезъ мое окаянство*». Мавринъ вывелъ его на площадь передъ казаками для очной ставки. Пугачевъ началъ упрекать ихъ: «Вы сами подговорили меня объявить себя государемъ; а я и не имѣлъ своей воли: все дѣлалось такъ, какъ вамъ было угодно.» Казаки молчали, опустивъ головы. Суворовъ тотчасъ взялъ самозванца на свое попеченіе. Скованнаго цѣпями, онъ повезъ его въ Симбирскъ на двуколесной телѣжкѣ, сверхъ которой сдѣланъ былъ кузовъ, въ родѣ клѣтки. Такъ какъ самозванецъ былъ очень безпокоенъ въ этомъ помѣщеніи, то его скоро пересадили въ обыкновенную повозку. Приставивъ крѣпкій конвой, Суворовъ самъ день и ночь сторожилъ его. Вмѣстѣ съ самозванцемъ, повезли его жену и сына, бойкаго, шаловливаго мальчика 12 лѣтъ. Въ Симбирскъ къ этому времени прибылъ Панинъ, а потомъ и Потемкинъ для допроса. О первой встрѣчѣ гордаго вельможи съ самозванцемъ разсказываютъ различно. По разсказу Державина, Панинъ встрѣтилъ его на дворѣ передъ своимъ домомъ, при стеченіи огромной толпы любопытныхъ. «Кто ты таковъ?» спросилъ Панинъ. — «Емельянъ Ивановъ Пугачевъ.» — «Какъ же смѣлъ, ты, воръ, называться государемъ?» — «Я не воронъ,» отвѣчалъ Пугачевъ, играя словами: «я вороненокъ, а воронъ-то еще летаетъ!» Панинъ вспылилъ и необдуманно спросилъ: «Да какъ ты смѣлъ воевать противъ меня?» — «Что дѣлать, ваше сія-

тельство, ѣдко возразилъ Пугачевъ: когда уже воевалъ противъ государыни!» Панинъ не вытерпѣлъ и вырвалъ у самозванца нѣсколько волосъ изъ бороды. Послѣ того онъ показывалъ Пугачева въ своихъ покояхъ собравшемуся дворянству. Тутъ на обличенія Панина самозванецъ низко поклонился до земли и сказалъ: «Виноватъ передъ Богомъ, государыней и *министрами*!» Панинъ также двинулъ было руку, чтобы дать ему оплеуху; но вдругъ зарыдалъ, поднялъ руки къ небу и воскликнулъ: «Боже милосердый! въ гнѣвѣ своемъ ты наказалъ насъ симъ злодѣемъ, и проч...» Потемкинъ, какъ начальникъ секретной комиссіи, подвергалъ Пугачева новому допросу. Когда гренадеры привели къ нему самозванца, онъ велѣлъ раздѣть его, призвалъ палача и крикнулъ: «Ты скажешь у меня всю правду.» Палачъ послюнилъ ладонь, ударилъ Пугачева по голой спинѣ и, когда на ней обозначились красныя полосы, сказалъ: «А! онъ ужъ былъ въ нашихъ рукахъ!» Испуганный Пугачевъ воскликнулъ: «Помилуйте! скажу всю правду». Потемкинъ особенно добивался, не подговорилъ ли его кто нибудь изъ Петербурга и не былъ ли онъ въ сношеніяхъ съ заграничными агентами. Но этого ничего не было, и Пугачевъ могъ сообщить о себѣ лишь то, что сообщилъ Маврину и что нами уже передано въ разсказѣ о его похожденіяхъ. Вообще всѣ его признанія были довольно правдивы.

Пугачевъ, послѣ этого строгаго допроса, значительно пріунылъ; но при случаѣ опять ободрялся и поражалъ всѣхъ своими мѣткими отвѣтами. Его держали въ тюрьмѣ подъ крѣпкимъ надзоромъ, со скованными руками и ногами; кромѣ того около пояса ему одѣтъ былъ обручъ, отъ котораго цѣпью онъ былъ прикованъ къ стѣнѣ. Въ комнатѣ при немъ постоянно находились часовой, оберъ-офицеръ и унтеръ-офицеръ. Вмѣсто прежней одежды, на него надѣли простой, затасканный тулупъ. Панинъ очень гордился, что такой важный плѣнникъ въ его рукахъ и любилъ показывать его всѣмъ пріѣзжавшимъ.—«Здоровъ ли, Емелька?» спрашивалъ онъ, когда приводили къ нему скованнаго самозванца. Этотъ становился на колѣни и обыкновенно отвѣчалъ: «Ночи не сплю, все плачу, ваше графское сіятельство!»—«Надѣйся на милосердіе государыни.» Болѣе значительныхъ лицъ допускали къ нему и въ тюрьму. Его видѣли Голицынъ, Михельсонъ и Рычковъ, одинъ изъ оренбургскихъ начальниковъ, оставившій намъ любопытное описаніе оренбургской осады. Голицына Пугачевъ встрѣтилъ очень привѣтливо, приподнялся, сколько могъ, съ нарѣ и сказалъ: «Вы истинно храбрый генералъ, ваше сіятельство... вы первый сломили мнѣ рогъ.» При видѣ Михельсона онъ напротивъ

отвернулся и не хотѣлъ говорить, а когда Михельсонъ ушелъ, то замѣтилъ: «Далъ бы онъ мнѣ хоть одну шубу изъ тѣхъ, что столько захватилъ подъ Чернымъ Яромъ.» При входѣ Рычкова, самозванецъ ѣлъ щербу съ деревяннаго блюда. «Добро пожаловать», сказалъ онъ и нѣсколько разъ приглашалъ Рычкова съ нимъ откушать. Этотъ, по обыкновенію, сталъ обличать его въ его злодѣйствахъ. «Виноватъ передъ Богомъ и государыней», неизмѣнно отвѣчалъ Пугачевъ и клялся, что готовъ бы заслужить всѣ вины свои. Рычковъ объяснилъ ему, сколько потерпѣлъ отъ него раззоренія и что даже лишился сына, убитаго подъ Симбирскомъ. «Все это дѣлали безъ моей воли, сказалъ Пугачевъ: мои сообщники что хотѣли, то и дѣлали.» Вспоминая о сынѣ, Рычковъ заплакалъ. Пугачевъ, глядя на него, тоже прослезился. Вообще въ Пугачевѣ теперь опять сказалась его въ сущности мягкая, гибкая натура: онъ опять, какъ въ Казани, много плакалъ и молился. 25-го октября Галаховъ, которому уже прежде поручено было дѣло мнимаго Трифонова, повезъ Пугачева въ Москву, вмѣстѣ съ его женою и сыномъ. За нимъ отправлены и главнѣйшіе его сообщники. Вся дорога до Москвы уставлена была войсками. Впрочемъ путешествіе совершилось благополучно. Только однажды съ Пугачевымъ сдѣлалась колика. Галаховъ сильно перепугался. Не имѣя другихъ средствъ, онъ приготовилъ Пугачеву чай съ сахаромъ и французской водкой, напоилъ его, уложилъ и всю ночь занималъ разсказами. Пугачевъ наконецъ крѣпко заснулъ и проснулся, совсѣмъ здоровый. «Славный ты, братецъ, лекарь,» говорилъ онъ Галахову и между прочимъ просилъ, чтобы ему приготовили хорошую одежду, потому что его надо представить императрицѣ, которой одной онъ можетъ открыть великую тайну. Что эта была за тайна, неизвѣстно: на допросахъ въ Москвѣ Пугачевъ не показалъ ничего новаго.

Въ Москву привезли его днемъ подъ конвоемъ. Несмѣтная толпа ожидала его на улицахъ; у тюрьмы отъ каретъ съ дамами не было проходу. Ожидали, что Пугачевъ выглянетъ въ окно; но онъ былъ тотчасъ прикованъ къ стѣнѣ, какъ и въ Симбирскѣ. Тутъ вновь допрашивали его князь Волконскій, Потемкинъ и извѣстный слѣдователь Шешковскій. Отвѣты его были тѣже: «Мой грѣхъ; подбили меня люди, да ужъ теперь виноватъ. Радъ заслужить вины свои ея императорскому величеству». Допрашивали и жену Пугачева: «Чортъ его знаетъ, говорила она, что онъ это надѣлалъ; а я о злодѣйствахъ его никогда отъ него прежде не слыхала, и онъ меня бросилъ уже съ три года». Слѣдствіе продолжалось болѣе мѣсяца; но слѣдователи мало выяснили самыя характерныя стороны дѣла. Они ви-

дѣли въ Пугачевѣ только грубаго мужика, который «скверенъ такъ, какъ мужику простому быть свойственно, съ тою только разницей, что онъ бродяга» (слова Волконскаго). Между прочимъ вовсе не было разъяснено участіе въ дѣлѣ раскольниковъ. Наконецъ слѣдственное дѣло отправлено въ Петербургъ, и 19-го декабря явился манифестъ, извѣщавшій о происхожденіи самозванца и о его преступленіяхъ. Въ Москвѣ наряженъ былъ судъ изъ сенаторовъ, членовъ синода и вообще изъ особъ первыхъ трехъ классовъ. Екатерина предоставила ему все рѣшеніе дѣла, прося только Волконскаго «внушить судьямъ умѣренность какъ въ числѣ, такъ и въ казни преступниковъ». Впрочемъ число казней тутъ и не могло быть велико, потому что судились только самые главные преступники. Мы знаемъ, что помимо этого многочисленныя казни происходили по всѣмъ городамъ и селамъ, гдѣ оказались виновные въ возмущеніи. По рѣшенію суда приговорены: Пугачевъ и Перфильевъ къ четвертованію; Чика—къ отсѣченію головы; Шигаевъ, Падуровъ и Тарновъ—къ повѣшенію. Изъ прочихъ человѣкъ 20 присуждено къ наказанію плетьми и къ ссылкѣ въ каторжную работу; казаки, выдавшіе самозванца, конечно, помилованы; изъ раскольниковъ, оговоренныхъ самозванцемъ, какъ первыхъ помощниковъ и подстрекателей къ дѣлу (Кожевниковъ, Коробка, Кузнецовъ, Щолоковъ, и проч.) всѣ признаны невиновными. Этому дѣлу теперь позаботились придать особенную извѣстность, чтобы, устрашивъ народъ, вмѣстѣ увѣрить его, что именовавшій себя государемъ, Петромъ III, былъ дѣйствительно бѣглый казакъ, Емельянъ Пугачевъ.

Какіе страхи еще три мѣсяца тому назадъ внушалъ самозванецъ, очень живо описываетъ въ своихъ запискахъ Болотовъ, бывшій въ то время управляющимъ одного изъ дворцовыхъ селъ близъ Коломны. Вѣроятно, по распоряженію Панина, приказано было набрать около Москвы вооруженныхъ людей по два человѣка со ста душъ. Это приказаніе прислано и къ Болотову. Оно было скоро отмѣнено, но успѣло встревожить всѣхъ помѣщиковъ. Болотовъ впрочемъ описываетъ лишь свои впечатлѣнія. «Сердце у меня затрепетало, говоритъ онъ, и я такъ испугался, что долгое время не могъ вымолвить ни одного слова». Однако онъ утѣшалъ, какъ могъ, домашнихъ, увѣряя, что Пугачевъ очень далеко. Но онѣ твердили все свое: «Чортъ его знаетъ! можетъ быть, онъ уже перелетѣлъ! Долголи ему со своею сволочью идти? Ахъ, Господи! ну, если онъ придетъ сюда, что съ нами бѣдными будетъ? Погибнемъ и мы всѣ, какъ черви капустные! И насъ всѣхъ онъ также перебьетъ, передушитъ и перевѣшаетъ,

какъ низовскихъ дворянъ». Болотовъ возражалъ своей женѣ и тещѣ, что собранные отряды «утрутъ носъ» Пугачеву. — «Охъ, батюшка ты нашъ! прервали онѣ его рѣчь; да можно-ли на эту сволочь положиться? не такіе-ли же они глупые бородачи, какъ и пугачевскіе? и не возстанутъ ли они еще сами вмѣстѣ съ ними противъ насъ!» Утѣшая своихъ, Болотовъ самъ между тѣмъ думалъ: «Почемъ знать, можетъ быть и правда, что этотъ злодѣй со своей сволочью уже не далеко... И что тутъ могутъ сдѣлать эти бородачи? Не такіе-ли же они скоты безмысленные, какъ и тѣ самые? можно-ли полагать на нихъ какую надежду? Нѣтъ у нихъ командировъ и не можетъ быть никакого порядка, да и чѣмъ вооружить ихъ, кромѣ однѣхъ косъ, топоровъ и рогатокъ; а у него, сказываютъ, есть и пушки, и ружья, и все вездѣ проклятый награбилъ. Такъ могутъ-ли дурачье наше стоять? да что говорить, они первые будутъ готовы къ нему передаться... дѣйствительно, передушатъ насъ всѣхъ, какъ куръ. Къ томужъ такая бѣда, что мнѣ въ случаѣ нужды и уѣхать куда нибудь для своего спасенія нельзя будетъ!.. Да и куда теперь сунуться? Не вездѣ-ли опасность одинакова? и не весь ли черный народъ когда не вьявь, то въ сердцѣ своемъ бунтуетъ, и готовъ поднять на насъ свои руки?» Въ этихъ тревогахъ Болотовъ ужъ думалъ, не поискать-ли ему въ тамошнихъ большихъ лѣсахъ самаго глухаго мѣста, гдѣ-бы, въ случаѣ опасности, можно было скрыться. Однако, исполняя предписаніе начальства, онъ собралъ со своей волости надлежащее число людей и вооружилъ всѣхъ пиками. Любопытно, что сами крестьяне назначили на эту службу тѣхъ, которые увернулись отъ прежнихъ рекрутскихъ наборовъ, выдернувъ себѣ зубъ или порѣзавъ палецъ, и проч. Собравъ милицію, Болотовъ вздумалъ дать ей наставленіе, чтобы она храбро сражалась, и, указавъ на одного самаго дюжаго мужика, сказалъ: «Вотъ этакому какъ-бы не драться, одинъ десятерыхъ уберетъ!» — «Да, отвѣчалъ тотъ, усмѣхаясь: сталъ-бы я бить свою братью! развѣ васъ, бояръ, такъ готовъ десятерыхъ посадить на это копье!» Но смѣльчакъ сильно струхнулъ, когда увидѣлъ, что управляющій записалъ его имя, да и прочій народъ, по словамъ Болотова, не одобрилъ его выходки. Дѣйствительно, дворцовые и вообще казенные крестьяне мало принимали участія въ бунтѣ. Послѣ всего выше разсказаннаго понятно, что казнь Пугачева Болотовъ называетъ «истиннымъ торжествомъ дворянъ».

Она совершилась 10 января 1775-го года въ Москвѣ, на Болотѣ (Болотная площадь въ Замоскворѣчьи, недалеко отъ Каменнаго моста). Посрединѣ площади стоялъ эшафотъ, — четырехугольная,

обитая тесомъ постройка аршина четыре вышиною. На верху находился довольно обширный помостъ, окруженный балюстрадою; къ нему вела лишь одна лѣстница. Посрединѣ помоста стоялъ столбъ съ надѣтымъ на него колесомъ и съ желѣзною спицею на верху. Вокругъ эшафота поставлено было еще нѣсколько висѣлицъ. Все это мѣсто окружено было войсками съ заряженными ружьями; къ эшафоту за войска пускали только дворянъ и вообще служащихъ лицъ. Самую казнь мы передадимъ словами извѣстнаго писателя Дмитріева, который видѣлъ ее, бывши тогда еще отрокомъ: «Въ 10-й день января 1775-го года, въ восемь или девять часовъ пополуночи, пріѣхали мы на Болото. На срединѣ его воздвигнутъ былъ эшафотъ, или лобное мѣсто, вокругъ котораго построены были пѣхотные полки. Начальники и офицеры имѣли знаки и шарфы сверхъ шубъ, по причинѣ жестокаго мороза. Тутъ-же находился и оберъ-полицмейстеръ Архаровъ со своими чиновниками и ординарцами. На высотѣ или помостѣ лобнаго мѣста увидѣлъ я съ отвращеніемъ въ первый разъ исполнителей казни. Позади войскъ все пространство Болота или, лучше сказать, низкой лощины, всѣ кровли домовъ и лавокъ на высотахъ съ обѣихъ сторонъ ея, усѣяны были людьми обоего пола и различнаго состоянія. Любопытные зрители даже вспрыгивали на козлы и запятки каретъ и колясокъ. Вдругъ все восколебалось и съ шумомъ заговорило: «везутъ, везутъ!» Вскорѣ появился отрядъ кирасиръ, за нимъ необыкновенной высоты сани, и въ нихъ сидѣлъ Пугачевъ; насупротивъ духовникъ его и еще какой-то чиновникъ, вѣроятно, секретарь Тайной Экспедиціи; за санями слѣдовалъ еще отрядъ конницы. Пугачевъ, съ непокрытою головою, кланялся на обѣ стороны, пока везли его. Я не замѣтилъ въ чертахъ лица его ничего свирѣпаго. На взглядъ онъ былъ 40 лѣтъ; роста средняго, лицомъ смуглъ и блѣденъ; глаза его сверкали; носъ имѣлъ кругловатый, волосы, помнится, черные и небольшую бороду клиномъ. Сани остановились противъ крыльца лобнаго мѣста. Пугачевъ и любимецъ его, Перфильевъ, въ препровожденіи духовника и двухъ чиновниковъ, едва взошли на эшафотъ, раздалось: на караулъ, и одинъ изъ чиновниковъ началъ читать манифестъ. При произнесеніи чтецомъ имени и прозвища главнаго злодѣя, также и станицы, гдѣ онъ родился, оберъ-полицмейстеръ спрашивалъ его громко: «Ты ли донской казакъ Емельянъ Пугачевъ?» Онъ столько-же громко отвѣчалъ: «Такъ, государь, я донской казакъ Зимовейской станицы, Емелька Пугачевъ». Потомъ, во все продолженіе чтенія манифеста, онъ, глядя на соборъ, часто крестился, между тѣмъ какъ сподвижникъ его, Пер-

фильевъ, не малаго роста, сутулый, рябой и свирѣповидный, стоялъ неподвижно, потупя глаза въ землю. По прочтеніи манифеста, духовникъ сказалъ имъ нѣсколько словъ, благословилъ ихъ и пошелъ съ эшафота. Читавшій манифестъ послѣдовалъ за нимъ. Тогда Пугачевъ сдѣлалъ съ крестнымъ знаменіемъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, обратясь къ соборамъ; потомъ съ уторопленнымъ видомъ сталъ прощаться съ народомъ; кланялся на всѣ стороны, говоря прерывающимся голосомъ: «прости, народъ православный; отпусти мнѣ, въ чемъ я согрубилъ предъ тобою; прости, народъ православный!» При семъ словѣ экзекуторъ далъ знакъ: палачи бросились раздѣвать его; сорвали бѣлый бараній тулупъ; стали раздирать рукава шелковаго малиноваго полукафтанья. Тогда онъ всплеснулъ руками, опрокинулся навзничь,—и вмигъ окровавленная голова его уже висѣла въ воздухѣ; палачъ взмахнулъ ее за волосы. Съ Перфильевымъ послѣдовало тоже». Четвертованіе исполнено было уже надъ трупами; по отнятіи головы, началась на помостѣ стукотня и рубка. Отдѣленныя руки и ноги положены были на колесо, а голова Пугачева воткнута была на спицу. Потомъ члены казненныхъ вмѣстѣ съ туловищемъ развезли по всѣмъ заставамъ города и, выставивъ на нѣсколько времени сожгли, а пепелъ развѣяли на всѣ четыре стороны. Чика отвезенъ въ Уфу, гдѣ и обезглавленъ. Въ одно мгновенье съ казнью Пугачева повѣшены Падуровъ, Шигаевъ и Тарновъ, которыхъ палачи уже держали готовыми, съ петлями на шеѣ, на лѣстницахъ. Любопытно, что Болотовъ, также видѣвшій казнь, приписываетъ, вѣроятно, съ общаго голоса, измѣнѣ или подкупу то, что Пугачеву сначала отсѣкли голову, а не руки и ноги. Но на это было тайное приказаніе самой императрицы, не желавшей усиливать кроваваго позорища еще воплями преступниковъ. Касательно казни Пугачева она писала Вольтеру: «До чего человѣкъ можетъ себя обманывать, видно изъ того, что онъ (Пугачевъ) еще дерзаетъ питать какую-то надежду. Онъ воображаетъ, что я, по причинѣ его храбрости, моглабы простить его и что онъ загладитъ прежнія преступленія будущею своею службою. Если-бы онъ оскорбилъ только меня, то его предположенія могли-бы быть справедливы, и я бы его простила; но это дѣло государства, у котораго есть свои законы». Тяжелое впечатлѣніе казней въ Москвѣ скоро было заглажено шумными торжествами по поводу заключенія мира съ Турціей.

Въ заключеніе намъ остается еще сказать о послѣдствіяхъ пугачевскаго бунта и объ участіи Петра Панина въ его усмиреніи. Когда Панинъ 17-го августа выѣзжалъ изъ Москвы, возмущеніе въ полной

силѣ еще господствовало въ Симбирской, Саратовской, Пензенской и отчасти въ Тамбовской губерніи; но пока онъ двигался черезъ Рязань къ Шацку и Керенску, куда прибылъ лишь къ сентябрю, Пугачевъ уже бѣжалъ въ заволжскія степи, многія изъ оставленныхъ имъ шаекъ были разбиты, и приходилось только разсылать кругомъ мелкіе отряды, чтобы окончательно водворить спокойствіе въ мѣстахъ, гдѣ не были ни Михельсонъ, ни Меллинъ, ни другія войска. Прибывши въ подвѣдомственный ему край, онъ издалъ два объявленія. Въ одномъ обѣщалъ онъ прощеніе тѣмъ, кто оставитъ Пугачева, и кромѣ того награжденіе тѣмъ, кто освободитъ помѣщиковъ, выдастъ виновныхъ, и проч.; голова самого Пугачева оцѣнена была въ 10000 рублей. Въ другомъ объявленіи назначались казни: четвертованіе всѣмъ зачинщикамъ и подстрекателямъ, а прочимъ жестокое наказаніе плетьми; во всѣхъ бунтовавшихъ городахъ и деревняхъ предписано поставить по висѣлицѣ, по колесу и по глаголю для вѣшанія за ребра; гдѣ виновныхъ въ убійствѣ нельзя будетъ найти, тамъ изъ жителей вѣшать третьяго по жребію, а остальныхъ сѣчь плетьми, пока не отыщутъ. Въ заключеніе сказано, что если въ какомъ нибудь селеніи бунтовавшіе, принявъ присягу, послѣ того опять пристанутъ къ мятежникамъ, или даже окажутъ малѣйшее неповиновеніе начальникамъ и помѣщикамъ, или хоть не представятъ заводчиковъ смуты, тамъ всѣ взрослые крестьяне будутъ казнены самою мучительною казнію, ихъ жены и дѣти отданы будутъ въ рабство, а земли вѣрнымъ подданнымъ. Всѣ должны были также возвращать пограбленное: тому, у кого потомъ найдется что нибудь изъ взятаго мятежниками, грозила висѣлица. Екатерина, одобривъ такое объявленіе, однако писала Панину: «Предписываю вамъ вездѣ поступать, колико можно, сходственно всегдашнему моему человѣколюбію и милосердію, и при самой казни имѣть всегда въ памяти вашей, что я при семъ случаѣ не инако поступаю, какъ мать, обливающаяся слезами при нужномъ наказаніи дѣтей своихъ непослушныхъ». Панинъ отвѣчалъ, что на счетъ казни всѣхъ взрослыхъ безъ изъятія и отдачи женъ и дѣтей въ рабство онъ упомянулъ болѣе для устрашенія, а исполнять этого не будетъ.

Панинъ началъ свои дѣйствія съ того, что написалъ презрительное письмо къ Цыплетеву, защитнику Царицына, и въ то же время всѣхъ защитниковъ городка Керенска повысилъ чинами и роздалъ каждому жителю по рублю. Казни, которыми онъ грозилъ, были имъ совершены въ первый разъ въ Нижнемъ-Ломовѣ, сдавшемся одной изъ шаекъ самозванца. На колесахъ, висѣлицахъ и глаголяхъ, раз-

ставленныхъ при всѣхъ выѣздахъ изъ города, долгое время виднѣлись тѣла казненныхъ. Лукинъ, начальникъ инвалидной команды, высказавшій въ Нижнемъ-Ломовѣ мужество при защитѣ укрѣпленія, повышенъ чиномъ. Въ своихъ запискахъ онъ разсказываетъ, что нѣсколько разъ подавалъ Панину просьбы о вознагражденіи за понесенные во время грабежа убытки, но не получилъ никакого отвѣта, между тѣмъ какъ Панинъ раздавалъ по 1000 и по 2000 рублей лицамъ, и не видѣвшимъ въ глаза мятежниковъ. Въ одно время съ упомянутыми казнями приказано было четвертовать въ Воронежѣ новаго самозванца Мосякина. Это былъ скорѣе какой-то юродивый, который доказывалъ свое царское происхожденіе выдавленными на спинѣ и на рукахъ знаками креста, заставлялъ цѣловать эти знаки, пить воду, которою онъ мылся, перевязывалъ на крестъ спину шелковыми платками, громко по ночамъ молился, благословлялъ всѣхъ, приходившихъ къ нему, какъ священникъ, и про великаго князя, Павла Петровича, говорилъ: «Чадушко мое милое, возлюбленное! велитъ-ли Богъ мнѣ съ нимъ видѣться?». Всего этого было довольно, чтобы въ одной, двухъ деревняхъ Шацкаго уѣзда ему оказывали разныя почести; но, при первомъ появленіи властей, онъ взятъ былъ безъ всякаго сопротивленія. Екатерина предписала было смягчить ему наказаніе, но казнь уже совершилась. Изъ Нижняго-Ломова Панинъ поѣхалъ въ Пензу. Здѣсь, послѣ Пугачева, уже распоряжались Муфель и Чемезовъ, начальникъ дворянскаго ополченія. Чемезовъ, по уходѣ Муфеля, успѣлъ истребить и окрестныя шайки, и теперь Пенза была наполнена множествомъ обнищавшихъ дворянскихъ семействъ, искавшихъ въ ней защиты. При въѣздѣ Панина, вдовы, дочери, малолѣтнія дѣти и родственницы дворянъ цѣлою толпою обступили его экипажъ и, бросившись на колѣни, молили о помощи. Всѣ онѣ были въ рубищахъ. Панинъ былъ тронутъ до слезъ и тотчасъ велѣлъ помочь имъ деньгами. Онъ потомъ писалъ объ этомъ государынѣ, и ею было приказано употребить хотя-бы до 300,000 рублей на вспомоществованіе пострадавшимъ дворянскимъ семействамъ. Вслѣдъ за тѣмъ начались казни, хотя Пенза уже давно была спокойна. Казнивъ нѣсколько человѣкъ при собраніи всего народа, Панинъ вдругъ обратился къ нему съ рѣчью, гдѣ сказалъ, что всѣ до одного достойны казни, но что «милостивое сердце императрицы поражается пролитіемъ крови». Весь народъ съ воплемъ упалъ на землю. Панинъ самъ заплакалъ и объявилъ о помилованіи.

Между тѣмъ въ бунтовавшихъ губерніяхъ почти все безъ исключенія духовенство принимало съ почестью самозванца: въ этомъ были

виновны и многіе архимандриты. Панинъ, не считая себя вправѣ наказывать виновныхъ изъ этого сословія, предоставилъ все дѣло синоду. Синодъ, конечно, лишилъ ихъ духовнаго сана, но вслѣдствіе этого всѣ церкви остались безъ священниковъ. Теперь Панинъ представилъ синоду, чтобы возвратить имъ священство, кромѣ нѣкоторыхъ, наиболѣе преступныхъ, наложивъ на нихъ какое нибудь духовное наказаніе. Въ Пензѣ онъ получилъ извѣстіе о поимкѣ Пугачева. Екатерина, узнавъ объ этомъ, писала ему: «Воздаю благодареніе Богу, что пресѣклась эта мерзкая исторія, отсылавшая насъ во мнѣніи всей Европы къ варварскимъ временамъ за 200, 300 лѣтъ назадъ». Къ пріѣзду Суворова изъ Яицка Панинъ былъ уже въ Симбирскѣ, гдѣ участвовалъ въ допросахъ, дѣланныхъ Пугачеву. Тутъ собрались около него всѣ искатели милостей. Онъ принималъ Голицына, Михельсона и другихъ, выходя за-просто въ широкомъ атласномъ шлафрокѣ и въ большомъ французскомъ колпакѣ, перевязанномъ розовыми лентами. Самъ знаменитый Суворовъ, по разсказу современника, усердно отпускалъ ему земные поклоны. Но кто умѣлъ польстить его барской важности, съ тѣмъ обращался онъ очень ласково и дружелюбно; чувствительность, добродушіе, состраданіе странно соединялись въ немъ съ крайнимъ чванствомъ и холодной мстительностью. Изданные имъ жестокіе указы противъ пугачевцевъ отчасти можно приписать тому, что онъ крайне раздраженъ былъ распущенною ими молвою, будто, какъ братъ дядьки великаго князя, то есть, Никиты Панина, онъ идетъ изъ Москвы на поклонъ мнимому государю Петру Ѳедоровичу.

Эти указы приведены были въ исполненіе тѣмъ, что всѣ селенія раздѣлены на участвовавшія и неучаствовавшія въ бунтѣ. Къ первымъ уже не примѣнялись законы, уничтожавшіе смертную казнь. Около нихъ поставлены висѣлицы, колеса и глаголи, и мѣстнымъ властямъ дано было право судить и казнить, кого найдутъ достойнымъ казни, разумѣется, лишь изъ лицъ податнаго сословія. Но и прежде Панина, уже вслѣдствіе полномочій, данныхъ Бибикову, казнили, кого хотѣли, всѣ начальники отрядовъ до простаго офицера включительно. Послѣ того, какъ Пугачевъ былъ разбитъ подъ Чернымъ-Яромъ, плѣнныхъ мятежниковъ тысячами приводили въ Царицынъ. Кормить ихъ было нечѣмъ, содержать негдѣ: пріѣхавшій въ городъ Мансуровъ торопился чинить надъ ними судъ, чтобы отправлять ихъ далѣе. Безъ долгаго разбора, кого считали болѣе виновнымъ, вѣшали; прочихъ сѣкли плетьми, солдатъ прогоняли черезъ 1000 чел. спицрутенами, обрѣзывали каждому по одному, а иногда

и оба уха, выбривали полголовы и полбороды и связанныхъ на веревкѣ разсылали по разнымъ мѣстамъ. Разсказываютъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обычай носить шапку на бекрень и произошелъ отъ желанія скрыть урѣзанное ухо. Помѣщики возвращались въ свои деревни, разыскивали всюду своихъ крестьянъ и также требовали ихъ наказанія. О Пугачевѣ теперь никто не смѣлъ и заикнуться. Какой-то лавочникъ по простотѣ сказалъ: «батюшкины и меня раззорили»: его за непригожія слова тотчасъ высѣкли плетьми. 29-го октября Панинъ уже писалъ императрицѣ, что «вся чернь находится въ такомъ подобострастномъ, подданническомъ законной власти повиновеніи, какого она прежде не имѣла, и что башкирскія и киргизскія продерзости почти совсѣмъ прекратились.» Тѣмъ не менѣе казни велѣно прекратить не ранѣе 30-го ноября 1774 года. Панинъ теперь объѣзжалъ ввѣренный ему край. Ему вездѣ готовили торжественныя встрѣчи, его вездѣ называли «спасителемъ отечества, честью, славою и украшеніемъ россійскаго дворянства».

Но кромѣ казней нужно было подумать и о многомъ другомъ. Города и села лежали въ развалинахъ. Всякіе акты и документы въ присутственныхъ мѣстахъ были сожжены, растеряны или перепутаны; чиновники отъ простаго подъячаго до губернатора выказали медленность и неспособность въ дѣлахъ, между тѣмъ корыстолюбіе и взятки господствовали въ полной силѣ. Екатерина писала Панину про чиновниковъ: «Напередъ раздраживъ городскихъ и уѣздныхъ жителей неправильнымъ судомъ и мздоимствомъ, чувствуя народную къ себѣ недовѣрчивость, они въ рѣшительную минуту совсѣмъ потеряли голову». Кромѣ этого жатва 1774 года совсѣмъ не была собрана: мѣстами поля остались и совсѣмъ незасѣянными, а мѣстами были потоптаны и шайками мятежниковъ и войсками правительства; народъ уходилъ въ шайки самозванца, бросая всѣ сельскія работы. Скотъ или истребленъ, или брошенъ на произволъ судьбы и бродилъ по лѣсамъ. Лошадей ни у кого не осталось: только ихъ скелетами усѣяны были дороги. Курьеры часто пробирались пѣшкомъ, а если гдѣ имъ и случалось ѣхать, то на одичавшихъ коняхъ, загнанныхъ изъ опустѣлыхъ полей. Грозилъ страшный голодъ: лебеда и мякина уже замѣняли хлѣбъ. При такихъ обстоятельствахъ нужно было принять рѣшительныя мѣры.

Екатерина между прочимъ требовала отъ Панина, отъ Потемкина и отъ другихъ лицъ, чтобы они изслѣдовали причины бунта. Но на одну изъ главнѣйшихъ причинъ, на крѣпостное право, если кто изрѣдка и указывалъ (напримѣръ, Сиверсъ), то безполезно. Въ то

время не рѣшались болѣе и разсуждать о какомъ-либо ограниченіи помѣщичьей власти. Менѣе всего могъ объ этомъ думать Панинъ и особенно послѣ Пугачевскаго бунта. Напротивъ, теперь власть помѣщиковъ усилилась, какъ никогда: за малѣйшій ропотъ противъ господина крестьянинъ могъ быть объявленъ бунтовщикомъ и подвергнуться смертной казни. За то о лихоимствѣ чиновниковъ объявлено во всеуслышаніе, послѣ того, какъ нѣкоторые изъ нихъ рѣшились брать взятки, даже вновь приводя жителей къ присягѣ. Панинъ вооружился противъ злоупотребленій со всею энергіею: онъ готовъ былъ казнить этого рода грабителей также, какъ и пугачевцевъ. Онъ издалъ даже повелѣніе хватать и представлять ему каждаго чиновника, вымогающаго какую-нибудь взятку. Любопытно, что съ такимъ повелѣніемъ онъ обращался къ тѣмъ самымъ жителямъ, которыхъ эти чиновники могли судить и приговаривать къ смертной казни. Разумѣется, изъ подобныхъ распоряженій ничего не вышло. Между тѣмъ, какъ разныя канцеляріи вновь приводили въ порядокъ свои дѣла, Панинъ замѣтилъ, что неуспѣхъ распоряженій происходилъ и отъ того, что на каждое мѣсто приходилась слишкомъ большая масса дѣлъ по причинѣ огромности и разбросанности тогдашнихъ губерній. Такъ, напримѣръ, Оренбургская губернія заключала, кромѣ нынѣшней Оренбургской, значительную часть Самарской и Уфимской губерній; Саратовъ находился въ вѣдѣніи астраханскаго губернатора, Тамбовъ—въ вѣдѣніи воронежскаго. Представленія Панина, конечно, содѣйствовали тому, что вскорѣ издано новое «учрежденіе о губерніяхъ», гдѣ число ихъ увеличено до 50. Противъ голода также приняты мѣры. Устроены провіантскіе магазины и разрѣшено закупить для нихъ до 90000 четвертей. Изъ магазиновъ выдавалось отъ 2 до 3 четвериковъ на душу подъ росписки помѣщиковъ, прикащиковъ или старостъ, преимущественно для обсѣмененія полей на 1775-й годъ. Такъ какъ сами нуждающіеся не имѣли средствъ пріѣзжать за хлѣбомъ, то его развозили на уѣздныхъ подводахъ съ платою по 1 коп. за версту. Кромѣ этого Панинъ издалъ объявленіе, что кто, пользуясь нуждою, повыситъ цѣну на хлѣбъ, тотъ подвергнется жесточайшему наказанію и даже смертной казни. Екатерина также совѣтовала для доставленія народу хлѣба предпринять общественныя работы, напримѣръ, укрѣпленіе городовъ, рытье рвовъ, въ которомъ могли учавствовать и женщины, и дѣти. Такія укрѣпленія и были начаты. Но кромѣ того самое возобновленіе разрушенныхъ городовъ доставило много работы. Такъ распоряжался Панинъ, пока 9-го августа 1775-го года не кончились его полномочія. Что касается яицкихъ казаковъ, то самыя названія «Яикъ, Яицкій

городокъ» уничтожены и замѣнены словами: «Уралъ, Уральскъ, уральскіе казаки».

Пугачевскій бунтъ былъ печальнымъ событіемъ въ второй половинѣ XVIII-го столѣтія, стоившимъ до 100000 народа и несчетныхъ денегъ, вслѣдствіе всеобщаго раззоренія восточной Россіи. Его значеніе мало было понято въ тогдашнее время, да мало выяснено и донынѣ. Тутъ, въ грубой формѣ дикаго, азіатскаго нашествія, опять заявила себя древняя, до-Петровская Русь со своими требованіями общинныхъ началъ, совершенно забытыхъ въ первые года реформы. Въ Пугачевскомъ бунтѣ надо различать слѣдующія стороны: 1) Казацкій идеалъ военнаго царя-атамана, приманчивый болѣе для казацкой вольницы, привыкшей искать добычи въ дальнихъ походахъ и жить грабежемъ, чѣмъ для крестьянина-земледѣльца, неохотно оставляющаго свою ниву. Широкая удаль, воинскій пылъ, участіе громады въ общественныхъ дѣлахъ и въ дѣлежѣ добычи,—все это, хотя и сродное народу, составляло въ томъ видѣ, какъ являлось у казаковъ, и въ древнія времена лишь невольное уклоненіе отъ его обычной жизни. Тѣмъ менѣе казацкіе порядки могли служить образцемъ для народа въ XVIII-мъ вѣкѣ. 2) Попытки кочевниковъ отстоять свой кочевой бытъ съ его привольными пастбищами для скота и наѣздами. 3) Разгулъ отчаянныхъ головъ, людей оторванныхъ отъ общества, или даже и мирныхъ жителей, но случайно справлявшихъ свой праздникъ послѣ долгой зависимости и гнета. 4) Стремленія раскольниковъ охранить независимость своихъ вѣрованій и своей религіозной общины. 5) Стремленія крестьянъ къ упроченію своего быта, лишь случайно принявшія непригляднуую форму мятежа и насилія. Какъ могъ бѣглый донской казакъ сдѣлаться представителемъ всѣхъ этихъ несовмѣстимыхъ стремленій, объясняется какъ стеченіемъ обстоятельствъ, такъ и его характеромъ. Черты этого характера нами уже были разсѣянно указаны и теперь не лишнее свести ихъ вмѣстѣ. Пугачевъ обладалъ необыкновенною способностью примѣняться къ людямъ, ладить со всѣми, былъ-ли то раскольничій старецъ, казакъ, солдатъ, башкирецъ или крестьянинъ. Неспособный, по самому своему невѣжеству, держаться какой-либо системы, или устанавливать какой-либо общественный порядокъ, онъ однако въ своихъ долгихъ скитаніяхъ, въ своихъ толкахъ съ народомъ, хорошо узналъ его нужды и понималъ, чего искали всѣ эти люди, съ которыми онъ сближался. Для яицкихъ казаковъ онъ былъ возстановителемъ ихъ старинныхъ привилегій, для крестьянъ—освободителемъ отъ крѣпостнаго ига. Не имѣя самъ лично особыхъ причинъ враждовать съ дворянами, онъ являлся ихъ безпощаднымъ вра-

томъ, потому что, по его мнѣнію, того требовала взятая имъ на себя роль Петра III, которымъ дворяне пожертвовали въ пользу Екатерины. Въ этой роли, онъ, конечно, былъ лишь жалкимъ комедіантомъ, такъ какъ подражалъ формамъ величія изъ чуждаго, совершенно незнакомаго ему быта. Но взамѣнъ того онъ привлекалъ народъ обманчивымъ обѣщаніемъ безчисленныхъ благъ, которыхъ не могъ дать ему. Нравственный характеръ самозванца довольно ничтоженъ. Въ немъ находимъ случайныя черты ласковости, добродушія, благодарной памяти о тѣхъ, которые оказали ему какую-нибудь услугу. Онъ не былъ жестокъ по природѣ, а скорѣе равнодушенъ къ окружающему злу. Видѣвшіе его въ цѣпяхъ удивлялись, не замѣчая въ его лицѣ никакой свирѣпости, и самъ Панинъ могъ обращаться къ нему со словами: «Что, Емелька? какъ поживаешь?» Но вышедъ изъ той загрубѣлой среды, гдѣ плети и кнутъ служили единственнымъ нравственнымъ увѣщаніемъ, онъ могъ хладнокровно смотрѣть на истязанія женщинъ и дѣтей, хотя при случаѣ, по своей впечатлительности, могъ также плакать при видѣ чьего либо несчастія. Увлеченный своей удачей, онъ не имѣлъ времени задумываться надъ своими поступками, а топталъ все, что встрѣчалось, подъ ногами. Лукавство и обманъ были обычнымъ его орудіемъ, широко пожить — главною цѣлью, при чемъ вся роскошь ограничивалась яркимъ кафтаномъ, сытнымъ столомъ, обиліемъ вина и женщинъ. Надо однако отдать Пугачеву справедливость, что при крайней подвижности характера, при своей способности увлекаться, слѣдуя пословицамъ: «или панъ, или пропалъ; хоть на часъ да вскачь, а послѣ насъ хоть трава не рости»,—онъ отличался и выносливостью, неутомимостью, выдержкой, съ которою, не смущаясь никакой бѣдой, умѣлъ добиваться успѣха. Сколько тысячъ верстъ промчался онъ въ какіе-нибудь три мѣсяца, вездѣ забирая города и, какъ чародѣй, являясь тамъ, гдѣ его совсѣмъ не ждали! И когда Пугачевы стали являться десятками, и власти, и народъ могли думать про каждаго изъ нихъ, что это и есть настоящій Пугачевъ. Самые разсудительные люди считали возможнымъ ожидать его подъ Москвою, когда знали, что онъ былъ у Царицына. Онъ, казалось, осуществлялъ собою сказочнаго героя съ его ковромъ-самолетомъ. Такая удаль тоже должна была производить на народъ обаяніе. Но этому помогли не одна его подвижность и смѣлость, а и ловкость, съ какою онъ умѣлъ представиться народу его радѣтелемъ. Доступный каждому, всегда ласковый съ толпою, онъ, казалось, объ ней только и заботился. Онъ бросаетъ ей деньги, даетъ ей полную волю напиваться казеннымъ виномъ и дѣлить бар-

ское добро; но, что гораздо важнѣе, онъ сулитъ ей новые порядки. Казня безъ пощады всякаго, кого народъ называлъ своимъ обидчикомъ, онъ прощаетъ и ненавистныхъ бояръ по его просьбѣ. «Нашъ государь милостивый», говорятъ казаки, и, въ силу этого, Пугачевъ чаще присутствуетъ тамъ, гдѣ нужно миловать и награждать, чѣмъ при казняхъ. Онъ обѣщаетъ народу новыхъ излюбленныхъ судей по его выбору, свободное и обезпеченное пользованіе землею, «мирное житіе» по освобожденіи отъ гнетущей власти помѣщиковъ и чиновниковъ. Онъ даетъ ему дешевую или даже даровую соль, облегченіе или даже освобожденіе отъ податей и рекрутчины, словомъ, все, о чемъ народъ едва смѣлъ и мечтать. «Если вамъ любо, то пусть будетъ такъ»,—вотъ обычное выраженіе самозванца. Разумѣется, Пугачеву легко было обѣщать и давать все это, потому что онъ всѣмъ владѣлъ лишь на мигъ и отдавалъ такъ, какъ пришедшій въ домъ въ отсутствіе хозяина сталъ бы дарить хозяйскія вещи его слугамъ. Казацкіе порядки, еслибы они и утвердились на нѣкоторое время, не могли быть прочны: вспомнимъ самовластіе старшинъ у самихъ уральцевъ, а воинскій бытъ и прямо не соотвѣтствовалъ мирному настроенію народа. Что касается плетей, пытокъ, казней, то у казаковъ все это совершалось безъ дальняго суда и разбора.

Но намъ важно то, какъ тутъ выразились народныя требованія. Въ XVIII-мъ вѣкѣ на народъ обращали очень мало вниманія. Внѣшній европейскій лоскъ, съ нѣкоторыми плодами европейской образованности,—вотъ все, что мы усвоили въ это время; но народъ оставался грубою, рабочею силой, чтобы нести на себѣ тяжесть нововведеній, почти не пользуясь ихъ выгодами. И нужно же, чтобы въ блестящій вѣкъ Екатерины, когда эта внѣшняя образованность, болѣе щеголявшая европейскими началами добра и правды, чѣмъ примѣнявшая ихъ къ дѣлу, достигла своего полнаго разцвѣта, случилась, какъ выражалась государыня, эта «мерзкая исторія», конечно, подготовленная еще въ предшествовавшее время. Старинныя общинныя начала въ народѣ, дико искажаясь подъ долгимъ гнетомъ, всетаки крѣпли въ самомъ своемъ отчужденіи. Вспомнимъ хоть сплоченность раскольничьихъ кружковъ, гдѣ всѣ, на самыхъ отдаленныхъ концахъ Россіи, подавали другъ другу руку и другъ другу помогали. Это была сила, которой не знало или которою не хотѣло и не умѣло руководить образованное общество, порою, лишь совершенно безсознательно дѣлая ей уступки ради своихъ личныхъ разсчетовъ,—и сила эта дичала, укрываясь въ глуши, въ лѣсахъ, на окраинахъ, гдѣ народъ сближался съ азіатскими ордами, тоже имѣвшими свои счеты съ правительствомъ.

съ одной стороны тупое равнодушіе и рабское вѣрованіе въ судьбу, съ другой изувѣрство и грубый разгулъ, со всѣми сопровождающими его пороками, распространялись въ народѣ, конечно, далеко не къ пользѣ общественнаго и государственнаго строя. Люди, имѣвшіе власть, лишь помогали общей разнузданности, нерѣдко входя въ стачку съ разбойниками, чтобы дѣлиться съ ними добычею или обезопасить себя отъ грабежей. Но, среди этихъ искаженій, сохранились въ народѣ и здоровыя начала: онъ искалъ лишь мирнаго развитія, мечтая о своемъ правѣ на свободный трудъ, на обезпеченное закономъ владѣніе землею, и о законной охранѣ своего мірскаго строя, гдѣ все рѣшалось бы не грубымъ насиліемъ, а полюбовнымъ соглашеніемъ всѣхъ членовъ міра. Довольно того, что, во время самыхъ возстаній, онъ создавалъ власть по своему разумѣнію, и истолковывалъ по своему изданные законною властью манифесты. Въ народныхъ желаніяхъ, конечно, ничего не было противуобщественнаго: оставалось лишь согласить ихъ съ общими требованіями государственной жизни. При Екатеринѣ сдѣлана была и попытка этого въ собраніи Комиссіи Уложенія. Но правительство отвлеклось отъ мирныхъ реформъ желаніемъ упрочить внѣшнюю силу государства. Такое упроченіе въ то время было существенно необходимымъ: оно могло повлечь за собою безчисленныя выгоды и для народа (какъ, напримѣръ, присоединеніе западныхъ областей, завоеваніе и заселеніе южныхъ степей). Тѣмъ не менѣе, вмѣсто ожидаемыхъ облегченій, на народъ возложены были новыя жертвы,—и послѣдовалъ взрывъ. Мы не знаемъ, на сколько толки въ Коммиссіи Уложенія могли содѣйствовать къ возбужденію народа; но выборъ депутатовъ, собираніе наказовъ происходили очень гласно и торжественно; народъ же всегда былъ въ высшей степени чутокъ ко всѣмъ правительственнымъ предначертаніямъ, касавшимся его быта. Петръ III и избранъ былъ у раскольниковъ идеаломъ, конечно, лишь за освожденіе монастырскихъ крестьянъ. Любопытно, что крѣпостные ожидали свободы послѣ того, какъ дворяне были избавлены отъ обязательной службы. Они знали, что крестьяне когда-то давались, чтобы помѣщикъ могъ подняться въ походъ. Они думали, что послѣ того, какъ помѣщикъ могъ служить или не служить, и они избавлялись отъ обязательной ему службы. То, чего теперь добиваются путемъ научныхъ изслѣдованій, народъ хранилъ въ своей памяти, какъ живое начало. Но Пугачевскій бунтъ для тогдашняго образованнаго общества послужилъ лишь яркимъ доказательствомъ, какъ мало созрѣлъ народъ для какого нибудь самоуправленія: въ немъ видѣли лишь кровожадность, дикое звѣрство, самое непроходимое невѣжество. Ничуть

не оправдывая грубыхъ инстинктовъ толпы, это общество могло-бы всетаки подумать, насколько оно само участвовало въ народной грубости. Надо помнить, подъ какими впечатлѣніями въ прошломъ столѣтіи воспитывался народъ. Вынесши бироновщину, онъ и при Елизаветѣ, уничтожившей смертную казнь, не избавился отъ кнутовъ, плетей и спицрутеновъ, отъ вырыванія ноздрей, отъ самоуправства владѣльцевъ и чиновниковъ, въ большинствѣ случаевъ стоявшихъ не выше его по своему развитію. Поэтому и его незаконныя дѣйствія мало чѣмъ отличались отъ общественныхъ порядковъ, которые, прикрываясь буквою закона, тщетно преслѣдовались закономъ. Примемъ еще во вниманіе, что во многихъ случаяхъ тутъ дѣйствовала привычка безъ разсужденій покоряться всякой силѣ и власти. Многіе изъ крестьянъ, и не имѣя никакой злобы на помѣщиковъ, послушно выдавали ихъ Пугачеву, прося лишь у него для нихъ милости. Но было много случаевъ и прямаго самопожертвованія за оказанныя добро и ласку. Какъ тутъ выразились добрыя стороны народнаго характера, мы еще очень мало знаемъ, потому что большую часть извѣстій о Пугачевскомъ бунтѣ имѣемъ отъ лицъ, пострадавшихъ во время возстанія.

ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНІЕ ОБЩЕСТВА ПРИ ЕКАТЕРИНѢ II.

Положеніе различныхъ сословій при Екатеринѣ II.

Вѣкъ Екатерины II принято считать одной изъ самыхъ блестящихъ эпохъ въ нашей исторіи. Дѣйствительно, Екатерина принадлежала къ числу тѣхъ великихъ умовъ, которыми такъ богатъ былъ XVIII-ый вѣкъ, и на ней также отразилось общее этимъ умамъ стремленіе къ преобразованію общества, къ громаднымъ и широкимъ замысламъ. Но надо знать, что въ XVIII-мъ вѣкѣ сильно возбужденная борьба за идеи вела за собой и ту кровавую борьбу, гдѣ такъ или иначе рѣшались огнемъ и мечемъ старые споры; въ виду высоко поставленнаго общественнаго, или политическаго идеала, жизнь и собственность отдѣльныхъ лицъ повсюду цѣнились очень мало; вмѣстѣ съ тѣмъ въ лучшихъ представителяхъ вѣка развивалось и непомѣрное честолюбіе, при которомъ они вовсе не разбирали средствъ для достиженія своихъ цѣлей. Если такой глубокій мыслитель, какъ Вольтеръ, тратилъ свои геніальныя способности на то, чтобы играть видную роль сначала при французскомъ дворѣ, а потомъ при берлинскомъ и

петербургскомъ, то стремленіе къ блеску, къ громкой славѣ еще понятнѣе въ лицахъ, имѣвшихъ въ своихъ рукахъ власть и матеріальную силу. Завоевательные планы Екатерины II-ой, одобряемые и Вольтеромъ, вовсе не составляютъ какого либо исключительнаго явленія, при которомъ можно бы ставить на видъ только личный характеръ этой государыни: еще прежде нея Фридрихъ II не жалѣлъ ни людей, ни денегъ, чтобы возвысить свое значеніе; при ней Іосифъ II, въ силу тѣхъ же либеральныхъ стремленій, питалъ очень честолюбивые замыслы, и потомъ французская революція породила Наполеона, которому, какъ выражались поэтически, весь міръ казался тѣснымъ. Разница съ Екатериной II лишь та, что она, при своемъ тонкомъ, практическомъ умѣ, можетъ быть, всѣхъ удачнѣе умѣла воспользоваться обстоятельствами и пріобрѣла земли, которыя, сравнительно съ ихъ количествомъ, стоили ей меньшихъ пожертвованій, и прочно вошли въ составъ государства, опредѣляя естественныя его границы. Въ послѣдніе годы ея царствованія, Валеріанъ Зубовъ былъ отправленъ завоевывать Кавказъ. Любимецъ государыни, Платонъ Зубовъ, тогда мечталъ не болѣе, не менѣе, какъ о присоединеніи къ Россіи Малой Азіи и Персіи до самыхъ индѣйскихъ границъ. Екатерина дозволяла подобныя мечтанія своимъ любимцамъ, считая ихъ полезными для поддержанія бодрости и отваги; но безъ сомнѣнія она остановилась бы при первомъ, встрѣченномъ на пути затрудненіи, потому что заботилась о прочности своей власти еще болѣе, чѣмъ о какихъ либо пріобрѣтеніяхъ. Но, хотя завоеванія Екатерины и были существенно необходимы для Россіи, все-таки XVIII-ый вѣкъ завѣщалъ намъ ту завоевательную политику, которая подъ конецъ послужила во вредъ государству. И это случилось не только у насъ: тоже самое повторилось надъ Франціей, а въ послѣднее время и надъ Германіей.

Уже въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II средства Россіи были крайне истощены, и казна думала пополнить недостатокъ денегъ выпускомъ ассигнацій, которыхъ цѣнность все болѣе падала. Это происходило какъ отъ войнъ, такъ и отъ безразсчетной траты денегъ на внѣшній блескъ и другіе непроизводительные расходы. Но Екатерининскія войны, какъ мы замѣтили, значительно подняли могущество Россіи; оставалось и улучшеніями внутри государства поднять народное благосостояніе, чтобы возмѣстить ущербъ, нанесенный этими войнами. Кое-что и было сдѣлано во имя тѣхъ гуманныхъ началъ, которыя такъ громко проповѣдывали въ XVIII-мъ вѣкѣ, задавая великую задачу и будущему времени. Екатерина тутъ держалась правила: болѣе смягчать нравы, болѣе подготовлять къ

преобразованіямъ, чѣмъ вводить ихъ. Но тутъ представлялись ей и многія неблагопріятныя обстоятельства. Общество, чуть тронутое реформой Петра, было еще крайне невѣжественно и распущено. Взяточничество, казнокрадство, кулачная расправа, всякаго рода произволъ и невѣжество господствовали еще въ полной силѣ; Простаковы, Скотинины, Митрофанушки и Иванушки занимали видное мѣсто и среди лицъ наиболѣе образованнаго, дворянскаго сословія. Однако лишь въ этомъ сословіи Екатерина и могла найти себѣ опору при распространеніи новыхъ, просвѣтительныхъ идей въ обществѣ, потому что оно одно пользовалось кое-какими преимуществами образованія. Съ другой стороны дворянству Екатерина была обязана своею властію и постоянно искала въ немъ поддержки во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ своей жизни. При этомъ всякія услуги приближенныхъ лицъ оплачивались съ неслыханной до того времени щедростью. Ведя сама очень умѣренную и дѣятельную жизнь, она поощряла такихъ писателей, какъ Державинъ, Фонъ-Визинъ, когда они обличали высокомѣріе, праздность, непомѣрную роскошь, лицемѣріе и другіе пороки придворныхъ, или вообще власть имѣющихъ лицъ, и сама порою осмѣивала ихъ въ своихъ комедіяхъ. Тѣмъ не менѣе она подтверждала всѣ привилегіи дворянскаго сословія и давала ему новыя права, съ которыми, при безправіи другихъ сословій, оно могло и широко жить, предаваясь тѣмъ порокамъ, которые приходилось въ немъ осмѣивать. Къ этому присоединилось еще одно обстоятельство. Въ XVIII-мъ вѣкѣ вначалѣ не столько думали о проведеніи въ жизнь новыхъ идей, сколько о томъ, чтобы выказать ихъ въ полномъ блескѣ. Тутъ господствовалъ своего рода формализмъ. Извѣстная либеральная обстановка, легкія насмѣшки надъ тѣмъ, что считалось предразсудками, извѣстная вольность въ обращеніи считались даже обязательными въ образованномъ обществѣ; блестящія рѣчи о свободѣ, о братствѣ встрѣчались съ одобрительной улыбкой. Но понятно, что тамъ, гдѣ люди были совсѣмъ не подготовлены къ усвоенію новаго ученія, они тотчасъ отъ него отрекались, едва видѣли, что тутъ могутъ быть затронуты ихъ личные интересы, что тутъ предстоитъ борьба со зломъ, которое для нихъ было выгодно и удобно. Вспомнимъ, что лишь къ концу осьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія во Франціи стала грозить великая опасность дворянскимъ привилегіямъ со стороны средняго сословія и народа; до того времени либеральное французское дворянство лишь щеголяло новыми ученіями, будучи увѣрено, что сохранитъ свою власть, и никогда его салоны не блистали такимъ изяществомъ. У насъ высшее сословіе также стремилось пока-

зать, что оно ни въ чемъ не отстало отъ Европы: въ немъ также съ отверстыми объятіями встрѣчали знаменитыхъ артистовъ, философовъ, или хоть тѣхъ, кто видѣлъ этихъ философовъ и усвоилъ ихъ ученіе, а, за неимѣніемъ и такихъ, довольствовались доморощенными свободными мыслителями, щеголяли своими крѣпостными артистами и, взамѣнъ утонченнаго ума, ослѣпительной, неслыханной роскошью. Но движеніе идей понемногу проникало и въ болѣе низкіе слои дворянскаго сословія, удаленные отъ двора: являлись писатели, журналисты, переводчики, которые уже искренно стремились поработать для развитія общества. Толчекъ, данный Екатериною въ началѣ ея царствованія, пропалъ не безслѣдно. Однако вѣкъ Екатерины II, какъ въ томъ, такъ и другомъ случаѣ, не безъ причины называютъ по преимуществу дворянскимъ вѣкомъ.

Объ учрежденіяхъ Екатерины II мы уже говорили. Кромѣ того, чтобы поднять дворянское сословіе, цѣлью ихъ было устроить лучшій, внѣшній порядокъ управленія и также поощрять промыслы и торговлю. Императрица дѣйствительно неутомимо занималась дѣлами: иногда по 20 разъ бесѣдовала съ избранными ею лицами, прежде чѣмъ отправить ихъ на какое нибудь губернаторство, постоянно съ ними переписывалась, по мѣсяцу и болѣе сама разбирала какое нибудь запутанное дѣло, заботливо вникала во все, что касалось управленія. Сенатъ, раздѣленный теперь на департаменты, и другія высшія учрежденія выказали при ней болѣе прежняго дѣятельности. Какой прежде былъ застой въ дѣлахъ, можно судить изъ того, что въ юстицъ-коллегіи, въ продолженіи 50 лѣтъ (до 1767 года), накопилось 6027 нерѣшенныхъ дѣлъ. Власть и обязанности намѣстниковъ и губернаторовъ при Екатеринѣ II были очень значительные и многосложные. Уже по одному этому немногіе могли сколько нибудь удовлетворить возлагавшимся на нихъ ожиданіямъ. По предположенію императрицы, они должны были составлять, такъ сказать, всю интеллигентную силу края, руководить обществомъ не только въ его гражданскихъ успѣхахъ, но и въ свѣтскомъ обращеніи. Нѣкоторые изъ нихъ усердно объѣзжали край, дѣлали его описанія, сочиняли проэкты о водяныхъ сообщеніяхъ, о развитіи промысловъ, устраивали новыя дороги, и проч. Но вообще все ограничивалось чаще одними проэктами. Державинъ, бывши губернаторомъ въ Тамбовѣ, открылъ типографію въ этомъ городѣ для печатанія губернскихъ вѣдомостей и нѣкоторыхъ книгъ, какія, по его предложенію, составляли или переводили даже дворянскія дамы; онъ устроилъ въ своемъ домѣ нѣчто въ родѣ училища для дворянскихъ дѣтей, вечеринки, музыкаль-

ныя собранія съ хоромъ пѣвчихъ, со спектаклями. Все это дѣлалось преимущественно для развитія свѣтскости въ дворянствѣ. Другіе заботились преимущественно о внѣшнемъ блескѣ: обсаживали дороги березками, усердно строили каменныя зданія. Были и такіе, которыми во всемъ руководили какой нибудь секретарь или дѣлопроизводитель. Пререканія между властями происходили по прежнему и особенно усиливались вслѣдствіе придворныхъ столкновеній. Всякій, что ни дѣлалъ, не столько думалъ о томъ, чтобы исполнить волю государыни, сколько о томъ, чтобы угодить своему патрону, чрезъ котораго получилъ важное мѣсто. Протеже Вяземскаго уже считалъ своею обязанностью вездѣ стоять поперегъ дороги тому, кто былъ протеже Потемкина, хотя-бы Вяземскій и Потемкинъ и не ссорились между собою. Если же между сильными при дворѣ людьми была какая нибудь рознь, то и въ администраціи всѣ дѣлились на партіи, взаимно поѣдавшія другъ друга. Противъ взяточничества и другихъ злоупотребленій власти Екатерина боролась и указами, и литературными обличеніями, и строгими взысканіями. Угождая государынѣ, писатели изображали разныхъ неподкупныхъ Правдиныхъ, радѣвшихъ только объ общей пользѣ. Но на дѣлѣ преобладали характеры, какіе Фонъ-Визинъ изобразилъ въ письмахъ надворнаго совѣтника Взяткина. Особенно обирали казну при винныхъ откупахъ и разныхъ подрядахъ; черезъ оберъ-секретарей сената по прежнему обдѣлывались всякія нечистыя дѣла. Хотя государыня и горячо возмущалась противъ всякой неправды, хотя бы тотъ или другой изъ ея любимцевъ лично и не искалъ корысти, но все равно его родственники или выведенные имъ въ свѣтъ люди нерѣдко пользовались случаемъ поживиться на чужой счетъ, и никто не смѣлъ на нихъ жаловаться. Но если и при новыхъ, лучшихъ стремленіяхъ, старые порядки въ судахъ не измѣнились, то въ уголовныхъ дѣлахъ, сравнительно съ прежнимъ временемъ, находимъ гораздо болѣе мягкости. Вообще про время Екатерины II, конечно, только сравнительно, нѣкоторые уже находили возможнымъ говорить: «какіе нынѣ люди недотыки стали: нельзя выбранить! а бывало палочьемъ дуютъ, дуютъ, и слова не скажетъ!». Если не брать во вниманіе исключительные случаи, каковъ, напримѣръ, былъ Пугачевскій бунтъ, можно сказать, что Екатерина избѣгала всякихъ жестокостей. Пытки не были уничтожены, но производить ихъ приказано съ особенной осторожностью. Обыкновенныя прежде дѣла объ оскорбленіи величества совершенно исчезли, потому что, по словамъ Державина, гдѣ правленіе кроткое,

«Тамъ можно пошептать въ бесѣдахъ,
И, казни не боясь, въ обѣдахъ
За здравіе царей не пить;
Тамъ съ именемъ Фелицы можно
Въ строкѣ описку подскоблить,
Или портретъ неосторожно
Ея на землю уронить».

Когда Екатеринѣ показалось, что стихи Державина «Властителямъ и Судіямъ» внушены революціоннымъ, якобинскимъ духомъ, то поэтъ вновь снискалъ ея благосклонность, написавши въ свое оправданіе между прочимъ слѣдующія слова: «Истина одна только творитъ героевъ безсмертными, и зеркало красавицѣ не можетъ быть противно». Но, конечно, эту мягкость, какой требовало и современное образованіе, испытывало на себѣ преимущественно дворянство. Въ отвѣтъ на вопросъ Фонъ-Визина: «Чѣмъ можно возвысить упавшія души дворянства?» — Екатерина справедливо могла отвѣтить: «Сравненіе прежнихъ временъ съ нынѣшними покажетъ несомнѣнно, колико души ободрены, или упали; сaмая наружность, походка и проч. то уже оказываютъ». Къ сожалѣнію, въ послѣдніе годы царствованія въ характерѣ Екатерины мы уже замѣчаемъ нѣкоторую нетерпимость и суровость. Напуганная безпорядками, происходившими во Франціи, она во многомъ отступается отъ этого благосклоннаго намѣренія «ободрять души». При ней стали возможны и такіе слѣдователи, какъ Шешковскій, который пріобрѣлъ печальную извѣстность своимъ необычайнымъ искусствомъ собственноручно сѣчь кнутомъ, розгами и плетью. Говорятъ, что Потемкинъ при встрѣчѣ иначе его не привѣтствовалъ, какъ словами: «Каково кнутобойничаешь, Степанъ Ивановичъ?», на что тотъ обыкновенно отвѣчалъ: «По-маленьку, ваша свѣтлость». Шешковскій былъ грозою и для всего высшаго общества.

Сегюръ, бывшій французскимъ посломъ въ Петербургѣ, разсказываетъ, что этотъ городъ тогда представлялъ смѣсь роскоши, блеска и стариннаго варварства. Рядомъ съ великолѣпными домами стояли жалкія хижины. Въ знатныхъ кругахъ, у Строгановыхъ, Шуваловыхъ, Воронцовыхъ, Разумовскихъ, Голицыныхъ, Долгорукихъ находимъ вкусъ, тонкость и свѣтскость обращенія, почти ничѣмъ не отличавшіяся отъ парижскихъ: здѣсь многіе знали отъ 4-хъ до 5-ти иностранныхъ языковъ, дамы отличались любезностью, толковали о литературѣ, о знаменитыхъ французскихъ поэтахъ и романистахъ. Утомительны были только частые обѣды и праздники по случаю раз-

ныхъ торжественныхъ дней. Но въ то же время иностранцевъ поражала громадная дворня, какую держали при себѣ знатные господа. При домѣ жили въ совершенной праздности иногда до 500 и болѣе человѣкъ дворовыхъ, которые считали для себя величайшимъ наказаніемъ, если ихъ отсылали въ деревню. Даже по сосѣдству нужно было ѣздить цугомъ въ шесть лошадей съ длиннобородымъ кучеромъ и двумя форейторами, и случалось, что карета находилась еще у дома, гдѣ жилъ господинъ, а форейторъ уже въѣзжалъ въ чужія ворота. Въ слугахъ находимъ прежнее раболѣпство; плети служили для нихъ обычнымъ наказаніемъ. У градоначальника Брюса какъ-то загулялъ поваръ; услышавъ объ этомъ, пришелъ къ нему опредѣлиться въ повара какой-то французъ. Камердинеръ донесъ о немъ; но Брюсъ разслышалъ только слово «поваръ» и сказалъ: «высѣчь плетьми на конюшнѣ». Несчастному французу вкатили 100 плетей. Эта исторія произвела шумъ во французскомъ посольствѣ. Брюсъ, узнавъ объ ошибкѣ, одарилъ повара-француза червонцами, такъ что тотъ былъ радъ случившейся съ нимъ напасти. Въ Петербургѣ разсказывали также анекдотъ, будто власти серьезно толковали о томъ, какъ сдѣлать чучелу изъ жившаго тогда въ столицѣ банкира Судерланда, не понявъ приказанія императрицы набить чучелу изъ околѣвшей ея собачки, которая также называлась Судерландомъ. Когда недоразумѣніе разъяснилось, императрица много смѣялась этому случаю. Вообще нравы тогдашняго высшаго круга довольно живо рисуютъ намъ Щербатовъ и Грибовскій; но у нихъ представлены преимущественно слабости Екатерининскихъ вельможъ: о лучшихъ сторонахъ жизни намъ еще придется упомянуть, когда мы будемъ говорить объ образованіи въ вѣкъ Екатерины II. Щербатовъ осуждаетъ особенно роскошь, любострастіе, властолюбіе, высокопарную лесть въ придворныхъ лицахъ. По его словамъ, лишь Григорій Орловъ, хотя и не получилъ никакого образованія, потративъ молодость на трактирный разгулъ, отличался прямотою характера и простотою жизни. Онъ никогда не льстилъ, возвышалъ людей по заслугамъ, и у него скорѣе можно было выиграть грубостью, чѣмъ ласкательствомъ. Роскоши онъ также не терпѣлъ: однимъ его недостаткомъ была крайняя слабость къ женщинамъ. Другіе, по разсказу Щербатова, только ввели въ обычай разные пороки и радѣли своимъ родственникамъ. Бецкій, между прочимъ, писалъ громкіе проэкты на разныхъ языкахъ, устраивалъ воспитательные дома, школы. Но въ этихъ заведеніяхъ было больше выставки, чѣмъ настоящаго ученья: вездѣ произносили рѣчи, устраивали спектакли, балеты, въ которыхъ восхваляли Екатерину. Директоръ театра, Елагинъ, также ставилъ піесы для ея восхваленія: тутъ изобра-

жали Чесменскій бой, оспа въ балетѣ танцевала съ Россіею. Вяземскій прикидывался простакомъ, представлялся, что всѣмъ умомъ своимъ обязанъ государынѣ и держался правила никогда ни въ чемъ ей не противорѣчить. Достигали отличій и разные самодуры или плуты изъ заводчиковъ и откупщиковъ, какъ, напримѣръ, Прокопій Демидовъ, Лукинъ, Логиновъ, лишь за то, что жертвовали огромныя суммы на воспитательные дома и на училища. Иной, выстроивъ домъ на ворованныя деньги, зоветъ государыню на пиръ, и на иллюминаціи выставляетъ надпись: «Твоя отъ твоихъ Тебѣ приносимая», лишь забываетъ прибавить, что «на раззореніе подданныхъ».

Грибовскій болѣе всего разсказываетъ о богатствахъ и необычайной роскоши тогдашней знати. Зубовъ, Салтыковъ (не бывшій начальникъ войскъ, а одинъ изъ придворныхъ генераловъ), Браницкій ежедневно тратили на столъ по 400 руб., кромѣ напитковъ. Салтыковъ вывелъ въ люди Зубова. Онъ носилъ высокій тупей съ пудрою и помадой, военный зеленый мундиръ на распашку, вмѣсто сапоговъ—черные штиблеты. Салтыковъ изучилъ до тонкости придворную науку: вѣчно улыбался; какія бы ему ни довѣрили дѣла, со всѣмъ соглашался; раболѣпствовалъ передъ случайными людьми и чуждался павшихъ; имъ управляли жена и письмоводитель. Имѣлъ онъ 6000 жалованныхъ душъ, да родовыхъ 6000. Вице-канцлеръ Остерманъ, сухощавый старикъ, ходилъ въ пудреномъ парикѣ съ кошелькомъ, въ разноцвѣтномъ французскомъ платьѣ, въ праздникъ въ глазетовомъ кафтанѣ (статскіе мундировъ не носили), иногда въ башмакахъ, а чаще въ плисовыхъ сапогахъ. Онъ давалъ въ главные царскіе дни торжественные балы, соблюдалъ строгій этикетъ и величайшую точность въ пріемѣ пословъ: въ этомъ и состояло его назначеніе. Столъ онъ всегда имѣлъ на 300 кувертовъ и весь уставленный въ два ряда серебрянными блюдами съ такими же покрышками; когда пили за здравіе государыни, то гремѣли 12 трубъ съ литаврами. Родоваго имѣнія у него было 4000 душъ, да 6000 душъ жалованныхъ. Ко двору и въ праздникъ на качели выѣзжалъ онъ въ одномѣстной, позолоченной каретѣ съ большими стеклами; сзади стояло два гайдука въ казакинахъ съ серебрянными снурками, въ голубыхъ эпанчахъ, въ высокихъ картузахъ съ перьями и серебрянными бляхами напереди. Передъ каретою бѣжали два скорохода съ булавами и непремѣнно въ башмакахъ, какая бы ни была грязь. Изъ другихъ вельможъ Безбородко, служа болѣе 20-ти лѣтъ, накопилъ громадныя сокровища. Чрезъ него шли дѣла объ имѣніяхъ, о казенныхъ подрядахъ и откупахъ. Онъ получалъ много подарковъ и

отъ иностранныхъ державъ. Передъ смертью Екатерины онъ имѣлъ болѣе 16,000 душъ крестьянъ, соляныя озера въ Крыму, рыбныя ловли на Каспійскомъ морѣ. Въ его комнатахъ стояли горки вышиною въ 6, а шириною въ 3 аршина, уставленныя старинными, золотыми и серебрянными сосудами огромной величины. Во дворецъ онъ ѣздилъ въ позолоченной, осьмистекольной каретѣ; андреевская звѣзда, погонъ для ленты, пуговицы кафтана и пряжки на башмакахъ—все у него блистало брилльянтами. Онъ былъ толстый, росту выше средняго, на видъ неуклюжій и съ толстыми ногами, но чрезвычайно подвижной. При своемъ бурсацкомъ воспитаніи, онъ однако имѣлъ необыкновенную сметку и память, и казался застѣнчивымъ, очень простымъ въ обхожденіи и всѣмъ говорилъ «вы» безъ малѣйшаго барства; но на дѣлѣ, какъ многіе изъ малороссіянъ, былъ очень хитрымъ. Большимъ его недостаткомъ была любовь къ роскошнымъ обѣдамъ и къ женщинамъ. Онъ не стѣснялся, переодѣвшись въ простую одежду, ходить даже въ зазорные дома. На своей дачѣ, на Выборгской сторонѣ, онъ давалъ веселыя пирушки съ пушечною пальбою, куда всѣ съѣзжались запросто со своими возлюбленными. Онъ держалъ на содержаніи по нѣскольку актрисъ и танцовщицъ. Итальянской пѣвицѣ Давіи онъ давалъ по 8000 золотомъ ежемѣсячно, а когда, узнавъ объ этомъ, императрица выслала ее изъ Россіи, то онъ подарилъ ей 500,000 рублей на дорогу. Свою дочь отъ танцовщицы Ленушки онъ выдалъ за служившаго у него чиновника, выхлопоталъ ему чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и далъ въ приданое городъ Рожественъ, приносившій до 80,000 дохода, да домъ въ Петербургѣ въ 300,000 руб. Послѣ возвышенія Зубова, Безбородко потерялъ много кредиту, но продолжалъ являться ко двору, или посылалъ ко дворцу свою карету. При Павлѣ онъ опять вошелъ въ силу, и государь, благоволившій къ нему, прибавилъ къ прежнимъ его имѣніямъ еще 12,000 душъ въ Орловской губерніи. О необыкновенной роскоши Потемкина уже извѣстно. Изъ людей, чрезъ него обогатившихся, Грибовскій упоминаетъ о Поповѣ, толстоватомъ, не складномъ баринѣ съ широкимъ носомъ и сѣрыми глазами. Онъ былъ родомъ изъ Казани, зналъ немного французскій и нѣмецкій языки и служилъ у Потемкина правителемъ канцеляріи. Онъ почти не жилъ дома, проводя и день, и ночь въ канцеляріи, такъ что Потемкинъ во всякое время могъ его потребовать къ себѣ. За эту распорядительность Потемкинъ доставилъ ему чинъ генералъ-маіора, 1500 душъ къ Малороссіи и потомъ еще 1000 душъ въ губерніяхъ, взятыхъ отъ Польши. Но этихъ деревень хватило бы

ему очень не на-долго, еслибы онъ не успѣлъ поживиться изъ милліонныхъ суммъ, проходившихъ черезъ руки Потемкина, которыми онъ, какъ правитель канцеляріи, безотчетно распоряжался. Послѣ смерти князя Таврическаго, пріѣхавъ въ Петербургъ, Поповъ сталъ вести чрезвычайно роскошную жизнь. Во время бывавшей у него игры, онъ обыкновенно приносилъ шляпою цѣлыя груды червонцевъ. Стоило познакомить его съ какой нибудь прелестницей, или угодить главной его любовницѣ, чтобы у него сытно ѣсть и пить и получать черезъ него чины и награды. Всѣ эти разсказы современниковъ подтверждаются и стихами Державина въ его одахъ: «Фелица», «Вельможа», и проч.

„Или въ пиру я пребогатомъ,
Гдѣ праздникъ для меня даютъ,
Гдѣ блещетъ столъ сребромъ и златомъ,
Гдѣ тысячи различныхъ блюдъ, —
Тамъ славный окорокъ вестфальской,
Тамъ звенья рыбы астраханской,
Тамъ пловъ и пироги стоятъ, —
Шампанскимъ вафли запиваю
И все на свѣтѣ забываю
Средь винъ, сластей и ароматъ.

—

Или средь рощицы прекрасной,
Въ бесѣдкѣ, гдѣ фонтанъ шумитъ
При звонѣ арфы сладкогласной,
Гдѣ вѣтерокъ едва дышитъ,
Гдѣ все мнѣ роскошь представляетъ,
Къ утѣхамъ мысли уловляетъ,
Томитъ и оживляетъ кровь, —
На бархатномъ диванѣ лежа,
Младой дѣвицы чувства нѣжа,
Вливаю въ сердце ей любовь“.

Не надо думать, чтобы только приближеніе къ двору, желаніе выказать себя передъ иностранцами были причинами этой непомѣрной роскоши въ высшемъ дворянствѣ. Въ Москвѣ, можетъ быть, жило еще болѣе баръ въ отставкѣ, которые удивляли всѣхъ своими широкими затѣями, на которыя тратили громадные капиталы. И на провинціи, въ деревняхъ, нѣкоторые строили себѣ цѣлые дворцы, съ англійскими садами, съ оранжереями, съ библіотеками и картинными галлереями, съ театрами и со всѣми причудами европейской роскоши. Во всемъ этомъ мы должны видѣть лишь высшую степень процвѣтанія крѣпостнаго права въ соединеніи съ новымъ наплывомъ евро-

пейскихъ идей и усвоеніемъ европейскихъ привычекъ. Тѣже баре, которые, не стѣсняясь, пользовались крѣпостнымъ трудомъ своихъ крестьянъ для удовлетворенія всевозможныхъ прихотей, подъ часъ зачитывались Вольтера и Руссо, составляли цѣлые музеи, закупая за границею антики и другія рѣдкости, отдавали болѣе способныхъ изъ своихъ дворовыхъ въ обученіе знаменитымъ артистамъ, а подъ часъ и щедро награждали ихъ, пуская на волю. Среднее и болѣе бѣдное дворянство жило по прежнему, отстаивая свои клочки земли отъ разныхъ межевыхъ комиссій и отъ напора болѣе сильныхъ сосѣдей. Кромѣ семейныхъ заботъ и дрязгъ, въ немъ стали тамъ сямъ проявляться и стремленіе къ образованію. Даже такая госпожа, какъ Простакова, слѣдуя требованіямъ времени, считаетъ необходимымъ учить сына «всѣмъ наукамъ» и для этого нанимаетъ нѣмца Вральмана. Дворянскія дѣвицы уже зачитываются чувствительными романами, играютъ на арфѣ, распѣвая модные романсы. Изъ небогатаго дворянства выходятъ и замѣчательные литературные дѣятели, какъ, напримѣръ, Державинъ, Фонъ-Визинъ, Новиковъ, Радищевъ, Карамзинъ. Теперь дворянство, имѣя возможность по своей волѣ оставлять службу, стало болѣе прежняго заниматься земледѣліемъ, или какой нибудь наукой, искусствомъ, смотря по своему призванію. Новое учрежденіе о губерніяхъ также содѣйствовало сближенію дворянъ: губернскіе города становятся дворянскими центрами, гдѣ стремятся во всемъ подражать столицамъ. Присоединеніе западныхъ губерній и завоеваніе южнаго края вмѣстѣ съ Крымомъ были причиною новыхъ передвиженій въ дворянскомъ сословіи, которое прежде занимало приволжскія земли, иногда безъ всякихъ крѣпостей и межей, до 300 верстъ въ окружности, какъ, напримѣръ, Нарышкины. Межеваніе ограничило этотъ произвольный захватъ незаселенныхъ земель; но за то открылся дворянамъ случай къ пріобрѣтенію безграничныхъ пространствъ во вновь завоеванныхъ областяхъ, особенно на югѣ. Разсказываютъ, что Потемкинъ всѣмъ чуть не насильно совалъ земли въ Крыму. Но ихъ нужно было заселить, чтобы получить отъ нихъ какой нибудь доходъ: требованіе на людей усилилось безмѣрно, и нечего удивляться, что что цѣна ревизскимъ душамъ къ концу царствованія Екатерины поднялась болѣе, чѣмъ втрое.

По обычаю вѣка, и у насъ при Екатеринѣ II шли толки объ образованіи средняго сословія изъ купцевъ и разночинцевъ. Но у насъ интересы всѣхъ входящихъ сюда лицъ были такъ разъединены, такъ замкнуты въ узкихъ предѣлахъ того или другаго званія и рода службы, что изъ нихъ невозможно было составить что нибудь общее.

Что касается купечества, то оно жило своей отдѣльною жизнью, еще очень мало усваивая плоды образованія. По извѣстію Сиверса, въ немъ на 700 человѣкъ можно было найти едва одного грамотнаго. Большинство торговали безъ всякихъ книгъ и счетовъ, думая лишь объ одномъ, какъ бы провести покупателя. Городовое положеніе какъ будто давало купцамъ новыя права, но если тутъ и представлялись кое-какія выгоды самоуправленія, то ими пользовались лишь нѣсколько богатыхъ купцовъ, забирая всю власть въ свои руки. Мелкое купечество и мѣщане по прежнему жаловались на ихъ притѣсненія. Однако въ царствованіе Екатерины II торговля и промышленность значительно поднялись уже вслѣдствіе расширенія государства. Тому-же содѣйствовали и многія узаконенія Екатерины, служившія къ поощренію промышленности. Укажемъ, во первыхъ, на учрежденіе государственнаго заемнаго банка, гдѣ положено было въ ссуду для городовъ 11 мил. руб. Ссуды давались на 22 года, подъ залогъ домовъ, фабрикъ, заводовъ, съ уплатою 4% за заемъ и 3% на погашеніе капитала. Банкъ принималъ также въ учетъ векселя. Учетныя и страховыя конторы учитывали исключительно векселя, данныя за товары, и страховали товары. При Екатеринѣ II стали заботиться о проведеніи лучшихъ дорогъ и о водныхъ сообщеніяхъ: начаты работы по Сясскому, Сиверскому и Маріинскому каналу. Уменьшены пошлины съ отпускаемыхъ за границу русскихъ товаровъ, разрѣшено вывозить пшеницу и другія произведенія, которыхъ отпускъ прежде былъ запрещенъ, и заключены выгодные для Россіи торговые договоры съ Польшею, съ Англіей, съ Пруссіей и съ другими европейскими государствами. Обращено особенное вниманіе на Черноморскую торговлю, гдѣ сначала для французскихъ, а потомъ и другихъ иностранныхъ товаровъ на $^1/_4$ сбавлены пошлины. Рыбій клей, поташъ, смольчугъ, которые прежде продавались отъ казны, постепенно стали предметами вольнаго торга. Съ учрежденіемъ гильдій, по городовому положенію, каждый, объявившій торгу на 1000 руб., уже записывался въ 3-ю гильдію и могъ держать мелочной торгъ, имѣя лавку въ дому своемъ, заводить отдѣльные ткацкіе станки и другія рукодѣлья, малыя рѣчныя суда, трактиры, бани, постоялые дворы, и проч. Купцы избавлены отъ рекрутской повинности и за рекрута вносили сначала 360 руб., а потомъ 500 р. Важнымъ дѣломъ было и уничтоженіе старыхъ привилегій. Всѣмъ дозволено было рыть марену, добывать червецъ, открывать ситцевыя и другія фабрики, заводить ткацкіе станы и разныя рукодѣлья, не испрашивая на то особаго разрѣшенія. Снято также запрещеніе съ заповѣдныхъ лѣсовъ, быв-

шихъ въ имѣніяхъ частныхъ владѣльцевъ. Казна по прежнему давала для фабрикъ мѣста и отпускала вспомоществованіе съ уплатою 6%. Кто заводилъ что либо особенное: шелковую, табачную фабрику, виноградный садъ,—тотъ могъ 10 лѣтъ торговать безпошлинно своими произведеніями. Отмѣнена также обязательная для фабрикъ поставка въ казну суконъ, полотенъ и проч. Эти товары, въ извѣстномъ количествѣ, обязывались поставлять лишь тѣ фабриканты, которые пользовались вспоможеніемъ отъ правительства. Тѣже распоряженія касались и частныхъ горныхъ заводовъ. Послѣ Пугачевскаго бунта удвоена плата крестьянамъ, приписаннымъ къ заводамъ: назначено получать конному лѣтомъ 20 к., а пѣшему 10 коп.,—зимою конному 15, а пѣшему 8 коп. Уничтожены монополіи и на рыбьи и тюленьи промыслы: магистратамъ предоставлено отдавать ихъ купцамъ вольнымъ торгомъ, но никакъ не въ однѣ руки. Постройка судовъ, заведеніе новыхъ промысловъ поощрялись и преміями, и медалями, и чинами. Тогда стали заводиться сами собой и торговыя компаніи. Такъ устроена воронежская компанія на акціяхъ для торговли на Средиземномъ морѣ: сама императрица взяла 20 акцій для ея поощренія. Компанія Голикова и Шелехова открыла промыслы и къ востоку отъ Камчатки на островахъ и у самыхъ береговъ Сѣверной Америки. Изъ нея при Павлѣ I и образовалась извѣстная Сѣверо-Американская компанія. На эту дѣятельность Екатерины II и указываетъ Державинъ, когда говоритъ въ Фелицѣ:

Фелицы слава—слава Бога,
Который брани усмирилъ (въ 1782-мъ году)
. . . .
Который даровалъ свободу
Въ чужія области скакать,
Позволилъ своему народу
Сребра и золота искать;
Который воду разрѣшаетъ
И лѣсъ рубить не запрещаетъ,
Велитъ и ткать, и прясть, и шить;
Развязывая умъ и руки,
Велитъ любить торги, науки,
И счастье дома находить.

По тарифу 1766-го года облегченъ былъ ввозъ въ Россію иностранныхъ товаровъ, особенно необходимыхъ для русскихъ фабрикъ, и сбавлены пошлины на отпускаемые русскіе товары. Послѣ этого мы находимъ, что въ 1768-мъ г. отпускъ простирался болѣе чѣмъ на

$9^1/_7$ мил. руб., а привозъ былъ на $8^1/_4$ мил. Впослѣдствіи издавались новые тарифы, по которымъ устанавливались возвышенныя пошлины лишь на иностранныя мануфактурныя издѣлія. Для сравненія успѣховъ торговли, укажемъ, что 10 лѣтъ спустя отпускъ простирался уже до 18 мил. руб., а привозъ до $12^1/_2$ мил. руб.: вскорѣ послѣ смерти Екатерины, въ 1797-мъ году отпускъ составлялъ уже $46^1/_3$ мил. руб., а привозъ до 36 мил. руб. На сколько однако справедливы эти цифры, мы судить не беремся: Державинъ свидѣтельствуетъ, что чиновники, стакнувшись съ иностранными купцами, уменьшали цѣнность иностранныхъ товаровъ, чтобы сбавить съ нихъ пошлину. Во всякомъ случаѣ въ царствованіе Екатерины весь оборотъ заграничной торговли увеличился по крайней мѣрѣ въ 5 разъ. Что касается фабрикъ и заводовъ, то число ихъ до царствованія Екатерины II оставалось почти тоже, что было послѣ смерти Петра Великаго; но въ теченіи 15 лѣтъ, съ 1761 по 1776 годъ, число ихъ увеличилось отъ 201 до 478. Такъ открыты новыя ситцевыя, шелковыя, бумажныя, металлическія фабрики, стеклянные, фарфоровые и сахарные заводы, и проч.

О положеніи крестьянъ въ царствованіе Екатерины II мы здѣсь говорить подробно не будемъ: объ этомъ у насъ уже была рѣчь при разсказѣ о Пугачевскомъ бунтѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Это самая печальная сторона блестящей во многихъ отношеніяхъ эпохи. При высшемъ развитіи крѣпостнаго права и въ тоже время при пробудившихся въ народѣ надеждахъ на освобожденіе послѣ закона Петра III о монастырскихъ крестьянахъ, послѣ многихъ милостивыхъ обѣщаній самой Екатерины II, и слѣдовало ожидать, что возстанія, ложныя толкованія манифестовъ и другія проявленія народной смуты увеличатся въ значительной степени. Но народъ пытался и законнымъ путемъ найти себѣ управу. Еще во время перваго путешествія Екатерины II по Волгѣ подано было до 700 челобитенъ, преимущественно противъ помѣщиковъ; подобныя жалобы и въ Петербургѣ подавались во множествѣ, пока строгими карами не отъучили челобитчиковъ жаловаться. Послѣдствія извѣстны; страшный Пугачевскій бунтъ взволновалъ всю восточную половину Европейской Россіи. Но не надо думать, что исключительно въ современныхъ ему руспоряженіяхъ правительства лежали его причины: зло подготовлялось болѣе сотни лѣтъ; оно не прекратилось и потомъ, такъ какъ причины его не были уничтожены. Такихъ общихъ возстаній, какъ Пугачевское, уже не было: но происходили въ разныхъ мѣстахъ частныя волненія, и чѣмъ далѣе, тѣмъ чаще, или народъ пускался въ разбой, убѣгалъ не вѣдомо куда.

Со временъ Екатерины II особеннымъ привольемъ для бѣглыхъ явились южныя степи. Надо однако замѣтить, что въ тогдашнее время врядъ ли и возможно было ожидать такого освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ, какое было желательно. Другой упрекъ, что Екатерина II раздала многія тысячи крестьянъ своимъ приближеннымъ, смягчается тѣмъ, что розданы были крестьяне преимущественно въ областяхъ, присоединенныхъ отъ Польши и въ южной Россіи, а изъ казенныхъ или дворцовыхъ и вновь освобожденныхъ монастырскихъ въ Великоруссіи стали крѣпостными лишь немногіе. Это, конечно, дѣлалось и съ цѣлію укрѣпить за Россіею край, еще не давно вошедшій въ составъ государства. Какъ въ другихъ случаяхъ, такъ и здѣсь, Екатерина разсчитывала только на дворянское сословіе. Долговременныя войны, слишкомъ щедрая раздача громадныхъ суммъ отдѣльнымъ лицамъ, непроизводительныя траты денегъ для поддержанія наружнаго блеска, наконецъ страшныя злоупотребленія казенными подрядами и откупами,—все это сильно истощало казну, а слѣдовательно прямо или косвенно ложилось на податной классъ общества. Самыя европейскія идеи, какъ мы видѣли, развивая новые вкусы въ тогдашнемъ образованномъ кругу, повели къ безмѣрной расточительности: дворянство тратило свои доходы на блестящую внѣшнюю обстановку, на всѣ дорогія затѣи европейской свѣтскости, уже вовсе не думая о средствахъ и нуждахъ крестьянъ. Но тѣже идеи пробудили въ лучшей его части и сознаніе человѣческаго достоинства, которое не могло мириться съ грубымъ удовлетвореніемъ однихъ личныхъ аппетитовъ, съ порядками окружающаго рабства. Время Екатерины II создало и литературу, обличавшую всякую ложь и пристрастіе къ модѣ и также поднявшую голосъ противъ крѣпостнаго права. Такимъ образомъ, рядомъ съ господствующимъ зломъ, явилось ему и противудѣйствіе, хотя вначалѣ и очень слабое, но впослѣдствіи приведшее къ тому, что на народную жизнь и на интересы народа обращено было серьезное вниманіе.

Въ положеніи бѣлаго духовенства при Екатеринѣ II произошли значительныя перемѣны. Вмѣстѣ съ вопросомъ о монастырскихъ вотчинахъ, назначенныя для этого комиссіи разрѣшали и вопросы о томъ, куда пристроить множество праздныхъ лицъ въ размножившемся вновь духовномъ сословіи, какъ опредѣлить для него новые штаты. Вслѣдствіе свѣдѣній, собранныхъ о лицахъ, жившихъ при церквахъ, новая разборка ихъ была необходима. Она и рѣшена по указу 1769-го года. По новымъ штатамъ на 150—250 дворовъ назначенъ одинъ священникъ, на 250—300 дворовъ два священника и при нихъ одинъ дьяконъ. Дворъ приказано принимать за 4 души мужскаго пола. Всѣхъ, ко-

торые за тѣмъ остались лишними, приказано распредѣлять, кого въ викаріи, кого за какую нибудь вину даже въ причетники. Но, конечно, и при этомъ осталось много безмѣстныхъ. Какъ видно изъ московскаго бунта, наплывъ ихъ въ Москву былъ необычайный, и они отбивали другъ у друга приходившихъ за требами, стоя у Спасскихъ воротъ. Неизвѣстно съ точностью, на сколько крестцовые попы учавствовали въ убіеніи Амвросія, но участіе ихъ несомнѣнно; послѣ смерти архіепископа на Чудовыхъ воротахъ найдена была насмѣшливая надпись: «и память его погибе съ шумомъ». Моровая язва истребила въ Москвѣ такое множество духовныхъ лицъ, что епархіальное начальство поневолѣ принуждено было дозволить вновь приходить имъ въ столицу для исканія мѣстъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и крестцовые попы не исчезли, не смотря на то, что у Спасскихъ воротъ былъ поставленъ караулъ. Лишь впослѣдствіи митрополиту Платону удалось строгими мѣрами ихъ уничтожить. Въ 1784-мъ году назначенъ новый разборъ. Тогда всѣхъ неграмотныхъ приказано брать въ солдаты: изъ дѣтей служащихъ четвертую часть, изъ дѣтей неслужащихъ половину; но дозволялось и приписываться въ государственные крестьяне, даже съ нѣкоторыми льготами. Многіе тогда записались также въ цехи, въ купцы и мѣщане. Вся бѣда состояла въ томъ, что не было свободнаго выхода изъ духовнаго сословія. Правительство поощряло этотъ выходъ, дозволяя священникамъ вступать во 2-ой бракъ, послѣ чего они уже выходили изъ священства, занимая мѣста канцеляристовъ при консисторіяхъ, или учителей въ семинаріяхъ. Но епископы обыкновенно принуждали вдовыхъ священниковъ поступать въ монахи. Не смотря на это, многіе даже безъ увольненія изъ духовнаго сословія опредѣлялись въ разныя присутственныя мѣста. Это было запрещено, но правительство крайне нуждалось въ грамотныхъ людяхъ и обыкновенно отыскивало ихъ въ духовномъ сословіи. Такъ при открытіи намѣстничествъ и губерній понадобилось множество служащихъ для канцелярій, и сюда были вытребованы семинаристы или грамотные изъ причетниковъ. Орловскій намѣстникъ, Репнинъ, всячески зазывалъ ихъ, обѣщая казенное обмундированіе и на первый разъ отъ 40 до 100 рубл. жалованья. Съ 1782-го года стали опредѣлять семинаристовъ и учащихся въ духовныхъ академіяхъ учителями во вновь открываемыя городскія училища. Потомъ ихъ требовали для медицинскихъ школъ при медицинской коллегіи. Многіе уходили и въ московскій университетъ. Духовныя власти, конечно, очень были недовольны этимъ уходомъ грамотныхъ людей, потому что сами въ нихъ нуждались, и старались отпускать тѣхъ, которые

были поплоше. Митрополитъ Платонъ по этому случаю назначалъ даже диспуты о превосходствѣ духовнаго званія. Плохихъ же и само духовное начальство изгоняло: такъ въ 1793 году выключено изъ московской духовной академіи 146 чел. При этомъ, по распоряженію Платона, выключаемыхъ изъ риторическаго класса выгоняли метлами за ворота. При императорѣ Павлѣ разборы духовенства были очень суровы. Свѣтскія власти забирали въ солдаты безъ различія всѣхъ излишнихъ церковниковъ, даже тѣхъ, которые уже поступили въ канцеляріи, или записались въ мѣщане. Но, по жалобамъ ихъ, Павелъ, вообще благосклонный къ бѣлому духовенству, отмѣнилъ эти мѣры. Въ указахъ этого царствованія встрѣчалось не мало противорѣчій: по однимъ изъ нихъ брали въ солдаты до 50 лѣтъ, по другимъ и до 60. Когда малорослыхъ приказано было отдавать въ гарнизонныя школы, то стали забирать всѣхъ *малолѣтнихъ* дѣтей у духовенства, смѣшавъ эти два названія: малорослые и малолѣтніе. Архіепископамъ, безъ сношенія съ синодомъ, дано дозволеніе отпускать семинаристовъ въ приказные, а когда они стали это дѣлать, то послѣдовалъ выговоръ, зачѣмъ отпускаютъ. Но вскорѣ опять приказано отпускать.

Екатерина II подтвердила прежніе указы, что священники и дьяконы не имѣютъ права владѣть крѣпостными; но она избавила ихъ отъ тѣлеснаго наказанія наравнѣ съ дворянами и купцами (впослѣдствіи императоръ Павелъ вновь приказалъ купцовъ и дворянъ наказывать тѣлесно). При ней уже были невозможны преслѣдованія, напримѣръ, за служеніе о здравіи умершаго Петра III, за пропускъ молебновъ въ царскіе дни, даже за дерзкія слова о государынѣ. Много, много, если духовныя лица подвергались за это эпитиміи, или какой нибудь пенѣ. Не смотря на это милостивое снисхожденіе императрицы, бѣдному сельскому духовенству по прежнему приходилось много терпѣть отъ свѣтскихъ властей, особенно отъ военныхъ командъ: поповъ не рѣдко держали подъ карауломъ, таскали связанными подъ конвоемъ. Они должны были трепетать предъ каждымъ становымъ и разсыльнымъ. Случалось, что какой-нибудь кабинетъ — курьеръ, встрѣтясь на дорогѣ, разгонялъ нагайками и архіерейскую свиту. Когда въ Звенигородѣ священникъ собрался было говорить проповѣдь, то городничій остановилъ его словами: «Пошелъ, я самъ скажу», — и сталъ читать поученіе городскимъ будочникамъ. Помѣщики поступали со священниками своего села, какъ съ крѣпостными. Случалось дьякону въ селѣ громко выкрикнуть многолѣтіе помѣщику, то этотъ давалъ ему полный сапогъ водки. Когда попъ окроплялъ святою водою скотъ передъ выгономъ,

то баринъ приказывалъ святить и своихъ собакъ. Въ случаѣ ослушанія, попа безъ церемоніи сѣкли на конюшнѣ. Отъ того сельскіе священники братались съ крестьянами въ ихъ ненависти къ помѣщикамъ, писали для нихъ жалобы на господъ, толковали въ пользу ихъ манифесты, даже не рѣдко учавствовали въ явныхъ возстаніяхъ крестьянъ. Вышелъ наконецъ указъ, чтобы ставленникъ, передъ посвященіемъ, давалъ присягу не писать крестьянамъ жалобъ на помѣщиковъ и вообще ничего не дѣлать въ ущербъ помѣщичьей власти. Въ тогдашнее время священникамъ давались и другаго рода предписанія. Такъ черезъ нихъ шли всѣ правительственныя объявленія. По нѣсколькимъ недѣлямъ они читали въ церквахъ: о предохранительныхъ мѣрахъ противъ чумы, о прививаніи оспы, о томъ, что цѣна на соль понижается на 5 коп., о томъ, въ какихъ экипажахъ всякій имѣлъ право ѣздить, какую имѣть сбрую и ливрею на лакеяхъ, и проч. Но вообще бѣлое духовенство, по крайней мѣрѣ въ главныхъ городахъ, стало пользоваться большимъ противъ прежняго почетомъ: оно избавлено отъ сборовъ на содержаніе полиціи и другихъ повинностей, стало получать кресты, митры, фіолетовыя, бархатныя камилавки, даже ордена. Митрополитъ Платонъ уже предписывалъ, чтобы духовныя лица «вели себя съ осанкою».

Но болѣе важнымъ дѣломъ въ вѣкъ Екатерины II было освожденіе бѣлаго духовенства отъ той крѣпостной зависимости, въ какой оно находилось въ отношеніи къ монашествующей, епархіальной власти. Указами 1764, 1765 годовъ отмѣнены всѣ архіерейскіе сборы, сборы на семинаріи и со ставленниковъ. Указано посвящать въ духовные чины обыкновеннымъ порядкомъ, безъ задержекъ, лишь съ уплатою нѣкоторыхъ пошлинъ за ставленныя грамоты. Эти пошлины, взятыя всѣ вмѣстѣ, при прохожденіи отъ званія причетника до священника включительно, простирались не болѣе, какъ до 4 рублей. За тѣмъ не требовалось ни возобновленія грамотъ, ни платы на подводы, или архіерейскіе выѣзды, и т. д. Отмѣнены также всѣ работы на архіереевъ. Архіепископъ теперь не могъ лишать священника сана безъ разрѣшенія Синода; съ уничтоженіемъ тѣлесныхъ наказаній прекратились и прежнія истязанія духовныхъ лицъ въ консисторіи. Въ число членовъ консисторіи стали принимать и протопоповъ; Павелъ даже предписалъ, чтобы половина членовъ выбиралась изъ бѣлаго духовенства. Въ канцелярію предписано опредѣлять не изъ монаховъ, а изъ свѣтскихъ: здѣсь теперь стали большею частію служить семинаристы до полученія мѣста священника. Всѣ эти льготы, данныя бѣлому духовенству, очень не нравились архіереямъ. Даже

митрополитъ Платонъ, много заботившійся о томъ, чтобы облагородить духовное званіе, скорбѣлъ объ уменьшеніи своей власти: «наше несчастіе, что и секретаря уволить не смѣемъ», говорилъ онъ. Особенно не жаловалъ онъ сочинителей изъ бѣлаго духовенства, которые, написавъ какую-нибудь книгу, посылали ее въ Петербургъ знатнымъ господамъ или вліятельному придворному священнику. Объ одномъ изъ нихъ, Кандорскомъ, такъ писалъ онъ уже при Павлѣ: «Какіе-то книги печатаетъ и думаетъ поднести государю; приносилъ ихъ ко мнѣ, но я не принялъ: испорчена субординація». Въ Москвѣ началась и настоящая война между консисторскими чинами и нѣкоторыми протопопами, имѣвшими руку при дворѣ. Дѣло доходило до палокъ и до публичной брани. Въ сущности преобразованія Екатерины II мало улучшили бытъ бѣднаго, сельскаго духовенства. Консисторія и съ протопопами держалась старыхъ порядковъ, потому что самая система не измѣнилась. Явныхъ сборовъ не было, но негласно священники всетаки приносили своимъ властямъ обильныя дани. Вмѣсто прежнихъ тѣлесныхъ наказаній, архіереи придумывали другія, не менѣе жестокія. Такъ одинъ изъ нихъ ставилъ священниковъ съ открытою головою на солнце, припечатывалъ его за бороду ниткою къ стѣнѣ и такъ держалъ по нѣскольку часовъ.

При Екатеринѣ II опредѣлена такса за требы: за молитву родильницѣ 2 к., за крещенье 3 к., за свадьбу 10 к., за погребеніе 10 к. Въ обычаѣ же плата была различная: въ Москвѣ, напримѣръ, платили за крещеніе отъ 25 до 50 к., за погребеніе отъ 50 до 80 коп., за свадьбу до 2-хъ рублей. За исповѣдь и причащеніе приказано не брать ничего. При межеваніи земель также отводились участки въ пользу причта; но духовная власть не могла ими распоряжаться. Императоръ Павелъ удвоилъ содержаніе духовенства: прибавлено протоіерею 30 руб., священнику 20 р., дьякону 15 р., причетникамъ 10 р. На духовноучебныя заведенія также назначено, вмѣсто прежнихъ 77430 руб., 142000 руб.

ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ЕКАТЕРИНЫ II.

Екатерина II, желая придать европейскій лоскъ окружающему ее обществу, естественно должна была покровительствовать искуствамъ, хотя сама не отличалась ни поэтическими, ни музыкальными дарова-

ніями. Въ этомъ также руководили ею и другія соображенія. Въ началѣ царствованія, когда она считала свою власть не довольно окрѣпшею, она желала разсѣять, отвлечь умы отъ непріятныхъ для нея событій и заглушить непріятные для нея толки. Она считала притомъ необходимымъ, чтобы своимъ примѣромъ облагородить, смягчить грубые инстинкты общества и держалась мнѣнія, что гдѣ люди веселы и не предаются излишней «задумчивости», тамъ они не могутъ питать вредныхъ умысловъ. Поэтому съ самого начала ея царствованія устраивались рыцарскія игры, или карусели, великолѣпныя маскарадныя процессіи, но особенное вниманіе было обращено на музыку, пѣніе и спектакли. Всѣ дни при дворѣ распредѣлены были для какихъ-нибудь увеселеній, хотя императрица часто въ нихъ и совсѣмъ не участвовала: по воскресеньямъ были куртаги, или придворные балы, въ понедѣльникъ и среду русскія и французскія комедіи, по четвергамъ французская, комическая опера, или трагедія, по пятницамъ маскарады. Сама государыня писала комедіи и оперетки, для которыхъ стихи сочиняли Храповицкій и другіе приближенные, а музыку—извѣстные иностранные артисты. Въ нихъ отчасти добродушно осмѣивались нѣкоторые изъ вельможъ, какъ, напримѣръ, Потемкинъ, Левъ Нарышкинъ; отчасти брались темы изъ старинной русской и народной жизни (Олегъ, Федулъ съ дѣтьми, богатырь Архидѣичь, и проч.). Нѣкоторыя пѣсни изъ этихъ оперетокъ пользовались всеобщею извѣстностью, напримѣръ:

„Во селѣ, селѣ Покровскомъ,
Среди улицы большой,
Разыгралась, расплясалась
Красна дѣвица душа“.

Для публики уже существовали три общественныхъ театра и даже, подъ вѣдѣніемъ полиціи, какой-то народный театръ на Мойкѣ подъ открытымъ небомъ. Его впрочемъ иногда посѣщали для потѣхи и знатные господа, въѣзжая прямо въ партеръ въ экипажахъ. Подражая двору, и вельможи устраивали всевозможныя увеселенія, и въ этомъ отношеніи своимъ широкимъ хлѣбосольствомъ особенно славился Левъ Нарышкинъ. Екатерина очень снисходительно смотрѣла на его праздность и шутовство, потому что онъ въ высшей степени обладалъ искуствомъ всѣхъ соединять и развлекать. Въ его домѣ чуть не каждый день шелъ пиръ горой до поздней ночи: приходили незваные и уходили, не прощаясь съ хозяиномъ; самъ онъ не зналъ по имени болѣе половины своихъ гостей; ѣли, пили, плясали, пѣли, кто

во что гораздъ, безъ малѣйшаго принужденія. Единственнымъ условіемъ ставилось, что-бы всѣ веселились, и Нарышкинъ съ особеннымъ усердіемъ заманивалъ къ себѣ веселыхъ людей, разныхъ остроумцевъ, артистовъ, литераторовъ, художниковъ. Сюда не рѣдко приходилъ запросто и Потемкинъ, чтобы ухаживать за милыми дамами. По Петергофской дорогѣ Нарышкинъ имѣлъ дачу съ громаднымъ англійскимъ садомъ, названнымъ «Га-га!», какъ полагаютъ, потому, что императрица, въ первый разъ увидѣвъ этотъ садъ, произнесла такое междометіе. Тутъ также давались великолѣпные праздники. Присутствуя на одномъ изъ нихъ, государыня была поражена его великолѣпіемъ и спросила: «что-жъ бы это могло стоить?» «Всего 50 рублей, отвѣчалъ Нарышкинъ, именно столько, сколько нужно на вексельную бумагу.» Фонъ-Визинъ не даромъ сострилъ въ своей «Придворной Грамматикѣ», что при дворѣ чаще всего спрягается глаголъ «быть должнымъ» и при томъ въ настоящемъ и будущемъ времени,—въ будущемъ потому, что если кто и не долженъ, то будетъ въ долгахъ; въ прошедшемъ же никогда не спрягается, потому что никто долговъ своихъ не платитъ. Всякій старался превзойти всѣхъ своихъ соперниковъ въ роскоши, при чемъ, добиваясь милостей, расточалъ самую изысканную и напыщенную лесть государынѣ: «льстили, по словамъ современника, и съ облаковъ и на землѣ, въ стихахъ и прозѣ, въ музыкѣ и механикѣ, голосомъ и ногами.» Бывшая тогда въ ходу миѳологія во французскомъ вкусѣ давала для этого довольно матеріала: Амуры, Психеи, Граціи, Минерва, Аполлонъ, Музы пестрѣли и въ пѣсняхъ, и въ картинахъ, и на сценѣ. Какъ наивно пользовались этими олицетвореніями, свидѣтельствуетъ случай, бывшій уже при императорѣ Павлѣ. Когда государь въѣзжалъ въ Москву на коронацію выставлены были для его встрѣчи между прочимъ нѣсколько басистыхъ семинаристовъ. Одинъ громогласно началъ:

«Бросай же поскорѣй цвѣты!
Да Онъ ли это, знаешь ты?„

Другой же еще громогласнѣе отвѣчалъ:

„Да какъ же не узнать намъ Феба,
Когда для насъ онъ сходитъ съ неба!“

Государь сначала поморщился; но потомъ приказалъ дать семинаристамъ шпагу, ботфорты со шпорами и треугольную шляпу.

При Екатеринѣ II итальянская опера процвѣтала по прежнему. По обычаю того времени она соединялась съ балетомъ, и въ балетѣ,

между актами, передавалось содержаніе того, что прежде пѣли на сценѣ. Какъ для оперы, такъ и для балета, приглашались самые знаменитые въ то время артисты. Для итальянской оперы назначены были и штаты: оперному стихотворцу 600, первому капельмейстеру 3000 р., первому пѣвцу 3500 р., и т. д. до 1000 руб. Но знаменитости, конечно, приглашались и на особыхъ условіяхъ. Изъ пѣвицъ извѣстны были Давія, Тоди, Габріэлли; изъ пѣвцевъ—Мандини. Исторія Давіи съ Безбородко повторялась и съ другими артистками. Такъ своенравная Габріэлли заставила плясать толстаго старика Елагина до того, что онъ вывихнулъ себѣ ногу и принужденъ былъ сидѣть на докладахъ у государыни. Габріэлли тоже подъ конецъ была выслана больше за ея рѣзкость и причуды. Когда, на ея непомѣрныя требованія, государыня замѣтила, что такихъ громадныхъ денегъ у нея не получаютъ и фельдмаршалы, то Габріэлли отвѣчала: «Пусть государыня заставитъ пѣть своихъ фельдмаршаловъ». Точно также знатныя дамы увлекались итальянскими пѣвцами. Одна изъ нихъ открыто хвасталась, что видѣла Мандини у себя въ ночномъ колпакѣ и въ халатѣ. Изъ композиторовъ славился Галуппи, поставившій Дидону, Ифигенію въ Тавридѣ и другія оперы, для которыхъ либретто писалъ извѣстный поэтъ Метастазіо. Тутъ участвовали громадные хоры и не жалѣли блестящей обстановки, особенно для балета. Тогда во всемъ хотѣли поражать громадностью, величіемъ. Для обыкновеннаго концерта Потемкину нужно было не менѣе 300 пѣвчихъ, нѣсколько хоровъ военной музыки, колокольный звонъ и пушки. Послѣ Галуппи прославился особенно Сарти, написавшій до 40 оперъ; онъ ввелъ итальянскіе мотивы и въ церковное пѣніе, написавъ извѣстное «Тебе, Бога хвалимъ.» Сарти устроилъ у насъ и первую консерваторію. Для духовныхъ концертовъ вызваны были нѣмецкіе артисты, познакомившіе насъ съ Глюкомъ и другими нѣмецкими композиторами. Къ обыкновенной музыкѣ присоединилась и роговая, особенно поражавшая иностранцевъ, какъ небывалое нововведеніе. Ее придумалъ, еще въ царствованіе Елизаветы, одинъ чехъ Марешъ для оберъ-егермейстера, Семена Нарышкина. Нарышкинъ и ввелъ ее въ употребленіе. Въ ней обыкновенно участвовали до 50 музыкантовъ: каждый имѣлъ рогъ, сдѣланный на особый тонъ, и производилъ одинъ только звукъ, считая лишь такты, когда сдѣлать паузу. Игра, значитъ, была чисто механическая, но все вмѣстѣ производило извѣстное впечатлѣніе, и такъ разыгрывались очень сложныя піесы. Вмѣстѣ съ итальянской при Екатеринѣ получила новое развитіе и русская опера. Но что тогда называлось оперой, собственно говоря, было комедіей или драмой изъ

обыденной жизни, лишь наполненной пѣснями, пѣсенными діалогами и хорами. Потому и лица, писавшія для этихъ оперъ музыку, остались неизвѣстными, а сочинители, писавшіе ихъ текстъ, напротивъ того прославились. Здѣсь важно то, что искуство здѣсь впервые обратилось къ русской простонародной жизни. Всѣхъ русскихъ оперъ написано было при Екатеринѣ II болѣе 60. Между ними были и пастушескія, гдѣ земледѣлецъ представлялся счастливымъ на лонѣ природы, играющимъ на свирѣли, чтобы снискать благосклонность своей прелестной подруги. Но наиболѣе успѣха имѣли тѣ, въ которыхъ хоть нѣсколько изображалась русская жизнь. Такъ одинъ изъ товарищей Волкова, Поповъ, написалъ оперу *Анюта*, гдѣ были выведены все простонародныя лица: Миронъ, отецъ Анюты, батракъ Филатъ и проч. Деревенская искренность въ ней прославлялась, напримѣръ, въ такихъ стихахъ:

„Мы не такъ, какъ горожане,
Кои на дары богаты,
На посулы тороваты,
На привѣты кудреваты
Да на дачу скуповаты;
Инакъ мы живемъ крестьяне, и проч".

Болѣе замѣчателенъ былъ Матинскій, крѣпостной человѣкъ графа Ягужинскаго, побывавшій на счетъ своего барина и въ Италіи. Онъ писалъ комедіи и оперы, и музыку для нихъ; сочинялъ и книги математическаго содержанія. Особенно долго имѣла успѣхъ на сценѣ его опера или комедія «Гостинный дворъ», гдѣ представлено, какъ купецъ Сквалыгинъ выдаетъ дочь за подъячаго Крючкодѣя. Вся піеса наполнена самыми веселыми куплетами; напримѣръ, купчихи, кутя безъ мужей своихъ, поютъ: «Охъ ты, бражка, ты, бражка моя, молодая брага сыченая!» Въ 1779-мъ году явилась на московскомъ театрѣ и опера Аблесимова: «Мельникъ-колдунъ-сватъ и обманщикъ». Аблесимовъ происходилъ отъ бѣдныхъ дворянъ, переписывалъ стихи у Сумарокова, который называлъ его «своимъ чернильнымъ сынкомъ», служилъ и въ московской полиціи и адъютантомъ у генерала Сухотина, съ которымъ дружески бражничалъ. Умеръ онъ въ крайней бѣдности. Его опера «Мельникъ» въ свое время возбуждала всеобщій восторгъ своимъ простонароднымъ содержаніемъ. Музыку для нея, какъ и для многихъ другихъ оперъ, написалъ капельмейстеръ Ѳоминъ. Своимъ чередомъ шли на сценѣ комедіи и трагедіи Сумарокова, Княжнина, Фонъ-Визина, Лукина, Капниста, и проч. Появилась въ

подражаніе французскому, и слезная, или мѣщанская драма, составлявшая среднее между классической трагедіей и комедіей: въ ней уже дѣйствовали не герои, не князья, а обыкновенные люди. Сумароковъ съ отчаяніемъ видѣлъ ея успѣхъ, предчувствуя, что она скоро вытѣснитъ классическую трагедію.

Подражая двору, знатныя лица устраивали у себя постоянный театръ, образовывая иногда очень порядочныя труппы актеровъ, пѣвцевъ и музыкантовъ изъ своихъ дворовыхъ. Такія труппы были у Шереметьева, Волконскаго, Строганова, у извѣстнаго полководца Каменскаго. Про Каменскаго и нѣкоторыхъ другихъ разсказываютъ, что если имъ что нибудь не нравилось въ актерѣ, они безъ церемоніи прерывали представленіе восклицаніемъ: «Эй, палокъ!»—и несчастнаго актера тотчасъ уводили на экзекуцію. Домашніе театры скоро вошли въ моду у всѣхъ богатыхъ помѣщиковъ; въ газетахъ стали появляться объявленія, въ родѣ слѣдующаго: «Продается дворовый, который знаетъ грамотѣ и очень хорошо играетъ на флейтѣ.» Иные въ своей страсти къ театру доходили чуть не до помѣшательства: нѣкто Скавронскій заставлялъ и кучера, и лакеевъ говорить при немъ на распѣвъ, какъ въ оперѣ, и самъ отдавалъ такимъ образомъ приказанія. Устраивались также благородные спектакли, въ которыхъ сами знатныя лица разыгрывали французскія комедіи и итальянскія оперетки, иногда вмѣстѣ съ итальянскими актерами и актрисами. Такъ особенно прославилась своимъ голосомъ и игрою княгиня Долгорукая. Князь Горчаковъ сочинилъ нѣсколько русскихъ оперъ. Частные спектакли находимъ и во всѣхъ главныхъ учебныхъ заведеніяхъ: въ Смольномъ, въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, въ Московскомъ университетѣ, и проч. Изъ общественныхъ театровъ извѣстны были: Каменный, Лѣтній (деревянный) и Книперовъ. Послѣдній собственно назначенъ былъ для приготовленія артистовъ: но Книперъ держалъ свою труппу въ черномъ тѣлѣ, и если изъ нея вышло нѣсколько хорошихъ актеровъ, то совершенно помимо его старанія. Для образованія актеровъ болѣе всего поработалъ знаменитый Дмитревскій, назначенный директоромъ основаннаго тогда театральнаго училища. Вообще вкусъ публики былъ тогда еще очень мало развитъ. Увлекались болѣе всего забавною внѣшностью: какъ Баба-яга ѣздила въ ступѣ, какъ медвѣдь являлся на сценѣ и т. п. Одобреніе высказывали тѣмъ, что бросали на сцену кошельки съ деньгами; иногда и самъ актеръ ходилъ между публикой собирать въ шляпу подаянія. Въ случаѣ неодобренія, безъ церемоніи забрасывали сцену гнилыми яблоками. Въ партерѣ шумѣли, болтали, смѣялись; иногда слышался

и вопль кучера, котораго тутъ же, въ сѣняхъ, баринъ стегалъ плетью. Въ ложахъ щелкали орѣхи, закусывали; барыни часто приказывали принести холоднаго медку изъ караульной. Лица благородныя одни безобразничали въ театрѣ, потому что остальная публика не смѣла пикнуть. Только во время балетовъ всѣ сидѣли смирно, притаивъ дыханіе. Въ управленіи театрами также происходили страшные безпорядки. Актерамъ не выплачивалось жалованье; накопились огромные долги, такъ что въ это дѣло должна была вмѣшаться сама императрица. Ей также подъ часъ приходилось лично охранять актрисъ отъ назойливаго преслѣдованія разныхъ покровителей. Такъ извѣстная Лиза, или «Лизка» (актрисъ въ то время честили такимъ образомъ) должна была выдержать непосильную борьбу съ Безбородко, когда пожелала выйти замужъ за актера Сандунова. Сандуновъ поступилъ рѣшительно: публично со сцены онъ продекламировалъ «рацею», гдѣ жаловался ни эти преслѣдованія. О такомъ скандалѣ не могла не узнать императрица. Съ своей стороны Лиза, играя на одномъ изъ придворныхъ спектаклей, вдругъ во время представленія упала на колѣни передъ государыней и продекламировала стихи, въ которыхъ просила о защитѣ отъ «злаго барина». Екатерина возмутилась и тотчасъ смѣнила тогдашнихъ директоровъ театра, Храповицкаго и Самойлова. Черезъ два дня послѣ этого Лизу и Сандунова вѣнчали въ придворной церкви. Лиза Сандунова была превосходная актриса и обладала великолѣпнымъ голосомъ. Также милостива была императрица и къ русскимъ актерамъ. Одинъ изъ нихъ опоздалъ къ выходу на придворномъ спектаклѣ. Всѣ всполошились и ждали строгаго взысканія; но актеръ постарался загладить вину отличной игрою, и Екатерина, послѣ представленія, сказала директору театра: «Подарите ему отъ меня часы, чтобы впередъ не опаздывалъ». Въ то время являются уже цѣлый рядъ замѣчательныхъ русскихъ актеровъ и актрисъ, которые одинаково отличались и въ операхъ, и въ комедіяхъ. Кромѣ спектаклей, въ кругъ домашняго образованія всюду входили пѣніе и игра, особенно на арфѣ или гитарѣ. Поэты и изображали дѣву не иначе, какъ съ арфою. Пѣлись разные чувствительные романсы, пѣсенки любовныя и также застольныя (напримѣръ, «Пчелка» и «Кружка» Державина). Во множествѣ появились пѣсенники и даже музыкальные журналы. Своими пѣсенками съ поддѣлкою подъ народный ладъ тогда уже славился Нелединскій-Мелецкій. Изъ русскихъ композиторовъ особенную извѣстностность пріобрѣли: Козловскій — своими полонезами и Бортнянскій—въ духовной музыкѣ.

Обратимся къ научной дѣятельности и къ новымъ планамъ обра-

зованія въ вѣкъ Екатерины. Изъ прежнихъ учрежденій Академія Наукъ продолжала существовать на старыхъ основаніяхъ; но трудность соединить чисто ученое учрежденіе съ университетомъ все болѣе выяснялась, и къ концу XVIII-го столѣтія университетскія лекціи въ Академіи Наукъ сами собою прекратились. Изъ иностранныхъ ученыхъ теперь является при Академіи знаменитый историкъ Шлецеръ. Шлецеръ былъ сынъ нѣмецкаго сельскаго пастора, и 10 лѣтъ, лишившись отца, уже добывалъ хлѣбъ уроками. Изучивъ основательно классиковъ, онъ занимался въ Геттингенѣ восточными, особенно еврейскими древностями. Послѣ того онъ отправился домашнимъ учителемъ въ Швецію, работалъ и въ купеческой конторѣ, писалъ корреспонденціи въ газеты и біографіи знаменитыхъ шведскихъ людей, изучалъ торговлю и мореплаваніе; но главною мечтою его было путешествовать, посѣтить востокъ, котораго исторію уже давно онъ изучилъ. Когда геттингенскій профессоръ, Бюшингъ, опредѣлился пасторомъ въ Петербургъ, то рекомендовалъ Шлецера Миллеру. Миллеръ въ то время искалъ себѣ помощника и домашняго учителя: Шлецеръ принялъ это званіе съ жалованьемъ 100 руб. въ годъ, имѣя единственною цѣлью ознакомиться съ Россіей. Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ, кромѣ 15 языковъ, которые уже зналъ, сталъ изучать и русскій. Чтобы облегчить себѣ это изученіе, онъ сталъ доискиваться корней языка и хотѣлъ знать значеніе окончаній, напримѣръ: ость, тель, ивъ, шій. Въ то время еще не имѣли понятія о подобномъ изученіи, и Миллеръ становился въ тупикъ отъ вопросовъ Шлецера, а Ломоносовъ, всегда враждебный нѣмцамъ, прямо говорилъ: «Какихъ гнусностей не наколобродитъ въ россійскихъ древностяхъ такая допущенная въ нихъ скотина». Шлецеру предложили мѣсто адъюнкта въ Академіи; но, къ удивленію Миллера, онъ отвѣчалъ, что считаетъ для себя слишкомъ ничтожнымъ такое мѣсто. По предложенію Тауберта, онъ согласился лишь принять должность воспитателя у Разумовскаго, такъ какъ не поладилъ съ Миллеромъ. Разумовскій употребилъ до 10000 руб. на устройство заведенія, гдѣ съ его дѣтьми воспитывались и дѣти нѣкоторыхъ знатныхъ лицъ. Шлецеръ ввелъ тутъ въ преподаваніе географію, статистику, исторію на новыхъ началахъ, при чемъ, вмѣсто лонгобардовъ и ассиріянъ, находилъ болѣе полезнымъ говорить о калмыкахъ и монголахъ. Онъ подавалъ также государынѣ записку объ изученіи памятниковъ русской старины и о распростаненіи знаній въ Россіи. Чрезъ содѣйствіе нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ въ 1765-мъ году, 30 лѣтъ отъ роду, онъ получилъ званіе профессора при Академіи, съ жало-

ваньемъ въ 860 руб. Шлецеръ послѣ того предался занятіямъ русскою исторіею, окончательно поселившись въ Россіи. При Александрѣ I онъ сдѣланъ потомственнымъ русскимъ дворяниномъ и умеръ въ 1809 году. Шлецеръ прославился своими изслѣдованіями о Несторѣ. Какъ тутъ, такъ и въ другихъ сочиненіяхъ, онъ проводитъ совершенно для того времени новый, критическій взглядъ на исторію, основывая всѣ факты на строгомъ разборѣ и изученіи памятниковъ. Изъ другихъ ученыхъ Гмелинъ и Палласъ предпринимали долгія путешествія на сѣверъ, востокъ и юговостокъ Европейской Россіи и много содѣйствовали научному ознакомленію съ ея природой и населеніемъ. Палласъ также извѣстенъ изданіемъ своего сравнительнаго словаря, въ который вошли 285 словъ на 200 языкахъ (149 азіатскихъ и 51 европейскій). Другой подобный-же словарь изданъ Янковичемъ: въ него вошли уже 61700 словъ на 279 языкахъ, въ томъ числѣ на языкахъ африканскихъ и американскихъ. Словари эти мало имѣли научнаго значенія, но служили всетаки обширнымъ матеріаломъ для языкознанія. Рядомъ съ Академіей Наукъ появилась въ царствованіе Екатерины II Россійская Академія, имѣвшая съ одной стороны цѣлью поощреніе русской словесности, а съ другой изученіе русскаго языка. Для первой цѣли президентъ ея, княгиня Дашкова издавала журналъ: «Собесѣдникъ русскаго слова», въ которомъ изрѣдка принимала участіе и императрица, а для второй предпринято изданіе «Словопроизводительнаго и словотолковательнаго русскаго словаря». Въ трудахъ для этого словаря участвовали почти всѣ тогдашніе русскіе ученые и писатели. Въ вѣкъ Екатерины II не появлялось такихъ замѣчательныхъ русскихъ ученыхъ, какъ Ломоносовъ; но важно, что наука становилась все болѣе общественнымъ достояніемъ, и особенно изученіемъ русской исторіи занимались люди разныхъ сословій, вовсе не принадлежавшіе къ обществу ученыхъ. Такъ князь Щербатовъ разрабатывалъ матеріалы по русской исторіи, продолжая труды Татищева. За границею вышла книга о Россіи, написанная французомъ Леклеркомъ: на эту книгу пишетъ *Примѣчанія* одинъ отставной гвардейскій офицеръ Болтинъ, неожиданно высказывая въ своемъ трудѣ самое основательное знаніе и русскихъ древностей и современнаго состоянія Россіи. Другой, также изъ дворянъ, оставившихъ службу, Новиковъ издаетъ замѣчательное собраніе русскихъ памятниковъ до-Петровскаго времени, подъ названіемъ «*Древней, Русской Вивліоѳики*». Курскій купецъ Голиковъ трудится всю жизнь надъ собираніемъ устныхъ разсказовъ и письменныхъ извѣстій о жизни Петра Великаго, и его книга «Дѣянія Петра Великаго» представляетъ громадный матеріалъ для изученія характера Петра I. Многіе изъ помѣщиковъ начинаютъ зани-

маться сельскимъ хозяйствомъ, посылая труды свои во вновь устроенное Вольноэкономическое Общество. Вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣланы первые попытки собирать русскія пѣсни и пословицы.

Мы знаемъ, что еще при Елизаветѣ Иванъ Шуваловъ заботился, кромѣ спеціальнаго, и объ общемъ образованіи. Съ этою цѣлью и устроены имъ Московскій университетъ и первыя гимназіи. При Екатеринѣ II образованіе продолжало развиваться въ томъ-же духѣ. Но кромѣ этого оно стало свободнымъ. Теперь уже никого не принуждали учиться и посѣщать школу. Не смотря на это, школа не только не опустѣла, а наоборотъ, число учащихся все увеличивалось. Прежде на неявку въ казенное училище смотрѣли, какъ на уклоненіе отъ службы; за это били батогами, посылали на галерную работу, налагали штрафы, и всетаки кончалось тѣмъ, что ученики, собранные съ величайшимъ трудомъ черезъ команды, разбѣгались. Теперь, напротивъ, старались привлечь въ школу мягкимъ, ласковымъ обращеніемъ, разнообразіемъ и живостью преподаваемыхъ предметовъ, даже, можетъ быть, излишнею заботою о томъ, чтобы сдѣлать науку пріятною. По крайней мѣрѣ обо всемъ этомъ трактуется въ предписаніяхъ для школъ, все это находимъ въ издававшихся тогда программахъ, въ методахъ и учебникахъ, которые вводили въ школы. Новыя, гуманныя начала воспитанія заимствованы были цѣликомъ изъ сочиненій Локка, Монтаня, Руссо. Осуществить ихъ взялся Бецкій, человѣкъ очень образованный и дѣятельный, но болѣе ловкій придворный, чѣмъ искренній радѣтель дѣла, которое онъ устраивалъ. Какъ увидимъ, онъ старался болѣе ослѣпить государыню и весь образованный міръ своими возвышенными планами и идеями, чѣмъ заботился о томъ, какъ эти планы и идеи выполнялись на дѣлѣ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнную пользу принесло и одно распространеніе этихъ идей. Бецкій могъ ихъ усвоить и при непосредственномъ знакомствѣ съ тогдашними преобразователями общества. Извѣстно, что Дидеро составилъ для Екатерины цѣлый планъ народнаго образованія, а съ извѣстнымъ нѣмецкимъ педагогомъ, Базедовымъ, основателемъ Филантропина, она находилась въ постоянныхъ сношеніяхъ. Согласно ученію тогдашнихъ философовъ, обращено было вниманіе не на одно питаніе и на дрессировку человѣка для той или другой должности, но и на *воспитаніе*, то есть, цѣльное физическое и нравственное развитіе человѣка, согласное съ его природой. Цѣлью воспитанія, какъ тогда говорили, было «создать новую породу людей». Въ физическомъ развитіи пища и воздухъ составляли главное; но также считалось необходимымъ пріучать къ труду, къ самодѣятельности для самаго укрѣпленія здоровья, а свобода въ играхъ, кромѣ развитія тѣлесной силы,

должна была поддерживать бодрость, веселость духа. Въ нравственномъ отношеніи болѣе всего дѣйствовалъ примѣръ воспитателя: онъ внушалъ честность, скромность, трезвость мысли и кротость. Предполагалось развить «здравыя и достаточныя силы разсудка, сердце непорочное, мысли вольныя, нравъ, непреклонный къ раболѣпству и не такое великодушіе, которое обращается въ гордость и высокомѣріе; воспитанникъ долженъ былъ говорить, какъ думаетъ, и дѣлать, какъ говоритъ». Но такъ какъ «добродѣтель дочь кротости и любви», то изъ школы должны быть изгнаны всякая грубость, брань, а тѣмъ болѣе ручная расправа; учить дѣтей слѣдовало «играючи», согласно съ ихъ склонностями. Въ этой системѣ, образованію ума не придавалось такого значенія, какъ усвоенію добрыхъ нравственныхъ качествъ, хотя, казалось, одно только помогало другому.

Представивъ общіе взгляды на образованіе, скажемъ сначала о заведеніяхъ, существовавшихъ уже до Екатерины II. Московскій университетъ вмѣстѣ съ гимназіями, при Екатеринѣ II, пришелъ въ лучшее противъ прежняго состояніе. Хотя и здѣсь много обращали вниманія на выставку: студенты устраивали публичные диспуты, щеголяя набранною на скорую руку ученостью, говорили публичныя рѣчи на латинскомъ, французскомъ и итальянскомъ языкѣ, конечно, писанныя профессорами; но много сдѣлано и полезнаго для науки. Довольно вспомнить, что московскій университетъ далъ образованіе Новикову и Карамзину. Наиболѣе дѣятельными его членами были профессора Шаденъ и Шварцъ. Шаденъ, какъ ректоръ, 20 лѣтъ управлялъ гимназіями и искустно подготовлялъ молодыхъ людей къ слушанію лекцій. Здѣсь обращено было особенное вниманіе на языки: латынскій, нѣмецкій и французскій. Въ гимназіи для разночинцевъ учили также пѣнію, музыкѣ и механическимъ искусствамъ, и устроенъ былъ домашній театръ. Для дворянства Шаденъ устроилъ «Благородный пансіонъ», гдѣ, кромѣ философіи и древностей, онъ читалъ желающимъ языки халдейскій и еврейскій. Но главная его заслуга въ томъ, что онъ значительно улучшилъ преподаваніе европейскихъ языковъ, слѣдуя указаніямъ извѣстнаго педагога Коменія. Для этого имъ былъ переведенъ «Видимый міръ» (Orbis visibilis) Коменія, въ высшей степени замѣчательное для своего времени сочиненіе. Вся книга была наполнена изображеніями окружающихъ предметовъ изъ всѣхъ царствъ природы, изъ разныхъ искусствъ и ремеслъ и рядомъ съ ними находилось краткое описаніе предмета на языкахъ: латынскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и итальянскомъ, а у Шадена и на русскомъ. Такимъ образомъ юноша учился языку практически, бесѣ-

дуя о предметахъ и въ то же время пріобрѣтая полезныя знанія. Профессоръ нѣмецкаго языка, Шварцъ, еще болѣе усовершенствовалъ этотъ методъ; но Шварцъ особенно извѣстенъ своимъ нравственнымъ вліяніемъ на учащихся, какъ профессоръ и какъ инспекторъ учительской семинаріи. Въ 1782 году онъ основалъ извѣстное «Дружеское общество» для самообразованія и воспитанія, гдѣ его дѣятельность тѣсно связана съ дѣятельностью Новикова. Въ университетѣ, вмѣсто прежняго битья ферулами по рукамъ, теперь наказывали за вину тѣмъ, что надѣвали крестьянскую одежду, сажали на хлѣбъ и на воду, или на мѣсяцъ лишали жалованья. Изъ студентовъ были и приходящіе и казеннокоштные; послѣдніе получали помѣщеніе, свѣчи и жалованья 100 рублей въ годъ по третямъ: столъ они держали сами, составляя складчину. Въ каждой камерѣ былъ старшій, завѣдывавшій хозяйствомъ и дѣлами студентовъ. Студенты имѣли свой мундиръ со шпагою, но носить его не было обязательно: многіе щеголяли въ красныхъ драповыхъ плащахъ и островерхихъ шляпахъ, въ модныхъ кафтанахъ до пятъ съ узорными, англійскими пуговицами, а зимою въ бархатныхъ сапогахъ съ отворотами. Было не мало такихъ, что, живя уроками или переводами книгъ, заводили себѣ не большую библіотеку, посѣщали театръ и собранія. Въ университетѣ находилась значительная библіотека съ журналами и газетами; сюда студенты сходились для чтенія и для бесѣдъ о прочитанномъ. Они также помогали ученикамъ гимназіи въ урокахъ, по очереди водили ихъ въ столовую и раздавали кушанье. Изъ студентовъ составлялся и хоръ пѣвчихъ при церкви. Лѣтомъ они устраивали потѣшный батальонъ для военныхъ экзерцицій; зимою играли на университетскомъ театрѣ, очень хорошо устроенномъ. Тутъ давали комедіи: Недоросль, Скупой, Мельникъ, Севильскій цирюльникъ и проч. Въ университетѣ были также маскарады, танцовальные вечера, концерты; студенты образовали и свой хоръ музыкантовъ. Гимназисты порою участвовали и въ кулачныхъ бояхъ, бывшихъ тогда въ Москвѣ; но студенты считали это для себя унизительнымъ. Изъ другихъ заведеній Сухопутный Кадетскій Корпусъ и Морская Академія начали преобразовываться подъ руководствомъ Ивана Шувалова еще въ царствованіе Елизаветы. Здѣсь находимъ странную смѣсь общеобразовательныхъ и спеціальныхъ предметовъ, но болѣе всего теперь обращали вниманія на французскій языкъ: въ Сухопутномъ Корпусѣ изъ 43 учителей 14 назначались для одного французскаго языка. При Екатеринѣ II число общеобразовательныхъ предметовъ еще увеличилось: предполагалось преподавать: миѳологію, хронологію, генеалогію, исторію, географію,

астрономію, натуральную исторію, химію, физику, механику, алгебру, архитектуру, философію, риторику, — все это кромѣ языковъ, различныхъ искусствъ и спеціальныхъ предметовъ. Въ корпусахъ учащіеся дѣлились на 5 возрастовъ. По множеству предметовъ, назначенныхъ для каждаго возраста, большую часть изъ нихъ, не успѣвъ пройти, откладывали до слѣдующаго возраста. Дѣло доходило до того, что уже въ 4-мъ возрастѣ не проходили ни одного предмета, для него назначеннаго. Съ учрежденіемъ въ 1782 году Комиссіи Училищъ подъ вѣдѣніемъ Янковича сокращено это непомѣрное число предметовъ и введены лучшіе методы. Что касается фухтелей, то они, конечно, замѣнились другими наказаніями: карцеромъ, лишеніемъ обѣда, сѣрою курткой.

При Екатеринѣ II устройствомъ новыхъ воспитательныхъ заведеній завѣдывалъ Бецкій, котораго государыня въ шутку называла «дѣтскимъ магазиномъ». Тогда открыты: Воспитательные дома въ Петербургѣ и Москвѣ, Общество для воспитанія благородныхъ дѣвицъ, Воспитательное училище при Академіи Художествъ, Коммерческое училище при московскомъ Воспитательномъ домѣ и также Нормальныя школы для приготовленія народныхъ (городскихъ) учителей. Воспитательные дома устроены были съ благою цѣлію дать пріютъ оставленнымъ безъ призрѣнія незаконнымъ дѣтямъ. Государыня принялась за это дѣло съ особенной ревностью; громадныя пожертвованія стали стекаться отовсюду и наконецъ скопились до нѣсколькихъ милліоновъ рублей. Кромѣ того, для содержанія воспитательныхъ домовъ, служили пошлины съ клейменія картъ, съ публичныхъ зрѣлищъ; при нихъ открывались фабрики; самый капиталъ не лежалъ даромъ: изъ него выдавались ссуды подъ залогъ домовъ, фабрикъ, имѣній съ уплатою 6%. И при всемъ томъ, подъ управленіемъ Бецкаго, подъ конецъ дошло до того, что расходы на нихъ превышали доходы. Бецкаго нельзя обвинять въ корыстолюбіи, а виною всѣхъ неустройствъ скорѣе была его мягкость и безпечность: заботясь болѣе о торжественныхъ встрѣчахъ и праздникахъ, о новыхъ проэктахъ, которыми онъ могъ бы понравиться двору, онъ мало входилъ въ подробности управленія. Разные директоры, опекуны, попечители пользовались казною безъ всякой церемоніи; деньги тратились на безполезныя постройки или раздавались въ долгъ безъ всякой надежды на ихъ возвращеніе. Съ такихъ должниковъ, какъ Кириллъ Разумовскій, Левъ Нарышкинъ, Потемкинъ, никто и не думалъ требовать уплаты. Касательно лицъ, прикосновенныхъ къ Воспитательнымъ домамъ, можно сказать вообще, что кто могъ брать изъ суммъ, имъ принадле-

жащихъ, тотъ бралъ; кто могъ не платить по обязательствамъ, не платилъ. На такую малость, что изъ аптеки, находившейся при московскомъ Воспитательномъ домѣ, опекуны брали лекарства пудами вмѣсто золотниковъ, а одинъ директоръ взялъ только зельцерской воды для себя на 800 рублей, врядъ-ли кто и обращалъ вниманіе. Лучшій порядокъ въ Воспитательныхъ домахъ введенъ уже впослѣдствіи заботами супруги императора Павла, Маріи Ѳедоровны. Но Воспитательные дома имѣли преимущественно благотворительную цѣль: намъ нужно остановиться на тѣхъ заведеніяхъ, которыя имѣли цѣлію, какъ тогда говорили, «создать новую породу людей». Образцы домашняго воспитанія, какіе Фонъ-Визинъ выставилъ въ своемъ «Недорослѣ», должны были лишь побуждать правительство приняться за это дѣло. Воспитателями у большинства дворянъ (въ то время о дворянахъ преимущественно и заботились), находимъ по прежнему какихъ нибудь дьячковъ, отставныхъ солдатъ, грамотныхъ изъ дворовыхъ, выключенныхъ семинаристовъ. Отъ того и званіе учителя равнялось званію лакея. Съ новымъ запросомъ на французскій языкъ стали безъ разбора принимать къ себѣ въ домъ всякихъ проходимцевъ, лишь бы они были, или называли себя французами. Кучера, парикмахеры, лакеи всѣхъ націй, выходцы изъ Парижа, бывшіе въ ссорѣ съ французской полиціей, наводняли дворянскіе дома, выдавая себя за наставниковъ. «Подрядился учить всѣмъ наукамъ, а по мнѣ учи, чему хочешь!» толковали помѣщицы, подобныя Простаковой, и былъ такой случай, что одинъ финляндецъ научилъ всю семью финляндскому языку, выдавая его за французскій. Частныхъ школъ было очень мало: въ Петербургѣ, въ 1784-мъ году,—26 съ 500 учащимися, въ Москвѣ—10 съ 370 учащимися. Въ нихъ совсѣмъ не преподавали русскаго языка, а учили одному французскому; но ученіе шло такъ плохо, что правительство принуждено было закрывать большую часть этихъ школъ и, при открытіи новыхъ, не стѣсняя никакими программами, требовать однако, чтобы учителя частныхъ школъ брали аттестаты отъ Академіи Наукъ и отъ университета. При плохомъ домашнемъ воспитаніи и при дикости общественныхъ нравовъ, Бецкій естественно пришелъ къ мысли устроить закрытыя заведенія, гдѣ-бы можно было уберечь юношество отъ вреднаго вліянія семьи и грубыхъ привычекъ общества, и вмѣстѣ укрѣпить въ немъ лучшія нравственныя начала. При этомъ прежде всего обращено вниманіе на воспитаніе женщины, отъ которой много зависѣла и судьба будущаго поколѣнія. Этотъ важный вопросъ о женскомъ воспитаніи въ первый разъ поставленъ былъ въ царство-

ваніе Екатерины II, и открыто «Общество для воспитанія благородныхъ дѣвицъ», или Смольный институтъ. Названіе *Смольнаго* произошло отъ слѣдующаго обстоятельства. До основанія Петербурга здѣсь былъ дегтярный заводъ и деревня Смольная. Петръ I построилъ здѣсь для цесаревны Елизаветы лѣтній домъ (Смольный дворецъ), а Елизавета въ послѣдствіи отдала его подъ Новодѣвичій, Воскресенскій монастырь для 20 монахинь. Поэтому и «Общество для воспитанія благородныхъ дѣвицъ» носило также названіе Смольнаго института или Смольнаго монастыря. Въ немъ помѣщалось до 300 благородныхъ дѣвицъ, но рядомъ находилось и мѣщанское отдѣленіе съ 200 дѣвицами. Въ благородномъ отдѣленіи дѣвицы дѣлились на 3 возраста, въ мѣщанскомъ на 2, и въ каждомъ возрастѣ оставались по 3 года. Существенной разницы въ предметахъ преподаванія между тѣмъ и другимъ отдѣленіемъ не было: лишь на мѣщанскомъ отдѣленіи тѣже общеобразовательные предметы (геометрія, физика, логика, музыка и проч.) проходились сокращеннѣе. Въ старшемъ возрастѣ (отъ 15 до 18 лѣтъ) предписывалось внушать «всѣ правила добраго воспитанія, благонравія, свѣтскаго обхожденія и учтивости» и также вводить дѣвицъ по очереди «во всѣ части экономіи» (то есть, домашняго хозяйства, для чего дѣвицы присутствовали на кухнѣ, учились различать товаръ, шить, и проч.). Для обученія свѣтскости много помогали спектакли, устраиваемые воспитанницами, и императрица, посѣщая ихъ, утверждала, что иной разъ дѣвицы лучше играли, чѣмъ на настоящей сценѣ. По современнымъ извѣстіямъ, недостатками этого заведенія служили, какъ и въ другихъ случаяхъ: излишнее пристрастіе къ внѣшности, преобладаніе французскаго языка надъ всѣми другими предметами, механическое заучиваніе множества коротенькихъ курсовъ безъ всякаго пониманія. Обхожденіе, манеры, декламація,—вообще все, что относится до публичной выставки, считалось чуть-ли не главнымъ дѣломъ; всѣ предметы читались на иностранныхъ языкахъ, которыя и сами учительницы плохо знали. Съ 1782-го года Янковичъ и здѣсь началъ нѣкоторыя преобразованія: ввелъ лучшіе методы и учебники и назначилъ изъ учителей особаго надзирателя, который долженъ былъ смотрѣть за преподаваніемъ. Мы не много могли-бы прибавить о другихъ закрытыхъ заведеніяхъ, устроенныхъ или обновленныхъ при Екатеринѣ II. Чтобы такія заведенія приносили существенную пользу, для нихъ необходимы очень искустные воспитатели, и элементы семьи и общества всетаки должны въ нихъ входить, лишь въ болѣе очищенномъ видѣ. У насъ въ большинствѣ случаевъ для этого не хватало ни педагогическихъ силъ,

ни яснаго понятія о томъ, какъ устроить дѣло, ни даже финансовыхъ средствъ. Недостатки въ развитіи, соединенные съ замкнутостью и отчужденностью отъ семьи, отъ общества, совершенное незнаніе жизни и потому безсиліе въ борьбѣ съ нею по выходѣ изъ заведенія, тяжелый формализмъ, неизбѣжный при огромномъ скопленіи учащихся, когда педагогическіе пріемы и неизвѣстны, и неисполнимы при господствовавшей системѣ,—вотъ что большею частью ставили въ упрекъ нашимъ закрытымъ заведеніямъ. Но съ другой стороны наша жизнь была столь не приглядна, что въ свое время они всетаки оберегали юношество отъ крайняго растлѣнія и давали ему кое - какое развитіе, часто случайно, чрезъ появленіе въ заведеніи одного, двухъ смышленныхъ педагоговъ.

При Екатеринѣ II въ первый разъ было обращено вниманіе и на народное образованіе. Это, собственно говоря, былю образованіе не для народа, а для городскихъ жителей, для средняго класса общества, который, вслѣдъ за дворянствомъ, начиналъ выступать на сцену. Тутъ потрудился Янковичъ де-Миріево, австрійскій сербъ, бывшій директоромъ народныхъ училищъ въ Темешварскомъ Банатѣ и, по указанію императора Іосифа II-го, въ 1782-мъ году приглашенный въ Россію. Въ Россіи онъ около 20 лѣтъ работалъ на педагогическомъ поприщѣ, устраивая школы по образцу австрійскихъ. По его предположенію, слѣдовало открыть въ городахъ троякаго рода училища: малыя, среднія и главныя. Предметы въ нихъ по классамъ раздѣлялись такимъ образомъ: *1-й классъ*—чтеніе, письмо, счисленіе, краткій катехизисъ, первыя правила русской граматики; *2-й классъ*—пространный катехизисъ, чтеніе книги: «О должностяхъ человѣка и гражданина», ариѳметика, чистописаніе и рисованіе; *3-й классъ*—пространный катехизисъ съ доказательствами изъ священнаго писанія, евангеліе съ изъясненіями, русская граматика съ упражненіями въ правописаніи, краткая всеобщая исторія, всеобщая и русская географія и чистописаніе; *4-й классъ*—болѣе подробная всеобщая и русская географія и всеобщая исторія, русская исторія, математическая географія съ задачами на глобусѣ, русская граматика съ упражненіями въ сочиненіяхъ, необходимыхъ для общежитія: въ письмахъ, счетахъ, роспискахъ, и проч., основанія геометріи, механики, физики, естественной исторіи, гражданской архитектуры, черченіе и рисованіе. Малыя училища заключали лишь первые два класса, въ среднихъ къ нимъ присоединялся еще третій классъ, въ главныхъ находимъ всѣ четыре класса. Прежде всего въ Петербургѣ были открыты два образцовыхъ или нормальныхъ училища съ 4-мя классами: одно нѣ-

мецкое, а другое русское. Потомъ постепенно открылись главныя училища и во всѣхъ губернскихъ городахъ, числомъ до 43-хъ; за ними стали открываться и малыя, такъ что вмѣстѣ съ главными всего въ 1789-мъ году открыто было 170 училищъ. Около этого времени учащихся въ нихъ въ Петербургѣ было безъ малаго 3000 челов. Среднихъ училищъ совсѣмъ не открывали. Но для всѣхъ этихъ заведеній нужны были преподаватели; по обычаю, прибѣгли къ семинаристамъ. Между тѣмъ Янковичъ устроилъ при Петербургскомъ нормальномъ училищѣ и учительскую семинарію, въ которой въ 18 лѣтъ, до 1801-го года, приготовлено было 425 учителей. Въ семинаріи находилось до 100 воспитанниковъ, которые дѣлились на товарищества по 20 подъ надзоромъ выбраннаго ими старшаго. Науки здѣсь проходились тѣже, что и въ главномъ училищѣ, лишь нѣсколько подробнѣе. Преподавали профессора изъ адъюнктовъ Академіи. При семинаріи находились музеи, модели, чертежи, машины, инструменты, книги съ рисунками,—все выписанное изъ Вѣны; кромѣ этого получались въ библіотекѣ вѣдомости: гамбургскія и геттигенскія на нѣмецкомъ языкѣ, лейпцигскія—на латинскомъ и также санктпетербургскія и московскія. Всякій день два часа происходили репетиціи подъ руководствомъ способнѣйшихъ изъ семинаристовъ. Семинаристы преподавали также въ малыхъ школахъ съ извѣстнымъ за это вознагражденіемъ. Здѣсь уже совершенно были изгнаны такія наказанія, какъ дранье за волосы, ослиныя уши, грубая брань. Напротивъ введена была слѣдующая постепенность въ наказаніяхъ: предостереженіе, исключеніе изъ игры, выговоръ на единѣ и публично, на хлѣбъ и на воду не долѣе недѣли. Янковичъ писалъ для будущихъ учителей такія наставленія. «Ростить разумную тварь, какъ скотъ, непристойно, а должно съ любовью уговаривать и наставлять на доброе. Учитель долженъ подавать собою примѣръ. Онъ чрезъ наглядныя представленія учитъ мыслить тѣхъ, которые одарены хорошею памятью, но имѣютъ мало разсудка; у тупыхъ онъ строгостью не отнимаетъ охоты къ ученью, а задаетъ уроки по мѣрѣ силъ каждаго. Онъ не долженъ непристойной жестокостью заглушать природной живости, а обращать ее въ пользу ученія. Во время дѣйствія страстей отнюдь не наказывать и не увѣщевать».

Янковичъ не ограничивался наставленіями, программами, указаніемъ методовъ, но и составлялъ руководства для школъ по всѣмъ предметамъ обученія. Нѣкоторые изъ этихъ учебниковъ переведены или передѣланы съ нѣмецкаго профессорами, нѣкоторые и вновь ими составлены; но и въ этихъ случаяхъ Янковичъ давалъ указанія и

принималъ на себя окончательное исправленіе учебниковъ, какъ главный членъ Комиссіи Училищъ, открытой въ 1782-мъ году. Такъ составлены таблицы азбукъ, букварь, прописи, сокращенный и подробный катехизисъ, сокращенная россійская граматика (Сырейщиковымъ), сокращенная русская исторія и географія, всеобщее землеописаніе съ картами, глобусами и атласами, книга «Объ обязанностяхъ человѣка и гражданина» (передѣлана изъ книги, употреблявшейся въ Австріи,) ариѳметика, геометрія, механика, физика, гражданская архитектура, естественная исторія и проч. Для упражненія въ языкахъ передѣланъ «Видимый міръ» Коменія, подъ названіемъ «Зрѣлище природы», гдѣ изображены до 80 предметовъ съ текстомъ на трехъ языкахъ: русскомъ, нѣмецкомъ и латынскомъ. Выборъ книгъ вообще былъ очень удачный. Въ географіяхъ находимъ не одни названія земель и городовъ, а также описанія климата, почвы и промысловъ; въ исторіи представлены нравы и обычаи разныхъ народовъ и многія біографическія подробности. Во всемъ видно то реальное направленіе, при которомъ наука стремится дать что нибудь полезное для жизни. Книга «О должностяхъ и обязанностяхъ человѣка» трактуетъ о тѣлѣ, о душѣ, объ общественныхъ должностяхъ, о правилахъ хозяйства. Основаніемъ ея служитъ мысль, что «истинное благополучіе заключается въ насъ самихъ». Тутъ даются наставленія о здоровьи, о трудолюбіи, объ искренности во всякомъ дѣлѣ, о томъ, чтобы избѣгать тщеславія, пустаго хвастовства, всякой грубости въ обхожденіи и проч. Вотъ нѣкоторыя мысли изъ этой книги. «Трудъ и работа служатъ не только къ пріобрѣтенію нужнаго въ жизни, но и къ потребному ума и тѣлесной крѣпости упражненію, слѣдовательно, и къ сохраненію здоровья. Всякое званіе и ремесло полезно. Титулы и похвалы суть обыкновенно суета: разумный не взираетъ на то, каковъ кто титулъ носитъ, но на заслуги токмо смотритъ. Хвастовствомъ мы оскорбляемъ разумныхъ людей, поелику кажемся, что ихъ такими глупыми почитаемъ, какъ будто они не въ состояніи усмотрѣть въ насъ недостатка тѣхъ преимуществъ, о которыхъ мы ихъ увѣрить хотимъ». Не менѣе важнымъ дѣломъ были новые методы, примѣненные Янковичемъ къ обученію. Въ нихъ находимъ тѣ пріемы, которые и нынѣ считаются наиболѣе разумными въ педагогикѣ: наглядность, переходъ отъ легкаго къ болѣе трудному, наведеніе на мысль черезъ вопросы, совокупное занятіе цѣлаго класса при объясненіяхъ и проч. Буквы слѣдуютъ не по алфавиту, а по ихъ происхожденію отъ болѣе простыхъ очертаній, въ слогахъ соблюденъ переходъ отъ легкихъ къ болѣе труднымъ, письмо начинается съ упражненій въ чер-

точкахъ, линіяхъ; въ арифметикѣ играютъ видную роль задачи изъ обыденной жизни; граматика изучается практически при чтеніи; для запоминанія чиселъ, собственныхъ именъ служатъ таблицы, представленія чрезъ начальныя буквы, и проч. Защищая во всемъ наглядность, Янковичъ требуетъ для школъ моделей, рисунковъ, картъ съ обозначеніемъ, гдѣ что родится, собранія естественныхъ предметовъ, геометрическихъ тѣлъ, и проч. Всюду онъ указываетъ на необходимость опыта, примѣненія къ жизни.

Какіе же были результаты такого блистательнаго начала? Къ сожалѣнію, было выпущено изъ виду самое главное: обезпечить трудъ будущихъ преподавателей. Имъ назначено жалованье отъ 100 до 400 рублей въ годъ ассигнаціями, которыя тогда уже значительно упали въ цѣнѣ; въ главныхъ школахъ черезъ 23 года, въ малыхъ черезъ 36 лѣтъ они дослуживались до чина коллежскаго ассесора. Но и назначенное жалованье они не всегда получали, потому что существовали по милости попечителей изъ купцовъ и мѣщанъ. Купцы же часто не доставляли не только чернилъ и перьевъ, но и дровъ для училища. Директоровъ для училищъ назначали губернаторы, выбирая кого попало, только для того, чтобы дать своему чиновнику прибавочное жалованье. Такой директоръ, конечно, никогда и не заглядывалъ въ школу. Приведемъ дошедшее до насъ описаніе одного изъ малыхъ училищъ. Оно находилось въ жалкой лачугѣ; въ темной комнатѣ въ два окна стояли четыре стола, и тутъ же помѣщались мѣшокъ съ горохомъ, розги и собака учителя. Ученики занимались отъ 7 до 11 и отъ 1 до 4 или 6 часовъ. Занятіе большею частью состояло въ тверженіи складовъ на распѣвъ. Во время отвѣтовъ ученика, голодная собака очень ловко таскала изъ стола его завтракъ. За всякую вину учитель приказывалъ учащемуся спускать брюки и ставилъ его голыми колѣнями на горохъ, или клалъ на скамью и, приказавъ одному изъ товарищей сѣсть на голову виновнаго, а другому на ноги, хлесталъ его розгами. Этотъ учитель ходилъ лѣтомъ и зимою въ одномъ и томъ же изодранномъ сертукѣ, обертывая ноги въ бумагу. Онъ же при своемъ скудномъ жалованьи, исполнялъ и обязанности сторожа: таскалъ и кололъ дрова, закупалъ провизію, и проч.; ушатъ же съ водою ежедневно носили ему ученики. Когда онъ умеръ, у него остались жена, 5 человѣкъ дѣтей и 5 коп. денегъ. И въ этомъ училищѣ все таки, при посѣщеніи начальства, одинъ изъ учениковъ говорилъ рѣчь по всѣмъ правиламъ риторики; самъ учитель былъ довольно образованъ, любилъ читать книги и бесѣдовалъ съ городскимъ протопопомъ по латыни. Какія же могли быть примѣненія новыхъ методовъ

при подобной обстановкѣ? И много ли было охотниковъ идти на подобную службу? Понятно, что лучшіе изъ кончившихъ курсъ въ учительской семинаріи всѣми правдами и неправдами старались ускользнуть отъ учительскаго званія, а прочіе, при своей обязательной службѣ, исполняли свое дѣло, спустя рукава, или, что чаще случалось, пили горькую. Всетаки труды Янковича не пропали совершенно даромъ. Педагогическія начинанія временъ Екатерины II оставили нѣкоторый слѣдъ въ обществѣ, потому что новые учебники и методы были введены и въ другихъ, хорошо обставленныхъ заведеніяхъ.

Державинъ въ 1782-мъ году писалъ въ своей «Фелицѣ».

„Не слыханное также дѣло,
Достойное тебя одной,
Что будто Ты народу смѣло
О всемъ и въявь, и подъ рукой
И знать, и мыслить дозволяешь,
И о себѣ не запрещаешь
И быль, и небыль говорить...“

Хотя впослѣдствіи Державинъ замѣчаетъ въ своихъ «Запискахъ», что, узнавъ поближе государыню, онъ уже не могъ ей приносить такихъ восторженныхъ похвалъ, какъ въ «Фелицѣ», тѣмъ не менѣе онъ громозвучно восхвалялъ ее во все продолженіе ея царствованія. Согласно съ нимъ, современныя записки, современные журналы, и въ поэзіи, и въ прозѣ, гремятъ тѣмъ же хвалебнымъ хоромъ. «Дозволеніе знать и мыслить» — въ этихъ словахъ заключается весь смыслъ тогдашней литературы. Такое дозволеніе было, по свидѣтельству Державина, до того времени «неслыханнымъ дѣломъ», — и понятно, что вновь возникающая литература обращалась съ благодарностью къ государынѣ, отъ которой единственно и зависѣло ея существованіе. Екатерина не просто дозволила ей существовать: она, можно сказать, создала ее. Она въ своемъ «Наказѣ» и другихъ сочиненіяхъ первая указала на тѣ европейскія идеи, которыя, по ея мнѣнію, слѣдовало проводить въ жизнь. Чтобы непосредственно ознакомить съ этими идеями, она устроила общество переводчиковъ, назначивъ по 5000 рублей въ годъ на переводы. Тутъ, хоть съ грѣхомъ пополамъ, перелагали на русскій языкъ Вольтера, Руссо и другихъ современныхъ авторовъ безъ малѣйшихъ стѣсненій. Когда же новыя, европейскія начала стали проникать въ общество и возбуждать умы къ дѣятельности, она всѣми мѣрами покровительствовала и прежнимъ, и новымъ писателямъ, какъ это мы видимъ изъ ея отношеній къ Ломоносову, Сумарокову, Державину, Фонъ-Визину и Новикову въ началѣ его первой

журнальной дѣятельности. Она дозволила всѣмъ заводить типографіи, распространивъ на нихъ тотъ же законъ, который касался вообще всякихъ промышленныхъ заведеній. Но созданная такимъ образомъ литература естественно становилась нѣкотораго рода органомъ власти. Надо принять во вниманіе слѣдующее обстоятельство. Общество было еще мало развито; кругъ читателей очень ограниченъ, и писатель не могъ разсчитывать на поддержку публики, чтобы существовать самостоятельно. Слѣдовательно, ему волею или неволею приходилось искать опоры у какого нибудь милостивца. Но милостивцы, порой очень щедрые на деньги, далеко не были щедры на «дозволеніе мыслить.» Большинство изъ нихъ признавало литературу полезною, лишь какъ праздничное украшеніе своихъ пировъ, при чемъ для каждаго торжественнаго случая необходимо было поставить оду или какое нибудь другое произведеніе, служащее къ восхваленію хозяина. Изъ знатныхъ лицъ второй половины царствованія Екатерины одинъ Потемкинъ, по свидѣтельству Державина, нисколько не обижался и не мстилъ за шутливыя на него нападки; другіе уже гнѣвались, если авторъ не довольно величалъ ихъ. Если у Державина, Фонъ-Визина и другихъ тогдашнихъ писателей мы находимъ довольно рѣзкія выходки противъ эгоизма и безпутной роскоши вельможъ, противъ всякой придворной лжи, то это и могло дѣлаться лишь подъ щитомъ императрицы. Вообще лишь чинъ и приближеніе къ двору давало извѣстное значеніе писателю. Увлеченіе наружнымъ блескомъ, громомъ побѣдъ отражалось и въ литературѣ; писатель не менѣе другихъ зараженъ былъ язвой честолюбія. Когда Державинъ въ 1789-мъ году, отрѣшенный отъ мѣста тамбовскаго губернатора, но оправданный по суду, пріѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ, то по прежнему допущенъ былъ ко двору, пользовался прежними почестями и вовсе не нуждался въ средствахъ къ жизни. Тѣмъ не менѣе онъ постоянно ходилъ сидѣть въ передней у Зубова, но властный вельможа не хотѣлъ принимать его. Тогда, по его словамъ, онъ не нашелъ другаго средства, какъ написать «Изображеніе Фелицы,» и послѣ этого императрица приказала Зубову допустить его въ свое общество. Державинъ добивался виднаго мѣста и наконецъ получилъ его. Онъ указываетъ на подобное происхожденіе и нѣкоторыхъ другихъ своихъ стихотвореній. Но врядъ ли властные люди могли уважать писателей, которые такимъ образомъ заискивали ихъ вниманія. Зубовъ, напримѣръ, забавлялся Державинымъ, стравляя его съ Эминымъ. Про Фонъ-Визина разсказываютъ, что, бывая у Потемкина, онъ острилъ и тѣшился надъ всѣми непріятными ему людьми. Потемкинъ однажды спросилъ

его: «Что мнѣ дѣлать съ однимъ назойливымъ человѣкомъ, который лѣзетъ въ глаза, льститъ и сплетничаетъ, а за глаза на щетъ васъ точно также угождаетъ другому?» — «Да просто запереть передъ нимъ двери,» отвѣчалъ Фонъ-Визинъ. Къ удивленію Фонъ-Визина, когда на слѣдующій разъ онъ явился къ Потемкину, то услышалъ отъ швейцара слова: «Не приказано принимать.» Такимъ образомъ рядомъ съ возвышенными идеями, съ обличеніемъ общественнаго зла, съ громозвучнымъ восхваленіемъ русскихъ военныхъ доблестей и вообще всякой матеріальной силы или внѣшняго блеска, литература становится отголоскомъ случайныхъ фантазій того или другаго высокопоставленнаго лица, случайной борьбы между сильными людьми изъ за почестей и власти, — словомъ, отголоскомъ придворныхъ толковъ и столкновеній. По одамъ Державина можно съ точностью узнать, какое лицо въ данную минуту было въ силѣ, какіе замыслы и тревоги въ извѣстное время волновали дворъ. Не увлекаясь современною французскою литературой, которую очень мало зналъ, Державинъ, конечно, ужъ изъ вторыхъ, изъ третьихъ рукъ заимствовалъ идеи, какія проглядываютъ въ его одахъ: «Властителямъ и судіямъ, Вельможа, Фелица» и проч. Въ одѣ «На безсмертіе души» онъ говоритъ:

„Сей духъ въ пророкахъ возвѣщаетъ,
Паритъ въ піитахъ въ высоту,
Въ витіяхъ сонмы убѣждаетъ,
Съ народовъ гонитъ слѣпоту;
Сей духъ и въ узахъ не боится
Тиранамъ правду говорить...
Чего безсмертному страшиться?
Онъ будетъ и за гробомъ жить.“

Это признаніе могущества мысли и нравственной силы заставляетъ Державина и въ «Фелицѣ» восхвалять преимущественно гуманныя заботы Екатерины объ обновленіи общества и осмѣивать праздныя прихоти окружающихъ ея людей. Въ одѣ «Вельможа» онъ еще характернѣе выставляетъ эгоизмъ самодовольнаго, властнаго сибарита:

„Мнѣ мигъ покоя моего
Дороже, чѣмъ въ исторьи вѣки;
Жить для себя лишь одного,
Лишь радостей умѣть пить рѣки,
Лишь *вѣтромъ плыть, гнесть чернь ярмомъ*;
Стыдъ, совѣсть—слабыхъ душъ тревога!
Нѣтъ добродѣтели! нѣтъ Бога!
Злодѣй... увы! и грянулъ громъ!“

Но рядомъ съ этимъ, нѣсколько театральнымъ, торжественнымъ стояніемъ за правду, Державинъ безъ различія величаетъ все, что въ данную минуту считалось удобнымъ возвеличивать: миръ съ его прелестями и войну съ ея ужасами, трудъ земледѣльца, самоотверженіе русскаго солдата и пиры вельможъ съ ихъ блистательными замыслами, умѣренность и роскошь. Кромѣ одъ на побѣды, у Державина преобладаютъ оды, обращенныя къ различнымъ лицамъ: Анакреонъ въ собраніи (Потемкинъ, изображенный въ видѣ Анакреона), Аѳинейскому витязю (графу А. Г. Орлову), На выздоровленіе мецената (И. И. Шувалова), Къ граціямъ (великимъ княжнамъ), На кончину благотворителя (И. И. Бецкаго), Къ красавцу (Валеріану Зубову), Къ лирѣ (графу Платону Зубову), На отсутствіе ея величества въ Бѣлоруссію, Приглашеніе къ обѣду (Зубову, Шувалову и Безбородкѣ), Суворову на пребываніе его въ Таврическомъ дворцѣ и проч. и проч. Эта личная, случайная поэзія достаточно показываетъ, какой еще недостатокъ общихъ идей былъ въ литературѣ. Изъ стихотворенія «Видѣніе Мурзы» мы видимъ, чего требовала отъ Державина Екатерина; награждая подарками восхваленіе своихъ преобразовательныхъ стремленій и славы русскаго оружія, она въ тоже время говорила ему, «что лесть только портитъ людей,» что «если поэзія не сумасбродство, то должна быть обращена къ указанію людямъ добраго пути, а не къ праздной похвалѣ, такъ какъ прямому благотворителю въ похвалѣ нѣтъ никакой нужды.» Но все это было напрасно: Державинъ тѣмъ съ большимъ усердіемъ расточалъ громкія хвалы своимъ героямъ, приправляя поэзію то мрачными картинами изъ «Ночей» Юнга, то туманными образами Оссіана, то игривыми аллегоріями изъ Анакреона. Ни по своему развитію, ни по развитію окружающаго общества, онъ и не могъ создавать чего либо другаго. Уже по смерти Екатерины, на увѣщаніе Храповицкаго, что онъ орелъ и ему нечего бояться какой либо грозы, онъ откровенно отвѣчаетъ:

„Страха связаннымъ цѣпями
И рожденнымъ подъ ярмомъ,
Можноль орлими крылами
Къ солнцу намъ парить умомъ?
Рабъ и похвалить не можетъ,
Онъ лишь можетъ только льстить.

. . . .

А по твоему коль станетъ,
Ты мнѣ путы развяжи,
Гдѣ свободно громъ мой грянетъ,
Ты мнѣ небо укажи.“

Фонъ-Визинъ былъ гораздо образованнѣе Державина и еще въ молодости могъ ознакомиться въ подлинникѣ съ французскими писателями новой эпохи. Кромѣ того, при его сатирическомъ умѣ, ему представлялось болѣе широкое и свободное поле дѣятельности: не касаясь высшихъ сферъ, онъ могъ осмѣивать тѣ недостатки средняго, дворянскаго круга, которые усердно осмѣивались и въ высшемъ, болѣе утонченномъ обществѣ. Сюда относились: рабское подражаніе французскимъ модамъ, дикое извращеніе европейскихъ идей въ умахъ разныхъ Иванушекъ, старинное взятничество и невѣжество съ его азіатскою грубостью нравовъ. Старинные предразсудки и невѣжество выставляетъ и Екатерина въ своихъ драмахъ «О время, Имянины г-жи Ворчалкиной, г-жа Вѣстникова съ женою.» Но Фонъ-Визинъ собственно въ комедіи «Недоросль» является полнымъ толкователемъ взглядовъ Екатерины. Вся комедія написана съ цѣлью выставить необходимость и значеніе тогдашнихъ заботъ императрицы о воспитаніи. Благородныя лица, въ ней выведенныя, лишь комментируютъ Наказъ и другія законодательныя мѣры Екатерины; порочныя же лица должны подтверждать собою все зло дурнаго воспитанія, и комедія оканчивается словами: «Вотъ злонравія достойные плоды!» Правдинъ, одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ комедіи, говоритъ: «Тамъ, гдѣ намѣстникъ таковъ, какимъ онъ изображенъ въ Учрежденіи (Учрежденіе о губерніяхъ), благосостояніе обитателей вѣрно и надежно»,— и удостовѣряетъ, что намѣстникъ именно таковъ въ губерніи, гдѣ имѣніе Простаковой. Въ другомъ мѣстѣ точно также заявлено: «Гдѣ государь мыслитъ, гдѣ знаетъ онъ, въ чемъ его истинная слава, тамъ человѣчеству не могутъ не возвращаться его права. Достойный престола государь стремится возвысить душу своихъ подданныхъ: мы это видимъ собственными глазами». Идеальный намѣстникъ управляетъ губерніею, но Стародумъ, образецъ правдиваго и честнаго дворянина, въ отставкѣ, потому что не умѣлъ угодить придворнымъ. «При дворѣ, говоритъ онъ, тѣсно; двое не разойдутся: тамъ кривая дорога скорѣе приводитъ къ цѣли, тамъ себялюбіе, и тщетно звать врача къ больнымъ неисцѣльно». Утомленная окружавшими ее дрязгами, императрица сама не разъ высказывала подобныя мысли; съ другой стороны ей льстило, что она одна все выноситъ на своихъ плечахъ. Но и Стародумъ и Правдинъ прежде всего выставляютъ идею о воспитаніи, какъ она слагалась у Бецкаго при содѣйствіи императрицы: «Чтобы въ достойныхъ людяхъ не было недостатка, нынѣ прилагается особливое стараніе о воспитаніи. Имѣй сердце, имѣй душу: безъ нея просвѣщеннѣйшая умница жалкая тварь. Пря-

мую цѣну уму даетъ благонравіе». Къ этому Фонъ-Визинъ вноситъ и свои воззрѣнія: «Я боюсь для васъ нынѣшнихъ мудрецовъ; они, правда, искореняютъ недостатки, но воротятъ съ корня и добродѣтели». Однако Фонъ-Визинъ въ свое время очень увлекался этими мудрецами, и слѣды такого увлеченія мы находимъ въ «Бригадирѣ», въ «Посланіи слугамъ» и въ другихъ его сочиненіяхъ. Но и на немъ, какъ на многихъ изъ тогдашнихъ дворянъ, это увлеченіе отразилось легкимъ, поверхностнымъ вольнодумствомъ, въ чемъ знаменитые французскіе философы, конечно, не были виноваты. Трактуя въ «Недорослѣ» о воспитаніи, авторъ съ особенною любовью останавливается на томъ, чтобы сдѣлать дворянина достойнымъ его породы, о чемъ, впрочемъ, и императрица говорила въ своемъ «Наказѣ». Въ другой своей комедіи «Гувернеръ» Фонъ-Визинъ уже осмѣиваетъ пристрастіе знатныхъ лицъ ко всякаго рода французскимъ проходимцамъ. Здѣсь опять встрѣчаемъ слѣдующія разсужденія: «Не могутъ быть законы, которые всякаго честнаго человѣка дѣлали-бы благополучнымъ. Что же остается правителю? Остается расчислить такъ, чтобы число жертвуемыхъ соразмѣрно было числу тѣхъ, для благополучія которыхъ жертвуетъ. О, сколь блаженна та страна, гдѣ таковой рѣдкій законодательный умъ сидитъ на престолѣ!». Врядъ-ли подобныя неудачныя похвалы могли понравиться государынѣ. Въ послѣдніе дни, въ своемъ болѣзненномъ разслабленіи, Фонъ-Визинъ сдѣлался заклятымъ врагомъ всего французскаго образованія и не признавалъ ничего хорошаго ни въ старой, ни въ новой Франціи. По странной логикѣ человѣка, разбитаго параличемъ, онъ видѣлъ причину своей болѣзни, кромѣ юношеской неумѣренности въ удовольствіяхъ, и въ тѣхъ либеральныхъ идеяхъ, которыя возбудили его къ осмѣянію общественныхъ недостатковъ.

Мы указали, какъ въ комедіяхъ Фонъ-Визина отражаются придворныя вліянія, но кромѣ этого въ ней есть и изображеніе общественной жизни, и настоящіе общественные типы. Въ этомъ отношеніи сатира ранѣе другихъ отраслей литературы вышла на самостоятельную дорогу. Такъ было согласно и со свойствами болѣе аналитическаго, наблюдательнаго русскаго ума, и съ крайнею потребностью обновить общество, которую одинаково сознавало и правительство и весь кругъ образованныхъ людей, и съ самою грубостью общественныхъ недостатковъ, которые ярко бросались въ глаза и человѣку, очень поверхностно образованному. Тутъ былъ очень широкій просторъ для наблюденія и изображенія; но, разумѣется, сатира временъ Екатерины II не касалась болѣе глубокихъ основъ общества и мало за-

трогивала самые корни зла. Такъ Фонъ-Визинъ въ своемъ «Недорослѣ» вовсе скрываетъ отъ насъ, отчего Простакова могла безнаказанно истязать своихъ крестьянъ и грабить свою безотвѣтную племянницу. Наравнѣ съ комедіей и русской сатирической оперой новое литературное движеніе въ вѣкъ Екатерины II выразилось и въ появленіи множества сатирическихъ журналовъ. Эти журналы обыкновенно существовали не долго, часто одинъ, два мѣсяца; тѣмъ не менѣе ихъ обиліе свидѣтельствуетъ о пробужденіи общественной мысли. Особенно много ихъ появлялось въ періодъ отъ 1769 до 1775 года. Изъ нихъ наиболѣе видными можно назвать «Трутень» и «Живописецъ» Новикова. Въ «Живописцѣ» отчасти участвовала и Екатерина. Въ продолженіи 20 лѣтъ онъ имѣлъ до 5 изданій. Въ журналахъ того времени мы находимъ добродушную литературную полемику, споры о томъ, должна ли сатира изображать пороки вообще, или касаться и личностей, переводы изъ Вольтера, изъ классиковъ; но главное мѣсто занимаетъ осмѣяніе общественныхъ недостатковъ. Особенно въ «Живописцѣ» сатира очень мѣтко нападаетъ на плохое воспитаніе дворянъ, которые росли, рѣзвясь съ дворовыми дѣвками, да играя въ бабки со слугами, на суевѣрія и дикіе старинные обычаи, на модничанье и глупое подражаніе французамъ, на безпутную расточительность дворянства, на подъячихъ, которые придумывали брать взятки тѣмъ, что заставляли просителей проигрывать себѣ въ карты, и проч. Для образца приведемъ отрывки изъ писемъ уѣзднаго дворянина къ сыну его Фалалею, помѣщенныхъ въ «Живописцѣ». «Мы съ дядею твоимъ поговорили довольно, сидя подъ любимымъ твоимъ дубомъ, гдѣ, бывало, ты въ молодыхъ лѣтахъ забавлялся: вѣшивалъ собакъ на сучьяхъ, которыя худо гоняли за зайцами, и сѣкалъ охотниковъ за то, что собаки ихъ перегоняли твоихъ. Куда какой ты былъ проказникъ съ молоду! какъ, бывало, примешься пороть людей, такъ крикъ такой и хлопанье, какъ будто за уголовье въ застѣнкѣ сѣкутъ: таки, бывало, животики надорвешь со смѣху». А вотъ отзывы того же дворянина о «Живописцѣ», котораго нѣсколько листковъ привезъ ему сосѣдъ: «Что это у васъ, Фалалеюшка, дѣлается: никакъ съ ума сошли всѣ дворяне? чего они смотрятъ? Да я бы ему проклятому и ребра живаго не оставилъ! Что за «Живописецъ» такой у васъ проявился? какой нибудь нѣмецъ, а православный этого не написалъ-бы... О коли-бы онъ здѣсь былъ, тото-бы потѣшилъ свой животъ: всѣ-бы кости у него сдѣлалъ какъ въ мѣшкѣ! Что и говорить, дали волю; тутъ небось не видятъ, и знатные господа молчатъ... Да что ужь и говорить, и они свихнулись. Не

далеко отъ меня деревня Григорья Григорьевича Орлова; такъ знаешь-ли, почему онъ съ нихъ беретъ? Стыдно и сказать—по полтора рубля съ души, а угодьевъ-то сколько! и мужики такіе богатые!... То-то, Фалалеюшка, не къ рукамъ этакое добро досталось!» Мы видимъ, что и здѣсь сатирикъ, защищая себя, не могъ обойтись безъ упоминанья о Григоріи Григорьевичѣ. Но надо знать, что рѣзкія выходки, особенно противъ помѣщиковъ, не нравились государынѣ. Въ сатирѣ она желала видѣть болѣе умѣренное и шутливое осмѣяніе недостатковъ, во вкусѣ тогдашнихъ англійскихъ журналовъ и «Живописецъ» подъ конецъ утратилъ ея расположеніе.

Въ послѣдніе годы своего царствованія, Екатерина II, встревоженная смутами, происходившими во Франціи, очень недовѣрчиво стала смотрѣть на всякія попытки свободомыслія, и не дозволила даже печатать стихотвореніе Державина «На взятіе Варшавы» лишь за гиперболическіе стихи, восхвалявшіе Суворова:

«Тронъ подъ тобой, корона у ногъ!
Царь въ полону...»

Но Державинъ тогда писалъ оды «На коварство французскаго возмущенія, Колесница», и проч. Другіе, не думая, конечно, ни о какихъ возмущеніяхъ, еще наивно сохраняли прежніе либеральные взгляды, навѣянные чтеніемъ французскихъ классическихъ писателей. Изъ нихъ Радищевъ издалъ книгу подъ названіемъ «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», гдѣ помѣстилъ нѣсколько горячихъ тирадъ противъ крѣпостнаго права и противъ самовластія. Радищевъ въ юности, служа сенатскимъ чиновникомъ, посланъ былъ съ нѣкоторыми молодыми людьми въ Лейпцигъ для изученія юриспруденціи. Здѣсь онъ усердно занимался науками и особенно современной философіей, увлекаясь Гельвеціемъ. По возвращеніи въ Россію, проходя разныя должности, онъ дослужился до чина коллежскаго совѣтника и подъ конецъ опредѣленъ былъ чиновникомъ при таможнѣ. Среди своихъ сухихъ, обыденныхъ занятій, Радищевъ развлекался литературою; и въ 1790 году задумалъ издать въ свѣтъ названную нами книгу, отпечатавъ ее въ собственной типографіи. Въ ней, подъ видомъ путевыхъ записокъ, онъ касается разныхъ сторонъ тогдашней общественной жизни въ Россіи. Такъ онъ осуждаетъ чиновничье равнодушіе къ судьбѣ ближняго, барское высокомѣріе, тщеславную гоньбу дворянства за титулами, злоупотребленія въ судахъ, обычай намѣстниковъ тратить казенныя деньги на свои прихоти, напримѣръ, на курьеровъ, посылаемыхъ за устрицами; онъ выставляетъ и зло отъ

продажныхъ женщинъ, и свѣтскую пустоту городскихъ барынь въ сравненіи съ сельскими дѣвушками, и плутни купцевъ, и безплодность семинарской латыни, и каковы должны быть гуманныя начала въ религіи и воспитаніи, основанномъ на дружелюбномъ отношеніи къ дѣтямъ. Но болѣе всего возмущаетъ его всякаго рода насиліе: продажа крѣпостныхъ въ рекруты, тягость барщины, произволъ помѣщичьей власти, всѣ непригладныя картины рабства вмѣстѣ съ жестокостями войны и злоупотребленіями при рекрутскихъ наборахъ. Въ книгѣ есть также краснорѣчивая глава противъ цензуры. Все это не могло-бы, и въ тогдашнее время, дать поводъ къ осужденію Радищева, если бы не рѣзкія мѣста книги, гдѣ авторъ, по тогдашнему обычаю, обращается съ обличеніями къ высшей власти, «ищетъ случая придраться къ властямъ», по выраженію Екатерины. Государынѣ могли показаться также личными намеками, гдѣ авторъ заставляетъ говорить народъ, обращаясь къ вымышленному правителю: «Удержи свое милосердіе; не возвѣщай намъ его великолѣпными словами, если не хочешъ его исполнить... Мы спали и были спокойны, ты возмутилъ нашъ сонъ: мы бдѣть не желали, ибо не надъ чѣмъ». Во всякомъ случаѣ книга могла бы пройти не замѣченной, какъ въ началѣ прошло незамѣченнымъ стихотвореніе Державина «Властителямъ и Судіямъ». Но обстоятельства перемѣнились: Радищевъ въ своемъ «Путешествіи» напечаталъ «Оду на вольность», съ оправданіемъ Кромвеля въ то время, когда во Франціи готовился судъ надъ Людовикомъ XVI-мъ. Екатерину взяло подозрѣніе, не образовалась ли у насъ какая нибудь якобинская партія; она внимательно прочла книгу и исписала ее примѣчаніями. Въ ней нашла она «черножелтый цвѣтъ» съ «гипохондрическими и унылыми мыслями»—все, взятое «изъ полумудрецовъ сего вѣка, каковы Руссо и аббатъ Рейналь, и вмѣстѣ «злостныя толкованія».—«Сочинитель бунтовщикъ хуже Пугачева» говорила она Храповицкому. Радищевъ былъ посаженъ въ крѣпость и отданъ на допросъ Шешковскому; однако обвинить его въ какомъ либо подговорѣ къ бунту не было возможности. Книга прошла черезъ цензуру оберполицмейстера Рылѣева; авторъ виновенъ былъ лишь въ томъ, что послѣ цензуры измѣнилъ нѣкоторыя мѣста, болѣе для красоты слога. Напечаталъ онъ ее всего въ числѣ 650 экземпляровъ, и изъ нихъ лишь 25 отдалъ на продажу книгопродавцу Зотову да 5 роздалъ разнымъ лицамъ, а все остальное самъ сжегъ, едва услышалъ о неблагопріятныхъ объ ней отзывахъ. На судѣ Радищевъ выказалъ полную покорность власти, и за нимъ не нашли никакой другой вины, кромѣ вышеозначенной книги.

Тѣмъ не менѣе его приговорили къ смертной казни, но Екатерина смягчила этотъ приговоръ, приказавъ сослать его на 10 лѣтъ въ Сибирь, въ Илимскъ. Въ ссылкѣ Радищевъ продолжалъ заниматься иностранною литературою и писать статьи (напримѣръ о Китайскомъ торгѣ, о Человѣкѣ и проч.). Въ 1796 году, при воцареніи Павла, онъ возвращенъ изъ ссылки, но ему приказано безвыѣздно жить въ своей деревнѣ; окончательно Радищевъ прощенъ былъ при императорѣ Александрѣ I, послѣ чего вскорѣ умеръ въ 1802 году, 53-хъ лѣтъ отъ роду. Тогда-же пострадалъ и Новиковъ, по направленію, во многомъ совершенно противуположный Радищеву. Новиковъ родился въ 1744 году и былъ сынъ одного изъ помѣщиковъ Бронницкаго уѣзда, Московской губерніи. Дома получилъ онъ очень плохое образованіе; юношей онъ поступилъ было въ московскій университетъ, но выключенъ за нехожденіе въ классы. Его вначалѣ, какъ видно, болѣе манила военная служба. Служа въ измайловскомъ полку, онъ занимался письмоводствомъ въ Комиссіи Уложенія; но въ 1767 году уже вышелъ въ отставку прапорщикомъ. Новиковъ поселился въ Петербургѣ, чтобы издавать журналы и собирать памятники русской исторіи. Тутъ уже выказалъ онъ свой необычайный умъ и живую дѣятельность. Въ 1779-мъ году, прекративъ изданіе «Живописца», онъ переселился въ Москву и всею душею присоединился къ «Дружескому обществу», основанному Шварцемъ. Онъ взялъ на аренду университетскую типографію вмѣстѣ съ университетскою книжною лавкой за 4500 рублей въ годъ и основалъ типографскую компанію для перевода и изданія учебниковъ и вообще полезныхъ для юношества книгъ. Эта новая его дѣятельность имѣла особенное значеніе, такъ какъ онъ собиралъ около себя университетскую молодежь, возбуждалъ ее къ изученію иностранныхъ писателей, давалъ ей книги и статьи для переводовъ, которые хорошо оплачивалъ,—вообще внушалъ ей охоту къ серьезному труду и къ самообразованію. Довольно вспомнить, что въ кружку Новикова развился молодой Карамзинъ. Другъ Новикова, Шварцъ былъ виднымъ лицомъ въ одной изъ масонскихъ ложъ, распространенныхъ тогда по всей Европѣ; онъ принадлежалъ къ обществу германскихъ масоновъ, и Новиковъ также вступилъ въ это общество. Масоны имѣли главною цѣлію самоусовершенствованіе въ нравственно-религіозномъ духѣ, и въ своемъ мистическомъ направленіи совершенно расходились съ современными философами: общаго тутъ могло быть развѣ только стремленіе проводить въ жизнь добрыя начала братской любви и взаимной помощи, служить страждущему человѣчеству. Но средства для этого у масоновъ были другія. Они

создали цѣлую систему таинственнаго созиданія Соломонова храма (масонъ по русс. каменьщикъ), то есть нравственнаго саморазвитія, которое у нихъ сопровождалось торжественнымъ пріемомъ въ ложу, разными искусами, цѣлой іерархіей чиновъ, разными символическими знаками и множествомъ обрядовъ, съ цѣлію укрѣпить вѣрующаго въ новомъ ученіи. Словомъ, это была какъ бы особая организованная секта, гдѣ отвлеченное, философское направленіе странно смѣшивалось съ туманными, восточными вѣрованіями. Умозрѣніе на этой ступени, то есть, въ соединеніи съ фантазіями, съ чувственнымъ символизмомъ, было какъ разъ по плечу тогдашнему образованному обществу, и масонство очень у насъ распространилось. Въ него вошли многія лица изъ знати, и была даже попытка вовлечь въ него великаго князя, Павла Петровича, который, какъ носились слухи, сочувствовалъ этому ученію. Для распространенія своихъ туманныхъ идей, масоны издавали книги поучительнаго содержанія. Изданіемъ такихъ книгъ у насъ занимался Новиковъ. Это его и погубило. Сначала Екатерина, не терпя ничего фантастическаго и туманнаго, только смѣялась надъ масонами. Вторя ей, и Державинъ надъ ними острилъ, говоря: «мартышки въ воздухѣ явились». Такъ пародировалъ онъ названіе «мартинисты», какое носили французскіе масоны. Но со времени французскихъ смутъ всякія таинственныя собранія и общества стали казаться подозрительными. Слово: «мартинистъ» стало однозначущимъ со словомъ «заговорщикъ», хотя масоны, особенно германскіе, по самому своему характеру, чужды были всякихъ политическихъ тенденцій и даже враждебно относились къ ученіямъ, какія возникли во время французской революціи. Доказательствомъ ихъ безобидности служитъ то, что впослѣдствіи члены королевскихъ фамилій вступали въ ихъ общество. Но во время Екатерины II ихъ нерѣдко смѣшивали съ революціонерами, по причинѣ самой таинственности ихъ собраній. Такъ императрица и Радищева, за его восхваленіе Франклина, называетъ «мартинистомъ». Противъ Новикова служили особенными уликами нѣкоторыя его сношенія съ великимъ княземъ и письма, получаемыя имъ изъ за границы. Одинъ изъ иностранцевъ, бывшихъ въ русской службѣ, не поладилъ съ нимъ, и уѣхавъ въ Германію, сталъ съ намѣреніемъ, чтобы повредить ему, писать къ нему письма революціоннаго содержанія. Но за Новиковымъ еще ранѣе устроенъ былъ строгій надзоръ. Книги, имъ изданныя, давались на просмотръ митрополиту Платону: Платонъ отозвался только, что мало въ нихъ понимаетъ. Московскій главнокомандующій, Прозоровскій, старый генералъ, ничего не смыслившій, кромѣ военной выправки, раздулъ дѣло

до цѣлаго заговора. Объ немъ Потемкинъ писалъ Екатеринѣ: «Ваше величество выдвинули старую пушку, которая будетъ стрѣлять въ вашу цѣль, только берегитесь, чтобы она не запятнала кровью вашего имени въ потомствѣ». Когда подозрѣнія накопились, Прозоровскій съ цѣлымъ отрядомъ войска захватилъ одинокаго Новикова въ его деревнѣ. Съ нимъ призваны къ допросу Лопухинъ, Трубецкой, Тургеневъ; но понесли сравнительно легкую кару. Новиковъ же въ 1792-мъ году заключенъ на 15 лѣтъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Онъ былъ освобожденъ при Павлѣ и умеръ въ 1818-мъ году.

ВРЕМЯ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I.

Не смотря на подозрительность и нетерпимость, какія Екатерина II выказала въ послѣдніе годы своего царствованія, она не измѣнила вполнѣ своего сочувствія къ писателямъ, которыми такъ увлекалась въ своей юности, и ея отношенія къ окружающимъ, ея ежедневныя привычки и самый образъ дѣйствій въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ жизни по прежнему носили печать свѣтскаго либерализма и гуманности. Образованное общество было нѣсколько встревожено преслѣдованіемъ масоновъ, которыхъ имя стало пугаломъ, какъ впослѣдствіи слово «вольтеріянецъ» (вспомнимъ названіе «фармазонъ», передѣланное изъ franc-macon, какимъ честили Евгенія Онѣгина); литература во многихъ отношеніяхъ была стѣснена; но мы не находимъ общихъ распоряженій, которыя совершенно уничтожали бы общественную, а тѣмъ болѣе частную свободу, допущенную въ прежнее время. Казалось, Екатерина не связывала съ именами Вольтера, Дидеро, тѣхъ революціонныхъ смутъ, какія начались во Франціи. Она приписывала ихъ буйству необразованной черни, которой не сочувствовалъ въ свое время и Вольтеръ и противъ которой съ энергіей возсталъ такой республиканецъ, какъ Лафайэтъ. Довольно того, что она приняла женевца Лагарпа въ воспитатели своего любимаго внука, Александра, увѣренная лишь въ его честности, и хотя, вслѣдствіе толковъ о его республиканскихъ убѣжденіяхъ, подъ конецъ принуждена была его уволить, но отпустила его съ большимъ почетомъ и назначила ему пансіонъ. Но если и признать, что ея умѣренный и гуманный способъ управленія нѣсколько измѣнился, то гораздо болѣе ослабленіе ея правительственнаго ума мы видимъ въ другихъ отношеніяхъ. Екатерина сначала не вмѣшивалась въ борьбу между Франціей и Германіей; но при новыхъ успѣхахъ французской революціи,

связанная союзомъ съ Австріей, она рѣшила выставить ей па помощь 60000 войска и назначила не задолго передъ смертью наборъ по 10 человѣкъ съ 1000. Это была большая ошибка: при тогдашнемъ, жалкомъ финансовомъ положеніи государства слѣдовало избѣгать войны до послѣдней крайности. Послѣ неурожаевъ, бывшихъ въ южной Россіи, послѣ тягостей послѣдней турецкой войны, веденной на выпущенныя вновь ассигнаціи, цѣнность бумажнаго рубля упала на половину. Въ первый разъ сдѣланъ былъ и внѣшній заемъ въ 44 милл. руб. Государственный доходъ въ царствованіе Екатерины, правда, увеличился съ 20 до 68 милліоновъ рублей, но на щетъ сильнаго увеличенія налоговъ. Въ послѣдніе годы много ослабла и административная дѣятельность государыни: усилились въ значительной степени безпорядки въ управленіи, лихоимство, всякаго рода неправда и хищеніе. Александръ, бывши великимъ княземъ, съ отчаяніемъ писалъ Кочубею о безпорядкахъ во всѣхъ частяхъ управленія и выражалъ мысль, что чувствуетъ себя безсильнымъ управлять государствомъ при такихъ обстоятельствахъ. Екатерина умерла 6-го ноября 1796 года скоропостижно, отъ удара. Вставъ утромъ 5-го числа совершенно бодрою, она вдругъ почувствовала себя дурно, лишилась языка и движенія, и не могла въ послѣднія минуты сдѣлать какихъ либо распоряженій. Полагаютъ, что у ней было завѣщаніе, по которому она, минуя сына, назначала наслѣдникомъ своего старшаго внука, Александра. Но Безбородко скрылъ это завѣщаніе, за что и пользовался потомъ особенной милостью Павла. Императрица лежала еще въ агоніи, какъ всѣ ее оставили, и Зубовъ въ числѣ первыхъ поскакалъ въ Гатчину къ Павлу Петровичу. Другіе растерялись, пришли въ уныніе и съ трепетомъ ожидали новаго царствованія, зная крутой характеръ наслѣдника престола.

Павелъ, воспитываясь подъ руководствомъ Никиты Панина, имѣлъ хорошихъ наставниковъ и, какъ видно изъ записокъ Порошина, высказывалъ нѣкоторую бойкость ума, добрые инстинкты великодушія, благодарности къ людямъ, которые о немъ заботились, хотя и отрокомъ уже отличался неустойчивостью характера, вспыльчивостью, преобладаніемъ чувства надъ разсудкомъ, при какомъ онъ мгновенно поддавался всякимъ вліяніямъ. Но и тогда строгой системы въ воспитаніи не было. Многому учили великаго князя, играя; за обѣдомъ посѣтители, не стѣсняясь, часто вели при немъ разговоры, какихъ въ присутствіи великаго князя заводить не слѣдовало бы. Такъ, напримѣръ, Сумароковъ высказывалъ свою личную непріязнь къ Ломоносову, и потомъ, читая стихи послѣдняго, великій князь говорилъ:

«Это изъ сочиненіевъ дурака Ломоносова.» Объявленный совершеннолѣтнимъ, великій князь жилъ въ нѣкоторомъ удаленіи отъ двора. Когда родился у него первый сынъ, Александръ, Екатерина обратила все вниманіе на воспитаніе своего внука, писала для него сказки, составила азбуку, съ нравоученіями, и по мѣрѣ того, какъ внукъ росъ, холодность ея къ сыну увеличивалась, хотя наружно она и была съ нимъ ласкова. На Екатерину прежде всего могло произвести дурное впечатлѣніе то, что пугачевцы воспользовались именемъ Павла Петровича для своихъ цѣлей. Это напомнило государынѣ, что, послѣ Петра III, Павелъ могъ бы быть прямымъ наслѣдникомъ, а она только правительницей. Было, конечно, не мало и придворныхъ интригъ, гдѣ сыну внушалось недовѣріе къ матери, лишившей престола его отца, и на оборотъ матери выставляли на видъ странные поступки сына, уже извѣстнаго своими причудами. Екатеринѣ, всегда разсудительной въ самой своей страстности, не могъ нравиться характеръ Павла, который легко увлекался воображеніемъ и способенъ былъ по нѣскольку разъ въ день мѣнять свои чувства и рѣшенія. По извѣстіямъ Держа́вина и другихъ, она не разъ дѣлала намеки о томъ, что затрудняется оставить ему престолъ. Съ своей стороны Павелъ все нетерпѣливѣе переносилъ свое удаленіе отъ дѣлъ и смотрѣлъ съ ненавистью на такихъ властныхъ вельможъ, какъ Потемкинъ. Сегюръ, видѣвшій его за 10 лѣтъ до смерти государыни, уже тогда нашелъ его мрачнымъ, ничѣмъ не довольнымъ: онъ задумывался надъ участью своего отца, трепеталъ напередъ, чтобы противъ него также не составился заговоръ, и все терялся въ мысляхъ, чѣмъ бы упрочить свою власть. Послѣ предъидущаго понятно, какъ встревожено было все петербургское общество внезапною смертью государыни. Но Павелъ самъ былъ не менѣе смущенъ этой неожиданностью. На первыхъ порахъ посыпались милости на тѣхъ, кого онъ считалъ своими доброжелателями. Щедро раздавались и деньги, и крестьяне. Живя великимъ княземъ въ Гатчинѣ, онъ любилъ толковать о тѣхъ злоупотребленіяхъ власти, какихъ было не мало въ послѣдніе годы царствованія Екатерины, составлялъ проэкты объ ихъ исправленіи, и теперь, вступивъ на престолъ, казалось хотѣлъ устроить новый, лучшій порядокъ. Рекрутскій наборъ, назначенный Екатериною, былъ отмѣненъ; рекруты возвращены въ свои дома; хлѣбъ забранный для войскъ изъ сельскихъ магазиновъ, приказано отдать обратно. Иностраннымъ державамъ объявлено, что Россія находится въ крайнемъ истощеніи и не можетъ принимать участія въ какихъ либо войнахъ. Это всѣхъ русскихъ обрадовало и успокоило. Царь усердно при-

нялся и за поправленіе финансовъ: до 6 милліоновъ бумажныхъ денегъ было сожжено въ его присутствіи и рѣшено не выпускать ихъ вновь. Издано нѣсколько законовъ о заселеніи пустыхъ земель, о поднятіи земледѣлія и скотоводства. Не забудемъ и такихъ дѣлъ Павла, какъ облегченіе участи Новикова и Радищева. Державинъ въ своей одѣ на вступленіе на престолъ новаго государя уже восхвалялъ его милости. Но скоро послѣдовали и распоряженія, въ которыхъ выразились и крайне измѣнчивый характеръ Павла, и крайняя его неувѣренность въ прочности своей власти.

Павелъ естественно обратилъ болѣе всего вниманія на войско. Ему казалось, что дисциплина въ войскахъ, особенно въ гвардіи, разстроена, хотя эти войска совершали много походовъ и одерживали блистательныя побѣды. Подобно отцу своему, поклонникъ Фридриха Великаго, онъ вновь обратился къ прусскому строю. Память отца, при самомъ своемъ воцареніи, онъ почтилъ тѣмъ, что велѣлъ взять гробъ его изъ Александро-Невской Лавры и поставить рядомъ съ гробомъ Екатерины. Совершены пышныя похороны, на которыхъ покойнаго царя и царицу отпѣвали вмѣстѣ, какъ бы устраивая ихъ загробное примиреніе. Послѣ того съ трудомъ найдены старые мундиры временъ Петра III-го и по ихъ образцу одѣто войско. Солдаты опять явились въ башмакахъ, съ напудренными буклями и косами. Но гвардію особенно огорчило то, что государь раздавалъ мѣста и оказывалъ предпочтеніе мало образованнымъ офицерамъ гатчинскихъ отрядовъ, которыми онъ командовалъ, бывши великимъ княземъ. Тогда до 300 офицеровъ гвардіи подали въ отставку. Сильно разгнѣванный царь приказалъ въ 24 часа выслать ихъ всѣхъ изъ Петербурга. Начались особыя строгости въ войскѣ. Офицерамъ запрещено носить шубы и ѣздить въ закрытыхъ экипажахъ, а дозволено ѣздить верхомъ, въ одноколкахъ, саняхъ, или на дрожкахъ. Всякій день происходилъ вахтпарадъ передъ дворцомъ, и Павелъ являлся на него, не смотря ни на какой холодъ, въ одномъ мундирѣ, въ огромныхъ ботфортахъ и въ большой треугольной шляпѣ. Заложивъ одну руку назадъ, онъ въ другой держалъ палочку и размахивалъ ею, отбивая въ тактъ: «разъ, два». Всѣ генералы и великіе князья также присутствовали тутъ въ однихъ мундирахъ. Въ добрую минуту Павелъ шутилъ, готовъ былъ кого угодно осыпать милостями, повысить чиномъ за одно понравившееся ему слово; въ дурную онъ не помнилъ себя отъ гнѣва: грозно раздавались его приказанія «въ солдаты, въ Сибирь, въ крѣпость.» Разсказываютъ, что дурное расположеніе на него находило особенно при южномъ вѣтрѣ, и великій

князь Александръ, назначенный военнымъ губернаторомъ Петербурга, вставши утромъ, постоянно смотрѣлъ на флюгеръ. Это обстоятельство, какъ полагаютъ, и дало происхожденіе пословицѣ: «откуда вѣтеръ подуетъ». Однажды, собираясь назначить общую тревогу войскамъ, государь по секрету сказалъ объ этомъ великому князю: Александръ, по добротѣ своей, предупредилъ объ этомъ генераловъ и офицеровъ, боясь, чтобы кто-нибудь не посрадалъ за малѣйшую оплошность. Всѣ не спали ночей, ожидая знака къ тревогѣ. Случилось, что на одной улицѣ неподалеку отъ дворца проѣзжалъ возъ съ бочками, и одна бочка съ грохотомъ упала на мостовую. Сонному офицеру, бывшему тутъ на караулѣ, показалось, что бьютъ въ барабанъ, и онъ приказалъ бить тревогу. Мгновенно по всему городу загремѣли барабаны, и войска бросились ко дворцу за знаменами. Можно себѣ представить отчаяніе великаго князя, и какихъ трудовъ стоили ему успокоить и смягчить государя, пришедшаго въ крайнее волненіе. Павелъ по своему цѣнилъ дисциплину. Разсказываютъ, что въ западныхъ губерніяхъ одинъ ротмистръ заигрался въ карты у помѣщика. Въ это время вахмистръ доноситъ ему, что не достаетъ лошадямъ сѣна: и есть-де сѣно у одного жида, да проситъ дорого... что тутъ дѣлать съ жидомъ?—«Повѣсить» сказалъ машинально ротмистръ. Каковъ же былъ его ужасъ, когда приказаніе въ точности исполнено, и жидъ дѣйствительно былъ повѣшенъ! Донесли государю и послѣдовали одинъ за другимъ два указа: «Такого-то ротмистрта за глупыя приказанія разжаловать въ рядовые»—и вслѣдъ затѣмъ: «Такому-то рядовому возвратить его прежній чинъ и кромѣ того повысить его въ маіоры за то, что онъ умѣлъ ввести такую дисциплину, что и глупыя его приказанія исполняются». Быстрыя повышенія и пониженія случались безпрестанно, какъ, напримѣръ, съ генералъ-прокуроромъ Самойловымъ, который сначала ни зачто былъ одаренъ деревнями, а потомъ безъ причины посаженъ въ крѣпость. Павлу на каждомъ шагу представлялось, что люди распущены, что не довольно чувствуютъ его власть. Вступивъ 42 лѣтъ на престолъ, онъ торопился все исправить, давалъ одно за другимъ множество распоряженій, иногда противорѣчивыхъ, потому что самъ забывалъ, о чемъ приказывалъ подъ однимъ впечатлѣніемъ, которое быстро замѣнялось другимъ. Такимъ образомъ случалось, что онъ приходилъ въ сильный гнѣвъ отъ того, что дѣлалось по его же распоряженію. Мы замѣтили, что царствованіе Екатерины отличалось извѣстнымъ постоянствомъ политики: въ продолженіи 34-хъ лѣтъ люди привыкли къ извѣстному порядку, знали, чего держаться, и были спокойны за свою участь. Теперь все круто повер-

нулось и при дворѣ, и въ обществѣ. Прежній блескъ двора, свѣтскій лоскъ, оживленность, остроуміе, непринужденныя бесѣды замѣнились мрачной тишиною, строгимъ военнымъ порядкомъ, искуственной веселостью на балахъ, гдѣ запрещали танцевать вальсъ, потому что однажды государь поскользнулся въ этомъ танцѣ. Дисциплину, какую Павелъ вводилъ въ войскахъ, онъ хотѣлъ распространить и на все общество. Такъ запрещены всѣ безъ исключенія карточныя игры; приказано въ праздничные дни ничего не продавать, кромѣ съѣстныхъ припасовъ. Никто не смѣлъ носить фраковъ и круглыхъ шляпъ, какія тогда появились, а велѣно служащимъ носить треуголки, а неслужащимъ обыкновенныя круглыя шапки. Предписано, чтобы за экипажами не было слугъ въ гусарскомъ, или какомъ другомъ платьѣ, кромѣ назначенной ливреи; не носить жилетовъ, а надѣвать обыкновенный нѣмецкій камзолъ; не имѣть башмаковъ съ лентами, а съ пряжками; не имѣть короткихъ сапоговъ, стягиваемыхъ впереди снурками и съ отворотами: не увертывать шею безмѣрно платками, а повязывать галстухъ приличнымъ образомъ, безъ излишней толстоты, и т. д. При встрѣчѣ съ государемъ, ѣхавшіе въ экипажахъ должны были останавливаться, выходить и дѣлать поклонъ, стоя на улицѣ; даже дамы спускались на подножки, чтобы сдѣлать книксенъ. До какой степени Павелъ былъ внимателенъ ко всякой мелочи, показываетъ слѣдующій случай. Однажды лѣтомъ, въ полдень, проѣзжая по улицѣ, онъ въ открытое окно услышалъ звонокъ и громкій крикъ «Парашка! Парашка!» Онъ тотчасъ велѣлъ остановиться и послалъ спросить, кто и отчего кричитъ. На встрѣчу посланному вышла старушка и объяснила, что она звала служанку, желая ей приказать, чтобы поскорѣе подавала обѣдать: «а если государю угодно, добавила она въ испугѣ, то я и совсѣмъ не буду обѣдать». Большинство, конечно, не понимало этихъ предписаній, этого измѣненія обычаевъ, къ которымъ всѣ давно привыкли. Но Павелъ тутъ имѣлъ свою цѣль: онъ хотѣлъ вырвать съ корнемъ вошедшія къ намъ французскія моды и привычки, представляя себѣ въ нихъ зачатки революціоннаго духа, господствовавшаго тогда во Франціи. Такъ онъ приказалъ выслать всѣхъ французовъ, жившихъ по старымъ видамъ, а принимать лишь тѣхъ, которые получали виды отъ короля или отъ принца Конде. Запрещено также отправлять молодыхъ людей на воспитаніе за границу, выписывать иностранные книги и журналы. Значительная доля строгостей пала и на литературу: закрыты всѣ частныя типографіи и учреждена суровая цензура. Издавались предписанія, касавшіяся даже слога сочиненій. Такъ вмѣсто слова «обо-

зрѣніе» предписано употреблять слово «осмотрѣніе», вмѣсто «врачъ» — «лекарь», вмѣсто «стража» — «караулъ», вмѣсто «отечество» — «государство», вмѣсто «граждане» — «жители, обыватели». Приказано отнюдь не употреблять слова «общество».

Въ 1798-мъ г. Державинъ написалъ оду на рожденіе великаго князя, Михаила Павловича. Въ ней, представляя, что самъ архистратигъ Михаилъ печется о царскомъ домѣ и даетъ совѣты новорожденному, онъ говоритъ:

„Отца и матери въ подобьи
Бесѣдуетъ онъ часто съ нимъ;
Ищи, твердитъ ему, въ незлобьи
Ты образца дѣламъ своимъ:
Престола хищнику, тирану
Прилично устрашать рабовъ;
Но Богомъ на престолъ воззванну
Любить ихъ должно, какъ сыновъ.“

Чуть окружающіе узнали, что въ одѣ Державина есть такіе стихи, какъ уже рѣшили, что ему быть въ ссылкѣ въ Сибири, и пріятели спасались отъ него, какъ отъ чумы, боясь за знакомство съ нимъ той же участи; но сверхъ ожиданія стихи государю очень понравились, и Державинъ получилъ за нихъ золотую табатерку, осыпанную брилльянтами. Державинъ, конечно, ничего не выражалъ въ одѣ, кромѣ глубочайшей преданности; но мы встрѣчаемъ и другіе случаи, когда Павелъ миловалъ и даже награждалъ за смѣлые отвѣты, за рѣзкій отпоръ его гнѣву. Какъ многіе слишкомъ впечатлительные люди, онъ терялся, когда гнѣвъ его не дѣйствовалъ. Но въ его характерѣ было много и прямоты; онъ имѣлъ свое рыцарское понятіе о правдѣ и горячо преслѣдовалъ всякаго за обманъ, за лихоимство. Къ сожалѣнію, его приближенные: Кутайсовъ, Безбородко, Куракинъ, Лопухинъ и другіе думали больше о своей выгодѣ, чѣмъ объ общей пользѣ, радѣли только своимъ клевретамъ и всячески скрывали отъ него правду. Особенно въ управленіи дворцовыми имѣніями было допущено много злоупотребленій; роздано до 300000 крестьянъ большею частію людямъ безъ всякихъ заслугъ. При Павлѣ возвысились также Растопчинъ и Аракчеевъ, извѣстные впослѣдствіи своей хвастливою грубостью и жестокостью. Государь самъ хотѣлъ всѣмъ до мелочей распоряжаться. Когда одинъ знатный иностранецъ не явился на дворцовый балъ, отговариваясь тѣмъ, что долженъ былъ посѣтить значительное лице, то Павелъ сказалъ ему: «Знайте, что нѣтъ другаго значительнаго лица, кромѣ того, съ кѣмъ я говорю и пока я

говорю». Видя его вспыльчивость и слишкомъ скорые, рѣшительные приговоры, никто не смѣлъ, и защищая правое дѣло, что-нибудь предпринять безъ инструкціи, безъ доклада, а рѣшеніе зависѣло отъ того, какъ предоставятъ дѣло любимцы. Но случалось, что и любимцы находились въ затрудненіи, какъ представить, и подносили государю для его выбора отдѣльныя, противуположныя мнѣнія. Торопясь, онъ подъ каждымъ подписывалъ: «быть по сему», и тогда всѣ находились въ величайшемъ затрудненіи, не смѣя разъяснить и ошибку. Такимъ образомъ отъ самой поспѣшности дѣла останавливались, запутывались, и дѣло скоро рѣшалось лишь тамъ, гдѣ замѣшанъ былъ личный интересъ Кутайсова и ему подобныхъ. Однако, когда уже нельзя было скрыть злоупотребленія, государь быстро каралъ виновнаго, и безъ всякаго суда ссылая на каторгу. Не смотря на заботы Павла о поправленіи финансовъ, недоимки отовсюду накоплялись, никакихъ правильныхъ счетовъ прихода и расхода нельзя было добиться, казна страшно истощалась, и курсъ все падалъ. Однако это время ознаменовалось и многими замѣчательными узаконеніями. Сюда, во первыхъ, относится законъ о престолонаслѣдіи, гдѣ установленъ строгій порядокъ наслѣдованія престола по нисходящей линіи. На этотъ вопросъ, обдуманный имъ уже давно, Павелъ обратилъ особенное вниманіе. Другіе законы направлены были противъ дворянства. Гдѣ было возможно, Павелъ стремился уничтожить или измѣнить все, что создано было въ вѣкъ Екатерины. Такъ сокращено число губерній, и уничтожена Екатеринославская губернія, самымъ своимъ именемъ напоминавшая о вѣкѣ Екатерины. Отмѣнены губернскія дворянскія собранія и оставлены только уѣздныя. Дворяне, какъ и среднее сословіе, стали вновь подвергаться тѣлесному наказанію. Съ другой стороны улучшилось положеніе бѣлаго духовенства. Въ началѣ Павлова царствованія, народъ, въ которомъ издавна ходили слухи о нерасположеніи государя къ дворянамъ, опять сталъ возставать противъ помѣщиковъ. Эти возстанія усмирены силою; но вслѣдъ за тѣмъ Павелъ издалъ указы, чтобы помѣщики не заставляли крестьянъ работать въ праздничные дни, и барщина ограничена тремя днями въ недѣлю, а въ Малороссіи и совсѣмъ было запрещено продавать крестьянъ безъ земли. Вообще Павелъ былъ очень внимателенъ къ нуждамъ народа: имѣнія помѣщиковъ, которые не кормили своихъ крестьянъ во время голода, онъ приказывалъ безъ всякихъ разсужденій брать въ опеку. Къ сожалѣнію, ничѣмъ не было обезпечено, чтобы подобныя предписанія строго выполнялись. Крестьянамъ по прежнему не было возможности жаловаться на господъ; помѣщики лишь шутили, что они такимъ образомъ распре-

дѣлятъ половину недѣли, назначенную въ пользу крестьянъ: днемъ заставятъ работать на себя, а всѣ ночи предоставятъ крестьянамъ.

Изъ внѣшнихъ дѣлъ въ царствованіе Павла было характерно участіе, принятое государемъ въ судьбахъ мальтійскаго ордена. Рыцарскій орденъ Іоанна Крестителя (Chevaliers hospitaliers de St. Jean de Jerusalem), какъ извѣстно, устроенъ былъ въ 1048 году, послѣ открытія въ Іерусалимѣ госпиталя для пилигримовъ. Назначеніемъ этого католическаго ордена было защищать пилигримовъ и бороться съ турками. Послѣ взятія Іерусалима, орденъ удалился на Кипръ, а потомъ на Родосъ. Когда и отсюда рыцари были вытѣснены турками, Карлъ V далъ имъ, въ 1530-мъ году, во владѣніе Мальту, и съ тѣхъ поръ они стали извѣстны подъ именемъ мальтійскихъ рыцарей. Въ свое время орденъ прославился воинскими подвигами многихъ изъ своихъ членовъ; морское искусство, морскія похожденія рыцарей также пріобрѣли имъ значительную славу. Но къ половинѣ XVIII-го вѣка это было уже не болѣе, какъ дворянско-іезуитское учрежденіе. Подъ вліяніемъ іезуитовъ, въ рыцари стали записываться дворяне-католики во всѣхъ странахъ Европы, и орденъ всюду пріобрѣлъ громадныя земли. Онъ заключалъ въ себѣ 8 языковъ, или націй. Въ каждой различались по степенямъ достоинства: простые кавалеры, коммандоры и кавалеры большаго креста. Собраніе каждой отдѣльной націи составляло *пріорство*, а представители отъ всѣхъ націй—*капитулъ*, который и завѣдывалъ дѣлами ордена вмѣстѣ съ великимъ магистромъ, или *гроссмейстеромъ*. Принадлежать къ ордену считалось большимъ почетомъ, потому что въ него записывались самые знатные и богатые дворянскіе роды. Первыя сношенія съ орденомъ у насъ начались еще при Петрѣ Великомъ. Государь послалъ въ Мальту нѣсколько дворянъ для обученія военному и особенно морскому дѣлу. Такъ у рыцарей учился Шереметьевъ; послѣ ученія, онъ получилъ большой крестъ мальтійскаго ордена. При Екатеринѣ II эти сношенія усилились, чему содѣйствовало слѣдующее обстоятельство. Князь Острожскій еще въ XVII-мъ вѣкѣ завѣщалъ ордену имѣніе на Волыни. Это завѣщаніе не было приведено въ исполненіе; но при Екатеринѣ II орденъ возобновилъ свои хлопоты и, чрезъ содѣйствіе государыни, успѣлъ получить отъ поляковъ Острожское имѣніе. Такъ образовалось польское пріорство съ шестью коммандорами. Но Волынь отошла къ Россіи, и вотъ, при Павлѣ, вмѣсто польскаго возникаетъ *русско-католическое пріорство*. Павелъ, еще 10 лѣтъ, неизвѣстно подъ чьимъ вліяніемъ, воображалъ себя въ играхъ мальтійскимъ рыцаремъ. Эти впечатлѣнія крѣпко запали

въ мечтательную душу великаго князя. Вступивъ на престолъ, онъ сталъ покровителемъ ордена. Между тѣмъ дѣла рыцарей шли плохо. Французы, по мѣрѣ того, какъ завоевывали въ Европѣ разныя страны, захватывали ихъ имѣнія. Кавалеры спасались, куда могли; соединялись съ другими эмигрантами изъ дворянъ и, естественно, всюду искали себѣ помощи. Между ними большою ловкостью и богатствомъ отличался миланскій графъ Литта, бывшій въ русской службѣ. Еще болѣе обогатился онъ, женившись на Скавронской, одной изъ племянницъ Потемкина. Зная о его вліяніи при русскомъ дворѣ, орденъ назначилъ его сначала своимъ уполномоченнымъ, а потомъ и чрезвычайнымъ посломъ въ Петербургъ. Чрезъ его происки, и устроено было русско-католическое пріорство, а потомъ онъ убѣдилъ Павла сдѣлаться и протекторомъ ордена. Кавалерами ордена стали Салтыковъ, Куракинъ, Ростопчинъ, Безбородко, Державинъ (за его оду на мальтійскій орденъ) и многіе другіе. Но Мальта взята была Наполеономъ, и рыцари основали новое отечество въ Россіи, убѣдивши Павла уже быть ихъ гроссмейстеромъ. По этому случаю происходило большое торжество въ Зимнемъ дворцѣ. Всѣ кавалеры, какъ изъ русскихъ вельможъ, такъ и иностранцы, присутствовали въ мантіяхъ и въ шляпахъ съ перьями. Государь сидѣлъ на тронѣ въ черной бархатной мантіи, подбитой горностаемъ, въ коронѣ гроссмейстера; члены синода и сената стояли на ступеняхъ трона. Собраніе было самое блистательное; на улицахъ выстроены были ряды войска. Уполномоченные отъ ордена поднесли Павлу корону, печать и жезлъ правленія. Онъ былъ такъ тронутъ, что заплакалъ; вынувъ мечь, онъ имъ крестообразно осѣнилъ себя, какъ-бы давая присягу въ вѣрности. Тогда и всѣ кавалеры, обнаживъ мечи, преклонили ихъ предъ трономъ. Послѣ того устроенъ дворъ великаго магистра; для его свиты назначено 189 человѣкъ гвардіи: они носили знамя, шапки, кирасы— все со знаками ордена, съ бѣлымъ крестомъ на черномъ полѣ. Назначены даже два исторіографа ордена съ жалованьемъ по 500 руб. каждому. Тогда знатные лица одинъ за другимъ спѣшили записываться въ рыцари; самъ Павелъ поощрялъ дворянъ поступать въ орденъ. Еще ранѣе онъ посвятилъ въ рыцари великаго князя, Александра Павловича; по обычаю, онъ далъ ему три рыцарскихъ удара мечемъ по плечу, вручилъ ему шпагу и поцаловалъ его. Александръ долженъ былъ стать во главѣ грекороссійскаго пріорства.

Такимъ образомъ, по странному стеченію обстоятельствъ, государь, уничтожавшій привилегіи дворянъ въ Россіи, становится ихъ ревностнымъ защитникомъ въ Европѣ, какъ глава средневѣковаго

рыцарскаго и притомъ римско-католическаго ордена. Кавалеры католики, ища лишь матеріальной поддержки, конечно, не смущались тѣмъ, что ихъ гроссмейстеромъ будетъ царь, извѣстный своею ревностью къ православію, строгій исполнитель всѣхъ обрядовъ грекороссійской церкви. Эта поддержка не замедлила явиться еще въ 1797-мъ году, когда Павелъ былъ протекторомъ ордена. Въ Мальту, въ случаѣ ея отнятія у французовъ, назначенъ былъ коммендантъ съ 3000 русскаго гарнизона. Вслѣдъ за тѣмъ послѣдовалъ новый союзъ съ папою и съ австрійцами противъ французовъ. Осенью 1798-го года, русскій флотъ въ соединеніи съ турецкимъ прогналъ французовъ съ острововъ архипелага. По странной игрѣ случая, рыцари, которыхъ назначеніе было бороться съ турками, теперь напротивъ въ пользу турокъ и въ союзѣ съ ними сражались противъ католической державы. Увлеченный окружающими его людьми, Павелъ отступилъ отъ прежняго намѣренія не вмѣшиваться въ войну, разгоравшуюся въ Европѣ. Въ этомъ много могъ содѣйствовать и Растопчинъ, ставшій вдругъ изъ камергера министромъ иностранныхъ дѣлъ. Австрійцы, у которыхъ Бонапартъ уже отнялъ Италію, просили о помощи и требовали именно, чтобы къ нимъ присланъ былъ Суворовъ. Суворовъ въ это время жилъ въ отставкѣ въ своей новгородской деревнѣ. Онъ впалъ въ немилость, какъ говорятъ, за рѣзкіе отзывы о нововведеніяхъ въ войскѣ. Привыкнувъ устраивать полки по своему, онъ не легко подчинялся казенной выправкѣ и толковалъ: «Пукли не пушки, коса не тесакъ, а я не прусакъ; я фельдмаршалъ въ полѣ, а не при паролѣ». Но отставка его мотивирована тѣмъ, что онъ употреблялъ офицеровъ въ курьерскія должности и своей властью увольнялъ ихъ въ отпускъ. Въ 1798-мъ году онъ вызванъ въ Петербургъ. Явившись къ Павлу, онъ преклонилъ колѣна и сказалъ: «Господи, спаси царя».—«Ты иди спасать царей», отвѣчалъ ему Павелъ. Въ началѣ 1799 года, онъ уже уѣхалъ въ Италію, куда отправлено было русское войско на помощь австрійцамъ. Здѣсь онъ одержалъ надъ французами нѣсколько знаменитыхъ побѣдъ и вступилъ въ Миланъ, овладѣвъ почти всей сѣверной Италіей. Но всѣ эти побѣды, вся эта пролитая русскими кровь не принесли никому никакой пользы, потому что, по распоряженію вѣнскаго военнаго совѣта, Суворовъ долженъ былъ бросить свои завоеванія. Онъ нѣсколько времени упорствовалъ. Но эрцгерцогъ Карлъ вышелъ изъ Швейцаріи, оставивъ русскій отрядъ Римскаго-Корсакова на жертву французамъ. Корсаковъ былъ разбитъ Массеной, и Суворовъ поспѣшилъ отступить, чтобы не быть отрѣзану французами отъ всякихъ сообщеній съ Рос-

сіей. Ему предстоялъ трудный переходъ черезъ Альпійскія горы. Напрасно ожидалъ онъ провіанту и помощи отъ австрійцевъ. Не получивъ ничего, онъ осенью двинулся на Сен-Готардъ почти непроходимыми тропинками. Солдаты терпѣли ужасныя лишенія; голодные, босые, они въ густыхъ облакахъ карабкались на гору почти ощупью. Но не слышно было ни ропота, ни жалобъ. Проводники разбѣжались, между тѣмъ путь чѣмъ далѣе, тѣмъ становился труднѣе. Вьюга залѣпляла глаза, заметала всѣ слѣды; раскаты грома далеко раздавались въ горахъ; шумно катились камни, сорванные бурею. Такъ по узкой тропинкѣ для вьюковъ шли солдаты мимо страшныхъ пропастей, сквозь туманъ и дождь, оглушаемые ревомъ водопадовъ и столь ужаснымъ въ горахъ грохотомъ грома, спускались въ ложбины, пересѣкаемыя пѣнистыми потоками, и снова подымались на гору, рискуя погибнуть при каждомъ невѣрномъ шагѣ. Всѣ, не исключая генераловъ, терпѣли нужду и промокли до костей. Сенъ-Готардъ подымается до 10,000 футовъ высоты, но перевалъ находился на высотѣ 6,440 футовъ. Тутъ, недалеко отъ деревни Урзернъ, тропинка пролегала по правому берегу Рейссы и была загорожена утесами. Приходилось пробираться сквозь темную щель въ скалахъ, потомъ огибать утесъ по узкому карнизу и круто спускаться на Чортовъ мостъ, который составлялъ арку изъ сблизившихся между собою утесовъ, на высотѣ 11 саженъ надъ шумнымъ водопадомъ. Русское войско одолѣло всѣ эти трудности и вступило въ Швейцарію, прочистивъ себѣ дорогу черезъ непріятельскіе отряды. Суворовъ скоро вернулся въ Россію, потому что Павелъ, разгнѣванный на австрійцевъ, отозвалъ назадъ русскія войска и даже заключилъ союзъ съ Бонапартомъ. Итальянскій походъ Суворова былъ самымъ блистательнымъ военнымъ дѣломъ этого полководца; но можно также сказать, что рѣдко какая война, въ виду одержанныхъ нами побѣдъ, осталась для насъ столь безплодною. Суворовъ скоро вслѣдъ за тѣмъ умеръ (6-го мая 1800 года), снова впавши въ немилость у Павла. Между тѣмъ англичане, также воюя съ французами, захватили островъ Мальту и не думали отдавать ее никакимъ рыцарямъ, а укрѣпили для себя, устроивъ на ней станцію для своихъ кораблей на Средиземномъ морѣ. Тогда Павелъ объявилъ войну англичанамъ и велѣлъ наложить запрещеніе на всѣ находившіеся въ Россіи ихъ купеческіе корабли и капиталы. Но во время приготовленій къ этой войнѣ онъ внезапно скончался въ ночь на 12-е марта 1801 года. При всеобщемъ ликованіи народа, вступилъ на престолъ Александръ I. Это ликованіе прежде всего выразилось тѣмъ, что всѣ появились на ули-

цахъ Петербурга въ запрещенныхъ прежде костюмахъ: въ круглыхъ шляпахъ, въ трехцвѣтныхъ галстухахъ, въ самыхъ затѣйливыхъ французскихъ прическахъ, и проч. Первые годы царствованія Александра I служили продолженіемъ лучшихъ дней въ правленіи Екатерины II; но характеръ вѣка уже измѣнился.

Мы знаемъ, что до реформы Петра у насъ существовало, собственно говоря, два преобладающихъ сословія: служилое и податное. Служилое несло государственную службу на военномъ и гражданскомъ поприщѣ; податное доставляло средства для его содержанія и чрезъ это самое впало въ крѣпостную отъ него зависимость, такъ какъ правительство, по бѣдности казны, платило за службу помѣстьями. Съ реформой Петра, требованія службы стали гораздо многосложнѣе и разнообразнѣе, а съ ними выступило на первый планъ и главное требованіе — образованіе, наука. Наука, тѣсно связанная со службою, естественно должна была обратиться исключительно въ пользу людей служащихъ. Такимъ образомъ, съ распространеніемъ образованія, дворянство должно было пріобрѣтать все новыя привилегіи, а классъ податной напротивъ терялъ всякую самостоятельность. Но, съ расширеніемъ круга общественной дѣятельности, къ службѣ уже призывались всѣ способные люди. Петръ I своею лѣстницею чиновъ съ одной стороны создалъ замкнутый міръ чиновничьей бюрократіи, а съ другой открылъ доступъ къ дворянству и людямъ податнаго сословія. Изъ податнаго сословія, во-первыхъ, набирались солдаты, изъ которыхъ, хотя и немногіе, могли дослужиться до офицерскаго чина. Во-вторыхъ, грамотные люди изъ духовнаго званія, разжившіеся мѣщане, купцы, фабриканты достигали порою отличій, которыя давали возможность, если не имъ, то сыновьямъ ихъ перейти въ привилегированное сословіе. Такъ возвышались нѣкоторые и изъ крестьянъ, чему примѣромъ служитъ Демидовъ. Мы не говоримъ уже о случайныхъ возвышеніяхъ, какъ, напримѣръ, всего рода Разумовскихъ, или гвардейскихъ солдатъ, способствовавшихъ восшествію на престолъ Елизаветы. Всего труднѣе было пробиться въ люди крѣпостному; но и тутъ самое его званіе крѣпостнаго иногда помогало этому, если онъ умѣлъ снискать особое расположеніе своего властнаго барина. Мы этимъ не хотимъ сказать, чтобы податное сословіе пріобрѣло какія нибудь права; но дѣло въ томъ, что кругъ дворянъ все расширялся, наполняясь новыми людьми, а вмѣстѣ съ этимъ расширялось и право на образованіе, дававшее всѣ льготы. При Екатеринѣ II наука становится общеобразовательной, школа все болѣе доступной людямъ всякихъ сословій; начинаются толки о томъ, что

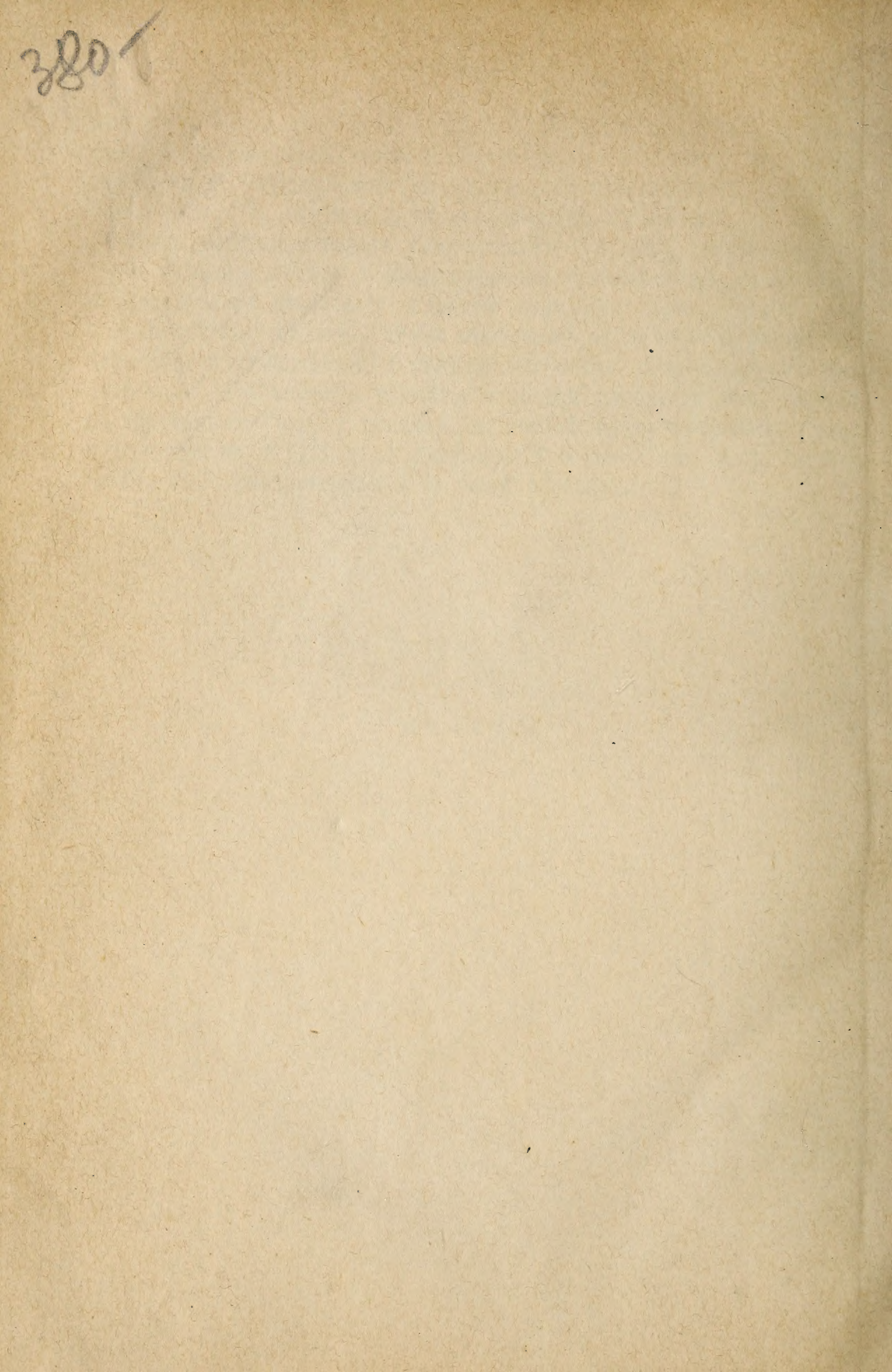
не чинъ, не внѣшнія отличія составляютъ достоинство человѣка, а добрый нравъ и польза, приносимая имъ обществу.

„Оселъ останется осломъ,
Хотя осыпь его звѣздами;
Гдѣ нужно дѣйствовать умомъ,
Онъ только хлопаетъ ушами“.

Такое заявленіе для вѣка, столь страстнаго къ отличіямъ, уже очень знаменательно. Дѣйствительно, привилегіи дворянства достигли теперь полнаго развитія уже вслѣдствіе того, что въ немъ значительно поднялся уровень образованія, и дворяне стали считаться, такъ сказать, единственной опорой государства. Но въ самомъ этомъ образованномъ дворянствѣ являются новые взгляды, новый поворотъ идей, вслѣдствіе наплыва новыхъ ученій съ запада, которыхъ значительное распространеніе и возможно было только потому, что кругъ дворянскаго сословія все расширялся новыми людьми. Не даромъ такіе родовитые дворяне, какъ Щербатовъ, плакались, что легкій доступъ къ дворянству поведетъ къ упадку этого сословія. И въ самомъ дѣлѣ уже въ вѣкъ Екатерины II стали раздаваться голоса противъ крѣпостнаго права, хотя большинство дворянъ, конечно, за него стояло. Новыя гуманныя ученія должны были привести къ уничтоженію всякихъ привилегій. Напрасно открещивались отъ нихъ, какъ отъ заразы вѣка. Разъ проникнувъ въ умы, онѣ должны были дѣйствовать постоянно и неизбѣжно, подобно роковому закону тяготѣнія. Развѣ предположить, что развитіе общества совсѣмъ остановилось бы; но это врядъ-ли было бы исполнимо, еслибы даже отдѣлить насъ отъ Европы всѣми азіатскими степями. И вотъ, первый шагъ къ уничтоженію привилегій уже сдѣланъ при Павлѣ. Государь, посвятившій всего себя на борьбу съ либеральными ученіями, въ извѣстномъ отношеніи больше дѣлаетъ въ духѣ этихъ ученій, чѣмъ Екатерина II, горячая ихъ поклонница. Такова обыкновенная иронія исторіи. Дальнѣйшій историческій путь шагъ за шагомъ, хотя и съ многими уклоненіями, велъ насъ къ тому же ограниченію привилегій и уравненію сословныхъ правъ, пока въ царствованіе Александра II всѣ перегородки между сословіями не были разрушены. Удивлялись быстротѣ реформъ этого царствованія; но если взять во вниманіе, что необходимость большей части этихъ реформъ уже была ясно сознана лучшими умами въ вѣкъ Александра I, то нельзя назвать незначительными около 50 лѣтъ времени, въ продолженіи которыхъ образованное общество ждало ихъ. Въ вѣкъ Екатерины II въ пер-

вый разъ возникла и идея о народѣ. Но этотъ народъ, въ его сантиментальной окраскѣ, игралъ нѣкоторую роль только въ литературѣ; въ дѣйствительности онъ имѣлъ значенія не болѣе, какъ рабочая сила. Съ уничтоженіемъ же старыхъ привилегій, и народъ долженъ выступить передъ нами лицомъ къ лицу, какъ сословіе, тоже имѣющее право на самостоятельное существованіе, и задачею новаго времени становится поднятіе народной жизни. Много еще однако остается сдѣлать, чтобы *отыскать* этотъ народъ, расчистивъ остатки той чиновничьей и помѣщичьей стѣны, которая его отъ насъ заслоняла. Что касается поднятія народной жизни, то оно, рядомъ съ дарованными народу правами, не можетъ иначе совершиться, какъ и поднятіе въ XVIII вѣкѣ дворянскаго сословія, то есть, путемъ наибольшаго распространенія въ немъ образованія.

КОНЕЦЪ.


3801